R 238
39
T.3

К-480.
238
39

СОЧИНЕНІЯ

К. С. АКСАКОВА.

ТОМЪ III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КОНСТАНТИНА СЕРГѢЕВИЧА

АКСАКОВА.

ТОМЪ III.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1880.

К. С. АКСАКОВА

СОЧИНЕНІЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ.

ЧАСТЬ II.

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1880.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предисловіи ко II тому было уже объяснено, почему въ появленіи въ свѣтъ „Опыта Русской Грамматики“ произошло такое долгое замедленіе. Самъ Константинъ Сергѣевичъ успѣлъ издать при своей жизни только первый ея выпускъ (въ настоящемъ томѣ перепечатанный); второй выпускъ, заканчивающій весь отдѣлъ имени существительнаго, былъ имъ также приготовленъ къ печати и даже начатъ печатаніемъ, однако же былъ приготовленъ еще не вполнѣ, особенно та его часть, которая посвящена сравнительнымъ изслѣдованіямъ и на поляхъ которой находятся частыя замѣтки автора: о необходимости новыхъ справокъ и новой провѣрки. Болѣзнь помѣшала Константину Сергѣевичу не только докончить изданіе, но и исправить, какъ онъ того желалъ, текстъ втораго выпуска. Эту трудную работу, которую, послѣ его кончины, могъ исполнить только филологъ-спеціалистъ, принялъ на себя, изъ уваженія къ памяти автора, близко знакомый съ его филологическими воззрѣніями, Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ. Подъ его редакціей изданъ такимъ образомъ весь отдѣлъ имени существительнаго и снабженъ учеными примѣчаніями. Читатели найдутъ вслѣдъ за симъ статью самого П. А. Безсонова подъ заглавіемъ „Отъ редактора“, содержащую въ себѣ критическую оцѣнку К. С. Аксакова, какъ филолога.

По отпечатаніи уже г. Безсоновымъ упомянутаго отдѣла, мы рѣшились присоединить *) остальные отдѣлы той же части

*) Этимъ и объясняется новый счетъ листовъ и страницъ.

грамматики, сохранившіеся въ рукописи въ первоначальной, не предназначавшейся еще для печати редакціи. Константинъ Сергѣевичъ дѣлилъ грамматику на три части: 1 часть—Имя (предметъ), въ общемъ своемъ значеніи; 2 часть—Глаголъ (дѣйствіе); 3 часть—Рѣчь или Синтаксисъ. Первая же часть, Имя, заключаетъ въ себѣ въ частности: первый отдѣлъ — имя существительное,—который и является здѣсь въ видѣ довольно разработанномъ, и отпечатанъ подъ редакціей г. Безсонова; второй отдѣлъ Имени: прилагательныя всѣхъ категорій, и третій: предлогъ (нарѣчіе отнесено къ глаголу). Эти послѣдніе два отдѣла, хотя и не вполнѣ обработанные, присоединяются здѣсь для того, чтобъ дать читателямъ полный очеркъ или конспектъ всей 1-й части грамматики, какъ она представлялась уму автора. Его взглядъ на 2-ю часть или на глаголы раскрывается отчасти изъ его статьи о глаголахъ и изъ другихъ статей, помѣщенныхъ во II томѣ.

Въ слѣдующихъ томахъ будутъ напечатаны статьи К. С—ча по разнымъ, современнымъ ему, общественнымъ вопросамъ, вообще статьи, выражающія его дѣятельность какъ публициста, его стихотворенія, драматическія произведенія и письма.

И. Аксаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Редактора (П. А. Безсонова)..... I—XXXVI

Предисловіе въ 1 выпуску Оп. Р. Гр. К. С. Аксакова..... I—VIII

Примѣчаніе къ 1 выпуску, его же..... I—II

Введеніе въ Грамматику..... 1

Раздѣленіе..... 18

Часть I Имя (первый выпускъ изданный при жизни автора)... 38 — 169

— Имя (второй выпускъ подъ редакціей П. А. Безсонова). 169

Языки Индоевропейскіе 170

Языки Славянскіе ..... 380 — 470

Прибавленіе, П. А. Безсонова.. ..... 1 — 56

Конспектъ послѣднихъ двухъ отдѣловъ первой части Русской Грамматики:..... 1

Прилагательное ..... 4 — 127

Предлогъ..... 128 — 151

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Принявши на себя трудъ отпечатать Граматику покойнаго Константина Сергѣевича Аксакова, въ ея законченномъ отдѣлѣ объ Имени, мы вовсе не думали ограничиваться одною *корректурой*. Корректура могла бы обойтись и безъ насъ, если бы въ ней состояла вся задача печатанія.

Обратившись къ труду, весьма значительному и по цѣли, и по объему, сочинитель, раньше еще второй половины, началъ уже спѣшить, чтобы успѣть докончить; онъ многое не досказывалъ, не дописывалъ, успѣвалъ лишь намѣчать и набрасывать. Передъ самымъ уже концомъ, онъ увидалъ необходимость ввести въ сравненіе съ Русскимъ языкомъ живыя Славянскія нарѣчія и сдѣлалъ изъ нихъ дополненіе: но это возвращало порою снова къ Русскому языку и отчасти видоизмѣняло выводы; вмѣсто того, чтобы завершить Русскимъ языкомъ, показавши путь, которымъ „ручьи сливались въ одномъ морѣ," выходило на оборотъ,—море расплывалось ручьями. Еще не довольно было издано произведеній живаго, устнаго, народнаго, творческаго Славянскаго слова: первыя руководства давали сухой, не всегда безошибочный и чаще сбивчивый матеріалъ; древнѣйшіе памятники самого языка Церковно-Славянскаго открывались постепенно, на глазахъ автора, въ теченіе его изслѣдованій. Покончивши съ Именемъ, онъ оберпулся назадъ, еще разъ пересмотрѣлъ, увидалъ недостатки и передержки, многое перемѣстилъ и, въ заключеніе, прибавилъ замѣтки о томъ, что̀ предстояло еще доработать или переработать: но это сдѣлано уже карандашемъ, въ наброскахъ еще болѣе летучихъ. Между тѣмъ физическія силы его часъ отъ часу слабѣли;

жизнь быстро подтачивалась смертельнымъ недугомъ, который вполнѣ сознавалъ онъ: онъ поспѣшилъ издать *при себѣ* хоть первые, наиболѣе законченные листы своей Граматики, — и скончался черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по изданіи перваго „Выпуска."

Печатавшему продолженіе Граматики предстояло прочесть полустертое и набросанное, иное отгадать, другое дописать, многое по указаніямъ разставить и размѣстить, не только въ крупныхъ отдѣлахъ, но и въ параграфахъ, въ самыхъ примѣрахъ и буквахъ: это далеко уже дѣло не корректуры, это трудъ *редакціи*.

Тѣмъ не менѣе, если бы здѣсь отъ редактора требовалось одно только *знаніе предмета*, это поле на вѣрное уступили бы другимъ: при всякой редакціи, мало-мальски знающей, при всѣхъ недосмотрахъ рукописи и даже недостаткахъ, столь свойственныхъ каждому труду, не вездѣ устраненныхъ и теперь, Граматика сохранила бы высокую свою цѣну вообще, въ глазахъ безпристрастной науки. Но сюда присоединились еще личныя отношенія и временныя обстоятельства. Когда авторъ созрѣлъ и самъ по себѣ, и въ трудѣ языкознанія, ему подросъ сотоварищъ и соучастникъ, если и не дорослъ ему въ сверстники: началось личное сближеніе, укрѣпленное общими интересами къ языкознанію; частыя и долгія бесѣды, обмѣнъ выводовъ, особая „филологическая" переписка, — все это ввело младшаго въ кругъ воззрѣній старшаго, въ особенности его взглядовъ и убѣжденій. Послѣ этого, покинуть на произволъ судьбы трудъ, какъ онъ покинутъ въ рукописи умершимъ, становилось вопросомъ совѣсти. Возстановить любимый трудъ Аксакова — не столько въ правильной печати, сколько въ истинномъ свѣтѣ его достоинствъ, указавъ и по возможности растолковавши главнѣйшее, хотя и не безъ новыхъ погрѣшностей преемника, — это было долгомъ *любви* — и къ автору, и къ его задачамъ. Тутъ некѣмъ было замѣниться кромѣ насъ и едва ли кто другой *вѣрнѣе* передалъ бы свѣту завѣщанное.

Сколько ни продолжаемъ мы „учиться чему ни будь и какъ ни будь;“ какъ ни слаба Славянская наша наука вообще и какъ ни дѣтски наши опыты въ изслѣдованіи собственнаго языка по памятникамъ или живымъ нарѣчіямъ: мы спѣшно усвоиваемъ себѣ взрослую солидность и самодовольно поглаживаемъ пробивающійся усъ, какъ только поступаемъ въ подмастерья къ зрѣлымъ собратьямъ изъ Западной Европы, то прикрываясь плащемъ ихъ, то отважно выглядывая изъ подъ плаща. Такія свѣтила современной нашей науки, какъ г. Миклошичъ въ данномъ случаѣ, освѣщаютъ безъ устали закоулки полной сравнительной граматики по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, не исключая Русскаго; маленькія свѣтила, занимая блескъ свой отъ сего же крупнаго, мерцаютъ въ областяхъ Чешской, Хорватской, Княжеско-Сербской; отчасти къ тому же источнику свѣта поворачиваются иные, стороною науки, и изъ Русскаго полушарія. Ихъ Описательная Анатомія языка, разсѣкая трупъ Церковно-Славянскій, удачно чертитъ рисунки его членовъ и сочлененій, ревностно выписываетъ и сводитъ тысячи примѣровъ, копошится въ номенклатурѣ; снимая съ умершаго сѣть внѣшнихъ признаковъ существованія, счастливо открываетъ иногда уклоненія организма въ Патологіи нѣкоторыхъ ослабшихъ или слабѣющихъ нарѣчій; подводитъ подъ тѣ же признаки и формы Жизнь здороваго человѣка между Славянствомъ, а зная порядочно его письменные памятники, въ послѣднее время не чуждается отчасти и Народнаго языка, устнаго и творческаго, находя въ немъ „подкрѣпленіе“ своимъ анатомическимъ аппаратамъ. Труды Добровскаго, Линде, Юнгмана, Калайдовича, Востокова, Ганки, Караджича, Шафарика, Даля, Бодянскаго, Срезневскаго, Буслаева — стоятъ собственно въ сторонѣ отъ помянутаго движенія, особнякомъ на пути Славянскаго языкознанія: они или отражаютъ въ себѣ насущные вопросы дня, удовлетворяя первымъ потребностямъ возрождающагося Славянства, или вмѣщаютъ богатый матеріалъ для развитія филологіи нашей въ будущемъ. Юное движеніе Славянства съ ними справляется какъ съ письменнымъ памятникомъ прошлаго, оглядываясь назадъ по собственной доро-

гѣ впередъ, либо даже ихъ игнорируетъ, по очереди, одинъ одного, другой другаго. Но по крайней мѣрѣ присутствіе ихъ въ области языкознанія нашего вѣка неотвратимо чувствуется: ихъ числятъ и даже по временамъ на нихъ ссылаются. Представители новой, болѣе суетливой, Славянской филологіи гораздо неумолимѣе другъ ко другу, а если пріобрѣтаютъ себѣ какую ни будь главу, въ родѣ, на примѣръ, г. Миклошича, то безпощадно карающъ все, къ нему и къ ихней группѣ не подходящее. Такъ, Славяне-языковѣды разныхъ вѣтвей, касаясь Русскихъ соратниковъ, по большей части, и очень справедливо, упрекаютъ ихъ въ маломъ знакомствѣ съ нарѣчіями Славянскими, подсмѣиваясь вмѣстѣ, какъ варварству, недостатку нашихъ ссылокъ на книги Вѣны, Лейпцига и Берлина; наши домашніе сверстники сихъ дѣятелей, имѣя полное право уличить ихъ въ самомъ широкомъ невѣдѣніи языка Русскаго, съ своей стороны оправдываютъ упреки, за послѣдніе годы все слабѣя и слабѣя знаніемъ Славянскихъ нарѣчій, не возмѣщая сего углубленіемъ въ собственный языкъ, напротивъ вдаваясь попеременно то въ Скандинавію, то къ Туркменамъ и Монголамъ. Такое положеніе науки всего менѣе дозволяло бы общіе выводы о цѣломъ Славянскомъ языкѣ въ его законахъ, ни объ языкѣ вообще: скорѣе нужно бы каждому, и такъ поступилъ бы истинный Европеецъ въ наукѣ,—ограничиться ближе своей собственной отраслью языка, изслѣдовать ее и по письму, и по народному творчеству, и по устному живому говору, отсюда извлекать общіе законы, свойственные природѣ всякого языка, отсюда прямо восходить къ старшимъ языкамъ нашей Индоевропейской семьи, а тамъ — самому изучать подлинникъ, осторожно и критически относясь къ ученымъ авторитетамъ, по праву повѣряя ихъ собственными подручными данными. *Такимъ* именно путемъ *въ предѣлахъ науки* шелъ сочинитель предлежащей Граматики, не измѣняя строгому направленію, развѣ гдѣ измѣняли силы, и платясь недостатками только тамъ, гдѣ захваты окружающаго движенія побуждали невольно уклоняться въ сторону: къ „соблазнамъ“ сего послѣдняго рода можно отнести прямо помянутыя прибавки въ концѣ о нѣсколькихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, для которыхъ авторъ не имѣлъ достаточно хорошихъ данныхъ въ свою эпоху; сюда же относится, можетъ быть, и слишкомъ длинное прѣніе съ Боппомъ, тамъ, гдѣ, принявши Боппа въ соображеніе, слѣдовало бы

прямо перешагнуть къ подлинному тексту нашихъ Арійскихъ братій.

Однако, помянутые сейчасъ недостатки нашего автора совершенно блѣднѣютъ въ виду блестящаго положенія современной Славянской филологіи. Здѣсь, на оборотъ, углубленіе въ собственный языкъ выражается выпискою *примѣровъ*, хотя бы изъ разныхъ временъ и сферъ, безъ исторической и логической связи; въ выводахъ, законы *общіе* замѣняются готовыми законами языка Церковно-Славянскаго, списанными по буквамъ памятника; языкъ Древлеболгарскій, либо переставшій жить, либо живущій въ видоизмѣненіяхъ, представляется не иначе, какъ *въ формахъ, отпечатанныхъ* г. Миклошичемъ; дума о старшемъ языкѣ и первобытной эпохѣ упирается — много если въ граматику *Латинскую* и *Греческую*; безпрерывное обращеніе къ *Санскриту* и *Зенду* не только не привлекаетъ къ ихъ тексту, не только не заохочиваетъ къ спору съ Боппомъ, какъ нашего автора, а напротивъ ограничивается самодовольно цитатами изъ Нѣмецкихъ книгъ; не Боппа, хоть одного, прочитать да сообразить, — прогрессъ побуждаетъ набавить имена — Гримма, Бюрнуфа, М. Мюллера; если достигается таковая апогея, то на рубежѣ ея для мысли не остается уже никакой работы, все порѣшено и закончено. Тутъ говорится о любомъ Славянскомъ нарѣчіи, иногда и спеціально, смотря по массѣ „выписокъ“ изъ языка; рѣшается о „цѣломъ“ Славянскомъ языкѣ — „начиная“ съ Древлеболгарскаго, не раньше IX вѣка по Р. Х., ибо выше не хватаютъ Ц.-Славянскіе памятники; проповѣдуется о первобытномъ языкѣ, который иначе не представляется, какъ Санскритомъ и Зендомъ; предлагаются общіе законы языка — со словъ послѣдней книжки; не мыслится ни о чемъ изъ всего этого ряда, ибо все уже промышлено до основы стараніемъ Мюллера и Гельмгольца. Глядя на все это, столь юное и наивное, возможное лишь у младенчествующихъ народовъ, никому не приходитъ въ голову — ни подшутить надъ ребячествомъ, ни серьезно попросить логическаго отчета. Не напрашиваются, хотя столь естественные, вопросы въ родѣ слѣдующихъ:

Какимъ образомъ языкъ, называемый Ц.-Славянскимъ, могъ быть нѣкогда *общимъ* языкомъ Славянъ, когда нѣтъ его въ живой, устной и народной, рѣчи ни у кого изъ Славянъ, древнихъ, послѣдующихъ и нынѣшнихъ, ни въ самобытномъ, хотя какомъ либо,

произведеніи творчества народнаго, а въ памятникахъ письменныхъ языкъ сей тотчасъ видоизмѣняется самобытной рѣчью каждой Славянской отрасли, какъ только она появляется въ исторіи, до того, что пресловутый великанъ, собственно говоря, умираетъ при самомъ появленіи на свѣтъ Божій? Какъ могъ быть сей же языкъ *старшимъ* во всѣхъ, или хотя преимущественныхъ и многихъ, отношеніяхъ, когда въ немъ всюду вѣетъ письменностью, книжностью и искусственностью, когда въ немъ царитъ на всѣхъ ступеняхъ правильность однообразія, добываемая сравнительно позже черезъ науку и грамотность? Когда въ немъ развиты звуки, во всякомъ языкѣ сравнительно новые, а потому и не принятые или вовсе не существовавшіе у другихъ, у большинства Славянъ, на примѣръ „посовые;“ когда въ немъ потрясена, если не совсѣмъ исчезла, древняя „долгота“ гласныхъ, а на мѣсто того водворилось разнообразное „удареніе“ или вступили звуки „двогласные;“ когда древняя „гласность“ вообще уступила здѣсь господствующимъ „полугласнымъ,“ но изъ сихъ послѣднихъ возстановлены часто гласные не первобытные, не старшіе, а „бѣглые, вторичные и производные,“ тогда какъ, въ сихъ же случаяхъ, у нѣкоторыхъ живыхъ Славянскихъ языковъ, сохранена порою и долгота съ краткостію, подчиняющая себѣ удареніе, и въ замѣнъ полугласныхъ возстановлена, если не цѣликомъ удержана, гласность старшая?—Какой человѣческій языкъ и какія *живыя* уста могли выговорить сочетанія въ родѣ „кръвьнъ, съмрътьнъ, цьркъвь, слъпьчьнъ, сльзъ“ и т. п.?—Если же онъ не былъ ни общимъ, ни старшимъ, ни живымъ: почему же и гдѣ право брать его формою для всѣхъ остальныхъ Славянскихъ языковъ и парѣчій, объясняя ихъ особенности лишь „уклоненіемъ“ отъ Ц.-Славянскаго или „новымъ“ шагомъ далѣе, преимущественно къ порчѣ и во всякомъ случаѣ зависимо отъ Ц.-Славянской мѣрки? Не значитъ ли это принимать основою любую граматику и весь „остальной“ языкъ объяснять „отношеніемъ“ къ печатнымъ ея параграфамъ? Какая эта норма, если ея не держится ни одинъ Славянинъ въ живой рѣчи, какъ только появляется съ языкомъ въ исторіи, а на самомъ письмѣ, завися конечно отъ грамотности „церковной,“ двоитъ, разнообразитъ, видоизмѣняетъ ея правильность, и ни одинъ въ семъ случаѣ съ другимъ не сходится до единства? Какая это норма, по которой Церковно-Славянское слово списывается прямо съ древняго памятника нашимъ аккурат-

нѣйшимъ Востоковымъ въ *одномъ* начертаніи, а у г. Миклошича, стража Ц.-Славянской письменности, по всѣмъ словарямъ, грамматикамъ, хрестоматіямъ и изданіямъ, то же самое является въ начертаніи *другомъ* (особенно при звукахъ *р* и *л*, *ъ* и *ь*)? Конечно, г. Миклошичъ повинуется соображенію съ „прочими“ языками живыхъ Славянъ, смотря потому, у кого писано, дѣлаетъ отсюда выводъ и, сколько „самъ понимаетъ“ особенность Ц.-Славянскую, устанавливаетъ для нея начертаніе, а вмѣстѣ и форму, каковыя „должны были существовать“ и „должны быть,“ а сочинителю не возражаютъ и у него также „списываютъ:“ но вѣдь это значитъ за норму брать предположеніе, а взглядъ языковѣда за самый языкъ? Не отрицаемъ ни ученыхъ достоинствъ сего писателя, ни граматичной правильности самого Ц.-Славянскаго языка, гдѣ онъ проходитъ на письмо черезъ школу, ни того, что въ немъ естественно блеститъ „иногда“ „сравнительная“ древность или даже первобытность, ибо его памятники, какъ памятники языка „письменнаго,“ записаны „старше,“ чѣмъ живой языкъ самихъ древнихъ Болгаръ и всѣхъ ихнихъ братій; болѣе, допускаемъ здѣсь въ основѣ и началѣ „нѣкоторое“ присутствіе языка живаго, „матеріалъ,“ взятый изъ устнаго говора: по скольку здѣсь участвуетъ народный языкъ древнихъ Болгаръ и современныхъ имъ Славянъ, „писавшихъ“ болѣе или менѣе сходно, кто же на минуту могъ бы усумниться, что здѣсь мы имѣемъ такое же „парѣчіе,“ возникшее изъ общаго праязыка Славянства, изъ былаго Славянскаго единства, такое же точно парѣчіе и съ такими же правами, какъ всѣ „прочія“ Славянскія парѣчія, постепенно развившіяся особыми языками? Съ тѣмъ при томъ отличіемъ, что прочія парѣчія поднялись каждое почти, по крайности многія, до самостоятельнаго, полнаго языка, развивши основы живымъ употребленіемъ въ бытіи народномъ: а парѣчіе, послужившее матеріаломъ письменному Церковному языку Славянства, или расплылось по парѣчіямъ остальнымъ, употреблявшимъ ту же письменность, или ограничилось созданіемъ одного языка „письменнаго“ и нигдѣ не доросло въ исторіи послѣдующей до „живаго, существующаго языка,“ такъ что нынѣшніе Болгаре, наслѣдники старины Ц.-Славянской по одному имени, мѣсту жительства и связи преданій, либо извратили означенный языкъ до нельзя, либо удалились отъ старшаго парѣчія дальше остальныхъ. При такомъ положеніи дѣла, отъ чего на столько же, даже больше не

брать нормою единства, первобытности и старшинства для Славянъ древній языкъ Чешскій, когда его „Любушинъ Судъ“ съ ближайшими Былинами и записаны не позже многихъ памятниковъ, именуемыхъ Ц.-Славянскими, и по содержанію принадлежатъ эпохѣ старшей, и представляютъ собою народное творчество, неизмѣнно повторявшее древность, и поютъ, и говорятъ живымъ языкомъ народа, а языкъ сей многими звуками, формами и строемъ явно старше и первобытнѣе соотвѣтственныхъ явленій Ц. Славянскихъ?—Если этому языку даютъ свои предѣлы или не обобщаютъ его въ обязательную норму для всего старшаго и послѣдующаго Славянства, то именно благодаря тому, что при естественной народной гордости Чехи столь же могутъ гордиться солидными и безпристрастными филологами въ своемъ прошедшемъ; если подобнаго притязанія не заявляютъ и Сербы, хотя могли бы сослаться на свои древнія Сербскія стихіи въ такъ называемыхъ Ц. Славянскихъ произведеніяхъ и опереться на богатѣйшее народное творчество, то потому, что у нихъ вовсе нѣтъ еще знаменитыхъ граматиковъ, а длится собираніе матеріала.

Очевидно: норма всеобщности, старшинства и первобытности, искусственно присвоенная Ц. Славянскому языку, до того сомнительна, до того слабы доказательства въ ея пользу, что одно только упрямство ее терпитъ, одна привычка поддерживаетъ, одинъ лѣнивый не спѣшитъ захватить себѣ первенства. И точно, любопытнѣе всего, что та самая школа, которая преувеличила до крайности нормальность Ц. Славянскую, она же спѣшитъ и разрушить. Едва только коснулась Хорватовъ юная филологія, какъ Ц. Славянскій языкъ оказался Хорватскимъ, и на оборотъ; самъ незабвенный Шафарикъ, на закатѣ дней, увлеченъ былъ симъ водоворотомъ: и разумѣется, чуть только поокрѣпнетъ Загребская Академія, не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ филологія утвердитъ незыблемо, что почтенная, хотя грубая и безобразная, Хорватская Глаголица — она-то и есть истинная Ц. Славянская грамота; что подъ ней-то и скрывается подлинный, старшій, первобытный, нормальный языкъ всего Славянства; что Церковное *Славянство* есть ничто иное, какъ *Хорватское*, а старшая *Церковь* Славянъ есть та самая, которая *понынѣ* у Хорватовъ.—Но, пока этого еще не случилось съ Хорватами, ихъ перегоняютъ другіе: въ рядъ съ Чешскимъ и Сербскимъ выставился еще языкъ, не владѣющій пока равными правами ни съ тѣмъ,

ни съ другимъ, ни по старшей письменности, ни по народному творчеству, это—языкъ *Словенскій* (Крайны, Хорутанъ и Штыріи). Въ его уцѣлѣвшемъ нарѣчіи, которое собственно и не доросло до языка въ смыслѣ полноты Чешской, Сербской или Польской, усматриваютъ прямаго „наслѣдника" Церковнославянскому, — это утверждается съ гордостію: будто какая слава быть нарѣчіемъ другаго нарѣчія! Словенца приподнимаютъ на высоту, какъ у Русскихъ—глядѣть Ивана Великаго, либо спускаютъ на самое дно, въ могилу Церковнославянскую: и на вершинѣ, и въ глубинѣ заставляя родиться съ отдаленной древностью; ищутъ тамъ слѣдовъ Словенца, Словенца нудятъ блуждать между памятниками Церковными; Церковно-славянскій языкъ оказывается уже *Словенскимъ*, Словенскій Церковнымъ, хотя Церкви Православной, Древнеславянской и Греческой, незамѣтно между Словенцами почти никакого слѣда. Цѣлая теорія созидается на этомъ, граматика счастливаго наслѣдника регулируется по дѣду, дѣдовскія формы одѣваются звуками и абецедой нынѣшнихъ Словенцевъ; работаетъ здѣсь могучій и отважный Копитаръ, вѣрно служитъ тому же трудолюбивый г. Миклошичъ, — руководятъ природные Словенцы, завоевывая себѣ сепаратную славу; прививаются и такія, внѣшнія языку, начала, какъ вопросъ о главенствѣ папы и Вѣны. И никто не возражаетъ симъ „открытіямъ," лишь немногіе сомнѣваются. Тѣ, которые отдѣлились сами и которыхъ потому же мы отдѣлили особняками въ сторону, молчатъ или продолжаютъ свое дѣло, понимая хорошо, что конечно во всякомъ Славянскомъ нарѣчіи порознь существуютъ слѣды отдаленной древности, и въ Ц. Славянскихъ памятникахъ обратно есть слѣды каждаго нарѣчія, къ кому только проникала Славянская первая церковь или письменность; да и каждое изъ нарѣчій, поднимаясь до развитаго языка, способно проявить въ себѣ силы и мощь праязыка - до извѣстной степени, воспоминаніемъ, возвращеніемъ, возсозданіемъ. Всего же больше молчатъ сами адепты современнаго движенія, уступая не этимъ здравымъ взглядамъ, а пассивно служа авторитету или собственному незнанію: молчатъ или слушаютъ и исполняютъ отъ того, что здѣсь Копитаръ и Миклошичъ, не Калайдовичъ и Аксаковъ, Римъ и папа, а не Царь-градъ, Вѣна, а не Москва, Нѣмецкая школа, а не самобытное мышленіе. — Мало по малу то же движеніе филологіи простирается и на прочіе языки: ту же абецеду про-

водятъ изъ Вѣны на языкъ Новоболгарскій, и его примучиваютъ, и всякій послѣдній слѣдъ „нормы“ исчезаетъ въ немъ подъ Латинскими начертаніями г. Миклошича, и путается въ нихъ „другой“ наслѣдникъ Церковной письменности какъ въ сѣтяхъ, и не узнаваемъ, и даже не произносимъ, ибо не зная подлиннаго нарѣчія нынѣшнихъ Болгаръ теряемъ всякую возможность выговорить гіероглифы, созданные десницею сихъ возстановителей „нормы.“ Между тѣмъ, не критикуя, способомъ г. Миклошича пишутъ и печатаютъ не только тѣ Болгаре, кои намѣренно притянуты къ Вѣнѣ, но, удивительно, пишутъ и печатаютъ „новые филологи“ въ Прагѣ, въ Загребѣ.

Не ходатайствуютъ только за Польскій языкъ, и это дѣлаетъ честь его ученымъ; нѣтъ на громкой сценѣ и языка Русскаго. Не завидуемъ, но безпристрастно спрашиваемъ: во всемъ нами очерченномъ, гдѣ тутъ послѣдовательность, хотя бы въ самой узкой колеѣ школы? Что эта за наука, есть ли тутъ что ни будь кромѣ увлеченія и не очутились ли мы съ этимъ движеніемъ внѣ всякой науки, на пути тенденцій, чуждыхъ знанію, языку, народу, Славянству, всякой истинной жизни?

Въ то же самое время и въ разрѣзъ обрисованному движенію, выступаетъ Аксаковъ. Онъ далеко не отрицаетъ достоинствъ нормы Ц.-Славянской, какъ старшей письменности и какъ нарѣчія, подъ письмомъ граматикованнаго въ кристаллизацію: онъ вѣритъ на примѣръ въ обязательность и нормальность Ц.-Славянскаго Двойственнаго числа: онъ не прочь даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ Русскую древнюю письменность, по мѣрѣ ея сближенія съ Древлеболгарскою, считать старше живаго устнаго языка Русскихъ, по крайности во внѣшней исторической послѣдовательности, какъ на примѣръ въ формахъ Творительнаго съ *ъ—ь*, *о* и *е*, передъ Русскими формами съ *а* и *я*; и это, съ нашей точки зрѣнія, есть уступка окружающей современности, есть шагъ въ рядъ съ другими, не совсѣмъ самобытный и отчетливый. Но, онъ слѣдуетъ Остроміру, конечно авторитетному больше многихъ другихъ; не знаетъ или не хочетъ знать Вѣнскихъ издателей; у себя дома изучаетъ ступени Ц.-Славянской письменности подъ вліяніемъ Русскимъ и, отдѣляя Ц.-Славянскій языкъ какъ письменность, хотя и старшую, какъ нарѣчіе въ ряду прочихъ нарѣчій Славянскихъ, не передѣлываетъ однако эту письменность на Русскій ладъ или въ гражданскую Русскую азбуку, — хотя бы это дозво-

лительнѣе было абецеды; тѣмъ паче не превращаетъ Ц.-Славянскій языкъ въ Русскій и не коронуетъ своего живаго языка вѣнцомъ Ц.-Славянскимъ, какъ дѣлали и дѣлаютъ это другіе, совершая подобную операцію съ языкомъ Словенскимъ или Хорватскимъ. Славянскія нарѣчія онъ не ставитъ во главѣ изслѣдованія: онъ занятъ Русскимъ. Мы опять, съ своей точки зрѣнія, повторяемъ, что легче и удобнѣе было бы ему по внѣшности метода начать съ сихъ нарѣчій, дабы дальше оставить ихъ въ покоѣ и, такъ сказать, развязавшись, развязнѣе итти по Русской дорогѣ; онъ напротивъ вернулся къ нимъ въ концѣ изслѣдованія и тѣмъ затруднилъ себѣ свободу: но — онъ явно почтилъ ихъ подобающей честью, онъ разобралъ ихъ по средствамъ подручнымъ, онъ не подчинилъ ихъ никакой „нормѣ," ни даже дорогой и любимой—Русской, онъ не сдѣлалъ съ ними того, что̀ дѣлаютъ изъ вѣны, онъ цитовалъ ихъ, какъ сами мѣстные граматики, въ одеждѣ абецеды, изъ уваженія къ формамъ исторіи, хотя она вредитъ здѣсь Славянству, по правилу собственнаго народа — не касаться дерзко укоренившихся обычаевъ другаго. Отдавъ должную дань тому и другому рубежу, и Церковнославянскому, и Общеславянскому современному, онъ не „увлекся" Русскимъ народомъ и языкомъ „какъ своимъ родимымъ," какъ иные Словенскимъ, другіе Хорватскимъ: онъ жилъ и стоялъ въ собственномъ народѣ и языкѣ, на немъ же утвердился и утвердилъ разысканія. Но, еслибы увлекаться, онъ имѣлъ право не меньше другихъ соплеменниковъ: онъ велъ дѣло съ языкомъ, народное творчество котораго несетъ въ себѣ громкіе отголоски самаго первобытнаго и самаго общаго Славянскаго, изъ союза съ античною Греціей, съ Чернаго Моря и съ Дуная, народное творчество, развитое въ богатый, долгій и еще продолжающійся эпосъ, творчество, раскинувшееся во всѣхъ родахъ творческихъ до поражающаго обилія и топчайшей красоты, творчество какъ былое, такъ и настоящее, и силами готовое къ будущему. Онъ имѣлъ передъ собою родную письменность, прямо соприкасавшуюся съ древнѣйшими основами Церковнаго Славянства, оттуда возжегшуюся — безъ посредства Латыни и папы, оттуда широкимъ потокомъ разлившуюся въ средѣ Русскаго слова и Православной вѣры: письменность, которая по однимъ памятникамъ Церкви прошла на Руси исторію глубже, объемнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ всѣ прочіе памятники Церковнославянскіе у всѣхъ Славянъ вмѣстѣ; письменность, сколько

Церковнославянскую, столько же Русскую: во взаимномъ общеніи и вліяніи: не умершую, не запечатанную въ гробъ и не отпечатанную одними учеными только, но ту, которою во всей Церкви еще говорятъ, молятся и поютъ, которую въ слухъ произносятъ и устами читаютъ, съ выговоромъ, произношеніемъ, удареніемъ, распѣвомъ, болѣе поучительнымъ, болѣе убѣдительнымъ, болѣе сказующимъ и свидѣтельствующимъ о древности или постепенномъ ея преданіи, чѣмъ всѣ вѣщанія по печатной книжкѣ съ каѳедръ Вѣны, Праги, Загреба и Любляны. Наконецъ, онъ имѣлъ передъ собою письменность, которая превратилась въ Русскую литературу, безъ всякого опять стороннаго посредства, безъ редакціи Латинской и Нѣмецкой, безъ реакціи въ отпоръ чужеземщинѣ, а самобытнымъ развитіемъ, породившимъ собою столько произведеній личнаго искусства и художества, сколько достаточно намъ, чтобы итти за старшею Европою, и сколько явится у Славянъ сообща не раньше ста лѣтъ впереди, чтобы уравняться съ Русскими: литературу, одухотворенную созданіями поэзіи и не меньше того спустившуюся въ обиходъ жизни, гдѣ спуетъ она свой „образованный языкъ," сочетая въ тѣсный союзъ и все то, что было или есть Церковнославянскаго и письменнаго, книжнаго и печатнаго, съ живымъ, устнымъ и народнымъ, подъ обоюднымъ воздѣйствіемъ. Такой „предметъ," если можно его назвать предметомъ, предстояло не сравнивать съ предметами, явно мелкими передъ нимъ, ибо тогда пришелъ бы наблюдатель скорѣе къ превосходству собственныхъ данныхъ и къ непростительной гордости; оговаривались изстари — „si licet parua componere magnis," а magna componere parvis вовсе не представлялось необходимымъ: достаточно было остановиться на своемъ и осмотрѣться въ области собственной, выводы и тогда на вѣрное должны были получиться крупные. Кто зналъ покойнаго автора Граматики, тотъ знаетъ, что ни въ комъ меньше его не было гордости, ни въ комъ больше его не было скромности и смиренія, по справедливости суждennыхъ нашему народу въ спутники дѣйствительной силы и существеннаго величія. — Любопытно же послѣ этого, если бы кто подумалъ и сказалъ про Аксакова, читая его изслѣдованія объ языкѣ и Граматику: онъ *унизилъ* Ц.-славянскій языкъ (отринувъ обязательную исключительность, первобытность и старшинство его нормы); онъ *пренебрегъ* Славянскими парѣчіями (не запутавшись въ нихъ и отведя ихъ

къ концу разысканій); опъ *увлекся* значеніемъ языка Русскаго (черпая всѣ главныя соображенія изъ него самого). А мы это слышали и еще слышимъ подобные отзывы вокругъ. Мы читали, и даже читаемъ у Славянъ. Не гоняемся за подробностями, ибо не видимъ нужды ихъ опровергать; ограничимся примѣромъ однимъ, указавъ на тотъ народъ и языкъ, гдѣ столь много сочувствія всему Славянскому и Русскому, гдѣ и наука дала плоды успѣшнѣе многихъ собратій, а изъ народа этого и изъ области его науки укажемъ на изслѣдователя, въ другихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, между современными Славянами чуть ли не изъ лучшихъ. Это. *Гаттала* (Hattala). Уже по смерти Аксакова, въ 60-хъ годахъ, въ Часописи Чешскаго Музея и отдѣльныхъ книжкахъ, по разнымъ поводамъ ученый останавливается на изслѣдованіяхъ Аксакова. Замѣтивъ, что „научная цѣна критики“ въ покойномъ „маловажна столько же, сколько бросается въ глаза растянутость,“ г. Гаттала прибавляетъ, что мы пріобрѣтаемъ отсюда „слишкомъ мало полезныхъ замѣчаній, и главнымъ образомъ потому, что рѣдко которое изъ нихъ доказано такъ, какъ требуетъ неотступно *нынѣшнее состояніе языкознанія*...“ „Покойный, именно, *рѣдко* гдѣ подкрѣпляетъ свои взгляды *примѣрами*, почерпнутыми изъ письменныхъ и устныхъ памятниковъ языка Русскаго, напротивъ обычно ограничивается такими, которыхъ *самъ себѣ понавыдумалъ* (navymýšlel)...“ „Къ остальнымъ же нарѣчіямъ Славянскимъ онъ *не обращаетъ своего взора* даже и тамъ, гдѣ бы мы по праву ожидали, на примѣръ во всѣхъ такихъ явленіяхъ Русскаго языка, какихъ изъ него одного совсѣмъ нельзя объяснить, либо трудно и недостаточно...“ Заключеніемъ симъ послѣдуютъ, разумѣется, образцы „ошибочныхъ толкованій (lichých výkladů),“ а на сколько авторъ самъ знакомъ съ „нынѣшнимъ состояніемъ языкознанія“ у Славянъ, доказывается лучше всего его отзывомъ о составителяхъ „Русскаго Академическаго Словаря,“ которые, по его мнѣнію, должны „значительно превосходить Аксакова свѣдѣніями въ языкѣ Русскомъ;“ это и разрѣшается наконецъ повѣркою Востокова Миклошичемъ. Inde irae.

Очевидно, что при такомъ высокомъ уровнѣ современной Славянской филологіи и на такіе пересуды мы не могли допустить Граматики Аксакова съ ея случайными недомолвками и вообще въ томъ видѣ рукописи, безъ свода объясненій и замѣтокъ, какой очертили мы выше. Тутъ дѣло не осущественномъ, не о крупномъ,

которое остается цѣлымъ, прямо изъ мысли, устъ и рукъ писавшаго, и конечно не встрѣтитъ ни скорой оцѣнки, ни дѣльныхъ возраженій, а потому не требуетъ пока оговорокъ или толкованій. Тутъ весь вопросъ о *крохоборствѣ* и *щепетильности*, для которыхъ нужно было прибавить *примѣры*, примѣры осмотрѣть или описку въ нихъ возстановить съ правильностію начертанія для печати, со ссылкою иногда на источникъ, съ провѣркою не столько по самимъ памятникамъ языка, сколько по простѣйшимъ руководствамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ и ходячимъ для Славянскихъ нарѣчій. Какъ ни была кропотна для насъ такая работа, мы не придаемъ ей ровно ни какой существенной важности, хотя и теперь у автора Граматики, и у насъ самихъ въ редакціи остались бы нѣкоторыя мелкія погрѣшности: но, какъ это ни маловажно для автора и насъ самихъ, оказывается довольно важно для другихъ. По продолжающейся простотѣ Славянской природы, грубоватость въ отношеніяхъ съ живыми лицами простирается не рѣдко и за могилу на покой покойныхъ, которые и не захотѣли бы платить тѣмъ же, и не въ состояніи отвѣчать разъясненіемъ недоразумѣній: въ послѣднемъ случаѣ, не думая замѣнить покойныхъ, ставимъ себя въ ихъ положеніе и, какъ живые, предъявляемъ готовность принять на себя удары, принять отвѣтственность. Эту задачу мы и начинаемъ выполнять тотчасъ же.

Такъ называемые *примѣры*, особенно со ссылками на источники, конечно необходимы и очень важны въ дѣлѣ языкознанія, въ трудѣ филологическомъ: если не по нимъ, а по самому языку и природѣ творится умственный процессъ языкознанія, если не на нихъ, а на цѣломъ знаніи опирается добываемый выводъ, то ими въ частности оправдываетъ себя авторъ, переходя къ печати, и черезъ нихъ же дѣлаетъ доступнымъ свой прожитой, продуманный матеріалъ для другихъ, толкуя данныя и руководя движеніемъ науки впередъ. Не скрываемъ недостатковъ нашего автора въ семъ отношеніи и если, при переходѣ сочиненія въ печать, мы сочли необходимымъ пополнять, корректировать и редактировать, значитъ признали недостатокъ недостаткомъ. Однако о степени недостатка и значеніи пополненій нужно еще объясниться.— Есть счастливыя натуры по всѣмъ отраслямъ науки, имѣющей дѣло съ природою (такова природа и наука языка), которыя соединяютъ самыя мельчайшія подробности опыта и наблюденія, пре-

вращая ихъ въ свой матеріалъ, съ самыми глубокими соображеніями и высшими взглядами; они, въ ходѣ работъ, успѣваютъ даже записывать, чертить, рисовать, накоплять изъ этого многіе листы и тетради; преподованіе, профессура даютъ имъ случай передать другимъ до извѣстной степени массу мелочной обстановки, внѣшній перечень матеріала, какъ выраженіе данныхъ, какъ вѣхи для работъ и дальнѣйшихъ опытовъ; потребность руководить движеніемъ впередъ, переходъ къ печатному изданію открываютъ имъ и поле, и средства исчерпать по возможности запасъ матеріала, вновь его перебрать, перечертить, перепечатать: сквозь каждую мелочь, какъ данную и фактъ, свѣтитъ здѣсь высота мысли, каждый спускъ въ глубину вывода реализуется внѣшнимъ примѣромъ, образцомъ, начертаніемъ, буквою. Есть и другія, мыслящія натуры, которыя сами для себя или, лучше, для самаго дѣла проходятъ тотъ же длинный путь предварительныхъ работъ, основнаго опыта и наблюденія, но, по мѣрѣ движенія къ выводу, по мѣрѣ развитія выводовъ въ мысль и сознанный законъ, совлекаются внѣшней оболочки, не нуждаются пройденной и прожитой дробностью, даже отчасти пренебрегаютъ ею, какъ убранствомъ одежды, спѣшатъ впередъ, замѣняютъ минувшіе періоды бытія новымъ просвѣтленнымъ или, что̀ тоже, забываютъ мелочь, нѣкогда крупную для нихъ самихъ, а теперь размельчавшую передъ цѣлостью взгляда; если же возвращаются къ сей прежней ступени, то берутъ съ ней первое, что̀ вспомнилось или попало подъ руку, подобно какъ занятые серіозно люди неглижируютъ своимъ платьемъ, довольны простѣйшею пищей, случайнымъ часомъ сна и отдыха, первымъ словомъ для выраженія, первымъ средствомъ и орудіемъ для обмѣна мысли, der erste der beste; нѣтъ имъ повода, нѣтъ имъ вызова, какъ у другихъ, поступать иначе. Есть наконецъ и третьи, мелкія натуры, придвинутыя судьбою къ рубежу того же научнаго пути, для которыхъ „примѣры“ въ нашемъ техническомъ или, лучше, ремесленномъ смыслѣ образцовъ замѣняютъ и собственный опытъ, и наблюденіе, и творчество: отсюда, съ „примѣровъ,“ они начинаютъ, сей же матеріалъ плодятъ свойственнымъ способомъ, сюда же приписываютъ, его же перевертываютъ, пока — создадутъ сами учебникъ, въ формѣ руководства или книжки, учебникъ, который скоро смѣнится другимъ и вовсе уже станетъ негоднымъ, вовсе забудется при другомъ. Не будь въ жизни и обществѣ

вторыхъ, не народятся, а если и народятся, не созрѣютъ первые; не будь вторыхъ, „охъ“ не молвятъ третьи, для нихъ „нужны“ только первые; но, разъ появились первые, хотя бы не повторялись, всегда за ними будутъ третьи, всегда будутъ плодиться, переживывать, переплавлять, разводить водою, приписывать и переписывать, занятое обращая въ занятіе, занятіемъ своимъ занимая пустое пространство и праздныхъ. Тѣ, и другія, и третьи натуры равно естественны, какъ явленія природы: Аксаковъ, человѣкъ *мысли* по преимуществу, разумѣется не могъ принадлежать къ *счастливымъ* по смыслу обиходнаго языка; счастливыя натуры могутъ и должны быть послѣ него, и всѣ равно будутъ ему благодарны, какъ своему вызову и началу: но всего меньше Аксаковъ способенъ былъ сдѣлаться *мелкимъ*; мелкія натуры не поживутся отъ его трудовъ и безъ поживы конечно всегда будутъ имъ недовольны, жалуясь на обманъ своихъ надеждъ или игнорируя недоступное какъ безнадежное.

Собраніе книгъ, по которымъ можно составить любую новую книгу въ области языкознанія Славянскихъ нарѣчій, за исключеніемъ лишь языка Русскаго, легко помѣщается у каждаго ученаго Славянина на нѣсколькихъ полкахъ, если даже поставить тутъ же изданія главныхъ памятниковъ и словари: каждому извѣстно, что эта скромная мѣрка не примѣнима къ нашей печатной литературѣ, ни даже къ изданіямъ старинной письменности, не говоря уже о рукописяхъ. Между тѣмъ, кто зналъ покойнаго или бесѣдовалъ съ нимъ, не только трудно было назвать, но даже смѣшно было себѣ представить какое ни будь сочиненіе, изданіе, памятникъ, имѣвшіе прямое отношеніе къ вопросамъ Русскаго языка, какъ матеріалъ или данныя для науки, чего не зналъ бы близко, не прочелъ и не сообразилъ бы Аксаковъ: его разсужденіе о Ломоносовѣ — одна страничка подобныхъ занятій, при всемъ множествѣ тамошнихъ выписокъ и цитатъ, одинъ листокъ, вырванный изъ цѣлаго запаса работъ. Но работы эти и не выражались, и не сопровождались непремѣнно выписками пера: работавшій — много если дѣлалъ замѣтки въ самихъ книгахъ, краткія, летучія. Вся эта бездна прочтеннаго филологическимъ взоромъ и передуманнаго языкознательнымъ умомъ— скрывалась внутрь, слагая запасъ громадивѣйшей памяти, какую лишь удавалось намъ встрѣчать въ комъ либо: она пошла въ душѣ на созиданіе того величаваго, но невещественнаго, одухотвореннаго образа, какимъ представлялся

XVII

Русскій языкъ Аксакову. Матеріалъ превращался въ живое существо, работа въ творчество; творчество въ самомъ языкѣ, создавшее языкъ силами народа, и творческій образъ самого языка, изъ языка схваченный взоромъ личнымъ, умомъ художественнымъ, сливались во едино. Мало было бы сказать, что Аксаковъ „носилъ“ въ себѣ этотъ образъ, и существующій въ природѣ, и оттуда добытый, или что онъ „носился“ съ этимъ образомъ, какъ роднымъ и все-таки „внѣшнимъ,“ какъ принятымъ внутрь и все-таки со стороны: Аксаковъ этимъ жилъ; вопросъ Русскаго языка былъ для него вопросомъ жизни собственной; жизнь личная, казалось иногда, располагалась по вопросамъ языка и имъ всего чаще отвѣчала. Странно было бы встрѣтить, что Аксаковъ „записываетъ,“ трудно было уловить мгновеніе его „справокъ по книгѣ.“ Послѣ философскихъ своихъ занятій, и отчасти параллельно имъ, какъ только обратился онъ къ памятникамъ древняго Русскаго языка, онъ непосредственно *заговорилъ* симъ языкомъ, онъ началъ *писать* имъ и нѣсколько лѣтъ существовала его переписка съ однимъ ученымъ Русскимъ историкомъ „на языкѣ лѣтописномъ.“ Русскій народъ въ исторіи сдѣлался скоро для Аксакова народомъ въ языкѣ; Русскій языкъ былъ для него живымъ народомъ еще ранѣе: явленіе, удивительное и для исторіи, и для физіологіи, ибо въ немъ повторилось совершенно то же, что въ эпоху, такъ называемую „доисторическую,“ когда народъ слагался творя языкъ и языкъ творился неразрывно съ народомъ; повторилось и осуществилось то самое, съ чего повело свою рѣчь старшее исторически Славянское слово и съ чего начата Лѣтопись нашего Нестора, — *языкъ* неразрывный синонимъ *народа*. А всѣмъ извѣстно, *какъ* отнесился Аксаковъ къ Русскому народу. Образованіе средствами всемірной и Европейской науки, умъ, практикованный въ гимнастикѣ науки философской, изученіе памятниковъ внѣшней положительной исторіи и внѣшняго историческаго облика языку-народу, занятія народнымъ творчествомъ по собраніямъ и изданіямъ, все обращалось къ одному и тому же, все служило одному: но *раньше*, гораздо раньше, съ дѣтства и до гроба, младенческая вѣра соединяла душу Аксакова съ народной Русской Церковью, съ ея вѣрой и словомъ; отъ той же ранней поры и до поздней — съ народнымъ творчествомъ, пѣснею, сказкой, пословицей, съ живою устною рѣчью вокругъ, въ средѣ народной. Если въ другомъ чемъ была послѣдователь-

пость работъ, были степени созрѣвавшаго ума, то здѣсь съ начала до конца была одинакая, безграничная и безмѣрная, *любовь* къ *языку-народу*, съ ея неизмѣннымъ спутникомъ — *вѣрностью*. Къ сожалѣнію или нѣтъ, только въ соотвѣтствіе всему сказанному, какъ не было дано Аксакову перо, чтобы „записывать," такъ „физически" не было дано ему голоса, чтобы пѣть въ церкви съ вѣрующими, въ народѣ съ поющими; „переносно," не давалось голоса, чтобы говорить, какъ самъ народъ говоритъ, въ тогдашнемъ обществѣ; не было возможности ставить вопросы народа и языка, какъ ихъ ставилъ бы народъ прямо для самого себя и своего языка; приходилось только бесѣдовать „о народѣ" и „объ языкѣ" съ немногими близкими: все прожитое, сознанное и созданное въ семъ отношеніи, также точно замыкалось внутрь, питая нравственное существо и безконечно пытливый, безъ того уже достаточно философскій умъ. Послѣдствіемъ сего у другихъ была бы крайняя *отвлеченность* вывода и *туманность* представленія; Аксакова спасло здѣсь живое отношеніе къ существу живому: но онъ не избѣгъ *одиночества* между современниками и ближайшими сверстниками; *замкнутость одиночества* оставила свой отпечатокъ на его любимомъ дѣлѣ. Какъ поэту, на все въ народѣ откликавшемуся, ему одному „не было отклика:" достойно отвѣчать могъ ему только самъ языкъ-народъ, а языкъ и народъ, особенно той поры, поставленъ былъ въ положеніе почти одинаковое съ положеніемъ лица, ему преданнаго. Понятно, что, черезъ лицо сознававшее, все сознанное возвращалось обратно тому же народу и языку, въ лицѣ Аксакова живущему, такому же — не записанному, безгласному, среди громкой современности одному лишь молчаливому, безотвѣтному и одинокому, безъ письма и печати. „Сочинять" — объ народѣ, „писать" — объ языкѣ, „печатать" — о творчествѣ, какъ несообразно казалось, такъ невозможно становилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше подъ вліяніемъ общественныхъ причинъ и физическихъ силъ съ лѣтами: все, что „появилось" въ этомъ родѣ, какъ обыкновенно выражаются, въ сочиненіяхъ, статьяхъ и изданіяхъ, все было вырвано изъ жизни Аксакова случаемъ, похищено настояніемъ какой либо внѣшней причины, вызвано убѣжденіемъ близкихъ. Въ 50-хъ годахъ возраста, столь зрѣлаго нравственно, когда другіе „счастливые" уже завершаютъ свое литературное и научное поприще, уже продолжаютъ давно начатое, уже ссылаются прямо на прежде сказанное и руководятъ подготовлен-

ныхъ слушателей или читателей, въ такую пору, уговоренный друзьями, дѣятель превращается въ автора, начинаетъ писать Граматику, готовить изданіе, пробуетъ корректуру... Возможно ли примѣнять къ нему мѣрку другихъ писателей? Ему приходилось и возвращаться къ прожитому, и приправливаться къ средѣ, слишкомъ мало жившей въ его смыслѣ. Созданіе, законченное и готовое въ душѣ, при вопросѣ о матеріалѣ тяготилось массою и вопросами о подробностяхъ: если уже писать, нужно бы написать многіе томы, и тогда далеко не все бы высказалось. Запасъ памяти, на который была надежда и который дѣлалъ свое дѣло, оставаясь неистощимымъ, встрѣчался съ физическими силами и внѣшними средствами, подвластными истощенію: авторъ не истощается въ отвѣтахъ, но онъ еще больше прежняго замыкается молчаніемъ на тысячи вопросовъ, по видимому самыхъ легкихъ и мелкихъ. Рокоые „примѣры“ требуются, „мелочь“ ожидаетъ: для этого нужно „повторяться,“ возвращаться безпрерывно къ былому, а повторенію давать видъ „новизны“ и совершенно особаго, непривычнаго „примѣненія“ къ жизни „внѣшней.“ О послѣдствіяхъ, отразившихся на трудѣ при переходѣ къ изданію, мы говорили уже. Собравши послѣднія силы свои, авторъ остался вѣренъ имъ и себѣ самому: онъ соединилъ здѣсь все, что было создано творческаго и остался въ новомъ произведеніи, лежащемъ передъ нами, прежнимъ и всегдашнимъ творцомъ; *остальное онъ предоставилъ на волю судьбы.* Эти пренія съ Вошомъ, эти прибавки объ языкѣ Церковнославянскомъ, эти обращенія къ руководствамъ по разнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ, эти уступки окружающему и будущему, можно сказать безъ парадокса, уже не принадлежатъ самому Аксакову: онѣ оставлены намъ, чтобы мы занялись ихъ порядкомъ и толкованіемъ, и мы не бросили брошеннаго вскользь авторомъ; онѣ предоставлены тѣмъ, кто со временемъ скажетъ объ нихъ полнѣе и лучше, соображаясь съ главною задачею цѣлаго произведенія, но — предоставлены безъ всякого „разсчета“ на наше и чье либо усвоеніе или содѣйствіе, безъ „внушенія“ о тонѣ и типѣ, котораго слѣдуетъ держаться въ существенномъ. И самое существенное вовсе тутъ не разсчитано, не приправлено въ руководство. Магистръ Московскаго Университета по Русской словесности, Аксаковъ всего меньше могъ быть и всего меньше дозволялъ себѣ становиться магистромъ или учителемъ: народъ поучаетъ исторію всѣхъ вѣковъ и человѣчество всего свѣта, самъ

собою, никого не уча въ частности и не сажая на скамью съ указкой; языкъ отзывается всему и воплощаетъ все человѣческое, руководитъ всѣмъ личнымъ развитіемъ и правитъ всѣмъ будущимъ творчествомъ, оставаясь самъ творчествомъ, никому не даваясь въ руки и никого не держа за руки для внушенія; „не нарицайте себе учители," высокія слова Единаго въ свѣтѣ Учителя, слова, которыя вездѣ служили знаменемъ Аксакову и всего лучше запечатлѣлись бы на его могилѣ. Онъ никому не поручалъ изданія и на вѣрное самъ никогда не издалъ бы его вполнѣ, при самой долголѣтней жизни и расцвѣтшемъ вновь здоровьѣ, какъ вѣрно не издалъ бы никогда П. В. Кирѣевскій своего Сборника, а Хомяковъ не напечаталъ бы своего Историческаго обзора: но это не снимаетъ, а усугубляетъ нравственную обязанность издателей и толкователей, къ тому способныхъ; это не убавляетъ, а увеличиваетъ цѣну произведенія, привлекая къ нему потомство, которое придетъ сюда несомнѣнно съ крайнимъ интересомъ, уваженіемъ и жаждою развитія. Греки, всегда столь сочувственные для Аксакова, не знали „школы" и „каоедры" преподаванія въ нашемъ смыслѣ: и породили всю современную школу съ каоедрами, давши имъ самое именованіе. Сократъ не записывалъ бесѣдъ своихъ, излагалъ ихъ Платонъ: но много еще осталось дѣла Аристотелю, а толкователи и издатели послѣдняго никогда не будутъ послѣдними, вызывая за собою безконечный рядъ послѣдователей. Ни самой *практики опытной*, ни разсчетовъ на нее не было и не могло быть у автора. Аксаковъ не имѣлъ намѣренія продать свой трудъ „братьямъ Салаевымъ," не разсчитывалъ на Министерство, чтобы оно приняло Граматику въ „руководство" по „заведеніямъ:" и конечно оно не приметъ, пока будетъ Министерствомъ, да и мы сами не совѣтуемъ обращаться сюда за свѣдѣніями никому изъ начинающихъ, никому за матеріаломъ изъ третьестепенныхъ крохособирателей. Не „анатомическій путь" отрицаетъ самъ авторъ въ „Предисловіи:" онъ не допускалъ и не оставилъ намъ ни „анатомическаго воззрѣнія," ни „анатомической теоріи." Не предвидя къ труду своему влеченій школьнаго юношества, онъ явно отвращался отъ школьниковъ посѣдѣлыхъ и, можетъ быть невольно, по привычкѣ, но столь же упорно отказывалъ имъ въ „примѣрахъ" и въ „подробностяхъ цитатъ," даже тамъ, гдѣ бы могъ, еслибы захотѣлъ, сообщить ихъ. Какъ Илья Муромецъ, какъ богатырь, всего болѣе имъ чтимый, какъ самъ народъ въ семъ творчес-

комъ образѣ, такъ обращался Аксаковъ къ разнаго рода филологическимъ „камышникамъ,“ покидая ихъ и отказываясь отъ ихъ общенія: „Кабы мнѣ брать вашу золоту казну, за мной бы рыли ямы глубокія; Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно́ платье, за мной бы были горы высокія; Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней, за мной бы гоняли табуны великіе; Не хочу я съ вами стада пасти!“

„Безпримѣрное“ твореніе Аксакова тѣмъ самымъ и *сухо*, не давая себя ни къ чему примѣрнвать и не давалось въ руки отъявленнымъ примѣрникамъ школы: а между тѣмъ оно полно *любви*, которая дышетъ въ каждой строчкѣ и могущественно вызываетъ во всякомъ живѣйшую любовь къ тому же дѣлу. Хомяковъ говаривалъ шутя о трудахъ Аксакова надъ языкомъ-народомъ: „здѣсь онъ соединяетъ въ себѣ нѣмецкаго педагога, который, выхаживая ребенка, возводитъ порядокъ его поступковъ къ философской идеѣ развитія, а имѣетъ преданность русской няни, которая расточаетъ безграничное баловство въ увѣренности, что это дитя — сынъ богатыря и самъ богатырь.“ Шутка мыслителя переводится на смыслъ серіозный. Любя Русскій языкъ, Аксаковъ зналъ, изучалъ и воспроизводилъ его творческій образъ съ одинаковой увѣренностью — и въ историческомъ старшинствѣ его, и въ задаткахъ на грядущее богатырство. Онъ такъ мыслилъ — безъ намѣреннаго сближенія съ прошлымъ, само собою бывшимъ, безъ сопоставленія со сверстниками, изъ коихъ Русскій языкъ само собою выдавался: исторія языка вездѣ здѣсь присутствуетъ — безъ исторической номенклатуры, безъ внѣшняго дѣленія на знаки и періоды; сравненію нѣтъ особой рубрики, хотя оно безпрерывно получаетъ себѣ указанія. Когда довелось считаться съ дѣйствительностью внѣшнею; когда этого потребовали пріемы ученаго изданія и предполагаемая послѣ письма печать; когда исторію понадобилось обозначить вѣхами, а къ сравненію подводить меньшихъ Славянскихъ братьевъ изъ „разсѣянія:“ результатомъ было то, что самъ авторъ, въ „Предисловіи“ отказался отъ задачи исторической, а сравненіе свое видимо завершилъ убѣжденіемъ въ достоинствѣ языка Русскаго—какъ „несравненнаго.“ Между тѣмъ авторъ не отрицалъ же существованія исторіи Русскаго языка и самъ весьма часто оговаривался, что сравнительное значеніе и первобытность Славянскихъ нарѣчій Русскимъ языкомъ отнюдь не умаляются. Здѣсь какъ будто есть противорѣчіе: но только кажущееся. Какъ бы балуя свое дитя, Аксаковъ прощалъ Русскому

языку уклоненія отъ первообраза, постигаемаго въ языкахъ однородной семьи чрезъ ихъ сравненіе: на мгновеніе, многіе выводы его о „тематичности," о „гласности," объ отвращеніи къ „суффиксамъ гнѣшнимъ при склоненіи," о свободѣ „допускать суффиксы тамъ, гдѣ нужно для образованія склоненій, и вновь отбрасывать ихъ, замѣняя гласными флексіями," и т. п., все это, обусловленное или оговоренное нами въ примѣчаніяхъ, на мгновеніе и на объемъ извѣстнаго пункта дѣйствительно, говоримъ, заставляло бы упрекать автора въ пристрастіи, такъ сказать въ поблажкѣ дурнымъ или опаснымъ наклонностямъ ребенка,—*если бы* Русскій языкъ можно было признать за ребенка младенчествующаго или испорченнаго. Но, всматриваясь ближе, замѣчаемъ, какъ серіозно смотрѣлъ на это авторъ. Именно. Довѣряя природѣ, онъ не сомнѣвался, что явленія ея вездѣ законны и самыя кажущіяся уклоненія углубляютъ въ какое либо спеціальное требованіе законовъ, которое на глубочайшихъ ступеняхъ является уже не уклоненіемъ, не частностію, а всеобщностію и первобытностію. Изслѣдователь не пугался здѣсь ни исторіи, ни сравненія: онъ смѣло обращался къ тѣмъ языкамъ, гдѣ предполагались старшія и глубочайшія ступени, болѣе ранніе фазы бытія. Собратія на Востокѣ, Санскритъ и Зендъ, вызванные къ отвѣту, не увлекли Аксакова за Боппомъ и предотвратили нареканіе, будто авторъ обязанъ всѣмъ нѣмецкому лингвисту. Удачно онъ выбралъ здѣсь лучшаго изъ ученыхъ, того, которымъ въ „Сравнительной Грамматикѣ" нельзя довольно начитаться: чего конечно нельзя сказать объ его же „Словарѣ," ни о тѣхъ, великихъ въ другомъ отношеніи филологахъ, которые всю исторію языка и весь сравнительный методъ обратили, какъ Гриммъ, въ доказательство первобытности и безпредѣльной широты нѣмецкой. Ссылаясь на сихъ послѣднихъ, Аксаковъ легко оправдалъ бы собственное увлеченіе Русскимъ языкомъ, если бы таковое существовало: напротивъ, онъ выбралъ болѣе безпристрастнаго, желая быть самъ такимъ же, и онъ выразилъ полное уваженіе къ Боппу. Но, весьма часто критикуя его, хотя это показалось бы для иныхъ трусливыхъ слишкомъ дерзкимъ при матеріалѣ одного Русскаго языка, авторъ довѣрилъ, и не ошибся, Боппу объ Арійскихъ нашихъ братіяхъ на Востокѣ: что же вытекало изъ довѣрія? Сравненіе сколько возводитъ языки въ исторіи къ первообразу и старшей эпохѣ, столько же, разумѣется, и низводитъ ихъ при совпаденіи съ тѣми

языками, кои развивались позже и въ формахъ своихъ обличили сравнительно позднѣйшія явленія. Тотъ же самый, безпрерывно встрѣчающійся, „услужливый“—какъ прозванъ Аксаковымъ—суффиксъ *s*, во флексіяхъ склоненія родня Санскритъ съ Греческимъ и Латинскимъ, а симъ классическимъ языкамъ обѣщая по видимому старшинство и первобытность, въ глазахъ автора — сперва по одному лишь довѣрію къ патуральности Русскаго языка — суффиксъ сей обратился въ обличеніе самому Санскриту. Съ поддержкою Зенда, который въ этомъ случаѣ ближе къ намъ, авторъ заподозрилъ первобытность Санскрита по настоящему вопросу и постепенно пришелъ къ убѣжденію, котораго нельзя не раздѣлить нынѣ каждому свѣдующему: что, по отбытіи Индоевропейскихъ сочленовъ въ Европу, собратья ихъ въ Азіи также точно сдвинулись со своего стартаго мѣста и съ прежней высшей ступени, ради хоть того, чтобы организоваться самобытнымъ народомъ, сдвинулись и, пока мы еще странствовали, пока не усѣлись, не сложились и не успѣли затерять первоосновъ въ дальнѣйшемъ опредѣленіи, Санскритъ съ ближайшими ему языками (по исторіи) уже подвинулся далеко, уже отбылъ первобытности и набылъ новизны. Когда вопросъ выигралъ такую постановку, въ сущности весьма простую, истекавшую сперва изъ одной вѣры, тогда философскій умъ автора пробудился со всею силою, тогда воспрянуло творчество его соображеній: вѣруя простосердечно и какъ вѣра ставитъ въ непосредственное отношеніе къ существу, авторъ тѣмъ же путемъ повелъ знаніе и науку: по довѣрію къ природѣ и явленіямъ, далась его постиженію прямая сущность, отражаемая въ человѣческой идеѣ. Если формы Русскаго языка соприкасались съ первоосновою всякого языка, минуя и оставляя за собою позднѣйшее развитіе, формальность и опредѣленность другихъ языковъ, то тѣмъ самымъ устранялась соблазнительная необходимость — признавать Русскія формы за старшія по лѣтосчисленію, за первобытныя безъ пройденныхъ періодовъ: онѣ могли *возвращаться* къ сущности и первоосновѣ, и не по одному сокращенію или упрощенію, а въ силу свободы творческой, на каждой ступени — хотя бы и позднѣйшей годами; онѣ пріобрѣтали способность *возстановлять* основной закопъ, хотя бы изъ грубаго или даже испорченнаго и кристаллизованнаго матеріала, какъ высѣкается скрытый огонь изъ камня и окаменѣлости. Такія стадіи мысли, не рѣдко разбросан-

ныя по труду Аксакова, искушаютъ порознь, какъ мы сказали, къ сомнѣнію и обличенію противорѣчій: но, сдвинясь въ цѣломъ, онѣ крѣпнутъ до самаго твердаго и всеобщаго закона. Пройдя такой путь съ авторомъ, отрадно присутствовать при его выводахъ въ заключеніи: прочтите о сихъ вопросахъ истинно-золотыя строки въ „Предисловіи“ на стран. IV — VIII; отрадно дополнять или истолковывать подобныя соображенія, которыя зрѣлостью философской устоятъ противу всякого возраженія со стороны матеріала, напротивъ всегда подчинятъ себѣ матеріалъ и одухотворятъ къ своему единству, какъ бы упоренъ, дробенъ или разсѣянъ онъ ни былъ. Въ такихъ случаяхъ авторъ подлинно не имѣетъ себѣ пока еще равнаго среди филологовъ между Славянами и ему не съ кѣмъ здѣсь верстаться, ни съ самыми „счастливцами,“ пока еще не народившимися. Тутъ останавливаетъ науку уже не одно ограниченіе нормы Церковнославянской, ни отважная правда въ лицо Арійскому Востоку: тутъ путь къ самому любопытному и почти никѣмъ еще, ни среди цѣлой Европы, достаточно не разъясненному, — путь къ постиженію языка первобытнаго, нашего и общаго праязыка, все равно — еще неподвижнаго ли на своей первоосновѣ, или возсозидаемаго чрезъ вѣрность природѣ. Тутъ способъ — распредѣлить самые періоды языковъ, отъ неуловимыхъ зачатковъ до самыхъ позднихъ и окрѣпшихъ формъ; тутъ возможность указать норму, съ которою можно сравнивать языки надежно, а не гадательно и тенденціозно. Въ виду такихъ, истинно-грандіозныхъ выводовъ и указаній, еще ничтожнѣе оказываются въ Граматикѣ пробѣлы или недостатки цитатъ и примѣровъ: они могутъ быть и не быть, они могутъ еще мельчать, и разсыпаться осколками, и оказывать невѣрность, косность, неточность, — эти дребезги матеріала окружаютъ зданіе, уже успѣвшее воздвигнуться, уже подъявшее главу свою въ изящныхъ очертаніяхъ. Только гг. Ягичи и Данничи способны „изобличать“ „Граматику“ знаменитаго своего родича — Крижанича, когда она, не точная мелочами, сближалась съ Русскимъ языкомъ и пыталась установить общую Граматику Славянамъ, для возвращенія имъ распавшагося единства: Аксаковъ своимъ путемъ приблизилъ языковѣдѣніе къ той нормѣ, которая обѣщаетъ всѣмъ Славянамъ общій типъ ихъ основнаго языка и объясненіе уклоненіямъ. Здѣсь-то мы еще охотнѣе комментируемъ Аксакова, уже не столько дополняя его, сколько ища себѣ самимъ руководной нити изъ его цѣльнаго

воззрѣнія. Мы привели здѣсь лишь одинъ примѣръ, одно изъ направленій пути: ихъ много. „Безпримѣрность“ автора обращается къ его славѣ: многимъ и многимъ даетъ она примѣръ, какъ развязывать руки и мысли свободою духа.

Еще нѣсколько словъ. Длиннымъ процессомъ филологической работы и трудовой мысли достигши высоты свободнаго созерцанія, Аксаковъ не рѣдко, такъ сказать, возвращался съ этой вершины, чтобы раздроблять камни, составлявшіе для другихъ преткновеніе, чтобы разсѣкать Гордіевы узлы простотою разсужденія и порою, однимъ прикосновеніемъ, сметать паутину всякой хитрой запутанности. Тутъ уже не скажутъ, что онъ безъ примѣровъ или безъ матеріала, что онъ съ мыслію безъ звуковъ: самые тонкіе звуки, самыя сложныя сочетанія подвергаются его анализу и страницы пестрѣютъ, къ величайшему удовольствію многихъ, курсивными буквами, всевозможными значками. Приведемъ тому примѣры. — Онъ замѣтилъ, что *U*, звукъ языка Арійскихъ нашихъ собратій на Востокѣ и вообще звукъ древнихъ языковъ (ихъ также заставили облечься въ Латинскую букву), помимо своей долготы, краткости и перехода въ *в*, имѣетъ весьма разнородное отношеніе къ Славянскимъ гласнымъ звукамъ, отвѣтствуя здѣсь двогласному *оу*, чаще двогласному *ы*, но также и загрубѣлому *и*, и полугласному *ъ*-ру. — Послѣдній случай въ области языка Латинскаго, Греческаго и Славянскаго, то есть прямое соотвѣтствіе и тѣснѣйшая связь Латинскаго краткаго *u*, Греческаго *υ*, съ нашимъ краткимъ *у* и полугласнымъ *ъ*-ромъ, — для Славянскаго языковѣдѣнія далеко не новость *): но, придавая полугласнымъ *ъ* и *ь* всю широту подобающаго имъ значенія (поглотившаго, увы, всю первобытную гласность на пере-

*) При всемъ томъ, что Славянская наука доказала и разъяснила это соотвѣтствіе, а вся письменая наша древность переводила не иначе Греческое *υ*, какъ Русскимъ краткимъ *у*, подъ бокомъ же собственныя наши нарѣчія, Малорусское и Бѣлорусское, извѣстны своимъ произношеніемъ *оў*, *аў*, *еў*, серединнымъ между *оу—ау—еу* и между *ов—ав—ев*, да и сами Нѣмцы очень хорошо вѣдаютъ въ своемъ языкѣ тѣ же самые звуки: устарѣвшая Нѣмецкая школа заразила юныя наши училища, гдѣ по Гречески слышимъ нынѣ всюду вмѣсто подлиннаго *υ* либо Нѣмецкое *ü*, *j*, либо въ отпоръ грубое согласное *в*: *гюпнос*, *базилейс*, *травма*... Истиннымъ поклонникамъ благозвучнѣйшаго языка нѣтъ силъ равнодушно внимать такой какофоніи, противной всѣмъ сознаннымъ законамъ филологическимъ.

ходномъ пути Славянъ изъ общей Индоевропейской семьи къ обособленію, пока снова не воспрянула у нихъ гласность вторичная), прослѣдивши это значеніе повсюду, преимущественно въ сгибахъ или флексіяхъ склоненія, Аксаковъ разъяснилъ окончательно помянутое соотвѣтствіе звуковъ, въ длинномъ рядѣ образцовъ. — Простирая значеніе того же ъ-ра еще глубже, внутрь слова и корня, авторъ имѣлъ возможность усмотрѣть, что въ извѣстную, весьма отдаленную пору языка, всякій согласный звукъ (почему онъ такъ и названъ) сопровождался непремѣнно у старшихъ народовъ звукомъ гласнымъ, хотя бы краткимъ, а у Славянъ нѣкогда звукомъ ъ-ра, у нихъ же послѣ гласностью вторичною, однимъ словомъ такъ, что каждый слой въ наслоеніи матеріи, каждый родъ въ нарожденіи плоти языка „прокладывался" извѣстнымъ гласнымъ элементомъ, одушевлявшимъ вещество согласное; движеніе жизни впередъ шло звеньями парными, четами, въ которыхъ роль посредства поперемѣнно играла то гласность или полугласность, то согласность; и только плодъ сего, само порожденное существо, слово ли, цѣлый ли языкъ, придали основному союзу третью ступень окончательнаго завершенія, на которой первенствуетъ то гласность, то за согласнымъ звукомъ краткій гласный или полугласный. Но у тѣхъ, кто сберегъ примѣненіе и самое начертаніе ъ-ра, какъ у Русскихъ, всего яснѣе подобный процессъ выразился въ случаѣ, спеціально отмѣченномъ пытливостью Аксакова: когда ъ дѣлается посредникомъ между согласностью и даже отвердѣвшею гласностью; оттуда всѣ наши *об-ъ-емъ*, *с-ъ-ѣмъ*, *из-ъ-ятъ*, и т. п.; оттуда объясненіе вторичнымъ, производнымъ двугласнымъ въ родѣ *ў-о*, *ў-е* и т. д.—Благодаря сознанію сего процесса, у Аксакова — въ обмѣнѣ съ нашимъ изслѣдованіемъ языка Новоболгарскаго — истолковались сполна тѣ живыя, на глазахъ нашихъ совершающіяся, дѣянія языковаго творчества, когда согласный звукъ, вновь присоединяемый чисто внѣшнимъ способомъ къ рубежу опредѣлившагося слова, внезапно вызываетъ на семъ концѣ слова, въ силу одного соприкосновенія, скрытый и — казалось — исчезшій ъ: нарождаются не предвидѣнныя сочетанія въ родѣ *вчер-ъ-сь*, *вечё-р-ъ-тъ*, *вол-ъ-тъ*, *раб-ъ-тъ*, оглашаемыя скоро въ формы *вчер-а́-сь*, *вечёр-а-тъ*, *вол-а́-тъ*, *раб-а́-тъ*, — это извѣстное α-ς, ο-ς, υ-ς и т. д., окрѣпшее въ склоненіи у многихъ древнихъ. —Здѣсь мѣсто упомянуть кстати о знаменитомъ *S*. У многихъ древнихъ народовъ будучи рано принятъ во флексію склоненія

или въ окончаніе падежей, черезъ склоненіе вросши въ нѣкоторыя старшія формы и отвердѣвши при нихъ суффиксомъ, сопровождая ихъ на дальнѣйшемъ пути движенія какъ часть слова и нерѣдко смѣшиваясь или совпадая съ самимъ корнемъ, а въ заключительномъ развитіи иныхъ языковъ повторившись съ качествомъ флексіи и здѣсь окрѣпши какъ *непремѣнная* норма, звукъ *s* естественно занялъ широкое мѣсто въ изслѣдованіи филологовъ. Безпрестанно съ нимъ встрѣчались, поминутно объ немъ твердили и — простерли значеніе его до того, что признали въ немъ неизбѣжнаго спутника всякому подлинному Индоевропейскому склоненію, укрѣпили за нимъ значеніе абсолютнаго, истекавшаго изъ природы, закона, отождествили его со всякою древностью и первобытностью какъ ея символъ, всякое же прочее склоненіе, стоявшее внѣ сего процесса или дошедшее до половины его у всѣхъ остальныхъ языковъ, въ томъ числѣ у Славянъ и даже устами собственныхъ ихнихъ ученыхъ, назвали младшимъ, слабымъ, искаженнымъ, объясняя отсутствіе *s* его утратою и порчею языка. Каждому ученому по истинѣ могла *надолъть* такая теорія за одно съ симимъ звукомъ *s*: ревнуя о достоинствѣ языка Славянскаго, въ особенности Русскаго, Аксаковъ, быть можетъ въ началѣ ради этого одного, устремилъ всю силу знанія своего и таланта противу досаднаго явленія, неизвѣстнаго нашему родному языку и поставленнаго ему въ укоръ. Держа, какъ говорили мы, вопросъ языка вопросомъ народа и собственной жизни или обратно, держа это какъ знамя и какъ держали у насъ въ старину всякое высокое имя — грозно и честно, Аксаковъ раздѣлялъ по частностямъ сего вопроса, особенно при „*Имени Существительномъ*,“ и собственныя чувства, любовь или отвращеніе, симпатіи и антипатіи. Такъ, сверхъ своего знанія, онъ особенно *любилъ* звукъ *ъ*, играющій столь видную роль у насъ и столь много способствующій разысканію филологическому: въ ту же мѣру, онъ *возненавидѣлъ* противника—звукъ *s*, тою ненавистью, которую можетъ питать добрѣйшее сердце къ чему либо гнусному. Онъ расточалъ сему врагу прозвища „надоѣднаго,“ „назойливаго,“ „вторгавшагося пролазы,“ „услужливаго,“ „рабскаго;“ онъ перенесъ сюда смыслъ приторной угодливости, чуждый собственному его лицу и проникшій къ намъ въ видѣ поддакиванья, какъ рабское „да-*съ*, нѣтъ-*съ*:“ потому, какъ самъ говорилъ обыкновенно съ твердостію „да“ или „нѣтъ,“ такъ на вѣрное можно было считать

признакомъ, что Аксаковъ недоволенъ или гнѣвенъ, когда онъ начиналъ употреблять „да-*съ*, нѣтъ-*съ*.“ Дѣло однако не въ этомъ, а въ томъ, что, безпрестанно возвращаясь къ сему вопросу, онъ рѣшительно ниспровергъ царившую у филологовъ теорію, доказавши стократно: что *s* есть суффиксъ изъ суффиксовъ, какъ всѣ прочіе, одинаково извѣстные; что это явленіе есть признакъ весьма далекой, вѣками добытой, сравнительно поздней опредѣленности, и признакъ злоупотребляемый, повторяемый, впѣшнимъ образомъ прирастающій; что мы не утратили его, а въ томъ видѣ, какъ имѣютъ другіе, вовсе не пріобрѣтали; что у кого онъ есть, это вовсе не символъ первобытности, ни какая ни будь норма, ни всеобщій законъ и т. д. Правда, здѣсь филологъ—не то чтобы увлекся и преувеличилъ, — а скорѣе не доглядѣлъ и не успѣлъ всмотрѣться глубже: онъ не обратилъ вниманія, что этотъ неоспоримый „суффиксъ“ въ свое извѣстное, старшее время, у языка первобытнаго, древнѣйшаго чѣмъ Санскритъ и Зендъ, имѣлъ значеніе „флексіи“ и, пройдя черезъ склоненіе, *позже* выросъ въ форму суффиксомъ, такъ что *повтореніе* его, у Санскрита и прочихъ древнихъ, безспорно позднѣйшее, есть однако повтореніе и возстановленіе эпохи предшествовавшей; онъ упустилъ изъ виду, что *с*, ставши у насъ самихъ суффиксомъ (*голо-с-ъ*, *яр-у-с-ъ*), выросши въ форму (*неб-ес-*, *тьм-ес-*), воскресая порою на глазахъ нашихъ въ подобіе флексіи (*вчер-а-с-ь*), гораздо раньше того, у насъ же въ эпоху болѣе первичную, руководилъ *самимъ склоненіемъ*, составляя чистую *согласную флексію*, совпадавшую съ пріемомъ другихъ языковъ; при той разницѣ, что мы, опредѣлившись *другими* флексіями, уже *не повторили* у себя *с* позднѣе. Мы это и сочли долгомъ въ своемъ мѣстѣ съ подробностію дополнить: воображаемъ, какъ покойный „сердился“ бы на насъ за это, будто за уступку и почти измѣну, хотя самъ же это вызвалъ въ насъ глубиною своихъ соображеній, хотя при жизни, въ отвѣтъ на первыя заявленія наши въ этомъ родѣ, самъ же поощрялъ ихъ и, думаемъ, въ концѣ концовъ непремѣнно теперь согласился бы съ нами, при взаимныхъ конечно ограниченіяхъ. Тѣмъ не менѣе, дополнять можно и должно, въ этомъ вся плодотворность Аксаковскихъ началъ: а теорію и теоретиковъ, выше помянутыхъ, филологъ нашъ ниспровергъ до основанія, имъ больше не возстать для науки. — Разумѣется, съ этимъ же вопросомъ связаны положенія Аксакова о *тематич-*

ности и *гласности* нашего склоненія: съ ними можно спорить и также вести изслѣдованіе дальше, но все, въ чемъ уклонялся авторъ при разысканіи, всѣ его недостатки или естественныя преувеличенія прикрылъ и совершенно исправилъ онъ выводами, о которыхъ говоритъ отчасти и самъ въ „Предисловіи“ (стр. IV и дал.). Остается несомнѣннымъ, что это особенность наша, и прадревняя, и первобытная по своему значенію: однако же филологъ успѣлъ согласиться, что она могла быть не *остаткомъ*, не *слѣдомъ* и не *отсадкомъ* праязыка, а послѣдствіемъ реакціи, дѣломъ новѣйшаго и дальнѣйшаго нашего развитія, именно плодомъ нашего *обособленія*, „хронологически“ позднѣйшаго, „качественно“ законнаго и слѣдовательно вторившаго основамъ самымъ глубокимъ. — Но такихъ положеній у нашего автора множество и пересчитывая ихъ мы вдались бы въ завоеванія, сдѣланныя скорѣе его философскимъ умомъ, чѣмъ трудомъ филологическимъ. — По тому, возвращаясь, мы прибавимъ, что онъ же выставилъ ярко роль числа *Двойственнаго*, опредѣливши признаки, по которымъ склоненіе явно идетъ отъ Единственнаго ко Множественному „черезъ Двойственное,“ а падежи Множественнаго получаютъ лучшее разъясненіе только изъ сего пути и посредства. — Въ частности о падежахъ, Аксакову принадлежитъ догадка, пріобрѣтающая самую прочную доказательность, что установившіяся флексіи падежа *Дательнаго* перенесены собственно съ *Творительнаго*, по крайней мѣрѣ прошли путь образованія черезъ Творительный, какъ яснѣе видно въ Двойственномъ и Множественномъ; Латинское *bi-s* (*nobi-s* и т. п.) онъ принималъ отсюда Творительнымъ (мы прибавили бы — Соединительнымъ), и старшимъ, чѣмъ *bu-s*, хотя это окончаніе и усвоено въ установившейся Латыни одинаково Дательному. — Впрочемъ довольно. Всѣмъ этимъ, и подобнымъ, авторъ нашъ внесъ драгоцѣннѣйшіе вклады въ науку языкознанія, не только въ будущую, идеальную или чаемую, но и въ предыдущую, и современную, самую точную и положительную, даже — пожалуй — узкую, анатомическую, „примѣрную“ и „буквоѣдную“.

Не можемъ не замѣтить, какъ всѣ подобные вѣскіе выводы давались Аксакову *легко* и *просто*. Мы очертили отчасти его громадный приготовительный трудъ и говорили уже, что трудъ сей былъ не копотливый и крохоборный, не внѣшній и матеріальный, а трудъ истиннаго развитія, выразившійся не мозо-

лями рукъ или истощеніемъ глазъ, а напряженіемъ ума, болью сердца, жертвами нравственными среди окружающей жизни и тогдашней общественной обстановки: но понятіе труда, каково бы ни было, простиралось лишь на процессъ или ходъ развитія, ни сколько не ложась отпечаткомъ ни на плодъ, ни на произведеніе и выводъ. На семъ послѣднемъ рубежѣ царило уже творчество со всею легкостію и свободою. Вы видите въ Граматикѣ, какова она по рукописи и какъ она есть по изданію, всѣ видимости работъ и затрудненій: эти видимости дѣйствительно возникли, но возникли именно при письмѣ, подъ перомъ, на бумагѣ, въ переходѣ къ изданію; на душу обратно онѣ не вліяли бременемъ или запутанностью, ни въ самомъ выводѣ, среди строкъ, не отзываются читателю чѣмъ либо тяжелымъ. Замѣчаете, что авторъ, какъ авторъ, какъ писатель и издатель, часто возится съ матеріаломъ, переходитъ отъ одной мелочи къ другой, повторяется, оговаривается, ищетъ и какъ будто хлопочетъ: и тутъ же, не взначай, тою „божественнаго“ происхожденія отгадкой, которая и названа „дивинаціей,“ даритъ вамъ самое мѣткое и ясное положеніе, нерѣдко почти не оправданное мелочами, часто въ разрѣзъ съ аппаратомъ и работой. Встрѣчая почти на каждомъ шагу самыя тонкія философскія соображенія, вы приходите къ убѣжденію и говорите: „Сколько онъ *думалъ* и *продумалъ!* Этотъ человѣкъ думалъ за другихъ, вовсе не думавшихъ о Русскомъ языкѣ, думалъ тамъ, гдѣ спеціалисты фаха работали безъ мысли, выписывая, списывая и прописывая!“ Здѣсь правда, но только отчасти: будетъ не правда, если вы предположите, какъ бываетъ обыкновенно, думу тяжелую, способность, охоту и необходимость крѣпко „задумываться.“ Аксаковская дума была такою же творческою, какъ „дума“ пѣспотворчества у Малороссовъ, какъ „дума“ въ нашей исторіи, но старшая и народная — какъ „вѣче.“ Ни подготовки разсчитанной и памѣрепности, ни усидчивости, ни регламентаціи занятій, ни уставной формы рѣшенія тутъ не было и не могло быть. И это всего ярче обнаруживалось при живомъ общеніи съ Аксаковымъ. Насъ всегда изумляло: въ самыхъ трудныхъ задачахъ, гдѣ мы и другіе „задумывались,“ хотѣли и просились „подумать,“ спѣшили къ матеріалу и даннымъ, пересматривали, провѣряли и т. д., Аксаковъ съ разу рѣшалъ, какъ будто что-то готовое; и точно, рѣшеніе слишкомъ хорошо было подготовлено у него всею жизнію, цѣлымъ существомъ и цѣльною природою.

Онъ не разсматривалъ: онъ прямо и непосредственно „созерцалъ;“ не изучалъ: а просто „вѣдалъ;“ для него не было „предмета:“ была сама жизнь и сущность живая.

Сказавши о томъ, какъ относился Аксаковъ къ *языку*, мы почти сказали уже объ отношеніяхъ его къ *народу*, ибо для Аксакова было едино и цѣльно „языкъ — народъ.“ Теперь, на оборотъ, дополнимъ о народѣ на столько, на сколько это относится къ языку. Русскій народъ, какъ и языкъ, *вѣдалъ* Аксаковъ существомъ живымъ и цѣлымъ, не анатомируя, не примѣрнвая, не разбивая по знакамъ и не расписывая исторически: обходясь съ живымъ человѣкомъ, вѣдь вы не станете его татуировать значками лѣтъ, мѣсторожденія, родственныхъ связей? Порядочный человѣкъ не станетъ въ живомъ разговорѣ учащать „превосходительствомъ,“ ни принимать въ разговорѣ подобныхъ титуловъ: Аксаковъ не заботился ни о превосходствѣ, ни о первобытности, ни объ историческихъ привилегіяхъ своего народа. Онъ могъ говорить, какъ самъ народъ, цѣльнымъ древнимъ, лѣтописнымъ, актовымъ, пѣсеннымъ языкомъ, могъ, мы видѣли, вести на семъ языкѣ дружескую переписку: между тѣмъ, какъ самъ же народъ, онъ писалъ языкомъ современности, не гнушаясь нисколько ни младшими, ходячими формами, ни даже иностранными оборотами и словами; Даль, другаго происхожденія и развитія, испугался бы этого какъ признака иностранной природы; современные Чехи гордятся, слѣпивши тысячи формъ на собственномъ нарѣчіи, съ нѣмецкихъ словъ и выраженій, для понятій Австрійской цивилизаціи. Все это, согласны, вредило отчасти *писанной* Граматикѣ и готовленному *изданію*: но, что̀ дѣлать, это было такъ; Аксаковъ не допускалъ ни для познанія народа, ни для уразумѣнія языка никакой *внѣшней цѣли*. Хомяковъ логизировалъ въ языкѣ для шутки, для остроумнаго сближенія и прозелитизма адептамъ; Гильфердингъ, отсюда же начавши, штудировалъ въ языкѣ для исторіи: Аксаковъ не любилъ шутки, не подчинялъ ни языка, ни народа внѣшней исторіи, а зналъ и познавалъ языкъ или народъ для самого же языка и народа. „Въ народъ“ онъ не ходилъ, имѣя его въ себѣ и въ общей жизни съ собою; „къ народу“ не обращалъ, хотя первый же съ Хомяковымъ посѣщалъ въ извѣстную эпоху кружокъ Рыбникова и конечно однимъ своимъ „присутствіемъ“ направилъ кружокъ къ той дѣятельности, которая оказала впослѣдствіи богатые плоды для открытія и собранія народ-

ныхъ памятниковъ. Ни благодѣтельствовать народу, ни превозносить и декорировать его, ни костюмироваться имъ, ни писать или издавать что ни будь „для народа,“ ни выставлять народъ для завоеванія ему силы или славы, ничего этого не позволялъ себѣ Аксаковъ: и также точно обходился съ языкомъ. Не налагая на себя въ сихъ отношеніяхъ ни подвига, ни аскетизма, ни усилій жертвы, онъ жилъ, говорилъ и дѣйствовалъ какъ самъ народъ — въ его теперешнемъ положеніи. Народная жизнь и жизнь личнаго бытія сливалась, представляя взаимное сходство и почти тождество: богата силами и творчествомъ, глубока мыслію, дѣйственна словомъ, проста, природна, существенна, замкнута въ себѣ — по безучастію внѣшней исторіи, даже безъ голоса — чтобы пѣть, какъ смолкаетъ нынѣ пѣсня въ самомъ народѣ, отчасти безъ письма и грамоты, и отсюда столько затрудненій автору при переходѣ къ написанію Граматики. Но, если въ какомъ лицѣ Русскій народъ сознавалъ себя, вѣдалъ закопы, потребности и надежды своего бытія, росъ знаніемъ и зналъ всю творческую мѣру своего возраста, — это въ Аксаковѣ. Мы бы не допустили его, еслибы сверхъ чаянія пожелалъ онъ „издавать“ и „комментировать“ текстъ народныхъ творческихъ произведеній: но имъ были мы поддержаны на семъ пути, съ нимъ послѣ Кирѣевскаго положили начало изданіямъ, ему мы обязаны истолкованіемъ высшаго богатырски-народнаго образа Ильи Муромца, и, послѣ смерти Аксакова, отпечатали первыми пѣсни объ этомъ первомъ богатырѣ, думая про себя, какъ будто мы водружаемъ памятникъ самому Константину Сергѣевичу Аксакову. Ни одинъ, кажется, комментарій къ тексту Былины не перепяли мы у сего старшаго истолкователя Былинъ: и до сихъ поръ, въ каждомъ вопросѣ, вынуждающемъ задуматься, беремъ передъ взоры тѣ очерки, всматриваемся пристально въ тѣ рисунки богатырей, которые Аксаковъ, „не умѣя“ рисовать, чертилъ про себя; эти безъискусственные образы, набросанные почти дѣтской рукою, такъ вѣрны со всѣмъ, что̀ мы узпаемъ дальше и дальше, что посмотрѣвши на нихъ каждый разъ мы пріобрѣтаемъ поддержку правильному взгляду, разъясненіе всякому туману, насъ окружающему.

Исчерпать разъясненіемъ всѣ отношенія Аксакова къ Русскому языку и народу нѣтъ никакой возможности: тутъ даже не было *отношеній*, какъ будто между двумя сторонами, тутъ была *общая жизнь*, какъ будто въ одномъ существѣ; а разъяснить вполь-

нѣ жизнь цѣльнаго существа—значило бы *прожить ею*. Довольно, если мы успѣли очертить хотя приблизительный обликъ сей жизни.

Теперь, послѣ всего сказаннаго о Граматикѣ, объ авторѣ ея, корректурѣ и редакціи, понятны будутъ, кажется, наши *Примѣчанія* и *Прибавленія* въ ихъ истинномъ смыслѣ. Мы совершенно безпристрастны и къ недостаткамъ труда, и къ достоинствамъ автора, не скрывая первыхъ и не выставляя вторыхъ: но въ томъ и другомъ случаѣ мы нисколько не имѣемъ въ виду *критики*, замѣняя ее истолкованіемъ текста, развитіемъ началъ, въ немъ лежащихъ, и продолженіемъ работы, на него положенной. Все, что̀ при этомъ оказалось бы прибавленнаго въ подробностяхъ, примѣрахъ и матеріальной обстановкѣ, все это, предназначенное къ отвращенію заблужденій и неосторожныхъ нареканій произведенію, въ собственныхъ глазахъ нашихъ не имѣетъ большой цѣны: оно пособляетъ вѣшнему изданію, но не видоизмѣняетъ, не расширяетъ самаго дѣла и обязано только тому, что мы позже родились и послѣ автора остались въ живыхъ.—Есть впрочемъ сторона и важнѣе. Сочинитель, человѣкъ неудержимой мысли, всего ближе подходилъ къ тому образу, который выраженъ словами Великаго Учителя „языковъ“ о самомъ себѣ, — „задняя забывая, въ предняя же простираяся:“ особенность эту въ нашемъ авторѣ мы уже достаточно разъяснили. Тамъ, гдѣ онъ спѣшитъ впередъ и пытаетъ новыя данныя, оставляя часто позади неоднократныя и даже лучшія толкованія вопросу; тамъ, гдѣ набрасываетъ начала высшія, намѣчаетъ пути новые, которыхъ не успѣлъ уже ни развить, ни опредѣлить вполнѣ, тогда какъ они вязкутся тѣсно со всѣмъ предыдущимъ и вытекаютъ изъ цѣльнаго творческаго воззрѣнія: тамъ, если подстрочныя наши оговорки и ссылки уже недостаточны, если мало одной редакціи текста, мы дѣлаемъ обширнѣе *сводъ* всѣхъ положеній сочинителя по данному вопросу къ единству, тамъ мы сами *вступаемъ на путь его* съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ или выводомъ. И плодъ авторскаго творчества, и духъ его остаются во всей неприкосновенности, съ нихъ мы начинаемъ и къ нимъ возвращаемся: но здѣсь мы самостоятельны. По примѣру самого автора, мы чуждаемся склонности — „jurare in verba magistri,“ и магистра столь не притязательнаго на учительство: мы не выписываемъ его словъ при нашихъ собственныхъ, не указываемъ на нихъ перстомъ; мы явно рознимся отъ

него въ способѣ, пріемахъ, ходѣ изслѣдованія и не рѣдко даже въ часностяхъ вывода,—это легко отличить каждому взору: а замѣтить единство нашихъ воззрѣній съ воззрѣніями автора въ ихъ сущности, оцѣнить общую цѣлость и нашего, и авторскаго взгляда, — предоставляемъ тому, кто внимательно будетъ читать обоихъ, занимаясь самъ тѣми же вопросами. Безъ сихъ послѣднихъ условій, — мы и не просимъ, и не ожидаемъ читателей. По тому же самому, мы предполагаемъ въ нихъ непремѣнно интересъ и достаточно подготовительныхъ свѣдѣній: говоря, на примѣръ, что Именительный на *us* переносится въ 4-мъ Латинскомъ склоненіи съ Родительнаго, а отсюда *us* переходитъ на Именительный склоненія 2-го, возражая К. С. Аксакову, что при этомъ „полусуффиксѣ“ его обличаетъ въ себѣ слѣды старшаго склоненія, въ коемъ *s* игралъ роль „флексіи,“ мы не цитуемъ ни страницъ Аксакова, ни прибавляемъ опредѣленія этихъ терминовъ и не воображаемъ, весьма впрочемъ возможнаго, читателя, который изумился бы, какимъ способомъ *us* можетъ перенестись съ 8-й страницы Латинской граматики на 4-ю, а съ 4-й, изъ напечатанныхъ примѣровъ Латинскаго классицизма, подняться въ эпоху за тысячи лѣтъ передъ Р. Х., когда еще не писали по Латыни и не было самого Рима. Равнымъ образомъ, какъ и Аксаковъ, мы своими указаніями никому не проповѣдуемъ, ни на чемъ не настаиваемъ и ни въ чемъ не силимся убѣдить: увѣренные, что со временемъ это настанетъ для нихъ само собою, мы, въ тонѣ нашего автора, продолжаемъ здѣсь *бесѣду* съ нимъ, какъ вели ее часто и по долгу съ нимъ живымъ. Въ пятнадцать лѣтъ нашего печатнаго молчанія и объ немъ, и объ его Граматикѣ, бесѣда эта однако же не прерывалась для нашего ума и сознанія: все, что мы ни изучали въ этотъ промежутокъ по вопросамъ языка, мы продолжали повѣрять мнѣніями К. С. Аксакова и, находя что либо новое, мысленно обращались къ нему. Пора же и у мѣста выразить теперь это словомъ, хотя отчасти.

Особенно оказалась потребность „бесѣды“ сего рода въ самомъ важномъ отдѣлѣ Граматики. Какъ есть въ самой жизни языка, прошедши въ изложеніи труда своего чрезъ Двойственное число склоненія ко Множественному, авторъ достигъ до того рѣшительнаго рубежа, гдѣ не только выясняется, но даже „обнажается“ флексія рода, числа и падежа; откуда, какъ съ вершины, раскрываются предъ взоромъ всѣ извилины пройденнаго языкомъ

пути и начинается, съ сей же высшей ступени, обратное поступаніе: упраздняется Двойственное, какъ переходное, точнѣе опредѣляется Единственное; отвлеченный по происхожденію и задачѣ, Средній родъ крѣпнетъ видимо и вещественно, разоблачая, въ конфигураціи своихъ формъ, нити Женскаго и Мужскаго организма, а надъ ними старшаго Общаго; числовое и четное соединеніе роднится съ количествомъ и матеріаломъ стихійнымъ, съ собирательною массою; движеніе склоненія престаетъ, возвращаясь къ словообразованію, передавая туда свою подвижную флексію, въ качествѣ окрѣпшаго суффикса, для дальнѣйшей экономіи языка; изъ всего склоненія съ падежами возстановляется полное слово, имя, форма имени; качество звуковъ, сведя въ ходѣ склоненія свои счеты съ числомъ, съ количествомъ и суммою звуковъ, выигрываетъ новыя отличія и особенности, давая ими знать, каково оно и къ чему способно на дѣлѣ; долгота и краткость гласныхъ, попытавши разныя сочетанія, призвавши въ пособіе своему развитію и полугласные, и двоегласные разнаго разряда, выдвигаетъ за собою на сцену, для различенія падежей, чиселъ и родовъ, еще новое условіе — удареніе, какъ нѣчто отдѣльное; удареніе, послѣ нѣсколькихъ варіацій, сдерживаетъ свою подвижность, получая опредѣленное мѣсто — для одного рода, числа и падежа тутъ, для другаго тамъ и индѣ; съ пріостановкою движенія на его новомъ результатѣ, — не само для себя, а для нашего взора и наблюденія, — временно пріостанавливается творчество языка, покоится духъ и впереди готовится ему новый вопросъ матеріала на созиданіе. Все это, такъ или иначе, короче или подробнѣе, затронуто или разъяснено нашимъ авторомъ на разныхъ стадіяхъ пути при изложеніи «Граматики:» но, когда дошло именно до числа Множественнаго въ сравнительномъ изученіи, когда предстояло дать рѣшительный выводъ и обратиться съ общимъ заключеніемъ къ предыдущему, когда, повинуясь сей задачѣ, авторъ началъ то «прибавлять» въ концѣ, то «пересматривать» съ начала,— тогда, какъ мы говорили, физическія силы его начали ослабѣвать и, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, самый духъ организаціи готовился покинуть мощную натуру. Замолчать вмѣстѣ съ авторомъ на этомъ же пунктѣ—значило бы покинуть его въ минуту самую важную: напротивъ, съ этого же именно пункта, сочли и мы обязанностью прибавить нѣсколько самостоятельныхъ замѣчаній. Не обѣщаемъ здѣсь ничего полнаго и законченнаго: сообщаемъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой слѣдуемъ за К. С. Аксаковымъ.

Такъ располагается въ концѣ Граматики наше «*Особое Приба-вленіе:*» всего болѣе о падежѣ *Шестомъ*, то есть *Соединительномъ*, *Творительномъ* и *Относительномъ*, — въ этомъ все наше *главное*.

При этомъ бросаемъ отчасти взглядъ и на другіе падежи, хотя въ подстрочной замѣткѣ при текстѣ сказали уже достаточно о *Дательномъ*.

Съ той же точки зрѣнія и въ связи съ числомъ *Множественнымъ*, касаемся судебъ *Двойственнаго*, равно какъ основныхъ началъ *Единственнаго*.

Данныя о *родѣ*, *гласности* и *удареніи* входятъ сюда или мимоходомъ, или какъ средство для главной цѣли.

За всѣмъ этимъ останется безъ разъясненія одинъ еще, существенно важный, вопросъ языка: связь *имени* съ *глаголомъ*, *склоненія* со *спряженіемъ*. Уже А. Ст. Хомяковъ, давно въ живой бесѣдѣ, затрогивалъ своимъ пытливымъ умомъ эту любопытную задачу: *наши виды*, ближайшіе къ формѣ слова и къ имени, онъ спрягалъ по *Латинскому спряженію времень*, а обратно Латинское *спряженіе* формировалъ нашими *видами*. Это послужило предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ разговоровъ съ К. С. Аксаковымъ: мало по малу опредѣлились довольно яркія точки сближенія—между лицами глагола и падежами, въ *процессѣ* спряженія и склоненія; а за тѣмъ располагались своими рядами и дальнѣйшія группы. Случай, какъ всегда бывало для обоихъ, — при появленіи одного филологическаго опыта въ печати,—вызвалъ къ изложенію взглядовъ и начало новаго труда выразилось взаимною нашею перепискою *о видахъ Русскаго и Славянскаго глагола*. Но обстоятельства и вскорѣ смерть К. С. Аксакова перервали начатое: а Издатель II-го тома Сочиненій покойнаго (стр. 652) наводитъ на мысль, что наша переписка гдѣ-то исчезла. Возобновлять такія начала уже поздно: а наше продолженіе, въ черновыхъ запискахъ и замѣткахъ, едва ли когда ни будь появится свѣту.

П. Безсоновъ.

1875.

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

ОБЩЕСТВУ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОЧТИТЕЛЬНѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя на судъ читателей опытъ Русской грамматики, я долженъ прибавить, что нужно было бы изложить Русскую грамматику въ ея возможной полнотѣ, въ историческомъ движеніи языка и въ сравнительномъ отношеніи къ древнимъ и современнымъ языкамъ. Но такая грамматика есть трудъ весьма пространный; быть можетъ, онъ и появится со временемъ, но не скоро.—Кромѣ этой причины, которая должна была бы только отдалить срокъ появленія грамматики, есть другая. Подробное изложеніе всѣхъ, историческихъ и сравнительныхъ, особенностей и оттѣнковъ заслонило бы самую мысль и построеніе грамматики, и увлекло бы вниманіе читателя въ цѣлый міръ измѣненій и переходовъ слова, тогда какъ прежде всего нужно, чтобы ясна стала система, или лучше, весь составъ грамматики,—послѣ чего можно уже смѣло, не боясь потеряться, пуститься въ зыбкій міръ разноязычныхъ и разновременныхъ словоотношеній. — Вотъ почему счелъ я нужнымъ и полезнымъ, прежде полной, сравнительной и исторической Русской грамматики (которую совершу ли, и буду ли въ силахъ совершить,—еще не знаю),—издать этотъ: „Опытъ Русской Грамматики и вмѣстѣ Грамматики вообще.“—Сравнительный, и отчасти историческій, элементы вошли и сюда, по скольку

они казались мнѣ нужны, но не въ тѣхъ размѣрахъ, которые требовались бы при полной и подробной обработкѣ оныхъ.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы заранѣе отвѣтить на возраженія или недоразумѣнія.

Всякая живая наука, то есть: наука, имѣющая дѣло съ жизнію, имѣетъ дѣло съ таинствомъ; такова и филологія, предметъ которой—слово, этотъ сознательный снимокъ видимаго міра, эта воплощенная мысль. Преслѣдуя жизнь въ той или другой области ея проявленія, наука доходитъ до предѣловъ таинственнаго, до тѣхъ предѣловъ, откуда внутреннее становится внѣшнимъ, духъ — осязательнымъ, безконечное — конечнымъ. Наука думаетъ иногда выйти изъ затрудненія, принявъ анатомическое воззрѣніе*), сдѣлаться матеріальною, сказать, что нѣтъ духа и души, и недостойно успокоиться такимъ воззрѣніемъ, отрицательнымъ и тупымъ, при которомъ вовсе непонятна и жизнь, и смыслъ ея, и то, что̀ даже просто угадываетъ вѣщая душа наша. Но, слава свѣту сознательной мысли! Разумъ самъ обличаетъ ложь всѣхъ матеріальныхъ теорій, на немъ по видимому основанныхъ, прогоняетъ ихъ тяжелую тьму, самъ низвергаетъ всякое себѣ богослуженіе, самъ знаетъ свои предѣлы и признаетъ непостижимое, открывающееся откровеніемъ духу человѣческому. За то, ясно свѣтитъ разумъ на все доступно-разумное; знаніе его твердо, незыбко, опирается на сознаніе, на логическую силу. Какъ Паллада Аѳина въ Греческомъ миѳѣ, мысль вооружена съ головы до ногъ.—такова наука въ истинномъ смыслѣ сло-

*) Анатомическій путь имѣетъ великую пользу, но не анатомическое воззрѣніе, не анатомическая теорія.

ва, дѣло истиннаго разума.—Наука есть сознаніе общаго въ явленіи, цѣлаго въ частности; зная свои предѣлы и доходя до нихъ, наука должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это—*таинство жизни*. Наука слова находится точно въ томъ же положеніи: она можетъ указать на всѣ измѣненія слова, на разумное ихъ значеніе, но когда приходитъ къ самому *слову*, къ слогу и буквамъ, къ самимъ этимъ звукамъ, полнымъ разума, къ этой прозрачной одеждѣ мысли,—она должна признать таинство явленія слова,—этого новаго міра, вознесшагося надъ міромъ. Не рѣшая таинства самаго воплощенія мысли въ веществѣ слова, наука видитъ и слѣдитъ разумное строеніе и ходъ уже воплотившейся мысли. — Филологія (въ общемъ смыслѣ), болѣе всякой другой науки, должна признать духовность въ явленіяхъ, ибо слово все проникнуто сознаніемъ и возникло съ нимъ. Слово есть сознаніе, *слово есть человѣкъ*.

И такъ, мы допускаемъ въ наукѣ (а слѣдовательно и въ филологіи), на границѣ ея, свой таинственный, такъ сказать мистическій, элементъ, къ которому необходимо примыкаетъ вся дѣятельность нашего разума, какъ мы ни стараемся объяснить это. Слово есть высшее земное *проявленіе* самого разума; въ словѣ все разумно. Признавая въ немъ съ одной стороны этотъ таинственный, или мистическій элементъ, о которомъ было сказано, — мы признаемъ въ немъ разумность всюду, гдѣ дѣло становится уже доступно разуму *).

*) Намъ, быть можетъ, скажутъ, что и въ другихъ областяхъ науки все разумно. Такъ, но за то въ другихъ областяхъ есть стороны, до которыхъ дѣла нѣтъ идеѣ, слѣдовательно разуму. Такъ, напримѣръ, въ мірѣ изящ-

Мы сочли нужнымъ сказать это объясненіе для оправданія нашего „введенія“, гдѣ говоримъ мы объ образованіи буквы, которое стараемся опредѣлить приблизительно, во сколько можетъ оно подлежать разуму;—также для оправданія значенія окончаній: *ъ, а, о, и.* и т. п. Что же касается до разумности самого слова и всѣхъ его явленій, то съ этимъ, думаю, спорить не будутъ.—Никто, на примѣръ, не станетъ сомнѣваться въ присутствіи разумной причины, по которой имена средняго рода, во всѣхъ языкахъ, одинаковое имѣютъ окончаніе въ падежѣ Именительномъ и Винительномъ.

Мы должны дать еще одно объясненіе. Найдутся, можетъ быть, такіе читатели, которые изъ грамматики нашей заключатъ, что мы Русской языкъ признаемъ первообразнымъ и древнѣйшимъ. Это неправда. Конечно, живое современное употребленіе языка—еще нисколько не доказательство позднѣйшаго его происхожденія, какъ на оборотъ изъятіе изъ живаго употребленія, мертвенность языка, нисколько не доказательство его первобытности. Ошибочно было бы доказывать новость языка тѣмъ, что это языкъ живой, а древность тѣмъ, что это языкъ мертвый. Родившись прежде

паго, въ скульптурѣ, — мнѣ дѣла нѣтъ: такъ ли бѣлъ внутри этотъ мраморъ, какъ онъ бѣлъ снаружи, нѣтъ ли внутри какихъ язвинъ, или полосъ другихъ цвѣтовъ. Въ архитектурѣ знать массу, изъ какой воздвигнуто зданіе,—еще менѣе нужно; вещество само здѣсь мало имѣетъ значенія; разумѣнію красоты архитектурной — до него нѣтъ дѣла. Между тѣмъ какъ въ мірѣ изящнаго, въ поэзіи, слово, какъ *вещество* само, нераздѣльно соединено съ идеею, и принимаетъ участіе, какъ вещество, въ ея проявленіи. Намъ скажутъ, что здѣсь для вѣрности надо привести, въ сравненіе съ филологіею, науку о веществѣ и о законахъ его. Но и тутъ, при опредѣленіи законовъ, въ рукахъ науки остается глухая тяжелая масса, какъ бы внѣшняя, какъ бы субстратъ на ней обозначающихся законовъ. Между тѣмъ слово, и какъ вещество, все проникнуто разумностью, все прозрачно, понятно, ибо само слово есть актъ сознающаго разума.

де, можно пережить тѣхъ, которые родились послѣ; и хотя мы признаемъ, что это именно случилось съ Русскимъ языкомъ (подразумѣвая здѣсь и другіе Славянскіе) относительно его Европейскихъ братій, но мы изъ этого не выводимъ, чтобы онъ былъ древнѣе *всѣхъ*, даже когда либо существовавшихъ языковъ. Наше дѣло указать на формы и флексіи Русскаго языка. и въ логическомъ отношеніи, и въ отношеніи сравнительномъ съ другими языками. Заключеніе о древности Русскаго языка предоставляется сдѣлать самому читателю. Впрочемъ. вопросъ собственно хронологическій мы въ настоящемъ трудѣ устраняемъ. Мы указываемъ на разумность образованій и всей являющейся дѣятельности языка. и вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ первоначальность; но главное дѣло для насъ теперь не въ томъ, когда она возникла. Языкъ древнѣйшій есть языкъ относительно древнѣйшій. Языкъ первообразный, добытый сравнительною грамматикою, даже и онъ,—все же языкъ относительно первообразный.—Нельзя не согласиться, что на этомъ полѣ сравнительной филологіи много невѣрнаго и произвольнаго, много сбивчиваго; почему надобно быть здѣсь весьма осторожнымъ. Логическая сторона языка, кажется намъ, можетъ быть здѣсь лучшею руководительницею.

Существуетъ мнѣніе, что первообразный языкъ есть языкъ наиболѣе богатый, и разнообразіемъ, и полнотою формъ. — Скажемъ опять на это. что мы знаемъ языкъ, только относителько первообразный.—По нашему же мнѣнію естественно предположить въ языкѣ,—въ тѣ почти недоступныя для науки времена, въ ту эпоху, до которой не восходитъ ни одинъ изъ извѣстныхъ міру языковъ,—естественно предположить полноту звуковъ и буквъ, но малочисленность измѣненій,

негибкость формъ, которыя, полныя производительной силы, еще замкнутой въ нихъ, развились потомъ разнообразно и многочисленно, съ той свѣжестью и богатствомъ, которую мы отчасти встрѣчаемъ, отчасти предполагаемъ въ языкѣ, *называемомъ* нами первообразнымъ. — Мы думаемъ, что при отдѣленіи новой вѣтви языка отъ своего корня, можетъ повториться эта первобытная неподвижность формъ, неподвижность, полная силы и жизни, изъ которой возникаетъ разнообразіе и измѣняемость. Это можетъ повториться, ибо, при самостоятельномъ отдѣленіи (а не при паденіи и порчѣ), должно отразиться въ новомъ словѣ все творчество и созиданіе слова, подобно тому, какъ новая вѣтвь, отдѣляясь отъ ствола, повторяетъ въ себѣ процессъ дерева. Мысль эта была уже нами высказана, хотя весьма неудовлетворительно, въ „Разсужденіи о Ломоносовѣ," въ которомъ представили мы древнѣйшіе примѣры *несклонности* формъ въ Русскомъ языкѣ. Эта первобытная неподвижность, полная крѣпости и силы, и разрѣшающаяся въ богатствѣ и разнообразіи измѣненій, не есть та безотрадная неподвижность, которая бываетъ слѣдствіемъ истощенія языка и представляетъ грустный видъ окаменѣлаго, нѣкогда живаго и гибкаго, слова. При наружномъ сходствѣ и той и другой неподвижности, ошибиться однако же и принять одну за другую — нельзя; слишкомъ ясны въ истощенныхъ языкахъ слѣды бывшихъ развитыхъ формъ; здѣсь встрѣчаемъ не отсутствіе разнообразія и измѣненій: здѣсь напротивъ на каждомъ шагу обломки, о нихъ говорящіе, но неподвижные и жалкіе. — За исключеніемъ этихъ падшихъ языковъ, этихъ изсохшихъ и отсохшихъ вѣтвей общаго дерева, — ходъ человѣческаго слова не представляетъ въ глазахъ нашихъ постояннаго паденія. При преемственномъ сво-

смъ образованіи, при отдѣленіи своемъ отъ первоначальнаго своего корня, каждый самостоятельный языкъ представляетъ новое усиліе и новую сторону творчества въ словѣ. За каждымъ такимъ языкомъ, согласно съ г. Гильфердингомъ *), признаемъ мы *личный подвигъ духа и мысли*. Отступая отъ своего *историческаго* первообраза, языкъ, въ самомъ устройствѣ своемъ, могъ выработать и высказать много духовныхъ сторонъ, *много разума*, не проявлявшагося индѣ. — Почему знать: языкъ могъ даже, въ позднѣйшей (хронологически) своей дѣятельности, возвышаясь сознательно, воротиться къ болѣе настоящимъ и первообразнымъ, даже хронологически первообразнымъ формамъ, чѣмъ формы языковъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ. — Какъ бы то ни было, мѣрка *хронологической* древности, при нашемъ воззрѣніи, перестаетъ быть для насъ единственною мѣркою достоинства языка и теряетъ свою безусловную важность.

Русской языкъ есть языкъ самостоятельный, даже относительно языка церковно-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій. Въ грамматикѣ нашей, устройство русскаго языка разсматривается въ той мѣрѣ, въ какой онъ себѣ оное выработалъ, при чемъ Русской языкъ разсматривается самостоятельно и отдѣльно, даже отъ соплеменныхъ нарѣчій, но въ то же время, въ своей полной, существенной, а не наличной цѣлости, для чего, а также для настоящей оцѣнки и опредѣленія, мы прибѣгаемъ къ древней нашей

---

*) См. изслѣдованіе г. Гильфердинга: „объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ.“ Мнѣ было очень пріятно встрѣтиться съ г. Гильфердингомъ въ мысли, которую я такъ неудовлетворительно высказалъ въ Ломоносовѣ и которой я себѣ еще вполнѣ отчетливо не опредѣлялъ тогда.

рѣчи и къ другимъ Индо-Европейскимъ языкамъ, а потому входятъ въ грамматику элементы историческій и сравнительный.

Вотъ объясненія, которыя казались мнѣ нужными: присоединяемъ къ нимъ еще одно слѣдующее замѣчаніе. При филологическихъ занятіяхъ не надо забывать, что отсутствіе или измѣненіе какой ни будь формы слова — можетъ быть иногда утрата или искаженіе; но такое же отсутствіе или измѣненіе могутъ быть самостоятельною, иногда важною и многозначительною, особенностью языка.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Выдавая въ свѣтъ этотъ первый выпускъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Первая часть «Опыта Русской Грамматики» (а вмѣстѣ и Грамматики вообще) заключаетъ въ себѣ *Имя*, въ обширномъ общемъ смыслѣ слова. Первый отдѣлъ этой части есть *Имя* въ частномъ смыслѣ, или, такъ называемое, *Имя Существительное*. Въ первомъ выпускѣ этого отдѣла заключается Имя, разсмотрѣнное собственно въ предѣлахъ Русскаго языка. Такъ какъ это составляетъ, можно сказать, цѣлое, то мы и рѣшились выпустить это начало перваго отдѣла особымъ выпускомъ.

Весьма вѣроятно, что въ предлагаемой нами теперь читателямъ книгѣ есть промахи, обмолвки, оглядки и ошибки, которыя часто, для самаго автора, становятся замѣтными только въ печати. — Но кромѣ того, многое, что въ этомъ первомъ выпускѣ можетъ имѣть видъ чего-то произвольнаго, не доказаннаго, — имѣетъ быть объяснено и доказано въ слѣдующихъ выпускахъ, которые, какъ надѣемся, не замедлятъ явиться.

Сверхъ того, мы должны извиниться передъ читателями въ невѣрности начертаній нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, посредствомъ условно-принятой Латинской азбуки. Въ этомъ первомъ выпускѣ—иностранныхъ словъ не такъ еще много; но этому оно и не составляетъ важности. Въ слѣдующихъ же выпускахъ, какъ надѣемся, печатаніе ихъ будетъ исправно. — Для начертанія иностранныхъ словъ, принимаемъ мы Боппову систему начертанія, какъ приспособленную къ нѣсколькимъ языкамъ. Боппъ, во второмъ изданіи своей грамматики, измѣнилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ начертанія: мы тоже будемъ ему слѣдовать. — При этомъ мы должны также повиниться передъ читателями въ небрежности орѳографической (въ особенности касательно прописныхъ буквъ). Слѣдующіе выпуски, надѣемся, будутъ имѣть менѣе подобныхъ недостатковъ.

Просимъ не забывать, что нашъ: Опытъ Грамматики, есть, прежде всего, Опытъ Русской Грамматики, что мы Русской языкъ отдѣляемъ,

какъ самостоятельный, отъ языка Церковно-Славянскаго, и что въ этомъ первомъ выпускѣ, мы держимся собственно въ предѣлахъ Русскаго языка, только касаясь, гдѣ это становится нужнымъ, области другихъ языковъ. Въ слѣдующихъ же (двухъ) выпускахъ 1-го отдѣла, то есть Имени Существительнаго. обращено вниманіе именно на отношеніе Русскаго языка къ языкамъ соплеменнымъ (Индо-Европейскимъ) и сродпымъ (Славянскимъ).

Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

Къ стр. 21—22. Въ лѣтописи встрѣчается имя средняго рода, которое какъ бы имѣетъ личное окончаніе *ино*: *гобино*. Но здѣсь окончаніе это, какъ видно изъ самаго значенія слова, не есть грамматическое, а этимологическое: это окончаніе образовательное, какъ напр.: *солонина*, *пучина*, и пр.

Къ стр. 26—27. Уже въ Остромировомъ Евангеліи, кромѣ: *есть*, существуетъ форма: *е*, форма очевидно сокращенная.

Къ стр. 99. Сомнѣваемся, чтобъ было можно сказать: *изъ-морю*, *до́небу*. Но если это возможно, то съ помощію переноса ударенія, съ помощію ослабленія звука окончательной гласной, съ помощію обращенія почти въ нарѣчіе: тогда какъ въ именахъ мужескаго рода употребленіе это очевидно и несомнѣнно: *изъ-дому*, *изъ до́му*, и пр.

Къ стр. 101 *). Есть возможность выраженія, отвѣчающаго какъ будто: «подъ сѣнію *зелену древу*:» на примѣръ: *со дна морю достану*. Но здѣсь прямо слышится сохранившійся Дательный.

*) Во 2-мъ изданіи ссылкамъ этимъ отвѣчаютъ страницы: 19—21; 24—26; 95—96; 97.

ВВЕДЕНІЕ.

Исполненъ чудесъ міръ Божій, но все объемлетъ собою одно великое чудо жизни. Жизнь блистаетъ на всѣхъ ступеняхъ міра, играя въ безчисленныхъ явленіяхъ. — Съ нею имѣетъ дѣло наука, стараясь познать законы бытія, познать Бога, на сколько дано человѣческому разуму это познаніе.

Природа полна разнообразія; вся она проникнута различною жизнію, разбѣгающеюся въ неуловимыхъ оттѣнкахъ и въ безчисленныхъ видахъ. — Среди безконечной, въ явленіяхъ, природы, — раздалось *слово*, возвѣстившее присутствіе *человѣка* и вмѣстѣ сознанія на землѣ. Природа со всею своею разновидною жизнію была *названа* по имени и повторилась въ сознаніи и новомъ созданіи, въ устахъ человѣка. Въ мірѣ явилось новое чудо — *слово*, какъ бы собравшее и отразившее міръ.

Человѣкъ не изобрѣталъ, не составлялъ слова. Слово нераздѣльно съ его существомъ, съ духомъ, вложеннымъ въ него отъ Бога; это голосъ сознающаго разума, даннаго свыше. Слово явилось вмѣстѣ съ человѣкомъ. Оно есть живущее, выразившееся сознаніе; оно неотдѣлимо отъ сознанія, какъ сознаніе неотдѣлимо отъ человѣка. Слово и человѣкъ — одно.

Сознанію дается власть овладѣвать предметомъ и становить оный собственностью разума. Оно даетъ предмету равномѣрный образъ и переноситъ его во внутренній міръ духа, въ область разума, гдѣ получаетъ онъ признаніе и оправданіе, гдѣ переходитъ онъ въ новую сферу, въ сферу разумнаго постиженія, гдѣ открывается его разумность, гдѣ является возможность *новаго бытія*, внѣ матеріи, бытія въ *идеи понимаемой*. Неподвижна и самобытна природа въ своей естественной, о себѣ стоящей, жизни. Но человѣкъ

созналъ ее, произнесъ слово, назвалъ,—и она въ его рукахъ вся; вся перешла въ его внутренній міръ и стала его собственностью, подвластною разуму; равномѣрный образъ, безтѣлесный, но не отвлеченный, но опредѣленный и живой, подвижный и покорный, данъ природѣ сознаніемъ человѣка; она вся живетъ въ словѣ, въ новой жизни, на почвѣ разума. Только сознаніемъ человѣкъ властелинъ природы и можетъ переносить ее повсюду съ собою.—Наконецъ человѣкъ, какъ часть природы и вселенной, подлежитъ самъ сознанію; и сознанію подвергается не только внѣшній, но и внутренній его міръ: *все, еже ко сознанію* *).

Законы Слова, этой новой природы, новаго міра духовнаго, конечно разумны. Ихъ изслѣдуетъ *наука Слова*. Къ ней приступаемъ мы, но прежде постараемся устранить могущія возникнуть недоумѣнія.

Первое возраженіе едва ли кто сдѣлаетъ; впрочемъ можетъ быть найдутся иные, которые, привязавшись къ выраженію, скажутъ, что человѣкъ внѣ слова обладаетъ природою: срываетъ горы, измѣняетъ направленіе рѣкъ, сокращаетъ время и пространство желѣзными дорогами, и т. д. — Но здѣсь движетъ таже сила слова, если только взглянемъ мы на всѣ эти матеріальные успѣхи съ человѣческой точки зрѣнія; только *говорящее*, разумное существо могло совершить ихъ, только слово даетъ имъ цѣну, только въ разумѣ слова они важны. Если же мы взглянемъ на всѣ эти подвиги съ одной матеріальной стороны, то увидимъ, что человѣкъ, въ такомъ случаѣ, превосходитъ только другихъ животныхъ: крота, бобра, напримѣръ. и есть только ихъ степень, высшая и въ большемъ размѣрѣ. — Сверхъ того, такое матеріальное, хотя повидимому властительное, отношеніе не даетъ обладанія природою. Даже и тогда, когда человѣкъ измѣняетъ видъ ея, — онъ подчиненъ ей, трудится около нея, живетъ подъ ея условіями. Частное матеріальное измѣненіе, всегда сопряженное съ матеріальными трудностями, не есть обладаніе свободное, истинное.

Другое возраженіе можетъ состоять въ томъ, что сознаніе не есть еще слово, что одно отъ другаго можетъ быть отдѣлено. Но и это очевидно несправедливо. Сознаніе не есть простое отраженіе предмета, не есть чувство, которое заставляетъ животное,

---

*) Употребляемъ здѣсь оборотъ Ц. Славянскій, ибо имъ весьма удовлетворительно выражается мысль.

напримѣръ, обѣгать преграду, *признавать*, такъ сказать, предметы. Сознаніе не можетъ быть также неяснымъ ощущеніемъ представленій о предметахъ и идеяхъ; тогда это было бы не сознаніе, а ощущеніе. Сознаніе есть пониманіе предмета съ полнымъ отчетомъ въ этомъ пониманіи; оно есть, такъ сказать, *повтореніе* предмета, но сопровождаемое *знаніемъ*, и по этому *сознаніе* *). Если сознаніе есть повтореніе предмета, есть возрожденіе его на почвѣ знанія, то отсюда выходитъ, что сознаніе есть въ тоже время *выраженіе* предмета. По этому сознанія безъ выраженія—быть не можетъ; они не могутъ даже быть отдѣлены другъ отъ друга. Слово есть *выраженіе* сознанія, безъ котораго сознаніе не возможно; одно выразилось въ другомъ. Вслѣдствіе этого съ полнымъ правомъ можемъ мы сказать такъ: *Слово есть сознаніе.*

Наконецъ есть еще возраженіе, которое, по крайней мѣрѣ повидимому, болѣе основательно: отчего, если міръ одинъ и сознаніе также, отчего на землѣ не одинъ языкъ, а много? Конечно, будемъ мы отвѣчать на этотъ вопросъ, еслибъ человѣчество было одно, одна душа и сознаніе, идущія однимъ путемъ, то и языкъ былъ бы одинъ. Тотъ языкъ, которымъ Адамъ въ раю, назвалъ весь міръ, конечно былъ одинъ настоящій, для человѣка; но человѣкъ не сохранилъ первоначальнаго блаженнаго единства, первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человѣчество, утративъ первобытное и стремясь къ новому высшему единству, пошло блуждать разными путями; сознаніе, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его свѣтлые лучи, и стало различно проявляться. Для сознанія открылся новый высшій путь: *само-сознаніе*. Природа одна и постоянна въ своемъ разнообразіи; но духовный міръ человѣка, при общемъ единомъ основаніи, измѣнчивъ и различенъ, и не имѣетъ постоянной, готовой формы. Различно смотритъ сознаніе человѣческое на міръ.

И такъ, различно проявляющееся, сознаніе человѣческое — вотъ основная причина разнообразія языковъ, совпадающаго съ разнообразіемъ народовъ. — Въ теченіе времени, явленіе это совершается и въ большемъ и въ меньшемъ видѣ. Люди не связаны единою жизнію, удаляются другъ отъ друга племенами и народа-

*) Удвоеніе предмета, возвращеніе его самого на себя, на почвѣ знанія,— выражается предлогомъ: *со: со-знаніе.*

ми: такъ, несвязанные единою жизнію, и языки удаляются другъ отъ друга и измѣняются подъ условіями законовъ слова, ему постоянно присущихъ.

Какъ бы то ни было, значеніе Слова все тоже, и также велико. Съ одной стороны, міръ внѣшній сознательно въ немъ отражается, теряя свою матеріальную неуступчивость, улетучиваясь и получая сознательный, прозрачный видъ слова; — съ другой стороны, міръ внутренній человѣка находитъ въ словѣ себѣ выраженіе, выходя изъ неясности, обозначаясь и пріобрѣтая опредѣленный образъ, безъ котораго онъ не могъ бы обличиться на землѣ. Слово стоитъ какъ посредникъ на рубежѣ двухъ міровъ, одухотворяя природу и воплощая мысль. Въ словѣ, міръ внутренній человѣка, опредѣляясь, подаетъ руку міру внѣшнему, приближенному къ нему Словомъ.

Значеніе Слова уже достаточно объяснено нами: это природа, духъ, жизнь, все бытіе, но сознанное и дѣйствительно живущее въ сознаніи, и потому новое бытіе.

Буква. Слогъ. Слово.

Все въ природѣ имѣетъ свое опредѣленіе, и все стремится выразить его, стремится дать голосъ, стремится къ сознанію. Это стремленіе видимъ мы на всѣхъ ступеняхъ ея.—На землѣ, гдѣ все является вещественнымъ, гдѣ все выражается въ образѣ, въ формѣ, — и сознаніе имѣетъ также свой опредѣленный, вещественный образъ, имѣетъ свою среду, свою плоть. — Сознаніе, или на сей разъ, сознаваніе, выражающееся въ опредѣленномъ образѣ, есть *Звукъ*. Звукъ—душа и существо предмета: таково его значеніе на землѣ, гдѣ все стремится *подать свой голосъ*. Звукъ сопровождаетъ природу, выражая это стремленіе, по всѣмъ степенямъ ея, восходя и возвышаясь самъ, по мѣрѣ того, на какой степени природы стоитъ предметъ и вмѣстѣ сознаніе

Неорганическая природа, царство ископаемыхъ, не имѣетъ жизни внутренней, не имѣетъ изнутри-даннаго образа. Всякой *внѣшній* образъ, на этой ступени, принадлежитъ, какъ *свой*, предмету. Убавится-ли камень, паростетъ-ли, онъ измѣнится только внѣшнимъ образомъ; умаленіе и прибавленіе его происходятъ только снаружи, а не изнутри собственною силою; и въ томъ и другомъ случаѣ, камень не противорѣчитъ существу своему и всегда представляетъ самъ по себѣ цѣлое. И такъ здѣсь на этой ступени, видимъ мы только одинъ *размѣръ*, одну внѣшность. При измѣненіи неорганическаго вещества, напр. камня, измѣняется *граница* его, граница, которая и составляетъ его значеніе; граница же неорганическаго вещества—тамъ, гдѣ начинается другое вещество. И такъ, граница составляетъ единственное опредѣленіе всей неорганической природы, единственный ея образъ. Но и на этой низкой ступени, темно и неясно выражается попытка сознанія, и здѣсь предметъ подаетъ о себѣ голосъ. Неорганическій предметъ, при соприкосновеніи съ другимъ, издаетъ звукъ. Въ этомъ звукѣ выражается существо неорганическаго предмета: звукъ, чисто внѣшній, показываетъ внѣшнее только значеніе неорганическаго предмета, показываетъ *предѣлъ* его при соприкосновеніи съ другимъ предметомъ. *Граница звучитъ.* Въ этомъ звукѣ слышится опредѣленіе неорганическаго міра, значеніе цѣлаго царства природы. Кромѣ соприкосновенія съ другимъ предметомъ, кромѣ этого положительнаго отношенія, предметъ неорганическій цѣлый можетъ распасться на двое или на части, и явить два или болѣе предмета, можетъ разорваться, треснуть; здѣсь возникаетъ опять граница, и опять граница звучитъ. — Звукъ на этой степени есть только внѣшній, только *стукъ*. Но высказывая существо предмета на этой первой степени, самый стукъ становится разнообразенъ, выражая мѣру и особенность соприкосновенія, показывая бо́льшую или меньшую плотность, мягкость и другое свойство массы неорганическаго предмета, и потому являясь громче и тише, оглушительно и едва слышно, какъ *шорохъ*, *громъ*, *трескъ*, *шелестъ*, и пр.

Неорганическое вещество присутствуетъ и въ другихъ высшихъ царствахъ; но разница въ томъ, что въ нихъ кромѣ неорганическаго, является другое высшее опредѣленіе.

Въ царствѣ растеній, уже органическомъ, но гдѣ организмъ является еще слабо, неясно, такъ что, напримѣръ, питаемое иныхъ

вѣтвей своихъ, дерево не обезображивается, не теряетъ своей красоты,—звукъ остается еще внѣшнимъ; но онъ измѣняется въ свойствѣ своемъ, получаетъ опредѣленность извѣстную, даваемую ему образомъ растительнаго царства, образомъ уже не только извнѣ опредѣленнымъ. Здѣсь, особенно напримѣръ въ деревѣ, этотъ внѣшній звукъ происходитъ отъ соприкосновенія (хотя вслѣдствіе внѣшней причины) предмета съ самимъ собою, и по этому получаетъ особенность, собственно этому міру свойственную. Здѣсь разнообразный стукъ неорганическаго царства сводится къ одному выраженію; звукъ является здѣсь только, какъ *шумъ*, по которому всякой узнаетъ, что шумитъ дерево, трава и вообще растительная природа. Шумъ имѣетъ свои оттѣнки, смотря потому, какой растительный предметъ шумитъ; но шумъ остается постояннымъ общимъ звукомъ растительной природы.—Совсѣмъ тѣмъ, на этой ступени звукъ все остается внѣшнимъ, звучитъ все предѣлъ, граница. Здѣсь еще переходъ къ органическому міру, съ преобладаніемъ неорганической природы.

Въ царствѣ животныхъ, именно въ царствѣ рыбъ, водяныхъ животныхъ вообще, является уже ясно органическая природа; но она здѣсь еще на низкой степени. Рыбы живутъ въ прозрачной и *беззвучной* (внутри) водѣ, и хотя онѣ имѣютъ уже цѣлость и совокупность частей, хотя онѣ имѣютъ уже свободное движеніе, но части не многосложны и не развиты. Движеніе также не многосложно и возможно только въ ихъ элементѣ, отдѣляющемъ ихъ отъ другихъ элементовъ; воздухъ, жилище звука, имъ враждебенъ.— И здѣсь еще встрѣчаемъ мы звукъ неорганическій, и здѣсь еще внѣшность и граница составляютъ главное опредѣленіе. Но звукъ неорганическій здѣсь еще болѣе опредѣлился, сталъ извѣстнымъ; мы слышимъ свободный *плескъ*, показывающій свободное произвольное движеніе. Рыбы уже имѣютъ ротъ, намекъ на другой звукъ, но ротъ этотъ еще нѣмъ; слышится чавканье, иногда какой-то писк и тому подобное. Сюда же, къ царству водяныхъ животныхъ можно отнести червей, живущихъ въ землѣ и вообще тѣхъ насѣкомыхъ земли и воздуха, въ которыхъ еще не вполнѣ неотъемлемо и цѣльно связаны части (такъ что эти части иногда едва ли могутъ получить названіе членовъ) и въ которыхъ вообще не развитъ организмъ. Но свободное движеніе опредѣляетъ здѣсь внѣшній звукъ, какъ *жужжаніе* и какъ *шорохъ*. Здѣсь также еще переходъ къ

органической природѣ отъ неорганической, но съ рѣшительнымъ преобладаньемъ органической природы. *).

Но организмъ идетъ далѣе, выражается полнѣе, и мы вступаемъ въ царство птицъ и звѣрей, въ царство уже собственно органическое. Здѣсь организмъ богато развитъ; всѣ члены совокуплены твердо въ неразрывной связи, такъ что недостатокъ одного уже разрушаетъ гармонію цѣлаго. Движеніе разнообразно и свободно; воздухъ, и земля, и вода даютъ мѣсто этимъ органическимъ существамъ природы. Въ этомъ царствѣ, звукъ перестаетъ быть внѣшнимъ; онъ исторгается уже произвольно изъ груди живаго существа; здѣсь онъ — внутренній, здѣсь онъ — *голосъ*, въ которомъ выражается звучно вся жизнь, вся душа цѣлаго существа. Стремясь изъ отверстаго рта, разнообразно раздается голосъ, отъ пѣнія птицъ до мычанія и рева звѣрей, выражая каждое существо, — и оглашаетъ воздухъ. Здѣсь звукъ есть уже звукъ органическій.

Природа, какъ органическая, такъ и неорганическая, вся наполнена и оглашена звуками, шумомъ, стукомъ, пѣньемъ, голосами.... Все звучитъ, давая знать о себѣ, выражая себя въ звукѣ, все подаетъ голосъ въ общемъ хорѣ предметовъ и существъ.

Возстаетъ человѣкъ. Въ немъ — сознаніе себя и всей природы. И онъ долженъ сказаться, и онъ долженъ подать голосъ, выражающій существо его. — Чѣмъ же будетъ звукъ въ *его* устахъ, звукъ, который долженъ выразить *человѣка?* — Изъ устъ человѣка раздается *слово*.

Слово — это новый звукъ. Въ словѣ звукъ одухотворяется, такъ что уже перестаетъ быть только звукомъ, но становится мыслію. Мысль проникнула его всего, такъ что самъ онъ какъ бы исчезаетъ, — какъ и всякая форма, которая вполнѣ выражаетъ мысль, становится какъ бы прозрачною и сама исчезаетъ. Въ словѣ звукъ одухотворяется до такой степени, что письмо, начертанное

---

*) Природа не знаетъ рубрикъ, не знаетъ рѣзкихъ переходовъ; ея области не разграничены яркимъ рубежемъ, и слѣдующая степень уже слышна въ предъидущей; но тѣмъ не менѣе, общій характеръ и той и другой степени остается тотъ же, и исключительныя явленія, въ которыхъ жизнь рвется изъ одной области въ другую, не измѣняютъ дѣла. Такъ рыба бѣлуга одарена подобіемъ голоса; про нее говорятъ, что она *ревет*ъ: такое же подобіе голоса имѣютъ кузнечикъ и сверчекъ; и тотъ и другой *чирикают*ъ.

слово, не нуждается въ произношеніи, и звукъ становится въ словѣ молчалливымъ.

И такъ, слово раздалось изъ устъ человѣка. Вотъ его голосъ, вотъ, его выражающій, звукъ, среди звуковъ природы. И слово вполнѣ выражаетъ человѣка.

Вниманіе наше обращается теперь на образованіе слова и вмѣстѣ новаго звука, въ немъ явившагося.

Въ природѣ видимъ мы два рода звука: внѣшній и внутренній, неорганическій и органическій, другими словами: *стукъ* *) и *голосъ*. Звукъ внѣшній, неорганическій, сопровождаетъ всюду природу, на всѣхъ ея ступеняхъ, даже и тамъ, гдѣ уже является звукъ органическій, голосъ: потому-что въ органическомъ существѣ всегда есть неорганическій элементъ, наружная масса, — другими словами, всегда есть внѣшнее; и хотя это внѣшнее имѣетъ въ органическомъ мірѣ цѣлый согласный образъ, но оно всегда можетъ значить и само по себѣ, можетъ являться со стороны матеріи (вещества). Такъ, напримѣръ: слышится шорохъ отъ ногъ звѣря, птица бьетъ крыльми. Въ области же человѣка, гдѣ является новый звукъ: слово, — имѣютъ также мѣсто и неорганическій звукъ, и звукъ органическій предъидущей области или царства животныхъ, птицъ и звѣрей. Ибо, являясь вѣнцомъ созданія на землѣ, человѣкъ заключаетъ въ себѣ элементы предъидущихъ сферъ, и вмѣстѣ выраженіе этихъ элементовъ, ихъ звукъ: и *стукъ*, и *голосъ*. Такъ напримѣръ: человѣкъ бьетъ въ ладоши, человѣкъ поетъ, издавая одинъ голосъ.

Внѣшнее и внутреннее составляютъ непремѣнныя условія явленія на землѣ. Изъ того и другаго слагается все дѣйствительное. И хотя царство ископаемыхъ имѣетъ внѣшнюю одну сторону, но оно имѣетъ и внутреннее значеніе, имѣетъ идею, имъ выражаемую въ разнообразныхъ видахъ, если бы даже то была идея внѣшняго. Въ области бытія, въ явленіяхъ природы, *образахъ*, является всюду полнота и дѣйствительность. Но *звуки* представляетъ въ нихъ уже другой высшій вопросъ, вопросъ сознанія. Въ природѣ (то-есть: до человѣка) является только стремленіе къ сознанію; полнаго сознанія нѣтъ. По этому звукъ органическій и неорганиче-

*) Звукъ неорганическій очень часто звучитъ совершенно иначе, нежели стукъ; но мы придаемъ слову: *стукъ* типическое значеніе неорганическаго звука.

скій, и внутренній и внѣшній, соотвѣтствуя и внѣшней и внутренней сторонѣ явленія, раздаются розно въ природѣ, не соединены; полноты звука нѣтъ. Сознаніе еще не уровнялось съ явленіемъ.

Наконецъ является человѣкъ и сознаніе. Звукъ долженъ выразить и человѣка и сознаніе. Звукъ преобразуется въ устахъ человѣка.

Ни внѣшній, ни внутренній, ни неорганическій, ни органическій звукъ не были достаточны, въ своей отдѣльности, для выраженія полноты бытія, для сознанія, ибо въ бытіи является сопроникновеніе внутренняго и внѣшняго. И такъ, звукъ въ томъ видѣ, какъ доселѣ явился онъ въ природѣ (т. е. порознь, какъ внѣшній и какъ внутренній) долженъ былъ быть отвергнуть и прекратиться. Природа должна была умолкнуть на рубежѣ сознанія. Это молчаніе природы должно было выразиться въ беззвучіи, равно отвергающемъ оба звука, слѣдовательно признающемъ *отрицательно* ихъ существованіе, и соединяющемъ ихъ въ этомъ общемъ отрицаніи. И такъ, здѣсь является первое соединеніе и того и другаго звука, но здѣсь оба они *соединенно отвергаются.* Это первое, еще отрицательное соединеніе звука неорганическаго и органическаго, являющееся беззвучіемъ, — есть первая *буква: Ъ*, буква и названная безгласною.

Примѣчаніе 1. Намъ могутъ сказать, что *Ъ* существуетъ только въ русской азбукѣ, а мысль наша объ образованіи слова относится не къ одному русскому языку. На это отвѣчаемъ мы, что *Ъ* существуетъ во всѣхъ языкахъ, вездѣ гдѣ есть слово; но русской языкъ, богатый своимъ фонетическимъ развитіемъ, обозначилъ *Ъ* явственнѣе, далъ ему начертаніе и сберегъ оный. Впрочемъ далѣе это будетъ, надѣемся, еще яснѣе *).

Примѣчаніе 2. Еще одно замѣчаніе. Нѣкоторые можетъ быть подумаютъ, что мы, говоря о послѣдовательномъ явле-

---

*) Укажемъ здѣсь на Versuch einer Physiologie der Sprache von Rapp. Раппъ чувствуетъ, хотя смутно, необходимость *Ъ*, признаетъ нѣчто похожее въ языкѣ, называетъ это Urlaut;—но все не доходитъ до яснаго сознанія этой первой буквы. При всей возможной учености, онъ все таки невѣжда, ибо не знаетъ русскаго языка. Забавны и досадны слѣдующія его строки: es wäre zu wünschen, dass man, um der Theorie willen, ein eignes Zeichen für diesen Laut besässe; etc. стр. 21.

ніи буквъ, утверждаемъ, что сперва явилась такая буква, потомъ другая, и такъ далѣе. Ни сколько. Мы думаемъ напротивъ, хронологическій порядокъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Что же касается до нѣкоторыхъ буквъ, быть можетъ позднѣе образовавшихся, то это не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія. Слово явилось не по буквамъ, и потомъ, по складамъ; но вдругъ, какъ единое цѣлое, слѣдовательно прямо въ согласномъ соединеніи буквъ. Мы разсматриваемъ здѣсь буквы — какъ и вообще весь предметъ — въ ихъ внутренней логической послѣдовательности.

Первая буква: *Ъ* уже даетъ намъ понимать, хотя въ отрицательномъ видѣ, значеніе буквы вообще. Буква есть соединеніе или сліяніе, сочетаніе, органическаго и неорганическаго звука, внутренняго и внѣшняго элемента. И вотъ — первая буква, въ которой еще отрицательно является это соединеніе: *Ъ*, буква беззвучная, выражающая какъ бы молчаніе природы, которая умолкла, дошедши до предѣла своего звуковаго поприща, предѣла, за которымъ уже начинается рѣчь человѣка. Природа, при всемъ разнообразіи своихъ звуковъ, не въ силахъ была достигнуть до буквы, только въ устахъ человѣка могущей образоваться. Неорганическій и органическій звуки случаются рядомъ въ природѣ; ихъ иногда слышишь, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, — но безъ сліянія между собою въ одно цѣлое. — Буквы въ природѣ нѣтъ.

Соотвѣтствуя внутреннему и внѣшнему элементу, звукъ органическій и неорганическій, раздѣленные въ природѣ, имѣютъ однако же значеніе, каждый самъ по себѣ, и могутъ выразить въ новой человѣческой сферѣ звука, — въ буквѣ, — каждый свое значеніе, но *одинъ при другомъ*, или иначе, *въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ*: точно также какъ внутреннее и внѣшнее имѣютъ сами по себѣ значеніе, но въ жизни являются съ этимъ значеніемъ, *одно при другомъ*, или *въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ*. — И такъ, прежде всего, въ устахъ человѣка получаютъ оправданіе, — соотвѣтствующіе элементамъ каждаго явленія: звукъ внутренній, органическій, и звукъ внѣшній, неорганическій. Оба звука снова раздаются изъ устъ человѣка, но уже какъ *буквы*, въ преобладающемъ соединеніи одного съ другимъ. По этому за буквою *Ъ*, буквою беззвучною, являются два ряда буквъ: буквы *согласныя* (звукъ неорганическій, внѣшній) и буквы *гласныя* (звукъ органическій, внутренній).

Примѣчаніе. Начинаемъ съ буквъ согласныхъ, ибо здѣсь повторяются, въ новомъ видѣ, звуки природы; по этому неорганическій звукъ, какъ первый или низшій, идетъ впереди. Но мы не должны забывать, что *голосъ* есть уже необходимая принадлежность органическаго существа вообще, тѣмъ болѣе человѣка (о чемъ было сказано выше). Человѣкъ, обладая и органическимъ и неорганическимъ звукомъ, въ ихъ природной простотѣ, — начинаетъ въ тоже время новый рядъ звуковъ, недоступныхъ природѣ, и лишь сознательному существу принадлежащихъ, въ которыхъ новое значеніе получаютъ природные звуки, являясь *буквами*, послѣдовательность которыхъ, относительно ихъ степени, мы и здѣсь сохраняемъ.

Буквы *согласныя* условливаются неорганическою стороною вещества въ человѣкѣ, вещества, взятаго отдѣльно, въ своей какой нибудь частности. Но голосъ есть характеристическая принадлежность человѣка, какъ органическаго вещества; по этому въ новомъ звукѣ участвуетъ та часть неорганическаго вещества въ человѣкѣ, чрезъ которую проходитъ и которой касается голосъ, что́ необходимо и для того, дабы могло произойти слiяніе звуковъ. Голосъ, стремясь изъ груди, чрезъ уста человѣка, встрѣчаетъ на пути своемъ разныя матеріальныя условія вещества; таковы: гортань, нёбо, языкъ, зубы, губы. Отъ различныхъ отношеній этихъ условій, происходятъ различныя буквы, именно:

Гортанныя: Г, Х, К.
Нёбныя: Н, Д, Т.
Язычныя: Л, Р.
Зубныя: З, Ж, С, Ш.
Губныя: Б, П, М, В.

Сверхъ того сложныя: изъ Т и С — Ц; изъ Т и Ш — Ч; наконецъ: изъ Ш и Ч — Щ.

Если мы обратимъ вниманіе на произношеніе согласныхъ буквъ, то найдемъ, что здѣсь слышится другой, органическій, гласный элементъ, который опредѣляетъ ихъ, даетъ имъ возможность выразиться и служитъ какъ бы предѣломъ, отдѣляющимъ ихъ отъ звуковъ природы. Этотъ элементъ — есть *Ъ*, та беззвучная отрицательная буква, которая составляетъ предѣлъ равно обоимъ природнымъ звукамъ. Здѣсь является *Ъ*, своей гласною стороною, давая возможность неорганическому звуку опредѣлиться и стать

буквою. Для уха слышится здѣсь, какъ бы глухой, прорывающійся, и тутъ же прекращающійся голосъ; обратимъ вниманіе, и мы замѣтимъ, что *Ъ* стоитъ при каждой согласной буквѣ *сзади*, отверзая уста человѣка и давая возможность явиться буквѣ, такъ что буквы согласныя могутъ собственно быть написаны такъ: *БЪ*, *ВЪ*, и т. д.

Буквы *гласныя* раздаются свободно изъ устъ человѣка. Въ нихъ слышится *голосъ* (элементъ органическій). Голосъ — одинъ, самъ по себѣ; по этому, казалось бы, что довольно явиться одной буквѣ. Но голосъ, измѣняясь въ тонахъ своихъ, болѣе или менѣе звучныхъ и открытыхъ, представляетъ нѣсколько буквъ, которыя образуются отъ способа произношенія голоса.

Первая основная гласная буква, вылетающая изъ вполнѣ отверстыхъ устъ человѣка, — это: А. За нею, какъ постепенное сжиманіе устъ, раздаются: Е, І, О, У.

Если мы также обратимъ вниманіе на произношеніе гласныхъ, то увидимъ, что здѣсь, въ свою очередь, слышится неорганическій согласный элементъ, который опредѣляетъ ихъ, и давая возможность имъ выразиться и продолжительно звучать въ воздухѣ, служитъ въ тоже время предѣломъ, отдѣляющимъ ихъ отъ звуковъ природы. Это опять тотъ же *Ъ*, таже беззвучная отрицательная буква. Здѣсь является онъ уже своею неорганическою стороною, давая возможность органическому звуку опредѣлиться и стать буквою. Прислушаемся, и мы услышимъ, что гласная буква, какъ будто отторгается отъ чего-то; и какъ бы долго ни тянули мы голосомъ гласную букву, — при чемъ опредѣленность ея исчезаетъ, — но если мы захотимъ повторить ее, то опять услышимъ предѣлъ, отъ котораго она какъ будто начинается, услышимъ какъ будто вещественный, неорганическій, глухой звукъ, тутъ же поглощаемый гласною буквою. Голосъ какъ бы опирается о что-то, что даетъ возможность явиться ему буквою. — Обратимъ вниманіе, и мы увидимъ, что *Ъ* стоитъ передъ каждой гласной буквой; здѣсь онъ напереди, ибо голосъ долженъ свободно раздаваться: того требуетъ природа гласной буквы. Здѣсь *Ъ* не отверзаетъ уста, и безъ того отверстыя; но въ груди, въ глубинѣ произношенія, при самомъ зарожденіи, опредѣляетъ онъ голосъ и служитъ опорою, безъ того бы неопредѣленному, его стремленію. *Ъ* — здѣсь, какъ необходимое условіе буквы; такъ что гласныя буквы могутъ собственно быть написаны такъ: *ЪА*, *ЪО*, и пр.

Произнося гласныя попорядку, замѣчаемъ, что онѣ какъ бы подвигаются отъ гортани до губъ, такъ что *А* звучитъ глубоко въ гортани; *У*—на самыхъ губахъ. Буква *А* — есть единственная настоящая гласная буква. Буквы *О* и *Е* — буквы средняго звука; онѣ не представляютъ той чистоты и полноты, какъ буква *А*. *Е* и *О* опредѣляются въ грамматикахъ, какъ буквы образовавшіяся, первая изъ *А* и *І*, вторая изъ *А* и *У*, произносимыхъ разомъ въ одно время. Не входя объ этомъ въ разсужденіе, скажемъ только, что такое образованіе буквъ: *Е* и *О* не мѣшало имъ, по нашему мнѣнію, явиться въ устахъ человѣка въ одно время съ другими гласными и быть одинаковой древности.—Буква *У*, раздающаяся почти изъ сжатаго рта, легко переходитъ въ настоящую согласную *В*.—Что же касается до буквы *І*, то она требуетъ особеннаго опредѣленія и объясненія.

Въ буквѣ *Ъ* является, какъ мы видѣли, отрицательное соединеніе органическаго и неорганическаго звука. Эта беззвучная буква имѣетъ важное значеніе, какъ непремѣнное условіе всякой буквы; и тотъ и другой элементъ, какъ предѣлъ, выдаются въ ней попеременно, смотря по тому, гласная или согласная раздается буква. Это соединеніе обоихъ элементовъ звука, отрицательное въ буквѣ *Ъ*, является и положительно въ буквѣ; по потому самому, что въ буквѣ,—*) соединеніе это является при перемѣнномъ перевѣсѣ того или другаго элемента. Это положительное соединеніе въ буквѣ обоихъ элементовъ звука, при перемѣнномъ преобладаніи того или другаго, — есть буква *І*. — Мы отнесли ее къ гласнымъ буквамъ; она и точно буква гласная, ибо въ ней, именно въ этомъ видѣ: *І*,—преимуществуетъ гласный элементъ; но въ ней же возникаетъ и элементъ согласный. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ голосъ есть собственная принадлежность человѣка, уже какъ органическаго существа, то буква, какъ *І*, содержащая въ себѣ оба элемента (при перемѣнномъ перевѣсѣ то того, то другаго), имѣетъ вообще, все таки, собственно существо гласное, и потому можетъ быть поставлена между гласными буквами.

---

*) Повторяемъ: буква есть сліяніе органическаго и неорганическаго элемента звука, при перевѣсѣ того или другаго. По этому буква есть въ тоже время признаніе и оправданіе и того и другаго элемента, каждаго самого по себѣ. Самъ *Ъ*, будучи равнымъ отрицаніемъ обоихъ звуковъ, слышенъ только при другихъ буквахъ, гдѣ тоже является въ немъ перемѣнно перевѣсъ или того или другаго звука.

И такъ, буква *І*, какъ *І*, въ этомъ видѣ, является гласною. Между гласными она имѣетъ свой особый, ей принадлежащій звукъ: это ея положительное значеніе. Присутствіе въ ней обоихъ элементовъ, попеременно въ ней являющихся, открываетъ ей особое поприще. Она является опредѣленно своею согласною стороною, какъ *Ї*. Въ этомъ видѣ, какъ согласная, она слагается съ гласными. Но *Ї* не есть прямо буква согласная, какъ потому, что въ *І* встрѣчаются оба элемента звука, такъ особенно потому, что въ *І* есть положительный звукъ, нашедшій себѣ опредѣленное мѣсто между гласными, однимъ словомъ, потому, что гласный элементъ составляетъ характеристику буквы *І*, какъ это и должно быть, если въ буквѣ, звукѣ человѣческихъ устъ, встрѣчаются въ равной степени оба элемента. И такъ *І*, слагаясь съ гласными буквами, *сливается* съ ними въ одно, вслѣдствіе своей общей, гласной характеристики,—сливается, подчиняясь, какъ согласная, ихъ звуку, и исчезая въ немъ, но однако придавая каждой гласной буквѣ особенное свойство своимъ звукомъ. Такимъ образомъ является новый тонъ гласныхъ буквъ, которыя могутъ назваться *сложными*. Начертаніе нашей азбуки Церковно-Славянской и Русской, высказываетъ почти вездѣ, какъ нельзя лучше, отношеніе буквы *І* къ гласнымъ. Вотъ оно.

А. Е. І. О. У.

І-А (я), І-Е (ѣ), І-І (и), І-О (ё), І-У (ю).

Примѣчаніе. Образованіе начертаній: *я*, *ѣ*, *и*, не требуетъ и объясненія, такъ составъ оныхъ ясенъ и понятенъ; для *і-о* мы не имѣемъ начертанія и употребляемъ: *ё*, но однако пробовали употреблять и ⁀іо. *Ю* образовалось такъ потому, что *У* въ Церковно-Славянскомъ обыкновенно писалось: оу; *І* придавалось къ буквѣ такимъ образомъ: юу; *У* было потомъ отброшено и осталось: *Ю*, которое по начертанію скорѣе соотвѣтствуетъ звуку: *і-о*. Еслибъ хотѣть сохранить соотвѣтствіе начертаній, то слѣдовало бы принять для *ё*—*Ю*, а для *ю*—*І-У*.

Какъ доказательство того, что въ буквѣ *І* есть согласный элементъ, мы можемъ указать на то, что латинская буква *J*, въ словахъ: *Justitia*, *Jus*, и пр.,—явившаяся изъ *І* и соотвѣтствующая нашему *Ї*, при переходѣ въ иные языки, напр. въ языкъ

французскій, переходитъ въ согласную *J*, въ словахъ: *Juriscon-sulte, Justice* и пр.

Общая принадлежность буквы есть: высказывать звукъ органическій или неорганическій въ соединеніи одного съ другимъ, но съ преобладаніемъ того или другаго.—Буква *І*, вмѣщая въ себѣ положительно оба звука, высказала ихъ поперемѣнно съ перевѣсомъ то одного, то другаго, являясь раздѣльно, какъ буква гласная и согласная. Но буква *І*, въ тоже время соединяетъ, въ себѣ одной, въ равной степени тотъ и другой звукъ; это также ея значеніе, которое должно въ ней высказаться. Чѣмъ же можетъ она тогда явиться, какъ буква? *Равное* одновременное соединеніе обоихъ звуковъ, въ буквѣ — можетъ быть только отрицательное. Какъ равное, одновременное соединеніе того и другаго,—буква въ *І* доходитъ вновь до предѣла звука между буквою и природою, какъ бы умолкаетъ и представляетъ новую безгласную, новую отрицательную букву. Такимъ образомъ буква въ *І* доходитъ съ своей стороны до *Ъ*, сохраняя въ тоже время свою природу, и является, какъ *Ь*. Она въ свою очередь становится тогда подлѣ согласныхъ, и не измѣняя ихъ природы, но сохраняя однако свою особенность, опредѣляетъ ихъ, также какъ *Ъ*, являясь здѣсь гласною стороною своею, напр: *БЬ, ВЬ*, и пр. Она становится также и передъ гласными, гдѣ, подобно *Ъ*, является согласною стороною: *Я, Е, И, Ё, Ю* имѣютъ тогда произношеніе, въ которомъ не слышно сложности, произношеніе, неупотребительное у насъ Русскихъ, но тѣмъ не менѣе существующее и возможное и для нашихъ устъ. Первыя три буквы произносятся съ трудомъ; но *Ё*, какъ *Europe*, и *Ю*, какъ *usage*, произносятся свободно *).

І соотвѣтствуетъ *Ъ*, какъ положительное отрицательному (что мы уже видѣли), находясь съ нимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вслѣдствіе этого соотвѣтствія, этой, такъ сказать, симпатіи,—*І* сливается съ *Ъ* въ одинъ аккордъ, въ одинъ звукъ, и образуетъ новую слитную гласную, въ которой оправдывается *Ъ*,

*) Если бы вздумали ставить на одной параллели съ *І* букву *У*, то на это мы можемъ сказать, что *У* переходитъ прямо въ чистую согласную *В*. Какъ бы *У* поспѣшно ни произносилось, на подобіе Англинскаго *W*, все же оно, какъ: *УА, УЕ*, и пр., не составляетъ двойнаго звука, почти слога, съ гласной, какъ *Я, Ѣ*, и пр., и не измѣняетъ ее. Съ *У* можетъ быть развѣ только сравнено перехожденіе *І* въ *J* въ другихъ языкахъ. Впрочемъ различіе *І* отъ *У* кажется и безъ того очевидно и говоритъ само за себя.

получаетъ голосъ и доказываетъ свою, все таки (какъ и въ *І*) преимущественно гласную природу. Этотъ звукъ, эта буква есть *Ы*, въ которой высказывается сжато все фонетическое развитіе буквъ, которая есть какъ бы эмблема и вѣнецъ всей Азбуки или буквы вообще *).

Начертаніе *Ы* совершенно высказываетъ его образованіе; вспомнимъ, что *Ы* писалось прежде *Ъ І*.

И такъ буква *І*, имѣя въ себѣ оба элемента звука, является попеременно, гласною, что впрочемъ составляетъ существенный ея характеръ,—*(І)*, и согласною *(Й)*. Потомъ, заключая въ себѣ оба звука, выражаетъ одновременное равное ихъ соединеніе, доходя тогда до предѣла между буквою и звуками природными, являясь тогда новою безгласною, въ которой все слышится характеръ *І (Ь)*. Наконецъ *І*, соотвѣтствуя *Ъ* и находясь съ нимъ на противоположныхъ концахъ буквеннаго поприща, сливается съ нимъ, вслѣдствіе этого соотвѣтствія, въ одну общую букву *(Ы)*, и такимъ образомъ вѣнчаетъ кругъ фонетическаго развитія буквъ.

Весь ходъ развитія буквъ передъ нами. Въ буквѣ, какъ сказали мы, элементы звука органическаго и неорганическаго явились только въ новыхъ условіяхъ, каждый порознь самъ по себѣ, въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ и нашли себѣ оправданіе. Но они еще только элементы, стороны звука. Прислушаемся, и мы почуствуемъ ихъ недостаточность: съ трудомъ произносятся согласныя буквы; тяжело и отрывисто звучатъ онѣ. Буквы гласныя раздаются и исчезаютъ въ воздухѣ, теряя свою опредѣленность: теряютъ даже и свой характеръ буквы и превращаются просто въ голосъ, легко переходящій въ другіе тоны. Только при началѣ, при границѣ своей, только при *Ъ*, — гласная буква имѣетъ полный смыслъ свой, вполнѣ буква.

Въ буквѣ соединеніе органическаго и неорганическаго звука

---

*) Нечего смущаться тѣмъ, что во многихъ языкахъ нѣтъ *Ы* и только въ Русскомъ звучитъ *Ы* вполнѣ ясно и свободно. Другіе языки все же имѣютъ ее, или въ неясномъ звукѣ, или въ возможности по крайней мѣрѣ. Такъ напримѣръ скажите по-французски: *pour dormir il y a un lit*. Если вы скажете быстро, то послѣ *dormir* вы произнесете почти: *Ы*. Точно также, какъ во всѣхъ языкахъ есть *Ъ*, но не вездѣ онъ ясно слышенъ; только Русской языкъ вполнѣ имѣетъ *Ъ*, замѣтилъ его и далъ ему особое начертаніе. Въ сущности тоже,—фонетическое развитіе буквъ не во всѣхъ языкахъ является во всей полнотѣ.

совершается односторонно, съ преобладаніемъ одного звука надъ другимъ, и является два ряда буквъ: гласныя и согласныя. Въ буквѣ оба звука находятъ только, каждый, свое оправданіе; они являются еще отдѣльно другъ отъ друга, какъ двѣ отвлеченныя стороны, внутренняя и внѣшняя, которыя между тѣмъ въ мірѣ явленія предстаютъ слитыми. Слѣдовательно въ буквѣ, вещество, такъ сказать, сознанія—еще не уравнялось съ бытіемъ. Соединеніе того и другаго элемента звука, уже признанныхъ каждый самъ по себѣ, должно быть полное и стройное. — Оно совершается.— Буква Согласная соединяется съ Гласною (одна или нѣсколько, все равно)—и образуетъ: *Слогъ*, — полное гармоническое соединеніе и внѣшняго и внутренняго элемента въ звукѣ, другими словами: соединеніе звука неорганическаго и органическаго,—соединеніе, ставшее возможнымъ черезъ букву.

Слогъ есть уже тотъ составъ, та степень звука, на которой онъ уравнивается съ міромъ явленій, вмигъ проникается духомъ жизни, просвѣтляется мыслію и является *Словомъ*. Очевидно, что количество слоговъ въ словѣ—вопросъ совершенно посторонній, связанный значеніемъ и образованіемъ именно того или другаго Слова. Но *слогъ* (даже одинъ) уже достаточенъ вполнѣ для *слова*. *Слогъ* есть тотъ полный, совершенный, гармоническій, соразмѣрный природѣ и вообще міру явленій, строй звука, который былъ необходимъ для сознанія. Имъ совершается вполнѣ образованіе новаго звука человѣческаго. Его надо было найти: онъ найденъ... Вмѣстѣ съ *Слогомъ* является *Слово* — живое, звучащее, возвѣщенное сознаніе природы и всего сущаго.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

Слово.

Слово, какъ и весь міръ, подлежитъ сознанію разума, другими словами, подлежитъ наукѣ. Наука, предметъ которой есть Слово, называется вообще: *филологія*. Но слово можетъ быть разсматриваемо съ разныхъ—собственно съ двухъ главныхъ—сторонъ, и поэтому филологія раздѣляется на подчиненныя науки.—Съ одной стороны, Слово можетъ быть разсматриваемо, какъ цѣлый разумный новый міръ, отражающій, въ своемъ взаимнодѣйствіи, весь міръ внѣшній и внутренній. При этомъ разсматривается: какимъ образомъ въ словѣ можетъ выражаться весь сознанный міръ.—Иначе сказать: Слово можетъ разсматриваться, какъ *рѣчь*. Наука, разсматривающая Слово, какъ рѣчь,—есть *Грамматика*. Мы придаемъ ей собственно это значеніе.—Съ другой стороны, Слово можетъ быть разсматриваемо не въ цѣломъ своемъ явленіи, не со стороны разумнаго взаимнодѣйствія, а отдѣльно: то есть, Слово можетъ быть разсматриваемо не какъ рѣчь, а какъ *слова*; здѣсь разсматривается, какъ образовалось слово, разсматривается переходъ буквъ одна въ другую, взаимныя отношенія буквъ, разсматривается весь составъ слова, разсматривается отношеніе корня къ образовательной формѣ, разсматривается, какъ изъ одного корня выросло цѣлое множество словъ, разсматривается связь словъ между собою, и вмѣстѣ значеніе каждаго слова, а также, разумѣется, значеніе корня и образовательной формы. Это—филологія словопроизводная или *Этимологія* *); сюда входитъ вся лексическая

*) Мы позволяемъ себѣ употребить эту терминологію; впрочемъ нисколько на ней не настаиваемъ: дѣло здѣсь не въ терминахъ.

сторона языка; переходы буквъ; словопроизводство и оцѣнка каждаго слова. Этимологія заключаетъ въ себѣ собственно четыре главные отдѣла: словообразованіе (гдѣ разсматриваются и переходы буквъ), словопроизводство, словоопредѣленіе и словоупотребленіе. Ея труды повершаются полнѣйшимъ этимологическимъ словаремъ языка.—Предметъ нашъ, въ настоящее время,—Грамматика *). Но мы должны однако же необходимо сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и о самомъ словѣ, дать общее понятіе о его составѣ, ибо мы со словомъ имѣемъ дѣло: необходимо знать, что такое самое слово, знать на столько, на сколько это нужно, на сколько это принадлежитъ грамматикѣ, или лучше, вообще наукѣ слова. Далѣе, двинувшись своимъ путемъ въ многоразличныя подробности и особенности, это направленіе Филологіи составляетъ, какъ сказали мы, цѣлую науку, Этимологію, которая самостоятельна, какъ и Грамматика, и поэтому здѣсь и не разсматривается.

Слово отражаетъ въ себѣ сознательно весь міръ, и внутренній и внѣшній, и такъ какъ природа и все бытіе существуетъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ, такъ какъ все сущее опредѣляется и принимаетъ образъ, — то и слово является въ отдѣльныхъ словахъ, въ отдѣльныхъ образахъ, въ звукѣ себя выражающихъ. Какъ всякое явленіе есть проявленіе внутренняго во внѣ, и заключаетъ въ себѣ и внутреннее, вѣчно присущее, и внѣшнее, измѣняющееся, которымъ соприкасается съ другими предметами, короче: заключаетъ въ себѣ идею и форму, — такъ и всякое слово, выражая явленіе или мысль, заключаетъ въ себѣ какъ въ словѣ, въ составѣ своемъ,—и внутреннее и внѣшнее, идею и форму, именно: коренное значеніе, высказывающееся въ *корнѣ* слова, и значеніе относительное, выражающееся въ *образовательномъ окончаніи*, или вообще въ измѣняющейся или придаточной части слова **). На примѣръ: *Добр-о-та*, *добр-ый*, *добр-ить*, *с-добр-ить* и т. д.

Корень, опредѣлившійся и составляющій существенную сторону

---

*) Понятно послѣ этого, почему мы не говоримъ здѣсь, на примѣръ, о переходахъ буквъ: это не входитъ въ задачу и объемъ нашего труда.

**) Есть языки, въ которыхъ слова уже не измѣняются, но эти языки въ состояніи упадка; ихъ слово измѣнялось прежде; теперь оно окаменѣло. Но это нисколько не противорѣчитъ общему положенію, ибо измѣненіе все же было нѣкогда; къ тому же внѣшняя сторона слова, хотя уже не измѣняемая, все тутъ. Языки эти, для выраженія, прибѣгаютъ къ вспомогательнымъ средствамъ, о чемъ говорить здѣсь не мѣсто.

того или другаго слова, или иначе: слово, образованное ближайшимъ образомъ изъ корня и взятое безъ образовательнаго окончанія, называется основою или *темою* слова. Приставка къ этой темѣ слова, или къ самому тематическому слову, не имѣющая прямаго образовательнаго, ни словопроизводнаго значенія, называется *суффиксомъ*; окончаніе слова, опредѣляющее ему тотъ или другой разрядъ, дающее слову образъ и выраженіе, называется *окончаніемъ образовательнымъ* (напр. *блажен-ство*). Окончательная буква (иногда не одна), измѣняющаяся въ грамматическомъ отношеніи, называется *флексіею*. Иногда флексія бываетъ въ то же время и образовательнымъ окончаніемъ. Форма слова, возникающая при темѣ, называется тематическою, при суффиксѣ—суффиксною; такъ напр. *древо: др.*—есть *корень* слова; *древ*—есть *тема* слова; *с*—есть флексія и образовательное окончаніе вмѣстѣ; *древо* есть форма слова *тематическая* *). Въ другихъ падежахъ, напр., въ родительномъ встрѣчаемъ и *древеси*, и во множественномъ *древесъ*. *С*, приставляемый къ темѣ *древ* (*древ-е-с*), есть суффиксъ: оттуда предполагаемый именительный единственнаго: *древесь* или *древесо*—есть форма слова *суффиксная*. Еще примѣръ: *колс*; *кл* есть *корень*; *кол*—*тема* слова; *колс*—форма слова *тематическая*; *колесо* форма слова *суффиксная*. Если возьмемъ мы суффиксное слово, безъ образовательнаго окончанія, напр. *колес*, то это слово называемъ тоже *темою* слова *суффиксною* или *производною*; тема эта въ свою очередь иногда пріобрѣтаетъ новый суффиксъ, и тогда первое суффиксное слово, рядомъ со вторымъ суффикснымъ, становится словомъ *относительно тематическимъ*,—тематическимъ суффикснымъ или производнымъ.

Въ природѣ черезъ форму, черезъ внѣшнее, идея, внутреннее, опредѣляясь становится въ разрядъ явленій. Такъ точно и въ словѣ, внутреннее значеніе, *корень*, черезъ форму, черезъ *наружную* часть слова, становится въ извѣстный разрядъ словъ. Такой разрядъ словъ имѣетъ обыкновенно названіе *части рѣчи*, которое мы и удержимъ. И такъ раздѣленіе словъ должно быть не по внутреннему значенію, ими выражаемому,—тогда это было бы раздѣленіе самихъ понятій и предметовъ, — а по той формѣ,

---

*) Но это впрочемъ еще вопросъ; ибо настоящая тематическая форма есть: *др-е (дре-колѣ)*—Въ такомъ случаѣ, *древ* есть форма относительно тематическая.

которая имъ дается самимъ словомъ. *Основаніемъ дѣленія для слова должно быть само слово, и ничто другое.*

У насъ часто поступаютъ на оборотъ, но тогда это дѣленіе не словъ, а понятій, которое сюда нейдетъ, и обыкновенно бываетъ не полно въ нашихъ грамматикахъ. Ошибочность такого взгляда очевидна. Надо принять за правило: что не нашло себѣ отдѣла, особой формы, особаго выраженія въ самомъ словѣ. то не должно и не можетъ войдти въ Грамматику.

Всѣ явленія въ мірѣ объемлются жизнію, находятся въ соприкосновеніи, въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: такъ и слова, выражая жизнь, находятся въ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Различныя измѣняющіяся отношенія слова находятъ себѣ выраженіе въ самомъ же словѣ, и преимущественно въ измѣненіи образовательной формы, какъ движущейся, измѣнчивой части слова, показывающей его различныя отношенія. Такимъ образомъ является цѣлый міръ слова, живой и прозрачный, богатый жизнію и полный оттѣнковъ. Среди чудной природы раздается дивная рѣчь человѣка.

Начало Грамматики.

Слово есть сознаніе. Въ этой мысли уже заключается полнота. Нельзя предположить, чтобы сознаніе явилось не цѣлое, одной какой-нибудь стороной своей. — Вотъ почему, возведши рѣчь до всевозможной простоты, до самаго простаго предложенія, мы видимъ въ немъ — въ основѣ — все слово человѣческое, и вотъ почему начать съ той или другой части предложенія, или *части рѣчи* — невозможно. И такъ, мы для начала примемъ другія основанія: не основанія времени, не *прежде;* но основаніе мысли, по ходъ самого сознанія. Обращенное само на себя, оно должно дать намъ отвѣтъ. — Мы признаемъ, слѣдовательно, что въ Грамматикѣ нельзя найдти начала относительно времени, нельзя сказать, что она начинается съ какой-нибудь части рѣчи: *ибо начало языка и грамматики есть цѣлый актъ сознанія, сама рѣчь.* Начало въ Грамматикѣ можетъ быть установлено сознательно, на основаніи мысли. Слѣдовательно прежде всего, Грамматика, отправ-

лясь отъ самаго акта сознанія, выражающагося въ словѣ и образующаго Грамматику (что собственно не есть начало, ибо здѣсь является цѣльность и полнота, нѣтъ послѣдовательности и постепенности), должна потомъ уже найти свое раздѣленіе и свое разумное начало.—Такимъ образомъ, нельзя сказать, съ чего начинается Грамматика; можно сказать съ чего *надо* начать Грамматику.

Сознаніе есть освобожденіе себя, *отдѣленіе* себя отъ всего другаго, отъ всего остальнаго міра, *знаніе себя*. Это сознаніе выражается словомъ: *Я*. — Произнесши: *Я*, человѣкъ отдѣлилъ себя отъ всего постороняго, отъ всего, что *не-Я*. Въ то же время онъ отдѣлилъ, конечно, и все постороннее отъ себя. Такимъ образомъ міръ для него раздѣлился на двое: на *Я* и *не-Я*, на человѣка (въ смыслѣ лица сознающаго) и природу. Но человѣкъ не является на землѣ въ одномъ единомъ сознающемъ существѣ. Ограниченность *Я* человѣческаго допускаетъ множество *Я*; цѣлый родъ человѣческій живетъ, состоя изъ отдѣльныхъ личностей, слѣдовательно цѣлый родъ существъ сознающихъ. Встрѣчая подобное себѣ существо, подобное себѣ сознаніе, человѣкъ говоритъ: *Ты*, и въ этомъ словѣ слышно признаніе предѣла своего сознанія, въ то же время какъ и признаніе другаго подобнаго сознанія, — слышно признаніе разумѣнія въ другомъ существѣ, признаніе равенства съ собою; *Ты*, есть уже разговоръ; *Ты* есть слово бесѣды, слѣдовательно взаимнаго разумѣнія. Такимъ образомъ совершается актъ сознанія: *Я*, *Ты* (не мое *Я*) и природа (не *Я*), или предметъ какой бы то ни было, означаемый обыкновенно словомъ: *Онъ*.—*Я*, *Ты*, *Онъ* — вотъ путь основнаго необходимаго разумѣнія человѣка, отдѣлившаго себя отъ природы, отъ явленія, — очистившаго себѣ мѣсто и устремившаго потомъ свободно на все свой разумъ. *Я*, *Ты*, *Онъ*, безспорно относятся къ имени. Въ грамматикахъ же нашихъ слова эти называются мѣстоименіями. Хотя очень странно вообразить: *я*, *ты*, мѣстоименіями—вмѣсто какого имени употребляются они? — но однако самое слово: мѣстоименіе, указываетъ на разрядъ имени. И такъ, во всякомъ случаѣ, *Я*, *Ты*, *Онъ* относятся къ имени. *Я*, *Ты* не имѣютъ рода, ибо само сознаніе безродно: безродны и имена, его выражающія; но *Онъ*,—*мѣстоименіе* въ полномъ смыслѣ, означающее сознанный предметъ—должно имѣть, и имѣетъ родъ, употребляется какъ: *Онъ*, *Она*, *Оно*. — Въ грамматикѣ: *Я*, *Ты*, *Онъ* имѣютъ собственное названіе: *лица*. Удержимъ

этотъ терминъ грамматическій, хотя по настоящему онъ приличенъ только *я* и *ты*, ибо *онъ* есть, по смыслу своему, уже предметъ.

Сознаніе не можетъ быть не полно. По этому при словѣ: *Я*, явилось оно во всей полнотѣ. *Ты*, *Онъ*, это необходимыя его степени, изъ которыхъ на каждой является оно *цѣло*, такъ сказать. Сознаніе есть *актъ*, *дѣйство*, поэтому кромѣ *лица*, или предмета сознающаго, кромѣ *имени*, оно предполагаетъ *дѣйствіе*, *глаголъ*. Когда повторимъ мы: *я*, *ты*, *онъ*, то увидимъ, что это спряженіе глагола: *первое*, *второе* и *третье* лицо (какъ обыкновенно называется). Какой же глаголъ можетъ быть здѣсь предполагаемъ? Глаголъ чистаго бытія, безъ всякого опредѣленія, — бытія въ существѣ своемъ. Когда мы произнесемъ этотъ основный, необходимый для уразумѣнія глаголъ, глаголъ бытія: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, то увидимъ опять, что это личныя имена, выраженныя въ глаголѣ, такъ что при глаголѣ: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, подразумѣвается непремѣнно имя: *Я*, *Ты*, *Онъ*, и наоборотъ при *Я*, *Ты*, *Онъ*, подразумѣвается непремѣнно: *Есмь*, *Еси*, *Есть*. Одно отдѣлить отъ другаго нельзя *).

Актъ сознанія выразился нераздѣльно вмѣстѣ и въ томъ и въ другомъ. Полная повидимому форма будетъ: *Я Есмь*; но мы чувствуемъ тутъ плеопазмъ и особый смыслъ подтвержденія. — *Я*, одно, уже предполагаетъ *Есмь*; *Есмь*, одно, уже предполагаетъ *Я*. Нераздѣльность въ существѣ того и другаго слышна. Имя *Я*, *Ты*, *Онъ*, и глаголъ: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, выступаютъ какъ части, какъ стороны, изъ цѣльнаго, первоначальнаго акта сознанія, и суть его дальнѣйшій, подробнѣйшій, и вмѣстѣ раздѣляющій ходъ. Давать преимущество и временное первенство тому или другому—конечно ложно. Это цѣльное, безразличное въ истокѣ, сознаніе, но при появленіи раздѣлившееся мгновенно логически, въ понятіи человѣка, какъ лицо (предметъ) и бытіе (дѣйствіе), какъ Имя и Глаголъ,—и начавшее свой полный кругъ разумѣнія на землѣ.—

Обратимся къ грамматикѣ,—къ самому слову, выражающему сознаніе. Мы увидимъ въ различныхъ языкахъ близость между собою, даже самыхъ словъ этихъ: *Я*, *Есмь*,—близость, слишкомъ

---

*) Потому въ нашихъ древнихъ грамотахъ, въ сложныхъ прошедшихъ какъ скоро употреблялось *я*, *ты*, не употреблялось *есмь*, *еси*, и на оборотъ —См. мое разсужденіе о Ломоносовѣ.—См. объ этомъ также у Буслаева въ его Опытѣ исторической Грамматики.

ясно говорящую о первоначальномъ ихъ тождествѣ. Взглянемъ сперва на нашъ языкъ. Скажемъ напередъ, что древнія формы, даже иногда отъ одного и того же слова, бываютъ разбросаны по разнымъ языкамъ, такъ что, на примѣръ, первое лицо глагола, или на примѣръ единственное число имени, въ древней формѣ своей, уцѣлѣло въ одномъ языкѣ. а второе лицо глагола, или множественное число имени, въ древней формѣ уцѣлѣло въ другомъ. Такимъ образомъ, нерѣдко, при возстановленіи древняго вида слова и его измѣненій, надобно бываетъ брать формы изъ разныхъ языковъ. — Разсматривая здѣсь: *Я* и *Есмь*, сначала въ русскомъ языкѣ, мы дѣлаемъ наши соображенія и выводы пока внутри предѣловъ русскаго языка.

Мы, Русскіе, говоримъ теперь: *Я*, но мы говорили, какъ это можно видѣть изъ древнихъ грамотъ: *Азъ*. По церковно-славянски, и даже теперь у Болгаръ, удержалось: *Азъ*, которое конечно было и въ русскомъ языкѣ и изъ котораго, очевидно, образовалось позднѣйшее русское: *Язъ*, и потомъ: *Я*.—*Азъ* несомнѣнно имѣло въ окончаніи: *М*, слышное въ родительномъ: *Ми, Меня*. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право возстановить: *Азъ*, какъ *Азмь*. Въ такомъ видѣ *Азъ* сходно, и почти тождественно съ *Есмь*. Предполагая сходство это и во второмъ лицѣ, мы не можемъ однакоже. въ предѣлахъ славянскаго языка, показать ощутительно это сходство; кромѣ впрочемъ того, что должны предположить. при *Ты*,—придыханіе и форму: *Твы*, изъ котораго образовалось потомъ: *Тебя*, *Твой*, и *Вы*. Во множественномъ числѣ изъ *Азмь* должно было быть: *Азмы*, которое было бы почти тождественно съ: *Есмы*, но у насъ существуетъ только: *Мы*. — Отъ *Ты* имѣемъ мы: *Вы*, при чемъ имѣемъ право предположить форму: *Твы*. Первое лицо двойственнаго числа имѣетъ форму *Вѣ*, которая сходна съ *Есвѣ*, но какъ видно утратила свой полный видъ, ибо вѣроятно была тоже *Есвѣ*. Второе лицо двойственнаго: *Вы*; но это едва ли такъ, ибо это чисто лицо множественное; глаголъ же разнится: *Еста*. Предполагаемъ для втораго лица двойственнаго скорѣе, или: *Вѣ*, *Есвѣ*, или: *Ва*, *Эста* (*эства*). Мы сказали о первомъ и второмъ лицѣ у насъ. — Что касается до третьяго лица, то такъ какъ здѣсь является предметъ со всѣмъ своимъ безпредѣльнымъ разнообразіемъ, то конечно здѣсь тождество между глаголомъ: *есть*, и предметомъ — быть не можетъ. Послѣ *Я* и *Ты* здѣсь является уже не слово сознанія, имъ равное, а са-

мый предметъ, который отвлеченно принято теперь называть: *Онъ (оный)*, но къ которому могутъ также относиться: *сей*, *этотъ*, *тотъ* и т. д. *Тотъ*, или *Ты*, есть первоначальное и простое слово, для общаго отвлеченнаго обозначенія предмета: поэтому здѣсь оно у мѣста. Въ самомъ же словѣ, соединяющемъ въ себѣ Имя и Глаголъ (*Азмь*), личное значеніе, — значеніе, которое опредѣляетъ выраженіе, образованіе слова, — отступаетъ, какъ скоро является предметъ (третье лицо), и тогда остается одинъ корень, или лучше, одна тема слова: *Е-С*, въ своемъ неопредѣленіи. Изъ этой формы въ третьемъ лицѣ, — въ значеніи имени, образовалось *Ся*, гдѣ сознаніе само становится предметомъ, изъ личнаго переходитъ въ объективное, слѣдовательно обращено само на себя, гдѣ оно понято, какъ чистое, независимое отъ лица, сознаніе и по этому относящееся равно ко всѣмъ лицамъ. Отвлеченная тема глагола: *е*, и отвлеченное сознательное имя: *ся*, — первоначально тождественны. Но сознаніе, какъ объектъ (предметъ) — быть въ Именительномъ падежѣ не можетъ (*Я* и *Ты* — субъектъ, лицо). Въ Именительномъ падежѣ, какъ объектъ, можетъ быть предметъ, не сознающій (*лѣсъ*, *соль*, и пр.)*; поэтому *Ся*, сознаніе какъ объектъ, само на себя обращенное, и не имѣетъ Именительнаго падежа, а имѣетъ только падежъ Винительный и другіе косвенные.

И такъ, есть точно третье лицо, само полагающее себя какъ предметъ, есть сознаніе, на себя обращенное, выразившееся и въ имени, но это лицо — *Ся*, не имѣющее Именительнаго падежа. Весь же объективный міръ былъ обозначенъ особымъ наименованіемъ, не отъ этого сознательнаго слова происходящимъ, — прилагательнымъ (мѣстоименіемъ): *тъ*. Глаголъ, отдѣльно понятой, остался при своей отвлеченной темѣ: *ес* (вѣроятно опредѣлившейся въ *есе*), къ которой уже присоединилось: *ть*, и образовало: *есть*, *есть*, *est*; во множественномъ составилось *су-ть*; черезъ посовый звукъ по церковно-славянскому языку: *сѫть*, т.-е. *сон-ть*, *sunt*. Вѣроятно прежде было: *есу-ть*, *есон-ть*, ибо всѣ другія формы того же глагола доказываютъ присутствіе *е*, или вообще передо-

*) Не сдѣлаютъ-ли возраженія, что сознательныя существа тоже являются въ Им. падежѣ, напр: *человѣкъ*?—Но тогда они являются все же, какъ предметъ *не сознающій*, одаренный способностью сознанія, но не представляющій самый актъ сознанія, который является только въ Именахъ личныхъ: *Я* и *Ты*.—*Человѣкъ* есть объектъ. Субъектъ только—*Я* и *Ты*.

вой гласной. Очевидно, что окончаніе множественнаго на *тъ* или *ть* сократилось изъ *ты* или *ти*. Въ третьемъ лицѣ, въ двойственномъ, образовалось: *еста*. Образованіе третьяго лица глагола *есмь* очевидно принадлежитъ къ послѣдующему мгновенію мысли, по логическому ея ходу и по времени; по этому, хотя и не запамятно-древняго, но все позднѣйшаго состава. Здѣсь очевидно придаваемое прилагательное: *тъ* — *ть*, единственнаго, *ти* — *ты*, множественнаго, *та*, двойственнаго. Впрочемъ смягченіе *ъ* или *ѣ* встрѣчается очень часто въ одномъ и томъ же словѣ, поэтому могло быть *тъ* и *ть*, *ты* и *ти*. Отсюда образовалось это различіе глагольныхъ окончаній третьяго лица: *идетъ*, *идеть*; *идутъ* (*ты*), *идуть* (*ти*). Какъ указаніе на то, что первоначально третье лицо было отвлеченная тема глагола, можетъ служить, кажется, употребленіе древнее, доселѣ на югѣ Россіи удержавшееся, рядомъ съ другимъ, а именно: *пише*, *ходи*; и во множественномъ, въ другихъ славянскихъ языкахъ: *пишу*. Въ Остроміровомъ Евангеліи встрѣчаются примѣры двойнаго употребленія безъ *тъ* и съ *тъ*, напримѣръ: *прострѣ* (стр. 128 а) и *прострѣтъ* (стр. 94 б), и пр. Также позднѣе встрѣчается прошедшее церковно-славянское: *бяху* и *бяхуть*.

Вотъ, что видимъ мы въ нашемъ языкѣ; теперь обратимъ вниманіе на другіе Индо-Европейскіе языки, которые должны пополнить наше созерцаніе, должны явить новыя стороны *Я* и *Есмь*.— Въ языкѣ Санскритскомъ *Я* — *Aham*, въ Зендскомъ: *Azem*. Въ какой мѣрѣ придыханіе заглушило въ Санскритскомъ букву *c (s)*, которая кажется намъ основною въ Индо-Европейскихъ языкахъ,— какъ произносилось: *Aham* въ самомъ древнемъ Санскритскомъ?— мы это оставляемъ въ сторонѣ. Можемъ сказать только, что изъ придыхательнаго: *Aham* образовалось: Ἐγώ Греческое, *Ego* Латинское и *Ik* Готское, *Ich* Нѣмецкое. Изъ Зендскаго: *Azem* образовалось: *Азъ* Славянское, *Asz* Литовское. Дальнѣйшее изслѣдованіе показываетъ, что *c*, *з*,—болѣе основные звуки. Въ Санскритскомъ языкѣ *Есмь (Есми)* читается *Asmi*, гдѣ слышится вновь *s*. Близость съ нашимъ языкомъ (*Asmi*, *Есми*) — очевидна, и еще больше соотвѣтствуетъ нашему, предполагаемому несомнѣнно, личному Имени: *Аз-мь*. Въ Зендскомъ наоборотъ выступаетъ здѣсь *h*: *Ahmi*, но близость несомнѣнна и тутъ. Во множественномъ числѣ языкъ Санскритскій уклонился отъ *Азем* или *Азмъ*. Множесвенное: *Мы*—по Санскритски: *Vayam*, по Зендски: *Vaêm*. Но въ

примѣръ, какъ можетъ искажаться языкъ, и въ доказательство тождества личныхъ Именъ и Глагола бытія, мы встрѣчаемъ въ древнѣйшемъ видѣ Санскритскаго языка, въ языкѣ Ведъ: *Asmé*, *(мы)*, столько сходное съ нашимъ: *Есмы*; вотъ форма, которая у насъ удержалась въ глаголѣ, а въ Ведахъ—въ личномъ Имени. Санскритское множественное отъ *есмь*, хотя и сходно, но дальше отъ первообраза, чѣмъ Славянская форма,—именно: *Smas*.—Второе лицо по Санскритски: *Tvam*, форма древнѣйшая Славянской, если не предполагать придыханія въ *ы* вообще, которое весьма возможно, ибо *ъ* по своему значенію и мѣсту, занимаемому въ звукѣ, можетъ выражать и придыханіе, особенно въ *ы*, дающемъ ему положительность. — Второе лицо является намъ однако безъ *С*, этой основной буквы Глагола и Имени; но въ Греческомъ языкѣ *С* выходитъ наружу; *ты* — συ по Гречески. Это συ *) какъ будто объясняетъ второе лицо глагола бытія: наше *Еси*, *Asi* по Санскритски, Ἐσ-σι по Гречески, по Зендски опять *A-hi*. Мы смѣемъ сдѣлать предположеніе, что подобно тому, какъ *Мы* есть остатокъ, окончаніе *Ес-мы* (которая есть первоначальная форма слова: *мы*, сохранившаяся въ Ведахъ: *Asmé;* Греческое Ἀμμες), такъ συ Греческое, Τυα Санскритское, *Ты* Русское, — есть только одно окончаніе полной формы Ες-συ, *Es-tva* или *As-tva*, *Ес-ты* или *Ес-твы*. Не будемъ спорить о томъ, которая изъ этихъ формъ болѣе приближается къ первоначальной. *Т* легко могло перейдти, особенно съ придыханіемъ (*tv*, *th*), въ *S*, и въ этомъ видѣ остается въ глаголѣ въ позднѣйшемъ образованіи: *Ес-си*. Это придыханіе слышно въ Зендскомъ: *Ahi*. Въ словахъ же *Ты*, *Tva*, удержалась форма ближайшая къ первообразной **). Во множественномъ числѣ, *Вы*,— въ Санскритскомъ: *Yûyam*; но въ Ведахъ опять слышно *s*: *Yusme*, а въ Греческомъ Ὑμμες, въ Зендскомъ *Youschêm*. Глаголъ бытія во второмъ лицѣ, во множественномъ, отдаленъ отъ личнаго Имени и почти вездѣ одинаковъ: Славянское *Есте*, Греческое Ἐσ-τε, Санскритское *Sta'*, Зендское *S-tha*. Но мы слышимъ однако въ

*) По дорійскому нарѣчію τυ; при этомъ видно, какъ удобно переходила буква *т* въ *с*.

**) Мы должны прибавить однако, что возможно, даже вѣроятно, что σ въ συ Греческомъ есть τ, перешедшее въ σ, и что *с* (*s*), оставшееся, могла быть превозмогшая, коренная буква слова: *с* (*s*), поглотившая *т* (*t*); такъ что въ Глаголѣ осталось: *es*, εις, *еси*, а въ Имени личномъ второмъ: *ти*, συ—τυ, *ты (твы)*.

Санскритскомъ и Зендскомъ придыханіе, которое могло образовать множественную форму: *Tve*, перешедшую у насъ въ *Вы*, и если мы присоединимъ утраченное *Ес*, а этому примѣровъ у насъ довольно, то можемъ возстановить древнюю форму, вѣроятно: *Estve*, *Estva*, *Ествы*, или т. п., очень близкую къ формѣ единственнаго числа. Намъ кажется, что и въ этихъ, очевидно въ развалинахъ существующихъ, формахъ, можно узнать единство личнаго Имени и Глагола бытія; но признаемся: здѣсь, во 2-мъ лицѣ множественнаго, съ трудомъ проводится эта параллель. Въ двойственномъ числѣ перваго лица, сходство снова выступаетъ. Въ Славянскомъ оно очень ощутительно и просто: *Вѣ* — *Есвѣ*: очевидно, что *Ес* откинуто въ позднѣйшее время. — Это *С* (*s*) не сохранилось ни въ Греческомъ, ни въ Санскритскомъ языкѣ: *Avam*, Νῶι. Въ Литовскомъ *Миоди*, очевидно сложное: *ми-ди*. — Въ Санскритскомъ языкѣ, въ Глаголѣ, въ 1-мъ лицѣ двойственнаго, видимъ: *Svas*. — Въ Сацскритскомъ языкѣ Имя личное во второмъ лицѣ двойственнаго: *Yuvam*; Глаголъ: *Stas*. Придыханіе даетъ возможность предположить *в*, слѣдовательно образовать форму: *Ства*, *Ества*: тогда сходство открывается, и вмѣстѣ съ этимъ возможность тождества формъ. По Гречески: σφωι; быть можетъ является здѣсь σ вмѣсто τ, но во всякомъ случаѣ близко къ основной формѣ; глаголъ же—'εστόν. Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать одно предположеніе. Вѣроятно двойственное перваго лица, происходя отъ *Аземъ*, должно было имѣть: *Асма* или *Асмѣ*, *Есма* или *Есмѣ*; раздѣлившись потомъ въ употребленіи и устранивъ начальныя буквы, оно должно было имѣть: *Ма* или *Мѣ*, въ личномъ Имени; въ Глаголѣ бытія могло остаться *Есмѣ*; въ Ц. Слав. это могло потомъ измѣниться въ *Вѣ*, *есвѣ*. Предположеніе наше отчасти подтверждается Греческою формою: νῶι; *П*, какъ извѣстно, замѣняетъ *М*; напр. *мы*—*насъ*, и т. п. Это подтверждается и тѣмъ, что Церковно-славянское: *Вѣ* имѣетъ въ родительномъ: *Наю*. Второе лицо должно было быть: *Ва* или *Вѣ*, *Тва* или *Твѣ*, но вѣроятно не *Вы*, которое есть, просто-напросто, форма множественнаго. Буква *В* слышна, впрочемъ, во всѣхъ языкахъ; въ Греческомъ видимъ даже *С* (σ), можетъ быть измѣненное *Т* (τ) — Въ языкѣ Славянскомъ аспирація въ Глаголѣ, слышная въ Санскритскомъ, думаемъ мы утрачена, равно какъ и въ Греческомъ. Такимъ образомъ Славянское двойственное перваго лица есть двойственное втораго, перенесенное на лицо первое (могло впро-

чемъ быть не *Ви*, а *Ва*). Двойственное же втораго, какъ бы въ доказательство, что оно утрачено, приняло очевидно форму множественнаго: *Вы*. Глаголъ же втораго лица двойственнаго: *Есте*, удержалъ двойственную форму. Вообще *М* считаемъ мы принадлежностью перваго лица, *В* (*V*), какъ аспирацію при *Т*,— втораго. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, во второмъ лицѣ, кажется достовѣрно можно утверждать, что формы личнаго Имени и Глагола бытія первоначально *тождественны* *).

И такъ думаемъ, что сознаніе, въ первое мгновеніе свое, явившись цѣльнымъ, и слѣдовательно въ цѣльномъ словѣ, — тутъ же раздѣлилось въ понятіи, на лицо (предметъ въ общемъ значеніи) и на бытіе (дѣйствіе): на *Имя* и *Глаголъ*. Раздѣлившись въ понятіи, слово раздѣлилось и въ употребленіи; такъ, что на одной сторонѣ осталась одна часть, а на другой, другая часть слова,—части, которыя обдѣлались и сформировались въ особыя слова. Древніе языки представляютъ намъ развалины этого употребленія; въ нихъ древнія формы сохранились порознь, такъ, что иногда какой нибудь древней формѣ личнаго Глагола: *есмь*, въ одномъ языкѣ,— соотвѣтствуетъ древняя форма личнаго Имени: *я*, удѣлѣвшая въ языкѣ другомъ. Напримѣръ: *Есмы* славянское (личный Глаголъ) и *Asme* (*мы*) древне-Санскритское (личное Имя). Спѣшимъ прибавить, что мы не беремъ на себя рѣшить древность окончательной буквы, какъ напримѣръ здѣсь: *ы* или *е*. Но во первыхъ, мы дѣлаемъ общее положеніе о первоначальномъ — не сходствѣ — но *тождествѣ*, — хотя бы на первое мгновеніе, — личнаго Имени и Глагола бытія; во вторыхъ, не можемъ не признать приблизительнаго тождества и въ самомъ словѣ, между, напримѣръ: *Есмы* и *Asme*, — и слѣдовательно относительной первоначальности подобныхъ формъ.

Примѣчаніе. 1-е. На мысль нашу, что первое слово сознанія есть *Я*, слѣдовательно сознаніе себя, могутъ возразить, что обыкновенный путь человѣческаго развитія есть признанія предмета и потомъ сознаніе себя. Но сознаніе предмета

*) Личныхъ именъ *я*, *мы*, *ся*, съ ихъ склоненіемъ, личнаго глагола *есмь* съ его спряженіемъ, мы не разсматриваемъ здѣсь въ полнотѣ и подробности, ни собственно въ Русскомъ языкѣ, ни сравнительно съ другими. Мы говоримъ здѣсь объ этомъ столько, сколько намъ нужно. Подробное же разсмотрѣніе надѣемся сдѣлать ниже, въ своемъ мѣстѣ.

не можетъ совершиться безъ сознанія себя; сознаніе себя постоянно тутъ, и когда человѣкъ, самъ по себѣ, доходитъ до своего *Я*,—это уже сознаніе своего сознанія, удвоенное сознаніе, или лучше самосознаніе (выражаемое въ языкѣ уже словомъ *Ся*). Въ словѣ же возникаетъ не отвлеченное, но живое сознаніе, прямо въ своемъ выраженіи, прямо воплощающееся въ опредѣленное явленіе слова; это первое простое сознаніе,—первой вырвавшійся знакъ жизни разумной, жизни *человѣка*,—не могло быть умолчено въ словѣ.—Если ребенокъ никогда не начнетъ говорить съ слова *я*, то вспомнимъ, что онъ медленно мужаетъ и руководится уже готовою рѣчью, научаясь ей отъ другихъ. Но человѣкъ, во всемъ своемъ совершенствѣ, ставшій внезапно среди природы, еще не оглашенной словомъ человѣка, мгновенно проникнутый закипѣвшимъ и вспыхнувшимъ въ немъ сознаніемъ, конечно выразилъ прежде всего сознаніе, и первое слово было—слово сознанія, то есть: *Я*. Какое бы слово ни вылетѣло изъ устъ человѣка, оно уже было словомъ сознанія, ибо надо было дать исходъ тому божественному огню, который въ немъ вспыхнулъ, который онъ ощутилъ въ себѣ. Первый человѣкъ сказалъ: *Асмь* или *Асми*, или тому подобное, сколько можемъ мы угадывать по остаткамъ, теперь разноязычнаго, разновременнаго слова.—И такъ, первое мгновеніе сознанія, безъ котораго не можетъ быть признанія предметовъ, въ первое проявленіе свое на землѣ, было конечно свѣтло, было ощущено и высказано. Вмѣстѣ съ этимъ первымъ мгновеніемъ сознанія, высказалось сознаніе и *предмета*,—всего сущаго міра *(не-Я)*. Что же касается до втораго мгновенія сознанія, до самосознанія, то высказалось и оно, когда человѣкъ произнесъ *Ся*, гдѣ обратился онъ самъ на себя, гдѣ, отвлеченно даже отъ личности, понялъ онъ сознаніе, такъ что оно и стало равно доступно всѣ лицамъ. Слово *Ся*, сказать между прочимъ, не существуетъ въ столько древнемъ языкѣ Санскритскомъ.

Примѣчаніе 2-е. Мы употребляли не разъ выраженія: *корень* слова. Онъ безспорно существуетъ, но надо прибавить, что самъ корень подверженъ совершенно измѣненіямъ, такъ что на мѣсто однихъ буквъ становятся другія. Тѣмъ не ме-

пѣе корень слова тутъ, ибо это—*его* измѣненіе. Разница корня отъ одежды, отъ наружности слова та, что наружность совершенно устраняется, придается, откидывается и замѣняется, а корень, хотя можетъ измѣняться, но постоянно присутствуетъ. Въ Имени—Глаголѣ, въ словѣ *Есмь*, *Азмь*, и т. д. мы находимъ одну коренную букву: это *С (S)*,—измѣняющуюся въ *Г (Н, G,)*, но постоянно присутствующую. Во второмъ лицѣ, мы видимъ ее же, или съ прибавленіемъ буквы *Т* сзади, или быть можетъ перешедшею въ нее чрезъ придыханіе; впрочемъ мы думаемъ первое. Какъ также тематическую букву, хотя не въ такой степени, признаемъ мы *А*, переходящее въ *Е*, *Ѣ*, и утратившееся позднѣе.

Примѣчаніе 5-е. Мы знаемъ, что существуетъ мнѣніе о сложности Глагола вообще, и слѣдовательно непремѣнно отсюда и о сложности Глагола *есмь*, съ Именами личными, изъ чего, думаютъ, и образуется спряженіе, но мы не можемъ съ этимъ согласиться, основываясь на тождествѣ слова: личнаго Имени и Глагола бытія, что̀ мы старались показать; подобной сложности нѣтъ мѣста здѣсь, да и просто на самомъ дѣлѣ трудно отыскать сложность, напримѣръ: въ *Есми*, *Asmi*, съ первымъ личнымъ Именемъ; гдѣ же тутъ сложилось съ *Asmi*, на примѣръ, *Ahat* или *Azet*? Напротивъ: очевидно выдается здѣсь тождество Имени и Глагола. Если же въ *есмь* нѣтъ этой сложности, то какъ же признать ее для другихъ глаголовъ?—Присоединеніе къ всякому глаголу личныхъ именъ образуетъ, по выше сказанному мнѣнію, спряженіе; но почему же это не присоединеніе Глагола *есмь*, который такъ тождественъ съ личнымъ Именемъ? На эту бы вторую мысль скорѣе должно навести сходство спряженія съ этимъ Глаголомъ; но и это несправедливо. Сложности здѣсь никакой нѣтъ, но конечно духъ глагола, выразившись въ извѣстной формѣ въ Глаголѣ бытія, одинаковъ для всѣхъ глаголовъ, и стало быть долженъ при всѣхъ глаголахъ повторить эту форму, которая возводится до своего общаго отвлеченнаго значенія и присоединяется *какъ чистая форма*, къ глаголу, а не какъ особый глаголъ, приносящій съ собою свое значеніе. Вообще такого рода предполагаемая сложность если является, то въ гораздо поздпѣйшую эпоху языка.

Примѣчаніе 4-е. Въ нашемъ языкѣ: *Я, Ты; Мы, Вы; Есмь, Еси; Есмы, Есте*,—хотя не сходны между собою, между тѣмъ употребленіе обнаруживаетъ ихъ сходство. *Есмь, Еси*, встрѣчаясь въ Русскихъ граматахъ, при отглагольныхъ прилагательныхъ, при другихъ прилагательныхъ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ бы ни случилось, совершенно соотвѣтствуетъ *Я* и *Ты*, имѣетъ даже его значеніе и замѣняетъ его, такъ что когда встрѣчается *Есмь* и *Еси*, то не ставится *Я* и *Ты*; наоборотъ какъ скоро встрѣчается *Я* и *Ты*, не ставится *Есмь* и *Еси*; иногда встрѣчаются вмѣстѣ и личное Имя и Глаголъ, но тогда это получаетъ особенный характеръ усиленія, удвоенія, можно сказать *). *Есмь* вообще употребляется рѣдко, но на это уже особая причина, о которой надѣемся сказать въ своемъ мѣстѣ; впрочемъ можно сказать и то, что въ третьемъ лицѣ всегда почти находится или предметъ, или мѣстоименіе: *онъ*. Какъ важное доказательство нашего мнѣнія, вспомнимъ выраженіе народное: *Гой еси добрый молодецъ!* гдѣ *еси* совершенно соотвѣтствуетъ *ты: Гой ты добрый молодецъ*. Тоже значеніе сохраняется, какъ удвоеніе въ выраженіи: *Ахъ ты гой еси.*

Что касается до третьяго лица, то, какъ мы уже сказали, мы считаемъ оное темою глагола, свободнаго даже отъ той опредѣленности, выражающейся и въ словѣ, которая дается даже личными именами. Это уже послѣдующее мгновеніе сознанія. Въ мірѣ объективномъ, сознанномъ, нѣтъ той цѣльности, единства, какое есть въ сознаніи, въ лицѣ сознающемъ; слѣдовательно онъ не могъ быть высказанъ единымъ живымъ и дѣйствительнымъ словомъ, какъ первое и второе лицо *(Я, Ты);* онъ долженъ былъ быть понятъ отвлеченно, чтобы получить свое общее наименованіе и чтобъ изъ этой отвлеченности могъ разсыпаться на безчисленныя явленія. Прежде всего Имя-Глаголъ бытія въ 3 лицѣ понимается отвлеченно и въ словѣ является одною темою. Эта общая тема Имени-Глагола—*ЕС* (*с*, какъ мы уже видѣли, часто отсутствуетъ въ формахъ, до насъ дошедшихъ); но такъ какъ, съ одной стороны, онъ носитъ на себѣ актъ личнаго сознанія, являющагося отвлеченнымъ, то тема его получаетъ значеніе чи-

*) См. мое разсужденіе о Ломоносовѣ.

стаго сознанія, себя разумѣющаго, и образуетъ третье, общее личное Имя: *Я*. Съ другой стороны, какъ отвлеченная тема, онъ употребляется какъ обозначеніе всего сущаго, всего объективнаго міра, бытія вообще, и образуетъ тогда третье лицо Глагола *есмь*, причемъ къ темѣ его, обыкновенно, придается общій образъ, типъ предмета, выражающійся словомъ (такъ наз. мѣстоименіемъ): *Тъ* (или *Ть*). Такимъ образомъ третье лицо есть точно *сложное* изъ *ЕС* и *Тъ*; тогда какъ первое и второе лицо суть цѣльныя въ понятіи и словѣ, но раздѣлившіяся (каждое), послѣ перваго мгновенія, и въ понятіи и въ словѣ. Но какъ замѣтили мы, глаголъ въ томъ же значеніи употребляется и въ одной тематической формѣ (хотя не въ самомъ Глаголѣ *есмь*, гдѣ *ЕС* какъ бы нуждается болѣе въ опорѣ *Тъ*, а въ другихъ, напримѣръ: *иде—идетъ*); это, по нашему мнѣнію, съ своей стороны доказываетъ, что при окончаніи: *Тъ* глаголъ (и также Глаголъ *есмь*: *ЕС-Тъ*,-*ЕС-Тъ*, *(Е)СУ-Тъ)* взятъ какъ тема, къ которой *Тъ* присоединено. Въ тематической формѣ глаголъ оканчивается, кажется, на *Е* или *И* въ единственномъ и *У* или *Я* во множественномъ. Впрочемъ объ этомъ надѣемся подробнѣе сказать въ своемъ мѣстѣ.

Окончаніе третьяго лица въ языкахъ иностранныхъ совершенно одинаково; это *Тъ*, придающееся къ темѣ глагола, которая на всѣхъ языкахъ имѣетъ общее значеніе. *) Санскритское: *As-ti*, Зенд. *Asti*, Греч. Εστι, Слав. *Ес-ть* Лат. *Es-t*. Тематическая форма третьяго лица Глагола *есмь*, вѣроятно, какъ мы предполагаемъ есть: *есе*; быть можетъ она и была нѣкогда передъ *ть* (*есетъ*, *ессть*), но поглотилась (*есть*). Во множественномъ тоже самое: *ть*, или лучше, *ти*, придается къ темѣ глагола. Замѣчательно, что основная гласная, переходящая изъ *а* въ *е* и *і* (*іт*, Готское *есмь*), въ третьемъ лицѣ множ. чис. отсутствуетъ совершенно, но конечно она была нѣкогда. Третье лицо множ. числа по Санскритски: *santi*, по Зендски: *henti* по Гречески (σ) εντι, по Славянски *сѫ-ть*, по Латынѣ *sun-t*. Если мы обратимъ вниманіе, то увидимъ, что къ темѣ придано окончаніе множественное: *ти*, при чемъ сама тема въ глаголѣ имѣетъ окончаніе множественное и носовой звукъ, что между прочимъ доказываетъ, что здѣсь тему надо разумѣть отдѣльно и что полная форма съ окончаніемъ *ти*—есть форма сложная. Точно также, какъ и въ единственномъ

(*) См. Бопна Vergleichende Grammatik.

числѣ,—тематическая форма, одна, во множ. числѣ въ Глаголѣ *есмь*, не употребляется; но въ другихъ глаголахъ она встрѣчается безъ *ти*, напр.: *мужи пашу, жены рубы строя.* Въ Польскомъ и доселѣ точно также: *vidzia*, и пр. Это опять доказываетъ сложность формы. Въ другихъ Славянскихъ языкахъ тоже. Въ Латинскомъ встрѣчается подобное тому: *fecere* вмѣсто *fecerunt*. Изъ отвлеченной темы: *cs, ec*, образовалось, уже позднѣе—думаемъ мы, Славянское: *сій, сеи* (соотвѣтственно съ *сыи*), и можетъ быть Латинское *hi-c*.

И такъ мы видимъ, что сознаніе и слово не началось ни той, ни другой своей стороною. Изъ устъ человѣка вдругъ вылетѣло разумное сознательное слово, одно и цѣльное. Мгновенно раздѣлившись въ понятіи, оно раздѣлилось и въ употребленіи и въ образованіи своемъ, какъ Имя и Глаголъ. Давать преимущество и хронологическое первенство тому или другому — было бы очевидно ложно. — Но самый этотъ дальнѣйшій логическій ходъ мысли, раздѣлившій цѣльность сознанія и слова, указываетъ на *логическое* первенство той, либо другой стороны; и на этомъ-то основаніи мысли, выраженной словомъ, раздѣляется Грамматика. Такимъ образомъ ходъ самой мысли въ словѣ, раздѣляетъ науку слова.— Обратимся же къ этому раздѣленію.

Раздѣленіе.

Въ началѣ все сущее является мысли, какъ бытіе въ покоѣ. Все сущее заключено въ самомъ себѣ, весь міръ является сомкнутымъ въ себѣ, а видъ его въ такое мгновеніе есть *образъ*. Это покой міра и всѣхъ силъ бытія. При первомъ взглядѣ, все окружающее какъ бы стоитъ около человѣка, безъ движенія, и по этому видна одна *наружная сторона* всего. Здѣсь является *бытіе, міръ въ самомъ себѣ, міръ въ мірѣ*. Это первое мгновеніе, первая степень сознанія. Міръ здѣсь, на этой первой степени,—*предметъ*.

Міръ, какъ образъ, какъ предметъ, выразился въ словѣ особою формою, и особымъ разрядомъ словъ или частью рѣчи: *Именемъ*.

Далѣе. Міръ являющійся носитъ въ себѣ причины своего бытія и явленія; въ немъ лежатъ внутреннія силы. Въ *явленіи* лежитъ *значеніе*. Значеніе выступаетъ. При второмъ взглядѣ, видно, что все окружающее, весь этотъ міръ, продолжается, *существуетъ*; и тогда является другая сторона, *сторона внутренняя*, замкнутая доселѣ. Міръ какъ бы выступаетъ изъ себя и обнаруживаетъ сокровенное. Выраженіе его, въ такое мгновеніе, есть *сила*. Здѣсь являются *бытіе*, *міръ—выходящимъ изъ самого себя*, или: *міръ изъ міра*. Это второе мгновеніе, вторая степень сознанія. Весь міръ является дѣйствующимъ безпрерывно на этой второй степени, міръ есть *дѣйствіе* въ общемъ своемъ объемѣ, отъ бытія до движенія.

Міръ, какъ сила, какъ дѣйствіе, выразился въ словѣ особою формою, особымъ разрядомъ или частью рѣчи: *Глаголомъ*.

Примѣчаніе. Если бы вообразить, что дѣйствіе должно предшествовать, то странно было бы вообразить дѣйствіе безъ предмета (тогда какъ предметъ безъ дѣйствія, безъ движенія — вообразить можно). Взглянувъ прежде со стороны дѣйствія, человѣкъ, такъ сказать, не разсмотрѣлъ бы міра, подобно тому, какъ въ обыкновенномъ ежедневномъ созерцаніи (на которое мы теперь ссылаемся) не разсмотришь предмета въ дѣйствіи, въ движеніи, какъ скоро преимущественно и предварительно на дѣйствіе, на движеніе устремишь вниманіе. Надо помнить, что обѣ эти стороны нераздѣльно связаны, и безъ нихъ сознанія быть не можетъ; но мы отдѣляемъ ихъ здѣсь послѣдовательно на основаніи разумнаго ихъ отношенія и преемства. Человѣкъ, обращая вниманіе на свое сознаніе, встрѣчаетъ, согласно логическому ходу, прежде всего предметъ (гдѣ содержится и дѣйствіе, но подчиненно), и потомъ дѣйствіе (гдѣ содержится и предметъ, но опять подчиненно). Особенность этого подчиненнаго отношенія (дѣйствія къ предмету, предмета къ дѣйствію) должна выразиться въ самой Грамматикѣ. И такъ мы считаемъ справедливымъ наше послѣдовательное (въ логическомъ смыслѣ) раздѣленіе слова: міръ въ себѣ, предметъ—*Имя*; міръ изъ себя, дѣйствіе—*Глаголъ*.

Но обѣ эти стороны составляютъ цѣлое—только въ соединеніи, и только одна при другой имѣютъ значеніе. Сознаніе раз-

дѣлило первоначальную цѣлость бытія и слова, различило обѣ стороны, и оправдавъ каждую сторону, и давъ ей выраженіе въ словѣ, вновь тоже сознаніе, логическимъ путемъ своимъ, соединило ихъ въ цѣлость, но уже ясную и сознанную, въ которой обѣ стороны признаны и оправданы.—Предметъ и дѣйствіе неразрывно соединены, безъ чего невозможно пониманіе. Самое соединеніе предмета и дѣйствія не имѣетъ, это очень понятно, особаго вида, ибо это есть только *соединеніе* того, что уже выразилось. Это соединеніе—есть *жизнь*, все объемлющая. Бытіе, взятое отвлеченно одною стороною, есть или предметъ или дѣйствіе; но вмѣстѣ, въ сочетаніи того и другого, оно—жизнь, гдѣ предмета нельзя разлучить отъ дѣйствія. Здѣсь *бытіе, міръ въ себѣ*, и *бытіе, міръ изъ себя*, являются *соединенно*. Это третья полная степень сознанія, на которой соединяются, въ духѣ жизни, обѣ различенныя, ради уразумѣнія, стороны,—степень, которая въ бытіи, относительно времени, современна предыдущимъ; но раздѣленіе наше сдѣлали мы не на основаніи времени, но на логическомъ основаніи мысли. Здѣсь, на этой третьей, высшей, заключительной степени, бытіе, міръ, является какъ *жизнь*.—Эта гармонія предмета и дѣйствія выразилась въ словѣ, какъ гармоническое соединеніе Имени и Глагола. Здѣсь не возникло особой новой формы слова: ей болѣе нѣтъ мѣста, ибо здѣсь толко *соединеніе* того, что уже выразилось. Сознающій духъ переходитъ вновь во внутреннюю область жизни, дѣйствуетъ уже чисто психическою, чисто личною силою, приводитъ въ гармоническое движеніе, какъ одно цѣлое, словесныя формы предмета и дѣйствія—Имя и Глаголъ, образованныя имъ на пути сознанія въ словѣ.—Міръ, какъ гармоническое сочетаніе предмета и дѣйствія, есть *жизнь*. Слово, какъ гармоническое сочетаніе Имени и Глагола, есть *рѣчь*.

И такъ передъ нами являются три части Грамматики, согласно тремъ степенямъ сознанія, выразившагося въ словѣ, нами сейчасъ объясненнымъ.

I. Имя	—	—	Предметъ.
II. Глаголъ	—	—	Дѣйствіе.
III. Рѣчь	—	—	Жизнь.

Обѣ первыя части составляютъ одну, въ томъ отношеніи, что въ нихъ, и въ той и въ другой, сознаніе является раздѣленнымъ, и

образуются видимыя, опредѣленныя формы слова; по нѣмецки носятъ онѣ приличное названіе: *Formenlehre.*

Третья часть, гдѣ является жизнь слова, гдѣ сознаніе въ словѣ является цѣльнымъ и соотвѣтствуетъ цѣльности жизни, носитъ особое названіе *Синтаксисъ*, которое мы намѣрены удержать. Но мы не удерживаемъ названія общаго для двухъ первыхъ частей, принимаемыхъ почти всегда безъ различія за одну: названія *этимологіи*; ибо оно противорѣчитъ нашему взгляду и можетъ сбивать, принятымъ уже своимъ значеніемъ. Мы рѣшаемся назвать первыя двѣ части *Грамматикою объективною* или *Аналитикою*, а третью: *Грамматикою субъективною* или *Синтаксисомъ*.

ЧАСТЬ I.

Имя.

Я есть первое Имя; но въ немъ выразилось личное недѣлимое сознаніе. *Ты* есть также личное сознаніе, признаное въ другомъ, и также недѣлимое. Первоначально, личныя Имена тождественны съ Глаголомъ *Есмь, Еси.*—*Я* и *Ты*—два первыя лица: это сторона *сознающая.* Третье лицо, міръ *сознанный*, есть весь міръ, вся безконечная область предмета. Глаголъ бытія принимается здѣсь въ отвлеченномъ смыслѣ, и предметъ отъ него отдѣляется. Третье лицо глагола образуется чрезъ присоединеніе къ темѣ общаго окончанія, обозначающаго предметъ: *тъ.* Но сознаніе, отвлекаясь отъ личнаго значенія, и въ третьемъ объективномъ лицѣ становя себя предметомъ,—образуетъ изъ темы Имени-Глагола: *ЕС—Ся*, въ которомъ выражается обращеніе сознаніе на само себя. *Ся*, какъ сознаніе обращенное само на себя, или *сознаніе сознанное*,—относится къ разряду *Я* и *Ты*, и является также недѣлимымъ.

Такимъ образомъ прежде всего передъ нами Имя личное, хотя выражающее *бытіе въ себѣ*, и потому, хотя *Имя*—но насквозь проникнутое недѣлимымъ духомъ сознанія, обличающее одинъ общій источникъ и сродство свое съ Глаголомъ, и потому ищущее съ нимъ сомкнуться, какъ въ первыхъ двухъ своихъ видахъ, гдѣ сознаніе является личнымъ и субъективнымъ, такъ и въ третьемъ, гдѣ сознаніе отвлекается отъ личности и само становится объектомъ. Эти имена: *Я, Ты, Ся.*

Въ Имени сознательномъ мы слѣдовательно не видимъ предмета; ибо хотя здѣсь и есть форма имени, но сквозь нее свѣтитъ недѣлимый дѣятельный, внутренній духъ сознанія..—Здѣсь нѣтъ образа. Слѣдовательно настоящаго опредѣленія предмета и соединеннаго съ нимъ разнообразія—здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ. Предметъ является собственно только уже на степени третьяго лица, какъ всякой предметъ, или какъ: *онъ*, *она*, *оно*, которымъ именуется отвлеченно весь безконечный рядъ образовъ или предметовъ міра внѣшняго. И слѣдовательно, здѣсь собственно является *Имя* во всемъ своемъ разнообразіи и во всей полнотѣ своихъ видоизмѣненій. Говоря объ Имени, мы говоримъ собственно о третьемъ лицѣ. И такъ приступаемъ къ Имени.

Имя—есть покоящійся міръ.—Предметъ (объектъ), во всемъ объемѣ, со всѣми своими сторонами, находитъ себѣ выраженіе въ этой части рѣчи.

Область предмета есть цѣлый міръ, ибо предметъ или *образъ* (форма)—есть существенная, необходимая сторона всякого явленія. Міръ является намъ, какъ природа и человѣкъ, т. е. сознаваемое и сознающее.

Сознаніе не есть предметъ; напротивъ всякое явленіе есть предметъ для сознанія.—Но сознаніе явилось на землѣ въ конечномъ вещественномъ *природномъ* существѣ—въ человѣкѣ. Человѣкъ, какъ часть природы, есть самъ предметъ. Съ другой стороны, сознаніе, познающее міръ внѣшній, познаетъ и міръ внутренній духовный, который, опредѣляясь, становится предметомъ сознанія и потому—*предметомъ*.—Въ конечномъ представленіи человѣка, міръ внутренній, высказываясь въ словѣ, носитъ отпечатокъ міра внѣшняго.

> *Примѣчаніе.* Сознаніе въ области мышленія можетъ быть и само предметомъ для сознанія, тогда оно тоже—*предметъ*; но сила, *дѣятельно сознающая*, сама предметомъ не становится,—но становитъ предметомъ все, на что обращается,—даже самое сознаніе.

Природа, которой принадлежитъ и человѣкъ, какъ одно изъ существъ природы, природа имѣетъ степени, болѣе или менѣе возвышенныя, по которымъ восходитъ она до человѣка.

Предметъ на низшей степени природы является цѣлостью массы, подлежащей случайнымъ дѣленіямъ и наружному различію, но не дѣлящейся изъ себя и безразличной въ себѣ; вещество, какe бы то ни было—вотъ общее опредѣленіе низшей степени природы, міра неорганическаго. Далѣе, едва примѣтно въ царствѣ растеній, примѣтнѣе, но еще слабо, въ царствѣ рыбъ, и наконецъ уже явственно въ царствѣ животныхъ (птицъ и звѣрей)—всякое явленіе *развивается*, различаясь и раздѣляясь само изъ себя, живущею въ немъ жизнію. Ни одинъ предметъ не представляетъ здѣсь полноты; онъ раздѣленъ на двѣ половины и существуетъ въ двоякомъ видѣ. — Цѣлое отвлеченно; оно есть обѣ половины, понятыя вмѣстѣ. — Исканіе цѣлости дѣйствительной, *реальной*, есть продолженіе физической жизни. Это — исканіе цѣлости, для нея невозможной.—Каждая изъ половинъ живаго предмета имѣетъ въ тоже время свое собственное значеніе. Здѣсь является понятіе *пола* или *рода*. — Это видимъ мы ясно въ области даже растеній и рыбъ, далѣе въ области птицъ, звѣрей, гдѣ всякое существо: самецъ и самка, — и наконецъ въ области человѣка. Но въ области человѣка, полъ проникается духовнымъ значеніемъ. Человѣкъ существуетъ, какъ *мужъ* и *жена*.

Родъ.

На низшей своей степени природа *безродна*; на высшихъ степеняхъ она имѣетъ *родъ мужескій* и *женскій*. Эти именованія, собственно человѣческія, распространяются употребленіемъ и на всю остальную природу, имѣющую родъ или полъ.

Такое опредѣленіе и вмѣстѣ раздѣленіе предметовъ выражается въ Имени различною формою. Мы имѣемъ такимъ образомъ на основаніи этого, три разряда именъ: 1) имена означающія предметы, не имѣющіе рода. Для нихъ принято также названіе рода, именно *рода средняго*, т. е. не принадлежащаго ни къ тому, ни къ другому.—Названіе это, объяснивъ его такъ, мы удержимъ. 2) Имена означающія предметы *рода мужескаго*, и 3) имена означающія предметы *рода женскаго*.

Таковъ естественный восходящій порядокъ, т. е. родъ *средній*, *мужескій* и *женскій*: но въ грамматикахъ принимается порядокъ обратный, т. е. родъ *мужескій*, *женскій*, *средній*. Начинаютъ съ высшаго и доходятъ до низшаго разряда природы. Такъ какъ въ сущности это не измѣняетъ дѣла и къ этому порядку болѣе привыкли, то мы его и удерживаемъ.

Имя сознательное: *Я ты*, *онъ*, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого рода. Сознаніе, дѣйствіе вообще личное, безразлично, безродно. Средній родъ здѣсь, конечно, также невозможенъ; ибо хотя неорганическая природа также безразлична, но ея безразличіе иное: она вещество, выразившійся предметъ, объектъ, и сознаніе составляетъ ей прямую противоположность. Здѣсь, т. е. въ сознаніи—*источникъ опредѣленія*, но *опредѣленнаго*—здѣсь нѣтъ; здѣсь безразличіе духа, откуда вытекаетъ всякое различеніе. Въ Имени сознательномъ высказывается первое, *личное*, *дѣятельное* явленіе сознанія; по этому, самое понятіе о родѣ здѣсь не имѣетъ мѣста.

Примѣчаніе. Духъ безроденъ; но безродность духа: это высшая степень. Безродность природы—низшая степень. Между ними—родъ, полъ.

Понятія нравственныя и умственныя, вообще міръ духовный—тоже міръ предметовъ, только духовныхъ—не имѣетъ пола, и слѣдовательно имена, его выражающія, не должны имѣть ни мужескаго, ни женскаго рода. Будучи однако же *опредѣленными сознанными* явленіями, представляя *нравственную природу*, предметы міра духовнаго должны бы имѣть родъ средній; но большая часть ихъ бываютъ мужескаго или женскаго рода. Къ этому надобно прибавить, что даже изъ міра вещественнаго, многіе предметы также бываютъ котораго нибудь изъ этихъ двухъ родовъ.—Въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Это зависитъ отъ того, какъ взглянулъ сознающій и опредѣляющій умъ даже и на безродные предметы, какою стороною выступили они въ его созерцаніи, съ мужскимъ или женскимъ характеромъ, и что захотѣлъ онъ выразить. Во всякомъ случаѣ, имена средняго рода представляютъ, въ языкѣ, неодушевленную природу, выражаютъ безразличную, низшую степень жизни и составляютъ цѣлый отдѣлъ въ словѣ, имѣющій свое значеніе безличнаго объекта. Слѣдовательно, *сама мысль* о безродной области природы—въ словѣ соблюдается. Имена мужескаго

рода высказываютъ, въ свою очередь, мужеской характеръ, даже своею формою (см. ниже); точно также высказывается въ именахъ женскихъ, характеръ женской.

И такъ имена бываютъ трехъ родовъ: *Мужескаго*, *Женскаго* и *Средняго*.

Окончаніе есть по преимуществу та часть слова, по которой, выражая извѣстный разрядъ явленій, становится каждое слово въ извѣстный разрядъ словъ,—та часть, которою слово живетъ, движется и измѣняется,—при постоянно пребывающемъ въ немъ корнѣ, хранителѣ его постояннаго значенія.

Имена мужескаго рода оканчиваются на букву: *Ъ*, букву, какъ мы говорили выше, отрицательно соединяющую въ себѣ обѣ стороны звука, букву безгласную. Въ ней слышится какъ бы отвлеченность звука, что-то неоконченное, стремящееся проявиться.—*Ъ*, на концѣ, слышится только послѣ согласныхъ буквъ; по этому всякая согласная съ *ъ* на концѣ, составляетъ окончаніе мужескаго рода.—Иные, ошибочно желая вовсе изгнать *ъ* изъ азбуки, писали: *волк*, *лев* и т. д.—Возможность такой ошибки, къ которой подалъ имъ поводъ, отвлеченный, почти такъ сказать, идеальный звукъ буквы *ъ*,—ясно показываетъ не высказавшійся, какъ будто неоконченный, звукъ этой буквы.—Буква *ь*, какъ имѣющая тотъ же смыслъ, или какъ смягченный *ъ*, и буква *й*, какъ тоже соотвѣтствующая буквѣ *ъ* (если взглянуть на *й*, какъ на букву *и*, являющуюся согласною стороною,—то она предполагаетъ послѣ себя *ъ*, который, при гласной природѣ самаго *и*, не нуженъ для изображенія), служитъ, разумѣется, также окончаніемъ для именъ мужескаго рода.—Вообще говоря: имена мужескаго рода оканчиваются на букву, такъ называемую *безгласную*, въ разныхъ ея видахъ *). Буквы *ъ*, *ь*, *й*, носятъ на себѣ одинъ общій характеръ чего-то недовершеннаго и ищущаго довершиться и проявиться, чего-то стремящагося. — Имена мужескаго рода, не даромъ оканчиваясь

*) Еслибъ кто нибудь и вздумалъ сомнѣваться въ буквѣ: *ъ*, и откидывать её, то уже сомнѣваться въ буквахъ: *ь*, *й*, и откидывать ихъ—нѣтъ никакой возможности: а въ сущности это одна и таже буква. Буквы: *ь*, *й*, съ своей стороны подтверждаютъ, объясняютъ и оправдываютъ: *ъ*. Впрочемъ значеніе *ъ*, этой необходимой буквы, было нами объяснено выше.— Скажемъ между прочимъ: если бы былъ откинутъ *ъ*, то вмѣсто твердаго единства,—на какую бы букву не стали оканчиваться имена муж. рода? Какъ бы они разбрелись и разъѣхались въ разныя стороны!

на эти буквы, выражаютъ тотъ же характеръ, столько согласный съ нравственнымъ значеніемъ мужескаго лица.

Имена женскаго рода оканчиваются на букву гласную: *А*, самую полную, гармоническую и оконченную гласную, такъ согласующуюся своимъ характеромъ съ значеніемъ женскаго лица. Буква *я*, которая есть только видоизмѣненіе буквы *а*, или *а* смягченное, служитъ, само собою разумѣется, тоже окончаніемъ именъ женскаго рода, кромѣ буквы *а*.—Имена женскаго рода, оканчиваются также на букву *И*, столь многозначительную, соотвѣтствующую, но уже въ положительномъ значеніи, буквѣ *ъ*, слѣдовательно тоже на гласную букву, полную и опредѣленную, и слѣдовательно тоже соотвѣтственную характеру женскаго лица.

Имена средняго рода оканчиваются на букву гласную: *О*, букву неопредѣленную, неясную въ произношеніи, среднюю, какъ мы объ ней выразились: её можно назвать круглою и въ смыслѣ звука. Звукъ этой буквы, точно круглый и по самому начертанію, употребляется часто въ нашемъ языкѣ для выраженія круга: *О*, *Объ*, *Око*, *Около*, и т. д. Буква эта, по значенію своему, совпадаетъ совершенно съ неопредѣленнымъ безроднымъ значеніемъ предметовъ неодушевленной природы, чистаго объекта, или другими словами (такъ какъ мы уже приняли выраженіе), съ значеніемъ предметовъ средняго рода.—Буква *Ё* (*ю*), которая есть таже буква *О*, только смягченная, и которая, какъ скоро не на ней удареніе, переходитъ, послѣ согласной, произношенія ради, въ букву *Е*, — служитъ, само собою разумѣется, тоже окончаніемъ именъ средняго рода.

Изъ сказаннаго нами видимъ, что всѣ три рода именъ имѣютъ, каждый, собственно по одному окончанію; остальныя окончанія— только видоизмѣненія главнаго.—Мужеской родъ оканчивается на *ъ*, видоизмѣненія котораго: *ь*, *й*; женской—на *а*, съ видоизмѣненіемъ: *я*; средній—на *о*, съ видоизмѣненіемъ: *ё*, *е*.—Но женской родъ оканчивается сверхъ того на *и*, и слѣдовательно онъ одинъ имѣетъ два окончанія. Такое обозначеніе родовъ возводитъ слово до возможной простоты и, смѣемъ думать, до разумной первоначальной ясности,—быть можетъ и въ хронологическомъ отношеніи.

Намъ слѣдовало бы теперь сказать объ окончаніи родовъ въ другихъ древнихъ языкахъ, и въ языкахъ единородныхъ, но мы намѣрены упомянуть объ этомъ, говоря о склоненіяхъ.

Такимъ образомъ, передъ нами формы или окончанія именъ мужескаго, женскаго и средняго рода.

Имена мужескаго рода.	Женскаго.	Средняго.
ъ	а	о
ь й	я	ё е
и		

Теперь слѣдуетъ дать объясненіи на сказанное нами вообще и потомъ на разные случаи, которые могутъ показаться исключеніемъ.

Примѣчаніе 1-е. И, въ именахъ женскаго рода, является въ сокращенномъ произношеніи, какъ ъ. Здѣсь надобно замѣтить разницу, которая находится между ъ именъ мужескаго рода, и ъ именъ женскаго рода. Первый ъ есть буква сама по себѣ, соотвѣтствующая *ъ*, и въ тоже время—особое окончаніе именъ. Второй ъ есть *и*, только *чрезъ произношеніе* сокращенное. Иными словами: первый ъ есть смягченный *ъ* (съ помощію *и*, какъ элемента); другой ъ—сокращенное *и*. При гибкости и измѣняемости буквы *и*, такой оттѣнокъ можетъ показаться незамѣтнымъ; но онъ точно есть, хотя и очень тонокъ. — Обративъ вниманіе на самыя имена, мы увидимъ, что положеніе наше не произвольно. Въ большей части именъ женскаго рода на ъ, мы можемъ легко открыть и возстановить *и*. Такъ имена: *мать*, *дочь*—въ языкѣ Церковно-славянскомъ и въ Русскомъ древнемъ: *мати*, *дщи* *). Въ томъ же Церковно-славянскомъ языкѣ многія имена женскаго рода оканчиваются на *ы*, въ которомъ на концѣ слышится *и*; такъ: *любы*, *церкы* и пр. Позднѣе, это окончаніе на *ы*, въ именительномъ же падежѣ, переходитъ въ *и* съ предшествующею *в* (буква, въ которую часто переходятъ умолкающія гласныя,—какъ здѣсь *ъ* изъ *ы*,—но съ которой никогда не соединяются въ двойную): напримѣръ: *церкви непсповѣдимое вселіе пріемлетъ* **). Потомъ, первоначальное *и* сократилось: въ *ъ*; такъ образовалось: *любовъ* ***), *церковь*, и

---

*) Народъ доселѣ употребляетъ въ пѣсняхъ эти формы: *меня мати хочетъ бити.*

**) Пам. Рос. Слов. XII в. стр. 11. Это уже, кажется, вліяніе Русскаго языка.

***) Кромѣ того, есть и форма: *любь*.

пр.—Кромѣ этихъ примѣровъ, въ которыхъ видимъ мы первоначальное *и*, сократившееся въ *ь*, мы можемъ привести цѣлый разрядъ именъ, гдѣ такое сокращеніе очевидно: всѣ тѣ неопредѣленныя наклоненія глагола, которыя, въ великомъ множествѣ, перешли въ имена, первопачально имѣли *и*, сократившееся потомъ въ *ь*, какъ при переходѣ въ разрядъ имени, такъ и въ самихъ глаголахъ (впрочемъ, въ глаголахъ, нѣкоторыя изъ нихъ удержали *и*, напр.: *идти*, *нести*, *расти*, *ползти*, и пр.). Вотъ примѣры такихъ именъ: *честь*, *печь*, *пасть*, *власть*, *сѣчь*, *лесть*, *мощь*, *знать*, *рѣчь*, *течь*, *стать*, и пр. и пр. Всѣ такія имена — непремѣнно женскаго рода, а первоначальное ихъ *и*, въ окончаніи ихъ, несомнѣнно. Это довольно доказываетъ, что *и* имѣетъ значеніе женскаго рода. Тоже доказывается женскимъ родомъ причастія; напримѣръ: *идя*, мужескаго рода; *идущи* — женскаго. Въ тѣхъ именахъ женскаго рода на *ь*, которыя не подходятъ подъ эти объясненія, мы предполагаемъ также первоначально *и*, сокращенное послѣ въ *ь*, такъ напр. *дверь*, — вѣроятно нѣкогда *двери*. Можно пожалуй видѣть это окончаніе на *и* выступающимъ, въ томъ же словѣ, въ Нѣмецкомъ языкѣ: Die Thüre; здѣсь *и* облечено въ *е*. — Впрочемъ для объясненія и подтвержденія мысли достаточно и тѣхъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, которыя мы привели.—И такъ, вотъ важное различіе—между *ь* женскаго рода, который есть не что иное, какъ *и*, сокращенное въ выговорѣ, и *ь* мужескаго рода, который самостоятеленъ (хотя образуется въ своемъ происхожденіи изъ *и* *) и соотвѣтствуетъ *ъ*, какъ тотъ же *ь*, только смягченный съ помощію *и*, какъ элемента. Склоненіе, впослѣдствіи, это доказываетъ.

Примѣчаніе 2-е.—Многія имена, оканчивающіяся на *а*, *я*, употребляются въ мужескомъ родѣ. Но стоитъ только обратить вниманіе, и увидимъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго исключенія, и не возникаетъ никакого, такъ называемаго, общаго рода. Эти имена суть рода женскаго, но только *употребляются* въ родѣ мужескомъ. Мы должны помнить, что въ словѣ (по нашему мнѣнію) указаніемъ для опредѣленій служитъ само слово и его формы. Какъ же потомъ будетъ съ нимъ

*) См. Введеніе.

обращаться употребленіе, какъ взгляпетъ на него дальнѣйшее умозаключеніе человѣка,—это все не измѣняетъ ни грамматической формы, ни значенія слова, даннаго твердо и опредѣленно языкомъ.—Надобно отдѣлить употребленіе и понять его отношеніе къ слову; употребленіе не измѣняетъ дѣла. — Обратимъ же теперь наше вниманіе на имена съ женскою формою, принадлежащія такъ называемому общему роду, или даже просто мужескому; сюда относятся, напр. *пьяница*, *судья*, и пр.—Взятыя сами по себѣ, имена эти — рода женскаго; въ нихъ выразилось пониманіе дѣла въ женской формѣ слова. Послѣ, пониманіе это (такъ какъ въ такихъ именахъ выражается: или болѣе или менѣе отвлеченное пониманіе, а не названіе предмета, или же предметъ, взятый въ метафорическомъ смыслѣ) перенесено было въ дѣйствительности на лица мужескаго пола,—въ иныхъ словахъ употребляясь и въ женскомъ смыслѣ вмѣстѣ, для лицъ женскаго пола,—а въ иныхъ — уже только въ мужескомъ *(судіи)* *). Вообще употребленіе, какъ и должно быть, здѣсь невѣрно и шатко, ибо здѣсь оно основано на отвлеченномъ пониманіи, или на примѣненіи. Справедливость словъ нашихъ увидать не трудно. Имена напримѣръ: *пьяница*, *умница*, и т. п., говорятся и объ мужчинахъ и объ женщинахъ съ перемѣною рода: *какой умница*, *какая умница*. Иногда тоже слово берется въ своемъ самостоятельномъ женскомъ значеніи и, какъ объ женщинахъ, такъ и объ мужчинахъ, говорится съ соблюденіемъ женскаго рода: *онъ такая умница*, *такая пьяница*, *какихъ мало*; а ужъ объ женщинахъ никакъ не скажутъ: *такой умница*. — Нѣтъ сомнѣнія, что такія слова — женскаго рода, и что отвлеченное пониманіе самаго дѣла, иногда въ отвлеченномъ образѣ лица, даетъ имъ возможность употребляться и въ родѣ мужескомъ. — Въ большее доказательство тому приводимъ имена, при которыхъ подобный же переходъ значенія, или болѣе ярко обозначается, или совершается, такъ сказать, на глазахъ нашихъ; напримѣръ: *служба*. Никто надѣюсь не усомнится, чтобы это слово не было рода женскаго, а между тѣмъ въ употребленіи, при

*) Въ народномъ стихѣ, однако, употребляется въ женскомъ родѣ: *судія наша праведная*,—употребленіе, подтверждающее и объясняющее нашу мысль.

извѣстныхъ случаяхъ, оно является, какъ имя рода мужескаго, и отъ пониманія самаго дѣла переходитъ въ названіе лица. Мы говоримъ солдату: *служба!* и скажемъ напримѣръ: позови-ка сюда вонъ *этого службу;* или: *такой добрый служба!*— Наконецъ есть имена женскаго рода, которыя употребляются въ мужескомъ родѣ вслѣдствіе чистой метафоры. Напр: *голова*, имя рода женскаго, чисто метафорически употребляется въ мужескомъ родѣ и служитъ наименованіемъ степени общественной власти: напр. *умный голова.* Въ этихъ метафорическихъ именахъ родъ женской уже не употребляется.—И такъ всѣ подобныя слова, оканчивающіяся на *а* или *я*, суть имена рода женскаго, и только могутъ *употребляться* въ мужескомъ родѣ. Это нисколько не измѣняетъ ихъ основной природы, и онѣ принадлежатъ къ именамъ женскаго рода.

Примѣчаніе 3-е. Есть имена, которыя оканчиваются на *я*, и однако же рода средняго; таковы: *теля, гуся, утя, порося* и прочія. Но во 1-хъ) это слова вышедшія изъ употребленія, и вмѣсто нихъ говорится: *теленокъ, утенокъ,* и проч. — Во 2-хъ) это слова уменьшительныя; въ такомъ случаѣ является возможность, чрезъ приданіе уменьшительнаго характера, придать характеръ средній; тогда сюда можетъ идти отчасти объясненіе, сказанное выше о словахъ: *служба, голова,* и т. д.—Наконецъ въ 3-хъ) это окончаніе именъ средняго рода едва-ли есть окончаніе твердое: *я*; оно во первыхъ — *я* посовое въ Церковно-славянскомъ языкѣ; потомъ оно, во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, является въ формѣ *о, е.* (Подробнѣе смотри въ „склоненіяхъ“). Къ этому же разряду относится имя: *дитя,* отличающееся отъ остальныхъ подобныхъ.

Примѣчаніе 4-е. — Есть еще слова, принадлежащія къ среднему роду; это: *имя, племя,* и прочія. — Но по моему мнѣнію, *я* пишется здѣсь неправильно. Слова эти имѣютъ въ Польскомъ языкѣ и въ древнемъ Церковно-Славянскомъ, посовой звукъ и пишутся въ Церковно-Славянскомъ, чрезъ *м*: что́ совсѣмъ не одно съ *я*. Этотъ посовой звукъ, можно подумать, проявился здѣсь — именно тѣмъ, что эти слова въ косвенныхъ падежахъ имѣютъ *н (име-н-и);* а иныя изъ нихъ имѣютъ даже другую, особую, отсюда образовавшуюся форму; напр. *пламя* и *пламень.* Но мы объясняемъ это иначе (см. ниже.) Носовой звукъ произносился здѣсь почти какъ

ен; поэтому, какъ скоро языкъ нашъ, которому противно гнушеніе, выговорилъ ясно слово, то носовой звукъ — если и предполагать оный—не могъ удержаться, и точно также не могла остаться буква *я* (ѧ), которая въ этомъ только видѣ своемъ у насъ существуетъ, буква не соотвѣтствующая, тутъ находящейся, носовой м, и имѣющая такой ясный, чистый и опредѣленный звукъ. Носовой звукъ долженъ былъ быть откинутъ, и слово явилось въ своемъ тематическомъ видѣ; напр. *име*, *племе*.—Впрочемъ, носоваго звука, по нашему мнѣнію, въ этихъ именахъ въ Русскомъ языкѣ — просто нѣтъ (объ этихъ именахъ подробнѣе см. ниже). — Букву: *я* предполагаютъ при тематической формѣ, напр. *имя*, *сѣмя*, потому что окончательная буква этихъ словъ, не имѣя надъ собою ударенія, произносится неопредѣленно.—При второй, суффиксной формѣ, букву: *я* даже и не пишутъ; напр.: *пламень*. — Въ первомъ образованіи (*име*, *племе*), слога относятся къ именамъ средняго рода; во второмъ (*пламень*)—къ именамъ мужескаго рода *).

Намъ могли бы сдѣлать возраженіе, сказавши, что имена на *ме* иногда ясно даютъ чувствовать букву *я*, напр.: *на племя́*, *племя́нный*; но это уже относится къ переходу буквъ изъ одной въ другую, на основаніи котораго *о* часто замѣняется буквою *а*, напр. говорится *растъ* (ростъ). Такой переходъ обыкновенно означаетъ особенное употребленіе, отличающееся отъ обыкновеннаго: терминъ или нарѣчіе. Впрочемъ, пожалуй, можно предположить, что, здѣсь слово *племя*—быть можетъ и множественное первой тематической формы отъ *племе*, ибо въ томъ же смыслѣ употребляется множественное число, въ подобномъ выраженіи: на *имена* и *сѣмена*.

Вотъ затрудненія, могущія встрѣтиться, которыя такимъ образомъ устраняются, и означенныя выше окончанія остаются незыблемыми, для рода мужескаго, женскаго и средняго.

---

*) Это суффиксъ: *я*; но въ тоже время онъ можетъ быть въ соединеніи съ носовымъ звукомъ.

Всякій предметъ, отдѣльно взятый, соединяетъ во одно и тоже время въ себѣ и общее понятіе и частное явленіе. При взглядѣ напр. на какой нибудь стулъ, мы, видя извѣстный стулъ, находящійся передъ нами, имѣемъ въ тоже время понятіе и о стулѣ вообще, понятіе, по которому мы во всякомъ стулѣ узнаемъ стулъ, понятіе, по которому мы и предметъ, стоящій передъ нами, называемъ стуломъ. Имѣя общее понятіе о стулѣ, въ тоже время мы видимъ *этотъ* стулъ, какъ частное явленіе, какъ *такой-то* стулъ: красный, зеленый, большой, малой, цѣлый, сломаный, и т. д. Отношеніе, такое или другое, *всего* частнаго явленія, цѣликомъ, къ своему общему понятію, въ немъ лежащему, составляетъ первоначальную опредѣленность предметовъ, опредѣленность розную, которую назовемъ мы здѣсь словомъ, болѣе кажется удобнымъ, именно: *Объемомъ*. Здѣсь нѣтъ понятія качества; здѣсь всякой предметъ разсматривается только въ отношеніи къ нему самому, только въ предѣлахъ самого себя. Но тѣмъ не менѣе предметъ, опредѣляя себя *только собою* (*общимъ* понятіемъ съ одной стороны, *частными* своими явленіями съ другой), и оставаясь въ области однородныхъ — уже намекаетъ на качество.

Объемъ.

Всякой предметъ имѣетъ въ себѣ сторону общаго понятія и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ можетъ приниматься и употребляться; но это общее понятіе, относительно частныхъ явленій, предстаетъ, какъ совокупность ихъ. Общее понятіе, напр. о стулѣ, съ одной стороны, само въ себѣ, есть *единое* отвлеченное понятіе; съ другой стороны, относительно частныхъ своихъ явленій, т. е. отдѣльно взятыхъ стульевъ,—есть понятіе собирательное, и имѣщаетъ въ себѣ всѣ стулья, какіе только есть, ибо они подходятъ подъ общее понятіе.— Такимъ образомъ всякой предметъ можетъ выступать *своею частною стороною* какъ явленіе, и *своею общею*, какъ *понятіе себя же самого, какъ цѣлаго*, — понятіе, которое будучи обращено къ частнымъ своимъ явленіямъ, принимаетъ видъ *совокупности*.

Мы говоримъ здѣсь о *всякомъ* предметѣ. — Въ грамматикахъ у насъ говорится объ именахъ собирательныхъ, какъ объ особенныхъ. Имена собирательныя выражаютъ предметы, которые даже, какъ явленія частныя, состоятъ изъ отдѣльныхъ однородныхъ и однообразныхъ предметовъ; предметы эти имѣютъ, каждый, взятый самъ по себѣ, свое отдѣльное особое значеніе, напр. *лѣсъ (деревья), войско (воины), толпа (люди)*, и пр.—Но никакая внѣшняя, никакая *словесная* форма не отличаетъ ихъ отъ другихъ именъ; здѣсь является, не въ наружности слова выразившееся, а уже внутреннее значеніе слова. Чтоже касается до этого внутренняго значенія слова, то если брать его въ основаніе, можно постановить и болѣе раздѣленій, можно наконецъ перейти въ изслѣдованіе мысли, безотносительно къ выраженію ея въ словѣ, и потерять изъ виду Грамматику.—Мы уже сказали наши основанія при грамматическомъ опредѣленіи и раздѣленіи, мы сказали: то только можетъ быть разсматриваемо грамматически въ словѣ, что нашло себѣ свое внѣшнее выраженіе, свою форму въ словѣ. Напоминать эти основанія вновь и повторять ихъ мы болѣе не намѣрены, надѣясь на память читающаго.—Если даже и принимать здѣсь это раздѣленіе на основаніи внутренняго смысла словъ (на имена собирательныя, нарицательныя, и пр.), то въ сущности оно нисколько дѣла не измѣняетъ, ибо все таки предметъ, какъ бы ни былъ онъ составленъ, собирательный онъ, или нѣтъ, является самъ по себѣ цѣлымъ *(лѣсъ, толпа)*, и къ нему идутъ наши вышесказанныя слова.

И такъ, все, что мы сказали выше о *частномъ*, *общемъ* и *совокупномъ* значеніи предмета, какъ о необходимой его принадлежности, относится ко всякому предмету и вмѣстѣ ко всякому Имени. Русской языкъ замѣтилъ эти стороны предмета, и всякой предметъ можетъ быть употребленъ у насъ не только въ частномъ и общемъ значеніи, какъ и въ другихъ языкахъ (это понятіе общаго значенія еще не ощутительно въ употребленіи, по чистой противоположной соотвѣтственности *единства понятія* и *частнаго явленія)*; но и въ значеніи совокупномъ.—Похожее на это второе употребленіе есть отчасти и въ другихъ языкахъ; вездѣ напримѣръ, какъ и въ нашемъ языкѣ, говорится: *много воды, снѣгу, льду*. Здѣсь впрочемъ вода, снѣгъ и ледъ поняты не въ совокупномъ значеніи всѣхъ водъ, льдовъ и снѣговъ, а какъ неопредѣленное вещество, такъ что здѣсь значенія собирательнаго собст-

вещно нѣтъ. Это имена т. н. *сплошныя*. Но мы кромѣ того говоримъ—и это свойство собственно нашего мудраго языка—мы говоримъ: *много птицы, много зайца, много Нѣмца*, и т. д. — Сколько разъ случается, въ этомъ же смыслѣ, слышать: *какой слѣпень, какой комарь*! или: *какъ много слѣпня* (слѣпней)! *какъ много комара* (комаровъ)! — Здѣсь значеніе собирательное прямо является какъ выводное изъ общаго отвлеченнаго, родоваго такъ сказать, значенія *).

Слѣдовательно, сперва видимъ, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и тоже Имя принимается и въ общемъ и въ частномъ значеніи. Но частное явленіе, имѣя на себѣ всю силу случайности, мѣста, времени и особыхъ условій, по этому отличается отъ единаго общаго понятія и выдѣляется изъ совокупности, какъ явленіе единичное. Въ жизни, частное явленіе не рѣдко выступаетъ своею случайною, частною стороною. Тогда, для выраженія его въ этомъ значеніи, языкъ образуетъ новую форму. — Имя получаетъ окончаніе: *инъ* или *ина*; этимъ окончаніемъ обозначается именно частность, единичность явленія. Окончаніе это принимаютъ ошибочно за увеличительное. Часто, точно, придается ему это значеніе, но совершенно свободно и случайно; придается смыслъ увеличительный, думаемъ мы, потому, что предметъ, для того чтобы отдѣлиться отъ другихъ подобныхъ, долженъ быть замѣтенъ, и по этому — какъ самое естественное и обыкновенное въ этомъ случаѣ обстоятельство — великъ; но это уже есть дальнѣйшій выводъ, умозаключеніе. Собственное же значеніе окончанія: *инъ*, или *ина*, есть: частность, единичность предмета, то есть: всякой въ отдѣльности, какой нибудь, такой-то, *одинъ*. Это всего лучше доказывается самимъ значеніемъ: *инъ*. *Инъ* значило у насъ *одинъ*, соотвѣтствуя Греческому: εἷς, ἑνός, Латинскому *unus*.—**) Это значеніе и теперь удерживаетъ народъ; оно слышно въ словѣ: *иноходь, иноходецъ*, то есть: одною стороною идущій. — И такъ, понятно значеніе *инъ* послѣ этого объясненія; *инъ* или *ина* значитъ частное, какое нибудь явленіе, выдѣляющееся изъ общей со-

*) Здѣсь можемъ мы указать на лѣтопись Нестора: *идутъ Русь, безъ числа корабль*, если только выраженіе: *корабль*,—здѣсь Именительный, а не Родительный множественнаго.

**) У насъ встрѣчается въ древнихъ сочиненіяхъ: *иночаадый* (единочадый); также въ грамотахъ: *инорогъ* (единорогъ). У Кирши Данилова: „а *иной* дуракъ зашолъ съ носка, его по уху оплелъ“; то есть: одинъ какой-то.

вокупности. — Въ такомъ смыслѣ говорятъ: *рыбина, купчина, песчина, тесина, пчелина, Нѣмчина, Нѣмчинъ.* — Разумѣется употребленіе нерѣдко измѣняетъ смыслъ того или другаго слова, но не измѣняетъ причины, не измѣняетъ основанія и общаго правила. Такъ на пр.: *дубина* (дубъ), *плотина* (плотъ), получили особое значеніе, но тѣмъ не менѣе о *дубѣ* и о *плотѣ* можете вы сказать, съ увеличительнымъ оттѣнкомъ: *экой дубина! экой плотина!*

Въ доказательство справедливости словъ нашихъ, мы можемъ указать на наши грамоты; на пр.: въ грамотѣ Великаго Новгорода: *боронитє купчину Сергіева монастыря* *); то есть: каждаго, отдѣльно, купца Сергіева монастыря.

Замѣчательно, что здѣсь употребляется преимущественно женская форма: *ина*, а не *инъ*, которая встрѣчается гораздо рѣже и не принимаетъ значенія увеличительнаго, на пр.: *боярин*ъ, *господин*ъ. Имена мужескаго рода на *ина* объясняются также, какъ подобныя Имена женской формы, *употребляющіяся* въ мужескомъ родѣ. Почему же здѣсь предпочитается форма женская — это кажется можетъ быть объяснено тѣмъ, что имя, переходя въ новый, болѣе выразительный видъ, измѣняетъ и форму, и опредѣляясь болѣе частно, предпочитаетъ форму женскую, какъ опредѣленную и дѣйствительную, въ которую переходитъ изъ мужеской, неопредѣленной. — Весьма замѣчательно, и въ тоже время понятно, что Имена средняго рода не имѣютъ формы: *инъ* и *ина*. Природа, объектъ, поглощаетъ значеніе частное и представляется общими родами и видами предметовъ. Но скажутъ намъ: *дубъ, плотъ*, и др., тоже принадлежатъ къ природѣ неодушевленной. Но имена эти— *мужескаго рода:* этого довольно. Но чему бы то ни было, можетъ быть метафорически — языкъ придалъ именамъ этимъ мужеской, слѣдовательно какъ бы одушевленный, личный характеръ, и поэтому къ нимъ придаются, въ словѣ, всѣ отношенія, какія имѣетъ этотъ разрядъ явленій (мужеской родъ). — Языкъ, сохраняя значеніе предмета, обнаруживая оное часто въ употребленіи и поэтому нисколько не наслуя предметъ, въ то же время самъ имѣетъ свой взглядъ, самъ мыслитъ и заключаетъ, и выражаетъ это въ особомъ характерѣ, который придаетъ онъ формою, тому или другому слову; но въ частныхъ примѣненіяхъ дѣйствуя по своему усмотрѣнію, давая ходъ иногда метафорѣ, — слово остается

*) Акты Археограф. т. 1. стр. 32.

вѣрнымъ общимъ началамъ мысли. Предметы, сохраняя свое значеніе въ словѣ, обнаруживая оное часто въ употребленіи, — занимаютъ однакоже, въ языкѣ, мѣсто не на основаніи только своего значенія, а на основаніи слова и вслѣдствіе точки зрѣнія языка. Неодушевленная природа выразилась отдѣломъ Именъ средняго рода, и по этому эти Имена средняго рода, являющія тотъ міръ, гдѣ частность поглощена, слѣдовательно уже имѣющія сообразное съ тѣмъ значеніе,—не могутъ имѣть окончанія: *инъ* или *ина*, которымъ высказывается—частность, единичность предмета. Но, скажутъ, развѣ *дерево* напр. не можетъ быть одно? Конечно можетъ, но здѣсь рѣчь идетъ не о числительной единицѣ. Надъ деревомъ постоянно носится видовой его образъ, поглощающій оное какъ явленіе частное. Такой міръ выражается въ словѣ Именами средняго рода, не смотря на смыслъ самаго слова, по которому оно можетъ быть и одушевленно, напримѣръ: *животное, существо.*

Мы сказали, что частное явленіе, выступая отдѣльно, имѣетъ на себѣ всю силу случайности. Отдѣльность, единичность явленія, когда собственно она выражается—обозначается окончаніемъ *инъ* или *ина.*—Но кромѣ этой единичности, какая же другая особенность можетъ быть у предмета, особенность, сопровождающая и даже еще болѣе опредѣляющая его единичность?—Если мы обратимъ вниманіе на добротность, на цвѣтъ, цѣлость и т. п., то это будутъ уже качества, измѣняющія самый предметъ.—Но вопросъ о качествѣ сюда не относится; *объемъ* есть намекъ, но только намекъ на качество; для качества, какъ для особаго понятія, существуетъ особый разрядъ слова. Одна особенность, нисколько неизмѣняющая предмета, въ которой въ то же время есть сила выразить его *отдѣльность, единичность,*—особеность, вполнѣ сберегающая предметъ, это *размѣръ* или *Объемъ* (какъ мы выразились)—*величина* и *малость* предмета. Здѣсь нѣтъ вопроса о качествѣ предмета; здѣсь онъ цѣликомъ безъ разбора, весь, какъ есть,—только въ большемъ или меньшемъ видѣ. По этому особенность эта,—*размѣръ*, составляетъ не особый разрядъ слова, а только новое, и притомъ подвижное, измѣненіе Имени въ его формѣ, собственно въ окончаніи.

Мы сказали, что окончаніе *ина* (но не *инъ*) употребляется иногда какъ увеличительное; но не надо забывать, что здѣсь основное значеніе—отдѣльность или личность явленія, а увеличитель-

ный оттѣнокъ *только придается* совершенно свободно, и есть уже умозаключеніе, служитъ какъ бы дальнѣйшимъ опредѣленіемъ отдѣльности предмета, и принадлежитъ къ предмету, какъ къ явленію, выдающемуся и вполнѣ *замѣтному*.—Кромѣ того, *инъ* не имѣетъ значенія увеличительнаго, а *ина* имѣетъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда эта женская форма замѣняетъ другую, образуетъ новое слово и придаетъ ему тогда опредѣленность, т. е. только тогда, когда окончаніе *ина* придается къ именамъ мужеского рода.—Слѣдовательно, здѣсь увеличительность есть понятіе *случайное*, производное, являющееся только иногда при извѣстныхъ условіхъ; а отдѣльность, личность предмета есть понятіе основное. По этой-то причинѣ Имена средняго рода не имѣютъ увеличительной формы съ этимъ окончаніемъ: *инъ, ина*.

Кромѣ понятія единичности,—понятіе особенности, странности, замѣтности явленія можетъ выдвигаться впередъ, заслоняя понятіе единичности. Эта особенность самаго явленія высказывается въ нашемъ языкѣ окончаніемъ: *ище*. Этимъ окончаніемъ высказывается неопредѣленная странность, *что-то чудное, необыкновенное*, при чемъ предметъ принимаетъ какой-то неестественный образъ. Эта неопредѣленность вызываетъ окончаніе средняго рода. Въ этомъ смыслѣ шестая жена Іоаннова называется: *женище*; этотъ же смыслъ въ словѣ: *чудище*.—Изъ страннаго и неестественнаго вытекло понятіе юродливости; вслѣдствіе чего наши духовныя лица, въ знакъ смиренія, называются себя именами съ окончаніемъ *ище*: *Кирилище, Иваницe*, и проч. Такъ какъ предметъ принимаетъ тоже необыкновенный видъ, когда размѣры его превышаютъ извѣстныя границы, то сюда тоже присоединяется и понятіе увеличительности. Здѣсь понятіе увеличительности вытекаетъ само собою изъ понятія особенности предмета, которое здѣсь на первомъ планѣ. *Ручище, плечище*, показываютъ не одну величину, но и какую-то необыкновенность.—Основаніе особенности, замѣчательности явленія, поглощающее значеніе личности,—даетъ возможность Именамъ всѣхъ трехъ родовъ принимать это окончаніе, которое и само есть средняя форма, согласно съ своимъ значеніемъ.—Разница перваго *ина* и второго *ище*, какъ увеличительнаго,—понятна; первое: *ина*, отправляясь отъ понятія единичности, личности (которая не допускаетъ средняго рода), выдѣляющейся изъ множества, не обращаетъ вниманія на особенность, необыкновенность предмета, а только на величину, которая естественно выдвигаетъ предметъ изъ

множества и приходитъ тутъ на мысль. Второе: *ище*, какъ увеличительное, отправлясь отъ особенности предмета, дѣлающей предметъ замѣтнымъ, вытекаетъ, какъ одно изъ явленій этой особенности, и присоединяетъ понятіе величины къ основному понятію необыкновенности, чудности какой-то.

Не надобно смѣшивать съ этимъ *ище*, другое *ище*, которое есть одна изъ образовательныхъ, словопроизводныхъ, этимологическихъ формъ языка. Напримѣръ: *Гульба—гульбище* (мѣсто или обычай гуляпья); *топоръ, топорище* (древко топора).Эти же самыя слова могутъ быть употреблены въ значеніи чего-то чуднаго и увеличеннаго, но тогда это будетъ уже значеніе грамматическое, измѣненіе самого слова.—Точно такъ *ина* можетъ быть образовательною формою, напр. *корзина, перина*. Впрочемъ, какъ при *ина*, такъ и при *ище*, мы готовы думать, что окончанія эти первоначально сохраняли свое значеніе грамматическое, которое слилось вмѣстѣ съ словомъ и перешло въ особое утвержденное этимологическое значеніе: это видимъ мы въ словахъ: *долина—долъ, жилище—жило; игрище—игра, зрьлище—(зрѣло)*.

Окончаніе *ище* средняго рода; но употребленіе сохраняетъ родъ самаго слова (въ его естественномъ видѣ). Подобное мы уже видѣли при извѣстныхъ именахъ женскаго рода *(пьяница, судья*, и проч.). Мы говоримъ: *экой утесище! экое плечище!*—Но въ именахъ женскаго рода, слишкомъ дѣйствительныхъ, такое отвлеченное употребленіе не могло устоять, и мы не говоримъ: *экая ручище;* слѣдовательно не могло устоять и окончаніе *ище*; оно измѣнилось, приняло женское окончаніе и образовало: *ища;* какъ: *ручища;* при чемъ слова и слѣдуютъ склоненію именъ женскаго рода.—Кстати сказать здѣсь, что мужеской родъ, отвлеченный и идеальный, можетъ быть употребленъ съ именами женскаго и средняго рода (то есть по окончанію, разумѣется), на примѣръ: *экой пьяница, экой молодчина, экой дружище*; но женской родъ, дѣйствительный и положительный, употребляется только съ именами женскаго рода. Родъ средній, само собою разумѣется, по причинѣ противоположной, — преобладанія объективности, употребляется только при именахъ средняго рода.—Онъ можетъ быть употребленъ, если угодно, даже и съ цѣлымъ предложеніемъ, на прим.: *это: „не хочу знать,“—очень скучно;* но такое употребленіе уже не относится сюда; оно принадлежитъ къ Синтаксису, и тамъ должно быть разсмотрѣно.

И такъ у насъ двѣ формы Имени, которыя имѣютъ въ себѣ значеніе увеличительное, но не какъ основное; эти формы: *инъ, ина; ище, ища*. Въ первой, увеличительное является какъ выводъ изъ основнаго понятія *личности* предмета. — Во второй, увеличительное есть одна изъ сторонъ замѣчательности и необыкновенности предмета, его *общей особенности*, которая и есть здѣсь основное понятіе. Въ первой формѣ совершенно разумно, употребляются Имена мужескаго, женскаго, но не средняго рода; а во второй—мужескаго, женскаго и средняго рода.

Но предметъ можетъ быть замѣтенъ размѣромъ своимъ и съ другой стороны: именно своею малостью.—Въ этомъ случаѣ уже непремѣнно замѣтно *это состояніе* предмета. Увеличительное есть: или выводъ, или особенность; но *уменьшительное есть здѣсь главная точка зрѣнія*. Предметъ должно было замѣтить, разглядѣть, найдти, въ его маломъ видѣ, ибо другіе обыкновенные виды того же предмета его подавляютъ; слѣдовательно здѣсь необходимо замѣчается его малость; его миніатюрность, какъ скоро предметъ замѣченъ, кидается въ глаза.

Примѣчаніе. Окончанія на *га, та, ха*, не суть уменьшительныя, какъ это можно было бы заключить при поверхностномъ взглядѣ; они даже вовсе не принадлежатъ къ разряду окончаній, означающихъ *міру* предмета; это не что иное, какъ образовательныя окончанія, второстепенныя, придающія слову особый оттѣнокъ смысла. Образованіе слова по степенямъ образовательныхъ окончаній очень занятно и важно, но не относится сюда, а къ наукѣ, разсматривающей весь составъ языка со всѣми его развѣтвленіями, переходами, сродствами; тутъ корень переходитъ сквозь тысячи видовъ, тутъ соприкасаются вѣтви не только родственныхъ, но и вообще всѣхъ языковъ.—Это предметъ уже собственно *Словопроизведенія*, Этимологіи, науки дѣйствительно существующей, но возможной, во всей полнотѣ своей, только при всѣхъ языкахъ міра. — Считая означенныя выше окончанія—образовательными второй степени, укажемъ здѣсь на ихъ употребленіе, ибо въ немъ есть особенность, могущая заставить думать, что они относятся къ разряду окончаній уменьшительныхъ. Невозможность для окончанія свободно примыкать и одѣляться, есть—скажемъ здѣсь кстати—при-

надлежность окончаній этимологическихъ или словопроизводныхъ. Окончанія же грамматическія живы и переходятъ отъ слова къ слову, въ иныхъ словахъ кристализируясь и теряя свое значеніе.—Вышесказанныя окончанія не составляютъ такихъ свободныхъ переходныхъ окончаній; это очевидно образовательныя формы, но не утратившія еще своего значенія, какъ формы, и не сросшіяся съ иными словами, при которыхъ встрѣчаются; такъ что память первоначальнаго смысла образовательной формы въ нихъ не утрачена, и они звучатъ какъ бы отдѣльно, при извѣстныхъ словахъ придавая имъ особенный оттѣнокъ. По этому самому есть *кажущаяся* возможность употреблять эти окончанія отдѣльно, приставляя къ словамъ, но при ближайшемъ и пристальномъ взглядѣ, возможность эта изчезаетъ, и ясно, что окончанія эти — очевидно образовательныя, лишь сохранившія свою первоначальную свѣжесть при извѣстныхъ словахъ и только нѣкоторую ограниченную подвижность. — *Га* встрѣчается въ словѣ *парнюга*, отъ *парень; мальчуга*, если производить это слово отъ *малецъ*; *соню-га* отъ *соня* и еще развѣ въ нѣкоторыхъ; ибо словъ, обыкновенно оканчивающихся на *га*, сюда относить не слѣдуетъ, какъ: *книга, брага*, и проч. *Парнюга* есть также дальнѣйшее образованіе слова,— какъ *коврига*, начало котораго вѣроятно *коверъ*,—но въ немъ слышна отчасти первоначальная свѣжесть образованія. *Га* не есть свободно переходное окончаніе. На пр. мы не можемъ сказать: *ручуга, головуга*, какъ говоримъ *руч-ка, головка* и т. д. — И такъ окончаніе *га* есть, въ нашихъ глазахъ, окончаніе словопроизводное, а не грамматическое. Къ такимъ же окончаніямъ принадлежатъ: *та, ха*. Въ своемъ приставномъ смыслѣ употребляются они при Именахъ собственныхъ, но не могутъ находиться, то есть въ этомъ приставномъ смыслѣ, при другихъ словахъ; это показываетъ, что они не суть живыя переходныя окончанія. — Мы говоримъ: *Анюта, Гришута*; *Ванюха, Матюха;* но тѣмъ не менѣе не можемъ такъ измѣнить словъ: *братъ, рука*, и пр. Впрочемъ къ нѣкоторымъ именамъ окончаніе *ха* можетъ быть придано, какъ мы видѣли это при окончаніи *га*; на примѣръ: *сеструха;* но однако окончаніе *ха* еще рѣже и труднѣе здѣсь, чѣмъ *га*. *Та, ха*, опять таки,—образовательныя окон-

чанія второй степени, которыя и встрѣчаются въ именахъ: *краса—красота, тяга—тягота; греча—гречиха* или *гречуха; руба—рубаха;* и для означенія женскаго рода: *купецъ—купчиха*, и проч. Сверхъ того всѣ эти окончанія очень охотно переводятъ Прилагательныя въ Имена; окончаніе на *та* переводитъ въ Имена отвлеченнаго значенія, а на *ха* въ Имена значенія живаго, личнаго; напр. *добръ—доброта; простъ—простота; добръ—добруха; простъ—простуха.* Но тѣмъ не менѣе, это формы, подобныя формамъ на *ца, ба,* и прочимъ образовательнымъ окончаніямъ, и слѣдовательно не относятся къ окончаніямъ грамматическимъ, которыя мы теперь разсматриваемъ. — Между тѣмъ мы не можемъ не признать и особенности значенія этихъ формъ и живости ихъ употребленія при Именахъ собственныхъ. Это, по нашему мнѣнію, объясняется довольно удовлетворительно. — Собственное Имя, хотя бы оно и имѣло какое нибудь опредѣленное, понятное значеніе, — уже не въ этомъ значеніи употребляется: напр. *Надежда*, какъ собственное Имя, вовсе не значитъ надежду (spes).—Собственное Имя перестаетъ имѣть значеніе и становится только *означеніемъ* предмета. Эта отвлеченность собственнаго Имени предаетъ слово въ полное распоряженіе и произволъ говорящаго; и точно ни одно слово не подвергается такимъ измѣненіямъ неожиданнымъ, негаданнымъ, какимъ подвергается Имя собственное, лишь бы могла вынести фонетика и благозвучіе буквъ; примѣры считаю не нужными *). Эта измѣнчивость собственнаго Имени даетъ возможность придавать къ нему, по произволу, образовательныя окончанія, давно уже установившіяся въ другихъ словахъ на извѣстныхъ мѣстахъ своихъ. При отсутствіи значенія самого собственнаго Имени, при отсутствіи значенія въ самомъ корнѣ,—смыслъ окончаній выступаетъ, такъ что Имя собственное черезъ окончанія получаетъ характеръ, смыслъ,—окончаніями живетъ такъ сказать. Придаваемыя къ корню собственнаго Имени, образовательныя окончанія (что̀ дѣлается доступнымъ при совершенной

*) Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя: *Марья, Маша, Маня. Матвѣй, Матюха, Мотя, Мотикъ. Ксенія, Аксинья, Аксюта. Пелагея, Палашка, Поля. Авдотья, Дуня. Яковъ, Яша, Якунъ, Якуша, Яха.*

здѣсь подвластности слова произволу говорящаго) возвращаютъ свою свѣжесть въ словообразованіи, и—при отсутствіи значенія въ корнѣ, къ которому придаются — выступая въ своемъ значеніи, пріобрѣтаютъ опять тотъ оттѣнокъ, который выражался, быть можетъ, и первоначально, который можемъ мы открыть и въ образованныхъ словахъ, но едва слышно, ибо при нихъ съ незапамятныхъ временъ находятся и срослись эти окончанія.—Надобно прибавить, что при отсутствіи значенія въ корнѣ, образовательныя окончанія при Именахъ собственныхъ слишкомъ опредѣлились, окрѣпли въ своемъ, такъ сказать обособленномъ, значеніи, и по этому удалились, съ другой стороны, отъ своего духовнаго образовательнаго значенія, при которомъ, нѣкогда, переходя въ выраженіе и дѣйствительность, стремясь воплотиться, становились они въ одно цѣлое съ корнемъ или темой, образуя новое слово.—Можно опредѣлить иныя окончанія Именъ собственныхъ. Напримѣръ, изъ приведенныхъ нами такихъ окончаній (такъ называемыхъ уменьшительныхъ, хотя названіе это и нельзя найдти вѣрнымъ), окончаніе на *ха: Ванюха*, *Матюха*, *Мишуха*, — имѣетъ въ себѣ что-то грубовато-доброе и простодушное; а окончаніе на *та*: *Мишута*,— что-то ласковое и дружелюбное.

Сказавъ это нужное объясненіе объ окончаніяхъ *га*, *ха*, *та*, причисляемыхъ нами, ради ихъ нѣкоторой подвижности и особаго оттѣнка, все же къ категоріи уменьшительныхъ—переходимъ теперь къ формамъ уменьшительнымъ слова.

Уменьшительныя окончанія бываютъ нѣсколькихъ слоевъ, и потому мы такъ ихъ и раздѣлимъ.—Къ окончанію имени придается уменьшительное окончаніе, при чемъ отнимается, или измѣняется послѣдняя буква окончанія; сверхъ того, при такомъ образованіи новаго слова, соблюдаются законы благозвучія. Для выраженія новой степени и новаго оттѣнка уменьшенія,—къ уменьшительной, уже присоединенной, формѣ, которая въ этомъ случаѣ принимается за образовательную,—придается новая уменьшительная форма и образуетъ второй слой. Наконецъ такимъ же способомъ образуется слой третій.

Уменьшительныя окончанія перваго слоя.

Самая простая, первая, уменьшительная форма,—это окончаніе *къ*, придаваемое къ окончанію Имени. *Къ* измѣняется по родамъ: *къ* придается къ именамъ мужескаго рода, *ка*,—къ именамъ женскаго, *ко*—къ именамъ средняго рода.—*Къ*, въ именахъ мужескаго рода, слѣдуя за *ъ*, *ь*, *й*, напр.: *лисъ*, *стулъ*, *конь*, *змѣй*,—образуетъ трудный выговоръ: *лисъ-къ*, *стулъ-къ*, *конь-къ*, *змѣй-къ*. Въ такихъ случаяхъ самъ языкъ помогаетъ выговору и образуетъ посредствующія гласныя: *о* или *ё*, когда удареніе на послѣднемъ слогѣ, и *и*, когда удареніе не на послѣднемъ. Мы предполагаемъ, что на сей разъ здѣсь *ъ* не переходитъ въ посредствующую, а просто дѣлается не замѣтнымъ, какъ въ срединѣ слова, присутствуя здѣсь на столько, на сколько при всякой буквѣ, — и посредствующая буква является только для благозвучія. Это доказывается тѣмъ, что въ именахъ женскихъ и среднихъ окончательная буква при образованіи уменьшительныхъ откидывается. И такъ, у насъ образуются уменьшительныя, въ именахъ мужескаго рода, такимъ образомъ: напр. *лисокъ*, *стуликъ*, *конекъ*, *змѣёкъ*. Иногда встрѣчаются въ одномъ словѣ окончанія *окъ* и *икъ*; это зависитъ отъ ударенія: *соколокъ*, *соколикъ*; *листокъ*, *листикъ*, и. т. д. Въ именахъ мужескаго рода на *ъ*, видно смягченіе при уменьшительной формѣ: если уже должна быть вставлена буква, то смягченіе окончанія берется въ разсчетъ. — Въ именахъ женскаго рода на *а* и также на *ъ*, окончанія *а* и *ъ* просто откидываются и присоединяется окончаніе: *ка*: напр, *сила — силка*, *дверь — дверка*, *кадь — кадка*, *шерсть — шерстка*. Самое то, что окончательный *ъ* не смягчаетъ произношенія, доказываетъ, что онъ сокращенное *и*, цѣлая окончательная буква, которая начисто откидывается. Въ именахъ же женскаго рода, оканчивающихся на *я*, гдѣ окончательная буква есть *а*, только смягченная подчиненнымъ уже ему, въ качествѣ согласной, *и*,—*а* откидывается, смягченіе же удерживается, принимая видъ *ъ*: напр. *тюря—тюрь-ка*, *зоря—зорь-ка*, *земля—зем(е)ль-ка*, *доля—доль-ка*. Въ именахъ женскаго рода, оканчивающихся на *я* послѣ гласныхъ, окончательная буква *а* также откидывается, но смягченіе удерживается, и буква *и* выступаетъ

въ своемъ настоящемъ согласномъ видѣ какъ *й*, что допускается произношеніемъ. Напримѣръ: *статуя—статуйка, соя—сойка.* Имена женскія, оканчивающіся на *я* послѣ *ь*, откидываютъ *а* передъ *ка;* изъ двухъ смягченій, и изъ двухъ *ь*, (*ь-й*)—одно получаетъ гласность, какъ это и должно быть: напр.: *гостья—гостей-ка; баюья — баюй-ка, семья — семей-ка.* Но иногда произношеніе, съ своимъ требованіемъ благозвучія, измѣняетъ это образованіе; напр: *Марья—Марька* или даже: *свинья—свин-ка* (впрочемъ *свин-ка* отъ темы *свинь* или *свина*):—Самое то, что здѣсь вообще образованіе производится правильно и полногласно, показываетъ, что эти отступленія допускаются въ силу требованій слуха.

Въ именахъ средняго рода, окончаніе *о* откидывается, и къ слову присоединяется уменьшительное *ко*, напримѣръ: *озеро—озер-ко. ведро—вед-ко*; для благозвучія *ведёрко.* Окончанія на *е* или *е*, кажется, не присоединяютъ *ко*, но конечно смягченіе должно удержаться, какъ въ именахъ мужескаго рода: *конекъ*, и пр.—Законы благозвучія, и по этому переходъ буквъ, имѣютъ здѣсь мѣсто; напр.: *брюхо* измѣняетъ *х* въ *ш*: *брюш-ко*; *лицо—лич-ко; облако—облачко*; буквы мягкія замѣняютъ здѣсь смягченіе. Говорится, впрочемъ, и *личико*: при такомъ употребленіи, смягченіе, *ь*, получаетъ гласность и слышится въ произношеніи, какъ *и*. Иныя слова не употребляютъ уменьшительнаго на *ко*; напр: *крыло, небо*: но это не значитъ, чтобъ слова эти не имѣли его: оно только не употребляется. Здѣсь, какъ сказали мы, дѣйствуютъ наиболѣе законы благозвучія, какъ и вообще при измѣненіяхъ словъ и при употребленіи въ рѣчи.—Измѣненія для благозвучія производитъ самъ языкъ, и они довольно очевидны, чтобы здѣсь о нихъ не распространяться.

Мы сказали, что уменьшительная форма непремѣнно обращаетъ вниманіе не на единичность предмета, а на самый видъ его, на самую, слѣдовательно, наружность. Въ такомъ случаѣ предметы всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ здѣсь свое мѣсто, ибо здѣсь нѣтъ вопроса ни о единичности, исключающей предметы средняго рода, ни о общемъ измѣненіи вида предмета, о возведеніи его во *что-то странное*, придающемъ тогда слову родъ средній (при чемъ женскій родъ, по своей положительности, удерживаетъ свое мѣсто). При уменьшительныхъ предметъ является, какъ онъ есть, съ наружнымъ своимъ опредѣленіемъ, вполнѣ сохраняя себя, весь свой образъ, и по этому уменьшительное допускаетъ всѣ три рода. Сказанное нами наиболѣе прилагается къ уменьшительному: *къ, ка,*

ко. Это уменьшительное просто показываетъ, что предметъ меньше своего обыкновеннаго вида.—Впрочемъ, здѣсь надобно сказать одно замѣчаніе. Какъ скоро въ языкѣ встрѣчаются два употребленія, повидимому совершенно безразличныя, то одному непремѣнно уже придается особый оттѣнокъ значенія, если въ началѣ и нѣтъ его. Такъ и здѣсь, въ именахъ мужескаго рода уменьшительныя: *окъ* и *икъ*—совершенно одинаковаго значенія; но тамъ, гдѣ встрѣчаются оба окончанія, есть оттѣнокъ. Тогда окончаніе на *окъ*, очевидно первоначальное, выражаетъ просто уменьшенный видъ предмета, между тѣмъ какъ въ окончаніи на *икъ* слышится уже шутка, и если еще не ласка, то любезность,—обстоятельство, вытекающее изъ уменьшительнаго; видно что уменьшенный, миніатюрный предметъ представляется милымъ. Напримѣръ: *ротокъ*, *ротикъ*; *листокъ*, *листикъ*; *носокъ*, *носикъ*; *соколокъ*, *соколикъ*, хотя и здѣсь употребленіе слегка измѣняетъ иногда эти оттѣнки.

Параллельно съ окончаніемъ: *къ*, *ка*, *ко*, идетъ окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*. Но оно, будучи очень употребительно, какъ окончаніе образовательное, напримѣръ: *молодица*, *птица*,—гораздо менѣе употребляется, какъ уменьшительное, да и тутъ слово часто теряетъ свой уменьшительный характеръ и становится уже особымъ самостоятельнымъ словомъ, слѣдовательно уменьшительное окончаніе *(цъ, ца, цо)* тогда получаетъ смыслъ окончанія образовательнаго. Это видимъ мы и при другихъ грамматическихъ формахъ, и при уменьшительномъ на *къ*, напр: *ножикъ*. Но здѣсь это встрѣчается чаще: *вѣнецъ*, *дворецъ*, *косица*, *дѣвица*, *кольцо*, *крыльцо;* въ этомъ случаѣ, само собою разумѣется, уменьшительное: *къ*, придается къ такому слову, какъ уменьшительное 1-го слоя.—Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, требуетъ передъ собою мягкой буквы: потому, въ именахъ мужескаго рода, *ъ*, *ь*, *й*, замѣняется здѣсь не *о*, а *е*; въ именахъ женскаго *а*, *я*, *ь*, переходитъ въ *и*, а въ именахъ средняго *о*, *е*, *ё*, переходитъ въ *ь*; напр: *хлѣбъ*, *хлѣб-ецъ*; *ларь*, *лар-ецъ*; *злод-ѣй*, *злодѣ-ецъ*. *Мука*, *муч-ица*; *семья*, *семь-ица*. *Озеро*, *озер-цо* (здѣсь *ь* выпущенъ для произношенія); *ребро*, *ребр-ецо* и *ребер-цо* (въ первомъ, для произношенія, *ь* оглашается и становится *е*); *поле*, *пол-ьцо*; *зеркало*, *зеркал-ьцо*.

Окончаніе *цъ*, *ца*, *цо*, не ограничивается однимъ наружнымъ уменьшеніемъ предмета; въ этомъ уменьшительномъ, окончаніе уже высказываетъ тотъ выводъ, то понятіе, которое составляемъ мы отъ уменьшеннаго, по размѣру, предмета, о самомъ характерѣ предме-

та, о выраженіи нравственномъ, которое онъ въ такомъ случаѣ принимаетъ въ нашихъ глазахъ.—Предметъ въ маломъ своемъ видѣ кажется доступнѣе, беззащитнѣе и потому какъ бы нуждается въ покровительствѣ; при томъ грубость формъ изчезаетъ, и предметъ становится *милымъ*. И такъ мы видимъ, что кромѣ размѣра внѣшняго, уменьшительное выражаетъ другое, отсюда вытекающее значеніе *милаго*: *малому* свойственно быть *милымъ*. Самая ласка предполагаетъ уменьшительность предмета, и вотъ почему для выраженія милаго, для ласки, употребляется уменьшительное. Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, есть такое уменьшительное, которое высказываетъ уже это выводное понятіе, высказываетъ эту нравственную сторону уменьшительной формы, такъ что даже вовсе не берется иногда въ разсчетъ самый наружный размѣръ предмета. Напримѣръ слова: *братецъ*, *сестрица*; здѣсь уже вовсе нѣтъ мысли, что братъ или сестра *малы* въ самомъ дѣлѣ, но этими формами высказывается, что они *милы*.—Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношеніе, на нихъ какъ бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшась, являются милыми; въ томъ же духѣ составлены слова: *тафтица*, *бархатецъ*, *водица*, *суконце*, и пр. и пр.—Оттѣнки отношенія къ предмету уменьшенному многочисленны.—Кромѣ милаго, предметъ принимаетъ характеръ жалкаго, бѣднаго, робкаго, возбуждающаго о себѣ это сознаніе въ говорящемъ. Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, преимущественно имѣетъ значеніе милаго, дорогаго, любезнаго; но иногда принимаетъ и другой оттѣнокъ; напримѣръ: *хлѣбецъ*, *мучица*, *ржица*; здѣсь, кромѣ чувства, что этотъ предметъ мнѣ дорогъ, въ говорящемъ высказывается часто и чувство собственнаго смиренія, для чего и предметъ представляетъ онъ въ смиренномъ видѣ. Оттѣнки —очень тонкіе, которые даются употребленіемъ, и которые изчислить долженъ словарь самого языка. При уменьшительномъ на *къ*, также иногда выступаетъ значеніе нравственное уменьшительнаго. Это бываетъ тогда, когда предметъ представляетъ неопредѣленную массу (при чемъ уменьшительность неудобна), или когда у него не употребляется уменьшительнаго на *цъ*, напр: *чаекъ*, *медокъ*, *ручка*, *снѣжокъ*.

Мы указываемъ на основныя, существенныя значенія формъ. Живое употребленіе, вслѣдствіе разныхъ уваженій, измѣняетъ ихъ оттѣнки, которые изчислять здѣсь не у мѣста.—Но употребленіе не измѣняетъ основныхъ опредѣленій.

Есть еще окончаніе уменьшительное перваго слоя, которое почти не употребляется, но слышится въ уменьшительномъ втораго слоя; поэтому мы считаемъ нужнымъ здѣсь сказать о немъ. Это окончаніе на *ша*; мы думаемъ, что оно существуетъ въ этомъ видѣ, ибо имъ *(ша)* уже передается не размѣръ самого предмета; а личное чувство человѣка къ нему, чувство ласковое и доброе. Предметъ же самый принимаетъ иногда добродушный видъ. Такъ какъ здѣсь высказывается личное чувство, и видъ, принимаемый предметомъ, есть уже чисто нравственный, то эта уменьшительная форма уже не является принадлежащею равно всѣмъ тремъ родамъ, образуетъ какъ бы новое слово, или новый особый отдѣлъ его, и принимаетъ въ такомъ случаѣ женскую форму: *ша* (какъ *пьяница, судья*, и пр.). Уменьшительное *ша*, слышится въ уменьшительномъ втораго слоя напр: *братишка, парнишка, ведрышко, сеструшка:* но можно впрочемъ сказать: *братиша, парниша, сеструша*, хотя это употребляется рѣдко. — Замѣчательно, что эта возможность встрѣчается при именахъ не только одушевленныхъ, но именно человѣческихъ; можно сказать *мальчиша, сыниша, дочуша*, и пр., но рѣшительно не говорится: *волчиша, топориша*, и пр.,—Окончательная буква имени передъ *ша* переходитъ въ *у* или въ *и*, въ именахъ мужескаго рода; или *у*, иногда въ *и*, въ именахъ женскаго рода; или въ *ы*, иногда въ *у*, въ именахъ средняго рода. Мы говоримъ здѣсь объ *ша*, употребляющемся въ уменьшительномъ втораго слоя: *ш-ка*; разумѣется, при этихъ переходахъ соблюдаются обыкновенныя правила измѣненій буквъ и благозвучія. Примѣры: *клюшка, сынишка, рѣчушка, гостюшка* и пр.; возможно *сестришка, перышко* и *перушко, личушко* и *личишко*. То, что *ша* слышно въ уменьшительныхъ второго слоя средняго рода, заставляетъ думать, что въ среднемъ родѣ должно было быть *шо*, ибо женскій родъ, употребляясь вмѣсто мужескаго, не употребляется вмѣсто средняго.—Это допустить можно на томъ основаніи, что предметъ въ этомъ уменьшительномъ получаетъ и неопредѣленное значеніе, *опредѣляющееся только въ женскомъ родѣ*; по этому можетъ имѣть и среднюю форму; но она рѣшительно не употребляется сама по себѣ.—Можно думать, что имена средняго рода, и вообще всѣ, кромѣ одушевленныхъ человѣческихъ, быстро перешли черезъ эту форму: *ша*, выражающую нравственное значеніе предмета и отношеніе къ нему говорящаго, и удержали ее въ новомъ видѣ, во второмъ слоѣ, съ по-

мощью другой уменьшительной формы. — Въ уменьшительныхъ и втораго и третьяго слоя намъ предстоитъ встрѣтить форму: *ша*.

Кромѣ того есть окончаніе на *я*: *теля*, *яня*, *гуся*, *куря*, и пр. Въ этомъ *я*, какъ мы сказали выше, слышится и звукъ носовой церковно-славянской: ѧ. Что *я* здѣсь есть грамматическая форма, приданная къ имени, это доказывается во первыхъ возстановленіемъ, изъ этихъ словъ, слова первоначальнаго; напримѣръ: *куря—куръ*; *гуся—гусь*, и пр. При иныхъ словахъ этотъ первоначальный видъ слова неупотребителенъ, но онъ несомнѣнно находится въ этой уменьшительной формѣ; напр.: *теля—телъ*, оттуда: *телецъ*, *телица*, *телушка*, и т. д. Во вторыхъ, это доказывается возможностью образовать это слово на *я*, изъ какого угодно имени; если оно и не ловко употребляется въ единственномъ, то за то очень ловко во множественномъ. *Француза—Французята*, *Жида—Жидята*; *сома—сомята*, и т. д.

Значеніе уменьшительнаго: *я*, есть малость особаго рода. *Я* показываетъ, что предметъ еще не достигъ своего полнаго вида, еще молодъ или лучше малъ, *по возрасту:* придаетъ предмету значеніе дѣтства. Слѣдовательно, это не есть собственно уменьшительное, не есть положительно малое, но есть первоначально малое, которое достигаетъ потомъ настоящаго размѣра; здѣсь является понятіе дѣтства, малолѣтства. Но объяснивъ такимъ образомъ его смыслъ и слѣдовательно оговорившись, мы удержимъ за этою формою названіе уменьшительнаго.

Изъ сказаннаго выходитъ, что это уменьшительное 1) можетъ относиться только къ одушевленнымъ существамъ, или, по крайней мѣрѣ, къ такимъ предметамъ, которые могутъ расти и слѣдовательно имѣть возрастъ. 2) Относясь къ одушевленнымъ существамъ, это уменьшительное можетъ относиться только къ такимъ именамъ одушевленныхъ существъ, которыя служатъ наименованіемъ рода и могутъ выразить дѣтство; такъ напримѣръ, въ этомъ смыслѣ, можно образовать изъ всякого фамильнаго имени уменьшительное на *я;* напр.: *Солтыкъ*, *Солтычата (я* послѣ мягкихъ буквъ переходитъ въ *а)*; но нельзя сказать напримѣръ того же о именахъ: *супругъ*, *братъ*, и т. п. Почему—основаніе ясно: развѣ можетъ быть порода *супруговъ*, *братьевъ*, и т. п.? — Какъ означающее дѣтство возраста, или малолѣтство, это уменьшительное, употребительное для именъ человѣческихъ, наиболѣе упо-

требляется о животныхъ, гдѣ наружная сторона возраста кидается сильно въ глаза.

Очень ясно, что для именъ средняго рода,—которыя *по образованію слова*, высказываютъ міръ неодушевленный, міръ чистаго объекта (что̀ бы ни высказывали они *по значенію слова*),—очень ясно, что для именъ средняго рода не можетъ быть такого уменьшительнаго. — Съ другой стороны, ясно также, что самое это умепьшительное имя, обозначая возрастъ, гдѣ еще не ярко означается полъ мужеской и женской, гдѣ онъ поглощается общимъ возрастомъ дѣтства или малолѣтства, очень ясно, что само это имя въ первомъ настоящемъ своемъ видѣ—рода средняго. Наконецъ понятно также, почему, образуя уменьшительное имя отъ имени родоваго, это окончаніе на *я* придается только къ именамъ мужескаго рода, ибо именемъ мужескаго рода, неопредѣленнымъ по своему значенію, обозначается самый родъ *вообще* (*порода*), все *общее* значеніе имени, и также потому, что самый полъ не выступаетъ ярко, не опредѣляется въ имени мужескомъ. Вся опредѣленность, ограниченность, положительность, а вмѣстѣ и полъ, выступаетъ въ имени женскомъ; понятно, почему уменьшительное не прилагается къ именамъ женскаго рода, ибо это не есть уменьшительное пола, а цѣлаго породнаго существа. Сверхъ того объясненіемъ можетъ служить и то, что дѣти называются у Индо-Европейскихъ народовъ — у Славянъ и у другихъ—именемъ отца.

Названіе отчества есть форма притяжательная: *овъ;* такая же притяжательная форма, а вмѣстѣ прилагательное, еще болѣе первообразное, есть: ъ. Напримѣръ: *Владиміръ—Владиміръ*. Ясно, что отсюда образовалось уменьшительное на *я*, въ которомъ есть отношеніе отчества, образовалось чрезъ смягчающее ъ. Напримѣръ: *волкъ, волчь, волчата*; *орелъ, орлъ, орлята*; *князь, княжь* (здѣсь уже слѣдовательно двойной ъ), *княжата*; *медвѣдь, медвѣжь* (опять двойной ъ), *медвѣжата*, и проч.

Намъ могутъ сказать, что есть слова: *мышата, лисята*, и тому подобныя, происходящія отъ женскаго слова: *мышь, лиса*, и такъ далѣе. На это отвѣчаемъ мы сперва, что имена на ъ часто перемѣняютъ родъ. — Что же касается до именъ, какъ *лиса, сова*, и проч., то здѣсь этою формою называется и самецъ, слѣдовательно здѣсь предполагается и мужеской родъ; а нравственное требованіе уменьшительнаго на *я* есть дѣтской видъ породы самой. На-

конецъ здѣсь надобно предположить утраченную форму мужескаго рода: *лисъ*, *совъ*, какъ: *кура*, *куръ* (впрочемъ *куръ* употребляется рѣдко). Доказательствомъ можетъ служить также слово: *утка*, общее родовое имя. Самая эта форма: *ут-ка*, показываетъ, что оно не первоначально; сверхъ того и уменьшительное возникаетъ не отъ этой формы; а именно: *ут-я* (утенокъ); и такъ должна быть другая форма, конечно: *утъ*. — *Тел-ка*, *тел-я*, доказываетъ тоже самое. — Это уже особое созерцаніе, по которому цѣлой породѣ животныхъ придается или форма женская или мужеская, какъ общая; *лиса*, напримѣръ,—общая женская форма; *гусь*—общая мужеская (*гусыня* употребляется рѣдко, съ очевиднымъ намѣреніемъ обозначить именно полъ). Форма женская, возобладавшая исключительно, и даже исключительность формы мужеской—есть явленіе конечно позднѣйшее. — Но при переходахъ слова оставленная форма (мужеская) часто возникаетъ, чтобы дать образованіе изъ себя другой формѣ, въ которой эта первая и удерживается. Во всякомъ случаѣ, употребительная или нѣтъ,—форма мужеская, при названіяхъ породъ, необходима. Ею собственно обозначается *родъ*; она образуетъ *отчество*. Эта форма возникаетъ въ уменьшительныхъ, несомнѣнно доказывая здѣсь свое существованіе.

Замѣчательно, что уменьшительное-человѣческое происходитъ не отъ названья: человѣкъ: оно слишкомъ духовно; а отъ особаго понятія: ибо въ человѣкѣ уже другой, высшій путь духа и развитія, а не возрастъ, не порода на первомъ планѣ. Уменьшительное это именно: *робя*, *дитя*. Слово *дитя* имѣетъ даже особый, уже не уменьшительный характеръ, а просто какъ бы самостоятельное опредѣленіе цѣлаго возраста, и слѣдуетъ особымъ измѣненіямъ (см. о склоненіяхъ) *).

---

*) Намъ могутъ возразить, что *щеня*, *порося*, *жеребя*, *цыпля*, тоже самостоятельны; но они происходятъ отъ названій самихъ породъ, теперь утраченныхъ: *порося—порось*; *щеня—сука*, которое вѣроятно имѣло и мужеское *сукъ*. Отъ *сукъ* могло образоваться *(сученята) сученя*, *сученята*, съ помощію уменьшительнаго *н*,—форма, весьма встрѣчающаяся въ Русскомъ языкѣ; напримѣръ: *волченя*, *волченята*. Была ли форма *сучата*, какъ *волчата?* Это вопросъ. Вмѣсто *у* могъ быть первоначально *ъ*, такъ что форма мужеская могла быть не *сукъ*, а *съкъ*,—на какое предположеніе можетъ навести *щеня;* въ такомъ случаѣ форма прямая (*съчя)* могла быть неудобна, а потому и могла возобладать форма: *сченя* (*щеня*). *Цыпля—цыпка;* цыпкою называется

Теперь вопросъ: отъ чего же это уменьшительное средняго рода приняло женскую форму *я?* Какъ объяснить это окончаніе *я?*

Прежде всего уменьшительное *я* не есть чистое опредѣленное *я;* въ немъ заключается, въ другихъ языкахъ, посовой звукъ, который въ Русскомъ хотя и не существуетъ, но наше опредѣленное *я* соотвѣтствовать ѧ посовому, ѧ другихъ языковъ,— не можетъ. По этому *я*, замѣняющее у насъ мѣсто ѧ другихъ Славянскихъ парѣчій,—признаемъ мы не твердымъ, опредѣленнымъ *я*, а возникшимъ не прямо, и въ основаніи шаткимъ (хотя можетъ быть и твердымъ въ выговорѣ). Слѣдовательно мы не можемъ сказать, чтобъ уменьшительное оканчивалось здѣсь на *я*. Это окончаніе сходно съ окончаніемъ: *время, племя* и т. д. Отъ чего же, можно спросить, такъ слышно здѣсь *я*, которое тамъ не слышно? Отъ того, отвѣчаемъ, что тамъ не на *я* ударе́ніе; вспомнимъ выраженіе: на *племя́; племя́нный*.—Не надо забывать, что это *я*—посовое, которое не имѣетъ своего посоваго звука въ Русскомъ и слѣдовательно подвержено разнымъ измѣненіямъ. Смотря по разнымъ причинамъ, *я* становится то той, то другой стороною своего выговора, то какъ *е*, то какъ *я* безъ посоваго звука.— Здѣсь (*гуся, утя*, и пр.), принявъ на себя ударе́ніе, оно удерживаетъ по этому звукъ *я*.—Впрочемъ мы готовы предпочесть другое простое объясне́ніе; именно, что *а* переходитъ часто въ *о* и на оборотъ; точно также: *я* переходитъ въ *е* и на оборотъ, смотря по ударе́нію и по особому значе́нію, придаваемому, въ этомъ случаѣ, слову (*пи́сьнокъ*, а не *по-сьнокъ; растъ*, а не *ростъ; племя́*, а не *племе*, и пр.). Точно такіе же переходы можно видѣть и здѣсь.—Сверхъ того должны мы сказать, что уменьшительное на *я* употребляется только въ Именительномъ и Винительномъ падежахъ единственнаго числа, и что вообще оно очень мало употребительно; Русскому человѣку дико, и въ этихъ двухъ падежахъ, говорить, напримѣръ: *это порося, это теля* и онъ обходитъ эту форму, говоря: *поросенокъ, теленокъ*, — слова, которыя имѣютъ уже свое склоне́ніе. Въ другихъ же падежахъ, вмѣсто

курица, при чемъ легко объясняется и мужеское: *цыпъ*. *Жеребя* пока объяснить не умѣю. — Всякое уменьшительное на *я* необходимо произошло отъ имени неуменьшительнаго. Слово *дитя* имѣетъ особый складъ и смыслъ; оно, какъ сказали мы, является самостоятельнымъ наименованіемъ возраста дѣтскаго, и въ этомъ случаѣ—неуменьшительнымъ.

теля, порося и пр., употребляется другая форма, на *ъ* мужескаго рода, форма производная, суффиксная (съ суффиксомъ *т*), а не тематическая, именно; *теляти, телятемъ; поросяти, поросятемъ*, и проч.,—склоняющаяся, какъ: *пути, путемъ*, и т. д. Подробнѣе же объ этомъ см. въ „склоненіяхъ."

Слово *дѣтя* или *дитя*, получившее самостоятельный смыслъ, приняло женской родъ и женское склоненіе въ тематической формѣ; но имѣетъ и производную форму, съ суффиксомъ *т*, въ которой склоняется какъ: *теля, теляти*, именно: *дитяти*, и пр. Впрочемъ эту форму мы считаемъ неправильною, образованною по ошибочной аналогіи, по внѣшнему сходству, по сосѣдству, такъ сказать, съ уменьшительными на *я*.—*Дитя*: это не уменьшительное, и нисколько не уменьшительное родовое: а самостоятельное названіе первоначальнаго возраста.

Вотъ наши объясненія буквы *я* и ея разныхъ состояній въ окончаніи уменьшительномъ, сколько мы нашли здѣсь это нужнымъ; подробнѣйшее объясненіе этого *я* и вмѣстѣ уменьшительнаго значенія, здѣсь съ нимъ соединеннаго, см. въ „склоненіяхъ".

Надобно прибавить, что для растительнаго царства эта форма почти не употребляется. Понятія потомства, родоваго происхожденія, и дѣтства,—здѣсь еще нѣтъ; а слѣдовательно и смыслъ этого уменьшительнаго въ царствѣ растительномъ еще не выступаетъ.

Есть еще окончаніе, которое мы относимъ къ уменьшительнымъ, хотя въ немъ собственно ничего нѣтъ уменьшительнаго: оно по смыслу и по употребленію относится къ разряду окончаній: *га, ха, та*, или вѣрнѣе къ *ша*. Оно не употребительно; но слышится въ уменьшительныхъ втораго слоя. — Названіе уменьшительныхъ, какъ мы уже видѣли, не всегда можетъ быть точно, какъ напримѣръ здѣсь. Форма, о которой теперь хотимъ сказать, относится къ числу тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, хотя въ другомъ примѣненіи,—именно къ числу тѣхъ формъ, которыя возникаютъ мгновенно, не имѣя собственнаго употребленія; но даютъ изъ себя новую форму. На этой степени, на которой стоятъ онѣ, имѣютъ онѣ скорѣе значеніе формъ переходно-образовательныхъ. Впрочемъ отвергать возможности ихъ употребленія, хотя неловкаго — нельзя. Это форма: *ёна*, слышная только въ уменьшительномъ втораго слоя *ёнка*. Но сказать возможно, напримѣръ: *сестрёна*. Здѣсь уже никакъ не носовой звукъ. — Зна-

ченіе не имѣетъ почти ничего сходнаго съ уменьшительнымъ. Оно выражаетъ ласку, но безъ особой нѣжности.

Окончанія *га*, *ха*, *та*, причислили мы къ этимологическимъ, образовательнымъ окончаніямъ, еще не утратившимъ, при иныхъ словахъ, своего отдѣльнаго вида и смысла, и еще придающимся къ инымъ словамъ и теперь; сюда можно причислить и *ра*. Доселѣ еще эти окончанія образовательныя употребляются (хотя рѣдко), какъ произвольныя, полныя извѣстнаго значенія, измѣненія имени. Жизнь нашего языка дѣлаетъ это возможнымъ. Имя здѣсь, измѣняясь, получаетъ особое значеніе, особое отношеніе къ говорящему: отношеніе ласки, дружбы, удивленія, шутки. Опредѣлять эти измѣненія трудно, ибо они произвольны, и имѣютъ въ тоже время характеръ образовательныхъ окончаній, не кристаллизировавшихся въ языкѣ; возможность такого измѣненія слова безспорно доказываетъ жизнь языка. Особаго разряда — окончанія эти не составляютъ, слѣдовательно и Грамматика не занимается ими, какъ особымъ разрядомъ. Они относятся, какъ уже сказано, собственно въ Этимологіи, гдѣ должны занять мѣсто подъ именемъ подвижныхъ образовательныхъ окончаній. Но мы должны были упомянуть о нихъ, сколько считаемъ достаточнымъ. — Они важны для насъ, ибо отъ нихъ происходятъ, на нихъ опираются грамматическія формы; они становятся между ними и словомъ. Мы причислили, ради нѣкоторой подвижности, окончанія эти къ уменьшительнымъ, именно 1-го слоя. Укажемъ на возможныя измѣненія съ этими окончаніями, напр.: *Дочь—дочуга, дочуха, дочута, дочура.* Отсюда происходитъ: *дочурка, дочутка.* Или еще: *Сынъ—сынюга, сынюха, сынюра, сынюта. Сынюра, сынюта*, едва-ли скажется; впрочемъ вспомнимъ: *бычура, Малюта.*—Надобно замѣтить, что подобныя окончанія, вообще мало употребительныя, но однако возможныя, преимущественно придаются именамъ человѣческимъ, ибо въ мірѣ человѣка существуетъ разнообразность ощущеній и вмѣстѣ отношеній. Наиболѣе, какъ уже сказали мы, относятся они къ именамъ собственнымъ, какъ потому, что это имена человѣческія, такъ и по другимъ причинамъ вышесказаннымъ.—Окончанія *ена* и *ша* отдѣлили мы отъ *га, ха, та* и *ра*, ибо видимъ въ нихъ уже не случайное, а постоянно возможное, ко всѣмъ именамъ, присоединеніе ихъ, какъ грамматическихъ формъ, напримѣръ какъ уменьшительное: *къ*. Правда, присоединеніе это (*ена, ша*) не самостоятельно, оно опирается на уменьшительную фор-

му: *къ, ка, ко*, и съ ея помощію является во второмъ слоѣ уменьшительнаго; но при этомъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ оправдано его грамматическое значеніе. Взятыя же отдѣльно: *ена, ша*, являются такими же подвижными образовательными окончаніями, какъ *га, жа, та* и *ра*. Изъ *теля, куря*, и пр. (первообразное очевидно: *тель, куръ*) образуется, съ помощію суффикса *т*: *телять* и *телято, курять* и *курято*, и пр.—*Телято, курято*, и пр. употребляется собственно во множественномъ: *телята, курята. Телять, курять*, и пр., употребляется только въ единственномъ, въ извѣстныхъ падежахъ.—Мы говоримъ объ этой формѣ на *то*, отъ словъ уменьшительныхъ на *я*, здѣсь потому, что она не употребляется въ единственномъ, а только во множественномъ; но она принимаетъ къ своей суффиксной формѣ уменьшительное: *къ, ко*; напр.: *телятко* (малоупотребительное); множественное же, съ уменьшительнымъ *къ* — напримѣръ: *теляткн* (употребительное) — вѣроятно образовано изъ мужеской формы суффиксной, единственнаго: *телять* — *телятокъ* или *телятекъ*. (Впрочемъ, *теляткн* могло возникнуть неправильно вм. *телятка*, какъ *ведерки* вм. *ведерка*). — Если форму на *я*, напр. *теля*, примемъ мы за уменьшительное, то дальнѣйшая форма съ *къ*, напр.: *телятки*, — будетъ уже уменьшительнымъ 2-го слоя.

уменьшительныя втораго слоя.

Форма уменьшительныхъ втораго слоя есть тоже простая форма перваго слоя: *къ, ка, ко*, но прибавляемая къ окончаніямъ уменьшительнымъ перваго слоя. Вслѣдствіе такого прибавленія, по законамъ благозвучія, происходитъ измѣненіе и перестановка буквъ. Само собою разумѣется, что буквы гласныя на концѣ первыхъ уменьшительныхъ — тогда откидываются. Вотъ примѣры: *домъ—домо-къ, дверь—двер-ка. Домокъ, домоче-къ. Дверка, двероч-ка*. Очевидно, что *домокк*ъ, или *домококъ* нельзя сказать; также *дверк-ка*, и смягченіе необходимо при уменьшительныхъ 2-го слоя, а также и возникновеніе гласныхъ, гдѣ нужно. Это уже извѣстные законы благозвучія.—Такъ, напримѣръ, тоже *тафтица, тафтич-ка*; *ц* передъ *к* не допускаетъ нашъ языкъ. — Объ этихъ измѣненіяхъ считаемъ не нужнымъ распространяться болѣе, ибо они — не вопросъ Грамматики, а Словопроизведенія и собственно Словообразованія.

Къ ка, ко придаются ко всѣмъ окончаніямъ, разсмотрѣннымъ въ статьѣ объ уменьшительныхъ перваго слоя; неупотребленіе иногда вовсе втораго уменьшительнаго опредѣляется неудобствомъ образованія его.

Къ уменьшительнымъ втораго слоя принадлежатъ по формѣ *теленокъ, поросенокъ* и другія подобныя, выражающія дѣтство. Но по значенію, какъ замѣна неупотребительнаго *теля, порося* и т. п., они принадлежатъ къ уменьшительнымъ перваго слоя. Они, согласно съ значеніемъ своимъ, означая родъ вообще, суть мужескаго рода. Мы думаемъ, что эти уменьшительныя одного образованія съ другими уменьшительными отъ *ёна* (или даже можетъ быть *ень*), напр.: *мужиченокъ* (*мужикъ* здѣсь принимается не какъ уменьшительное; напримѣръ: *ножикъ*), вмѣсто котораго съ особымъ смысломъ, придаваемымъ женскою формой, употребляется и *мужиченка*, также и средная форма: *мужиченко* *).

Уменьшительное втораго слоя показываетъ еще большую уменьшительность, но преимущественно показываетъ личное впечатлѣніе, производимое надъ человѣкомъ такими малыми размѣрами предмета. Здѣсь болѣе видно собственное желаніе человѣка выразить, какъ малъ предметъ. — Такъ какъ здѣсь передается болѣе личное впечатлѣніе, то отсюда эти уменьшительныя носятъ разные и многоразличные оттѣнки. — Вмѣстѣ съ этимъ, тамъ гдѣ понятіе отдаляется отъ самаго, дѣйствительнаго предмета (гдѣ является форма мужеская при именахъ мужескаго рода), и по этому предметъ становится неопредѣленнымъ, — выступаетъ средняя форма; какъ же скоро предметъ опредѣляется въ этомъ новомъ, болѣе общемъ своемъ понятіи или видѣ — выступаетъ форма женская. Такъ что одно и тоже слово можетъ имѣть всѣ три формы: мужескую, среднюю и женскую; напр.: *мужиченокъ, мужиченко, мужиченка*. Само собою разумѣется, что слово это *употребляется* всегда въ мужескомъ родѣ. Здѣсь необходимо прибавить, что уменьшительныя

(*) Слово *муженекъ*, въ которомъ *ен* кажется чистое вставное, хотя не для одного благозвучія, должно, думаемъ мы, отнести къ разряду уменьшительныхъ перваго слоя. Такого же рода вставочное, но не для благозвучія, а придающее особый смыслъ,—видимъ мы въ словахъ, напр.: *волченята*; это относится уже не къ грамматическимъ флексіямъ, а къ словообразованію, къ Этимологіи; такъ напримѣръ, прп: *толкопулъ*, форма: *толкнулъ*, получаетъ особый оттѣнокъ смысла, именно вслѣдствіе возникновенія буквы *о* въ серединѣ слова.

втораго слоя, отъ первыхъ двухъ формъ: *къ* и *цъ*, соблюдаютъ каждый родъ и родовую форму: *къ, ка, ко*,—напр, *звѣрочекъ, сестричка, ведерочко*.—Но остальныя, не столь опредѣленнаго значенія, въ именахъ мужескаго рода, вообще наименѣе опредѣленныхъ и отъ того наиболѣе опредѣляющихся, наиболѣе дѣятельныхъ и подлежащихъ отсюда измѣненіямъ,—рѣдко употребляются съ мужеской формой, удобно употребляются съ средней, и всего удобнѣе и охотнѣе съ формою женской, что́ впрочемъ такъ и должно быть, ибо предметъ самый уже отда́лется: выходитъ напередъ его характеристика и личное впечатлѣніе говорящаго, что́, или даетъ предмету неопредѣленный видъ, какъ бы свойства,—тогда является форма средняя, или чаще опредѣляетъ его въ новый нравственный образъ,—тогда является форма женская: *солдатишко* и *солдатишка*. Но имена женскаго и средняго рода удерживаютъ свои родовыя формы: *сестричка, стеклышко*.

Уменьшительное втораго слоя имѣетъ, какъ сказали мы, разные оттѣнки; оно выражаетъ миловидность самого предмета, а въ говорящемъ ощущеніе нѣжности, шутки и ласковаго пренебреженія. Ощущеніе ласковаго пренебреженія высказывается, собственно, въ уменьшительномъ втораго слоя, послѣ *ша*, то есть въ: *ш-ка*; напр.; *ручишка, парнишка*,—и отчасти, но рѣже, въ уменьшительномъ втораго слоя послѣ *ена: ен-ка*; напр.: *сестренка*, и т. д.—Тотъ же смыслъ былъ первоначально и въ именахъ собственныхъ на *ша* и *енка*; но вслѣдствіи времени, вѣроятно съ Петра, ему придалъ не только просто пренебрежительный, но и презрительный характеръ: *Дашка, Тришка, Петренка* и пр.—Удареніе играетъ здѣсь роль и измѣняетъ оттѣнокъ, такъ: *рученька* и *ручёнка*. Въ первомъ словѣ—чисто ласковый характеръ, во второмъ—ласковый, шутливый и ласково-пренебрежительный. Также: *Ва́нюшка*—ласковый, *Ванюшка*—пренебрежительный, и пуще презрительный. Также *Та́нюшка*,—*Танюшка*.—Вотъ примѣръ образованія уменьшительныхъ 2-го слоя: *ручка—ручечка; (рученa)—рученька, ручёнка; (ручища, ручища)—ручушка, ручишка; (ручица)—ручичка*.—Уменьшительныя другихъ словъ еще полнѣе.

И здѣсь, во второмъ слоѣ уменьшительныхъ, произволъ употребленія образовательныхъ окончаній (о чемъ уже говорили мы въ статьѣ объ уменьшительныхъ перваго слоя) выступаетъ; но собственно окончаній: *ша*, и отчасти: *ена*, которыя сами по себѣ (безъ помощи другой уменьшительной формы) употребляются и

здѣсь не совсѣмъ удобно; *ша* и *ена* слышатся опять, собственно какъ уменьшительныя грамматическія формы, уже въ уменьшительныхъ третьяго слоя. Такъ напр: *дочура* (мы причисляемъ эту форму, какъ извѣстно, къ категоріи уменьшительныхъ 1-го слоя); отсюда 2-й слой: *дочурка*; но можно сказать и *дочуруша*. Также напр.: *ручена*; отсюда 2-й слой: *рученька* и *рученка*; но можно сказать и *рученуша*.— Это употребленіе находитъ себѣ оправданіе и мѣсто въ уменьшительныхъ 3-го слоя. Очевидно, что употребленіе такое весьма можетъ быть рѣдко, и есть уже произвольное дѣйствіе въ языкѣ, дающемъ такую возможность въ силу свей жизни. Окончаніе на *ёна* еще затруднительнѣе въ употребленіи; напр.: *братиша*, *ручена* (отсюда уменьшительное 2-го слоя: *братишка*, *рученка);* весьма затруднительно, но возможно сказать: *рученёна*, *братишина*. Можно бы сказать, что такія формы рѣшительно не говорятся, но однако слышатся въ возможномъ уменьшительномъ третьяго слоя.—Упомянуть объ этихъ формахъ намъ было должно.

Изслѣдовать разнообразныя значенія уменьшительныхъ формъ, въ особенности этого втораго слоя,—мы не считаемъ нашею обязанностью. Употребленіе придало, и придаетъ имъ разнообразные оттѣнки, такъ что одно и тоже уменьшительное, прилагаясь къ разнымъ словамъ, разнится въ оттѣнкахъ своего значенія. Это дѣло уже Этимологіи и словаря; собственно къ Грамматикѣ, думаемъ мы, оно не относится.

Въ томъ случая, когда уменьшительное перваго слоя потеряло значеніе уменьшительнаго и перешло въ извѣстный *соразмѣрный* видъ, напр.: *платокъ*, — тогда уменьшительное втораго слоя занимаетъ мѣсто уменьшительнаго перваго слоя: *платочекъ*.

УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЯ ТРЕТЬЯГО СЛОЯ.

Форма этихъ уменьшительныхъ опять: *къ*, *ка*, *ко*. Можно сказать, что здѣсь это уже форма исключительная. Окончанія: *къ*, *ка*, *ко*, придаются къ окончаніямъ уменьшительныхъ втораго слоя; измѣненіе буквъ совершается здѣсь разумѣется на тѣхъ же основаніяхъ.

Большей противъ предыдущихъ, уменьшительности предмета, уменьшительныя третьяго слоя не показываютъ. Выражая конечно миніатюрность предмета, но болѣе въ ощущеніи, они выражаютъ

постоянно ласковое чувство, прошедшее сквозь опредѣленіе предыдущаго уменьшительнаго.

Вотъ примѣры: *Брати-ш-ка*$^{1\ 2}$—*брати-ш-еч-ка*$^{1\ 2\ 3}$; (*брати-ш-ена*)$^{1\ 2}$—*брати-ш-ен-ка*$^{1\ 2\ 3}$; *руч-ен-ка*$^{1\ 2}$ — *руч-ен-оч-ка*$^{1\ 2\ 3}$; (*руч-ен-ена*)$^{1\ 2}$ — *руч-ен-ен-ка*$^{1\ 2\ 3}$.

Произволъ образованія составляетъ даже и четвертый слой уменьшительныхъ, но объ нихъ особенно мы не считаемъ нужнымъ говорить, ибо основаніемъ здѣсь служитъ, сохранившійся вообще въ Русскомъ языкѣ, этотъ свободный произволъ образованія.

Въ примѣръ однако употребительныхъ уменьшительныхъ четвертаго слоя можемъ привести: *ручененочка*, *рученешка*.

Изъ втораго слова (*рученешка*) видно, что уменьшительное третьяго слоя должно быть: *рученеша*; оно вообще неупотребительно, но въ силу того же свободнаго произвола въ Русскомъ языкѣ, возможно употребить и это слово.

Число.

Предметъ оставляетъ въ умѣ нашемъ понятіе о себѣ. Это понятіе одно; предметъ же можетъ повториться, можетъ явиться другой образецъ его .— Новаго понятія здѣсь не является; понятіе все одно, а между тѣмъ явился новый такой же предметъ. Соединяя силою понятія предметы, мы видимъ, что предметъ уже *не одинъ*. Отсюда является *число*. Только единство понятія даетъ намъ возможность видѣть *число* предметовъ; только оно одно совокупляетъ, *считаетъ* (сочетаетъ) ихъ: ибо мы *узнаемъ* здѣсь одинъ предметъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ. Мы говоримъ напримѣръ: *это стулъ и это стулъ, слѣдовательно: два стула*.

Первое число, нарушающее *единицу* предмета, совпадавшую съ единицей понятія, есть: *два* или *двойственное*: характеръ этого числа есть отрицательный. Оно показываетъ только, что предметъ *не одинъ*, и образуетъ понятіе *другаго*. Вотъ значеніе этого числа; дальнѣйшаго хода оно не выражаетъ. Но здѣсь уже обра-

зуется понятіе числа, и именно понятіе *два*, при которомъ выдается значеніе предмета, какъ *единицы*. Такъ что понятіе *единицы* возникаетъ лишь при понятіи *два*, при отрицаніи *единицы*,—ибо видится, что предметъ *не одинъ*. Понятіе на этомъ не останавливается; разъ отправившись отъ *единицы* и прошедши черезъ опредѣленіе *два*, признавъ такимъ образомъ число, оно уже прямо переходитъ въ міръ безкопечнаго *множества*, и не видитъ ему предѣла. Это третій шагъ (моментъ) понятія. Здѣсь, очевидно, нѣтъ уже отрицательнаго характера предыдущей степени. Множество здѣсь уже одно общее опредѣленіе; разсматриваемое подробно, оно разнится въ самомъ себѣ только *счетомъ* (см. ниже), оставаясь множественнымъ вообще: ибо счету нѣтъ предѣловъ.—Такимъ путемъ образуется три степени, въ которыхъ выражается количественное отношеніе предмета къ своему понятію или идеалу: *одинъ*, — *не одинъ*, или *два*, — и *много*. Отсюда являются: *число единственное, число двойственное, число множественное.*

И такъ, число есть *количественное* отношеніе предмета, какъ явленія частнаго,—къ своему понятію или идеалу, какъ къ общему.

Число выражается въ именахъ перемѣною окончаній. Богатые языки древніе, въ томъ числѣ и нашъ, замѣтили значеніе двойственнаго числа, и выразили оное, отмѣтя особою формою окончаній. Въ настоящее время, въ нашемъ языкѣ, остались только одни слѣды этого числа. Двойственное число, выражая путь мысли, доходящей до понятія множества,—есть число въ этомъ смыслѣ историческое; по этому самому оно, почти во всѣхъ языкахъ, не удержалось, было утрачено съ теченіемъ времени, и значеніе его поглотилось общимъ понятіемъ множественнаго.

Падежъ.

Предметъ, кромѣ качественнаго и количественнаго отношенія своего, какъ явленія частнаго, къ себѣ самому, какъ къ понятію общему, какъ къ собственному своему отвлеченному идеалу (при чемъ является и отношеніе его къ другимъ *такимъ же* предметамъ, однороднымъ съ нимъ частнымъ явленіямъ,)—имѣетъ значе-

ніе самъ по себѣ, какъ живое, дѣйствительное выраженіе этого общаго понятія въ частномъ явленіи, — и вслѣдствіе этого становится въ разнообразныя отношенія, какъ къ самому себѣ, внутри себя, такъ и къ другимъ, какимъ бы то ни было предметамъ. Здѣсь уже нѣтъ отношенія непремѣнно къ предметамъ себѣ однороднымъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Ибо тамъ предметъ разсматривался въ созерцаніи мысли отвлеченно, порознь: какъ частное явленіе, и какъ общее понятіе, къ которому оно относится. Всѣ отношенія, при подобномъ отвлеченномъ созерцаніи, находились въ кругу частнаго явленія и общаго понятія, въ кругу предметовъ однородныхъ.—Здѣсь же предметъ, являясь не отвлеченнымъ, а дѣйствительнымъ явленіемъ, въ частности своей *выражающимъ* общій идеалъ, и слѣдовательно какъ бы получая самостоятельность, — становится въ отношеніи къ своему понятію и къ себѣ, внутри себя такъ сказать, и потомъ въ отношеніи уже всякихъ предметовъ, — какъ цѣльный дѣйствительный предметъ. Въ словѣ, такія отношенія выражаются измѣненіемъ окончаній (въ языкахъ обѣднѣвшихъ — черезъ предлоги). Такія отношенія, выраженныя въ именахъ измѣненіями окончаній, называются *Падежами*,—названіе, которое мы удержимъ. Падежъ, намекая на отношеніе предмета, какъ цѣльнаго дѣйствительнаго явленія, къ самому себѣ и другимъ предметамъ, намекаетъ уже на отношеніе *дѣятельное*; но опять, это только намекъ.

Естественное, спокойное и вмѣстѣ непосредственное, свободное отъ всякихъ соприкосновеній, состояніе предмета, другими словами: предметъ *самъ по себѣ*, выражается въ Именіи естественнымъ его прямымъ окончаніемъ. Это падежъ *Именительный*, который можетъ быть названъ: *Непосредственный*.

Всякой предметъ, какъ сказали мы выше, заключаетъ въ себѣ, какъ въ частномъ явленіи, и *общее* понятіе, которое часто понимается, какъ родовое. Когда эта сторона общаго понятія преобладаетъ въ предметѣ, и онъ выступаетъ этою общею стороною, удаляясь отъ своего опредѣленнаго значенія,—онъ получаетъ значеніе отвлеченное, неопредѣленное; такое состояніе предмета выражается въ Именіи (какъ и при всѣхъ падежахъ, кромѣ Именительнаго)

тельнаго един. чис.)—измѣненіемъ окончанія. Это падежъ *Родительный* или *Отвлеченный.*

Предметъ изъ естественнаго, независимаго и самостоятельнаго состоянія переходитъ въ состояніе противоположное, *объективируется, сознается*, говоря вообще, и въ этомъ смыслѣ опредѣляется. Здѣсь предметъ приходитъ въ соприкосновеніе прямое съ другимъ предметомъ, сознающимъ, объективирующимъ его, хотя бы это мѣсто другаго предмета занималъ онъ самъ, и самъ сознавалъ себя. Это падежъ *Винительный* или *Предметный (Объективный).* Это сознаніе можетъ выражаться не только мыслительнымъ актомъ самаго сознанія, но и вообще всякимъ дѣйствіемъ.

Предметъ переходитъ въ состояніе не прямаго объективированія; это состояніе: *прикосновеннаго присутствія* предмета, *участія* его въ дѣлѣ. Здѣсь также опредѣляется предметъ, но косвенно.—Это падежъ *Дательный* или *Присутственный.*

Кромѣ того предметъ самъ является сознающимъ, переносящимъ постороннее явленіе въ свое существованіе, въ себя; вмѣсто того, чтобъ быть предметомъ дѣйствія, онъ становится причиною, цѣлью его и имѣетъ въ себѣ дѣятельное начало. Это падежъ *Творительный:* иначе: *Дѣятельный* или *Производительный.*

Мѣсто есть необходимое опредѣленіе предмета, неотъемлемая общая его категорія. — Предметъ выражаетъ въ себѣ это существенное свое опредѣленіе и является, какъ *мѣсто*, въ обширномъ смыслѣ этого слова: какъ во внѣшнемъ, положительномъ, такъ и во внутреннемъ, отвлеченномъ. Это падежъ *Предложный* или *Мѣстный.*

Наконецъ предметъ освобождается изъ состоянія предмета, изъ состоянія третьяго лица, какъ скоро къ нему обращена рѣчь, какъ къ одушевленному и личному существу, рѣчь, которая возводитъ его въ лице второе, которая произноситъ: *ты!* Предметъ получаетъ тогда характеръ одушевленный, личный. Это падежъ *Звательный* или *Личный.*

Примѣчаніе. Разумѣется эта рѣчь можетъ быть обращена *дѣйствительно* только къ предметамъ одушевленнымъ, къ такимъ, которые могутъ дать отвѣтъ на *зовъ*, къ именамъ мужескаго и женскаго рода; по этому только имена мужескаго и женскаго рода имѣютъ Звательный падежъ, а имена средняго рода — Звательнаго падежа не имѣютъ. Въ рѣчи

употребляется вмѣсто него Именительный. Во множественномъ числѣ вообще, личность поглощена множествомъ, и потому въ множественномъ числѣ—Звательнаго тоже нѣтъ, и *употребляется* вмѣсто него Именительный.

Вотъ всѣ виды, принимаемые Предметомъ въ жизни и Именемъ въ словѣ, собственно въ словѣ Русскомъ; — вотъ всѣ падежи. Именно:

Падежъ Именительный — Непосредственный.
— Родительный — Отвлеченный.
— Винительный — Предметный или объективный.
— Дательный — Присутственный.
— Творительный — Дѣятельный или Производительный.
— Предложный — Мѣстный.
— Звательный — Личный.

Примѣчаніе. Здѣсь надобно замѣтить, что до сей поры падежи разсматривались по употребленію ихъ въ самой рѣчи, подъ управленіемъ предлоговъ или глаголовъ, гдѣ они являются въ различныхъ случайностяхъ. Вслѣдствіе такихъ-то случайныхъ употребленій давались падежамъ опредѣленія и названія; напр.: *я далъ человѣку книгу* — падежъ Дательный, и такъ и другіе, болѣе или менѣе. — Удивительно, какъ до сихъ поръ не сбивало г-дъ Грамматиковъ то, что опредѣленія ихъ безпрестанно оказывались недостаточными, и поэтому приходилось придумывать новыя объясненія или даже исключенія. Подобныя опредѣленія рѣшительно не могли быть удовлетворительны, ибо почерпались изъ случаевъ. Напримѣръ: *тебѣ идти впередъ*, здѣсь падежъ не подходитъ подъ опредѣленіе падежа Дательнаго; или еще: *ты мнѣ съ мѣста не сходи*.—Самое полное опредѣленіе въ нашихъ грамматикахъ есть то, которое наиболѣе изчисляетъ общихъ случаевъ употребленія; очевидно, что это пониманіе весьма условное, внѣшнее и недостаточное. Намъ кажется, что такое возрѣніе должно сбивать съ толку, ибо всякое случайное опредѣленіе (если мы вздумаемъ принять оное за общее опредѣленіе) закрываетъ передъ нами законъ, являющійся въ немъ лишь какою нибудь одною стороною своею. Полное изчисленіе случаевъ невозможно. Наиболѣе полное изчисленіе

все также сбиваетъ, ибо это все частные случаи употребленія, не только скрывающіе общій законъ, но часто противорѣчащіе другъ другу, какъ скоро не понять этотъ общій законъ, въ которомъ находятъ они свое единство и объясненіе. Употребленіе намекаетъ, наводитъ насъ на законъ, но не опредѣляетъ его. Мы должны углубиться въ существо самаго дѣла, не накладывать извнѣ взятаго опредѣленія, но въ немъ самомъ открыть объясняющій его законъ.

Доселѣ падежи разсматривались вмѣстѣ съ глаголомъ или предлогомъ, какъ какое-то дополненіе, и изчезалъ ихъ собственный, общій разумный смыслъ. Не догадывались, что этотъ смыслъ падежей *соотвѣтствуетъ* только, является только *приличнымъ* такому или такому употребленію съ предлогомъ или глаголомъ, и обнаруживается при этомъ одною лишь стороною своею, которую слишкомъ опредѣленно схватывали Грамматики, какъ правило. Между тѣмъ, если вникнемъ въ сущность дѣла, то легко увидимъ, что падежи имѣютъ свой самостоятельный смыслъ, обнаруживающійся при всякомъ случаѣ разными своими сторонами, а иногда и въ самостоятельномъ употребленіи. Такъ напримѣръ: Родительный въ видѣ Звательнаго: *о славы громкія!* или народное: *молодца!* Такъ Дательный, употребляемый какъ самостоятельный: *ему идущему, все падаетъ ницъ*, или въ сжатомъ видѣ: *ты мнѣ учись хорошенько.*— Падежи имѣютъ, повторяемъ, свой самостоятельный, независимый, разумный смыслъ, и потому могутъ и должны разсматриваться сами въ себѣ, а не только въ употребленіи; слѣдовательно, должны быть поняты съ этой точки зрѣнія, даже и внѣ Синтаксиса, въ которомъ конечно, какъ въ живой рѣчи, полнѣе выступаетъ смыслъ и падежей и всѣхъ грамматическихъ измѣненій: поэтому-то подробнѣйшее и отчетливѣйшее объясненіе падежей и относимъ мы къ Синтаксису. — Ограничиваемся здѣсь общимъ сдѣланнымъ выше опредѣленіемъ самостоятельнаго значенія падежей. Отсюда уже, изъ духа и существа ихъ, можетъ объясниться всякая случайность ихъ употребленія. Въ опредѣленіи падежей, нами установленномъ, старались мы достигнуть этого.

Числа и падежи выражаются въ Имени чрезъ подвижное измѣненіе его формъ.

Измѣненіе именъ по числамъ и падежамъ называется *склоненіемъ*.

Склоненіе.

Мы знаемъ, что принадлежа къ тремъ *родамъ*, Имена раздѣляются на три разряда особыми окончаніями: отсюда естественно вытекаютъ три склоненія для именъ:

Мужескаго, Женскаго и *Средняго* родовъ,

съ разными конечно оттѣнками и видоизмѣненіями.

Имена мужескаго рода.

Склоненіе I.

Имена мужескаго рода въ естественномъ и простомъ состояніи предмета, т. е. въ падежѣ Именительномъ, оканчиваются, какъ мы уже знаемъ, на буквы: *ъ, ь, й.* И такъ.

Число Единственное.

Падежъ Именительный *) *ъ, ь, й.* — Слон-*ъ*, звѣр-*ь*, змѣ-*й*.
— Родительный — *а, я, я.* — Слон-*а*, звѣр-*я*, змѣ-*я*.
— Винительный — Падежа Винительнаго нѣтъ; въ смыслѣ Винительнаго употребляется Именительный для предметовъ неодушевленныхъ, и Родительный для одушевленныхъ.
— Дательный — — *у, ю, ю.* — Слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*.
— Творительный — *о-мъ, е-мъ, е-мъ (ёмъ).* — Слон-*о-мъ*, звѣр-*е-мъ*, змѣ-*е-мъ* (богатыр-*ё-мъ*, па-*ё-мъ*).

*) Мы оставляемъ прежнія названія падежей, ибо къ нимъ болѣе привыкли, хотя названія, нами принятыя, находимъ болѣе соотвѣтствующими смыслу падежей. Названіе *Мѣстный* уже принято, и потому мы его употребляемъ. Не только здѣсь, но и вездѣ, гдѣ только возможно, оставляемъ мы старыя названія.

Падежъ Мѣстный — *ѣ, ѣ, ѣ.*—Слон-*ѣ*, звѣр-*ѣ*, змѣ-*ѣ*.
— Звательный — *е—у, ю, ю.* (Слон-*е* — слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*).

Число Двойственное *).

Падежъ Именительный
— Винительный
— Звательный
} — *а, я, я.* Слон-*а*, звѣр-*я*, змѣ-*я*.

Падежъ Родительный
— Мѣстный —
} — *у, ю, ю,* Слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*.

Падежъ Дательный —
— Творительный
} — *о-ма, е-ма.* Слон-*о-ма*, звѣр-*е-ма*, змѣ-*е-ма*

Число Множественное.

Падежъ Именительный— *и.*—Слон-*и*, звѣр-и, змѣ-*и*.
— Родительный — *ъ—овъ, ь—ій (евъ), й—евъ.*—Слон-*ъ*—слон-*овъ*, звѣр-*ій*—звѣр-*ей* (звѣр-*евъ*), змѣ-*й*—змѣ-*евъ*.
— Винительный — *ы, и.*—Слон-*ы*, звѣр-*и*, змѣ-*и*.
— Дательный — *о-мъ, е-мъ, е-мъ.* — Слон-*омъ*, звѣр-*е-мъ*, змѣ-*е-мъ*.
— Творительный — *ы—ъ-ми, и-ь—ми, и—й-ми.*—Слон-*ы*—слонъ-*ми*, звѣр-*и*—звѣрь-*ми*, змѣ-*и*—змѣй-*ми*.
— Мѣстный — *о-хъ, е-хъ, е-хъ.* Слон-*о-хъ*, звѣ-р-*е-хъ*, змѣ-*е-хъ*.
— Звательнаго — нѣтъ: вмѣсто него Именительный.

*) Мы уже сказали, что беремъ Русской языкъ не въ наличной только его цѣлости, а въ цѣлости полной исторической, со всѣми формами, встрѣчающимися въ немъ въ древности, но конечно только тѣми, которыя принадлежатъ ему самостоятельно, а не тѣми, которыя заимствованы изъ языка Церковно-Славянскаго. Число двойственное, напримѣръ, исчезло изъ живаго употребленія Русскаго языка, но оно составляетъ его самостоятельную собственность, и мы приводимъ здѣсь оное. Объясненіе: почему именно такія изъ древнихъ формъ Русскаго языка самостоятельны, а другія заимствованы, здѣсь мѣста не имѣютъ; они основаны на изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ, которымъ мѣсто въ Русской *Исторической* Грамматикѣ, а она, при нашемъ теперешнемъ трудѣ, входитъ лишь частію, какъ элементъ.

Имена женскаго рода.

Имена женскаго рода оканчиваются на *а* и *я*.

Склоненіе II*).

Падежъ Именительный— *а, я.*—Женщин-*а*, земл-*я*, свинь-*я*.
— Родительный — *ы, и.*—Женщин-*ы*, земл-*и*, свинь-*и*.
— Винительный — *у, ю.*—Женщин-*у*, земл-*ю*, свинь-*ю*.
— Дательный — *ѣ, ѣ (и).*—Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ*.
— Творительный — *о-ю, ё-ю.* — Женщино-*ою*, земл-*ёю*, свинь-*ёю*.
— Мѣстный — — *ѣ, ѣ.*—Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ*.
— Звательный — *о, е.*—Женщин-*о*, земл-*е*, свинь-*е*.

Число Двойственное.

Падежъ Именительный— *ѣ, и.* — Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ* (свинь-*и*).
— Родительный — *у, ю.*—Женщин-*у*, земл-*ю*, свинь-*ю*.
— Винительный — какъ Именительный; вѣроятно могъ употребляться и Родительный въ извѣстныхъ случаяхъ.
— Дательный — *ма, ма,* — Женщина-*ма*, земля-*ма*, свинья-*ма*.
— Творительный — *ма, ма.* — Женщина-*ма*, земля-*ма*, свинья-*ма*.
— Мѣстный — — *у, ю.*—Женщин-*у*, земл-*ю*, свинь-*ю*.
— Звательный — какъ именительный.

Число Множественное.

— Именительный— *ы, и.*—Женщин-*ы*, земл-*и*, свинь-*и*.
— Родительный — *ъ, ь*—*й* (послѣ гласной).—Женщин-*ъ*, зем(е)л-*ь*, свинь-*й* (свин-*і*-*й*, свин-*е*-*й*).

*) Склоненіе именъ женскаго рода на *и*, составляющее нѣчто совершенно особое, мы отдѣляемъ отъ прочихъ склоненій и говоримъ о немъ какъ объ особомъ склоненіи. См. ниже.

Падежъ Винительный — Именительный для неодушевленныхъ, Родительный, для одушевленныхъ.
— Дательный — *мъ*, *мъ*. — Женщина-*мъ*, земля-*мъ*, свинья-*мъ*.
— Творительный — *ми*, *ми*. — Женщина-*ми*, земля-*ми*, свинья-*ми*.
— Мѣстный — — *хъ*, *хъ*. — Женщина-*хъ*, земля-*хъ*, свинья-*хъ*.
— Звательный — какъ Именительный.

Имена средняго рода.

Склоненіе III.

Имена средняго рода оканчиваются, какъ извѣстно на *о* и *ё*, *е*.

Число Единственное.

Падежъ Именительный — *о*, (*ё*) *е*.—Стекл-*о*, пол-(*ё*)*е*, желані-*е*. (иногда произносится, какъ *ё*: быті-*і*).
— Родительный — *а*, *я*.—Стекл-*а*, пол-*я*, желані-*я*.
— Винительный — тоже, что Именительный.
— Дательный — *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
— Творительный — *мъ*, *мъ*.—Стекло-*мъ*, поле-*мъ*, желаніе-*мъ* (бытіе-*мъ*).
— Мѣстный — — *ѣ* (*и*).—Стекл-*ѣ*, пол-*ѣ*, желані-*и*.
— Звательнаго — нѣтъ: вмѣсто него Именительный.

Число Двойственное.

Падежъ Именительный — *ѣ* (*і*).—Стекл-*ѣ*, пол-*ѣ* (*и*), желані-*и*.
— Родительный — *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
— Винительный — какъ Именительный.
— Дательный — *ма*, *ма*. — Стекло-*ма*, поле-*ма*, желаніе-*ма*.
— Творительный — *ма*, *ма*. — Стекло-*ма*, поле-*ма*, желаніе-*ма*.
— Мѣстный — — *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
— Звательный — какъ Именительный.

Число Множественное.

Падежъ Именительный — *а, я.*—Стекл-*а*, пол-*я*, желані-*я*.
— Родительный — *ъ, ъ.*—Стек(о,л-*ъ*, пол-*ъ*, желані-*й*.
— Винительный — тоже, что Именительный.
— Дательный — *мъ, мъ.* — Стекло-*мъ*, поле-*мъ*, желаніе-*мъ*.
— Творительный — *ы—ъ-ми, и—ъ-ми, й-ми.* — Стекл-*ы* (стекл-*ъ-ми*), пол-*и* (пол-*ъ-ми*), желані-*и* (желані-*й-ми*, желань-*ми*).
— Мѣстный — — *хъ, хъ.* — Стекло-*хъ*, поле-*хъ*, желаніе-*хъ*.
— Звательный — не имѣется: вмѣсто него Именительный.

Примѣчаніе. Подробности склоненія, разнообразіе и различіе его отличительныхъ формъ разсматриваются далѣе, при сравнительномъ обозрѣніи единородныхъ Славянскихъ и сроднихъ Индо-Европейскихъ языковъ.

Объясненія и дополненія.

Число Единственное.

Имена мужескаго рода.

Очевидно, что окончаніе падежей имень мужескаго рода безъ различія — одно, и измѣняется только смягченіемъ чрезъ тайное присутствіе *и* въ окончаніяхъ: *ъ, й,* и въ соотвѣтственныхъ окончаніяхъ другихъ падежей.

Намъ слѣдуетъ дать нѣкоторыя объясненія на падежи. Представляя склоненіе Русскаго языка въ возможной полнотѣ, мы должны по необходимости обращаться къ языку Церковно-Славянскому, какъ къ ровеснику нашего языка по древности и, въ силу того, какъ къ ближайшему намъ языку.

Прежде всего надобно замѣтить, что измѣненіе окончаній въ первомъ склоненіи не есть *переходъ* окончательной буквы въ другую или даже *замѣна* ея другою, а *прибавленіе* окончатель-

ныхъ буквъ падежей къ окончаніямъ Именительнаго падежа, къ буквамъ: ъ, ь, й, которыя по существу своему, содержа въ себѣ отвлеченно оба элемента, *сливаются* съ окончательными буквами падежей; напримѣръ: *человѣкъ, человѣкъ-а, человѣка.*

Примѣчаніе. Мы говоримъ про *организацію* падежа; *сложности* здѣсь не только съ предлогами,—но и никакой нѣтъ. Окончательныя буквы падежей являются не съ опредѣленнымъ значеніемъ, но съ тѣмъ только значеніемъ, которое лежитъ въ нихъ отвлеченно, идеально, въ общей ихъ характеристикѣ. Онѣ вызываются сочувственно Именемъ, къ его окончанію, когда Имя становится въ тотъ или другой падежъ,—и только. Здѣсь зиждется и образуется грамматическое измѣненіе съ помощію сочетанія *буквъ*, какъ *буквъ*,— не болѣе, не имѣющихъ иного опредѣленнаго значенія.

1. *Винительный падежъ* въ именахъ мужескаго рода не существуетъ. Имена мужескаго рода носятъ на себѣ ярко характеръ духа сознающаго, характеръ личный. Вслѣдствіе этого преобладанія субъективнаго духа, они не могутъ имѣть, и не имѣютъ, собственно Винительнаго, объективнаго падежа, выражающаго не сознающій, а сознанный предметъ. И такъ, отношеніе Винительнаго падежа, отношеніе общее для всѣхъ Именъ, должно было выразиться особеннымъ образомъ при именахъ мужескаго рода. Здѣсь является уже умозаключеніе въ языкѣ, вслѣдствіе котораго, съ незапамятныхъ временъ, разумно устанавливается употребленіе. Вмѣсто Винительнаго падежа, употребляется въ именахъ мужескаго рода падежъ Родительный. — Родительный падежъ даетъ предмету отвлеченный характеръ, и только ставши отвлеченнымъ, предметъ мужескаго рода можетъ быть употребленъ въ объективномъ отношеніи. Тутъ сознаніе падаетъ какъ бы не прямо на самый предметъ, ибо онъ уже получилъ общій характеръ, — а какъ бы на часть этого предмета, понимаемаго вообще, напримѣръ: я видѣлъ *человѣка.* Въ это отвлеченное отношеніе могутъ становиться и имена женскаго рода, имѣющія опредѣленный Винительный падежъ; въ нихъ виднѣе и понятнѣе значеніе Родительнаго на мѣстѣ Винительнаго, такъ какъ въ нихъ существуютъ обѣ формы. Напримѣръ: *дай воду, дай воды. Я смотрѣлъ невѣсту, я смотрѣлъ себѣ невѣсты.* Эта тонкость соблюдалась строго въ нашемъ древнемъ языкѣ; напримѣръ: *сей грамоты слушалъ,*

и выслушавъ сю грамоту... *). Но имена мужескаго рода, въ отличіе отъ именъ женскаго рода, постоянно находятся въ этомъ отвлеченномъ положеніи — какъ скоро они становятся въ предметное отношеніе, объективируются,—и слѣдовательно постоянно являются тогда въ Родительномъ падежѣ. Какъ очевидное доказательство, что здѣсь уже умозаключеніе въ языкѣ устроиваетъ такое употребленіе, служитъ то, что все сказанное нами объ именахъ мужескаго рода относится къ предметамъ одушевленнымъ. Предметы же неодушевленные, въ именахъ мужескаго рода, относятся въ этомъ случаѣ къ разряду именъ средняго рода, и, также какъ въ тѣхъ, Именительный ихъ не разнится отъ Винительнаго. Напримѣръ: *столъ стоитъ*; *я взялъ столъ*. Здѣсь разница Именительнаго и Винительнаго есть ни что иное, какъ чисто внѣшнее, наружное отношеніе предметовъ неодушевленныхъ,—безъ внутренней причины. И такъ при употребленіи, въ Винительномъ падежѣ, падежей Родительнаго и Именительнаго—внутреннее значеніе, смыслъ самихъ словъ, образуетъ разницу употребленія: и здѣсь является уже умозаключеніе. Если бы нѣкоторые хотѣли доказать, что окончаніе на *а* (*человѣка*) не есть Родительный падежъ, а особая, сходная съ нимъ, форма Винительнаго падежа, то такому мнѣнію противорѣчитъ именно то, что только имена одушевленныя имѣютъ эту форму, а неодушевленныя не измѣняются въ Винительномъ: иначе эта форма была бы общею для всѣхъ именъ мужескаго рода. Слѣдовательно здѣсь разумная, внутренняя причина, причина очевидная, производящая эту разницу. Само собою разумѣется, что предметъ неодушевленный можетъ быть понятъ неопредѣленно и отвлеченно, и тогда ставится въ Родительномъ падежѣ. Точно тоже относится къ именамъ средняго рода,—вообще уже по роду своему, выразившемуся въ словѣ особымъ окончаніемъ,—принадлежащимъ къ разряду предметовъ природы, неодушевленныхъ. Разница употребленія становится тогда и здѣсь также замѣтно, какъ въ именахъ женскаго рода, напримѣръ: *дай огонь, дай огня*; *дай пиво, дай пива*.

Надобно прибавить, что въ древнихъ памятникахъ Церковно-Славянскаго и нашего языка встрѣчается, и въ именахъ одушевленныхъ мужескаго рода, Именительный падежъ въ Винительномъ, хотя тутъ же рядомъ, и даже въ томъ же словѣ, встрѣчается, въ

*) Акты Археогр. т. 1, стр. 56. Такихъ примѣровъ много.

тѣхъ же древнихъ памятникахъ и другое употребленіе, то есть: Родительный въ Винительномъ. Изъ такого употребленія видно также отсутствіе Винительнаго въ именахъ мужескаго рода; но, первоначально, и въ одушевленныхъ именахъ мужескаго рода употреблялся Именительный за отсутствіемъ Винительнаго падежа, хотя только въ иныхъ случаяхъ, при чемъ ясно слышится вся трудность и неловкость для именъ мужескихъ быть въ положеніи падежа Винительнаго. Впрочемъ такое употребленіе не часто встрѣчается и не долго держится; оно служитъ вѣрнымъ признакомъ древности слога. Употребленіе Именительнаго въ Винительномъ въ именахъ мужескаго рода одушевленныхъ, видимъ мы въ Остроміровомъ Евангеліи, видимъ и въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ языка. Первоначально это и должно было быть такъ.— Имена мужескаго рода, въ которыхъ преобладаетъ сторона субъективная, не имѣютъ падежа Винительнаго, а имена средняго рода, въ которыхъ преобладаетъ сторона объективная, не имѣютъ собственно Именительнаго. Отсюда, хотя изъ противоположныхъ причинъ, вытекаетъ первоначальное тождество этихъ падежей въ именахъ мужескаго и средняго родовъ, тождество, сохранившееся въ именахъ средняго рода, но не сохранившееся въ именахъ рода мужескаго. Это понятно: субъективное значеніе именъ мужескаго рода не укладывалось въ отношеніе Винительнаго. Какимъ-то противорѣчіемъ звучало выраженіе: *посла мужь свои*. Вслѣдствіе этого неудобства, этой несообразности, въ языкѣ произошло такъ сказать умозаключеніе, на основаніи котораго Родительный падежъ, — возможный и для всѣхъ именъ въ Винительномъ падежѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, — сталъ наконецъ постоянно на мѣсто Винительнаго въ именахъ мужескаго рода. Но такъ какъ это было дѣломъ умозаключенія, то умозаключеніе это различило имена одушевленныя отъ неодушевленныхъ и отнесло вторыя къ категоріи именъ средняго рода. Это обстоятельство нисколько не противорѣчитъ сказанному нами выше. Мы сказали выше, что Грамматика строится не только на значеніи словъ, но непремѣнно на выраженіи этого значенія въ формѣ слова, такъ что только то, что выразилось въ словѣ, занимаетъ свое мѣсто въ Грамматикѣ, и что языкъ выражаетъ мысль *своимъ* образомъ, самъ своею формою придаетъ словамъ извѣстное общее значеніе; всѣ слова мужескаго рода, напримѣръ, имѣютъ въ языкѣ особый характеръ мужескій, личный, сознающій, который опять таки выражается

въ области самаго языка извѣстными формами и измѣненіями слова. При употребленіи Винительнаго, въ склоненіи именъ мужескаго рода, видимъ мы другое, видимъ различеніе словъ по значенію ихъ, не высказавшемуся въ словѣ. Но здѣсь случай особенный, исключительный: здѣсь является умозаключеніе, разрѣшающее затрудненіе употребленія, и замѣчающее и берущее въ соображеніе уже самое значеніе словъ: умозаключеніе, которое опять таки выражается наружно, *въ словѣ*, въ употребленіи падежей. Затрудненіе требуетъ разрѣшенія, и языкъ разрѣшаетъ затрудненіе *своими* средствами: рѣчью.—И такъ, общее сказанное основаніе Грамматики остается во всей силѣ и неколебимо. Кромѣ того Именительный падежъ, какъ то надѣемся когда нибудь изложить въ историческомъ очеркѣ склоненія, имѣлъ обширнѣйшее значеніе.

Намъ возразятъ можетъ быть на наше объясненіе отсутствія Винительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода, одушевленныхъ,—тѣмъ, что сознающій духъ можетъ сознать самого себя; но это уже внутреннее дѣло самого духа, при дальнѣйшемъ его ходѣ, не имѣющее и не могущее имѣть мѣсто въ области Грамматики объективной. Это высказывается смысломъ словъ и цѣлою рѣчью въ области синтаксиса; а здѣсь въ области формъ слова, въ Имени, выражается одна только, но однако существенная, сторона,—въ настоящемъ случаѣ, въ Имени мужескаго рода одушевленномъ, сторона преизобилующаго сознанія: характеристическая принадлежность мужескаго рода. Дальнѣйшее принадлежитъ Синтаксису, гдѣ объясняются болѣе падежи при употребленіи ихъ. Здѣсь мы удерживаемся предѣлами Грамматики объективной.

2. *Падежъ Родительный.* — Мы сказали прежде о падежѣ Винительномъ, потому что онъ, по настоящему, не существуетъ въ первомъ склоненіи, а замѣняется Родительнымъ и Именительнымъ: мы тутъ собственно только оговорились; теперь же обращаемся къ самому Родительному падежу. — Падежъ Родительный оканчивается на *а* (*я*). Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, кромѣ этихъ окончаній, есть еще окончанія на *и* и *е*, послѣ *ь*; *е* употребляется въ сочетаніи съ буквою *и*: *не*. Первое окончаніе, на *и*, встрѣчается у насъ въ нѣкоторыхъ словахъ, напримѣръ: *путь*. Въ Остромировомъ Евангеліи окончаніе на *и* встрѣчается въ двухъ словахъ: *путь* и *Господь;* впрочемъ встрѣчается въ Родительномъ также: *Господа*. — Въ нашемъ языкѣ, Родительный: *пути*, а также и Дательный: *пути*, почти не употребляются, а говорится въ обоихъ

падежахъ: *пути*. Такое употребленіе кажется намъ смѣшаннымъ, ибо *путь*, какъ и другія слова, не носятъ на своемъ образованіи и пониманіи рѣшительнаго отпечатка мужескаго рода (говорятъ: *путь-дорога*, а иногда и просто въ женскомъ: *такая путь*). Народъ иногда перемѣняетъ родъ, а можетъ быть возобновляетъ прежній, тамъ, гдѣ это возможно; такъ говорятъ иногда: *конь добрая*. — Слова на *нь* не имѣютъ у насъ окончанія *не*, но за то часто употребляются съ окончаніемъ *и* въ Родительномъ, Дательномъ и Мѣстномъ падежахъ, при чемъ употребляются и окончанія на *я*, *ю*, и *ь* этихъ падежей. Напримѣръ: *день;* Родительный: *сего-дня*, *сего-дни*; Дательный: *сему дню*, *сему дни;* Мѣстный: *во днѣ*, *во дни*. Самая эта двойственность употребленія очевидно показываетъ, что окончанія на *и* въ этихъ падежахъ взяты здѣсь изъ другаго склоненія, изъ склоненія именъ на *ь* женскаго рода, о чемъ смотри ниже. Основаніемъ къ тому лежитъ шаткость, нетвердая обозначенность рода, вслѣдствіе которой, слѣдуя въ тоже время требованіямъ благозвучія, берутся формы изъ другаго склоненія въ тѣхъ падежахъ, которые мало различаются между собою окончаніемъ, имѣютъ разницу въ одной буквѣ и допускаютъ, по этому, легкій переходъ изъ буквы въ букву. Гдѣ родъ самаго окончанія *ь* твердо опредѣленъ, или гдѣ произношеніе также рѣшительно и свободно обозначается, тамъ употребленіе — не двойственное, но одно какое нибудь. Такъ *звѣрь* всегда склоняется по склоненію мужескаго рода. Также: *камень, камня, камню, камнь;* но зато: *пламень*, иначе произносящійся, въ косвенныхъ падежахъ именно удерживающій промежуточное *е*, и возможный можетъ быть и въ женскомъ родѣ, — употребляется: *пламени*, и т. д. Такія имена мужескаго рода, допускающія въ своемъ склоненіи означенныя женскія окончанія, называемъ мы именами *склоненія смѣшаннаго*. Мы коснулись, говоря о нихъ, и другихъ падежей, кромѣ Родительнаго, но для того, чтобы не разбивать цѣлости объясненія.

Иногда въ Родительномъ падежѣ вмѣсто *а*, *я*, употребляется у насъ *у*, *ю: съ берегу*, *съ бою*. Но это уже не Родительный падежъ. Здѣсь видимъ употребленіе падежа Дательнаго. Это употребленіе имѣетъ особое значеніе, которое опредѣлить надѣемся въ своемъ мѣстѣ.

3. *Дательный падежъ* въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оканчиваетя на *у*, *и: пути*, *дни* (въ Русскомъ, кромѣ *у*, также воз-

можно окончаніе *и: дни*, и т. п. — См. выше о Род.); кромѣ того, на *ови, еви*. Надобно замѣтить однако, что иногда употребляются оба окончанія при одномъ словѣ: *сыну, сынови*. Это очевидно уже намекаетъ на двойное склоненіе, что подтвердится еще болѣе при другихъ падежахъ (см. ниже). Окончаніе на *ови* было и у насъ, а именно: *домови, долови*, изъ которыхъ, черезъ *домовъ, доловъ*, образовалось: *долой, домой*. Но здѣсь, у насъ, при этой формѣ Дательнаго: *ови, еви*, предлагаемъ мы уже особую производную форму Именп съ суффиксомъ: *въ*, въ Именительномъ, напримѣръ: *домовъ, доловъ* (см. ниже). Такъ что окончаніе Дательнаго остается просто: *и*, принадлежа здѣсь такимъ образомъ къ склоненію смѣшанному.

4. *Творительный падежъ* не представляетъ ничего особеннаго въ употребленіи и не разпится отъ Церковно-Славянскаго языка.

5. *Мѣстный падежъ* въ языкѣ Церковно-Славянскомъ имѣетъ два окончанія: *ѣ* и *и; и* становится вездѣ, гдѣ находится, или, вслѣдствіе законовъ благозвучія и переходовъ буквъ, предполагается *ъ*, а не *ъ*. Напримѣръ: *мужъ;* Мѣстный: *мужи*. — У насъ это окончаніе Мѣстнаго: *и*, встрѣчается въ словѣ: *путь*, иногда въ словѣ: *день, пламень*, и др., и принадлежитъ тогда къ склоненію смѣшанному. Объ этомъ мы уже говорили выше. Кромѣ означенныхъ окончаній, есть еще окончаніе на *у* и *ю* въ Церковно-Славянскомъ языкѣ и у насъ. Но это уже не есть Мѣстный падежъ, а Дательный, употребленный въ значеніи Мѣстнаго. Объ этомъ надѣемся сказать въ своемъ мѣстѣ.

6. *Звательный падежъ* у насъ теперь не существуетъ; но онъ былъ у насъ и доселѣ слышенъ въ словѣ: *Боже*. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оканчивается Звательный на *е* и *у, ю*, даже на *и* (по примѣру именъ женскаго рода), въ словѣ: *Господи!*— употребляющемся такъ и у насъ. Звательный на *и* въ именахъ мужескаго рода принадлежитъ также къ склоненію смѣшанному. Въ Малороссіи Звательный употребителенъ доселѣ, преимущественно на *у: сынку, братику*. Также сохранился онъ въ нарѣчіи Бѣлорусскомъ и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, напримѣръ, въ Польскомъ, Сербскомъ, и пр. (смотри дальше сравненіе языка Русскаго съ другими Славянскими).

II въ Родительномъ и въ Мѣстномъ падежахъ именъ мужескаго рода, встрѣчается, кромѣ извѣстныхъ формъ, окончаніе на *у, ю:* что собственно одно и тоже (*у*). Принадлежитъ ли это окончаніе самимъ падежамъ этимъ, или объясняется иначе?

Прежде всего надобно замѣтить, что окончаніе на *у*, *ю*, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ падежѣ, придаетъ употребленію особое значеніе. Въ падежѣ Родительномъ, оканчивающемся на *а*, предметъ является отвлеченнымъ, но въ своемъ самостоятельномъ видѣ. Окончаніе же на *у*, въ смыслѣ Родительнаго, придаетъ, напротивъ, предмету видъ какого-то дополненія; самостоятельность предмета исчезаетъ, такъ что иногда выраженіе получаетъ какъ бы характеръ нарѣчія; иногда же предметъ получаетъ иносказательный смыслъ, ибо не въ своемъ самостоятельномъ видѣ уже онъ берется.—Такъ напримѣръ: *стаканъ кваса;* мы сейчасъ понимаемъ, что это мѣра, приложенная къ квасу, какъ къ неопредѣленному цѣлому. *Стаканъ квасу* значитъ: стаканъ, наполненный квасомъ; квасъ тутъ является подчиненно, въ томъ размѣрѣ и видѣ, какой даетъ ему стаканъ,—и понятіе неопредѣленнаго, но самостоятельнаго цѣлаго исчезаетъ; тутъ квасъ приложенъ къ мѣрѣ. Здѣсь выраженію: *стаканъ квасу*, приблизительно соотвѣтствуетъ выраженіе: *стаканъ съ квасомъ*. Но вотъ еще примѣръ, который доставляетъ намъ собственная уже особенность Русской рѣчи. Если, напримѣръ, у человѣка разболится носъ, и онъ отъ этого никуда не выѣзжаетъ, то про него можно сказать: „онъ нигдѣ не смѣетъ *носу* показать, потому что онъ не смѣетъ *носа* показать“. Здѣсь, въ одной фразѣ, уже достаточно ощутительно выказывается разница употребленія въ Родительномъ: *а* и *у*.— Точно тоже можно сказать о значеніи *у* въ падежѣ Мѣстномъ. При окончаніи на *и*, предметъ удерживается въ своемъ самостоятельномъ видѣ, а при *у*, онъ является дополненіемъ, и такъ какъ Мѣстный падежъ употребляется съ предлогами, то возраженіе переходитъ здѣсь ощутительно въ нарѣчіе. Напримѣръ, *на холмѣ*: здѣсь видится *холмъ*, здѣсь онъ рисуется самъ по себѣ передъ воображеніемъ; *на холму:* здѣсь *холмъ*—дополненіе, а главный смыслъ то, что: *на возвышеніи*. Выраженіе: *на верху* уже имѣетъ ясно смыслъ нарѣчія. *У*, такимъ образомъ, придаетъ особый оттѣнокъ; употребляется же чаще тогда и при тѣхъ словахъ, которыя даютъ возможность образоваться смыслу нарѣчія. Для большей ясности приведемъ еще примѣры: „Въ *домѣ* надо сдѣлать разныя передѣлки“. „Хорошо въ *дому* у тебя“. Въ первомъ случаѣ рисуется домъ, строеніе. Во второмъ это значитъ или внутреннюю жизнь дома, — значеніе иносказательное, — или просто: *внутри* (внутри дома). Еще: „Въ *домѣ* тепло“, то есть:

въ извѣстномъ, опредѣленномъ какомъ нибудь домѣ. „Въ *дому* всегда теплѣе, чѣмъ на дворѣ“; то есть: въ дому, говоря вообще,—внутри дома; здѣсь употребленіе въ духѣ нарѣчія *). — Къ этому надобно прибавить въ подкрѣпленіе нашей мысли, что *у*, напримѣръ: *дому*, въ смыслѣ Мѣстнаго падежа никогда не употребляется безъ предлога, ибо не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а всегда подчиненное, и въ соединеніи съ предлогомъ принимаетъ смыслъ нарѣчія.

Какъ важное указаніе и подтвержденіе для нашего объясненія окончанія *у* въ Родительномъ и Мѣстномъ,—служитъ то, что эти окончанія, встрѣчаясь лишь въ именахъ мужескаго рода, встрѣчаются только въ Именахъ неодушевленныхъ. Это понятно: имена одушевленныя не могутъ стать по значенію своему въ подчиненное, зависимое отношеніе и такимъ образомъ принять видъ нарѣчія. Можно сказать: *изъ дома, изъ дому*, но нельзя сказать: *отъ брату, отъ человѣку, въ брату, въ человѣку*, и т. д. Это подтверждаетъ смыслъ *у*, въ Родительномъ и Мѣстномъ, нами объясненный.

Для большей ясности, мы укажемъ здѣсь на перестановку ударенія въ словахъ, употребляемыхъ съ предлогами, обозначающую видѣе тоже самое. *На го́ру* значитъ: на извѣстную какую нибудь гору; *на́ гору* значитъ просто: *вверхъ*, или *вверхъ на́ гору*,—говоря вообще, обозначая видъ стремленія. Характеръ нарѣчія въ послѣднемъ случаѣ очевиденъ. Примѣръ, приведенный нами, передается и на Нѣмецкомъ языкѣ: *auf den Berg* и *Bergauf*. Но въ Нѣмецкомъ это различіе уже кристализовалось, и потому свободнаго употребленія нѣтъ. Оно, кажется, существуетъ только съ двумя предлогами: *auf* и *ab* **); второй вовсе не употребляется отдѣльно при Именахъ (*Bergab;* но нельзя: *ab den Berg*), и оба употребляются только съ извѣстными словами. Тогда какъ у насъ почти каждый предлогъ, имѣющій гласную букву, и при каждомъ словѣ можетъ, болѣе или менѣе вольно, употребляться съ этими оттѣнками: *Подъ бе́регъ—по́дъ-берегъ; за бе́регъ—за́-берегъ*, и т. д.

---

*) Вообще надобно сказать, что здѣсь нѣтъ внѣшняго принудительнаго *правила;* но руководителемъ здѣсь—*употребленіе*, свободное и живое, основанное на смыслѣ, нами объясненномъ, и слѣдовательно зависящее отъ того, какой оттѣнокъ желаетъ выразить тотъ кто говоритъ.

**) Мы не говоримъ о сложныхъ съ мѣстоименными корнями и темами: *damit*, *heraus*, и пр.

При нѣкоторыхъ ѯтолько словахъ, употребленіе *у*, въ сказанныхъ падежахъ, утвердилось преимущественно, но нисколько не кристализовалось, и самостоятельныя формы на *а* и *ъ* всегда возможны. Еще менѣе видимъ такой осадки употребленія, если можно такъ выразиться, при перестановкѣ удареній въ словахъ съ предлогами (*на́ гору, на го́ру*). Языкъ нашъ еще живо хранитъ и пользуется всѣми этими оттѣнками, хотя небрежность наша и невнимательность употребленія, въ иныхъ случаяхъ, ихъ теряетъ. Но что сказать о мнѣніи, которое не только не видитъ богатства этого различія, но еще требуетъ замѣнить вездѣ окончанія: *а* и *ъ*, окончаніями: *у* и *ю*?—Мнѣніе это очевидно смѣшно, да и принадлежитъ не Русскому.

Теперь надобно рѣшить, что же такое это окончаніе: *у* и *ю*. Есть ли это особая форма Родительнаго и Мѣстнаго падежей, или что другое?

Мы сомнѣваемся, чтобы это было особое окончаніе этихъ падежей. Во первыхъ, странно, что оно одинаково въ обоихъ падежахъ. Во вторыхъ: вмѣстѣ съ этимъ и значеніе, соединенное съ *у*, одно и тоже или почти тождественно, при томъ и другомъ падежѣ. Особеннаго же падежа это окончаніе очевидно не составляетъ.—Между тѣмъ, изъ падежей, на *у* и *ю* оканчивается у насъ Дательный падежъ. Все это вмѣстѣ невольно наводитъ насъ на мысль: не есть ли это Дательный падежъ, употребляемый въ особыхъ случаяхъ падежей Родительнаго и Мѣстнаго, подобно какъ Родительный употребляется въ особомъ случаѣ Винительнаго падежа (*смотрѣлъ невѣсты*, и пр.)?—Этотъ Дательный падежъ употребляется, разумѣется, тогда, когда отношеніе сказанныхъ падежей получаетъ особый оттѣнокъ,—а значеніе Дательнаго падежа, употребленнаго на мѣстѣ Родительнаго и Мѣстнаго, даетъ возможность выразить этотъ оттѣнокъ. Дательный падежъ, какъ сказали мы, имѣетъ значеніе *участвующаго присутствія*. И такъ въ Дательномъ, предметъ не есть цѣль, не становится въ прямое или опредѣленное какое нибудь отношеніе (хотя бы и отвлеченное, какъ въ Родительномъ), но соприкасается только, стороною, съ предметомъ или дѣйствіемъ, становится, однимъ словомъ, въ отношеніе косвенное. Если примемъ наше предположеніе, въ такомъ случаѣ изъ духа Дательнаго падежа объясняется тотъ неопредѣленный, подчиненный образъ, служащій только для опредѣленія другаго предмета, образъ, который принимаетъ предметъ,

при окончаніи на *у*, въ падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, въ показанныхъ случаяхъ. Предположить здѣсь падежъ Дательный кажется намъ дико, въ настоящее время; но это потому, что мы далеко ушли отъ того времени, когда образовывались и употреблялись въ новѣ падежи. Мы потеряли первоначальную свѣжесть употребленія; намъ странно теперь отдѣлить, напримѣръ, *ся* отъ возвратнаго глагола и сказать: *ся стремлю;* намъ дико выраженіе: *молютися;* но сомнѣваться въ первоначальномъ значеніи *ся* при возвратныхъ глаголахъ, мы не можемъ. Тоже, думаемъ мы, и здѣсь.—Грамматикъ, силою мысли и изслѣдованій, долженъ вознаградить недостатокъ позднѣйшаго, настоящаго времени, вникнуть въ смыслъ самаго Слова и живыхъ измѣненій и возвратить, въ наукѣ, употребленію его свѣжесть.

Общее значеніе Дательнаго падежа даетъ намъ право предположить, что здѣсь является онъ. Но тутъ мы предвидимъ возраженія, на которыя постараемся отвѣчать заранѣе.—Кромѣ указанія вообще на самую странность предположенія здѣсь Дательнаго падежа, намъ скажутъ, что окончаніе на *у* употребляется съ предлогами, которые не требуютъ падежа Дательнаго. Но кто сказалъ, что эти предлоги его не требуютъ, или не могутъ согласоваться съ нимъ, въ извѣстномъ, именно въ этомъ случаѣ? Гдѣ на это удовлетворительный отвѣтъ? Основываться на томъ только, что *теперь* такое употребленіе для насъ неловко и дико,—еще очень недостаточно. Сверхъ того, въ оправданіе нашихъ словъ и въ опроверженіе такого возраженія, указываемъ мы сперва на то, что у насъ (какъ и въ другихъ языкахъ) одинъ и тотъ же предлогъ можетъ требовать нѣсколько падежей, напримѣръ: *съ* требуетъ Родительнаго, Винительнаго и Творительнаго; потомъ указываемъ на языкъ Греческій, гдѣ тонкость разнообразнаго употребленія нѣсколькихъ падежей съ однимъ предлогомъ, въ особенности ощутительна. Думаемъ, что все это достаточно опровергаетъ затрудненіе къ признанію, въ настоящемъ случаѣ, Дательнаго падежа, который, и формою своею и значеніемъ, совершенно объясняетъ: *у, ю,* Родительнаго и Мѣстнаго падежей. Намъ могутъ сказать также, что окончаніе Дательнаго встрѣчается только въ именахъ мужескаго рода, но что Дательный не занимаетъ мѣста ни Родительнаго, ни Мѣстнаго въ именахъ женскаго и средняго родовъ (нельзя сказать: *изъ полянѣ, изъ морю);* а во множественномъ числѣ не встрѣчается даже и въ именахъ мужескаго ро-

да. Положимъ такъ, но за то во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ, у именъ женскаго и средняго рода, и особеннаго окончанія, равнаго *у*, обозначающаго объясненный нами выше оттѣнокъ. Вотъ еслибы въ именахъ женскаго и средняго рода, при падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, было окончаніе не Дательнаго падежа, а особое, и выражало бы такой оттѣнокъ, какой видѣли мы въ именахъ мужескаго рода при *у*, тогда конечно это было бы возраженіе; но здѣсь, нѣтъ формы Дательнаго падежа,—нѣтъ и никакого другаго особаго окончанія: нѣтъ и оттѣнка въ значеніи. Теперь надо отвѣчать на вопросъ, очень естественно возникающій: почему же Дательный падежъ, при именахъ женскаго и средняго родовъ и во множественномъ числѣ всѣхъ трехъ родовъ, а также при прилагательныхъ,— не становится на мѣсто Родительнаго и Мѣстнаго? Прежде всего скажемъ, что имена мужескаго рода, имена стремящагося, дѣйствующаго духа, неопредѣленныя, отвлеченныя сами по себѣ,— отъ того наиболѣе и доступны разнообразнымъ опредѣленіямъ, допускаютъ разнообразныя окончанія, пріобрѣтая въ нихъ разнообразную дѣйствительность для своего общаго отвлеченнаго характера (что надѣемся еще яснѣе увидать ниже). Имена же женскія твердо, равновѣсно и дѣйствительно опредѣлены; слѣдовательно та возможность и даже то искаціе новой различной опредѣляемости, при нихъ мѣста не имѣютъ. Имена среднія, имена природы неодушевленной, естественной, не имѣютъ конечно, само собою разумѣется, въ себѣ отвлеченнаго духа и стремленія опредѣлиться: если въ нихъ есть неопредѣленность, то неопредѣленность вещества, спокойная, неподвижная. Далѣе, это объясняется тѣмъ, что имена мужескаго рода, имѣющія неоспоримо характеръ личный, субъективный,—тогда какъ среднія имѣютъ въ себѣ преобладаніе объекта, а женскія—равновѣсіе и личности и объекта,— нуждались, по этой самой своей характеристикѣ, въ особомъ оттѣнкѣ, при падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, и допустили, на мѣсто этихъ падежей, еще падежъ Дательный, для того, чтобы такъ сказать, придать болѣе подчиненности предмету, которая такъ мало слышится въ этихъ именахъ,—придать болѣе подчиненности именно тамъ, гдѣ она возможна и прилична, именно въ именахъ мужескаго рода неодушевленныхъ.—Въ падежѣ Родительномъ, при окончаніи Дательнаго на *у*, предметъ, теряя съ одной стороны самостоятельность, хотя отвлеченную,—съ другой стороны пріобрѣтаетъ оттѣнокъ подчиненности. дополненія, но въ то же

время и дѣйствительности. Въ падежѣ Мѣстномъ также, теряя съ одной стороны характеръ самостоятельности, предметъ получаетъ оттѣнокъ подчиненности, дополненія. Дательный, выражая все это на мѣстѣ падежей Родительнаго и Мѣстнаго, является какъ оттѣнокъ, и забываясь съ теченіемъ времени, какъ Дательный, получаетъ *только* значеніе оттѣнка, какъ особое окончаніе при означенныхъ падежахъ. Но въ иныхъ случаяхъ Дательный для насъ и теперь ясенъ; это тоже должно служить доказательствомъ въ нашу пользу; напр: *начальникъ войску*. Въ древнихъ памятникахъ письменности встрѣчается употребленіе: *на брезѣ синему морю*, подъ *сынію зелену древу;* употребленіе это уже намъ затруднительно, а между тѣмъ ясно. Такое употребленіе Дательнаго признаемъ мы очень важнымъ, какъ поясненіе; хотя отдѣляемъ оное отъ употребленія Дательнаго, выше опредѣленнаго. Дательный здѣсь является не только какъ оттѣнокъ, но какъ Дательный, — и не въ смыслѣ дополненія, какъ при именахъ мужескаго рода: а потому можетъ употребляться и съ именами средняго и женскаго родовъ, и во множественномъ числѣ, и съ прилагательными; напримѣръ: *начальникъ Москвѣ, войскамъ*, и пр. Но получая тотъ дополнительный смыслъ, на который мы указали, становясь оттѣнкомъ и достигая почти до нарѣчія въ званіи Родительнаго и Мѣстнаго, Дательный, по вышеизложенному объясненію, можетъ употребляться лишь съ именами мужескаго рода неодушевленными. — Въ доказательство того, что въ именахъ женскаго рода встрѣчается Дательный падежъ въ Родительномъ (въ Мѣстномъ онъ одинаковъ, и поэтому различія не видно), приведутъ можетъ быть пословицу: *у голодной кумы, все слобъ на умы*; также встрѣчающееся иногда въ рѣчи употребленіе: *отъ Акулинѣ, у сестрѣ*, и т. п. Но пословица употребляется и такъ: *голодной кумы все слобъ на умъ*. Употребленіе совершенно понятное, гораздо болѣе живое и въ духѣ Русскаго языка, которое и слѣдуетъ предпочесть, какъ истинное: что же касается до другихъ приведенныхъ словъ, то мы думаемъ, что это дѣло просто выговора, что здѣсь вѣроятно окончательная буквы *и*, при смягченіи въ выговорѣ, перешла, черезъ *и*, или прямо,—въ *ь*. *)— Дательный падежъ не встрѣчается во Множественномъ, не встрѣ-

*) Въ этомъ случаѣ мы отчасти опровергаемъ собственное наше мнѣніе, высказанное нѣкогда въ статьѣ о правописаніи. *(См. эту статью во II томѣ).*

чается въ Прилагательныхъ—это понятно. Множественное, по самому значенію множества, поглощаетъ личное отдѣльное предмета, слѣдовательно не нуждается въ томъ оттѣнкѣ, который вносится Дательнымъ падежемъ, на мѣстѣ Родительнаго и Мѣстнаго, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ *). Прилагательное также, уже по своему значенію качества, не имѣетъ личнаго самостоятельнаго значенія, и потому понятно, что Дательный падежъ, какъ оттѣнокъ для Родительнаго и Мѣстнаго падежей,—въ немъ отсутствуетъ. Впрочемъ мы не можемъ не замѣтить здѣсь той постепенности значенія Дательнаго, которая условливаетъ его употребленіе. Когда Дательный сохраняетъ самъ весь смыслъ падежа, онъ употребляется во всѣхъ случаяхъ: мы можемъ сказать напримѣръ: *начальникъ этимъ храбрымъ войскамъ*; но такое употребленіе имѣетъ теперь весьма ограниченный кругъ. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени, значеніе падежа въ Дательномъ слабѣетъ, ограничивается и употребленіе; мы встрѣчаемъ еще въ древности напримѣръ: *сынъ зелену древу, брегъ синему морю*, чего теперь сказать не можемъ, покрайней мѣрѣ не говоримъ. Но множественное и тогда едва ли уже было возможно въ тѣхъ же рѣченіяхъ (*сынъ зеленымъ древомъ, брегъ синимъ моремъ*). Далѣе употребленіе должно было еще болѣе ограничиться, и наконецъ Дательный употребляется только при особомъ значеніи, при иныхъ именахъ, напримѣръ: *всему голова*, и т. п.—Но значеніе Дательнаго, только какъ оттѣнка (на мѣстѣ падежей, Родительнаго и Мѣстнаго), есть значеніе особое, и смѣшивать съ этимъ Дательнаго, какъ падежа, не должно.—Эта же постепенность показываетъ только ограниченіе употребленія Дательнаго, какъ *падежа* съ особымъ значеніемъ; при чемъ, разумѣется, виднѣе выступаетъ Дательный падежъ какъ только *оттѣнокъ* (въ Родительномъ и Мѣстномъ), и труднѣе понять въ этомъ оттѣнкѣ Дательный падежъ, ибо при ограниченіи его употребленія, теряется связь, соединяющая Дательный какъ падежъ, съ Дательнымъ какъ оттѣнокъ; теряется уразумѣніе

*) Мы разумѣемъ здѣсь употребленіе Дательнаго, какъ извѣстнаго, выше опредѣленнаго нами оттѣнка; оттѣнокъ есть только малѣйшее, чуть видное употребленіе падежа. Становясь оттѣнкомъ, Дательный исчезаетъ какъ падежъ.—Но Дательный, само собой разумѣется, имѣетъ свое самостоятельное, открытое значеніе падежа, значеніе разнообразящееся въ приложеніяхъ,—и въ такомъ случаѣ употребляется и съ именами въ множественномъ числѣ; напримѣръ: *начальникъ войскамъ*.—Объ этомъ отчасти уже было сказано.

Дательнаго падежа въ оттѣнкѣ, ибо самъ разумъ Дательнаго падежа становится тѣснѣе въ своемъ объемѣ и сжимается кругъ его употребленія. Эту постепенность ограниченія въ употребленіи видимъ мы только при Дательномъ (какъ падежѣ), на мѣстѣ Родительнаго падежа (*начальникъ войску*), и то безъ предлога. При падежѣ Мѣстномъ, и вообще съ предлогами, примѣровъ ея—мы не находимъ, ибо здѣсь Дательный сейчасъ же является въ дополнительномъ смыслѣ, только какъ оттѣнокъ: слѣдовательно, только при именахъ мужескаго рода. Въ заключеніе мы должны сказать, что вообще Дательный падежъ играетъ большую роль въ нашемъ языкѣ, но объ этомъ подробнѣе надѣемся сказать въ Синтаксисѣ.

И такъ мы считаемъ, что окончаніе на *у (ю)*, встрѣчающееся въ падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, есть падежъ Дательный, употребляемый на мѣстѣ этихъ падежей, въ извѣстныхъ случаяхъ и съ извѣстнымъ значеніемъ, получающимъ смыслъ дополненія и характеръ оттѣнка.

Имена женскаго рода на А *и* Я.

Склоненіе женскихъ именъ такъ просто, полно и правильно, что почти не представляетъ никакихъ разностей, требующихъ объясненія. Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ это не такъ: но и тамъ различіе происходитъ чисто отъ звуковыхъ причинъ, отъ участія посовой буквы ѧ, вовсе не существующей въ нашемъ языкѣ, не терпящемъ гнушенія. Мы уже сказали, почему въ именахъ мужескаго рода являются различія; оканчиваясь, согласно съ значеніемъ своимъ, на ъ — отвлеченную букву, слѣдовательно постоянно допускающую опредѣляемость, ищущую, такъ сказать, осуществленія въ окончаніи,—имена мужескаго рода, не имѣя такимъ образомъ въ своемъ независимомъ первомъ видѣ, въ Именительномъ падежѣ, положительнаго окончанія,—допускаютъ разныя опредѣленія окончанія въ другихъ (т. н. *косвенныхъ*) падежахъ. Имена женскаго рода, напротивъ оканчиваясь на самую ясную, опредѣленную и полную букву *а*, измѣняются опредѣленно и постоянно; въ окончаніяхъ склоненія нѣтъ шаткости; они тверды и неизмѣнны. Въ именахъ мужескаго рода, окончаніе ъ не измѣняется въ склоненіи, но къ нему придаются окончанія; ъ,—все же присутству-

ющій, и все же буква, хотя и отвлеченная,—даетъ себя иногда слышать (собственно чрезъ *в*), что̀ въ особенности выражается во множественномъ числѣ. Въ именахъ же женскаго рода измѣняется само окончаніе, которое къ тому есть еще самая ясная и опредѣленная буква.

Какъ происходитъ это измѣненіе? Есть ли это чистая замѣна окончательной буквы *а* буквами другихъ падежей, или же буквы окончательныя другихъ падежей также придавались нѣкогда къ окончательной Именительнаго: *а*, какъ и въ Именительномъ мужескаго рода къ окончательной: *ъ*? —Если предполагать послѣднее, то должно думать, что окончанія эти впослѣдствіи поглотили окончаніе Именительнаго и образовали одно окончаніе. Окончательная гласная буква Именительнаго падежа: *а*, не могла уже здѣсь уцѣлѣть (какъ безгласный *ъ* Именительнаго падежа) и перешла въ общее окончаніе падежа. Это мнѣніе доказывается древними формами языковъ. Въ такомъ случаѣ мысль, что Именительный падежъ былъ первоначальный и самостоятельный, отъ котораго пошли другіе падежи —подтверждается здѣсь самымъ образованіемъ склоненія. (Подробнѣе объ образованіи формъ смотри сравнительное обозрѣніе склоненій.)

И такъ первоначальное склоненіе было, можетъ быть, въ такомъ видѣ:

И. рук*а*.
Р. рук*а-и* — рук*и*.
Д. рук*а-и* — рук*ѣ*.
Т. рук*а-у* — рук*ою*.
В. рук*а* — носовый звукъ: рукѫ и рук*у*.

Въ творительномъ падежѣ окончаніе *а* не слилось съ *у*, потому именно, что это буквы трудно сливающіяся, особенно тогда, когда *у*, какъ окончательная падежная буква, должна удерживаться; слиться въ: *руку*, значитъ замѣнить совершенно отличительную Именительную: *а*, окончательной Творительнаго: *у*; это было бы уже не слитіе, а замѣненіе; такое замѣненіе, — явленіе очевидно позднѣйшее, — встрѣчаются въ Славянскихъ языкахъ. См. ниже.

Самая замѣчательная особенность именъ женскаго рода—это Винительный падежъ въ единственномъ числѣ; падежъ не существующій ни въ именахъ мужескаго, ни въ именахъ средняго ро-

да, по причинамъ между собою противуположнымъ, объясненнымъ выше. Одни имена женскаго рода, представляющія полную гармонію внутренняго и внѣшняго, представляющія нравственное содержаніе, выразившееся и удовлетворившееся выраженіемъ, представляющія равновѣсіе идеи и формы,— такое явленіе, въ которомъ субъективность утоляется, такъ сказать, не рвется за предѣлы, не стремится еще далѣе,— одни эти имена, имѣя равномѣрно субъективную и объективную сторону, могутъ стать (при субъективномъ) въ объективное отношеніе, могутъ образовать Винительный падежъ. Русской языкъ, понявъ глубоко значеніе, выражаемое родами именъ, языкъ весь проникнутый разумомъ, только за одними именами женскаго рода, согласно съ основаніемъ мысли, призналъ Винительный падежъ и образовалъ его только въ этихъ именахъ. Только имена женскаго рода, единственнаго числа, имѣютъ Винительный падежъ въ Русскомъ языкѣ. Въ единственномъ числѣ (вообще), скажемъ кстати, наиболѣе выражается значеніе и родъ предмета, не поглощаемаго множествомъ, хотя конечно не изчезаетъ это значеніе и во множественномъ. (О винительномъ числа множественнаго см. ниже).

Что касается до видоизмѣняемости склоненія имень женскаго рода, то мы можемъ сказать только одно неважное замѣчаніе: въ падежѣ Мѣстномъ и иногда Дательномъ, имена, оканчивающіяся на *я*, имѣютъ, какъ и другія, обыкновенно: *ѣ*; но иногда скрытое *і* выступаетъ наружу и поглощаетъ *ѣ*, напримѣръ: *на землѣ* — *на земли*. Это дѣло скорѣе произношенія, да и то такое употребленіе встрѣчается не часто, и при немъ всегда возможно употребленіе *ѣ*. Впрочемъ въ именахъ собственныхъ на *ія*, употребляется *и*, а не *ѣ*, напримѣръ: *Италіи, Маріи*. Въ Родительномъ падежѣ иныя слова, оканчивающіяся на *а*, имѣютъ единственно изъ благозвучія, не *ы*, а *и*; напримѣръ: Именительный, *рука*, Родительный *руки*.

Вотъ всѣ замѣчанія, какія мы можемъ сдѣлать на склоненіе именъ женскаго рода.

Не нужно прибавлять (это уже было достаточно объяснено выше), что слова оканчивающіяся на *а*, и только *по употребленію* бывающія мужескаго рода, или мужескаго и женскаго — не могутъ составлять исключенія и вполнѣ относятся къ именамъ женскаго рода, слѣдовательно и къ склоненію этихъ именъ.

Имена средняго рода

Имена средняго рода оканчиваются въ Именительномъ падежѣ на букву гласную неопредѣленную: *о*, *ё*; гласная *ё* произносится какъ *е*, какъ скоро удареніе не на концѣ, напримѣръ: *житіё* и *сожи́тіе*. Имена третьяго склоненія (средняго рода) отличаются отъ именъ перваго склоненія (мужескаго рода) тѣмъ, что оканчиваются на гласную букву, а не на *отрицательную* букву *ъ*, отрицательно соединяющую, какъ извѣстно, въ себѣ оба элемента, и гласный и согласный. Отъ именъ же втораго склоненія отличаются тѣмъ, что оканчиваются на букву гласную неопредѣленную: *о*.

Имена третьяго склоненія, оканчиваясь на букву гласную, не прибавляютъ, склоняясь, падежныхъ окончаній къ окончанію Именительнаго падежа, но измѣняютъ, слѣдовательно, это окончаніе, букву *о*, на другія окончанія въ падежахъ. Вѣроятно и здѣсь могло быть тоже, что могло быть и въ именахъ женскаго рода, то есть: окончанія падежей придавались къ окончательной буквѣ Именительнаго: *о*; но буква: *о*,—буква неопредѣленная и нетвердая, сочувствующая буквѣ *ъ* и часто мѣняющаяся съ нею мѣстами,—легко была поглощена окончаніями падежей; но, будучи все же буквою гласною, она была *поглощена* и не могла уже остаться и уцѣлѣть, какъ *ъ*, при окончаніяхъ, а поэтому и не могла дать голоса, какъ *ъ* въ Родительномъ множественномъ (см. ниже).

Имена средняго рода, не имѣя того равновѣсія жизни, духа и выраженія, какія въ именахъ женскаго рода, а напротивъ, являя преобладаніе одной стороны, именно внѣшняго,—составляютъ противоположность, а вмѣстѣ и соотвѣтствіе, къ именамъ мужескаго рода, съ которыми они и согласны въ окончаніяхъ падежей, за исключеніемъ Именительнаго, Винительнаго и Звательнаго.

Падежъ Винительный не существуетъ въ именахъ средняго рода, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ, или вѣрнѣе, есть одинъ съ Именительнымъ,—и понятно: въ природѣ, въ предметѣ неодушевленномъ, нѣтъ силы субъективной, личной; и предметъ неодушевленный — постоянно объектъ, даже и въ Именительномъ падежѣ. По этому нѣтъ и разницы между Именительнымъ и Винительнымъ падежемъ въ именахъ средняго рода. Это общій законъ для всѣхъ языковъ, ибо это законъ столь

ясный. Здѣсь уже по крайней мѣрѣ никто, надѣемся, не усомнится въ присутствіи разумнаго закона мысли, лежащаго въ основѣ измѣненій слова. Здѣсь правильнѣе было бы сказать, что Именительный падежъ сходенъ, или одинъ съ Винительнымъ, а не наоборотъ, какъ обыкновенно говорится. Какъ въ именахъ мужескаго рода нѣтъ собственнаго падежа Винительнаго, такъ въ именахъ средняго рода нѣтъ падежа Именительнаго. Падежъ Винительный въ именахъ мужескаго рода, и Именительный въ именахъ средняго рода—есть только взятое *отношеніе* (предмета и имени), а не падежъ собственно. Это лишь *употребленіе* имени, съ помощью отвлеченной мысли, на мѣстѣ такого-то падежа, котораго оно само не имѣетъ, и имѣть не можетъ. Мы видѣли уже, какъ приводится это въ исполненіе въ именахъ мужескаго рода.

Вообще можно сказать, что падежъ Винительный есть выраженіе различія именъ всѣхъ трехъ родовъ, есть мѣрило ихъ, которымъ познается каждое. Въ именахъ мужескаго рода отсутствіе Винительнаго происходитъ отъ преобладанія субъективности; въ именахъ средняго отсутствіе, или лучше тождество, Именительнаго и Винительнаго происходитъ отъ преобладанія объективности. Въ именахъ женскаго рода, равновѣсіе субъективной и объективной стороны даетъ возможность явиться Винительному падежу.

Точно также нѣтъ въ именахъ средняго рода и падежа Звательнаго. Человѣкъ можетъ обратиться къ предмету неодушевленному, какъ къ одушевленному, но это уже будетъ поэтическій произволъ человѣка, это уже оборотъ рѣчи, *тропъ*. Самъ же предметъ средняго рода, уже по опредѣленію сферы своей, по отсутствію личнаго въ немъ начала, не можетъ быть въ Звательномъ падежѣ. И точно, имена средняго рода Звательнаго падежа не имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ утраченъ падежъ Звательный въ именахъ мужескаго и женскаго родовъ, но онъ былъ въ нихъ несомнѣнно, и только вышелъ изъ употребленія. Въ именахъ же средняго рода его просто нѣтъ, и не было, и быть не можетъ. Это законъ, который равно имѣетъ значеніе для всѣхъ языковъ; по Санкритской и Зендской отъ него, по видимому, отступаютъ (см. сравнительное обозрѣніе).

Въ падежѣ Мѣстномъ въ иныхъ словахъ, по требованію благозвучія, въ *ѣ* выступаетъ *і*, и занимаетъ его мѣсто; напр. *желаніи*.

Число Двойственное.

Двойственное число не употребляется теперь въ нашемъ языкѣ; но оно нѣкогда существовало у насъ, и существуетъ доселѣ въ иныхъ словахъ, но уже въ неподвижномъ видѣ, уже кристаллизовавшееся. Мы говоримъ: *двоить, въ очію, брыль*, и проч. Въ XII-мъ, XIII-мъ и даже XIV-мъ вѣкѣ, двойственное число еще употреблялось несомнѣнно. На это мы можемъ привести ясныя доказательства. Указываемъ прежде всего на Слово о полку Игоревѣ, въ которомъ это число очень правильно и сознательно употребляется; укажемъ на лѣтописи наши; наконецъ на грамоты Новгородскія, въ которыхъ несомнѣнно является языкъ Русской, а не Церковно-Славянской, и въ которыхъ двойственное очевидно. Въ XIV-мъ, XV-мъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ, число двойственное начинаетъ изчезать, становиться неправильнымъ и кристаллизоваться въ нѣкоторыхъ словахъ. Преимущественно видѣнъ весь этотъ ходъ въ словѣ: *два*, по своему значенію уже принадлежащемъ числу двойственному. Вслѣдствіе этого-то изчезанія и окристаллизованія двойственнаго числа, образовалось то неправильное склоненіе, которое имѣетъ теперь слово: *два*, и о которомъ подробнѣе слѣдуетъ поговорить ниже. Двойственное число, искажаясь и каменѣя, произвело особенный видъ, или вѣрнѣе: слилось, или совпало, въ Именительномъ падежѣ, съ особеннымъ видомъ Именительнаго множественнаго, именъ мужескаго рода, въ извѣстномъ случаѣ. Это Множественное — есть окончаніе на *а*, при числительныхъ: *два, оба; три, четыре*. Напримѣръ: *два человѣка, три стула*, и пр. Окончаніе Двойственное въ именахъ мужескаго рода есть: *а* или *я*; при числительномъ двойственномъ (*два*), это окончаніе именъ на *а, я*, необходимо должно было употребляться (*два пуда*); и позднѣе, вслѣдствіе уже ошибочности употребленія, когда двойственное число стало забываться,—окончаніе на *а, я*, явилось при числительныхъ множественныхъ: *три* и *четыре* (*три пуда, четыре пуда*). Сперва говорилось, напримѣръ: *два рубля, три рубли; два дома, три домы*. Потомъ явилось, сначала несоблюденіе кое-гдѣ двойственнаго числа: *два города;* но зато окончаніе двойственнаго еще никакъ не ставилось тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. А потомъ стало употребляться двойственное окончаніе и въ случаяхъ множественнаго числа; напри-

мѣръ: *три города*. Употребленіе путается; случается, что почти рядомъ встрѣчаются такія выраженія: *два городы, три города*. Наконецъ употребленіе утвердилось на томъ, что при всѣхъ числительныхъ прилагательныхъ: *два, оба, три, четыре*, стала употребляться двойственная форма. Вѣроятно двойственная форма была перенесена по сосѣдству на числительныя прилагательныя: *три* и *четыре* потому, что далѣе слѣдуютъ уже числительныя имена (существительныя, какъ выражаются въ грамматикахъ): *пять, шесть*, и пр.,—чѣмъ рѣзко отдѣляются первыя четыре числительныя отъ послѣдующихъ. Народъ забылъ, или почти забылъ, двойственное число, и оно въ именахъ сдѣлалось особымъ окончаніемъ или лучше слилось съ особымъ окончаніемъ множественнаго числа, о которомъ слѣдуетъ говорить ниже.

Хотя двойственное и не употребляется теперь въ нашемъ языкѣ, но мы привели опое въ полномъ видѣ, въ какомъ оно нѣкогда у насъ было. Полнѣйшее его разсмотрѣніе надѣемся сдѣлать ниже, при сравненіи нашего языка съ другими, въ особенности же съ Церковно-Славянскимъ. Что же касается до исторической судьбы этого числа въ нашемъ языкѣ, то для этого указываемъ пока на сочиненіе наше „Ломоносовъ“, гдѣ довольно обстоятельно показано историческое употребленіе двойственнаго числа въ нашемъ языкѣ.

Число множественное, всѣхъ трехъ родовъ (I, II. III-го склоненія).

Имена мужескаго рода въ нашемъ языкѣ не имѣютъ теперь своего собственнаго, множественнаго склоненія. Нѣкоторыя употребленія падежей показываютъ, что у насъ оно было нѣкогда. Но языкъ нашъ,—не признавая большой разности между предметами мужескаго, женскаго и средняго рода, какъ скоро они находятся въ множествѣ,—принялъ для всѣхъ трехъ родовъ одно склоненіе: склоненіе именъ женскаго рода, какъ самое опредѣленное и богатое. Разницу между родами, совершенно самобытно возникающую въ нашемъ языкѣ, во множественномъ числѣ именъ видимъ мы только въ падежѣ Винительномъ, и отчасти Родительномъ.

Общее окончаніе именъ мужескаго рода въ Именительномъ множественнаго—*и*. Но кромѣ этого окончанія есть и другія, а именно:

Окончаніе на *а*, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Въ этомъ окончаніи мы должны различать, кажется намъ, двѣ основы.

1) При числительныхъ *два, оба*, это окончаніе есть двойственное. Вызываемое значеніемъ двойственнаго числительнаго, оно постоянно его сопровождало. Но когда мало по малу различіе двойственности стало сглаживаться и изчезать, тогда это, въ началѣ двойственное, окончаніе, — утративъ свое значеніе и почти слившись съ общимъ окончаніемъ множественнымъ на *а* *),—было перенесено и на другія, рядомъ стоящія числительныя прилагательныя: *три, четыре.*

2) Окончаніе на *а*, независимо отъ числительныхъ и отъ двойственнаго значенія, употребляется при именахъ мужескаго рода, какъ особенный видъ множественнаго, сверхъ *и*, свободно придаваясь къ именамъ. Окончаніе на *а* имѣетъ особенный оттѣнокъ значенія, оттѣнокъ *собирательный*, что выражается черезъ полнѣйшую, наиболѣе опредѣленную гласную букву: *а*, — Имéнную образовательную букву по преимуществу. Вмѣстѣ съ этимъ, множественное число, по́лучая значеніе чего-то, воедино собраннаго, соединеннаго или сомкнутаго цѣлаго, носитъ на себѣ оттѣнокъ новаго имени собирательнаго, а иногда прямо переходитъ въ новое имя, разумѣется уже единственнаго числа.—Это очень ощутительно, напримѣръ, въ словѣ: *господа. Господа* перешло въ новое имя женскаго рода и стало склоняться: *господа, господы, господу, господъ, господою*, даже звательный: *господо!* На такое употребленіе есть очень удовлетворительные примѣры изъ грамотъ **). Такое имя (которое есть ни что иное, какъ множественное число Имени, перешедшее въ Имя)—можетъ быть названо: *имя Множественное.*—Въ другихъ словахъ окончаніе на *а* ограничивается только оттѣнкомъ, нами уже опредѣленнымъ, напр. *до́мы, дома́*, и не переходитъ въ новое имя. Въ иныхъ именахъ это окончаніе множественнаго: *а*, такъ слилось, чрезъ употребленіе съ словомъ, по склонности Русскаго человѣка видѣть во множественномъ (собственно имени мужескаго рода, которымъ

*) Различается впрочемъ отъ него почти вездѣ удареніемъ. Можемъ прибавить здѣсь, что, сдвигаясь съ своей законной основы, забываясь въ смыслѣ своемъ, употребленіе устроивается какъ нибудь и принимаетъ часто случайную и безсмысленную аналогію,—такъ здѣсь, аналогію Родительнаго падежа, по ударенію: *два о́ма*, а не *два дома́*. Даже: *двѣ сестры́*, а не: *двѣ се́стры*.

**) Собр. Госуд. грам. и Догов. (стр. 26 и др.) и пр

по ихъ существу недостаетъ опредѣленности) какъ бы новое имя, что почти исключило другую обыкновенную форму множественнаго; и даже нужно усиліе для возстановленія во множественномъ первоначальнаго окончанія: *и*, напримѣръ: *берегá*, *бéреги*.

Окончаніе на *іе*, встрѣчающееся во множественномъ Церковно-Славянскаго языка, повидимому въ Русскомъ языкѣ не находится; но это только повидимому. Оно есть въ нашемъ языкѣ, сверхъ обыкновеннаго: *и*, но переходитъ сейчасъ въ новое имя; напримѣръ: *каменіе*, *уголіе*—въ Русскомъ произносится: *каменье*, *уголье*. Само собою разумѣется, что явившись, какъ новый предметъ и какъ новое собирательное имя, множественная форма является вновь въ единственномъ числѣ и вновь начинаетъ склоняться,—именно здѣсь, какъ имя средняго рода. Окончаніе *а* выступаетъ и тутъ, при окончаніи на *іе*, и утверждается, становясь окончаніемъ множественнаго; не теряя значенія окончанія множественнаго, оно потомъ, хотя не всегда, переходитъ въ окончаніе новаго имени. Окончаніе множественное: *іе*, употребляется у насъ только какъ имя; мы образуемъ чрезъ него, вмѣсто множественной формы, прямо Множественное, собирательное имя. Окончаніе же на *ія*, есть множественная, собирательная форма, и въ то же время переходитъ иногда въ Множественное собирательное имя. Можно, кажется, сказать, что—по употребленію—собственно множественная форма, соотвѣтствующая Славянской формѣ *іе*,—есть у насъ *ія*. А форма наша множественная: *іе*—есть уже новое Множественное *имя*.

Надо прибавить, что образованіе Множественнаго имени на *іе* такъ живо и свободно, что почти равняется образованію множественнаго числа (по примѣру множественнаго на *ія*). По этому *іе* есть несомнѣнная грамматическая форма *). Мы говоримъ:

---

*) Но иногда *іе*, такъ какъ оно все таки больше форма имени, а не падежное измѣненіе,—является образовательной формой, напр: *бабье*. — Вотъ что говоримъ мы объ этой формѣ: *іе*, въ примѣчаніяхъ на Грамматику г. Буслаева: „Считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о формѣ на *іе*. Она имѣетъ, по нашему мнѣнію, четыре разряда. Или лучше, это особыя четыре формы на *іе*, тождественныя только внѣшнимъ образомъ, буквенно.—1) Множественное собирательное на *іе*, напримѣръ: *мужіе*, *каменіе* и отсюда образовавшееся имя собирательное множественное на *іе*, или лучше *ье*: напр.: *мужіе*, *мужьё*, *каменіе*, *каменье*.—2) Форма на *ье*, какъ напримѣръ,

каменья во множественномъ, и, какъ новое имя, употребляемъ: *каменье*, и т. д.—Но въ словѣ *братъ*, во множественномъ, вмѣсто *братіе*, говоримъ мы: *братья*, и въ тоже время удерживаемъ эту форму въ видѣ новаго имени: *братья*, которое и становится именемъ женскаго рода, а поэтому такъ и склоняется. Также какъ *братья* образуется слово *князья*, и хотя мы его теперь не употребляемъ какъ имя, но у Нестора встрѣчается: *отъ всякоя княжья* *). Здѣсь *княжья*—уже имя единственнаго числа, и Родительный его падежъ образованъ по Церковно-Славянскому языку. Также употребляется слово: *дядья*, и можетъ употреблено быть: *шурья*, *зятья* и др. Не всѣ имена употребляются во множественномъ на: *іе*, но всѣ могутъ такъ употребляться, переходя разумѣется въ новыя имена: иныя такъ утвердились въ этомъ окончаніи и получили такой особенный смыслъ, что связь между первопачальнымъ именемъ и производнымъ на *іе*, вовсе не ощутительна, наприм.: *платъ* и *платье*. *Платье*—имя средняго рода, склоняется, какъ *занятье*, по III склоненію. — Употребленіе множественнаго на *іе* или *ье* придаетъ слову сейчасъ характеръ новаго имени собирательнаго, единственнаго числа; — образуетъ собирательное *Множественное имя*. Рядомъ же съ множественнымъ собирательнымъ именемъ на *іе*, тутъ же находится собирательное множественное число на *ія* или *ья*. Примѣръ: *экое уголье, экія уголья*.—Не всѣ имена употребляются въ собирательномъ множественномъ: *ія*, *ья*, и возможность всеобщаго употребленія затруднительнѣе здѣсь, нежели при образованіи новаго имени на *іе*, *ье*. Еще рѣже, иногда только (какъ было сказано выше) множественное на *ья* переходитъ въ новое собирательное имя *(братья)*. Замѣчательно, что форма множественнаго собира-

---

бабьѣ, отъ прилагательнаго: *бабій*, — прилагательнаго, черезъ средній родъ, перешедшаго въ имя средняго рода, встрѣтившееся съ собирательнымъ множественнымъ, которое въ свою очередь перешло въ имя собирательное средняго же рода *(каменье, уголье)*. Сюда же вѣроятно относится форма: *тряпье*, *березье*, *деревье*, и пр.—3) Слова, какъ: *зарядье*, *заморье*, *запорожье*, *подневесье*, гдѣ *іе* является уже образовательною формою, все же имѣющею характеръ собирательный Сюда же, думаемъ, можно отнести и слова, какъ: *живье*, *сырье*, гдѣ *ье* является, кажется, тоже образовательною формою.— Наконецъ, 4) слова, какъ: *знан-іе*, *ольян-іе*, *пристраст-іе* и пр., гдѣ *іе* является уже чисто отвлеченною, образовательною формою.„

*) П. С. Р. Л. т. 1 стр. 20.

тельнаго числа на *ія* удерживается не только въ Именительномъ, но и въ другихъ падежахъ, и имя сохраняетъ въ такомъ случаѣ во всѣхъ падежахъ свой собирательный оттѣнокъ. Надо сказать при этомъ, что преобладаетъ какая нибудь одна форма: или *и*, или *ія*. Напримѣръ: *други*; во множественномъ Именительномъ: *други* и *друзья*. Слѣдующіе за Именительнымъ множественнымъ, падежи употребляются уже чаще отъ множественнаго: *друзья*; отъ *други*, рѣже; именно, Родительный: *друзей* (*друзьевъ* не употребляется), Винительный: *друзей*, Дательный: *друзьямъ*, Творительный: *друзьями*, Мѣстный: *друзьяхъ*. Еще примѣръ: *браты—братья*, *братій*, или *братьевъ*, *братьямъ*, и т. д. Впрочемъ можно и: *братовъ*, *братамъ*, и т. д., но рѣже. Въ этомъ словѣ, кромѣ собирательнаго характера, есть особенная разница. Примѣръ: „Мы пришли къ нему десять *братовъ*": здѣсь *братъ* значитъ въ переносномъ смыслѣ *человѣкъ*. „Мы пришли къ нему десять *братьевъ*", то есть братьевъ по связи родства *).—Что касается до вставочнаго *е* въ Родительномъ падежѣ, то объ этомъ мы намѣрены сказать ниже. Замѣчательно (и это составляетъ особенность Русскаго языка отъ Церковно-Славянскаго), что форма Именительнаго падежа во множественномъ (*друзья*, *братья*, и пр.) сохраняется и при другихъ падежахъ. Тому подобное надѣемся мы не разъ встрѣтить и объяснить это ниже. при общемъ примѣчаніи на склоненія **).

Окончаніе—на *ве*, Церковно-Славянское: *Жидове*, *Татарове* и пр., также находится въ нашемъ языкѣ, и также перешло сейчасъ въ *а* и въ новое собирательное имя: *Жидова*, *Татарва*, можетъ быть: *Литва*, *Мордва*. Не нужно, кажется, прибавлять, что имена

---

*) Это должно говорить въ пользу самостоятельности Русскаго склоненія. Какъ былъ бы Творительный множественнаго по Церковно-Славянски отъ *друзіе*, наше: *друзья*? *Други* — но этотъ отъ: *други*, или точнѣе отъ: *други*. Дательный по Церковно-Славянски: *другомъ*, Мѣстный: *другыхъ*.—У насъ является особое склоненіе, котораго нѣтъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ. Тамъ нѣтъ впрочемъ и Именительнаго множественнаго на *а* въ именахъ мужескаго рода.—См. объ этомъ подробнѣе при сравненіи языковъ.

**) Впрочемъ можетъ возникнуть и такое предположеніе: не есть ли *ей* просто живая, образовательная, именная форма? Также, *ія* не есть ли множественное отъ формы *іе*? Напримѣръ *уголье* (*іе*)—*угольа* (*ія*): чѣмъ бы не была здѣсь, въ этомъ второмъ случаѣ, форма *іе*: образовательною (этимологическою) или измѣнительною (грамматическою) формою имени.

эти склоняются, какъ новыя имена, по единственному числу. Не всѣ имена имѣютъ это окончаніе: *ва*; иныя имѣютъ оное въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, напримѣръ: Церковно-Славянское *сынове*—Русское *сыновья*; *зятеве—зятевья*. Но это *ве*, со всѣми своими измѣненіями, не есть окончаніе принадлежащее Именительному падежу множественнаго числа. Это суффиксная, или лучше, полусуффиксная форма имени съ полусуффиксомъ *в*, которая въ Именительномъ единственнаго колеблется между ъ и ъ, между *овъ* и *овъ*, *евъ* и *евъ*: *сыновъ*, *сыновъ*, и пр. Впрочемъ употребительнѣйшая форма скорѣе: *овъ*, *евъ*. Отъ этой полусуффиксной формы образовалось множественное Церковно-Славянское на *е: ове*, *еве*; наше—на *а: ова*, *ева*, сокращенно: *ва*. Отсюда же объясняется и форма наша Именительнаго множественнаго на *ья (в-ья)*, возникшая здѣсь также, какъ отъ: *братъ—братья*, *уголь—угольа*, *зять—зятья*; напримѣръ: *сыновъ* или *сыновъ—сыновья*. Здѣсь полусуффиксная форма съ ъ удерживается во всѣхъ падежахъ множественнаго числа и почти во всѣхъ единственнаго (просимъ не забывать, что мы говоримъ не только о современномъ Русскомъ языкѣ). Форма на *овъ*, *евъ*, принадлежитъ къ склоненію смѣшанному. Объ этомъ см. подробнѣе о суффиксахъ. Мы можемъ рѣшительно предположить, при этой полусуффиксной формѣ, множественное на *и*, или пожалуй позднѣйшее *ы: сыновии*, *сыновы*. Множественное на *ови* собственно и соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому *ове*. Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ полусуффиксная форма съ *в* является гораздо менѣе замѣтно, только въ нѣкоторыхъ падежахъ. Это указываетъ на особенность склоненія въ Русскомъ языкѣ, которую надѣемся разсмотрѣть ниже, въ общемъ примѣчаніи на склоненіе. Такія и подобныя особенности доказываютъ богатство и разнообразіе Русскаго склоненія. — При сравнительномъ взглядѣ на другіе языки это должно стать яснѣе.

Вообще замѣчательно это стремленіе, чисто свойственное Русскому языку, стремленіе къ образности, стремленіе понять множество, какъ совокупность, и множественное число имени обратить въ новое Имя (ед. ч.), замѣняя раздѣляющее окончаніе *и* окончаніями, болѣе для цѣлаго свойственными, болѣе совокупляющими: *а (я)*, *іе*, *ія* *). Здѣсь кстати можно замѣтить, что въ нашемъ

*) Окончаніе: *и* не уничтожается; оно имѣетъ свой извѣстный смыслъ—раз-

языкѣ, какъ съ одной стороны множественное получаетъ значеніе новаго, собирательнаго имени, слѣдовательно является въ единственномъ числѣ, такъ съ другой стороны собирательное имя (вообще) имѣетъ значеніе множественное, обнаруживающееся въ глаголѣ, напримѣръ: *идутъ Русь; Новгородъ повелѣша.* Это показываетъ необыкновенную жизнь воззрѣнія народнаго въ языкѣ. Такъ какъ свобода есть отличительное свойство Русскаго языка, въ которомъ ничто не застаивается и не каменѣетъ, то и здѣсь: правила изъ этой, сейчасъ нами разсмотрѣнной, множественной формы—сдѣлать нельзя. Употребленіе здѣсь зависитъ отъ свободнаго выбора, смотря потому, какой оттѣнокъ выступаетъ въ рѣчи человѣка.

Вообще надобно прибавить, что различныя окончанія множественнаго, на которыя мы сейчасъ указывали, вовсе не случайность и не излишество; каждое имѣетъ особое значеніе или оттѣнокъ. Окончанія эти не исключаютъ общаго, *собственно множественнаго*, окончанія: *и*, но находятся при немъ, какъ особый видъ множественнаго числа. Различіе между *и* и другими окончаніями множественнаго можетъ быть опредѣлено тѣмъ, что *и* показываетъ множество предметовъ, удерживая ихъ въ раздѣльности, не сливая ихъ въ одно цѣлое, а другія окончанія множественнаго показываютъ множество предметовъ, какъ совокупность, собирая ихъ въ одно цѣлое до того, что иногда множественное, въ извѣстныхъ условіяхъ, образуетъ даже новое имя единственнаго числа, напримѣръ: *дóмы—домá; господи* (*господіе*)—*господа* (*господа* склоняется: *господы, господь, господою*); *угли—уголья,—уголье; камни — каменья,—каменье; браты—братья.* Вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно важно то, что одно и тоже слово можетъ имѣть почти всѣ окончанія множественнаго, которыя мы и называемъ сообразно ихъ значенію: множественное собственно или множественное *Раздѣлительное*, множественное *Собирательное*, и множественное *Именное* (то есть: когда слово, во множественномъ, образуетъ Множественное имя, которое можетъ склоняться въ свою очередь въ ед. числѣ: *уголье*); каждое придаетъ свой оттѣнокъ. Возможности этой, сказать мимоходомъ, мы не встрѣчаемъ, или встрѣчаемъ въ весьма слабомъ

дѣлительный, и этотъ смыслъ вполнѣ признается; но рядомъ съ окончаніемъ *и*, часто превозмогая его, стоятъ собирательныя окончанія. Не надо забывать, что все это имѣетъ мѣсто только въ именахъ мужескаго рода, и все это не обязательно, но свободно, какъ все въ Русскомъ языкѣ.

видѣ, въ языкѣ Церковно-Славянскомъ. Напримѣръ, мы (Русскіе Славяне) можемъ сказать: *Татары*, *Татара*, *Татарье*; *Татарова* или *Татаровья* (формы полусуффиксныя); *листы*, *листья*, *листье*; *листва* (форма полусуффиксная), и т. п.; а Церковно-Славянской языкъ далеко не представляетъ такой возможности. Такимъ образомъ, богатый языкъ нашъ безпрестанно оттѣняетъ понятіе множественнаго и играетъ, такъ сказать, формами, переводя ихъ изъ множественнаго числа имени—въ новое имя единственнаго числа съ значеніемъ собирательнымъ.

Обратимъ здѣсь вниманіе еще на одно употребленіе множественнаго числа, о которомъ мы думаемъ сказать еще ниже. Слова личныя на *инъ*: *боярин*ъ, *крестьянин*ъ, *Татарин*ъ и др.,—множественнаго не имѣютъ: покрайней мѣрѣ множественное отъ нихъ не употребляется или употребляется рѣдко и трудно. Вмѣсто него говорится: *бояре*, *крестьяне*, *Татаре*. и *бояра*, *крестьяна*, *Татара*, даже: *бояры*, *крестьяны*, *Татары*. Нимъ это можетъ показаться неправильностью, или пожалуй составятъ такое грамматическое положеніе: „такія-то слова, на *инъ*, имѣютъ во множественномъ неправильно такъ-то“. Но это не то.

Разберемъ это употребленіе.

Слова на *инъ*, какъ *Татарин*ъ, *боярин*ъ, *крестьянин*ъ, не употребляются во множественномъ, которое однакожъ возможно и которое было бы: *Татарины*, *бояринъ*, *крестьянины*. (Такое множественное и встрѣчается у Кирши Данилова). Между тѣмъ, наоборотъ, множественное: *Татаре*, *бояре* и пр., — очевидно то же слово, но безъ суффикса *инъ*, — не употребляется въ единственномъ, которое было бы: *Татаръ*, *боярь*, и которое также возможно (оно встрѣчается напримѣръ у Галичанъ). Да и само по себѣ, уже въ словахъ: *Татарин*ъ, *боярин*ъ, не трудно увидать первоначальное слово: *Татаръ*, *боярь*, къ которому прибавлено окончаніе *инъ*. Мы знаемъ уже, что окончаніе *инъ*, также какъ и *ина* — имѣетъ свойство придавать имени отдѣльное личное значеніе, значеніе единицы; *инъ* даже и значитъ: *одинъ* (см. выше). Имя безъ *инъ* часто означаетъ, и всегда можетъ означать, предметъ, какъ цѣлый разрядъ, неопредѣленный и по этому имѣющій, если не собирательный, то родовой характеръ. напримѣръ: *Нѣмецъ—Нѣмчинъ*, *купецъ — купчинъ* и *купчина*. — *Татаринъ*, *бояринъ* и пр. относятся къ отдѣлу этихъ личныхъ именъ. Но множественное

число: *Татаре, бояре*, которое вовсе не есть множественное отъ *Татаринъ, боярин*ъ, произведено отъ первоначальнаго слова: *Татаръ, бояръ;* какъ напримѣръ, въ словѣ: *Нѣмчинъ*, множественное употребительное все будетъ: *Нѣмци*. Слова на *инъ: Татаринъ, боярин*ъ и пр., весьма рѣдко употребляются въ своемъ *собственномъ* множественномъ, да и не очень нуждаются въ этомъ особомъ множественномъ числѣ, ибо смыслъ прибавочнаго окончанія *инъ* есть значеніе *единицы, личности;* слѣдовательно множественное, въ этомъ случаѣ, — лишнее, и не совсѣмъ согласуется съ смысломъ этой прибавки; личность и единица—все болѣе или менѣе поглощается множествомъ *). Во множественномъ личность не можетъ такъ выступать, да и нѣтъ требованія ее выдвинуть. Самое множество отчасти поглощаетъ личность, а съ другой стороны отчасти устраняетъ родовое значеніе единственнаго: *Нѣмецъ, сѣнѣнь*, и пр.; во множественномъ: *Нѣмцы, сѣни*. По этому множественное отъ именъ на *инъ: Нѣмчинъ, боярин*ъ, и пр. — становится не нужнымъ. — Съ другой стороны, слова: *Татаръ, бояръ* и пр. вышли изъ употребленія, ибо, имѣя родовое, и вслѣдствіе этого количественное значеніе, и выразивъ это количественное значеніе во множественномъ числѣ, они, въ единственномъ, стали не нужны и излишни. Множественное въ этихъ словахъ имѣетъ (почти всегда) характеръ собирательный, слѣдовательно и окончаніе собирательное; этотъ собирательный характеръ болѣе соотвѣтствуетъ въ этихъ словахъ родовому значенію слова, отъ котораго множественное образуется, и потому еще болѣе становится не нужнымъ единственное число этого слова. — И такъ множественныя имена: *Татаре, бояре* и т. п., не нуждаются въ особомъ своемъ единственномъ числѣ. — Сказанное нами относится ко всѣмъ именамъ, принимающимъ въ единственномъ единичное: *инъ*. Впрочемъ надобно опять прибавить, что правила здѣсь нельзя сдѣлать; все зависитъ отъ живаго употребленія, отъ того, какая сторона болѣе выдается. Употребленіе конечно утвердилось за иными словами; но основываясь на свободѣ, оно не составило правила, и даже теперь можетъ измѣняться. Въ Русскомъ языкѣ

*) При окончаніи на *ина*, при женской формѣ, при которой хотя единичность и не такъ ярко выступаетъ, какъ при формѣ мужеской,—множественное все не совсѣмъ удобно и употребительно: *рыбины, домины, молодчины, орлины.*

управляетъ употребленіемъ духъ слова, внутренній смыслъ.—Къ словамъ, какъ: *Татаре*, *бояре*, и пр., которыя могутъ совершенно правильно имѣть форму: *Татары*, *бояры*, относится слово: *люди*, *людіе* *); оно предполагаетъ *людъ*, которое и употребляется, но уже въ чисто собирательномъ значеніи (gens). Отъ слова *людъ* также образуется, посредствомъ окончанія на *инъ*, слово: *людинъ*, употребляющееся въ сложномъ: *простолюдинъ*, отъ котораго не употребляется множественное на *и*, но употребляется множественное собирательное имя: *простолюдье* (т. е. отъ неупотребительнаго *простолюдъ* **). Подобнымъ же образомъ составились слова: *горожанинъ*, *крестьянинъ*, и пр. и пр.; во множественномъ: *горожане*, *крестьяне*. Въ этихъ и подобныхъ словахъ, ни множественное отъ формы единственной (*инъ*): *горожанины*, *крестьянины*, ни единственное отъ формы множественной (*е*): *горожанъ*, *крестьянъ*, — уже вовсе не употребляется (хотя нельзя отрицать возможность, правда трудную, перваго употребленія). Здѣсь прямо единственному числу придается отдѣльное, личное значеніе, и множественному — собирательный оттѣнокъ. — Склоненіе, такимъ образомъ, становится здѣсь *составнымъ*. Иныя слова въ единственномъ употребляются въ двухъ видахъ, такъ: *Нѣмецъ*, *Нѣмчинъ*; *купецъ*, *купчинъ* или *купчина*, и пр. Но за то здѣсь родовое имя (безъ *инъ*), удержавъ единственное число, не усиливаетъ, обыкновенно, этого родоваго характера во множественномъ (напротивъ, ослабляетъ оный, какъ сказали мы выше), не имѣетъ въ немъ значенія собирательнаго, и оканчивается на *и*. Именно: *Нѣмцы*, *купцы*.— На оборотъ, какъ бы въ доказательство нашего мнѣнія, множественное число подобныхъ словъ,—именно тѣхъ, которыя не имѣютъ, въ употребленіи, своего единственнаго, и слѣдовательно имѣютъ во множественномъ характеръ собирательный,—это множественное число образовано иначе, то есть не на *и*, а на *е* (*я*, *а*): *крестьяне*, *бояре*. Повторяемъ, здѣсь нѣтъ правила, но здѣсь есть

---

*) *Люди*—обыкновенное множественное на *и*, отъ *людъ*. Первоначально и въ нашемъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода не было *ы*, а *и*. См. ниже.

**) Окончаніе множественное на *іе* переходитъ въ новое *имя* ед. числа, какъ это мы видѣли. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякое имя на *іе* было множественное собирательное и иначе образоваться бы не могло. Напротивъ, *іе* есть, въ тоже время, одна изъ образовательныхъ формъ,—и *іе*, окончаніе множественное, тѣмъ легче переходитъ въ новое имя единственнаго числа, что такая образовательная форма имени: *іе*, сама по себѣ существуетъ.

внутреннее основаніе, на которомъ утверждается употребленіе, измѣняясь по мѣрѣ примѣненія этого внутренняго основанія. Можно сказать: *Татары, бояры*; можно сказать: *цыганъ—цыгане*, и это не будетъ ошибочно; но обыкновенно говорится на сказанномъ основаніи: *Татаре, бояре*; *цыганы*. Въ другихъ словахъ употребленіе еще рѣшительнѣе; всегда говорится: *горожане, крестьяне*, и пр.; также всегда: *Башкиръ — Башкиры, Калмыкъ — Калмыки*, и пр.,—Хотя мы пишемъ теперь: *е*, на концѣ словъ: *бояре, Татаре* и пр., но здѣсь нетрудно узнать букву *я* (то есть *а* смягченное), которая слышится въ выговорѣ (ибо не на послѣднемъ слогѣ удареніе), какъ *е*, болѣе удобное для произношенія, а потому пишется нами черезъ *е*. Такія измѣненія случаются не рѣдко. Однако произносится иногда и *я: крестьяня*. Впрочемъ твердая форма: *а*, весьма возможна, и совершенно удобно сказать: *боя́ра, Татара*, и пр. Употребленіе здѣсь буквы *а* во множественномъ—понятно. *А*, какъ сказали мы выше, имѣетъ характеръ собирательный, который именно и выступаетъ здѣсь, при неупотребленіи родоваго единственнаго числа. Гдѣ же, напротивъ, это единственное сохранилось, и множественное по этому имѣетъ просто множественное значеніе,—тамъ употребляется буква *и*: *Нѣмецъ— Нѣмцы; купецъ:—купцы*; *и* есть буква, которая обыкновенно и означаетъ просто множество, а не собраніе. Къ именамъ на *инъ* относится и слово: *господинъ*. Множественное: *господа*, имѣетъ явственно собирательный характеръ, такъ что даже становится новымъ собирательнымъ именемъ (см. выше). *Господа* имѣетъ единственное: *Господь*, употребляющееся лишь въ одномъ священномъ значеніи, какъ наименованіе Бога, слѣдовательно оно пейдетъ ни по смыслу, ни по формѣ къ множественному: *Господа*. По этому, можетъ быть, множественное,—здѣсь (при словѣ *Господь*) невозможное, означающее другое понятіе,—и имѣетъ постоянно собирательный характеръ. Почему во множественномъ употреблено просто *а*, а не смягченное *я* — на это кажется можно отвѣчать тѣмъ, что вѣроятно единственное: *Господь*, имѣло нѣкогда окончаніе на *ъ*: *Господъ;* покрайней мѣрѣ Родительный, въ Остромі-ровомъ Евангеліи: *Господи* и *Господа*. Въ языкѣ Русскомъ всѣ падежи этого слова образованы отъ *ъ*. Въ Церковно-Славянскомъ, во множественномъ: *Господіе*. Вообще окончаніе колеблется во многихъ словахъ мужескаго рода между *ъ* и *ь*. Этимъ предположеніемъ, — подкрѣпленнымъ примѣромъ слова: *Господь, Госпо-*

да,—вполнѣ объясняется разница множественнаго Собирательнаго въ большей части подобныхъ словъ Они, какъ мы видѣли, имѣютъ два окончанія: мягкое *я* (слышное въ произношеніи, какъ *е*) и твердое *а*. Первое образовалось отъ мягкаго окончанія на ь, второе отъ твердаго на ъ. Такимъ образомъ мы предполагаемъ въ Именительномъ единственнаго, для иныхъ словъ, два окончанія ь и ъ; напр.: *боярь, бояръ;* мн: *бояря, бояра*. Это предположеніе наше относительно двойственности окончаній, мы надѣемся, подтвердится при дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Замѣчательно, что всѣ эти разныя окончанія множественнаго имѣютъ мѣсто только въ именахъ мужескаго рода. Такое явленіе впрочемъ понятно. Опредѣляемость предполагаетъ неопредѣленность, неокопченность. А эта неопредѣленность, ищущая опредѣлиться (надо помнить), находится только въ именахъ мужескаго рода, въ именахъ, оканчивающихся на букву ъ вообще, — букву неокопченную, отвлеченную, допускающую опредѣляемость. Эта неокопченность, эта, такъ сказать, неудовлетворенность именъ мужескаго рода—согласна съ свойствомъ мужескимъ, съ характеромъ мужа.

Имена женскаго рода отличаются опредѣленностью и оканчиваются (въ Именительномъ единственнаго числа) на самую опредѣленную и полную гласную: *а*. (Окончаніе: *и*, имѣетъ особое объясненіе). Эта опредѣленность или окопченность опять согласна съ свойствомъ женскимъ, съ характеромъ женщины. При этой окопченности не допускается разнообразія въ окончаніяхъ одного и того же падежа, ни зыбкости въ употребленіи; не допускается тѣхъ соображеній, тѣхъ дѣйствій мысли, которыя встрѣчаются при именахъ мужескаго рода. *И*—вотъ одно рѣшительное окончаніе именъ женскаго рода во множественномъ числѣ; (*и* все равно, что *и*).

Имена средняго рода не имѣютъ той опредѣленности и ясности, какая въ именахъ женскаго рода; но вовсе не имѣютъ также той неокопченности, того стремленія выразиться, опредѣлиться, какое находимъ въ именахъ мужескаго рода.—Въ именахъ средняго рода есть какое-то равнодушіе; во тоже время есть недостатокъ той опредѣленности, которая дается только жизнью личною, внутреннею, не подавляющею внѣшняго, а находящеюся съ нимъ въ полной гармоніи, какъ въ именахъ женскаго рода. —Съ другой стороны, здѣсь нѣтъ той неопредѣленности, которая ищетъ

опредѣлиться, слѣдовательно перестать быть неопредѣленностью, осуществиться и выразиться, нѣтъ того дѣятельнаго начала, которое постоянно въ именахъ мужескаго рода. Имена средняго рода—это *выразившаяся неопредѣленность*. Имена средняго рода оканчиваются на круглую среднюю букву: *о*, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ своею неясностью, своимъ такъ сказать равнодушіемъ—характеру міра природы. При именахъ средняго рода нѣтъ, и не можетъ быть, этого окончанія на *инъ* и *ина*, которое придаетъ отдѣльность единицы, личность, именамъ мужескаго и женскаго рода. Этой личности въ мірѣ природы нѣтъ; имена средняго рода имѣютъ постоянно общій родовой характеръ; они конечно могутъ употребляться, какъ выражающіе отдѣльный предметъ такого-то разряда или рода, при чемъ необходимо обозначить извнѣ, *указать* предметъ (напримѣръ: *это* дерево, а не другое): но въ тоже время предметъ тутъ же имѣетъ—и выражаетъ въ именп—вмѣстѣ и общій родовой смыслъ; отдѣльность въ предметѣ не выступаетъ, ибо нѣтъ личности. Отсюда, во множественномъ числѣ — одно, общее для всѣхъ именъ средняго рода, окончаніе на букву: *а*,—окончаніе, которое смыкаетъ множество въ одно цѣлое, не выражаетъ раздѣльности множества, какъ окончаніе на *и*, но имѣетъ характеръ собирательный, характеръ группы, какъ и должно быть тамъ, гдѣ имя выражаетъ постоянно родъ, гдѣ всякой предметъ есть въ то же время разрядъ. Это собирательное значеніе множественнаго именъ средняго рода, намекая какъ бы на новое цѣлое, на новое имя даже,—*въ имя новое однако не переходитъ*, ибо это была бы уже та *пріобрѣтаемая* опредѣленность, къ которой стремится и которой достигаетъ только родъ мужеской *). Такимъ образомъ это множественное на *а* вполнѣ соотвѣтствуетъ міру природы, именамъ средняго рода:

---

*) А потому здѣсь у мѣста, что здѣсь является совокупный и слѣдовательно какъ бы новый образъ, намекъ на новое имя; и для означенія этого, для приданія множественному числу средняго рода, вида совокупности и чего-то цѣлаго, для приданія этому множественному (безъ образованія его однако въ новое имя) характера именнаго — употребляется характеристическая, собственная буква Именп: *а*, дающая чувствовать, что множественное число именъ средняго рода не имѣетъ раздѣльности (личной), образуетъ группу, имѣетъ значеніе собирательное, и потому—подобіе Именп (т. е. Именит. падежа един. числа).

оно — постоянно даже и въ другихъ древнихъ Индо-европейскихъ языкахъ,—и иначе быть не можетъ *).

Мы сочли нужнымъ здѣсь сдѣлать сравненіе между именами всѣхъ трехъ родовъ во множественномъ; а также сочли нужнымъ припомнить еще разъ характеристику всѣхъ трехъ родовъ въ языкѣ. Имена этихъ трехъ родовъ можемъ мы опредѣлить такимъ образомъ: имя мужескаго рода есть имя *опредѣляемое*, имя женскаго — *опредѣленное*, имя средняго — *неопредѣленное*. Отъ этого женское имя часто представляетъ богатство въ *положительныхъ* измѣненіяхъ или лучше формахъ; мужескаго имя — измѣняемость, и по этому множество *возможныхъ* формъ и зыбкое употребленіе.

Родительный падежъ имѣетъ свои особенности. Во всѣхъ трехъ родахъ оканчивается онъ на *ъ* (*ъ*, *ѣ*); но въ именахъ мужескаго рода это окончаніе иногда предшествуется буквою: *а*, передъ которою стоитъ эвфоническое *о*, вмѣсто *ъ*, или *е*, вмѣсто *ь*, *ѣ*; то есть: *овъ*, *евъ*, *свъ*. Постараемся объяснить такую особенность. Замѣтимъ сперва вообще, что въ окончаніи имень мужескаго рода буква, въ склоненіи, не переходитъ въ другую, какъ въ именахъ другихъ родовъ, гдѣ *а*, *о*, переходятъ въ *ы*, *е*, и т. д., хотя можетъ быть и черезъ сліяніе (см. выше). Но здѣсь къ окончательной буквѣ Именительнаго: *ъ*, присоединяется окончательная буква другого падежа. Такъ: *человекъ*, *человекъ-а*, или просто: *человека*, — ибо *а*, буква отвлеченная, имѣющая въ себѣ оба элемента, и согласный и гласный, по существу своему можетъ примыкаться. Славяне, принявшіе Латинское письмо, и даже часть Сербовъ не употребляютъ *ъ*, и слѣдующія окончанія падежей ставятъ прямо къ концу слова, къ согласнымъ буквамъ. Странно, сказать мимоходомъ, такое добровольное лишеніе самихъ себя одной изъ самыхъ основныхъ и многозначащихъ буквъ, которую не даромъ замѣтили и начертили составители Славянской азбуки.—Въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, имена оканчиваются

*) Кромѣ однако Санскритскаго, гдѣ во множественномъ средняго рода находится и *ā*; но самъ Боппъ считаетъ это смягченіемъ: *a*. Къ тому же въ Ведахъ встрѣчается *ā*; въ языкѣ Зендскомъ также: *a*. Все это, вмѣстѣ съ значеніемъ нравственнымъ окончанія: *a*. даетъ право признать оное законнымъ окончаніемъ именъ средняго рода во множественномъ числѣ. — Но смыслъ этого окончанія, и вмѣстѣ собирательное его значеніе, — видѣнъ и понятенъ вполнѣ только въ языкѣ Русскомъ, при другихъ окончаніяхъ множественнаго, въ именахъ мужескаго рода.

на *ъ*, какъ въ Именительномъ единственаго, напр: *пять человѣкъ*; но это уже не Именительный падежъ ед. числа, но это уже не просто окончательный *ъ* всякого имени мужескаго рода, приставленный къ краю слова. Здѣсь, въ Родительномъ падежѣ, напротивъ, новый *ъ* придается къ *ъ*, но по сходству звука онъ не произносится и сливается въ одинъ *ъ*. Всегда однако есть возможность не пропасть прибавочному *ъ* — ибо онъ тутъ — и выговориться. Произношеніе двухъ: *ъъ* — все равно, что невозможно; по этому *ъ* или сливается съ другимъ *ъ*, или выговаривается съ помощью буквы согласной, той буквы, которая часто переходитъ въ гласную и при этомъ перехожденіи произносится едва слышно, какъ нѣчто среднее; эта буква есть *в*; въ мірѣ неорганическомъ ей соотвѣтствуетъ вѣяніе вѣтра. При посредствѣ ея мы говоримъ: *пять человѣк-о-въ*. При чемъ первый *ъ* переходитъ для произношенія въ *о*, оглашается *). Употребленіе: *ъ* и *овъ*, при именахъ мужескаго рода, хотя болѣе или менѣе утвердилось или то или другое, но не представляетъ непремѣннаго правила. При однихъ именахъ говорится: *ъ*, напр.: *пять человѣкъ*; при другихъ: *овъ*, наприм: *пять волковъ*; при иныхъ и то и другое окончаніе: *пять дубъ*, *пять дубовъ*. Здѣсь опять свобода употребленія.

Въ именахъ мужескаго рода, оканчивающихся на *ь*, происходитъ тоже самое измѣненіе, только условленное мягкостью, тайно присутствующей при *ь*, буквы: *і*. Напримѣръ: *звѣрь*. Въ Родительномъ множественнаго говорилось прежде: *звѣр-ь* (см. Остром. Еванг.): но это впрочемъ не чуждо нашей, даже современной рѣчи; здѣсь является тотъ же прибавочный *ъ*, слившійся съ *ь*; но слитіе это не такъ уже полно, какъ *ъ* и *ъ*. *Ь* смягченъ и можетъ легче дать голосъ, ибо въ немъ скрыто: *і*. По этому здѣсь легче и проще достигается таже цѣль. При Родительномъ падежѣ, наприм.: *звѣрь-ъ*; *ъ*, отличаясь отъ *ь*, и подъ вліяніемъ смягченнаго звука, можетъ произнестись, и произносится, какъ *и*; а *ь* переходитъ въ *и* или въ средній звукъ *е* (*ё*), какъ *ъ* — въ *о*. Такимъ образомъ является: *звѣрьй*, *звѣрій*, *звѣреи*. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, въ буквѣ

*) Произношеніе *ъ* въ другихъ случаяхъ при буквѣ *в*, и переходъ въ другія видоизмѣненія произношенія *ъ* — можно видѣть въ слѣдующемъ словѣ: *купивъ*. Великороссы произносятъ: *купифъ*. Малороссы говорятъ: *купивъ*. произнося *в* едва слышно. Произношеніе переходитъ черезъ новую степень, когда произносится: *купи-ъ*, гдѣ *в* даже не слышно; здѣсь слышно какъ бы *ы*. И наконецъ Сербы говорятъ, сокращая *о*: *купио*.

ъ выступаетъ *і* и говорится *звѣрій*. Быть можетъ наше: *ей*, Родительнаго множ. (*звѣрей*) образовалось изъ *ій* (*звѣрій*). — и по предпочтенію у насъ буквы *е* вмѣсто *и*. Впрочемъ, кромѣ окончаній: *ій*, *ей*, точно также законно можетъ образоваться здѣсь и другая форма на *ёвъ* или *евъ* (какъ при окончаніи на *ъ* — *овъ*); она употребляется въ иныхъ словахъ, напр.: *рублевъ*.

Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *й*, оканчиваются въ Родительномъ множественнаго также на *й*, какъ другія на *ъ* и *ь*. Это окончаніе также употребительно, какъ и на *ь*, и также встрѣчается въ Остромировомъ Евангеліи. Такимъ образомъ Родительный падежъ множественнаго, наприм. отъ *змѣй*, первоначально есть тоже *змѣ-й*. Здѣсь (въ этомъ Родительномъ: *змѣй*), точно также, къ окончательной буквѣ Именительнаго *й* прибавляется *ъ*, и точно также сливается съ нею. Здѣсь окончаніе *ъ* послѣ *й* не можетъ быть слышно отдѣльно, ибо здѣсь *і* выступаетъ согласною своею стороною, и *ъ* сливается въ одинъ слогъ *). Слѣдовательно (очевидно впрочемъ и для простаго взгляда), здѣсь въ Родительномъ множественнаго не можетъ быть образованія такого, какъ въ словахъ, оканчивающихся на *ъ*. По этому здѣсь, точно также какъ при окончаніи на *ъ*, приходитъ на помощь буква *в*. *Ъ*, слившійся съ *й*, обнаруживается при помощи буквы *в*, и получаетъ свой отдѣльный смыслъ и мѣсто; а *й* переходитъ въ благозвучное *ї* или *е*, а не въ *о*, ибо въ *й* (какъ въ *ъ*) слышна смягчающая буква *і*, выступающая (по мѣрѣ потребности) теперь своею гласною стороною. Такимъ образомъ является окончаніе: *ёвъ*, *евъ*, наприм.: *краевъ*, *змѣевъ*, или *змѣевъ*.

Буква: *в*, являющаяся въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, выступаетъ не въ одномъ этомъ падежѣ. Она является и въ единственномъ числѣ, и образуетъ почти особый рядъ падежей, параллельныхъ обыкновеннымъ. Подобное тому видимъ и въ словахъ женскаго рода на *ы*. Такое явленіе явно указываетъ на двойное склоненіе и буква *в* получаетъ значеніе суффикса, образуемаго можетъ быть буквою *ъ*, находящеюся передъ окончаніями падежей въ Именительномъ мужескаго рода, и за-

*) Если вникнемъ въ строеніе звуковъ, то увидимъ, что при *й* вообще подразумѣвается, хотя уже очень отвлеченно *ъ* (какъ бы при согласной), и что *ъ* родительнаго падежа сливается съ этимъ подразумѣваемымъ *ъ*, и слѣдовательно *й* соблюдается въ своемъ видѣ.

ключающеюся въ *ы* въ Именительномъ женскаго рода; но объ этомъ намѣрены мы поговорить ниже. Въ Родительномъ же множественнаго, нами разсмотрѣнномъ, это *в*,—какъ скоро не относится къ цѣлому склоненію съ *в*,—безспорно благозвучная вставка и больше ничего.

Понятно, я думаю, почему ничего подобнаго не встрѣчается ни въ именахъ женскаго, ни въ именахъ средняго рода, въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа. И въ женскомъ и въ среднемъ родѣ окончаніе Именительнаго падежа не *добавляется* другимъ, что могло быть только при буквѣ *ъ* и его видахъ *ь* и *й*, а *измѣняется;* поэтому тутъ совсѣмъ не существуетъ случая, подавшаго поводъ къ такимъ измѣненіямъ и особенностямъ въ именахъ мужескаго рода. Имена женскаго рода на *а* оканчиваются въ Родительномъ множественнаго—на *ъ*: на *я*—на *ь*; на *ія* или *ъя*—на *ій* или *ей* (*ей* общеупотребительно въ Великороссійскомъ языкѣ, какъ по особенному въ немъ предпочтенію буквы *е* передъ *і*, такъ и потому, что буква *і*, находясь не на самомъ окончаніи, занимая, такъ сказать, подчиненное мѣсто, естественно переходитъ въ среднюю *е* (*ё*).) Имена средняго рода на *о* оканчиваются въ Родительномъ падежѣ, множественнаго числа, на *ъ*; на *ѣ*, *е*—на *ь*; на *іе*—на *ій*. Въ Русскихъ грамотахъ вмѣсто *ій* часто употребляется, по предпочтенію: *ей*, напр.: *Княженей* *). Въ именахъ женскаго рода вышеозначенныя окончанія Родительнаго падежа множественнаго числа соблюдаются и доселѣ строго. Но въ именахъ средняго рода, въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, начинаютъ часто встрѣчаться въ рѣчи, совершенно неправильныя, иногда просто варварскія употребленія второобразныхъ окончаній именъ мужескаго рода. Правда къ этому злоупотребленію подаетъ возможность, въ именахъ средняго рода, неопредѣленность самой гласной окончательной буквы: *о*; но тѣмъ не менѣе такое употребленіе совершенно неправильно; въ Русскихъ грамотахъ, въ древней Русской письменности вообще, оно вовсе не встрѣчается.—Языкъ Русскихъ грамотъ, скажемъ мимоходомъ, изумителенъ своею правильностью и соблюденіемъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ языка. — Болѣе всего утвердилось въ именахъ средняго рода—второобразное окончаніе именъ муже-

*) Примѣровъ весьма много. На нихъ указано въ сочиненіи моемъ: „Ломоносовъ“.

скаго рода въ Родительномъ падежѣ: *ей*, въ словахъ средняго рода на *е*, вмѣсто настоящаго правильнаго: *ъ*; напримѣръ: *полей, морей*, и пр. Но еще Ломоносовъ употреблялъ: *поль*, хотя писалъ также и: *полей, морей*. Ухо наше привыкло къ этому искаженію; но оно еще сильно оскорбляется другою неправильностью, именно окончаніемъ: *ев*, въ именахъ средняго рода на *ie;* оно оскорбляется, когда говорятъ: *желаньев, имьньев*, вмѣсто: *желаній, имѣній*, и т. д.; хотя употребленіе: *перьев, платьев*, стало намъ уже привычно.—Впрочемъ можно предполагать, что множественное, напр.: *перья*, происходитъ отъ неупотребительнаго имени мужескаго рода, и потомъ переходитъ въ Собирательное имя: *перье*; подобно тому какъ *платье* происходитъ отъ *платъ*; что слѣдовательно, такимъ образомъ, можетъ быть оправданъ Родительный въ этихъ словахъ на *ев* (*братьев*). Но такое предположеніе едва ли вѣрно. Не будетъ ли наоборотъ вѣрнѣе, что единственное *перье, зелье* (ибо эти слова употребляются такъ въ единственномъ) и т. п. произошли вовсе не черезъ множественное, а черезъ образовательное окончаніе *ie*; что множественное, напр.: *перья, зелья*, происходитъ не отъ *перо* и *зелко*, отъ которыхъ множественное неупотребительно, а отъ единственнаго: *перье* и *зелье* (мало употребляющихся въ свою очередь въ единственномъ числѣ)—какъ *желанья* отъ *желанье*. Родительный же падежъ множественнаго: *перьевъ, зельевъ*, есть употребленіе неправильное, какъ *полей, морей*, къ которому мы только привыкли, а слѣдуетъ говорить: *перій, зелій*, что впрочемъ и возможно *). Но въ особенности сильно оскорбляетъ слухъ непростительно-варварское употребленіе, впрочемъ не часто встрѣчающееся, въ нѣкоторыхъ именахъ средняго рода на *о*, наприм.; *дѣловъ, мѣстовъ, оконъ*, и пр. Такого рода употреб-

*) Отчего бы ни происходило множественное *перья* (и другія т. п.), мы не можемъ допустить, чтобы оно происходило отъ *перо*. Мы признаемъ, что или оно происходитъ отъ неупотребительнаго мужескаго: *перъ*, или отъ средняго: *перье*—будетъ ли *перье* множественное именное, и слѣдовательно новое имя, отъ *перъ*, какъ *уголье, платье*—или же произошло *перье* отъ *перо* черезъ образовательную форму *ie*. Мы не знаемъ слова *перъ*. Хотя въ Областномъ Словарѣ есть слово: *перъ*, значащее лукъ, растеніе, хотя длинные листы, именно у подобныхъ растеній, именно у лука, называются *перья*,—но мы не рѣшаемся еще видѣть здѣсь неупотребительную форму отъ *перья—перъ*.

леніе есть явное нарушеніе смысла языка и оскорбленіе грамматики.

Винительный падежъ, не существующій и не могущій существовать въ именахъ мужескаго рода (что было объяснено выше), вдругъ возникаетъ въ нихъ во множественномъ числѣ. Такое явленіе не только не противорѣчитъ, но подтверждаетъ нашу мысль,—и вполнѣ понятно. Множество умѣряетъ личность, столь преобладающую въ именахъ мужескаго рода, и даетъ возможность явиться объективному отношенію въ этихъ именахъ и вмѣстѣ Винительному падежу.—Но различіе Винительнаго отъ Именительнаго падежа здѣсь однако очень тонко: оно состоитъ лишь въ огрублѣніи окончанія Именительнаго *и* въ *ы* (*грани—грады*) тамъ, гдѣ оно возможно; въ другихъ словахъ эта разница не встрѣчается (*князи. князи*); здѣсь быть можетъ приходило на помощь употребленіе самое,—что и видимъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ,—такъ что Именительное окончаніе *іе* и даже *іа* не говорилось въ Винительномъ; оно употреблялось въ Винительномъ только уже въ единственномъ числѣ, какъ особое новое имя, средняго и женскаго рода: *поле, братья*; въ Винительномъ же множественнаго говорилось: *поли, браты*. Языкъ нашъ въ послѣдствіи отбросилъ эту тонкую разницу, и Винительный падежъ именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ теперь у насъ одинъ съ Именительнымъ.

Точно на томъ же основаніи, почему Винительный возможенъ во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода,—Винительный падежъ не существуетъ во множественномъ числѣ въ именахъ женскаго рода. Имена женскаго рода представляютъ равновѣсіе субъективной и объективной, личной и предметной стороны. Множество, умѣряя, какъ множество, личность въ именахъ женскаго рода, необходимо дало перевѣсъ сторонѣ объективной, почему падежъ Винительный сталъ въ нихъ невозможенъ на томъ же основаніи, какъ невозможенъ онъ въ именахъ средняго рода.

Въ именахъ средняго рода и безъ того является преобладаніе объективной стороны, и безъ того въ нихъ не существуетъ разницы между Именительнымъ падежемъ, слѣдовательно во множественномъ Именительный еще менѣе возможенъ. Но множество, усиливая объективную сторону, обозначилось въ именахъ средняго рода тѣмъ, что имена средняго рода являются не въ раздѣльномъ

множествѣ, а *массою*, группою. Разница Винительнаго Русскаго языка съ Винительнымъ языка Церковно-Славянскаго должна быть разсмотрѣна при сравненіи этихъ языковъ.

На основаніи того же ослабленія личной стороны и усиленія стороны объективной.—Звательный падежъ во множественномъ не существуетъ.

Подробное разсмотрѣніе другихъ падежей множественнаго числа и вообще склоненія Имени, также относится къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ объ Имени.

Кромѣ указанныхъ окончаній на *ъ*, *а*, *о*, — буквы, на которыя оканчиваются имена мужескаго, женскаго и средняго родовъ, — есть еще окончаніе, о которомъ уже было сказано: это окончаніе именъ на букву *и*, въ нашемъ языкѣ являющуюся сокращенно, какъ *ъ*. *И* есть окончаніе именъ женскаго рода. Въ нашемъ вступленіи мы показали значеніе буквы: *и*. Мы видѣли что она соотвѣтствуетъ буквѣ: *ъ*, съ тою важною разницею, что буква: *ъ* заключаетъ въ себѣ оба элемента: гласный и согласный,—отрицательно, отвлеченно, а буква: *и* заключаетъ въ себѣ тѣже оба элемента — положительно, осуществленно. Понятно послѣ этого, что буква: *и*, какъ буква выразившаяся, дѣйствительная, есть окончаніе именъ женскаго рода. Это окончательное *и* выговаривается въ нашемъ Русскомъ языкѣ, какъ *ъ*. Но этаго *ъ* не надо смѣшивать съ *ъ*, на которое оканчиваются имена мужескаго рода. *Ъ* мужеское — есть смягченное *ъ*: *ъ* женское — есть ничто иное, какъ сокращенное или усѣченное, при произношеніи, *и* *). Какъ въ *ъ* можетъ всегда выступить *и*, ибо тамъ оно тайно присутствуетъ, такъ *и* можетъ, по соотвѣтствію своему, всегда сократиться и произнестись, какъ *ъ*. Но это постоянное сродство, вытекающее изъ общаго сродства *ъ* и *и*, не измѣняетъ нисколько разницы, находящейся между *ъ*—смягченнымъ *ъ* (въ именахъ мужескаго рода) и между *ъ*—только сокращеннымъ въ произношеніи *и* (въ именахъ женскаго рода). Въ доказательство этому, а также и тому, что *и*

---

*) Или лучше: *ь*—это сама буква *и*, заключающая въ себѣ положительно, и потому перемѣнно, оба элемента: и гласный и согласный, но здѣсь доходящая, съ своей стороны, до предѣловъ звука, и являющая современно, а потому отрицательно (какъ *ъ*), оба элемента: и гласный и согласный, при чемъ однако сохраняется характеристическій звукъ буквы *и*,—что́ и есть: *ь*.

есть окончаніе женскаго рода, — мы уже указали въ своемъ мѣстѣ на всѣ неопредѣленныя наклоненія глаголовъ, оканчивающіяся первоначально на *и* (что удержалось и до сихъ поръ во многихъ случаяхъ), которыя всѣ и переходятъ въ имена женскаго рода, при чемъ *и* обыкновенно въ произношеніи сокращается. Само собою разумѣется, что при тонкости различія этихъ двухъ *ь*, употребленіе можетъ иногда становиться шатким; но основаніе отъ этого нисколько не колеблется и дѣло не измѣняется.

Цѣлый отдѣльный рядъ именъ женскаго рода оканчивается на *и* (*ь*). *II* (*ь*), окончаніе особое, отличное отъ другихъ, производитъ особое, отличное отъ другихъ, склоненіе, которое и назовемъ мы *четвертымъ*. Мы уже сказали, что *и*, какъ окончательная буква именъ женскаго рода, является у насъ сокращеннымъ въ произношеніи, какъ *ь*, поэтому мы принимаемъ и пишемъ оное въ этомъ усѣченномъ видѣ.

Склоненіе IV.

Имена женскаго рода на *II*.

	Числ. Ед.	Чис. Мн.	Чис. Дв.
Именительный	— — *ь* (*и*)	— — *и*.	*и*
Родительный	— — *и*	— — — *и-й* (*ей*)	*и-ю* (*ь-ю*).
Винительный	— — *ь*(*и*)	— — Им. для одуш. Род. для неодуш.	какъ Им.
Дательный	— — *и*	— — — *и-мъ*, *ь-мъ*	*и-ма* (*ь-ма*).
Творительный	— — *и-ю*(*ь-ю*)	— *и-ми* (*ь-ми*)	*и-ма* (*ь-ма*).
Мѣстный	— — *и*	— — — *и-хъ* (*ь-хъ*)	*и-ю* (*ь-ю*).
Звательный	— — *и*	— — — какъ Им. (теп. не уп.)	*и*

Примѣръ.

	Ч. Ед.	Ч. Мн.	Ч. Дв.
П. П.	двер-*ь*	двер-*и*	— двер-*и*
— Р.	двер-*и*	двер*и-й* (двер*е-й*)	— двер*и-ю* (дверь-*ю*)
— В.	двер-*ь*	двер-*и*	— двер-*и*
— Д.	двер*и-ю* (*ью*)	двер*и-мъ*(дверь-*мъ*)	— двер*и-ма* (дверь-*ма*)
— Т.	двер*и-ю* (*ью*)	двер*и-ми* (дверь-*ми*)	— двер*и-ма* (дверь-*ма*)
— М.	двер-*и*	двер*и-хъ* (дверь-*хъ*)	— двер*и-ю* (дверь-*ю*)
— З.	двер-*ь*	двер-*и*	— двер-*и*. —

Въ современномъ Русскомъ употребленіи только два падежа множественнаго числа. Дательный и Мѣстный, не соблюдены и замѣнены падежами множественнаго числа втораго склоненія (Дат. *ямъ*. Мѣст. *ахъ*: *двер-ямъ*, *двер-ахъ*). Всѣ остальные удержались въ своемъ настоящемъ видѣ, въ какомъ можемъ видѣть ихъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ и въ древней Русской письменности. Сокращенное: *дверью*, не есть неправильность; слово сверхъ того можетъ всегда сказаться въ своемъ полномъ видѣ: *дверию*. Вліяніе произношенія: *дверей*—тоже не есть неправильность, а дѣло одного (даже мѣстнаго областнаго) благозвучія.—Творительный падежъ множественнаго, если и употребляется неправильно: *дверями*, то за то употребляется, и еще предпочтительнѣе, — въ правильномъ своемъ видѣ: *дверьми;* сокращеніе, здѣсь являющееся, видимъ уже въ Остромировомъ Евангеліи и въ памятникахъ древней Русской письменности.

Объясненія.

Склоненіе именъ женскаго рода, оканчивающихся на *и*, или въ сокращенномъ видѣ *ь*, отличается, какъ видимъ, рѣзко, отъ другихъ склоненій своимъ окончаніемъ въ падежахъ. Для объясненія этого склоненія, вспомнимъ, что *и* положительно соединяетъ въ себѣ то, что *ъ* соединяетъ отрицательно, то есть: согласный и гласный элементы; что если *ъ* не могъ самъ *измѣняться*, а могъ, какъ отрицательная буква, вездѣ глухо слышимая, *допускать при себѣ измѣняющія* окончанія падежей и смыкаться съ ними, то *и*, напротивъ, какъ звукъ положительный, допускать при себѣ измѣняющихъ окончаній и смыкаться съ ними — вовсе не можетъ: ибо оно, *и*, — звучно. Въ тоже время, разумѣется, *и*, замыкая собою слово, не можетъ, какъ и *ъ*, само измѣняться въ другую букву, которыя всѣ являютъ только одну сторону ея звука *).—На основаніи этого и является IV-е склоненіе, гдѣ *и* не измѣняется ни въ какую букву, и проходитъ неизмѣнно сквозь все склоненіе. *Измѣняющія* буквы падежныхъ окончаній, которымъ не подчиняется *и*—отброшены, и только *прибавочныя неслит-*

*) Когда *и* сокращается въ *ъ*, или переходитъ въ *е (княженій)* — это не значитъ, что оно измѣняется въ *другую* букву; это *его собственныя* видоизмѣненія въ *произношеніи*.

ныя буквы окончаній (гдѣ онѣ есть), примыкаютъ прямо къ неизмѣнной: *и*. Напримѣръ, окончаніе Винительнаго во II-мъ склоненіи въ именахъ женскаго рода на *у* и *ю* (что все равно). Въ четвертомъ склоненіи *и* отбрасываетъ эту измѣняющую (носовую или не носовую) букву, и окончаніе тутъ становится неизмѣннымъ: Им. *дверь*, Вин. *дверь*. — Также, окончаніе Творительнаго падежа именъ женскаго рода единственнаго числа (какъ видимъ во II-мъ склоненіи, допускающемъ измѣняемость окончательной буквы)—состоитъ изъ двухъ буквъ: одной измѣняющей и одной прибавочной: *о-ю* (*рук-а, рук-о-ю*). Въ томъ же Творительномъ падежѣ IV-го склоненія единственнаго числа,—*и* остается неизмѣннымъ, и первая измѣняющая буква совсѣмъ отбрасывается: но прибавочную послѣднюю букву: *ю*, становящуюся *только рядомъ* безъ притязанія на измѣненіе,—допускаетъ *и*, какъ боковую, равнодушную, и образуется: *и-ю* (*двери-ю*): при такомъ окончаніи еще ярче является неизмѣняемость *и*. Тоже самое видимъ мы и въ четырехъ падежахъ множественнаго числа IV-го склоненія: въ Родительномъ, Творительномъ и Мѣстномъ.

Въ Именительномъ и Винительномъ единственнаго числа, *и* сокращается въ *ь;* но не сокращается въ Родительномъ и прочихъ падежахъ того же числа. Хотя это сокращеніе происходитъ уже отъ употребленія въ рѣчи и не измѣняетъ дѣла; но и употребленіе это замѣчательно и нуждается въ объясненіи.—Въ Именительномъ *и* сокращается просто потому, что имѣетъ способность сокращаться. — Родительный именъ женскаго рода оканчивается (какъ мы видѣли во II-мъ склоненіи) на *и*. *И* (IV-го склоненія) хотя и отбрасываетъ это второе: *и*, какъ отдѣльное, и произносится одно; но присутствіе или возможность другаго *и*, буквы сродной, утверждаетъ, такъ сказать, за нимъ это его полногласіе (*и*) и удерживаетъ отъ сокращенія. Къ тому же, *и* съ *и* всегда можетъ слиться; *и*—себѣ равно. Мы думаемъ, такое слитіе здѣсь возможно.—Падежъ Винительный оканчивается на носовой звукъ, или на *у*. Откидывая эту букву, съ которой не имѣетъ сродства, *и*, оставаясь одно, опять сокращается. — Падежи Дательный и Мѣстный оканчиваются на *ь*, даже въ именахъ на *о;* слѣдовательно, *ь* есть существенное окончаніе, независимое отъ Именительнаго смягченнаго: *я*,—не такое, какъ напр. *ю* въ Винительномъ падежѣ, которое именно зависитъ отъ смягченнаго Именительнаго, будучи въ сущности (и въ другихъ именахъ): *я*. —

Въ этомъ окончаніи Дательнаго и Мѣстнаго *ѣ*, слышно *и*, которое даже и прямо выступаетъ въ иныхъ словахъ (*Россіи, о Россіи*), а быть можетъ было и первопачальнымъ окончаніемъ. Слѣдовательно, на томъ же основаніи, какъ въ Родительномъ падежѣ, такъ въ падежахъ Дательномъ и Мѣстномъ, *и*, хотя и отбрасываетъ окончаніе *ѣ* (или вѣрнѣе: *і*), какъ отдѣльное,—но удерживаетъ однако свое полногласіе и не сокращается. Въ падежѣ Творительномъ, отбрасывая измѣняющую букву: *о*, и допуская прибавочную: *ю*,—*и* опять имѣетъ возможность сокращаться, и точно иногда употребляется въ полномъ, иногда въ сокращенномъ видѣ: *двери́ю, двери́ю*.—Что касается до падежа Звательнаго, у насъ Русскихъ не употребительнаго, то понятно, что *и*, отбрасывая несроднос *о* (*е*), удерживаетъ однако свое полногласіе и не сокращается въ томъ падежѣ, который выражаетъ воззваніе и устремленіе голоса; воззванію прилично продолженіе голоса; буква гласная, звучная, здѣсь необходима.—Въ двойственномъ и множественномъ числѣ, въ падежахъ Именительномъ и Винительномъ, *и* не сокращается на основаніи уже означенной причины, то есть: сродства своего съ *и* же, на которое оканчиваются эти падежи.—Въ Родительномъ и Мѣстномъ двойственнаго, *и* должно было бы откинуть *у*, букву измѣняющую, но мы знаемъ и другую форму, вѣроятно древнѣйшую, по которой *у* есть буква прибавочная (напримѣръ, двойственнаго Родительный и Мѣстный: *руку́ю*, вмѣсто: *руку́*). На основаніи этого, *и*, откидывая измѣняющую *о*, допускаетъ прибавочную: *ю* (*у*), и на томъ же основаніи, какъ въ Творительномъ единственнаго,—можетъ сокращаться.—Въ падежахъ Дательномъ и Творительномъ двойственнаго и множественнаго, и Мѣстномъ множественнаго, оканчивающихся на *ма, мѣ, ми, хъ*,—*и* допускаетъ эти прибавочныя окончанія: *ма, мѣ, ми, хъ*, — и по этому вновь получаетъ возможность сокращаться *). И такъ, въ означенныхъ четырехъ падежахъ, *и* можетъ сократиться, и въ этомъ сокращенномъ видѣ мы и находимъ оное здѣсь даже въ языкѣ Церковно-Славянскомъ. Въ языкѣ Русскомъ неловкость произношенія Дательнаго и Мѣстнаго, на-

*) Когда говоримъ, что *и* сокращается, это не значитъ, что оно *должно* сокращаться, но что *можетъ* сокращаться. При совершенномъ же несокращеніи его—есть уже причины его несокращенія, этого необходимо требующія, на которыя мы указали.

примѣръ: *дверьмъ, дверьхъ*,—произвело то, что, вмѣсто этихъ окончаній, стало неправильно употребляться: *дверямъ, дверяхъ;* но въ Творительномъ падежѣ, гдѣ произношеніе не представляетъ такой трудности, говорится и теперь: *дверьми*, хотя и здѣсь, какъ злоупотребленіе, входитъ: *дверями*. Что касается до Родительнаго падежа множественнаго числа, о немъ надо сказать особо. Родительный множественнаго числа въ именахъ женскаго рода оканчивается обыкновенно на *ъ* (см. II-е склоненіе), который здѣсь является измѣняющею буквою, на примѣръ: *рук-и, рук-ъ*. *II*, не допуская измѣняющей буквы вообще, должно отбросить *ъ;* но между *и* и *ъ* есть также сродство, а мы видимъ, что подобное сродство имѣетъ вліяніе на букву *и*, удерживаетъ ея полногласіе и препятствуетъ сокращаться. — И такъ сродство между *и* и *ъ* должно ли обозначиться такъ, какъ въ другихъ падежахъ, то есть: черезъ удержаніе *и* въ его полногласіи и удаленіе сродственной буквы (или вѣроятнѣе черезъ слитіе съ нею въ одно прочное *и*)? Но въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа сродство это другаго рода. Въ другихъ падежахъ (см. выше) являлось окончательною измѣняющею буквою *и* или *ъ*, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ—та же положительная буква *и*, по этому отношеніе положительное и прямое. Здѣсь же напротивъ является отрицательная, но сродственная буква *ъ*. Отношеніе къ *и* здѣсь иное, противоположное. — Какъ же должно выразиться это сродство, какой видъ должно принять окончаніе падежа?—Сокращеніе, какое встрѣчается при другихъ падежахъ (см. выше), здѣсь невозможно; но сродство буквъ должно обозначиться, и обозначиться иначе. Какъ же?—Если бы *и*, подъ вліяніемъ *ъ*, сократилось, то это бы значило, что оно перешло въ *ь;* иначе перейти, по настоящему, само оно и не можетъ при своемъ сродствѣ съ *ъ*. Между тѣмъ, *и* положительно не *переходитъ* въ другую букву, и гдѣ же была бы разница, какая была бы соразмѣрность между измѣненіями въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа: *и* въ *ъ* или *я* въ *ь*—и измѣненіемъ *и* въ *ъ*? Для того, чтобы сократиться въ *ь*, для *и*—присутствія *ъ* не нужно: въ чемъ же бы проявилось тутъ присутствіе *ъ*? — Перейти въ *ъ*—соразмѣрности было бы еще менѣе: переходъ въ чистую противоположность звука былъ бы неудовлетворителенъ, и совсѣмъ бы исключилъ *и*.—Остаться неизмѣняемымъ и полногласнымъ, и отбросить *ъ*, значило бы удержать свое полногласіе на основаніи того ближайшаго поло-

жительнаго сродства, какое есть между *и* и *и* или *ь* (см. объ этомъ выше); между тѣмъ, какъ здѣсь сродство другаго рода. И такъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, *и*, не переходя въ *ъ*, съ одной стороны удерживается въ своемъ полногласіи, утверждается какъ *и*, вслѣдствіи сродства своего съ *ъ*,—съ другой, для выраженія отрицательнаго характера буквы *ъ*, для выраженія особаго съ нимъ сродства, допускаетъ *ъ* послѣ себя; *ъ*, какъ обыкновенно послѣ гласныхъ, въ особенности послѣ *и*, переходитъ въ *ѣ*. Такимъ образомъ Родительный падежъ является, какъ *ій (іи)*. Окончаніе это, вслѣдствіе произношенія только, не болѣе—переходитъ, въ Великорусскомъ языкѣ, въ *ей: дверій, дверей*.

Такимъ образомъ имѣемъ мы четыре склоненія. Три первыя для каждаго изъ трехъ родовъ Именъ. Четвертое, еще сверхъ того, для Именъ женскаго рода. Очевидно, что здѣсь окончанія Именъ по родамъ въ Именительномъ падежѣ образуютъ склоненія; именно: мужское: *ъ*,—склоненіе I-е; женское: *а*,—склоненіе II-е; среднее: *о*,—склоненіе III-е. Сверхъ того еще особое окончаніе женскаго рода: *и*—склоненіе IV-е.

Общее примѣчаніе на склоненія.

Четыре склоненія, указанныя нами, объемлютъ всѣ Имена. Больше склоненій нѣтъ, и признавать ихъ больше нельзя. Исключеній изъ склоненій и неправильностей—нѣтъ; вся разница является въ одномъ употребленіи, или иногда даже злоупотребленіи, что исключенія не составляетъ. Здѣсь намѣрены мы сдѣлать общія замѣчанія и преимущественно обратить вниманіе на одну важную особенность, встрѣчаемую въ падежахъ, въ Русскомъ языкѣ,—особенность, которая даетъ поводъ грамматикамъ, или къ учрежденію новыхъ склоненій, или покрайней мѣрѣ къ признанію исключеній. Но это, по нашему мнѣнію, совершенно ошибочно, и дѣло удовлетворительно объясняется иначе.

Именительный падежъ единственнаго числа—есть первый, основный падежъ, въ которомъ опредѣлительно является Имя. Различіе родовъ обозначается необходимо въ этомъ падежѣ, ибо въ немъ предметъ является независимо, свободно отъ всякихъ отношеній, и отъ состоянія множества, во всемъ настоящемъ своемъ видѣ—и слѣдовательно въ немъ (въ Именит. падежѣ единств. числа) необходимо опредѣляется родъ предмета и имени. Поэтому

Имена въ Именительномъ падежѣ единственнаго числа различаются по родамъ.—Во множественномъ и вообще въ другихъ падежахъ, гдѣ выступаютъ разныя отношенія предмета, которыя собственно и опредѣляются, — эта разница въ родахъ почти не удерживается, за исключеніемъ впрочемъ Винительнаго падежа (ед. числа), который представляетъ обращенный Именительный падежъ, и въ которомъ эта разница родовъ отражается.—Вообще можно сказать, что и тогда, когда окончанія Именительнаго падежа, какъ напр. въ другихъ языкахъ, и не представляютъ рѣшительной разницы родовъ, то другіе падежи не представятъ этой разницы больше, а скорѣе меньше.

Имена, какъ мы видѣли, имѣя необходимо образовательную форму, оканчиваются на *ъ*, *а*, *о*, смягченно на *ь*, *я*, *е*, и еще на *и*. Первыя окончанія означаютъ: *мужескій*, *женскій*, *средній* роды; четвертое окончаніе, сверхъ того, означаетъ женскій родъ. Буквы эти, придаваемыя къ самому корню, иногда составляютъ и самую образовательную форму, иногда служатъ окончаніями образовательныхъ формъ, придаваемыхъ къ корню; напр.: *бы-ъ*, *бы-сто-о*. Во всякомъ случаѣ означенныя окончанія: *ъ*, *а*, *о*, *и*,—окончанія необходимыя, какъ бы ни было слово снабжено образовательными формами, какъ бы ни было оно составлено этимологически; окончанія эти—настоящія, *падежныя*, все одни и тѣ же окончанія, безъ которыхъ слово обойтись не можетъ; въ нихъ совершается измѣненіе падежей, и они, каждое имѣя свое значеніе, остаются этому значенію вѣрны. Образовательныя формы могутъ измѣняться сами въ себѣ, вслѣдствіе этимологическихъ причинъ, но это дѣло особое; во всякомъ случаѣ, окончательною буквою Имени, при всѣхъ возможныхъ этимологическихъ измѣненіяхъ слова, остается непремѣнно одна изъ означенныхъ буквъ; она измѣняется, извѣстнымъ слѣдомъ, по падежамъ, и склоненіе идетъ своимъ чередомъ, оставаясь всегда, все тѣмъ же склоненіемъ.

Такимъ образомъ въ Русскомъ языкѣ не видимъ мы такихъ склоненій, въ которыхъ бы въ падежахъ вдругъ являлся суффиксъ, почитаемый законнымъ и правильнымъ, и свойственнымъ падежу. Нѣтъ также въ Русскомъ склоненіи такихъ наращеній въ косвенныхъ падежахъ, которые отличаютъ ихъ отъ падежа Именительнаго единственнаго числа и признаются грамматиками за часть темы; вслѣдствіе чего грамматики видятъ въ несходномъ съ ними Именительномъ: или сокращеніе темы, или недостаточность

оной, вслѣдствіе утраченной ея части. Примѣры перваго обстоятельства (то есть падежнаго суффикса): *domu-s*, *âs'va-s*; *oppidu-m*, *dâna-m*, и пр. Примѣры втораго обстоятельства (неполноты темы въ Именит.): *homo*, *homin-is*, тема: *homin*; *duhitâ*, *duhitâr*, тема: *duhitâr*, и пр. Намъ возразятъ: а *время—времени*, *теля—теляти*, *небо—небеси*, а наконецъ *долови*, *домови?* — Къ объясненію этихъ-то склоненій и идемъ мы; а также и къ разсмотрѣнію, справедливы ли вообще вышесказанныя, общепринятыя теоріи.

Первый видъ слова есть, конечно, его *тема*, или наиболѣе тематическій видъ его, то есть: *корень*, къ которому придано, прямо безъ посредства, необходимое окончаніе Имени, окончаніе *падежное* (разумѣется Именительнаго падежа), напр.: *дол-ъ*; *быч-ъ*; *к(о)р-а*, *з(о)л-а*; *стк.л-о*, *зл-о*; при чемъ въ корнѣ самомъ могутъ возникнуть посредствующія буквы, можетъ произойти распространеніе и даже развитіе (внутреннее); какъ отчасти это видно въ приведенныхъ примѣрахъ.—Къ тематическимъ же Именамъ относимъ мы и производныя, такія, которыя хотя не состоятъ изъ чистыхъ корней, которыя даже приняли въ себя посторонніе составы, но которыя окончаніе имѣютъ чистое и прямое, то есть одно *падежное*. Напр.: *супруг-ъ*, *боец-ъ*; *женщин-а*, *невѣст-ка*, *добр-о*, *ведр-о*. Это Имена тематическія, производныя. Объ этомъ впрочемъ см. подробнѣе выше.

Слово въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, опредѣляя свой смыслъ, хотя не измѣняя его, принимаетъ наращеніе, называемое суффиксомъ. Это наращеніе должно, разумѣется, отразиться и во всѣхъ падежахъ, и образовать тогда суффиксное склоненіе въ отличіе отъ тематическаго; иногда образуется тутъ особое склоненіе,— особое въ томъ смыслѣ, что здѣсь, при суффиксѣ, падежное родовое окончаніе Именительнаго падежа можетъ измѣниться на другое, и другаго уже рода. И тако это будетъ и второй видъ слова,—съ суффиксомъ, и второе (суффиксное) склоненіе. Слово можетъ испытать еще новое образованіе, можетъ, измѣняя одну падежную букву на другую, перейти еще въ новый видъ, въ новый родъ и въ новое склоненіе; но это будетъ продолженіе того же хода. Часто бываетъ такъ, что Именительный остается въ тематическомъ видѣ, а другіе падежи въ суффиксномъ, и склоненіе становится *составнымъ*.

Очень странно, что во всѣхъ грамматикахъ признается суффиксъ въ Именительномъ падежѣ, какъ особая принадлежность падежа

Именительнаго, именно суффиксъ: *S* (Латинское *u-s*; Греческое: *o-s*, Санскторикое: *a-s*). Какъ же скоро являются, въ языкахъ, слова безъ суффикса, то грамматики считаютъ, что суффиксъ утраченъ. Точно какъ будто первоначальный видъ слова долженъ быть непремѣнно съ суффиксомъ? Видя слово въ Именительномъ падежѣ, въ его тематическомъ видѣ, безъ суффикса, — мы напротивъ должны сказать, что оно удержалось въ *первобытномъ* видѣ, а что его *вторая* форма съ суффиксомъ, независимо отъ первой тематической, могла быть сама по себѣ утрачена. — Мы согласны даже, что слово въ тематическомъ видѣ могло быть и въ древности употребляемо съ суффиксомъ; но это древность относительная, и, откидывая суффиксъ, слово могло возвратить свой, все таки первобытный видъ. Но даже и хронологическія доказательства грамматиковъ разными примѣрами—не многочисленны и не сильны. Откуда же явилось такое убѣжденіе грамматиковъ? — Откуда явилось еще болѣе странное убѣжденіе, что наращеніе косвенныхъ падежей, въ родѣ: *hom-in-is*, есть часть темы, утраченная Именительнымъ падежемъ? Тогда какъ эти наращенія, по нашему мнѣнію, суффиксы (о чемъ см. ниже). — Отъ того, кажется намъ, что очень рѣдко можетъ представить языкъ склоненіе слова въ формѣ тематической, и рядомъ склоненіе того же слова съ суффиксомъ. А такое двойное склоненіе могло бы много объяснить. — Теперь обратимся къ Русскому языку и къ его склоненіямъ; что найдемъ мы въ нихъ?

Скажемъ сперва, что мы вполнѣ признаемъ суффиксы при словѣ, но признаемъ также и тематическій видъ слова. Что тематическій видъ слова древнѣе его образованія съ суффиксомъ,— противъ этого, кажется, трудно спорить (хотя грамматики и признаютъ, что древнѣйшій Именительный непремѣнно съ *s*, а гдѣ нѣтъ *s*, тамъ *s* утраченъ; но объ этомъ рѣчь впереди). Слово, явившись въ началѣ въ своемъ тематическомъ видѣ, потомъ въ послѣдствіи принимаетъ суффиксъ или наращеніе, сообщающее ему личное значеніе или другой какой оттѣнокъ, и, принимая этотъ суффиксъ, оно, *остаетъ съ нимъ*, слѣдуетъ тому же склоненію, или же, если суффиксъ измѣнилъ видъ его и изъ мужескаго напр. сдѣлалъ женскимъ,—слѣдуетъ оно, соотвѣтственно, другому какому ни будь, но все же извѣстному склоненію, образовавшемуся уже при тематической формѣ слова.—Слово, принимая суффиксъ, принимаетъ оный во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, а не какъ от-

тѣнокъ такого-то падежа; съ суффиксомъ не смѣшиваются собственно окончанія падежей, которыя остаются все тѣ же, придаваясь и къ суффиксу; *новаго* склоненія ни въ какомъ случаѣ не выходитъ; выходитъ одно изъ извѣстныхъ склоненій, только суффиксное. Но наращеніе въ Именительномъ падежѣ называется и справедливо, суффиксомъ собственно, суффиксомъ по преимуществу, ибо Именительный падежъ представляетъ настоящій видъ слова,—и собственно *своей* падежной формы, не сохраняющейся при другихъ падежахъ, *своего* падежнаго окончанія имѣть не можетъ; хотя грамматики думаютъ иначе, называя впрочемъ наращеніе Именительнаго падежа суффиксомъ.

И такъ, признавая, что слово принимаетъ суффиксъ, какъ дальнѣйшее свое опредѣленіе, мы признаемъ, что оно *все* принимаетъ суффиксъ и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ прежде образованное (при тематической формѣ) склоеніе. Сверхъ того мы признаемъ, что первоначальный видъ слова есть тематической, что въ немъ можетъ оно находиться и измѣняться въ языкѣ, что при немъ образуется склоненіе, по которому склоняется слово, пріобрѣтшее и суффиксъ, и наконецъ, что слово въ тематической формѣ можетъ являться въ языкѣ, вовсе не нуждаясь въ суффиксѣ; и нѣтъ никакой надобности предполагать, что суффиксъ утраченъ, когда слово находиться въ тематической формѣ въ Именительномъ падежѣ (какъ это предполагаетъ Боппъ и другіе).

Въ Русскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы тоже подобные суффиксы, но къ счастію языкъ нашъ даетъ намъ возможность понять ихъ въ настоящемъ смыслѣ. Такіе суффиксы получаютъ особенное значеніе въ склоненіи, нисколько его не измѣняя. Начнемъ съ очевиднѣйшаго при Имени, о которомъ мы уже говорили. Имена мумужескаго и женскаго родовъ придаютъ къ своей тематической формѣ суффиксъ: мужескаго—*инъ*, женскаго—*ина* *). Въ нихъ

*) Значеніе *инъ* весьма понятно; это прилагательное числительное: *одинъ*, въ этомъ смыслѣ *инъ* не совсѣмъ бы можно причислять къ суффиксамъ; ибо это слово имѣетъ очень ясное и самостоятельное значеніе; но *инъ* становится суффиксомъ при именахъ, теряя уже свою опредѣленность и дѣйствуя на значеніе самаго слова, какъ оттѣнокъ. Другіе суффиксы — также большею частію мѣстоименія (см. ниже), слѣдовательно слова опредѣленныя, которыя становятся суффиксами при именахъ и теряютъ свое опредѣленное значеніе, переходя въ оттѣнокъ. Тѣмъ не менѣе суффиксъ: *инъ*,—опредѣленнѣе, и какъ оттѣнокъ, другихъ суффиксовъ. Этого не настоящаго суффикса: *инъ* не должно смѣшивать съ настоящимъ уже суффиксомъ: *н*.—См. ниже.

случаяхъ тематическая ихъ форма (собств. именъ м. р.) выходитъ изъ употребленія, въ иныхъ же сохраняются обѣ. На примѣръ, *боярин*ъ; тематической видъ этого слова: *бояр*ъ, не употребляется: но *Нѣмец*ъ и *Нѣмчин*ъ употребляется въ обоихъ видахъ. Разумѣется, склоненіе одно и то же, именно: I-ое, какъ безъ суффикса, такъ и съ суффиксомъ.—Вмѣсто окончанія: *ин*ъ, придается къ именамъ мужескаго рода женское окончаніе: *ина;* слово становится тогда въ разрядъ женскихъ именъ, и слѣдуетъ ихъ склоненію, именно II-му.—Ясный смыслъ суффикса: *ин*ъ, полное его присутствіе во всѣхъ падежахъ, возможность употребленія, а инде и самое употребленіе тематической формы, въ именахъ мужескаго рода, всегда подверженныхъ бо́льшимъ измѣненіямъ; а въ именахъ женскаго рода, что́ еще виднѣе, параллельное употребленіе тематической формы и формы суффиксной: все это ни малѣйшаго не оставляетъ сомнѣнія, что здѣсь видимъ мы два примѣра склоненія, или лучше склоненіе двухъ формъ одного имени (склоненіе каждой формы отдѣльно, и производится само по себѣ).—Такимъ образомъ видимъ мы:

Ед. числ.

И. (Бояр-ъ)	Бояр-*ин*-ъ	Нѣмец-ъ	Нѣмч-*ин*-ъ.
Р. (Бояр-*а*)	Бояр*ин*-*а*	Нѣмц-*а*	Нѣмч*ин*-*а*.
В. (Бояр-*а* (Р.))	Бояр*ин*-*а* (Р.)	Нѣмц-*а*	Нѣмч*ин*-*а*.
Д. (Бояр-*у*)	Бояр*ин*-*у*	Нѣмц-*у*	Нѣмч*ин*-*у*.
Т. (Бояр-*омъ*)	Бояр*ин*-*омъ*	Нѣмц-*омъ*	Нѣмч*ин*-*омъ*.
М. (Бояр-*ѣ*)	Бояр*ин*-*ѣ*	Нѣмц-*ѣ*	Нѣмч*ин*-*ѣ*.
З. (Бояр-*е*)	Бояр*ин*-*е*	Нѣмч-*е*	Нѣмч*ин*-*е*.

Мн. числ.

И. Бояр-(*ы*)*а*	Бояр*ин*-*ы*	Нѣмц-*ы*	Нѣмч*ин*-*ы*.
Р. Бояр-(*ов*)ъ	Бояр*ин*-*овъ*	Нѣмец-ъ	Нѣмч*ин*-*овъ*.
В. Бояр-ъ	Бояр*ин*-*овъ*	Нѣмец-ъ	Нѣмч*ин*-*овъ*.
Д. Бояр-*амъ*	Бояр*ин*-*амъ*	Нѣмц-*амъ*	Нѣмч*ин*-*амъ*.
Т. Бояр-*ами*	Бояр*ин*-*ами*	Нѣмц-*ами*	Нѣмч*ин*-*ама*.
М. Бояр-*ахъ*	Бояр*ин*-*ахъ*	Нѣмц-*ахъ*	Нѣмч*ин*-*ахъ*.
З. Какъ Именительный.			

Склоненія женскаго рода, напр: *рыба—рыбина*, считаемъ излишнимъ приводить.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что здѣсь два склоненія,

или лучше: одно склоненіе, именно I-ое, двухъ видовъ имени.— Но даже и при этихъ именахъ на *инъ*, путаются грамматики и составляютъ особое склоненіе для именъ на *инъ*; по этому особому склоненію, имена на *инъ* откидываютъ во множественномъ *инъ* и принимаютъ *е*. При этомъ особомъ исключительномъ склоненіи приходится дѣлать оговорку и новыя исключенія: ибо *павлинъ* напр. не подходитъ подъ это склоненіе. Приходится сказать, что только тѣ имена на *инъ* имѣютъ здѣсь мѣсто, которыя означаютъ имена народовъ, или сословій, или жителей городовъ; но и тутъ опять надобно дѣлать новыя исключенія: *Ньмчинъ* (нельзя же выкинуть этого слова) во множественномъ не отбрасываетъ *инъ* и не имѣетъ: *е*. Исключеніямъ и оговоркамъ нѣтъ конца, что́ всегда неизбѣжно, когда съ внѣшней стороны смотрятъ на языкъ и руководствуются по его наружнымъ примѣтамъ, такъ сказать.—На языкъ, по нашему мнѣнію, надобно смотрѣть иначе, надо взглянуть въ него глубже, понять внутренній смыслъ употребленія, внутренній законъ жизни, и тогда всякое дѣйствіе языка получитъ стройность и разумъ, исключенія исчезнутъ сами собой; ихъ въ сущности и нѣтъ; они—порожденія неловкихъ грамматикъ, которыя приходятъ къ языку съ внѣшними правилами, съ наружными мѣрками и, стараясь подвести подъ нихъ все, что̀ не подходитъ (а при такомъ наружномъ способѣ постиженія,—разумѣется, не поддающихся явленій множество), относятъ все неподходящее къ исключеніямъ, изъ которыхъ являются новыя исключенія, и. т.д. —Грамматика такая вся наполнена множествомъ внѣшнихъ правилъ съ безчисленными исключеніями, и все таки не схватываетъ языка даже и наружно, а о духѣ языка, о разумѣ его, безъ котораго нѣтъ истиннаго пониманія, ужь и говорить нечего.—Такой взглядъ на грамматику вообще ложенъ, но онъ становится вдвое ложнымъ въ отношеніи къ нашему языку, когда правила иностранныхъ грамматикъ, совершенно чуждыя нашему языку, паспльственно къ нему прилагаются и искажаютъ его до крайности. Мы стараемся держаться истиннаго, какъ мы думаемъ, взгляда.—Въ настоящемъ случаѣ смотримъ съ этой же точки зрѣнія.

Слова на *инъ* вовсе ничего не откидываютъ во множественномъ. Множественное образуется отъ тематической формы имени единственнаго числа, которая почти не употребляется (напр. *бояръ*). Форма же на *инъ*, — суффиксная форма единственнаго числа, (напр. *боярин*ъ), — на оборотъ, рѣдко употребляется во множественномъ. Но мы уже знаемъ (см. выше), что множественное на

инъ имѣетъ возможность употребляться, и употребляется изрѣдка; примѣромъ служатъ наши грамоты, пѣсни и рѣчь народа.

Для объясненія значенія суффикса *инъ* и множественнаго на *а*, *я* или *е*, для объясненія употребленія: почему одна форма въ одномъ числѣ пропала, а другая въ другомъ осталась, — мы отсылаемъ къ статьямъ: *Объемъ Имени и Множественное число.* Но считаемъ нужнымъ и здѣсь вкратцѣ повторить сказанное нами.

Окончаніе *инъ* муж. р., *ина* жен. р., придаетъ имени характеръ частный, личный, безъ чего всякое имя имѣетъ или можетъ имѣть общее родовое значеніе. Въ среднемъ родѣ такого окончанія не существуетъ, ибо личнаго значенія въ именахъ средняго рода нѣтъ и быть не можетъ. Окончаніе, — суффиксъ: *инъ* или *ина*,—образуя особое новое слово, образуетъ и особое склоненіе, которое и должно бы разсматриваться какъ совершенно отдѣльное по употребленію; но именно употребленіе, при близкомъ значеніи самихъ словъ, сблизило ихъ и связало ихъ между собою, по крайней мѣрѣ иныя изъ нихъ, и такимъ образомъ, что откинуло единственное однаго и множественное другаго. Напр.: *бояринъ* (а не *бояръ*), *бояре* (а не *бояринъ*); первое имя не имѣетъ (въ употребленіи) множественнаго, второе — единственнаго. — Такое распоряженіе употребленія — понятно. Это есть, по нашему мнѣнію, сосредоточеніе значенія личнаго, частнаго на единственномъ числѣ: *бояринъ*, не имѣющемъ по этому и множественнаго: *бояринъ*, гдѣ бы все сохранялась частность, личность, не совѣмъ ладящая съ множествомъ и выдвигающаяся изъ него; при возвышеніи личнаго значенія въ словѣ единственнаго числа, исключена изъ употребленія первая форма: *бояръ*, имѣющая и родовое значеніе. Съ другой стороны, это есть сосредоточеніе значенія общаго, совокупнаго, собирательнаго и родоваго — на числѣ множественномъ: *бояре* (т. е. бояря) или *бояра*, не имѣющемъ по этому единственнаго числа: *бояръ*, гдѣ бы и въ единственномъ сохранялось общее родовое значеніе, употребленіемъ здѣсь отъ единственнаго отнятое; при возвышеніи этого общаго родоваго значенія въ словѣ множественнаго числа исключена изъ употребленія вторая форма, съ суффиксомъ: *бояринъ*, и даже множественное на *ы*: *бояры*, — формы, имѣющія и частное, личное значеніе. Форма на *а* или *я*: *бояра*, *бояря* или *бояре* (гдѣ *я* перешло въ *е* въ произношеніи), очень естественно и понятно, стала въ этомъ случаѣ исключительно формою множественнаго числа. Такое-то сосредоточеніе

противоположныхъ значеній на единственномъ и множественномъ образовало изъ этихъ двухъ склоненій одно, по употребленію. Но, по существу своему, это два особыхъ склоненія: тематическое и суффиксное, изъ которыхъ въ одномъ не употребляется множественное, а въ другомъ — единственное. Такое склоненіе, составившееся изъ двухъ, называемъ мы: *склоненіе составное*. Въ словѣ: *боярин* и т. п., это видно, ибо самое употребленіе все же понятно: *бояр*; но тоже самое находится и въ словахъ: *крестьянинъ*, *Калужанинъ* и пр. Надо сказать, что *инъ*, *ина* относятся къ родамъ мужескому и женскому вообще, по значенію ихъ, но что такое употребленіе, опредѣленное теперь нами, употребленіе нравственное, такъ сказать, относится собственно къ именамъ одушевленнымъ мужескаго рода. Въ именахъ жен. рода, вслѣдствіе постояннаго равновѣсія личнаго и общаго значенія, нѣтъ подобнаго сосредоточенія того или другаго значенія, какъ въ именахъ мужескаго рода, гдѣ такое употребленіе совершенно согласно съ мужескимъ свойствомъ именъ.—и по этому въ именахъ жен. рода обѣ эти двѣ формы имѣютъ и два склоненія; напр: *рыба*, *рыбы*, и т. д.; *рыбина*, *рыбины*, и т. д. То же случается, когда окончаніе: *ина* переноситъ имя муж. рода въ разрядъ именъ рода женскаго: *молодчина*; хотя надо прибавить, что въ такомъ случаѣ не охотно употребляется множественное, даже въ именахъ женскаго рода и по формѣ, и по значенію: *рыбина*, и пр.,—и еще менѣе въ именахъ женскихъ по формѣ и мужескихъ по значенію: *молодчина* и пр., что и понятно по личному значенію окончанія имени: *ина*. Но когда это окончаніе, въ употребленіи, теряетъ свое личное значеніе и вообще получаетъ уже новый смыслъ, когда суффиксъ теряетъ значеніе суффикса и становится образовательнымъ окончаніемъ,—тогда слово, становясь въ разрядъ обыкновенныхъ словъ, свободно употребляется и во множественномъ, напр.: *лощина* (*лоскъ*, слово, употребляющееся въ народѣ въ смыслѣ покатости), *вершина*, *корзина*, *плотина*.

Склоненіе именъ, принимающихъ суффиксъ *инъ*, кажется вполнѣ ясно, и сомнѣнія быть не можетъ. Мы должны быть благодарны за это нашему языку, сохранившему здѣсь смыслъ и даже полноту употребленія. Но что, если бы было въ Именительномъ: *боярь*, въ Родительномъ: *боярина*, и т. д?—Не избѣжать бы намъ тогда въ Грамматикѣ отдѣла особаго склоненія, имѣющаго наращеніе въ Родительномъ падежѣ. Мы бы стали предполагать, что Именительный утратилъ часть темы, и т. п., и не догадались бы,

что въ немъ-то именно и есть тема, что тутъ свидѣтельство особаго тематическаго склоненія, отъ котораго остался Именительный падежъ: *бояръ*. Здѣсь мы этого не предположимъ: здѣсь и самъ Именительный имѣетъ суффиксъ (*инъ*), и слово *бояръ* еще понятно намъ въ своемъ особомъ, тематическомъ видѣ; сверхъ того слова: *Имя* и *Имячинъ*, и другія, ясно раскрываютъ намъ смыслъ употребленія.—Но впереди ожидаютъ насъ подобныя затрудненія; хорошо, что языкъ нашъ и тутъ объясняетъ намъ дѣло своимъ разумомъ и, сбереженною до нашихъ временъ, древностью измѣненій и дѣйствій слова.

Обратимся теперь къ языку инородному, но, по нашему мнѣнію, самому близкому къ намъ изъ всѣхъ инородныхъ,—къ языку Латинскому. Онъ представляетъ намъ склоненіе, сходное съ разсмотрѣннымъ нами, склоненіе нѣкогда, смѣемъ сказать, болѣе ясное, чѣмъ теперь, и совершенно такое же, какъ у насъ, но объясняемое, разумѣется, совсѣмъ иначе. Именно склоненіе словъ, какъ на примѣръ слово: *homo*. *Homo*—Именительный падежъ; Родительный: *hominis*. — Объясняютъ, что Именительный утратилъ суффиксъ, и т. п. Мы же смѣемъ думать, что *homo* — первоначальная тематическая форма, потерявшая свое склоненіе и оставшаяся только въ Именительномъ падежѣ, но за то исключившая изъ него форму суффиксную.—*Homo* соотвѣтствуетъ нашему: *боярь*, а *hominis* нашему: *боярина* (впрочемъ здѣсь въ Латинскомъ языкѣ мы не предполагаемъ суффикса *инъ*, а сходный съ нимъ суффиксъ *и*, котораго однако не надо смѣшивать съ *инъ*; древнѣйшая форма: *homonis*).—Какъ склонялась тематическая и первообразная форма: *homo*, — мы не знаемъ, и здѣсь удерживаемся отъ предположеній. Намъ кажется, что весьма возможно древнѣйшему предполагаемому *hom* получить на концѣ *o*, утвердившее посовую букву: *m*, и появившееся вслѣдствіе особыхъ фонетическихъ причинъ, которыя изслѣдовать также здѣсь не мѣсто.—Вообразимъ, для большей ясности сравненія, наше, на примѣръ, *боярь*, на Латинскомъ языкѣ и напишемъ оное Латинскими буквами, подчинивъ разумѣется Латинскому склоненію. У насъ будетъ: *Bojar*. Теперь предположимъ, что *a* образовалось въ *o*, что весьма возможно (какъ и дѣлается у Болгаръ: *челько*, *бояро*). Склоненіе будетъ тогда такое:

И.	*Bojaro*	*homo*
Р.	*Bojarinis*	*hominis*
Д.	*Bojarini* и т. д.	*homini*

Передъ нами совершенно Латинское склоненіе. Мы не можемъ не видать близкаго сходства и потому объясняемъ Латинское склоненіе нашимъ Русскимъ. Въ Именительномъ падежѣ: *homo* видимъ тематическую первоначальную форму, и вовсе не сокращеніе, и не утрату суффикса, а въ остальныхъ падежахъ суффиксъ: *n*. Склоненіе здѣсь, по этому, *составное*. Именительный падежъ есть единственный остатокъ первоначальнаго склоненія, есть тематическій древнѣйшій видъ слова. Дальнѣйшія изслѣдованія, надѣемся, подтвердятъ эту нашу, общую мысль. Здѣсь мы ссылаемся на Латинской языкъ на-скоро, для того, чтобы объяснить самую мысль нашу, которую высказываемъ здѣсь тоже не въ полномъ ея развитіи. Доказать же нашу мысль, равно и представить ее въ полнотѣ, надѣемся ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Имена мужескаго рода имѣютъ еще особенность склоненія, о которой мы уже говорили; эта особенность—прибавочное *в*, которое кажется принадлежностью нѣкоторыхъ падежей, нѣкоторыхъ собственно въ языкѣ Церковно-Славянскомъ (именно: Дат. ед., Имен. и Род. множ.), и кажется какимъ-то *падежнымъ* суффиксомъ, чѣмъ-то страшнымъ; пожалуй иные предположатъ въ остальныхъ падежахъ сокращеніе и утрату суффикса. Но произвольность употребленія этого *в* въ падежахъ и возможность употребленія его и въ другихъ, почти во всѣхъ падежахъ, возможность, существующая собственно въ Русскомъ языкѣ, — все это наводитъ на мысль, что это опять суффиксъ, принятый тематическою формою слова и обнаруживающійся въ падежахъ, слѣдовательно образующій особый рядъ падежей, особое склоненіе, рядомъ съ тематическимъ, которое (тематическое) здѣсь наболѣе удержалось въ употребленіи. Какое же значеніе этого суффикса *в*? Въ падежѣ Родительномъ, гдѣ онъ болѣе всего присутствуетъ, объяснили мы его тѣмъ, что *ъ* (окончаніе самаго слова) передъ другимъ *ъ* (падежнаго окончанія) дастъ себя слышать съ помощію *в*, самъ обращаясь тогда въ *о*. Мы признали, что это *в* въ Родительномъ множ. есть только благозвучная вставочная буква для того, чтобъ *ъ* могъ дать голосъ: буква, которая однако и сама весьма способна перейти въ гласную, и близка къ нимъ, въ особенности къ *ъ* и *о*. Но замѣчательно именно то, что это *в* встрѣчается не только въ Родительномъ множественнаго, гдѣ безъ *в* пропадалъ бы второй *ъ*, окончаніе падежное,—но и въ другихъ падежахъ, гдѣ падежное окончаніе не пропадаетъ; *в* это въ Рус-

скомъ языкѣ проходитъ даже сквозь все склоненіе. Здѣсь уже однимъ благозвучіемъ объяснить кажется нельзя, здѣсь есть въ *в* оттѣнокъ суффиксный (*сынови, сыновы, сыновомъ*, и пр.). Въ настоящее время въ языкѣ нашемъ мы не встрѣчаемъ склоненія съ *в*, за исключеніемъ Родительнаго множественнаго на *о-въ*, *е--въ*; но эту форму мы различаемъ отъ склоненія съ *в*, считая здѣсь *в* благозвучною вставочною буквою, для того, чтобъ ощутительно было падежное *ъ* (см. выше). Формы, напр.: *Жидова, Татара*, и пр., суть формы кристаллизованныя, развѣ только намекающія на это склоненіе, также какъ слова: *Жидовинъ*, и др.—Тѣмъ не менѣе, присутствіе этого *в* во всѣхъ падежахъ склоненія въ нашемъ древнемъ языкѣ доказывается несомнѣнно грамотами, рукописями, даже современною народною рѣчью — собственно во множественномъ въ формѣ на *ія (ья)*, напр.: *зятевья, сыновья*, и т. д. *) Прежде всего это доказываетъ несомнѣнно, что это *в* не есть исключительная особенность нѣкоторыхъ падежей—Именительнаго и Родительнаго множественнаго числа,—а общая принадлежность всѣхъ падежей, слѣдовательно это также наращеніе, которое придается всему склоненію и образуетъ другой видъ его, рядомъ съ видомъ тематическимъ. Какъ же объяснять это *в*? Мы думаемъ на основаніи указанія Родительнаго множественнаго, что буква *в* возникла изъ *ъ*, окончанія падежа Именительнаго, постоянно остающагося при имени и не переходящаго въ падежныя окончательныя буквы, а съ ними соединяющагося только: что́ допускаетъ природа *ъ*; но такъ какъ *ъ* — окончаніе Им. пад. — находится при окончаніяхъ падежныхъ и только соединился съ ними, а не исчезъ, то онъ и даетъ себѣ голосъ, и образуетъ, рядомъ съ этимъ сжатымъ склоненіемъ, другое склоненіе, гдѣ онъ слышенъ съ помощію буквы *в*, облегчающей его появленіе и сродной буквамъ гласнымъ; при этомъ *ъ* переходитъ въ *о*, а смягченный *ъ*, или *ь*, переходитъ въ смягченное *о* или *е*.—Изъ этого видно, что эта прибавочная буква *в* есть суффиксъ, ибо проходитъ сквозь все склоненіе, какъ наращеніе самаго слова; съ другой стороны видимъ, что эта буква есть ничто иное, какъ вспоможеніе для оглашающагося *ъ*, такимъ образомъ, что весь этотъ суффиксъ есть только проявленіе *ъ*, окончанія Имени мужескаго, слѣдовательно есть явленіе звуковое, уменьшающее значеніе это-

*) См. мое сочиненіе: „Ломоносовъ.“

го паращенія какъ суффикса: по этому это паращеніе съ *в* называемъ мы полусуффиксомъ, и форму съ *в* — полусуффиксною Намъ могутъ здѣсь сдѣлать два вопроса:: 1) отъ чего склоненіе безъ суффикса *в* считаемъ мы тематическимъ и первымъ, а съ суффиксомъ *в*—вторымъ и производнымъ; почему первое не считаемъ мы скорѣе *сокращеннымъ*, а второе *полнымъ*?—На это отвѣчаемъ. Мы не утверждаемъ, которое образовалось прежде; но такъ какъ здѣсь является возможность того и другаго, такъ какъ здѣсь разница уже собственно фонетическая, дѣло произношенія, то можемъ думать, что обѣ формы существовали рядомъ и зависелн отъ произносящаго. Потомъ, мы думаемъ, что форма безъ *в*, какъ болѣе простая, была первоначальная, тематическая, ибо тематической видъ слова во всѣхъ падежахъ долженъ былъ выразиться наиболѣе — въ первыя минуты слова: какъ потому, что тема есть главное дѣло въ словѣ и его измѣненіяхъ, такъ и потому, что первоначально слово являлось сомкнутымъ, и потомъ уже развились изъ него измѣненіе и разнообразіе.—Сверхъ того, мысль нашу доказываетъ и то, что сокращеніе изъ *ва*, *вы*, не могло бы образовать простую первоначальную форму; разъ явившись, суффиксъ долженъ былъ оставить свой слѣдъ (что, надѣемся, будетъ яснѣе ниже); напротивъ изъ первоначальной формы могъ образоваться этотъ суффиксъ такимъ образомъ, какъ мы объяснили. — 2) Насъ могутъ спросить: признаемъ ли мы присутствіе этого суффикса въ Именительномъ падежѣ ед. ч.?— Нѣтъ, мы присутствія его здѣсь не находимъ и не можемъ предполагать, ибо причина образованія его, какая присутствуетъ при всѣхъ падежахъ,—при Именительномъ ед. ч. не находится. Но въ то же время мы вмѣстѣ признаемъ возможность, что эта форма съ *в* могла перейти изъ самаго склоненія въ Именительный падежъ; мы находимъ эту форму въ Именительномъ падежѣ въ единородныхъ съ нами Славянскихъ языкахъ (о чемъ см. ниже). Мы предполагаемъ такую форму Именительнаго и въ нашемъ языкѣ, при чемъ она измѣняетъ нѣсколько свой видъ, что̀ намъ кажется весьма естественнымъ, ибо это какъ бы оправдываетъ явленіе ея въ Именительномъ падежѣ, какъ новой, нѣсколько иной формы. Измѣненіе это состоитъ въ томъ, что *ъ* переходитъ въ *ъ*, и форма съ *в* является какъ *о-въ* или *е-въ*. Эта измѣненная форма въ свою очередь образуетъ, согласное съ этимъ измѣненіемъ, склоненіе. Полусуффиксная форма на *о-въ* и *е-въ* принадлежитъ къ

склоненію мужескаго рода смѣшанному. — Теперь обратимся къ самому языку, который, надѣемся, докажетъ наше мнѣніе. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ есть Дательный падежъ единственнаго числа съ суффиксомъ *в*, но этотъ падежъ, — рядомъ съ падежемъ безъ этого суффикса, съ падежемъ правильнымъ на *у*: *Господу, сыну*,—имѣетъ форму на *ови, еви*: *сынови, Господеви* Что такой падежъ по крайней мѣрѣ былъ у насъ, это доказываютъ слова: *домови, долови*—рядомъ съ *дому*,—*долу*—превратившіяся въ слова: *домой, долой*. Здѣсь между прочимъ показывается, какое сокращеніе должно было образоваться изъ формы съ суффиксомъ *ъ* (см. выше). — Какъ объяснить такой падежъ? Дательная форма языка Русскаго всегда и постоянно въ первомъ склоненіи: *у*.—Что это форма: *ов-и, ев-и*, не есть существенный, необходимый падежъ Дательный, это видимъ даже и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, ибо рядомъ, даже и въ немъ, находится форма на *у, ю*. И такъ падежъ этотъ имѣетъ особый смыслъ, особое происхожденіе: откуда же явился этотъ падежъ?—Намъ кажется, что самое окончаніе это на *ови* или *еви* разрѣшаетъ намъ вопросъ, подтверждая высказанное нами мнѣніе; оно прямо предполагаетъ другую, особою форму слова и другой, особый Именительный падежъ, именно форму на *овь* и *евь*. Эта форма могла образоваться, какъ новое имя, изъ суффикснаго окончанія *в*, подобно тому, какъ образовалась форма: *Кіевови, Татарви*, которая и слѣдуетъ соотвѣтствующему ей склоненію. — Форма эта на *овь* и *евь* удержалась только,—какъ вообще дополнительная форма слова, — въ одномъ падежѣ Дательномъ ед. числа. Мы знаемъ, что имена, оканчивающіяся на *ъ*, иногда, по неопредѣленности этаго *ъ*, преимущественно же побуждаемыя сверхъ того требованіями благозвучія, въ иныхъ падежахъ своихъ колеблются между склоненіемъ именъ мужескаго и женскаго рода, напр: *путь*; а иногда даже и между родами, на примѣръ слово: *степень*. Точно то же видимъ и здѣсь. Не думаемъ, чтобъ было здѣсь колебаніе между родами,—иныя слова, по крайней мѣрѣ, этого рѣшительно не допускаютъ,—но колебаніе между склоненіями, какъ въ словѣ *путь*, очень возможно; особенно же здѣсь,—предполагая Именительное: *доловь, домовь*, — произношеніе требуетъ: *домови, долови*, ибо *домовю, доловю* произнести трудно. Конечно при этомъ суффиксѣ *в*, кромѣ буквенной причины, есть оттѣнокъ значенія, — ужь и потому, что есть двѣ формы падежа, — но оттѣнокъ этотъ уловить трудно. Сколько можно судить, онъ при-

давалъ какую-то физіономію нарѣчія, если можно такъ сказать, какое-то личное отношеніе говорящаго къ предмету и что-то близкое, короткое въ самомъ предметѣ, что̀ иногда выражается частицами (*то*, на примѣръ), или перестановкою ударенія, напр: *добрые вы мои*, здѣсь есть разница отъ: *добрые*. Вотъ почему, можетъ быть, и *домови*, *долови* перешло въ нарѣчіе. Оттѣнокъ этотъ утраченъ, какъ и самый полусуффиксъ большею частію утраченъ; но онъ сохраняется однако въ полусуффиксномъ множественномъ: *сыновья*, *зятевья*, и пр. Кромѣ того въ Именительномъ того же числа суффиксъ *в* кристаллизовался въ форму имени на *ва*; но, не смотря на это, въ этой формѣ мы видимъ жизнь употребленія, ибо можемъ придавать эту форму на *ва* произвольно, къ тѣмъ словамъ, при которыхъ она не находится: на примѣръ, мы *можемъ* сказать: эта *Шведова*, *Ляхова*.—Въ Русскомъ языкѣ, какъ было сказано, полусуффиксъ этотъ проходитъ чрезъ все склоненіе.—Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ онъ встрѣчается не часто и только въ трехъ падежахъ: Дательномъ единственнаго, Именительномъ и Родительномъ множественнаго числа, также въ Родительномъ и Мѣстномъ Двойственнаго. — Изъ этого мы можемъ заключить, что Русской языкъ, въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ, древнѣе Церковно-Славянскаго.

Замѣчательно, что въ Санскритскомъ языкѣ, и еще болѣе въ Зендскомъ, суффиксъ *в*, хотя не оцѣненный Боппомъ, является въ иныхъ словахъ, именно въ словѣ Санскритскомъ: *sûnus* (сынъ), въ словѣ Зендскомъ: *pas'u* (ручное животное). Въ Санскритскомъ, въ падежѣ Дательномъ единственнаго: *sûna-v-e*, *сыно-в-и;* въ двойственномъ, въ Родительномъ и Мѣстномъ: *sûn-v-ôs*, *сыно-в-у*, въ Именительномъ множ.: *sûna-v-as*, *сыно-в-е*. — Замѣчательно, что въ Творительномъ падежѣ единственнаго—Санскритская форма: *sûnu-n-â*, но Ведическая имѣетъ *в*, *prabahâ-vâ*, отъ *prabâhu;* слѣдовательно ближе къ языку Русскому. Въ Зендскомъ суффиксъ *в* слышенъ въ ед. числѣ,—въ Дательномъ: *pas-v-ê;* въ Творительномъ: *pas v-a*, даже въ Родительномъ: *pas-v-ô*. Въ двойственномъ, въ Род. и Мѣстн.: *pas-v-o*. Во множественномъ,—въ Именительномъ и Винительномъ: *pas-v-ô*. Въ Родительномъ: *pas-v-anm*. — Замѣчательно, что въ Готскомъ здѣсь то же: *sunî-v-ê*. — Мѣстный въ Зендскомъ: *pasus-v-a*.

Разница между этими языками и Русскимъ состоитъ въ томъ, что тамъ этотъ суффиксъ обратился въ непремѣнную принадлеж-

пость падежей, тогда какъ у насъ онъ былъ особый видъ падежа, рядомъ съ другимъ его видомъ, знакъ особаго суффикснаго склоненія. — Мы смѣемъ думать, что суффиксъ *в* кристаллизовался, какъ видно, при иныхъ словахъ, въ языкахъ Санскритскомъ и Зендскомъ, что слѣдовательно это состояніе суффикса есть позднѣйшее, сравнительно съ тѣмъ, какое мы находимъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, въ языкѣ Русскомъ назадъ тому нѣсколько столѣтій, и даже теперь; хотя конечно теперь является оно въ бѣдномъ видѣ.

Отъ имени мужескаго рода переходимъ къ именамъ рода женскаго. — Имена женскаго рода имѣютъ также въ иныхъ словахъ тематическую форму имени и склоненія, и форму съ наращеніемъ или суффиксомъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы уже видѣли, что это наращеніе не въ томъ видѣ, какъ оно встрѣчается въ другихъ сопленменныхъ*) языкахъ; разница очевидна. 1) Въ другихъ языкахъ обыкновенно уже не встрѣчается двойной формы какого ни будь падежа, не только склоненія**); а большею частію — непремѣнно одна, преимущественно съ наращеніемъ. 2) Въ нашемъ языкѣ, совсѣмъ напротивъ, рядомъ со склоненіемъ тематическимъ, идетъ склоненіе того же слова съ наращеніемъ или суффиксомъ; эта двойственность удерживается въ употребленіи даже въ Именительномъ падежѣ (напр.: *имя, имень*), а это уже прямо указаніе на два окончанія и вмѣстѣ на два вида,— тематическій и суффиксный, — одного и того же слова; а отсюда уже вытекаютъ соотвѣтственно два особыя склоненія.

И такъ суффиксъ получаетъ въ нашемъ языкѣ, и въ нашемъ пониманіи, особый смыслъ — свой настоящій: онъ не есть принадлежность такого или такого падежа, чѣмъ, кристаллизовавшись, сдѣлался онъ въ другихъ языкахъ; онъ не есть, какъ думаютъ о большей части суффиксовъ, часть самой темы, а онъ есть то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, — прибавленіе къ самой темѣ слова, при чемъ все слово уже принимаетъ новый видъ и въ этомъ новомъ видѣ склоняется: суффиксъ самаго слова сопровождаетъ его по всѣмъ падежамъ. Мы уже видѣли, что иногда одно склоненіе,

---

*) Языки Индо-европейскіе называемъ мы *сопленменными*; языки Славянскаго племени, по отношенію между собою, *сродными*.

**) Далѣе мы надѣемся найти подобное и въ другихъ сопленменныхъ языкахъ.

въ извѣстномъ числѣ, замѣняетъ другое, выходящее изъ употребленія; но образованіе *составнаго* склоненія и явленіе падежей съ суффиксомъ очевидно вытекаютъ изъ объясненной нами причины, изъ существованія двухъ формъ: тематической и суффиксной. Въ другихъ языкахъ — то же самое, но кристаллизація затемнила тамъ смыслъ темы и суффикса. Ниже надѣемся разсмотрѣть это подробно и обстоятельно.

Имена женскаго рода представляютъ намъ такое же явленіе, какъ и имена мужескаго, съ тою разницею, что здѣсь, въ склоненіи составномъ, видимъ мы не замѣну одной формы цѣлаго единственнаго или множественнаго числа другою формою такого же числа, но такую же замѣну между падежами *).

Къ такимъ словамъ, сохранившимъ въ иныхъ падежахъ тематическую форму, въ иныхъ употребляющихъ форму суффиксную, относятся слова: *мать*, *дочь*, — полная (не употр.) форма: *мати*, *дочи*, по Церковно-Славянски: *мати*, *дъщи*. *Мать*, *дочь*—это форма тематическая: *матерь*, *дочерь* — форма суффиксная. Въ иныхъ падежахъ не употребляется форма тематическая, въ другихъ напротивъ форма суффиксная; одна другую замѣняетъ. Склоненіе можетъ быть написано такъ:

	Тем. ф.	*Суф. ф.*	*Тем. ф.*	*Суф. ф.*
И.	Мать(*и*)	(Матерь(*и*)).	Дочь(*и*)	(Дочерь(*и*)).
Р.	(Мати)	Матери.	(Дочи)	Дочери.
В.	Мать(*и*)	(Матерь(*и*)).	Дочь(*и*)	(Дочерь(*и*)).
Д.	(Мати)	Матери.	(Дочи)	Дочери.
Т.	(Матію)	Материю.	(Дочію)	Дочерію.
З.	Мати(*ь*)	(Матери(*ь*))	Дочи(*ь*)	(Дочери(*ь*)).

Скобками означили мы здѣсь не употребляющіеся, но предполагаемые падежи. Во множественномъ тематическая форма вовсе не употребляется, а только форма суффиксная: *Матери*, *дочери*.

И такъ здѣсь опять видимъ: и два слова, и, по этому, два склоненія, изъ которыхъ, чрезъ употребленіе, образуется одно,— составное. Что касается до буквенной, наружной возможности склоненія, то слово: *мать* соотвѣтствуетъ и можетъ склоняться какъ

*) Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь еще разъ о суффиксной формѣ именъ женскаго рода на *ина*: она такъ ощутительна, и находится въ полномъ употребленіи. — Здѣсь видимъ оба склоненія, какъ тематическое, такъ и суффиксное.

знать; дочь, какъ *ночь*; а *матерь* и *дочерь*, какъ *дверь*. Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ находимъ такое же соотвѣтствіе въ падежахъ между тематическою формою и суффиксною, кромѣ Винительнаго единственнаго числа, гдѣ употребляется въ Церковно-Славянскомъ форма суффиксная.—Въ языкѣ Санскритскомъ и Зендскомъ тематическая форма удержалась только въ Именительномъ единственнаго числа; въ остальныхъ падежахъ вездѣ суффиксъ, даже въ Звательномъ, гдѣ выступаетъ въ иныхъ словахъ тематическая форма.—Въ языкахъ же Греческомъ, Латинскомъ и Германскихъ, суффиксъ *р (r)* находится во всѣхъ падежахъ; слѣдовательно первобытная тематическая форма исчезла тамъ совершенно.—Боппъ, который объясняетъ Именительный падажъ: *mâtấ*, *duhitấ*, также: *dâtấ (dator)* и др., тѣмъ, что Именительный падежъ *отбрасываетъ r (p)*, не можетъ однакоже не признать склоненія Греческаго, гдѣ Именительный удерживаетъ *r (p)*,—склоненіемъ древнѣйшимъ, и потому приходитъ къ такому мнѣнію, что Именительный падежъ въ позднѣйшее время *опять* принялъ древній *r (p.)*. Такое объясненіе кажется намъ довольно произвольнымъ и насильственнымъ *).—Со словами: *мать* и *дочь*, Боппъ сближаетъ слова *pitấ*, *b̆ratâ*, *pater frater* и др.; также: *dâtấ*, *dator*, и др.—Замѣчательно, что *pater*, *отецъ*, сохранилось у насъ только въ уменьшительномъ: *Бат-юшка*, соотвѣтствующемъ уменьшительному: *мат-ушка*. Тема слова очевидно: *бат*, которое является, какъ *pitâ* въ Санскритскомъ языкѣ, какъ πατηρ, *pater*, въ Греческомъ и Латинскомъ. Слово же: *братъ*, имѣющее въ другихъ языкахъ суффиксъ *р*, осталось въ нашемъ языкѣ въ тематической формѣ, и такъ склоняется.—Что же касается до соотвѣтствія съ *dâtấ* и *dator*, то суффиксъ,—здѣсь уже ясная образовательная форма: *аръ*, *арь*,—выражаетъ у насъ личное дѣятельное отношеніе къ вещи: *виноградъ—виноград-арь; рыба—рыб-арь, бочка—боч-арь; песъ—псарь*. — Здѣсь это уже не суффиксъ, а образовательная форма, *перемѣняющая* значеніе слова, а потому здѣсь эта форма необходима и не откидывается; въ началѣ иногда такая форма бываетъ суффиксомъ, или возникаетъ изъ суффикса, но здѣсь этого предположить нельзя.—Суффиксъ же: *е-р-ь*

*) Впрочемъ, самъ Боппъ въ новомъ изданіи своей грамматики (стр. 298) отказался отъ этого своего мнѣнія, высказаннаго имъ въ первомъ изданіи (стр. 170). Теперь онъ думаетъ, то это остатокъ *праязыка* или, лучше, *преязыка* (Ur-sprache).

(собственно: *р*), въ словахъ *мать* и *дочь*, придаетъ, какъ и всегда суффиксъ,—только *оттѣнокъ* значенію.

Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ и Латинскомъ, Именительный и Звательный единственнаго числа сохраняютъ тематическую форму въ приведенныхъ словахъ: *мать*, *дочь*. — Но Винительный этой формы существуетъ только въ языкѣ Русскомъ.

Есть еще слова, которыя въ языкѣ Церковно-Славянскомъ имѣютъ, въ Именительномъ и Звательномъ единственнаго числа, тематическую форму, а въ другихъ падежахъ суффиксную; въ Русскомъ языкѣ они не имѣютъ этой разницы. Слова эти: *любы*, *церкы*, *человѣцы*, *свекры*, и нѣкоторыя другія. Суффиксъ, выступающій въ другихъ падежахъ, это *в*. — Намъ кажется это *в* возникшимъ изъ *ы*: на примѣръ: четыре и четверо; *в* возникаетъ изъ *ъ* въ склоненіи мужескаго рода, нами разсмотрѣнномъ; изъ того же *ъ* возникаетъ *в* и здѣсь въ буквѣ: *и*, тѣмъ болѣе, что здѣсь склоненіе или окончанія падежей должны опираться на гласную часть *и*, на букву *и*, при чемъ *ъ*, какъ бы остающійся безъ участія, не пропадаетъ, подавая свой голосъ съ *в*. — Форма здѣсь, какъ видимъ, тоже полусуффиксная форма. Эта полусуффиксная форма, въ словахъ на *и*, возникаетъ и въ Именительномъ (въ Русскомъ языкѣ),—и понятно: буква *и* содержитъ въ себѣ и *ъ*, и *и* окончательное, слѣдовательно *ъ*, передъ *и*, могъ огласиться и образовать полусуффиксную форму съ *в*, тогда какъ въ Имен. имень муж. р. на *ъ*.—*ъ*, будучи единственнымъ окончаніемъ, не имѣетъ ни причины, ни возможности оглашаться; полусуффиксная же форма заходитъ изъ другихъ падежей и принимаетъ обыкновенно уже иную форму съ *о-въ*, *е-въ*. Здѣсь же эта полусуффиксная форма образуется сама по себѣ и въ Именит. ед., на сказанныхъ основаніяхъ. Не пишучи здѣсь грамматики Церковно-Славянскаго языка, мы не будемъ здѣсь разсматривать въ немъ падежи этого склоненія. — *Любы* и др., оканчиваясь на *ы*, оканчивается на *и*. Оно должно было бы склоняться какъ и другія слова этого склоненія, но *и*, хотя и откидываетъ окончанія измѣняющія, однако испытываетъ ихъ вліяніе, какъ мы это видѣли выше. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ мы видимъ: *любы*, *любве*.—Въ языкѣ Русскомъ теперь нѣтъ окончанія на *ы*. Въ немъ видимъ мы прямо *форму полусуффиксную*, и въ Именительномъ падежѣ единственнаго. Въ древнихъ рукописяхъ: *любви*, *церкви*, и др.; позднѣе въ сокращенномъ видѣ: *любовь*, *церковь*, и др. Слова эти склоняются,

какъ и другія IV-го Склоненія. Впрочемъ мы можемъ предположить, что у насъ было склоненіе тематическое на *ы* или, вѣрнѣе, на *и*, напримѣръ: *люби* или *любь*, которое могло склоняться въ тематическомъ своемъ видѣ, какъ напр.: *глубь*. *Любь* — форма даже теперь для насъ возможная: на существованіе этой формы и ея склоненія наводитъ насъ выраженіе, встрѣчающееся въ древней пѣснѣ: *до люби я молодца пожалую;* — выраженіе: *до люби* соотвѣтствуетъ другому древнему выраженію: *до воли*. *До воли*, значитъ до того, сколько хочетъ человѣкъ; *до люби* — до того, сколько любитъ человѣкъ. Выраженіе: *до люби* прямо являетъ Родительный падежъ: *люби* — падежъ отъ имени *любь* или *люби* (*люби* тождественно съ *любы*), — формы тематической. — И такъ въ нашемъ языкѣ тоже открываемъ мы здѣсь тематическую форму, рядомъ съ формою суффиксною, именно напр.: *люби* или *любь*, и *любви* или *любовь*.—*Любь* образовано прямо изъ корня слова, какъ *глубь, даль* и пр.—Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ тематическая форма оканчивается на *ы;* хотя здѣсь самое *ы* могло бы намекать уже на форму производную или суффиксную, — но самостоятельную возможность окончанія на *ы*, которое есть *ъ-і*, нельзя отвергать. Можно предположить также, что эта тематическая форма: *любы*, и др., не смотря на окончаніе *ы*, могла склоняться въ своемъ тематическомъ видѣ, не образуя полусуффикса, — хотя естественность его возникновенія при *ы* понятна, — слѣдовательно, оставаясь неизмѣнною; суффиксная же форма склонялась, какъ обыкновенно, особо. Предположивъ неизмѣнное склоненіе на *ы*, мы невольно поражены сходствомъ, какое имѣетъ съ этимъ склоненіемъ пятое Латинское склоненіе на *и*, напр.: *cornu*. Многое заставляетъ предполагать, что *u* Латинское произносилось какъ наше *ы*, или приблизительно къ нему. Впрочемъ это требуетъ изслѣдованія.—Вообще полусуффиксъ *в* въ словахъ женскаго рода имѣетъ соотвѣтствіе съ такимъ же полусуффиксомъ въ словахъ мужескаго рода (см. выше).

Отъ именъ женскаго рода переходимъ къ именамъ средняго. Здѣсь видимъ еще яснѣе тематическую и суффиксную форму.

Всѣ имена средняго рода, оканчивающіяся на *мя*,—какъ это обыкновенно приняли писать: *время, сѣмя* и пр.,—имѣютъ и тематическую, и суффиксную форму.

Прежде всего мы должны отвѣчать на вопросъ, естественно возникающій: какимъ образомъ могло явиться въ среднемъ родѣ

окончаніе на *я*, тогда какъ *я* есть окончательная буква именъ женскаго рода?—Но это *я* есть одно начертаніе; буква же, на которую оканчиваются слова, такъ пишущіяся, есть *е* (смотри мою статью о правописаніи). Это *я* перешло къ намъ изъ орѳографіи Церковно-Славянской, гдѣ оно пишется буквою не *я*, образовавшеюся изъ *а*, а ѧ, имѣющею носовой звукъ. При отсутствіи у насъ звука носоваго, *я* и ѧ смѣшивались часто; первое замѣняло послѣднее; наконецъ *я* въ гражданской печати осталось одно. Носовой звукъ ѧ приблизительно можно выразить черезъ Французское *ѝ*; очевидно по крайней мѣрѣ, что, не имѣя твердаго произношенія, въ этомъ ѧ звучитъ неопредѣленно буква *я*, и мы не можемъ знать на вѣрно, какому звуку гласной болѣе соотвѣтствовало оно, но, кажется, приближалось несомнѣнно къ *е*. Прислушиваясь теперь къ произношенію, на примѣръ, *имя*, — мы не слышимъ опредѣленнаго *я;* напротивъ, скорѣе слышимъ: *е*, которое выдается съ одной стороны въ склоненіи суффиксной формы *(имени)*, съ другой правильно измѣняется, какъ *е*, въ склоненіи формы тематической *(име, имя, имю, имемъ)*. Въ доказательство можно привести и слово: *письмо*, которое очевидно то же, что неупотребительное теперь: *письмя* или *письме*; множественное суффиксное: *письмена*. Въ этомъ словѣ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ, обозначилось *о*, которое есть то же, что *ѣ* или *е*, только въ смягченіи. Высказавъ нашу мысль, что здѣсь въ окончаніи не *я*, а *е*, то есть: *ѣ (о)* не слышное, по отсутствію въ немъ ударенія, — мы приступаемъ къ разбору самаго склоненія.

Склоненіе это допускаетъ почти во всѣхъ падежахъ обѣ формы: и тематическую, и суффиксную, — и еще болѣе объясняетъ нашу мысль, что суффиксъ не есть принадлежность какого ни будь падежа, а степень, на которую восходитъ все слово: что первоначальный видъ слова есть его тема, что слово самостоятельно въ своемъ тематическомъ видѣ и склоненіи точно также, какъ въ своемъ суффиксномъ видѣ и склоненіи. Употребленіе можетъ забыть или предпочесть то или другое склоненіе, тотъ или другой падежъ: это ужъ дѣло употребленія; но основаніе, но правило остается то же.—Вотъ это склоненіе; приводимъ два примѣра.

Ед. число.

Форма тем.	*Суффиксн.*	*Тем.*	*Суффиксн.*
И. Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).

Р.	Врем*я*	времен*и*.	Стрем*я*	стремен*и*.
В.	Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).
Д.	Врем*ю*	времен*и*.	Стрем*ю*	стремен*и*.
Т.	Врем*емъ*	времен*емъ*.	Стрем*емъ*	стремен*емъ*.
М.	Врем*ѣ*	времен*и*.	Стрем*ѣ*	стремен*и*.
З.	Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).

Склоненіе формы тематической (*время*, и пр.) рѣшительно употребляетъ народъ, а мы, воспитанные на правилахъ грамматическихъ, употребляемъ оное очень робко. Языкъ народа нашего, скажемъ мимоходомъ, несравненно древнѣе и богаче языка, которымъ ограничили *мы* свое слово, то есть: люди т. н. образованные.—Многія выраженія народа казались нашему просвѣщенному невѣжеству неправильностями, пока наука не доказала намъ, хотя еще можетъ быть не вездѣ, что мнимыя неправильности суть древнѣйшія и богатѣйшія формы слова. — Склоненіе суффиксной формы употребляется нами охотнѣе, при чемъ неупотребительные его падежи: Именительный, Винительный и Звательный, замѣняемъ мы тѣми же падежами формы тематической, и употребляемъ слѣдовательно склоненіе *составное*.—Склоненіе формы суффиксной (*времени* и пр.) слѣдуетъ примѣру слова: *путь*. Здѣсь суффиксная форма есть уже, какъ это само собою видится, форма мужескаго рода. Единственные падежи, которые могли бы обличить разницу между родами мужескимъ и среднимъ (Им., Вин. и Зв.) (*), взяты изъ тематическаго, а не суффикснаго, склоненія средняго рода, и по этому могутъ какъ бы кидать тѣнь сомнѣнія; но оно здѣсь разсѣвается само собою: стоитъ вномнить, что это *е (я)* есть только тематическая форма; а суффиксная форма, безъ всякого сомнѣнія, есть *ень*: *времень*, *стремень*. Эта форма здѣсь есть мужеская: имена средняго рода не могутъ оканчиваться на *ь*, а Творительный падежъ: *временемъ*, и самое употребленіе: *этому времени*, исключаютъ возможность женской формы на *и (ь)*. Къ тому же мы имѣемъ совершенно одинаковое смѣшанное склоненіе имени мужескаго рода: *путь*, выше объясненное Наконецъ наше мнѣніе вполнѣ оправдывается удержавшеюся,—при иныхъ словахъ, даже и въ этихъ трехъ па-

*) Въ сущности это одинъ падежъ, но мы говоримъ здѣсь: Именительный, Винительный и Звательный, принимая здѣсь три падежа по отношенію, придаваемому слову въ рѣчи.

дежахъ: Именит. Вин. и Зват. — суффиксною формою на *ень*, именно въ словѣ: *пламень*, которое совершенно употребительно.— Употребленіе, какъ видно, и здѣсь имѣетъ свое мѣсто, и только поняв права употребленія, можемъ мы не смущаться его произвольностью и освѣщать его основными мыслями языка. — Такъ *времень*, *имень*—рѣшительно не употребительны, но *стременъ*—весьма возможно для употребленія, и Русскому человѣку это не нужно доказывать: а *пламень* употребляется уже несомнѣнно. Съ другой стороны,—въ подтвержденіе, если нужно, склоненія формы тематической, можемъ мы указать на слово: *письмо*, о которомъ сейчасъ говорили. *Письмо*,—очевидно одного образованія, какъ *имя*, *племя* и пр.,—доказываетъ и правильность предположенія окончанія на *е* (о чемъ было уже сказано),—и еще, съ своей стороны, снова доказываетъ особый тематической видъ слова и цѣлое тематическое склоненіе, отсюда происходящее. Слово: *письмо*, ярко обозначивъ букву *о*, черезъ ударенiе на немъ, почти совсѣмъ вытѣснило склоненіе суффиксной формы (сохранившейся въ семъ словѣ только во множественномъ). — Надо при этомъ сказать, что слово: *письмо* имѣетъ уже особенное значеніе, что̀ конечно и утвердило за нимъ, быть можетъ въ то же время перенесши ударенiе,—эту его тематическую форму. Для большей ясности считаемъ нужнымъ привести склоненіе этихъ обоихъ словъ: *пламень* и *письмо*.

Ед. Число.

Тем. ф.	*Суф. ф.*	*Тем. ф.*	*Суф. ф.* (неупотр.)
И. Плам*е*	Пламен*ь*.	Письм*о*	Письмен*ь*.
Р. Плам*я*	Пламен*и*.	Письм*а*	Письмен*и*.
В. Плам*е*	Пламен*ь*.	Письм*о*	Письмен*ь*.
Д. Плам*ю*	Пламен*и*.	Письм*у*	Письмен*и*.
Т. Плам*емъ*	Пламен*емъ*.	Письм*омъ*	Письмен*емъ*.
М. Плам*ѣ*	Пламен*и*.	Письм*ѣ*	Письмен*и*.
З. Плам*е*	Пламен*ь*.	Письм*о*	Письмен*ь*.

Образованіе множественнаго любопытно, отчего мы и намѣрены поговорить о немъ особо.—Множественное отъ тематической формы не употребляется. Есть одно выраженіе: *на племя́*, которое можетъ указывать на множественное тематическое отъ *племе*. Но самый смыслъ выраженія и единственность его заставляютъ насъ скорѣе признать здѣсь переходъ *е* въ *я*, какъ это бываетъ

въ нашемъ языкѣ, а здѣсь можетъ быть тѣмъ легче, что окончаніе этихъ именъ произошло изъ посоваго *я*, а слѣдовательно какъ бы сохраняетъ съ нимъ связь и воспоминаніе о немъ. Такой переходъ, сказали мы, бываетъ въ нашемъ языкѣ, не только буквы *е* въ *я*, но даже *о* въ *а*, что̀ еще опредѣленнѣе. При этомъ, слову сообщается особая сила опредѣленности и частное вмѣстѣ значеніе: такъ вмѣсто: *расть* говорится *расти*; но не на обумъ и не случайно. Никогда не скажутъ: этотъ человѣкъ большаго *раста*; но скажутъ на примѣръ: теперь клубникѣ самый *расть*. Эту частность и силу опредѣленности видимъ мы и въ выраженіи *на плечи*; но только въ этомъ выраженіи и является въ словѣ *плечи*, на концѣ, *я* съ удареніемъ.—Надо впрочемъ сказать, что въ словѣ *письмо*, гдѣ такъ ясно обозначилось и утвердилось настоящее тематическое окончаніе слова, множественное прямо образуется по этой тематической формѣ слова: *письма*, и т. д., какъ: *бѣла*. Это прямо указываетъ на возможность множественнаго тематическаго, которую мы вполнѣ признаемъ, но которая, по затруднительности склоненія (П. мн: *время*, Р. мн: *времъ*, и пр.), въ употребленіи не встрѣчается.

И такъ въ употребленіи находится множественное, образованное изъ формы суффиксной. — Но здѣсь мы встрѣчаемъ такую особенность, которую слѣдуетъ объяснить. Множественное отъ формы суффиксной на *ень* должно быть на *ени*, какъ: *пути*: но это множественное не употребляется, быть можетъ потому, что Именительный падежъ формы суффиксной на *ень*, не употребляется и въ единственномъ; въ подтвержденіе этому можемъ сказать, что въ словѣ *пламень*, утвердившемся въ Имен. падежѣ, возможно, даже и въ употребленіи, множественное: *пламени*. Но въ другихъ словахъ такое употребленіе вовсе не имѣется. Правда, мы можемъ допустить еще образованіе множественнаго собирательнаго: *временья*, или лучше: *временья*, *семенья* (*временье*, *семенье* переходитъ уже въ новое имя); но такое множественное, если и возможно,— тоже не употребительно. Вмѣсто всѣхъ этихъ формъ во множественномъ употребляется постоянно окончаніе на *ена*: *времена*, *семена*, и пр. Суффиксъ здѣсь очевиденъ, но окончаніе не соотвѣтствуетъ суффиксной формѣ на *ень*. — Откуда же взялась эта не соотвѣтственная форма? Для нея надо предположить новую суффиксную форму въ единственномъ: на *ено*. Народное употребленіе вполнѣ подтверждаетъ это, впрочемъ естественное, предположеніе.

Въ древней пѣсни нашей встрѣчается: *стремено*, которое, разумѣется, и склоняется въ единственномъ, какъ имя средняго рода, оканчивающееся на *о (окно)*. Въ пѣсни сказано: „плечо о плечо, *стремено* въ *стремено* богатырское.“ И такъ, кромѣ тематической формы на *ме (стреме)*, кромѣ суффиксной на *мень (стремень)*, есть еще суффиксная на *мено (стремено)*, изъ которой и образуется употребительное множественное на *мена (стремена)*. Эту суффиксную форму на *мено* предполагаемъ мы у всѣхъ именъ средняго рода на *ме*. При богатствѣ формъ этихъ именъ (ихъ три формы), эта форма почти вовсе не употребляется теперь въ единственномъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что у ней, какъ и у каждой формы, былъ свой оттѣнокъ, ощутительный для насъ даже и теперь, — оттѣнокъ, обозначать который подробно мы здѣсь не станемъ, а скажемъ только, что суффиксная форма придаетъ имени частность и опредѣленность. Но, не употребляясь въ единственномъ, эта форма за то во множественномъ своемъ: *мена*, находится во всеобщемъ употребленіи. — Въ Чешскомъ языкѣ, и въ др. Славянскихъ, она утвердилась и въ единственномъ, напр.: *Jtено*. — Въ словѣ: *письмо*, — множественное: *письма*, но есть и суффиксная форма во множественномъ: *письмена*. Въ единственномъ суффиксная форма отъ этого слова, какъ на *ень*, такъ и на *ено*, вообще рѣдко употребительна. Въ Именительномъ же падежѣ единственнаго скорѣе можно сказать на *ено*, чѣмъ на *ень*. — Если мы обратимъ вниманіе, то намъ станетъ ясно, почему вторая форма исчезла изъ употребленія въ единственномъ числѣ. *Письмо* и *письмена* имѣютъ разное значеніе: *письмо* значитъ извѣстнаго рода писаніе, обращенное отъ лица къ лицу, между тѣмъ, какъ *письмена*, ограничивая понятіе писанія, просто означаетъ начертаніе буквъ вообще, слѣдовательно уже значеніе собирательное. Единственное число при означеніи писанія извѣстнаго рода—необходимо, и отъ него образуется естественно свое множественное. Но при общемъ и, такъ сказать, собирательномъ значеніи начертанія буквъ, нѣтъ необходимости единственнаго числа, а множественное вполнѣ соотвѣтствуетъ этому значенію. По этому единственное число отъ слова: *письмена*, не употребительно, а употребительно множественное, гдѣ слово уже и по своему суффиксному значенію (на *ено*), и по употребленію, конечно, разнится отъ слова: *письмо*, мн. *пйсьма*.

Примѣчаніе. Здѣсь кстати сказать объ образованіи самыхъ этихъ словъ средняго рода на *ме*. Если мы обратимъ на

нихъ вниманіе, то увидимъ, что это причастія страдательныя. Такъ *сѣмя*, очевидно: *сѣемо; письмо—писомо* или *пишемо; пламе — плаемо*, и т. д. Но откуда же явился носовой звукъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ? На это могли быть свои причины, которыя должна изслѣдовать фонетика буквъ. Здѣсь этотъ звукъ носовой какъ бы оправданъ суффиксомъ: *н*. Но часто носовой звукъ языка Церковно-Славянскаго не имѣетъ у насъ даже никакого отголоска.—На это мы можемъ дать еще другое объясненіе, противорѣчащее нашей мысли объ этихъ словахъ; но тѣмъ не менѣе мы хотимъ привести это объясненіе, для свѣдѣнія. Основной нашей мысли о тематической и суффиксной формѣ словъ,—оно, впрочемъ, не противорѣчитъ; оно измѣняетъ только приложеніе этой мысли къ словамъ на *ме*; но образованіе ихъ въ причастія даетъ къ тому достаточный поводъ, нисколько не въ предосужденіе главной мысли.—Вотъ это объясненіе. Кромѣ формы на *ме*, есть при этихъ словахъ форма на *мень*, гдѣ слышно *н*, и наконецъ форма на *мено*. Откуда же взялись эти двѣ формы, въ особенности на *мено*? Припомнимъ здѣсь, что причастія въ Санскритскомъ языкѣ имѣютъ такое же окончаніе: *тапа*, которое слышно и въ Греческомъ причастіи: μενος. — Если признать эту форму причастія за полнѣйшую, существовавшую когда ни будь и у насъ,—въ такомъ случаѣ форма на *мено* будетъ форма первопачальная, которая, сокращаясь, прошла сквозь носовой звукъ, обозначившійся черезъ Церковно-Славянское: ѧ; но по неимѣнію этого звука у насъ, эта форма на ѧ у насъ не существуетъ. На дорогѣ сокращенія, вмѣсто того, форма на *мено* приняла у насъ видъ: *мень*, наконецъ сократилась въ *мо* или *ме*. Это сокращеніе соотвѣтствуетъ сокращенію самого причастія изъ *меный* въ *мый*. — Приводя это объясненіе, мы сами не признаемъ онаго и держимся высказанной прежде мысли нашей. Но въ дѣлѣ грамматики мы сочли нужнымъ привести и эту возможную догадку, для соображенія.—Въ опроверженіе ей скажемъ, что нѣтъ никакой причины думать, будто причастіе должно оканчиваться на *мено*; окончаніе *но* — у насъ характеристика причастія прошедшаго, а *мо*—настоящаго. Къ тому же, при сокращеніи изъ причастія *мено*, еслибъ оно было, гдѣ же носовой звукъ въ причастіи, напр.: *любимъ, любима, любимо?* А ему кажется слѣдовало

бы быть?—Во всякомъ случаѣ, нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что слова на *ме* образовались изъ причастія страдательнаго и, какъ мы думаемъ, прямо изъ причастія на *мо*, принимаемаго нами за настоящую, а не сокращенную, форму причастія, тѣмъ болѣе, что форма на *мено* (*стремено*), хотя можетъ быть и древнею, но очевидно позднѣе формы на *ме* и *мо*. Любопытно прослѣдить тѣ глаголы, изъ которыхъ составились эти имена средняго рода на *ме*. Иные глаголы узнать здѣсь не трудно. Напр: *знаме—знамо, знаемо: знаю; бреме, береме—беремо: беру*, и пр. Но другія не такъ легко объясняются, напр.: *време, теме, племе, име*. Оставляемъ въ сторонѣ на сей разъ ихъ изслѣдованіе. Наконецъ скажемъ, что при словахъ: *время, времени; сѣмя, сѣмени*, и пр., мы вовсе не объясняемъ этого *н*—носовымъ звукомъ; мы думаемъ, что это просто самостоятельный суффиксъ *н*, который совершено самостоятельно и возникаетъ, подобно тому, какъ при словахъ: *пядь—пядень, стопа—ступень, паръ* и *пара* (обл.),—*парень*, и пр. Носовымъ звукамъ здѣсь нѣтъ мѣста.—Вообще можно положительно сказать, что носоваго звука въ нашемъ Русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ. Онъ есть въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, это правда. Присутствіе его тамъ можетъ имѣть въ нашемъ языкѣ соотвѣтственное себѣ самостоятельное, независимое явленіе, но нисколько не заглядывая въ область нашего языка. Въ самомъ языкѣ Церковно-Славянскомъ, не во всѣхъ словахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, является носовой звукъ; мы имѣемъ: *ямы, плямы*, сюда же относится и *камы*. А *м*—не есть носовой звукъ. *Камы* еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о самостоятельности суффикса: *н*. Къ слову: *камень* отъ тематической формы мы имѣемъ уменьшительное *кам-ушекъ*. Съ другой стороны сюда же относится слово: *корм*, къ которому уже никакъ не подходитъ объясненіе причастіемъ на *мено*.—И такъ еще разъ: являющійся въ разсматриваемыхъ словахъ, *н*—есть независимый отъ носоваго звука, самостоятельный суффиксъ: *н*.

Кромѣ этихъ именъ, есть другія имена средняго рода, имѣющія подобный, тематическій и суффиксный, видъ и склоненіе.—Есть цѣлый рядъ именъ, измѣняющихся одинаково такимъ образомъ. Подвести эти имена подъ одно общее, особое окончаніе нельзя. Мы можемъ сказать одно, что имена эти двусложныя, оканчиваются

двойнымъ слогомъ и притомъ на *о*. Именъ этихъ немного, и потому можно ихъ перечислить. Имена эти: *чудо*, *небо*, *древо*, *око*, *коло*, *слово*, *тѣло*, *ухо*. Они имѣютъ и тематическую форму, въ которой мы привели ихъ, и суффиксную; условіями употребленія и хода образованія суффикса,—очень похожи они на имена женскаго рода на *ме*. При этой аналогіи, имена эти отчасти подтверждаютъ окончаніе на *ме* (а не на *мя*), ибо сами оканчиваются на *о*, соотвѣтствующее *е* (а не на *а*), и имѣютъ подобный суффиксъ. Въ именахъ выше приведенныхъ тематическая форма на *о*, на примѣръ: *небо*, *слово*,—переходитъ въ суффиксную на *ес* или, лучше, *есь*; на примѣръ: *небесь*, *словесъ* (подобно какъ тематическая на *ме* переходитъ въ *мень*). Вотъ образецъ тематическаго и суффикснаго склоненія этихъ словъ:

Ед. Число.

Ф. тем.	*Ф. суф.*	*Ф. тем.*	*Ф. суф.*
И. Небо	(Небесь).	Слово	(Словесъ).
Р. Неба	Небеси.	Слова	Словеси.
В. Небо	(Небесь).	Слово	(Словесъ).
Д. Небу	Небеси.	Слову	Словеси.
Т. Небомъ	Небесемъ.	Словомъ	Словесемъ.
М. Небѣ	Небеси.	Словѣ	Словеси.
З. Небо	(Небесь).	Слово	(Словесъ).

Мы предполагаемъ точно на такомъ же основаніи, какъ при именахъ на *ме* (см. выше, въ Имепит., Вин. и Зват. падежахъ, суффиксную форму: *небеси*, *словесъ*, и т. д. (какъ *пламени*), и точно потому же считаемъ эту суффиксную форму — мужескаго рода, хотя и нѣтъ здѣсь такого яркаго подтвержденія нашей мысли, какое представляетъ слово: *пламень*. За то первая, тематическая форма у насъ употребляется не только безспорно во всѣхъ падежахъ, но даже преимущественно передъ суффиксною формою, которая впрочемъ для насъ вполнѣ возможна и, за исключеніемъ трехъ падежей: И., В. и З., находится также въ употребленіи. Мысль наша о суффиксахъ прилагается здѣсь вполнѣ; это не *суффиксы падежей*, а видъ цѣлаго имени, переходнаго изъ тематической формы въ суффиксную, при чемъ является и особое тематическое, и особое суффиксное склоненіе, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, употребленіе нерѣдко выбираетъ тѣ или другіе падежи, а тѣ или другіе оставляетъ, и образуетъ иногда склоненіе

составное. — Множественное число представляетъ, въ словахъ этихъ, также любопытное явленіе и сходное съ множественнымъ словъ на *ме*. Множественное тематическое весьма употребительно въ иныхъ именахъ, напр.: *слова*, *тѣла*, *древа* (*дерева*); въ другихъ менѣе, напр.: *чуда*, *кола* (самое слово: *коло* мало употребительно); множественное не употребительно въ словѣ: *небо*. Въ словахъ: *ухо*, *око*, употребляется тематическое двойственное, сохранившееся у насъ доселѣ въ Именит., Вин., и Зват.: *уши*, *очи*, исказившееся въ Род.: *ушей*, *очей* — *ушію*, *очію*, и слѣдующее обыкновенному, но все тематическому множественному въ другихъ падежахъ, сохраняя впрочемъ мягкія: *ш* и *ч*. — Множественное суффиксное, отъ *небесь*, *словесь* и пр., также неупотребительно, какъ и въ именахъ на *ме*. И точно также, какъ въ нихъ, употребляется множественное суффиксное, но образованное изъ другой суффиксной формы ед. числа; это множественное: *небеса*, *словеса*. Такое суффиксное множественное употребительно во всѣхъ приведенныхъ словахъ, болѣе или менѣе. Это множественное предполагаетъ форму суффиксную единственнаго: *небесо*, *словесо* (какъ: *времено*, *знамено;* см. выше). И точно; въ подтвержденіе нашей мысли, и въ этихъ именахъ, въ одномъ, сохранилась эта суффиксная форма, именно въ словѣ: *коло* — *колесо*, какъ *стремено*. — *Коло* вышло у насъ изъ употребленія, и *колесо* замѣнило оное; но *коло* употреблялось у насъ и во множественномъ по тематической формѣ; у Нестора: *кола* *). Впрочемъ народъ до сихъ поръ, если и не вездѣ, употребляетъ: *коло* **). — Множественное на *еса*, хотя вообще употребительно, но не въ равной степени. *Небеса* и *чудеса* употребительны вполнѣ; *словеса* и *тѣлеса*, *древеса*, *ушеса*, *очеса*, — менѣе, и не столько употребляются, сколько возможны въ употребленіи. *Колёса* — вполнѣ употребительно; но ударение переносится съ *а* на *е*.

И такъ здѣсь мы видимъ тематическую форму на *о*, суффиксную на *есь*, отъ которой употребляются многіе падежи ед. ч., и еще суффиксную на *есо*, въ употребленіи сохранившуюся въ словѣ: *колесо*. Множественное употребляется отъ тематической на *о* и отъ суффиксной формы на *есо*. — Что касается до значенія, сообщаемаго слову формою суффиксною, то мы думаемъ, что оно

*) П. С. Р. Л. Т. I. стр. 54.

**) См. Областный Словарь.

придаетъ опредѣлительность и частность значенія, какъ мы это видѣли и выше. Это особенно явственно въ словѣ: *коло* и *колесо;* первое, *коло*, значитъ: колесо и кругъ вообще, какъ это видно въ языкахъ Славянскихъ единоплеменныхъ, да и у насъ оно употребляется болѣе въ смыслѣ машиннаго колеса *); второе, *колесо*, употребляется въ извѣстномъ частномъ значеніи. Впрочемъ, въ Малороссійскомъ языкѣ *колесо* значитъ кругъ, въ смыслѣ сходки, то же, что *коло* у Поляковъ и у Сербовъ.

Примѣчаніе. Имена тематическія и суффиксныя все же оканчиваются на сказанныя выше окончанія: ъ, *а*, *о* и *и*. Эти окончанія именъ считаемъ мы самымъ высшимъ, разумнѣйшимъ въ этомъ отношеніи, строеніемъ слова, сравнительно съ которымъ устройство это въ другихъ языкахъ является какими-то отрывками, — развалинами прежняго, или невыработавшимися начатками.

Есть еще имена средняго рода, имѣющія и тематическую, и суффиксную форму. Эти имена оканчиваются на *я*. Имена на *ме* тоже пишутся у насъ на *мя;* но мы видѣли, какъ неосновательно такое правописаніе; кромѣ другихъ доказательствъ, самое склоненіе подтверждаетъ въ этихъ именахъ основное окончаніе: *о*, смягченное въ нихъ, какъ *ѣ* или *е*. — Къ именамъ же средняго рода на *я*, о которыхъ мы теперь говоримъ, мы не совсѣмъ можемъ примѣнить этого объясненія нашего. Правда, и здѣсь окончаніе на *я* есть, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, *я* посовое; но по крайней мѣрѣ произношеніе вполнѣ закрѣпило за этими словами букву *я*. Между тѣмъ, это имена средняго рода. — Тематическая ихъ форма: *я*, переходитъ въ суффиксную: *ят*, или лучше: *ять;* напримѣръ: *теля — телять; жеребя — жеребять*. Тематическая форма употребляется въ трехъ падежахъ, въ Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ; въ остальныхъ падежахъ употребляется форма суффиксная: это мы видѣли и выше, но надо сказать, что здѣсь въ употребленіи вовсе не встрѣчается тематической формы въ остальныхъ падежахъ, кромѣ означенныхъ трехъ. Обстоятельство довольно важное. Мы должны предполагать ихъ (т. е. недостающіе падежи), но какими, при окончаніи на *я*? И есть ли на это какія ни будь указанія? Какъ объяснить самое окончаніе *я*?— На все это, какъ и вообще на значеніе этихъ словъ средняго рода

*) См. Обл. Словарь.

на *я*, ихъ особенностей и видоизмѣненій, должны мы дать отвѣтъ. — Но прежде представимъ примѣръ самаго склоненія.

Ед. ч.

Фор. тем.	*Фор. суф.*	*Фор. тем*	*Фор. суф.*
И. Теля	(Телять).	Жеребя	(Жеребять).
Р.	Телят*и*.		Жеребят*и*.
В. Теля	(Телять).	Жеребя	(Жеребять).
Д.	Телят*и*.		Жеребят*и*.
Т.	Телят*емъ*.		Жеребят*емъ*.
М.	Телят*и*.		Жеребят*и*.
З. Теля	(Телять).	Жеребя	(Жеребять)

Суффиксная форма, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, совершенно одинакова съ: *времень* и *небесь*, и затрудненія не представляетъ. Мы считаемъ слово въ этой формѣ тоже мужескаго рода: оно склоняется также, какъ *путь*. Правда, у насъ не существуетъ потвердительнаго примѣра, какъ *пламень*, но мы за то находимъ важное подтвержденіе нашему предположеію въ языкахъ Славянскихъ единоплеменныхъ, напр. въ Сербскомъ: въ этомъ языкѣ существуетъ форма: *телять*, *жеребять* и т. д. Правда, тогда *т* измѣняется въ *д*: но эти буквы обыкновенно переходятъ одна въ другую: правда и то, что эти слова тогда — женскаго рода и склоняются какъ напр. *заповѣдь*; но это можетъ быть особенность уже Сербскаго языка: а главное — существованіе формы на *ять* въ Винительномъ падежѣ, хотя измѣненной въ *ядь*, доказывается вполнѣ.

Что касается до формы тематической, то какое можемъ мы предположить склоненіе для этой формы? Склоненіе женскаго рода *теля*, *тели*: *куря*, *кури*, и т. д., — очевидно невозможно. Во 1) для этого не имѣемъ мы никакихъ данныхъ и невозможность его видна съ перваго раза. Во 2) окончаніе это носовое, слѣдовательно это вѣроятно не такое *я*, которое измѣняется какъ обыкновенно: оно должно было имѣть и у насъ свое значеніе, хотя не имѣя носового звука.—И такъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на самое окончаніе *я*.—Оно носовое: это доказываетъ языкъ Церковно-Славянской, на примѣръ: *телѧ*; это доказываетъ языкъ Польской, напр. *kurię*. — Все это заставляетъ насъ думать, что настоящее окончаніе этихъ именъ, также какъ и въ именахъ на *ме*, есть *е*; но что только произношеніе переноситъ это сущест-

венное *е* въ *я*, какъ напр: *на племя́*, *ра́сть*; также можно привести въ примѣръ: *вре́менный*, *временной*; *племенной*, *племянный*. и т. д. (см. выше): мы сказали, что обыкновенно тогда придается слову частное или исключительное значеніе. Теперь вспомнимъ, что всѣ подобныя слова средняго рода на *я*, во 1) у насъ въ разговорѣ почти не употребляются; во 2) имѣютъ, быть можетъ по этому самому, какой-то особенный, исключительный смыслъ. Наконецъ, въ доказательство нашего мнѣнія служитъ то, что во всѣхъ соплеменныхъ языкахъ, гдѣ слово это находится въ тематической и въ суффиксной формѣ, пишется не *ia*, а *e*, напр: *tele* въ Чешскомъ, *ciele* въ Польскомъ, *теле* въ Сербскомъ. и *теле* даже въ Болгарскомъ, который считаемъ мы произшедшимъ отъ Церковно-Славянскаго. Это окончательно утверждаетъ насъ въ мысли, что настоящее окончаніе въ словахъ средняго рода на *я* есть *е*, и только чрезъ произношеніе является оно какъ *я* (*пле́ме*, *племя́*), при такомъ переходѣ пріобрѣтая какъ бы частное, исключительное значеніе. — Въ такомъ случаѣ намъ становится теперь понятно *я* въ именахъ средняго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ себѣ предположить и тематическіе падежи, теперь неупотребительные. Они должны быть такіе же, какъ при именахъ на *ме*; т. е. Род. *теля*, Дательный: *телю*, и такъ далѣе; ихъ нѣтъ въ употребленіи современномъ, и до сихъ поръ мы не нашли слѣда ихъ, хотя предполагаемъ это возможнымъ.

Множественное число отъ тематической формы также вовсе не употребительно. Отъ формы суффиксной на *ять* тоже у насъ не употребляется, хотя оно есть у Сербовъ, по грамматикѣ Бабукича, но съ измѣненіемъ: не *телята* или *телети*, а *телићи* (*telići*), что впрочемъ, по нашему мнѣнію, ни мало не опровергаетъ образованія этого множественнаго изъ суффиксной *телеть*.—Множественное, которое у насъ употребляется, образовалось изъ суффиксной же формы, но изъ другой, совершенно подобно двумъ разрядамъ именъ средняго рода, разсмотрѣннымъ выше.—Это множественное оканчивается на *ята*: *телята*, что прямо предполагаетъ форму на *ято*: *телято*. — Форма множественная на *та* употребляется и въ соплеменныхъ Славянскихъ языкахъ. При чемъ въ Болгарскомъ выступаетъ и посовой звукъ: *телента* (употребляется теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи). Хотя здѣсь и не встрѣчается примѣра, вполнѣ это подтверждающаго, какъ это мы видѣли при другихъ словахъ (*стремено*, *колесо*), хотя и въ соплеменныхъ языкахъ

нѣтъ этой суффиксной формы на *то*,—но возможность ея слышна въ языкѣ Русскомъ доселѣ; впрочемъ множественное число на мёё прямо указываетъ, и этого указанія достаточно.

Такимъ образомъ и въ этихъ словахъ средняго рода на *я* видимъ мы: форму тематическую на *я* или, лучше, *е*, произносимое какъ *я*, — форму суффиксную на *ять*, и вторую суффиксную форму на *ято*. Эти имена не представляютъ намъ такого ощутительнаго свидѣтельства о себѣ, какъ имена другія, но измѣненія ихъ несомнѣнны и поддержаны, въ замѣнъ свидѣтельствъ Русскаго языка, свидѣтельствами языковъ Славянскихъ сплеменныхъ (см. объ этомъ подробнѣе ниже). Тематическая форма (*теля* и пр.) употребляется, и то мало, только въ трехъ падежахъ ед. числа: Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ. Форма суффиксная на *ять* употребляется во всѣхъ падежахъ ед. числа, кромѣ трехъ означенныхъ: она также мало употребительна. Вмѣсто той и другой, въ единственномъ, говорится особая форма на *енокъ: теленокъ*. Во множественномъ числѣ обѣ сказанныя формы не употребляются. Форма же суффиксная на *ято*, не употребительная въ единственномъ, употребляется за то вполнѣ во множественномъ.

Теперь надобно сказать объ особенностяхъ значенія и употребленія словъ средняго рода на *я*.

1. Особенность этихъ словъ заключается прежде всего въ томъ, что это слова уменьшительныя: окончаніе на *я* есть окончаніе уменьшительное, — и придается къ слову, иногда существующему отвлеченно, по крайней мѣрѣ не употребительному въ своемъ настоящемъ первомъ видѣ. Сверхъ того, это окончаніе придается только къ именамъ мужескаго рода и къ именамъ предметовъ одушевленныхъ (см. ст. объ уменьш.). Значеніе этого уменьшительнаго есть не только *малое*, но *малолѣтное*, дѣтское. — вообще малое по возрасту.

2. Въ единственномъ числѣ, какъ сказали мы, и тематическая, и суффиксная форма мало употребительны. Вмѣсто нихъ употребляется особое слово, образованное изъ тематической формы на *я*. Въ этомъ новомъ словѣ прежнее слово принимаетъ окончаніе на *енокъ*. Напр.: *теля, теленокъ; жеребя, жеребенокъ*, и т. д.— Это слово вполнѣ употребительное въ Русскомъ языкѣ; но только въ единственномъ числѣ. Во множественномъ оно очень можетъ употребиться, но не употребляется. — Вмѣсто него во множественномъ постоянно употребляется, и даже, можно сказать, съ особою любовію, суффиксная форма на *ята: телята, жеребята*,

и такъ далѣе. Такое употребленіе понятно. Уменьшительное собственно этого значенія, показывающее малость возраста, новое возникающее племя, — во множественномъ должно имѣть собирательный характеръ, и если единичный видъ возможенъ, и нашелъ себѣ выраженіе, то множественное число уже непремѣнно соединяетъ предметы, большею частію живыя маловозрастныя существа, въ одно, — въ одно племя, — выражаетъ группу, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ значеніе цѣлаго новаго поколѣнія. Это вполнѣ выражается множественнымъ на *ята*. Это множественное первоначальнѣе употребительнаго единственнаго на *енокъ* и нисколько отъ него не происходитъ. Ему не нужно имѣть единственнаго на *енокъ*, чтобы образоваться; окончаніе множественнаго на *ята* прямо придается къ имени: *Французъ—Французята, Цыганъ—Цыганята*, и т. д. — Но само собою разумѣется, что здѣсь отвлеченно, въ умѣ, предполагаются тѣ, не употребительныя въ дѣйствительности, формы, изъ которыхъ образуется множественное: *ята (Французята, Цыганята)*. Подобныя предположенія *въ умѣ*— нерѣдко встрѣчаются въ языкѣ. И такъ нашъ языкъ принялъ во всеобщее, главное употребленіе: для единственнаго—окончаніе на *енокъ: теленокъ*, для множественнаго—окончаніе на *ята: телята*. Между этими словами единственнаго и множественнаго нѣтъ уже никакого соединенія, кромѣ общаго одного словопроизводства.

Есть одно слово того же уменьшительнаго образованія на *я: дитя*. Но *дитя* уже не имѣетъ собственно уменьшительнаго *относительнаго* значенія, а *положительно малое:* между малымъ же и уменьшительнымъ есть ощутительная разница. Утвердившись въ этомъ положительномъ значеніи и оставшись вполнѣ въ употребленіи, *одно* изъ всѣхъ подобныхъ словъ, слово *дитя* получило и новое опредѣленіе. По этому употребленіе его шатко. Будучи средняго рода и слѣдуя совершенно вышеозначенному склоненію *(дитя, дитяти)*, на сей разъ находящемуся въ полномъ употребленіи во всѣхъ падежахъ, слово: *дитя* не исключительно такъ употребляется. Вмѣстѣ съ положительностью своего значенія, не имѣющаго въ себѣ ничего частнаго или исключительнаго, и съ употребительностью своею.—слово это, при буквѣ *я*, столько не совмѣстной съ среднимъ родомъ, какъ скоро она не оправдана ни рѣдкостью употребленія, ни частностью и исключительностью значенія,—слово это принимаетъ женской родъ и слѣдуетъ женскому склоненію, не только въ единственномъ, въ которомъ впро-

чемъ не очень употребительно, и не равно употребительно во всѣхъ падежахъ, но и во множественномъ числѣ, въ которомъ употребительно вполнѣ.—При положительномъ самостоятельномъ значеніи слова: *дитя*, множественное на *ята* не употребительно, какъ скоро слово принимается въ этомъ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Множественное на *ята*: *дитята*, употребляется, — уже придавая свой собирательный оттѣнокъ и относительно уменьшительное значеніе слову, и потому употребляется только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ вновь возникаетъ смыслъ, какой въ словахъ: *лисята*, *утята*, и пр. — Форма: *дитята* соотвѣтствуетъ (по значенію) формѣ: *дитенокъ*, которая образуется сама по себѣ, имѣя въ себѣ свое относительно-уменьшительное значеніе, какъ: *лисенокъ*, *утенокъ*.

Вотъ склоненіе: *дитя*, какъ слова женскаго рода.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Дитя (дѣтя)	Дѣти.
Р.	(Дити)	Дѣтей (должно бы: *дьть*; но здѣсь слово какъ
В.	Дитю	Дѣтей. бы слѣдуетъ формѣ Именит: *дьть*).
Д.	Дить	Дѣтямъ.
Т.	Дитею (ей)	Дѣтями; болѣе употребл.: дѣтьми.
М.	Дить	Дѣтяхъ.
З.	Дитя	Дѣти.

Шаткость употребленія здѣсь очевидна, — она производитъ въ склоненіи эту пестроту падежныхъ формъ; употребленіе прибѣгаетъ то къ той, то къ другой, и какъ бы предполагаетъ тотъ или другой настоящій видъ слова, тотъ или другой Именительный падежъ.—Этою шаткостью объясняемъ мы, что даже въ суффиксномъ склоненіи, на *ять*, говорится въ творительномъ падежѣ иногда: *дитятью*; слѣдовательно, предполагая, что Именит.: *дитять*—женскаго рода. Эта шаткость производитъ въ единственномъ числѣ,—гдѣ особенно видно колебаніе между тематической формой слова, опредѣлившейся уже какъ имя женскаго рода, и между суффиксной на *ять*, — какую-то неловкость употребленія; такъ что даже вмѣсто слова: *дитя*,—кромѣ падежей Именительнаго и Звательнаго, пожалуй Винительнаго, — употребляется чаще и охотнѣе слово: *ребенокъ*.

Тематическая форма уменьшительнаго на *я* можетъ повториться при словѣ, пріобрѣтающемъ на концѣ особое прибавленіе

буквъ, особое окончаніе, которое объяснено въ статьѣ объ уменьшительныхъ; но какъ вопросъ образованія словъ, оно пейдетъ къ Грамматикѣ, относясь къ словопроизводству. — Впрочемъ подобное пріобрѣтеніе буквъ, послѣ котораго становится опять *я*,— дѣла нисколько не измѣняетъ.—Мы говоримъ о придаточномъ окончаніи *ен*, которое этимологически могли бы, пожалуй, объяснить образованіемъ изъ посоваго *я*, еслибъ это *ен* не являлось вообще степенью въ переходѣ уменьшительныхъ *(рука, руч-ен-ка)*. Напр. мы говоримъ: *лисята*. Но можно сказать и *лисенята*; первое предполагаетъ: *лися*, второе: *лисеня*. Изъ перваго образуется: *лисенокъ*, изъ втораго, хотя не такъ употребительно, образуется и говорится: *лисненокъ*. — Повторяемъ, дѣла это нисколько не измѣняетъ.

Теперь считаемъ нужнымъ обратить пристальное вниманіе на окончаніе *я*,—которое хотя относимъ къ одному разряду съ *я* въ словахъ: *имя*, *время*, слѣдовательно къ *я* невѣрному и шаткому, которое въ существѣ есть *е*, — тѣмъ не менѣе однако же мы не можемъ не видать нѣкоторой разницы, какъ по особому значенію словъ на *я*, принимающихъ суффиксъ *т* (*теля—телята*), такъ и по внѣшнему ихъ образованію. — Постараемся же рѣшить возникающіе вопросы и объяснить особенности этихъ словъ. Общее значеніе всѣхъ именъ на *я*, съ суффиксомъ *т* въ др. падежахъ *(теля, телята* и пр.), — есть уменьшительное по возрасту, есть по этому непремѣнно *дѣтство* живаго существа; здѣсь по этому высказывается отношеніе родственное ребенка къ родителямъ, и въ то же время общее значеніе рода. — Отношеніе ребенка къ родителямъ высказывается у насъ прилагательнымъ, образующимся изъ имени отца, какъ представителя рода; напр.: *Петровъ*, *Ивановъ*, и т. д. Кромѣ этихъ прямыхъ притяжательныхъ при именахъ человѣческихъ, есть другая форма, болѣе общая, на *ъ;* напр.: *Владимиръ*, *Иванъ*, и пр.—Это самое видимъ мы въ разсматриваемыхъ именахъ, выражающихъ не уменьшительное, но малое по возрасту; такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о животныхъ, то непрестающаго духовнаго сыновняго отношенія, выражающагося въ именахъ человѣческихъ, — здѣсь въ именахъ животныхъ нѣтъ, ибо дѣтство здѣсь тѣсно связано съ возрастомъ: какъ скоро исчезаетъ разница возраста между животными, отцомъ и дѣтьми, — то исчезаетъ всякая между ними разница: по этому имена, выражающія здѣсь отношеніе дѣтей къ отцу, не-

премѣнно выражаютъ *малый возрастъ*. Стоитъ только обратить вниманіе, и увидать не трудно, что всѣ имена эти на *я* образовались, какъ прилагательныя измѣняемыя (разумѣется въ первообразномъ видѣ), отъ именъ; напр.: *волкъ, волчь (волча)*; *куликъ, куличь*; *медвѣдь, медвѣжь; тигръ, тигрь*.—Какъ скоро человѣкъ является націей или родомъ, слѣдовательно, какъ скоро въ немъ выдается его *породная* сторона, онъ подходитъ подъ ту же категорію именъ на *я*; напр.: *Французъ, Француль (Француза); Прусакъ, Прусачь*, и т. д. — Объясненіе значенія и происхожденія этихъ именъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно; но какъ объяснить появленіе здѣсь *я*? Мы знаемъ, что здѣсь прилагательное притяжательное на *ь* приняло форму *я*: *волчя, тигря*, и пр.; нѣтъ никакого сомнѣнія думать, что *волчя, тигря*, и пр., образовалось изъ *волчь, тигрь*; но откуда же это *я*?—Скажемъ прежде всего, что это *я*, по многимъ указаніямъ, колеблется между *е* и *я*. Теперь замѣтимъ, что прилагательное въ первообразномъ своемъ видѣ *(добръ, добра, добро)* сохраняетъ форму и склоняется совершенно какъ *имя*, при чемъ можетъ также переходить и въ чистое имя: *добро*.—

Какъ же образовалось имя на *я (волчя*, и пр.)?—На это можно найти два объясненія. Первое очень просто; именно: берется средній родъ прилагательнаго притяжательнаго (разумѣется первообразнаго: *волчь*, напр.), который такъ легко переходитъ въ Имя *(добро, зло)*; средній родъ здѣсь у мѣста и по значенію своему— для выраженія существа, малаго по возрасту, неопредѣленнаго, гдѣ еще родъ не обозначается. Такимъ образомъ, отъ *волчь, телъ, робъ, тигрь*, является: *волче, теле, робе, тигре*. Этому объясненію какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ формы этихъ словъ въ языкахъ единородныхъ. Буква *я*, являющаяся у насъ (*теля*, и пр.) не можетъ служить возраженіемъ; мы видимъ ее и въ слогахъ, на *ме*, гдѣ *о*, или что то же, *е*—несомнѣнно (*сьме—сьмя*); преобладаніе *я* въ склоненіи (*телятн*) такъ же не должно смущать и такимъ же образомъ возможно, какъ и въ Именит. единственнаго (*теля* и пр); такое преобладаніе встрѣчается въ именахъ на *ме*, напр.: *племянникъ* и *племенникъ, письменный* и *письмянный*.— Носовой звукъ явился здѣсь, въ тѣхъ языкахъ, которые его имѣютъ, какъ нѣчто среднее между *е* и *я*. Въ нашемъ же языкѣ появленіе здѣсь этого *я*—весьма возможно, ибо подобное явленіе видимъ мы и въ *о* (*е*), замѣняемомъ *а (растъ, племя)*. Кромѣ того,

не знаемъ еще, какъ произносились у насъ имена средняго рода на *я*, ибо народъ теперь ихъ почти не употребляетъ; можетъ быть произносилось напр.: *те́ля*, тогда *я* уже не такъ слышно, какъ напр.: въ словѣ *вре́мя (време)*; если въ словѣ, которомъ кличутъ утокъ: *у́те*, *у́те*, *у́те*, *у́те*, слышно слово: *утя*, то можно думать, что оно произносилось какъ *уте*. Но положимъ, что оно говорилось *утя́*—(довольно и того, что въ склоненіи и во множ. *я*—несомнѣнно): тѣмъ не менѣе это *я* объясняется, какъ возможная и понятная намъ замѣна основнаго *е*,—о чемъ мы уже говорили выше.

Объясненіе наше кажется намъ удовлетворительнымъ: это средній родъ притяжательнаго прилагательнаго именнаго, переходящаго прямо въ чистое имя: *волче*, *теле*, и пр.; эта окончательная буква *е* является здѣсь, въ извѣстныхъ языкахъ, съ носовымъ звукомъ: *жрѣбѧ*, *kurię*; а въ нашемъ языкѣ оно переходитъ въ *я*: *волчя*, *теля*; переходъ возможный, который есть преимущественно дѣло произношенія.

Другое объясненіе состоитъ въ томъ, что притяжательныя прилагательныя первообразнаго вида: *волчь*, *тель*, и пр., не переходятъ въ средній родъ, а остаются въ мужескомъ, который также можетъ быть представителемъ породы, ибо само прилагательное притяжательное образуется отъ мужескаго рода. Множественное число отъ этихъ прилагательныхъ, употребляющихся вмѣсто имени, естественно принимаетъ собирательный видъ на *я (а)*, весьма здѣсь понятный, ибо рѣчь идетъ объ общей породѣ животнаго, о его *дѣтвѣ* такъ сказать.—Это собирательное множ. у насъ—есть: *я (а)*, форма, переходящая и въ Имя; буква *я* часто переходитъ здѣсь и въ *е (бояря, бояре)*.—Множественное отъ прилагательнаго притяжательнаго, напр.: *волчь*, *тель*, — будетъ: *волчя*, *теля*: но тогда бы, при переходѣ въ Имя, эта форма должна была быть женскаго рода: между тѣмъ она рода средняго; остается прибѣгнуть къ объясненію, что здѣсь возобладала во множественномъ буква *е (уголье)*, и по этому, при переходѣ въ Имя, явился родъ средній: *волче*, *теле*, и пр., и что потомъ, уже въ силу произношенія, появилась, вмѣсто *е*, и буква *я*.—Множественное слѣдовательно можетъ быть *волче*, *теле*, какъ *бояре*; хотя множественное такое вообразить нѣсколько трудно, однако оно возможно. Но нѣтъ примѣра, чтобы это множественное въ этомъ видѣ на *е* переходило въ *имя*: правда есть много такихъ примѣровъ, какъ:

уголье, каменье, но здѣсь не одно *я* и *е* во множественномъ, а *ія, іе*; слѣдовательно это не можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ. — Второе объясненіе наше кажется намъ не очень естественнымъ; хотя употребленіе собирательнаго множественнаго, переходящаго въ Имя,—по смыслу здѣсь и понятно, но самый переходъ формъ имени не удовлетворительно объясняется.—Мы предпочитаемъ первое объясненіе, въ пользу котораго говоритъ общее значеніе прилагательнаго первообразнаго средняго рода; то есть его общее именное значеніе и легкость перехода въ Имя.

Слово *дитя*, — какъ: *дѣти* отъ *дѣть* — можно объяснить вторымъ объясненіемъ, т. е., предполагая, что здѣсь *я* множ. удержалось, и слово, обративъ *я* въ женскую форму, перешло въ имя женскаго рода, потому что значеніе: *дитя* (*дитю, дитей*, и пр.; мн. *дѣти*), принимаетъ значеніе уже положительно-малаго, означающаго первый возрастъ вообще и общее отношеніе къ родителямъ.— Но такъ какъ есть и значеніе *уменьшительнаго по возрасту*, то *дитя* склоняется, какъ и прочія такія же уменьшительныя на *я* (*дитя, дитяти*, и пр.). — Но и здѣсь объясненіе это не подходитъ, ибо здѣсь уже должно допустить, что и во множественномъ *я* не перешло въ *е*; слѣдовательно, *я* удержалось прежде, чѣмъ множ. число перешло въ Имя.—Мы думаемъ, что и здѣсь можно принять объясненіе первое: т. е., что слово *дитя* есть просто средній родъ первообразнаго притяжательнаго, т. е: *дѣте*, какъ и видимъ въ другихъ языкахъ. Въ нашемъ оно принимаетъ въ произношеніи вмѣсто *е—я*, и склоняется, какъ и другія такія же имена; но кромѣ того оно имѣетъ и женскую форму: *я*, и слѣдуетъ склоненію имени женскаго. Мы думаемъ, что, такъ какъ *дитя* получило и самостоятельное значеніе, то это *я* утвердилось при немъ въ этомъ значеніи, уже какъ твердая женская форма, имѣющая и множественное: *дѣти*.—Подвижность формъ дѣло несомнѣнное.—Можно даже думать, что въ этомъ случаѣ, когда *дитя* получаетъ форму женскаго имени, оно есть множественное собирательное отъ *дѣть*: *дитя*, перешедшее въ имя женскаго рода, какъ *господа*. Этому однако противорѣчитъ нѣсколько шаткость рода при *дитя*, даже и въ этомъ смыслѣ; и потомъ то, что склоненіе весьма смѣшивается. Родительный падежъ множеств.: *дѣтей*—указываетъ на форму *дѣть* (*дѣть*), которую мы готовы признать (если только это не есть позднѣйшая неправильность).—Такія составныя склоненія весьма возможны и встрѣчаются въ языкѣ.—Такимъ образомъ слово:

дитя въ единственномъ имѣетъ среднюю форму *дѣте*, переходящую въ *дѣтя* какъ и другія подобныя слова, какъ *волча*, *теля*, и пр.; имѣетъ, сверхъ того, женскую форму *дѣтя* (*дитя*), образовавшуюся: или чрезъ усиленіе *я*, вслѣдствіе особаго, самостоятельнаго значенія, принимаемаго этимъ словомъ, или образовавшуюся изъ множест. собирательнаго отъ *дѣть*: *дѣтя*, удержавшуюся въ формѣ Имени, вслѣдствіе того же самостоятельнаго значенія. Мы предпочитаемъ первое объясненіе. Множественное число образуется: или какъ другія такія же слова на *я*: *волчата*, *телята*,—*дѣтята*; или же образуется, вслѣдствіе сказаннаго нами значенія, отъ *дитя* женской формы—*дѣти*; а м. б. отъ неупотребительнаго *дѣть*,—вѣроятно муж. рода—и слѣдуетъ, во мн., склоненію слова: *путь*. Такимъ образомъ въ словѣ: *дитя* видимъ мы три формы.—Слово: *робенокъ* замѣняетъ иногда слово: *дитя*; но *робя* не получило такого же значенія, какое принадлежитъ формѣ женской; оно образуется очевидно отъ слова: *рабъ* или *робъ*—*робь*, которое не имѣло прежде значенія невольника и значило: *дѣлающій*. Это доказываетъ, между прочимъ, глаголъ: *роблю*, имя: *паробокъ*. Въ этомъ смыслѣ (т. е.: *дѣлающій*), слово: *робъ* было общимъ наименованіемъ человѣка.—Въ словѣ: *дѣтя* не мудрено открыть тоже глаголъ: *дѣю*.

Замѣчательно, что въ Греческомъ языкѣ есть сходная форма именъ средняго рода на α, Родительный: ατος; но имена эти не имѣютъ того значенія, какое есть въ Русскомъ языкѣ.—*)

Вотъ склоненія именъ со всѣми ихъ особенностями. Мы видимъ, что нѣтъ ни неправильностей, ни исключеній. Все стройно, все слѣдуетъ внутреннимъ началамъ и законамъ, на основаніи которыхъ уже свободно дѣйствуетъ употребленіе, иногда оставляя въ сторонѣ одну форму склоненія и предпочитая другую, иногда

---

*) Здѣсь кончается первый выпускъ первой части Грамматики, изданный авторомъ еще при жизни, въ 1860 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины. Изъ втораго выпуска онъ успѣлъ окончательно просмотрѣть въ корректурѣ только два листа и начало третьяго. Какъ эти листы 2-го выпуска, такъ и все продолженіе Грамматики до конца 1-го отдѣла объ именѣ существительномъ (см. 469 стр.) напечатаны здѣсь подъ редакціей Петра Алексѣевича Безсонова, которому и принадлежатъ всѣ подстрочныя примѣчанія, отмѣченныя буквою Б. См. въ началѣ тома объясненіе „Отъ издателя.“ *Изд.*

составляя изъ разныхъ формъ одно цѣлое склоненіе, однимъ словомъ распоряжаясь тѣмъ, что̀ уже есть. Для впѣшняго, поверхностнаго взгляда, отсюда возникаетъ множество неправильностей; но взглядъ, направленный къ сущности слова, легко отдѣлитъ употребленіе отъ закона, и подъ наружною неправильностью увидитъ цѣлый строй многозначащихъ измѣненій и вообще жизни слова, на который намекаютъ эти, такъ называемыя, несообразности, эти неправильности языка. — Понять и оправдать слово, объяснить его существенные законы и измѣненіе ихъ въ употребленіи—дѣло Грамматики. Отношеніе употребленія къ началамъ и законамъ также имѣетъ смыслъ, который требуетъ своего подробнаго объясненія. Но мы это теперь оставляемъ въ сторонѣ, отчасти потому, что объясненія эти принадлежатъ къ другой области науки слова.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Языки Индо-Европейскіе, соплеменные.

Мы вполнѣ признаемъ всю важность сравнительной Грамматики, понятой настоящимъ образомъ, руководимой общею мыслію слова и мыслію, выраженною въ каждомъ языкѣ, безъ чего сравнительная Грамматика грозитъ обратиться въ одну забаву отыскиванья сходства между языками, — забаву, которая, при всемъ напряженномъ трудѣ, все остается забавою, и самый трудъ становится праздностью. Въ этомъ отдѣлѣ хотимъ мы взглянуть на соплеменные древніе языки и на языки сродные Славянскіе—въ сравненіи ихъ съ языкомъ Русскимъ, подразумѣвая подъ его именемъ и тѣ, впрочемъ не многочисленныя, формы и измѣненія языка, которыя были въ немъ нѣкогда, а теперь не находятся; то есть: подъ Русскимъ языкомъ мы разумѣемъ какъ современный, такъ и древній Русскій языкъ, весьма, впрочемъ, мало отличающійся отъ современнаго.

Между Именами Русскаго языка и между Именами другихъ языковъ Индо-Европейскихъ, съ перваго уже взгляда, видна ощутительная разница.—Эта разница находится въ самомъ окончаніи

словъ и особенно въ отсутствіи во всѣхъ этихъ языкахъ буквы *ъ*, при чемъ слова, оканчивающіяся не на гласныя, получаютъ всѣ возможныя окончанія согласныхъ, тогда какъ *ъ* (смягченно *ь*, *й*) въ нашемъ языкѣ разомъ замыкаетъ всѣ согласныя и подводитъ ихъ къ одному общему окончанію, и вмѣстѣ къ одному роду (мужескому). — Это не значитъ, чтобы буквы *ъ* *) вовсе не было въ этихъ языкахъ; безъ нея не можетъ образоваться никакая буква, слѣдовательно *ъ* необходимо присутствуетъ: но онъ не получилъ начертанія въ другихъ языкахъ, и, главное, не былъ замѣченъ ими, ихъ фонетическимъ движеніемъ.—Какъ очевидный признакъ его замѣтнаго, осязательнаго присутствія, является буква *ы*, которой, кромѣ Русскаго языка, мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ языкахъ, и кромѣ Русскаго, сохранилось также *ы*, какъ чисто Славянская, коренная буква.

Кромѣ окончанія словъ въ его настоящемъ видѣ (мы разумѣемъ здѣсь не только его основную форму, но вообще падежъ Именительный), кидается въ глаза разница самыхъ измѣненій словъ въ склоненіи. Русское склоненіе отличается гласностью своихъ окончаній, тогда какъ другіе языки—согласностью.

Указавъ на это общее различіе, приступимъ къ различіямъ въ частности.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на настоящій, первый видъ Имени, который, по нашему мнѣнію, и есть падежъ Именительный. Съ этимъ же падежемъ, какъ съ основнымъ, связана и разница именъ по родамъ. Здѣсь также, при разсматриваніи самого имени, должны быть разсмотрѣны тематическія и суффиксныя его формы.

Первый основный видъ Имени, или падежъ Именительный.

Въ языкѣ Санскритскомъ, *основная форма* (Grundform) отдѣляется отъ всѣхъ измѣненій слова и понимается отдѣльно. Подъ этою основною формою разумѣется и такая, которая въ языкѣ не является сама по себѣ, дѣйствительно, а находится въ словѣ, прибавившемъ уже къ этой формѣ суффиксъ. Эту *основную форму*, но не въ отвлеченномъ ея видѣ, а существующую и выра-

*) Здѣсь подъ *буквою* К. С. А. разумѣетъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, *звукъ*.—*Б.*

зившуюся въ языкѣ дѣйствительно, приняли мы называть *формою тематическою*, что̀ почти то же: названіе это мы позволимъ себѣ удержать. Санскритскіе грамматики различаютъ основную форму имени отъ Именительнаго падежа, гдѣ уже видятъ они суффиксъ, собственно ему свойственный.

Основная (или тематическая) форма, какъ говоритъ Боппъ, въ Санскритскомъ языкѣ является въ Именительномъ падежѣ въ именахъ женскаго рода (собственно на *â* и *î*) и именахъ средняго. Въ именахъ мужескаго рода она является почти всегда съ суффиксомъ. именно: s. — По мнѣнію Боппа, состояніе словъ въ суффиксной формѣ есть древнѣйшее. — Такимъ образомъ выходитъ, что Именительный падежъ имѣетъ свое *падежное* окончаніе, отличающее его отъ основной естественной формы слова: это окончаніе есть суффиксъ *s*. Такому мнѣнію кажется должно было бы противорѣчить отсутствіе суффиксовъ въ именахъ женскаго рода. какъ въ Санскритскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ, отсутствіе собственно въ женскихъ окончаніяхъ, въ основныхъ гласныхъ долгихъ: *â î* ,—отсутствіе, признаваемое вполнѣ и Боппомъ. Считая, что Имя вообще нашло себѣ настоящее полнѣйшее выраженіе собственно въ именахъ женскаго рода, особенно когда они оканчиваются на *a*, думаемъ мы, что отсутствіе въ нихъ суффикса должно было бы остановить предположеніе о древности суффикса *s*. Боппъ самъ говоритъ, что имена женскаго рода отличаются въ Санкритскомъ языкѣ богатствомъ и полнотою формъ. То же самое, сказать между прочимъ, замѣтили мы и въ женскихъ именахъ въ Русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе Боппъ не смущаясь думаетъ, что древнѣйшее состояніе именъ женскихъ на *a* было съ суффиксомъ. Онъ находитъ этотъ суффиксъ только въ одномъ языкѣ: въ Латинскомъ, въ V-мъ склоненіи на *es*, которое толкуетъ онъ какъ соотвѣтственное *as*, изъ котораго *es* образовалось. Достаточно ли такое объясненіе отсутствія суффикса *s* въ именахъ женскихъ, объясненіе, подкрѣпленное однимъ предположеніемъ безъ всякого дѣльнаго основанія?...

Обратимъ же вниманіе на окончанія именъ, или на Именительный падежъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на роды именъ, роды, которые неотъемлемо соединены съ окончаніями именъ или съ падежемъ Именительнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ бросимъ здѣсь сравнительный взглядъ, какъ на Санскритской, такъ и на другіе языки.

Имена въ языкахъ Санскритскомъ, Зендскомъ, Греческомъ, Ла-

тинскомъ, Готскомъ, Литовскомъ, оканчиваются на согласныя и на гласныя.

1) Именамъ, оканчивающимся въ сихъ языкахъ на согласныя, соотвѣтствуютъ въ Русскомъ языкѣ имена, оканчивающіяся на *ъ*; окончаній же на согласную букву у насъ нѣтъ. — Мы видимъ, что тутъ разница не въ одномъ начертаніи, что въ сплеменныхъ языкахъ отсутствуетъ не одно только изображеніе *ъ*. — Потерявшія гласное значеніе *ъ* и, такъ сказать, обнаженныя имена другихъ языковъ, оканчивающіяся на согласныя, разсыпаются по всѣмъ родамъ, слѣдуя конечно или указаніямъ буквъ, или употребленію. — Въ языкѣ Русскомъ, на оборотъ, всѣ согласныя окончанія, имѣя послѣ себя одну букву *ъ*, соединяются въ одинъ разрядъ, и всѣ *непремѣнно* мужескаго рода. Въ нѣкоторыхъ сродныхъ (Славянскихъ) языкахъ, стоящихъ ниже языка Русскаго *), буква *ъ* не пишется, и выходятъ окончанія согласныя, но правило то же (ибо *ъ* отсутствуетъ собственно только по начертанію, произвольно), и всѣ имена, оканчивающіяся въ этихъ языкахъ на согласныя, — мужескаго рода. — Эта разница между Русскимъ и другими Индо-Европейскими языками очень важна, и особенность Русскаго языка весьма замѣчательна.—Какъ видоизмѣненіе *ъ*, является буква *ь*.—видоизмѣненіе, слышимое быть можетъ и въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ, и очевидное въ языкахъ Славянскихъ (гдѣ *ъ* не изображается) въ смягченныхъ окончаніяхъ согласныхъ: *с́*, *з́*, и пр. — *ь*, являясь какъ смягченный *ъ*, совершенно имѣетъ то же значеніе, и непремѣнно рода мужескаго (какъ сокращенное *и*, отъ рода женскаго, о чемъ было уже говорено). Причисляя букву *й* къ согласнымъ, зная ея сродство съ *ъ* и находя въ ней его дѣйствительное присутствіе (см. выше), мы относимъ ее къ общему окончанію: *ъ*. *Й* также *непремѣнно* означаетъ мужескій родъ. Мужескій родъ имѣетъ въ именахъ особую характеристику, не только въ нашемъ, но и въ другихъ Европейскихъ языкахъ; неопредѣленность и зыбкость окончанія вездѣ въ немъ замѣтны; онъ лишенъ опредѣленной долгой гласной *а*, не имѣетъ того богатства формъ, какое имѣютъ имена женскаго рода. Все это, весь мужескій характеръ вполнѣ выражается начальною, отвлеченною, глухою буквою *ъ*, которая какъ бы стремится постоянно выразиться и осуще-

*) Если брать ихъ порознь.—*Б.*

ствиться. Всѣ имена мужескаго рода оканчиваются въ Русскомъ языкѣ на *ъ*.

Окончаніе *ъ* кажется намъ первоначальнымъ: какъ по значенію самого *ъ*, значенію безспорно древнѣйшему (самое присутствіе *ъ* въ языкѣ есть уже право его на древность), и по соотвѣтствію этого значенія съ значеніемъ мужескаго рода, такъ и потому, что нельзя предположить, чтобы языкъ *потомъ* прибавилъ *ъ* къ согласнымъ, и всѣ слова, такъ оканчивающіяся, отнесъ къ мужескому роду. Такое распоряженіе могутъ сдѣлать г-да грамматики, да и то въ языкѣ, уже лишенномъ богатства измѣненій,—но не языкъ: языкъ не сдѣлаетъ такой искусственной рубрики, если прежде не было въ немъ такого *дѣйствительнаго* опредѣленія, и еще языкъ, каковъ Русской, столько живой, столько богатый измѣненіями и древними формами. Какъ ни странно можетъ показаться наше мнѣніе, но мы отдаемъ въ этомъ случаѣ первенство Русскому языку, и вообще Славянскому, передъ всѣми его собратіями, какъ по разуму окончанія именъ мужескаго рода, такъ, смѣемъ думать, и по древнѣйшей первоначальности этого окончанія.

2) Имена, оканчивающіяся на гласныя буквы, въ сплеменныхъ поименованныхъ языкахъ, также принадлежатъ всѣмъ тремъ родамъ: но однако окончанія эти не одинаковы для всѣхъ родовъ.—Окончанія на гласныя видимъ и въ языкѣ Русскомъ (въ именахъ женскаго и средняго рода), но съ значительною разницею отъ языковъ сплеменныхъ.—Въ языкѣ Санскритскомъ имена мужескаго и средняго рода оканчиваются на короткія: *a*, *i*. *u* (*y*), при чемъ мужескія—всегда съ суффиксомъ *s*, а среднія на *a*—съ *m*.—Имена женскаго рода оканчиваются на долгія *ā*, *ī*, *ū*. Женское *ā*—всегда долгое и принадлежитъ только одному женскому роду. Но долгія *ī*. *ū*, хотя очень рѣдко, встрѣчаются и въ мужескомъ родѣ.—На *ē* въ Санскритскомъ языкѣ нѣтъ окончаній, на *āi*—немного. На *o*—окончаніе очень рѣдко, а на *āu*—извѣстны Боппу только *dvā*.—Изъ этого краткаго обозрѣнія окончаній именъ, въ ихъ основной формѣ, въ Санскритскомъ языкѣ, видимъ мы только одно положительное основаніе: *a*—исключительно для женскаго рода. Это коренное окончаніе удержалось и въ другихъ языкахъ: въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ оно необходимая принадлежность женскаго рода (среднія на *α*—*ατος* имѣютъ особое объясненіе).—То же самое въ языкахъ

Русскомъ и Славянскомъ вообще. Въ языкѣ Зендскомъ, *a* короткое, не женскаго рода, большею частію переходитъ въ *o* и даже въ *e:* оно появляется вновь при энклитической частицѣ: *ća.*— Въ Литовскомъ находится такое же *a* въ именахъ мужескаго и средняго рода, какъ и въ Санскритскомъ: то же встрѣчается и въ Готскомъ языкѣ.

Разница Русскаго языка, представляющаяся съ перваго взгляда, очевидна. Въ Русскомъ языкѣ имена мужескаго рода не оканчиваются *вовсе* на гласныя. На гласныя—и *только* на гласныя—оканчиваются имена женскаго и средняго рода: женскаго рода—на *a*, *и (ы)*; средняго—на *o*. Долгота гласныхъ въ Русскомъ языкѣ *) теперь почти не примѣтна.

Разсмотримъ гласныя окончанія подробнѣе по родамъ. — Имена мужескаго рода оканчиваются въ Санскритскомъ на короткія: *a*, *i*, *u*.—Эти окончанія видимъ мы и въ Литовскомъ языкѣ, въ Готскомъ слабо. Но въ Зендскомъ уже видимъ мы, что въ мужескомъ родѣ, вмѣсто *a*, является *o*, и только съ помощію *ća* выказывается оно въ словѣ. на примѣръ: *aśpô — aśpaśća*. Въ языкахъ же Латинскомъ и Греческомъ буква *a*, безъ различія долготы,—всегда женская. и въ мужескомъ родѣ вовсе не встрѣчается. Боппъ думаетъ её видѣть въ Латинскомъ языкѣ. въ сложныхъ: *cola*, *gena* и проч.: но эти слова относятся къ той же категоріи, какъ и Русскія: *слуга. пьяница* (при чемъ слѣдуетъ замѣтить это соотвѣтствіе) и склоняются, какъ и въ Русскомъ, сообразно женскому склоненію. Слова эти были уже достаточно объяснены выше: онѣ—женскаго рода, и только *употребляются* въ родѣ мужескомъ; ихъ женской родъ всего сильнѣе доказывается ихъ склоненіемъ.—Въ Греческомъ языкѣ Боппъ указываетъ на окончаніе ᾱς, при именахъ мужескаго рода, изъ котораго образовалось ης; онъ видитъ здѣсь то же мужеское *a*. какое и въ Санскритскомъ; но. намъ кажется, здѣсь подходитъ то же объясненіе, которое мы уже сказали сейчасъ о *cola*: склоненіе тоже подтверждаетъ нашу мысль: правда. Родительный падежъ оканчивается на *ov*. окончаніе мужескаго или средняго рода (на что и ссылается Боппъ), но кажется естественнѣе допустить его какъ исключительное вторженіе падежа мужескаго, ибо всѣ остальные, напротивъ, падежи

*) Такъ называемомъ — образованномъ, письменномъ или книжномъ. — *Б.*

женскіе *). Что же касается до сложныхъ: μυροπώλης, παιδοτρίβης, то, по словамъ Боппа, посредствующее *o*, не принадлежа къ корнямъ ΠΩΛ и ΤΡΙΒ, служитъ общею посредствующею буквою, ссылка, которой мы не очень понимаемъ. — Въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, вмѣсто *a*, видимъ мы окончаніе *o* и *u* въ мужескомъ родѣ.—Изъ всего сказаннаго очевидно, что окончанія гласныя въ мужескомъ родѣ очень измѣняемы. Мы не знаемъ, какъ произносилось Санскритское *a*, но его неопредѣленность видна въ соотвѣтственныхъ ему гласныхъ другихъ языковъ, которыя на *a*: совсѣмъ не то *a* женское.—Прибавимъ, что большею частію въ Санскритскомъ языкѣ, и всегда въ другихъ, *a* мужеское—*съ суффиксомъ*; въ окончаніяхъ же Греческаго и Латинскаго языковъ видимъ мы соотвѣтственныя *o* и *u* также всегда съ суффиксомъ, что̀ можетъ указывать на другое. Подобное гласное окончаніе въ именахъ мужескаго рода увидимъ мы, пожалуй, и въ Русскомъ языкѣ, на примѣръ *человѣко-тъ*, *стуло-тъ*: или по Московскому, усиленному, произношенію — *человѣка-тъ*, *стула-тъ*; здѣсь въ *o* и *a* оглашается *ъ*: но объ этомъ ниже. Мужескія *i* и *u* сохраняются въ соплеменныхъ языкахъ, но не иначе, какъ съ помощью суффикса, подобно Санскритскому языку (въ Лит. есть звукъ этого рода, но смѣшанный). Въ Готскомъ *i* не выговаривается.—Въ Греческомъ буква *u* (наша *y*) соотвѣтствуетъ *i*, буква довольно неопредѣленная.—И такъ мы должны сказать, что гласность окончанія именъ мужескаго рода неопредѣленна и по этому не сильна, не ощутительна, и, быть можетъ, по особымъ законамъ вытекаетъ изъ нашего *ъ*, который въ этихъ языкахъ утраченъ въ своемъ дѣйствительномъ значеніи: или почти совершенно поглощенъ, какъ въ окончаніяхъ согласныхъ, или оглашается и принимаетъ выраженіе то той, то другой гласной буквы, лучше сказать—видъ гласной буквы, подобно какъ это бываетъ и у насъ: *стуло-тъ*, *стула-тъ* или же *градо-съ*, *града-съ* (*gradŏ-s*, *gradă-s*). Но объ этомъ подробнѣе ниже.

Въ языкѣ Русскомъ имена мужескаго рода вовсе не оканчиваются на гласныя; ихъ общее, одно окончаніе — *ъ*; это окончаніе,

*) Впрочемъ Боппъ отказывается, уже въ первомъ изданіи своей сравнительной Грамматики, въ концѣ, отъ этого мнѣнія, именно въ Wortbildung §§ 914, 910, на что онъ и ссылается во второмъ изданіи своей сравнительной Грамматики, § 118.

какъ сказали мы, соотвѣтствуетъ согласнымъ окончаніямъ другихъ языковъ; но только соотвѣтствуетъ. Ъ имѣетъ въ Русскомъ языкѣ, и даже въ другихъ Славянскихъ, дѣйствительное значеніе; онъ понятъ и удержанъ Русскимъ языкомъ. Безъ сомнѣнія, значеніе его замѣтно и дѣйствительно, когда великіе составители Азбуки означили его особымъ начертаніемъ. — Положительнымъ выраженіемъ его звука является, какъ уже сказано, буква *ы*.

Имена женскаго рода оканчиваются въ Санскритскомъ языкѣ на гласныя долгія *â*, *î*, *û*; впрочемъ *i*, *u* являются и въ краткомъ видѣ, что̀ весьма легко допускается (окончанія на *ô* и *âu*, какъ весьма рѣдкія, мы вообще оставляемъ въ сторонѣ). Особенность именъ женскихъ, самыхъ богатыхъ и развитыхъ въ своихъ измѣненіяхъ, замѣтимъ, есть *основная* или *тематическая ихъ форма. безъ суффикса* Именит. падежа *s*,—собственно *a* долгое. Мы уже говорили, это есть прямое указаніе на то, что древнѣйшее состояніе слова есть тематическое.—Окончаніе женское: *a*, *не имѣющее суффикса*, обще всѣмъ древнимъ Индо-Европейскимъ языкамъ и есть, по нашему, самый древній и первобытный памятникъ древнѣйшаго человѣческаго Слова, собственно: Имени. — Въ языкѣ Латинскомъ оно *исключительно* женскаго рода, даже безъ отношенія къ долготѣ. Въ языкѣ Греческомъ то же; но мы видимъ въ немъ *a* короткое, III-го склоненія, въ тематическомъ видѣ, и въ среднемъ родѣ. То же видимъ въ Литовскомъ и Готскомъ: въ этомъ долгое *a* утратилось вообще. Въ Зендскомъ и Санскритскомъ оно является въ другихъ родахъ, въ краткомъ видѣ.—*I* является, какъ въ Санскритскомъ (почти вездѣ), такъ и въ другихъ языкахъ, съ суффиксомъ. Въ Готскомъ *i* сократилось (похоже, быть можетъ, на наше ь). Въ Литовскомъ *i* въ женскомъ родѣ не находится.—*I* (долгое) является впрочемъ, въ Санскритскомъ и Зендскомъ языкахъ, и безъ суффикса. Въ Зендскомъ языкѣ есть также женскія окончанія на *e*.

Въ языкѣ Русскомъ, въ именахъ женскаго рода, видимъ мы окончанія на *а* и *и* (*i*).—Суффиксовъ нѣтъ: впрочемъ мы самый суффиксъ объясняемъ иначе (см. в.). — Кромѣ этихъ окончаній, есть еще окончаніе *ы*, которое относимъ мы къ одной категоріи съ *и*: оно, впрочемъ, въ настоящемъ Русскомъ языкѣ не употребляется.—Простота и положительность Русскихъ окончаній показываетъ, по нашему мнѣнію, ихъ первобытность.—*А* есть окончаніе общее всѣмъ языкамъ. Оно является въ Русскомъ языкѣ и въ

смягченномъ видѣ: *я*.— *И*, сократившееся у насъ въ произношеніи, какъ *ь*,—соотвѣтствуетъ, нѣкоторымъ образомъ, даже по употребленію, Санскритскому и также Литовскому *i* безъ суффикса. *И*, также какъ и въ этихъ языкахъ, является окончаніемъ женскаго причастія, напр. *имущи*, теперь вышедшаго изъ употребленія въ Русскомъ языкѣ. — Оно также употребляется для означенія женскаго рода, образованнаго изъ мужескаго: въ Санскритскомъ *ǵanitrî, Indrânî*. Слово *Indranî* значитъ супруга Индры и образовано отъ *Indra*. Этому слову, также *râǵnî, râǵanî*,соотвѣтствуетъ наше слово *княгини*, которое въ этомъ видѣ, слѣдовательно съ *и* не сокращеннымъ, попадается въ нашихъ памятникахъ.

Имена средняго рода оканчиваются въ языкѣ Санскритскомъ на краткое *a*, съ суффиксным *m* (иногда *t*), на *i*, *u*; впрочемъ есть и одно *a*: *nama*, хотя здѣсь *a* уже предполагаетъ носовую букву и соотвѣтствуетъ нашему *я* въ въ словахъ на *мя*.—Въ Зендскомъ это *a* является какъ *o* и даже *e*.—Въ Греческомъ главная окончательная гласная именъ средняго рода есть *o* съ суффиксным *ν*, кромѣ того видимъ *i*: ἴδρι; также *u* (наше *y*), какъ *r*: μέθυ. Есть и α III-го склоненія, соотвѣтствующее нашему *я* (Род. *яти*).— Въ Латинскомъ видимъ мы окончательную гласную *o* съ суффиксным *m* (*om*); изъ этого *o* образовалось впослѣдствіи *u* (*um*); также гласную *e*: есть и просто *u*. — Въ Литовскомъ есть *a* и *u*. — Въ Готскомъ *a*, *u* и *o*.

Въ языкѣ Русскомъ для именъ средняго рода есть одно окончаніе: гласная *o*, являющаяся и смягченно какъ *ё*, *e*. Мы видимъ опять, что въ языкахъ древнихъ окончаніе шатко. Какъ надо понимать это краткое *a* средняго рода въ языкѣ Санскритскомъ, мы не знаемъ; его соотвѣтствіе съ *o*, которое вмѣстѣ съ *e* присутствуетъ какъ основное окончаніе въ другихъ языкахъ,—все заставляетъ насъ думать, что выговоръ этого *a* былъ неточенъ и подходилъ къ *o*. Любопытно, между прочимъ, сходство Зендскаго *vacô* съ нашимъ *вѣче* или *вѣчо*, ибо здѣсь *e* есть смягченіе *o*.—И самое значеніе окончанія *o*, и простота этого окончанія и наконецъ сильное съ нимъ соотвѣтствіе въ языкахъ, заставляетъ насъ думать, что это окончаніе *o* есть, можетъ быть, первообразное въ именахъ средняго рода.

Мы разматривали пока окончанія тематическія: въ Русскомъ языкѣ эти окончанія въ то же время—Именительные падежи. Въ немъ ни суффиксы, никакія наращенія не измѣняютъ нисколько окончаній; слово можетъ распространяться и дѣлаться сложнѣе, можетъ пріобрѣтать суффиксъ къ темѣ своей, но при этомъ окончанія Имённыя остаются все тѣ же и только становятся тогда на концѣ суффикса или наращенія. — Сверхъ того, суффиксъ и отношенія его къ тематической формѣ, къ тематическому виду слова, мы понимаемъ иначе.—Указавъ Русскія окончанія *ъ*, *а*, *о*, *и*, мы опредѣлили окончанія и всѣхъ тематическихъ именъ, и въ то же время всѣхъ именъ суффиксныхъ; мы тутъ же опредѣлили и Именительный падежъ нашего склоненія. Но въ другихъ языкахъ мы видимъ не то. Въ другихъ древнихъ языкахъ тема отличается отъ Именительнаго падежа. Именительный падежъ получаетъ *свое* окончаніе, иногда отбрасываетъ даже часть тематическаго слова, иногда сокращаетъ его, или тому подобное. Такъ бываетъ это въ другихъ языкахъ, или лучше *такъ* понимаютъ и объясняютъ грамматики. По этому должны мы обратиться собственно къ Именительному падежу: разсмотрѣть прежде всего его падежное окончаніе, или суффиксъ *s*; потомъ взглянуть на Именительный падежъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ, по мнѣнію грамматиковъ, сокращаетъ тематическую форму или утрачиваетъ часть оной (а по нашему на оборотъ является въ тематическомъ видѣ, а остальные падежи въ суффиксномъ). Само собою разумѣется, что при этомъ мы должны сдѣлать сравненіе Именительнаго падежа въ языкахъ соплеменныхъ, Индо-Европейскихъ, и вмѣстѣ въ Русскомъ.

При этомъ, какъ увидимъ, будетъ сравненъ самый видъ имени (ибо падежъ Именительный, какъ думаемъ, есть настоящее, независимое состояніе слова). Наконецъ, здѣсь же, при разсмотрѣніи Именительнаго падежа, мы надѣемся увидать отношеніе и самой мысли нашей о суффиксахъ къ языкамъ древнимъ, и пр. и пр. Мы не беремъ на себя трудной задачи, подробно и удовлетворительно объяснять древніе языки: эта задача, въ полномъ ея объемѣ, была бы или выше настоящей степени нашихъ знаній, и здѣсь не у мѣста; но мы думаемъ коснуться такого объясненія, сколько это будетъ нужно и возможно.

Суффиксы склоненія.

Объясненіе Именительнаго падежа, къ которому приступаемъ, получаетъ обширный смыслъ: оно есть объясненіе суффиксовъ склоненія. Это уже видно изъ сказаннаго нами выше.

Между суффиксами прежде всего укажемъ на суффиксы *падежные* Именительнаго падежа. Именно: *S*, который и всѣ грамматики признаютъ суффиксомъ, съ тою разницею, что они этотъ суффиксъ считаютъ необходимою принадлежностью, знакомъ Именительнаго падежа, явленіемъ древнѣйшимъ; а мы считаемъ этотъ суффиксъ однимъ изъ видовъ Именительнаго, рядомъ съ тематическимъ его видомъ безъ суффикса, и признаемъ древнѣйшимъ тематическій видъ. Для именъ средняго рода грамматики этого суффикса не признаютъ, а признаютъ, хотя не такъ строго, другой, именно *t*. Мы же, признавая и здѣсь тематическій видъ древнѣйшимъ, сверхъ того видимъ въ именахъ средняго рода, въ языкахъ соплеменныхъ, вспомогательное наращеніе, букву *m*, которая соотвѣтствуетъ суффиксу *s*, но суффиксомъ назваться не можетъ, ибо не имѣетъ никакого значенія, ни даже оттѣнка, и есть явленіе чисто звуковое.

Кромѣ этихъ падежныхъ суффиксовъ (являющихся, какъ надѣемся увидать, не въ одномъ Именительномъ падежѣ), есть суффиксы и другіе. Но за суффиксы они грамматиками не признаются. Суффиксы эти проходятъ сквозь все склоненіе, не становясь на концѣ падежей, а дѣлаясь частью самого имени, придавая ему суффиксную форму. Именительный же падежъ, встрѣчающійся, при такихъ суффиксахъ, обыкновенно въ формѣ тематической, и отличающійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ другихъ падежей, суффиксныхъ,—грамматики считаютъ неполнымъ, сократившимся, или утратившимъ часть тематической формы, которую видятъ они въ суффиксныхъ падежахъ склоненія.—Скажемъ кстати, что суффиксы падежные *s* и *t* могутъ, не являясь въ Именительномъ падежѣ, проходить и сквозь все склоненіе, какъ суффиксы имённые; тогда грамматиками они не узнаются, а признаются, тѣмъ же порядкомъ, за часть темы. Впрочемъ суффиксъ *s* не является въ такомъ видѣ въ соплеменныхъ языкахъ (за исключеніемъ Латинскаго): за то въ Русскомъ мы его видимъ (именно *коло*, *колеси*, и пр.). Суффиксъ же *t* очень часто проходитъ въ соплемен-

ныхъ языкахъ сквозь все склоненіе. — Суффиксы втораго рода суть: *t* (*d*), *n*, *r* и полусуффиксъ *v*.

И такъ разницы между суффиксами собственно нѣтъ, но ихъ различаетъ употребленіе: одни примыкаютъ снаружи къ окончанію падежей и не сливаются со словомъ; другіе же становятся, такъ сказать, внутри падежныхъ окончаній и дѣлаются частью слова. — Часто падежные суффиксы придаются къ суффиксамъ (если не въ Именит., то въ др. падежахъ), проходящимъ сквозь все склоненіе.—Не сливаясь въ одно цѣлое съ именемъ, и придаваясь и къ тематической, и къ суффиксной его формѣ, падежные суффиксы (легко отдѣляемые) не мѣшаютъ различію формы тематической и суффиксной. Но само собою разумѣется, что имя, взятое вмѣстѣ съ падежнымъ суффиксомъ *), находится въ суффиксномъ, а не въ тематическомъ видѣ. Суффиксы перваго рода называемъ мы *падежными* и бродячими, а суффиксы втораго рода суффиксами *имёнными* и постоянными. Употребленіе избрало. въ соплеменныхъ (Индо-Европейскихъ) языкахъ, суффиксъ *s*, какъ суффиксъ падежный и бродячій; а суфиксъ *t* употребляется и какъ падежный, и какъ имённый суффиксъ. Иногда все имя является въ тематическомъ видѣ, на примѣръ: *leg-s (лех)* (мы сказали, что подвижные суффиксы тематической и суффиксной разницѣ формъ не мѣшаютъ: по этому мы называемъ *leg-s* формою тематическою, разумѣется отдѣляя бродячій суффиксъ). — Иногда все имя является въ суффиксной формѣ, но тогда суффиксъ до того сливается съ именемъ, что и не замѣчается, ибо нѣтъ различія въ другихъ падежахъ (напр. *ри-с-г.* или наше *пар-е-нь*). Суффиксъ тогда становится на мѣсто образовательнаго окончанія.

И такъ всѣхъ безъ различія суффиксовъ, встрѣчаемыхъ нами въ соплеменныхъ языкахъ и въ языкѣ Русскомъ, пять; именно: *S, T, R, N, V*.—Употребляемъ преимущественно здѣсь иностранныя буквы, какъ вообще принятыя для языковъ соплеменныхъ, Индо-Европейскихъ, что̀ удобнѣе при сравненіи языковъ.

Разсмотримъ суффиксы отдѣльно по родамъ.

---

*) Мы различаемъ *падежный суффиксъ* отъ *падежнаго окончанія:* ихъ никакъ не должно смѣшивать.

Имена мужескаго рода.

Суффиксъ *S (падежный).*

Именительный падежъ въ языкѣ Санскритскомъ имѣетъ своимъ суффиксомъ *S;* гдѣ этого суффикса не встрѣчается, тамъ онъ утраченъ, по мнѣнію грамматиковъ. По этому тематическій видъ имени въ падежѣ Именительномъ считается, въ Санскритскомъ языкѣ, явленіемъ позднѣйшимъ.—То же распространяютъ грамматики и на всѣ другіе языки.

Въ языкѣ Русскомъ мы этого не видимъ: мы видимъ здѣсь въ словѣ обыкновенно форму тематическую въ падежѣ Именительномъ.—Мы видимъ и суффиксную форму, но это не свойство падежа Именительнаго: это переходъ цѣлаго слова въ новую форму, при чемъ оно вновь, съ этою суффиксною формою, подвергается измѣненіямъ числа и склоненія.

Не сдѣлать ли смѣлаго предположенія, что Русскій языкъ утратилъ, во всѣхъ именахъ, до чиста, свои суффиксы Именительнаго падежа?—Но кромѣ неосновательности такого предположенія, мы не согласны съ самою мыслію грамматиковъ: и сверхъ того Русской языкъ, столько разумный и ясный, объясняетъ намъ (какъ мы думаемъ) смыслъ самого суффикса вообще, и тѣ часто неполныя, отрывочныя проявленія его, какія встрѣчаются въ языкахъ.

Что тематическая форма есть форма первоначальная имени, — съ этимъ, я думаю, не станутъ спорить и иностранные грамматики. Но для появленія своего въ Именительномъ падежѣ, слѣдовательно для дѣйствительнаго своего вида, эта форма, по ихъ мнѣнію, принимаетъ суффиксъ, именно суффиксъ *s.*—Почему?—Причина на это дается чисто фактическая въ примѣрахъ древнихъ языковъ, и отчасти историческая.—Но что говорятъ факты? Древнѣйшая, безспорно, форма женскаго рода, и конечно древнѣйшая форма Имени вообще, форма на *a* (долгое) не имѣетъ суффикса *s*, по признанію самихъ грамматиковъ. Родъ средній, по ихъ же мнѣнію, употребляется безъ суффикса. И такъ суффиксъ остается за именами рода мужескаго и за именами женскаго рода, кромѣ именъ жен. рода на *a* (долгое, слѣдовательно несомнѣнное, ясное, настоящее *a*), формы безспорно древнѣйшей. Это должно бы,

по крайней мѣрѣ, остановить вниманіе и возбудить вопросъ. — Сказать же, какъ говорятъ грамматики, что суффиксы были и при формѣ женской на *a*, но утратились,—дѣло слишкомъ произвольное.

И такъ мы просто не видимъ достаточной причины, почему признавать въ Именительномъ падежѣ непремѣнно суффиксъ при тематической формѣ и считать суффиксъ утраченнымъ тамъ, гдѣ онъ не встрѣчается. Для насъ, первоначальность формы тематической есть уже полное право ея на присутствіе первоначальное и въ Именительномъ падежѣ. То мы и видимъ въ Русскомъ языкѣ. Между тѣмъ суффиксъ въ самомъ дѣлѣ встрѣчается въ другихъ соплеменныхъ языкахъ въ Именительномъ падежѣ, но встрѣчается преимущественно въ именахъ мужескаго рода.—И такъ мы должны объяснить явленіе суффикса въ Именительномъ падежѣ, должны объяснить, почему является онъ преимущественно въ именахъ рода мужескаго.

Значеніе самого суффикса *s* объясняетъ Боппъ Санскритскимъ *sa*, *сей*.—Это объясненіе весьма вѣроятно. Но оно говоритъ въ нашу пользу. Суффиксъ является только дальнѣйшимъ опредѣленіемъ слова, чѣмъ-то въ родѣ члена (article), и вполнѣ утверждаетъ самостоятельность слова въ его тематическомъ видѣ.

Отсюда понятно намъ это присутствіе суффикса, преимущественно въ именахъ мужескаго рода. Вспомнимъ, что̀ говорили мы выше. Всякое тематическое имя выражаетъ понятіе родовое (не въ смыслѣ пола). Имена же мужескаго рода, при томъ еще, сами по себѣ, неопредѣленны, какъ бы неокончены. Имѣя характеръ родовой, они, при присутствіи въ нихъ личнаго начала, имъ наиболѣе свойственнаго, наиболѣе нуждаются въ опредѣленіи.— Мы объяснили эту общую мысль, говоря именно о Русскомъ суффиксѣ *инъ* (одинъ), который придается къ именамъ, личноодушевленнымъ. Суффиксъ *инъ* имѣетъ значеніе, для суффикса слишкомъ опредѣленное, есть почти слово: по этому мы его не включили въ число суффиксовъ; онъ, сколько намъ извѣстно, встрѣчается лишь въ Русскомъ (и вообще Славянскомъ) языкѣ. Имена женскаго рода, въ особенности на *a*, представляя гармонію субъективнаго и объективнаго, далеко не такъ нуждаются въ этомъ опредѣленіи, которое столь нужно для неопредѣленныхъ именъ мужескаго рода: оно конечно возможно и при именахъ женскихъ, но это уже болѣе дополненіе, даже плеоназмъ. Имена средняго

рода, гдѣ преимуществуетъ объектъ, имена *родовыя*, а не личныя, не нуждаются въ такомъ суффиксѣ и не имѣютъ *ин*.—Нашему суффиксу *ин*, кажется, отчасти соотвѣтствуетъ въ языкахъ сплеменныхъ суффиксъ *s*; употребленіе и неупотребленіе его при именахъ почти такое же и, кажется, на тѣхъ же основаніяхъ. Русской языкъ, болѣе богатый въ своихъ формахъ, далъ разнообразнѣйшее значеніе суффиксамъ, и суффиксъ *s*, *съ* (*съ*, *сей*) имѣетъ у насъ болѣе внѣшнее, указательное, и не столько личное значеніе опредѣленности.—Кромѣ нравственной, такъ сказать, причины преимущественнаго употребленія суффикса въ Именительномъ падежѣ при именахъ мужескаго рода, есть и другая, фонетическая причина, съ первой совпадающая. Неопредѣленныя по смыслу, имена мужескаго рода оканчиваются на *ъ*. окончаніе неопредѣленное, другими языками не замѣченное, не удержанное твердо, — и потому особенно нуждающееся въ поддержкѣ суффикса.

И такъ ученіе о суффиксахъ (по нашему мнѣнію) принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Это дальнѣйшая степень слова, степень его опредѣленности, а не характеристика падежей и не первоначальный ихъ видъ. Нельзя слѣдовательно сказать, что безъ суффикса не можетъ быть Именительнаго падежа (въ мужескомъ и женскомъ родѣ), и тамъ, гдѣ суффиксъ не встрѣчается, утверждать, что суффиксъ потерянъ.—Суффиксъ, возведши слово въ новую степень, становится съ нимъ въ Именительномъ падежѣ, нисколько не лишая слово возможности быть, въ этомъ же падежѣ, и въ своемъ первомъ, тематическомъ видѣ. Русской языкъ это ясно показываетъ (см. выше: „склоненіе“).

Но что же представляютъ намъ склоненія другихъ древнихъ языковъ? Вспомнимъ прежде, что, какъ бы ни были древни эти языки, мы и въ нихъ видимъ слово не въ первоначальномъ его видѣ: многое утрачено и измѣнено, многое стало неподвижнымъ и окаменѣло. Съ этимъ соглашаются самые жаркіе поклонники и Санскритскаго языка. Въ сплеменныхъ нашему, Индо-Европейскихъ языкахъ, есть одно господствующее явленіе: это—*кристаллизація*. Употребленія, нѣкогда живыя, подвижныя, стали неподвижны, окаменѣли и измѣнили совершенно видъ слова, что легко и могло ввести въ ошибку грамматиковъ.

Весьма сильное, по нашему мнѣнію, произвело измѣненіе въ именныхъ формахъ древнихъ языковъ и всего болѣе отдѣлило ихъ

отъ нашего языка — ослабленіе и даже почти уничтоженіе значенія и звука *s*. — Въ языкахъ иностранныхъ древнихъ, суффиксъ (собственно *s*), приданный нѣкогда свободно къ тематическому имени въ Именительномъ падежѣ, сросся съ нимъ и кристаллизовался, преимущественно въ именахъ мужескаго рода, вслѣдствіе совершеннаго ослабленія буквы *s*, утратившей въ нихъ свое самостоятельное значеніе. — Такая же кристаллизація, хотя иначе и при иныхъ падежахъ, постигла и другіе суффиксы.—Отличіе вообще формы тематической отъ суффиксной было утрачено, и форма тематическая преимущественно откинута, а гдѣ она осталась, тамъ откинута форма суффиксная.—Впрочемъ остались въ иныхъ языкахъ склоненія *составныя*, изъ падежей той и другой формы; но различіе тематическаго и суффикснаго вида слова до того исчезло, что заставило грамматиковъ предположить особыя правила и исключенія для склоненій.—Въ Русскомъ языкѣ, въ склоненіи *составномъ*, встрѣчающемся и у насъ, видимъ однако слѣды значенія темы и суффикса; мало того: въ иныхъ именахъ видимъ мы у насъ склоненія обѣихъ формъ, тематической и суффиксной, рядомъ. Наконецъ, иные суффиксы еще живы въ употребленіи и не утратили своего значенія, какъ суффиксовъ, на примѣръ *инъ*. — Слѣдуетъ ли изъ этого, что Русской языкъ удержался въ *самомъ* древнемъ видѣ? Нѣтъ, говоря вообще; но на этотъ разъ безспорно въ древнѣйшемъ, чѣмъ остальные языки.—Эпоха полнаго употребленія формы тематической и суффиксной миновала; во всѣхъ языкахъ превозмогла форма суффиксная, не сохранившаяся однако во всемъ своемъ видѣ и произведшая большею частію нечистое, смѣшанное склоненіе. Въ языкѣ Русскомъ, напротивъ, превозмогла форма тематическая, но вмѣстѣ удержалась чистота склоненія. Удержался и суффиксъ въ нѣкоторыхъ именахъ: иные суффиксы не утратили даже своего значенія. Наконецъ въ иныхъ словахъ сохранились оба склоненія, тематическое и суффиксное,— явленіе, безъ сомнѣнія древнѣйшее. Суффиксъ *s* не кристаллизовался у насъ вообще, и еще менѣе—какъ окончаніе Именительнаго падежа. Русской языкъ оставилъ суффиксъ (или по крайней мѣрѣ повсемѣстное имъ пользованіе, во всѣхъ его видахъ) еще въ тѣ времена, когда онъ былъ свободнымъ употребленіемъ: но нашъ языкъ помнитъ тѣ времена, а потому, и въ нашихъ древнихъ памятникахъ, и даже теперь въ рѣчи народной, не смотря на преимущество тематической формы,—возможно, и встрѣчается, живое,

древнее, употребленіе суффикса, между прочимъ даже именно этого *s*, *съ*.—Впрочемъ въ иныхъ словахъ суффиксъ *s*, хотя слегка, кристаллизовался и у насъ, образовавши составное и даже почти двойное склоненіе (*коло*, *чудо*, и пр.). Эта кристаллизація совершилась еще въ ту эпоху, когда полнота употребленія тематической и суффиксной формы исчезла, и когда лишь въ нѣкоторыхъ словахъ, суффиксъ—именно *s*, *съ*—сросся съ тематическою формой и остался при ней исключительно, сдѣлавшись частью слова и принявъ общее склоненіе, а не самъ ставши склоненіемъ, характеристикою падежей, какъ и въ другихъ языкахъ (но и тамъ это чисто наружно, грамматики только обмануты); при другихъ же словахъ, и вообще, удерживаясь въ своемъ, хотя слабомъ, но живомъ употребленіи.—Приведемъ теперь примѣры живаго употребленія суффикса *s*, *съ*: надѣемся, что тогда слова наши будутъ яснѣе. Вспомнимъ, что мы говоримъ здѣсь о падежѣ Именительномъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ и въ народѣ доселѣ употребляется суффиксъ *съ*, во всей своей отдѣльности и неизсякнувшей еще жизни употребленія; *съ*—это т. н. Мѣстоименіе указательное первообразное, то же, что и Санскрикое *sa*. Второобразный видъ *съ*—есть *сей*. Замѣчательно, что это Мѣстоименіе *сей*, *sa*, удержалось только въ Русскомъ (и вообще Славянскомъ) языкѣ; а въ Санскритскомъ и въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ, гдѣ находится кристаллизованнымъ при Именительномъ падежѣ, какъ знакъ его, или удержалось только въ Им. пад. м. и ж. р. ед. ч., или утратилось *).

*) Въ остальныхъ падежахъ и въ среднемъ родѣ вообще употребляется другое указательное мѣстоименіе, именно *тъ* (*ta*). Боппъ, приводя въ сравнительномъ склоненіи соотвѣтствующее мѣстоименіе древне-Славянскаго языка, приводитъ не *съ*, а *тъ*.—Впрочемъ Боппъ думаетъ, что это одно и то же мѣстоименіе, и что оно—собственно *ta*, а только замѣняетъ это *t* черезъ *s* въ Именительномъ падежѣ ед. числа, въ именахъ муж. и жен. рода (V. Gr. ч. 2, стр. 134). Противорѣчитъ ему впрочемъ языкъ Ведъ, употребляющій *sa* и въ Мѣстномъ падежѣ: *sá-smin* (см. тамъ же). Наше мѣстоименіе *съ* сравниваетъ Боппъ далѣе со *sya* Санскритскимъ, которое, по его мнѣнію, находится въ такомъ же отношеніи къ *tya*, какъ *sa* къ *ta*; то-есть, мѣстоименіе *tya* замѣняетъ—въ Им. пад. ед. ч. муж. и жен. рода—*t* черезъ *s*. Видя, что *sya* и *tya* должны происходить отъ корней *sa* и *ta*, онъ предполагаетъ (V. Gr. ч. 2. стр. 148), что мѣстоименный корень *ta* соединяется въ Санскритскомъ яз. съ другимъ (мѣстоименнымъ) *относительнымъ* корнемъ (Relativstamm) *ya*, для образованія новаго, подобно-значащаго мѣстоименія.

Сей — употребительно и вполнѣ ясно, но *съ* не имѣетъ въ употребленіи самостоятельнаго значенія мѣстоименія (ж. р. *си*—имѣетъ); съ другой стороны значеніе *съ* не забыто, какъ забыто оно въ другихъ древнихъ языкахъ, гдѣ суффиксъ сросся со словомъ. Придаваемое къ слову свободно, *съ* удерживаетъ очень ясный оттѣнокъ указанія. На примѣръ въ Лѣтописи говорится: *градоко-съ*; народъ говоритъ: *лѣта-съ*, *вчера-съ*, и т. д. Весьма возможно

Бопиъ думаетъ, что, при такомъ соединеніи, *a* въ *ta* уничтожилось и произошло *tya*, а въ Им. пад. муж. и жен. р. ед. ч., извѣстнымъ порядкомъ, чрезъ замѣщеніе *t* посредствомъ *s*, — произошло *sya:* то есть, м. *sya-s*, ж. *syâ*, ср. *tya-t*. Признаемся, намъ всѣ эти отношенія мѣстоименій *sa* и *ta*, *sya* и *tya*, и сами мѣстоименія представляются въ иномъ видѣ, что̀ мы и намѣрены здѣсь, хотя вкратцѣ, высказать.

1) Мы думаемъ, что мѣстоименія (возьмемъ на сей разъ Санскритскія формы) *sa* и *ta* самостоятельны. Бопиъ, кажется, противорѣчитъ себѣ въ этомъ случаѣ: нѣсколько разъ повторяетъ онъ, что мѣстоименіе *ta* (въ Им. п. ед. ч. м. и ж. р.) замѣняетъ *t* посредствомъ *s*, и однако, говоря о встрѣчающейся въ языкѣ Ведъ формѣ Мѣстнаго падежа *sá-smin*, прибавляетъ, что, первоначально, этотъ мѣстоименный корень *sa* могъ, пожалуй, имѣть полное склоненіе (V. Gr. ч 2, стр. 134). Говоря это, Бопиъ признаетъ самостоятельность *sa*, и такимъ образомъ, кажется, себѣ нѣсколько противорѣчитъ.—Не встрѣчая ни *sa*, ни *sya* въ среднемъ родѣ, онъ говоритъ также (съ очевиднымъ удовольствіемъ), что въ *s* этого мѣстоименія *(sa)*, который исключенъ изъ средняго рода, находится удовлетворительное (успокоительное) объясненіе Именительнаго знака (eine befriedigende Erklärung des Nominativzeichens). Здѣсь нѣтъ ли опять противорѣчія у почтеннаго ученаго съ самимъ собою? Говоря это, не признаетъ ли онъ опять самостоятельности мѣстоименія *sa?*—Мы позволимъ себѣ быть несогласными съ объясненіемъ Бопиа. Мѣстоименіе (говоря вообще) есть по нашему мнѣнію первичное, отвлеченное Прилагательное (*съ—сей*, *тъ—той*, *къ—кой*, и пр.) и, какъ Прилагательное, имѣетъ всѣ три рода. Только одно *употребленіе* могло отбросить такое-то Мѣстоименіе въ этомъ родѣ, а оставить его въ томъ: но объ этомъ и слѣдуетъ упоминать, какъ о дѣлѣ употребленія.—Такъ и здѣсь, мы думаемъ, что оба мѣстоименія, о которыхъ идетъ рѣчь, должны были имѣть всѣ три рода; они имѣютъ ихъ въ Русскомъ языкѣ. *Съ*.—которое (и справедливо) сравниваетъ Бопиъ съ *sya*,—имѣетъ всѣ три рода въ Русскомъ языкѣ (и Славянскомъ вообще): *съ*, *си*, *се*. Бопиъ выражается про *sya* (тамъ же, стр. 148), что оно въ Славянскомъ даже въ средній родъ *втѣснилось*.—*Тъ (ta)* то же имѣетъ всѣ три рода въ Русскомъ языкѣ: *тъ*, *та*, *то*.

2) Теперь скажемъ объ отношеніяхъ Мѣстоименій *sa* къ *sya*, *ta* къ *tya*, какъ они намъ представляются. Мы думаемъ, что это просто смягченіе *ъ* въ *ь*, *тъ—ть*, смягченіе, весьма часто встрѣчающееся въ нашемъ языкѣ и часто имѣющее въ немъ свое особое значеніе (*Владиміръ*, *Владимиръ*), но здѣсь

сказать: *домо-сь* (вм. *домо-тъ весело смотритъ* *). — Употребленіе это понятно всякому Русскому. Какъ же происходитъ оно? Возьмемъ для примѣра слово *градъ*. — Какъ скоро придается къ нему мѣстоименіе *сь* и, обращаясь въ оттѣнокъ, обращается въ живой еще суффиксъ, то *сь*, становясь послѣ *ъ* (*градъ-сь*), рождаетъ то неблагозвучіе, то неудобное отношеніе звука, которое тутъ же исправляетъ самъ языкъ: *ъ*, какъ это видѣли уже мы и какъ надѣемся увидать ниже, оглашается, переходитъ здѣсь въ *о*, и образуется *градось*, по Московскому и Бѣлорусскому произношенію *градась* **). Обратимся къ языкамъ соплеменнымъ и увидимъ тамъ подобное явленіе, становящееся для насъ яснымъ съ помощію ука-

---

произведенное, какъ кажется, фонетическою причиною.—Мы не встрѣчаемъ въ нашемъ языкѣ *сь*, *са*, *со*; но присутствія его нѣкогда—отвергать не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что мы, какъ намъ кажется, находимъ его въ немногихъ словахъ, въ кристаллизованномъ видѣ: *пару-съ*, *поло-са*, *колесо*.—*Тъ* у насъ существуетъ въ твердомъ видѣ; но въ иныхъ падежахъ (правда, во второобразномъ видѣ) оно употребляется у насъ и смягченно, на примѣръ Твор. ед *тѣмъ* (а не *тимъ*), и также все Множ. число: *тѣхъ*, *тѣмъ* (вмѣсто *тыхъ*, *тымъ*) и пр.—И такъ, мы не предполагаемъ здѣсь никакихъ сложеній одного Мѣстоименія съ другимъ (какъ *ta*+*ya*), а просто смягченіе твердой формы Мѣстоименія, при чемъ—какъ это часто бываетъ также и въ другихъ случаяхъ—твердая форма удерживается въ одномъ языкѣ, а смягченная—въ другомъ; а иногда и обѣ (*sa*, *sya*), большею частію въ неполномъ составѣ своихъ видоизмѣненій, или слѣды ихъ существуютъ въ одномъ и томъ же языкѣ.—Мнѣніе наше объ Именительномъ падежѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь въ нашей Грамматикѣ, примѣняется къ Мѣстоименіямъ (конечно первообразнымъ); то есть *sa*—*съ*, *sya-s*—*сь*, и пр.; со *sya-s* можетъ быть сближено наше древнее удвоенное *се-сь* (какъ *тотъ*).—Но объ этомъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

*) Скажутъ: теперь Русскія имена не употребляются свободно съ *съ*. На это отвѣчаемъ: 1) Употребленіе это доказывается примѣромъ изъ лѣтописи, именно *градоко-сь*, и употребительными весьма охотно народными выраженіями *лѣта-сь*, *вчера-сь*, *ноче-сь*, и пр. (на что мы уже и сослались). 2) Вмѣсто этого мѣстоименія *съ*, употребляется совершенно свободно другое мѣстоименіе *тъ*, совершая съ Именемъ точно такое же измѣненіе, именно *домо-тъ*, *госте-тъ*, и пр.: *Домо-тъ весело смотритъ*.—Замѣтимъ, что этотъ обмѣнъ мѣстоименій *сь* и *тъ* вполнѣ встрѣчается и признается Боппомъ въ Санскритскомъ языкѣ, и даже принимается имъ за одно мѣстоименіе.

**) Объ этомъ оглашеніи *ъ*-ра и *ь*-ря предъ *тъ* и *сь* см. поразительныя доказательства въ яз. Новоболгарскомъ; мнѣніе, одинаковое съ мнѣніемъ К. С. Аксакова, высказано въ книгѣ „Болгарскія Пѣсни," 1855 г., ч. I, въ изслѣдованіи объ языкѣ —*Б.*

занія Русскаго языка: увидимъ то Санскритское *as*, то Греческое ος, то Латинское *us*, гдѣ *s* принимаютъ грамматики за необходимое окончаніе Именительнаго падежа. Ясно становится намъ въ другихъ языкахъ это падежное окончаніе Именительнаго падежа *s*, сдѣлавшееся особенной принадлежностью именъ мужескаго рода. Мы видимъ, что и въ другихъ языкахъ этотъ *s* не есть непремѣнное свойство Именительнаго, а есть только прибавокъ къ его тематической формѣ, есть его лишь суффиксная форма. Но тематическая форма Именительнаго падежа именъ мужескаго рода, оканчивающаяся на *ъ*, сдѣлалась—съ утратою самостоятельности этого *ъ*—невозможною въ языкахъ соплеменныхъ, и потому тамъ осталась форма суффиксная, гдѣ *ъ*, оглашенный какъ *a*, какъ *o*, какъ *u*, опирается на суффиксъ *s*, утратившій всякой оттѣнокъ своего значенія: буква *ъ* послѣ *s* поглощена (какъ буква).

Вопросъ о формѣ Именительнаго на *s* кажется намъ разрѣшеннымъ. Точно также, какъ видимъ въ Русскомъ языкѣ теперь, образовывалось нѣкогда и въ соплеменныхъ языкахъ суффиксное окончаніе съ *s*; точно такъ же *ъ*, скрытый на концѣ слова, перешелъ въ нихъ въ *a*, *o* и *u*, и образовалъ эти окончанія: *a-s*, *o-s*, *u-s*. Но *ъ* потерялъ свое мѣсто въ азбукѣ этихъ языковъ, самъ собою, или вслѣдствіе грамматическихъ насилій, которыя имѣютъ вліяніе на самый языкъ (чему примѣры совершаются передъ нашими глазами въ сродныхъ намъ языкахъ Славянскихъ), и кристаллизовался въ этомъ окончательномъ видѣ, при чемъ суффиксъ *s* сросся съ словомъ и совершенно затемнилъ свое образованіе. Уничтоженіе *ъ* въ языкѣ, какъ мы уже сказали, многое сдѣлало въ немъ непонятнымъ и сбивчивымъ, и вотъ грамматики говорятъ: имена мужескаго рода въ Санскритскомъ оканчиваются на *a*, при чемъ слѣдуетъ необходимый знакъ Именительнаго падежа, *s*. Это все равно, какъ еслибъ, услыхавъ въ нашемъ языкѣ форму *градосъ* или *градасъ*, сказать, что и у насъ Именительный въ именахъ мужескаго рода оканчивается на *a* или *o*, за которымъ слѣдуетъ *s*. Но, слава Богу, языкъ нашъ живъ и ясно показываетъ образованіе суффиксной формы съ *s*. Мало того, онъ объясняетъ эту форму и въ другихъ языкахъ. Для наглядной ясности напишемъ приведенное нами слово Латинскими буквами: *grad* (*ъ*); *grad-o-s*, *gradus* (разница, какую можно найти, та, что у насъ—смягченное окончаніе *ь*; но это разница ничтожная: она часто встрѣчается у насъ самихъ въ одномъ и томъ же словѣ,

на примѣръ *тъ* и *ть*, и т. п.; о ней и говорить не стоитъ. Прибавимъ къ тому, что при утратѣ *ъ*—для *ь* уже трудно удержаться на концѣ, и, поглощаясь, онъ сравнивается съ *ъ*). — *О* кажется намъ самымъ естественнымъ оглашеніемъ *ъ*, какъ это и видимъ въ Русскомъ языкѣ; но это *о* легко могло сейчасъ же перейти и въ *а*, что̀ доказываетъ Московской выговоръ. *U*, на мѣстѣ *ъ*, кажется намъ явленіемъ поздпѣйшимъ: въ пользу этого свидѣтельствуетъ языкъ Латинской, въ которомъ, вмѣсто *и*, въ древности часто употреблялось *о*.—И такъ, въ Русскомъ языкѣ *ъ*, оглашаемый, переходитъ въ *о* или въ среднее *и*: въ Санскритскомъ и Литовскомъ *ъ* переходитъ въ *а*; въ Греческомъ въ *о*; въ Латинскомъ въ *и*, первоначально вѣроятно въ *о*.

Не излишнимъ, думаемъ, будетъ написать соотвѣтствующія слова всѣхъ языковъ, въ окончаніяхъ, между собою:

	Русск.	Санскр.	Литов.	Греч.	Латинск.
Ф. Тем.	*Градъ*	. . . . .			
Ф. Суф.	*Град-о-съ.*	*Vri-k-a-s.*	*Wilk-a-s.*	*Λυγ-ο-ς.*	*Lup-u-s.*

Слѣдовательно если слово, напр. *градъ*, провести по всѣмъ языкамъ, сообразно со свойствомъ каждаго, въ суффиксномъ видѣ съ *s*, то по Русски будетъ оно *градосъ, градасъ*, по Санскритски *grâdas*, по Литовски *gradas*, по Гречески γραδος, по Латыни *gradus*,—слово, которое и грамматически соотвѣтствуетъ Русскому *градъ*. *Gradu. gradior* — глаголъ средній; дѣйствительный отъ него *градить* (*горажу*). — Родительный падежъ при сокращенномъ употребленіи суффикса будетъ *града-съ, gradas*; но объ этомъ надѣемся поговорить ниже. Скажемъ здѣсь только, что отсутствіе *s*, встрѣчающееся въ Род. падежѣ Единств. въ Лат., Греч. и Литов. языкахъ, показываетъ, что суффиксъ *s* особенно былъ нуженъ для Имен. падежа, гдѣ на него опирается оглашенный *ъ*, внѣ оглашенія исчезнувшій въ Индо-Европейскихъ языкахъ, кромѣ Славянскихъ.

То же самое, что̀ говорили мы о *ъ*, примѣняется само собою и къ смягченному *ъ*, или *ь*. — Въ Русскомъ языкѣ *ь* оглашается передъ суффиксомъ въ *е* (смягченное *о*), напр. *гостье-съ, hoste-s.* Впрочемъ мы не можемъ отвергать, чтобъ *ь* не могъ оглашаться и въ *і (ин-і-й; гости-съ. hosti-s)*, какъ и *ъ* можетъ оглашаться въ *ы (добр-ы-й)*. — Въ соплеменныхъ языкахъ, *ь* передъ суффиксомъ оглашается въ *і* и въ *е*. Въ Санскрит. *ь* оглашается въ *і*,

въ Зендскомъ —то же въ *i*, въ Литовскомъ—въ *e* и въ *i*, въ Греческомъ — въ *i*, то же *v*, въ Латинскомъ — въ *e* и въ *i*. Здѣсь оглашеніе смягчено, какъ и самый ь, при чемъ присутствующая въ немъ буква, *i*, при оглашеніи часто превозмогаетъ и утверждается на мѣстѣ оглашеннаго ь.

Изъ нашихъ наблюденій выводимъ: гласныя съ суффиксомъ *s*, на которыя въ языкахъ соплеменныхъ оканчиваются имена мужескаго рода,—суть оглашенный ъ или ь, являющіеся въ такомъ видѣ и въ Русскомъ языкѣ передъ суффиксами. И такъ, всѣ имена мужескаго рода въ языкахъ соплеменныхъ, Индо-Европейскихъ, оканчиваются (по нашему мнѣнію) не на гласныя буквы, а на ъ и ь, какъ въ Русскомъ языкѣ.

Разсмотрѣвъ окончаніе Именительнаго падежа въ языкахъ соплеменныхъ вообще, мы хотимъ взглянуть на оное въ каждомъ языкѣ особо.—Но прежде обратимъ вниманіе на подобныя окончанія Именительнаго въ Русскомъ языкѣ.

Мы сказали, что въ Русскомъ языкѣ, въ древнія времена, суффиксъ *съ* сросся съ нѣкоторыми словами и обратился даже въ образовательное окончаніе, при чемъ видимъ мы въ немъ не мягкое, а твердое окончаніе, не *сь*, а *съ*.

> *Примѣчаніе.* Такая замѣна окончаній твердыхъ и мягкихъ, какъ сказали мы, дѣло весьма возможное и часто встрѣчающееся и въ нашемъ языкѣ. Мы готовы признать вообще первоначальность твердыхъ окончаній. По этому охотно признаемъ мы, что первоначальною формою было: *съ, са, со*. *Съ*—это первообразный видъ (второобразный вѣроятно *сый*).— Въ пользу твердыхъ окончаній: *съ, са, со*, говорятъ суффиксныя формы, при которыхъ суффиксъ обратился въ образовательное окончаніе. Для именъ муж. мы сейчасъ же намѣрены ихъ привести; для именъ женскаго рода могутъ служить примѣромъ: *пола — поло-са;* для именъ же средняго *коло — коле-со*.

Приведемъ эти весьма немногія имена мужескаго рода, въ которыхъ можемъ открыть суффиксъ *s* (*съ*). Сперва приведемъ слова на *o-съ*, *os*. Эти слова: *волосъ, голосъ, колосъ*.—Если вникнемъ, то увидимъ, что тематическая форма слова *волосъ* есть *воль*, которая производитъ отъ себя другое слово, именно *вол-на*, Нѣмец-

кое *Wolle*, т.-е. шерсть на овцахъ *). Есть Латинское слово, соотвѣтствующее нашему *волосъ*, *volos*,—именно *vilus*, тематическая форма будетъ *vil*, откуда происходитъ *villosus*. Здѣсь значеніе тоже болѣе шерсти, чѣмъ волоса. — Въ словѣ *голосъ* тематическая форма *гол*. сохранившаяся въ словѣ *гол-кь*, *гол-ка* (шумъ), и др. *Колосъ*, тоже имѣетъ тематическую форму: *колъ*. *Колъ* въ употребительномъ смыслѣ имѣетъ значеніе палки; съ суффиксомъ, онъ получилъ частное значеніе длиннаго палкообразнаго стебля хлѣба, и потомъ уже частное значеніе самого колоса. Въ Астрахани *коломъ* называется пучекъ камыша, выдавшійся изъ воды.— Къ этимъ словамъ можно присоединить слово *Хорось*, существующее въ имени языческаго бога, *Хорсъ*, которое есть символъ солнца. Тематическая форма здѣсь *хор*—кругъ *(кор)*, а суффиксная—*хорось*, *хорсъ*, извѣстный кругъ, кругъ по преимуществу, солнце, и потомъ языческое божество. Отъ суффикснаго *хорось* происходитъ слово *хорошій*.—Къ числу этихъ же словъ присоединяемъ и *торось* (льдина); суффиксъ *сь* здѣсь ясенъ, ибо слово это имѣетъ и тематическую форму, употребляемую во множественномъ—*торы*, льдины. Кромѣ этихъ словъ есть вѣроятно и другія подобныя.—Суффиксъ *s* (*сь*) находимъ мы также въ нѣкоторыхъ словахъ, оканчивающихся на *у-сь*, *us*, гдѣ слѣдовательно *ъ* является оглашеннымъ какъ *у*; это *у* вѣроятно возникло позднѣе изъ *о*, а можетъ быть произошло и сейчасъ же, вслѣдствіе бо́льшаго удобства произношенія,—причина, которую, кажется, мы можемъ здѣсь предположить въ нашемъ языкѣ. Вотъ эти слова на *усь*, которыхъ тоже немного: *парусъ*, *ярусъ*, *гарусъ*, *стеклярусъ*. Тематическая форма этихъ словъ очевидна. Рядомъ съ *парусъ* стоитъ слово *паръ*, происходящее отъ одного корня, и даже отъ одного слова *пру*,—и получившее значеніе частное въ словѣ *парусъ*. Впрочемъ Несторъ употребляетъ во множественномъ *пръ*: это множественное на *ъ* употребляется обыкновенно тогда, когда приходится передавать Славянское посовое ѧ, которое, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, есть окончаніе множественнаго для именъ, кончащихся на ѧ, *ма* и пр. (См. „Ломоносовъ“). И такъ, *пръ* въ единственномъ должно имѣть *пря*; хотя здѣсь это слово и не составляетъ тематической однородной

*) Ср, рядомъ съ *вол-на*, еще *вол-о-кь*, откуда дальнѣйшая форма *вол-о-кно*.—*Б*.

формы къ слову *парусъ*, которая была бы *паръ*, но оно показываетъ возможность ея тѣмъ, что *пря*, тоже тематическая форма, происходя прямо отъ корня *пру*, могла значить *парусъ*. Слѣдовательно, это же или подобное значеніе могла имѣть и другая тематическая форма, *паръ*, которая, очень понятно, могла существовать независимо отъ формы *пря*. Она и существуетъ, но имѣетъ отличное и болѣе общее значеніе. Сверхъ того, извѣстно, что свойство суффикса — придавать частное значеніе слову, и *съ*, примкнувши къ *паръ*, могло придавать ему частное значеніе, находящееся въ словѣ *парусъ*. Слово *парусъ* — Латинскими буквами *parus* — ощутительно даетъ слышать суффиксъ. Слово *ярусъ* — Латинскими буквами *jarus* — еще яснѣе имѣетъ тематическую форму, это—*яръ*. *Яръ* значитъ крутой обрывъ, какъ стѣна. *Ярусъ* значитъ *этажъ*, слѣдовательно рядъ возвышенія, при чемъ понятіе крутизны отвѣсной соединяется съ понятіемъ стѣны, которая составляетъ наружный видъ этажа. — Слово *парусъ* (*parus*) объяснить словопроизводно у насъ трудно. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобъ оно происходило отъ Нѣмецкаго *Haar*. Суффиксъ *усъ*, *us*, несомнѣненъ и въ этомъ словѣ.—Слово *стеклярусъ*, — Лат. буквами *steclarus*, — какъ то особенно даетъ чувствовать свое окончаніе на *усъ*, *us;* даже звучитъ, какъ слово чуждое; между тѣмъ оно Русское: корень его—*стекло*. Тематическая (производная) форма этого слова—*стекляръ*—слово понятное, но не употребительное. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя слова съ суффиксомъ удерживаютъ оный въ Русскомъ языкѣ уже во всѣхъ падежахъ: *паруса*, *парусу* и т. д., ибо Именительный падежъ у насъ не образовалъ себѣ, съ теченіемъ времени, *своего* падежнаго окончанія, какъ въ другихъ соплеменныхъ языкахъ; въ этихъ же именахъ, суффиксъ собственно уже утратилъ свое значеніе суффикса и перешелъ въ образовательную форму.

Въ языкѣ Санскритскомъ (какъ и въ другихъ) мы указывали до сихъ поръ на оглашеніе *ъ* передъ суффиксомъ, какъ *a—a-s* (*o—o-s*). Но въ языкѣ Санскритскомъ есть и другое оглашеніе *ъ*, это *u—u-s*. Этого *u* никакъ не должно смѣшивать съ тѣмъ *u*, въ которое переходитъ *o* (въ языкѣ Латинскомъ напр.). *U*, замѣняющее *o*, есть явленіе эвфоническое, дѣло произношенія; но *u*, о которомъ теперь говоримъ, есть *u* самостоятельное; оно показываетъ, что *ъ*, оглашенный въ немъ, звучалъ иначе отъ *ъ*, огла-

шаемаго разнообразно въ гласныхъ *а*, *о*, *и*. — Самъ Латинскій языкъ, въ которомъ *ъ* принялъ, со временемъ, оглашеніе *и*, вмѣсто *о*, имѣетъ *и (u-s)*. не похожее на это первое *и* (*u-s*): на примѣръ *dominus* и *senatus*.—Въ языкѣ Санскритскомъ оба оглашенія различаются между собою и буквами: для перваго—*а*, для втораго—*и*.—Какъ же объяснить эту разницу оглашенія, очевидно не случайную, ибо она подтверждается самымъ склоненіемъ? Для этого необходимо признать разницу въ самомъ *ъ*. Въ первомъ случаѣ, когда *ъ* оглашается въ разныя гласныя буквы, онъ, какъ думаемъ мы, произносился обыкновенно, безъ особеннаго ударенія: во второмъ же, когда *ъ* непремѣнно оглашался въ *и*, мы предполагаемъ, что онъ звучалъ сильнѣе, съ особеннымъ удареніемъ, такъ что въ *ъ* слышалось *ы*, или сокращенное, или не выступившее наружу. Буква *и* (Русск. *у*), какъ извѣстно, замѣняетъ *ы*, а можетъ быть имѣла отчасти и звукъ *ы*, на что языкъ Латинской даетъ съ своей стороны нѣкоторыя указанія (*generosissimus*, *generosussumus*).—Склоненіе подтверждаетъ значеніе этой буквы: въ склоненіи выступаетъ полусуффиксъ *ѵ (в)*, естественно развивающійся изъ *ы* и *и* (въ Санскр. : *sûnú-s*, *sûnáv-âu*): его нѣтъ при другомъ оглашеніи *ъ*. — Буква *и*, въ которую положительно оглашается выразительный *ъ*, если не есть *ы*, то близко къ *ы*, — гласной, въ которой *ъ* получаетъ свою яспую звучность. — Склоненіе именъ женскаго рода на *и* еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе.—*U* средняго рода—иное.

Примѣчаніе. Въ Русскомъ языкѣ мы также видимъ разницу въ оглашеніи *ъ*, разницу не твердую быть можетъ, но возможность и даже присутствіе которой не подлежитъ сомнѣнію; это замѣтно въ Прилагательныхъ второобразныхъ, именно: добр-*ъ* — добр-*ы-й*, юн-*ъ* — юн-*ы-й*, бѣл-*ъ* — бѣл-*ы-й*. Нѣтъ сомнѣнія, что *ъ*, оглашаясь такъ, слышался иначе. Но вотъ примѣры другаго оглашенія: легок-*ъ*—легк-*о-й*, всяк-*ъ*—всяк-*о-й*, и пр. Здѣсь эта разница кажется намъ фонетическою. Очень можетъ быть, что *ы*, образовавшееся отъ выразительнаго *ъ*, потомъ само, независимо, переходило въ *о*, измѣняя при этомъ даже смыслъ слова; на примѣръ: *малъ* — *малый* и *малой* („*малый* кусокъ хлѣба“ и „эй, *малой*“).

Смягченный *ъ* или *ь* въ Санскритскомъ языкѣ оглашается какъ *i*: *pitis*.

Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, гдѣ *s* въ Санскритскомъ языкѣ не оглашенъ, а поглощенъ, — суффиксъ не становится подлѣ обнаженной согласной, напр.: *marut*. Эти безсуффиксныя формы Именительнаго падежа мы не назовемъ однако тематическими, уже потому, что въ языкѣ Санскритскомъ и другихъ считаемъ мы окончательный *s* не удерживающимся, какъ *s*, слѣдовательно естественно нуждающимся въ суффиксѣ на концѣ слова; по этому при именахъ мужескаго рода на согласную букву, — тамъ, гдѣ этого суффикса нѣтъ, — предполагаемъ мы, что въ Санскритскомъ языкѣ суффиксъ этотъ отброшенъ (вмѣстѣ съ оглашеніемъ *s*): слѣдовательно такое явленіе есть уже позднѣйшее. — Имена эти являются не тематическими живыми формами, какъ въ Русскомъ языкѣ, гдѣ вообще принята тематическая форма и гдѣ *s* не утратилъ своего значенія; нѣтъ, эти безсуффиксныя формы позднѣе, вѣроятно, суффиксныхъ, и тоже формы, не имѣющія свободнаго употребленія, а кристализовавшіяся въ извѣстныхъ словахъ. Даже еслибъ онѣ были и древнѣе суффиксныхъ формъ, чего нельзя также рѣшительно отрицать, предполагая, что *s* могъ въ нихъ утратиться безъ суффикса, въ началѣ, какъ и потомъ (хотя намъ кажется естественнѣе, и мы думаемъ, что *s*, исчезая, сперва огласился въ другія гласныя съ помощію суффикса и потомъ уже, при обѣдненіи языка, потерялъ и свое оглашеніе, и суффиксъ), — даже и въ такомъ случаѣ формы эти являются только оттѣнками прежней жизни, *примѣрами*, а не употребленіемъ, удержавшимъ свою силу. — Въ другихъ языкахъ мы видимъ суффиксъ *s*, прямо примыкающій къ тематической формѣ слова, безъ оглашенія *s*: мы думаемъ, что здѣсь оглашеніе утрачено, а суффиксъ остался. Сравненіе съ другими языками (*wilka-s*, *vulf-s*) можетъ, кажется, оправдать наше мнѣніе. Всего болѣе представляетъ такихъ образцовъ голаго суффикса языкъ Готской.

Въ языкѣ Зендскомъ, въ падежѣ Именительномъ, мы не видимъ суффикса *s*, ни съ *a*, ни съ *o*, ни съ *e*. Вмѣсто *as* мы встрѣчаемъ *o*. Это весьма замѣчательно. Кажется здѣсь могло и не быть сокращенія, какъ, напротивъ, принимаетъ Боппъ. Можно, кажется, думать, что это просто *s*, не удержавшійся въ своемъ видѣ и перешедшій въ *o* на концѣ слова, и что слово находится въ формѣ тематической, оканчиваясь на *o*: *aśpô*. Боппъ доказываетъ свою мысль между прочимъ тѣмъ, что энклитическая частица *ća* вызываетъ окончательное *as*, такъ что тогда говорится *aśpaśća*. Но

почему же думать, что это *as*, выступающее при этомъ соединеніи, уже находится въ сокращенномъ видѣ въ *o*, при самомъ словѣ, употребленномъ безъ частицы? Не есть ли это можетъ быть суффиксъ, тутъ же раждающійся, ибо частица опредѣляетъ слова? — Если бы въ Зендскомъ и встрѣчался суффиксъ *as*, то это нисколько намъ не противорѣчитъ: мы уже объяснили такіе суффиксы. Но здѣсь, само по себѣ, въ окончаніи *o* можно видѣть другое: именно *a*, не удержавшійся въ своемъ видѣ и принявшій видъ *o*. Впрочемъ мы должны привести и другое объясненіе, болѣе согласное съ мнѣніемъ Боппа: весьма возможно, что суффиксъ, произведя оглашеніе *a*, могъ быть самъ отброшенъ въ теченіи времени, а оглашеніе осталось. Это мнѣніе имѣетъ себѣ сильное подкрѣпленіе въ языкѣ Болгарскомъ, гдѣ, по Западному нарѣчію, суффиксъ *mъ*, замѣняющій мѣсто члена, придаваясь къ имени, какъ суффиксъ *s*, — производитъ оглашеніе *ъ* въ *o*, на примѣръ: *грьхо-тъ;* но тутъ же рядомъ, очевидно впослѣдствіи, образовалась и другая форма. гдѣ суффиксъ *тъ* откидывается, а оглашеніе остается — *грьхо:* форма же безъ члена, *грьхъ*, существуетъ и сама по себѣ (Болгаре Восточные въ этихъ случаяхъ вмѣсто *o* имѣютъ краткое *a*). — Въ языкѣ Зендскомъ, когда выступаетъ въ именахъ мужескаго рода суффиксъ *s*, то является не *o*, а *a*—*a-s*. Если же оглашеніе было на *a*, то и безъ суффикса должно быть не *o*, а *a*. Впрочемъ *a*, оставшись безъ суффикса, могло перейти въ *o*. — Въ Мѣстоименіи, слѣдовательно по вѣроятности древнѣйшей формѣ, мы видимъ также *o*, а не *a:* именно *ko*, а не *ka;* въ сложеніи съ нѣкоторыми словами является *kaś: kaśnâ*, *kaśtê* *). Второе объясненіе наше едва ли не вѣроятнѣе. — Подобное отбрасываніе суффикса, при чемъ оглашеніе, произведенное имъ въ окончательной буквѣ *ъ*, остается, — встрѣчается и въ Санскритскомъ языкѣ; но тамъ *a*, эта любимая буква Санскритскаго языка, остается неизмѣнною, и даже дѣлается долгою. Припомнимъ, что въ Зендскомъ языкѣ, въ именахъ мужескаго рода есть и другое, твердое оглашеніе *ъ*, именно *u*, *u-s*, на примѣръ: *paś-u-s*.—*Ь* оглашается въ Зендскомъ, какъ *i* передъ суффиксомъ *s*. Имена на согласныя объясняемъ мы также, какъ и въ языкѣ Санскритскомъ.

Въ языкѣ Греческомъ, кромѣ сказаннаго оглашенія *ъ*, какъ *o*, λογ-ο-ς, есть и другія оглашенія, именно ω; это ω, думаемъ мы,

*) См. Боппа Vergl. Gram. Ч. I, стр. 279, 280.

соотвѣтствуетъ твердому *ъ* и равняется, или сходно, съ оглашеніемъ *и* въ другихъ языкахъ (Санскрит., Зенд. и Латин.). Этого *и*, соотвѣтствующаго нашему *ы*, нѣтъ въ языкѣ Греческомъ; кажется буква *ы* въ немъ просто не существуетъ, даже и въ соотвѣтственной буквѣ *и*. По мѣсту этого *ы* (— буква, въ которую переходитъ звучащій сильно *ъ*) — соотвѣтствуетъ Греческое ω. На употребленіе ω имѣютъ вліяніе діалекты, что̀ весьма понятно, ибо *ъ* могъ разно выговариваться въ разныхъ діалектахъ. — Оглашеніе *ь* производится въ Греческомъ собственно черезъ *ι*; ибо оглашеніе черезъ *η* является только въ прилагательныхъ; а *ε* даже и въ нихъ не является оглашеніемъ *ь*. — Здѣсь видимъ мы въ Греческомъ еще букву довольно загадочную: это ϝ. Ее произносятъ какъ *і* и какъ французское *и*. — Нѣтъ сомнѣнія, что мягкой элементъ *і* во всякомъ случаѣ въ ней присутствуетъ; нѣтъ сомнѣнія, что оно произносилось иначе, чѣмъ *і*. Мы думаемъ, что произношеніе ϝ, какъ Французское *и*, — вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ ϝ есть мягкое *и* (*ÿ*), и какъ таковое, оно можетъ соотвѣтствовать (подобно какъ твердое *и* (*ÿ*) нашему *ы*) — смягченному *ы* (а можетъ быть, такъ и выговаривалось). — Смягченное *ы* встрѣчаемъ мы въ языкѣ Малороссійскомъ. Становясь послѣ гласныхъ, ϝ переходитъ въ наше *й*; послѣ *ο* впрочемъ оно переходитъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ твердое *и* (*ÿ*). — Не намекаетъ ли этотъ переходъ въ твердое *и* (*ÿ*) просто на то, что ϝ имѣло нѣкогда твердый звукъ*)? — Какъ бы то ни было, буква ϝ, будучи мягкою, служитъ оглашеніемъ *ь*. — Наше *й* находитъ себѣ соотвѣтствіе въ этомъ же ϝ при суффиксѣ *s* послѣ гласныхъ, при чемъ оно не переходитъ въ гласную, какъ у насъ; напр.: βασιλεϝ-ς; у насъ *злодѣе-сь* (*злодѣе-ть*); впрочемъ и у насъ не невозможно то же. — Греческій языкъ имѣетъ окончанія и на согласныя, при кото-

*) Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что ϝ есть твердое *ÿ*, только краткое. К. С. Аксакову легче и скорѣе было бы, кажется, уяснить все дѣло, если бы онъ въ *и* (русск. *ÿ*) различилъ долготу и краткость. Самостоятельно возникшее *и*, не произшедшее изъ *о*, соотвѣтствующее *ы*, или, какъ говоритъ онъ, „сильно звучащее *ъ*," есть собственно по природѣ долгое. А какъ долгота въ русскомъ языкѣ, по крайности въ образованномъ и книжномъ, затерялась, то этому долгому *и* соотвѣтствуютъ тѣ у насъ случаи, когда *ъ* огласился и на него перешло удареніе. Объ этомъ различіи см. въ „Пѣсняхъ Волг.," стр. 74 — 88, въ изслѣдованіи объ языкѣ. — *Б.*

рыхъ поглощенъ *z*; иногда здѣсь суффиксъ *s* слѣдуетъ за поглощеннымъ *z*, иногда нѣтъ, напр. ἄναξ, ῥήτωρ. Мы объясняемъ такія слова въ Греческомъ языкѣ, какъ и въ другихъ (см. выше); въ особенности потому не можемъ мы признать отсутствіе *s* за признакъ здѣсь тематической формы, что нѣтъ, рядомъ съ формою безъ *s*, формы съ *s*; эта двойственность могла бы указывать, что сохранились еще обѣ формы; особенно когда форма безъ *s* древнѣе.

Языкъ Латинской, кромѣ сказаннаго оглашенія *z* въ *u* (*y*) передъ суффиксомъ *s*, представляетъ иное *u*, очевидно самостоятельно возникшее, а не образовавшееся изъ *o*, какъ *u* первое; *z*, для котораго служить оглашеніемъ это второе *u*, имѣетъ твердую звучность, какъ мы думаемъ.—Это Латинское *u* имѣло, какъ мы упомянули выше, соотвѣтствіе съ нашимъ *ы*, и вѣроятно произносилось, если не совершенно, то похоже на *ы*, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ. — Окончаніе *ь* оглашается въ языкѣ Латинскомъ черезъ *e* и черезъ *i*.—Языкъ Латинской удерживаетъ и въ этомъ случаѣ свое сходство съ Русскимъ языкомъ, имѣя оглашеніе *ь* какъ *e*,—оглашеніе, встрѣчающееся у насъ,—и потомъ въ употребленіи мѣняя взаимно *e* и *i*, что тоже встрѣчается у насъ.—Языкъ Латинской, принадлежа къ разряду языковъ, все же не сродныхъ, а соплеменныхъ, и будучи въ то же время столь близокъ къ Русскому.—всего болѣе даетъ намъ уразумѣть значеніе Русскихъ формъ въ другихъ языкахъ, и такимъ образомъ уясняетъ и подтверждаетъ явленія грамматическія, нами излагаемыя. По этому, говоря о языкѣ Латинскомъ, мы прибѣгаемъ къ подробнѣйшему и ближайшему сравненію его съ языкомъ Русскимъ, чему такъ благопріятствуетъ языкъ Латинской.—По этому и здѣсь сравнимъ суффиксную форму *i-s*, *e-s* съ нашею суффиксною *e-сь*. У насъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ кристаллизованной такой формы муж. рода (какъ: *парусъ, торосъ*). Но форма эта, *e-сь*, очевидно возможна и существуетъ въ языкѣ, хотя и не употребляется теперь свободно. За то совершенно свободно и весьма охотно употребляется форма съ суффиксомъ *тъ*, производящимъ совершенно то же явленіе и совершенно соотвѣтствующимъ суффиксу *сь*.—Возьмемъ, ради болѣе ощутительнаго примѣра, слово сходное, хотя не по значенію *), съ Латинскимъ словомъ, именно *гость*. Для

*) Да и по значенію: это *пришлецъ*, со стороны, врагъ ли, торговецъ ли перехожій, или пріятель и временный постоялецъ.—*Е.*

насъ есть возможность употребить его съ суффиксомъ *съ*: *гость-съ*; *ъ*, при этомъ, оглашается въ *е*: *госте-съ*. Для подтвержденія этой формы приводимъ вполнѣ употребительную съ суффиксомъ *мъ*: *госте-мъ*.—*Host-e-съ* по Латыни будетъ *host-e-s*. Но Латинской языкъ далъ въ этомъ словѣ преимущество *i*, и потому—*hostis*. Въ другихъ словахъ однако видимъ *е*: такъ, соотвѣтственное съ *hostis*. —*hosp-e-s*, и многія другія, напр. *cat-e-s*. — Окончанію нашему на *іи* соотвѣтствуетъ суффиксная форма *ius*.

Латинской языкъ представляетъ и окончанія на согласныя буквы (разумѣется, въ именахъ муж., ибо здѣсь о нихъ идетъ рѣчь, не надо забывать). — Но эти окончанія (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) мы признаемъ за тематическія. Потому что въ языкѣ Латинскомъ кажется не утраченъ *ъ*: ибо 1) въ Латинскомъ языкѣ есть *и*, приближающееся, кажется, несомнѣнно къ *ы*, слѣдовательно свидѣтельствующее о присутствіи въ языкѣ буквы *ъ*; 2) въ Латинскомъ языкѣ—какъ это будетъ, надѣемся, видно ниже—не исчезъ *ъ* (какъ исчезъ онъ въ другихъ языкахъ), обличающійся въ смягченіи, не находящемся въ другихъ языкахъ (напр. *animalia*); а присутствіе *ь* есть отчасти и присутствіе *ъ*; наконецъ 3) въ Латинскомъ языкѣ видимъ мы рядомъ форму безъ *s* и форму съ *s*, въ одномъ и томъ же словѣ, слѣдовательно признаемъ первую за тематическую, предполагая въ ней и первоначальный *ъ*. — Такимъ образомъ, эти двойныя формы служатъ, по нашему мнѣнію, яркимъ, осязательнымъ подтвержденіемъ нашей мысли о тематическихъ и суффиксныхъ формахъ имени. (Здѣсь рѣчь идетъ о *падежномъ* суффиксѣ *s*: слѣдовательно здѣсь тематизмъ выражается вообще, относительно этого *падежнаго* суффикса,—окончаніемъ *ъ* (ь). Приведемъ примѣръ: тематическая форма *puer*, суффиксная *puerus*: также тем. *cultur*, суф. *culturius*: здѣсь (*culturus*), при переходѣ въ суффиксную форму, окончаніе измѣняется и соотвѣтствуетъ нашему *ы*, въ этомъ видѣ не являющемуся въ окончаніяхъ Латинскаго языка. Впрочемъ, конечно, не всѣ слова на согласныя суть первоначально тематическія формы въ языкѣ Латинскомъ,—особенно тѣ, которыя послѣ согласныхъ имѣютъ прямо суффиксъ *s*; въ нихъ тематическая наружность могла быть, какъ въ другихъ языкахъ, явленіемъ позднѣйшимъ, *lex* (*legs*), *rex* (*regs*), и пр.

Любопытно сравненіе одинакихъ словъ, удержавшихся въ Русскомъ языкѣ въ тематическомъ видѣ и кристаллизовавшихся въ Латинскомъ языкѣ съ суффиксомъ *s*, при чемъ законно оглашает-

ся *ъ*,—въ Латинскомъ, какъ извѣстно, въ *u*,—и образуется окончаніе *u-s*. На примѣръ: *конъ* (конецъ, верхъ, начало), Латинск. *con-u-s*; *домъ*, Латинск. *dom-u-s*; прилагательное въ видѣ первообразномъ: *лѣвъ* (лѣвый), Латинск. *laev-u-s*; *пудъ*, по Церковно-Славянски съ носовымъ ѫ—*пѫдъ*, т. е. *пондъ*,—Латинск. *pond-u-s*. И пр., и пр.

Въ языкѣ Готскомъ *ъ*, исчезнувъ, не образовался даже въ другую гласную, и суффиксъ *s* придается тамъ прямо къ слову, напр. *vulf-s*. Впрочемъ вѣроятнѣе, что и здѣсь нѣкогда было оглашеніе *ъ*, какъ въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ, но потомъ утратилось.

Языкъ Литовской представляетъ, по сходству своему со Славянскимъ, еще болѣе интересныя сближенія; въ немъ, при суффиксѣ *s*, *ъ* переходитъ, также какъ въ Санскритскомъ, въ *a* и въ *u* (оглашеніе твердое). При сходствѣ словъ, здѣсь видиѣе становится образованіе суффикса. Но мысль наша о суффиксѣ *s* доказывается всего болѣе тѣмъ, что этому суффиксу подвергаются слова, несомнѣнно кажется заимствованныя изъ нашего Русскаго языка, слѣдовательно слова *новыйшія*, которыя испытываютъ то же образованіе и которыя не имѣютъ за собою древности употребленія. Таковы слова: *панъ*—*pon-a-s*, *ponas*; король—*karal-iu-s*, *karalius*; *купецъ*—*kupc-u-s* было бы неудобно для произношенія и потому—*kupcz-u-s*, *kupczus*; *господарь*—*gaspador-iu-s*, *gaspadorius*.—*b* оглашается здѣсь какъ *i*. Въ этомъ случаѣ, при помощи сходства съ языкомъ Русскимъ, языкъ Литовской представляетъ особыя любопытныя сближенія; на примѣръ: *smert-i-s* (тамъ это слово мужескаго рода) и Русское *смерть*: также *szird-i-s*, *сердце*. Сходство съ Русскимъ словомъ очевидно: если мы вникнемъ, то увидимъ, что *серд-це* есть слово уменьшительное, какъ *озер-це*, и что слѣдовательно его настоящій видъ есть *сердо*, или *серды*, ибо существуетъ слово—*середь*, *средь*; говорится: *по середи*, *по среди*; тогда образованіе *czirdis* очень ясно и прямо вытекаетъ изъ нашего *средь*: *czird-i-s*, *czirdis*. — Замѣчательно, что въ языкѣ Литовскомъ нѣтъ окончанія именъ на согласную букву безъ суффикса, слѣдовательно *ъ* является тамъ всегда въ оглашенномъ видѣ.—Суффиксъ *s* (скажемъ здѣсь кстати) конечно предполагаетъ и послѣ себя *ъ*, который безъ сомнѣнія поглощенъ въ Литовскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ (кромѣ Русскаго и во-

обще Славянской семьи): но это уже суффиксъ, а не тематическое коренное окончаніе имени мужескаго рода — *ъ*, который (такъ какъ тематическая форма, при которой онъ находится, принадлежитъ глубокой древности) всегда является въ оглашенномъ видѣ.

Въ Русскомъ языкѣ есть еще окончаніе именъ мужескаго рода на *и*; оно, при суффиксѣ, переходитъ также въ *е*: *людье-съ* *). Соотвѣтствіе этому видимъ мы въ Греческомъ и Латинскомъ; но намъ кажется, что можетъ быть здѣсь *и*, *j*, слѣдуя непосредственно за согласнымъ окончаніемъ, образовало, хотя можетъ быть не совсѣмъ правильно, двѣ гласныя, или, два звука (*i*, *o*; *i*, *u*), такимъ образомъ: *j*—*io-s*, *j*—*iu-s*, и даже (что по нашему мнѣнію вѣрнѣе) *j*—*eu-s*.—Впрочемъ это одно предположеніе. Предыдущая гласная *i*, *e*, и пр., передъ *и* можетъ остаться та же, а *и*—перемѣниться въ *o-s* въ Греческомъ и въ *u-s* въ Латинскомъ; окончаніе *i-o-s*, *i-u-s*, *e-u-s* тогда уже не имѣетъ сказаннаго смысла. — Окончанія Латинскія на *jus* — *Cajus* — сюда же относятся. Нельзя не замѣтить между прочимъ сходства Русскаго *куль* (статься можетъ была форма и *кулей*) съ Латинскимъ *culeus*. — Въ Литовскомъ, при суффиксѣ, *и* переходитъ въ *a*: *i-a-s*.

Русской языкъ, не подчинившись въ именахъ своихъ суффиксамъ, не кристаллизовавшись съ ними и удержавъ преимущественно тематическую форму въ склоненіи и въ Имени вообще,—въ противоположность суффиксной, кристаллизованной формѣ другихъ языковъ,—Русской языкъ, какъ мы видимъ, имѣетъ въ то же время суффиксы, но онъ большею частію свободно ими пользуется, по крайней мѣрѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ другіе сплеменные языки; суффиксы въ немъ понятны, являются въ своемъ настоящемъ смыслѣ, на своемъ настоящемъ мѣстѣ,—отъ присутствія тутъ же тематической формы, рядомъ съ формою суффиксною.

Переходимъ теперь къ суффиксамъ другаго рода—къ суффиксамъ Имённымъ, или, постояннымъ.

---

*) При этомъ случаѣ *ъ*, находящійся послѣ *и* (по существу своему гласное *и*, оглашается вмѣстѣ съ нимъ и происходитъ смягченіе; а смягченіе происходитъ у насъ непремѣнно, какъ скоро встрѣчается въ окончаніи *й* или *ь*; въ другихъ же языкахъ, кромѣ отчасти Латинскаго, оно мало видно, при недостаткѣ мягкаго *ь*.

Суффиксъ *Т* (*тъ*).

Суффиксъ *t* (*тъ*) употребляется во всей силѣ Русскимъ народомъ, и совершенно уже свободно. Онъ есть такъ называемое Мѣстоименіе: *тъ*, *та*, *то*. Мѣстоименіе первобытное, какъ мы это уже видѣли выше, можетъ часто быть суффиксомъ. Эти первобытныя мѣстоименія *съ*, *тъ*. Они, какъ суффиксы, придаются къ имени, въ своемъ первоначальномъ значеніи, или даже въ такую минуту слова, когда еще они не опредѣлились какъ Мѣстоименія.—Суффиксъ *тъ*, въ Русскомъ языкѣ, совершенно соотвѣтствуетъ суффиксу *съ* (*сь*), употребляющемуся затруднительно въ Русской рѣчи; но и тотъ, и другой суффиксъ, употребляясь съ Именительнымъ падежемъ, не становится, при живомъ употребленіи Русскаго языка, суффиксомъ падежнымъ, не прирастаетъ къ падежу, а свободно придается и откидывается, и, сверхъ того, свободно проходитъ сквозь все склоненіе *). О тѣхъ именахъ, въ которыхъ эти суффиксы являются отчасти кристаллизованными, какъ суффиксы имённые или постоянные, см. ниже, въ отдѣлѣ именъ средняго рода.

Употребляя суффиксъ *тъ* (*t*), мы говоримъ напр. *человѣко-тъ*. По тому же закону, о которомъ мы не разъ упоминали и приложеніе котораго видѣли при суффиксѣ *съ*, *s*,—*ъ* здѣсь переходитъ въ *о*, и. соотвѣтственно, *ъ*—въ *е*, а *i*—тоже въ *е*: *человѣк-о-тъ*, *гост-е-тъ*, *змѣ-е-тъ*. Такое употребленіе, понятное и сподручное всякому Русскому, еще болѣе объясняетъ то же самое образованіе въ другихъ языкахъ при суффиксѣ *s*, гдѣ такимъ образомъ составилось: *as*, *os us* и *is*; *es* и *is*; *eus* и *ius*.—По рѣдкому употребленію суффикса *съ*, *s*, въ Русскомъ языкѣ, существующему болѣе въ возможности, это образованіе въ другихъ языкахъ было не такъ ясно; но здѣсь, при употребленіи подобнаго суффикса *тъ*, соотвѣтствующемъ вполнѣ первому,—это уже ясно совершенно.—Значенія *тъ*, какъ члена, нѣтъ и признака въ Русскомъ языкѣ; употребленіе вполнѣ свободно, и *тъ* сохраняетъ свой

*) Слова—*парусъ*, *голосъ*, и пр., суть имена, въ которыхъ суффиксъ перешелъ въ образовательное окончаніе; да и тутъ суффиксъ не есть *падежное* окончаніе, а проходитъ, какъ образовательное окончаніе, сквозь все склоненіе, напр. *паруса*, *парусу*, *голоса*, *голосу*, и т. д.

смыслъ, придавая особый оттѣнокъ слову.—Какъ бы въ полнѣйшее доказательство, что здѣсь *о* или *е* передъ суффиксомъ есть дѣло благозвучія (ради котораго оглашается *ъ* или *ь*),—въ Русскомъ языкѣ существуетъ и другое употребленіе: *человѣкъ-то, звѣрь-то, змѣй-то.*

Любопытное явленіе представляетъ здѣсь языкъ Болгарскій. Суффиксъ *тъ* получаетъ въ немъ значеніе члена: но это не членъ. Это суффиксъ, находящійся въ періодѣ своего приращенія къ слову, въ томъ періодѣ, который въ древнихъ языкахъ является уже совершившимся,—періодъ, вовсе не вступавшій для остальныхъ языковъ Славянскихъ, или, лучше, обойденный ими. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы языкъ Болгарскій былъ древнѣе Санскритскаго и другихъ. Нѣтъ, это показываетъ только, что *именно эта сторона слова* (впрочемъ сторона первой важности) давно уже вступила въ свою позднѣйшую низшую степень въ древнихъ иностранныхъ языкахъ. — Мы сказали, что языкъ Русской, и вообще Славянской, удержалъ тематическую форму слова, откинулъ кристаллизацію суффикса, сохранилъ, большею частію, его древнее, свободное употребленіе, и хотя можетъ быть нѣсколько ослабилъ значеніе и дѣйствіе суффикса вообще, давъ превосходство формѣ тематической, — но тѣмъ не менѣе удержалъ слово въ древнемъ его видѣ. На долю Русскому языку выпало сберечь, въ этомъ случаѣ, древнѣйшее слово.—Остальные языки Славянскіе, болѣе или менѣе, находятся на той же степени, какъ и Русской. Языкъ Болгарской сошелъ на самую низшую степень изъ всѣхъ языковъ Славянскихъ: въ немъ слово уже не измѣняется по падежамъ *). Слѣдовательно, подходя подъ одинъ разрядъ съ языками Французскимъ и Англійскимъ, языкъ этотъ представляетъ весьма низкую степень паденія, и смѣшно подумать сравнивать оный съ Санскритскимъ; огромное разстояніе ихъ раздѣляетъ. Но именно на этой только низкой степени могъ Славянской языкъ, въ лицѣ Болгарскаго, лишиться того общаго великаго Славянскаго наслѣдія, которое наиболѣе сберегъ языкъ Русской, то есть —независимой, богатой самостоятельности Имени, его свободнаго тематическаго вида, некристаллизаціи при немъ

*) Здѣсь разумѣется обыкновенная, ходячая рѣчь, и притомъ больше въ Восточной Болгаріи; въ пѣсняхъ же и различныхъ народныхъ памятникахъ, особенно въ Болгаріи Западной, не рѣдко встрѣчаемъ еще падежи.—*Б.*

суффикса, живаго употребленія суффиксовъ.—Но здѣсь, въ Болгарскомъ языкѣ, видимъ мы сверхъ того, какъ, на нашихъ глазахъ еще, совершается эта кристаллизація, конечно условленная частными обстоятельствами самого языка и времени. — Это еще не сросшійся, а сростающійся суффиксъ: но это и не членъ. Членъ, по справедливому замѣчанію Боппа, долженъ явиться въ послѣдствіи, какъ явился онъ во всѣхъ языкахъ, гдѣ онъ есть.— Въ Болгарскомъ языкѣ употребляется *тъ* уже не такъ, какъ въ Русскомъ и другихъ Славянскихъ, но съ потерею самостоятельнаго значенія, въ духѣ члена (article), — и потому употребленіе уже принудительное, невольное,—хотя, какъ сказано, это еще не членъ, а кристаллизующійся суффиксъ. Въ Болгарскомъ языкѣ по нѣкоторымъ нарѣчіямъ говорится: *квасъ—квас-отъ*; *говедарь—говедар-ё-тъ* и *говедар-е-тъ* (при чемъ доказывается отношеніе *ё* и *е*).—Мало того, суффиксъ этотъ начинаетъ и сокращаться: *тъ* отбрасывается и говорится—*грьло*, *мжжё* и *мжже*. Быть можетъ это, при начинающейся утратѣ *ъ*, которую кажется необходимо здѣсь предположить должно, и при начинающейся потерѣ формы тематической, есть ничто иное, какъ переходъ самого *ъ* въ *о*,—то самое, что̀ предполагали мы, въ иныхъ случаяхъ, и въ другихъ языкахъ. Но такъ какъ это *о* удерживаетъ значеніе опредѣленности, какое придаетъ *тъ* (*о-тъ*), то мы готовы согласиться, что здѣсь *тъ* исчезнетъ, а *о*, оглашенный въ *о*, удерживаетъ свое оглашеніе, какъ воспоминаніе послѣ полной формы *о-тъ*. Въ такомъ случаѣ съ этимъ совершенно сходится Зендское *o—vehrkô:* только что, вмѣсто *t*, — тамъ *s*; правда, суффиксная форма тамъ *a-s*, а не *o-s* (Болгарск. *o-t*): но *ъ* часто оглашается какъ *а*, и къ тому же *о* въ *а* легко переходитъ.—Впрочемъ можетъ быть здѣсь (въ Болгарскомъ языкѣ) и дѣло чистаго выговора *). Какъ бы то ни было и какъ бы ни произносилось оно,— это *о* все же есть *ъ*, и форма слова, прежде ли, послѣ ли, суффикса явившись въ этомъ видѣ, имѣетъ видъ формы тематической.

Этого суффикса, какъ суффикса подвижнаго или бродячаго, другими словами—какъ *суффикса падежнаго*, мы уже не находимъ въ древнихъ языкахъ, въ именахъ мужескаго и женскаго рода. Суффиксъ *t* является, въ этихъ языкахъ, какъ суффиксъ

*) Эти объясненія устраняются тѣмъ, что въ Восточной Болгаріи дѣйствительно существуетъ *а* и *а-тъ*, не *о* и *о-тъ*.—*Б.*

падежный въ иныхъ именахъ или, лучше, мѣстоименіяхъ средняго рода: но кругъ его дѣйствія не обширенъ, а по этому онъ и не заслуживаетъ здѣсь особеннаго разсмотрѣнія, какъ суффиксъ *падежный*.—Мы еще будемъ говорить о немъ, въ отдѣлѣ о мѣстоименіяхъ. Боппъ справедливо видитъ въ немъ Мѣстоименіе.— Здѣсь опять встрѣчаемъ недостаточность древнихъ языковъ (на которую мы уже и указывали): мѣстоименіе *съ* существуетъ у насъ во всѣхъ трехъ родахъ; точно также и *тъ*, *та*, *то*: въ древнихъ же языкахъ, напримѣръ въ Санскритскомъ, въ муж. и женск. *sa*, а въ среднемъ *tat*.—Въ Греческомъ въ среднемъ то совершенно соотвѣтствуетъ нашему *то*, являясь какъ обломокъ полнаго вида, удержавшагося въ языкѣ Русскомъ. — Было время и для этихъ языковъ, когда всѣ эти мѣстоименія являлись въ нихъ во всемъ своемъ полномъ видѣ: доказательствомъ то, что суффиксъ *s* хотя является преимущественно въ мужескомъ, но и во всѣхъ родахъ. — Суффиксъ *тъ* не встрѣчается въ именахъ въ Именительномъ падежѣ, какъ суффиксъ *падежный* или бродячій: но за то онъ обличается, разумѣется кристаллизовавшійся, въ нѣкоторыхъ именахъ, какъ суффиксъ *имённый* или постоянный, въ падежѣ Родительномъ и другихъ, явно идущихъ отъ суффиксной формы. Въ такихъ случаяхъ имя, въ Именительномъ падежѣ, стоитъ обыкновенно въ формѣ тематической, часто съ падежнымъ суффиксомъ *s* (не смотря на который мы будемъ употреблять выраженіе „тематическая форма,“ понимая ее здѣсь относительно постояннаго суффикса). — Мы должны здѣсь выйти изъ предѣловъ Именительнаго падежа, чтобы разсмотрѣть этотъ суффиксъ, не имѣющій общаго примѣненія (какъ *s*) и являющійся частно, кристаллизовавшимся при нѣкоторыхъ словахъ, какъ суффиксъ имённый.

Въ языкѣ Санскритскомъ встрѣчается суффиксъ *тъ* собственно въ причастіяхъ, и хотя о причастіяхъ здѣсь говорить не мѣсто, но такъ какъ мы теперь толкуемъ о суффиксахъ, то должны сказать и объ этихъ причастіяхъ, хотя вкратцѣ, сколько нужно. — Тематическая форма такого причастія въ Санскритскомъ языкѣ (по нашему мнѣнію) есть напр. *b'aran*. Въ Греческомъ напр. φερων.—Соотвѣтствіе между этими формами и формою Русскою, на сей разъ собственно Церковно-Славянскою, очевидно: Церковно-Славянская тематическая форма оканчивается на носовое *а*. Думаютъ, что носовой звукъ есть явленіе позднѣйшее, возникшее

изъ носовой буквы *n* или *m*, и еще болѣе позднѣйшее явленіе — есть сокращеніе носоваго звука—*я* вмѣсто *м*, *у* вмѣсто *ж*: но объ этомъ мы пока толковать не будемъ, это не измѣняетъ дѣла; соотвѣтствіе между *м* и *ан*, *ож*, — остается то же *).—Къ формѣ Церковно-Славянской придается иногда *й* (*мй*), хотя носовой выговоръ при этомъ вообразить трудно. — Въ другихъ падежахъ Санскритскаго и Греческаго выступаетъ суффиксная форма *т*, напримѣръ: *b'a ran-t-am*, φερον-τ-α; такимъ образомъ здѣсь является составное склоненіе. — Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, — въ языкѣ Русскомъ и вообще въ Славянскомъ, сказать между прочимъ, причастія чрезвычайно интересны, — тематическая форма причастій существуетъ только въ падежѣ Именительномъ. Въ Русскомъ окончательное *й*, быть можетъ позднѣйшее или второстепенное, было вновь отброшено, и причастіе изъ характера Прилагательнаго перешло въ позднѣйшее время въ характеръ нарѣчія (дѣепричастіе). — Во всѣхъ другихъ падежахъ, — кромѣ Именит. Ед. ч., — въ именахъ мужескаго рода, эта форма не употребляется, а употребляется и въ Русскомъ языкѣ *форма суффиксная*, на *щ*: но за то эта вторая форма употребляется и въ Именительномъ падежѣ Ед. числа, особенно теперь, когда тематическая получила значеніе нарѣчія. Но прежде чѣмъ скажемъ о суффиксной Русской формѣ причастія, укажемъ на причастія другихъ языковъ. Въ Зендскомъ и Латинскомъ, даже въ Именительномъ падежѣ, причастіе уже имѣетъ неподвижную суффиксную форму, то есть падежный суффиксъ, именно: *barani-ś*, *feren-s*; въ остальныхъ падежахъ выступаетъ постоянный суффиксъ *t* (*т*), а подвижной суффиксъ, *s* (*сь*),—откидывается: *barĕntĕm*, *ferentem*; и такъ, если предположить (какъ мы рѣшаемся предполагать, вопреки Боппу), что *t* не выпущено передъ *s* въ Имен. падежѣ, — то здѣсь опять склоненіе составное. — Языкъ Готской представляетъ въ Именительномъ оба эти суффикса: *t*, *s* (*т*, *сь*), на примѣръ *fijan-d-s*.— Суффиксная форма Русскихъ и Церковно-Славянскихъ причастій представляетъ тоже эти суффиксы, только иначе переставленные, — суффиксы *сь* и *т*, сократившіеся употребленіемъ въ *щ*, на примѣръ: тем. *дѣля*, суф. *дѣля-сь-т*, *дѣлясть* **), *дѣлящь*, *дѣ-*

*) Впрочемъ, можетъ быть, и форма причастія съ *n* есть тематическая форма производная, относительная, а не коренная.

**) К. С. Аксаковъ какъ будто забылъ, что здѣсь *шт* и *щ* происходятъ отъ простаго претворенія звука *т*, безъ всякой вставки *с*.—*Б.*

лящь. — Эта форма выступаетъ во всѣхъ падежахъ, кромѣ Именительнаго ед. ч. въ муж. родѣ; въ женскомъ — во всѣхъ падежахъ безъ исключенія. Въ Им. же ед. ч. мужескаго и средняго рода употребляется форма тематическая: но также и форма суффиксная. Почему *ящь* переходитъ въ *ущь*, въ Церковно-Славянскомъ *жщь*, и пр., обо всемъ этомъ надѣемся поговорить въ статьѣ о причастіяхъ *). Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что въ причастіяхъ мы находимъ, и въ Русскомъ языкѣ, суффиксъ, въ незапамятныя времена кристаллизовавшійся при словѣ, и еще двойной суффиксъ. Но вспомнимъ, что въ причастіяхъ мы уже оставляемъ твердую опредѣленную почву и переходимъ на зыбкую, вѣчно творящуюся, почву глагола. — Въ языкѣ Литовскомъ причастіе (настоящ. дѣйствит.) образуется сходно съ Латинскимъ: въ Им.. *suka-s*; въ другихъ падежахъ выступаетъ *t*: *sukan-ti*.

Мы начали потому съ причастія, что Санскритской и Зендской языки имѣютъ только въ немъ суффиксъ *тъ*; но теперь возвращаемся къ Имени. — Суффиксъ *тъ* является въ именахъ, въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Мы должны сказать предварительно, что въ языкахъ иностранныхъ, какъ это уже видѣли мы нѣсколько въ причастіяхъ, въ суффиксной формѣ съ *тъ* можетъ явиться суффиксъ *s*, какъ на примѣръ, въ падежѣ Родительномъ. но суффиксъ *s* здѣсь уже сомкнулся съ окончаніемъ самого падежа; впрочемъ, такой смыслъ суффикса *s* вытекаетъ уже изъ опредѣленія его, какъ суффикса *падежнаго*. Надѣемся, что это будетъ еще яснѣе при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.—Замѣчательно, что имена мужескаго рода, какъ въ Греческомъ, такъ и въ Латинскомъ, весьма мало имѣютъ суффиксную форму съ *t*, *тъ*, и это *t*, *тъ*, слѣдуетъ большею частію непосредственно за согласною буквою, напр.: ἄνακ-ς, ἄνακ-τ-ο-ς; *mon-s*, *mon-t-i-s*, *fon-s*, *font-i-s*, и пр.; это такъ и должно быть, если предположить (какъ мы и предполагаемъ), что ъ здѣсь утратился и не перешелъ въ гласную посредствующую, какъ видимъ это во многихъ именахъ съ суффиксомъ *s* (ἔθνε-ς).—Впрочемъ въ иныхъ, очень не многихъ словахъ, въ которыхъ окончаніе ъ передъ суффиксомъ *s* перешло въ гласную букву,—сохранилась эта гласная и передъ суффиксомъ *t*, *тъ*, выступающимъ въ другихъ падежахъ этихъ словъ; на примѣръ:. ὄρνι-ς,

*) Въ критикѣ нашей на грамматику г. Буслаева мы довольно говоримъ о причастіяхъ, но съ другой стороны.

ὄρνι-θ-ς; *mile-s*, *mili-t-i-s*; *pe-s*, *pe-d-i-s*, и пр.—Суффиксъ *d*, встрѣчающійся въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, даже въ Сербскомъ (пожалуй можно его отыскать и въ Русскомъ *чело-дь*, хотя это едва ли суффиксъ), есть, кажется, тотъ же суффиксъ *t*, *mъ*. Точно то же думаемъ мы и о суффиксѣ θ.

Сперва посмотримъ мы на тѣ имена мужескаго рода, принимающія въ склоненіи суффиксъ *t* (*mъ*), которыя имѣютъ въ Именительномъ Ед. гласную передъ суффиксомъ *s*, гласную, въ которую перешелъ *ъ* или *ь*.

Въ Греческомъ языкѣ, въ именахъ, принимающихъ *t* въ склоненіи, такихъ окончаній на суффиксъ съ гласною, соотвѣтствующею *ъ*,—нѣтъ (ῥήτωρ мы объясняемъ иначе). Мы видимъ здѣсь только тѣ гласныя буквы, которыя соотвѣтствуютъ *ь*, именно: πέν-η-ς, ὄρν-ι-ς, παῖ-ς; суффиксъ *t* выступаетъ въ другихъ падежахъ, именно: πένη-τ-ος, ὄρνι-θ-ος, παι-δ-ός. Какъ бы въ доказательство, что мысль о сокращеніи темы въ Именит. ед. ч. и о томъ, что *t* есть утраченная Именительнымъ ед. часть темы, — ложна, что, напротивъ, здѣсь въ Именительномъ является тематическая самостоятельная форма, которая имѣла нѣкогда свое тематическое склоненіе, а что въ остальныхъ падежахъ является форма суффиксная, также самостоятельная,—какъ бы въ доказательство того, что слово равно имѣло обѣ формы, показывающія степень его опредѣленія,—въ Греческомъ языкѣ сохранилось при иныхъ именахъ *оба* склоненія въ нѣкоторыхъ падежахъ, подобныя тѣмъ, какія находятся въ языкѣ Русскомъ. На примѣръ: ὄρνι-ς; Винительный тематической: ὄρνι-ν; Винительный суффиксный: ὄρν-ι-θ-α Во множественномъ форма тематическая: Над. Именит. ὄρνεις; Над. Род. ὀρνέων: Над. Вин. ὄρνεις и ὄρνις. Форма суффиксная множ. Над. Им. ὄρνι-θ-ες; Над. Род. ὀρνί-θ-ων; Над. Вин. ὄρν-ι-θας. Разумѣется такихъ словъ немного; большею частію не встрѣчается этихъ двухъ формъ рядомъ и склоненіе (все почти третье) образовано такъ, что Им. падежъ — тематической, а остальные—суффиксные; но такія слова, какъ ὄρνις, ясно доказываютъ самую вещь, что здѣсь вездѣ — двѣ формы для цѣлаго имени: тематическая и суффиксная, формы кристаллизовавшіяся, частями исчезнувшія, смѣшавшіяся и образовавшія составное склоненіе, сбивающее грамматиковъ *). Такое возникновеніе формы суффиксной при темати-

*) Подъ тематическою надобно конечно разумѣть формы—какъ ὄρνις и т.

ческой, подтверждаемое уцѣлѣвшими примѣрами, объясняетъ намъ эти странныя склоненія, въ которыхъ Именительный ед. ч. столько не сходенъ съ остальными падежами, при чемъ надо допустить: или наращеніе въ этихъ другихъ падежахъ,—или же утрату части темы, (какую ни будь одну букву, а иногда и двѣ) въ падежѣ Им. ед. ч.; грамматики предполагаютъ обыкновенно второе. Что касается до этихъ немногихъ именъ, имѣющихъ двойныя формы склоненія, тематическую и суффиксную, то изъ этихъ-то двойственныхъ, но утратившихся въ своей полнотѣ, формъ составляются всѣ тѣ т. н. неправильныя склоненія, abundantia, heteroclita, metaplasta, и пр., которыя у грамматиковъ являются въ исключеніяхъ.—Въ склоненіи каждаго имени должна быть открыта форма тематическая и объяснена форма суффиксная, какъ скоро она есть. Такъ—думаемъ мы — склоненіе явится въ настоящемъ своемъ видѣ, разумно и безъ всякихъ исключеній.

Примѣчаніе. Прибавимъ здѣсь замѣчаніе о словѣ παῖς: его настоящая тематическая форма есть παϊ (*пай*); она невольно приводитъ намъ на мысль Англійское boy.... И такъ языкъ Англійской сохранилъ тематическую форму: не есть ли это признакъ древности?—На сей разъ нисколько. Въ языкахъ, стоящихъ на весьма низкой степени Слова, какъ на примѣръ языкъ Англійской, часто, вслѣдствіе постепеннаго паденія языка, слова́, нѣкогда богато обставившія себя разными суффиксами, потомъ кристаллизовавшіяся съ ними, — наконецъ въ свою очередь разрушаются, обламываются, и въ этихъ обломкахъ часто обнажается тематическая форма. Но не трудно различить первоначальную тематическую форму, заключающую въ себѣ, какъ въ зернѣ, жизнь и грядущее развитіе, предшествующую другимъ разнообразнымъ богатымъ формамъ,— отъ этой тематической формы, которая обнаруживается изъподъ развалившагося слова, окаменѣлая, лишенная жизни, — обнаруживается вслѣдствіе разрушенія, которому предшествовала кристаллизація, съ теченіемъ времени, мало по малу, обхватившая и окаменившая все слово. — Форма παι встрѣчается въ Латинскомъ языкѣ съ суффиксомъ *r*, *рис-r*.

п., безъ суффикса *s*; но такъ какъ ужь этотъ суффиксъ сросся съ окончаніемъ иныхъ падежей, то мы называемъ эту форму тематическою, подразумѣвая, что настоящій видъ ея есть въ отдѣльности отъ суффикса *s* (замѣчаніе, которое нужно помнить).

Въ Русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ей слово *паръ*, которое принимаетъ новый суффиксъ *н* и образуетъ: *парень* *).—Суффиксная форма въ падежѣ Именительномъ конечно тоже употреблялась, какъ и тематическая: первоначально она конечно была παι-δ, ορν-ι-θ. πεν-η-τ, рядомъ съ тем. παῖ, ὄρν.., πέν...; потомъ могла употребляться и съ суффиксомъ *s*, какъ окончаніемъ падежнымъ: παῖ-δ-ς, ορν-ι-θ-ς, πέν-η-τ-ς, рядомъ съ тем. παῖ-ς, ὄρν-ι-ς, πέν-η-ς. Но она была только суффиксная, стало быть второстепенная форма слова **).

Обратимся теперь къ языку Латинскому.

Окончанія на *a-s*, имѣющія въ склоненіи суффиксъ *t* (*a-t-is*, и т. д.), — большею частію женскія: мы даже думаемъ, что они всѣ женскія и что только употребленіе переноситъ ихъ въ родъ мужескій, подобно тому какъ у насъ *пьяница, служка,* и т. д. — Разница здѣсь та, что Латинскій языкъ, обремененный суффиксами и, между прочимъ, измѣнившій такъ много свои буквы, уже далеко не такъ ясно представляетъ переходъ употребленія. Во всякомъ случаѣ буква *a*, въ Латинскомъ языкѣ, не есть та буква, въ которую оглашается *ā* передъ падежнымъ суффиксомъ, какъ это въ языкѣ Санскритскомъ (*vṛ́k-a-s*); а по этому можно кажется утвердительно сказать, что всѣ слова, оканчивающіяся на *a* безъ суффикса *s*, или съ суффиксомъ *s*, — въ сущности рода женскаго; слѣдовательно здѣсь объ нихъ и не говоримъ: объ нихъ рѣчь впереди, въ своемъ мѣстѣ.—Слова на *o-s*, принадлежащія къ тому же разряду (то есть, также принимающія въ склоненіи суффиксъ *t*), естественно представляютъ оглашеніе *ā* въ *o*, самое настоящее его оглашеніе; но иныя изъ этихъ словъ — рода женскаго. Это объясняется или тѣмъ, что здѣсь замѣшалась и буква *a* (*a-s*), ослабѣвшая въ произношеніи до *o*; или же — просто употребленіемъ, чему примѣровъ мы можемъ встрѣтить довольно во всѣхъ языкахъ.—Мы принимаемъ второе объясненіе. — Слово *sacerd-o-s* (*o* соотвѣтствуетъ *ā*), хотя и употребляется въ обоихъ родахъ,

---

*) Нельзя при этомъ не вспомнить: десятки разъ удавалось намъ слышать, что дѣти, особенно когда хвалятъ себя или ждутъ похвалы, любятъ называть себя *най, нанька;* то же имя даютъ имъ часто и няньки.—*Б.*

**) Суффиксъ *t* могъ съ своей стороны утратиться передъ *s*; во всякомъ случаѣ, тематическая форма необходимо находится здѣсь, и есть существенная форма: она является очевидно въ формахъ именъ, какъ напр. παῖ, ὄρνιν, и пр.

относимъ мы къ роду мужескому. Оно имѣетъ Родительнымъ *sacerdotis*, при чемъ выступаетъ суффиксъ *t* —Какъ соотвѣтствующее ъ, видимъ окончаніе на *e-s*, *i-s*: *leb-e-s*, *mansu-e-s*: въ Родительномъ (и др. пад.) выступаетъ суффиксъ *t*: *lebe-t-is*, *mansue-t-is*. Приводимъ еще слова: *heres*, *lapis*; въ Родительномъ (и др. пад.) выступаетъ тотъ же суффиксъ, но измѣненный—*d*: *here-d-is*, *lapi-d-is*.—Эти слова, опять какъ бы въ доказательство, что здѣсь находится тематическая форма, имѣютъ и другое тематическое склоненіе, или нѣкоторые падежи этого склоненія, именно: *mansue-s* имѣетъ въ Род. *mansui-s*, темат., и *mansueti-s*, суффикен. и т. д.; *heres*—Винительный *herem*, тем., *heredem*, суффикен.; *lapis*—Творит. *lapi*, тем., и *lapide*, суффиксное.

Теперь взглянемъ на тѣ слова, которыя въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ или оканчиваются на суффиксъ *s*, прямо примыкающій къ темѣ слова, или не имѣютъ даже и этого суффикса,—но въ обоихъ случаяхъ, въ падежахъ, кромѣ Им. ед. ч., имѣютъ суффиксную форму на *t*. Напр. ἄναξ; здѣсь слышимъ суффиксъ падежный: *s* (ἄνακ-ς); въ Родит. ἄνακ-τ-ο-ς: здѣсь выступаетъ суффиксъ постоянный—*t*.—Двойныя склоненія довольно доказываютъ намъ, что форма тематическая, находимая нами въ Им. падежѣ ед. ч., есть форма самостоятельная. Употребленіе же тематическаго склоненія, большею частію въ древнемъ слогѣ, доказываетъ его подлинность и первоначальность. Мы это видѣли выше и надѣемся еще увидать.—Еслибъ слово ἄναξ употреблялось только въ тематической формѣ, оно не имѣло бы суффикса *t*: еслибъ только въ суффиксной, оно не имѣло бы тематическаго Именительнаго съ почти неизбѣжнымъ суффиксомъ *s*. Есть форма ἀνακ-ο-ς: это съ одной стороны доказываетъ здѣсь оглашенный, а въ ἄναξ исчезнувшій *a*: съ другой стороны ясно указываетъ, что *t* не есть часть темы, а. слѣдовательно, суффиксъ. Мы отчасти уже говорили, что не всякую линяющую букву противъ Именительнаго падежа считаемъ мы суффиксомъ. Для узнанія суффиксной формы падежей можетъ служить указателемъ, гдѣ нѣтъ другихъ указаній,—такъ намъ кажется,—падежъ Звательный. Слово γίγας, въ Род. γίγαντος, Зват. γίγαν, имѣетъ, по нашему мнѣнію, тематическую (производную) форму: γίγαν-(ς) *).

*) Это удвоенная форма причастная, а потому къ ней относится сказанное выше о причастіяхъ. Обще-европейскій корень *джан*, *ген*, наше *жен*, — ро-

Есть слова, употребляющіяся (въ Им. над.) въ чистой, безъ *s*, тематической (производной) формѣ и имѣющія, опричь Именительнаго, суффиксъ *t* во всѣхъ падежахъ, напр. λέων, λέον-τ-ος.

Примѣчаніе. Подъ тематическою формою разумѣемъ мы, о чемъ было уже сказано выше, не всегда форму самую первоначальную, но ту, которую выработало себѣ слово въ языкѣ какъ бы первоначальную (иногда вовсе позабывъ настоящую первоначальную),—выработало, слѣдуя законамъ произношенія, принявъ образовательное окончаніе, въ которое способенъ перейти даже и суффиксъ; такимъ образомъ можетъ составиться тематическая форма *производная*. Такъ первоначальный видъ слова λέων есть λέω, или λέσ-ς; но Греческой языкъ выработалъ это слово какъ λέων, и по этому мы признаемъ эту форму за тематическую производную; между тѣмъ изысканія могутъ намъ показать, что первоначальная форма была λε-σ (*σ*—*ъ*) и что ν есть быть можетъ суффиксъ, обратившійся въ образовательное окончаніе. Мнѣніе наше подтверждается древнѣйшею Греческою формою: λί-ς. И такъ тема слова, откинувши суффиксъ ς, будетъ λι, или лучше *ль*; эта форма неудобна для выговора; уже для устраненія этого неудобства, здѣсь нуженъ суффиксъ, при которомъ ь переходитъ, въ Греческомъ, въ ι: λί-ς. Въ Латинскомъ это слово принимаетъ видъ — *le-o*. Въ Русскомъ, тематическая форма является, думаемъ мы, въ настоящемъ своемъ видѣ, именно *ле-ъ*, при чемъ, тоже ради выговора, вставляется *в*: *ле-в-ъ*. И такъ здѣсь въ Греческомъ ν есть суффиксъ, обратившійся потомъ въ образовательное окончаніе *).

дить и родиться: родъ первый, лучшій, чудный и чудовищный, отродія, выродки и даже уроды, что и выражается удвоеніемъ корня (таковы и у насъ Старшіе Богатыри, которымъ мать — сыра земля и которые съ ней возятся какъ дѣти). Со стороны формальной удвоеніе здѣсь то же, какъ въ Греческомъ, того же корня, γίγνομαι, или какъ въ Сербск. *же-жена* (ракія, водка, отъ *жещи*), или какъ по Слав. нарѣчіямъ, отъ корня *рци* (рождаться, расти)—*рогъ*, а рогъ по преимуществу — какъ у оленей — *рарогъ*. — *Б.*

*) Левъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣсколькихъ животныхъ, названія которыхъ мы перенесли съ собою на Сѣверъ еще изъ Южной прародины: названія иногда сродныя съ другими языками (какъ *левъ*, *пардъ* и *пардусъ*, *строй* — *струй* — *строусъ* — *страусъ* — *страфилъ* и т. п.), иногда совершенно самобытныя, *по нашему* сложенныя (какъ „вель-бждъ“ и „вельбудъ“ —

Въ языкѣ Латинскомъ вообще суффиксъ *t* есть бо́льшая принадлежность именъ женскаго рода, но встрѣчается однако и въ именахъ мужескаго рода. Напр.: *glans*, *glan-d-is*; *mons*—*mon-t-is*.— Имена этого разряда, имѣющія тематическій видъ безъ суффикса *s*, кажется въ Латинскомъ языкѣ не встрѣчаются.

Суффиксъ *N* (*нъ*).

Суффиксъ *n* (*н*) не является, въ Русскомъ языкѣ, въ свободномъ употребленіи; напротивъ, онъ является кристаллизованнымъ въ склоненіи, какъ суффиксъ, такъ что самый оттѣнокъ, придаваемый имъ слову, не такъ ясенъ, не такъ ощутителенъ. Но рядомъ съ нимъ, то есть съ суффиксною формою, обыкновенно существуетъ тематическая форма и тематическое склоненіе, болѣе или менѣе полное; такимъ образомъ, отчасти, образуется и склоненіе составное. Это суффиксъ, возникающій обыкновенно при

большой скотъ, большое, крупное быдло; „вель-рыбъ“ и „велё-рыбъ“ — китъ, крупное животное водное, и т. п.), во всякомъ случаѣ „не занятыя“ съ иностраннаго и „не переведенныя (отъ того иностранному личному имени Лео и Леонъ у насъ отвѣчаетъ свое — Левъ).“ Вслѣдствіе сего корень подобныхъ словъ часто, если не объясняется для другихъ языковъ изъ нашего, то по крайности ясенъ намъ самимъ изъ области „нашихъ“ корней. Въ настоящемъ случаѣ это корень *ла-* (откуда *ла-й*, крикъ животнаго; *ла-я-ть*, глаголъ; *ла-й-ка*, кожа; греческое λα-ϝ-ς, названіе толпы по ея крику и шуму, какъ у насъ *толка*, и т. п.). Левъ названъ по его крику, его „преимущественному“ отличію. Формально, первобытное и долгое *а* позднѣе сократилось, понизилось и смягчилось: отсюда, по языкамъ, *ле-о*, предполагаемое наше *ле-ъ*, Греч. λέ-ϝς, являющееся у насъ въ имени *ле-с-ъ* (муж. р., позднѣе *ле-с-ица*) и т. д. Въ названіи „крика“ тѣ же ступени: при старшей *ла-й*, *ла-я-ть*,— позднѣйшія, по нарѣчіямъ, *ль-я-ть* и *ле-я-ть*, а о крикѣ болѣе слабомъ *ля-лять*, сокращенно *б-лять*. Сербское же производное, вторичное *а*, у Сербовъ господствующее, возстановило собою форму древнюю въ названіи животнаго: *лав* (лавъ). Такимъ образомъ *ла-й* = *ла-j-ъ* (смягченный *ъ* или мягкій *ь*) = *ла-в-ъ*; *ле-й* = *ле-j-ъ* = *ле-в-ъ*; безъ смягченнаго окончанія λα-ϝ-ς, λε-ϝ-, le-o (*о* = *ъ*) По дальнѣйшая форма древнихъ языковъ, чего не замѣтилъ *К. С*—*чъ*, есть уже *причастная* (какъ *гиганть*): λε-ϝοντ-, = Славянскому (съ носовымъ) *лаёнтъ-*, *лаёнит-*, лающій; въ Латинск. уцѣлѣло причастное *n*, но выпало *t*: le-on-. Тотъ же корень и въ причастной же формѣ, только страдательной, сохранился въ древнеславянскомъ имени чудовищнаго животнаго — *ла-мя* (*я* носовое), извѣстнаго и классической древности; здѣсь прич. страдательное отвѣчаетъ значенію *пассивному*, слабѣющему, ибо симъ именемъ называется „по преимуществу“ ползущая змѣя, свистящая и шипящая. — *Б.*

именахъ средняго рода. При именахъ же мужескаго и женскаго онъ почти совершенно перешелъ въ образовательное окончаніе, напр. *парень* (областное *паръ*).

Сверхъ того, въ Русскомъ языкѣ есть суффиксъ, столь еще ясный по своему значенію и столько объясняемый самимъ, еще довольно свободнымъ, употребленіемъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія признать его суффиксомъ, какъ мы опредѣляемъ это слово: это суффиксъ *инъ* (см. выше).—Онъ придается ко многимъ словамъ; съ иными употребленіе его слило крѣпко, при иныхъ онъ чувствуется какъ приставка.

Въ языкахъ Санскритскомъ и Зендскомъ, также въ Готскомъ, нѣтъ собственно суффикса *инъ*, *in*. Въ языкѣ Греческомъ суффиксъ *инъ* тоже, кажется, не существуетъ, ибо Родительный ινος условливается ι, окончательною буквою тематическаго слова

Но за то въ языкѣ Латинскомъ есть цѣлый разрядъ словъ, который могъ бы заставить предполагать, что въ этомъ языкѣ есть суффиксъ *инъ* (*homo—hom-in-is*, *turbo—turb-in-is* и пр.). Мы однако воздерживаемся отъ такого мнѣнія. — Сходство, здѣсь встрѣчающееся съ нашимъ *инъ*, кажется, болѣе наружное (вмѣсто *hominis* старая форма *homonis*). Здѣсь, кажется, просто суффиксъ *н*, *n*, который и долженъ быть разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ, при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на являющееся здѣсь *i*.

Въ языкахъ древнихъ, мы видимъ суффиксъ *н*, *n*, возникающій въ склоненіи (кромѣ Им. пад. ед. ч.), являющійся уже въ кристаллизованномъ видѣ, въ склоненіи составномъ, и, кажется, слабо удержавшій свой оттѣнокъ значенія.—Вотъ примѣръ такого употребленія въ Санскритскомъ, Зендскомъ и Готскомъ: *áśmâ* Санскр., *aśma* Зенд., *ahma* Гот.; Вин. *áśmâ-n-am*, *aśma-n-ĕm*, *ahma-n*. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно, кажется, безошибочно видѣть и тематическую, и суффиксную форму.—Въ языкѣ Греческомъ мы видимъ тоже этотъ суффиксъ, напр. δελφι-ς, Род. δελφι-ν-ος. Мы готовы думать, что слова, находящіяся и въ Именительномъ падежѣ на ων, находятся быть можетъ въ своемъ суффиксномъ видѣ (если не въ производномъ тематическомъ). — Какъ замѣчательное употребленіе, можемъ мы привести такъ называемое Мѣстоименіе: τι-ς, τι. — Въ Родительномъ *) это слово имѣетъ

*) Здѣсь прекращаются корректуры, набранныя еще при самомъ Константинѣ Сергѣевичѣ.—*В.*

τινος, въ Дательномъ τινι, но также и τοῦ въ Р., и τῷ въ Дат. Здѣсь очевидно двѣ формы: тематическая и суффиксная. Суффиксная здѣсь кажется не только *н*, *n*, но прямо *инъ*, *in*. — Здѣсь *in* нуженъ для обозначенія опредѣленности.

Что касается до *н*, *n* Латинскаго, то намъ кажется, что и тогда, когда онъ какъ бы придается къ Именительному падежу и образуетъ форму на *on*,—этотъ суффиксъ *on* или есть измѣненіе *in*, или же по крайней мѣрѣ составляетъ подобный ему суффиксъ по смыслу и по употребленію; впрочемъ можетъ быть и просто *н*, *n*. Вотъ примѣры: *Leo*, Род. *le-o-nis*.—Русская форма *leo* есть *ле-в-ъ*; даже Собственное имя *Леонъ* произносимъ мы *Левонъ*. И такъ здѣсь *в* есть эвфоническое. Слѣдовательно форма въ Русскомъ и Латинскомъ, можетъ быть, была *ле-ъ*.—Окончательное *ъ*, въ Русскомъ, оперлось на эвфоническое *в*; въ Латинскомъ перешло въ *о*.—Иныя слова ясно обнаруживаютъ тематическую форму, на примѣръ *capo*, *caponis*; тематическая форма *capo* существуетъ и самостоятельно въ особомъ склоненіи; но здѣсь окончательный *ъ* принялъ другой видъ, подобный *dom-u-s*, съ суффиксомъ *s*, обратившимся въ необходимую принадлежность Именительнаго для иныхъ словъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.— Но тѣмъ не менѣе тематическая форма *cap(ъ)*, являющая какъ *capo* и какъ *cap-u-s*, здѣсь очевидна. Склоненіе *cap-u-s* есть, какъ *domin-u-s*, тематическое почти вездѣ. — Еще виднѣе тематическая форма въ словѣ *pavo*, *pavonis*.—Точно также, какъ въ словѣ *capo*, существуетъ и въ словѣ *pavo* тематическая же форма *pav-u-s*. Въ Русскомъ языкѣ это слово находится только въ своей суффиксной формѣ, именно *пав-инъ*, для благозвучія *павлинъ*; но здѣсь естественно предполагать форму тематическую, форму—*павъ*, которую ясно обозначаетъ женская форма — *пава*; форма эта, какъ видимъ, находится въ Латинскомъ языкѣ *pav-o*, *pav-u-s*, при чемъ находится и подтверждающая тематическую форму *(pa-v-*, *pav-u-s)* женская форма *pava* *).

Переходимъ теперь къ суффиксу, значеніе котораго опредѣлить трудно, но который очевидно есть суффиксъ, какъ и другіе. — Здѣсь видимъ мы тоже независимость и самостоятельность тематической формы слова, и свою самостоятельность и особность

*) При семъ К. С. Аксаковъ замѣтилъ карандашемъ: „мало о суффиксѣ *n*, *н*, и вообще мало о Санскр. и Зендск. языкахъ.“ *Б.*

формы суффиксной: тематическая форма и суффиксная форма— степени лишь цѣлаго слова, а не принадлежности падежей и не разныя сокращенія; хотя конечно встрѣчаются и онѣ, но очень немного и ихъ надобно искусно отдѣлять. Впослѣдствіи, когда первоначальная тонкость различія стала утрачиваться,—оно еще удерживается только въ языкѣ Русскомъ, — формы тематическая и суффиксная, проходившія сквозь всѣ падежи, казались лишними, забывались однѣ, удерживались другія, — и изъ этого образовались склоненія *Составныя*, заставляющія грамматиковъ для объясненія предполагать различныя измѣненія въ темѣ слова, думать, что *homo* напр. есть позднѣйшее явленіе, сокращеніе изъ *homin*, или это *n* отбросилось и *homin* есть настоящая тема Именительнаго падежа, и т. д., и т. д. — Въ иныхъ словахъ, правда, сохранились обѣ формы, но Грамматиковъ это не смутило: они сейчасъ сдѣлали разрядъ abundantia, heteroclita, и удовлетворились.

Суффиксъ *R (ръ)*.

Суффиксъ, о которомъ мы хотимъ теперь говорить, есть *r (ръ)*. Онъ находится во всѣхъ языкахъ. Корни на *ar*, говоритъ Боппъ, въ Именительномъ откидываютъ *r* и удерживаютъ, подобно корнямъ на *n*, предшествующую гласную, напр. *pitâr* — *pitâ* и т. д. Указываемъ здѣсь на слова Боппа, чтобы еще яснѣе былъ видѣнъ почти общій взглядъ Грамматиковъ на склоненія, тѣ въ особенности, гдѣ Именит. пад. ед. ч. разнится видомъ самого слова отъ другихъ падежей, какъ на примѣръ здѣсь, Им. *pitâ*, Вин. *pitâram*.—Но мы остаемся при своемъ мнѣніи, что форма Именительнаго падежа и здѣсь, какъ въ столькихъ уже разсмотрѣнныхъ нами словахъ, есть форма тематическая и что *r* есть суффиксъ, образующій новую форму слова, суффиксную; слово ничего не отбрасываетъ, не сокращаетъ и не удлиняетъ, а просто находится въ первомъ тематическомъ своемъ видѣ: долгая буква, что̀ очень возможно, существуетъ и сама по себѣ, а пріобрѣтая суффиксъ можетъ очень естественно сократиться.—Намъ кажется, что мнѣніе наше, высказанное если бы даже безъ всякихъ доказательствъ, не имѣетъ противъ себя тоже сильныхъ доказательствъ и по крайней мѣрѣ требуетъ новыхъ опроверженій. Но мы видѣли, что наше мнѣніе имѣетъ въ пользу свою

и доказательства. Въ настоящемъ случаѣ постараемся тоже вникнуть въ этотъ суффиксъ *r* и привести доказательства нашему мнѣнію.

Въ Санскритскомъ языкѣ есть цѣлый разрядъ словъ, имѣющихъ этотъ суффиксъ *r* (по мнѣнію Боппа *r* принадлежитъ къ корню слова). Съ этими словами Боппъ сближаетъ Греческія на ηρ, ωρ — πατήρ, ῥήτωρ, Латинскія на *or* и *er* — *dator*, *pater*, также Готскія на *ar*—*brôthar*, *suistar*. И такъ только въ Санскритскомъ, Зендскомъ и Литовскомъ, Именительный падежъ этихъ словъ не имѣетъ *r*, отбросилъ оный—по мнѣнію Боппа. Но самъ же Боппъ думаетъ, что *r* Греческаго, Латинскаго и Готскаго есть явленіе позднѣйшее, и что онъ вновь изъ косвенныхъ падежей перешелъ въ Именительный. Предположенія и соображенія Боппа кажутся, да позволено намъ будетъ это сказать, произвольными и мы находимъ здѣсь нѣкоторое противорѣчіе.

И такъ, по мнѣнію Боппа, Именительный падежъ безъ *r*, какъ бы онъ ни объяснялъ его, есть форма древнѣйшая. — Онъ не упоминаетъ, въ этомъ мѣстѣ своей грамматики, о языкѣ Славянскомъ, хотя бы, кажется, онъ заслуживалъ указанія *). Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ Именительный падежъ этихъ словъ (имѣющихъ суффиксную форму на *р*) также не имѣетъ *р*: *мати*, *дъщи*, *мать*, *дочь*. — Мы вполнѣ согласны, что первоначальная форма есть форма безъ *r*, или форма тематическая, что потомъ слово приняло суффиксъ *r* и образовало форму суффиксную.—Отсюда выдетъ уже очень ясно, что Латинскій и Греческій языки, удержавъ вездѣ *r*, удержали форму суффиксную или позднѣйшую, второстепенную, что Славянскій, Санскритскій, Зендскій и Литовскій удержали въ Именительномъ падежѣ, Славянскій въ Им. и Зват., а Русскій въ Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ,—форму тематическую. Впрочемъ, Русскій языкъ, и Славянскій также, иныя слова удержали исключительно въ ихъ тематическомъ видѣ, другія въ ихъ видѣ суффиксномъ; на примѣръ: *братъ* (въ судѣ Любушиномъ *братръ*), и *дьверь*, *сестра*.—Тамъ, гдѣ удержаны порознь, — въ иныхъ падежахъ та, а въ другихъ дру-

*) Объ языкѣ Слав. Боппъ обѣщается поговорить и дѣйствительно говоритъ ниже, въ особомъ приложеніи къ Грамматикѣ (Altslavische Declination, § 256 и дал.).—*Б.*

гая форма,—образовалось склоненіе Составное, которое мы уже не разъ видѣли и разсматривали въ нашей грамматикѣ. — Намъ кажется, что самое отсутствіе тематической формы въ языкахъ Латин. и Греч., и отсутствіе формы суффиксной въ иныхъ словахъ языка Русскаго, — показываетъ намъ самостоятельность и права какъ той, такъ и другой формы. Къ этому присоединяется, какъ новое указаніе на то же самое, склоненіе Составное, и его аналогія съ подобными склоненіями, изъ которыхъ многія уже нами разсмотрѣны *).

Суффиксъ *r*, въ означеніи образовательной формы, какъ это часто бываетъ съ суффиксами,—имѣетъ у насъ обширное дѣйствіе и почти доселѣ свободное употребленіе: напр. *бочаръ*, *рыбарь*, *пахарь* и т. д. Сюда причисляемъ мы и слово *мастеръ*, имѣющее и другую форму—*мастакъ*, какъ *рыбарь* — *рыбакъ*. Р, *r* въ Русскомъ языкѣ очевидно, кажется, переходитъ въ *л*: *датель*, *дьятель*. Слово *шаверь* можно кажется употребить какъ *шавь* **), и тогда здѣсь будетъ форма и тематическая, и суффиксная, какъ *дочь*, *дочерь*.

Но кромѣ этого есть и другія сильнѣйшія доказательства нашего мнѣнія. — Какъ доказательство и вмѣстѣ для того, чтобы показать значеніе *р* (*ар*) какъ суффикса, приводимъ слово *Господ-а-рь*: слово *Господь* и *Господъ* есть тематическая форма, употребляемая въ тематическомъ видѣ — *Господь*, наболѣе же съ суффиксомъ *инъ* — *Господинъ*. Здѣсь это слово принимаетъ другой суффиксъ *р*, *r*, въ настоящемъ случаѣ—*ар*, *ar*: *Господарь*.— Самостоятельность и той, и другой формы не подвержена здѣсь сомнѣнію: первоначальность первой, т. е. тематической, не имѣющей суффикса *р*, *r*, также очевидна.

Въ языкѣ Латинскомъ видимъ мы не только суффиксную форму на *r* (*ar*, *or*, *er*, *ur*), но видимъ тематическую и суффиксную, и склоненіе Составное, въ сущности, по нашему мнѣнію, совершенно сходное съ такимъ же въ другихъ древнихъ языкахъ. Такъ на примѣръ *pulvis*, II. н., форма тематическая, съ общимъ именнымъ суф. *s*, имѣетъ въ Родительномъ *pulveris*: не трудно увидѣть соотвѣтствіе между *pulri* (*e* эвфоническое) и Русскимъ *пыль*,

*) Склоненіе составное здѣсь есть собственно женское.

**) При этомъ примѣрѣ К. С. позднѣе прибавилъ на поляхъ: „Не лучше ли другое слово?“—*В.*

гдѣ тематическая форма употребляется одна, и этимъ подтверждается, что *pulvi-s* есть тоже форма тематическая. — Кромѣ того есть примѣры склоненія тематическаго и рядомъ съ нимъ склоненія суффикснаго: напр. *cucumis* имѣетъ суффиксные падежи *cucumeris*, *cucumerem*, но также и *cucumim*, *cucumi;* это же видимъ въ словахъ *cis*, *pubes* и др., что по нашему мнѣнію ясно указываетъ на значеніе *r*, какъ суффикса въ нашемъ смыслѣ. — *R* можетъ быть и образовательною формою (*рыба—рыбарь*), можетъ быть и частію корня (*самодуръ*): но какъ скоро въ Именительномъ падежѣ *r* не находится, а выступаетъ въ падежахъ косвенныхъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что *r* суффиксъ, что форма безъ *r* тематическая, съ *r* суффиксная.

Есть еще суффиксъ *a*, *e*, который видимъ мы и въ другихъ языкахъ: но мы говорили о немъ довольно въ общемъ примѣчаніи на склоненіе и потому не находимъ нужнымъ о немъ распространяться.

Имена женскаго рода.

Суффиксъ *S*.

Теперь переходимъ къ именамъ женскаго рода *). Имена женскаго рода въ Русскомъ языкѣ, оканчивающіяся на *а*, менѣе склонны къ принятію суффикса *s* (и суффикса вообще) и менѣе съ нимъ соединяются чрезъ посредствующую букву; въ одно же слово съ суффиксомъ они никогда не сливаются и суффиксъ къ нимъ не прирастаетъ. Въ Русскомъ языкѣ, если и встрѣчается свободное употребленіе суффикса при именахъ женскаго рода на *а*, то оно всегда слышно какъ свободное, и суффиксъ всегда въ употребленіи слышится отдѣльно. Можно сказать на примѣръ *рука-си* или *рука-съ:* но всякой чувствуетъ сильную прибавку. Бопп тоже находитъ, что *а* женское нигдѣ не имѣетъ суффикса *s* (въ другихъ языкахъ суффиксъ уже не имѣетъ свободнаго употребленія, а прирастаетъ къ слову): но, слѣдуя, заранѣе принятому мнѣнію, онъ думаетъ, что этотъ суффиксъ утраченъ и находитъ его только въ Латинскихъ словахъ, напр. *planities*, *effigies*, гдѣ *а* по его мнѣнію перешло въ *е* (*facultas* и др. Бопп не счи-

*) При этомъ К. С. поздиѣе отмѣтилъ на полях: „Странно здѣсь раздѣленіе по родамъ, тѣмъ болѣе и не выдержанное.“—*Б.*

таетъ за *a* и *s*, но за *at-s*; а *es* онъ считаетъ за *a* съ суффиксомъ); потому считаетъ Боппъ эти формы древнѣйшими. — Но такое мнѣніе кажется намъ недоказаннымъ и произвольнымъ.— Боппъ впрочемъ могъ бы указать и въ Греческомъ языкѣ на искомый имъ суффиксъ, еслибъ захотѣлъ признать слова, по значенію мужескаго рода, за слова рода женскаго, ибо форма этихъ словъ есть женская и они совершенно соотвѣтствуютъ нашимъ *лъяница*, *слуга*, и проч., на прим. νεανίας; сюда же относится πολίτης. Что касается до Родительнаго падежа, то объ немъ надѣемся сказать ниже, при общемъ сравнительномъ взглядѣ на склоненіе. — Прибавленіе суффикса къ именамъ женскаго рода въ словахъ на ας и ης объясняется, кажется намъ, именно тѣмъ, что здѣсь женскія слова употребляются въ мужескомъ родѣ, обозначающемся суффиксомъ: слова же мужескаго рода вообще охотно принимаютъ суффиксъ; здѣсь самое употребленіе женскихъ именъ въ родѣ мужескомъ даетъ возможность явиться суффиксу. — Латинскій языкъ не имѣетъ суффиксовъ послѣ *a* женскаго въ именахъ перваго склоненія, которыя сохранили тематическій видъ; но онъ имѣетъ этотъ суффиксъ въ именахъ женскаго рода, которыя только въ Именительномъ употребляются въ своемъ тематическомъ видѣ, въ именахъ скл. III. Даже и въ тѣхъ словахъ, которыя употребляются въ родѣ мужескомъ, какъ въ Русскомъ *бродяга*, *скряга* и пр., и которыя образовывать Латинскій языкъ любитъ почти такъ же, какъ Русской — *auriga* и проч., — даже и въ нихъ не втерѣчается суффикса. — Окончанія женскія на *es* мы сюда не относимъ и намѣрены поговорить о нихъ отдѣльно.

Окончанія именъ женскаго рода на *i*, наше *и*, принимаютъ или могутъ принимать суффиксъ *s* во всѣхъ иностранныхъ языкахъ; этотъ *s* есть не что иное, какъ *сь*, т. и. мѣстоименіе, которое мы уже видѣли при именахъ рода мужескаго. Языкъ Русскій, соблюдая даже и теперь возможность свободнаго присоединенія этого суффикса съ сохраненіемъ его значенія, не представляетъ однако примѣровъ соединенія суффикса со словомъ, въ видѣ кристаллизованномъ, какъ это мы видѣли при именахъ мужескаго рода *). — Въ языкѣ Санскритскомъ имена женскаго рода на *i* не принима-

*) Впослѣдствіи К. С. отмѣтилъ на поляхъ: „Быть можетъ *пол-о-са*? Впрочемъ здѣсь уже образовательное окончаніе, въ которое можетъ быть перешелъ суффиксъ.“ — *Б.*

ютъ суффикса, за небольшими исключеніями, что̀, конечно вопреки мнѣнію Боппа, есть признакъ ихъ первоначальности; или, если языкъ и двинулся далѣе, и утратилъ прежнее свободное употребленіе темы и суффикса, то слова, оставшіяся въ своемъ тематическомъ видѣ, конечно являютъ образъ древній, первоначальный. Въ языкѣ Зендскомъ и Литовскомъ есть также имена женскія на *i* (*î*) безъ суффикса *s*.

Окончанія именъ женскаго рода на *u*, *y*, принимаютъ также во всѣхъ иностранныхъ языкахъ суффиксъ; точно то же видѣли мы при всѣхъ именахъ мужескаго рода, оканчивающихся на гласныя (эти гласныя суть *ŕ* или *ĺ*, огласившіяся въ *u* или *i* и образуемыя съ помощію суф. *s*). Въ Литовскомъ вовсе нѣтъ женскихъ именъ на *u*, за исключеніемъ *sesů* (съ удареніемъ), которое употребляется безъ суффикса. — Этому *u* соотвѣтствуетъ, какъ думаетъ Боппъ, въ Греческомъ языкѣ υ. Въ языкѣ Русскомъ, быть можетъ, находится въ иныхъ словахъ соотвѣтствіе между *u* (*y*) и *ы*.

Окончаніе именъ жен. р. на *o* и *e* существуютъ только въ Латинскомъ языкѣ; въ Греческомъ есть окончаніе на *o*, но нѣтъ на *e*; вмѣсто ε видимъ тамъ *η*, которое соотвѣтствуетъ кажется нашему *ъ* *). Всѣ эти окончанія непремѣнно принимаютъ суффиксъ и кажутся намъ буквами образовавшимися, первое *o* изъ *a*, второе *e* изъ *i*.

Кромѣ того, суффиксъ *s* часто встрѣчается съ согласными; кромѣ Санскритскаго, Литовскаго и Готскаго: *vik'-s*, ὄπ-ς, *vox-s*. — Здѣсь уже вовсе утрачено гласное окончаніе, которое вѣроятно было при именахъ женскаго рода.

Мы думаемъ, что суффиксъ *s*, являющійся при именахъ женскаго рода, есть тотъ же *сь*, здѣсь *ся* или *си*, придающійся къ первоначальному, тематическому виду слова. — Этотъ суффиксъ остался при Именительномъ падежѣ и не переходитъ въ другіе падежи, или, лучше, не къ себѣ принимаетъ измѣняющіяся окончанія падежей. Хотя, еслибы слившись совершенно, онъ принималъ падежи къ себѣ, какъ въ Русскомъ *паруса*, *парусу*, то это нисколько не мѣшало бы ему быть суффиксомъ **). — Но еще ярче видна вся эта приставка суффикса, когда онъ не удерживается

*) Мнѣніе это конечно брошено вскользь, безъ особеннаго вѣсу.—*Б.*

**) Позднѣе К. С. прибавилъ на поляхъ: „Впрочемъ о томъ, что *s* суффиксъ, ни Боппъ, ни Грамматики не спорятъ.“—*Б.*

словомъ въ слѣдующихъ падежахъ, какъ это видимъ въ языкахъ иностранныхъ,—впрочемъ въ Санскрискомъ *vîkas* имѣетъ въ Род. *vîkas-ya*, о чемъ смотри ниже,—когда онъ въ слѣдующихъ иныхъ падежахъ является опять суффиксомъ, и стоитъ сзади окончанія падежа.—Кромѣ того мы можемъ указать на употребленіе формы тематической и суффиксной въ иныхъ именахъ, напр. въ языкѣ Греческомъ, по нарѣчію Эолическому, гдѣ имена, оканчивающіяся на ης, отбрасываютъ суффиксъ и остаются при одномъ тематическомъ окончаніи, именно при α, которое, какъ видно, переходитъ въ η, но которое во всякомъ случаѣ есть окончаніе тематическое, напр. ἱππότα, ἱππηλάτα и пр.—Эпическій языкъ также употребляетъ эту форму по требованію стиха при большомъ количествѣ словъ, въ особености на τα.

Латинской языкъ также представляетъ намъ примѣры тематической формы въ словахъ женскаго рода суффиксныхъ: *fulix*, т. е. *fulic-s*, форма суффиксная: но есть и тематическая форма—*fulica*. Первоначальность ея кажется несомнѣнна: суффиксъ *s* вѣроятно сперва образовалъ *fulica-s;* окончательное *a* пропало между *c* и *s*, столь способными къ слиянію, именно въ *x*.—Точно то же видимъ мы въ суффиксныхъ словахъ *barbaries*, *luxuries*, *segnities*, и многихъ другихъ; тематическая форма ихъ—*barbaria*, *luxuria*, *segnitia:* при соединеніи съ суффиксомъ, *a* перешло въ *e*.

Этихъ примѣровъ, мы думаемъ, достаточно, чтобы показать значеніе суффикса *s*, *съ*,—именно, что это было т. н. мѣстоименіе, вообще опредѣляющее слово, которое, слившись со словомъ въ его тематическомъ видѣ, утратило свой особенный смыслъ и сдѣлалось принадлежностью собственно падежа Именительнаго, ибо именно этотъ падежъ, представляя слово въ естественномъ, независимомъ и потому неопредѣленномъ видѣ, скорѣе нуждается въ опредѣленіи. Суффиксъ *s* встрѣчается впрочемъ и въ другихъ падежахъ, но не предшествуя, а послѣдуя окончаніямъ падежей: все равно какъ бы сказать по Русски *рукамы-си* или *руками-сь*, что и было бы написано—*rukamisi*, или по Гречески ρουκαμισι, или *rucamis* какъ Латинское *is*, или *abus*, Греческое αι-ς *). Но объ этомъ мы надѣемся сказать при общемъ взглядѣ на склоненіе.

---

*) Позднѣе К. С. прибавилъ на поляхъ: „Чисто по Русски на примѣръ *ночи*, *ночесь*—*noctis*, νυκτος; но мы употребляемъ гораздо свободнѣе *ты*: *рукамы-ты*, или *рукамы-то*, или *рукамы-ты*.“—*Е.*

Суффиксъ *T* (*тъ*).

Теперь переходимъ къ другому суффиксу—*тъ*, здѣсь *та* или *t*.— Въ языкахъ Санскритскомъ, Зендскомъ и Литовскомъ, суффиксъ этотъ, кажется, не находится въ именахъ женскаго рода: но въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ мы находимъ и этотъ суффиксъ, впрочемъ не встрѣчающійся въ Именительномъ падежѣ. Постараемся же обратить на него свое вниманіе.

Въ языкѣ Русскомъ суффиксъ этотъ употребляется точно такъ же, какъ и въ мужескомъ родѣ, напр. *рука-та*, *лошадь-та* и т. д. Это совершенно понятно и суффиксъ здѣсь сохраняетъ всю первоначальную отдѣльность и весь свой смыслъ *).

Въ языкѣ Болгарскомъ получаетъ онъ особое значеніе; здѣсь просимъ мы вспомнить, что̀ было сказано выше объ этомъ и между прочимъ о томъ, какъ употребленіе этого суффикса въ языкѣ Болгарскомъ объясняетъ суффиксъ *s*, *съ*.

Въ языкѣ Греческомъ, въ Именительномъ падежѣ видимъ мы обыкновенно форму тематическую, сопровождаемую часто суффиксомъ *s*, который до того уже сливается съ самимъ словомъ, что мы удерживаемъ и при этомъ суффиксѣ названіе формы тематической, относительно другого суффикса, выступающаго въ прочихъ падежахъ. Таковы слова: δάμαρ, δάμαρ-τ-ος; λαμπά-ς, λαμπά-δ-ος; ἕλμιν-ς, ἕλμιν-θ-ος и пр.; τ, δ, θ,—это все одинъ суффиксъ τ. Въ доказательство тому, что здѣсь является суффиксная форма, можемъ привести слова, въ которыхъ, въ иныхъ падежахъ, является форма тематическая: напр. ἔρις имѣетъ въ Винительномъ тематическую форму ἔριν, суффиксную ἔριδα: также ὄρνις, которое привели мы говоря объ именахъ мужескаго рода: оно употребляется и въ родѣ женскомъ, которому вѣроятно собственно и принадлежитъ; кромѣ

*) На поляхъ К. С. набросалъ позднѣе замѣтки: „Въ отдѣлѣ о суффиксахъ надо помнить, что женскія на примѣръ имена имѣютъ окончанія и на согласную, при чемъ гласная исчезла. Тамъ, гдѣ у насъ это не такъ отдѣльно, какъ напр. *рука-та*,—тамъ суффиксъ слился съ именемъ, давъ ему суффиксную форму, — и отсюда *Составное* склоненіе. Не всѣ суффиксы даютъ чувствовать свою отдѣльность такъ сильно, какъ *съ* и *тъ*: и слышитъ менѣе какъ корень суффиксный.“—К. С. наводитъ насъ на мысль, что въ словѣ *лопа-та*, одного корня съ *лапа*, *та* есть сросшійся суффиксъ, перешедшій въ образоват. окончаніе, подобно какъ какъ *поло-са*.—*Б.*

ὄρνιν, это слово, какъ извѣстно, имѣетъ во всѣхъ падежахъ множественнаго, за исключеніемъ Дательнаго, сверхъ суффиксной и тематическую форму. Сюда же относятся χάρις,—тем. χάριν, суф. *В.* χάριτα; κλείς, тем. *В.* κλεῖν, суф. *В.* κλεῖδα; во множ. тем. *В.* κλεῖς, суф. *В.* κλεῖδας. Замѣчательно, что въ третьемъ склоненіи образуется, въ Винительномъ, падежъ на ν, ιν, падежъ. не встрѣчающійся нигдѣ, но только въ этомъ тематическомъ видѣ словъ третьяго склоненія: онъ ясно говоритъ о другомъ самостоятельномъ склоненіи, именно тематическомъ. Въ склоненіи первомъ и второмъ Винительный оканчивается на αν, ην, ον; и только въ такъ называемыхъ Грамматиками *неправильныхъ*, *heteroclita* и *abundantia*, оканчивается на ιν (въ III склоненіи). По нашему же мнѣнію, это ни что иное, какъ тематическая форма слова на ъ или *a:* и та, и другая буква выступаетъ въ Винительномъ падежѣ ιν.

Въ языкѣ Латинскомъ видимъ мы слова женскаго рода также употребляющіяся съ суффиксомъ *t*, *ти*, во всѣхъ падежахъ, кромѣ Им. ед. ч.: напр. *acta-s*, *acta t-i-s*; *abie-s*, *abie-t-is*; *equc-s*, *equi-t-is*; *co-s*, *co-t-is*: *virtu-s*, *virtu-t-is*:, *glan-s*, *glan-d-is*, и т. д.—Им. падежъ сохранилъ тематическую форму слова съ суф. *s*.—Въ доказательство тому, что здѣсь склоненіе является составнымъ изъ формы тематической — Им. пад. ед. ч., и формы суффиксной — падежи остальные, мы можемъ привести слова, въ которыхъ тематическая форма сохранилась и выступаетъ не въ одномъ Им. падежѣ ед. ч.: именно *lapis*, въ Твор. *lapi*—тематическое, *lapide*—суффиксное; *heres*, въ Винительномъ *herem*—форма тем., *here-d em*—форма суф.; *mansues*—Вин. т. *mansuem*, суф. *mansue-t-em*; *praeceps*—Вин. т. *praecipem*, суф. *praecipi-tem*; *anceps*—Вин. т. *ancipem*, суф. *ancipi-t-em*. Замѣчательно, что эти тематическіе падежи, кромѣ слова *praeceps*, встрѣчаются въ древнемъ Латинскомъ языкѣ. — Сюда же надобно отнести слово *requies*, Вин. т. *requiem*, суф. *requie-t-em*. Замѣчательно, что въ словахъ Греческихъ Латинской языкъ часто предпочитаетъ окончаніе тематическое, напр. *Adonim*, *Jrim*.

Слова, какъ *pes*, *pe-d-is*, относятся тоже къ разряду именъ женскаго рода, при которыхъ суффиксъ *t*, большею частію здѣсь *d*, кристаллизовался во всѣхъ падежахъ кромѣ Им. е. ч.—Здѣсь, впрочемъ, можетъ возникнуть сомнѣніе, какой же видъ получитъ слово, если мы сочтемъ суффиксомъ *d* и *s*. Но сомнѣніе это, кажется намъ, разрѣшается легко. Слова первоначальныя состоятъ

большею частію изъ односложныхъ темъ, развившихся впослѣдствіи и укрѣпившихся сами изъ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчившихъ себя для выговора, съ помощію частію суффиксовъ, переходящихъ иногда въ образовательныя окончанія, а частію самихъ образовательныхъ окончаній. Таково напр. *тъ*, которое утвердилось въ видѣ *то-тъ*. Понятно, что здѣсь суффиксъ могъ служить опорою и что здѣсь ему слиться съ темой было естественнѣе; это преимущественно судьба и должность суффикса *s*. *Pe*, статься можетъ, было *pi*, подобно какъ *мати*, или *рь*, что̀ при суффиксѣ перешло въ *pet*, *ped* *). То же надобно разумѣть и о другихъ подобныхъ словахъ. Русской языкъ представляетъ много такихъ первоначальныхъ словъ, которыхъ существованіе несомнѣнно, но которыя не употребительны. Такъ мы знаемъ глаголъ *стремлю*, но первоначальный глаголъ очевидно изъ корня *стр-*, откуда *стр-уя*, *стр-е-мя*, *о-стр-овъ*, *Стр-и-богъ*.—Такъ глаголъ *имѣю* или *иму* есть то же производный: глаголъ первоначальный есть *и-мъ*, какъ *да-мъ*, гдѣ слѣдовательно корень *и-*, откуда *и-мя*, *н-и-щій*, т. е. *не имущій* **). Но подробно объ этомъ говорить здѣсь считаемъ неумѣстнымъ.

---

*) Тутъ впослѣдствіи К. С. отмѣтилъ на поляхъ: „А *подъ*? Здѣсь можно сказать объ этомъ."—но не сказано. Вѣроятно онъ хотѣлъ сличить это слово съ Латинск. *pe-d-*. Дѣйствительно это одно и то же, но въ Русск. яз. выгода еще въ томъ, что словообразованіе совершенно наглядно. Корень, очевидно, *пъ* (въ мягкомъ видѣ *пь*), оглашаемый въ *па* и *по*: таковъ именно предлогъ *па* и *по*, означающій, по самому словоупотребленію, пространство и часть пространства, преимущественно же поверхность, плоскость тѣла занимающаго извѣстную часть пространства, гладь, протяженіе въ доль и въ ширь. *Д*, прибавляемой къ *пъ*, съ одной стороны въ звукахъ образуетъ *пад* и *под* (т. е. *ъ* оглашается), съ другой, какъ суффиксъ или, что̀ то же, подпорка, придаетъ къ одной части пространства (или тѣла въ пространствѣ) другую, и, соизмѣряя эти части, присоединяетъ къ смыслу и значенію представленіе *низа*, указываетъ на *нижнюю* часть: такъ образовались 1) предлогъ *подъ*; 2) слова изъ корня *пад-* (падать, паденіе внизъ); 3) существительное *подъ*, дно, низъ, греческое που-ς, πο-δ-ο-ς, нога, какъ *нижняя* часть тѣла; въ Латинскомъ же изъ *пь* образовалось *пед-*, *ped-* (*ped-i-s*). — Съ прибавленіемъ звука носоваго являются развѣтвленія дальнѣйшія: *пя-д-ь*, какъ ладонь руки и ступня ноги, потомъ кисть пальцевъ; *пя-т-ь*, какъ счетъ по пальцамъ; *пя-ст-ь*, какъ раздвинутые пальцы и раскрытая кисть (*я* вездѣ носовое); *пу-д-ъ* (другое носовое), pon-d-o, вѣсъ къ низу; *пу-ты*, для ногъ; *пу-т-ь*, стезя вдоль по (по Славянски *низ*), преимущественно по водной глади, πον-τ-ο-ς; pon-s, какъ „путь" уже *черезъ* воду (pon-t-is), и т. д. — *Б*.

**) Воззрѣніе это даетъ иной оборотъ обычному взгляду Славянскихъ фи-

Суффиксъ *N* (*нъ*).

Мы видѣли, что суффиксъ *инъ*, *ина*, столько понятный самъ по себѣ, можетъ, въ именахъ мужескаго рода, не вездѣ сопровождать слово, которое въ противномъ случаѣ является въ тематическомъ видѣ, и отсюда образуется склоненіе Составное; мы объ этомъ уже говорили выше. Имена женскаго рода, оканчивающіяся на *a*, вообще слѣдовательно и на *ина*, — такъ ясны и просты, что не имѣютъ составныхъ склоненій.—Этотъ самый суффиксъ является въ языкѣ Латинскомъ какъ *ина*, *ina*, но только въ ограниченномъ значеніи женскаго рода (пола), напримѣръ *regina*, *gallina* *). Сверхъ того суффиксъ этотъ является, какъ видно, не въ своемъ опредѣленномъ видѣ *ина*, *ina*, и потому выступаетъ, какъ обыкновенно, во всѣхъ падежахъ, кромѣ Им. ед. ч., хранящаго обыкновенно въ такомъ случаѣ форму тематическую; такъ видимъ мы *cupido*, *consuetudo*, *imago* и пр.; въ Родительномъ и другихъ падежахъ выступаетъ суффиксъ *in*, *инъ*: *cupid-in-is*, *consuetud-in-is*, *imag-in-is* и пр.

Примѣчаніе. Слова *consuetudo*, *cupido*, *imago* и т. п. очевидно имѣютъ при себѣ окончанія *do* и *go*; но эти окончанія здѣсь уже не суффиксы, а окончанія образовательныя. Именамъ этимъ мы придаемъ то же названіе *тематическихъ*, употребляя это названіе въ сопоставленіи съ *суффиксной* формою, будетъ ли тематическая форма слова коренная или производная.

Употребленія одной тематической формы, безъ *инъ*, *in*, мы указать въ именахъ женскаго рода не можемъ; по сравненіе съ другими суффиксами, а также съ именами мужескаго рода, имѣющими суффиксъ *in*, увѣряетъ насъ, что здѣсь *in* вовсе не принадлежитъ къ самому слову и не отбрасывается въ падежѣ Именительномъ, а напротивъ есть суффиксная форма, утвердившаяся во всѣхъ падежахъ кромѣ

логовъ, по которому *им-* и *ем-* (*иму*, *ем-то*) есть раскрытое или разложившееся носовое *м* (*м-ти*).—*Б.*

*) Поздѣе К. С. прибавилъ здѣсь на поляхъ отмѣтку: „Не вездѣ, гдѣ въ Латинск. *in* и даже у насъ *инъ*, надобно видѣть опредѣленное *инъ* (*единъ*): иногда это просто *и*, *и* (даже можетъ быть въ *homo* и *gallina*); надо отдѣлить *инъ* отъ *и*.“—*Б.*

Им. ед. ч., гдѣ удержалась форма тематическая.—Однако же мы можемъ указать на *ambago*, которое имѣетъ въ Род и во всѣхъ прочихъ падежахъ *ambag-in-is*, но имѣетъ и тематическую форму—*ambag-e-s* или *ambagis*, которая удерживается во всѣхъ падежахъ. Мы можемъ также указать на слово *cupido*, рядомъ съ которымъ прилагательное *cupidu-s.* также на слово *grando*, рядомъ съ которымъ прилагательное *grandis.* Эти прилагательныя утверждаютъ также, по нашему мнѣнію, съ своей стороны самостоятельность тематической формы. Эта самостоятельность подтверждается также и словопроизводствомъ, образующимся прямо отъ формы тематической.

Суффиксъ *n* или *on*, мы сказали уже (см. в.), если не тождественъ, то однозначителенъ съ суффиксомъ *инъ, in* *).—Въ именахъ женскаго рода онъ имѣетъ большое примѣненіе.—Точно такъ же онъ остается лишь суффиксомъ и тематическая форма самостоятельна сама по себѣ.—Близость суффикса *on* или *ona* **) съ *in*, *ina*,

---

*) Послѣ К. С. отмѣтилъ карандашемъ: „Вовсе не тождественъ и даже не однозначителенъ: *n*, *и*—суффиксъ самъ по себѣ."—*Б.*

**) Позднѣе К. С. отмѣтилъ здѣсь карандашемъ: „Не *on*, а просто *n*, ибо здѣсь *o*, а къ *o* придается *n*."—Напрасно К. С., усумнившись въ первомъ своемъ взглядѣ на дѣло, безпрекословно вѣрномъ (хотя можетъ быть въ началѣ нѣсколько не ясно сознанномъ), сдѣлалъ въ этихъ случаяхъ уступки, отмѣченныя нами въ примѣчаніяхъ. Виною происшедшаго въ немъ колебанія было то, что сначала онъ остановился односторонне на одномъ суффиксѣ *инъ*, потомъ—также односторонне—на одномъ *и*. Дѣло въ томъ, что въ самомъ *инъ* гласная *и* только поднимаетъ суффиксъ къ звуку, даетъ возможность произнести суффиксный (мѣстоименный) корень *нъ* и есть не больше какъ *зазвукъ*, которымъ зазвучало *инъ*. Потому это *и* никоимъ образомъ не есть гласная первобытная, напротивъ производная и измѣнчивая, проходящая всѣ ступени перезвука (Umlaut). Въ одномъ значеніи съ *инъ* является: 1.) болѣе первобытное *анъ* (Санскритск. *анья*, иной) — *брат-анъ, бол-в-анъ, стак-анъ* (изъ *достоканъ*, отъ *достка*, деревянный), *Мил-анъ, Драг-анъ*, причастн. *ков-анъ, пис-анъ, Цвѣт-ана, Мил-ана* и т. д.; 2.) *инъ, ина*, извѣстное; 3.) *унъ* (Латинск. *unus*)—*зип-унъ, шал-унъ, драч-унъ, свист-унъ*, женск. *унья* (Санскр. *анья*); 4.) смягченное *янъ*—*рам-янъ, рум-янъ, Бо-я нъ* (*бой-анъ*, или вѣрнѣе *й* какъ *ь* оглашается въ *я* при суффиксѣ), *Сто-янъ, бу-я-нъ, ль я-нъ* и прочія причастныя—*окаянъ, отчаянъ*, и т. п., *рам-яно, поля-на* и т. д.; 5) двугласное *ьинъ* — Ц. Слав. *желѣ-зьинъ*, причастн. *вид-ьинъ* и т. п., *поля-ьино* и т. д. (Нѣм. *ein?*); 6.) *ень* и *снъ* (Греч. ἐνός; ἓν)—*кур-ень, вяз-ень, балов-ень, искус-енъ, прелест-енъ, бол-енъ* и пр. причастныя; 7.) *онъ* (Латинск. *on, on-is*)—какъ мѣстоименіе и *сол-онъ* (солнце), *пол-онъ*, и т. д.; наконецъ 8.) среднее между *е* и *о*,—*ё. ёна* (вотъ что значитъ, можетъ статься, Ла-

доказывается тѣмъ, что онъ точно такъ же образуетъ женскую форму, на примѣръ *cauro* м., *caur-on-a* ж., рядомъ съ которою есть и форма *coro* м., *cora* ж. — Замѣчательно, что здѣсь имена женскаго рода, оканчивающіяся въ тематическомъ своемъ видѣ, какъ и мужскія, на *o*, не прямо принимаютъ этотъ *o* къ корню слова, какъ напр., *cardo* тем., *latro* тем., но имѣютъ передъ нимъ постоянно *i*, напр. *act-i o*, *perduell-i-o*, *fact-i-o*, и пр.; тогда какъ рядомъ съ этими словами на *io* существуютъ другія тематическія формы, и уже во всѣхъ падежахъ, утверждающія между прочимъ самостоятельность тематической формы и въ словахъ на *io*, именно *act-u-s*, *fact-u-s*, *perduell-u-m*. — Мы приходимъ здѣсь къ тому результату, что женская форма образовалась здѣсь черезъ *i*, какъ напр. *моли-і-я* ; первоначально, можетъ быть, была она просто *i*, но Латинской языкъ, не допускающій у себя эту форму для женскаго рода и не опершійся на суффиксъ, придалъ мягкую заключительную *a*, обратившуюся въ *o*. Впрочемъ этого втораго мнѣнія, которое есть только предположеніе, мы вовсе не утверждаемъ. Во всякомъ случаѣ мы проводимъ здѣсь сравненіе съ нашею формою на *ія*, особенно когда она является производною, какъ на примѣръ *братія*.—Сюда относится слово *caro*, въ Род. *car-n-is*: здѣсь мы не видимъ посредствующей *i*. Есть и въ Им. ед. числа суф. форма *carnis*.

Суффиксъ *R* (*ръ*).

Теперь переходимъ къ суффиксу *р*, *r*. Мы говорили уже объ этомъ суффиксѣ въ именахъ женскаго рода; но считаемъ нужнымъ прибавить здѣсь еще нѣсколько словъ.—Женскія слова, оканчивающіяся на суффиксъ *r*, имѣютъ, во всѣхъ падежахъ, суффиксную форму, тогда какъ имена мужескаго рода имѣютъ въ Именительномъ ед. ч. часто форму тематическую, а въ остальныхъ

тинское смягченіе *ion* въ *act-ion-is*, *perduell-ion-is*)—*сласт-ёна*, *нъж-ёна* и т. п.—Эта зачальная гласная суффикса *нъ* можетъ иногда совсѣмъ не быть, гдѣ безъ нея обходится дѣло, откуда суффиксы *нъ*, *на*, *но*, *нь*, *ня* (*куз-нь*, *куз-ня*, *рьз-ня*), *ни* и т. п.; иногда же сливается она съ оглашеннымъ вслѣдствіе присоединенія суффикса—окончаніемъ тематическимъ: что, кажется, впослѣдствіи и сбило покойнаго Константина Сергѣевича. Безпристрастный же филологъ сознается, что прежнее его мнѣніе остается въ нерушимой, и замѣчательной, силѣ.—*Б.*

падежахъ суффиксную. — Такъ на примѣръ слово *honor*: древнѣйшая его форма есть *hono-s*, форма тематическая, и древность ея здѣсь есть важное подкрѣпленіе нашей мысли; самостоятельность же тематической формы *honos* доказывается словопроизводствомъ напр. *honestus;* такъ и слово *pulvis*, форма тематическая, имѣетъ въ Им. п. ед. ч. форму суффиксную *pulver* *).

О суффиксѣ *s*, *v* мы не говоримъ и здѣсь, ибо о немъ было сказано въ статьѣ о склоненіяхъ.—Впрочемъ мы должны указать здѣсь на слово Латинское *bos* и Греческое βους, въ которомъ мы видимъ этотъ суффиксъ: также на Латинское *navis*, въ которомъ является уже только суффиксная форма, и Греческое ναυς, имѣющее и тематическую форму въ склоненіи.

Имена средняго рода.

Суффиксъ *S*.

Теперь обращаемся къ именамъ средняго рода.—Въ Санскритскомъ языкѣ имена средняго рода, по словамъ Боппа, не имѣютъ суффикса, *s*, *сь*, *се*, и являются въ тематическомъ своемъ видѣ. Между тѣмъ Боппъ приводитъ слово средн. рода *vácas*, по Зендски это слово *vacô*. Очевидно, что Боппъ считаетъ здѣсь *s* не суффиксомъ, а частію самой темы слова; въ такомъ случаѣ едва ли можетъ сюда подходить объясненіе, по которому *as* обращается въ Зендскомъ языкѣ въ *o*: кажется это обращеніе касается только *a* съ суффиксомъ *s*: *a-s*.—Нельзя не указать на сходство *vacô*, *слово*, съ нашимъ вѣче.

Въ языкѣ Зендскомъ также не видимъ суффикса *s* въ среднемъ родѣ, ни въ Готскомъ, ни въ Литовскомъ. Въ языкѣ же Греческомъ и Латинскомъ видимъ окончаніе *s*, *сь*, здѣсь *се*.—Присоединеніе этого опредѣляющаго суффикса конечно возможно и для

---

*) Изъ замѣтокъ карандашемъ, сдѣланныхъ позднѣе на поляхъ, видимъ, что К. С. хотѣлъ здѣсь разсмотрѣть подробно нѣкоторые примѣры, какъ то *mat-er*, *exempl-um* и *exempl-ar*, глагольное *dixere* и *dixerunt* (послѣднее съ суффиксомъ), и т. п.; особенно замѣчательно сближеніе, которое хотѣлъ онъ сдѣлать между *honos—honor—honestus* и *palus—paludis—palustеr*. Но относительно слова *puer* и παῖς онъ нѣсколько видоизмѣнилъ прежнее свое мнѣніе: „*pu-tus*, *pu-er*,—доказательство, что *r* суффиксъ и что корень имѣлъ форму *pu*, Англ. *boy*, *bo-s*, *бу-й*.“—*Б.*

именъ средняго рода, хотя, съ другой стороны, отсутствіе суффикса въ нихъ, какъ это видимъ въ вышесказанныхъ языкахъ, также весьма понятно. — Неопредѣленныя по существу своему, имена средняго рода могутъ легко не нуждаться въ этомъ опредѣлительномъ суффиксѣ, и языкъ могъ съ этой стороны взглянуть на нихъ. Обратимся же къ языку Греческому и Латинскому, гдѣ имена средняго рода принимаютъ суффиксъ *s*, *съ*, *се*.

Имена средняго рода, оканчивающіяся на σ, на пр. σέλας, τέρας, и тому подобныя объясняются совсѣмъ иначе Грамматиками: они увѣряютъ, что въ первомъ случаѣ σ принадлежитъ къ темѣ слова и пишутъ въ скобкахъ падежъ σέλασος, вмѣсто котораго языкъ употребляетъ падежъ σέλαος; а во второмъ случаѣ, думаютъ они, откидывается окончаніе τ и замѣняется ς. Почему такъ? Въ падежахъ косвенныхъ замѣчаютъ они τ—τέρα-τ-ος, слѣдовательно, говорятъ они, должно быть τ и въ Им. падежѣ; но его нѣтъ, а вмѣсто него σ: ну такъ имена на τ перемѣняютъ τ въ σ; дѣло рѣшено. Но отъ чего же, на примѣръ, σῶμα, также съ τ въ косвенныхъ падежахъ, не перемѣняетъ τ въ σ? Грамматики на это отвѣчаютъ, что иныя слова, σῶμα и др., просто отбрасываютъ τ: вопросъ опять рѣшенъ, и установлено правило, что среднія слова въ Греческомъ языкѣ являютъ чистый корень или тему безъ суффикса, но такъ какъ Греческій языкъ не позволяетъ слову оканчиваться на τ, то τ или отбрасывается, или перемѣняется въ σ. Вотъ и объясненіе. Но почему же предполагать, что τ косвенныхъ падежей принадлежитъ къ корню слова, что падежъ Именительный отбросилъ τ, слѣдовательно имѣлъ оное? На это отвѣта, удовлетворительнаго по крайней мѣрѣ, нѣтъ. *Т* въ сказанныхъ словахъ есть суффиксъ по нашему мнѣнію, о которомъ мы намѣрены поговорить ниже: теперь о суффиксѣ σ, который почитается или частью основы слова, или превращеннымъ основнымъ τ.

Совершенно справедливо, что суффиксъ *s*, σ, гораздо менѣе встрѣчается въ именахъ средняго рода, чѣмъ въ именахъ другихъ родовъ, что̀, какъ замѣтили мы выше, очень понятно; но тѣмъ не менѣе онъ встрѣчается, и суффиксность этого σ именно доказывается тѣмъ, что онъ не удерживается въ падежахъ косвенныхъ: окончательный *s*, σ, этихъ падежей есть тоже суффиксъ, слѣдовательно нисколько не говоритъ въ пользу основности σ; сверхъ того *s*, σ другихъ падежей есть суффиксъ, этимъ падежамъ и при-

надлежащій, и также съ ними кристаллизовавшійся. — И такъ, окончаніе σ въ именахъ средняго рода, какъ скоро оно не удерживается въ косвенныхъ падежахъ, считаемъ мы суффиксомъ.

Правда, что иногда и основная буква можетъ быть отвергнута, но это сперва должно быть доказано, а не предположено произвольно. Нужно ли повторять, что значеніе суффиксовъ, уже разсмотрѣнное нами, вообще и по аналогіи своей подтверждаетъ нашу мысль? — Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы можемъ указать на слова, которыя имѣютъ обѣ формы: ὄψ-ς имѣетъ и тематическую форму ὄψ; точно такъ же νάπ-ος имѣетъ тематическую, и древнѣйшую, форму νάπ-η. — Свойство личное суффикса *s*, σ, есть то, что онъ является въ падежѣ Именительномъ и не переходитъ въ слѣдующіе падежи, нераздѣльно отъ слова, какъ это бываетъ съ другими суффиксами и какъ это находится въ нашемъ языкѣ, напр. *парусъ*, *паруса*. — Въ иныхъ слѣдующихъ падежахъ является свой суффиксъ *s*, σ, придающійся къ окончанію падежа и послѣ другихъ суффиксовъ, напр. *s* послѣ *ibu* (*ibus*): то совершенно другое дѣло и подробнѣе надѣемся коснуться этого ниже.

Въ языкѣ Латинскомъ видимъ мы то же, хотя и не часто, суффиксъ *s* въ именахъ средняго рода. Этотъ суффиксъ точно такъ же, какъ и въ Греческомъ, не удерживается въ слѣдующихъ падежахъ, напр. *vulgu-s*, *vulg-i*; *corpu-s*, *corp-or-is*. Въ доказательство, что это *s* есть суффиксъ, мы можемъ указать на слова, имѣвшія и эту суффиксную, и тематическую форму, именно—*pecu-s*, *pec-or-is*—форма суффиксная, *pecu* *) — форма тематическая; кромѣ *pecu* есть еще *pecum*, что также доказываетъ суффиксность *s*: объ окончаніи на *um* надѣемся поговорить ниже.— Также *pecus*, *pecoris*, форма суф., *pecu*.

Суффиксъ *T* (*тъ*).

Суффиксъ *тъ*, *то*, *t* встрѣчается также въ именахъ средняго рода. Можно сказать даже, что *тъ*, *то*, *t*, быть можетъ болѣе близко къ именамъ средняго рода, чѣмъ *съ*, *се*; вспомнимъ Санскритское *tat*, Зендское *tad*, Греческій членъ ὁ, ἡ, τό; вспомнимъ Латинское *is*, *ea*, *id*. Къ этому могла привести отчасти бо́льшая

*) Вѣроятно здѣсь разумѣется форма отвлеченная или творит. падежа.—*Б.*

или меньшая недостаточность въ языкѣ и кристаллизація. — Къ Русскому языку, обладающему полнотою и живымъ употребленіемъ такъ называемыхъ мѣстоименій, а также и суффиксовъ,—это относиться не можетъ. — У насъ вообще *съ*, *си* (*ся*), *се* употребляется менѣе, а *се* почти вышло изъ употребленія; *тотъ* (*тъ*), *та*, *то* употребляется вообще болѣе.—Въ языкѣ Болгарскомъ *тъ*, *та*, *то* служитъ важнымъ и много объясняющимъ указаніемъ, какъ замѣчено выше.

Суффиксъ *тъ*, *то*, *t*, въ именахъ средняго рода, встрѣчается только въ двухъ древнихъ языкахъ, кромѣ Славянскаго, — въ Греческомъ и Латинскомъ. Мы видѣли уже, что кромѣ свободнаго употребленія — *дѣло-то* и т. д., суффиксъ *тъ* встрѣчается въ языкѣ Русскомъ и Славянскомъ вообще уже въ соединеніи со словомъ: *теля*, *теля-ти*, *теля-та* *). — Теперь обращаемся къ языку Греческому.

Въ языкѣ Греческомъ слова средняго рода, оканчивающіяся на α, во всѣхъ падежахъ, кромѣ Им. ед. ч., употребляются съ суффиксомъ τ. Сюда относятся и слова средняго же р. на α, которыя въ Им. ед. ч. употребляются съ суффиксомъ σ: разумѣется этотъ суффиксъ, какъ обыкновенно, отбрасывается при слѣдующихъ падежахъ; но впрочемъ не всѣ употребляются съ суффиксомъ τ. Вотъ примѣры: σῶμα, σώμα-τ-ος; τέρα-ς, τέρα-τος, но также σέλα-ς, σέλα-ος. — Употребляются съ суффиксомъ τ слова ср. р., оканчивающіяся и на υ, и также ω, съ суф. σ: напр. γόνυ, γονα-τος; φῶς, φωτός; οὖς, ὠ-τός. Также и слова на *i* и η: μέλι, μέλι-τος; καρη, κάρη-τος. Въ доказательство того, что это τ вовсе не принадлежитъ къ основѣ слова, а есть суффиксъ, присоединяющійся къ темѣ слово, можемъ мы указать на слово τερας, ко-

*) Противъ этого § К. С. впослѣдствіи отмѣтилъ карандашемъ слѣдующее: „Надо бы раздѣлить взгляды грамматиковъ: 1) они считаютъ *s* и *t* суффиксомъ, но *непремѣнною* характеристикою падежа Именительнаго (а что́ говорятъ они объ *s* въ окончаніяхъ другихъ падежей?): 2) они не узнаютъ суффиксовъ въ нарощеніяхъ падежей, и думаютъ, что это—часть темы, которую утратилъ падежъ Именительный. Здѣсь кстати отдѣлить бы и намъ суффиксъ *s* и *t* отъ другихъ суффиксовъ, даже отъ *s* и *t*, получающихъ другое значеніе, когда являются они нарощеніемъ въ косвенныхъ падежахъ.—Замѣтить о значеніи мѣстоименій и суффиксовъ, о переходѣ мѣстоименія въ суффиксъ, а суффикса въ образовательное окончаніе. Тутъ же значеніе первоначальныхъ слоговъ, какъ элементовъ.“—*Б.*

торое во множественномъ употребляется, кромѣ суффиснаго, въ тематическомъ и сверхъ того въ сокращенномъ видѣ, именно: τέρα, τερῶν и пр. А слова γέρας, γῆρας, κρέας и κέρας, причисляемыя грамматиками къ этому же разряду словъ, употребляются въ своемъ тематическомъ видѣ, безъ суффикса τ, и сверхъ того въ видѣ сокращенномъ. Слово же κέρας, какъ бы для бо́льшаго вразумленія, имѣетъ обѣ формы, тематическую, и суффиксную—съ τ.—Грамматики такую особенность объясняютъ очень легко: они говорятъ: такія-то слова выкидаваютъ τ, принадлежащее, по ихъ мнѣнію, къ самой основѣ слова (Wortstamm): τ выбрасывается по ихъ мнѣнію въ И. п. е. ч., которому въ особенности приписывается это свойство, и выступаетъ обыкновенно въ слѣдующихъ падежахъ, которые, какъ думаютъ грамматики, имѣютъ свойство удерживать основу слова (Wortstamm). — Но произволъ такого рѣшенія вопроса, кажется, очевиденъ.—Для насъ напротивъ очень ясна здѣсь форма тематическая и форма суффиксная: тематическая форма склоняется, как σελας, σελα-ος и пр. Сокращеніе является не всегда.

Къ разряду словъ, имѣющихъ и тематическую, и суффиксную формы, относятся также ἰδρώς и γέλως; тематическая форма выступаетъ въ этихъ словахъ въ Дательномъ и Винительномъ единственнаго, въ сокращенномъ видѣ: такъ вмѣсто ἰδρῶτα и ἰδρῶτι—ἰδρῶ и ἰδρῷ, вмѣсто γέλωτα и γέλωτι—γέλω и γέλῳ.—Сверхъ того есть слова, которыхъ и Грамматики не объясняютъ, какъ было выше означено, называя неправильными, тогда какъ здѣсь являются только тематическая и суффиксная формы; эти слова; γόνυ и δόρυ: въ особенности важны они тѣмъ, что ихъ тематическая форма употребляется у Гомера, слѣдовательно въ древнемъ Греческомъ языкѣ.—Другія разницы, ου вмѣсто ο, ασι и εσσι въ Д. мн., не важны. — Γονυ имѣетъ тем. ед. Р. γουνος. Мн. γοῦνα, Р. γούνων;—суфф. γούν-ατος, γούν-ατα. Δόρυ имѣетъ тем. ед. Р. δουρός, Д. δουρί, мн. И. δοῦρα, Р. δούρων: суфф. δούρατος, δούρατι, δούρατα.—Эти формы встрѣчаются у Гомера: конечно и все склоненіе ихъ имѣло въ тѣ времена оба вида. У поэтовъ Аттическихъ встрѣчаются тематическія формы отъ δόρυ—Р. δορός, Д. δορί.

Примѣчаніе 1. Замѣчательно, что въ Іоническомъ діалектѣ въ словахъ средняго рода — τέρας и др., также вообще въ Греч. въ словахъ βρέτας, κῶας, οὐδας, κνέφας, α переходитъ въ ε въ другихъ падежахъ, Р. Д. ед. ч. и во мн. Намъ ка-

кажется, что здѣсь этотъ переходъ показываетъ нетвердость буквы κ въ окончаніи именъ средняго рода, что̀ очень важно: въ такомъ случаѣ буква κ въ ср. родѣ совпадаетъ съ нашею л.

Примѣчаніе 2. Кромѣ суффикса τ, къ темѣ слова присоединяется при τ и κ: κτ.—Это видимъ мы въ словѣ γάλα, γάλα-κ-τος. Какъ объяснить это κ? По нашему мнѣнію, оно принадлежитъ къ основѣ слова или, лучше, есть уже образовательное его окончаніе, какъ наше *къ, ка, ко.* Слово, слѣдовательно, здѣсь является производнымъ. Въ Именительномъ слово могло явиться, въ первоначальномъ своемъ видѣ, даже безъ этой образовательной формы, которая, при извѣстной ограниченности употребленія и при кристаллизаціи, не употребляется въ Им. п. ед. ч. и В. (разумѣется, ибо здѣсь средній родъ), но въ другихъ падежахъ употребляется, вытѣсняя изъ нихъ на оборотъ форму первоначальную; при томъ же словѣ, съ образовательнымъ окончаніемъ *къ*, является форма суффиксная съ τ.—Мы должны твердо помнить, что въ древнихъ языкахъ, особенно же во всѣхъ кромѣ Русскаго, мы видимъ уже только остатки нѣкогда самобытныхъ формъ и образовавшіяся изъ нихъ цѣлыя совокупныя употребленія—составныя склоненія и проч. — Въ доказательство, что въ разбираемомъ словѣ κ принадлежитъ если не къ корню, то къ основѣ слова (подразумѣвая здѣсь и образовательное окончаніе), что κ не есть суффиксъ, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, оно образовательное окончаніе (мы думаемъ, что оно не принадлежитъ къ корню слова),—въ доказательство можемъ мы указать на языкъ Латинской, гдѣ κ является частью самаго слова, его основы: *lac, lac-tis*; можемъ указать на Русской языкъ, гдѣ также *к* принадлежитъ къ слову, какъ образовательное, по нашему мнѣнію, окончаніе: *моло-к-о*, Нѣмецкое *Mil-ch*. Очень можетъ быть, что первоначальный видъ слова—γάλα по Гречески, *моло* — у насъ, или вообще *л* съ гласною буквою, откуда *лью* *). Въ такомъ случаѣ κ бу-

*) Изъ замѣтокъ карандашемъ, позднѣе сдѣланныхъ, видимъ, что К. С. сопоставилъ здѣсь корни *мл-* и *вл-*, т. е. одинъ и тотъ же основной корень *л-*, съ придыханіемъ *в* или съ замѣною его послѣдняго посредствомъ *м* (въ смыслѣ губнаго или носоваго звука): γ первоначально было здѣсь такимъ

детъ не суффиксъ и объясняется какъ образовательная форма, не употребляемая въ Им. и Вин. падежахъ,—откинутая или еще не принятая, это важности не составляетъ,—и являющаяся въ другихъ падежахъ вмѣстѣ уже съ суффиксною формою.—Въ доказательство нашего мнѣнія указываемъ на слова, образующіяся прямо отъ первоначальнаго γαλα и съ другой стороны отъ развившейся формы γαλακ съ суф. τ, γαλακτ: это едва ли было бы возможно, если бы κτ принадлежало къ основѣ слова, измѣненной въ Им. п. чрезъ отброшенное κτ; таковы слова γαλουργέω, γαλουχέω и γαλακουργέω, γαλακτουχέω.—Въ пользу же того, что κ не суффиксъ и принадлежитъ, какъ вѣроятно образовательная форма, къ основѣ слова, хотя и не первоначальной, можемъ мы указать на Дательный множ. ч., въ которомъ обыкновенно суффиксная форма не употребляется (какія на это причины, фонетическія или другія, не выкидывается ли здѣсь суффиксъ, или онъ есть,—это другой вопросъ: о Дат. мн. ч. въ Греч. языкѣ надѣемся поговорить ниже): слово γάλα въ Дат. мн. имѣетъ не γαλα-σι, а γαλακ-σι, ξι.

Здѣсь кстати укажемъ на слово, которое Грамматики относятъ къ числу anomala и которое именно представляетъ, по нашему мнѣнію, форму первоначальную и съ другой стороны форму пріобрѣтшую образовательное окончаніе, именно окончаніе *къ, ко, к*. Это слово γυνη: въ Родительномъ оно γυναι-κος и во всѣхъ другихъ падежахъ является въ томъ же видѣ, кромѣ Звательнаго ед. ч., гдѣ опять γύναι. Въ этомъ склоненіи очевидны двѣ формы. Даже сами Грамматики не предполагаютъ со стороны Именит. п. ед. ч. никакого отбрасыванія буквы: но самое окончаніе η—γυνη, αι—γυναικος, и т. д., кажется рѣшительно этому противорѣчитъ.—Но что же это за формы?—Первая форма есть, конечно, первоначальная; вторая производная, т. е. пріобрѣтшая образовательное окончаніе, именно *къ, ка, ко*. — Такое образовательное окончаніе есть и въ Русскомъ языкѣ: оно имѣетъ значеніе уменьшительнаго въ своемъ свободномъ употребленіи; но тамъ,

---

же придыханіемъ, какъ *в:* нечего прибавлять, что нынѣ эта догадка оправдана сравнительнымъ изученіемъ, и отъ того-то, на примѣръ, наше областное *моло́сный, молошный* (скромный, жирный) имѣетъ при себѣ *воло́сный, воло́жный* и т. п.—*Б.*

гдѣ оно уже постоянно соединяется со словомъ, бывши присоединено къ нему конечно давно, тамъ оно не имѣетъ уже значенія уменьшительнаго и придастъ слову особый оттѣнокъ. Напр. *мужикъ:* это не значитъ—*маленькій мужъ*; не значитъ также непремѣнно крестьянина, какъ можетъ быть думаютъ иные,—къ крестьянину только дѣлается естественное примѣненіе; *мужикъ* значитъ *мужъ*, но въ особенномъ, частномъ значеніи, напр. всякому скажутъ—*ты мужикъ здоровый* *). — Первоначальному слову γυνή соотвѣтствуетъ въ Русскомъ языкѣ слово *жена: г* въ *ж* переходитъ очень свободно. Итакъ, къ слову γυνή въ Греческомъ языкѣ придается образовательное окончаніе κ, *къ*, а употребленіе удержало первоначальную форму только въ Именит. и Зват. падежахъ ед. ч.; въ остальныхъ же употребляется форма производная, съ образовательнымъ окончаніемъ κ, *къ*. Мы уже говорили, что всѣ древніе языки, за исключеніемъ Русскаго, въ которомъ очень мало подобнаго, представляютъ часто остатки формъ и изъ разныхъ остатковъ употребленіемъ слагается цѣлое: Грамматикъ долженъ объяснить это; тогда онъ увидитъ, что въ языкѣ существенно нѣтъ неправильностей, нѣтъ прихотей, но все можетъ быть объяснено и возстановлено въ своей цѣлости и стройности, въ разумности и правдѣ. Такое-то составное склоненіе представляетъ намъ слово γυνή. Въ нашемъ языкѣ есть соотвѣтствіе и производной формы съ κ, *къ*, именно *жен-ка*, γυναι-κος. Русской языкъ неохотно употребляетъ эту форму; но въ другихъ Славянскихъ языкахъ она употребляется преимущественно: напр. въ Малороссійскомъ *жôн-ка*. Правда, что эта форма простирается въ сихъ языкахъ на все склоненіе: но возможность склоненія составнаго остается тѣмъ не менѣе во всей силѣ. Подобное же, если не такое, составное склоненіе можемъ найти во всѣхъ древнихъ языкахъ. Въ Греческомъ, въ доказательство нашего мнѣнія, которое впрочемъ и такъ ясно, можемъ мы указать на слова; образующіяся отъ обѣихъ формъ: напр. γύναιον, уменьш. отъ γυνή, также γύναιος и γυναικεῖος. Сверхъ того, что̀ еще важнѣе, употреблялась иногда первоначальная форма и въ другихъ падежахъ кромѣ сказанныхъ, именно въ Вин. ед. ч. γυνήν, и въ Им. мн. γυναί.

Вотъ объясненія склоненію γυνή и вмѣстѣ тому, откуда является κ передъ τ, напр. въ γαλα—γαλακτος.

*) Очевидно, это то же, что *одинъ изъ мужей: икъ* есть то же, что при суффиксѣ *и* есть *инъ*, т. е. одинъ, Санскр. *êka*.—*Б.*

Слово κάρα, весьма замѣчательное, имѣющее суффиксную форму τ, также слово ὕδωρ, намѣрены мы разсмотрѣть ниже.

Теперь переходимъ къ языку Латинскому.

Въ немъ видимъ мы не много примѣровъ суффиксной формы съ *t*, въ именахъ средняго рода: указываемъ на два, — на *lac*, *lac-t-is* и на *cor*, *cor-d-is* (мы уже говорили, что *t* и *d* здѣсь одно и то же). Тематической формы, кромѣ Им. и Вин., сколько намъ извѣстно, не встрѣчается, какъ въ этихъ словахъ, такъ и въ другихъ подобныхъ: но все построеніе склоненія, общее соотвѣтствіе со всѣмъ порядкомъ языка, въ этомъ случаѣ убѣждаетъ насъ опять въ справедливости нашей мысли, что *t* есть суффиксъ *тъ*, присоединяющійся къ темѣ слова и образующій форму слова суффиксную. *Lac*, не имѣя другихъ падежей тематическаго склоненія, не представляетъ и другихъ доказательствъ: но слово *cor*, хотя тоже не употребляется по другимъ падежамъ въ тематическомъ видѣ, имѣетъ однако же разныя указанія на то, что оно, *cor*, есть самостоятельная форма слова, а не образовавшаяся чрезъ отброшенное *d*. Прежде всего на это указываетъ соотвѣтствующее Греческое κῆρ, которое удерживаетъ въ склоненіи свою тематическую форму—κῆρος и пр. — Потомъ самое слово, въ словопроизводствѣ, удерживается въ своемъ если не тематическомъ видѣ, то по крайней мѣрѣ безъ *d*, безъ суффикса, именно *cor-dolium*, *cor-cu-lum*. Здѣсь *cu*, думаемъ мы, есть также уменьшительное отъ *cor*, соотвѣтствующее Русскому *ко*, по крайней мѣрѣ образовательная форма на *ко*, къ чему придается уже уменьшительное *lum*.—*Cor* и κῆρ—сердце—имѣетъ, какъ кажется, производство, отличное отъ Русскаго, если не найдемъ соотвѣтствія между *cor*, κῆρ и *сер*.—Самое словопроизводство показываетъ намъ, что это не образованная чрезъ откидку *d*, слѣдовательно сокращенная или недостаточная, форма, а напротивъ форма самостоятельная, тематическая и первоначальная. *Cor*, думаемъ мы, есть совершенно то же, что Русское слово *коръ*, которое существуетъ у насъ въ измѣненномъ видѣ *хоръ*, но однако произносится и какъ *коръ*, въ особенности въ сложныхъ *коро-водъ*—*горо-водъ*; отъ слова же *коръ* происходитъ *коруѣ* или *кр-у-ѣ*, а отсюда женская форма *кор-у-ювь* или *хоруювь*, *хоруивь*. И такъ въ языкѣ Русскомъ *хоръ* или *коръ* имѣетъ значеніе круга и есть первоначальное слово, отъ котораго происхо-

дитъ уже *кругъ* и пр. *Cor* въ Латинскомъ языкѣ имѣетъ, думаемъ мы, то же значеніе. Его значеніе какъ „сердца“ нисколько тому не противорѣчитъ: напротивъ значеніе *круга* и *сердца* соотвѣтствуютъ другъ другу. Самое понятіе „средины“ возбуждаетъ понятіе „круга:“ вотъ почему и наше слово *сердце* имѣетъ, по крайности по назначенію, мысленное соотвѣтствіе съ *cor*. Далѣе, отъ *cor* происходитъ слово *cor-ona*, которое значитъ *вѣнецъ*, но кромѣ того вообще значитъ *кругъ* или все то, что̀ кругло какъ вѣнецъ: отсюда *corona circuli, valli, muri;* также означаетъ всякое круглое возвышеніе, чему соотвѣтствуетъ Русское *курганъ, кручанъ*; и даже значитъ просто *кругъ:* такъ назывались, на примѣръ, люди, обстоящіе кругомъ оратора, т. е. кругъ людей. У насъ, въ особенности между козаковъ. кругъ имѣетъ то же, только еще болѣе опредѣленное значеніе—людей, собравшихся вмѣстѣ въ одинъ кругъ на совѣщаніе. Мы думаемъ, что *вѣнецъ* напротивъ есть значеніе частное и выводное изъ слова *corona*. Слово *corolla* считается уменьшительнымъ отъ *corona* и переводится какъ уменьшительное—*вѣночекъ*. Но *corolla* едва ли можетъ быть уменьшительнымъ отъ *corona*, отъ котораго и точно есть уменьшительное *coronula: corolla* есть просто уменьшительное отъ *cor*, и это становится совершенно понятно, какъ скоро мы примемъ, что общее значеніе *cor* есть „кругъ.“ *Corolla*, происходя прямо отъ *cor*, какъ и *corona*. подтверждаетъ самостоятельность первоначальной и тематической формы *cor*, а своимъ значеніемъ подтверждаетъ значеніе *cor* какъ „круга.“

Суффиксъ *N*.

Переходимъ теперь къ суффиксу *инъ, in*, или вообще *n*, въ именахъ средняго рода *).

Суффиксъ *инъ, in*, собственно не встрѣчается въ именахъ средняго рода ни у насъ, ни въ другихъ языкахъ. Отсутствіе образованія на *инъ* въ им. средняго рода мы объяснили выше. Въ языкѣ Латинскомъ, если угодно, такое окончаніе есть: но мы думаемъ, что это не тотъ *инъ*, самостоятельный, полный значенія суффиксъ или образовательное окончаніе, а просто суффиксъ *n, н*, если

*) Позднѣе К. С. отмѣтилъ противъ слѣдующаго параграфа: „сказать объ томъ, что окончаніе (средн. рода) *т (м)* есть то же *п (н)*.“—*Б.*

еще не посовой звукъ (впрочемъ послѣднее едва ли); буква же *i* здѣсь является по особеннымъ гласовымъ причинамъ: доказательствомъ можетъ служить и то, что въ Им. пад. ед. ч. есть уже буква *n*, слѣдовательно суффиксъ *n*, но тамъ вмѣсто *i* стоитъ *e*— *flum-en*, *flum-i-nis*. И такъ, въ именахъ средняго рода, во всѣхъ языкахъ мы не видимъ суффикса *ин*, но видимъ суффиксъ *n*, съ разными гласными или безъ нихъ. Слѣдовательно объ немъ-то намъ и должно говорить.

Въ языкѣ Санскритскомъ мы видимъ въ именахъ средняго рода суффиксъ *n*, выступающій въ косвенныхъ падежахъ, такъ что падежъ Именительный удерживаетъ здѣсь тематическую форму; наприм. *nâma*, въ Род. *nâm-n-as*. Боппъ предполагаетъ, что и Именительный падежъ этихъ словъ имѣетъ *n*, — *naman*: но мы не видимъ на то никакой причины: долгое *â* вовсе еще для того недостаточно; въ именахъ муж. р. можно видѣть, что оно находится въ Им. пад., а между тѣмъ другіе падежи образуются иначе. напр. *ar-vâ*, Им. пад., а остальные падежи имѣютъ суффиксъ *t* и *nt*: почему же непремѣнно требовать, чтобы тема или основная форма была *arvan*? Точно также, почему, видя Им. *uśanâ*, считать, что онъ образовался изъ *uśanan*, тогда какъ другіе падежи, за исключеніемъ Зват., самъ Боппъ не считаетъ образующимися изъ этой формы? Не видя достаточной причины мнѣнію Грамматиковъ въ этомъ случаѣ, мы остаемся при нашей мысли, что здѣсь форма тематическая находится въ Им. пад., гдѣ нѣтъ *n*, а форма суффиксная въ остальныхъ падежахъ, гдѣ *n* является. — Всего яснѣе здѣсь сравненіе съ Русскимъ языкомъ, гдѣ имена средняго рода, очевидно соотвѣтствующія, имѣютъ рядомъ (особенно нѣкоторыя) и тематическое, и суффиксное склоненіе: напр. *племя*, *племень*, и пр. — Мы не можемъ конечно указать въ Санскритскомъ языкѣ яснаго тематическаго склоненія: впрочемъ очень достаточно говоритъ въ пользу нашего мнѣнія склоненіе слова *dôs*, которое въ Творит. имѣетъ *dôśâ* — форма тематическая и *dôśnâ*— форма суффиксная; въ Дат. *dôśê* — форма тематическая и *dôśnê*. Боппъ объясняетъ, что эти формы образованы изъ *dôśan*. Мы совершенно согласны въ томъ, что суффиксная форма должна быть проведена во всѣхъ падежахъ, напр. *племень*: но Боппъ этой самостоятельности, по крайней мѣрѣ первоначальной, относительно формы тематической рядомъ съ суффиксною, не признаетъ. Онъ, какъ мы видѣли, считаетъ форму на *an* формою основною, со-

кращаемою въ Им. падежѣ. Здѣсь при словѣ *dôs* этого предположить было уже никакъ нельзя, а потому, встрѣчая формы суффиксныя съ *n*. онъ считаетъ ихъ производными отъ *dôšan*, но не какъ отъ формы суффиксной рядомъ съ тематическою, а просто (какъ должно понять) отъ особой формы. — Объясненій и примѣра, приведеннаго нами, а вмѣстѣ и сравненія общаго съ другими языками и со всѣмъ устройствомъ склоненія, считаемъ мы достаточно для подтвержденія мысли нашей о тематической и суффиксной формѣ слова, а вмѣстѣ и вытекающихъ оттуда склоненій, относительно именъ средняго рода въ Санскритскомъ языкѣ. — Въ языкѣ Зендскомъ видимъ то же: слово средняго рода (и ему подобныя) *nâma*, Им. пад., форма тематическая, имѣетъ въ Род. *nâmanô*, форма суффиксная; то же и въ другихъ падежахъ, кромѣ винительнаго. — Въ языкѣ Готскомъ видимъ то же самое: *namô* имѣетъ въ Род. *namî-n-s*. — Языкъ Литовскій не представляетъ примѣровъ этого суффикса для именъ средняго рода.

Языкъ Греческій, кажется, тоже имѣетъ суффиксъ *n*, ν, для именъ средняго рода, но за то сохраняетъ только одну суффиксную форму и не имѣетъ тематической. Эти имена средняго рода — прилагательныя или причастія: мы бы не рѣшились указать на нихъ, опасаясь, чтобы это ν не было тѣмъ ν, которое служитъ окончаніемъ среднему роду и о которомъ надѣемся поговорить послѣ; но, такъ какъ это ν удерживается и въ другихъ падежахъ, то мы и признаемъ его за суффиксъ. Примѣръ τάλαν, имѣющее въ Род. τάλανος: какъ доказательство, что здѣсь ν именно суффиксъ, можетъ служить то, что въ муж. родѣ, τάλας, Род. падежъ тоже τάλα-ν-ος; и такъ это ν суффиксное, ибо въ Им. падежѣ м. р. его нѣтъ. — То же ν видимъ и въ другихъ такихъ же словахъ.

Въ языкѣ Латинскомъ, въ именахъ средняго рода, мы также не видимъ тематической формы и радомъ съ ней суффиксной на *n*. Напротивъ здѣсь (въ именахъ другихъ родовъ это иначе) существуетъ только суффиксная форма на *n*. Эта суффиксная форма встрѣчается не въ однихъ прилагательныхъ, какъ въ языкѣ Греческомъ, но въ именахъ существительныхъ, оканчивающихся на *men*: таковы *flumen*, *nomen*, *semen*, *fulmen*, и пр., и пр. Не трудно увидать въ сихъ словахъ соотвѣтствіе съ нашими на (*ме*) *мя* или *мя*: мы знаемъ, что **а** есть носовой звукъ; мы знаемъ, что это окончаніе явилось въ своемъ тематическомъ видѣ — на *ме*,

а также и въ своемъ суффиксномъ видѣ — на *мень*. Соотвѣтствіе усиливается частнымъ сходствомъ словъ, напр. *semen*, *сѣме*, суфф. форма *сѣмени*, *сѣмена*, Латин. *semini*, *semina*. Также какъ въ Русскомъ языкѣ всѣ слова на *ме* — средняго рода и имѣютъ суффиксную форму на *н*, такъ точно и въ Латинскомъ всѣ слова на *men* рода средняго и являются въ этой суффиксной формѣ на *н*. Тематическая форма этихъ словъ, хотя уже не средняго рода, однако встрѣчается, и еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе: такъ находимъ мы слово, само по себѣ соотвѣтствующее Русскому въ его тематическомъ видѣ—*flamma*, р. ж., *пламя* (*пламе*), и въ его видѣ суффиксномъ — *fulmen*, *пламень*. Въ доказательство, что *flamma* и *fulmen* одно и то же слово, мы можемъ указать на такую же перестановку буквъ въ словахъ *fla-cus* и *ful-cus*, совершенно однозначущихъ. Такъ и *culmen* имѣетъ тематическую форму *culmus*, м. р., соотвѣтствующую у насъ тематической формѣ м. р. *голмъ*.—Но кромѣ этихъ доказательствъ мы можемъ указать еще на одну очень важную особенность словъ, на *men*, доказывающую и суффиксную форму на *н* этихъ словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствіе ихъ съ Русскими словами на *ме*. Мы знаемъ, что Русскія слова на *ме* происходятъ отъ глагола и кажется безошибочно можно сказать, что это причастія страдательныя настоящаго времени; всего болѣе замѣтно это въ словѣ *письмо*, ибо здѣсь употребленіемъ утвердилось и окончаніе *о*: но это замѣтно и во всѣхъ подобныхъ словахъ, напр. *письмо*=*писомо*, отъ *пишу*: *бремя*, *береме* = *беремо*, отъ *беру* и т. д. Если обратимъ вниманіе на образованіе Латинскихъ словъ съ окончаніемъ *men*, то увидимъ, что они большею частію прямо отъ глаголовъ, напр.: *flu-men*, *fluo*; *se-men*, отъ древн. *seo*; *seq-men*, *sceo*, при чемъ *c* перешло въ *g*; *certa-men*, *certo*, и пр., и пр. Образованіе этихъ словъ изъ глагола не подлежитъ никакому сомнѣнію: но какое же это образованіе? Здѣсь мы приходимъ къ важному заключенію. Мы видимъ, что Латинскія слова на *men*, совершенно соотвѣтствующія Русскимъ словамъ на *ме* и *мень*, образованы изъ глагола, черезъ *m n*, также какъ и Русскія чрезъ *ме* и *мень*. Образовательное *ме* и *мень* есть причастіе страдательное настоящаго времени. То же предполагаемъ мы и въ словахъ Латинскихъ. Мы думаемъ, что это *men* есть причастіе страдательное настоящаго времени. Правда, этого причастія не существуетъ вовсе въ языкѣ Латинскомъ; но это еще болѣе утверждаетъ насъ во мнѣніи: пѣтъ слѣ-

довательно формы причастія страдательнаго, настоящаго, которая бы противорѣчила этой формѣ *тен*. Утратившееся причастіе страдательное настоящаго сохранилось, именно, думаемъ мы, въ этихъ именахъ на *тен*. Мы уже говорили, что тематическая форма, существующая въ Русскомъ и почти не существующая въ Латинскомъ (см. в.), есть форма на *ме*, а *мень* и *тен* — формы суффиксныя. Соотвѣтствіе между Русскимъ и Латинскимъ языкомъ въ этихъ словахъ становится удивительнымъ. Какъ доказательство, что *тен*, въ именахъ на *тен*. есть форма причастная, можетъ служить и причастіе Греческаго на μενος. Замѣчательно, что всѣ имена на *тен* непремѣнно средняго рода, что̀, по нашему мнѣнію, указываетъ также на причастіе, которое, равно какъ и прилагательное, переходитъ въ имя обыкновенно въ среднемъ родѣ (что̀ и понятно); въ Русскомъ языкѣ, сверхъ того, прилагательныя и причастія являются, въ этомъ случаѣ, обыкновенно въ первообразномъ видѣ: *добро, письмо* *).

Здѣсь кстати поговоримъ объ окончаніи словъ средняго рода— ον въ Греческомъ и *um* въ Латинскомъ языкахъ. Буквы (звуки) *N* и *M*, въ сущности одна носовая буква, являются здѣсь совершенно какъ ς въ именахъ Греческаго яз. на ο-ς (λογος) и Латинскаго языка на *u-s* (*dominus*): точно также какъ *s*, или лучше *o-s* и *u-s*, такъ *n* и *m*, или лучше *o-n* и *u-m*, не переходятъ въ другіе падежи. Напр. *bellum, belli* и пр.. σῶκον, σώκου и пр. Суффиксное значеніе *n* и *m* не подлежитъ сомнѣнію: ихъ не относятъ къ основѣ слова (*Wortstamm*), какъ ошибочно относятъ многіе суффиксы. Что касается до предшествующихъ гласныхъ *o* и *u*, то мы говорили уже, что въ окончаніяхъ *os* и *us*, въ *o* и *u* переходитъ *ъ* (что̀ видимъ и въ Русскомъ языкѣ — *градоко-съ*, или, еще виднѣе, *человѣко-тъ*; ср. Болгарск. . Здѣсь же, въ именахъ средняго рода, настоящее ихъ окончаніе. *o*, пріобрѣтаетъ посовую согласную; предполагаемъ, что и въ Латинскомъ окон-

*) Здѣсь впослѣдствіи К. С. отмѣтилъ карандашемъ: „объяснить." Нельзя не пожалѣть, что онъ не успѣлъ этого сдѣлать: отношеніе окончаній *мо (мъ)* и *ме, мень* (Ц. Слав. *мѧ*) крайне любопытно въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, ибо здѣсь, между прочимъ, уясняется отношеніе Славянскихъ страдательныхъ причастій настоящаго времени къ классическимъ, античнымъ, да и самыя слова такого рода, какъ *зрѣймо, клеймо, любимъ, отчимъ* (*отчимъ* отъ *отчимъ*—дѣлать отцомъ,—искусственно сдѣланный отцемъ) и т. п., стоятъ большаго вниманія.—*Б.*

чаніе именъ средняго рода — *o*; но это *o*, кажется, Латинскій языкъ не принимаетъ въ сочетаніи *om*, въ окончаніи слова, и *o* переходитъ въ *u*; доказательствомъ тому служитъ древній Латинскій языкъ, въ которомъ употреблялось въ этомъ случаѣ *om*, въ послѣдствіи перешедшее въ *um*; впрочемъ это предпочтеніе *u* видимъ и въ словахъ на *us*, гдѣ также *os* есть форма естественнѣйшая, которую мы и видимъ въ Греческомъ. Если не удержался *s* во многихъ словахъ, или вообще, какъ особенная буква, онъ утраченъ былъ въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, да и въ другихъ, кромѣ Славянскихъ и Русскаго въ особенности; если всюду удержалась только одна буква, какъ первоначальное окончаніе, буква *a*, въ именахъ женскаго рода: то понятно, что и неопредѣленное *o* не могло удержаться одно, такъ сказать нагое и опершееся на согласную, при томъ на согласную неопредѣленную, носовую, *n*, *m*. На сей разъ мы не считаемъ эту согласную носовую въ настоящемъ смыслѣ суффиксомъ: т. е. мы не относимъ ее конечно къ основѣ слова, считаемъ ее придаточною, но не имѣющею значенія, служащею только опорою для гласной средняго рода — *o*, считаемъ ее, почти можно сказать, эвфоническою, нужною для удержанія и произнесенія гласной средняго рода.—Вотъ наше объясненіе окончанія *n* и *m*, въ именахъ средняго рода.

Суффиксъ *R* (*ρ*).

Приступаемъ теперь къ суффиксу: *r*, *ρ*.

Суффиксъ *r*, *ρ*, столь очевидно встрѣчающійся въ Санскритскомъ и другихъ языкахъ, въ именахъ мужескаго и женскаго рода, не такъ примѣтенъ въ именахъ рода средняго. — Въ Санскритскомъ языкѣ, сколько можемъ мы судить слѣдуя руководству Боппа, нѣтъ вовсе именъ средняго рода, оканчивающихся на *r* или обнаруживающихъ это *r* въ косвенныхъ падежахъ.—То же самое должны мы сказать о языкѣ Зендскомъ и то же, кажется, о языкахъ Готскомъ и Литовскомъ.

Въ Греческомъ языкѣ суффиксъ *r* примѣтенъ и въ среднихъ именахъ; его можно узнать и въ такихъ словахъ, у которыхъ нѣтъ другой тематической формы. Такъ на примѣръ въ словѣ πέλωρ, можно сказать, что ρ не принадлежитъ къ темѣ слова, и

вѣроятно суффиксъ; то же, можетъ быть, и въ словѣ νέκταρ (его производятъ отъ ν и неупотребительнаго κτάω). Слово ἦτορ сюда отнести нельзя, ибо здѣсь, кажется намъ, ρ принадлежитъ къ темѣ слова; ἦτορ имѣетъ и другую форму ἦτρον, которая значеніемъ своимъ объясняетъ первую. Обыкновенно ἦτορ переводится *сердце*, но оно не значитъ собственно *сердце*, а значитъ нижнюю часть живота и говорится въ этомъ смыслѣ даже о кувшинѣ; отсюда видно, что оно соотвѣтствуетъ нашему *утро*, которое, не употребляясь въ этомъ видѣ, употребляется съ эвфоническимъ *и* въ словѣ *и-утро*, а безъ эвфоническаго *и* въ словѣ *утро-ба* *). Не можемъ не видѣть здѣсь тождества смысла и слова. Но кромѣ не совсѣмъ вѣрныхъ указаній на присутствіе или слѣды суффикса ρ, есть нѣкоторыя слова, въ которыхъ этотъ суффиксъ ясенъ, на примѣръ ὕδωρ: въ родительномъ и другихъ косвенныхъ падежахъ этотъ ρ не сохраняется, ὕδατος, и т. д. Это одно уже ясно показываетъ, что здѣсь ρ не принадлежитъ къ темѣ и есть суффиксъ: въ слѣдующихъ падежахъ выступаетъ другой суффиксъ τ; что τ есть также суффиксъ, это доказывается уже тѣмъ, что есть именительный падежъ ὕδος, который его не имѣетъ (Дат. ὕδει). Одно и то же слово можетъ имѣть нѣсколько суффиксовъ; сверхъ того присутствіе обоихъ суффиксовъ доказываютъ производныя слова, въ которыхъ слышится или тотъ, или другой, напр. ὑδρηλός и ὑδάτινος. Еще сильнѣе доказываютъ то, что ρ и τ суффиксы и что, слѣдовательно, тема слова есть υδ,—производныя слова прямо отъ этой темы, напр. ὕδνης; и наконецъ, какъ полное подтвержденіе сказаннаго, въ Греческомъ языкѣ находится и самая тема, съ обыкновеннымъ, извѣстнымъ суффиксомъ ς: ὕδ-ς. Въ такомъ случаѣ эта тема соотвѣтствуетъ нашему тематическому слову *вода*, Латинскому *unda*, *udo* **).— Кромѣ того можемъ указать еще на σκώρ, которое въ родитель-

---

*) Т. е. „внутренность." Нужно прибавить, что, по изслѣдованію древнѣйшихъ воззрѣній въ языкѣ, наше *утро* имѣетъ тотъ же смыслъ—нутро, внутренность: такъ точно и *рано* (въ древле-славянскомъ тождественное со словомъ *утро*) имѣетъ при себѣ слово—*рана*: это, среди ночи, раскрывающаяся глубина и зіяющая бездна свѣта.—*Б.*

**) Мысль К. С—ча подтверждается еще Болгарскимъ словомъ, которое вѣроятно не было ему извѣстно, а между тѣмъ сохраняетъ первобытный корень *уд-* безъ посоваго и безъ всякого придыханія, безъ *h* (ὕδω;) и *в* (*в-од-а*): это *уд-а*, вода; наше — *уд-а*, водяная — рыбная снасть.—*Б.*

номъ имѣетъ σκατός: сильное подтвержденіе тому, что ρ — здѣсь суффиксъ.

Въ языкѣ Латинскомъ встрѣчается очень много примѣровъ суффикса *r* въ именахъ средняго рода. Не говоримъ уже о томъ, что этотъ суффиксъ примѣтенъ въ образованіи самихъ словъ, какъ напр. *calcar*, тематическая форма *calc-(s)*, сходная съ Русскимъ словомъ, прилагательнымъ первообразнымъ, *кóлко*, по такому же образованію, какъ *edax* — *ѣдко*; или напр. *cochlear*, гдѣ тематическая форма, въ женскомъ видѣ,—*cochlea*, откуда образовалось *cochlea-re* и сокращенно *cochlea-r* (здѣсь впрочемъ *r* можетъ занимать мѣсто и образовательнаго окончанія). Это даетъ намъ возможность предполагать, что *calca-r* вѣроятно было также *calca-re*, и что даже Греческія среднія на ρ оканчивались если не на одно *o*, которое у нихъ не встрѣчается, то на *o* поддержанное посредствомъ ν (см. выше), какъ и есть слово — πελω-ρ, πελω-ρ-σ-ν. Кромѣ того, суффиксъ *r* является очевидно во многихъ Латинскихъ именахъ средняго рода, имѣющихъ въ Именительномъ падежѣ при своей тематической формѣ суффиксъ *s*, суффиксъ, какъ обыкновенно, спутникъ наиболѣе падежа Именительнаго: напр. *decu-s* — *deco-r-is*, *latu-s* — *late-ri-s*, и пр., и пр. *Latus* значитъ *бокъ*; это слово, въ его тематическомъ видѣ, но съ измѣненнымъ значеніемъ, находится въ Русскомъ языкѣ: *латы*, одежда, защищающая бока (*cotte de mailles*); здѣсь, кажется намъ, въ окончаніи выступаетъ настоящая заключительная буква сред. рода — *o* или *e*, въ Именительномъ по свойству Латинскаго языка часто переходящая въ *u*: *decu-s*—*deco-ri-s*, *latu-s* — *late-ri-s*. Въ этихъ и другихъ подобныхъ словахъ *r* уже непремѣнно суффиксъ, какъ *мать*, *матери*. И такъ, Латинскій языкъ болѣе всѣхъ другихъ представляетъ въ именахъ средняго рода употребленіе суффикса *r*. употребленіе, какое обыкновенно встрѣчается въ древнихъ языкахъ (*homo*, *homi-ne-s*, ανᾰξ, ανακ-τε-ς, и пр., и пр.).

Въ Русскомъ языкѣ *p* тоже не встрѣчается въ употребленіи какъ суффиксъ при именахъ средняго рода. Но однако можно открыть этотъ суффиксъ, явно обратившійся уже въ образовательное окончаніе: на примѣръ *доб-ро*; здѣсь очевидно тема *доб*, которая слышится въ словахъ *с-доб-ный*, *по-доб-ать*, *доб-лій*, или съ измѣненіемъ — *деб-ный*. Слово *реб-ро*, быть можетъ, тоже темою имѣетъ только *реб*: есть слово *реб-езъ*, означающее „лоскутъ," въ которомъ, можетъ быть, слышится общая съ *ребромъ*

тема *реб* *). — Но кажется, большею частію, *р* въ именахъ средняго рода въ Русскомъ языкѣ — или часть темы, или образовательное окончаніе.

Суффиксъ *V (в)*.

Суффиксъ *в* не есть собственно опредѣленный суффиксъ: онъ скорѣе является для благозвучія и раздѣляетъ иногда сливающіяся безъ него гласныя. Эту вставку *в* можно назвать скорѣе распространеніемъ самого слова; но однако слово получаетъ нѣкоторый оттѣнокъ: значеніе его дѣлается во всякомъ случаѣ опредѣленнымъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ, сколько можемъ мы заключать по изслѣдованіямъ ученыхъ, имена средняго рода не допускаютъ этой вставки *в*, *v*. Въ языкѣ Зендскомъ видимъ мы ее, при иныхъ именахъ средняго рода, во множественномъ числѣ, въ падежахъ Именительномъ, Звательномъ и Мѣстномъ, напр.: П. Зв. *madhv-a*, М. *vacô-hv-a*. Но здѣсь это уже кажется намъ чистою вставкою, безъ малѣйшаго оттѣнка суффикса.—Въ языкахъ Готскомъ и Литовскомъ имена средняго рода тоже не имѣютъ ни суффикса, ни вставки *с*. Эти четыре языка впрочемъ не достаточно намъ извѣстны, чтобы мы могли открыть *в*, какъ суффиксъ перешедшій въ образовательное окончаніе, подобно именамъ другихъ родовъ, напр въ Русскомъ языкѣ *любовь*, *свекровь*, *бровь* и т. д.—О языкахъ Греческомъ и Латинскомъ мы должны сказать то же, что имена средняго рода не имѣютъ въ нихъ ни суффикса, ни вставки *v*.

Въ языкѣ Русскомъ мы то же не замѣчаемъ, чтобы суффиксъ *в* имѣлъ значеніе и употреблялся какъ другіе суффиксы въ тѣхъ же именахъ, напр. *с*, *т*, *н*. Но однако отрицать возможности этого употребленія нельзя: мы можемъ открыть этотъ суффиксъ въ именахъ средняго рода, слившійся съ ними и занявшій мѣсто

*) Несомнѣнно: того же корня съ одной стороны древнее *руб-и* (*руба* и т. п.)—лоскутья, платы, платье, съ другой *руб-ець*—шовъ на платьѣ, строка, строчка (красная), и полоса раны, обыкновенно красная. Латинское *rub-er*, *rub-rum*. — При подобныхъ словахъ можно прибавить еще одно, подтверждающее вполнѣ мысли К. С., тѣмъ болѣе, что прямо соотвѣтствуетъ разобраннымъ выше словамъ Греческимъ: ὕδωρ, кромѣ „воды,“ значило и вообще дождливое время, а потомъ даже и погоду, — это наше *вёдр-о;* а ὑδρεία, ὑδρεύω—наше *ведр-ó*, въ коемъ *вед-* равняется корню *вод-* (*вода*) — *Б.*

образовательнаго окончанія (при этомъ не надо смѣшивать тѣхъ именъ, которыя образовались изъ первообразнаго причастія прошедшаго, какъ *курево*, *зарево*, *хлѣбово*, *варево*). Есть и такія имена, въ которыхъ *в* самостоятельный суффиксъ, разумѣется въ томъ слабомъ видѣ, какой вообще онъ имѣетъ. Вотъ два такихъ имени: *дерево* или *древо*, *черево* или *чрево*. Въ словѣ *дерево*, *древо* мы можемъ открыть настоящую тему: *дре*. На сей разъ сохранилась она не въ Русскомъ языкѣ, но именно въ языкѣ Греческомъ, δρῦ-ς, δρυ-ός. Откидывая суффиксъ ς, какъ постоянно пристающій къ имени, не только тогда, когда оно въ тематическомъ видѣ, но даже и въ суффиксномъ, мы имѣемъ тему δρυ. Нашъ языкъ съ своей стороны дастъ намъ возможность открыть у себя эту тему. Мы имѣемъ слово *дро-ва*, очевидно множественное отъ темы *дре* или *дро*, образовавшееся какъ *стреме-на* и пр. (*); у насъ есть сложное слово, гдѣ тема *дре* слышна совершенно явственно, именно *дреколіе*. Кромѣ того у насъ есть слово *древа*, гдѣ очевидно та же тема *дре*, при которой уцѣлѣлъ и суффиксъ *с*: онъ находится при темѣ *дре*, какъ тотъ же *с* при *коло*, *колес-*, *колесо;* отъ *дре*, *дрес-* образовалось *дрес-ва*, какъ еслибы отъ *коло*, *колес-* образовалось *колес-ва*.—Слово *чере-во*, *чре-во*, имѣетъ очевидно своею темою *чере*, *чре;* эта тема находится въ ближайшемъ сродствѣ съ предлогомъ *чре* (съ которымъ соотвѣтствуетъ *пре*, употребляющееся лишь въ сложности съ другими словами) и можетъ быть она-то стала въ употребленіи предлогомъ, какъ на примѣръ *межь*, *близь* и пр. Что *чре* (предлогъ) есть тематическое слово, насъ еще болѣе увѣряетъ то обстоятельство, по коему *чре* употребляется съ суффиксомъ *с*—*чре-съ;* это *съ* здѣсь суффиксъ, а не тема: въ этомъ утверждаетъ насъ соотвѣтствіе съ предлогомъ *пре*, который въ томъ видѣ не употребляется, а употребляется въ сложности съ *дъ*—*предъ*, и даже въ сложности съ суффиксомъ *съ*—*пре-съ*, какъ это видимъ мы, на примѣръ, въ Судѣ Любуши: *пресъ три рѣки*. Кромѣ того есть слова, прямо происходящія отъ *чре*: *чре-да*, *чере-дъ*, соотвѣтствующее слову *передъ*,

*) Впослѣдствіи К. С. отмѣтилъ на полѣ карандашемъ, что корень словъ *коръ* и *кругъ*, именно *кр-*, переходя одинаково въ *пр-* (*пре-* *пере-* и т. п.) и *чр-* (*чре-*, *чере-*), заставляетъ видѣть съ разсмотрѣнными словами близкое соотвѣтствіе другихъ, — *кресъ* (середина, какъ точка поворота), *крестъ* (въ выраженіи „крестъ на крестъ," т. е. черезъ), *о-крестъ* (о-кругъ), *кресла* (извѣстный видъ крестьянскихъ дрогъ на колесахъ) и т. д.—*Б.*

которое есть и предлогъ, и имя. Наконецъ, *чересъ* употребляется какъ слово и значитъ *поясъ*. Итакъ, все это заставляетъ насъ думать, что *чре*, *чере*—тема слова *черево*, *чрево*, и есть въ то же время предлогъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что значеніе предлога *чре* и слова *чрево* далеки другъ отъ друга: но едва ли такъ: *чре*, предлогъ, означаетъ дѣйствіе чрезъ середину, поперекъ чего ни будь, а это уже близко; кромѣ того, *чересъ* значитъ поясъ, что̀ подтверждаетъ значеніе перехожденія чрезъ середину, а мѣсто пояса указываетъ на середину человѣка, на *чрево*; наконецъ есть и еще слово —*чресла*, что̀ означаетъ ту же середину и значитъ иногда прямо *чрево*; здѣсь слышенъ и суффиксъ *съ*. И такъ, предлогъ *чре* и *чресъ* доказываетъ существованіе *чре* какъ темы, будучи съ нею тождественъ. Но кромѣ предлога есть и другія слова, въ которыхъ слышится прямо эта тема, напр. *чередить* значитъ вынимать изъ птицы или рыбы внутренности (впрочемъ это можитъ значить— привести въ надлежащій видъ, порядокъ, для пищи). Тема *чре* имѣетъ, можетъ быть (не противорѣча соотвѣтствію этихъ словъ съ *коръ*, *кру-гъ*), соотвѣтствіе съ κηρ и cor: *к* переходитъ часто въ *ч*, и у насъ есть даже слово *кресла*, которое весьма соотвѣтствуетъ слову *чресла*. Впрочемъ, какъ этого, такъ и другихъ этимологическихъ соотвѣтствій *чре*, *чере*, далѣе преслѣдовать здѣсь не надо *).

Вообще можно сказать, что суффиксъ *в*, имѣя такое слабое значеніе какъ суффиксъ, будучи скорѣе вставкою и распространеніемъ слова, охотнѣе является тамъ, гдѣ слово имѣетъ окончаніе, явленію его способствующее, или даже его вызывающее, т. е. когда слово оканчивается особенно на *ъ*, который такъ склоненъ къ этому суффиксу, на *ы*, и, какъ видимъ, хотя въ ограниченномъ видѣ, на *о*.

---

*) Позднѣе К. С. отмѣтилъ карандашемъ: „могло быть *дрово*, а *дро* въ *дрова* перейти не могло бы,—это лишь свойство именъ муж. рода."—Выраженное здѣсь колебаніе легко разрѣшается Ц. Слав языкомъ: древнѣйшая форма *дрѣ-во*, которой соотвѣтствуетъ Русское *дере-во*, имѣетъ при себѣ еще боковыя формы, развившіяся по мѣрѣ поднятія или ослабленія гласности въ звукѣ *р*, именно 1) *дър-во* и *дръ-во*, множ *дър-ва* и *дръ-ва*, чему прямо соотвѣтствуетъ наше *дро-ва* (*ъ*=*о*), дерева, деревья: здѣсь гласность звука *р*, въ сочетаніяхъ *дър-* и *дръ-*, очень высока: но 2), съ ослабленіемъ ея, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, выступаетъ сочетаніе *ър-* или *ръ*, а отсюда *дър-во* и *дръ-во*, т. е. по нѣкоторымъ Слав. нарѣчіямъ и нашему книжному

Мы разсмотрѣли сравнительно Склоненіе вообще, мы нашли, что слово имѣетъ Тематическій и Суффиксный видъ, и что это отражается въ склоненіи, такъ что есть Тематическое и Суффиксное Склоненіе. Первоначально обѣ формы и оба склоненія стояли рядомъ; но потомъ, съ теченіемъ времени, то та, то другая форма стала утрачиваться и изъ двухъ склоненій образовалось одно Составное *). — Суффиксы первоначально свободно придавались къ темѣ слова, имѣя свой смыслъ и сообщая слову свой оттѣнокъ; это были, большею частью, такъ называемыя Мѣстоименія: но потомъ, приросши, иногда по двое къ падежамъ, хотя не всѣмъ, они утратили свой смыслъ и были приняты грамматиками за тему, кромѣ развѣ *с* и *т*, и то иногда. Суффиксовъ находимъ мы пять: *с*, *s*; *т*, *t*; *н*, *n*: *р*, *r*; *в*, *с*. — *C*, *S* — т. е. *сь*, *сей*, *sa* (Санскр.); *T* — т. е. *тъ*, *тотъ*, въ другихъ языкахъ онъ слышенъ въ среднемъ родѣ — *tat* Санскр., *το* Греч. и въ производныхъ — *talis*, *tam*, *tantus*, *iste*; *H*, *N* — т. е. *на* (*се*, *вотъ*, — указаніе) и въ распространенномъ видѣ *инъ*, *онъ*; *ана*, *ĉна* Санскр.; εἷς, ἕν, р. ἑνός, ἄν Греч.; *unus*, *an*, *nam*, *enim* Латин., и т. д. — Кристаллизація постигла суффиксы и склоненіе во всѣхъ древнихъ языкахъ: двойное склоненіе, тематическое и суффиксное, исчезло, давъ мѣсто склоненію составному. Наименѣе постигла кристаллизація языкъ Русской: склоненіе удержалось здѣсь въ наиболѣе древнемъ, живомъ своемъ видѣ. Въ другихъ древнихъ языкахъ слѣды двойнаго склоненія являются какъ исключенія, какъ abundantia, heteroclita и пр.: въ Русскомъ же языкѣ слѣды двойнаго склоненія гораздо живѣе, а въ иныхъ словахъ оно даже просто удержалось въ обоихъ видахъ, тематическомъ и суффиксномъ. — Суффиксы также не вовсе кристаллизовались въ Русскомъ языкѣ и употребленіе иныхъ изъ нихъ даже до сихъ поръ доступно и понятно. — При кристаллизаціи слóва всѣ остальные древніе языки удержали преимущественно формы суффиксныя: Русской же языкъ — формы тематическія.

(испорченному Церковно-Славянскому) — *дре-во* (*ь* = *е*). Итакъ, вслѣдствіе гласности звука *р*, сочетаніе *дър-* было конечно самостоятельною темою, въ эпоху древнѣйшаго Ц. Слав. языка и по его правописанію *ър-*, *дръ-*, даже *дър-* и *дрь-*, а у насъ *дро-* и *дре-*. — *Б.*

*) Прибавлено послѣ карандашемъ: „хотя не всадѣ и не во всѣхъ языкахъ." — *Б.*

Сравненіе падежей.

Теперь переходимъ мы къ Сравненію отдѣльныхъ Падежей или Падежныхъ Окончаній въ древнихъ языкахъ. *Падежное Окончаніе* есть то, которое въ словѣ составляетъ принадлежность извѣстнаго падежа, а при другомъ падежѣ уступаетъ мѣсто другому окончанію.

Разсматривая сравнительно склоненіе вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ имя вообще, въ его настоящемъ, естественномъ видѣ, мы тѣмъ самымъ уже разсмотрѣли падежъ Именительный, въ единственномъ числѣ, а слѣдовательно говорить о немъ не будемъ, пока рѣчь не дойдетъ до числа двойственнаго и множественнаго.

Падежъ Родительный.

Родительный падежъ единственнаго числа оканчивается въ Русскомъ языкѣ въ именахъ муж. рода на *а*, женскаго—на *и*, средняго — на *а*; какъ видоизмѣненіе тѣхъ же самыхъ окончаній является соотвѣтственно имъ — *я*, *и*, *я*.

Теперь посмотримъ, какъ образуется этотъ падежъ въ другихъ языкахъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ, какъ и въ другихъ языкахъ, Боппъ признаетъ за характеристическую букву или звукъ въ Род. п., какъ и въ Им., также *s*, который видитъ онъ въ Санскритскомъ языкѣ въ окончаніяхъ *s*, *sya*, *as* и *ás*. Впрочемъ *s*, какъ окончаніе, считаетъ онъ не полнымъ, признавая полнѣйшими окончаніями *as* и *ás*: самымъ же полнымъ окончаніемъ считаетъ Боппъ *sya*. Здѣсь, кажется, выходитъ нѣкоторое противорѣчіе: ибо, если точно *sya* форма древнѣйшая, то, теряясь, она естественно должна была оставить *s**); откуда же взялось передъ *s*—*a* и *á*? Этого Боппъ не объясняетъ. Развѣ черезъ перестановку?

Боппъ видитъ въ Родительномъ падежѣ удивительное согласіе всѣхъ языковъ, и только первое, второе и пятое склоненіе, да оба личныя мѣстоименія Латинскаго языка, кажутся ему исклю-

---

*) Утраты этого рода совершаются въ языкѣ обыкновенно съ конца, то есть, если по нашему написать слово въ строку, отъ правой руки къ лѣвой.—*Б.*

ченіемъ. Онъ забываетъ языкъ Славянскій; да и Литовскій языкъ представляетъ другіе примѣры (wilko): но ученый хотя и удивляется этому, однако же объясняетъ, что *o* образовалось изъ *as*: оттуда же Боппъ прямо объясняетъ и Зендское *ô*.

Но этотъ *s* Родительнаго падежа есть опять только суффиксъ, знакомый уже намъ, и по настоящему не можетъ составлять характеристики Родительнаго, да и никакого падежа: онъ относится не до склоненія въ частности, т. е. не образуетъ падежей и не служитъ имъ характеристикой, но относится до самого имени, ибо придастъ ему, кромѣ тематической, суффиксную форму; тѣмъ самымъ онъ относится до склоненія *вообще*, ибо вмѣстѣ съ суффиксною именною формою образуется и склоненіе сей формы, склоненіе суффиксное *). Странно то, что Боппъ, считая *s* характеристическимъ окончаніемъ Родительнаго, и окончаніемъ древнѣйшимъ, которое онъ считаетъ утраченнымъ тамъ, гдѣ оно не встрѣчается, — странно, что онъ же признаетъ это *s* и полнѣйшій его видъ *sya* мѣстоименіемъ, родственнымъ съ *sa*. Неужели Боппъ считаетъ склоненіе имени (въ Род. п.) невозможнымъ безъ помощи мѣстоименія **)? И почему считаетъ онъ, что это склоненіе, образуемое съ помощію приставки мѣстоименія, склоненіе древнѣйшее и первоначальное? Такое склоненіе встрѣчается въ древнихъ языкахъ—вотъ одно основаніе; при этомъ и три склоненія языка Латинскаго, и языкъ Славянскій, не заставляютъ, какъ видно, усумниться: объ нихъ рѣшается просто, что они имѣли этотъ *s* и вообще такое же склоненіе, но потомъ утратили. Рѣшеніе слишкомъ легкое. Все, что можно сказать, взявши въ основаніе древніе языки, имѣющіе склоненіе суффиксное, такъ это только

---

*) На полѣ здѣсь карандашемъ: „Сказать объ особенномъ значеніи *s*, что онъ большею частію не составляетъ суффикса, нераздѣльнаго съ именемъ, какъ суффиксы другіе, и проч.“—Это однакоже *К. С.* подробно развилъ въ другихъ мѣстахъ Грамматики.—*Б.*

**) Здѣсь не лишне прибавить въ оговорку, что въ подобныхъ случаяхъ Западные ученые разумѣютъ не Мѣстоименіе какъ извѣстную органическую *форму*, а такъ называемый „Мѣстоименный корень.“ *Стихіи*: это ихъ оправдываетъ въ настоящемъ случаѣ.—Другое дѣло, что ни этихъ Стихій-элементовъ въ ихъ сущности, ни ихъ отношенія къ формѣ Органической, ни Процесса организаціи доселѣ почти нисколько не изслѣдовано и не уяснено путемъ естествоиспытательнымъ: это конечно важные недостатки современнаго Языкознанія.—*Б.*

то, что они склоненіе это *имѣютъ*: но думать, что склоненіе *такъ только* могло образоваться, что склоненіе это древнѣйшее, что другіе языки (рѣчь идетъ объ Индо-Европейскихъ) иначе склоненія образовать не могли, и если гдѣ его у нихъ нѣтъ, такъ они его утратили, — думать такъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія, по крайней мѣрѣ основаніе это, сколько намъ извѣстно, не найдено, не указано и не доказано. А такую важную грамматическую мысль непремѣнно слѣдовало бы *доказать*.

Мы съ своей стороны рѣшаемся думать иначе. Суффиксная форма, по нашему мнѣнію, непремѣнно предполагаетъ форму тематическую, не ту тему слова, которая отвлеченна и неупотребительна, но самостоятельную и употребительную тематическую форму. Предметъ выражается въ словѣ сперва вообще, неопредѣленно, общимъ своимъ значеніемъ: такова тема. При опредѣленіи своемъ въ пониманіи и въ выраженіи, онъ принимаетъ въ словѣ суффиксъ: суффиксъ этотъ не составляетъ отдѣльно понимаемаго слова, хотя бы это слово было и мѣстоименіе, но является въ самомъ отвлеченномъ своемъ видѣ; онъ придаетъ скорѣе колоритъ предмету, присоединяется къ нему какъ штрихъ, и употребляется точно также. Если угодно, мѣстоименіе (обыкновенно оно въ должности суффиксовъ) является здѣсь какъ Частица. Этотъ же самый суффиксъ можетъ быть употребленъ и самостоятельно, отдѣльно: но тогда онъ уже не колоритъ только: опредѣленіе слова получаетъ иную силу, иной видъ*). Суффиксъ, присоединяющійся къ слову,—не одинъ только *s* или *c* (*сь*): есть и другіе, опредѣляющіе предметъ разными его сторонами, напр. *т*, *н*, и пр. Присоединеніе суффиксовъ къ имени принадлежитъ незапамятной древности: но это присоединеніе, первоначально, совершалось въ языкѣ свободно и находилось въ живомъ употребленіи. Рядомъ или объ формы, и тематическая, и суффиксная: сему служатъ доказательствомъ многія оставшіеся примѣры такого употребленія, въ особенности въ языкѣ Русскомъ (см. в.). Съ теченіемъ вре-

*) Такъ на каждомъ шагу въ современномъ Языкознаніи чувствуется потребность уяснить—неуясненное досель—помянутое отношеніе Стихій языка къ его Формамъ Органическимъ: *К. С.* не миновалъ этого щекотливаго вопроса, этого постояннаго casus belli между филологами порядочными и непорядочными, изъ коихъ послѣдніе обыкновенно не видятъ ничего больше, далѣе и выше, какъ *организмъ* языка, безъ изслѣдованія начала сего явленія.—*Б.*

мени, когда языкъ начиналъ утрачивать свою живость и сталъ кристаллизоваться, изъ двухъ означенныхъ формъ одна стала получать преимущество надъ другою. Во всѣхъ древнихъ языкахъ удержались наиболѣе формы суффиксныя: въ Славянскомъ вообще — формы тематическія. Языкъ Русской, изъ всѣхъ древнихъ языковъ наименѣе кристаллизовавшійся, наиболѣе живой, сохранилъ во многихъ случаяхъ рядомъ обѣ формы, и сверхъ того не утратилъ еще возможности свободнаго присоединенія къ имени суффиксовъ, *т* въ особенности, *с* отчасти. Склоненіе древнихъ языковъ кромѣ Русскаго, есть склоненіе Суффиксное, съ нѣкоторыми, выше означенными, исключеніями. При этомъ становится очевидно, что значеніе и судьба суффикса *с* (*съ*), *s*, совершенно отличается отъ другихъ. Мы очень хорошо видѣли, что и другіе суффиксы находятся въ древнихъ родственныхъ языкахъ: но суффиксъ *s* сталъ въ нихъ, кромѣ совершенно-особыхъ случаевъ, постояннымъ *наружнымъ* окончаніемъ именъ, не только въ Именительномъ, — гдѣ его главное мѣсто, — но почти во всѣхъ или во многихъ падежахъ (объ исключеніяхъ не говоримъ); суффиксъ *s* становится въ падежахъ и послѣ другихъ суффиксовъ, получившихъ внутреннее мѣсто въ имени,—такъ что въ Родительномъ падежѣ ни одинъ суффиксъ не выступаетъ безъ *s*, какъ это видимъ въ языкѣ Славяно-Русскомъ, гдѣ суффиксы на равныхъ, можно сказать, правахъ, напр. *небо*, *небе-се—племе*, *племе-ни*, и т. д., а въ Латинскомъ — *leg-s*, *legi-s* — *leo*, *leo-ni-s*, и т. п. Суффиксъ *s* слѣдовательно придается и къ темѣ; и къ другимъ суффиксамъ: *pacu-s* и въ Род. *pacu-ni-s*; и вообще къ окончаніямъ падежей. По настоящему онъ долженъ былъ бы склоняться самъ; онъ безъ сомнѣнія и склонялся нѣкогда: но мы застаемъ его по языкамъ въ сокращенномъ видѣ, какъ на примѣръ сократилось у насъ *ся* въ глаголахъ *берегу-ся*, *берегу-съ*. Есть впрочемъ падежи, въ которыхъ, кажется, очевидно склоненіе самого суффикса. — Намѣреваясь разсмотрѣть падежи по порядку, мы должны говорить теперь о падежѣ Родительномъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ, въ именахъ мужескаго рода, Родительный падежъ оканчивается на *sya*, на *as*, на *s*. — Замѣчательно, что первое окончаніе имѣется преимущественно въ именахъ мужескаго рода и что это окончаніе, почитаемое Боппомъ за древнѣйшее, не удержалось вовсе въ именахъ женскаго рода,

въ которыхъ, по его же мнѣнію, такое богатство и такая древность формъ Постараемся вникнуть ближе, не найдемъ ли причины такой, по видимому, странности. Имена мужескаго рода оканчиваются, какъ думаемъ мы, на букву *ъ*. Это же окончаніе видимъ мы и въ Санскритскомъ языкѣ, гдѣ оно является не въ чистомъ своемъ видѣ, но большею частію съ помощью суффикса *s*, при чемъ *ъ* переходитъ въ букву *a*, какъ въ Греческомъ переходитъ онъ въ *o*, а въ Латинскомъ въ *u*; въ Русскомъ, гдѣ доселѣ употребляется суффиксъ наиболѣе *тъ*, то же въ *о*: *человѣко-тъ*. Смягченный *ъ*, т. е. *ь*, переходитъ въ такомъ случаѣ въ *с* и въ *i*, *гостє-тъ*, *hosti-s*. Замѣчательно, что въ языкѣ Болгарскомъ, гдѣ суффиксъ *тъ* получилъ гражданство и приближается къ значенію члена, *ъ* обращается также въ *а* и *о*; суффиксъ *т* иногда откидывается и остается одно *а* или *о*, образовавшееся изъ *ъ*. Это употребленіе можетъ объяснить, по нашему мнѣнію, имена муж. р. въ Санскритскомъ языкѣ, оканчивающіяся на *a*, напр. *bhrâtâ*, *братъ*, въ другихъ падежахъ обыкновенно являющіяся съ суффиксомъ *r*. Итакъ имена мужескаго рода оканчиваются на *ъ* и въ Санскритскомъ языкѣ, хотя этотъ *ъ* является тамъ въ измѣненномъ видѣ. На *ъ* долженъ оканчиваться и суффиксъ *s*, въ особенности если въ немъ слышно опредѣлительное мѣстоименіе: сравни въ этомъ случаѣ суффиксъ *тъ* (переходящій и въ *то*). Такъ и оканчивается суффиксъ *s* (*съ*). напр. *vrka-s*, *вука-съ*: здѣсь послѣ *s* необходимо *ъ*, хотя и поглощенный, можетъ быть. Первоначально, сказали мы, суффиксъ долженъ былъ склоняться; быть можетъ, сперва склонялись рядомъ и суффиксъ, и тема: но мы готовы допустить, что при отсутствіи самостоятельнаго значенія суффикса, онъ быстро слился со словомъ въ одну суффиксную форму, и все склоненіе легло на суффиксѣ. При дальнѣйшемъ ходѣ языка и ослабленіи живаго употребленія, при утрачиваніи формъ и при кристаллизаціи его, многое измѣнилось: это измѣненіе слѣдуетъ понять и возстановить формы въ ихъ первоначальномъ видѣ. Суффиксъ же *s*, какъ сказали мы, имѣетъ свою, собственно ему принадлежащую особенность, ибо онъ, сверхъ того, придается, въ сокращенномъ видѣ, къ окончаніямъ падежей: склоненіе идетъ своимъ чередомъ въ словѣ, тематическомъ или суффиксномъ, а суффиксъ придается къ склоненію въ неизмѣненномъ видѣ (*s*). Но это надѣемся увидать впослѣдствіи; нѣтъ

сомнѣнія, что и суффиксъ *s* долженъ былъ нѣкогда склоняться. Обратимся къ языку Санскритскому.

Суффиксъ *s* оканчиваетъ большую часть именъ мужескаго рода въ Именительномъ падежѣ. Въ Родительномъ падежѣ мы встрѣчаемъ форму *sya*. Въ этомъ не можемъ мы не открыть склоненія самого суффикса. Въ Русскомъ языкѣ Родительный падежъ оканчивается на *а*. Мѣстоименіе *сь* (*сей*) въ Родительномъ падежѣ, теперь неупотребительномъ, но весьма возможномъ и совершенно доступномъ для живаго пониманія, имѣетъ *ся*. Мы думаемъ, что Санскритское *sya* не что иное, какъ наше *ся* — падежъ Родительный мужескаго рода отъ *сь*, *s*: напр. *вчерася*, *лѣтася*, сокращенно *вчерась*, *лѣтась* *); но у насъ возможно склоненіе и имени, и суффикса, что̀ еще чувствительнѣе при суффиксѣ *тъ*. Доказательствомъ тому служитъ уже отсутствіе Родительнаго *sya* въ именахъ женскаго рода, не имѣющихъ въ Родительномъ *а*. Итакъ въ окончаніи *sya* видимъ мы склоненіе самого суффикса, одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ въ древнихъ сплеменныхъ языкахъ. Между тѣмъ въ именахъ средняго рода встрѣчается то же окончаніе *sya* въ Родительномъ падежѣ: это такъ и должно быть, ибо Родительный средняго рода тоже оканчивается на *а*, а суффиксъ *s* (*сь*) долженъ имѣть и въ среднемъ родѣ *sya* (*ся*).

Кромѣ окончанія *sya* есть другое окончаніе Родительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода, именно *as*, напр. *aśman-as*. Окончаніе это вполнѣ понятно: это *а*, то же, что и въ Русскомъ языкѣ, съ суффиксомъ *s*, употребляющимся сокращенно и неизмѣнно. Примѣровъ въ Русскомъ языкѣ такого употребленія довольно: *вчер-а-сь* и т. д. Здѣсь слышно употребленіе мѣстоименія *сь* (*сей*), становящагося суффиксомъ. Это *a-s* употребляется и въ именахъ средняго рода, имѣющихъ, главное, то же *а* въ Родительномъ падежѣ: *vaćas-a-s*. Боппъ говоритъ, что придается и одинъ *s*, и что передъ нимъ гунируются гласныя *i* и *u*: но то, что̀ онъ называетъ гунировкою, и составляетъ самый падежъ, напр.

*) То же самое, и тѣми же почти примѣрами, *вчерась*, *лѣтась*, *нам'днись* (*днесь*), особенно же подробнымъ изслѣдованіемъ языка Новоболгарскаго, независимо отъ К. С., доказано нами въ изд. 1855 г. „Болгарскія пѣсни," т. I, „Главные вопросы яз. Новоболг.," стр. 85—88, 94 и далѣе: впослѣдствіи, при разговорѣ, мы нечаянно сошлись съ К. С. въ общихъ основаніяхъ вопроса, къ коимъ шли прежде розными путями.—*В*

pati-s, въ Родительномъ *patê-s*. Въ Русскомъ языкѣ мы видимъ тому примѣры: *день*, въ Родительномъ *дня* и *дне* (*дни*); съ суффиксомъ *дне-сь*, т. е. *дня сего* или *сегодня*. Разница въ томъ, что Русской языкъ требуетъ скорѣе перехода *ь* въ *е*, тогда какъ въ другихъ языкахъ является *i*, заключающееся, какъ извѣстно, въ *ь*. Хорошо, что тематическое склоненіе такъ сохранилось въ Русскомъ языкѣ, присоединеніе же суффикса такъ вольно и понятно производится: а то бы выраженія, какъ *днесь*, *вчерась* и т. д., были бы поняты какъ слова, имѣющія въ окончаніи Родительнаго падежа *есь* или *сь;* написанныя Латинскими буквами, они вполнѣ имѣютъ одинакую наружность — *dne-s*, *včer-as* и т. д. Это присоединеніе неизмѣннаго *съ*, *s*, къ Родительному падежу, относится и къ именамъ средняго рода, напр. *утра-сь* и даже *утре-сь*, *лѣта-сь* и т. д. Собственно одного *s* въ Родит. пад. языкъ Санскритскій, думаемъ мы, не представляетъ: но кромѣ этихъ окончаній онъ представляетъ другое, вовсе безъ *s*. Имена *bhrâtâ*, *dâtâ* имѣютъ въ Род. *bhrâtur*, *dâtur*. Если это противорѣчитъ нашему мнѣнію, то противорѣчитъ и мнѣнію Боппа, которому приходится сказать, что *s* утраченъ. По нашему мнѣнію это не противорѣчитъ, а напротивъ подтверждаетъ его съ другой стороны. Если въ этихъ языкахъ является суффиксное склоненіе, а суффиксы, кристаллизуясь, неровно и недостаточно производятъ окончанія падежей, какъ особенно видно въ языкѣ Готскомъ, гдѣ однимъ *s* производится падежъ Родительный, то и здѣсь, по нашему мнѣнію, суффиксъ *r* производитъ, появляясь въ Родительномъ, окончаніе Родительнаго падежа. Это объясненіе кажется намъ удовлетворительнымъ и точно объясняющимъ такой Родительный падежъ, какъ *bhrâtur*, *dâtur* и пр. Имена средняго рода сверхъ того оканчиваются и на *o*, гдѣ выступаетъ суффиксъ *a*. Есть ли это измѣненіе *a*, или сокращеніе *as*, — мы не рѣшаемъ: мы готовы, — и это нисколько не противорѣчитъ, — допустить, что это сокращеніе *as*.

Имена женскаго рода оканчиваются въ Русскомъ языкѣ, въ Р. пад., на *и* или *ы*, что въ сущности одно и то же. Въ языкѣ Санскритскомъ Боппъ также думаетъ, что они оканчиваются на *âs*. Но *s* здѣсь также суффиксъ, являющійся въ неизмѣнномъ видѣ, м. б. въ сокращенномъ, и по этому здѣсь можемъ мы признать только окончаніемъ падежа *a*. Это *a* не сливается съ окончаніемъ имени въ Именительномъ падежѣ, но становится рядомъ съ нимъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы самыя окончанія Рус-

скаго склоненія, напр. *и* въ Род., были непремѣнно первоначальныя; мы считаемъ Русское склоненіе первоначальнымъ потому, что оно тематическое въ самыхъ окончаніяхъ своихъ; но чтобы именно Русскія тематическія окончанія были первоначальными,— этого мы не утверждаемъ и даже не разсматриваемъ. По этому мы не думаемъ говорить, что имена женскаго рода въ Родительномъ непремѣнно должны оканчиваться на *и:* эти окончанія могутъ быть разныя въ разныхъ языкахъ. Но однако нельзя не замѣтить, что въ именахъ женскаго рода, оканчивающихся на *â*, между этимъ *â* и между *â* Родительнаго падежа вставляется *y*, имѣющее соотвѣтствіе съ *i*, напр. *gîhvâ*, *gîhvâ-y-â-s*. Имена же женскія, оканчивающіяся на краткія *i*, *u*, имѣютъ, по произволу, и *âs*, и также просто *s*, или, лучше, какъ въ именахъ мужескаго рода на *i* (ъ) и *u*, перемѣняютъ *i* въ *e* и въ *o;* эти *e*, *o*, и составляютъ окончаніе Родительнаго падежа; при нихъ уже находится просто суффиксъ *s*. Здѣсь можемъ мы сдѣлать сравненіе съ Русскимъ языкомъ. Женскія имена, окапчивающіяся у насъ на *и* (ь), идутъ въ сравненіе. Мы говоримъ, съ суффиксомъ *съ*, также неизмѣннымъ, также, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, *ночє-съ*, при чемъ *и* перемѣняется на *є*. Это, *noćе-s*, совершенно совпадаетъ съ Санскритскимъ *prîti-s*. Возможно и *ночєи* (древнее *сиочь*).

Зендскій языкъ представляетъ тѣ же явленія, съ измѣненіями однако. Такъ видимъ мы въ Зендскомъ языкѣ окончаніе Родительнаго *he*, въ м. р.: окончаніе это имѣетъ для Русскаго языка особую важность, ибо совпадаетъ съ нашимъ окончаніемъ *го* (*ho*); что наше *го* непремѣнно придыхательно, это доказывается тѣмъ, что оно въ выговорѣ слышится теперь большею частію какъ *во*. Наше *го* есть окончаніе только прилагательныхъ второобразныхъ (опредѣленныхъ): объ образованіи его говорить теперь здѣсь не мѣсто. Боппъ видитъ въ Зендскомъ *he* Санскритское *sya*. Такой переходъ *h* въ *s* и *s* въ *h* весьма естественъ, въ особенности между Зендскимъ и Санскритскимъ языками. Если мнѣніе Боппа справедливо, то тѣмъ болѣе еще можемъ мы сказать, что *he* суффиксъ. Боппъ не обратилъ здѣсь вниманія на измѣненіе окончанія Именительнаго падежа. — Имен. *o* переходитъ въ Родит. въ *a*, съ суффиксомъ; въ этомъ-то измѣненіи, *o* въ *a*, и видимъ мы падежъ. Въ Именительномъ падежѣ напр. *vĕhrkô*, *kô*, а въ Родительномъ *vĕhrk-a-hé*, *ka* (*k-a-he* = *кого*, *koho*). Конечно, Боппъ доказываетъ,

что *o* Имен. есть сокращеніе *as:* но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что въ Родительномъ падежѣ вновь возникаетъ *a* изъ своего сокращенія, а *s* переходитъ въ *h*. Возможно ли это, если уже *s* присутствуетъ въ Зендскомъ словѣ? Кромѣ этого окончанія, видимъ мы и другія въ именахъ мужескаго рода: на прим. окончаніе *s*, передъ которымъ *i* и *u* получаютъ гуну, — *pati-s*, *patôi-s: paśu-s*, *paśeu-s*. Что касается до окончанія *s*, то мы уже объяснили оное, говоря о языкѣ Санскритскомъ; окончаніе падежа видимъ мы въ гунированномъ *i*, *u*, и здѣсь мы не можемъ не замѣтить сходства съ языкомъ Русскимъ, который послѣ *ь*, соотвѣтствующаго *i*, допускаетъ въ Родительномъ *и* — *день, дни* (остатокъ склоненія женск. рода, ср. *путь*). Впрочемъ, повторяемъ, мы не думаемъ отыскивать въ другихъ языкахъ только Русскія окончанія; вполнѣ предполагаемъ въ нихъ оригинальность окончаній, удерживаясь отъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ соотвѣтствія; мы утверждаемъ только, что *s* — суффиксъ, и что склоненіе тематическое, основное, состоитъ въ измѣненіи окончанія Именительнаго падежа, и собственно въ гласной буквѣ. Окончаніе (основное) на *u* въ Зендскомъ языкѣ имѣетъ впрочемъ свою особенность: оно принимаетъ въ Родительномъ падежѣ и другое окончаніе—*ô*, по образцу окончаній основныхъ на согласную, какъ говоритъ Боппъ. По его мнѣнію, это *ô* изъ *as* (впрочемъ онъ не ставитъ здѣсь примѣчанія, какъ выше, что при частицѣ *ća*, присоединяемой къ слову, выступаетъ вмѣсто *ô* — *as*). Какъ бы то ни было, здѣсь является окончаніе гласное: изъ *paśu-s* образуется, кромѣ *paśeu-s*, *paśu-ô*. Изъ словъ Боппа можно, кажется, заключить, что иныя имена на *u* преимущественно имѣютъ одно, а другія — другое окончаніе. Имена, оканчивающіяся на согласную основную, имѣютъ въ Родительномъ падежѣ *ô* (образовавшееся изъ *as*, думаетъ Боппъ; *as* выступаетъ передъ *ća*). Мы видимъ здѣсь окончаніе гласное, и думаемъ, что оно основное. Впрочемъ въ числѣ именъ, оканчивающихся на согласную, у Боппа находятся *aśman-ô*, *nâman-ô* и др. Мы готовы допустить это, но допуская здѣсь *n* какъ суффиксъ, ибо Именительныя суть *aśma*, *nâma;* при этомъ позволяемъ себѣ подумать, что первое *a* (*aśma*, мужескаго рода) есть протяженное *ъ*, а второе (*nâma*, средняго рода) соотвѣтствуетъ нашему *ъ*, или, лучше, *е* (*имя*, *име*). Другіе тематическіе Именительные, имѣющіе своимъ суффиксомъ *r*, кромѣ этого суффикса имѣютъ въ Зендскомъ языкѣ еще суффиксъ *s*,

bráta-r-s, и др. Имя средняго рода *vacô* имѣетъ въ Родительномъ *vaćan-hô*, что̀ могло бы кажется оправдывать толкованіе Боппа касательно окончанія *he:* но, думая, что *ô* есть сокращеніе *as*, онъ долженъ предположить окончаніе *vaćan-h-as:* и такъ окончательный по его мнѣнію *s* Родительнаго не замѣненъ здѣсь *h*. *S* считаетъ онъ здѣсь, какъ видно, частью самого слова, ибо предполагаетъ *vaćas*.

Все сказанное относится и къ именамъ женскаго рода: мы должны присоединить лишь то, что имена, оканчивающія на основныя долгія *â*, *î*, *û*, имѣютъ въ Родительномъ *âo* — *hizva-y-âo*, *bûśyainty-âo*. Въ первомъ случаѣ замѣчательна также, какъ въ Санскритскомъ, вставка *y:* вообще же замѣчательно гласное окончаніе *âo*.

Переходимъ къ языку Греческому.

Въ именахъ мужескаго и средняго рода Греческой языкъ имѣетъ въ Родительномъ падежѣ ου, въ первомъ, смѣшанномъ, склоненіи и во второмъ; въ третьемъ ος.

Древнѣйшія формы показываютъ, что вмѣсто ου перваго склоненія употреблялось въ именахъ мужескаго рода (среднихъ родовъ въ I-мъ склоненіи нѣтъ) αο. Имена мужескаго рода, имѣющія окончаніе женское, нуждались какъ будто для отличія въ суффиксѣ *s* (въ Имен. падежѣ), который не придается къ именамъ женскаго рода перваго склоненія и сопровождаетъ, хотя не всегда, имена рода мужеск. Отсюда произошло смѣшанное склоненіе, примѣры котораго представляетъ и Русской языкъ (напр. *путь*). Родительный падежъ им. муж. рода отличается отъ Родительнаго падежа именъ рода женскаго. Какъ объяснить это αο? Намъ кажется, очень просто должны мы предположить, что окончаніе Родительнаго обозначалось гласною *o*. Боппъ видитъ здѣсь исчезнувшее окончаніе *sya:* но еслибъ и такъ, то это докажетъ только, что здѣсь къ Родительному присоединился суффиксъ *съ*, *s*, который и принялъ окончаніе Родит. падежа (α-ος). Вспомнимъ, что у Гомера употребляется еще форма εω и даже ω. Буква ω въ послѣднемъ случаѣ не придается къ окончанію, а замѣняетъ его, напр. Βορέη-ς, Βορέ-ω. Мы можемъ сдѣлать указаніе, что выступаетъ α и тамъ, гдѣ не на α оканчивается Именит. падежъ, именно напр. Βορέη-ς, другая форма Род. Βορέα-ο: какъ будто здѣсь, гдѣ η соотвѣтствуетъ нашему *и*, *ѝ*, естественно выступить нашему окончанію *а*, *я*. Но это α постоянно встрѣчается въ Родитель-

номъ падежѣ и тамъ, гдѣ Именительный оканчивается на α: Ἑρμεία-ς, Род. Ἑρμεία-ο. Здѣсь можемъ мы сказать конечно, что слово остается неизмѣннымъ и Родительный падежъ образуется чрезъ присоединеніе буквы *о*. Есть другая, сжатая форма, Ἑρμεί-ω: здѣсь уже α измѣнено черезъ ω (правда, и η подвергается тому же общему измѣненію въ сжатой формѣ, хотя въ распространенной и происходитъ измѣненіе η въ α; слѣдовательно много настаивать на томъ, чтобы это α означало Родительный падежъ, какъ наше *а*, мы не можемъ). Какъ бы то ни было, мы приходимъ къ тому заключенію, что Родительный падежъ именъ мужескаго рода обозначается въ Греческомъ языкѣ первоначально черезъ букву *о*, слѣдовательно имѣетъ гласное, опредѣленное окончаніе, которое мы и должны принимать какъ характеристическое окончаніе Родительнаго падежа. Во второмъ склоненіи употребляется въ именахъ мужескаго и средняго рода тоже *ου*: но въ древнемъ языкѣ видимъ мы рядомъ другое окончаніе, которое должны признать первоначальнымъ, именно οιο. Боппъ, признавая его древнѣйшимъ, объясняетъ его также, какъ и древнѣйшее окончаніе перваго склоненія, Санскритскимъ *sya*: мы повторяемъ то же, что̀ и сказали. Именно, это показываетъ только, что къ темѣ слова приданъ суффиксъ *s*, *съ*, который и склоняется, отъ чего окончательное Родительнаго падежа *о* нисколько не теряетъ своей силы. Какъ бы въ доказательство того, что главное окончаніе Родительнаго въ Греческомъ языкѣ—*о*, является во второмъ склоненіи у Геродота, въ собственныхъ мужескихъ именахъ, окончаніе перваго склоненія—εω, Βάττεω. Въ Аттическомъ склоненіи на ως и ων,—ω остается неизмѣннымъ, въ Родительномъ падежѣ: λεώ-ς, λεώ; ἀνωγεω-ν, ἀνώγεω. Но въ языкѣ эпическомъ видимъ *о*, которое придается къ окончанію Именительнаго падежа: ς и ν (при ο-ς и ο-ν) мы считаемъ суффиксами; они и отбрасываются при Родительномъ падежѣ, который образуется такъ: Πηνελεως — Πηνελεω-ο.

Въ третьемъ склоненіи Родительный падежъ также оканчивается на *о*. Но здѣсь видимъ мы ту особенность, что къ этому *о* придается суффиксъ *s*, *съ*. — Этотъ суффиксъ понятенъ и имѣетъ свое соотвѣтствіе въ Русскомъ языкѣ, на что̀ мы уже указали выше (*днесь*, *лѣта-съ* и т. д.). — Родительный *о-s* третьяго склоненія придается къ окончанію Именительнаго падежа, или тематическому, или суффиксному, но постоянному, обратившемуся въ

тему. А подвижной суффиксъ *s*, *съ*, у насъ соотвѣтствующій *ть* или *то*, напр. *человѣко-ть*, *человѣка-то* или *человѣка-ть*,—откидывается и становится въ настоящемъ случаѣ сзади новаго падежа: такъ образуется *o-s*. — Окончаніе Род. пад. *o-s* придается къ согласной и къ гласной окончательной буквѣ Именительнаго падежа. Въ первомъ случаѣ присоединеніе дѣлается очень просто: во второмъ гласная буква подлежитъ иногда смягченіямъ и измѣненіямъ, которыя, можетъ быть, показываютъ падежное измѣненіе окончанія, а можетъ быть и просто слѣдуютъ фонетическимъ безотносительнымъ законамъ. Разсматривать эти измѣненія порознь мы не считаемъ здѣсь нужнымъ. — Есть Heteroklita, которыя имѣютъ въ Родительномъ окончаніе третьяго и перваго, третьяго и втораго склоненія. Такое явленіе несьма не рѣдко, хотя здѣсь возможно употребленіе Родительнаго падежа безъ ς, *s*.

И такъ Родительный падежъ въ Греческомъ языкѣ въ именахъ мужескаго и средняго рода оканчивается на *o;* ему предшествуетъ иногда ι (ιο). *O* придается къ окончанію Именительнаго падежа, а не замѣняетъ его; при этомъ, слѣдуя за гласною буквою и не имѣя послѣ себя суффикса ς, *o* сливается вмѣстѣ съ нею въ *ου*, въ ω, въ α; слѣдуя же за согласною буквою, или за гласною и имѣя послѣ себя суффиксъ ς, *o* не сливается. Стало быть, Родительный падежъ Греческаго языка имѣетъ по нашему мнѣнію тематическую форму, именно букву *o;* у насъ же эта форма въ буквѣ *a*.

Имена женскаго рода оканчиваются на α, на η, въ первомъ склоненіи; также на согласныя буквы (при чемъ мы предполагаемъ скрытое ι, ѣ) и на другія гласныя, за исключеніемъ *o* и ε, въ третьемъ склоненіи. Есть случаи употребленія даже именъ втораго склоненія на ος въ женскомъ родѣ: но это такъ противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ женскимъ именамъ, что мы это считаемъ только употребленіемъ.—Имена женскаго рода перваго склоненія, на α, имѣютъ въ Родительномъ α съ суффиксомъ *s*. И такъ α, окончаніе Именительнаго падежа, не измѣняется въ падежѣ Родительномъ, и падежъ различить помогаетъ только суффиксъ ς. Но и здѣсь видимъ мы, что α Родительнаго падежа непремѣнно долгое, хотя бы въ Именительномъ было оно и короткое. Кромѣ того извѣстный разрядъ именъ ж. р., оканчивающихся на α, имѣетъ въ Родительномъ η съ тѣмъ же суффиксомъ.

Это η соотвѣтствуетъ нашему *и*, и тогда склоненіе становится почти одинаковымъ: μοῦσα, μούση-ς; *муза*, *музы* (*и*). Имена женскаго рода, оканчивающіяся на η, имѣютъ и въ родительномъ то же η съ суффиксомъ σ, *s*.—Замѣтимъ, что это η Род. падежа не имѣетъ необходимости быть долгимъ и различаться отъ Именительнаго. Если η соотвѣтствуетъ нашему *и*, какъ мы предполагаемъ, то Греческое склоненіе ж. и. на η и наше склоненіе женскихъ именъ на *и* (*ь*) совершенно то же: *и* остается здѣсь непремѣннымъ, какъ въ Родительномъ падежѣ, такъ и во всемъ склоненіи; въ Именительномъ и Винительномъ *и* сокращается у насъ въ *ь*: *чести*, *честь* *). — Что касается до третьяго склоненія, то имена ж. р. имѣютъ тамъ общее окончаніе: *ο*—съ суффиксомъ ς, *s*. Это окончаніе придается къ окончанію Именительнаго, но не замѣняетъ его, какъ въ первомъ склоненіи (если не считать замѣною прибавленіе его къ согласнымъ буквамъ Именительнаго, при которыхъ мы предполагаемъ скрытое, можетъ быть, *ь*). Это *ο* не соотвѣтствуетъ нашему окончанію женскихъ именъ, въ Род., которое есть всегда *и*.—Замѣчательно, что въ третьемъ склоненіи нѣтъ окончанія на α, ни женскаго, ни мужескаго рода, которое явилось бы въ другихъ падежахъ безъ суффикса (разумѣется не *s*). И такъ, и здѣсь имена женскаго рода на α не имѣютъ несовмѣстнаго съ α, окончанія *ο*. — Окончательныя буквы ω, ν, η, ι не столь необходимо требуетъ изъясненія. Любопытно было бы прослѣдить отношеніе этихъ буквъ въ склоненіи: но мы не вдаемся въ дальнѣйшія изслѣдованія о склоненіи именъ женскаго рода, считая это здѣсь излишнимъ.

Переходимъ къ языку Латинскому.—Имена мужескаго и средняго рода въ языкѣ Латинскомъ имѣютъ въ Родительномъ падежѣ тематическое гласное окончаніе, во второмъ склоненіи. Самъ Боппъ не рѣшается здѣсь предположить присутствія суффикса *S*. Это чистое окончаніе Родительнаго падежа есть: *i*.—Если Именительный падежъ безъ суффикса, напр. *puer*, то это *i* къ нему прямо придается; если же этотъ падежъ сопровождается подвижнымъ суффиксомъ *s* или носовою буквою *m*, то *i* придается точно такъ же къ темѣ слова, а *s* или *m* оставляется въ сторонѣ; при чемъ *и* (*y*), предшествующее суффиксу *s* или *m*, въ пер-

*) Карандашемъ: „Непремѣнно надо бы принимать въ соображеніе и древнѣйшій Греч. языкъ, хотя бы Гомера и другіе Греческіе діалекты.“

вомъ случаѣ, т. е. когда оно передъ *s*, какъ не принадлежащее къ слову, а возникшее для соединенія суффикса со словомъ (точно также какъ въ Русскомъ: *человѣк-о-мъ*), также уничтожается; во второмъ случаѣ, т. е. когда оно передъ *m* и возникло изъ *o*, замѣняется оно буквою *i* (что̀ составляетъ различіе Латин. языка съ Греческимъ и сходство съ Русскимъ) *): *domin-us*, *domin-i*; *oppid-u-m*, *oppid-i*. — Въ третьемъ склоненіи видимъ мы то же *i*, но здѣсь оно сопровождается суффиксомъ *s*,—*calcar*—*calcar-i-s*, *leg-s*, *legi-s*, при чемъ выступаетъ иногда другой прочный суффиксъ, напр. *hom-o* — *hom-in-i-s*, *opu-s*—*op-er-i-s*. — Такое присоединеніе суффикса *s (съ)* извнѣ,—весьма понятно и возможно въ Русскомъ языкѣ, съ тою разницею, что у насъ это употребленіе свободно, а въ Лат. языкѣ кристаллизовалось при извѣстномъ разрядѣ словъ. У насъ оно тоже при иныхъ словахъ если не кристаллизовалось, то по крайней мѣрѣ составляетъ особенный оттѣнокъ и обратилось въ нарѣчіе, напр. *утра-сь*, *дне-сь* и т. д. Мы можемъ, на примѣръ, склонять слово такъ, хотя это и не употребительно: *дне-сь*, падежъ Именительный, при чемъ наше *ъ* переходитъ уже въ *е*;—напишемъ по Латыни *dne-s* и вмѣстѣ Латинское слово: *civis* **); Род. падежъ будетъ у насъ *дне-сь*, *dne-s*, но можно сказать и *днисъ (сегодни)*, по Латыни будетъ это *dni-s*, какъ *civi-s*. Такое употребленіе возможно у насъ чрезъ всѣ падежи и мы надѣемся увидать примѣры, гдѣ видны у насъ слѣды этого употребленія *сь* (*s*) и въ другихъ падежахъ ***).—Въ четвертомъ склоненіи видимъ мы то же самое, ибо первоначальный падежъ былъ *senatu-i-s*: но здѣсь *u* (*у*) принадлежитъ къ самой темѣ слова и потому *къ нему* придается окончаніе *i*; это то же, какъ если бы на Русскомъ языкѣ оканчивалось слово на *уй* или *ый*, напр. *валуй*, *Батый*, Род. будетъ *валуя*, *Батыя*. Встрѣчается и форма *senu-*

*) При этомъ отдѣлъ, какъ видно изъ карандашныхъ замѣтокъ, К. С. хотѣлъ было подробнѣе различить суффиксы *прочные* отъ *подвижныхъ*; между прочимъ выставилъ (хотя и не объяснилъ) примѣръ *своя-си*: но здѣсь *си* уже дательный (себѣ), какъ это извѣстно изъ сравненія съ другими Слав. нарр., особенно Болгарскимъ.—*Б.*

**) Лучше *vidr-e-s*.—*Б.*

***) Карандашемъ: „Гдѣ же? Надобно чтобъ было сказано.“ Такъ какъ К. С. не успѣлъ этого сказать или вспомнить примѣровъ, то мы добавимъ изъ рукописей и областной рѣчи: Винит. *зиму-сь*, *ночь-сь*: Мѣстный *утръ-сь*, *наме-дни-сь* (ономъ дни-сь) и т. п. (*дому-сь* и *селу-сь* возникло изъ Лат. *си*, какъ *своя-си*).—*Б.*

tu-o-s: но въ древнихъ памятникахъ Латинской письменности много такихъ полногласій, напр. *plous*, *quei*, *deicere* и т. д. До какой степени должно здѣсь принимать эту форму за дѣйствительное окончаніе падежа,—мы не знаемъ. Впрочемъ, если мы и примемъ эту форму падежа какъ древнѣйшую, то должны прибавить только то, что Родительный падежъ им. муж. рода (для именъ средняго рода кажется нѣтъ такого примѣра) оканчивается въ извѣстныхъ словахъ не на *i*, а на *o*. Окончаніе же *s* остается по прежнему внѣшнимъ подвижнымъ суффиксомъ. Что касается до именъ средняго рода на *u*, то мы не можемъ сказать утвердительно, имѣютъ ли они въ древности окончаніе *i*, т. е. *ui* *). — Наконецъ въ пятомъ склоненіи, гдѣ всего два имени муж. рода, видимъ мы то же *i* въ Родительномъ падежѣ, придающееся къ гласному окончанію Именительнаго падежа, къ *e*, которое вѣроятно есть часть самаго слова. Суффиксъ *s*, само собою разумѣется, остается въ сторонѣ, напр. *die-s*, *die-i*. Вѣроятно въ словахъ пятаго склоненія, на *es*, *i* перешло въ *e* **).

Имена женскаго рода, въ первомъ склоненіи, оканчиваются на *a:* окончаніе это измѣняется въ Родительномъ падежѣ на *ae*, про-

---

*) К. С. видимо былъ недоволенъ: „Это противорѣчитъ значенію прежде сказаннаго; справиться и спросить.“ На самомъ дѣлѣ онъ не успѣлъ только еще разъ остановиться на семъ, а приведенныя имъ подобія (*валуй*, *Батый*) совершенно уясняютъ дѣло. 1) Лат. Дательный *ui* равняется общеславянскому на *оу*, которое раскрывается въ *овь*, *ови* и *ой* (или, лучше, сжато изъ нихъ): *домоу*, *домовь*, *домови*, *домой*, *дом-о-i-ъ:* а Дат. на *оу* совпадаетъ съ Род. на *оу* (наше *песку*, *святу*, Греч. οο), подобно какъ Лат. Дат. *ui* съ Родительнымъ *senat-ui-s*; слѣдов. къ обоимъ падежамъ прилагается одинаковое объясненіе. 2) По Родительному *оу*, мы видѣли уже, отвѣчаетъ раскрытое *аво*, *аіо*, *асо*, *ова*, *ога*, *оіо* и т. п. (*добр-аво*, *добр-ова*, *добр-аго*, Сербск. *добр-ога*, Греч. αο и т. п.), или же, получая *i* вмѣсто *в*, *ъ* и *с*,—*оіо*, *аіо* (какъ въ Греч.), или же безъ *i*, безъ смягченія и придыханія, — *ао* (Греч.), *но* (Лат. *senat-uo-s*), или наконецъ безъ конечнаго *о*, *о* съ однимъ *i*, которое обращается въ *j*, *й* (наше *дом-ой*, Слав. *дом-уй*, Лат. *senat-ui-s*, а безъ *s*—*senatuj*). Очевидно отсюда, что, подобно нашему *val-u-j-ъ*, Родит. *val-uja*, *Bat-y-j-ъ* — *Bat-yja*, Лат. Родительный (съ долгимъ *u* — *senat-ū-s*) распростся или въ *senat-uo-s*, какбы *сенат-уо* (безъ смягченія), *сенат-ова*, *сенат-аво*, или же въ *сенат-у-j-а*, а безъ конечнаго *о* и *u*—*сенат-уй* (какъ непремѣнно выговорилось бы *senatui-s* безъ поддержки *s*: ср. *дом-ой*, *дом-уй*). Однимъ словомъ, склоняйте тематически, какъ наше *богать* (сенать), или суффиксно, какъ *богатый*.—*Б.*

**) Т. е. долгое *ū*=*ie* (корень *dū*=*die: dzie-ń*).—*Б.*

износившееся вѣроятно какъ *ъ*. И такъ, мы опять видимъ здѣсь перемѣну самаго окончанія. Впрочемъ въ древности встрѣчается падежъ этотъ какъ *ai*. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что Родительный падежъ именъ женскаго рода есть *i*, также, какъ и въ Русскомъ. Въ третьемъ склоненіи мы видимъ то же самое; въ четвертомъ мы предполагаемъ то же *i*: впрочемъ въ четвертомъ склоненіи встрѣчается только нѣсколько словъ женскаго рода. Въ пятомъ склоненіи опять то же *i*, безъ *s*, какъ и въ первомъ. И такъ можно положительно сказать, что *i* есть окончаніе Родительнаго падежа именъ женскаго рода въ Латинскомъ языкѣ.

Нѣсколько странно, что одно окончаніе Родительнаго падежа— равно для всѣхъ именъ въ Латинскомъ языкѣ. Это заставляетъ думать, что, можетъ быть, прежде имена мужескаго и средняго рода имѣли какое ни будь особое окончаніе, на которое и указываетъ древнее *o-s*, *Senatu-o-s*, но что потомъ женская форма, какъ сильнѣйшая, взяла верхъ надъ формою другихъ родовъ.

Само собою разумѣется, что мы не причисляемъ къ именамъ мужескаго рода именъ, употребляющихся въ мужескомъ родѣ, какъ *auriga*, ни къ именамъ женскаго рода — именъ, употребляющихся въ женскомъ, какъ *pomus*. То же, можетъ быть, должно сказать и о женскихъ именахъ четвертаго склоненія: но здѣсь мы думаемъ, что *u* есть часть слова, что женское окончаніе могло быть какъ ни будь выпущено, а потому можемъ причислить эти имена къ разряду женскаго рода. Трудно опредѣлить, какимъ измѣненіямъ подвергалось окончаніе слова, въ особенности когда оно прикрыто суффиксомъ *s* или *m*. Ни одно мужеское, ни одно женское имя не оканчивается на *e*, но съ суффиксомъ *s* мы встрѣчаемъ это *e* въ обоихъ родахъ. Мы предполагаемъ, что при именахъ мужескаго рода въ это *e* перешло мужское *ъ*, какъ *днесь*, а въ именахъ женскаго рода — женское *ь* (*и*), какъ *ночь*, *vulpes*. Имена мужескаго рода на *o-s*, *flo-s*, объясняются точно такъ же, какъ имена того же рода на *u-s*. Женскія имена на *o-s* не оканчиваются, но если бы *bos*, на примѣръ, причислять къ именамъ женскаго рода, хотя это слово только *употребляется* въ родѣ женскомъ и считается общаго рода, то тогда это значило бы, что *a* съ суффиксомъ *s* перешло въ *o*, въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго. Имена средняго рода оканчиваются на *u* безъ суффикса: но трудно опредѣлить эту букву *u*; съ суффиксомъ *s* или

m въ нее переходитъ *o*, какъ это видно изъ древняго *aiquom* — *aequum*. Что же касается до тѣхъ случаевъ, гдѣ имена средняго рода оканчиваются на согласныя, *animal* и т. д., то мы предполагаемъ здѣсь утраченное *e*, *animale*, какъ *mare*. Въ дальнѣйшія подробности мы не вдаемся.

Въ языкѣ Литовскомъ видимъ мы окончаніе *o* и *e* (въ сущности одно и то же), первое безъ суффикса или съ суффиксомъ—*o-s*, второе всегда съ суффиксомъ—*e-s*, для всѣхъ родовъ. Это *o* и *os* замѣняетъ собою окончаніе (въ Лит. языкѣ всегда гласное) Именительнаго падежа (мы не говоримъ о суффиксѣ *s*, остающемся въ сторонѣ). Какъ же скоро Именительный падежъ оканчивается на *i* (*is*), то окончанія *o*, *o-s* и *e-s* не замѣняютъ *i*, а становятся подлѣ. Слова, имѣющія въ косвенныхъ падежахъ постоянную суффиксную форму, предполагаютъ, или просто имѣютъ, въ Именительномъ этой суффиксной формы (кажется мало употребительномъ) окончаніе *i*. Слова, оканчивающіяся на *u-s*, составляютъ какъ бы особенность, ибо въ Родительномъ падежѣ имѣютъ вмѣсто *u* Именительнаго — *aù-s*. Боппъ объясняетъ это гуной: быть можетъ, хотя мы нисколько не принимаемъ значенія, которое придаетъ онъ *s* въ Родительномъ падежѣ; а можетъ быть также, что это вставочное *u*, въ *aù* равняющееся нашему *в*, на примѣръ *сын-о-в-ъ*, ибо можно предположить и Родительный Ед. *сын-о-в-а* *). Можетъ быть также, что падежъ Родительный выражается здѣсь посредствомъ *a*. Могло просто это произойти и отъ присоединенія *o* къ *u*: тѣмъ болѣе, что *au* соотвѣтствуетъ *o*. Какъ бы то ни было, таково окончаніе этого Родительнаго падежа въ Литовскомъ. Итакъ, Литовскій языкъ представляетъ другую крайность: преимущество, въ Родительномъ падежѣ, окончанія скорѣе мужескаго и средняго надъ женскимъ.

Переходимъ къ падежу Винительному.

Въ Русскомъ языкѣ, въ именахъ мужескаго и средняго рода Винительнаго падежа нѣтъ; онъ существуетъ только въ именахъ женскаго рода. Винительнаго падежа нѣтъ въ именахъ мужескаго и средняго рода не потому, чтобы онъ утратился; а потому, что, мужескій и средній роды, понятые языкомъ нашимъ глубоко и живо, Винительный падежъ исключаютъ. Въ именахъ обоихъ этихъ родовъ, при отсутствіи слабаго падежа Винительнаго, есть

---

*) Ср. выше предполагаемое *севат-ова* (*senatus* — *sanus*). — *Б.*

употребленіе въ Винительномъ падежѣ—другихъ падежей: именно Именительнаго и Родительнаго. Первый употребляется для предметовъ неодушевленныхъ и именъ средняго рода, принадлежащихъ, потому уже, что они средняго рода, къ безсознательной области природы; здѣсь разницы между Именительнымъ и Винительнымъ нѣтъ, по преобладанію стороны объективной. Вся разница есть дѣло употребленія. Родительный, въ которомъ предметъ понимается отвлеченно, употребляется для именъ мужескаго рода одушевленныхъ. Здѣсь тоже разницы между Именительнымъ и Винительнымъ нѣтъ, по преобладанію стороны субъективной; вся разница здѣсь также дѣло употребленія, а по этому вначалѣ употреблялся и Именительный, какъ Винительный, на пр. *посла мужь свой*. Но такое употребленіе въ самомъ себѣ носило нѣкоторое несоотвѣтствіе, а потому языкъ, и въ началѣ, прибѣгалъ къ падежу, гдѣ предметъ является отвлеченно и гдѣ объективное отношеніе облегчается,—именно къ падежу Родительному, возможному какъ Винительный и въ другихъ родахъ, какъ скоро смыслъ этого требуетъ. Въ мужескомъ родѣ, въ именахъ одушевленныхъ, такое употребленіе Родительнаго какъ Винительнаго и въ древности являлось чаще, а наконецъ замѣнило совершенно употребленіе падежа Именительнаго въ Винительномъ.

Въ именахъ женскаго рода, по равновѣсію въ нихъ субъективной и объективной стороны, являются оба падежа отдѣльно: и Именительный, и Винительный.

Въ именахъ же мужескаго и средняго рода, прибавимъ, нѣтъ, въ самой отдаленной древности, и *слѣдовъ* Винительнаго падежа, въ языкѣ Русскомъ и вообще Славянскомъ. Итакъ, это уже составляетъ самостоятельную черту Русскаго и Славянскаго языка. Есть ли эта особенность дѣло логики именно нашего языка, или это первоначальность, бывшая нѣкогда общею? Судя по ясности и глубинѣ взгляда, здѣсь обнаруживающейся, мы думаемъ, что это было нѣкогда первоначальнымъ состояніемъ всѣхъ языковъ или языка вообще, состояніе, отъ котораго уцѣлѣло же во всѣхъ языкахъ отсутствіе разницы Именительнаго и Винительнаго въ именахъ средняго рода, но только средняго. Да и были бы хотя малѣйшіе слѣды этого Винительнаго, еслибъ онъ у насъ существовалъ. Гораздо легче и основательнѣе здѣсь заключить, по самой мысли и по отсутствію слѣдовъ, что Винительный и не возникалъ въ нашемъ языкѣ,—слѣдовательно такое состояніе было первона-

чальнымъ, — нежели, что онъ былъ и изчезъ, не оставивъ и слѣда. О Винительномъ въ Русскомъ языкѣ смотри подробнѣе выше.

Въ именахъ женскаго рода на *а* и *я* Винительный падежъ въ Церковно-Славянскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ языкахъ, оканчивается на носовой звукъ, *ѫ*, *ę* и т. п. Въ языкѣ Русскомъ, которому носовой звукъ противенъ, оканчивается Винительный въ именахъ женскаго рода на *у* и *ю*. Какая форма древнѣе, — не рѣшаемъ. Онѣ обѣ могли возникнуть одновременно. Мы готовы допустить, что Винительный женскаго рода, образуясь изъ Именительнаго (изъ котораго образовались и всѣ падежи разными путями) и имѣя все основаніе возникнуть въ именахъ женскаго рода, сперва сдѣлалъ произношеніе окончанія Именительнаго невозможнымъ, и здѣсь-то образовался носовой звукъ въ однихъ языкахъ, въ другихъ *т* и *п*, носовыя буквы, а у насъ, по нелюбви къ носовому звуку, окончаніе Именительнаго, *а* и *я*, перешло прямо въ *у* и *ю*. Замѣчательно, что въ нашемъ древнемъ языкѣ и даже въ народной рѣчи теперь встрѣчается въ именахъ женскаго рода, въ Винительномъ, и Именительная форма *а*, *я*, и рядомъ съ нею форма Винительнаго *у*, *ю*. Это обыкновенно встрѣчается при неопредѣленномъ наклоненіи: *та грамота отдати*, *рука подать*, *комната вмѣсти* и т. д. По нашему мнѣнію, это остатки самой древней рѣчи. Почему же именно встрѣчается Именительная форма съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ? Быть можетъ потому, что неопредѣленное наклоненіе само имѣетъ значеніе имени и что употребленіе падежа здѣсь еще какъ бы нерѣшительно. Мы готовы допустить даже и то, что Именительная форма въ языкѣ Русскомъ прошла мгновенно черезъ носовой звукъ и обратилась въ *у*, но оставивъ слѣдъ своего первоначальнаго употребленія въ указанныхъ нами случаяхъ,—гдѣ Винительный оканчивается на *а* какъ Именительный. Впрочемъ, въ этой Именительной формѣ можно видѣть изчезнувшую форму носоваго звука, хотя, по нашему мнѣнію, это предположить трудно, особенно какъ скоро есть уже дальнѣйшая замѣна этого употребленія: *у*, *ю*. Форма шаткая, отвергнутая языкомъ, нашедшая себѣ разрѣшеніе—букву, въ которую она переходитъ, должна перейти въ эту букву, а не откидывать просто носовой звукъ и не возвращаться назадъ. Мы думаемъ, что Именительная форма, встрѣчающаяся въ именахъ женскаго рода въ нашемъ языкѣ, есть первоначальная Винительная форма, изъ которой имѣла все право

образоваться и образовалась настоящая форма Винительная, именно у насъ *у, ю*. Это употребленіе Именительной формы въ именахъ женскаго рода встрѣчается, кажется, только въ Русскомъ языкѣ *).— Итакъ, имена женскаго рода (*а* и *я*) оканчиваются въ Русскомъ языкѣ на *у* и *ю;* въ Церковно-Славянскомъ и нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ языкахъ — на звукъ носовой. Имена женскаго рода, въ Русскомъ и вообще въ Славянскомъ языкѣ, оканчивающіяся на *и-ь*, оканчиваются въ Винительномъ также на *и-ь*. Но здѣсь это тождество окончаній только, а Винительный падежъ существуетъ вполнѣ; это видно при употребленіи одушевленныхъ именъ: вы скажете *я люблю мать*, но не скажете *я люблю конь*; вы должны употребить Родительный *коня*.

Теперь переходимъ къ другимъ языкамъ. Въ Санскритскомъ языкѣ видимъ мы въ Винительномъ падежѣ общее для всѣхъ окончаніе *т*. То же самое и въ Зендскомъ; за исключеніемъ конечно именъ средняго рода, остающихся въ томъ видѣ, какъ и въ Именительномъ падежѣ.

Между Именительнымъ и Винительнымъ средняго рода нѣтъ разницы, а полное тождество; но этой логической, т. е. духовной причины не замѣтилъ Боппъ, между тѣмъ ему приходится писать въ среднемъ и *tat*, и *nâma*, и *vácas*. Онъ объясняетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ *т*, является голая основа слова: но, кажется, легко было бы видѣть, что стоитъ имени средняго рода быть въ Именительномъ, въ какой бы то ни было формѣ, и оно уже непремѣнно такъ въ Винительномъ, и могло бы это, кажется, навести на мысль о внутренней причинѣ такой непремѣнной одинаковости.— Впрочемъ Боппъ объясняетъ *ta-t* мѣстоименіемъ *ta*, наше *ты;* онъ считаетъ, что это мѣстоименіе сдѣлалось знакомъ средняго рода. Это весьма возможно, употребленіе могло придать мѣстоименію такой характеръ: но это не болѣе, какъ употребленіе, и притомъ односторонее, недостаточное. При полнотѣ и свободѣ употребленія, мѣстоименіе *ты, та, то* должно придаваться ко всѣмъ родамъ и падежамъ. Односторонность его и недостаточность не должны составлять правила и какого-то первоначальнаго примѣра. Свобода должна стоять выше кристаллизаціи. При односторонности и недостаточности употребленія, такъ понятаго, возведеннаго въ правило, встрѣчаются въ языкѣ противорѣчащія явле-

*) Карандашемъ: „Въ Болгарскомъ есть, но это уже общая неподвижность."

нія, которыя ведутъ къ насильственнымъ объясненіямъ, между тѣмъ какъ эти—по видимому—противорѣчащія явленія свидѣтельствуютъ только бо̀льшую ширину употребленія, утраченную во всемъ объемѣ. Такъ и въ Санскритскомъ языкѣ, въ Ведахъ, древнѣйшемъ образцѣ языка, встрѣчается употребленіе *it*, очевидно *t* (*тъ*), то же мѣстоименіе, какъ и Боппъ признаетъ, придающееся къ мѣстоименію мужескаго рода, и въ разныхъ падежахъ, напр. *saït*, *amúït* и пр. Употребленіе это ясно для Русскаго; мы говоримъ: *онъ-то*, *она-то*, *оно-то*, *ему-то*, *имъ-то*; даже можемъ сказать: *о́но-тъ*; сказать сокращенно *она-тъ*, *ими-тъ*, — мѣшаетъ намъ только наше врожденное полногласіе, хотя сокращеніе это возможно. — Въ Ведахъ, въ этомъ случаѣ, видимъ мы остатокъ прежней свободы и полноты употребленія. Но Боппу приходится видѣть здѣсь: ein versteinertes Neutrum, welches sich seines Geschlechtes und Casus nicht mehr bewußt ist; — тогда какъ здѣсь на оборотъ мѣстоименіе еще носитъ на себѣ слѣды свободнѣйшаго, полнѣйшаго и древнѣйшаго употребленія.

И такъ собственно о Винительномъ падежѣ именъ средняго рода говорить нечего, ибо это то же, что Именительный.

Окончаніе Винительнаго падежа въ именахъ мужескаго и женскаго рода, — *m*, — присоединяется прямо, по мнѣнію Боппа, къ гласнымъ основнымъ формамъ именъ, а послѣ согласныхъ передъ *m* становится гласная буква. Въ Санскритскомъ *a*—*am*, въ Зендскомъ *ė*—*ëm*. Но намъ кажется, что *m* во всякомъ случаѣ придается одно къ окончанію (конечно безъ суфикса *s*) Именительнаго падежа, какое бы оно ни было; гласная же буква при окончаніяхъ согласныхъ возникаетъ изъ поглощеннаго *ъ* или *ь*, всегда находящихся послѣ согласнаго окончанія, или изъ *ü*: гласная эта буква возникаетъ изъ *ъ*, *ь* и *ü*, какъ скоро за согласнымъ окончаніемъ слѣдуетъ суффиксъ, всего чаще *s* (см. выше), и возникаетъ точно такъ же, когда за нимъ слѣдуетъ *m*, ибо тому и другому трудно прямо присоединиться къ согласному окончанію. Въ языкѣ Латинскомъ и Греческомъ это виднѣе.—И такъ, съ одной стороны мы не считаемъ, въ именахъ мужескаго рода, гласными основными формами тѣхъ формъ, которыхъ такими считаетъ Боппъ, на примѣръ *vrk-a-s*, съ другой не считаемъ и чисто согласными тѣхъ, и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ, которыхъ опять такими считаетъ Боппъ, на примѣръ: *vák*, *b'áran*. Возникающая гласная въ языкѣ Санскритскомъ есть обыкновенно *a*, въ Зендскомъ *e*.

Мы должны прибавить, что въ Санскритскомъ и въ Зендскомъ языкѣ, въ тѣхъ именахъ мужескаго рода. гдѣ гласная буква, съ помощію суффикса, возникла въ Именительномъ падежѣ, она удерживается уже и въ Винительномъ съ помощію *m*, что̀ и понятно. Такъ напр.: Санскр. *pât-i-m*, Зендск. *pait-i-m*; Санскр. *sûn-ú-m*, Зендск. *paś-û-m*. Зендской языкъ представляетъ здѣсь одну замѣчательную особенность: имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *ô*, которое Боппъ считаетъ образовавшимся изъ *as* и причисляетъ слѣдовательно къ гласнымъ основнымъ формамъ, такимъ, къ которымъ просто присоединяется *m* въ Винит.. — эти имена однакожь въ Винительномъ имѣютъ не *a-m*, а *ĕm*, напр. *vĕhrk-ô*, *vĕhrk-ĕ-m*: это по крайней мѣрѣ возражаетъ на то, чтобы ихъ основное окончаніе было *a*, ибо оно вѣроятно возникло бы въ Винительномъ падежѣ передъ *m*, и было бы *am*, *vĕhrka-m*. Гораздо скорѣе можно предположить, что не поддержанное (посредствомъ *s*) окончаніе Именительнаго перешло здѣсь въ общее окончаніе языка въ Винительномъ, возникающее изъ поглощеннаго *ъ*, или *ь*, или *i*, *vĕhrkĕ-m*.—Имена женскаго рода. тамъ гдѣ они оканчиваются на гласную, имѣютъ въ Винительномъ *m*. Въ Зендскомъ послѣ *a*, передъ *m*, является еще *i*. Гдѣ же они оканчиваются на согласную, при чемъ предполагаемъ мы поглощенное *ъ* (*u*). тамъ въ Санскритскомъ оканчиваются они на *a-m*, въ Зендскомъ на *ĕ-m*.— Есть еще одна особенность въ Санскритскомъ языкѣ: односложныя слова, разумѣется преимущественно женскаго, рѣдко мужескаго рода, оканчивающіяся на *î*, *û*, *aû*, не *m* только принимаютъ въ Винительномъ падежѣ, но *am*, „wahrſcheinlich um auf dieſem Wege zur Mehrſylbigkeit zu gelangen," объясняетъ Боппъ; но объясненіе это кажется намъ произвольнымъ. Мы думаемъ, что здѣсь поглощено, послѣ сказанныхъ гласныхъ окончаній. окончаніе *i*, въ именахъ мужескаго рода, которое по своей гласности. требуетъ проявленія въ Винительномъ падежѣ передъ *m*; даже если на *i* смотрѣть какъ на согласную, то подлѣ себя имѣетъ она скрытый *ъ* или *ь*, которые и возникаютъ въ этомъ падежѣ передъ суффиксомъ, или въ другихъ случаяхъ отъ другихъ причинъ. Это объясненіе для именъ мужескаго рода: для именъ женскаго рода предполагаемъ мы поглощенное другое *i*, отчего образуется вѣроятно и долгая гласная *î*; это другое *i* и проявляется въ окончаніи Винительнаго падежа въ *a-m*. Это еще болѣе доказывается тѣмъ, что тугъ вставляется *y*. именно *b'î-yam*; *ya* равняется нашему *я*: это есть

смягченіе *a* черезъ *i*. Подобное же смягченіе видимъ мы въ именн женскаго рода *vâk*, *vâc-a-m*. Что же касается до окончанія на *âm*, то здѣсь *a* не есть чистая гласная и потому должна предполагать подлѣ себя скрытое *ъ* или, если это слово женскаго рода, — *ь*, который возникаетъ въ *a-m*, а *a* обращается прямо въ согласную *v*: *nâv-a-m*.

Переходимъ къ языку Греческому и Латинскому.

О Винительномъ именъ средняго рода говорить нечего, ибо это то же, что Именительный; достаточно здѣсь знать Именительный падежъ.

Винительный падежъ въ именахъ мужескаго и женскаго рода оканчивается вообще на ν (*n*) въ Греческомъ, на *m* въ Латинскомъ языкѣ.—Мы точно также предполагаемъ, что здѣсь къ именамъ придается всегда чистое ν и *m*. Въ именахъ мужескаго рода, гласная, предшествующая этому ν въ Греческомъ языкѣ, есть гласная, возникающая изъ поглощеннаго *ъ*, точно также какъ это бываетъ въ Вин. падежѣ. На примѣръ ὁ λογ-ο-ς, τον λογ-ο-ν. Есть еще имена мужескаго рода перваго склоненія на ης: въ этомъ окончаніи, η возникло изъ поглощеннаго *ь*; или же, что̀ кажется вѣроятнѣе, это имена женскаго рода, употребляющіяся въ мужескомъ родѣ, какъ *возница*, при чемъ значеніе мужескаго рода имѣетъ вліяніе на нѣкоторые падежи. Въ доказательство можетъ служить склоненіе νεανια-ς и особенно ορνιθοθηρας, гдѣ сохраняется все или почти все женское склоненіе.—Кромѣ этого есть примѣры, что имена мужескаго рода оканчиваются на ι-ς, υ-ς и ω-ν: но эти примѣры очень рѣдки, такъ что можетъ быть это имена женскія, употребляющіяся въ мужескомъ родѣ; если же это точно имена мужескаго рода, то здѣсь гласныя ι, υ возникаютъ изъ *ь*, а ω вѣроятно изъ *оъ* (*ой*).—Имена женскаго рода имѣютъ въ Греческомъ языкѣ ν послѣ гласной буквы, на которую они оканчиваются.

Но въ Греческомъ языкѣ есть еще весьма замѣчательное окончаніе Винительнаго падежа: это окончаніе на α, равно встрѣчающееся въ именахъ мужескаго и женскаго рода. Боппъ думаетъ, что здѣсь утрачено окончательное ν: это весьма возможно. Въ подтвержденіе этому можно указать на отбрасываніе ν въ сложныхъ собственныхъ именахъ на κράτης, σθένης и φάνης, а также на слово ὁ Ἅρης, которыя въ Винительномъ имѣютъ ην и η. Также можно указать на слово ἀήρ, которое можетъ быть уже

не средняго рода. Какъ общее замѣчаніе, можно сказать, что окончаніе α наиболѣе встрѣчается въ суффиксномъ склоненіи, или по крайней мѣрѣ когда имя оканчивается на согласную, за которой слѣдуетъ суффиксъ ς (ϛ), при чемъ поглощенъ ъ или ь, находящійся послѣ согласнаго окончанія. Какъ напр. тематическое ὄρνι-ν, суффиксное ὄρνι-θ-α, или: λαῖλαψ (*p-s*), λαίλαπ-α. Иногда оба окончанія встрѣчаются рядомъ: напр. ἰχθύν, въ эпическомъ языкѣ ἰχθύ-α. — Окончаніе Винительнаго Греческаго на α требуетъ еще изслѣдованія и объясненія *).

Въ языкѣ Латинскомъ, въ именахъ мужескаго рода, видимъ мы то же: передъ *m* въ Винительномъ падежѣ возникаетъ гласная буква изъ поглощеннаго ъ или ь; то же, хотя не всегда, видимъ мы въ падежѣ Именительномъ. Буква, возникающая изъ ъ, есть въ Латинскомъ языкѣ *u*, изъ ь — *i* или *e*; но въ Винительномъ падежѣ ь всегда переходитъ въ *e*. На примѣръ: *hort-u-s*, *hort-u-m*; *ign-i-s*, *ign-e-m*; *civ-i-s*, *civ-e-m*; *reg-s*, *reg-e-m*. — Въ именахъ женскаго рода за гласною *a* или *i* слѣдуетъ *m*, и такъ образуются окончанія *a-m*, *i-m*. Но женское окончаніе *i*, не встрѣчающееся въ Латинскомъ языкѣ безъ суффикса въ Именительномъ падежѣ, переходитъ часто въ *e*, а иногда поглощается и становится, какъ мы предполагаемъ, ь-мъ. Само собою разумѣется, что въ обоихъ случаяхъ оно является какъ *e* и въ Винительномъ падежѣ. Въ Винительномъ падежѣ даже и то *i*, которое удержалось въ Именительномъ, стало съ теченіемъ времени переходить въ *e* и удержалось только въ немногихъ случаяхъ. Тамъ же, гдѣ это *i* находится въ поглощенномъ видѣ, какъ ь, оно всегда переходитъ въ *e*. На примѣръ: *causa-m; sitim-s*, *sitim-m*; но *pelvi-m* и *pelve-m*; *vulpe-s*, *vulpe-m*; *op-s*, *ope-m*.

Въ языкѣ Литовскомъ Винительный падежъ (разумѣется въ именахъ мужескаго и женскаго рода) означается посовымъ звукомъ, въ который переходитъ окончаніе Именительнаго падежа, какъ скоро оно на *a* (*as*) или *e*; это *a*, въ им. муж. р., есть гласная, возникшая изъ ъ, въ Именительномъ передъ суффиксомъ, въ

*) Такъ какъ этого объясненія К. С. не успѣлъ предложить, то мы можемъ прибавить, что всего проще, *по его же началамъ*, выводъ таковъ: въ мужескихъ именахъ Винительный на *a* равняется первобытному Родительному, какъ въ Русскомъ, а въ женскихъ совпадаетъ съ древнимъ и народнымъ Русскимъ употребленіемъ, гдѣ Винительный одинаковъ съ Именительнымъ (*взять грамота, рука изломить*). — *Б.*

Винительномъ передъ носовымъ согласнымъ звукомъ, и въ связи съ нимъ, но не относится, какъ *a*, ни къ темѣ слова, ни къ окончанію падежа. Въ именахъ женскаго рода это *a* есть окончаніе Именительнаго падежа и относится къ темѣ слова. Гласная *e* есть также гласная, возникающая по видимому изъ мужескаго *ъ* въ именахъ мужескаго рода, или гласная, въ которую переходитъ женское *i* въ именахъ женскаго рода. Носовой (согласный) звукъ придается къ ней, составляя окончаніе Винительнаго падежа: отсюда носовой звукъ съ *a* образуетъ *ą*, съ *e* — *ę*. Въ тѣхъ словахъ, которыя въ Именительномъ оканчиваются на *i* (*i-s*), женское ли это *i*, или возникшее изъ *ъ* мужское, въ Винительномъ падежѣ удерживается *i*: это вполнѣ справедливо и согласно съ Русскимъ языкомъ. Въ именахъ мужескаго рода, гдѣ *ъ* въ Именительномъ падежѣ перешелъ передъ суффиксомъ *s* въ *u* (*y*), это, возникшее изъ *ъ*, *u* удерживается одно въ Винительномъ падежѣ: звукъ носовой здѣсь очевидно утраченъ. Въ суффиксныхъ склоненіяхъ, на *ē* (*eri*) и *ū* (*eni*), въ Винительномъ удерживается *i* и кромѣ того является носовое. И такъ, въ Литовскомъ языкѣ очевидно есть Винительный падежъ и для именъ мужескаго рода: но этотъ Винительный является въ слабомъ, обѣднѣвшемъ видѣ. Винительный именъ женскаго рода выражается носовымъ звукомъ и удержаніемъ *i*, гдѣ на *i* оканчивается женское имя. Въ именахъ съ суффиксомъ *eri* смягчается даже *i* въ тематической формѣ. въ Именительномъ падежѣ: это смягченіе есть и въ Винительномъ. — Винительный именъ женскаго рода въ Литовскомъ языкѣ, какъ видно, имѣетъ сходство съ Винительнымъ именъ женскаго рода въ языкахъ Славянскихъ.

Такимъ образомъ, только Русской и вообще Славянскій языкъ удержалъ въ себѣ логическую, глубокую, и конечно древнѣйшую, первоначальную собственность склоненія: отсутствіе Винительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода.

Переходимъ къ падежу Дательному.

Въ Русскомъ языкѣ Дательный падежъ оканчивается въ именахъ мужескаго и средняго рода на *у* и *ю;* въ именахъ женскаго рода на *ѣ*, если Именительный на *а*, и на *и*, если Именительный на *ь* (*и*).

Примѣчаніе. Такъ какъ *ѣ* заключаетъ въ себѣ *и* (*i-e*): то иногда говорится *и* вмѣсто *ѣ*; но это только говорится

такъ, это дѣло употребленія, являющееся въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ловчѣе такъ говорить,—вслѣдствіе эвфоническихъ причинъ; такъ говорятъ: *Россіи, Юліи.* Надо прибавить, что Русской языкъ не любитъ окончанія Именит. *ія* и большею частію сокращаетъ *і* въ *ь*: *Лукерія, Марія,—Лукерья, Марья.*—Имена мужескаго рода на *ь* не всегда имѣютъ *ю* въ Дательномъ падежѣ: иныя изъ нихъ представляютъ склоненіе смѣшанное, гдѣ являются окончанія падежей женскія. Сила скрытаго *и* въ *ь*, быть можетъ колеблющееся значеніе рода, наконецъ эвфоническая причина, — производятъ то, что является въ падежахъ Родительномъ и Дательномъ окончаніе женскаго рода, именно *и*; въ иныхъ словахъ это шатко, въ другихъ утвердилось совершенно: большею частію является это постоянно въ именахъ суффиксныхъ: *знамень, пламень, камень* и т. д. Точно такъ же какъ въ Родительномъ вмѣсто *я* становится женское *и*, такъ въ Дательномъ вмѣсто *ю* становится то же *и*. Напр: *дни* и *дню, пути, знамени, колеси, теляти.* Это смѣшанное склоненіе имѣетъ соотвѣтствіе со смѣшаннымъ склоненіемъ Греческаго языка—πολιτης, νεανιας, хотя тамъ является на оборотъ. — О смѣшанномъ склоненіи мы уже говорили выше.

Мы видимъ, что падежъ имѣетъ и здѣсь тематическій характеръ и гласную букву: ясное, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ является намъ языкъ, слѣдовательно во времена уже глубочайшей древности, окончаніе падежа и здѣсь замѣняетъ собою окончаніе имени (пад. Им.), а не приставляется къ нему.

Примѣчаніе. Имена мужескаго рода имѣютъ впрочемъ Дательный падежъ, который по видимому противорѣчитъ сейчасъ сказанному: это падежъ Дательный на *ови* или *еви*, что все равно, напр. *Богови, сыновi, домови, Господеви.* При поверхностномъ взглядѣ можно бы заключить, что имена мужескаго рода имѣютъ въ падежѣ Дательномъ, кромѣ *у, ови.* Но это *в* есть суффиксъ и *ови* есть падежъ суффикснаго склоненія, утраченнаго въ своей полнотѣ. Что *ови* не есть только форма одного падежа Дательнаго, на это указываютъ другіе падежи, гдѣ это *в* или пожалуй *ов* слышно, напр. *сыновомъ, сыновi* и пр. И такъ, это *в* есть суффиксная форма имени: падежъ Именительный Ед. ч. этой формы долженъ быть *сыновь*,

домовъ и т. д. Въ такомъ случаѣ, эти суффиксныя имена на *овъ* должны относиться къ разряду именъ суффиксныхъ на *енъ, есъ, ятъ*, и потому, точно такъ же какъ *путь, пламень* и т. п. (см. в.), имѣютъ въ Дательномъ женское *и*: *пути, пламени, сынови, домови*.

Но эти особенности падежа Дательнаго въ Русскомъ языкѣ не измѣняютъ его основнаго окончанія. Окончанія Дательнаго для именъ мужескаго рода остаются въ сущности *у, ю*, что одно и то же; для именъ женскаго рода на *а* — *ѣ*, на *ь* (*и*) — *и*.

Переходимъ къ языкамъ иностраннымъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ имена мужескаго рода, имѣющія въ Именительномъ *a*, возникшее изъ *ă* передъ суффиксомъ *s* (*a-s*), имѣютъ въ Дательномъ *ya*, при чемъ сохраняютъ передъ этимъ окончаніемъ свою окончательную гласную *a*; такимъ образомъ является окончаніе Дательнаго *a-ya*: *áśv-a-s, áśv-â-ya*. Имена же мужескаго рода, имѣющія въ Именительномъ *i*, возникшее изъ *ь* передъ суффиксомъ *s* (*i-s*), имѣютъ въ Дательномъ *ê*, соотвѣтствующее быть можетъ нашему *ь*; передъ этимъ *ê* получаемъ гуну, какъ объясняетъ Боппъ, и образуется окончаніе *ay-ê*, напр. *pát-i-s, pát-ay-ê*.— Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на согласную (т. е. послѣ нея на *ă* или на *ь*), имѣютъ въ Дательномъ *ê*, хотя бы это согласное окончаніе выступало съ помощію суффикса, напр. *bárat-ê, âtman-ê, bratr-ê*. Любопытны здѣсь имена муж. р., оканчивающіяся на *u*, возникшее изъ *ŭ* передъ суффиксомъ *s* (*u-s*): въ Дательномъ падежѣ они пріобрѣтаютъ суффиксъ *v* и весьма совпадаютъ съ нашими *сынови, домови*, напр. *sûnáv-ê*: разница не большая; если же *ê* есть *ь*, то разница еще меньше. Боппъ объясняетъ это *a* гуною: спорить мы не станемъ много; но въ такомъ случаѣ весь суффиксъ *v, a*, придется объяснять гуною.

Имена средняго рода имѣютъ то же *ê* въ Дательномъ падежѣ; но когда они оканчиваются на *a* съ суффиксомъ *n* (*a-n*). то Дательный оканчивается на *ya*. Имена же средняго рода, оканчивающіяся на *i, u, ri*, въ Дательномъ падежѣ имѣютъ суффиксную форму *n*, послѣ которой ставится окончаніе Дательнаго *ê* (*n-ê*), напр. *vâri-n-ê, tâlu-n-ê, dâtri-n-ê* *). Сюда же относятся имена сред-

---

*) При нашихъ типографскихъ условіяхъ невозможно отмѣтить графически разные рода звука *н*, полугласное *р*, придыхательныя *б, д, т* и т. п.: пре-

няго рода, оканчивающіяся въ Именительномъ на *a* и также имѣющія суффиксную форму *и* въ Дательномъ падежѣ, напр. *nâm-n-ê*. Такія имена средняго рода, имѣющія суффиксную форму *a*, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которыя оканчиваются въ Имен. на *a*, соотвѣтствуютъ, какъ это видно, нашимъ — *имя* (*е*), *име-н-и*.

Имена женскаго рода оканчиваются въ Дательномъ падежѣ на *i* (*âi*) и *ê* съ нѣкоторыми особенностями. Имена, оканчивающіяся на *â*, *î*, *û*, имѣютъ въ Дательномъ падежѣ *âi:* быть можетъ изъ этого составилось *ê*, наше *ѣ*. Имена, оканчивающіяся на *a*, имѣютъ сверхъ того. передъ окончаніемъ *â*, еще *i*, такъ что образуется окончаніе *iâi* (*yâi*). Такимъ образомъ выходитъ, что имена женскаго рода имѣютъ уже окончаніе *i*, и потомъ опять получаютъ его въ *âi*. Есть ли это удвоеніе окончанія Дательнаго падежа, или дѣло полногласія, которое такъ любитъ женскій родъ, мы не рѣшаемъ. — Имена на *î* и *û* имѣютъ просто *âi;* но быть можетъ въ первомъ случаѣ самая тождественность окончанія мѣшаетъ явиться звуку *i*, а во второмъ случаѣ, гдѣ *û* соотвѣтствуетъ, быть можетъ, нашему *ы*, само это *û* разрѣшается въ суффиксъ *v;* быть можетъ даже просто *и* переходитъ въ *v*, и тогда *i* при именахъ женскихъ на *a* объясняется скорѣе полногласіемъ, ибо Дательный *i* могъ бы кажется стать и послѣ *û*, перешедшаго въ *v*.— Имена, оканчивающіяся на *i* и *u*, имѣютъ, по произволу, *ê* и *âi*, чѣмъ еще болѣе заставляютъ думать, что *âi* является въ *ê* (*ѣ*). Надобно прибавить, что передъ *ê* имена на *i* получаютъ гуну, напр. *prît-i-s*, *prît-ay-ê*. Имена на *u* получаютъ въ Дательномъ *v*. напр. *tan-u-s*, *tan-âv-e*.

Примѣчаніе. Это можетъ быть благозвучная вставка для полногласія, какъ у насъ *любы*, *любви*, *любови*. По любви Санскритскаго языка къ *a*, по переходу *ъ* въ *a* даже въ Именительномъ Санскр. языка, напр. *vrkas*, что̀ и у насъ возможно (*волкотъ* мы произносимъ *вблкатъ* и *валкáтъ*),— эта вставочная гласная, быть можетъ оглашенный *ъ*,—есть *a*.

Бопп̀ъ объясняетъ это явленіе также гуною: но мы видимъ здѣсь тотъ же суффиксъ *v*, *в*. Впрочемъ мы опять здѣсь не споримъ много, повторяя, что и весь суффиксъ Бопп̀у слѣдовало

дупреждаемъ объ этомъ, хотя впрочемъ дѣло нисколько отъ этого не теряетъ, особенно предъ взоромъ знатока, привыкшаго къ техникѣ Санскритскихъ примѣровъ. — *Б.*

бы уже объяснить гуною. Какъ бы то ни было, Санскритскія имена женскаго рода на *и* сходны здѣсь въ Дательномъ падежѣ съ нашими именами женскаго рода на *ы*, напр. *люб-ы*, *люб-ов-и*.— Имена женскаго рода, оканчивающіяся на согласную букву, при чемъ мы предполагаемъ поглощенное *і* (ъ), имѣютъ *ê*. напр. *vâk*, *vâc-ê*. Къ этому же разряду причисляемъ мы имена, имѣющія суффиксную форму въ косвенныхъ падежахъ, напр. *duhit-â*, *duhitr-ê*. Имена женскаго рода на *âu* имѣютъ въ Дательномъ *ê*, при чемъ *и* переходитъ въ *v*. Быть можетъ *и* и здѣсь есть наше *ы* или ему соотвѣтствуетъ. Имена эти имѣютъ сходство въ Дательномъ съ именами женскаго рода на *â*. — И такъ, въ Санскрит. окончаніе основное Дательнаго есть *і* — *e*.

Въ Зендскомъ языкѣ мы видимъ то же окончаніе Дательнаго падежа, т. е. *і* (*âi*) и *ê*, окончаніе въ сущности одно и то же, ибо *ê* вѣроятно составилось изъ *âi* и равняется въ этомъ случаѣ нашему *ѣ*. — Имена мужескаго рода, которыя въ Именительномъ оканчиваются на *ô* (ъ), имѣютъ въ Дательномъ *âi*, *vĕhrk-âi*: тѣ же, которыя оканчиваются на *і* (ъ), *is*, имѣютъ окончаніе на *eê*, напр. *pait-e-ê*. Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *и* (ъ). *u-s*, принимаютъ суффиксъ *v*, *o* въ Дательномъ падежѣ: *paŝ-v-* . Оканчивающіяся на согласную (ъ), являющіяся въ косвенныхъ падежахъ въ суффиксной формѣ, имѣютъ то же *ê*, напр. *barĕnt-ê*, *aŝmain-ê*, *brâthr-ê*. Имена средняго рода на *a* и *ô* имѣютъ то же *ê*; они употребляются въ косвенныхъ падежахъ въ суффиксномъ видѣ, напр. *nâmain-ê*, *vaćanh-ê*. — Имена женскаго рода на *â* и *î* имѣютъ какъ въ Санскритскомъ: *yâi*; на *î* — *ai*. Оканчивающіяся на *і* имѣютъ *eê*: здѣсь въ *e* переходитъ *і* Именительнаго падежа. Оканчивающіяся на *и* или принимаютъ суффиксную форму—*tan-av-ê*, *tan-v-ê*, какъ наше *любви*, *любови* (выше сказанное еще болѣе подтверждается Зендскимъ языкомъ), или смягчаютъ еще болѣе окончаніе *ê* — *tanu-y-ê*. Женскія имена, оканчивающіяся на согласныя (ъ), въ тематическомъ .ш, въ суффиксномъ .ш видѣ, принимаютъ *ê*, напр. *vâć-ê*, *dughdhĕr-ê*. И такъ, и въ Дат. общее окончаніе есть *і-e*, *e-e* *).

*) Карандашемъ на полѣ: „*A-i*, *e-e* похоже на прибавленіе. Впрочемъ, странно здѣсь кажется прибавленіе! Надо предположить, что *ъ* и *ь* остается оглашеннымъ и передъ гласнымъ окончаніемъ, безъ необходимости. Во всякомъ случаѣ объ этомъ подумать и справиться (К. С. А—въ недостаточно уяснилъ себѣ, что наше *ѣ* есть двогласное *ai*, *ae* или *ee*: иначе не затруд-

Въ Греческомъ языкѣ имена мужескаго и средняго рода имѣютъ во второмъ склоненіи Дательный падежъ на ῳ. Впрочемъ подъ этимъ ῳ видимъ мы подписанную *i*, которая и кажется намъ настоящимъ окончаніемъ Дательнаго падежа. Имена втораго склоненія муж. рода оканчиваются въ Именительномъ падежѣ на ο-ς, возникшее изъ *s*, передъ суффиксомъ: это ο могло удержаться въ Дательномъ падежѣ и такимъ образомъ поглотить окончаніе Дательнаго падежа *i* или слиться съ нимъ, образовавши окончаніе ῳ. Точно то же должно сказать и объ именахъ средняго рода втораго склоненія, оканчивающихся въ Именительномъ Ед. на ο, передъ суффиксомъ ν: ο-ν. Это ο, составляющее здѣсь положительное окончаніе имени (не такъ, какъ въ именахъ мужескаго рода), удерживается въ Дательномъ падежѣ и поглощаетъ окончаніе Дательнаго *i*, отъ чего образуется ῳ *). Въ третьемъ склоненіи выступаетъ уже общее окончаніе Дательнаго для именъ мужескаго и средняго рода: *i*. Когда имена мужескаго рода оканчиваются на ευ (*eй*) или на ω, ι, υ (*ь*), съ суффиксомъ Именительнаго ς, то въ первомъ случаѣ υ (*й*) переходитъ въ ι, а во второмъ *i* прибавляется къ ω, ι и υ, при чемъ *i*, υ переходятъ иногда въ ε. То же должно сказать и объ именахъ средняго рода, какъ скоро они оканчиваются на ο, *i* или υ (*e*), которыя рѣшительно переходятъ въ ε. Переходы сіи зависятъ отъ краткости и долготы гласныхъ **). Это

няла бы его эта прибавка въ Дат. къ темѣ Именительнаго на гласную, особенно въ женскихъ и собирательныхъ, какъ *колесь*, *братьь*, *змиь* — отъ *змья*, *Прасковьь*, или предполагаемое и возможное *молніь* и *корпьь* вм. *молніи* и *корпіи*, и т. п.)."—„Обратить вниманіе на оконч. *и* муж. р. съ *s*, во всѣхъ языкахъ, гдѣ оно есть: быть можетъ здѣсь особенный *ь*, въ которомъ слышится поглощенное *ь*." — „Объ именахъ средн. р. съ другими окончаніями справиться и вписать (сравнительная и Санскритская Грамматика Бопна не давала К. С—чу для этого достаточно примѣровъ)." — *Б.*

*) Здѣсь на полѣ К. С. прибавилъ крайне находчивое толкованіе: — „Невольно думаешь, что наше *ови* (*сын-о-в-и*, *люб-о-в-и*) есть то же самое древнее окончаніе. Быть можетъ, существовало и древнее *о-и*, откуда образовалось послѣ *о-й* (*дом-о-й*), весьма сходное съ ῳ (ω съ подписною *іотой* или *i*). Этимъ же можно объяснить и Латинск. *ні*," — въ Слав. нарр. *домуй*, ср. выше *сенатуй*. — *Б.*

**) Отъ того, судя по крандашной замѣткѣ на полѣ, К. С. останавливался еще разъ и на ῳ, желая уяснить здѣсь происхожденіе долгаго или двойнаго *o*: изъ двухъ *о-о* первое конечно принадлежитъ оглашенному *ъ* передъ *s*, а другое окончанію Дательнаго на *oi*, которое, по свойству Греческаго языка, равно (см. прежде) *ai*, т. е. *ѣ*. — *Б.*

постоянное употребленіе *і* въ третьемъ склоненіи заставляетъ насъ предположить въ именахъ мужескаго рода по крайней мѣрѣ вездѣ скрытое *ъ*. Впрочемъ, окончаніе Дательнаго *і* является свойствомъ Греческаго языка. Имена женскаго рода въ Дательномъ вездѣ имѣютъ *і*. Въ первомъ склоненіи они оканчиваются на *ῃ* и *α*, при чемъ *і* и подписано внизу этихъ гласныхъ — *ῃ*, *ᾳ*, которыя можетъ быть соотвѣтствуютъ въ такомъ видѣ нашему *ѣ:* и тогда падежъ Дательный Греческій становится одинакимъ съ Русскимъ, напр. *Μούσῃ*, *Музѣ*. Въ третьемъ склоненіи это *і* выступаетъ рѣшительно, съ тѣми особенностями, что, когда Именительный оканчивается на *αυ* (при чемъ мы предполагаемъ возможнымъ *и* или *ъ*), на *ω*, съ суффиксомъ или безъ суффикса *ς* (при чемъ также можно предполагать поглощенное *и* или *ъ*), на *υ*, на *ί* (*и*) съ суффиксомъ *ς*, то *і* Дательнаго падежа становится также рядомъ съ гласною, при чемъ *і* переходитъ иногда въ *ε*, а *υ* — въ *αυ* — въ *ί*.

Въ Латинскомъ языкѣ имена мужескаго рода втораго склоненія оканчиваются въ Дательномъ падежѣ на *o*. Это *o* соотвѣтствуетъ нашему *у*. То же можно сказать и объ именахъ средняго рода того же склоненія. Въ третьемъ склоненіи Дательный падежъ въ именахъ мужескаго рода оканчивается на *i*. Мы можемъ предположить здѣсь поглощенный *ъ* послѣ согласныхъ; но должно сказать, что то же *і* находится въ третьемъ склоненіи и въ именахъ средняго рода, гдѣ *ъ* предполагать мы не можемъ: такимъ образомъ *і* въ Дательномъ падежѣ языка Латинскаго получаетъ болѣе широкое мѣсто. Въ четвертомъ склоненіи, гдѣ опять въ именахъ мужескаго рода является *ъ*, переходящій въ *и* передъ суффиксомъ *s*, Дательный падежъ опять оканчивается на *і* или, лучше, *и-і*, что̀ дастъ намъ возможность заключить о такомъ же распространеніи здѣсь окончанія Именительнаго, какое является въ Русскомъ языкѣ съ помощію полусуффикса, напр. *сынов-и*, *дом-ов-и*. Мы можемъ даже предположить, что здѣсь *г*, *в*, выпущено. Есть и другая форма — *и*, сходная съ нашимъ *у:* но едва ли можно её считать коренною. — Имена средняго рода оканчиваются въ четвертомъ склоненіи на *и:* мы думаемъ, что это измѣненное *о*. Въ Дательномъ падежѣ они имѣютъ то же *и:* но и здѣсь мы не можемъ рѣшительно сказать, чтобы это было настоящее окончаніе Дательнаго падежа, ибо форма *и* вообще неизмѣнна во всемъ склоненіи. Что касается до пятаго склоненія, то

здѣсь опять является *i*, но въ этомъ склоненіи именъ мужескаго рода почти нѣтъ.

Имена женскаго рода въ Латинскомъ языкѣ перваго склоненія имѣютъ окончаніе въ Дательномъ на *ae*, соотвѣтствующее нашему *ѣ* и слѣдовательно совершенно одинакое съ окончаніемъ Русскаго Дательнаго падежа: *naturae*, *натурѣ*. Въ третьемъ склоненіи имена женскаго рода имѣютъ *i*, и такъ, какъ мы предполагаемъ, что здѣсь постоянно послѣ согласнаго окончанія поглощено *i* или *ъ*, то окончаніе Дательнаго здѣсь соотвѣтствуетъ Русскому языку. То же самое должны мы сказать и о пятомъ склоненіи, гдѣ передъ суффиксомъ *s*, по нашему мнѣнію, *i* переходитъ въ *e*, *di-e-s*. Въ Дательномъ падежѣ это *i* является вновь, что совершенно согласно съ Русскимъ языкомъ, гдѣ *i* Именительнаго падежа, являющееся обыкновенно какъ *ъ*, является въ Дательномъ падежѣ. — Мы должны прибавить вообще, что въ Латинскомъ языкѣ окончаніе Дательнаго падежа, *i* и *o*, не ставится рядомъ съ окончаніемъ Именительнаго, но замѣняетъ эти окончанія (предполагаемое *ъ* и *ъ*). или же, въ именахъ женскаго рода на *i*, остается тѣмъ же *и*. быть можетъ удвоеннымъ, но являющимся какъ одно *i*. И такъ, въ Латинскомъ языкѣ видимъ мы наибольшее сходство съ языкомъ Русскимъ въ Дательномъ падежѣ *).

---

*) „Но *dic-s* въ Дат. не *di-i*, а *die-i:* окончаніе здѣсь *прилагается* (къ Именит.). Можно думать, что *i* поглощено послѣ *e* въ *e-s* (какъ Русскія имена на *й: дiей, дѣй*; ср. выше предполагаемый Именит. *сыновь*, какъ *свекровь*, гдѣ *вь* = *й*, или по Слав. парр. *церкев*)." Такова крандашная замѣтка, и недоумѣніе разрѣшилъ себѣ К. С. только ниже, напавши на примѣры *звѣреви*, какъ *церкви*, *пламеневи*, и т. п. То есть, другими словами, здѣсь *суффиксное* склоненіе Дательн. Все равно, будутъ ли у насъ *и* и *в* одними придыханіями, или, какъ придыханія, твердѣютъ у насъ эти согласные звуки до постоянныхъ суффиксовъ, только они во всякомъ случаѣ образуютъ *суффиксныя* формы склоненія. тогда какъ Латинскій языкъ, образуя такое же точно *суффиксное* склоненіе, обходится при немъ порою, по обычаю древности, одними *гласными*, безъ *согласныхъ*: *ii* вм. *ovi* или *uvi*, *ei* вм. *evi* (въ Дат.), *ie* вм. *ine* или Русскаго *ьне* (въ Именит.). Такимъ образомъ *dies* (ѣ) = нашему *дьнес* (ь), гдѣ нашъ Винительный (*дьньсь*) равенъ Именительному (а Родительн. *дьнись*, *сего-дни*, по женскому: отличите отъ Родительнаго *дьнесь* и *сего-дня* по мужескому); *diei* = *дьневи*, или, напишемъ одно подъ другимъ, чтобы наши согласные видѣлись вставкою:

d i e i

д ь *н* е *в* и

Присутствіе *в*, являющагося здѣсь суффиксомъ, извѣстно въ семъ словѣ по-

Литовскій языкъ вообще представляетъ, по нашему мнѣнію, средину между Русскимъ или Славянскимъ и другими однокоренными языками. Въ Дательномъ падежѣ это также видно. Имена мужескаго рода на *ъ*, являющіяся съ суффиксомъ *s*, на *a-s*. въ Дательномъ имѣютъ *u-i*. Это *y* сходно съ нашимъ *у*: но Литовскій языкъ прибавляетъ къ нему еще *i*. Есть ли это преобладаніе женскаго окончанія, есть ли *i* вообще древнѣйшая форма, утраченная нашимъ языкомъ? Мы готовы скорѣе допустить первое предположеніе, ибо странно было бы подумать, что языкъ въ древнемъ первоначальномъ своемъ видѣ не различалъ мужескаго и женскаго рода въ Дательномъ падежѣ. Сверхъ того, быть можетъ, что окончаніе *u-i* соотвѣтствуетъ нашему суффиксному *о-в-и*, *sun-u-i*, *сын-о-в-и*, и такимъ образомъ является иносказаніемъ суффикса, или же просто суффиксъ *в*—*г* здѣсь выпущенъ. — Тамъ, гдѣ имена мужескаго рода оканчиваются на *ъ*, являющійся какъ *u* передъ суффиксомъ—*u-s*, окончаніе Дательнаго падежа то же самое. Этимъ окончаніемъ Дательнаго объясняется, кажется, съ своей стороны окончаніе Латинскаго четвертаго склоненія *u-i*: тождества здѣсь трудно не признать.—Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *i-s*, въ Дательномъ имѣютъ *u-i*, присоединяющееся къ этому *i*: *i-ui*. Если предположить, что здѣсь въ Именительномъ поглощено *u* послѣ *i*, то окончаніе является точно тѣмъ же, какое мы сейчасъ разсматривали; если же напротивъ это *ъ*, перешедшій передъ *s* въ *i*, то окончаніе Дательнаго удвояется: это удвоеніе возможно и само по себѣ; но, намъ кажется, здѣсь это окончаніе Дательнаго подтверждаетъ нашу мысль о соотвѣтствіи его съ нашимъ суффикснымъ: *о-в-и*. Слѣдовательно, здѣсь буква *ь* является въ смягченномъ видѣ, и у насъ этотъ *ь* переходитъ въ *г*: отсюда въ нашемъ языкѣ образуется окончаніе *е-в-и*: *звѣр-е-в-и*.—Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *е*, въ которое перешло *ь*, въ Дательномъ имѣетъ *i*, что̀ видимъ мы и въ Русскомъ языкѣ, но съ тою разницею, что̀ въ Литовскомъ это *i* не замѣняетъ собою окончанія Именит. *e*, а придается къ нему: *e-i*.—Имена муж.

всюду, даже въ развитіи его корня, *dие*, откуда и въ самомъ Латинскомъ *dius*, *sub dio*, *diu* и т. п. За то въ Дат. Множественнаго и Латинскій языкъ не обошелся безъ этого *в* или *b*: *di-e-b-u-s*, подобно всѣмъ этимъ *ebus*, *ibus* и *ubus*. Съ этой точки зрѣнія, Латинское 4-е и 5-е склоненіе въ Дат. Ед. и особенно Мн. есть ничто иное, какъ *суффиксное* — относительно *тематическаго* 2-го склоненія. — *Б.*

рода, являющіяся въ косвенныхъ падежахъ въ суффиксномъ видѣ (соотвѣтственно нашимъ же Русскимъ), при чемъ предполагаемъ мы въ Им. *ь*, имѣютъ въ Дательномъ *i*, какъ и въ Русскомъ: *пламен-и*, *времен-и*; но съ тою разницею, что это *i* является какъ *ui*, присоединяемое къ окончанію Именительнаго падежа, *ъ*. Объ этомъ окончаніи мы уже говорили при именахъ мужескаго рода на *i-s*: это все равно, какъ еслибъ сказать по Русски — *пламен-е-в-и*, *времен-е-в-и*. Имена женскаго рода вообще имѣютъ въ Дательномъ *i*. Оканчивающіяся на *a* имѣютъ *i* послѣ него: *a-i*; это *a-i* можетъ соотвѣтствовать нашему *ѣ*. Тѣ, которыя оканчиваются на *i-s*, имѣютъ послѣ *i* въ Дательномъ *ei*: *i-ei*. А являющіяся при косвенныхъ падежахъ въ суффиксномъ видѣ (соотвѣтственно нашимъ же Русскимъ) оканчиваются, разумѣется, въ Им. на *i*, въ Дательномъ же имѣютъ не только *i*, но *ei*, придающееся къ окончанію Именительнаго падежа: *i-e-i*.

И такъ, какъ общій выводъ мы должны сказать, характеристическая буква Дательнаго падежа вообще, преобладающая во всѣхъ языкахъ, есть *i*. Даже тамъ, гдѣ, въ Санскритскомъ, она не находится на концѣ падежа, *rk-â-ya*, тамъ стоитъ она впереди (если впрочемъ это не есть только смягченіе *u*, которое въ такомъ случаѣ есть окончаніе Дательнаго падежа и соотвѣтствуетъ Латинскому *o*, даже нашему *у*). Даже тамъ, гдѣ, въ Греческомъ, становится въ Дательномъ ῳ, λογῳ, — и тамъ является поглощенное (подписное) *i*. Во всякомъ случаѣ *i* вѣроятно соотвѣтствуетъ нашему *ѣ*. — Такимъ образомъ буква *i* становится общею для всѣхъ родовъ въ Дательномъ падежѣ. Только въ Латинскомъ и въ Русскомъ преобладаніе ея ограничено. Въ Латинскомъ, именно въ одномъ разрядѣ, есть окончаніе на *o* для мужескаго и средняго рода. Въ языкѣ Русскомъ преобладаніе *i* ограничено еще болѣе: оно есть окончаніе именъ только женскихъ: но и здѣсь вторгается, при помощи *ь*, въ имена рода мужескаго. Не смотря на это преобладаніе, мы считаемъ однако первоначальнымъ различіе въ окончаніи, именно въ окончательной гласной, родовъ мужескаго и средняго отъ женскаго. По этому Дательный падежъ Русскаго языка считаемъ мы древнѣйшимъ и первоначальнымъ. Женская форма, по своей силѣ въ языкѣ (что извѣстно), возобладала въ послѣдствіи, въ языкахъ наиболѣе поддавшихся искаженію. Формы Дательнаго, какъ *sunu-i*, *senat-u-i*. λογῳ, считаемъ мы, быть можетъ всего справедливѣе и ближе, явнымъ указаніемъ

и свидѣтельствомъ этого преобладанія. На пути языка, первоначальное окончаніе здѣсь, какъ и часто, принимаетъ позднѣйшій видъ, изъ котораго оно можетъ перейти еще въ болѣе поздній, иногда сходный съ первоначальнымъ. Намъ не нужно, для подтвержденія этой мысли, искать формы, на примѣръ, *senatu* (которая существуетъ): намъ довольно *senatu-i*. Точно также, вмѣсто λογῳ, мы готовы предположить λογο-ι, и этой формы намъ достаточно.

Переходимъ къ падежу Творительному.

Въ Русскомъ языкѣ падежъ Творительный оканчивается въ именахъ мужескаго и средняго рода на *омъ* и *емъ*. Слѣдовательно, въ этомъ падежѣ нарушается, и въ Русскомъ языкѣ, гласность падежнаго окончанія. Мы готовы думать, что это *о* и *е* не составляетъ падежнаго окончанія, но что это *ъ* и *ь*, перешедшія въ гласныя *о* и *е* передъ *мъ*. Наше мнѣніе доказывается вполнѣ письменностью древняго Церковно-Славянскаго языка, гдѣ пишется напр. *человѣкъ-мъ*; также тѣмъ, что въ именахъ средняго рода *о* и *е* Им. падежа остаются тѣ же и къ нимъ придается *мъ*. И такъ, окончаніе Творительнаго падежа въ Русскомъ языкѣ, въ Им. муж. и ср. рода, есть *мъ*. Какъ же объяснить это *мъ*: есть ли это настоящее окончаніе Творительнаго, или же это окончаніе измѣненное? Ужели оно выражается носовою согласной буквой? Воздержимся пока отъ отвѣта. Имена женскаго рода оканчиваются въ Творительномъ падежѣ на *ю*, и при томъ такъ, что это *ю* не замѣняетъ собою окончанія Именительнаго—*а*, *я*, *ъ* (*и*), но становится съ нимъ рядомъ, — опять явленіе новое, исключительное въ нашемъ склоненіи, — при чемъ окончаніе Именительнаго *а* и *я* переходитъ, какъ обыкновенно, въ среднюю гласную — *о*, *е*, окончаніе же *ъ* (*и*) остается неизмѣннымъ, или даже изъ *ъ* передъ *ю* возникаетъ *и* (*і*).

Переходимъ къ языкамъ иностраннымъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ видимъ мы, въ Творительномъ падежѣ, общее для всѣхъ родовъ окончаніе *â*. Но здѣсь встрѣчаются замѣчательныя особенности. Имена мужескаго и средняго рода, оканчивающіяся на краткія гласныя (въ мужескомъ родѣ возникшія изъ *ъ* или *ь*, въ среднемъ изъ *о* и *е*), передъ *â* Творительнаго падежа принимаютъ *т*. Замѣчательно также, что *а* мужескаго рода Им. над. (*а-s*, — возникшее изъ *ъ* или можетъ быть *ь*) переходитъ въ *ê*, какъ наше *ъ*, при чемъ окончательное

â Творительнаго падежа становится краткимъ — *a*: *vrk-ê-n-a*; ср. примѣры *vâr-i-n-â*, *sûn-u-n-â*. Обратившись къ Русскому языку, мы замѣчаемъ живые слѣды такого же окончанія Творительнаго падежа, именно въ томъ строѣ рѣчи, который по своему характеру уже есть древній; это въ нашихъ, столько любимыхъ народомъ и постоянно употребляемыхъ, плеопастическихъ выраженіяхъ, на примѣръ *рев-ма реветь*, *крич-ма кричитъ* и т. д., также въ словѣ *весь-ма*. Этотъ Творительный падежъ очевидно тотъ же, какой мы встрѣчаемъ въ Санскритскомъ языкѣ, и конечно падежъ древнѣйшій. Мы должны сознаться, что совершенно ошибочно объясняли его въ разсужденіи нашемъ „*Ломоносовъ*." Носовая согласная *м*, въ Санскритскомъ *n*, — очевидно здѣсь вставка, и вставка весьма понятная. Падежъ оканчивается просто на *a*, но съ тою особенностью, по крайней мѣрѣ для Русскаго языка, что это *a* ставится подлѣ окончанія Именительнаго, а не замѣняетъ его, какъ всегда бываетъ въ Русскомъ языкѣ, и что̀ въ возможности, въ потенціи, должно, думаемъ, признать и для другихъ языковъ. Что это окончаніе *a* стоитъ рядомъ съ окончаніемъ Именительнаго, — это доказывается аналогіей Творительнаго падежа именъ женскаго рода: тамъ *ю* стоитъ подлѣ окончанія Именительнаго, противъ обыкновенія нашего склоненія. Если же это такъ, то *a*, слѣдуя за *ъ*, но не поглощая его, должно было образовать окончаніе *ъ*—*a* или *ъ*—*a*, которое трудно раздѣлялось и требовало вставки: она и явилась. Окончанія средняго рода, *о* или *е*, гласныя среднія и шаткія, требовали также такой вставки *). Въ доказательство тому, что окончаніе Творительнаго есть *a*, а *м* только вставка, можемъ привести Ведическое употребленіе этого падежа, гдѣ *â* присоединяется безъ *n* (ибо это согласно со свойствами Санскр. яз.), но за то смягчается посредствомъ *y*, напр. *svapn-a-y-â*, или при окончательной буквѣ *u* (*y*) возникаетъ *v*, м. б. ближайшій суффиксъ: *prabâha-v-â*, отъ *prabâhu*. Распространеніе или возникновеніе изъ *ъ* и *ь* м. р. буквъ *a* и *i*, также бо́льшая твердость буквъ ср. р. *о* и *е*, переходящихъ даже въ *a*, *u* и *i*, даетъ, кажется, возможность явиться окончанію

*) „Отчего же вставлена именно *та* или *другая* согласная? Женскія же имена вставки *n* не потребовали, даже встрѣчается здѣсь по Слав. нарр. *y* безъ смягченія въ *ю*." Такое недоумѣніе К. С—ча могло разрѣшиться только при сличеніи Творит. съ Дательнымъ, особенно же во Множественномъ, гдѣ мы объ этомъ и помянемъ. — *Б.*

Творительнаго падежа *â*—одному безъ вставочной *n*. Но однако имена мужескаго и средняго рода принимаютъ же *n*. — Съ другой стороны имена женскаго рода *никогда* не принимаютъ *n*, что совершенно согласно съ нашею мыслію; слѣдовательно тождественныя по видимому буквы тѣхъ и другихъ именъ оказываются не тождественны. Скажемъ здѣсь кстати, что Санскритскій языкъ, какъ и другіе древніе, во многомъ нарушаетъ раздѣльность и ясность гласныхъ собственно буквъ, столь соблюдаемую въ Русскомъ языкѣ. Появляются *a*, *i*, *u* въ именахъ разныхъ родовъ тамъ, гдѣ, кажется, не должно бы ихъ ожидать: но во первыхъ мы не знаемъ, какъ понимать, произносить ихъ, какъ объяснять ихъ возникновеніе; во вторыхъ, какой бы ни былъ видъ буквъ, а природа ихъ, какъ это и обнаруживается, все одна и та же.

Имена мужескаго и средняго рода, оканчивающіяся на согласныя, при чемъ, какъ думаемъ мы, поглощены *ъ* или *ь*, и, можетъ быть, *o* или *e*, въ Творительномъ падежѣ имѣютъ просто *â*, придающееся къ согласной; эти имена большею частію являются въ суффиксномъ видѣ, въ косвенныхъ падежахъ, напр. *bharat-â*, *âtman-â*. *bhrâtr-â*. *nâmn-â*, *vaćas-â* ср. р. Окончаніе Творительнаго падежа является здѣсь, какъ думаемъ мы, въ тѣсномъ видѣ, и, конечно, въ позднѣйшемъ.

Имена женскаго рода въ Творительномъ падежѣ оканчиваются на *â*, которое становится подлѣ окончанія Именительнаго падежа; при чемъ имена, оканчивающіяся въ Им. на *a*, имѣютъ послѣ себя *i* передъ *â* Творительнаго падежа, *i*, которое переходитъ въ *y* и смягчаетъ это *â*, подобно тому, какъ смягчается *y* въ *ю* въ томъ же падежѣ именъ женскаго рода въ нашемъ языкѣ: напр. *jihva-y-a*, *руко-ю*. Имена, оканчивающіяся на *î* и *i*, измѣняютъ это *î*, *i* въ *y*, передъ *â* Твор.: *y* производитъ, какъ надобно думать, свое смягченіе въ *â*, и въ то же время получаетъ само характеръ *ь-ря*, слѣдовательно соотвѣтствуетъ также Русскому окончанію им. жен. рода въ Творит. падежѣ: напр. *prîty-â*, *прить-ю*. Имена женскаго рода, оканчивающіяся въ Им. на согласную букву, при которой поглощенъ, по нашему мнѣнію, *ъ (u)*, принимаютъ въ Творительномъ просто *â*, придающееся къ согласной; слѣдовательно, окончаніе Творительнаго падежа является здѣсь въ тѣсномъ и позднѣйшемъ видѣ: напр. *vâć-â*, *duhitr-â*. Къ тѣмъ же именамъ жен. рода должны быть причислены имена, оканчивающіяся на *u* (быть можетъ *ы*, если это

не суффиксъ *u* — *v*), которыя тоже принимаютъ прямо къ окончанію Именит. падежа окончаніе Творительнаго *â*, при чемъ *u* переходитъ въ *v*, какъ полусуффиксъ или для благозвучія, но оно не имѣетъ гласнаго значенія и доказываетъ симъ то, что *u*, на которое оканчиваются имена женскаго рода, не есть чистое *u*. Какъ бы то ни было, только здѣсь *â* присоединяется прямо къ *u*, ставшей согласною (суффиксъ ли это, или эвфоническое явленіе), и не имѣетъ передъ собою гласной, необходимо оканчивающей имя женскаго рода, которую и предполагаемъ мы здѣсь поглощенною какъ *u* (*y*) или какъ *ъ* (*u*).

Переходимъ къ языку Зендскому.

Въ Зендскомъ языкѣ имена мужескаго и средняго рода, въ Творительномъ падежѣ, оканчиваются просто на *a*, которое не присоединяется къ окончанію Именительнаго падежа, а замѣняетъ его, напр. *vĕhrk-ô* — *vĕhrk-a*. Слово м. р. *paiti-s* имѣетъ однако полное окончаніе Творительнаго: *paith-y-a*. Но это исключительное слово, въ которомъ древнѣйше склоненіе Твор. п. уцѣлѣло. Имена, являющіяся въ косвенныхъ падежахъ, Зват. и Творит., въ суффиксномъ видѣ, подлежатъ, разумѣется, тому же, т. е. предполагаемое гласное окончаніе (*ъ* или *ь*, *o* или *e*) послѣ согласной замѣняется посредствомъ *a*, на примѣръ *brât-a'* — *brâthr-a*, *nâm-a'* — *nàman-a*. Надо прибавить, что имена мужескаго рода, гдѣ *ъ* принялъ форму *u* передъ суффиксомъ *s*, измѣняютъ это *u* въ *v*; слѣдовательно *u* становится или полусуффиксомъ, или согласной эвфонической, къ которой прямо придается *a* Творительнаго падежа: напр. *pas'-u-s*—*pas'-v-a*. Имя средняго рода *vaćô* имѣетъ также суффиксъ, какъ и въ другихъ падежахъ, при чемъ есть кажется и эвфоническая причина; во всякомъ случаѣ *a* Творительнаго придается здѣсь прямо къ согласной: *vaćanh-a*. Творительный падежъ, какъ это видно, имѣетъ, при именахъ муж. и сред. рода, въ Зендскомъ языкѣ позднѣйшую и бѣднѣйшую форму, именно не *â*, придающееся къ окончанію Именит. падежа и звучащее самостоятельно, но *a*, замѣняющее собою это окончаніе и сливающееся съ темою слова. — Имена жен. рода въ Зендскомъ языкѣ имѣютъ такое же окончаніе Творительнаго падежа, какъ и въ языкѣ Санскритскомъ, то есть *a*; оканчивающіяся на *a* точно такъ же смягчаютъ *a* въ Твор.: *hizva-y-a*; оканчивающіяся на *i* перемѣняютъ точно также это *i* въ *y*, что̀ мы считаемъ тоже смягченіемъ (см. в.): *âfrîth-y-a*. Оканчивающіяся же на *u-s* об-

ращаютъ это *u* въ *v* и прямо присоединяютъ къ нему *a* Твор.; слѣдовательно Творительный падежъ является здѣсь въ позднѣйшемъ и бѣднѣйшемъ своемъ видѣ: *tan-u-s—tan-v-a*. Въ такомъ же видѣ является онъ въ именахъ женскаго рода, оканчивающихся на согласныя (при которыхъ, думаемъ, поглощена окончательная гласная), — безъ суффикса ли, или съ суффиксомъ эти имена: напр. *vâc-s — vâć-a*, *dughdh-a — dughdhĕr-a*.

Въ Греческомъ языкѣ Творительный не существуетъ. Самое отсутствіе этого падежа уже показываетъ обѣднѣніе и позднѣйшую степень языка, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Еслибъ это было только сходство въ окончаніи падежей, конечно Дательнаго и Творительнаго, то это еще не означало бы такой бѣдности языка. Но Греческій языкъ потерялъ самое понятіе Творительнаго падежа. Ошибочно было бы думать, что возникшее сходство окончаній Дательнаго и Творительнаго могло повести къ утратѣ Творительнаго падежа и въ понятіи: на оборотъ, сходство или смѣшеніе въ понятіи обоихъ падежей могло произвести собою сходство въ окончаніяхъ и наконецъ упразднить падежъ, не столь необходимый, именно Творительный. Вѣроятно, то и было въ Греческомъ языкѣ.

Переходимъ къ языку Латинскому.

Въ языкѣ Латинскомъ находимъ мы Творительный падежъ (Ablativus). Падежъ этотъ является намъ въ бѣдномъ и позднѣйшемъ видѣ, въ какомъ встрѣчаемъ мы его въ иныхъ разрядахъ словъ Санскритскаго и Зендскаго языка. Гласная этого падежа въ языкѣ Латинскомъ, въ именахъ мужескаго и средняго рода, и *a*, — а *o* и *e*, замѣняющія окончаніе Им. падежа: въ именахъ муж. рода *s*, поглощенный или перешедшій въ *u—u-s*, и *s*, поглощенный или перешедшій въ *i — i-s*; въ именахъ средняго рода — *o*, перешедшее обыкновенно въ *u—u-m*, и *e*, часто поглощенное. Само собою разумѣется, что, въ случаѣ тождества окончаній, замѣна становится излишнею. Этого *o* и *e* нельзя принимать за *a*, окончательную гласную Творительнаго падежа: такой переходъ *a* въ *o* и *e* представить здѣсь трудно. Какія же это гласныя, какъ возникли онѣ? На это дастъ намъ объясненіе Русскій языкъ, хотя онъ удержалъ самый древній видъ Творительнаго падежа только въ извѣстныхъ оборотахъ рѣчи и въ нѣкоторыхъ словахъ. Но, и вообще, что Творительный падежъ носитъ на себѣ слѣдъ древняго образованія, на это указываетъ носовая согласная *m*,

за которой теперь слѣдуетъ *ъ*, а въ него сократилось прежнее *а*. Передъ *м* окончаніе именъ мужескаго рода, *ъ* и *ь*, по требованію благозвучія, распространяется въ *о* и *е*: *о-мъ*, *е-мъ*. Въ именахъ средняго рода окончательныя *о* и *е* остаются тѣ же.—Языкъ Латинскій, безспорно имѣвшій нѣкогда полнѣйшій видъ Творительнаго падежа, утратилъ его впослѣдствіи. Невозможность вообразить здѣсь переходъ окончанія Твор. *а* въ *о* и *е* заставляетъ насъ думать, что *о* и *е* возникли такъ же, какъ въ Русскомъ языкѣ передъ окончаніемъ Творительнаго падежа, именно передъ посовою согласною *т*, тамъ утраченною. Мы предполагаемъ именно окончаніе *т* (*мъ*), ибо, во первыхъ, нѣтъ слѣдовъ наиболѣе древней формы *а*; во вторыхъ, это окончаніе *т* (*мъ*) безъ буквы гласной (или пожалуй съ поглощеннымъ *ъ*, что все равно) должно было вызвать при себѣ *о* и *е*, подобно какъ въ Русскомъ языкѣ (*о-мъ* и *е-мъ*), въ именахъ мужескаго рода: а симъ послѣднимъ, почти во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, въ Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, особенно же здѣсь, такъ близко соотвѣтствуютъ имена средняго рода. Это *о* и *е* вызваны точно также изъ *ъ* и *ь*, какъ передъ суффиксомъ *s* вызваны *и* (въ древности конечно *о*) и *е*. Въ послѣдствіи *т* утратилось въ Латинскомъ языкѣ и остались одиноки предыдущія гласныя *о* и *е*. Напр. *puero*, *membro*,—мы предполагаемъ, что было *puerom*, *membrom*, или *lege*, *mare*, *cive*, *nomine*,—*legem*, *marem*, *civem*, *nomînem*. Это выходитъ совершенно Русское окончаніе, точно такъ же какъ и Русское, еслибъ откинуть *м*, совершенно, совпадетъ съ Латинскимъ: *домо* (*domo*), *сѣмене* (*semine*).

Вотъ по нашему мнѣнію удовлетворительное объясненіе Творительному падежу въ языкѣ Латинскомъ. Здѣсь надобно присоединить нѣкоторыя замѣчанія.—Имена четвертаго склоненія въ Творительномъ имѣютъ не *о*, а *и*: но это *и* вмѣсто *о* могло возникнуть очень легко, какъ *и* изъ предполагаемаго *ъ* передъ *s*, *u-s*, *domîn-u-s*, или какъ *и* изъ предполагаемаго *о* передъ *т*, *u-m*, *oppid-u-m*; кромѣ того просто *о* могло перейти въ *и*. Склоненіе *dom-u-s* отчасти подтверждаетъ это.—Кромѣ такого простаго объясненія, быть можетъ, что *и* четвертаго склоненія, почему бы то ни было (напр. отъ сліянія двухъ гласныхъ *и* и *о*, *а* и *о*), удерживается тверже въ этомъ видѣ. Наконецъ быть можетъ, *и* принадлежало къ окончанію слова и за нимъ предполагать надобно *й* (то есть *ъ* послѣ гласныхъ). Какъ бы то ни было, эта

разница не значительна и такъ или иначе уничтожается объясненіемъ.—Еще менѣе составляетъ противорѣчія окончаніе въ иныхъ именахъ средняго рода на *i*, въ Творительномъ падежѣ. Замѣчательно, что здѣсь, въ древнѣйшее время, употреблялось въ Творительномъ *e*. Во всякомъ случаѣ, по сходству звуковъ, особенно при отпаденіи *m*,—*i*, заключающееся здѣсь въ *e* (*ĕ*, *io*), могло выступить въ нѣкоторыхъ словахъ, да и то выступило не рѣшительно. Къ тому же, можно весьма предполагать здѣсь вліяніе почти утраченнаго въ Латинскомъ языкѣ, и кажется мало понимаемаго, Мѣстнаго падежа, о чемъ надѣемся сказать ниже.

Имена женскаго рода на *a* въ Латинскомъ языкѣ имѣютъ для Творительнаго *a*, которое не придается къ окончанію Именительнаго падежа, а замѣняетъ его или, лучше, такъ какъ здѣсь тождество окончаній,—то окончаніе Им. падежа остается въ Творительномъ. Разница лишь въ томъ, что *a* Творительнаго долгое. Есть ли это сокращеніе двухъ *a a*, которыя должны были возникнуть въ Твор. падежѣ (мы не знаемъ, допускать ли переходъ перваго *a* въ *o*: *o*—*a*), или же это просто окончаніе Именительнаго падежа, утратившее приставочный конецъ падежа Творительнаго? Мы готовы скорѣе допустить первое предположеніе, на которое наводитъ насъ долгота *a* въ Творительномъ падежѣ. Имена женскаго рода на *i*, являющіяся въ третьемъ склоненіи, обыкновенно въ Именительномъ съ суффиксомъ *s*, при чемъ часто *i* переходитъ въ *e*,—имѣютъ въ Творительномъ окончаніе Именительнаго падежа *i*: здѣсь предполагаемъ мы просто утрату окончанія Творительнаго, ибо *i* остается краткимъ и не есть окончаніе Творительнаго вообще; кромѣ того, часто это *i* переходитъ въ *e*. Замѣчательно, что имена на *is* въ Именительномъ падежѣ, имѣющія въ Творительномъ или постоянно *i*, или иногда *i*, иногда *e*, большею частію женскаго рода (какъ и слѣдуетъ), за исключеніемъ именъ на *nis* и нѣкот. др. Прибавимъ также, что въ этихъ именахъ *i*, въ Творительномъ, есть древнѣйшее окончаніе и по употребленію оно преобладало въ древности. — Имена женскія пятаго склоненія на *es* послѣ *i* — *ies* — не имѣютъ соотвѣтствія себѣ въ Русскомъ языкѣ, гдѣ за *i* всегда слѣдуетъ смягченное *a*—*ія*; переходъ *a* въ *e* въ этихъ именахъ трудно предположить. Мы скорѣе думаемъ, что здѣсь было, послѣ *i*, то же *i*, которое перешло въ *e* передъ *s* Имен.: все равно, какъ еслибъ въ Русскомъ языкѣ сказать *Маріи* (вм.

Марія). *зміи* (вм. *змія*); на эту возможность указываетъ намъ слово *княгини*, употреблявшееся въ старину вмѣсто *княгиня*. Имена въ Латинскомъ языкѣ, т. е. оканчивающіяся по нашему мнѣнію на *i-e-s*, имѣютъ въ Творительномъ уже постоянно *e*, въ которое, какъ мы думаемъ, переходитъ здѣсь (какъ и во всемъ этомъ склоненіи) *i* Именительнаго падежа.

Въ языкѣ Литовскомъ имена мужескаго рода на *a—s* (*a* изъ *ъ* передъ *s*) и на *i—s* (*i* изъ *ь* передъ *s*) имѣютъ—первое *u*, второе *iu*; *iu* (гдѣ *u*, какъ и другія окончанія падежей во всемъ склоненіи, прибавляется къ окончанію Имен. падежа *i*) заставляетъ насъ думать, что передъ *s* поглощено окончательное *ъ* или лучше *ь*(*й*): что̀ подтверждается падежомъ Мѣстнымъ *).—Это *u* Творительнаго падежа въ языкѣ Литовскомъ есть то же, что *o*, нами объясненное, того же падежа въ языкѣ Латинскомъ. Имена м. р., оканчивающіяся на *u-s* (*u* изъ *ъ* передъ *s*), доказываютъ наше объясненіе, представляя болѣе полную форму Творительнаго падежа, именно *mi*,—*u-mi*,—*sün-u-mì*, *сын-о-мь*. Здѣсь видимъ мы свою особенность: *i* на концѣ Творительнаго падежа Трудно предположить, чтобы это было *a*, перешедшее въ *i*: трудно также предположить, чтобы Литовской языкъ не имѣлъ окончанія *a* въ древности, а вмѣсто него *i*. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что языкъ Литовскій, какъ и другіе, въ томъ числѣ нѣкоторые Славянскіе, охотно и изобильно употребляя смягчительный *ь*, и въ Творительномъ падежѣ ставятъ на концѣ этотъ *ь* вмѣсто *ъ*, какъ мы видимъ это и въ Церковнославянскомъ языкѣ: *чловѣк-ъ-мь*, *чловѣк-о-мь*. Изъ этого *ь*, вслѣдствіе прирожденнаго полногласія, а можетъ быть, еще болѣе, вслѣдствіе неощутительности и незамѣтности *ь*-ря въ Литовскомъ языкѣ (незамѣтности, явившейся можетъ статься позднѣе), возникло очень легко *i* изъ *ь*-ря и образовалось окончаніе *mi*. Имена мужескаго рода, суффиксныя въ косвенныхъ падежахъ и оканчивающіяся въ сущности на *ь*, имѣютъ также *mi*; при чемъ *ь* Им. падежа не переходитъ въ *e*, какъ и въ другихъ случаяхъ Лит. языка, но является лишь какъ *i*, которое само въ себѣ постоянно заключаетъ *ь*: *gentì-s* — *genti-mì*; примѣръ по Русски: *звѣр-е-мъ* (Ц.-слав. *звѣр-ь-мь*). Наши

*) Ср. на пр. *путь* (по употребленію въ женск. р.) *путью* (putju), Ц.слав. **пѫт-нѭ**, а въ Мѣстн. Дв. по обоимъ родамъ **пѫт-н-ю**; - въ муж. р. *пут-ё-мъ* (пут-ь-ом, put-j-om).—*Б.*

Творительные *вельми, кольми* соотвѣтствуютъ этому Литовскому *mi*, и замѣчательно, что въ Русской языкъ вошли эти формы изъ языка Церковнославянскаго, такъ что заключительное *i* (*mi*) возникло очевидно изъ заключительнаго *ь*, Церковнославянскаго Творительнаго *(мь)*. *Кольми* и *вельми* должны быть приняты какъ прилагательныя, являясь здѣсь въ видѣ нарѣчія, какъ обыкновенно въ среднемъ родѣ. Рядомъ же съ ними есть другое, настоящее, окончаніе—*боль-ма*, *коль-ма*.

Имена женскаго рода на *a*,—имѣютъ въ Литовскомъ окончаніе Им. падежа *a*, которое едва ли можетъ быть названо сокращеніемъ, какъ въ языкѣ Латинскомъ *domin̄a*. Это просто окончаніе Им. падежа, утратившее приставное окончаніе падежа Творительнаго. То же должны мы сказать объ именахъ на *e* (возникшее изъ *ь*), имѣющихъ такое же *e* и въ Творит. пад.—Но за то имена женскаго рода на *i-s* (при чемъ мы допускаемъ еще поглощенное *i*), хотя не соотвѣтствуютъ окончаніямъ именъ женскаго рода, не допускающимъ вставочной посовой согласной, однако съ своей стороны доказываютъ, что вышеозначенныя окончанія суть окончанія позднѣйшія. Имена эти оканчиваются на *mi*, примѣръ — *avì-s* (наше древнее *овъ-ца*) — *avi-mì*; при чемъ опять поглощено заключительное *i*, какъ въ Им. падежѣ: слѣдовало бы *imi* или *emi*, т. е. *i-imi* или *i-emi*, *avi-imi* или *avi-emi*.—Имена женскаго рода, являющіяся при косвенныхъ падежахъ въ суффиксномъ видѣ и оканчивающіяся на *i*, имѣютъ тоже *mi*: здѣсь не предполагаемъ мы поглощеннаго *i* послѣ *i*, и въ этомъ смыслѣ окончаніе *mi* правильно.—Но какъ объяснить теперь это *mi*, въ именахъ женскаго рода? Мы должны предположить, что или эта вставка *m* явилась сама собою вслѣдствіе ослабленія первоначальнаго элемента склоненія въ именахъ женскаго рода, въ Творительномъ падежѣ: или просто форма женская Творит. замѣнилась формою мужескаго Твор., въ позднѣйшее время; или же, что вѣроятнѣе, имена женскаго рода на *i* увлеклись въ этомъ случаѣ, черезъ *ь*, сходствомъ съ именами мужескаго рода на *ь*. — Во всякомъ случаѣ это *mi*, въ Твор. пад. именъ женскаго рода, есть, какъ думаемъ мы, явленіе позднѣйшее. Доказательствомъ можетъ служить то, что имена ж. р. на *a* (самое полное коренное окончаніе женское) не имѣютъ, что весьма замѣчательно, въ Творительномъ падежѣ окончанія на *mi*.

Кромѣ Творительнаго падежа, Бопп (впрочемъ не одинъ онъ)

признаетъ еще другой или, лучше, онъ раздѣляетъ этотъ падежъ на двое, и одну половину называетъ *Instrumentalis*, а другую *Ablativ, Ablativus*. Смыслъ падежа въ основѣ остается тотъ же. Формы падежа Творительнаго, нами разсмотрѣнныя, причисляетъ онъ въ своей сравнительной грамматикѣ къ Instrumentalis; въ Латинскомъ языкѣ онъ Instrumentalis не находитъ и говоритъ о Творительномъ его падежѣ подъ рубрикою Ablativ. Но что̀ же это за падежъ? Боппъ говоритъ, что падежное окончаніе Ablativ-а есть *t*, это *t* не мудрено узнать, и точно самъ Боппъ говоритъ, что это есть мѣстоименіе *ta (тъ, та то)*, но это открытіе не ведетъ его далѣе ни къ чему. Онъ говоритъ, что мѣстоименіе это приняло уже въ среднемъ родѣ, въ Именительномъ и Винительномъ, *натуру падежнаго знака* или признака (Die Natur eines Casuszeichen's angenommen hat) и что, слѣдовательно, здѣсь—въ Ablativ—то же самое. Мы коснулись отчасти Именительнаго и Винительнаго среднихъ именъ,—и видѣли, какъ древнѣйшія формы Санскритскаго языка, формы Ведъ, противорѣчатъ теоріи Боппа, указывая на существовавшее нѣкогда вольное, повсюдное употребленіе (при всѣхъ словахъ) этого мѣстоименія *ta (тъ, та, то)*, присоединяющагося свободно къ слову, обыкновенно сзади. Просимъ не выпускать изъ виду примѣровъ этого употребленія. Боппъ самъ добросовѣстно приводитъ примѣры, но его объясненіе ничего не объясняетъ.—Посмотримъ, что̀ скажетъ намъ Albativ со своимъ падежнымъ признакомъ *t*.

Въ языкѣ Санскритскомъ этотъ Albativ встрѣчается только въ именахъ муж. и сред. рода на *a*. По настоящему, мысль наша уже ясна: это долженъ быть над. Творительный (Instrum.), къ которому придается мѣстоименіе *t* (*тъ*). Но языкъ Санскритскій, съ перваго взгляда, какъ бы противорѣчитъ этому: на пр. Instrum. *vrk-ê-n-a*, Ablativ *vrk-â-t*. Здѣсь какъ будто Abl. образуется изъ Именительнаго *vrk-a-s*. Разсмотримъ однако ближе. Въ окончаніи Abl. *ât*. *â*—долгое. Существуетъ мнѣніе (съ нимъ не соглашается Боппъ), что окончаніе Ablativ есть *ât*, съ которымъ слилось заключительное *a* (возникшее, по нашему мнѣнію, изъ *s*) Именительнаго падежа. Но самъ Боппъ готовъ допустить, принимая за знакъ Ablativ-а одно *t*, что можетъ быть окончаніе Ablativ-а — *at* — съ краткимъ *a*. Какъ бы то ни было, долгое *â* легко заставляетъ предполагать, что оно образовалось изъ двухъ *a*. Теперь вспомнимъ, что Творительный падежъ имѣетъ нѣсколько окончаній; что древнѣйшее Ведическое

есть *a*, присоединяемое къ окончанію Имен., слѣдовательно къ *a*, о которомъ теперь идетъ рѣчь; что позднѣйшее окончаніе принимаетъ вставку *n*, откуда имена на *a* образуютъ *ê-n-a*—*vrkê-n-a*; наконецъ, что есть еще позднѣйшее окончаніе въ именахъ муж. и ср. рода, окончаніе на согласную (т. е., по нашему мнѣнію, на поглощенный послѣ нея *z*), гдѣ *a* прямо придается къ окончанію Имен. и, можетъ быть принимая въ себя поглощенный *z*, не раздѣленный отъ того *a* ни смягченіемъ, ни вставочной согласной, становится долгимъ *â*, напр. Именит. *marut*, Твор. *marut-â*. Имена муж. на *a*, напр. *vrka-s*, могли имѣть древнѣйшее окончаніе — *vrkâ-ya*, а имѣютъ, какъ мы знаемъ, *vrkê-n-a*; но, еще въ древнія времена, прежде чѣмъ Творительный падежъ принялъ посовую букву, *a* Именительнаго падежа (*z*) и *a* Творительнаго могли превратиться въ одно долгое *â*. Или же, хотя это сомнительно, *z*, являющійся какъ *a* въ Именительномъ падежѣ передъ *s* и получившій такимъ образомъ гласность, могъ въ позднѣйшее время поглотиться и перейти такимъ образомъ въ окончательное Творительнаго *a*, возведя его въ *â*. При именахъ средняго рода мы видимъ то же самое: окончаніе *a* (*o*) могло быть поглощено, какъ это очевидно въ иныхъ словахъ средняго рода, на примѣръ *hrid*, гдѣ, думаемъ мы, поглощено если не *o*, то *e*, смягченное *o*. Впрочемъ, мы держимся скорѣе перваго объясненія, т. е., что *a* (*z*) въ именахъ муж. р. и *a* (*o*) въ имен. сред. р. слилось съ Творительнымъ *a* въ одно долгое *â*. Какъ бы то ни было, мы вполнѣ видимъ возможность принять именамъ на *a-s* въ муж. и на *a* въ среднемъ родѣ—Творительный падежъ на *â*, напр. *vrk-â*; предполагая, что здѣсь слились *a* и *a*, мы причисляемъ второе *a* къ падежу Творительному. Къ тому же падежу, какъ *vrk-â*, прибавилось потомъ *t*, *vrkâ-t*: оно могло прибавиться именно въ эпоху помянутаго слія-нія (двухъ *a*) и кристаллизоваться при Творительномъ падежѣ какъ одинъ изъ его видовъ, который получилъ впослѣдствіи даже особый оттѣнокъ значенія.

Языкъ Зендской представляетъ болѣе примѣровъ этого *Ablativ*. Въ именахъ оканчивающихся на *a* (*z* или *o*) языкъ Зендской съ перваго раза оправдываетъ наше предположеніе о Санскритскомъ языкѣ. Окончаніе *t* (или, все равно, *d*) придается въ немъ прямо къ Творительному: напр. Твор. *vĕhrk-a*, Abl. *vehrk-â-d*. Въ Ablativ *â*— долгое: по *t* могло быть присоединено къ Творительному именно въ ту эпоху, когда окончаніе его—*â*—имѣло долготу. Впрочемъ,

долгота и краткость не составляютъ здѣсь важнаго обстоятельства (какъ и въ предыдущемъ объясненіи): самъ Бопъ замѣчаетъ, что въ Зендскомъ языкѣ легко смѣняются *a* и *â*.—Имена на *i* представляютъ замѣчательную особенность. Ихъ Ablativ оканчивается на *ôi-d*, тогда какъ Твор. имѣетъ въ этихъ именахъ форму на *a*, передъ которымъ *i* обращается въ *y* или *j*, слѣдовательно, думаемъ мы, на *a* смягченное. Какъ же возникло *oi*? Здѣсь удивительно сходство съ Русскимъ Творительнымъ въ именахъ женскаго рода, именно съ окончаніемъ *ою*, которое переходитъ такъ же въ *оі* (*oi*). Нѣтъ сомнѣнія, что это *oi* здѣсь одинъ изъ видовъ Творительнаго: который же изъ нихъ древнѣе, *ya* или *oi*,—рѣшить не беремся. Въ языкѣ Русскомъ *мъ*, *ма*, *мо* прибавляются свободно; любопытно теперь сравнить женскіе Творительные Русскіе и Зендскіе: напр. *âfrît-ô-id*, *raǵôi-d*, *рукой-то*, *ruk-oi-t* (*o*); полногласіе заставляетъ насъ говорить *то*, а не *тъ*, но въ быстромъ разговорѣ возможно и *тъ*; или еще: *gar-ôi-t*, *гор-ой-тъ*, *goroi-t(o)*, по Московскому произношенію *gar-oi-t*. Сходство изумительное. Но однако здѣсь есть возраженіе. Зендскія имена жен. рода. на *i* имѣютъ въ Творит. окончаніе *ôi-d*, тогда какъ въ Русскомъ имѣютъ *ою*, имена женскія на *а*. Мы думаемъ, что въ *о-ю* — *а* Им. падежа перешло въ *о*, а *ю* (*у*) есть окончаніе Творительнаго падежа. Трудно думать, чтобы въ Зендскомъ языкѣ *i* перешло въ *о*. Можно объяснять двоякимъ образомъ: или что эти имена ж. р. на *i* въ Им. имѣютъ въ Зедскомъ языкѣ форму *a* вмѣсто *i* (быть можетъ потомъ утраченную), форму, которая и обнаруживается въ Творительномъ падежѣ извѣстнаго образованія (въ Ablativ); или же здѣсь происходитъ перестановка буквъ и окончаніе Творительнаго не *oi*, а *io*. Это второе мнѣніе подтверждается нѣсколько окончаніемъ Творительнаго, формы Ablativ, въ именахъ на *u* (*anhu'* — *anhau-d*, *tanu* — *tanau-d* и *tanv-ad*). Замѣчательно, что только *имена женскаго рода* имѣютъ въ Творительномъ— Ablativ — окончаніе на *oi*. Это говоритъ въ пользу перваго мнѣнія, которое мы предпочитаемъ, т. е. что здѣсь въ Творительномъ на *oi* обнаруживается другая, скрытая или утраченная, форма именъ ж. р. на *a*. Русской языкъ представляетъ примѣры такихъ двухъ окончаній: напр. *княгиня*, *княгини*: *лиса*, *лись* (*и*).— Имена на *u*, въ Творительномъ обыкновенномъ, измѣняютъ это *u* въ *v* и принимаютъ *a*: но въ Творительномъ съ *t* (Ablativ) они измѣняютъ *u* въ *au* и принимаютъ *au-d*. Трудно объяснить это

и въ им. ж. рода: быть можетъ это наше *ы*, быть можетъ гласная *v* (Англійское w), и подлежитъ особымъ измѣненіямъ; во всякомъ случаѣ это *ау* есть очевидно полнѣйшее окончаніе Творительнаго падежа, а *и* есть прибавочная гласная къ древнѣйшему окончанію Именительнаго *). А, какъ бы въ доказательство, что

*) Значительнымъ пособіемъ К. С—чу послужили бы здѣсь для разъясненія Слав. нарѣчія. Въ лихъ, по самой графикѣ или внѣшнему начертанію, особенно въ рукописяхъ отъ старины, весьма ясенъ постепенный переходъ отъ древнѣйшаго Творительнаго на долгое *а*. и въ двухъ развѣтвленіяхъ. Съ одной стороны: 1) является, какъ въ древнемъ Чешскомъ, пониженіе долгаго *а* въ долгое же *ау*: *rukau*. *rybau*. Прирастающее *и* есть зародышъ дальнѣйшаго согласнаго суффикса *в*, являющагося и у Восточныхъ нашихъ соплеменниковъ въ формѣ *ва* и *ав*, и у насъ во многихъ производныхъ (напр. *рук-ав-ъ*, *рук-ав-а*, — на рукѣ, нога—*ног-ав-ица*,—на ногѣ, переходъ къ Мѣстному, о чемъ ниже). Таково движеніе въ область согласную, которое, увидимъ сейчасъ, продолжается и далѣе: въ области же гласной, *ау* прежде всего есть Русское *ау*, потомъ (какъ въ Нѣмецкомъ и Англ.) *оу*, и даже *о*, сначала долгое *ó*, а за тѣмъ и простое *о*: отсюда въ Чешскомъ позднѣйшемъ Творит. *rukou*, *rybou*; отсюда и наши Русскія формы, *рук-ою*, *рыб-ою*, *ног-ою*, гдѣ одновременно и позднѣйшее *о*. и прирастающее *у*, и смягченіе его, ибо эти формы = *ruk-o-j-u*, *ryb-o-j-u*, *noh-o-j-u*. Что здѣсь, изъ области гласной и тематической, дѣйствуетъ уже направленіе въ область согласныхъ суффиксовъ и къ суффиксному склоненію, доказательствомъ служитъ множество производныхъ формъ на *ов*, *овъ*, *овь*, *ово*, *сво* (послѣднее при смягченіи, т. е. гдѣ *а* переходитъ въ *я*, *о* въ *е*: *зар-я*. *зар-с-ю*, *зар-сво*), а особенно появленіе Творительной формы въ средней письменности Восточнаго отдѣла Слав. нарѣчій, — именно *прав-ов-ь вьр-ов-ь*, *десп-ов-ь рук-ов-ь*. и т. п., съ чѣмъ совершенно согласны наши формы на *ой* и Восточныя на *ої*. ибо *рук-о-в-ь*, на примѣръ, = *ruk-o-j-ъ*. Объ этомъ суффиксномъ *в* мы поговоримъ еще послѣ. — 2) Отъ того же древнѣйшаго Творит. на долгое *а* постепенно выступаетъ форма, въ которой нараждается уже не *и* (*у*), а носовой звукъ, т. е. *н* или *м* въ его согласномъ отвердѣніи, какъ въ Польскомъ *ryb-ą*. *nog-ą*: здѣсь мы видимъ и древнее *а*, и прирастающій — наглядно — носовой звукъ, твердѣющій послѣ въ согласное *м* и *н*. да еще — кромѣ того — знакомое уже намъ пониженіе гласнаго звука *а* до *о*. ибо выговаривается не *рыбам*, *ногам* (*м* въ носъ), а *рыбом*, *ногом*. Отсюда-то суффиксное склоненіе въ Сербскомъ. женскій Творительный *руком*, *ногом*: отсюда и позднѣйшій, общій Славянамъ. мужескій Творительный на *омъ* и *емъ* (послѣдній при смягченіи): отсюда Двойственное на *ма* и эти, отчасти помянутыя, формы на *ма* и *мя*. какъ *лежма* и *лежмя*. *больма*. *весьма* и т. п.: наконецъ въ тысячахъ производныя формы съ отвердѣвшимъ согласнымъ суффиксомъ, на *омъ*, *емъ*, *онъ*, *енъ*, *омо*, *ено*, и т. д.. а равно. въ сродныхъ падежахъ на соплеменномъ Востокѣ и въ Европѣ, не только приставка *третьяго* падежнаго суффикса *т* (*l* или *d*). но даже формы *mal*, *mel*. *med*. *mit*. и т. п.. которыя вскорѣ разсмотримъ.—При

здѣсь въ Ablativ оказывается Творительный, а не какой другой падежъ, есть другая форма Ablativ-а именъ на *u*, въ которой *d* прямо придается къ явно-Творительному, напр. *tanau-d* (= *ta-n-o-d*) и *tanva-d*, *tanava-d* (Instrument. *tanva* отъ *tanu*). — Въ Именахъ женскаго рода на *â* и *î* Ablativ есть чистый Творительный, къ которому придается только *d*, напр. *dahma-yâ-d*, *urva-ra-yâ-d*. *barĕtr-yâ-d*. — Гласная *a* становится долгою, но какъ видно не всегда, да къ тому же сказано, что это не составляетъ большой важности, а особенно въ языкѣ Зендскомъ. Въ Именахъ (кажется всѣхъ родовъ), оканчивающихся на согласныя (при чемъ предполагаемъ мы поглощенныя окончательныя *ъ* и *ь*, *о* и *е*, *а* и *и*, Ablativ есть также чистый Творительный, къ которому придается только *d*. напр. *ap-a-d*, *âthr-a-d*. — И такъ, общій выводъ изъ Зендскаго языка есть несомнѣнно тотъ, что этотъ Ablativ есть не что иное, какъ Творительный, Instrumentalis, къ которому придается мѣстоименіе *d*, *t* (*тъ*). — Конечно, въ языкѣ здѣсь та же кристаллизація. Скажемъ: весьма понятно, что эта кристаллизація произошла въ болѣе древнее время и сберегла такимъ образомъ, можетъ быть, нѣкоторыя древнѣйшія формы Творительнаго.

Боппъ находитъ Ablativ и въ Латинскомъ языкѣ: но за то онъ не видитъ здѣсь, кажется, Instrumentalis. Разсмотрѣнный нами Творительный Латинскій падежъ причисляетъ онъ къ этому *Ablativ*. Но Латыни точно Творительный называется обыкновенно *Ablativus*. Но дѣло не въ названіи: дѣло въ томъ, что Ablativ и Instrumentalis — одинъ падежъ, и по смыслу, и по формѣ, какъ бы онъ ни назвался: но Русски мы называемъ этотъ падежъ Тво-

---

такихъ двухъ развѣтвленіяхъ. Церковно-славянскій языкъ, въ его *опредѣлившихся*, *письменныхъ* формахъ, представляетъ своимъ Творительнымъ явленіе, вовсе не древнѣйшее, напротивъ срединное и даже, можно сказать, подобно примѣру *правовь вѣровь*, — позднѣйшее, ибо соединяетъ и пониженное *о*, и прирастающій носовой звукъ ѫ, соотвѣтственный звуку *у*, и смягченіе между тѣмъ и другимъ: *рыб-о-і-ѫ* (ѭ), *ног-о-і-ѫ* (ѭ); такъ при томъ, что здѣсь происходитъ даже редупликація, повтореніе характеристическаго падежнаго отличія, и читать приходится не по просту *ryb-om*, *nog-om*, а — гадательно — *ryb-o-j-om*, *ryb-o-j-on*, *nog-o-j-om*, *nog-o-j-on*, — суффиксное развѣтвленіе еще дальнѣйшее по всей очевидности, подобное на примѣръ тому, какъ въ другой области при *дамъ*, *данъ*, *ѣмъ*, *сѣмъ* и т. п. являются *даю* (даѭ), *даемый*, *давать*, *даваемый*, *даванный*; *ѣдомый*, *ѣденный*; *сѣю* (сѣѭ), *сѣемый*, *сѣянный* (древн. *сѣтъ*, *сѣтый*); *сѣдю*, *сѣжу* (сѣдѭ, *сѣждѫ*), *сѣдомый*, *сиженный*, и т. д. — *Б.*

рительнымъ, при иностраной же номенклатурѣ мы предпочитаемъ названіе *Ablaticus*, какъ болѣе общее и установившееся. Въ иныхъ языкахъ, Санскритскомъ и Зендскомъ, падежъ этотъ, кристаллизовавшись въ особой своей исторической формѣ, точно могъ получить въ этой формѣ отдѣльный видъ падежа и даже сохранить при ней именно одинъ изъ оттѣнковъ своего значенія: но изслѣдованіе легко показываетъ, что это тотъ же самый падежъ, кристаллизовавшійся съ мѣстоименіемъ *тъ* (*t* или *d*), нѣкогда, какъ это опять видно при изслѣдованіи, свободно придававшимся ко всѣмъ падежамъ и почти ко всѣмъ словамъ. Слѣдовательно этотъ, такъ называемый, Ablativ Боппа со своимъ *t* или *d* (*тъ*) есть явленіе не древнѣйшее, но позднѣйшее въ языкѣ, возникшее исторически изъ кристаллизаціи. — Сказавъ свое мнѣніе объ Ablativ-ѣ Боппа и другихъ ученыхъ, посмотримъ, какъ отыскиваетъ Боппъ этотъ Ablativ въ языкѣ Латинскомъ.

Въ древне-Латинскомъ языкѣ Боппъ находитъ Творительный съ приставкою *d* (*d*, какъ извѣстно, все равно, что *m*). Это чистый Творительный, совершенно такой, какой является въ позднѣйшее время; къ нему придается только мѣстоименіе *m* (*d*), такъ: *praesente-d, senatu-d*, и пр. Но здѣсь опять встрѣчаетъ Боппъ противорѣчія, отъ которыхъ впрочемъ онъ легко отдѣлывается: кромѣ Творительнаго въ древнемъ языкѣ попадается Винительный— *inter se-d*. Этотъ примѣръ вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль о *t* (*тъ*) при падежахъ — *между себя-то*: но за то вполнѣ противорѣчитъ Боппу. Мало того, Плавтъ прямо употребляетъ въ Винительномъ *te-d, me-d* (*тебя-то, меня-то*). Это — новое подтвержденіе нашей мысли и новое затрудненіе для Боппа; впрочемъ, онъ легко выходитъ изъ затрудненій, говоря: для перваго можно принять, что *inter* могъ ставиться съ Ablativ *), а для втораго, что въ древнемъ языкѣ Ablativ съ Винительнымъ звучали одинако. На какомъ же основаніи? Такъ, ни на какомъ.

Латинскій языкъ всего ярче опровергаетъ придуманный Ablativ съ *d* (*l*) и еще ярче утверждаетъ нашу мысль о свободномъ нѣкогда употребленіи *тъ* (*то*) при падежахъ. Но какъ же объяснить то, что это *d* (*l*) не встрѣчается въ позднѣйшемъ обыкновенномъ Латинскомъ языкѣ? — Употребленіе *тъ* при падежахъ, вначалѣ свободное, какимъ оно было, можетъ статься, еще въ

*) Ср. *между собою*. Подробнѣе-особо.—*Б.*

эпоху древняго языка, до насъ дошедшаго, — теряя мало по малу свою свободу и смыслъ, могло кристаллизоваться при томъ или другомъ падежѣ (какъ мы это и видѣли) или просто потеряться: что и было въ языкѣ Латинскомъ (подобныхъ примѣровъ множество во всѣхъ языкахъ), тѣмъ болѣе, что у Римлянъ появилась классическая ученая литература, отъ которой часто богатству языка приходитъ плохо. Простой народъ не рѣдко сохраняетъ древнѣйшія формы, иногда кристаллизованныя, иногда остающіяся совершенно въ живомъ употребленіи. Всего чаще встрѣчаемъ мы тому примѣры въ языкѣ Русскаго простаго народа. Простонародный языкъ Плавта являетъ намъ такія формы, въ истинности и древности которыхъ всѣ соглашаются и которыя равно подтверждаютъ наше объясненіе употребленія *тъ* (*t*). А сохранилъ эти формы простой народъ; въ какомъ видѣ имѣлъ онъ ихъ тогда: въ кристаллизованномъ ли, или въ живомъ употребленіи, на это отвѣчать опредѣлительно трудно. Мы думаемъ, что не совсѣмъ въ кристаллизованномъ видѣ, ибо народъ, кромѣ *te-d* и *me-d*, говорилъ тогда *te* и *me*, какъ это видно у Плавта.

Есть одно странное слово въ Латинскомъ языкѣ, встрѣчающееся въ языкѣ классическихъ писателей, это *met*: *ego-met*, *me-met* и пр. Боппъ смѣло видитъ тутъ eine Art von verſteinerter Ablativform. Предположеніе его безъ всякихъ доказательствъ, объяснить *met* весьма трудно: но, какъ бы оно ни было объяснено, оно нисколько уже не *Ablativ-form*. И употребленіе его во всѣхъ лицахъ и во всѣхъ падежахъ противорѣчитъ этому рѣшительно. Соображенія Боппа такъ произвольны и неосновательны, что мы ихъ подробнѣе не приводимъ.

Какъ доказательство, что наше *тъ* (*то*) соотвѣтствуетъ Латинскому *d*, можемъ мы привести любопытное Русское слово — *семо*, что значитъ *но*, Латинское *sed*, *se-d*, въ древности *set*, *se-t*. Русскимъ *семо* объясняется въ то же время Латинское *sed*: но Русское слово удержало, какъ видно, первоначальную полную форму. Изъ Мѣстоименій, такимъ образомъ, возникъ не одинъ Союзъ, что очень любопытно изслѣдовать: нужно думать, что, подобно Русскому, Мѣстоименіе *се* существовало и въ Латинскомъ языкѣ, какъ видимъ въ сложныхъ словахъ: *is-te* — *этотъ* (*се-тотъ* или *се-тотъ*), *si-c* — *си-це*, предлогъ *съ* — *se* (*se-duco*, *съ-вожу*, *se-paro*, раздѣляю, вывожу *съ пары*: *Б.*), и т. п.*)

*) По многимъ вопросамъ К. С—чъ успѣвалъ лишь *набрасывать* замѣтки.

Переходимъ къ падежу Мѣстному. — Въ языкѣ Русскомъ Мѣстный падежъ оканчивается на *ѣ* въ именахъ мужескаго, средняго и женскаго рода (въ послѣднихъ при окончаніи Именит. *а*). Въ именахъ женскаго рода на *і* (*ь*), Мѣстный падежъ оканчивается на *и*. Окончанія эти, *ѣ* и *и*, замѣняютъ собою окончаніе Именительнаго (*ъ*, *ь*, *й*, *о*, *е*, *а*, *я*, *и*), а не придаются къ нему (какъ

которыхъ впрочемъ на долго хватитъ Русской литературѣ, чтобы пробавляться ими при господствующемъ бездѣйствіи мысли: но онъ не досказывалъ сотни подробностей, а особенно не приводилъ примѣровъ, которыхъ самъ могъ бы выставить тысячи. Для убѣжденія преемниковъ, самимъ преемникамъ остается добавлять многое. Это очевидно и въ настоящемъ случаѣ: нельзя удовлетвориться однимъ „*сближеніемъ*“ падежей по значенію и употребленію, или „*близостью* звуковъ“ въ падежныхъ формахъ и „*единственнымъ*“ примѣненіемъ повсюду мѣстоименія „*тотъ*“, какъ оно ни важно. Необходимо еще „*различить* значеніе падежей и уловить руководную нить, при которой пользуется языкъ тѣмъ или другимъ звукомъ для *различныхъ* оттѣнковъ представленія,“ выражаемыхъ падежами: здѣсь самое „*тотъ*“ получаетъ „*различныя примѣненія*“, а еще больше дѣйствуютъ „*другіе*“ мѣстоименные корни.—Въ единой Индо-Европейской семьѣ языковъ, всѣ почти падежи, и по смыслу, и по выраженію въ звукѣ, способны переливаться одинъ въ другой, какъ переливны и самыя категоріи умопредставляемыхъ отношеній, выражающихся падежами: но вмѣстѣ съ тѣмъ, существуя въ своемъ развѣтвленіи не даромъ и не безъ цѣли, различные падежи на каждую минуту своей „особой“ жизни удерживаютъ за собою извѣстную „степень особенности“. Такъ, „прямые“ падежи, Именит. и Зват., скорѣе другихъ сходятся между собою, въ силу именно „прямоты“ своей, несклонности или несклоняемости, совпадая съ первобытною темою: далѣе Винительный легко примыкаетъ къ нимъ (не только въ Средн., не только въ Муж., но и въ Женскомъ родѣ, при всей пассивности этого пола: „рука изломитъ“, „взять грамота“ и т. п.), какъ скоро выражается „прямое“ воздѣйствіе на предметъ: такъ, въ свою очередь, по направленію „куда (къ чему, чему)“, Дательный родится съ Мѣстнымъ, съ его признакомъ „гдѣ“, подобно какъ самыя мѣстоименныя частицы, особенно въ Слав. нарр., переливны здѣсь и почти тождественны (напр. *ѣждѣ* и *кѣдѣ*, изъ коихъ сократились *ідѣ*, *дѣ* и *дѣ-то*,— близки къ формѣ и даже порою значатъ *куда*, а на оборотъ *куды*, *ѣди* и т. п. употребляются по Слав. нарр. въ значеніи *ідѣ*; *ѣамо* = куда, а *туды* (tudy) = тамъ и т. д.); отсюда же у насъ Мѣстный на *у* всего ближе совпадаетъ съ Дательнымъ. И однакоже, какъ „прямые“ падежи все-таки розняться между собою степени своего образованія, частнымъ спеціальнымъ употребленіемъ и звуковою формою „различною“, которая имѣется „при сходной“: такъ еще больше разнится отъ нихъ Винительный, а тѣмъ паче расходятся между собою Дательный и Мѣстный, даже по самому ударенію сходныхъ формъ (любопытно, напримѣръ, замѣтить, что „въ глазу́“ отличается удареніемъ отъ „глазу,“ „верьху́“ и „на верьху́“ не то же, что „ве́рьху, къ ве́рь-

на примѣръ въ падежѣ Творительномъ). Иногда, въ именахъ мужескаго рода на *ъ* и женскаго рода на *я*, — скрытое въ *ъ* и *я*,— *и* превозмогаетъ, такъ что Мѣстный падежъ оканчивается на *и*, напр. *днѣ, дни, землѣ, земли*. Въ смѣшанномъ склоненіи *и* также превозмогаетъ: *на пути, во времени*. Тамъ же, гдѣ окончаніе *мень* сокращается, выступаетъ *нь*, напр. *на камени, на камнь*. И такъ,

---

ху," или не говорится „на́ лбу," а непремѣнно „на лбу́"). Совершенно таковъ же точно Ablativus, о которомъ шла теперь рѣчь въ „Граматикѣ." Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при употребленіи предлоговъ, онъ сходится съ нашимъ Предложнымъ, черезъ Предложный съ Мѣстнымъ, а черезъ сей послѣдній съ Дательнымъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ ни странно, мы замѣняемъ его въ употребленіи Родительнымъ, съ предлогомъ. Еще ближе сходится онъ съ Творительнымъ или Орудным (Instrumentalis), составляя съ симъ послѣднимъ собственно развѣтвленіе „одного и того же" падежа: какъ и разумѣлъ К. С. Аксаковъ, понимая Творительный „въ обширномъ смыслѣ" и совмѣщая въ немъ одинаково Instrumentalis и Ablativus. Тѣмъ не менѣе все-таки это есть „развѣтвленіе", весьма чувствительное по самому смыслу, а потому долженствующее отразиться въ звукѣ *особою звуковой формою:* она и есть въ языкахъ древнѣйшихъ. Именно главное, существенное и спеціальное отличіе Ablativ'а состоитъ въ направленіи „от-куда" (отвлеченіе—„отъ чего"): а по мѣрѣ, какъ самостоятельная форма его утрачивается, „значеніе" его выражается предлогомъ „*отъ*, Латинск. *ab* и *de*, особенно же, гдѣ *весь* Творительный, Ablativus-Instrumentalis, вовсе потерялся, замѣнившись исключительно искуственною предложною формаціей, на примѣръ въ Греческомъ языкѣ или въ Нѣмецкомъ—*von, mit*. За то подлинный смыслъ Ablativ'а, во всей спеціальности его звуковыхъ формъ, мы можемъ съ успѣхомъ наблюдать на древнѣйшей ступени языковъ, въ Санскритѣ, Зендѣ и отчасти въ древне-Латинскомъ: въ послѣднемъ уцѣлѣлъ онъ преимущественно при именахъ городовъ, подобно какъ у насъ старшій Дательный Достигательный и древній Мѣстный безъ предлога уцѣлѣли при древнемъ городѣ—*Кыеву, Кыевѣ*. Наблюдая же явленія, убѣждаемся, что это дѣйствительно падежъ „От-носительный" и очень хорошо названъ по Латыни „Ab-lativus:" въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, имъ выражаются наглядно—„отношеніе—откуда либо," „происхожденіе или зависимость отъ чего либо," „выводъ или выходъ изъ чего либо," „слѣдствіе изъ предыдущаго начала." Это, иначе, падежъ „Производный," даже отчасти „Причинный, "каузальный, Causalis: и въ семъ-то послѣднемъ оттѣнкѣ онъ переливается легко въ Орудный, Instrumentalis, ибо отвлеченное *отъ чего, почёмъ* и *почему* близко уже къ *чьмъ* (у насъ *тьмъ что = потому что*), — въ первомъ случаѣ Ablativus, въ послѣднемъ Instrumentalis.—Выдѣлить Ablativ изъ той общей области, гдѣ онъ роднится съ Творительнымъ или Орудным, и указать спеціальность его формъ,—составляетъ истинную заслугу Боппа: нужно бы только дополнить его выводы, разъяснивши взаимное отношеніе этихъ двухъ видовъ единаго надежнаго состава, отношеніе ихъ другъ ко другу, предѣлы ихъ различія и точки соприкос-

окончаніе Мѣстнаго Русскаго есть *ѣ* и *и*. Но кромѣ того есть замѣчательное окончаніе Мѣстнаго падежа, только для именъ мужескаго рода, — это *у*. Мы говорили уже объ этомъ *у* (см. в.): оно становится и въ Мѣстномъ, и въ Родительномъ, и въ Звательномъ падежѣ; мы объяснили это *у* падежемъ Дательнымъ, для котораго оно есть характеристическая окончательная буква *).— Замѣтимъ кстати, что языкъ Латинскій, и не такъ ясно Санскритскій, Зендскій, имѣютъ Родительный также на *и (у)*. Не смѣ-

---

новенія. Но за то Боппу, столь аккуратному, непростительно совершенное забвеніе другой или, лучше, третьей стороны вопроса: онъ упустилъ изъ виду и пропустилъ въ своей Граматикѣ *третій* видъ одного и того же самаго падежнаго состава, третью вѣтвь падежа, одинакую и равноправную какъ съ Instrumentalis, такъ съ Ablativus, даже больше—соединяющую ихъ и обобщающую тотъ *составъ*, коимъ они держатся вмѣстѣ,—это падежъ „Соединительный" или „Собирательный," „Сводный," это *Sociativus*. Такое забвеніе отразилось естественно и на выводахъ К. С. Аксакова: другіе же граматики и подавно, рабски слѣдуя Боппу, не спохватились о пропускѣ и не восполнили изслѣдованія, такъ что, можно сказать, въ этомъ случаѣ „деревня въ глазахъ сгорѣла." А между тѣмъ отсюда не только пострадала полнота, но даже воцарилась односторонность: и, какъ „безъ троицы домъ не строится," такъ безъ третьяго, и даже главнаго, соединительнаго элемента своего, падежъ явился какъ бы изувѣченнымъ.—Съ позволенія Издателя, мы беремъ на себя это неизбѣжное пополненіе и, такъ какъ оно довольно обширно, отводимъ ему особое мѣсто въ концѣ „Граматики." Это тѣмъ болѣе умѣстно, что К. С—чь, кончая Единственное число, видимо торопился, многаго не досказалъ, карандашемъ нѣсколько разъ отмѣтилъ необходимость еще разъ вернуться, но—вернуться уже не успѣлъ, и на насъ живыхъ остался этотъ долгъ передъ покойнымъ. — *Б.*

*) „А въ Звательномъ?" спрашиваетъ К. С—чь карандашемъ. И въ Звательномъ, скажемъ, приложимо то же самое объясненіе, ибо здѣсь предполагается поклонъ и привѣтствіе — *кому* (на прим. *Другу! Пріятелю!*). Особенно оригиналенъ здѣсь языкъ Сербскій, гдѣ, отъ Звательнаго, *у* и *ю* переходитъ даже на Именительный (по привычкѣ образовать сей послѣдній изъ всѣхъ формъ Звательнаго, такъ какъ живость встрѣчи вызываетъ невольное восклицаніе, а самое естественное восклицаніе есть *имя* предмета). Но въ немъ еще, кромѣ того, при извѣстныхъ оборотахъ восклицанія, употребляется даже Родительный (откуда и у насъ сходство Мѣстнаго на *у* не только съ Дательнымъ, но и съ Родит. на *у*,—*песку, лбу*), напр.: „Ал'ето ти Лютице Богдана!" Впрочемъ, употребленіе сего послѣдняго рода, встрѣчающееся обыкновено при лицахъ и предметахъ одушевленныхъ, по крайности *одушевляемыхъ* живымъ представленіемъ, мы склонны скорѣе объяснить Винительнымъ, который въ семъ случаѣ *сходенъ* съ Родительнымъ, для муж. рода: „*Вотъ тебѣ на* (возьми, погляди)—такого-то!" —*Б.*

емъ утверждать нашего объясненія Дательнымъ и для языка Латинскаго, ибо не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ: но если бы это было такъ, то тогда обнаружился бы въ языкѣ Латинскомъ, а можетъ быть въ Санскр. и Зенд., Дательный, сходный съ Русскимъ Дательнымъ.

Имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*), средняго на *a-m* (*о*), имѣютъ въ Санскритскомъ языкѣ совершенно то же окончаніе, какъ и въ Русскомъ, именно *ê* (*ѣ*): *vṛk-ê*, *śiv-ê*. Имена мужескаго рода на *i-s* (*ь*) и на *u-s* (*ъ*, быть можетъ съ примѣсью *г*, *и*, или съ особымъ удареніемъ) имѣютъ въ Мѣстномъ *âu*, что, думаемъ, соотвѣтствуетъ нашему Мѣстному *у*, напр. *kar-âu*, *sûn-âu*. Формы Мѣстнаго отъ *pat-i-s* и *sak-i-s*—*paty-âu*, *sakʏ-âu*—заставляютъ предполагать, что въ помянутыхъ двухъ словахъ поглощено *â* (*ъ*).— Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на согласную (при чемъ поглощенъ *ъ* или *ь*), суффиксныя и несуффиксныя, имѣютъ въ Мѣстномъ *i*, напр. *bʼarat-i*, *bʼratar-i*. И такъ, имена мужескаго рода въ Санскритскомъ языкѣ имѣютъ въ Мѣстномъ падежѣ всѣ окончанія, какія и у Русскаго Мѣстнаго: *ê*, *i*, *âu* — *ѣ*, *і*, *у*.— Имена средняго рода на *a-m* (*о*) имѣютъ въ Мѣстномъ *ê*: *śiv-ê*. Имена средняго рода на *i* (*е*), *u* или *o* (въ родѣ *ю*, или съ особымъ удареніемъ), не склоняются въ Санскритскомъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ падежей), что весьма замѣчательно, въ своемъ тематическомъ видѣ, но въ суффиксномъ, съ *n*; при этомъ весьма возможно и правдоподобно предположить смягченную гласную (на которую уже указываетъ *i*): имена эти имѣютъ въ Мѣстномъ *i*: *madʏ-n-i*. Имена средняго рода на согласную (при чемъ поглощено *o* или *e*), а также имена суффиксныя въ косвенныхъ падежахъ, напр. *nâm-a*, — имѣютъ *i*: *hrid-i*, *nâmn-i*. И такъ, имена средняго рода въ Санскритскомъ языкѣ имѣютъ въ Мѣстномъ падежѣ то же окончаніе, какъ и въ Русскомъ языкѣ: *ê*, *i* — *ѣ*, *і*. Въ Русскомъ языкѣ употребляется одно *ѣ*, но въ Церковнославянскомъ также *и*, напр. *пол-е*, *пол-и*; *мор-е*, *мор-и*.

Имена женскаго рода въ Санскритскомъ языкѣ имѣютъ отличительное отъ общаго окончаніе. Имена съ окончаніемъ *a* не измѣняютъ окончанія Именительнаго на другое окончаніе въ Мѣстномъ падежѣ, но прибавляютъ къ нему *yâm*, напр. *gihvâ-yâm*. Такъ же образуютъ Мѣстный падежъ имена на долгое *î* (*i-s*), при чемъ это *i* становится *у*, что показываетъ, какъ думаемъ, также смягченіе *a*, какъ послѣ *a*—*yâm*. Имена на долгое *û* (*û-s*), имѣютъ то же *âm*, при чемъ

u обращается въ *e* (*cad'û-s*, *cad'e-âm*).—Окончаніе это очень замѣчательно и объяснить его трудно; оно противорѣчитъ общему окончанію Мѣстнаго падежа, въ которомъ такъ сходятся всѣ языки. Самъ Боппъ, кажется, не очень благоволитъ къ нему. Согласіе всѣхъ языковъ въ Мѣстномъ падежѣ заставляетъ думать, что это какая ни будь форма особая, замѣнившая окончаніе Мѣстнаго падежа. — Замѣчательно, что наболѣе общее и, кажется, истинное окончаніе этого падежа, *i*, существуетъ въ односложныхъ именахъ женскихъ на *i* (*is*) и *û* (*û-s*) рядомъ съ окончаніемъ на *âm*. Имена женскаго рода на *i* (*i-s*) и *u* (*u-s*) оканчиваются или на *âm*, при чемъ *i* переходитъ въ *y*, а *u* въ *e*, или на *âu*, при чемъ этимъ окончаніемъ замѣняется *i* и *u* Именительнаго (не нужно говорить, что суффиксная буква *s* отбрасывается). Боппъ, основываясь на Зендскомъ языкѣ, думаетъ, что форма на *i*, въ Мѣстномъ падежѣ тамъ встрѣчаемая въ такихъ же словахъ, — древнѣе. И на сей разъ, опираясь на общее сходство языковъ, мы съ нимъ согласны. Самая уже шаткость этихъ окончаній отчасти говоритъ противъ ихъ подлинности. — Имена женскаго рода на согласную (при чемъ, думаемъ мы, поглощено *i*), несуффиксныя и суффиксныя, напримѣръ *duhita*, — имѣютъ *i*: *câć-i*, *duhitar-i*. Это окончаніе *i*, въ именахъ женскаго рода, соотвѣтствуетъ Русскому окончанію *и*. — Замѣчательно, что въ Санскритскомъ языкѣ, также какъ въ Русскомъ, окончаніе Мѣстнаго падежа *y* имѣютъ только имена мужескаго рода; ибо окончаніе нѣкоторыхъ женскихъ именъ Санскр. языка на *âu* не можетъ, кажется, быть принято за коренное настоящее окончаніе.

Въ языкѣ Зендскомъ имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *ô* (*o*)*), имѣютъ въ Мѣстномъ *ê*, напр. *çëhrk-ê*. Боппъ говоритъ, что вмѣсто этого *ê* становится иногда *ôi-s*, но не объясняетъ, когда и гдѣ именно, а только говоритъ, что имена съ основою (*Stamm*) на *i* принимаютъ окончаніе Родительнаго *ô-is*: въ примѣръ приводитъ Боппъ слово прилагательное и кажется въ женскомъ родѣ. — Имена мужескаго рода на *u-s* (*o*) имѣютъ въ Мѣстномъ падежѣ *ô*, при чемъ *u* переходитъ кажется въ *v*: *anhv-ô*. Боппъ называетъ это *ô* окончаніемъ Родительнаго, хотя говоритъ,

*) Боппъ думаетъ, что это *ô* изъ *a-s*: хотя кажется гораздо проще принять это окончаніе за *ô*, чѣмъ за *a-s*: но еслибъ даже и такъ, то тѣмъ не менѣе это *a-s* возникло изъ *a*, думаемъ мы (см. в.).

что въ Родительномъ употребительнѣе другая форма — *eu-s*. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы опровергать Боппа; не можемъ однако не замѣтить, что это *ô* соотвѣтствуетъ, кажется, нашему *у* въ Мѣстномъ падежѣ *). — Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на согласную (при чемъ, по нашему мнѣнію, поглощено заключительное ъ или скорѣе ъ), несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Мѣстномъ *i*: *barĕnt-i*, *aśmain-i*. — Объ именахъ средняго рода должны мы думать, что они оканчиваются одинаково или сходно съ именами мужескаго рода. По крайней мѣрѣ имена средняго рода на согласную (съ поглощеннымъ *о*, вѣроятнѣе *е*), несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Мѣстномъ *i* — *vaćah-i*, *nâmain-i*.

Имена женскаго рода, оканчивающіяся на долгія гласныя, имѣютъ въ Мѣстномъ падежѣ окончаніе *a*, придающееся къ окончанію Именительнаго, а не замѣняющее его, при чемъ это *a* смягчается, напр. *hisva-ya*, *bavaint-y-a*. Это окончаніе соотвѣтствуетъ, думаетъ Боппъ, Санскритскому *yâm*. Вѣроятно, тогда къ нему идетъ все, что̀ сказано нами о Санскритскомъ *yâm*. Имена женскаго рода на *i* имѣютъ окончаніе на *i*. Имена женск. р. на *u* не имѣютъ мужескаго окончанія *ô*, но также *i*, при чемъ *u* переходитъ въ *i*: *tanv-i*. Это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль, что *ô* въ Мѣстномъ падежѣ, въ именахъ мужескаго рода, не есть падежъ Родительный, но соотвѣтствуетъ нашему *у* (*и*) въ Мѣстномъ падежѣ: изъ *у* (*и*) вѣроятно и образовалось *ô*. Имена женскаго рода на согласную (при чемъ поглощено *и* (ь)) имѣютъ въ Мѣстномъ *i*.

Языкъ Латинскій несомнѣнно имѣетъ Мѣстный падежъ, оканчивающійся на *ae* (*ь*) и *i*. Объяснять его то Родительнымъ, то Дательнымъ, смотря потому, какъ относятся эти окончанія къ склоненію, очевидно ошибочно. Странно было бы, что при такомъ-то склоненіи Мѣстный выражается Родительнымъ, а при другомъ Дательнымъ: здѣсь перемѣнялся бы самый взглядъ ума отъ склоненія,

*) Не противъ этого и Боппъ: онъ именно приводитъ *ô* въ соотвѣтствіе съ Санскритск. окончаніемъ на *âu* (*âv*). Но, какъ долгое *ау* сходится конечно съ нашимъ *у* въ Мѣстномъ (при чемъ особое ударѐніе на немъ, помянутое выше, воспроизводитъ древнюю долготу), а это послѣднее напоминаетъ собою *у* нашего Родительнаго (скорѣе, скажемъ, Дательнаго), такъ точно Боппъ замѣчаетъ, что вообще въ Зендѣ окончаніе Мѣстнаго указываетъ часто на Родительный. — *Б.*

что̀ допустить несообразно. Самое это сходство напротивъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ падежемъ, показываетъ самостоятельность этого окончанія въ Мѣстномъ падежѣ, самостоятельность самого Мѣстнаго падежа. Объяснять на оборотъ Родительный первыхъ двухъ склоненій Мѣстнымъ падежемъ, чего нельзя сдѣлать для третьяго, принимать *Dativ-Locativ*, а также производить Дательный отъ Мѣстнаго, Мѣстный отъ Дательнаго, и сходство окончаній падежныхъ принимать за сходство самихъ падежей: все это крайне поверхностно и неосновательно. — Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ и неладныхъ объясненій явствуетъ только самостоятельность падежнаго окончанія и самого Мѣстнаго падежа.

Мѣстный падежъ въ Латинскомъ языкѣ по своему сходству съ другими падежами не такъ замѣтенъ; конечно даже окончаніе его могло имѣть вліяніе, безъ всякой замѣны падежа падежемъ, вліяніе чисто *буквенное*, *звуковое*, на другіе падежи: но, тѣмъ не менѣе, Мѣстный падежъ самостоятеленъ и самъ, самостоятельны и другіе падежи. — Имена мужескаго рода на *u-s (ъ)*, на *i-s (ь)*, на согласную (съ поглощеннымъ *ъ*),— имѣютъ въ Мѣстномъ *i*. Имена средняго рода на *um (о)*, на *e*, на согласную (съ поглощеннымъ *e*),—имѣютъ то же *i*. Въ доказательство самостоятельности Мѣстнаго падежа можемъ привести слово *dom-u-s*, Род. *domus*, Мѣстный *domi*, Русское *до́ма*. Въ именахъ средняго рода, принимающихъ въ Творительномъ *i*, хотя есть древнѣйшія указанія, что было и *e*, мы готовы видѣть окончаніе Мѣстнаго падежа, которое, чисто буквенно, при постепенномъ исчезаніи Мѣстнаго падежа, могло перейти по близости буквъ къ падежу Творительному.—Слово *die-s* мы должны причислить къ именамъ мужескаго рода, образовавшимся какъ *дне-сь*, *день-сь*, *die-s*. Оно имѣетъ въ Мѣстномъ *e*, *die*; по Русски *днь* и *дни*. Замѣчательно здѣсь, что имена мужеск. рода, какъ въ этомъ случаѣ, такъ еще виднѣе въ прилагательномъ на *u-s (ъ)*, имѣютъ въ Мѣстномъ и *e*: *die crastin-i* и *crastin-e*.

Имена женскаго рода на *a* имѣютъ въ Мѣстномъ падежѣ *ae (ѣ)*, совершенно какъ въ Русскомъ. Имена женскаго рода на *u-s (ы* или *и* по употребленію значенія, а быть можетъ *а*, какъ *собака-тъ*), *i-s* или на согласную, при чемъ поглощено *i (ь)*, имѣютъ *i*. Имена женскаго рода на *e-s* (при чемъ или поглощено *i*, или скорѣе просто *i* перешло въ *e*, ибо только два падежа имѣютъ полногласное окончаніе) имѣютъ въ Мѣстномъ *e*.

Въ языкѣ Латинскомъ Мѣстный падежъ находится и въ кристаллизованномъ, и въ позднѣйшемъ видѣ; но тѣмъ не менѣе мы находимъ два окончанія, какія и въ Русскомъ, — *ae*, *e (ь)* и *i (и)*. — Окончаніе *i* встрѣчаемъ мы въ именахъ мужескаго рода на *u-s (ъ)*; окончаніе *e* въ именахъ женскаго рода на *e-s* (кажется *i*). Между тѣмъ чрезвычайно важно и вполнѣ подтверждаетъ собою окончаніе Мѣстнаго падежа на *ь (e)*, въ Латинскомъ языкѣ, для именъ мужескаго рода на *ъ (us)*,—окончаніе Мѣстнаго падежа *e*, встрѣчающееся въ иныхъ словахъ, на примѣръ *crastin-e* отъ *crastin-u-s*. Здѣсь ужъ нельзя объяснить Творительнымъ падежемъ. Это же окончаніе Мѣстнаго падежа *e* — подтверждаетъ съ своей стороны самостоятельность окончанія того же падежа на *ae*, въ именахъ женскаго рода на *a*. — Выраженія *noctu*, *luci* — могли бы указывать на наше *у* въ Мѣстномъ падежѣ, но *noctu* женскаго рода и говорится *hac noctu*. Можетъ быть это измѣненный Мѣстный, а можетъ быть и Творительный.

Скажемъ здѣсь кстати, что вмѣсто Мѣстнаго падежа могутъ быть также употреблены и другіе падежи; но отъ сего нисколько не измѣняется, не поглощается и не вытѣсняется падежъ Мѣстный, а совершенно удерживается самостоятельный смыслъ каждаго падежа: какъ и всегда бываетъ при возможныхъ подобныхъ употребленіяхъ одного падежа на мѣсто другаго. У насъ, на примѣръ, вмѣсто Мѣстнаго, могутъ быть сказаны Родительный, Творительный. Винительный; даже есть возможность и для Дательнаго; на примѣръ: М. *вечеръ, утръ*; Р. *вечера, утра*; В. *вечеръ. утро;* Т. *вечеромъ, утромъ*. Мы можемъ сказать: онъ будетъ *вечéръ, утръ*, употребляется преимущественно въ смыслѣ *heri, cras*; онъ пріѣдетъ *сего вечера (вчерà—heri)*,—*сего утра*; онъ ѣдетъ *нынѣшній вечеръ (вечóръ — heri)*, *нынѣшнее утро*; онъ пріѣдетъ *утромъ, вечеромъ*.

Въ Литовскомъ языкѣ также есть Мѣстный падежъ. Имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*) оканчиваются, въ Мѣстномъ падежѣ, какъ во всѣхъ почти языкахъ, на *e* (*ь*), напр. *wilk-a-s*, *wilk-è*, *волкъ (замѣтить о сходствѣ съ Р. Твор. Литовскаго іи, если это имена ж. р. Вообще Литовскій языкъ требуетъ разсмотра)* *). Всѣ же другія имена принимаютъ въ Мѣстномъ окончаніе *je*; это окончаніе не замѣняетъ окончанія Именительнаго падежа (какъ

*) Такова приписка К. С — ча. — Есть и окончаніе *i* — *sunù-i*. — *Б.*

въ предыдущемъ разрядѣ именъ), а присоединяется къ его окончанію. Имена женскаго рода на *а*—измѣняютъ это *а* въ *о* передъ *je*, напр. *rank-à* — *rank-o-je*. Остальныя имена образуютъ вмѣстѣ съ окончаніемъ Именительнаго (настоящимъ и измѣненнымъ) — *e-je*, *i-je*, *u-je*. Въ сущности окончаніе остается то же—*e:* но оно придается къ окончанію Именительнаго и смягчается чрезъ предыдущую *й (и)*. Это невольно указываетъ на сходство окончанія Мѣстнаго падежа Санскритскаго *yâm* и Зендскаго *ya*. — Впрочемъ это смягченіе и прибавленіе окончанія къ Именительной формѣ могутъ быть объяснены фонетическою особенностью языковъ, или другою ихъ особенностью. Окончаніе Литовскаго *je*—кажется намъ болѣе настоящимъ окончаніемъ, чѣмъ Санскритское *yâm* и Зендское *ya*.

Переходимъ къ падежу Звательному.

Звательный падежъ неупотребителенъ теперь въ Русскомъ языкѣ: тѣмъ не менѣе онъ возможенъ и понятенъ для всякого Русскаго; въ иныхъ же словахъ онъ до сихъ поръ употребляется. — Во многихъ соплеменныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ онъ существуетъ доселѣ.—Имена мужескаго рода на *ъ* оканчиваются въ Звательномъ на *е* и *у*; имена муж. рода на *ь* и *й* оканчиваются на *ю*. Имена женскаго рода на *а* — оканчиваются въ Звательномъ на *о*, имена женскаго рода на *я* оканчиваются въ Звательномъ на *е*. Имена женскаго рода на *и*, являющееся большею частію, въ Именительномъ, въ видѣ сокращенномъ — *ь*, имѣютъ въ Звательномъ это *и* полногласно. Имена муж. рода смѣшаннаго склоненія—*путь*, *пламень* и пр.—имѣютъ въ Звательномъ также *и*, и это по нашему мнѣнію вполнѣ обнаруживаетъ, что въ сихъ именахъ *ь* есть сокращенное *и* и что слѣдовательно здѣсь окончаніе именъ есть женское *и*; смѣшанность же склоненія произтекла отъ употребленія ихъ въ мужескомъ родѣ и отъ близости, съ буквой *ь*, буквы *и*, которая и сама можетъ сокращаться въ *ь*. — Не надобно забывать (о чемъ мы не всегда при другихъ падежахъ напоминаемъ, по что и самому видѣть легко), что окончаніе Звательнаго падежа замѣняется окончаніемъ падежа Именительнаго. — Имена средняго рода Звательнаго не имѣютъ, что совершенно разумно и понятно.

Въ Санскритскомъ языкѣ имена мужескаго на *a-s* (*ъ*) остаются въ Звательномъ безъ суффикса и удерживаютъ *а*. возникшее изъ *ъ*; это, по нашему мнѣнію, и составляетъ знакъ харак-

теристическій Звательнаго падежа, т. е. гласную букву, возникшую даже и тамъ, гдѣ ея не было, какъ въ извѣстномъ случаѣ—*vrk-a*: ибо *a* возникло изъ *ъ* только по милости суффикса *s*. — Имена муж. рода на *u-s* (*ъ*) имѣютъ въ Звательномъ *ô*, соотвѣтствующее нашему Звательному — *у*: *sun-ô*, *сыну*. Здѣсь возникаетъ вопросъ, почему имена, оканчивающіяся на *ъ* (*a-s*, *u-s*), имѣютъ однако разницу въ Звательномъ падежѣ. Но эта разница обозначилась уже тѣмъ, что одни изъ нихъ образовали изъ *ъ*—*a* (*a-s*), а другія изъ *ъ*—*u* (*u-s*). Почему же произошла эта разница, на это вѣроятно есть фонетическія причины (эвфоническія); а быть можетъ здѣсь стояли поглощенныя буквы, ибо и въ Русскомъ языкѣ осталось нѣсколько словъ суффиксныхъ съ *у-съ* и *о-съ*,—*пар-у-съ*, *вол-о-съ*, очевидно образовавшихся изъ *ъ* съ суффиксомъ. Да и теперь иные произносятъ: *человѣк-о-тъ добрый*, а другіе: *человѣк-а-тъ добрый*. Имена мужескаго рода на *i-s* (*ь*) имѣютъ въ Звательномъ *ê*—*pâtê*, какъ это возможно и въ Русскомъ, хотя здѣсь у насъ ставится собственно *ю*. Имена мужескаго рода на согласную (съ поглощеннымъ *ъ*) потеряли Звательный и употребляютъ вмѣсто него падежъ Именительный (какъ тому служимъ и мы Русскіе примѣромъ); замѣчательно, что въ Звательномъ имена, суффиксныя при косвенныхъ падежахъ, употребляютъ также суффиксную форму, напр. *bhrâtar*. — Имена средняго рода не должны имѣть Звательнаго и не имѣютъ его въ Санскритскомъ, но тѣ, которыя имѣютъ въ Им. суффиксъ *т*, *dâna-m*, откидываютъ суффиксъ этотъ въ Звательномъ — *dâna*. Они остаются въ Именительномъ падежѣ, только безъ суффикса. Такое явленіе не противорѣчитъ отсутствію Звательнаго падежа средняго рода. Точно такъ же мало противорѣчитъ этому и другое противуположное явленіе: имена средняго рода, не имѣющія суффикса въ Им., но имѣющія суффиксъ въ косвенныхъ падежахъ (кромѣ Винительнаго), въ Звательномъ являются въ суффиксномъ видѣ, или же въ Именительномъ падежѣ: *nâman*. Впрочемъ и эта разница вѣроятно возникла въ позднѣйшее время, какъ и то, что нѣкоторыя изъ прочихъ именъ средняго рода, которыя безъ исключенія не имѣютъ Звательнаго (въ Звательномъ можетъ быть употребленъ Именительный), именно имена на *i* и *u*, могутъ имѣть и Звательный на подобіе другихъ именъ: *ê*, *ô*.—Имена женскаго рода на *a* и *i* (*i-s*) въ Звательномъ имѣютъ *ê*, довольно соотвѣтствующее нашему *о*. — Имена женскаго рода на *u* (*us*) имѣютъ въ Звательномъ *ô*; *u* не перехо-

дитъ въ *v*: *tan-ô*. — Имена женскаго рода на *î* и *û* удерживаютъ это *i* и *u* (суффиксъ, если есть, отбрасывается), какъ и въ Русскомъ языкѣ, въ подобномъ случаѣ, принимая Санскритское *u* за *ы*, которое остается у насъ тѣмъ же *ы* и въ Звательномъ (*свекр-ы*, Ц.славянск. *прькы*: въ суффиксѣ *ов-*, *ъв*). — Имена женскаго рода на согласную (при чемъ поглощено *a* или *i* (*ь*)) не имѣютъ Звательнаго; суффиксныя же въ косвенныхъ падежахъ имѣютъ и въ Звательномъ суффиксную форму, напр. *dúhitar*.

Имена мужескаго рода въ языкѣ Зендскомъ на *ô* (*ъ*) имѣютъ окончаніе, также какъ и въ Санскритскомъ, на *a*: *vĕhrk-a;* на *u-s* (*ъ*) и на *i-s* (*ь*) имѣютъ *u* и *i*, при чемъ они соотвѣтствуютъ Русскимъ окончаніямъ *у* и *и:* напр. *paś-u*, *pait-i*: *сын-у*, *Господ-и*. Имена мужескаго рода на согласную (при чемъ поглощено *ъ* или *ь*) не имѣютъ Звательнаго падежа, въ смыслѣ котораго употребляется падежъ Именительный, и даже съ суффиксомъ *s*. Имена, являющіяся въ косвенныхъ падежахъ въ суффиксномъ видѣ, удерживаютъ въ Звательномъ суффиксную форму, напр. *aśman*. Замѣчательно, что тѣ изъ сихъ именъ, которыя имѣютъ суффиксъ *r*, имѣютъ въ Звательномъ послѣ *r*—*ĕ*, какъ въ Русскомъ: *brâta-r-ĕ*.—Имена женскаго рода на *a* имѣютъ въ Звательномъ *ê* (*hizvê?*); имена женскаго рода на *i* (*i-s*, *i*) и *u* (*u-s*) удерживаютъ это *i* и *u* въ Звательномъ, согласно съ Русскимъ языкомъ въ первомъ случаѣ, а во второмъ если *u* — *и* (буква *u* требуетъ еще опредѣленія). Имена женскаго рода, оканчивающіяся на согласную, при чемъ поглощено *a* или *i* (*ь*), не имѣютъ Звательнаго падежа: *vâk'-s*. Тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ суффиксъ *r*, присоединяютъ въ Звательномъ къ *r*—*ĕ* (въ которое могло перейти и *i*), напр. *dugd'ar-ĕ*. — Имена средняго рода не имѣютъ Звательнаго; но здѣсь слѣдуетъ объ нихъ замѣтить, что въ Зендскомъ языкѣ, также какъ въ Санскритскомъ, тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ Именительномъ суффиксъ *m*, *e-m*, этотъ суффиксъ въ Звательномъ откидываютъ, при чемъ *e* переходитъ въ *a*, — *dâta* (по нашему мнѣнію здѣсь исчезаетъ смягченіе; *a* соотвѣтствуетъ здѣсь *o*); а тѣ, которыя имѣютъ несуффиксную форму въ Именительномъ и суффиксную форму въ косвенныхъ падежахъ, имѣютъ эту суффиксную форму и въ Звательномъ падежѣ,—*nâman:* въ обоихъ случаяхъ здѣсь въ Звательномъ употребленъ Именительный. За исключеніемъ этой, не измѣняющей дѣла, разницы, но, повторяемъ вѣроятно, возникшей позднѣе, — всѣ среднія имена, въ Зендскомъ языкѣ,

Звательнаго не имѣютъ, а употребляется въ Звательномъ Именительный падежъ.

Въ языкѣ Греческомъ Звательный сохранился только въ именахъ мужескаго рода, именно въ тѣхъ, которыя оканчиваются на *o-s* (*ъ*). Этотъ Звательный совершенно тотъ же, какъ и въ Русскомъ, *е*, которое становится вмѣсто окончанія Именительнаго падежа, напр. λόγ-ο-ς, λόγ-ε. Въ другихъ случаяхъ, въ Греческомъ языкѣ, или откидывается въ Звательномъ суффиксъ ς, напр. νεανία, βοῦ, πόλι, κῖ, σῦ, παῖ, или вмѣсто ς становится ν (являющееся какъ суффиксъ въ склоненіи и можетъ быть выпущенное въ Именительномъ падежѣ, — γίγα-ν), или гласная, находящаяся въ окончаніи Имен., перемѣняется на другую, болѣе среднюю и болѣе краткую, напр. αἰθήρ — αἰθέρ, ῥήτωρ — ῥῆτορ. Замѣчателенъ впрочемъ Звательный въ именахъ женскаго рода на ως и ω, имѣющій окончательную букву *i*: αἰδοῖ, ἠχοῖ; мы не можемъ не видѣть здѣсь окончанія Звательнаго на *i* (*и*), которое удержалось въ сихъ словахъ.

Въ языкѣ Латинскомъ Звательный падежъ удержался только въ однихъ именахъ мужескаго рода на *u-s* (*ъ*), и то втораго склоненія. Этотъ Звательный опять совершенно такъ же, какъ и въ Русскомъ, именно *е*, которое становится вмѣсто окончанія Именительнаго падежа, напр. *domin-u-s*, *domin-e*, *Господин-ъ*, *Господин-е*. То, что этого Звательнаго нѣтъ на *u-s* въ четвертомъ склоненіи, показываетъ, что въ окончаніяхъ этихъ *u-s* есть разница фонетическая (эвфоническая или можетъ быть здѣсь поглощена гласная буква). Въ остальныхъ именахъ вмѣсто Звательнаго употребляется Именительный.

Въ языкѣ Литовскомъ имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*) имѣютъ, въ Звательномъ падежѣ, какъ и въ Русскомъ, *е*, напр. *wilk-a-s*, *wilk-e*, *орл-е*. Имена мужескаго рода на *u-s* имѣютъ въ Звательномъ *au*, соотвѣтствующее Русскому *у*, напр. *sūn-ù-s*, *sūn-aŭ*, *сын-у*. Имена мужескаго рода на *i-s* (*ь*) удерживаютъ это *i*: какъ видно, здѣсь превозмогаетъ *i*, содержащееся въ *ь*. Имена мужескаго рода на *ĭ*, суффиксныя въ косвенныхъ падежахъ, имѣютъ въ Звательномъ, какъ и слѣдуетъ, тотъ же Именительный падежъ (*aktĭ* напр.). Имена женскаго рода на *a* утратили вѣроятно Звательный, ибо имѣютъ и въ Звательномъ *a* Именительнаго падежа, какъ и мы употребляемъ теперь падежъ Именительный вмѣсто Звательнаго. Имена женскаго рода на *e* (*и-ѣ*) имѣютъ въ Звательномъ

номъ то же улетучившееся *и* (*i*),—какъ *е*, а можетъ быть и просто Именительн. падежъ. Имена женскаго на *i-s* (*и-ь*) имѣютъ въ Звательномъ *j*—*е*; мы думаемъ, судя и по другимъ падежамъ, что здѣсь въ именахъ жен. рода на *i-s* поглощено, при *i* (*и*), другое *i* (*и*), которое производитъ смягченіе и улетучивается въ *е*. Имена женскаго рода на *с* (*и*, *ь*), суффиксныя, имѣютъ въ Звательномъ то же улетучившееся *и* (*i*), — какъ *е*, а можетъ быть и просто Именител. падежъ: *duktė*.

И такъ, падежъ Звательный, измѣняясь по различнымъ языкамъ въ суффиксѣ, однако сходенъ и основа имѣется та же.

Переходимъ къ числу Двойственному.

Двойственное число вообще не употребляется уже теперь въ Русскомъ языкѣ, и это одна изъ важнѣйшихъ его уступокъ времени: это число находится въ немъ однако кристаллизовавшимся въ нѣкоторыхъ словахъ и удерживается въ нѣкоторыхъ употребленіяхъ.—Но, въ древнее время, Двойственное число положительно встрѣчается въ Русскомъ языкѣ, а по его памятникамъ можно легко прослѣдить постепенное ослабленіе и искаженіе этого числа. Двойственное число находится во всей полнотѣ въ языкѣ Церковнославянскомъ, столь близко относящемся къ Русской письменности. Оно сохраняется и доселѣ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.—По всему этому мы внесли Двойственное число, имѣющее у насъ теперь историческій смыслъ, въ нашу Грамматику.

Нигдѣ, можетъ быть, какъ въ Двойственномъ числѣ, не видать такого поразительнаго сходства языка Русскаго (Славянскаго вообще) съ языкомъ Санскритскимъ и Зендскимъ. Самыя уклоненія, встрѣчающіяся въ этихъ языкахъ, еще болѣе подтверждаютъ сходство. Бопиъ уклоненія принимаетъ за настоящія окончанія и произвольность объясненій доводитъ здѣсь до высочайшей степени.

И такъ о падежѣ Именительномъ Двойственнаго числа, а вмѣстѣ Винительномъ и Звательномъ.

Въ языкѣ Русскомъ (Славянскомъ вообще) имена мужескаго рода на *ъ*, *ь*, *й* оканчиваются въ Именительномъ, Вин. и Зв. Двойственнаго на *а*, *я*. Имена мужескаго рода склоненія смѣшаннаго оканчиваются на *и*, или иногда на *я*, напр. *день*—*дни*, *дня*; *путь*—*пути*. Имена средняго рода на *о*—оканчиваются то же на *а* (Ц.слав. ѣ); имена средняго рода на *е*—оканчиваются на *и*. Имена средняго

рода суффиксныя оканчиваются то же на *и*, напр. *чудеси* (Ц.слав. ѣ, *тълесѣ*), *имени*: впрочемъ мы предполагаемъ здѣсь, въ этой суффиксной формѣ, родъ мужеской, при чемъ имя суффиксное здѣсь становится смѣшаннаго склоненія. Есть впрочемъ и другая тематическая форма, очевидно Двойственнаго числа, употребляемая у насъ теперь и вмѣсто Множественнаго: *очи*, *уши*; здѣсь является *и*, хотя Именительный оканчивается на *о*, а не на *е*: это объясняется можетъ быть тѣмъ, что *к* и *х* содержатъ въ себѣ возможность смягченія, которое и вызываетъ букву *и*, отвѣчающую обыкновенно смягченному *е*. Имена женскаго рода на *а*,—оканчиваются на *ъ*; имена женскаго рода на *я*,—имѣютъ на *и*; имена женскаго рода на *и* (*ь*) оканчиваются въ Именительномъ, Вин. и Зват. Двойственнаго на *и*. Слѣдовательно сила *и* здѣсь превозмогаетъ и не допускаетъ другаго окончанія, какъ это вообще видѣли мы въ склоненіяхъ именъ женскаго рода на *и*, которое хотя и сокращается въ *ь*, но котораго не надобно смѣшивать съ *ь* муж. рода.

И такъ, въ Русскомъ языкѣ Именительный, В. и Зв. падежъ Двойственнаго числа оканчивается въ именахъ мужескаго рода на *а*, *я*, иногда *и*; въ именахъ средняго то же на *а* (Ц.сл. ѣ) и *и*; въ именахъ женскаго на *ъ* и *и*.

Въ языкѣ Санскритскомъ, говоритъ Боппъ, имена мужескія и женскія оканчиваются на *âu*. Но это окончаніе существуетъ большею частію въ его убѣжденіи, ибо онъ принужденъ дѣлать разныя оговорки и исключенія, такъ что окончаніе изчезаетъ почти совершенно на дѣлѣ, а остается твердо лишь въ убѣжденіи Боппа, при чемъ онъ какъ бы не замѣчаетъ важныхъ себѣ противорѣчій. Точно также поступаетъ онъ и съ Зендскимъ языкомъ. Обратимся же напередъ къ языку Санскритскому.

Въ языкѣ Санскритскомъ имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*) оканчиваются въ И., В. и Зв. Дв. на *âu*, точно: но въ языкѣ Ведъ, языкѣ древнѣйшемъ, оканчиваются они на *â*. Кажется здѣсь заключеніе просто: *â* должно признать древнѣйшею формою, особенно если въ Ведахъ встрѣчается и та форма, которая сохранилась въ языкѣ поздпѣйшемъ. Это значитъ, что во время Ведъ древняя форма еще держалась: будь же это *â* уклоненіемъ отъ первоначальнаго образца, то конечно въ поздпѣйшее время удержалось бы *â*, не *âu*, а мы видимъ на оборотъ. И такъ, древняя форма въ И., В. и Зв. Дв. именъ мужескаго на *a-s* (*ъ*) совершенно та же, какъ и въ Русскомъ, *а*, напр. *ark-â*.—Имена мужескаго рода на *i-s* (*ь*)

имѣютъ въ Двойственномъ, И., В. и Зв., *î*, напр. *pât-î*, точно такъ же, какъ и у насъ въ склоненіи смѣшанномъ, напр. *путь-и*. Окончанія на *â-и* вовсе они не имѣютъ: слѣдовательно это уже чистое предположеніе Боппа.—Имена мужескаго рода на *и-s* (*ъ*) имѣютъ *â*, напр. *sûn-â*. Мы уже не однократно повторяли, что *a-s* (*ъ*) и *и-s* (*ъ*) не одно и то же: гласная *и* въ другихъ языкахъ очень трудна для опредѣленія и можетъ быть соотвѣтствуетъ нашему *ы*. Въ языкѣ Латинскомъ она часто ставится вмѣсто *i*, что̀ сильно намекаетъ на *ы*. Быть можетъ, самый звукъ этого *и* былъ не опредѣленъ. На букву *ы* не оканчиваются у Русскихъ имена мужескаго рода: но мы не видимъ невозможности для другихъ языковъ, особенно когда является опора въ суффиксѣ (Ц.слав. *плаиы*, *камы*). Эта буква можетъ выдаваться и одна въ теченіи склоненія, гдѣ условія надежныхъ окончаній даютъ ей возможность явиться самостоятельно, какъ напр. здѣсь, при Дв.: въ буквѣ *ы* заключается *и*, а потому весьма понятно, что она удерживается или является въ Двойственномъ, какъ *и* изъ *ъ*. Въ такомъ случаѣ и это окончаніе будетъ согласно съ Русскимъ, именно съ *и*, въ смѣшанномъ склоненіи. Окончанія же на *âи* имена мужескаго рода на *и-s* (*ь*) вовсе не имѣютъ *).—Имена

---

*) Прибавимъ въ разъясненіе, что, стало быть, по мнѣнію К. С—ча, въ настоящемъ случаѣ Санскритское *âи* (Русскими буквами *ây*), черезъ переходную посредствующую форму въ родѣ нашего *аы*, сближается по одну сторону, при именахъ на *a-s*, съ сочетаніемъ *a-i* (гдѣ *ы* = *i*). А звукъ *ai*, какъ извѣстно, равняется нашему *ъ* (долгота *â* при сочетаніи *âи* не противорѣчитъ сему, ибо означаетъ долготу *цѣлаго* сочетанія *аи*, а не одного *â*: обыкновенно, въ лѣствицѣ звуковъ, появляется сперва изъ простаго *a* двойное или долгое *â*; когда же къ нему прибавляется *и* или *i*, тогда становится *одно* долгое *аи*, одно долгое *ai*=*ъ*, а не порознь *a* долгое+*и* короткое или *a* долгое+*i* короткое. Въ противномъ случаѣ, при *a* долгомъ и *y* или *i* коротком̀ъ, звуки эти сейчасъ разойдутся порознь разнохарактерными вѣтвями и явится не *одно уже гласное сочетаніе*, а шагъ въ область *полугласную* и *согласную*, именно *ав* и *ай*). Если же это такъ, то важнымъ подтвержденіемъ мысли А — ва служитъ наше имя средняго рода на *о*, имя, которое прямо отвѣчаетъ муж. роду на *a-s*, а между тѣмъ въ Дв. имѣетъ либо *а* (и при томъ отъ старины долгое, какъ въ Санскритѣ, ибо нынче древнюю долготу замѣнило здѣсь удареніе: „два окна́, стекла́,“ не то, что Множ. „о́кна, стёкла“), либо *ъ*, особенно же въ Ц. Славянскомъ, — *дьлъ*, *добръ*, даже съ суффиксами, — *тьлесъ*. К. С—чъ почему-то опустилъ изъ виду разъясненіе сего послѣдняго окончанія и только ниже упомянулъ его въ скобкахъ — *стъ* и

муж. рода на согласную (при чемъ поглощенъ ъ или даже ь), несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Санскритскомъ обыкно-

---

двѣсть. Переходомъ же отъ *а* къ *ѣ* служитъ отчасти окончаніе Дв. въ муж. р. *при смягченіи*, именно *я*, т.-е *і* + *а*,—**коня, кря, добля**, ибо *і*+*а* есть уже переходъ къ *а* + *і* = *ѣ*, а смягченіе есть такая же „вторичная“ ступень въ лѣствицѣ разрастающихся звуковъ, какъ и долгота ихъ, и всякое растяженіе или расширеніе. — Съ другой стороны, если, при именахъ на *и-s*, долгое *ȋ* въ Дв. равняется по мнѣнію К. С—ча опять нашему *ы*, то въ семъ случаѣ нужно разумѣть не то „простое“ *ы*, которое близко къ *і* и есть лишь грубое *і* (извѣстное на примѣръ въ Малорусскомъ), а другой, и собственный, видъ сего звука, именно „долгое“ *и* = ъ + *і*, которое, извѣстно, раскрывается въ *ъв, ов, ав* и равняется симъ послѣднимъ сочетаніямъ (**рьк-ы, рьк-ъв-е**, *церковь; свекры—свекровь; кры—кровь—крава; плы—плав — плов*—и т. п.). Поелику же *ав* или *ау* = *ау* или *аи* и есть только дальнѣйшая ступень сего послѣдняго сочетанія, именно переходъ изъ гласной области въ согласную, потому долгое *ȃ* въ Дв. Санскрита при именахъ на *и-s* есть то же самое, что̀ приводимое Боппомъ *ȃи* при именахъ на *а-s*, только ступившее дальше и обратившее формацію *аи* въ одно *ȃ*; и мы показали уже при Творительномъ, какъ простое *а* переходитъ въ долгое *ȃ*, потомъ въ *аи* или *ои*, далѣе въ одно долгое *ȃ* или же въ согласную область — *ар, ор, ав, ов*. Слѣдовательно и мнѣніе Боппа о Дв. *ȃи*, при которомъ стоитъ *ȃ*, не есть какая либо особенность, а очень обычное явленіе въ движеніи звуковъ отъ первобытнаго *ȃ*, которое и служитъ отличіемъ Дв., къ дальнѣйшей долготѣ: особенна лишь его „исключительность,“ мѣтко схваченная и обличенная Аксаковымъ, который возстановилъ силу первобытнаго *ȃ*. — Добавимъ опять въ подтвержденіе К. С—чу, что самое сочетаніе *ау*, по видимому странное, а въ дѣйствительности переходное, возможно и существуетъ даже у насъ; нужно только, подобно какъ въ *я*, *і* + *а* = *а* + *і* = *ѣ*, переставить. изъ ъ + *і* или *ы* — *ъв* — *ав*, элементъ согласный *в* наперёдъ: тогда совершенно возможны и произносимы сочетанія—*въ*, а еще больше *ва*, или дальше, присоединяя къ ъ еще *і* въ концѣ, — *вы, авы* и т. п.; случай же къ сему, въ образованіи формъ, весьма часто встрѣчается. Такъ, говорили мы выше, при старшемъ Творит. на *ȃ*, развивается дальнѣйшій на *аи*, — *поиаи, рукаи*, а еще дальше, на переходѣ къ Мѣстному (отличіе коего *ѣ* = *аі* = *аи*), появляется *ав*, въ образованіи формъ *рук-ав-ъ* или *рука-въ*, *рук-ав-ица*, *ног-ав-ица* отъ древняго *ног-ав-ъ* или *нога-въ*, — то, что̀ на рукѣ, на ногѣ. Съ прибавкою *і*, характеризующаго Именительный Множ., по Слав. нарр. будетъ *рук-ȃв-у* или *рукȃ-ву*, *рук-ȃв-ы* или *рукȃ-вы* (Ед. *въ*, Множ *въ* + *і*, *вы*): Двойственное же, у насъ сохранившееся, въ Именительномъ какъ и въ Звательномъ, приметъ на концѣ *а* (согласивши *в* Единственнаго) и по обычаю перенесетъ къ нему ударение. на память его древней долготы, — а отсюда — *рукавȃ*. Вотъ вамъ и сочетанія *ар, ау*, явившіяся по случаю словообразованія (именъ Муж. р. изъ Женскаго, Множ. и Двойств. изъ Единственнаго), произнесенныя вмѣстѣ съ симъ какъ *въ, ва* и *авъ*, какъ *вы, ава* и *авы*.—*Б.*

вешномъ *âu*, а въ древнѣйшемъ, въ языкѣ Ведъ, *â*, напр. *bʼârant-â*, *bʼrâtar-â*. Это *â* совершенно совпадаетъ съ Русскимъ *а*, въ именахъ мужескаго рода на *ъ*, въ Двойственномъ числѣ. Гдѣ же *âu*? Оно существуетъ только въ двухъ разрядахъ именъ муж. рода, да и тутъ — древнѣйшая форма *â*; въ остальныхъ же именахъ *âu* вовсе нѣтъ.—Имена женскаго рода, оканчивающіяся на *â*, имѣютъ въ Двойственномъ, И., В. и З., *ê* (*ѣ*), напр. *gîhv-ê*. Окончанія на *âu* нѣтъ. Откуда же Боппъ беретъ окончаніе *âu*, о которомъ такъ рѣшительно возвѣстилъ онъ въ началѣ? Изъ языка Зендскаго, изъ котораго ему извѣстна въ семъ разрядѣ форма *âo;* но господствующее окончаніе и въ Зендскомъ есть также *ê*. Такое предпочтеніе весьма произвольно.—Имена женскаго рода на *i-s* (*и*, *ъ*) имѣютъ, какъ въ Русскомъ, то же *î*, напр. *prît-î*.—Имена женскаго рода на *î* имѣютъ въ Двойственномъ *âu*, напр. *Barišyanty-âu:* но и здѣсь встрѣчается въ Ведахъ форма на *î*, напр. *vârâh-î*. Въ такомъ случаѣ, опираясь на общій выводъ изъ окончаній Двойственнаго числа и на древности Ведъ, считаемъ мы форму на *î* древнѣйшею.—Имена женскаго рода на *u-s* (*ы*) имѣютъ въ Двойственномъ *û* (*у*). — Имена женскаго рода на *û-s* имѣютъ *âu*, — *radʼ-ûs*, *radʼv-âu:* хотя мы и не можемъ теперь представить другаго примѣра изъ Ведъ, но по аналогіи заключаемъ, что это *âu* есть позднѣйшее явленіе и что первоначально вѣроятно было *û*.— Имена женскаго рода на согласную (при чемъ поглощено вѣроятно *и*, *ъ*), суффиксныя и несуффиксныя, имѣютъ въ Ведахъ *â*, въ Санскритскомъ же обыкновенномъ *âu*, напр. *vâcʼ-â*, *duhitár-â*. Если здѣсь не вышло какой нибудь ошибки или не существуетъ особаго объясненія, то Ведическая форма не согласна здѣсь съ Русскою; и мы осмѣливаемся предположить, что здѣсь было нѣкогда *î*. — Замѣчательно, что имена жен. рода на *â*, полнѣйшія по своему окончанію и склоненію вообще, имѣютъ *ê* (*ѣ*).—Имена средняго рода на *a-m* (*о*) имѣютъ, какъ и въ Рускомъ, *ê* (*ѣ*), напр. *dân-ê*, *śat-ê* (*сто*, *двѣсти*). — Имена средняго рода на *i* (*е*) и *u* имѣютъ въ Двойственномъ, какъ и въ Русскомъ, *i*, при чемъ принимаютъ они форму суффиксную, какъ и во всемъ склоненіи, напр. *vâri-n-î*, *mâdʼu-n-î*. Опять здѣсь встрѣчаемъ неопредѣленную букву *n*, которая, переходя въ другія буквы, показываетъ свою неопредѣленность и была, можетъ статься, нѣчто среднее и часто измѣняющееся въ произношеніи, такъ что, можетъ быть, при именахъ мужескаго, женскаго и средняго

рода она произносилась не одинаково. Впрочемъ здѣсь въ Двойственномъ суффиксная форма даетъ возможность предположить при ней и другую букву, вѣроятнѣе Санскритское *i*, нашe *е* *).—

---

*) Если здѣсь при словѣ *madʹu*, „медъ," конечное *u* точно близко къ *i*, то уже ни въ какомъ случаѣ это не *е*, и К. С—чь напрасно отступилъ здѣсь отъ мнѣнія, столь твердо и ясно выставленнаго выше, о звукѣ *и*. Возможность для сего звука, по одну сторону его природы, сближаться съ *i*, о чемъ помянуто у насъ выше, подтверждается въ настоящемъ случаѣ примѣрами нѣкоторыхъ языковъ, гдѣ мы встрѣчаемъ *mil* (Нѣм.), какъ и въ Латинскомъ *mel*, съ мягкимъ *l*, указующимъ на присутствіе *i* или ъ (мель), особенно же языкомъ Греческимъ, съ его μέλ-ι, гдѣ *i* сохраняется даже въ косвенныхъ падежахъ при суффиксѣ τ (*т*), — μέλ-ι-τος (*мели-тос*, *меду-то*). Но эта близость къ *i* еще болѣе наводитъ насъ на присутствіе звука *и* и заставляетъ искать другой стороны его природы, именно родства съ *u* и *v* (*у* и *в*, въ случаѣ краткости, съ *û* и *au* (*ау*, *ав*, *ъв*, *ьв* въ случаѣ долготы). И дѣйствительно, мы находимъ такія формы, почти во всѣхъ древнѣйшихъ языкахъ, при томъ съ необыкновенной выдержкою. Въ Греч., при μέλ-ι существуетъ другая равнозначущая форма μέϑ-υ, гдѣ υ по природѣ есть краткое *у*, а въ произношеніи колеблется еще между *i* и *и* или *ju* (*ю*). Еще рѣшительнѣе *и* въ Санскритѣ и Зендѣ, гдѣ одинаково имя *madʹ-u* (*madh-u*, *мади-у*); въ Литовск. *med-ù-s* (*мед-ъ* + суфф. *съ*); Англосакс. *med-u*. Наше *мед-ъ*—форма по видимому сокращенная и слабѣе другихъ, но стоитъ только вспомнить, что въ народѣ до сихъ поръ держится по преимуществу форма *мед-и*, употребляемая нынѣ, по сходству окончанія, во множ. числѣ *соты-меды*, какъ одно сложное слово: въ родѣ *отецъ-мать*, употребляемаго также, вслѣдствіе сложности, во Множ. числѣ, — „отецъ-мать приказали, снимаютъ;" здѣсь наше *и*, какъ видите, совершенно отвѣчаетъ звуку *u* (*у*) въ Санскритѣ, Зендѣ, Греческомъ, Литовскомъ, Англосаксонскомъ. И вездѣ имя это одинаково означаетъ: 1) медъ сотовой, отъ пчелъ, откуда у насъ при *меды* прибавляется *соты*, какъ эпитетъ, возобновляющій подлинное значеніе корня въ словѣ *меды*); 2) питье изъ меду, медъ пьяный; 3) всякое питье пьяное, пиво, и даже 4) вино. — Но и этого мало: въ соотвѣтствіе нашему *ы* мы отыскиваемъ, разумѣется въ формахъ болѣе позднихъ и производныхъ, появленіе долгаго *û* (*ӯ*), съ его переходами въ *ъв*, *ьв*, *ов* и просто въ *в* передъ гласною. Таково у насъ *мед-ъв-янъ* или *мед-ьв-янъ*, *мед-ьв-ян-ый*, гдѣ *ъв* и *ьв* изъ *ӯ*, а суффиксъ *ян* или *н* совершенно тотъ же самый, съ которымъ склоняется слово „медъ" въ Санскритѣ, — *madʹ-u-nî* (*ni*); таково *мед-ов-ъ*, *мед-ов-ый*, отвѣчающее Греческому склоненію μέϑ-υ въ косвенныхъ падежахъ, напр. μέϑ-υ-ο-ς (*мед-в-о* = *мед-ов*; — „медовъ," притяжательное, по закону выводится отъ Родительнаго на *ӯ*, *оу*); даже въ Латинскомъ, разумѣется не зная сродныхъ формъ Славянскихъ, Бопцъ еще при старинномъ своемъ Санскритскомъ глоссаріѣ не усумнился выводить Родительный *mel-l-is* изъ *mel-v-is*, а это послѣднее изъ *med-v-is* (*мед-ъв-ис* или *мед-в-ис*; ср. нашу замѣтку при

Имена средняго рода на согласную, при чемъ, думаемъ, поглощено окончательное *e*, несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ опять также какъ въ Русскомъ *î*: *vácas-î*, *nàmn-î*.

И такъ, окончанія Двойственнаго числа въ Санскритскомъ языкѣ, — числа древняго, — въ падежѣ Именительномъ, В. и Зв. осо-

---

Творит., какъ изъ долгаго *и* образуются двумя вѣтвями суффиксы — одинъ со зв. *н*, другой со зв. *в*). — Вообще же слово это, одно изъ первобытнѣйшихъ, такъ важно для исторіи языковъ, а особенно для Славянъ, со времень еще Аттилы сопровождаемыхъ повсюду любимымъ „медомъ," что мы считаемъ не лишнимъ прибавить сюда еще нѣсколько выводовъ. Именно. I) Формы на *и (у)*, сопровождаемыя въ этомъ словѣ *Среднимъ* родомъ, и по звуку сему и по роду отвлеченному не могутъ быть слишкомъ первобытны. Одновременно съ ними, и въ нихъ же самихъ, второй согласный звукъ въ концѣ корня носилъ издавна характеръ *придыханія*, близко сроднаго со *смягченіемъ*: Санскр. и Зендск. *d' (dh)*, Греч. *ϑ (th)*, Нѣм. *th (Meth)*, у насъ соотвѣтствіе въ смягченной гласной — *ё (мёдъ)*, у Грековъ и Лат. переходъ въ *l (ль)*, наконецъ самое *i* въ концѣ, одна изъ сторонъ звука *и*: а смягченіе въ концѣ и особенно звукъ *i* суть по преимуществу признаки рода *Женскаго*. Потому при Греческомъ μέλ-ι-τ-ος, въ такомъ же отношеніи къ сему Родительному, какъ и прежде помянутые два суффикса со звуками *н* и *в* въ отношеніи къ формамъ и къ Родительному на *и (у)*, встрѣчаемъ *третій* суффиксъ, *t* и *s (т* и *с)*, а съ нимъ по Гречески рѣшительный *Женскій* родъ: это μέλ-ι-τα, μέλ-ι-ττα, μέλ-ι-σσα, по формѣ то же, что наша *моль-та*, *соль-та*, а по сравненію съ помянутыми формами отъ Зв. *у* или отъ другой стороны звука *ы*, то же самое, какъ бы сказать *мед-ов-а* — *мед-ов-ь*, *мед-ъв-ян-а* — *мед-ъв-ян-ь* или *мед-ян-ь*. Къ коренномъ смыслѣ слово этой формы значитъ опять — „текущая, сочная, поящая, сладкая," а по употребленію въ Греч. 1) тотъ же „медъ," но уже не отвлеченно въ Сред. р., а сверхъ того живо и олицетворенно — 2) „пчела," сосущая и точащая медъ; за тѣмъ, переноснѣе, — 3) „вѣщая жрица;" еще переноснѣе — 4) жрица и жрецъ „творчества, поэзіи;" миѳологически — 5) „Артемида — Діана;" символически — 6) „Луна — Мѣсяцъ." Это между прочимъ убѣждаетъ насъ, что означенное *соты-меды*, употребляемое позднѣе во Множ., по происхожденію есть форма *Женскаго* рода, подобно прочимъ на *ы* — *ирькы*, откуда *церковь*, — *кры*, откуда *кровь* и т. п. А еще лучше, при явномъ двойномъ складѣ сего слова и по сличенію съ Греческимъ *мелита*, *мелисса*, означающимъ и пчелу, и медъ, и жрицу, и жреца, и Артемиду, и Артемида (какъ въ Славянскомъ), и луну, и мѣсяцъ, — форма наша есть собственно форма того прадревняго *Общаго* рода, который несравненно старше выдѣлившагося позднѣе Средняго и напротивъ совмѣщаетъ въ себѣ возможность породить и родъ Женскій, и родъ Мужескій: какъ всѣ эти двойственныя натуры древнѣйшихъ боговъ и символовъ ихнихъ; какъ помянутое нами сложное слово „отецъ - мать;" какъ сложное *све-кры (своя-кровь)*, откуда равно и *свекровь*, и *свекоръ*; наконецъ какъ самое, столь, мы видѣли, двусмыс-

бенно совпадаютъ съ тѣми же окончаніями въ Русскомъ языкѣ. Имена мужескаго рода въ Русскомъ оканчиваются на *а* (*я*), *и*; въ Санскритскомъ на *â* и *î*, *î* и *û*; имена женскаго рода въ Русскомъ на *ь* и *и*, въ Санскритскомъ на *î*, *î* и *û*, также на *âu* и *â*: но эти два послѣднія окончанія, по нашему мнѣнію, подлежатъ

ленное и двустороннее ы, при которомъ возможна и Женская форма *крыкы* — *крыковь*, и Мужеская съ суф. *н* — *пламы* — *пламень* (замѣтьте при этомъ Общемъ отличіе Средняго *пламя*, *полымя*). — II) Въ исторіи словообразованія сперва является корень и суффиксъ, сливающійся въ единое слово единаго значенія; потомъ, по мѣрѣ развитія, тотъ и другой, не расходясь еще по формѣ и не выходя изъ видимой связи, обособляются внутреннимъ значеніемъ, или даже совмѣщаются два отдѣльныхъ слова, почему либо сродныхъ, въ одну тождественную форму, — это извѣстная эпоха *двойства* или *дуализма*; а наконецъ, когда и она минуетъ, и сложный организмъ раздѣлится на два особыхъ, одинъ изъ членовъ сего состава обычно *прибавляется* къ другому въ видѣ *эпитета*, напоминающаго о первобытномъ значеніи слова. Такъ, на ступени двойства въ помянутой нашей сложной формѣ, *соты* само по себѣ — какъ думаемъ — рода Общаго, а вмѣстѣ съ выдѣлившимся отсюда Мужескимъ родомъ — *сотъ*, ближайше сродно по значенію корня съ другимъ членомъ сочетанія — съ *меды* и *медъ*: имѣя при себѣ въ Санскритѣ корень *su* (онъ же и съ долгимъ — *sû*), рождать (откуда *сы-нъ*), изливать, точить сокъ (тотъ же корень *со* съ суф. *къ*), выжимать сокъ изъ растеній, возливать на жертвенникъ и напаивать боговъ сладостію жертвы („Indrae ad bibendum para libamen," „dulce libamen parate," переводъ Санскритскихъ изреченій, пользующихся словами отъ корня *su* — *сутам*, *суну*), — очевидно наши формы, древнѣйшая *съ-нъ* и позднѣе *сот-ъ* или *со-ты*, совершенно сходятся съ причастными формами отъ *su*, при суфф. *т* — *су-та* (въ Санскр.), при суф. *н* — *сы-нъ* (Санкр. *sû-nu*. *Sohn*). А что еще важнѣе, значеніе сего корня и производныхъ отъ него формъ одинаково съ помянутымъ *мелита*, какъ медъ, какъ сокъ травъ, какъ сладость, какъ предметъ первобытной жертвы, какъ дѣло жреца и жрицы, какъ напитокъ боговъ и людей, какъ лучшій плодъ земли и даръ небу или даръ неба и плодъ для земныхъ. Стало быть, *сотъ* совершенно = *медъ*, *соты* = *меды*. — Но III) *мелита* Греч., какъ форма обособившаяся и олицетворенная частицѣ — Женскимъ родомъ, на этой ступени требовала подновленія своему основному и первобытному смыслу, т. е. обычнаго эпитета, въ формѣ Прилагательнаго; таковъ и есть въ Греческомъ ξουθ-ός или ξανθ-ός, *постоянный* эпитетъ „мелиты:" ξουθὰ μέλιττα или μέλιττα. Соображая при семъ, что ξ въ самомъ Греч. = σ ξου=σου), а еще больше = нашему *с* въ соотвѣтственныхъ формахъ (ξυρ-ός *сур-ъ*, острый и быстрый, герой, = *шур-ъ*, остріе: ὀξ-ύς = *ос-трый* и т. п.); соображая еще, что ου въ Греч. породило изъ себя носовое αν, подобно нашему *оу*, *ў* или *ы*, которое также чередуется съ носовымъ *м*: не сомнѣваемся, что ξουθ- и ξανθ- совершенно = помянутымъ *сут*—*сыт*—(напоенный или пожравшій жертву)

еще изслѣдованію. Имена средняго рода въ Русскомъ на *ѣ* и *и*, въ Санскритскомъ на *ê* и *î*.

Въ языкѣ Зендскомъ, на который ссылается Боппъ, употребляются, по его собственному сознанію, преимущественно формы *â*, *û*, *ê* вмѣсто *âи*, по его мнѣнію—формы не настоящія.—Имена мужескаго рода на *ô* (*ъ*) въ Зендскомъ имѣютъ, въ Двойственномъ, И., В., Зв., *à* и *âo*.—Имена мужескаго рода на *i-s* (*ь*) имѣютъ *î*.—

сит—и *сот*—въ формѣ *сот-ъ*, *сот-и*. И такъ, Греч. эпитетъ *возстановляетъ* лишь то, что̀ уже извѣстно намъ порознь въ словахъ *сотъ* и *медъ*, а сложно въ *сотъ-меды*. Но онъ въ Греч. прибавляетъ еще новый оттѣнокъ — *цвѣтъ* меда, а переносно и пчелы, — „желтоватый и золотистый, русый (съ краснотою — о волосѣ людей и особенно о наружности пчелъ):“ быть можетъ отъ того же корня *су-*, только съ причастнымъ суф. *ъ* и черезъ форму *су-лъ*, *су-лый*, образовалось наше *сол-ов-ый*, употребляемое эпитетомъ пчелъ, особенно по Бѣлорусскимъ пѣснямъ.—А еще больше—IV) тому же представленію о токѣ и цвѣтѣ меда, отчасти о сладости его на вкусъ (Санскр. *су-ад*—*св-ад* или *св-â-д* и *св-î-ду*, наше *слад*—*солод*—), отчасти о зарожденіи его зернами и въ ячейкахъ сота или въ корѣ, обязано слово, позднѣе еще происшедшее и потому удержавшее мягкость согласной на концѣ корня, а гласную корня, *а* и *е*, растянувшее долгимъ *ъ*: это наше *мъд-ъ*, какъ руда и какъ цвѣтъ (*мъд-ян-ъ*, *мъд-ян-ка*), усвоенный особенно *мъс-яцу*, *Mond* (ср. μήνισσα о блѣдномъ мѣсяцѣ и Діанѣ). — Наконецъ V) названіе меда, плода сочнаго и сладкаго по преимуществу, перенесено на другіе плоды, позднѣйшей прививки и болѣе искусственнаго человѣческаго ухода: это μᾶλ-ον и μῆλ-ον, Лат. *mal-um*, Средн. же рода, — яблоко; это, подобно названію Пила — *Mel-o*, *Mel-on-is*, поящій, напаивающій и сладко питающій,—имя одного изъ самыхъ сочныхъ и медоваго цвѣта плодовъ, — *mel-o*, *mel-on-is*, *Mel-on-e*, *mel-o n*, по Гречески въ двойственной формѣ — μηλο-πέπων, дыня. Но, какъ здѣсь послѣдовало сильное измѣненіе древняго кореннаго звука на концѣ (*д* въ 1) черезъ посредство нѣсколькихъ ступеней, такъ у насъ, на такой же длинной дорогѣ, потеряно начало корня — *ме*: наша *ды-ня* (древнѣе *ди-нь*, какъ *княгиня* и *княгини*) урѣзана, полагаемъ мы, изъ *мед-и-ня*, *мед-ы-н-и*, Санскр. *mad'-i-n-i*, именно въ ту пору, когда языкъ, привыкши встрѣчать формы „двойныя,“ взглянулъ на *ме* какъ на одинъ изъ членовъ сложнаго сочетанія, который можно было отбросить. — Что касается VI) до нашей формы *мед-ъ*, то, по сравненію съ предыдущимъ, она хотя и ослабила коренной гласный звукъ, за то твердымъ согласнымъ *д*, окончаніемъ *ъ* и Мужескимъ родомъ, при томъ безъ дальнѣйшихъ суффиксовъ, очевидно старше многихъ поименованныхъ формъ, даже старше Нѣмецкаго *Meth*, съ коимъ однако ближе всѣхъ роднится, какъ издавна Славяне дѣлили съ Готами и Германцами сей древній напитокъ. — Самъ Приск̀ъ не узналъ въ нашемъ „медъ“ своего μεθυ и не смѣшалъ ихъ, напротивъ древнѣйшую форму нашу передалъ, какъ слѣдуетъ, Греческимъ μεδος: „ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ Μεδος ἐπιχωριος καλουμενος.“ — *Б.*

Имена муж. рода на *us* (ъ) имѣютъ *ù*.—Имена муж. рода на согласную (при чемъ поглощено ъ или даже ь), несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Двойственномъ числѣ *a* и *ào*, напр. *barant-a*, *bràtar-a*.—Имена женск. рода на *a* имѣютъ *ê* и *ào*, напр. *kiśr-ê*; на *ào* Боппу извѣстенъ одинъ примѣръ.—Имена женскаго рода на *i-s* (и, ь) имѣютъ *î*.—Имена женскаго рода на *î* (и, ь) имѣютъ *î*, а не *ào*.—Имена женскаго рода на *u-s* (ы) имѣютъ *ù*.—Имена женск. рода на согласную (при чемъ поглощена вѣроятно гласная и, ь), несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Двойственномъ *a* и *ào*: *càé-a*, *dughdhar-a*.—Имена средняго рода на *ĕ-m* (вѣроятно смягченное *o*, съ преобладаніемъ однако *e*) имѣютъ въ Двойственномъ *ê*. Имена средн. рода съ другими окончаніями не приведены у Боппа.

И такъ, Зендской языкъ столько же сходенъ съ Русскимъ въ Двойственномъ, Им., Вин. и Зв. падежахъ, какъ и Санскритской. Окончанія *àu*, *ào*, по нашему мнѣнію, позднѣйшія. Любопытно, для подтвержденія, узнать, сохраняется ли вполнѣ Двойственное въ Ведахъ и начинаетъ ли оно утрачиваться въ обыкновенномъ Санскритскомъ, или гдѣ употребляется болѣе? Это можетъ еще болѣе подтвердить наше мнѣніе.

Переходимъ къ языку Греческому.

Имена мужескаго рода на ο-ς (ъ) втор. скл. имѣютъ въ Двойственномъ ω. Имена муж. рода склоненія смѣшаннаго (перв. скл.) имѣютъ въ Двойственномъ α, но оно принадлежитъ по моему къ женскимъ окончаніямъ склоненія, какъ впрочемъ и все это склоненіе за исключеніемъ одного Родительнаго падежа Ед. ч.—Имена муж. рода на ι-ς, υ-ς (ь) или на согласную, съ поглощеннымъ ъ или ь, тр. скл., несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ ε, которое придается однако же, при ι-ς и υ-ς, къ ι и υ, какъ бы здѣсь поглощено было еще *i* (*ù*), что̀ можетъ быть и есть. Въ именахъ же муж. рода на ω-ς, имѣющихъ ε также послѣ ω, кажется на вѣрно можно сказать, поглощено послѣ ω—*i* (*ù*), которое Русскій языкъ, усвоивая себѣ слово, на пр. ἥρ-ω-ς, возвращаетъ къ жизни, на пр. *ἡρόù*.—Имена женск. рода на α и η, перв. скл., имѣютъ въ Двойственномъ α. Имена жен. рода тр. скл. на ι-ς, υ-ς (ι, ь), на ω-ς, послѣ котораго, а можетъ быть и послѣ первыхъ двухъ, поглощено, какъ думаемъ мы, *i*, имѣютъ въ Двойственномъ ε, присоединяющееся къ ι, υ, ω, при чемъ ι и υ иногда переходятъ въ ε, какъ и во всѣхъ падежахъ склоненія. Имена женск. рода на согласную, при чемъ поглощено, думаемъ, ι, ь, несуффиксныя

и суффиксныя, имѣютъ то же ε, прямо, разумѣется, послѣ согласной.—Имена средняго рода на ο-ν (*o*) вт. скл. имѣютъ въ Двойственномъ: ω *). Имена средн. рода трет. скл. на ι и υ (*i*) имѣютъ ε послѣ тѣхъ гласныхъ, которыя обращаются здѣсь, какъ и во всемъ склоненіи, въ ε. Это также заставляетъ предполагать здѣсь поглощенное *e*. Имена средняго рода на α-ς и ο-ς (*o* или *e*) имѣютъ въ Двойственномъ ε послѣ α и ο; впрочемъ слова на ο-ς имѣютъ сокращеніе, при чемъ они принимаютъ въ Двойственномъ η (γεν-η, κλ-ε-η). Имена средняго рода на согласную, несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Двойственномъ ε, разумѣется послѣ согласной. Здѣсь надобно замѣтить, что въ числѣ суффиксныхъ именъ средн. рода есть нѣкоторыя, о которыхъ говорятъ, что они *выкидываютъ* суффиксъ, именно ¯, но которыя, въ этомъ видѣ, мы скорѣе признаемъ за тематическія; такія имена принимаютъ сокращеніе и въ Двойственномъ имѣютъ α (κέρᾱ).

Вообще надо сказать, что сокращеніе (contractio) требуетъ, по нашему мнѣнію, вниманія, и безусловно принимать его нельзя. Сокращеніе съ виду—можетъ быть и не сокращеніемъ на самомъ дѣлѣ. Если при сокращеніи находится еще не сокращенная форма, тогда въ сокращеніи первой нельзя сомнѣваться **); но если сокращенная форма существуетъ одна, а по ея виду или по другимъ соображеніямъ дѣлаютъ предположеніе, что она сокращена, то здѣсь еще нельзя быть въ томъ увѣрену безъ несомнѣнныхъ доказательствъ; это можетъ быть и исключительнымъ склоненіемъ. Мы излагаемъ здѣсь только наши мнѣнія, ничего не утверждая рѣшительно и говоря только, что не худо бы обратить сюда вниманіе и хорошенько разсмотрѣть сокращенныя формы.

И такъ въ языкѣ Греческомъ, Двойственное число, Им., Вин. и Зв. падежи, является въ бѣдномъ и искаженномъ видѣ; не такъ какъ въ языкахъ Русскомъ (Славянск.), Санскритск. и Зендскомъ.

Въ языкѣ Латинскомъ Двойственное число исчезло.

Въ языкѣ Литовскомъ, имена мужескаго рода на *a-s*, *u-s* (ъ) и

---

*) „Не *au* ли это? справиться съ Санскритомъ,“ замѣчаетъ К. С. на полѣ при окончаніяхъ ω и очевидно возвращается симъ къ разобранному выше мнѣнію Боппа, которое показалось такъ странно при своей исключительности. — *Б.*

**) И, какъ доказалъ К. С—чь прежде, въ формѣ „несокращенной“ приходится напротивъ часто встрѣчать „растянутую“ съ помощію указательныхъ мѣстоименій въ родѣ члена на концѣ. — *Б.*

i-s (*ь*; но здѣсь вѣроятно поглощено послѣ *i* еще *i*. *и*, и такъ быть можетъ это *ій*), также имена мужескаго рода суффиксныя на *i-s* (*en-is*, не употребит. въ Им.). при чемъ поглощено кажется *и*, — имѣютъ въ Двойственномъ *и* *). Имена женск. рода на *и*, *i-s* (*и*), *е* (*и*), а также и суффиксныя на *i* (*er-i*, не употреб. въ Им.; при *i-s* и *i* поглощено можетъ быть еще *i*) — имѣютъ въ Двойственномъ *i*.

И такъ, Двойственное число въ Литовскомъ языкѣ является, какъ и въ Греческомъ, въ бѣдномъ и искаженномъ видѣ.

Переходимъ къ падежу Родительному и Мѣстному.

Родительный и Мѣстный Двойственнаго имѣютъ въ Русскомъ языкѣ одинаковое окончаніе; эта одинаковость обоихъ падежей находится и въ Санскритскомъ, и въ Зендскомъ языкѣ. Имена мужескаго рода на *ъ* въ Родительномъ и Мѣстномъ Двойственнаго оканчиваются на *у*; имена муж. рода на *ь* и *ій* оканчиваются въ Род. и М. Дв. на *ю*; имена же мужескаго рода на *ь* склоненія смѣшаннаго оканчиваются на *ю*, которое придается къ окончательной буквѣ Именительнаго *ь* или, по происхожденію, *и*: *нит-і-ю*. — Имена средняго рода на *о* имѣютъ въ Род. и Мѣстномъ Двойственнаго то же *у*; имена средн. рода на *е* имѣютъ *ю*. Имена средняго рода суффиксныя имѣютъ въ суффиксной формѣ *у*, напр. *времен-у*, *чудес-у*: это заставляетъ предпола-

*) Какъ при другихъ случаяхъ, такъ особенно при этомъ К. С. замѣчаетъ себѣ на полѣ — „справиться съ грамматикой Литовской.“ Вѣроятно языкъ Литовскій, столь близкій въ Двойственномъ къ Санскриту, возбуждалъ въ К. С — ѣ желаніе, по справкѣ, обратиться къ разъясненію этого *и*: и конечно онъ возвратился бы къ тому же положенію о звукѣ *ы*, столь мѣтко выставленному прежде и столь примѣнимому здѣсь, именно въ смыслѣ одной стороны звука — грубаго и неопредѣленнаго *і*, ибо въ Литовскомъ *и* Двойственнаго кратко. Любопытно, что, замѣтивъ эту послѣднюю особенность и, при близости къ Санкриту, явное несоотвѣтствіе долгому *ī* или *āи* Санскритскому, Бопп прибѣгаетъ къ предположенію, довольно смѣшному и противному его прежнимъ приговорамъ о господствѣ, о нормальности звука долгаго: „Das Litauische stützt sich bei seinen *i*- und *u*- Stämmen auf das erwähnte Sanskritische Princip der Unterdrückung der Endung, doch unterlässt es die Verlängerung des Stammvocals, oder vielmehr, es hat das ursprünglich verlängerte *ī* und *ū* im Laufe der Zeit wieder in seine Kürze zurücktreten lassen.... Jedenfalls ist die Uebereinstimmung der Lit. und Sanskr. Formen in den betreffenden Wortklassen so gross, dass man sie kaum für zufällig halten kann.“ — *Б.*

гать суффиксную форму средняго на *о*: *небес-о*, *чудес-о*, — о чемъ мы уже говорили выше. Имена сред. рода на *о* въ тематическомъ видѣ, послѣ буквъ допускающихъ смягченіе, напр. *ок-о*, *ух-о*. имѣющія въ Им. и Вин. Двойственнаго *очи*, *уши* и т. п., присоединяютъ, вслѣдствіе ли выдвинувшагося сильнаго характера *и* или вслѣдствіе благозвучія, *ю* къ *и*: напр. *оч-и-ю*, сокращенно *очью* (*во очью*), *ух-и-ю*. Это доказываетъ въ то же время тематичность сихъ формъ, тѣмъ болѣе, что Двойственное число есть число древнее, удержавшееся въ древнемъ видѣ, а сверхъ того еще потому, что тутъ же, вмѣстѣ съ тематическими, напр. *очію*, *ушію*, находятся и суффиксныя формы, напр. *чудес-и*. — Имена женск. рода на *а* имѣютъ въ Родительномъ и Мѣстномъ Двойственнаго то же *и*, а на *я* — конечно *ю*. Имена женск. рода на *и* (*і*) имѣютъ *ю*, но не замѣняютъ симъ окончательной буквы Именительнаго *и*, а придаютъ къ ней: *и-ю*; это впрочемъ свойство всякого склоненія, какъ скоро слово оканчивается на *и*: *и* не допускаетъ измѣненія, не переходитъ въ другую букву, не сливается, а допускаетъ буквы другія только послѣ себя, оставаясь какъ *и* или въ сокращенномъ своемъ видѣ какъ *ь*.

И такъ въ Русскомъ языкѣ Родит. и Мѣстный Двойственнаго оканчиваются одинаково для всѣхъ родовъ на *у*: это *у*, при смягченіи, является какъ *ю*. Въ иныхъ случаяхъ это *у* придается къ окончанію Именительнаго: но и кромѣ означенныхъ случаевъ, кажется намъ, есть возможность этому *ю* стать послѣ окончанія Именительнаго, исключая впрочемъ имена муж. рода на *а* и средняго на *о*: и кажется есть тому примѣры, на пр. *звѣрію* вмѣсто *звѣрю* (?). Въ сущности же окончаніе падежей. Родительнаго и Мѣстнаго, Двойственнаго числа, есть *у*.

Въ Санскритскомъ языкѣ Родительный и Мѣстный Двойственнаго имѣютъ общее для всѣхъ родовъ окончаніе: *ô-s*. Буква *s* есть очевидный суффиксъ; слѣдовательно окончаніе Род. и Мѣст. въ Двойственномъ числѣ есть *ô*, соотвѣтствующее нашему *у*. Разница здѣсь въ томъ, что это *ô* придается къ окончанію Именительнаго падежа, въ именахъ мужескаго рода на *a-s* (*а*) и *i-s* (*ь*); женскаго на *â*, *î-s* (*и*) и *û*; средняго на *a* (*о*): въ такомъ случаѣ эти гласныя остаются, а придающееся *ô* смягчается, напр. *vrk-a-yô-s*, *pat-yô-s* (какъ *ю*, *е*); *gîva-yô-s*, *mat-yô-s*, *nad-uô-s*: *śiva-yô-s*. Имена мужескаго рода на *u-s* и *î-s* перемѣняютъ это *u* въ *v* передъ *ô*, напр. *tan-v-ô-s*. Имена средняго рода на *i* и *u* припи-

имѣетъ, какъ обыкновенно, суффиксъ или просто носовую букву *n* передъ *o*, напр. *cari-n-ô-s*. Имена оканчивающіяся на согласную, при чемъ поглощена та или другая, смотря по родамъ, несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ въ Род. и М. Дв. *ô-s*, придающееся прямо къ согласной, напр. *vâć-ô-s*, *brâtṛ-ô-s*.

И такъ въ Санскритскомъ языкѣ общее окончаніе для всѣхъ родовъ въ падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ Двойственнаго числа есть *ô-s*, собственно *o*, соотвѣтствующее нашему *у*.

Въ Греческомъ языкѣ Родительный Двойственнаго имѣетъ одно окончаніе съ Дательнымъ: легко можно думать, что и Мѣстный принялъ его окончаніе *).

Въ Литовскомъ языкѣ падежей этихъ въ Двойственномъ не имѣется. Въ Родительномъ Двойственнаго употребляется форма Родительнаго множественнаго: *u, jų*. Впрочемъ можно думать, что Родительный Двойственнаго перешелъ во Множественное и удержался здѣсь. Во всякомъ случаѣ должна была существовать разница, которая теперь исчезла.

Переходимъ къ падежамъ Дательному и Творительному Двойственнаго числа.

Падежи Дательный и Творительный Двойственнаго числа имѣютъ одно общее окончаніе на *ma*, которое присоединяется къ окончанію Именительнаго падежа, въ именахъ всѣхъ родовъ. Окончаніе это, въ именахъ муж. рода, единственно ради благозвучія, ради гласнаго значенія окончательныхъ буквъ, переходитъ: *a* въ *o*: *ь* и *i* въ *e*. При этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, *ь*, будучи замѣтнѣе чѣмъ *a*, чрезъ отличительное свойство присущаго въ немъ *и*, можетъ, кажется, оставаться въ своемъ видѣ — *ь*. Съ другой стороны *и* женскаго рода, могущее сокращаться въ *ь* въ Именительномъ падежѣ, можетъ сокращаться въ *ь* и въ этихъ

*) „А въ Зендскомъ?“ спрашиваетъ послѣ сего К. С — чь на полѣ карандашемъ, но отвѣта не прибавляетъ. — Въ 1-мъ изданіи своей Граматики Боппъ отозвался, что по видимому Двойственное означенныхъ падежей здѣсь исчезло, подобно Литовскому. Но, какъ въ семъ послѣднемъ, по сравненію съ нарѣчіями Славянскими, пришлось отличить падежи Двойственнаго, хотя бы при сліяніи ихъ и видимомъ сходствѣ со Множественнымъ, такъ послѣдующія изданія Зендскихъ памятниковъ указали Мѣстный Двойственнаго на *ô*: то-есть безъ Санскритскаго *s* и еще ближе къ нашему *у (оу)*, — напр. *ubô-yô anh-v-ô* (при чемъ даже *o* перешло, смягчившись, въ *ё*, какъ у насъ *у* въ *ю*, — *обою*). — *Б.*

падежахъ Двойственнаго. Вотъ примѣры Дат. и Твор. Двойственнаго числа: *словѣк-о-ма, зверь-е-ма, злодѣ-е-ма; рук-а-ма, нещ-а-и-ма, лест-ь-ма; колѣн-о-ма, мор-е-ма.* Имена муж. рода смѣшаннаго склоненія имѣютъ *ь*, а равно *и* въ Дат. и Тв. Дв. Мы также можемъ указать, на примѣръ въ смягченныхъ окончаніяхъ, употребленіе, въ именахъ женскаго рода, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, средней буквы, на пр. *невѣжд-а-ма* и—*вѣжд-е-ма:* впрочемъ въ Именительномъ здѣсь носовое м(?), и намъ кажется такое объясненіе достаточнымъ. Какъ общее замѣчаніе, можемъ сказать, что въ смягченномъ окончаніи средняя *е* можетъ переходить въ *и* и *ь*; а *ь*, и вѣроятно *и*, можетъ переходить въ *е*. Этимъ объясняются тематическія слова *оч-и-ма, уш-и-ма:* буквы *к* и *г* смягчаются и потому становится подлѣ нихъ смягченное окончаніе падежа, смягченная гласная; эта смягченная гласная должна быть и въ именахъ средняго рода — *е*, и она-то выступаетъ смягчающею своею стороною—*и:* вѣроятно впрочемъ, что употреблялось скорѣе сначала *е: оч-е-ма, уш-е-ма* *). Въ доказательство можемъ указать на Двойственное *плещи:* въ Дат. и Тв. употребляется *плещ-е-ма, плещ-и-ма* и *плещ-ь-ма.* Нѣтъ никакой невозможности сказать также: *оч-ь-ма, уш-ь-ма.*—Замѣчательны здѣсь имена суффиксныя средняго рода; въ Дат. и Тв. Двойственнаго они прямо указываютъ на суффиксный Именительный и при томъ не одинаковый: такъ *тѣлес-ь-ма* и *телес-е-ма* указываетъ прямо на *тѣлесъ, имен-ь-ма* на *имень, племен-ь-ма* на *племень*, а *племен-о-ма* на *племено.* Этимъ подтверждается наше мнѣніе, которое высказали мы въ своемъ мѣстѣ объ Именительномъ суффиксномъ сихъ именъ, т. е., что онъ имѣлъ двѣ формы: на *ь* — мужескую и на *о*—среднюю. Что же касается до самого окончанія Дательнаго и Творительнаго падежей Двойственнаго числа—*ма*, то мы объясняемъ это окончаніе такъ же, какъ окончаніе Творительнаго Единственнаго числа. Буква *м*, думаемъ мы, вставная: слѣдовательно окончаніе Дат. и Тв. Дв. числа есть *а*, придающееся къ окончанію Именительнаго падежа (разумѣется Ед. числа). Въ такомъ случаѣ, мы видимъ сходство между этими падежами и Творительнымъ Единственнаго, именъ мужескаго и

*) Здѣсь какъ будто опять забыто объясненіе посредствомъ звука *и*. — На память при семъ замѣтка: „не худо привести примѣръ *двер-ь-ма (двер-ь-ми*, какъ *уш-ь-ми, оч-ь-ми*)." — *Б.*

средняго рода. Но здѣсь, вѣроятно, есть разница въ *силѣ* самого окончанія, въ силѣ самихъ буквъ, почему онѣ сокращаются, или измѣняются, или удерживаются въ своемъ видѣ; вслѣдствіе этой разницы имѣютъ онѣ вліяніе одна на другую и слѣдовательно отъ этого можетъ измѣняться форма самого окончанія. Точно то же вѣроятно и здѣсь, — и отъ того падежи Дательный и Тв. Двойственнаго числа удержали окончаніе *а* въ *ма*, *господин-а-ма*. а Творительный Единственнаго измѣнилъ это *а* въ *ъ—мъ*, *господин-о-мъ*; — быть можетъ въ первомъ случаѣ *а* долгое, во второмъ короткое.

Въ Санскритскомъ языкѣ, въ падежахъ Дательномъ и Творительномъ, встрѣчается то же общее и также для всѣхъ родовъ окончаніе: *bʻyâm*, которое придается къ окончанію Именительнаго (разумѣется Ед. числа). Имена мужескаго рода на *a-s*, *u-s* (*ъ*) и на *i-s* (*ь*) удерживаютъ это *а* (которое становится долгимъ *â*), *u* и *i*, что̀ и понятно, передъ *bʻyâm*. Имена средняго и женскаго рода удерживаютъ также свои Именительныя окончанія (разумѣется безъ суффикса *s*), при чемъ *а* (*о*) именъ средняго рода становится то же долгимъ—*â* (*vaća-s—vaćâ-bʻyâm*). Имена мужескаго, женскаго и средняго рода на согласную (при чемъ поглощены, какъ думаемъ, извѣстныя гласныя) принимаютъ, прямо къ согласной, окончаніе *bʻyâm*; согласныя переходятъ въ этомъ случаѣ: *t* въ *d*, *k* въ *g* и такъ далѣе. Вотъ примѣры: *ark-â-bʻyâm*, *tan-â-bʻyâm*, *vâg-bʻyâm*, *barad-bʻyâm*. Замѣчательно, что нныя слова, находящіяся по Именительному въ тематическомъ видѣ, напр. *âtmâ*, являются послѣ въ томъ же тематическомъ видѣ: *âtm-a-bʻyâm*. Еще замѣчательнѣе здѣсь слово средняго рода *vacas*. Въ этомъ словѣ *s* считается принадлежащимъ къ темѣ, — и дѣйствительно это не тотъ *подвижной s*, суффиксъ, который пристаетъ такъ охотно къ Именительному преимущественно, а къ другимъ падежамъ послѣ всѣхъ падежныхъ окончаній, именъ тематическихъ и суффиксныхъ: это тотъ *s*, который становится *постояннымъ* суффиксомъ, образуя суффиксное имя и суффиксное склоненіе, напр у насъ *коло*, *колесо*, *колесо*. Этотъ именно *s* видимъ мы въ имени средняго рода *vacas*, при которомъ считаемъ мы потерянныммъ *о* или *е* (*колесо*). Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь сохранилась и вторая форма— на *ъ*: *колесъ*, *vacas*, употребляемая, вслѣдствіе вліянія тематической формы, въ среднемъ родѣ. Въ Санскритскомъ это также становится возможнымъ, потому что въ немъ часто поглощаются при

именахъ гласныя окончанія. Зендской языкъ указываетъ на настоящую форму: *vaćô*, наше *вѣче* (*вѣчо*). Но Боппъ считаетъ здѣсь Зендское *ô* сокращеннымъ изъ *as* (здѣсь *s* считаетъ онъ частью темы, ибо это слово средн. рода) и доказываетъ, что при частицѣ *ća*, становящейся послѣ словъ, это *as* возникаетъ. Это *ća* походитъ на наше *же* и своимъ вліяніемъ могло требовать суффиксной формы, легко на него опирающейся; съ теченіемъ времени, при кристаллизаціи въ языкѣ, эта суффиксная форма имени сдѣлалась необходимою принадлежностью частицы *ća*. Замѣчательно теперь, что въ Санскритскомъ языкѣ, въ Дат. и Тв. Двойственнаго, *vaćas* является какъ *vaćô-b̔yâm*; слѣдовательно здѣсь обнаруживается, что *vaćas* — форма суффиксная: ибо здѣсь это слово является безъ *s*, не въ суффиксной, а въ тематической формѣ. Итакъ, *vaćô* весьма законно присоединяется въ этомъ видѣ къ окончанію Двойственнаго — *b̔yâm*, какъ наше *колѣно*, *колѣно-ма*.

Но что же это за окончаніе *b̔yâm*? — Боппъ, изслѣдуя разные падежи, находитъ соотвѣтствіе между *b* и *m* въ падежныхъ окончаніяхъ. Это допустить весьма возможно. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что такъ же, какъ послѣ окончанія Именительнаго становится въ Русскомъ *ма*, такъ въ Санскритскомъ становится *b̔yâ-m*: *m* здѣсь, кажется, прибавочная посовая согласная, Зендской языкъ ея не имѣетъ. Такимъ образомъ окончаніе Двойственнаго, Дат. и Тв., все же есть *a*, смягченное въ Санскритскомъ посредствующею буквою *b̔* (*m*). Мы готовы допустить, что *b̔* есть вставочная буква, какъ у насъ *м* *). Во всякомъ случаѣ, *b̔yâm*, оканчаніе Дат. и Тв. Двойственнаго, въ Санскритскомъ придается, какъ мы уже видѣли, къ именамъ точно такъ же, какъ наше *ма*. Языкъ Зендской вмѣсто *b̔yâm* имѣетъ въ Дат. и Тв. Двойственнаго *bya*, — форма по нашему мнѣнію болѣе первоначальная. Она, точно такъ же какъ и въ Санскритскомъ, придается къ окончанію Именительнаго (разумѣется безъ суффикса *s*). Замѣчательна впрочемъ нѣкоторая разница съ Санскритскимъ. Въ словахъ мужескаго рода на *ô* (*ъ*), окончаніе Именительнаго измѣняется нѣсколько передъ *bya*: говорится: *vĕhrkaći-bya* и *vĕhrkôi-bya*: вторая форма ближе къ Русской: *волк-о-ма*. Въ иныхъ же словахъ, несуффиксныхъ и суффиксныхъ, оканчивающихся на

*) О значеніи этого *b̔*, *b* или нашего *в* въ подобныхъ случаяхъ обѣщали мы сказать подробнѣе при падежахъ числа Множественнаго. — *Б.*

согласную, при которой поглощена гласная, вѣроятнѣе *ъ* или *ь*,— эта поглощенная выступаетъ, какъ въ Русскомъ языкѣ, передъ окончаніемъ *bja* и переходитъ въ *e*; такимъ образомъ эта форма Двойственнаго, въ Дат. и Тв., отдаляясь отъ соотвѣтствующей Санскритской, становится еще ближе къ Русской, наиболѣе подлинной формѣ, хотя у насъ возможна и та, и другая: *vaí-aś*, *vaí-ó*, при чемъ вѣроятно поглощено *ь* (*и*), въ Дат. и Тв. Двойственнаго имѣетъ *vaí-ĕ-bja*, гдѣ это *ь* (*и*) переходитъ въ *е*, какъ у насъ *вьлъ-е-ма*, употребляется и *вьлъ-ъ-ма*, *вьлъ-ь-ма*, что̀ удержалъ Санскритскій языкъ. Также суффиксное слово *brâtar*, при чемъ поглощено *ъ*, вѣроятнѣе *ь*, имѣетъ въ Дат. и Тв. Двойственнаго *brâtar-ĕ-bja*, при чемъ это *ъ*, совершенно какъ у насъ, переходитъ въ *е*, напр. *мытар-е-ма*, *ключар-е-ма*, *пчар-е-ма*: форма *мытар-ь-ма*, которую имѣетъ языкъ Санскритскій, хотя по нашему мнѣнію и возможна, но она здѣсь не настоящая, а либо еще не проявившаяся, либо сокращенная форма.

Переходимъ теперь къ языку Греческому и Литовскому.

Въ языкѣ Греческомъ имена мужескаго рода на ο-ς (*ъ*), имена средняго рода на ο-ν (*о*), имена жен. рода на α, оканчиваются въ Двойственномъ на ιν, которое придается къ окончанію Именительнаго, напр. λόγ-ο-ιν, σύκ-ο-ιν, μοῦσ-α-ιν. Всѣ имена третьяго склоненія имѣютъ также это окончаніе — ιν, въ Дат. и Тв. Двойственнаго числа: при чемъ въ именахъ несуффиксныхъ и суффиксныхъ, оканчивающихся на согласную, выступаетъ поглощенная при ней гласная (*ъ*, *ь*, *о*, *е*, *и*, *і*) и переходитъ въ *о*, напр. λαιλαπ-ό-ιν. Замѣчательно, что здѣсь въ именахъ, оканчивающихся на согласную, большею частію къ согласной придается не ιν, а ο-ιν. Мы думаемъ, что здѣсь согласная составляетъ часть самого слова и что при ней поглощена еще гласная, которая переходитъ въ *о*: такъ образуется ο-ιν. Замѣчательно также, что имена жен. рода перваго скл., оканчивающіяся на η, также мужескаго рода (по употребленію) оканчивающіяся на ης, имѣютъ въ Дат. и Тв. Двойственнаго числа не η-ιν, а напротивъ α-ιν: изъ этого слѣдуетъ, что существенное, настоящее окончаніе всѣхъ этихъ именъ въ Именительномъ падежѣ есть α, а не η: но это α смягчилось, вѣроятно уже въ послѣдствіи, въ η. Бопп видитъ въ окончаніи ιν измѣненное Санскритское: *bjâm*. Однако соображенія и доводы его кажутся намъ, хотя весьма остроумными, но не вполнѣ убѣдительными.

Въ языкѣ Литовскомъ, Дательный и Творительный (?) Двойственнаго существуетъ въ неполномъ видѣ; эти падежи утратили характеристическое свое окончаніе — гласную *a*, и у нихъ осталася только одна *m*, посовая посредствующая буква. Это *m* придается къ окончанію падежа Именительнаго, разумѣется безъ его подвижнаго суффикса, *s*; какъ скоро Именительный оканчивается на *ā*, перешедшее въ *a*,—*a-s* и въ *u*,—*u-s*, или на *ь*, перешедшее въ *i*,—*i-s*, то эти *a*, *u* и *i* удерживаются въ Д. и Тв. Дв. ч., тогда какъ въ Русскомъ языкѣ, въ тѣхъ же падежахъ, *ā* Имен. переходитъ въ *o*, а *ь* въ *e*. — Въ именахъ Женскаго рода на *a*, это *a* переходитъ въ Д. и Тв. Дв. ч. въ *o*, что такъ же противорѣчитъ Русскому языку, гдѣ это *a*, въ тѣхъ же падежахъ, не измѣняется. Имена Женскаго рода измѣнившія *i* на *e* въ Именительномъ падежѣ, удерживаютъ это *e* въ Дательномъ и Творительномъ Двойственнаго.

Двойственное число должно состоять въ тѣсной связи съ числомъ Множественнымъ, а по этому самыя окончанія падежей Двойственнаго и Множественнаго должны быть сродны. — Въ Русскомъ языкѣ Творительный падежъ даже Единственнаго числа сходенъ съ Творительнымъ Двойственнаго.—Трудно рѣшить, какое число появилось прежде, Двойственное или Множественное. Логически, Двойственное предшествуетъ Множественному, появились же оба числа вѣроятно современно. — Надѣемся поговорить далѣе объ отношеніи чиселъ между собою, въ окончаніяхъ падежей *).

Переходимъ къ числу Множественному, къ Именительному падежу.

Въ Русскомъ языкѣ Множественное число, въ Именит. падежѣ при именахъ Мужескаго и Женскаго рода, оканчивается на *и* (*ы*).

---

*) Мы обязаны выставить на видъ, что, при разсмотрѣніи Дв. числа, одно уже сближеніе древняго *a* (*y*) съ нашимъ *и*, у К. С-ча, оказываетъ такую услугу ученымъ выводамъ, какой напрасно ожидали бы мы отъ слабѣйшихъ преемниковъ Боппа въ разсѣченіи языковаго груза, подобныхъ Миклошичу и Янчу. Въ словѣ *соты-меды* мы указали древнѣйшій Общій *родъ*, изъ коего позднѣе вырабатывается Мужескій, Женскій и Средній. Но еще любопытнѣе, что Двойственный звукъ *и* выражаетъ здѣсь собою *число*, именно *Двойственное*, и что, по сличенію съ симъ, значительное количество словъ, кончащихся на *и*, *ы*, а переносно отвѣта на *а* (при Средн. р.), употребляемыхъ нами, и давно уже, во Множественномъ, оказывается напротивъ *въ древнѣйшей формѣ числа Двойственнаго*. Такіе выводы, обязанные чьякому взгляду А—ва, разъяснимъ мы въ концѣ особо.—*Б.*

Это *и* замѣняетъ собою окончаніе Именит. падежа Ед. ч., быть можетъ и сливаясь съ нимъ, или поглощая его. Имена Средняго рода имѣютъ во Множественномъ *а* или *я*, безъ исключенія, точно такъ же замѣняющія собою окончанія Единственнаго, *а* и *е*.—Имена Мужескаго рода имѣютъ сверхъ того окончаніе *а*, *е*, *я*, *ія*, *ья*, *ье*, *іе* и *е* съ суффиксомъ *s*, — *ве*. Объ этомъ мы уже говорили выше подробнѣе и объясняли такую замѣчательную особенность.

Въ языкѣ Санскритскомъ, какъ окончаніе Множественнаго въ Именительномъ падежѣ, видимъ мы въ именахъ Мужескаго и Женскаго рода *â*, опять съ суффиксомъ *s*: *â-s*. Это *а-s* придается къ окончанію Именительнаго падежа и иногда, кажется, сливается съ нимъ.—Буква *s* очевидно здѣсь такой же суффиксъ *съ* и кристаллизовавшійся также, какъ и въ Именительномъ Единственнаго.—Имена Мужескаго рода на *а-s* (*ъ*), имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *â-s*, сливающееся съ окончаніемъ Именительнаго Единственнаго, напр. *vrk-а-s*: хотя здѣсь можетъ быть просто *â* становится на мѣсто *ъ*; оно разнится отъ *а* Именительнаго Единственнаго тѣмъ, что тамъ *а* есть *ъ*, принявшій эту форму предъ суффиксомъ, а здѣсь это *â* есть положительное окончаніе, замѣняющее *ъ* или сливающееся съ нимъ, и потому долгое. Суффиксъ *s* можно понять и въ Русскомъ языкѣ какъ *съ*, придающееся къ Именительному. Возможно сказать, напр., *домы-си* или *домы-съ*; еще возможнѣе сказать *домы-ти* или *домы-ть*, вмѣсто чего чаще говорятъ *домы-то* или *домы-тъ*. Если же возьмемъ другую форму Именительнаго Множественнаго для именъ Муж. р. въ Русскомъ языкѣ, на *а*, то увидимъ близкое сходство съ Санскритскимъ, напр. *дом-и*; а если скажемъ *дом-а-съ*, *дом-â-s*, то увидимъ и поймемъ Санскритской падежъ, освобождающійся въ Русскомъ языкѣ отъ своей кристаллизаціи. — Имена Мужескаго рода на *и-s* (*ъ*) имѣютъ въ Санскритскомъ суффиксъ или м. б. вставку *г*, къ которой присоединяется *а-s*: тогда *ъ* предъ этимъ *а*, *г*, по Русски переходитъ въ *о*, а по Санскритски въ *а*, напр. *sûn-а-г-а-s*, въ Русскомъ *сын-о-в-е* или *сын-о-в-ы*. Этотъ *ъ*, имѣющій свойство разрѣшаться въ гласную *г*, *в*, въ Санскритскомъ языкѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣетъ форму *и*.— Имена Мужескаго рода на *і* (*ь*), представляя Имен. Ми. тоже на *и*, имѣютъ гуну, говоритъ Бопп: мы не противорѣчимъ этому: но едва ли гуною можно объяснить въ именахъ на *и-s* форму *sûn-а-г-а-s*. Это *г*, *а*, кажется имѣетъ другое, суффиксное или

просто эвфоническое, значеніе *). Имена Муж. р. на *i* (*ъ*) имѣютъ такимъ образомъ въ Им. Мн. *pat-i-s* — *pat-aya-s*. — Имена Мужескаго рода на согласную, при чемъ поглощена гласная *ъ* или *ь*, имѣютъ, суффиксныя и несуффиксныя, въ Им. Мн. *a-s*, присоединяющееся прямо къ согласной, напр. *b'arant-a-s*, *bratar-a-s*.— Имена Женскаго рода на *â* сливаютъ это *â* съ *â-s*, напр. *gihr-â-s*, форма, очевидно позднѣйшая, ибо такъ мало разницы въ Именительномъ падежѣ Единственнаго, и потомъ долгое *â*, слившись съ *â*, нисколько не показываетъ этого слитія. Можно впрочемъ принять, что *â* замѣняетъ здѣсь просто *à* Именительнаго Единственнаго. — Имена Женскаго рода на *i-s* (*и*) имѣютъ какъ и имена Муж. р.: *prîti-s* — *prît-aya-s*; имена на *î* просто присоединяютъ *a-s*, при чемъ это *a* смягчается, ибо *î* переходитъ въ *y*: *b'arišyanty-a-s*.—Имена Женскаго рода на *u* (*u-s*), также какъ и имена Муж. р., обращаютъ *u* въ *ar*; здѣсь *u* похоже на Русское *ы*, къ которому придается *a-s*: *tan-ar-a-s*. Имена Ж. р. на *û-s* (тоже вѣроятно *ы*) обращаютъ это *u* въ *r*, къ которому придается *a-s*: *vaŕ-a-s*.—Имена Женскаго рода на согласную, при чемъ поглощена вѣроятно *i* (*и*. *ъ*), несуффиксныя и суффиксныя, присоединяютъ къ согласной *a-s*: *vâŕ-a-s*, *duhitar-a-s*. — Имена Жен. р. въ Им. Мн. очевидно не сходны съ Русскимъ языкомъ. Что касается до *s* въ Им. Мн., именъ Ж. р., то объ немъ то же слѣдуетъ сказать, что̀ мы сказали; говоря объ Им. Мн. именъ м. р.— Имена Средняго рода на *a-m* (*о*), *i* (*е*), *u* (можетъ быть *ы*, *е*) всѣ имѣютъ суффиксную форму и въ Именительномъ Множественнаго: *dâmâ-n-i*, *vârî-n-i*, *maŕû-n-i*. Эта форма совершенно противорѣчитъ Русскому языку, а также и другимъ языкамъ. Имена Средняго рода на согласную, при чемъ вѣроятно поглощено *о* или *е*, несуффиксныя и суффиксныя, имѣютъ тоже *i*: *vaćâns-i*, *nâmâ-n-i*.

Въ языкѣ Зендскомъ Именительный падежъ Множественнаго числа, въ именахъ Мужескаго и Женскаго рода, оканчивается на *ô*. Мы говорили уже, что едва ли можно считать это *ô* за возникшее изъ *a-s*, основываясь на частицахъ въ родѣ *ća*. Быть можетъ это просто *a*, перешедшее въ *o*; но, не дѣлая никакихъ предположеній, примемъ это окончаніе, какимъ оно есть. — Это *ô* становится послѣ окончательной гласной Именительнаго Единственнаго и не сливается съ этимъ окончаніемъ, какъ тому при-

*) Объ этомъ подробнѣе при Дат. и Творит.—*Б.*

мѣры видимъ въ Санскритскомъ, что̀ нарушаетъ даже его соотвѣтствіе сочетанію *a-s*.—Въ именахъ М. и Ж. р. на согласную, прямо къ согласной присоединяется *ô*; но однако и здѣсь есть примѣры употребленія *âo* вмѣсто *ô*: какъ будто здѣсь поглощенная гласная переходитъ въ *â*, послѣ которой присоединяется *o*.—Надобно прибавить, что имена Мужескаго и Женскаго рода на *i*, *i-s* (*ь*, *и*), перемѣняютъ это *i* передъ *ô* въ *y*, слѣдовательно *ô* смягчается: *pait-y-ô*, *âfrît-y-ô*. — Имена Муж. и Жен. р. на *u-s* (*ъ*, *ы*) перемѣняютъ это *u* на *v* передъ *ô*: *paś-v-ô*, *tan-v-ô*. — Если Санскритское *â-s* соотвѣтствуетъ, можетъ быть, нашему *a*, употребляемому у насъ, какъ и слѣдуетъ, только въ именахъ Мужескаго рода, то Зендское *ô* соотвѣтствуетъ, быть можетъ, нашему *e* или *ie*. Гласная *e* имѣетъ ближайшую связь и по переходу, и по звуку, съ *o*, въ Русскомъ языкѣ она легко смягчается въ *ё* (*io*), напр.: *сожи́тіе*, *житьё* и т. д.: *житьё* собственно есть *жит-ь-о*, при чемъ *о* смягчается въ *iô* (*ё*). Наше Множественное на *ie*, *ьё*, *суч-ie*, *сучьё*, очевидно одинаково съ *o*; *o* и *e* въ Русскомъ языкѣ почти могутъ считаться за одну букву. Въ такомъ случаѣ сходство Множественнаго Зендскаго *ô* и нашего Множественнаго *ie*, Зендск. *yô* и нашего *ьё* или *ьо*, впрочемъ только въ Им. Муж. рода, кажется намъ возможнымъ. Замѣчательно также, что это *o*, не замѣняетъ, какъ и у насъ, окончанія Именительнаго падежа, а придается къ нему. — Въ именахъ на *i* это сходство достигаетъ высшей степени; Зендское *pait-yô* должно написать по Русски *наит-ьё* или *найт-ie*, а это есть наше *путі-е*, *путь-е* (*рас-путье*), *пут-ьё*, какъ *угол-ьё*.—Бо̀льшую разницу составляетъ то, что въ именахъ Женскаго рода, въ Зендскомъ языкѣ, — является это же окончаніе *ô*. Имена Средняго рода въ Зендскомъ языкѣ, несуффиксныя и суффиксныя, оканчиваются въ Им. Множ. совершенно законно и, какъ мы увѣрены, первоначально, на *a*: *var-a*, *madh-v-a*, *nàm-a-n-a*. Хотя встрѣчается въ Зендскомъ языкѣ одно весьма важное обстоятельство, которому удивляется Боппъ, какъ необыкновенному, а именно, что Среднее окончаніе во Множественномъ, *a*, имѣютъ и другія имена, кромѣ именъ Средняго рода. Боппъ не знаетъ Русскаго языка: иначе это явленіе не показалось бы ему столь необыкновеннымъ. Къ чести Боппа должно сказать, что онъ цѣнитъ вполнѣ такую особенность языка: тѣмъ болѣе чести знаменитому ученому, что онъ не былъ здѣсь подкрѣпленъ языкомъ Русскимъ, ему

неизвѣстнымъ. А для Русскаго это Множественное на *а* такъ понятно, такъ чувствуется его особый оттѣнокъ отъ обыкновеннаго Множественнаго, *и*, — оттѣнокъ, выражающій совокупность, *массу* вещей, именно оттѣнокъ Средняго рода. Но опять, въ Русскомъ языкѣ это *а*, кромѣ Средняго рода, существуетъ только для именъ рода Мужескаго. Именно въ этомъ необходимомъ условіи лежитъ, по нашему мнѣнію, разумный смыслъ и первоначальная чуткость значенія и различія родовъ; распространеніе грамматическаго окончанія часто бываетъ явленіемъ позднѣйшимъ.

И такъ, въ Санскритскомъ языкѣ Именительный Множественнаго оканчивается на *а (as)* для именъ Муж. и Жен. родовъ; на *і* — для именъ Средняго рода. Въ Зендскомъ языкѣ на *о* (*ô*) для именъ Муж. и Жен. родовъ; на *а* — для именъ Средняго рода. Въ Русскомъ на *и* — для именъ Муж. и Жен. родовъ; на *а* — для именъ Средняго рода. Какое окончаніе болѣе настоящее, болѣе первоначальное? — Мы сказали, что разница окончаній можетъ быть безъ преимущества одному передъ другимъ; она можетъ происходить отъ особенныхъ, частныхъ, даже мѣстныхъ условій. Но какъ скоро окончаніе очевидно позднѣйшее или какъ скоро есть указанія, которое изъ нихъ древнѣе, тогда это стóитъ и должно изслѣдовать. Что касается до именъ Средняго рода, то уже свидѣтельство всѣхъ языковъ прямо указываетъ на окончаніе *а*, — и въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Но далеко не такъ ясно окончаніе Именительнаго Множественнаго въ именахъ Мужескаго и Женскаго родовъ. Для того, чтобы изслѣдовать сколько ни будь этотъ вопросъ, мы должны забѣжать нѣсколько впередъ и сказать о Мѣстоименіяхъ. Мѣстоименія, безспорно одни изъ древнѣйшихъ словъ, по крайней мѣрѣ носящія на себѣ доселѣ древнѣйшій видъ грамматическихъ формъ, не должны, въ первоначальномъ своемъ видѣ (о чемъ надѣемся обстоятельнѣе изъяснить въ своемъ мѣстѣ), различаться въ склоненіи отъ Именъ, и потому могутъ въ этомъ случаѣ служить важнымъ указаніемъ. Къ нимъ обращаемся мы теперь. — Прежде всего видимъ мы, что въ Мѣстоименіяхъ перваго и втораго лица другое Множественное, именно *asm-ê*, *yuśm-ê*. Здѣсь окончательною гласною Множественнаго является *ê*, и это формы Ведъ, древнѣйшія и потому значительнѣйшія формы. Да и позднѣйшія не сходны съ принятымъ окончаніемъ Им. Мн. *á-s*: именно *va-ya-m*, *yú-ya-m*. Въ Зендскомъ языкѣ видимъ *va-ê-m*, *yûś-ê-m*. Здѣсь ви-

димъ окончаніе *é*, *ê*, какъ общее для всѣхъ родовъ. Это же древнѣйшее окончаніе *é* видимъ мы въ другихъ первообразныхъ Мѣстоименіяхъ, но только уже въ Мужескомъ родѣ, напр. въ Санскр. *té*, въ Зен. *té*, — наше Русское *тѣ*, въ другихъ нарѣчіяхъ *ти*. Это окончаніе *е* сходно съ Русскимъ *ѣ*: единство же и родство *ѣ* съ *и* не подлежитъ сомнѣнію: и мы скорѣе думаемъ, что *ѣ* образовалось изъ *и* въ этихъ словахъ, вслѣдствіе Русской любви къ звуку *е* — *ѣ*. Это древнее окончаніе Им. Мн. *é*, имѣя въ нашемъ языкѣ себѣ соотвѣтствующее *ѣ*, образовавшееся, какъ думаемъ, изъ *и*, и будучи общимъ окончаніемъ Им. Множ. для именъ Муж. и Жен. родовъ, — составляетъ по нашему мнѣнію настоящее первоначальное окончаніе Им. Мн. и указываетъ даже, по аналогіи съ Русскимъ языкомъ, на возможность окончанія въ Им. Мн. *i*, наше *и*. Такое *i*, наше *и*, въ Имен. Множ. подтверждается и Ведическими формами на *i-s*: разумѣется *s* есть подвижный суффиксъ. И такъ мы думаемъ, что древнѣйшая форма Именительнаго Множественнаго есть *i*, наше *и*. Русское окончаніе. Замѣчательно, что имена средняго рода въ Санскритскомъ языкѣ оканчиваются на *i*. Но мы должны сказать, что въ Ведахъ встрѣчается Им. Мн. въ именахъ Средняго рода на *a*(?). Это прямо указываетъ на древнѣйшее и конечно первообразное окончаніе Им. Мн. Напрасно Бопп, не зная какъ объяснить подобное явленіе, отдѣлывается тѣмъ, что это есть испорченное *a*—*ni*: впрочемъ онъ часто дѣлаетъ подобныя отговорки. Потомъ мы объясняемъ самую эту форму Имен. Мн. на *i*: *i* придается непремѣнно при суффиксѣ, именно при суффиксѣ *n*: этотъ суффиксъ, кажется намъ, можетъ измѣнить нѣсколько форму Средняго рода и образовать другой родъ, какъ въ Русскомъ: *племень (племя)*. То же самое видимъ мы и здѣсь. Если наше предположеніе справедливо, то здѣсь Средній родъ долженъ при измѣненіи окончанія перейти въ Мужеской (даже м. б. въ Женской), а тогда окончаніе его въ Им. Мн. на *i* объясняется весьма легко и удовлетворительно, соотвѣтствуя Русскому Им. Мн. *племена*, неупотр.), *кам-н-и*, *кор-н-а*, при Ед. на *ы* и *я* носовое, и т. д., Санскритскому *çâr-î-n-i*, *nâm-â-n-i* *). Такъ какъ въ Русскомъ языкѣ есть

---

*) Ср. выше, какъ при Среднемъ (вѣрнѣе старшемъ Общемъ) родѣ образовалось въ Санскритѣ Мн. Им. на *ni* (*madʻâ-ni*), а въ Зендскомъ и Греческомъ собирательное или, какъ называетъ К. С—чь, *суммарное*, *va* (*madh-va*,

сверхъ того форма на *о*, *стремо-н-о*, то у насъ отъ нея и существуетъ и Множественное, наиболѣе употребительное, — *имена*, *знамена* и т. д. Средній родъ могъ удержаться въ языкѣ Санскритскомъ въ этихъ суффиксныхъ на *н*, удержаться въ силу употребленія, что̀ весьма возможно въ языкѣ, какъ напр. *бродяга* въ силу употребленія—Мужескаго рода.

Скажемъ здѣсь, что не можемъ не видѣть въ склоненіи древнѣйшихъ языковъ, Санскритскаго и Зендскаго, отсутствія первоначальной ясности, стройности и простоты: на мѣсто того спутанность понятій въ формахъ, наблюдавшихъ первыя краски слова, забвеніе первыхъ твердыхъ означеній мысли въ словѣ *). Эта простота и стройность сохранились въ языкѣ Русскомъ, въ поразительной ясности и яркости. Какъ просты раздѣленія родовъ въ нашемъ языкѣ, какъ богато оттѣнками склоненіе, удержавшее и тематическій, и суффиксный видъ, какъ понятно и живо доселѣ употребленіе суффиксовъ при именахъ, какъ много наконецъ совершенно первобытнаго въ нашихъ мѣстоименіяхъ! — Въ настоящемъ случаѣ, въ Именительномъ Множественнаго языкъ нашъ принялъ *и* для родовъ Мужескаго и Женскаго, и *а* для Средняго. Характеры всѣхъ трехъ родовъ, со всѣми оттѣнками, кои являются непремѣнно при склоненіи при числахъ, замѣчены и выражены въ Русскомъ языкѣ глубоко разумно. Кромѣ *и*, онъ придаетъ именамъ Мужескаго рода Множественное Средняго рода, *а*, и сверхъ того еще *е*, *іе* (съ прочими видоизмѣненіями),—и только именамъ Мужескаго рода: такая исключительность не недостатокъ, напротивъ это глубокое пониманіе и тончайшее ощущеніе смысла и значенія; почему же только имена Мужескаго рода могутъ имѣть, кромѣ *и*, *а* Средняго рода и *е*, *іе*, то есть почти именную форму,

---

μεθ-ва, наше *Лит-ва* *Татар-ва*, *бич-е-ва*), и какъ, вмѣстѣ съ симъ, оказался по разнымъ языкамъ родъ уже М. либо Женскій. Такъ *тай-и*, *меды*, явно соотвѣтствуетъ нашему *плам-ы*, откуда послѣ и спеціальный Средній родъ *плам-я*, и Мужескій *плам-ень*; въ Сербскомъ же всѣ такія имена, и Мужескія, и Женскія, снова обращаются еще въ позднѣйшій Средній родъ,— *рамено*, *племено*, *времено*, подобно какъ у насъ *рань* перешла въ *рано*.— *Б.*

*) Виною этого всего чаще не сами языки, а школы, расположенныя почтеннымъ Боппомъ: онѣ выхватываютъ примѣры безъ всякого отношенія къ смыслу памятниковъ, а подавно къ народной жизни; это обыкновенно разсѣченныя части трупа, по которымъ почти невозможно судить о живомъ организмѣ. — *Б.*

объ этомъ обо всемъ смотри выше. Языки Санскритскій и Зендскій перемѣшали окончаніе, а частію перезабыли. Такъ Санкритскій языкъ взялъ окончаніе *a* для именъ Муж. и Женск. родовъ, на что вѣроятно дала ему причину возможность *a* въ Им. только Муж. род., а для именъ Средн. рода взялъ *i*, на что опять дали ему причину Среднія суффиксныя на *е-н-ь*, переходящія уже въ другой родъ и могущія имѣть *a*. Зендскій языкъ взялъ для именъ Муж. и Женск. родовъ окончаніе *e*, являющееся въ немъ какъ *a*, а возможно *o* въ именахъ только Мужескаго рода; но правильно удержалъ *a* для именъ Сред. рода: при этомъ онъ удержалъ оттѣнокъ употребленія именъ Муж. рода на *a*, но, забывъ его назначеніе, опять сбился и распространилъ этотъ оттѣнокъ на имена Женскаго рода. — Ко всѣмъ этимъ искаженіямъ и измѣненіямъ первоначальныхъ формъ прибавились племенныя и мѣстныя особенности, эвфоническія требованія, переходы буквъ, личная письменность, и пр. и пр. Вся такая нестройность объясняется и приводится въ порядокъ, все это искаженіе становится понятно и исправляется въ языкѣ Русскомъ. Знаемъ, какія сомнѣнія и просто отрицанія выжидаютъ такое мнѣніе, знаемъ, какъ отважно, какъ смѣшно покажется оно: но за Русской языкъ говоритъ глубокой разумъ слова и,—что всего важнѣе для многихъ, а что между прочимъ обходятъ, какъ будто не видя и не примѣчая, — за Русской языкъ говорятъ древнѣйшія формы другихъ древнихъ языковъ. Мы не говоримъ, чтобы Русской языкъ былъ первоначальный: но онъ ближе всѣхъ къ языку первоначальному и въ особенности удержалъ разумную сторону слова, которая въ немъ слышна чрезвычайно; и вотъ вѣроятно причина, почему языкъ удержалъ въ самомъ дѣлѣ столько первоначальнаго.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, возвращаемся къ нашему сравнительному изслѣдованію. Переходимъ теперь къ языку Греческому.

Имена мужескаго рода II склоненія на ος-ς (*o*), въ Именительномъ Множественнаго, имѣютъ въ Греческомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, *i*, при чемъ *o* (*o*) удерживается: λογ-οι. Здѣсь нѣтъ даже и подвижнаго суффикса *s*. Имена мужескаго рода III склоненія на согласную, при которой поглощенъ вѣроятно *s* или *ь*, несуффиксныя и суффиксныя, также на гласныя — ι-ς, υ-ς, ω-ς, гласныя, при которыхъ по нашему мнѣнію поглощено *i* (*ǔ*), также на ευ-ς (*eǔ*) — имѣютъ въ Именительномъ Множе-

ственнаго ε-ς. Это ε, впрочемъ, мы не считаемъ за наше *е* въ *не* *): ε прямо придается къ согласной и къ означеннымъ гласнымъ; мы думаемъ, что въ ε перешло окончаніе Им. Мн. *і* (*и*); переходъ возможный, особенно въ Русскомъ языкѣ, гдѣ говорится *ти* и *ть*, *они* и *онь*, *змій* и *змьй*, *сій* и *сей*. — Есть впрочемъ примѣры Им. Мн. въ сокращенномъ видѣ послѣ гласной: πηχυ-ς — πηχε-ι-ς, πορτ-ι-ς имѣющее даже πορτ-ῑ́-ς, также χοε-υ-ς — χοε-ῑ́-ς; по нашему мнѣнію это просто говоритъ въ пользу Им. Мн. *і* (*и*), которое тутъ выступаетъ. — Имена женскаго рода на α и η 1-го Склоненія имѣютъ также *і* (*и*) въ Именительномъ Множественнаго, и даже напр. λεαιν-α-ι, δικ-α-ι, безъ подвижнаго суффикса *s*. Имена жен. р. III-го склоненія, на согласную, при которой, думаемъ, поглощена гласная (*и*), несуффиксныя суффиксныя, также на гласныя — αυ-ς (м. б. υ суффиксное), ι-ς, υ-ς, ω-ς, при чемъ обнаруживается поглощенная гласная,—имѣютъ въ Им. Мн ε-ς: мы уже объяснили, какъ понимаемъ эту гласную ε. Въ иныхъ случаяхъ являются и въ именахъ женскаго рода сокращенія, въ которыхъ выступаетъ гласная *і*, думаемъ, какъ настоящая окончательная гласная Именительнаго Множественнаго, напр. πόλῑ́-ς — πόλε-ι-ς, ἔγχελυ-ς — ἐγχέλε-ι-ς, также πόρτι-ς — πόρτ-ῑ́-ς; γραῦ-ς имѣетъ γρᾶε-ς. Само собою разумѣется, что *s* въ Именительномъ Множественнаго есть не что иное, какъ подвижной суффиксъ.—Имена средняго рода въ Греческомъ языкѣ оканчиваются, какъ и въ Русскомъ, на α, слѣдовательно имѣютъ свое древнѣйшее окончаніе. Имена средняго рода на *і* и υ (вѣроятно *е*) **) въ Именитель-

---

*) Ср. Ц.слав. **нѣрѣѥ**, **ѹлродѣѥ**, даже на ъ — **пастырие** и **пастырѣ**, **цѣсарие** — **царие** — **цѣсарѣ**, и даже сокращенно **цѣсаре**, **ѥлене** и мног. друг., раскрываемыя яснѣе съ переходомъ въ *ве*, наше *въя*: *собирательное* или *суммарное*, о коемъ ниже. — При этомъ, замѣткою на полѣ, К. С—чь обѣщалъ „объяснить *сокращеніе*, по крайности какъ его принимаютъ грамматики,“ но не успѣлъ растолковать этого важнаго для классическихъ языковъ явленія, въ которомъ изъ данныхъ нашего языка оказываются формы первоначальныя, а напротивъ полныя формы — *собирательнымъ растяженіемъ*. — *Б.*

**) Здѣсь К. С. опять забылъ свое мѣткое объясненіе звукомъ *и*, т.-е. грубымъ *і* или двоегласнымъ звукомъ, который черезъ Общій родъ ведетъ къ позднѣйшему Среднему, а чрезъ Двойственное къ дальнѣйшему Множественному и Собирательному, легко совпадающему со Среднимъ (*каменья*, *уголья*, откуда Ед. на *е*—уже въ Ср. р.): но замѣтилъ карандашемъ, какъ „это важно,“ и успѣлъ подойти близко къ тому же разъясненію въ послѣ-

номъ Множественнаго имѣютъ *ŋ*; но это не уклоненіе: окончаніе Именительнаго Единственнаго здѣсь очевидно смягчено, и по этому здѣсь въ Им. Множ. должно быть не *a*, а *я*, и быть можетъ это *я* принимаетъ въ Греческомъ видѣ *ŋ*; а можетъ быть, что *ŋ* выражала и гласную *и*, какъ скоро она выступала въ сложной гласной *я*, и даже *ѣ*. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ Им. Мн. именъ ср. р., *ŋ* происходитъ отъ смягченія *a*; смягченіе окончательной буквы является уже въ Им. Един. и во всемъ склоненіи, слѣдовательно уже въ словѣ самомъ: а извѣстно, что смягченіе происходитъ черезъ букву *i*, тайно присутствующую, какъ *ь*, при гласной спереди, при согласной сзади, такимъ образомъ имѣющую возможность сливаться со всякою буквою. — И такъ, языкъ Греческій весьма близокъ къ Русскому въ Именительномъ Множественнаго. О мѣстоименіяхъ мы уже не говоримъ, надѣясь сказать объ нихъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Переходимъ къ языку Латинскому.

Имена мужескаго рода на *u-s* (*ŭ*) и на согласную, при чемъ поглощенъ *s*, II склоненія, имѣютъ въ Латинскомъ языкѣ, совершенно какъ въ Русскомъ, въ Именительномъ Множественнаго *i*, прямо придающееся къ согласной и особою замѣняющее окончаніе Именительнаго Единственнаго (*ŭ*): напр. *domin-u-s* — *domin-i*, *puer* — *puer-i*. Имена мужескаго рода, III склоненія, на согласную, при чемъ поглощенъ вѣроятно *ŭ* (иначе они были бы втораго склоненія), несуффиксныя и суффиксныя, также на *i-s*, *e-s* (*ŭ*) (а это въ свою очередь доказываетъ, что здѣсь, въ III склоненіи, въ именахъ мужескаго рода на согласную, поглощенъ *ŭ*), — имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *e-s*. Это *e* считаемъ мы образовавшимся изъ *i*; переходъ такой бываетъ въ Латинскомъ языкѣ весьма часто, напр. *pub-i-s* — *pub-e-s*, *pelv-i-m* — *pelv-e-m* и т. д. *). Имена мужескаго рода на *u-s* (*ŭ*) IV склоне-

---

дующемъ толкованіи зв. *ѣ*. Дѣйствительно, двоегласн. *ŋ* въ Ср. р. Мн. (объясняемое ошибочно *сокращеніемъ* изъ *ea*) = *ѣ*, а *ѣ*=*я* (*ai* = *ia*, **и**; по Новоболгарски *ѣ* = *ea* и *я*): отсюда въ средн. Ц.сл. письменности множество собирательныхъ на *ѣ* и **и**; отсюда унасъ *моѣ дѣти* = **моя дѣти** (иначе **дѣ-та-тл**, *дитя-та*), гдѣ въ концѣ 1-го слова *ѣ* = **и** = *ŋ*, а 2-го *и* — **ы** = *ŋ* = **и** = **а**. — *Б.*

*) Приписка на полѣ: „Очень замѣчательно, что *vesper* (отчего же не о бя зательно *resper-s*, *вчер-а-сь*?), *vesper-is*, *vesper-e* и *r-i*, склоняется также и по 2-му — *vesper-i*, *vesper-um*, *vesper-o*: ясно указывается на то, что *s* есть

нія, различающіяся отъ именъ II склоненія на *u-s*, — при *us-* (*ъ*) IV склоненія мы предполагаемъ или поглощенный *ъ*(*ŭ*), *o*(*ŭ*), *y*(*ŭ*), или же это *u* есть *ы*, при которомъ тоже поглощенъ *ъ*, — эти имена имѣютъ во Множественномъ *ū-s*: мы имѣемъ право предполагать, основываясь на другихъ падежахъ того же склоненія, что вмѣсто *ū-s* было *u-i-s*; въ такомъ случаѣ опять является *i*. Во всякомъ случаѣ звукъ самаго *u*, какъ уже было не одинъ разъ сказано, есть звукъ неопредѣленный и былъ вѣроятно наше *ы*. Какъ бы то ни было, основываясь на сходствѣ, мы предполагаемъ здѣсь *i* (*u*) въ Им. Множ. — Имена мужескаго рода въ V-мъ склоненіи на *e-s* (*ь*) имѣютъ въ Им. Мн. тоже *e-s*, гдѣ *e* измѣнено, какъ мы думаемъ, изъ *i* (*u*). — Скажемъ кстати, что передъ суффиксомъ, вообще передъ другою буквою, *i* легко можетъ измѣняться въ *e*.—Имена женскаго рода на *a*, I-го склоненія, имѣютъ во множественномъ *ae*, прежде *ai*: слѣдовательно *i* является и здѣсь окончаніемъ Им. Мн. Имена женскаго рода на согласную, при которой поглощено конечно *ь* (*u*), несуффиксныя и суффиксныя, а также на *i-s*, *e-s* (*u*), III склоненія, имѣютъ въ Им. Мн., какъ имена мужескаго рода, *e-s*: въ *e* видимъ мы, какъ уже сказали, видоизмѣненное *i* (*u*). Имена женскаго рода на *u-s* (*ы*), IV склоненія, имѣютъ во Множественномъ *ū-s*: если это *u-s* было прежде *u-i-s*, то *i* тутъ легко за себя говоритъ; если же Им. Мн. *u-s* (*ы*), то *ы* есть то же *u*, *ъ-i*. Очень вѣроятно, что *люб-ы*, напр., въ этой тематической формѣ должно имѣть во Множественномъ также *люб-ы*. Имена жен. р. V склоненія на *e-s* (*u*) имѣютъ и во Множественномъ то же *e-s*: мы думаемъ, что здѣсь *e* возникло изъ *i* **). Само собою разумѣется, что буква *s* въ Имен. Множ. есть подвижной суффиксъ. — Имена средняго рода въ Латинскомъ языкѣ имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго свое настоящее древнее окончаніе—*a*. Исключеній нѣтъ. Замѣчательно, что имена Множественнаго III-го склоненія, оканчивающіяся въ Именительномъ Единственнаго на согласную *ar*, *al*, имѣютъ не просто *a*, а *ia*. Это

придаточный, подвижной суффиксъ (въ началѣ свободное мѣстоименіе, и на то, что само склоненіе 3-е есть *суффиксное*;" необыкновенную важность этой замѣтки мы увидимъ ниже, при Дат. и Творит. Мн. — *Б.*

**) Здѣсь *e* Собирательное (близкое къ Ср. р.) и все склоненіе Суффиксное: *die-s* = дьинѥ = *дьньве*, наше *деньє*; ср. выше *дьневи* и т. п. — *Б.*

сильно подтверждаетъ наше мнѣніе, что здѣсь при согласной поглощена гласная, именно *e*, которая соотвѣтствуетъ гласной *ë*, *iô*, такъ что *ë* часто переходитъ въ *e*, именно у насъ, въ именахъ средняго рода на *e* (*поле*, *поль*ё, *поль*е), — и которая такимъ образомъ заключаетъ въ себѣ *и* (*й*): это *і* выступаетъ въ склоненіи и, становясь передъ *а*, смягчаетъ его, что̀ необходимо и быть должно. Смягченное *а* принимаетъ у насъ видъ *я*: Латинское *ia* соотвѣтствуетъ здѣсь нашему *я* (*ья*, *ія*, *іа*). Еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что при именахъ средняго рода на согласную утрачено *e*, а также соотвѣтствіе *а* нашему *я*, — то, что имена средняго на *e* имѣютъ, какъ и слѣдуетъ, то же *ia*: напр. *calcar* (*e*)—*calcar-ia*, *mare*—*mar-ia*, наше *мор-я*, если же написать по Латынѣ, то *mor-ia*. Для бо́льшаго объясненія среднихъ именъ въ Латинскомъ языкѣ на согласную, напр. *calcar*, можемъ прибавить, что даже и по Русски есть возможность въ быстрой рѣчи сказать: *эко моръ*(*ё*) *большое* *). — И такъ, языкъ Латинскій равно сходенъ, или еще сходнѣе Греческаго, съ Русскимъ языкомъ въ Именительномъ Множественнаго.

Въ Литовскомъ языкѣ имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*), на *i-s* (*ь*, или быть можетъ при *і* поглощено *й*), также имена суффиксныя на согласную съ *ъ* (быть можетъ здѣсь поглощено при *і* еще *й*)— имѣютъ въ Им. Мн. также *і*, которое придается къ *а* (*ъ*)—*a-i*, къ поглощенной *й* послѣ *і*—*i-e-i* и даже можетъ быть къ поглощенной *й* послѣ *і* въ суффиксныхъ именахъ, но здѣсь опять въ слитной формѣ, ибо пишется *ys*. Это придаванье къ окончанію Именительнаго Единственнаго видимъ мы въ Греческомъ языкѣ, и прежде было оно, кажется, въ Латинскомъ. Имена мужескаго рода на *u-s* (*ъ*) имѣютъ въ Им. Мн. *u-s*. Мы уже говорили, что *u* здѣсь есть особое окончаніе, особенно усиленный быть можетъ *ъ*, быть

*) Такъ точно и есть. При *cochlear* другая форма — *cochleare:* какъ это слово, такъ и прочія на *ar* (даже отчасти *er* и *ir*) суть ничто иное, какъ усѣченное Неопредѣленное наклоненіе глагола (*are*) или, что̀ тоже, отглагольное Существительное Ср. р., подобно кончащимся на *tum*, наше *мъ* и *то*. Въ сей-то формѣ и перешло оно въ Италіанскій яз., употребляясь какъ Существительное: *a rimirar*, *di parlar*, *fa tremar*, *nel cominciar*, *il mio parlar* и т. п. Съ сей точки зрѣнія классическій суффиксъ Именительнаго *s*, по другимъ падежамъ переходящій порою въ *t* или же замѣняемый звукомъ *t* при именахъ Ср. р., обличаетъ тотъ же отглагольный путь: ср. наше *благодать*, чисто Неопредѣленное наклоненіе. — *Б.*

можетъ *ы*; можетъ быть Им. Мн. *а-s* есть *ы*. Имена женск. р. на *а* имѣютъ въ Им. Мн. *о-s*: мы думаемъ, что это *о* есть искаженное Множ., судя по всеобщему согласію языковъ въ этомъ случаѣ; вѣроятнѣе было *а-i*, можетъ быть даже съ *s*, отъ чего осталось потомъ только *о-s*. Имена ж. р. на *е* (*и*) имѣютъ *е-s*, гдѣ могло *i* явиться какъ *е*; имена ж. р. на *i-s* имѣютъ *y-s*, гдѣ является *i* усиленное: есть причина думать, что при *i* здѣсь поглощена еще гласная, вѣроятно *i*, что̀ отчасти доказывается и Множественнымъ. Имена женскаго рода суффиксныя на *i* (*eri*) имѣютъ совершенно, какъ и въ Русскомъ, въ Имен. Множ. *i* (*eri*).— И такъ языкъ Литовскій отклоняется болѣе Греческаго и Латинскаго отъ Русскаго языка и отъ истиннаго, по нашему мнѣнію, окончанія въ Именительномъ падежѣ Множественнаго числа.

Переходимъ къ падежу Родительному.

Въ Русскомъ языкѣ падежъ Родительный Множественнаго оканчивается на *ъ*, замѣняющій окончаніе Именительнаго Единственнаго. Это окончаніе одно для всѣхъ родовъ. Само собою разумѣется, что вмѣсто смягченнаго окончанія Именительнаго Единственнаго становится *ь* или *й*. — Но въ именахъ мужескаго рода это *ъ*, будучи тождественно съ *ъ* Именительнаго Единственнаго, становится подлѣ, сливается или же допускаетъ вставку *е*, эвфоническую вѣроятно, между собой и окончательной буквою Именительнаго, или обращается, гдѣ можно, въ *й*, при чемъ *ъ* обращается въ *о*, а *ь* и *й* въ *е*, — что̀ все одно и то же. — Объ этомъ смотри выше.—Вотъ примѣры окончаній Родительнаго Множественнаго. Им. Ед. *человѣк-ъ*, Р. Мн. *человѣк-ъ* и *человѣк-о-в-ъ*; И. Е. *звѣрь*, Р. М. *звѣръ*, *звѣр-е-й* и *звѣр-е-в-ъ*; И. Е. *злодѣ-й*, Р. М. *злодѣ-й*, *злодѣ-е-в-ъ*. Им. Ед. *женщин-а*, Р. М. *женщин-ъ*; И. Е. *костюл-я*, Р. М. *костюл-ь*; И. Ед. *свин-ь-я*, Р. М. *свин-е-й*. И. Е. *ведр-о*, Р. М. *вед(е)ръ*. И. Е. *мор-е*, Р. М. *мор-ь* (*мор-е-й*). И. Е. *желан-і-е*, Р. М. *желан-і-й*. Мы не разсматриваемъ здѣсь подробнѣе этого падежа, ибо объ немъ сказано уже обстоятельно выше.

Въ Санскритскомъ языкѣ Родительный Множественнаго числа для всѣхъ родовъ оканчивается во всѣхъ именахъ на *â-m*. Падежное окончаніе, думаемъ мы, находится въ гласной *â*, а согласная *m* есть только вѣроятно приставка; такую приставку видѣли мы уже выше въ падежѣ Мѣстномъ *). — Имена мужескаго рода

*) Это мнѣніе зоркаго наблюдателя доказывается совершенно Сербскимъ

на *a-s* (*ъ*), также на *u-s* (*ъ*), гдѣ *ъ* принялъ передъ суффиксомъ видъ *a*, *u*, — принимая окончаніе Род. Мн. на *â-m*, допускаютъ вставку и удерживаютъ *a* и *u*, напр. *vrkâ-n-â-m*, *sûn-û-n-â-m*. Эта вставка эвфоническая, *n*, соотвѣтствуетъ Русской, то же конечно эвфонической, вставкѣ *в*, напр. *волк-о-в-ъ*, *сын-о-в-ъ*. Имена муж. р. на *i-s* (*ь*) такимъ же образомъ удерживаютъ это *i*, напр. *kar-î-n-â-m*, *звѣр-е-в-ъ*. — Но, кромѣ того, имена женскаго рода на *â*, *i*, *î* и *û* точно такъ же допускаютъ эту вставку послѣ своихъ окончательныхъ гласныхъ. Имена муж. р. на согласную, гдѣ *ъ* или *ь* поглощены, суффиксныя и несуффиксныя, прямо принимаютъ къ своей окончательной согласной окончаніе Род. Мн. *â-m*. Впрочемъ и здѣсь встрѣчается употребленіе вставочнаго *n*, въ суффиксныхъ на *ar*, напр. *bratr-n-â-m*: по нашему мнѣнію это доказываетъ, что *ъ* или скорѣе *ъ* здѣсь не совсѣмъ поглощено; то же должны мы сказать и объ именахъ ж. р. на согласную и о суффиксныхъ на *ar*. Эта вставка *n* вполнѣ доказываетъ, что *â* въ *â-m* есть падежное окончаніе. Имена средняго рода на *a*, *i*, *u* склоняются вообще въ суффиксномъ видѣ съ *n*. Имена средняго рода на согласную, при чемъ поглощено *o* или *e*, прямо присоединяютъ въ Р. М. къ согласной окончаніе *â-m*: *vâć-as-âm* и т. п.

Въ языкѣ Зендскомъ окончаніе Родительнаго Множественнаго есть *a-n-m*, слѣдовательно совершенно сходное съ Санскритскимъ, съ тою разницею, что вмѣсто *n* послѣ *a*,—*n-m*. — Имена муж. рода на *â* и на *i-s* (*ь*) передъ окончаніемъ Род. Мн. *a-nm*

языкомъ, на который К. С—чь позабылъ только сослаться. Тамъ *общимъ* правиломъ (за исключеніемъ только разряда именъ на *i* и совпаденія съ Двойственнымъ — *костиjу*) Род. Мн. кончится на долгое *a*: *прст-â*, *ноже-â*, *крал-я (la, kral-j-â)*, *жен-â*, *сел-â*, даже въ такихъ, какъ *дан-â* (дней), даже съ собирательнымъ растяженіемъ — *пут-â* и *пут-ов-â*, даже въ суффиксныхъ т. наз. нарастающихъ) — *племен-â*, *телет-â*, *небес-â*, *матер-â*. Во многихъ случаяхъ совпадаетъ такое окончаніе и съ *Мѣстнымъ*. Если же въ старшей письменности писалось *ах*, то это лишь *дальнѣйшее*, суффиксное движеніе, и послѣдствія его одинаковы: *х* по Сербски не произносится и, какъ придыханіе въ концѣ, *х* условливало собою только долготу звука *а*, подобно если бы по Нѣмецки встрѣтили мы сочетаніе *ah* (ahnen, nachahmen). А когда симъ способомъ угрожало потеряться различіе между Род. и Мѣстн., второй, *еще позднѣе* и не безъ вліянія *письменности*, отличенъ окончаніемъ *ма* (то же видимъ мы, на оборотѣ, въ Родит. Санскр. на *âm*), но при этомъ, въ отплату за искуственность, *снова* совпалъ съ Дат. и Творительнымъ. — О посредствѣ же *м*, *н* и *в* между окончаніями см. ниже. — *Б.*

допускаютъ еще вставку *n*, при чемъ удерживаютъ окончательныя гласныя *a* и *i*, напр. *vĕhrk-a-n-a-nt*. Имена на *i* односложныя присоединяютъ къ *i* окончаніе Р. М. *a-nt* безъ вставки *n*, иногда принимая при томъ гуну. Имена муж. рода на *u-s* (*ŭ*) обыкновенно присоединяютъ *a-nt* безъ вставки, къ окончательной гласной *u*, при чемъ она переходитъ въ *v*, напр. *paś-v-a-nt*. Имена мужескаго рода на согласную, при чемъ поглощено *ŭ* или *ь*, несуффиксныя и суффиксныя, присоединяютъ *a-nt* прямо къ согласной. — Имена женскаго рода на *a*, *i* и *u* допускаютъ вставку *n* передъ *a-nt*. Имена женскаго рода несуффиксныя и суффиксныя, на согласную, при которой поглощена гласная, вѣроятно *i* (*u*), присоединяютъ *a-nt* прямо къ согласной.— Имена средняго рода на *i* и *u* вѣроятно тоже принимаютъ вставку передъ *a-nt*. Имена средняго рода на согласную, несуффиксныя и суффиксныя, принимаютъ *a-nt* прямо къ согласной.

Въ Греческомъ языкѣ окончаніе Родительнаго Множественнаго есть ω-ν, для именъ всѣхъ родовъ. Особенность та, что имена мужескаго рода на ο-ς (*ŏ*) не придаютъ ων къ окончанію Именительнаго Единственнаго, но замѣняютъ это окончаніе формою Родительнаго Множественнаго ω-ν. Имена мужескаго рода несуффиксныя и суффиксныя, на согласную, при которой поглощено *ŭ* или *ь*, точно такъ же принимаютъ въ Родительномъ Множественнаго ω-ν. Имена мужескаго рода на ω-ς, ι-ς, υ-ς присоединяютъ окончаніе Родительнаго Множественнаго ω-ν къ этимъ гласнымъ: мы должны думать, что здѣсь или окончаніе *ŭ* и *ь*, ставши передъ ν, усилено посредствомъ ω, или что подлѣ, какъ кажется и есть въ иныхъ именахъ, поглощена гласная. Впрочемъ самое употребленіе *ŭ* и *ь* передъ суффиксомъ ο-ν могло утвердить, такъ сказать, за ними этотъ полногласный видъ. Имена мужескаго рода на ευ-ς присоединяютъ ω-ν къ ε: здѣсь υ можетъ быть отчасти соотвѣтствуетъ нашей *й*. — Имена женскаго рода на α и η замѣняютъ эти гласныя буквы окончаніемъ ῶ-ν въ Родительномъ Множественнаго. Имена женскаго рода на согласную, несуффиксныя и суффиксныя, при чемъ поглощена гласная, вѣроятно *u*, принимаютъ окончаніе Родительнаго Множественнаго ω-ν прямо къ согласной. Имена женскаго рода на ω-ς, ι-ς, υ-ς принимаютъ въ Родительномъ Множественнаго ω-ν къ этимъ гласнымъ. Такимъ же образомъ, какъ и имена мужескаго рода, имена женскаго рода на α-υ-ς присоединяетъ ω-ν въ Родитель-

номъ Множественнаго прямо къ α: *ν* здѣсь можетъ быть есть *ι* передъ суффиксомъ. — Имена средняго рода на ο-ν также замѣняютъ въ Родительномъ Множественнаго свое ο-ν — ων. Имена средняго рода на согласную, несуффиксныя и суффиксныя, принимаютъ ω-ν прямо къ согласной. Имена средняго рода на α-ς, ο-ς, ι, υ принимаютъ ω-ν къ буквамъ гласнымъ. Гласныя эти вѣроятно или имѣютъ большую силу, или же подлѣ нихъ поглощена другая гласная, или же есть на это особыя причины употребленія. Въ α-ς, α вѣроятно образовалось изъ ο; ο-ς смягчается въ ε при склоненіи (γεν-ο-ς, γεν-ε-ων); а остальныя *ι* и *υ* вѣроятно видоизмѣненіе *ε*; *υ* же быть можетъ съ бо́льшимъ смягченіемъ.

Переходимъ къ языку Латинскому.

Въ языкѣ Латинскомъ Родительный падежъ Множественнаго числа имѣетъ окончаніе *u-m*, для всѣхъ родовъ. — Это *u-m* замѣняетъ вообще окончаніе Именительнаго Единственнаго; но однако оно придается и къ окончанію Именительнаго Единственнаго въ словахъ на *u-s*, IV склоненія. Гласная *u* въ этомъ *u-s* очевидно не есть только переходъ *s* въ гласную передъ суффиксомъ, но или поглотило въ себѣ, скорѣе подлѣ себя, гласную, вѣроятно *й* въ именахъ мужескаго рода, или же, въ именахъ женскаго рода, есть нѣсколько можетъ статься измѣненное *и*.— Въ такомъ случаѣ совершенно понятна незамѣнность *u* въ склоненіи.—Имена мужескаго и женскаго на *i-s* и *e-s* (*ь*, *и*) имѣютъ часто не *u-m* а *i-um*, слѣдовательно удерживаютъ *i*; но это могло быть не что иное, какъ смягченіе—*iu-m*: доказательствомъ служатъ имена средняго рода на *e* и также на согласную, при которой поглощено *e*, — *mare*, *rete*; *animal*(*e*), *calcar*(*e*), — кои также имѣютъ *iu-m*. Это *iu-m* входитъ и въ такія слова, гдѣ бы кажется *iu-m* ожидать не слѣдовало, равно *u-m* является тамъ, гдѣ бы казалось должно быть *iu-m*: напр. *nuc-iu-m*, *tens-u-m*. Но такъ какъ *iu-m* есть всего вѣроятнѣе смягченіе, обыкновенное въ словахъ, гдѣ окончательная гласная смягчена, то оно можетъ иногда являться, иногда отсутствовать, ибо самое это смягченіе можетъ исчезать и возникать *). — Есть еще замѣчательная особенность въ Родительномъ Множественнаго въ

*) Ср. выше Родит. Двойств. *оч-ию*, *уш-ию*, и Род. Мн. въ Сербскомъ— *кост-ију* (*ост-иіу*, *cost-iu*), *кокош-ија* и т. п.— *Б.*

языкѣ Латинскомъ. Имена ж. рода на *a*, I-го склоненія, мужескаго на *u-s* (*ъ*), также на согласную, при которой поглощено *ъ*, и средняго рода на *um* (*o*) II-го склоненія, сверхъ того имена собственно женскаго рода на *e-s* V-го склоненія—имѣютъ въ Родительномъ не *u-m*, а *ru-m*, при чемъ *a* и *e* остаются неизмѣнными, а *u* въ *u-s* (*ъ*) и въ *u-m* измѣняется на *o*. Между прочимъ это окончаніе *o-rum*, въ которомъ не удерживается *u*, доказываетъ съ своей стороны, что *u* въ словахъ на *u-s* не есть коренное окончаніе, а только *оглашеніе ъ-ра*, который въ Род. Мн. *o-ru-m* принимаетъ, какъ обыкновенно въ Русскомъ языкѣ, видъ *o*. Съ другой стороны возникаетъ *o* въ словахъ на согласную — *puer*, доказывая, что здѣсь былъ поглощенъ *ъ*; это же *o* возникаетъ въ Р. М. *o-rum* при именахъ средняго рода на *u-m* (*o*), доказывая тѣмъ настоящее окончаніе этихъ именъ, т. е. *u*, какъ мы это и принимаемъ. Вотъ примѣры этого Родительнаго Множественнаго: *mens-u-ru-m*, *domin-o-ru-m*, *puer-o-ru-m*, *bell-o-ru-m*, *re-ru-m*. Какъ объяснять это *ru-m* или *r*, ибо самое окончаніе *u-m* остается все то же? Вмѣсто *ru-m* употреблялось прежде *su-m*: мы видимъ это окончаніе *su-m* въ Мѣстоименіяхъ Санскритскаго и Зендскаго языка—*śa-m*, *sa-m* и *śa-nm*, родство же Мѣстоименій и Прилагательныхъ, и въ разумномъ, и въ словесномъ отношеніи, несомнѣнно (объ этомъ надѣемся подробно поговорить ниже). А въ прилагательныхъ самыхъ полныхъ, всѣхъ трехъ родовъ, *bon-u-s*, *bon-a*, *bon-u-m*, встрѣчаемъ мы то же окончаніе *ru-m*. И такъ мы предполагаемъ, что помянутое окончаніе вошло въ склоненіе именъ Существительныхъ изъ склоненія Прилагательныхъ. Доказательствомъ можетъ служить то, что при именахъ Сущ. окончаніе Родительнаго Мн. на *o-ru-m* было шатко въ древнія времена, уже позднѣе оно установилось и конечно не безъ принудительной помощи Грамматики. Такъ напр. встрѣчается въ древнемъ языкѣ *de-u-m*, *agricol-u-m*, и на оборотъ *lapid-e-ru-m*, *reg-e-ru-m* (здѣсь въ *e-ru-m*, возникающее *e*, а не *o*, обнаруживаетъ, что въ Именительномъ падежѣ поглощено не *ъ*, а *ь*). Въ то же время Родительный Множественнаго на *ru-m* встрѣчается постоянно въ Мѣстоименіяхъ Латинскихъ. Очевидно, это *ru-m*, въ древности *su-m*, соотвѣтствуетъ нашему окончанію Прилагательныхъ второобразныхъ на *ый*, *ая*, *ое*, *ій*, *яя*, *ее*, и разумѣется вмѣсто *ru-m* у насъ будетъ Родительный—*хъ*, *добры-хъ*, а это *х* соотвѣтствуетъ Зендскому Мѣстоименному окончанію *h*

вмѣсто *s*, напр. *â-o-n-ha-nm* *). — На основаніи всего этого мы думаемъ, что окончаніе *ru-m* есть окончаніе Мѣстоименій и Прилагательныхъ, а *r*, составляющій эту разницу, прежде *s*, соотвѣтствуетъ вмѣстѣ съ *s* другихъ языковъ нашему *ъ* въ томъ же Родительномъ Множественнаго Мѣстоименій и Прилагательныхъ. Боппъ видитъ въ окончаніи *ru-m* окончаніе Мѣстоименное, но очевидно онъ Прилагательныхъ сюда не относитъ. Во всякомъ случаѣ, чтобы это *r*, *s*, *x* было древнимъ окончаніемъ въ Именахъ Существительныхъ, мы рѣшительно не думаемъ: напротивъ это есть отличіе второобразныхъ Прилагательныхъ и собственно Мѣстоименій; явленіе логически, а можетъ быть и исторически, позднѣйшее.

Въ языкѣ Литовскомъ падежъ Родительный Множественнаго числа оканчивается просто на *â*, которое замѣняетъ собою окончаніе Именительнаго Единственнаго, но которое становится рядомъ съ окончаніемъ *i-s*, мужескаго или женскаго рода: *i-u*. Впрочемъ въ этихъ именахъ, какъ видно изъ другихъ падежей, при окончательномъ *i* поглощена гласная, или же просто это смягченіе, происходящее уже отъ того, что имя оканчивается на *i-s* (*ь*, *и*); это *i* въ *iu* причисляемъ мы во всякомъ случаѣ къ окончанію *u*, принимая его за смягченное окончаніе, слѣдовательно не *i-u*, а *iu*, напр. *aw-iū*.

Но что же вообще это за окончаніе *â-m*, *a-nm*, *ων*, *u-m* и наконецъ *u?* И какое мѣсто занимаетъ здѣсь *m?* — Мы осмѣливаемся сдѣлать смѣлое предположеніе, которое отчасти мы уже высказали. Мы думаемъ, что окончаніе Родительнаго Множественнаго заключается въ гласной передъ *m*, а *m* есть прибавка, требуемая звуковою стихіею языка. Мало того, мы смѣемъ думать даже, что эти гласныя—*a*, *o*, *u*—соотвѣтствуютъ окончанію Русскаго Родительнаго Множественаго, именно нашему *ъ*, который здѣсь передъ *m* принялъ видъ гласной (какъ напр. передъ суффиксомъ *s*). Замѣчательно при этомъ, что отношеніе сихъ видоизмѣненій *ъ-ра* въ разныхъ языкахъ,—какое видимъ всего ощутительнѣе въ падежѣ Именительномъ Единственнаго числа, — совершенно то же и въ Родительномъ Множественнаго, т. е. тѣ же гласныя *a*, *o*, *u*; напр.: П. Е. *vrk-a-s*, *λυκ-ο-ς* *lup-u-s*, *волк-ъ*; Р. М. *vrkâ-n-â-m*, *λυκω-ν*, *lupo-r-u-m*, *волко-в-ъ*. Это соотвѣтствіе гласныхъ въ *a-s*, *o-s*,

*) Да и въ Санскр. *aham*, тогда какъ въ Зендѣ *asem*, наше *азъ*, *есмь*. — *Б.*

и-s и *а-т*, *ω-ν*, *и-т*, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ окончаніяхъ Родительнаго Множественнаго соплеменныхъ намъ древнихъ языковъ является тотъ же *ъ*, различно въ каждомъ изъ нихъ оглашенный. Приставка *т* объясняется тою любовію къ носовымъ гласнымъ, какую встрѣчаемъ въ сихъ языкахъ, тѣмъ мѣстомъ, какое они здѣсь занимаютъ. Языкъ Зендскій особенно отличается любовію къ нимъ. Русскій языкъ не имѣетъ этой любви и носовыя гласныя въ немъ не много значатъ, хотя и въ немъ мы ихъ видимъ (напр. мы говоримъ *съ н-ею*; встрѣчаемъ ихъ и въ падежахъ). Во всякомъ случаѣ *т* приставка, и чистое окончаніе падежа не въ немъ заключается. Это чистое окончаніе удерживаетъ Русской языкъ. Мы можемъ впрочемъ видѣть и у себя, безъ этой кристаллизованной прибавки, а въ свободномъ суффиксномъ употребленіи мѣстоименій, какъ *ъ*, *ъ* или *и* Род. Мн. оглашается: на примѣръ *волкó-в-о-тъ стрѣляй*; *собáк-о-тъ привяжи*; *свинé-е-тъ у меня пять*; *окóн-о-тъ не забудь вымыть*. Вотъ для незнающаго и окончанія Родит. Множ. на *о*; не достаетъ приставки *т (м)* *) вмѣсто нашего *т (t)*. Отсутствіе и присутствіе этого *т (м)* въ Род. Мн. зависитъ, главное, отъ свойства, преимущественно звуковаго, того или другаго языка.—Когда возникла эта приставка, — это вопросъ трудный: но однако мы смѣемъ думать, что она возникла позднѣе. Въ пользу мнѣнія, что *т* въ Р. М. приставка и что приставка эта явилась позднѣе, — говоритъ склоненіе личныхъ именъ въ Санскритскомъ и Зендскомъ, именно: Санскр. *на-s*, Зенд. *нô*, — *насъ*; Санскр. *ва-s*, Зенд. *вô*— *васъ*. Этотъ Родительный Мѣстоименій считаемъ мы весьма важнымъ указаніемъ: говоря въ пользу Родительнаго Множественнаго вообще, онъ въ то же время прямо обличаетъ совершенное сходство съ языкомъ Русскимъ и доказываетъ истину его формъ, чтò, впрочемъ, доказываютъ и вообще всѣ древнѣйшія формы иныхъ языковъ. — Языкъ Литовскій, оставивъ у себя одно *и*, или, какъ мы думаемъ, утратилъ носовую приставку *т*, или же, любя полногласіе, распространилъ *ъ* въ *и*. — Допущеніе вставки въ Родительномъ Множественнаго преимущественно для именъ мужескаго рода,

*) Но и она есть, именно однородный съ нею звукъ *в*: *сын-о-в-ъ*, *дѣл-о-в-ъ*, *нож-о-в-ъ*, *цар-ё-в-ъ*, *звѣр-е-в-ъ* (фамилій, производимыя отъ Родительн.: ср. *Сух-о-т-о*, *Сух-и-х-ъ*, гдѣ *т* и *х* = *r*, *s*, *Сух-о-в-ъ*, *Благ-о-в-ъ*, *Благ-о-в-а(о)*, *Благ-и-х-ъ*); и въ утвердившейся формѣ — *кра-е-в-ъ*, *сло-е-в-ъ*; см. выше объ *м* и *в* при Творит. Ед. — *Б.*

встрѣчающееся въ Русскомъ языкѣ и основанное на разумѣ слова, — другіе языки распространили безпорядочно почти на всѣ имена, утративъ разумную основу этого употребленія.

Переходимъ къ падежу Винительному.

Падежъ Винительный Множественнаго принимаетъ въ Русскомъ языкѣ особенное видоизмѣненіе. — Въ Единственномъ числѣ падежъ Винительный не существуетъ для именъ мужескаго рода, но существуетъ для именъ женскаго, по разумной причинѣ, о чемъ было сказано выше. На основаніи разумной же причины, Именительный и Винительный въ именахъ Средняго рода, — безразлично одинъ и тотъ же падежъ: это разумное основаніе удержано только въ именахъ Среднихъ и другими языками. Имена мужескаго рода, которымъ субъективное ихъ значеніе не допускало имѣть объективнаго, Винительнаго падежа, — являясь во Множественномъ числѣ, теряютъ въ количествѣ эту силу субъективнаго значенія, на столько, что можетъ въ нихъ возникнуть Винительный падежъ, — и онъ дѣйствительно возникаетъ здѣсь. Напротивъ, въ именахъ женскаго рода, то равновѣсіе внутренняго и внѣшняго, субъективнаго и объективнаго, которое давало имъ Именительный и Винительный падежи въ Единственномъ числѣ, теперь во Множественномъ нарушается количествомъ, ослабляющимъ субъективную сторону, такъ что имена женскаго рода не имѣютъ Винительнаго во Множественномъ, а имѣютъ вмѣсто него или падежъ Именительный для неодушевленныхъ предметовъ, или падежъ Родительный для одушевленныхъ. Правильнѣе будетъ сказать, что здѣсь Именительный и Винительный—одинъ падежъ, съ преобладающей объективной стороною, и что одно сознательное употребленіе образуетъ разницу двухъ падежей.—Имена Среднія, имена безразличнаго міра, въ которыхъ преобладаетъ объективная сторона, и во Множественномъ, само собою разумѣется, не имѣютъ Винительнаго падежа или, лучше, имѣютъ одинъ общій, въ сознательномъ употребленіи различающійся какъ Именительный и Винительный. — И такъ, только имена мужескаго рода имѣютъ во Множественомъ числѣ Винительный падежъ по Русски.

Но субъективная сила мужескаго имени такъ велика, что выраженіе Винительнаго падежа и во Множественномъ весьма не ясно, различіе его отъ Именительнаго Множественнаго едва примѣтно, а въ иныхъ словахъ и вовсе изчезаетъ; по этому современный Русскій языкъ совершенно оставилъ эту тайную, непри-

мѣтную разницу, и теперь у насъ Винительный Множественнаго въ именахъ мужескаго рода совершенно сходенъ съ Именительнымъ Множественнаго.— Вся особенность окончанія Вин. Множ. при именахъ муж. р. состоитъ въ огрубѣніи окончанія Именительнаго Множественнаго: т. е. *ы* вмѣсто *и*. Другими словами, въ Винительномъ Мн., *и* не замѣняетъ собою *ъ*, *ь* или *й* Именительнаго Единственнаго, а придается; такимъ образомъ возникаетъ: *ъ-и*,— *ы*; придаваясь же къ *ь*, и къ *й*—*и* должно образовать *ьи*, *йй*, которыя и сливаются вмѣстѣ въ одно *и*. Въ языкѣ Церковно-славянскомъ есть и другія свои окончанія, но теперь мы ихъ не разсматриваемъ. — Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Именительный Множ. употребляется по Ц.слав. съ формою на *ове* или, вѣрнѣе думаемъ, *ови*, — у насъ принялъ онъ форму именную на *ова* или *ва*, — разница съ Винительнымъ Мн. становится ощутительною. Впрочемъ употребляется и въ Винительномъ суффиксъ *в*: *сыновы*; это, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что настоящая форма Им. Мн. есть *ови*, а *ове* есть форма измѣненная. — Разница замѣтна также, какъ скоро Имен. Мн. употребляется съ формою на *іе*: но эта форма легко переходитъ въ новое имя. Форма же Им. на *а*, по своему среднему характеру, всегда, разумѣется, употреблялась равно и въ Именительномъ, и Винительномъ падежѣ Множественнаго числа. — И такъ вся особенность Винительнаго Множественнаго состоитъ въ огрубѣніи звука, относительно Именительнаго Множественнаго: и то не всегда.

Обращаемся къ языкамъ иностраннымъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ, не смотря на разныя изъясненія Боппа, находимъ мы замѣчательную особенность, сходную съ Русскимъ языкомъ, именно: имена только мужескаго рода имѣютъ собственно Винительный Множественнаго и, сверхъ того, Винительный этотъ различается отъ Именительнаго Множественнаго только слабымъ оттѣнкомъ, именно носовою буквою *n*, при чемъ отброшенъ подвижной суффиксъ *s*. Само собою разумѣется, что имена мужескаго рода на *a-s* (*ъ*), *u-s* (*ъ*), *i-s* (*ь*) сохраняютъ эти гласныя и передъ носовою буквою *n*, передъ которою *ъ* и *ь* являются, какъ это бываетъ и въ Русскомъ языкѣ, оглашенными. Впрочемъ, въ Винительномъ Множественнаго это не только оглашенный-*ъ* и *ь*, — это окончаніе Именительнаго Множественнаго, повторяющееся въ Винительномъ съ оттѣнкомъ лишь носовой буквы и безъ подвижнаго липкаго суффикса *s*. Напр.: Им. Мн. *vṛk-â-s*,

Вин. Мн. *vrk-â-n*. Имена мужескаго рода на *i-s* отличаются тѣмъ, что, можетъ быть вслѣдствіе усиленія новою *i* (отъ чего *i* удвояется), ее имѣютъ гуны, напр.: Им. Мн. *pata-ya-s*, Вин. Мн. *pat-i-n*. Имена на *u-s* тоже не имѣютъ въ Винительномъ вставнаго *v* или, по мнѣнію Боппа, гуны, напр.: Им. Мн. *sûn-u-v-a-s*, Вин. Мн. *sûn-û-n*; это соотвѣтствуетъ Русскому или лучше Славянскому Им. Мн.: *сыно-в-е* и *сын-ы*. Впрочемъ въ Русскомъ языкѣ встрѣчается въ старой письменности *сын-о-в-ы*. Въ этихъ Винительныхъ Множ. мужескаго рода на *i-s* и *u-s* для насъ вполнѣ разрѣшается мнимая разница съ Именительнымъ Множественнымъ. Мы видѣли, что Винительн. Множественнаго въ Русскомъ языкѣ есть не что иное, какъ усиленіе или, мы сказали, огрубѣніе окончанія Именительнаго Множественнаго, которое есть обыкновенно *i*. Въ именахъ мужескаго рода въ Санскритскомъ языкѣ видимъ мы Именительный Множественнаго на *a*, какъ и въ Русскомъ: эта форма на *a* употребляется у насъ и въ Винительномъ; въ Санскритскомъ она тоже удерживается въ Вин. Множ., но разнится отъ Имен. только носовою буквою *n*. И такъ, здѣсь обнаруживается настоящій Именительный Множественнаго, который вѣроятно нѣкогда употреблялся и въ отличіе отъ котораго имена мужескаго рода приняли носовую букву *n*. — Имена мужескаго рода на согласную, при чемъ поглощено *s* или вѣрнѣе *ъ*, несуффиксныя и суффиксныя, не имѣютъ никакой разницы между Именительнымъ Мн. и Винительнымъ Множ., кромѣ долготы, напр.: Им. Мн. *aśmân-a-s*, Вин. Мн. *aśman-a-s*. Замѣчательно, что суффиксныя имена на *i* обнаруживаютъ, въ Вин. Мн., вѣроятно вслѣдствіе особености *ri*, имѣющей, какъ думаютъ, въ Санскритскомъ языкѣ, какой-то гласный характеръ,—форму Именительнаго Множественнаго *i*, отъ котораго они отличаются носовою буквою *n*, напр.: *brât-ri-n*. — И такъ, имена мужескаго рода въ Винительномъ Множественнаго различаются отъ Именительнаго Множественнаго только *n*; въ другихъ именахъ этотъ Именительный, открывающійся въ Винительномъ (*patî-*, *sûnû-*), по Санскритски неупотребителенъ; сверхъ того иныя имена мужескаго рода въ Вин. Мн. вовсе не различаются отъ Им. Мн. — Имена женскаго рода на *a* совершенно одинаковы какъ въ Им. Мн., такъ и въ Вин. Множ. Имена женскаго рода на *i-s* и *u-s*, имѣющія гуну, въ Винительномъ Мн. уничтожаютъ эту гуну и являются въ видѣ болѣе настоящемъ, какъ мы думаемъ; въ этомъ

видѣ впрочемъ онѣ остаются безъ измѣненія. Такимъ образомъ здѣсь въ Винительномъ Мн. возникаетъ только болѣе настоящій Именительный падежъ Мн.; окончательныя гласныя *i* и *u* становятся долгими, и подвижной липкій суффиксъ *s* сохраняется при окончаніи Винительн. Множественнаго, напр.: Имен. Мн. *prît-aya-s*, Вин. Мн. *prît-î-s*; Им. Мн. *tan-ava-s*, Вин. Мн. *tan-û-s*. Тотъ же Именительный Множественнаго возникаетъ въ Винительномъ Множественнаго при именахъ женскаго рода на *î* и *û*, напр.: Им. Мн. *bavišyanty-a-s*, Вин. Мн. *bavišyant-î-s*, Им. Мн. *vad'r-a-s*, Вин. Мн. *vad'û-s*. Имена на *i*, *î*, *u*, *û* сходны съ Именительнымъ Единственнаго, какъ и слѣдуетъ, какъ и встрѣчается это въ Русскомъ языкѣ. Имена женскаго рода на согласную, при чемъ поглощено вѣроятно *u*, несуффиксныя и суффиксныя, совершенно то же въ Вин. Мн., какъ и въ Им. Мн., напр.: Им. Мн. *vâc-a-s*, В. *vâc-a-s*. Замѣчательно, что имена суффиксныя на *r*, вѣроятно вслѣдствіе той же особенности *ri*, обнаруживаютъ форму Именительнаго Множественнаго *i*, но не различаются отъ Именительнаго, какъ имена мужескаго рода, а вмѣсто того принимаютъ подвижной извѣстный суффиксъ *s*, напр.: *duhitrî-s*,—*дочери*. И такъ, имена женскаго рода въ Винительномъ Множественнаго постоянно сходны съ Именительнымъ; иногда этотъ Именительный въ Санскритскомъ языкѣ неупотребителенъ. — Что касается до именъ р. Средняго, то объ нихъ говорить нечего: ихъ Именительный, какъ въ Ед., такъ и во Мн. одинаковъ.

Въ языкѣ Зендскомъ Винительный Множественнаго точно такъ же сходенъ съ Именительнымъ Множ. и точно такъ же встрѣчаемъ мы легкую разницу между Имен. и Вин. Множ. только въ именахъ Мужескаго рода; эта разница, какъ и въ Санскритскомъ, означается въ Зендскомъ носовою буквою *n*. Но здѣсь эта разница ограничивается именами Мужескаго рода на *ô* (*ъ*): напр. слово *vĕhr-k-ô* (Им. Мн. у Боппа не означенъ), Винительный Мн. *vĕhrk-a-n* (по этому имѣемъ мы основаніе думать, что Именительный Множественнаго могъ быть *vĕhrk-a*, къ которому въ Винительномъ, какъ небольшая разница, придается носовая буква *n*?).—Имена Мужескаго рода на *i-s* (*ь*) и на *u-s* (*ъ*) удерживаютъ совершенно форму, которую имѣютъ они въ Именительномъ Множественнаго, т. е. форму, которую мы сравниваемъ съ нашею *е* или *ie*: напр. Им. Мн. *paity-ô*, *pas-r-ô*, Вин. Мн.

paity-ô, *paś-v-ô*. То же самое видимъ мы и въ именахъ Мужескаго рода на согласную, несуффиксныхъ и суффиксныхъ (при чемъ поглощенъ *ъ* или *ь*): напр. Им. Мн. *aśman-ô*, Вин. Мн. *aśman-ô*. Бопп предполагаетъ для суффиксныхъ на *r* окончаніе въ Вин. Мн. *e-u-s*, напр. *brâthr-e-u-s*. Этотъ Вин. падежъ Мн. на *e-u-s* встрѣчается вообще въ именахъ на *r*: въ немъ видимъ мы падежъ Именительный Множественнаго, не употребительный въ Зендскомъ и одинакій съ нашимъ на *е* или даже *ае*, принявшій только въ Зендскомъ видъ *e-u-s* съ услужливымъ суффиксомъ *s*. И такъ, имена Мужескаго рода въ Зендскомъ языкѣ, говоря вообще, въ Винительномъ Множественнаго совершенно сходны съ Именительнымъ Множественнаго, съ тою разницею, что имена на *ô* имѣютъ въ Вин. Множ. нѣкоторый оттѣнокъ, именно *п.*— Имена Женскаго рода на *a* совершенно имѣютъ то же окончаніе въ Винительномъ, какъ и въ Именительномъ Множественнаго. Имена Женскаго рода на *i-s*, *u-s*, также: напр. Им. Мн. *âfrît-ay-ô*, *tan-a-r-ô*, Вин. Мн. *âfrît-ay-ô*, *tan-a-v-ô*. Замѣчательно, что при этихъ именахъ Женскаго, Вин. Мн. имѣетъ и другое окончаніе, въ которомъ возникаетъ болѣе подлинный для женскихъ именъ Именительный Мн.: именно *âfrît-î-s*, *tan-û-s*. Такое окончаніе для именъ Женскаго рода весьма прилично. Имена Женскаго рода во первыхъ требуютъ окончанія *.ū*: окончаніе *ô* произошло въ нихъ, какъ думаемъ, вслѣдствіе позднѣйшаго измѣненія; во вторыхъ, оканчиваясь на *i-s*,—*и* (*ъ*)и на *u-s*,—*и*, они имѣютъ собственно *и* своимъ окончаніемъ; а потому естественно буквѣ *и* возникнуть скорѣе во Множественномъ, особенно Винительномъ падежѣ. Мы и видимъ, что окончанія *i-s* и *u-s* становятся въ Винит. Множ. *î-s*, *û-s*. Такимъ образомъ, какъ и слѣдуетъ, Винительный Множественнаго Женскихъ именъ на *и* сходенъ и съ Именительнымъ Множественнаго, и съ Именительнымъ Единственнаго. — Имена Женскаго рода на согласную, несуффиксныя и суффиксныя (при чемъ поглощено вѣроятно *и*, *ъ*), имѣютъ въ Винительномъ Мн. совершенно то же окончаніе, какъ и въ Именительномъ Мн., напр. Им. Мн. *vâć-ô*, Вин. Мн. *vâć-ô*. — Въ именахъ Ж. р. суффиксныхъ на *r* Бопп предполагаетъ то же окончаніе на *e-u-s*. Въ такомъ случаѣ, падежная форма, которая по нашему есть *е* и *e-e-e*, соотвѣтствуетъ Множественному окончанію *и*. — Имена Средняго рода, какъ извѣстно, всегда одинаковы въ Именительномъ и Винительномъ падежѣ вообще.

Въ Греческомъ языкѣ, Винительный Множественнаго вообще довольно явственно отличается отъ Именительнаго Множественнаго. — Имена Мужескаго рода на ο-ς (ŏ), имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго окончаніе ο-υ-ς, и это очевидно розпится отъ Именительнаго Множественнаго ο-ι: напр. Им. Мн. λόγ-ο-ι, Вин. Мн. λογ-ο-υ-ς. Боппъ думаетъ, что въ это υ превратилось ν: но переходъ буквъ есть скользкое поприще, едва ли не каждая буква можетъ перейти въ каждую. Основываясь на сходствѣ Именительнаго и Винительнаго во Множественномъ числѣ, сходствѣ, которое подтверждается какъ Русскимъ, такъ Санскритскимъ и Зендскимъ языками, мы предполагаемъ это сходство и въ Греческомъ языкѣ. Буква υ имѣетъ столько оттѣнковъ, что, можно предположить, она здѣсь есть только измѣненіе Именительнаго Множественнаго ι, происшедшее, можетъ быть, отъ усиленія ι. Впрочемъ на сей разъ это одно предположеніе. — Имена Мужескаго рода на ι-ς (ŭ), ω-ς, υ-ς (ŭ), при которыхъ, можетъ быть, поглощена еще гласная (вѣроятно *и*), равно какъ имена на ε-υ-ς(ŭ), имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго α-ς, придающееся къ тѣмъ гласнымъ; имена Мужескаго рода на согласную, при которой поглощенъ вѣроятно ŭ, имѣютъ также α-ς, придающееся къ согласной. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ именахъ это α-ς вѣроятно замѣняетъ поглощенную гласную (*и*, ŭ).—Окончаніе Вин. Множ. α-ς весьма уже не сходно съ окончаніемъ Имен. Мн. ε-ς или ι-ς, и мы должны признать это окончаніе, такъ какъ оно есть: но однако имена, оканчивающіяся на гласныя, даютъ намъ указаніе на другой Винительный Множественнаго, который не всегда можно объяснить сокращеніемъ, да и вообще, какъ мы уже замѣчали, не всегда должно вѣрить сокращенію; иногда то, что̀ называемъ мы сокращеніемъ, производится отъ другихъ причинъ и обнаруживаетъ грамматическую, еще древнѣйшую, форму. Имена Мужескаго рода, оканчивающіяся на υ-ς, имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго форму Именительнаго, напр. πήχ-ε-ι-ς: мы не находимъ въ числѣ сокращеній, чтобы ε-α или υ-α сокращались въ ε-ι.—Имена Муж. р. на ῡ-ς имѣютъ также въ Винительномъ Множ. ῡ-ς: напр. ἰχθύ-ς, Им. Мн. ἰχθύ-ε-ς, Вин. Мн. ἰχθ-ῦ-ς, другая форма ἰχθύ-α-ς. Это ῡ-ς объясняютъ сокращеніемъ υ-α, но почему ему не быть сокращеніемъ, столько же возможнымъ, υ-ι или υ-ε? Въ такомъ случаѣ, оно совершенно бы соотвѣтствовало Винительному Множественному πήχ-ε-ι-ς. Слово Муж. и Женск. рода

πορτι-ς имѣетъ въ Вин. Множ. πορτ-ῖ-ς, что̀ опять объясняютъ сокращеніемъ ι-α; но ι-ι, ι-ε также сокращается въ ῖ. Наконецъ еще сильнѣйшимъ по нашему мнѣнію доказательствомъ Винительнаго на ῡ служитъ слово Муж. и Женск. рода ὄρνι-ς, которое, употребляясь въ тематическомъ видѣ, имѣетъ въ Винительномъ Множественнаго ὄρνε-ι-ς и ὄρν-ῖ-ς. Также имя Муж. р. υἱό-ς, если имѣетъ въ Вин. Мн. υἱ-έ-α-ς, то также и υἱ-ε-ῖ-ς. Надобно еще прибавить, что имена М. р. на ε-υ-ς (*ἰ*) имѣютъ въ Вин. Множ.—кромѣ ε-α-ς—и ε-ῖ-ς, какъ Имен. Мн.: напр. Им. Мн. βασι-λε-ῖ-ς, Вин. Мн. βασιλε-ῖ-ς. — Имена Женскаго рода на α и η имѣютъ въ Винительномъ Мн. α-ς: мы предполагаемъ здѣсь поглощенное ι, α-ι-ς, отъ чего вѣроятно и происходитъ долгота гласной ᾱ-ς; ибо здѣсь очевидно ς придается къ окончанію Именительнаго Ед. α, которое переходитъ и въ η, равное сочетанію αι (*ѣ*). Это заставляетъ думать, что во Множ. это ς придано къ Именительному α-ι, который, въ именахъ Ж. р., не различается такимъ образомъ отъ Винительнаго и употребляется въ семъ послѣднемъ съ поглощенною ι, отъ чего α становится долгимъ. Имена Женскаго рода на ι-ς, υ-ς, ω-ς, при которыхъ поглощена можетъ быть гласная *(и)*,—также на α-υ-ς (здѣсь υ мы считаемъ суффикснымъ, какъ наше *в* въ *люб-о-в-ъ*, быть можетъ поглощено *и-ъ*), имѣютъ въ Винительномъ α-ς, равно какъ имена Жен. рода на согласную, при которой поглощена вѣроятно гласная (*и-ъ*). Но здѣсь также, какъ при именахъ Мужескаго рода съ тѣми же гласными, есть указанія на другой Винительный Множ.: напр. Им. Множ. πόλ-ε-ι-ς, Вин. Мн. πόλ-ε-ι-ς; Им. Мн. ἐγχέλ-ε-ι-ς, Вин. Мн. ἐγχέλ-ε-ι-ς. — Имена Муж. и Ж. πόρτι-ς и ὄρνι-ς мы уже приводили выше. — Кромѣ того можемъ указать на имя Ж. р. κλε-ί-ς, которое и въ Им. Мн., и въ Вин. Мн. имѣетъ κλε-ῖ-ς. — Имена Ж. р. на α-υ-ς имѣютъ въ Винительномъ Множ. то же α-υ-ς, что̀, кажется, обнаруживаетъ тѣмъ и форму неупотребительнаго Имен. Множ.: напр. Вин. Мн. γρα-ῦ-ς, ναῦ-ς (*люб-о-в-и* вѣроятно поглощено *и*). — Имена Мужескаго и Женскаго рода оканчиваются еще на οῦ-ς: въ именахъ Мужескаго р. это υ есть *ѵ*, сокращенное съ ο въ οῦ, а въ именахъ Ж. р. это υ есть нашъ суффиксъ *в*, тоже сливающійся съ ο въ οῦ. — Имя Мужескаго и Женскаго рода βοῦ-ς имѣетъ въ Винит. Мн. наиболѣе βοῦ-ς: это также обнаруживаетъ форму Имен. Мн., болѣе настоящаго, какъ мы думаемъ, т. е. форму на *і*, хотя въ сокращенномъ или

поглощенномъ видѣ. — Что касается до именъ Средняго рода, то Именительный и Винительный, какъ извѣстно, здѣсь одинъ и тотъ же падежъ.

Въ языкѣ Латинскомъ Винительный Множественнаго различается отъ Именительнаго Множественнаго въ значительной части словъ. — Имена Мужескаго рода на *u-s* (*ŭ*), II-го склоненія, имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго *o-s*: это *o* замѣняетъ собою *u* (оглашенный *ŭ*); но трудно кажется подумать, чтобы это *o* было только оглашеніемъ *ŭ* передъ суффиксомъ *s*, ибо передъ этимъ суффиксомъ *ŭ* уже огласился какъ *u* (*y*). Откуда же взялось это *o* въ Винительномъ Множественнаго? Именительный Множественнаго имѣлъ нѣкогда болѣе полногласную форму, напр. *poploe*, гдѣ *i*, присоединяясь къ имени, не поглощало собою еще *ŭ* и само измѣнялось въ *e*; *ŭ* же передъ *i* или *e*, не сливаясь, принималъ здѣсь, какъ видимъ, видъ *o*. Къ этой древней формѣ Именительнаго Множественнаго присоединяется въ Винительномъ Множественнаго только услужливый суффиксъ *s*, при чемъ *i* или *e* поглощается, *o* становится долгимъ и образуется окончаніе *ô-s*. Вотъ объясненіе, которое кажется намъ вѣроятнымъ. Имена Мужескаго рода на *e-s*, *i-s* (*ŭ*) и *u-s* (здѣсь послѣ *u* поглощено *i*, *ŭ*), а также всѣ имена на согласную (при которой поглощенъ *ŭ*) III-го склоненія, несуффиксныя и суффиксныя, имѣя въ Именительномъ Множественнаго *e-s*, *i-s* (*e-i-s*), совершенно соотвѣтствующее нашему *и* (*i*), имѣютъ и въ Винительномъ Множественнаго то же *e-s*, *i-s* (*e-i-s*): напр. Им. Мн. *civ-e-s*, Вин. Мн. *civ-e-s*; Им. Мн. *arm-i-s*, Вин. Мн. (древн.) *arm-i-s*, и пр. Повторяемъ, что въ обоихъ падежахъ форма *i* есть древнѣйшая. — Имена Мужескаго рода на *u-s* IV склоненія, оканчивающіяся въ Именительномъ Множественнаго на *u-s* (вѣроятно *u-i-s*), имѣютъ такую же форму и въ Винительномъ Множественнаго, напр. Им. Мн. *gradu-s*, Вин. Мн. *gradu-s*. — Имена на *e-s*, V склоненія, большею частію Женскаго рода, но однако есть и Мужескаго. Эти имена также, имѣя *e-s* въ Именительномъ Множественнаго, имѣютъ *e-s* и въ Винительномъ Множественнаго, напр. Им. Мн. *di-e-s*, Вин. Мн. *di-e-s*. — Имена Женскаго рода на *a* имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго *a-s*. Здѣсь предполагаемъ мы то же поглощеніе *i*, которое находится въ Именительномъ Множественнаго, напр. *dominai* (*dominae*). Къ этому окончанію Именительнаго, *ai* (*ae*), въ Винительномъ Множествен-

наго придается только *s*—*ai-s*, изъ котораго образуется *ā-s*, напр. *domin-as*.—Имена Женскаго рода на *i-s*, *e-s* (*и*, *ь*), *u-s* (здѣсь послѣ *и* поглощено *i*, а также и всѣ имена на согласную (при которой поглощено *и*, *ь*) III-го склоненія, несуффиксныя и суффиксныя,—имѣя въ Именительномъ Множественнаго *e-s*, *i-s*(*e-i-s*), имѣютъ и въ Винительномъ Множественнаго *e-s*, *i-s* (*e-i-s*): напр. Им. Мн. *culp-e-s*, Вин. Мн. *vulp-e-s;* Им. Мн. *pelv-i-s*, Вин. Мн. *pelv-i-s*;—форма *i*, какъ извѣстно, есть древнѣйшая. напр. Им. и Вин. Мн. *gent-i-s*. — Имена Женскаго рода на *u-s*, которыхъ немного и при которыхъ вѣроятно поглощена *i* (если только само *u-s*, въ Женскихъ именахъ, не соотвѣтствуетъ *и*), — имѣютъ это *u-s* въ Именительномъ и также въ Винительномъ Множественнаго: напр. Им. Мн. *man-u-s*, Вин. Мн. *man-u-s*. — Имена Женскаго рода на *e-s*, имѣя *e-s* въ Именительномъ, имѣютъ ту же форму и въ Винительномъ Множественнаго: напр. Им. Мн. *r-e-s*, Вин. Мн. *r-e-s*.—Объ именахъ Средняго рода не нужно говорить.—И такъ въ языкѣ Латинскомъ видимъ мы большею частію тождество между Именительнымъ и Винительнымъ Множественнаго; гдѣ же есть разница, тамъ она, по нашему, легко объясняется.

Языкъ Литовской представляетъ отчасти свою особенность. — Имена Мужескаго рода на *a-s* (*ъ*) имѣютъ въ Винительномъ Множественнаго *u-s*. Какъ возникло это *u-s*, не сходное съ Именительнымъ Множественнаго *a-i*? Намъ кажется здѣсь это *u* огрубѣніемъ окончанія *a-i*, при чемъ, очень естественно, *a* поглощено: это *u* въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ нашему *ы*. Къ сему *u* (*и*) присоединяется, въ Винительномъ Множественнаго, липкій суффиксъ *s* и образуется окончаніе *u-s*: напр. *wilk-ù-s*,—*волк-ы*; *pon-ù-s*. Такое же *u-s*, такое же огрубѣніе звука *i* встрѣчаемъ мы и въ именахъ Мужескаго рода на *i-s* (*ь*)—*i-u-s*; Русскій языкъ не имѣетъ сего огрубѣнія въ своихъ именахъ Мужескаго рода на *ь* (*i-s*): но оно возможно и для произношенія (а въ Ц.слав. и друг. Слав. нарр. при **клъц-и**—**клък-ы**, при **раб-и**—**раб-ы** и т. п.).—Имена Мужескаго рода на *u-s* (*ъ*), имѣя въ Именительномъ Множественнаго *u-s* (слѣдовательное огрубѣлое окончаніе *ы*), имѣютъ и въ Винительномъ Множественнаго *u-s*, напр. *sun-ù-s*. — Имена Мужескаго рода суффиксныя (*en-i-s*) имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *en-y-s*, а въ Винительномъ *en-i-s*, при чемъ мы видимъ здѣсь, въ Винительномъ, также огрубѣніе или усиленіе *i*.—Имена Женскаго рода имѣютъ въ Винительномъ Множеств. *a-s*,—

rank-à-s. Это окончаніе относится какъ болѣе твердое къ Именит. Мн. *o-s*, *rank-o-s*; искаженіе Именительнаго Множественнаго для насъ очевидно: *a*, это ясное окончаніе, ослабляется въ *o*. Намъ кажется, что *a* укрѣпляется въ Именительномъ отъ *i*, вѣроятно поглощеннаго, однако такимъ образомъ, что падежъ Именительный Мн. представляетъ здѣсь ослабѣлую и искаженную, а падежъ Вин. Мн. болѣе краткую и настоящую форму. Такимъ образомъ тождество падежей Им. и Вин. Мн. ч. находимъ мы и здѣсь. Принимая *a-s* (Винительнаго) за форму болѣе истинную, мы думаемъ въ то же время, что въ ней поглощено *i* (*a-i-s*). — Имена Женскаго рода на *e* (*i*) имѣютъ въ Именительномъ Мн. *e-s*, также въ Винит. Мн.—Имена Женскаго рода на *i-s* (*u*, *ъ*) имѣютъ въ Им. Мн. *y-s*, въ Винительномъ Множ. *i-s*, гдѣ, слѣдовательно, болѣе сохранилась сила окончательнаго *i* (въ именахъ Женскаго рода она должна быть равна въ обѣихъ падежахъ).—Имена Женскаго рода суффиксныя (*er-i*) имѣютъ въ Им. Мн. *er-i-s*, въ Вин. Мн. *er-e-s*, при чемъ видимъ, какъ здѣсь, на оборотъ, въ Винительномъ Множественнаго ослаблена сила окончательнаго *i*, хотя это, въ сущности, единства окончанія падежей не нарушаетъ.

И такъ, въ заключеніе мы можемъ сказать, что отношеніе падежей Именительнаго и Винительнаго, т. е. единство ихъ, съ отмѣною лишь для именъ Муж. рода, — столь ясно понятое и выражаемое Русскимъ языкомъ, встрѣчается во всѣхъ языкахъ, въ болѣе или менѣе искаженномъ и ослабленномъ видѣ: но, не смотря на то, оно вездѣ можетъ быть удостовѣрено и открыто.

Переходимъ къ падежу Дательному.

Падежъ Дательный Мн. ч. въ Русскомъ языкѣ имѣетъ окончаніемъ *ъ*, придающійся къ Именительному окончанію слова, при чемъ передъ *ъ* и между окончательной гласной, въ такомъ случаѣ, становится эвфоническая носовая *м*, такъ что окончаніе Дательнаго въ Русскомъ языкѣ есть *мъ*.—Въ именахъ Мужескаго рода, окончательная буква *ъ* передъ *мъ* переходитъ, какъ обыкновенно, въ *о*, а *ъ*, *й* переходитъ въ *е*, напр. *человѣк-о-м-ъ*, *звѣр-е-м-ъ*, *злодѣ-е-м-ъ*. Въ именахъ же Средняго и Женскаго рода окончаніе Дательнаго *мъ* придается прямо къ окончательнымъ гласнымъ, напр. *женщин-а-м-ъ*, *зор-я-м-ъ*; *облак-о̀-м-ъ*, *пол-е́-м-ъ* (беремъ древнее окончаніе).—Замѣчательно, и совершенно справедливо, что въ именахъ Женскаго рода на *и* (*ь*), которыхъ окончательная буква слѣ-

довательно есть въ сущности гласная и только принимаетъ *ъ*, различный отъ *ъ* мужескаго,—замѣчательно, что въ сихъ именахъ окончаніе Дательнаго *м-ъ* присоединяется прямо къ *ь*, напр. *дверь-мъ*, а къ гласной слѣдовало бы даже *двери-мъ* (какъ есть тому примѣры): но это *и* все же принимаетъ видъ *ь*, одинаковый самъ по себѣ и съ Мужескимъ *ъ*, такъ что разница двухъ *ъ* должна была ощущаться по памяти, ибо едва ли была разница произношенія; а если и была, то особенная, весьма тонкая: по сему этотъ *ь* переходитъ и въ *е*, напр. *двер-е-мъ*. — Имена Мужескаго рода, склоненія смѣшаннаго, напр. *путь* и т. д., въ которыхъ могъ первопачально быть женскій *ь* (*и*), имѣютъ Дательный, что́ и понятно, точно такимъ же образомъ. — Мы видимъ слѣдовательно, что Дательный Множественнаго весьма сходенъ съ Дательнымъ Двойственнаго на *м-а* *). Быть можетъ, Дательный Множественнаго имѣлъ нѣкогда также это полное окончаніе, и потомъ уже сократилъ *а* въ *ъ*; но вѣроятно, если и было это тождество Двойственнаго и Мн. Дательнаго, *ма*, то разница уже лежала въ самой окончательной *а* (*м-а*), которая могла сократиться во Множественномъ и не сократилась въ Двойственномъ; впрочемъ самая древность Двойственнаго числа могла уберечь эту окончательную *а* отъ сокращенія. — Всего этого мы утвердительно не рѣшаемъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ и Зендскомъ видимъ мы совершенно соотвѣтственное явленіе, какъ и въ языкѣ Русскомъ. Въ языкѣ Санскритскомъ Дательный Двойственнаго оканчивается на *b'-yâ-m*, гдѣ къ *â* придается еще носовая буква *m*; Дательный Множественнаго оканчивается тоже на *b'ya*, но здѣсь окончательное *a* опирается на внѣшній суффиксъ *s*, удерживаясь съ его помощію, и въ то же время все таки является короткимъ, а не долгимъ, именно *b'-ya-s*. Это совершенно согласуется со сказаннымъ сей-

*) Частые примѣры (ср. выше и ниже) убѣждаютъ, что по крайности въ тысячѣ случаевъ Множественное число образовалось изъ Ед—го *чрезъ Двойственное:* чрезъ это двойство прошла вся миѳологія историческихъ народовъ прошло корнесловіе и словообразованіе (2-й шагъ послѣ 1-го стихійнаго къ 3-му—органическому); прошла самая рѣчь и слововыраженіе (особенно у Евреевъ, а въ эпосѣ—эпитеты *повторяющіе* значеніе слова). Знакомъ и слѣдомъ этого двойства осталась у насъ буква (и звукъ) *и*, о значеніи которой К. С—чь *первый* и *единственный* высказалъ столько мѣткихъ наблюденій, не доступныхъ трупоразсѣкателямъ языка.—*Б.*

часъ о Дательномъ Русскаго языка.—Здѣсь замѣчательно то, что имена Мужескаго рода на *a-s* (*ъ*), удерживая это *a* (*ъ*) въ Дательномъ Двойственнаго, *vṛk-â-bʹyâ-m*, замѣняютъ въ Дательномъ падежѣ Мн. *a* гласною *e*, или просто обращаютъ здѣсь свой заключительный *ъ* (*a-s*) въ *e*, *vṛk-è-bʹy-as*.—То же должно сказать объ именахъ Средняго рода на *a-m* (*о*), которыя въ Дательномъ Множественнаго замѣняютъ это *о* гласною *e*, соотвѣтствующею звуку *о* и обличающею по нашему мнѣнію здѣсь *о*—какъ настоящее окончаніе именъ Средняго рода. Это окончаніе Дательнаго падежа Множ. *bʹ-ya-s*, наше *м-а*, присоединяется къ окончаніямъ Именительнаго падежа, разумѣется безъ приставнаго *s*, при чемъ всѣ прочіе имена Мужескаго рода сохраняютъ свои оглашенія окончаній *ъ* и *ь*, напр. *sûn-u-bʹya-s*, *pat-i-bʹya-s*. Имена Мужескаго рода на согласную, при чемъ поглощенъ вѣроятно *ь*,—присоединяютъ окончаніе Дательнаго *bʹya-s* прямо къ согласной. Но, также какъ и въ Дат. Дв., здѣсь замѣчательно то, что имена суффиксныя *n* имѣютъ Дательный Множ. въ тематической формѣ, напр. *aśma-bʹya-s*; также то, что имена Мужескаго рода суффиксныя на *r* возстановляютъ въ Дательномъ Множественнаго, въ суффиксномъ видѣ, окончаніе *ь*, принимающе видъ *i* (*r-i*), напр. *bʹrâtri-bʹya-s*. — Имена Женскаго рода на гласную прямо присоединяютъ, какъ и въ Д. Дв., окончаніе Дательнаго Множественнаго къ гласной, напр. *gʹihvâ-bʹya-s*, *bʹaviśyanti-bʹya-s*, и пр. Имена Женскаго рода на согласную, при которой поглощено вѣроято *и* (*ь*), присоединяютъ окончаніе Дательнаго прямо къ согласной, напр. *vâg-bʹya-s*. О суффиксныхъ именахъ Женскаго рода на *r* мы должны сказать то же, что въ Дательномъ Множественнаго возникаетъ поглощенное *i* (*r-i*) и образуетъ падежъ: напр. *mât-ri-bʹya-s*.—Имена Средняго рода на гласныя *i*, *u*, являются не въ суффиксномъ своемъ видѣ съ *n*, какъ обыкновенно, а въ тематическомъ, какъ и въ Дат. Дв., напр. *vâri-bʹya-s*. — Имена Средняго рода на согласную, при которой поглощено *о* или вѣроятнѣе *e*, присоединяютъ окончаніе Дат. Мн. прямо къ согласной, напр. *hrid-bʹya-s*.

Въ языкѣ Зендскомъ, какъ сказали мы, видимъ мы то же соотвѣтствіе, между Дательнымъ Двойств. и Дательнымъ Мн., какое въ Русскомъ и Санскритскомъ. Дательный Двойственнаго въ Зендскомъ оканчивается на *bya*, Дательный Множественнаго на *byô*. Мы видимъ, что здѣсь, согласно нашему предположенію,

окончаніе Дательнаго Дв. *a* улетучивается въ *o* при Дательномъ Множественнаго: этотъ падежъ въ Зендскомъ языкѣ еще сходнѣе съ тѣмъ же падежемъ Русскимъ, ибо *o* соотвѣтствуетъ нашему *г*, какъ *e*—*ь*,—это самыя естественныя ихъ оглашенія—; сверхъ того здѣсь нѣтъ услужливаго суффикса *s*, который есть въ Санскритскомъ Дат. Мн.—Окончаніе Дательнаго Мн. *b-yô* придается, какъ въ Русскомъ и Санскритскомъ, къ окончанію Именительнаго. Въ Зендскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, присоединеніе этого окончанія, въ Дат. Мн., совершенно точно такъ же производится, какъ и присоединеніе окончанія Дательнаго Двойственнаго. Такое присоединеніе еще ближе къ Русскому, ибо въ именахъ на согласную, при которыхъ поглощены—въ муж. р. вѣроятно *ь*, въ женскомъ *и* (*ъ*), въ среднемъ вѣроятно *е*,—выступаетъ большею частію это поглощенное окончаніе совершенно вѣрно, какъ *e*: *vâć-e-byô*. Въ именахъ на *t*, когда передъ *t* гласная, окончаніе Дат. Мн. присоединяется прямо къ согласной: впрочемъ это требуетъ еще подробнаго разбора. Въ именахъ суффиксныхъ на *r*, гдѣ поглощено *ь* или *и* (*ъ*), послѣ *r* возникаетъ окончаніе *e*, что̀ считаемъ мы сроднѣе съ Русскимъ, напр. *brâtar-e-byô*. — Впрочемъ, такъ какъ и въ сихъ примѣрахъ, и вообще, присоединеніе окончаній Дательнаго Множественнаго *byô* совершенно также производится, какъ и присоединеніе Дательнаго Двойственнаго, *bya*,—то мы подробнѣе и не разсматриваемъ сего падежа въ Зендскомъ языкѣ.

Языкъ Греческій имѣетъ въ Дательномъ Множественнаго совершенно ту же форму, какъ и въ Творительномъ Множественнаго; мы думаемъ, что это не одно сходство формъ, а что просто утрачена форма Дательнаго падежа, что одна форма Творительнаго стала формою обоихъ падежей и даже одинъ падежъ изъ двухъ утратился, смѣшавшись съ другимъ, при чемъ преодолѣло значеніе Дательнаго. И такъ въ Греческомъ языкѣ видимъ мы, падежъ Дательный Множественнаго числа съ формою Творительнаго Множественнаго, слѣдовательно и относимъ его изслѣдованіе къ изслѣдованію падежа Творительнаго.

Языкъ Латинскій древнѣе въ этомъ случаѣ языка Греческаго. Онъ остановился на той степени, гдѣ формы падежей Дательнаго Мн. и Творительнаго Мн. стали тождественны или, лучше, форма одного падежа стала формою обоихъ: но значеніе падежей, какъ падежей, не утрачено, и даже слабое различіе въ формѣ

удержалось въ Единственномъ числѣ. — Но теперь вопросъ: которая же изъ двухъ формъ замѣнила другую и стала общею?— Этотъ вопросъ рѣшить трудно: постараемся однако рѣшить его, какъ умѣемъ. Общая форма для Дательнаго и Творительнаго во Множ. числѣ не одинакова: она имѣетъ два вида, именно *i-s* и *bu-s*, *bi-s*. Что̀ касается до первой формы, то характеристическое окончаніе ея, *i*, прямо указываетъ на падежъ Творительный Мн. Вторая форма, на *bus* — *bis*, встрѣчается весьма рѣдко: *no-bis*, *vo-bis* заставляютъ задуматься. Не была ли эта форма нѣкогда формою Дательнаго Множественнаго? Мы знаемъ прежде всего, что при однихъ и тѣхъ же словахъ употреблялись иногда обѣ формы (*fili-*): это облегчаетъ возможность быть имъ разными формами. Мы знаемъ потомъ, что въ старину было не *bus*, а *bo-s*,— окончаніе, вѣроятно, соотвѣтствующее Дательному Двойственнаго, который, будучи одинъ съ Твор. Дв., во Множеств. разнится отъ нихъ чрезъ различное видоизмѣненіе окончательной гласной. Изъ него, можетъ быть, образовалось *bo-s* чрезъ улетученіе гласной, которое и можно видѣть въ *u*, опершейся на суффиксъ *s* и удержавшейся съ его помощію. Наконецъ, на эту мысль наводитъ насъ сходство *bo-s* съ *byô* Зендскимъ въ Дательномъ Множествен., — приставной же суффиксъ дѣла нисколько не измѣняетъ. Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго можемъ заключить, что *bu-s* была въ началѣ форма падежа Дательнаго, а *i-s* Творительнаго, и что потомъ эти формы стали общими для обоихъ падежей и могли употребляться обѣ при однихъ и тѣхъ же именахъ. — Мы сочли нужнымъ сказать наше предположеніе, для грамматическихъ соображеній, но мы видимъ его недостаточность: форма *bis* требуетъ особаго объясненія. Сверхъ того, все предположеніе колеблется тѣмъ, что форма двухъ падежей тогда лишь могла сдѣлаться общею, когда бы одна замѣнила другую; если же остались обѣ формы и, главное, при этомъ языкъ удержалъ значеніе самихъ падежей, то совершенно уже нѣтъ никакой нужды и не естественно формамъ этихъ падежей сдѣлаться равно общими для обоихъ. И такъ эта общая форма обоихъ падежей принадлежитъ которому ни будь изъ нихъ. Мы думаемъ, что падежу Творительному. Это думаемъ мы, во первыхъ, по аналогіи съ Греческимъ языкомъ, въ которомъ форма Творительнаго въ Дательномъ падежѣ, по нашему мнѣнію, очевидна. Къ Творительному Греческую форму Дательнаго относитъ и Боппъ. Во вторыхъ по-

тому, что окончаніе Латинское *bis* и *is* есть очевидно форма Творительнаго падежа. Принимая второе наше предположеніе, мы относимъ форму Дательнаго въ Латинскомъ языкѣ къ падежу Творительному, потому и сказать о ней намѣрены говоря о падежѣ Творительномъ.

Языкъ Литовскій имѣетъ Дательный Множественнаго совершенно сходный съ Русскимъ и сходный съ Дательнымъ Двойственнаго Литовскимъ, который утратилъ свою отличительную гласную *a*. Разница съ Русскимъ Дательнымъ Множественнаго въ томъ, что въ Дательномъ Множественнаго Литовскомъ является услужливый суффиксъ *s*. — Дат. Мн. въ Литовскомъ оканчивается на *m-s*, а собственно на *m*, при которомъ *ъ* поглощенъ или не имѣетъ только начертанія. Окончаніе *m-s* придается къ окончанію Именительнаго, при чемъ имена Мужескаго рода на *a-s* (*ъ*) удерживаютъ это *a* (*ъ*) и въ Дательн. Множ.: *wilk-a-m-s*, *волк-о-мъ*; имена Мужескаго рода на *u-s* (*ъ*) удерживаютъ также это *u* въ Дат. Мн.: *sūn-ù-m-s*, *сы-но-м-ъ*. Имена Мужескаго рода на *i-s* (*ь*), при чемъ вѣроятно поглощена гласная, кромѣ *i* имѣютъ передъ *m-s*—*e*, которое обличаетъ по нашему мнѣнію эту поглощенную гласную, напр.: *ie-m-s*. Имена Муж. р. суффиксныя на *en-i-s* (*ь*) удерживаютъ передъ *m-s* это *i*: *en-i-m-s*. Имена Женскаго рода на *a* не присоединяютъ *m-s* къ *a*, какъ того требуетъ настоящее употребленіе, а измѣняютъ это *a* въ *o* передъ *m-s*, также, какъ и въ Дательномъ Множественнаго; это подкрѣпляетъ мысль, что Дательный Множественнаго образовался изъ Дательнаго Двойственнаго; напр.: *rank-o-m-s*, Дат. Дв. *rank-o-m*; въ Русскомъ языкѣ *рук-а-мъ* (Польск. *ręk-o-m*), Дат. Дв. *рук-а-ма*. Имена Женскаго рода на *e* (*и*, *ь*), *i-s* (*и*, *ь*) и суффиксныя на *eri* (*и*, *ь*) присоединяютъ *m-s* къ своимъ окончаніямъ *e* и *i*, какъ и слѣдуетъ, на примѣръ: *ar-i-m-s*, *moter-i-m-s*.

Переходимъ къ падежу Творительному.

Падежъ Творительный Мн. въ Русскомъ языкѣ означается буквою *и*, не поглощающею окончанія именъ (*ъ*, *а*, *о*, *и*), не сливающеюся съ нимъ, а становящеюся подлѣ него. Отъ того происходятъ разныя видоизмѣненія этого окончанія, которое весьма колеблется. — Общій законъ окончанія Творительнаго падежа есть тотъ, чтобы *и* было отдѣлено отъ окончанія именъ и это отдѣленіе утверждается благозвучною буквою *м*. которая становится между окончаніемъ имени и *и*. Но въ именахъ Му-

женскаго рода на *ъ*, окончаніе Творит. Мн. *и* находитъ возможность удержаться и безъ помощи благозвучной *м*. Въ именахъ Мужескаго рода на *ъ* окончаніе Творительнаго *и*, присоединяясь къ *ъ*, производитъ естественно *ы* (*ъ-і*). Во всѣхъ другихъ именахъ Мужескаго рода является въ Твор. Мн. *м*. Въ яснѣйшее доказательство, что *м* только служитъ для благозвучнаго отдѣленія *и* отъ окончнія Именительнаго, скажемъ, что даже имена Мужескаго рода на *ъ* имѣютъ въ самой древности, въ Творительномъ Множ., другую форму съ *м*, напр.: *кладъ-і*, *клад-ы* и *кладъ-м-и*. Имена Мужескаго рода на *ь* и *й* имѣютъ въ Творительномъ Мн. *ми*, *звѣрьми*, *злодѣйми*. Но окончаніе Творительнаго *и* иногда сливается съ окончаніемъ *ь* и *й*, хотя такое слитіе есть уже искаженіе Твор. Мн.: встрѣчается и *звѣри*, *злодѣи*. Это искаженіе доказывается уже и тѣмъ, что исчезаетъ разница между Творительнымъ Мн. и Именительнымъ Мн.—Имена Мужескаго рода склоненія смѣшаннаго имѣютъ въ Твор. Мн. *ми*: *путь-м-и*. Мы сказали, что окончаніе Творит. Множ. колеблется, ибо оно не есть *ми*, а собственно *и*, которое является то съ помощію *ъ*, какъ *ы* то съ помощію *м*, какъ *ми*, то наконецъ сливается съ окончаніемъ имени, какъ скоро оно *ь* или *й*, и является какъ *ьи*. Одно и то же имя можетъ имѣть эти видоизмѣненія: доказательство, что главное окончаніе здѣсь *и*, которое иногда теряетъ только свою отдѣльность. Первобытная неподвижность падежей столь же особая причина: но мы ея здѣсь не предполагаемъ, да это уже особая часть, которая здѣсь не у мѣста. — Имена Женскаго рода, оканчиваясь на ясную и опредѣленную букву *ъ*, *я*, иногда не имѣютъ сліянія, что̀ такъ же подтверждаетъ нашу мысль: *женщина-м-и*, *свинья-м-и*. Имена Женскаго рода на *и*, сокращенно *ъ*, тоже не имѣютъ сліянія и это то же понятно: ихъ настоящее окончаніе есть *и*, опредѣленная гласная буква, и только сокращенная въ произношеніи какъ *ъ*; этотъ *ъ* женскій вовсе не есть *ъ* мужскій или смягченный *ъ*,—и разница его, нами прежде указанная, здѣсь вполнѣ подтверждается: первый не допускаетъ, а второй допускаетъ сліяніе. — Имена Средняго рода на *о* сокращаютъ это окончаніе, чему такъ много примѣровъ, въ сочувствующій ему *ъ* передъ *и* и образуютъ *ы*: *облак-ы*. Имена Средняго рода на *е* сокращаютъ это *е* въ сочувствующій *ъ* и сливаютъ его съ *и*. Это всего замѣтнѣе въ словахъ Ср. р. на *іе*: *оружіи*. Здѣсь измѣненіе происходитъ въ сокращеніи *о* и *е* передъ *и*, а разница отъ

Им. и др. падежей удержана совершенно. Не смотря на то, имена Средняго рода, не довольствуясь этою формою падежа, принимаютъ еще болѣе ясную, гдѣ раздѣльность *и* слышнѣе; говорится напр: *облакъ-м-и*, *мор-ъ-ми*, *знаменій-ми*, сокращенно *знамень-ми*. Понятно отсюда, почему здѣсь, какъ и въ другихъ падежахъ Множественнаго, — въ которомъ различіе родовъ слабѣетъ, ибо является множество предметовъ, — почему, говоримъ, ясное, твердое окончаніе именъ Женскаго рода, и въ то же время столько близкое къ окончанію именъ другихъ родовъ, наконецъ возобладало и сдѣлалось общимъ окончаніемъ для всѣхъ родовъ. — Замѣчательны здѣсь суффиксныя имена, причисляемыя обыкновенно къ Среднему *роду*. Въ Творительномъ Множественнаго они имѣютъ два окончанія, напр.: *чудес-ы* и *чудес-ъ-м-и*, и т. д. Это вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Первое окончаніе Творительнаго падежа указываетъ на Именительный, почти неупотребительный,— *чудесо*, отъ котораго и Множественное *чудеса*; а второе на малоупотребительный Имен. *чудес-* (М. р.), отъ котораго образуется суффиксное склоненіе единственнаго числа.

Переходимъ къ языкамъ иностраннымъ.

Въ языкѣ Санскритскомъ видимъ мы то же окончаніе Творительнаго Множ.: *i*, которое точно такъ же раздѣльно придается къ окончаніямъ Именительнаго падежа (кромѣ того, что въ именахъ Средняго рода Русскаго языка встрѣчаемъ мы сокращеніе). Для соблюденія раздѣльности этого *i*, въ Санскритскомъ точно такъ же вставляется эвфоническая буква *b́*, соотвѣтствующая въ другихъ случаяхъ нашему *м*. Но къ этому окончанію Твор. Мн. *b́-i* придается липкій суффиксъ *s*, и образуется окончаніе *b́ i-s*: придается въ именахъ всѣхъ родовъ къ ихъ окончаніямъ.

Замѣчательно, что и въ Санскритскомъ языкѣ находимъ мы другое окончаніе Твор. Мн., соотвѣтствующее другому Русскому окончанію, т. е. — присоединеніе *i*, въ извѣстныхъ именахъ, безъ эвфоническаго *b́* прямо къ окончанію Именительнаго падежа: это окончаніе Творительнаго соотвѣтствуетъ нашему *ы*. Имена Мужескаго рода, оканчивающіяся по Санскритски на *a-s* (ъ), и Средняго рода, оканчивающіяся на *a-m* (о), слѣдовательно соотвѣтствующія тѣмъ самымъ въ Русскомъ языкѣ, которыя имѣютъ въ Творительномъ Мн. *ы*, — принимаютъ въ Творительномъ Мн. *i* послѣ *a* (ъ) и *ā* (о): *vrka-i-s* и *śiva-i-s* (у Боппа въ 1-мъ

изд. Сравн. Грам. *vrkâ-is*). Такъ какъ ъ (*a-s*), вслѣдствіе свойства Санскритскаго языка, имѣетъ или, лучше, удерживаетъ полногласіе, полученное имъ въ Именительномъ падежѣ, а *a* (*a-m*) не сокращается, то буква *i* не соединяется въ новую гласную какъ у насъ: тѣмъ не менѣе, вѣроятно, произношеніе этого окончанія было все-таки соединенное, къ чему давали возможность краткость и вообще качество этого *a*, что̀ бы оно ни значило, различающагося отъ *a* женскаго. Въ Ведахъ встрѣчается, въ тѣхъ же именахъ, и другое окончаніе Твор. Мн. на *bhis*, при чемъ *a* (ъ) терятъ отчасти свое полногласіе и становится *ê*, напр. *vrkêbhi-s* *). Въ древности этого падежа *bhi-s* не можетъ быть сомнѣнія: стòитъ только вспомнить соотвѣтствующій Русскій, встрѣчающійся въ древнѣйшее время,—*чинъ-ми*.—Но, въ этомъ случаѣ, Санскритскій языкъ удержалъ, преимущественно въ позднѣйшее время, окончаніе Твор. Мн. на чистое *i*. — Имена Мужескаго рода на *u-s* (ъ) имѣютъ одно окончаніе на *bhi-s*. Имѣли ли когда ни будь они окончаніе на чистое *i*—этого мы не знаемъ. Впрочемъ не надобно забывать, что въ Санскритскомъ языкѣ *u*, соотвѣтствующее ъ, или иначе ѣ, выразившійся чрезъ *u*, не совершенно одинаковъ съ другимъ ъ; онъ имѣетъ въ себѣ какое-то особое выраженіе, бо̀льшую гласность, почему и остается гораздо менѣе измѣняемъ, нежели ѣ, выражавшійся чрезъ *a*. То же самое должны мы замѣтить о языкѣ Литовскомъ, гдѣ ъ также является оглашеннымъ какъ *a* (*a-s*) и какъ *u* (*u-s*). Всѣ остальныя имена имѣютъ, какъ и въ Русскомъ языкѣ, эвфоническое окончаніе при *i*, *bhi-s*, въ Твор. Мн. придающееся къ окончаніямъ именъ или къ Именительному падежу: напр. *gihvâ-bhi-s*, *prîti-bhi-s* и пр. Замѣчательно то, что имена, являющіяся большею частію въ суффиксномъ видѣ, здѣсь являются въ тематическомъ: напр. *âtma-bhi-s*, *natâ-bhi-s*; и что имена Средняго рода на *a-s*, которыя Боппъ не считаетъ за суффиксныя, обнаруживаютъ здѣсь, что этотъ *s* такъ

---

*) Но Санскр. *ai*, обозначаемое даже особымъ начертаніемъ буквы, и есть въ основѣ то же, что *ê* (*a*+*i* или *aй* и также *i*+*a*; наше *ѣ*, *ы* и *я*, Ц.слав. ѩ, ср. выше). Дѣло только въ томъ, что здѣсь *i* Творительнаго 1) или сливается съ *i* Именительнаго (какъ у насъ *звѣр-и*, *люд-и*, *сын-ы*), или 2) повторяется, при чемъ одно *i* принадлежитъ Именительному, другое Творительному (наше *сын-овь-я-ми*, *звѣр-ь-я-ми*, *кон-я-ми*, *люд-я-ми*). Другое дѣло такая краткость, гдѣ *i* Именительнаго Мн. совсѣмъ не слышно, какъ у насъ *сын-ъ-ми*.—*Б.*

же суффиксъ, являются въ тематическомъ настоящемъ своемъ видѣ: напр. *vać-a-s*, Зендское *vacô*, Русское *вьч-е* (*вьч-о*), имѣетъ въ Творит. Мн. *vacô-bi-s*.

О Творительномъ Множественнаго въ языкѣ Зендскомъ мы должны сказать совершенно то же, что о Тв. Мн. въ языкѣ Санскритскомъ. То же окончаніе Тв. Мн. *bi-s* и также оно присоединяется. Нужно только прибавить, что имена Муж. рода на *ô* (*o*) имѣютъ въ Творительномъ Множ. чистое *i*, при чемъ *ô*, вѣроятно чтобы избѣжать слитности, переходитъ въ болѣе твердое *â*, напр. *vĕhrk-â-i-s*. Другаго окончанія имена эти въ Зендскомъ языкѣ не имѣютъ.

Въ Греческомъ языкѣ окончаніе Творительнаго Множественнаго то же *i* (*и*), но здѣсь есть однако важныя особенности. Греческое ι не просто одно присоединяется къ окончанію именъ, но сопровождается суффиксомъ ς (*сь*), на сей разъ склоняющимся: или, если это предположеніе для иныхъ покажется слишкомъ смѣлымъ, то по крайней мѣрѣ остается признать, что окончательная буква Творительнаго Мн. *i* (*и*) присоединяется къ суффиксу и является σ-ι; дѣло весьма возможное, чему есть примѣры. Но мы держимся перваго предположенія, ибо если мы допускаемъ въ Греческомъ языкѣ суффиксъ ς (*сь*), то можемъ допустить и склоненіе суффикса, оставшееся въ уединенной и кристаллизованной формѣ. — Но взглянемъ на Творительный Мн. въ Греческомъ склоненіи внимательнѣе.

Имена Мужескаго рода на ο-ς (*o*) II-го склоненія прибавляютъ къ окончанію своему ι—λογ-ο-ι—и принимаютъ сверхъ того суффиксъ ς (*сь*), въ томъ же падежѣ, σι (*си*), λογο-ι-σι.—Имена Средняго рода на ο-ν поступаютъ точно такъ же: συκο-ι-σι. — Имена Женскаго рода на α и η I-го склоненія точно такъ же образуютъ Творительный: μουσα-ι-σι, δικα-ι-σι (вмѣсто η, какъ это бываетъ въ склоненіи, возникаетъ здѣсь коренная α: слѣдовательно форма σι въ этихъ склоненіяхъ есть древняя; въ послѣдствіи *i* отпадаетъ и остается σ). Въ III склоненіи, имена Мужескаго рода на гласныя ω-ς, ι-ς (*o*), υ-ς, именаЖенскаго рода на тѣ же окончанія, имена Средняго рода на ο-ς и α-ς, имена Мужескія на ους, Женскія на αυς,—всѣ имѣютъ ту же форму, съ тою только разницею, что ι перемѣнялось на ε и что σ могло удвояться: напр. ιχθυ-ε-σσι, βο-εσ-σι, δι-ε-σσι, επε-ε-σσι, и пр., и пр. Въ именахъ всѣхъ трехъ родовъ, несуффиксныхъ и суффиксныхъ, на согласную, при которой по-

глощена гласная та или другая (т. е. ъ, и, е), ι Творительнаго падежа Мн. становится прямо къ согласной, переходя опять въ ε и принимая суффиксъ въ Твор. Мн. σι: напр. ἄνακτ-ε-σσι, κύν-ε-σσι, и пр., и пр. Но мы видимъ, что здѣсь ι обращается уже въ ε, что здѣсь суффиксъ σ, какъ бы для бо́льшей твердости, удвоется, что слѣдовательно окончаніе ι здѣсь не твердо, не опредѣленно: вѣроятно отъ того, что гласныя окончательныя буквы, въ III склоненіи, или имѣютъ въ себѣ смягченіе, или поглотили подлѣ себя мягкую гласную, какъ и согласныя окончательныя буквы въ томъ же склоненіи. Въ послѣдствіи времени исчезло и ε, и окончаніе Творительнаго падежа осталось въ одномъ суффиксѣ σι (*си*), который прямо уже придавался къ гласной и къ согласной окончательной буквѣ съ извѣстными видоизмѣненіями: напр. κι-σι, πολε-σι, ῥήτορ-σι, ἄνα-ξι (ανακ-σι) и пр., и пр.—Здѣсь очень замѣчательно, что слова суффиксныя на ηρ имѣютъ въ Тв. Мн. α-σι: напр. θυγατρα-σι: какъ объяснить это α? Мы предполагаемъ здѣсь существованіе другой формы Именительнаго Единственнаго, именно на α*), къ которой прибавляется σι; передъ σι вѣроятно было прежде ι: слѣдовательно думаемъ, что слова эти оканчивались напримѣръ такъ: θυγατρ-α-ι-σι.

И такъ, въ Греческомъ языкѣ видимъ мы то же окончаніе Творительнаго Множ. *і* (*и*), съ тою разницею, что здѣсь буква не благозвучная раздѣлила *і* отъ окончанія имени, а напротивъ снаружи имени суффиксъ принялъ форму Творительнаго Множественнаго и весь Творительный падежъ на него оперся, такъ что этотъ суффиксъ сдѣлался главнымъ, а въ послѣдствіи единственнымъ знакомъ падежа Творительнаго Множественнаго. Почему же однако именно въ этомъ падежѣ суффиксъ получаетъ такое значеніе и является самъ склоняющимся въ Творительномъ падежѣ? Именно потому, что Греческій языкъ не прибѣгъ къ благозвучной вставочной буквѣ (какъ у насъ *м*), по какой бы то ни было причинѣ, для раздѣленія *і* (*и*); потому, чтобы спасти окончаніе падежа, подвергавшееся само по себѣ сліянію или исчезанію, чтобы означить его явственнѣе,—обратился къ суффиксу σ.

---

*) Ср. нашъ Именительный, употребительный въ народѣ до сихъ поръ, *дочер-я*, откуда Винит. *дочер-ю;* Творительный *дочер-я-ми* (при *дочер-ь-ми*) напоминаетъ означенное выше присутствіе *аі* или *я* сверхъ окончанія Творительнаго *і*.—*Б.*

Суффиксъ для того и былъ принятъ склоненіемъ въ этомъ падежѣ (Твор. Мн.), и сталъ потомъ собственнымъ знакомъ Творительнаго падежа Множественнаго числа, уже вообще во всемъ склоненіи Греческомъ.

Наша мысль, сказали мы, о томъ, что σι есть Творительный суффикса *съ*,—Русское *си*—должна показаться смѣлою: но однако вотъ доказательства для безпристрастнаго взляда довольно, кажется, убѣдительныя. Мы забѣгаемъ нѣсколько впередъ, чтобъ опереться на нихъ. Въ первомъ Мѣстоименіи, въ склоненіи эоличеткомъ и эпическомъ, во Множественномъ числѣ, въ Творительномъ падежѣ употребляется ἄμμι, *нами*, и кромѣ того есть другая эолическая форма—ἄμμ-έ-σι. Также Мѣстоименіе ὅ-δε пишется въ Твор. Мн. τοι-σ-δε-σι, гдѣ σι прибавляется послѣ частицы δε для усиленнаго обозначенія Твор. Мн., а равно τοι-σι-δε, гдѣ это σι употребляется прежде частицы δε. Думаемъ, что эти примѣры достаточно убѣдительны для того, чтобы признать самостоятельность и раздѣльность Творительнаго Множественнаго σι, который и есть не что иное, какъ суффиксъ σ, наше *съ*,—*си*.

Переходимъ къ языку Латинскому.

Языкъ Латинскій сходенъ болѣе съ языкомъ Санскритскимъ, чѣмъ съ Греческимъ, но также вѣренъ общему строю языковъ. Въ этомъ случаѣ Творительный Множ. ч. образуется въ Латинскомъ языкѣ также черезъ букву *i*, придающуюся къ окончанію имени, а вмѣстѣ пріобрѣтаетъ проворный суффиксъ *s*. Точно такъ же какъ и въ другихъ языкахъ, между *i* и окончаніемъ имени явилась благозвучная *b* (Санскр. *bh*) и точно такъ же въ иныхъ именахъ окончательное *i* прямо присоединилось къ окончанію имени. Но тутъ произошли разныя измѣненія. — Имена Мужескаго рода на *u-s* (*o*) и средняго на *u-m* (*o*) II-го склоненія приняли, какъ и въ другихъ языкахъ, къ своему окончанію букву *i* въ Твор. Мн., которая въ началѣ отдѣлялась, или измѣняясь въ *e* — *ollo-e-s* (*illis*), или оставаясь какъ *i*, при чемъ смягчалось окончаніе имени,—*castr-e-i-s;* потомъ это *i* слилось или даже поглотило окончаніе имени *o* и *u* (*o*), ставши отъ того долгимъ, напр. *lup-ī-s*, *bell-ī-s*. Впрочемъ окончаніе на *bus* хотя не употребительно, но не противно и въ Лат. яз. именамъ Муж. рода на *o* (*u-s*), какъ это видимъ мы въ Русскомъ и Санскритскомъ языкѣ: ибо встрѣчается *fili-bu-s*, *dii-bu-s* и пр. — Имена Женскаго рода на *a* не-

обходимо должны были имѣть, и точно имѣли, даже удержали послѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, окончаніе Творительнаго *i*, раздѣленное благозвучною *b* отъ окончанія Именительнаго: но это *i* измѣнилось послѣ въ *u*, соотвѣтствующее въ этомъ случаѣ, можетъ быть, нашему *ы*, при чемъ конечно является и внѣшній суффиксъ *s*. Въ пользу того, что прежде было не *b-u-s*, а *b-i-s*, говорятъ мѣстоименія *no-b-i-s*, *vo-b-i-s*, *na-m-u*, *va-m-u*. И такъ, въ женскихъ именахъ окончаніе Творительнаго *u* (*i*) отдѣлено благозвучною *b*,—*bu-s*,—*fi-lia-bu-s*, *dea-bu-s*, и это совершенно законное окончаніе женскихъ именъ на *a*. Но потомъ *i*, придаваясь прямо къ *a*, слилось съ нимъ въ долгое *i*,—*i-s*: *terr-ī-s*.—Имена Мужескаго рода на *ū-s* (*ъ*, съ особымъ выраженіемъ) и Средняго на *u* (*о*) имѣютъ въ Творительномъ *bu-s*: *speci-bu-s*, *pecu-bu-s*; въ послѣдствіи это *u* измѣнилось въ *i*: *part-i-bu-s*, *gen-i-bu-s*. Такое же образованіе Творительн. Множественнаго встрѣчаемъ въ именахъ Женскаго рода на *ū-s* (*ы*); здѣсь встрѣчаемъ мы примѣръ и другаго окончанія Твор. Мн., гдѣ *i* прямо придается къ имени, поглощая окончательную его гласную букву: напр. *spec-i-s*, *fic-i-s*. — Имена Мужескаго рода на *i-s* и *e-s* (*ь*), Женскаго на *i-s* и *e-s* (*и*, *ь*), Средняго на *e*, не поглощенное (*mar-e*) или поглощенное (*calcar*(*e*),—имена всѣхъ этихъ родовъ, оканчивающіяся на согласную, при которой поглощено *ь*, *и* или *e*, несуффиксныя (*lex*, *radix*: здѣсь мы говоримъ не о суффиксѣ внѣшнемъ *s*) и суффиксныя (*homo hominis*, *flos floris*, *corpus corporis*),—всѣ эти имена получаютъ, какъ и въ другихъ языкахъ, окончаніе Творительнаго падежа съ благозвучной вставкой, придаваемое къ окончанію Именительнаго Единственнаго, при чемъ послѣднее становится во всѣхъ именахъ *i*: гласная смягчающая, которая и обнаруживается передъ окончаніемъ Тв. Мн. *bu-s*; напр. *cīv-i-bu-s*, *iqn-i-bu-s*, *leon-i-bu-s*, *flor-i-bu-s* и пр., и пр. Но и здѣсь встрѣчается случай другаго употребленія: напр. *olus*, *oler-i-s*. — Имена, оканчивающіяся на *e-s* (*и-ь*), почти всѣ Женскаго рода, удерживаютъ этотъ видъ окончанія *e*, къ которому придается благозвучное *b*: *re-bu-s*, *die-bu-s*; употребленіе благозвучнаго *b* здѣсь также вполнѣ справедливо и истинно.

Слѣдовательно, въ Латинскомъ языкѣ видимъ мы также Творительный падежъ Множественнаго съ двумя видоизмѣненіями окончанія. И точно также окончаніе Творительнаго, чистое *i*, принадлежитъ преимущественно именамъ Мужескаго рода на *u-s* (*ъ*)

и на поглощенный *s (puer)*, а равно именамъ Средняго рода на *u-m(o)*: здѣсь не встрѣчаемъ ни одного примѣра на *bu-s*. — Въ доказательство, что окончаніе Творительнаго съ благозвучнымъ *b* есть принадлежность именъ Женскаго рода на *a*, служитъ то, что для отличія этихъ именъ отъ Мужескихъ употребляется *bu-s*: напр. *fili-i-s*, *filia-bu-s*; *dei-s (di-i-s, di-s)*, *dea-bu-s*.

Но чистое окончаніе *i* (*i-s*) распространилось, при томъ въ сокращенномъ видѣ, и на имена Женскаго рода съ *a*, и на другія имена, которыя обыкновенно употребляются въ Творительномъ съ благозвучною вставкою. Назвать это прямо искаженіемъ мы не можемъ. Чистое окончаніе *i* существуетъ самостоятельно и не возникало изъ *bi-s (bu-s)*: это два вида общаго окончанія Творительнаго падежа; *i* присоединяется или прямо къ окончанію Именительнаго Единственнаго, или допускаетъ между имъ и собою вставочную благозвучную согласную. Искаженіе состоитъ съ одной стороны въ томъ, что чистое *i* слилось съ окончаніемъ Им. Един., поглотивъ оное, съ другой стороны въ томъ, что оно распространилось даже и на тѣ имена, которымъ по ихъ особенности оно не свойственно. — Есть въ древности употребленіе въ одномъ словѣ, употребленіе очень замѣчательное, именно *ni-s*, *ны*, рядомъ съ *nobi-s*, *bus*. Здѣсь прежде всего признаемъ мы это окончаніе на чистое *i* самостоятельнымъ, а не сокращеннымъ, потомъ, можетъ быть, и измѣненнымъ, но не даромъ употреблявшимся съ благозвучною вставкой. Первоначальный видъ падежей вообще мы теперь не разсматриваемъ. Съ другой стороны замѣчательно окончаніе *ea-bu-s*, очевидно Женское, рядомъ съ *i-i-s* *).

---

*) Сюда относится замѣтка наша, на которую ссылались мы нѣсколько разъ прежде, о Дат. и Творит. Множ., такъ какъ Латинское *bus* и *bis* всего яснѣе доказываетъ, что а) въ семъ яз. 3-е, 4-е и 5-е склоненія суть *суффиксныя* и, какъ такія, относятся къ тематическимъ 1-му и 2-му; б) что переходъ нѣкоторыхъ именъ, отъ 1-го и 2-го въ прочія склоненія, совершается посредствомъ добавочнаго суффикса, вставляемаго *сверхъ* падежной тематической флексіи или даже образующаго *новую форму* имени, преимущественно въ Ж. р.; в) что таковой суффиксъ есть *a* или *b*, выражающій суммарность, совокупленіе, собираніе и т. п. Наконецъ г) языки древніе, въ соединеніи съ нашимъ, представляютъ *цѣлое таковое склоненіе*,—съ участіемъ собирательнаго суффикса. — Подробности о семъ, для удобства изданія, ниже *въ особомъ прибавленіи*.—*Е.*

Въ языкѣ Литовскомъ встрѣчаемъ мы ту же общую форму Творительнаго Множественнаго и тѣ же ея видоизмѣненія, именно *i*, которое или придается прямо къ окончанію Именительнаго Единственнаго, или вставляетъ между собою и имъ благозвучную согласную. — Здѣсь Творительный Множественнаго ближе къ Русскому, ибо его вставочная благозвучная буква есть *m*, какъ и въ Русскомъ (*м*). — Имена Мужескаго рода въ Литовскомъ языкѣ, оканчивающіяся на *a-s* (*ъ*), точно такъ же какъ и во всѣхъ языкахъ, принимаютъ гласное *i*, при которомъ становится услужливый суффиксъ *s*, напр. *wilk-a-i-s*. Замѣчательно, что имена на *i-s* (*ь*, или вѣрнѣе *iй*; въ такомъ случаѣ *й* поглощено) также принимаютъ гласное *i* въ Творительномъ Множественнаго, при чемъ поглощенное *й* выступаетъ и принимаетъ видъ *e*, такъ что образуется окончаніе *e-i-s* *). Слова эти соотвѣтствуютъ, кажется, Русскимъ именамъ М. р. на *iй* (*ьй*): но въ Русскомъ языкѣ окончаніе Творительнаго Мн. не встрѣчается въ такой полнотѣ; чистое *и*, присоединяясь къ нашимъ именамъ М. р. на *iй* (*ьй*), также какъ на *ай, ой, ей, уй*, и Средняго рода на *i-e*,—сливается въ одно долгое *и* или, лучше, поглощаетъ окончательную *й* и *e*, напр. *сими злодьи, многими оружіи*. Кромѣ чистаго *и* употребляется въ этихъ именахъ и другое окончаніе, съ благозвучною буквою *м*: *обычай-м-и, оружь-м-и*. — Въ Литовскомъ же языкѣ, въ именахъ на *i-s* (*ь* или *iй*) Мужескаго рода, не встрѣчается въ Творительномъ другаго окончанія, кромѣ чистаго *i*. — Имена Мужескаго рода на *u-s* (*ъ* съ особеннымъ выраженіемъ) имѣютъ въ Творительномъ мн. благозвучную вставочную *m*, напр. *sunu-mi-s, сынъ-ми* (и *сынъ-i, сыны*). Имена Муж. р. суффиксныя на *eni-s* (*ень*) имѣютъ, какъ и въ Русскомъ большею частію, то же окончаніе Творительнаго падежа со вставочной *m*, образуя окончаніе *eni-mi-s*, напр. *aktseni-mi-s*.—Имена Женскаго рода на *a* имѣютъ совершенно вѣрно, какъ и въ Русскомъ языкѣ, въ Творительномъ Множ. вставочную *m*; но при этомъ, какъ и въ другихъ падежахъ Множественнаго, *a* перемѣняется на *o*, напр. *ranko-mi-s (руками)*. Имена Женскаго рода на *e* (*и-ъ*), на *i-s* (*и-ь*) и суффиксныя на *eri* имѣютъ, совершенно правильно, какъ и въ Русскомъ языкѣ, въ Творительномъ Множ. вставочную *m*, напр. *moteri-mi-s* (*матерь-ми*), *dukteri-mi-s*.

*) Ср. Шлейхера „Грам.“ 1856 г., стр. 182 и дал.—*Б.*

Мы видимъ такимъ образомъ, что во всѣхъ языкахъ, за немногими исключеніями, окончаніе Творительнаго падежа одно и то же; это окончаніе есть *и* (*i*), являющееся въ двухъ видахъ: оно или придается прямо къ окончанію имени и становится подлѣ него, или допускаетъ между собою и имъ вставочную благозвучную согласную. Оба вида окончанія Творительнаго падежа встрѣчаются во всѣхъ языкахъ, оба самостоятельны; образованіе обоихъ просто, и производить чистое окончаніе *и* изъ благозвучнаго окончанія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, по нашему мнѣнію, совершенно произвольно и ошибочно. Замѣчательно, что имена извѣстнаго разряда, — съ окончаніемъ Мужескаго рода въ Русскомъ на *ъ*, а въ другихъ языкахъ съ окончаніемъ, ему соотвѣтствующимъ, — имѣютъ въ Творительномъ чистое окончаніе *и*. Съ одной стороны это доказываетъ самостоятельность самаго окончанія, заставляя признавать причину, по которой оно образуется *преимущественно* въ извѣстномъ разрядѣ словъ; съ другой стороны это доказываетъ соотвѣтствіе между собою всѣхъ именъ, принимающихъ преимущественно чистое окончаніе *і* въ Творительномъ Множественнаго; а вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ соотвѣтствіе всѣхъ подобныхъ окончаній въ иностранныхъ языкахъ съ нашимъ *ъ*. Такъ одинаково образуютъ Творительный Множественнаго имена Русск. на *ъ*, Санскр. на *a-s*, Зенд. на *ô*, Греч. на *o-s*, Лат. на *u-s*, Лит. *a-s*. — Имена Средняго рода, въ Русскомъ на *о*, не проходятъ такъ соотвѣтственно сквозь всѣ языки. — Окончаніе Творительнаго вообще не равно проходитъ по всѣмъ языкамъ; но преимущественное, часто исключительное употребленіе чистаго окончанія *і* въ Творительномъ Множ. остается принадлежностью именъ *Мужескаго рода* (на означенныя окончанія во всѣхъ языкахъ).—Это несомнѣнное, по нашему мнѣнію, соотвѣтствіе съ *ъ* всѣхъ остальныхъ, приведенныхъ выше, окончаній, здѣсь подтверждаемое, подтверждается и другими подобными явленіями языка.

Переходимъ къ падежу Мѣстному Множественнаго числа.

Мѣстный падежъ Множественнаго числа въ Русскомъ языкѣ имѣетъ особенность, нигдѣ больше не встрѣчающуюся въ цѣломъ склоненіи. Этотъ падежъ имѣетъ своимъ знакомъ *ъ* (или, лучше, гласную, сократившуюся въ *ъ*,—это доказывается и другими языками), который придается къ окончанію Именительнаго Единственнаго и вставляетъ между имъ и собою букву *х*: такимъ способомъ

образуется окончаніе *хъ*. Но какая же гласная обратилась здѣсь въ *ъ* и какъ возникла согласная *х*? — Въ *ъ* можетъ обратиться всякая гласная, только не *і* и не смягченная черезъ *і*: слѣдовательно *а*, *о*, *у*. — Гласная *о*, какъ гласная неопредѣленная, средняя, не можетъ замыкать падежа, для чего нужна опредѣленность; опредѣленная гласная можетъ сама перейти въ неопредѣленную или даже позабыться, но въ древности должна быть въ концѣ падежа гласная опредѣленная. И такъ въ окончаніи Мѣстнаго Множественнаго должна быть или *а*, или *у*.—Гласную *у* (*и*) видимъ въ Санскритскомъ, въ Зендскомъ кромѣ *у* видимъ *а*. — Въ Русскомъ склоненіи *а* употребительнѣе въ окончаніи падежей: мы видимъ *а* поглощеннымъ въ Творительномъ Единственнаго и въ Дательномъ Множественнаго. Потому, основываясь сверхъ сего на сродномъ языкѣ Литовскомъ, который имѣетъ въ Мѣстномъ Мн. *sa*, мы думаемъ, что гласная, перешедшая въ *ъ* (въ нашемъ Мѣстномъ Множественнаго), есть гласная *а*. Гласная *а*, какъ и другія, можетъ имѣть много оттѣнковъ, далеко не уловленныхъ и едва ли уловимыхъ письмомъ; довольно одной краткости и долготы, которую замѣтила письменность: по степени бо́льшей или меньшей долготы письменность не уловила, а между тѣмъ эти степени существуютъ; *а*, какъ и всякая гласная, можетъ иногда быть до того кратка, что сейчасъ переходитъ или въ другую среднюю, или въ *ъ*, или даже поглощается. Такъ и здѣсь краткое *а*, бывшее знакомъ падежа Мѣстнаго Множественнаго, было до того кратко въ Русскомъ языкѣ, что перешло (можетъ статься немедленно) въ *ъ*: по крайней мѣрѣ переходъ сей совершился внѣ памяти языка. Разница языковъ имѣетъ свое дѣйствіе на одну и ту же гласную въ одномъ и томъ же употребленіи; гласная, сокращаясь въ одномъ языкѣ, удлиняется въ другомъ: который видъ ея есть болѣе древній и настоящій, какъ была она употреблена въ *пра-языкѣ*, это рѣшить трудно, да и нѣтъ большой надобности. Есть иныя формы, различныя въ разныхъ языкахъ, которыя, однако, должны быть признаны въ равномъ старшинствѣ, или, по крайней мѣрѣ, относительное старшинство которыхъ опредѣлить едва ли можно: но есть формы, старшинство, первоначальность, истинность которыхъ предъ другими опредѣлять можно и должно. — Въ настоящемъ обстоятельствѣ, при опредѣленіи окончательной гласной Мѣстнаго Множ., мы не можемъ опредѣлить старшинства того или другаго вида этой гласной: по

можемъ, кажется, признать, на основаніи свидѣтельства самихъ языковъ и на основаніи характера самой гласной, что эта гласная есть *а*, являющаяся въ разныхъ языкахъ своими различными видоизмѣненіями.—Въ Русскомъ языкѣ это *а* сократилось въ *ъ*: откуда же взялась теперь вставочная согласная *х*? Вопросъ сей рѣшить также трудно: это *х* соотвѣтствуетъ впрочемъ Зендскому *h* въ томъ же падежѣ, *h* въ свою очередь соотвѣтствуетъ *s* Санскритскому. Какая изъ этихъ согласныхъ образовалась изъ другой, трудно рѣшить: но можно, кажется, думать, что *h* и за нимъ *х* образовались изъ *s*, *с*, какъ скоро та и другая согласная встрѣчается въ одномъ употребленіи. На это есть указаніе даже и въ Рускомъ языкѣ. Въ первомъ и второмъ Мѣстоименіи Множественнаго употребляется въ Род. *на-съ*, *ва-съ*: сличимъ это съ родительнымъ Прилагательныхъ полныхъ, на *хъ*, и въ то же время сравнимъ съ Мѣстнымъ падежемъ Мн., который въ Мѣстоименіяхъ имѣетъ то же—*на-съ*, *ва-съ*, а въ Прилагательныхъ также сходенъ съ Родительнымъ на *хъ*. Это заставляетъ насъ думать, что и въ Мѣстномъ падежѣ Русскихъ Существит. именъ могло быть нѣкогда *s*, *с*: но это *с*, *s*, было такого свойства, что могло перейти въ *х* у насъ, въ *h* у Зенда.—А если такъ, что же такое это *s*, *с*? Суффиксъ ли это *съ*, *s*, приклеившійся наконецъ и къ Русскому склоненію, и обращающійся здѣсь даже въ падежный знакъ, подобно какъ въ *σι* Греческаго языка? Можетъ быть. Вотъ все, что пока можемъ мы сказать.

Объяснивъ, сколько можно, окончаніе Мѣстнаго Множественнаго, признавъ, что первоначальная форма его есть *съ* или *съ* (*sa*), перешедшая далѣе въ *хъ* или *хъ* (*ha*), а слѣдовательно отдавъ въ этомъ случаѣ преимущество языку Санскритскому и Литовскому предъ Зендскимъ, посмотримъ, какъ образуется у насъ падежъ Мѣстный Множественнаго числа въ склоненіи Именъ.

Окончаніе Мѣстнаго Мн. *хъ* придается просто къ окончанію именъ. Въ именахъ Мужескаго рода на *ъ*, *ь*, *й*,—*ъ*, какъ обыкновенно (беремъ письменность древнюю), оглашается въ *о*, а *ъ* и *й* въ *е*: напр. *человѣкъ-о-хъ*; *звѣрь-е-хъ*; *злодѣй-е-хъ*. Имена Средняго рода присоединяютъ *хъ* къ окончаніямъ своимъ: *облако-хъ*; *море-хъ*; *желаніе-хъ*. Имена Женскаго рода также присоединяютъ *хъ* къ своимъ окончаніямъ: *женщина-хъ*; *свинья-хъ*; *дверь-хъ*, *двери-хъ*, позднѣе *двере-хъ*.—Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ Мѣстный падежъ Мн. разнится отъ Русскаго: но объ этомъ надѣемся

сказать ниже. — Въ Мѣстномъ падежѣ живаго и современнаго Русскаго языка, какъ въ Дательномъ и Творительномъ, опредѣленное Женское окончаніе на *а* и *я* извѣстнымъ путемъ взяло верхъ и распространилось на всѣ имена,—Женскаго, Мужескаго и Средняго рода.

Въ Творительномъ Множественнаго нѣтъ (какъ это въ Дательномъ и Мѣстномъ Мн.) перехода ъ, ъ, *й* М. р. въ *о* и *е*: но это потому, что *и*, придаваясь одно, поглощаетъ окончанія, а придаваясь съ *м* или *ми*, оно дастъ возможность произноситься свободно звукамъ ъ, ъ, *й*; то же должно разумѣть объ именахъ Средняго и Женскаго рода, въ которыхъ являются гласныя окончанія. Но потомъ и въ Творит. падежѣ, какъ и въ тѣхъ двухъ, преодолѣла Женская форма.

Переходимъ къ языкамъ иностраннымъ.

Въ Санскритскомъ языкѣ Мѣстный падежъ Мн. оканчивается на *su* и *śu*; переходъ *s* въ *ś* очень возможенъ: онъ здѣсь показываетъ соотвѣтствіе его съ *h*, *f*, и возможность перейти въ нихъ. Это окончаніе Мѣстнаго Мн. прямо присоединяется къ окончанію именъ, при чемъ замѣчательны нѣкоторыя особенности. Имена Мужескаго рода на *a-s* (ъ) и Ср. р. на *a-m* (*о*) измѣняютъ *a* (ъ) и *a* (*о*) въ *ê* передъ *śu*, напр.: *vrkê-śu*, *sivê-śu*. Точно такъ же, какъ Русскія имена М. р. на ъ измѣняютъ этотъ ъ въ *о*, а имена Ср. р. на *о* удерживаютъ это *о*: но еще виднѣе здѣсь сходство языка Санскритскаго съ Церковно-Славянскимъ, въ которомъ эти ъ и *о* обращаются въ ѣ (*ê*),—*раб-ѣ-хъ*, *дьл-ѣ-хъ*.—Имена Муж. р. на *u-s* (ъ) и *i-s* (ъ) удерживаютъ это *u* и *i*. Всѣ остальныя имена присоединяютъ окончаніе Мѣстн. Мн. къ своему окончанію (т. е. къ Именительному Ед.). Здѣсь замѣчательно, что въ суффиксныхъ именахъ на ъ, при которомъ поглощено ъ или *и*, или даже среднее *е*, возникаетъ поглощенное *i* и становится предъ окончаніемъ Мѣстнаго Мн., замѣняя и среднее *е*, напр.: *bhrâtr(i)-śu*, *dâtr(i)-śu*; а суффиксныя на *n* являются въ тематическомъ своемъ видѣ, напр.: *âtma-su*. Имена Средняго рода на *i* и *u* являются, въ Мѣстн. Мн., безъ суффикса *n*, въ тематическомъ своемъ видѣ.

Въ Зендскомъ языкѣ Мѣстный падежъ Множ. имѣетъ своимъ окончаніемъ *śu* и *hu*, *śû* и *hû*, и болѣе употребительную форму *śva* и *hva*. Эта форма сходна уже ясно съ формою настоящей (по нашему мнѣнію): *sa* и *ha*. Зендскій языкъ любитъ вставлять видѣ и полугласныя, и носовыя согласныя: здѣсь *r* считаемъ мы

такою же вставкою *); основываемся въ томъ и на другихъ языкахъ, гдѣ подобной вставки нѣтъ. — Окончаніе Мѣстнаго падежа, и въ Зендскомъ языкѣ, присоединяется къ окончанію имени. Имена Мужескаго рода на *ô* (*ъ*) перемѣняютъ свое окончаніе на *aê* предъ окончаніемъ Мѣстнаго Мн.; здѣсь *ô* (*ъ*) является въ двухъ гласныхъ: такое явленіе встрѣчается не одинъ разъ въ Зендскомъ языкѣ и составляетъ его особенность; вторая изъ этихъ гласныхъ обличаетъ то же измѣненіе *ъ* (*ô*), какое видѣли мы въ Санскритскомъ, — напр.: *vêhrkaê-śva.*—Имена Мужескаго рода на *u-s* (*ъ*) удерживаютъ это *u*,—*paśu-śva.* — Всѣ остальныя имена присоединяютъ окончаніе Мѣстн. Множ. къ своему окончанію (т. е. къ Им. п.). Замѣчательно, что здѣсь также въ суффиксныхъ именахъ на *ъ*, при которомъ поглощено *ь* или *и*, возникаетъ это *i*, но также, какъ въ Славянскомъ, принимаетъ видъ *e*, напр.: *brâtar-ĕ-śva.* Имена суффиксныя на *n* являются и здѣсь въ тематическомъ своемъ видѣ, напр.: *aśma-hva.* Среднія имена на *ô* удерживаютъ, какъ и въ Русскомъ, это *ô* предъ окончаніемъ Мѣстнаго Мн., напр.: *vacô-hva.* — Въ Санскритскомъ это слово пишетъ Боппъ *vaćas-su*; слѣдовательно онъ думаетъ, что здѣсь снова является *vaća-s*, суффиксная форма (по нашему мнѣнію): можетъ быть, а можетъ быть и то, что здѣсь *ssu* есть не что иное, какъ усиленіе окончанія Мѣстн. Мн. *su.* Впрочемъ мы готовы и согласиться съ Боппомъ, признавая, въ такомъ случаѣ, что здѣсь является вновь суффиксная форма *vaća-s*, которая находится и въ другихъ падежахъ этого слова.

Въ языкѣ Греческомъ нѣтъ формы для Мѣстнаго падежа Множественнаго числа и самое значеніе падежа присоединяется къ значенію падежа Дательнаго, выражаясь съ его помощію и слѣдовательно его формою. — Боппъ, основываясь на сходствѣ совершенно внѣшнемъ Греческаго окончанія Дательнаго —*σι*, видитъ здѣсь падежъ Мѣстный Мн. Мнѣніе его весьма, смѣемъ думать, произвольно: его не останавливаетъ даже *i*, находящееся послѣ окончаній именъ, передъ *σι*. Въ словахъ λυκο-ι-σι и подобныхъ онъ объясняетъ это соотвѣтствіемъ съ Санскритскимъ *ê*, хотя соот-

*) Это собственно есть *дальнѣйшее развитіе* гласнаго звука съ переходомъ въ согласный, какъ *раскрытіе* тяжелаго долгаго въ болѣе легкій для произношенія (ср. выше).—*Б.*

вѣтствіе весьма не близко, а про остальныя говоритъ übergegangen—и только.

Языкъ Латинской не имѣетъ формы для Мѣстнаго Множественнаго, и самое значеніе падежа присоединилось, кажется, къ падежу Дательному Мн. или Творительному Множеетвеннаго.

Въ языкѣ Литовскомъ окончаніе Мѣстнаго Множественнаго есть *sa*, самая настоящая, какъ думаемъ, форма. — Это окончаніе присоединяется къ окончанію именъ. Но здѣсь есть разныя замѣчательныя особенности и можно видѣть, какъ эта форма постепенно утрачиваетъ свое полногласіе: при однихъ именахъ говорится *sa*, при другихъ *se*, а при иныхъ *s*, наше *съ* (*на-съ*, *ва-съ*, *и-хъ*). Имена Муж. р. на *a-s* (*ъ*) измѣняютъ это *ъ* въ двойную какую-то гласную, и, кажется, наиболѣе въ *o*, *ŭ*: здѣсь можетъ быть сродство съ Зендск. *aê*. Это *ŭ* соотвѣтствуетъ нашему *o*. Окончаніе Мѣстнаго Множ., присоединяющееся къ симъ именамъ, есть *se*, напр. *wilk-ŭ-se*. Имена Муж. р. на *u-s* (*ъ*) примѣняютъ *ъ* такимъ же образомъ и окончаніе Мѣстнаго Множ. то же, напр. *dangŭ-se*. Имена Муж. р. на *i-s* (*ъ*, при чемъ кажется поглощена еще гласная, вѣроятно *и*) имѣютъ послѣ *i* въ Мѣстномъ Множ. то же *ŭ*, къ которому присоединяется иногда только *s*, напр. *dâly-i-ŭ-s*. Имена суффиксныя на *en-i-s* (*енъ*) удерживаютъ свое *i*, къ которому присоединяется полное, даже удвоенное окончаніе Мѣстнаго Множ.: *sa*.— Имена Женскія имѣютъ въ Мѣстномъ Мн. окончаніе *sa*: *ranko-sa*, *dwi-sa*. И такъ мы видимъ, что ослабленіе окончанія Мѣстнаго Множественнаго *sa*, принимаемаго нами за суффиксъ *s*, *съ*, стоящій въ томъ же падежѣ, произошло, какъ обыкновенно и совершенно разумно, въ именахъ Мужескаго рода, а *sa* удержалось въ именахъ Женскаго рода. Имена Женскаго рода, въ Литовскомъ языкѣ, на *a*, измѣняютъ въ Мѣстномъ падежѣ Множ. (какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ) это *a* на *o*, къ которому присоединяется *sa*, напр. *rank-o-sa*. Имена Женскаго рода на *e* (*и*) присоединяютъ къ своему окончанію *e* окончаніе Мѣстнаго Мн.: *sa*.—Имена Женскаго рода на *i-s* (*и ъ*) присоединяютъ иногда къ этому *i* въ Мѣстномъ Множественнаго удвоенное окончаніе *sa*. Имена Женскаго рода суффиксныя на *cri* присоединяютъ къ своему окончанію то же удвоенное окончаніе Мѣстнаго Множественнаго *sa* (иногда *sè*).

Мы должны теперь сдѣлать Общія Замѣчанія.

1. Русскій языкъ отличается отъ другихъ языковъ изобиліемъ *тематическихъ* формъ и измѣненій, слѣдовательно во всякомъ случаѣ преимуществуетъ древностью предъ другими языками, ибо тематическія формы, хотя бы за ними вслѣдъ явились суффиксныя, все-таки древнѣе.—Мы видимъ много употребленій, которыя удерживаются во всей своей живости и свободѣ, вообще видимъ весьма мало кристаллизаціи, особенно въ сравненіи съ другими языками. — Все это несомнѣнный признакъ древняго языка. — Кромѣ тематическихъ формъ, нашъ языкъ имѣетъ и суффиксныя, кристаллизовавшіяся лишь въ нѣкоторыхъ словахъ; вообще же онъ имѣетъ живое, свободное употребленіе суффиксовъ при всѣхъ словахъ, такъ что становятся понятными, кристаллизовавшія и облѣпленныя суффиксами, наружность и измѣненіе словъ въ другихъ языкахъ.

2. Кромѣ тематическаго вида самихъ словъ, склоненіе словъ, тематическихъ и суффиксныхъ—въ этомъ случаѣ все равно,—или иначе измѣненіе ихъ по падежамъ—производится по Русски въ тематическомъ видѣ. Тогда какъ въ другихъ языкахъ, кромѣ суффиксныхъ формъ именъ, къ склоненію въ разныхъ падежахъ придается наружный суффиксъ *съ*, *s*, а иногда *тъ*, *t*, который кристаллизуется тутъ же, теряя свой разумный смыслъ, и составляетъ окончаніе падежа большею частію въ неподвижномъ, сокращенномъ своемъ видѣ (*mulier-e-s*, *filia-bu-s*, *vulp-i-s*, *action-i-s*); а иногда падежное окончаніе становится послѣ этихъ суффиксовъ или, вѣроятнѣе, онъ самъ употребляется склоненный въ этомъ падежѣ, напр. Греч. *σι*. Въ Русскомъ языкѣ могутъ употребляться эти суффиксы свободно, живо и понятно; только въ одномъ падежѣ, въ Мѣстномъ Множественнаго, является по видимому и у насъ кристаллизовавшійся суффиксъ *сь* *s*, перешедшій звуковымъ путемъ въ *хъ* и употреблявшійся нѣкогда въ склоненномъ видѣ (какъ, вѣроятно, въ началѣ и всѣ суффиксы при падежахъ), именно *са*, *ха*: такъ по крайней мѣрѣ догадываемся; *а* опустилось потомъ въ *ѣ*. Здѣсь могутъ намъ сказать, что если этотъ суффиксъ въ Русскомъ языкѣ есть *съ*, то должно быть не *са*, а *ся* и слѣдовательно *съ*, *хъ*. На это отвѣчаемъ: всякой смягченный звукъ есть звукъ позднѣйшій; очень могло быть сперва *съ* и потомъ *сь*: подобныхъ примѣровъ много. Притомъ, *ся*, въ

свою очередь сокращаясь на концѣ слова, могло, весьма вѣроятно, перейти изъ *съ* въ *съ*, какъ легчайшее для произношенія, особенно въ измѣненныхъ *хъ*, *хъ*. По всему этому мы признаемъ, согласно съ другими языками, окончаніемъ Мѣстнаго Множественнаго въ Русскомъ языкѣ нѣкогда *са*, которому и соотвѣтствуетъ теперешнее *хъ*.

3. Приставными наружными суффиксами измѣняются нѣсколько окончательные звуки именъ, какъ это видно и въ нашимъ языкѣ, при свободномъ употребленіи: *градо-съ*, или *волко-съ*, даже *волка-съ*, *волко-тъ*. Отъ этого въ особенности измѣняется *ъ*, *ь*, *й*, звуки, которые находятся въ другихъ языкахъ или въ поглощенномъ, или въ оглашенномъ видѣ: такъ является *vrk-a-s*, *wilk-a-s*, *log-o-s*, *lup-u-s*, и пр. Гласные звуки также являются поглощенными въ другихъ языкахъ.

4. Кромѣ всего этого, есть особенности звуковъ, свойственныя каждому языку, почему выходитъ видимое несоотвѣтствіе буквъ между собою. — Мы увѣрены, что даже намъ неизвѣстны вполнѣ всѣ особености звуковъ въ древнихъ иностранныхъ языкахъ, преимущественно звуковъ гласныхъ и полугласныхъ. — Гласные могутъ имѣть столько оттѣнковъ, что, разнясь по видимому, они могутъ сходиться своими оттѣнками, не говоря уже о переходѣ. Такъ напр. нашему Среднему *о* соотвѣтствуетъ Греческое *ο-ν*, Санскритское *а-т*, Латинское *и-т*, прежде *о-т*. Оттѣнки эти могутъ выступать въ розницу: такъ что здѣсь выступаетъ одинъ, а тамъ другой оттѣнокъ того же звука.—Въ особенности труденъ для уловленія и разнообразенъ въ этомъ отношеніи гласный звукъ *и* (*у*), который то принимаетъ видъ полугласнаго *v*, то соотвѣтствуетъ нашему *ы*, то *о*, то наконецъ *у*.—Мы думаемъ, что Русскія окончанія Именъ М. Ж. Ср. р. *ъ*, *а*, *о*, *и*, и смягченный, и сокращенный ихъ видъ, суть настоящія истинныя окончанія именъ; а разнящіяся отъ нихъ параллельныя окончанія въ другихъ разныхъ языкахъ суть или окончанія измѣненныя, или сближающіяся съ нашими по своимъ оттѣнкамъ. — Впрочемъ, какъ сказали мы, звуки имѣютъ свои особенности и оттѣнки въ разныхъ языкахъ, такъ что опредѣлить ихъ, и даже вѣроятно узнать—весьма трудно.

Переходимъ теперь къ сравненію Русскаго языка съ другими Славянскими въ *склоненіи*. Это сравненіе мы не считаемъ нуж-

нымъ дѣлать съ тою подробностію, съ какою дѣлали мы сравненіе съ иностранными соплеменными языками. Довольно будетъ указать на однѣ разницы, не повторяя сходства склоненій.

Одно изъ рѣзкихъ отличій между Славянскими языками составляетъ присутствіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ носоваго звука и полное его отсутствіе въ другихъ. Считать ли носовой звукъ за признакъ древности?—Филологи думаютъ, что носовой звукъ образовался изъ носоваго *м*, *н*, *т*, *п*. Слѣдовательно, онъ есть позднѣйшее явленіе относительно звуковъ гласныхъ.—Но едва ли носовой звукъ можно считать явленіемъ историческимъ. Это, кажется, есть частное явленіе народное, есть особенное расположеніе къ носовымъ звукамъ, основанное быть можетъ на физіологической причинѣ. По этому иные народы сохраняютъ постоянно у себя носовые звуки, хотя языкъ ихъ много утратилъ въ себѣ древній образъ; другіе же народы имѣютъ ненависть къ носовымъ звукамъ какъ чему-то невѣрному, неопредѣленному, не составляющему сущности; таковъ на примѣръ народъ Русскій, у котораго слово *гнусный*, означая носовой звукъ (*гнусить*), значитъ въ то же время *отвратительный*. Не будемъ опредѣлять времени носоваго звука: во всякомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы отсутствіе его было явленіемъ позднѣйшимъ.

Языкъ Церковно-Славянскій, произношеніе котораго не можетъ быть опредѣлено въ точности, очевидно имѣетъ носовой звукъ, которому вездѣ соотвѣтствуетъ носовой звукъ, удержавшійся въ иныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, именно въ Польскомъ.—Въ Польскомъ носовой звукъ удержался очень сильно; въ Болгарскомъ, происходящемъ отъ Церковно-Славянскаго (который есть древне-Болгарскій), остался слѣдъ носоваго звука, отмѣчаемый особою буквою, но произносимый *глухо* или *кратко*, а совсѣмъ не въ носъ *). Впрочемъ, мы не знаемъ, въ какой степени ясно произносился этотъ звукъ въ яз. Церковно-Славянскомъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что носовой звукъ выражался здѣсь очень слабо. Наше мнѣніе основываемъ мы на томъ, что, когда въ древности Церковно-Славянскій языкъ выражался у иныхъ Латинскими буквами, то, при передачѣ гласныхъ Ц.-С. языка—ѧ и ѫ, употребленіе Латинскихъ буквъ было всегда шатко. Этимъ съ одной стороны

*) См. наше изданіе „Болгарскихъ пѣсней“ 1855 г.—*Б.*

доказывается присутствіе *особеннаго* (носоваго) звука въ *м* и *ж*; съ другой стороны доказывается, что этотъ звукъ не былъ силенъ, ибо при выраженіи его ограничивались гласными, не прибѣгая къ *н* и *т* (см. мое разсужденіе о Ломоносовѣ). — Носовой звукъ имѣетъ важное значеніе для сравнительнаго языковѣдѣнія.

Окончанія именъ во всѣхъ Славянскихъ языкахъ совершенно одни и тѣ же. Буква *ъ* хотя и не пишется въ тѣхъ изъ нихъ, которые употребляютъ азбуку Латинскую, но звукъ несомнѣнно тутъ, такъ что отсутствіе его происходитъ лишь отъ азбуки. Между тѣмъ, эти иностранныя начертанія Славянскаго слова встрѣчаютъ предположеніе, что точно также *ъ* могъ быть не замѣченъ письменностью и въ другихъ языкахъ, хотя, безспорно, тамъ онъ менѣе выразителенъ. Отымемъ окончательную букву *ъ*,—и всѣ имена мужескаго рода будутъ оканчиваться на разныя согласныя; вмѣсто одного, выдетъ множество окончаній; въ сущности же одно окончаніе—*ъ*. При Славянскихъ языкахъ сомнѣваться въ окончаніи *ъ*, подобно какъ въ языкѣ Русскомъ и Сербскомъ, невозможно: а поэтому въ окончаніяхъ именъ видимъ мы при всѣхъ Славянскихъ языкахъ полное единство.

И такъ имена во всѣхъ Славянскихъ языкахъ оканчиваются на *ъ*, *ь*, *й* въ Муж. р.; на *а*, *я* въ Жен. р.; на *о*, *е* въ Сред. родѣ. Сверхъ того къ именамъ Женскаго рода относятся имена на *и*, сокращенно *ь*.

Это единство, вполнѣ соблюдаемое при окончаніи именъ въ языкахъ Славянскихъ, подлежитъ однако нѣкоторымъ оттѣнкамъ и видоизмѣненіямъ. — Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ видимъ мы имена Мужескаго рода, оканчивающіяся на *ы*, т.-е. *и*, ибо *ы* есть не что иное какъ *ъ* и *и*—*ъ-и*: напр. *кам-ы*, *пла-мы* и т. д.; но объ нихъ мы намѣрены сказать ниже. — Имена Женскаго рода на *и*, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, не всегда имѣютъ это *и* въ усѣченномъ видѣ, какъ *ь* (*мат-ь*), но въ видѣ полномъ, какъ *и* или *ы*: это совершенно справедливо; такое же полное окончаніе *и* встрѣчаемъ въ языкѣ Словенскомъ и въ Сербскомъ — *мати*, *кти*. Въ Верхне-Лужицкомъ встрѣчаемъ мы во многихъ именахъ Женскаго рода окончаніе полное, *и*, а въ другихъ сокращенное *ь*. Языкъ Польской также имѣетъ окончаніе полное *i* рядомъ съ сокращеннымъ *ь*.—Имена Женскаго рода на *а* или лучше на *я* переходятъ въ *е* по Чешски, напр. *země*, *záře*; этотъ переходъ соотвѣтствовалъ бы кажется въ такомъ случаѣ Грече-

скому Женскому *ŋ*; но иныя слова представляютъ еще болѣе простую форму, напр. *zem* (и *zdí*), то же что Русское *земь*. — Эта форма, именно *zem*, не кажется намъ сокращенною изъ формы *зем-л-я* или *země*: мы считаемъ её самостоятельною формою (въ полномъ видѣ *земи*) и вѣроятно болѣе начальною.—По этому въ иныхъ на *e* мы можемъ предполагать, что это *e* возникло изъ *и* или *ъ*; но въ другихъ, кажется, можно замѣтить, что *e* возникло изъ *а* или *я*. Точно также можно съ достовѣрностью сказать, что иныя слова точно поглотили это *e* (*а* — *я*), напр. *chwog*, *zbrog*. — Въ Чешскомъ и Словацкомъ языкѣ видимъ мы нѣкоторое отличіе въ именахъ Средняго рода. Полное окончаніе Средняго *ie* утратило въ Чешскомъ языкѣ это *e*: *i* перешло въ *j*. Доказательствомъ тому служитъ древнее употребленіе *ie* и *e*: напр. *znamenj*, *znamenie*; *veselj*, *veselě*.—Въ языкѣ Словацкомъ *je* переходитъ въ *ja*: но *je* есть окончаніе коренное, это признается и самими грамматиками, которые большею частію пишутъ въ скобкахъ при *ja*—*je*. — Измѣненія, указанныя нами, считаемъ мы весьма важными для объясненія окончаній именъ и въ другихъ языкахъ. Мы видимъ, что Женскія имена могутъ оканчиваться въ язз. Слав. на *e*, при чемъ нѣтъ сомнѣнія, что это есть измѣненіе древнѣйшаго *а*, *я* или *и*: это подтверждается совокупностью Славянскихъ языковъ. На *e* же оканчиваются имена Женскаго рода и въ Литовскомъ языкѣ.—Мы видимъ также, что въ им. Ср. р. есть возможность для *e* (*ie* и *e*), окончанія средняго, измѣниться въ *i*, *j* и перейти въ *а*, *я*, *ia*: это также объясняетъ намъ окончанія Среднихъ именъ въ иностранныхъ языкахъ на *а* и даже на *i*, которое возникло, разумѣется, изъ *e* (*io*, въ которомъ заключается *i*). Что *e* въ именахъ Средняго рода есть окончаніе древнѣйшее и что *i* изъ него возникло, въ этомъ для Славянскихъ языковъ нѣтъ никакого сомнѣнія и это, думаемъ мы, примѣняется къ языкамъ иностраннымъ: мы основываемся въ этомъ случаѣ на общемъ указаніи языковъ (кромѣ Санскритскаго), что *о* есть буква Средняго рода, и на самомъ смыслѣ этой буквы.—Ясность различенія родовъ въ Славянскомъ языкѣ вообще, можетъ, кажется, служить ручательствомъ за древность ихъ формъ. — Сверхъ указанныхъ нами оттѣнковъ, въ языкѣ Сербскомъ, въ именахъ Мужескаго и Жен. р., есть очевидно позднѣйшее измѣненіе окончательнаго *ъ* въ гласную *о* *): при чемъ, если

*) Это дѣло одного выговора, извѣстнаго и у нашихъ картавыхъ, которые

этому *л* предшествуетъ гласная, то она или остается, порою измѣняясь, или сливается съ гласною *о*; напр. *котао* и *кото*—*котёлъ*, *соко*—*соколъ*; *мисао* и *мисо*—*мысль*, *со*—*соли*.—Уже изъ всѣхъ приведенныхъ оттѣнковъ въ окончаніяхъ именъ можно видѣть, что соплеменные Русскому Славянскіе языки удалились отъ древнихъ формъ. Теперь переходимъ мы къ именамъ, составляющимъ особый разрядъ и въ нашемъ языкѣ.

Имена Средняго рода, оканчивающіяся въ Русскомъ языкѣ на *я* (*е*), *имя*, *теля* и проч., также нѣкоторыя имена на *о*, *небо*, *чудо* и проч., имѣютъ въ склоненіи суффиксную форму, впрочемъ рядомъ съ тематической.—Имена эти въ суффиксномъ своемъ видѣ оканчиваются на *нъ*, *тъ*, *съ*, напр. *имень*, *телять*, *небесь*, *чудесь*; суффиксное окончаніе Единственнаго числа образуется изъ этой формы: но форма эта сама по себѣ, т.е. въ Именительномъ падежѣ Ед. числа не употребляется. Въ этомъ суффиксномъ видѣ на *нъ*, *тъ*, *съ*, имена перестаютъ быть Средняго рода въ Русскомъ языкѣ и становятся рода Мужескаго; сокращеніе въ этихъ суффиксахъ (*о* или *е* въ *ъ*, въ букву мужескую) имѣетъ вліяніе на самый родъ именъ. Но эта перемѣна рода не замѣтна, ибо суффиксная форма встрѣчается въ такихъ падежахъ, гдѣ родъ Мужеской сходенъ съ родомъ Среднимъ, а не въ Именительномъ и Винительномъ, гдѣ разница выступаетъ ярко; въ именахъ же, въ которыхъ эта суффиксная форма становится употребительною и для Именительнаго падежа, сейчасъ обнаруживается Мужескій родъ, напр. *пламя*,—*пламень*. Множественное число этихъ именъ образуется изъ неупотребительной въ Единственномъ числѣ и, по нашему мнѣнію, древнѣйшей, той же суффиксной формы на *но*, *то*, *со*; въ иныхъ именахъ она впрочемъ употребляется, напр. *стремс-но*, *коле-со*.—Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, въ этихъ именахъ, является вмѣсто *я* носовое *л*. Еслибы въ словахъ на *мя* суффиксъ *нъ* былъ развитіемъ носоваго звука, или на оборотъ этотъ *н* сокращался бы при Именительномъ на *мя* въ носовой звукъ *л*: то отъ чего же не видимъ этого въ словахъ *жребя*, *жребяте* и т. д., которыя принимаютъ въ

твердое *л* произносятъ глухо, а рѣшительнѣе у Бѣлоруссовъ, употребляющихъ въ этомъ случаѣ краткое *у* (ср. наше изданіе „Бѣлорусск. пѣсней“). Предшествующая звуку *о* согласная *а* есть ничто иное, какъ оглашеніе *ъ*—ра, замѣнившаго у Сербовъ собою очень часто и *ъ* (такъ что полная форма была бы *коталь*, *мисаль* и т. п.).—*Б.*

концѣ суффиксъ *тъ* (*ть*) послѣ *я*, по Церковно-Славянски ѧ? Потому, думаемъ, что *нъ* не зависитъ отъ носоваго звука и есть суффиксъ самостоятельный, также какъ *тъ* и другіе суффиксы; носовой же звукъ ѧ остается и въ тѣхъ, и въ другихъ суффиксныхъ именахъ тѣмъ же носовымъ звукомъ, но въ именахъ на *мя* онъ сливается съ носовою буквою *н* и является лишь гласною своею стороною *е* — *имѧ*, *име-нс.* — Имена на *о*, имѣющія суффиксную форму на *съ*, точно такъ же, какъ и въ Русскомъ, присоединяютъ этотъ суффиксъ со смягченіемъ *о* въ *е*: *небо—небесе*, *чудо—чудесе*.—Между прочимъ, самый носовой звукъ ѧ показываетъ, что здѣсь нѣтъ твердаго *я* и утверждаетъ мысль, что и въ Русскомъ языкѣ это только дѣло произношенія, въ сущности же находится окончаніе среднее, подтверждаемое всѣмъ Славянскимъ языкомъ.—Множественное этихъ именъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, оканчивающееся на *ни*, *та*, *са*, явно указываетъ на нѣкогда бывшую и не употребляемую форму суффиксную *но*, *то*, *со*. — Въ языкѣ Польскомъ, при именахъ оканчивающихся въ Церковно-Славянскомъ на ѧ, является соотвѣтствующій ему носовой звукъ *ę*: самое начертаніе и, доселѣ соблюдающееся, носовое произношеніе указываютъ прямо на звукъ *е*, лежащій въ основѣ этого носоваго Церковно-Славянскаго ѧ. Въ языкѣ Польскомъ точно также *ę* сливается носовымъ своимъ звукомъ съ суффиксомъ *нъ*, *н*, и удерживаетъ свой носовой звукъ передъ суффиксомъ *тъ*, который въ Польскомъ языкѣ обращается въ *ц* — *с*. — Суффиксъ *сь* встрѣчается въ немногихъ именахъ на *о*, и то только во Множественномъ числѣ, напр.: *imię—imiona—imiona*; *ciele—cielęcia—cielęta*; *niebo—nieba—niebiosa* *).—Въ языкѣ Сербскомъ нѣтъ носоваго звука и имена Средняго рода, оканчивающіяся у насъ на *я*, оканчиваются въ Сербскомъ языкѣ просто на *е*. Въ суффиксномъ видѣ склоненіе ихъ образуется отъ неупотребительнаго Именительнаго на *то*, *но*: *вријеме—вријеме-на* (Ед. Род., Мн. Имен. Родит. и Винит.); *теле—телета*; *ждријебе — ждријебета* и т. д. **); это подтверждаетъ сказанную выше

*) К. С. опустилъ изъ вниманія пригодную ему для подтвержденія форму Именит. Множ. *nieba* безъ суффикса *с.—Б.*

**) Полезны были бы взгляду К. С—ча формы *весета* (отъ *весло*), *дрвета* (*дрво*), особенно *пас* (*песъ*), обращаемое въ *пес-то*, откуда *пес-та*, но потомъ *пес-то* берется какъ бы форма „песта“ и производится склоненіе *пес-те-та*=телята, жребята, Польск. *ęcia* и *ęta*.—*Б.*

нашу мысль объ этой формѣ. Но Сербскій языкъ въ своихъ словахъ Средняго рода на *е* съ суффиксомъ *тъ* представляетъ большое разнообразіе. Такъ, кромѣ формы Множественнаго на *та*, есть другая форма, очевидно Множественнаго и очевидно съ тѣмъ же суффиксомъ *тъ*, происходящая отъ неупотребительной суффиксной въ Сербскомъ языкѣ, но за то совершенно дополняющей суффиксную форму Един. числа въ языкахъ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ; это форма Множественнаго *ждребити*, *телити* (*т* мягкое), указывающая на форму Единственнаго *ждребить*, *телить* *); имена въ этомъ случаѣ Мужескаго рода, что̀ опять согласуется съ нашимъ предположеніемъ. Кромѣ этой формы есть и другая, подлежащая уже своему склоненію, которая также утверждаетъ самостоятельность и отдѣльность суффиксной формы на *ть*: это *ждребядь*, *ягнядь* **) и пр.—Имена Средняго рода на *о*, принимающія суффиксъ *съ*, въ Сербскомъ языкѣ также образуютъ, но только во Множественномъ, склоненіе отъ неупотребительной суффиксной формы на *со*, а не *съ*: *чудо*, Множ. *чудеса* (отъ *чудесо*); *небо*, Множ. *небеса* (отъ *небесо*).—Любопытно въ Сербскомъ языкѣ склоненіе слова *дитя*, которое имѣетъ особенность склоненія и въ Русскомъ языкѣ, ибо склоняется какъ *теля* и другія Среднія имена на *я*, но въ то же время въ тематическомъ своемъ видѣ употребляется просто какъ имя Женскаго рода на *я*. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ (Множественное отъ *дѣтя*) *дѣти*, что̀ указываетъ намъ возможность для именъ Женскаго рода на *я* ***), въ Един. числѣ, имѣть и въ Церковно-Славянскомъ, какъ въ Русскомъ, во Множествен. числѣ *и*; быть можетъ это указаніе на древнѣйшую форму Множественнаго числа, которую встрѣчаемъ въ Русскомъ языкѣ, за эпоху, когда еще не возникалъ носовой звукъ, котораго не допустилъ Русской языкъ; съ другой стороны можетъ быть это *дѣти* происходитъ отъ неупотребительной формы *дѣть*. Въ Сербскомъ языкѣ *дијете* имѣетъ форму *дјеца* и склоняется въ такомъ случаѣ какъ имя Женскаго рода.

---

*) Здѣсь недосмотръ: или это отчества (патронимики), по нашему на *ичь*, или прилагательныя принадлежности (на *тн* съ мягкимъ *т*=нашему *ч*), какъ наше *телячь*, *телячій*.—*Б.*

**) А это собирательныя на *ядь*, какъ наше *чел-ядь*.—*Б.*

***) Но это *я* въ Ц.-слав. не носовое.—*Б.*

Въ языкѣ Чешскомъ видимъ мы въ тѣхъ же именахъ Средняго рода то же окончаніе на *e*—*rámě*, *kotě*, но склоненіе Единственнаго числа образуется въ этихъ именахъ, какъ въ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ, отъ неупотребительной суффиксной формы на *нъ*, *тъ*, а Множественныя образуются, какъ и вездѣ, отъ суффиксной на *но*, *то*, напр. *ramena*, *koťata*. Языкъ Чешскій имѣетъ и другую суффиксную форму въ именахъ на *те*, именно *vemeno*, *plemeno* и пр.: Добровскій считаетъ эту форму новѣйшею; едва ли такъ, она можетъ быть вошла въ употребленіе и позднѣе, но она есть форма древняя; достаточно указать на Множественное число, во всѣхъ Славянскихъ языкахъ отъ нея происходящее.—Имена Средняго рода на *о* въ Русскомъ, Церковно-Славянскомъ и Сербскомъ принимающія суффиксъ *съ*, оканчиваются въ Чешскомъ на *e*, напр. *небе* (*nebe*): переходъ весьма возможный и согласный съ соотвѣтствіемъ нашего *я* (*е*) и *о*, напр. *имя* (*е*) и *рамо*, что̀ между прочимъ подтверждаетъ даже въ предѣлахъ нашего языка основность *е* въ *я* при именахъ на *мя*. Имена *небе* (*nebe*) и пр. образуютъ въ Единственномъ склоненіе отъ суффиксной формы на *съ*—*nebese*, а во Множественномъ отъ суффиксной на *so* (*so*), *nebesa*, и пр. Слово *djtě*, *djtěte*, во Множ. имѣетъ *děti*, слѣдовательно предполагаетъ форму *дьть*; а можетъ быть и форму *dět'a* или даже *дитя* (*dětia*): въ такомъ случаѣ форму древнюю, отъ которой образовалось Множественное *дьти*, какъ у насъ *заря*,—*зо́ри*.—Въ языкѣ Верхнелужицкомъ имена Средняго рода, имѣющія суффиксную форму на *нъ* и *тъ*, оканчиваются въ тематическомъ своемъ видѣ уже прямо на *о*, что̀ встрѣчаемъ отчасти и въ Русскомъ — *рамо*, *письмо*, и пр. Эти имена образуютъ склоненіе отъ суффиксной формы на *но*, *то*, *по*, *to*; *t* измѣняется въ *ć*, въ Единственномъ. Множественное образуется отъ той же формы и *t* является снова вмѣсто *ć*. *Kolo* и *nebo* имѣютъ только во Множественномъ суффиксную форму на *sa*. — Здѣсь видно, какъ *о* переходитъ въ *е* въ склоненіи, и въ словѣ *рамо*, и въ словѣ *коло*; въ именахъ на *мо* это *о* часто смягчается въ Русскомъ, въ Церковно-Славянскомъ, въ Польскомъ языкѣ и др. — Въ Верхнелужицкомъ имя *дитя* оканчивается также на *о*, *dźećo*, и склоняется какъ имя Средняго рода на *о*; между тѣмъ Множественное число также образуется изъ неупотребительнаго Единственнаго *dźeć* или *dźeća*. Въ Русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, это слово имѣетъ двѣ формы, тема-

тическую и суффиксную; первая склоняется какъ имя Женскаго рода на *я*, а вторая какъ имя Средняго на *я*; въ Среднемъ *я* заключается основное *е*, или даже *о*, какъ первообразъ звука *е*; во Множественномъ употребительна форма тематическая отъ Женской—*дитя* или *дьтя*.—Въ Словацкомъ языкѣ, кажется, есть одни только суффиксныя имена Средняго рода: съ суффиксомъ *тъ*, *t*; они оканчиваются на *a*, вѣрнѣе на *я*, какъ въ Русскомъ, и образуютъ свое склоненіе отъ Средней суффиксной формы на *то* (*to*); Множественное также образуется изъ этой формы. — *Небо* имѣетъ во Множественномъ *sa*. *Имя* существуетъ тамъ въ суффиксной Средней формѣ, и то не въ полномъ видѣ: *teno*.—Слово *dietà* склоняется какъ *žrjeba* въ Единственномъ, а Множественное, какъ и во всѣхъ Славянскихъ языкахъ, имѣетъ отъ другой, тематической формы, именно *dèti*. Употребленіе этого слова весьма сходно съ Русскимъ *дитя* и *дьтя*, *дьти*. — Въ Словацкомъ языкѣ видимъ мы бо́льшую бѣдность въ именахъ Средняго рода съ суффиксомъ, чѣмъ въ другихъ Славянскихъ языкахъ.

Имена Женскаго рода на *и*, *мати*, *дщи*, употребляющіяся въ Русскомъ наиболѣе съ сокращеннымъ *и*, какъ *мать*, *дочь* (въ пѣсняхъ часто употребляется полногласное *мати*), имена, употребляющіяся наиболѣе въ суффиксномъ видѣ съ *р*,—удержались почти во всѣхъ Славянскихъ языкахъ. Въ Сербскомъ *мати* совершенно удержало свой древній видъ, а *дъ щи* измѣнилось въ *кти*: склоненіе этихъ словъ въ Единственномъ почти совершенно одинаково съ языкомъ Церковно-Славянскимъ. То же самое видимъ и въ Словенскомъ языкѣ, съ тою разницею, что *дщи* измѣнилось тамъ въ *hči*. Въ языкѣ Верхнелужицкомъ *мати* сократилось, какъ въ Русскомъ, въ *maś*, употребляется и *maśer*. Склоненіе также сходно съ Церковно-Славянскимъ языкомъ.—Въ Чешскомъ языкѣ удержалось то же древнее *mati*, хотя часто замѣняется въ склоненіи словомъ *matka*. *Dcí* почти уже не употребляется: отъ склоненія этого слова удержались только нѣкоторые падежи. Въ языкѣ Словацкомъ употребляется только суффиксная форма *mať er*. Въ языкѣ Польскомъ исчезла и тематическая, и суффиксная форма, употребляется производная отъ *мати* — *matka* *).

---

*) Такъ нынче: у старшихъ писателей еще встрѣчается въ Именит. и Винит. *maś* (*мать*); а въ производныхъ слышна *macierz*: macierzyński (материнскій), macierzyzna (отсюда наше *матежь*, родинка по матери).—*E.*

Имена Женскаго рода, оканчивающіяся въ Церковно-Славянскомъ на *и*, имѣютъ въ склоненіи суффиксъ *в*—*любы, любъве*; впрочемъ, быть можетъ и вѣроятнѣе, это *в* есть только развитіе *ы*. Въ Русскомъ языкѣ существуютъ они въ развитомъ видѣ съ *в*; но можно предполагать, что у насъ были они и въ болѣе простомъ своемъ видѣ, если ужь *в* не признавать за суффиксъ, т. е. вмѣсто *любы* напр. говорилось *люби* или *любь* *).—Эти имена являются въ языкахъ Славянскихъ въ своей, если не суффиксной, то развитой формѣ. Въ языкѣ Словенскомъ и Словацкомъ они являются впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ словѣ *кровь*, въ простомъ, если не тематическомъ, своемъ видѣ. Любопытно сдѣлать здѣсь сближеніе съ языкомъ Санскритскимъ. Видно, что *ы*, *і* и *у* имѣютъ соотвѣтствіе между собою; не говоря уже о томъ, что *у* (*и*) въ такихъ случаяхъ имѣетъ явную близость къ *ы* **).

Имена Мужескаго рода на *ы*, встрѣчаемыя въ Церковно-Слав. языкѣ, имѣютъ суффиксную форму на *н*, употребляющуюся рядомъ съ ними и въ Имен. Един., напр. *камы, ячьмы, пламы* и *камень, ячьмень, пламень*. Тематическая и суффиксная форма здѣсь совершенно очевидны и понятны, что само по себѣ есть важное указаніе и объясненіе для тѣхъ случаевъ, гдѣ отношеніе сихъ формъ не довольно очевидно Но что же такое это *ы* въ Мужескомъ родѣ? Мы думаемъ, что это не есть настоящее *и* или, лучше, что *і*, находящееся здѣсь, не имѣетъ самостоятельности, но что это *ы* есть не что иное, какъ протяженный *ъ*, на примѣръ передъ окончательною буквою: *самъ, самый* или *самой*.—Доказательствомъ, что здѣсь не *и*, а протяженный *ъ*, можетъ служить то, что изъ этого *и* въ склоненіи не развивается *в*.—Это протяженіе *ъ-ра* на концѣ слова, быть можетъ, есть собственно свойство Церковно-Славянскаго языка; у насъ въ именахъ Мужескаго рода *ъ*, становящійся на концѣ слова, всегда *ъ* и не переходитъ по произношенію въ *и*.—Слѣдовательно всѣ эти слова въ Русскомъ языкѣ принимаемъ мы за оканчивающіяся на *ъ*: тогда нисколько не удивительно, что имена Мужескаго рода на *ъ*, въ продолженномъ выговорѣ *и*, принимаютъ суффиксную форму на *н*; мы можемъ указать тому довольно примѣровъ въ Русскомъ языкѣ, напр.: *паръ* (*puer*), *парень, ставъ, ставень, студъ, студень*, и пр.—Въ

---

*) Въ Былинахъ „до *люби* пожалую;“ ср. статью нашу послѣ.—*Б.*

**) См. выше и ниже.—*Б.*

этихъ именахъ видимъ точно то же: *камъ*, *камень* (отъ *камъ* имѣемъ мы *камушекъ*); *пламъ*, *пламень*; *яѣмъ*, *яѣмень*. *Яѣмъ* вѣроятно есть производное слово, ибо корень его очевидно *яѣ*, откуда *яѣный*.—Это нисколько не мѣшаетъ, чтобы рядомъ съ этими Мужескими формами на *ъ* не образовались другія формы на *а*, *я* (*е*), *о*. Впрочемъ едва ли употреблялось у насъ *камя* или *камь*, а не *камъ*, и на оборотъ едва ли употреблялось *пламъ*, а не *пламя*(*е*), ибо *пламя*(*е*) есть причастіе отъ *плать* (*пылать*); что касается до *яѣмъ*, то мы скорѣе готовы думать, что у насъ употреблялось *яѣмо*(*е*), ибо это можетъ быть, и вѣроятно, то же причастіе. Есть еще слово *ремень*, которое у насъ конечно имѣло тематическую ф. *ремъ* или *рамъ*; до сихъ поръ говорится *рямокъ*, значитъ лоскутъ *): слѣдовательно форма *рямъ* очевидна; есть и слово *рямъ*, но оно значитъ трясина,—слѣдовательно значеніе его отдаленно. Думаемъ, что *ремъ* или *рамъ* употреблялось какъ *камъ*. Есть еще слово *коря*, *корень*; у насъ вѣроятно оно имѣло другую форму, просто *корь*: и точно, *корь* употребляется доселѣ въ смыслѣ *корня* и есть слово Мужескаго рода **).—Хотя мы не

---

*) Это и есть Ц.-слав. *ремыкъ* или первоначальнѣе *рѣ-м-ыкъ*; отъ того же корня *рѣ*, откуда развитъ вторичный корень *рѣз*—(*рѣзать*): отрѣзокъ, вырѣзокъ.—Все достоинство ближайшихъ выводовъ К. С. Л—ва состоитъ именно въ томъ, что въ Ц.-слав. фф. на *ы* (раскрываемое въ *ъв*, или на *мы*, или *мы-къ* и т. п.) онъ отгадалъ *первоначальный* *ъ*, *поздніе* удлиняемый или развиваемый по Ц.-славянски въ *ы*, смотря по различнымъ формамъ,—собирательнымъ ли (со зв. *в*, *ъв*), причастнымъ ли (*мы*), или суффикснымъ существительнымъ (*ка-мы-къ*) и т. п. Ср. выше о словѣ *медъ*—*меды* и ниже. Такимъ образомъ отъ первоначальнаго *рѣ-м-ъ-къ* (Ц.-слав. *ре-м-ы-къ*) прямо выйдетъ (обращая *ъ* въ *о*) Русское *ря-м-о́-къ*, притомъ съ удареніемъ на *о*, какъ всегда бываетъ, когда *ъ* оглашается во вторичной гласности и на эту гласную переносится удареніе (ср. наше изслѣдованіе Новоболгарск. языка 1855 г.).—*Б.*

**) Отъ той до-исторической эпохи, когда корень глагольный былъ одинаково именнымъ, а форма имени легко совпадала еще съ формою глагола, переливаясь одна въ другую; отъ той поры, когда та и другая форма обособилась, спеціализировалась; отъ того времени, когда, на рубежѣ зачинавшейся исторіи, можно уже отличать, какимъ образомъ и путемъ переходитъ глаголъ въ имя—черезъ промежуточныя формы, на примѣръ причастіе и неопредѣленное наклоненіе, а имя, со спеціальными своими суффиксами, нерѣдко порождаетъ изъ себя глаголъ, преимущественно чрезъ падежи творительный, относительный (Ablativus) и отчасти винительный: отъ этихъ періодовъ прошлаго все-таки много еще ступеней до современнаго состоянія языковъ, до ихъ окрѣпшаго состава и вида, все равно—письменнаго, книж-

отрицаемъ, что окончаніе *я* (*е*) и *о*, принимающее суффиксную форму *н* (мы различаемъ это окончаніе отъ *я* или *е* уменьшительнаго, уже не требующаго, по смыслу своему, суффикса *н* и *в*, напротивъ *т*), можетъ стоять и послѣ всякаго звука: но кажется намъ, что оно скорѣе становится послѣ звука *м*, и притомъ, когда слово образовалось изъ причастія отъ глагола; требованіе суффикса *н* вытекаетъ здѣсь справедливо изъ значенія слова, согласно съ его образованіемъ. Но вообще говоря, при одной формѣ слова можетъ быть и другая, что̀ весьма часто видимъ въ языкѣ.

наго и даже устнаго. Конечно, мы многое носимъ еще въ устахъ, но не можемъ хвалиться симъ предъ древностью письменною, а тѣмъ паче устною отдаленною: ибо, какъ и въ памятникахъ пѣсни, многое—*не проживаемъ* въ самомъ процессѣ творчества, а только *воспроизводимъ* или *употребляемъ по памяти*. Настоящій случай даетъ намъ поводъ указать нѣсколько ступеней изъ длиннаго ряда словообразованій.—Такъ, 1) нѣкоторыя изъ разбираемыхъ именъ явно причастныя страдат., со зв. *м*: *пл-а-мя*; 2) въ другой формѣ, иногда развивающейся изъ той же предыдущей, очевидно другое страдат. причастіе, когда *мя* переходитъ въ *мен* (Греч. αεν-ος)—*плямя*, *племен-ь*; 3) въ третьихъ фф., минуя указанную сейчасъ 2-ю ступень, *я* раскрывается прямо въ *ск* и совпадаетъ съ причастіемъ дѣйствительн. или среднимъ настоящ. времени (Лат. *an-s*, *en-s*), какъ *кор-я*, *кор-ен-ь*; еще далѣе, 4) въ сихъ же послѣднихъ выступаетъ звукъ *т*, *t* (Лат. *an-t-is*, *en-t-is*), а черезъ это формы сближаются съ третьимъ причаст. страдат. прош. врем.,—*дит-я-т-*, *тел-я-т-*, откуда уже эти *чисто-* или *специально*-именныя и существительныя формы, какъ *чел-ядь*, *лош-адь*, Серб. *теладъ*, *пашчадъ* и т. п. (хотя и здѣсь замѣтна еще близость къ страдат. причастному на *д*, какъ въ Латинскомъ *di*, *do*, *dint*, *dus*); 5) въ сторонѣ отъ сего образуются даже формы со зв. *в*, собственно *собирательныя*, хотя все-таки близкія къ нашему причастію на *лъ* (ззв. *в* и *л* ближайше сродны), какъ *люб-и*, *люб-ъв-ь*, *цьрк-ы*, *цьрк-ъв-ь*, *кр-ы*, *кр-ъв-ь* и т. п.; еще дальше, 6) *ant* и *ent* (развиваемое изъ причастнаго *я*) обращается, особенно по Слав. нарр., въ *щт-* и *жд-*, по нашему *щ-ь—яч-ь*, *ущ-ь* или *ющ-ь—уч-ь*, *ющ-ь*, при томъ со смѣною то страдательнаго, то дѣйствит. и средняго значенія, напр. *горящій—горячій* (жгучій)—*горючій*, *висящій—висячій* (повѣшенный)—*висючій*, *бродящій—бродячій* (средн.)—*бродучій* (страдат., напр. „слѣдъ“), *пьющій* (дѣйств.) и то же *пьющій*=пьяный (часто пьющій, напивающійся, напоенный, страдат.), и т. п.; 7) иногда даже самое причастное окончаніе улетучивается, а значеніе причастное и близкое отношеніе къ глаголу видно по самому смыслу, напр. въ словѣ *проѣзжій*=проѣзжающій (средн. и дѣйствит.), и то же *проѣзжій*=проѣзжаемый („башня проѣзжая“); 8) такъ, изъ числа разбиравшихся выше, формы по видимому чисто-именныя, существит. и прилагат., съ суффиксомъ *именнымъ*, напр. *ка-м-ык-ъ*, *рь-м-ык-ъ*, *ря-м-ок-ъ*, на самомъ дѣлѣ близки къ глагольнымъ и причастнымъ, указывая только *иную* или *далинѣйшую* дорогу словообразованія: сравните *гром-ок-ъ*

Мы сравнили имена въ Славянскихъ языкахъ относительно ихъ окончательной формы и, даже въ этомъ одномъ отношеніи, нашли во первыхъ большое сходство, во вторыхъ, болѣе или менѣе во всѣхъ, уклоненіе отъ древности слова, а вмѣстѣ отъ Русскаго и Церковно-Славянскаго языка: хотя оба эти языка совершенно различныя нарѣчія, но Церковно-Славянскій языкъ записанъ на бумагу за тысячу лѣтъ, а Русскій языкъ удержался и въ устномъ словѣ, и однако же не менѣе того въ древнѣйшемъ видѣ языка; такимъ образомъ оба языка сходятся въ силу обоюд-

---

съ *грем-яш-ь*, *грем-яч-ь*, *гром-яч-ь*, *грем-уч-ь* (претвореніе *к* въ *ч* и *т* въ *щт*, *щ* или *ч* совпадаютъ); или—*тел-яч-ій*, Сербск. *тел-ет-и*, (хотя бы всѣ вы отъ *тёлокъ*, *тёлята*, *теленъ*) очевидно сродны съ именемъ *тел-ят-* и съ глаголомъ *тел-я-т-*, *тел-ящ-ь* (телящійся, прич.); *дѣт-ищ-ь*, *дѣт-ищ-ь*, *плем-яч-ь*, Сербск. *плем-ит-ь*, да и всѣ наши отечественныя на *ичь*,—явно сродны съ именемъ склоняемымъ *дѣт-ят-и* и съ глаголомъ въ причастіи *плем-ящ-ь*, *плем-ящ-ій*, племящій, племячій (плодящій племя и расположаемый племенемъ); или, подобно слову *проѣзжій* и *громокъ* или *рякокъ*, *свист-ок-ъ* и *свищ-ъ* почти однородны со *свист-яш-ь*, *свист-яч-ь*, *свищ-ящ-ь*, *свищ-уш-ь*, *свищ-уч-и*, и т. п.; наконецъ, 9) опять подобно слову *проѣзжій*, гдѣ одинъ звукъ *ж*, принадлежа корню, остался вмѣстѣ представителемъ и замѣною однородныхъ шипящихъ звуковъ причастія—*щій*, *чій* (проѣзжающій, проѣзжачій—какъ „доѣзжачій"), есть формы, явно именныя, гдѣ однако какой либо уцѣлѣвшій звукъ совпадаетъ со звукомъ формъ глагольныхъ, особенно причастныхъ, и собою ихъ напоминаетъ: какъ напр. *обор-ищ-ь* явно выводитъ за собою причастіе *бер-ящ-ь*, *бор-ящ-ь*, *бор-ящ-ь* (и наше *бар-ыш-ь* всего вѣроятнѣе въ связи съ *бр-а-ть*, *боро-ть*, *бар-ыв-а-т-ь*); *послѣд-ыш-ь* и *послѣд-оу-ящ-ь*, *послѣд-ящ-ь*, *слѣд-ящ-ь*, *на-слѣд-ящ-ь*: *глад-ыш-ь*—*глад-ящ-ь*, *глад-ящ-ь* (ср. выше смѣны *я* и *ѧ*); *пріе-мыш-ь*—*при-ем-л-ящ-ь*, *пра-ем-лящ-ь*, и т. д.—Все это привели мы къ тому: въ семъ дѣлѣ нельзя класть *узкихъ границъ* и по звукамъ однимъ или буквамъ добиваться опредѣленности въ разъясненіи. Такъ, изъ двухъ словъ, разобранныхъ К. С. А—вымъ, *камы* всего ближе къ страдат. причаст. формѣ (какъ *плямы*), а *камен-ь* къ другой страдательной: но конечно было еще, и могло быть, и должно было въ языкѣ хоть промелькнуть *кам-я*, а вмѣстѣ *камят-* (cament-), *камящь* и *камѧщь*, ибо послѣдствіемъ сего словопроизводнаго пути мы получаемъ *ка́м-уш-ек-ъ*, *ка́м-ыш-ек-ъ*, возникшее очевидно изъ *камуш-ъ* или *камыш-ъ* (ср. рубрику 9); и точно, *ка́мышь* есть въ смыслѣ камня, а *камы́шь* въ смыслѣ твердаго и колючаго, остраго тростника, сучья. Другое, *кор-я*, *кор-ен-ъ* по видимому дальше не пошло и остановилось на совпаденіи съ формою причаст. дѣйствит. настоящ. на *ен*: тѣмъ не менѣе, конечно было даже *ят* или *ент*, даже *ящ-ь* и *ѧщ-ь*, ибо уменьшительное *кор-еш-ок-ъ* возводитъ насъ къ формѣ *кор-ещ-ь*, а это къ *кор-ещт-ь*, *кор-ящ-ь* или *кор-ѧщ-ь*, а это къ *кор-ят-*, *кор-ент-*.—*Б.*

ной древности, ибо чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу языки. Уклоненіе отъ древности и отъ Русскаго языка въ современныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ гораздо виднѣе при самомъ склоненіи, при Мѣстоименіи, а особенно въ Лексическомъ образѣ словъ. Лексическаго образа словъ мы теперь не разсматриваемъ; между тѣмъ онъ представляетъ большую разницу и сильное уклоненіе отъ первообразности: напр. Сербское *тио* вм. *хочу*, Словацкое *тено* вм. *имя*, *имено*, и т. п.—Общій характеръ окончаній именъ *ъ*, *а*, *о* да еще *и* для Женскаго рода остается во всей своей силѣ и вполнѣ подтверждается сравненіемъ языковъ Славянскихъ между собою; уклоненія легко объясняются.

Отдавъ отчетъ объ Именахъ, въ ихъ настоящемъ видѣ, мы сказали уже о падежѣ Именительномъ. Теперь переходимъ къ Склоненіямъ.

Въ языкѣ Сербскомъ, въ Единственномъ числѣ, видимъ въ Родительномъ падежѣ нѣкоторые оттѣнки отъ основнаго первообразнаго склоненія, въ такой чистотѣ уцѣлѣвшаго въ языкѣ Русскомъ.—Имена Женскаго рода на *а* въ Родительномъ Един. имѣютъ не *ы* или *и*, а *е*: *жене*, *воде*; — окончаніе очевидно позднѣйшее, что̀ доказывается Русскимъ и Церковно-Славянскимъ языкомъ, въ древности котораго никто не сомнѣвается, а Церковно-Славянскій языкъ, будучи рѣшительно нарѣчіемъ отличнымъ отъ Русскаго и ближайшимъ къ Сербскому *), сходенъ въ этомъ случаѣ съ Русскимъ, какъ и вообще несравненно сходнѣе съ нимъ, чѣмъ со всякимъ другимъ нарѣчіемъ Славянскимъ *). Сходство это находится въ силу древности, которую удержалъ языкъ Русскій, въ иныхъ случаяхъ даже болѣе языка Церковно-Славянскаго. Какъ на замѣчательное склоненіе можемъ мы указать на склоненіе слова *день*, по Сербски *дан*. Родительный этого слова: *дана*, *дне*; *дневи* и *дневи*. Это подтверждаетъ нашу мысль, что *е*, статься можетъ, не было свойствомъ того или другаго падежа, а суффиксною формою всего слова: *днева* очевидно предполагаетъ *дневъ*, а *дневи*—*дневъ*. Мы видимъ, что въ этомъ словѣ суффиксная форма имѣла два вида: *ъ* и *ь*. Слова *мати*, *кти* имѣютъ въ Родительномъ Един. *матере*, какъ въ Церковно-Славянскомъ, и *ктери*, какъ въ Русскомъ. Кромѣ Родительнаго, въ склоненіи Единственнаго числа при именахъ Женскихъ,

*) Здѣсь по видимому нѣкоторое противорѣчіе.—*Б.*

находимъ, что Творительный Мужескаго и Средняго рода распространенъ на имена Женскаго рода, напр. *женом—женою*: позднѣйшее образованіе этого Творительнаго не нужно доказывать; но однако скажемъ, что въ самомъ Сербскомъ языкѣ уцѣлѣлъ кое-гдѣ Творительный Женскаго рода на *ю*, ясно говорящій, что имена Женскаго рода имѣли нѣкогда и свой Творительный.—Мы не считаемъ большимъ измѣненіемъ, что въ именахъ Женскихъ на *а* Дательный и Мѣстный вмѣсто *ъ* имѣетъ *и—жени*.

Двойственное число, существующее у Сербовъ въ кристаллизованномъ видѣ, вѣрно удержалось въ Именительномъ и Винительномъ, напр. *очи*, *уши*, и пр. Въ Родительномъ и Мѣстномъ Женскаго *у—руку*, *ногу* *). Въ Дательномъ и Творительномъ, въ именахъ Женскаго рода, удержалось настоящее окончаніе *ама—ногама*, *рукама*; также *ушима*, *очима* и пр.: но за то *има* употребляется и въ именахъ Мужескаго, и Средняго рода, въ Дат., Творит. и Мѣстн. Множ.

Множественное число въ Сербскомъ языкѣ не замѣнилось, какъ въ Русскомъ, одною Женскою формою Множественнаго; оно очевидно сходнѣе съ Множественнымъ языка Церковно-Славянскаго, чѣмъ Русскаго, но въ то же время является въ измѣненномъ, обѣднѣвшемъ видѣ. Именительный Множественнаго оканчивается на *и* въ именахъ Мужескаго рода и въ тѣхъ именахъ Женскаго рода, кои оканчиваются на *ь* (хотя *ь* и не пишется); въ именахъ Средняго рода Именительный Множественнаго оканчивается на *а*, *я*. Имена Женскаго рода на *а* оканчиваются во Множественномъ на *е*, напр. *жене*,—явное отступленіе отъ Русской и Церковно-Славянской формы.—Родительный Множественнаго также представляетъ особенную форму. Въ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ языкѣ онъ оканчивается во всѣхъ родахъ на *ъ*, сливающійся съ окончаніемъ Именительнаго и такимъ образомъ замѣняющій его; въ именахъ Мужескаго рода возникаетъ иногда *в* передъ *ъ* и образуется окончаніе *овъ* или *евъ*; или же второй *ъ* обращается послѣ Мужескаго *ъ* въ *й*, вслѣдствіе вѣроятно силы *и*, заключающейся въ *ъ*, и образуется вмѣсто *евъ* окончаніе *ей*.—Въ Сербскомъ языкѣ видимъ мы во всѣхъ родахъ окончаніе *ах* и *ях*. Это окончаніе еще могло бы быть сравнено въ име-

*) Но это переходитъ и во Множественное, подобно какъ Родительный Двойственнаго на *иjу* (*ию*) употребляется одинаково во Множ.—*Б.*

нахъ Мужескаго рода съ окончаніемъ *овъ*, *евъ*, если предположить, что *о* и *е* въ произношеніи опредѣлилось и огрубѣло въ *а* и *я*, а вмѣсто *в* эвфонически было вставлено *х*: но въ именахъ Средняго и въ особенности Женскаго рода — такого сравненія провести нельзя *). Надо просто принять, что, при обѣдненіи склоненія, оттѣнокъ Мѣстнаго падежа Множ. былъ перенесенъ на Родительный Множественнаго.—Въ доказательство позднѣйшаго происхожденія этого окончанія Родительнаго Множественнаго можемъ привести то, что въ иныхъ мѣстахъ Сербіи употребляется Родительный на *ов* въ именахъ Мужескаго рода, а въ именахъ Средняго рода также употребляется справедливо Родительный Множ. на *ъ*.—Можно, кажется, подмѣтить, какимъ образомъ форма Мѣстнаго была придана къ Родительному *въ употребленіи*. Точно также и имена Женскаго рода народно употребляются справедливо въ Родительномъ съ *ъ*: это древнѣйшій Родительный, употребляющійся въ пѣсняхъ. — Дательный Множественнаго совершенно согласенъ съ Дательнымъ Множественнаго въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, а также и въ Русскомъ (въ древности).—Винительный Множ. представляетъ странную особенность. Во всѣхъ именахъ, кромѣ конечно именъ Средняго рода, оканчивающихся, какъ въ Именительномъ Мн., на *а*, *я*, и кромѣ именъ Женскаго рода на *ь* (*и*), Винительный Множественнаго имѣетъ *е*: *жене* (имена Женскаго рода на *ь* (*и*) имѣютъ справедливо въ Винительномъ Множ. *и*). Винительный Множ. на *е* очевидно есть явленіе позднѣйшее **). Дательн. Множ. въ Сербскомъ языкѣ оканчивается на *ом* и *ем* для именъ Мужескаго рода ***).—

*) Здѣсь *х*, какъ и вообще въ Сербскомъ, не произносится: оно принадлежитъ только древней письменности (когда вѣроятно еще слышалось), и тогда-то оба падежа, Род. и Мѣстный Множ., сливались, какъ они и сами по себѣ сродны (нынѣ Мѣстн. Множ. на *ма* и совпадаетъ съ Творит.). Т. о. является Родит. Множ. на долгое или двойное *а* и *я*, а поелику *ъ* и даже *ь* во вторичной гласности оглашается по Сербски въ *а* (ему отвѣчаетъ мягкое *я*), то явно, что это *двойной* *ъ*, слѣдовательно подтвержденіе мысли К. С. А—ва и общаго закона; тѣмъ больше, что существуетъ и знакомая вставка *в—вепр-ов-и*, *посл-ов-и*.—Кромѣ того не замѣченъ А—вымъ Родительный Множ. на *й*, *ију* и т. д.—*Б.*

**) Онъ отвѣчаетъ правильно, въ согласіи и съ мнѣніемъ К. С—ча, звукамъ *ѧ* и *ы*.—*Б.*

***) Въ старину, а нынче кое-гдѣ (*Турком*, *воловом*, *пријателем*): обыкновеннѣе *има* (то же съ Женск. на древнее *ь—ствар-има*), а въ Женск. на *а* и *я—ама*, *яма*.—*Б.*

Творительный Множественнаго сходенъ съ Творительнымъ Множественнаго въ Церковно-Славянскомъ языкѣ и въ Русскомъ (въ древности) *). Въ именахъ Мужескаго и Средняго рода, Творительный Множественнаго имѣетъ въ старое время и порою теперь *и—волови, приятели, с Власи, с Турци.* Въ Церковно-Славянскомъ и въ Русскомъ, въ именахъ Муж. на *ъ* и Средняго на *о*, Творительный Множественнаго имѣетъ, какъ извѣстно, *ы*: эта многозначущая гласная и смягчилась въ Сербскомъ языкѣ.—Все прочее болѣе или менѣе сходно съ Ц.-Слав. языкомъ, хотя и не вездѣ съ Русскимъ, древнимъ и новымъ.

Сравнимъ склоненіе Церковно-Славянское.

Языкъ Церковно-Славянскій, какъ отчасти доказывали мы это въ нашей книгѣ „*Ломоносовъ*," есть нарѣчіе совершенно отдѣльное отъ Русскаго. Но, такъ какъ это нарѣчіе записано въ отдаленной древности, а Русскій языкъ удержался доселѣ въ своемъ древнемъ видѣ, то отсюда проистекаетъ ихъ близкое сходство: оно основано на древности обоихъ языковъ, съ одной стороны только письменной, а съ другой кромѣ того и устной (въ древности всѣ языки ближе другъ къ другу). Хотя Русскій языкъ удивительно удержался въ основномъ видѣ, однако же и онъ утратилъ нѣкоторые обороты и формы, которые встрѣчаются въ языкѣ Церковно-Славянскомъ. Ошибочно относили къ Церковно-Славянскому языку такіе обороты и формы, которые принадлежатъ вообще древней эпохѣ языка и которые принадлежали Русскому языку самостоятельно. Надобно умѣть различать, при сравненіи Русскаго языка съ Церковно-Славянскимъ, тѣ формы, которыя принадлежатъ Русскому и исчезли съ теченіемъ времени, и тѣ, которыя принадлежатъ собственно языку Церковно-Славянскому. Въ особенности нужно здѣсь внимательное различіе потому, что исторія Русскаго языка представляетъ, собственно въ письменности, вліяніе на него языка Церковно-Славянскаго, и на оборотъ. Въ подробности это предметъ Исторической Граматики, которую мы здѣсь излагать не считаемъ нужнымъ, но которую мы имѣемъ въ виду какъ отдѣльный трудъ.—Въ настоящемъ случаѣ, мы намѣрены, разумѣется, на основаніи изслѣдованій прямо приписывать формы то тому, то другому языку.

Родительный падежъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, равно

*) Сходно съ Дат. Множ.—*Б.*

какъ и въ Русскомъ, оканчивается на *а* и *я* для именъ Мужескаго и Средняго рода, на *ы* (*и*) для именъ рода Женскаго; въ именахъ же Женскихъ на *ъ*, или сокращенное *и*, онъ остается неизмѣняемъ, съ тою разницею, что это *и* является здѣсь безъ сокращенія. Однако въ Родительномъ падежѣ языкъ Церковно-Славянской имѣетъ свои оттѣнки: имена Мужескаго рода на *ъ* измѣняютъ *я* въ *е*, напр. *дне*, а не *дня*. Что окончаніе Родительнаго есть *я*, а не *е*, это доказывается всѣми другими падежами на *я*, а всего болѣе окончаніемъ *а*, которое въ сущности то же, что *я*, представляя въ ясномъ и опредѣленномъ видѣ гласный окончательный звукъ Родительнаго падежа. Здѣсь произошло таковое измѣненіе вслѣдствіе эвфоническаго требованія, которое бываетъ различно у разныхъ языковъ. Тѣмъ не менѣе такое требованіе понятно и Русскому уху: въ Русскомъ языкѣ, въ словѣ *день* и въ другихъ словахъ на *нь*, употребляется также Родительный Женскій *и*, быть можетъ отъ неопредѣленности того, Мужескій или Женскій здѣсь *ъ*,—отъ чего слово *день* принимаетъ склоненіе смѣшанное,—а быть можетъ и отъ эвфоническаго закона. Но это же *е* является вмѣсто *и* въ Церковно-Славянскомъ языкѣ и при именахъ Женскаго рода, у суффиксныхъ съ *р* и *в*, напр. *матере*, *любве*. Здѣсь кромѣ эвфоническаго требованія предполагаемъ мы вліяніе суффиксовъ, еще чувствительныхъ—какъ суффиксы, — въ древности, почему, въ окончаніи падежа ослаблялась окончательная буква *), отдѣльная и отдаленная отъ слова суффиксомъ. Если предположить здѣсь двойное окончаніе, темы и суффикса, то уже отъ этого много парализовалось окончаніе, и то, и другое.—Это же объясненіе принимаемъ мы и для суффиксныхъ формъ Мужескаго рода, неупотребительныхъ въ Именит. падежѣ, образовавшихся изъ тематическихъ именъ рода Средняго и принадлежащихъ къ склоненію смѣшанному, какъ *небесы—небо*, *жрѣбяты—жрѣбя*, которыя имѣютъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ Родительный на *е* — *небесе*, *жрѣбяте* и пр. Наше мнѣніе подтверждается Винительнымъ и Мѣстнымъ падежемъ, о чемъ мы надѣемся сказать ниже.—Кромѣ этого окончанія въ Родительномъ на *е* вмѣсто *я* и *и*, есть еще въ Церковно-Славянскомъ оттѣнокъ, по видимому основанный на присутствіи посоваго звука въ языкѣ. Имена Женскаго рода, оканчивающіяся

*) Звукъ, какъ и вездѣ у К. С—ча.—*Б.*

на *я* (или на *а* послѣ *ж*, *жд*, *ч*, *ш*, *щ*, даже въ иныхъ словахъ послѣ *з* и *р*, слѣдовательно на *а*, смягченное свойствомъ предыдущихъ согласныхъ),—принимаютъ носовой звукъ въ Родительномъ падежѣ—ѧ, произносившійся вѣроятно какъ *ен*, Польское *ę*, напр. *вола*, *дѣвицѧ*. Замѣчательно, что къ этому отдѣлу принадлежатъ и слова Женскаго рода, оканчивающіяся на *ни* или на *ии*, напр. *милостыни*, *сѣдии*. Но намъ кажется, что мы можемъ предположить здѣсь просто другой Именительный на *я*: *милостыня*, *судія*, который и обнаруживается въ Русскомъ языкѣ, иногда рядомъ—*княгиня*, *княгини*.—Какъ скоро окончательная буква *я* слѣдуетъ за гласной буквой или имя оканчивается на *ии* (что то же—*ия*), или на *ни* (*ня*),—тогда передъ носовымъ ѧ становится еще *і*—ѩ (*змиѩ*, *велиѩ*). Такимъ образомъ, окончанія Родительнаго въ именахъ Женскаго рода на *и* вовсе нѣтъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, а вмѣсто него становится ѧ или ѩ. Что же касается до окончанія *и* въ словахъ Жен. рода на *ь* (*и*), напр. *заповѣдь*, то здѣсь это *и* не есть окончаніе Родительнаго, а неизмѣнное *и*, на которое оканчивается само имя (большею частію сокращенное въ *ь*) и которое неизмѣнно проходитъ сквозь все склоненіе, не сливаясь и не переходя ни въ какое иное окончаніе, а лишь принимая подлѣ себя окончаніе падежа, тамъ, гдѣ оно придается извнѣ къ окончанію имени, напр. *заповѣдиѧ*.

Падежъ Винительный въ именахъ Мужескаго и Средняго рода слѣдуетъ совершенно тѣмъ же разумнымъ основаніямъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ: т. е. въ именахъ Мужескаго рода это или падежъ Именительный, или Родительный, а въ именахъ Средняго рода всегда Именительный. Примѣръ, приводимый Востоковымъ о словѣ *день*, едва ли можетъ быть сочтенъ за Винительный падежъ, ибо ученый приводитъ его съ предлогомъ, требующимъ и Мѣстнаго падежа, именно — *аще кто ходитъ въ днѣ, въ днѣ не убѣется*: здѣсь безъ сомнѣнія Мѣстный падежъ, потому что вездѣ, гдѣ является Винительный, употребляется *днь*, а Мѣстный иногда оканчивается на *е*, напр. *на камене* *).—Мы можемъ прибавить, что въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ Русскомъ за прежнее время, Именительный падежъ въ Винительномъ употребляется часто и въ

*) Это смѣшеніе Мѣстнаго съ Родительнымъ, извѣстное намъ по Множественному на *хъ*.—*Б.*

одушевленныхъ именахъ Мужескаго рода, рядомъ съ Родительнымъ: *посла сынъ, посла сына*; это употребленіе сообщаетъ, кажется, слову свой оттѣнокъ, отчасти такой же, какой видимъ, напримѣръ, въ именахъ Женскаго рода между Вин. и Род. *грамоту, грамоты*: *слушалъ сей грамоты; выслушалъ сю грамоту* *).—Имена Женскаго рода оканчиваются въ Винительномъ также на *у* и *ю*, но на *у* и *ю* носовое, т. е. *ѫ* и *ѭ*, которое вѣроятно произносилось какъ *он* и *ён* или какъ Польское *ą*.—Предполагая, что въ самую первую эпоху языка, въ ту эпоху, которая внѣ всякихъ историческихъ свидѣтельствъ, всѣ падежи были одинаковы или, лучше, былъ для всѣхъ падежей одинъ Именительный, мы предполагаемъ такое же сходство и для Винительнаго Женскаго падежа, для Винительнаго даже болѣе, чѣмъ для другихъ падежей: но Винительный, не образовавшись—и это на разумномъ основаніи—въ именахъ Мужескаго и Средняго рода, образовался — на томъ же разумномъ основаніи—въ именахъ рода Женскаго. Первое, что̀ освободило его отъ тождества съ Именительнымъ,—это былъ носовой звукъ: здѣсь не было собственно перемѣны звука, не было новаго окончанія, — это было то же окончаніе Именительнаго, лишь, такъ сказать, сдвинувшееся съ своего мѣста.—Такое носовое окончаніе въ иныхъ языкахъ прямо перешло въ носовую букву *т* и *н*; при этомъ надобно замѣтить, что въ языкахъ не-Славянскихъ, въ которыхъ не достаточно была понята разумная причина Винительнаго падежа, эта форма была перенесена, вопреки разуму падежа, и на имена Мужескаго рода; но разумное значеніе Винительнаго падежа удержалось относительно именъ Средняго рода—во всѣхъ языкахъ.—Въ тѣхъ языкахъ, гдѣ носоваго звука не существуетъ и вѣроятно никогда не возникало **), какъ въ языкѣ Русскомъ, Винительный падежъ въ именахъ Женскаго рода имѣетъ или форму Именительнаго,—чему примѣровъ довольно представляетъ наша, даже не очень старинная, рѣчь и современные мѣстные говоры Русскаго языка, а также и поговорки,—или же, какъ теперь исключительно утвердилось, Винительный падежъ имѣетъ свою ясную окончa-

*) А средина между тѣмъ и другимъ, сходно съ Именительнымъ при Неокончательномъ: *взять грамота*.—Это все уже словосочиненіе, а не формы.—*Б.*

**) На долго и прочно, чтобы войти непремѣннымъ членомъ въ организмъ.—*Б.*

тельную гласную букву, именно *у*.—Имена Женскаго рода, оканчивающіяся на *ь*(*и*), въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, остаются неизмѣнны въ Винительномъ падежѣ, ибо таково свойство ихъ окончательной буквы *и*,—о чемъ мы уже говорили выше; но это *и* является въ Винительномъ падежѣ, какъ и въ Именительномъ, въ сокращенномъ видѣ—*ь*.—Впрочемъ, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ здѣсь есть нѣкоторыя уклоненія: имена Женскаго рода суффиксныя, на *р* и *в*, имѣютъ въ Винительномъ падежѣ, рядомъ съ *и* (*ь*) также *е*, напр. *матере*, *любъве*; это *е*, ослабленное *и*, явилось можетъ быть по дорогѣ къ сокращенію, а вѣроятнѣе вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какія предполагаемъ мы для падежа Родительнаго въ подобныхъ суффиксныхъ именахъ.

Падежъ Дательный въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, можно сказать, одинаковъ съ Дательнымъ въ языкѣ Русскомъ.—Онъ оканчивается въ именахъ Мужескаго рода на *у* и *ю*; кромѣ того встрѣчаются, какъ и въ Русскомъ прежде, рядомъ съ этими окончаніями, окончанія *ови* и *еви*. Эта форма со вставочнымъ *в*, встрѣчающаяся только въ именахъ Мужескаго рода, простирается, особенно въ древнемъ Русскомъ, и на другіе падежи. Есть ли это эвфоническая вставка, эвфоническое разпространеніе окончанія *ъ* и *ь*, или это суффиксная форма? Вполнѣ суффиксною формою признать этого *в* мы не можемъ,—оно очевидно зависитъ отъ извѣстнаго окончанія имени; свойствомъ одного или нѣсколькихъ падежей также этого *в* признать нельзя, ибо во первыхъ рядомъ съ этою формою существуетъ другая форма падежей, во вторыхъ это *в*, какъ рѣшительно можно утверждать, основываясь на ясныхъ указаніяхъ, простиралось черезъ все склоненіе *).—Потому мы должны признать эту форму съ *в* движимою или боковою формою (Neben-form). То-есть, букву *в* принимаемъ мы за полусуффиксъ, а потому и эту боковую форму называемъ полусуффиксною. Сюда же относятся и Женскія имена на *и*, которыя также получаютъ подобную боковую полусуффиксную форму и въ которыхъ зависимость ея отъ окончательной буквы имени

*) Это средство для образованія формъ *собирательныхъ* (суммарныхъ), *множественныхъ*, *повторительныхъ*, *учащательныхъ* и т. п., одинаково въ именахъ и глаголахъ, въ склоненіи и спряженіи (напримѣръ Лат. *b*, Итал. *v*). Ср. выше и ниже наши замѣтки.—*Б.*

еще очевиднѣе: здѣсь полусуффиксная форма уже рѣшительно (въ доказательство нашего мнѣнія объ ней) простирается, даже почти исключительно, черезъ все склоненіе. — Что касается до самаго окончанія Дательнаго падежа, въ именахъ Муж. рода, *ови* и *еви*, бывшаго нѣкогда, но уже неупотребительнаго въ современномъ Русскомъ языкѣ, то, на основаніи сказаннаго, мы предполагаемъ неупотребительную форму на *овъ* и *евъ*, принадлежавшую, вѣроятно, къ склоненію смѣшанному, которая могла быть рядомъ съ формою, неупотребительною же, на *овъ* и *евъ*: отъ сей послѣдней образовались почти всѣ падежи склоненія. — Склоненіе именъ Мужескаго рода смѣшанное существуетъ, точно такъ же какъ въ Русскомъ, и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: по этому и нѣтъ нужды въ особомъ означеніи его падежей. Дательный имѣетъ въ немъ Женское окончаніе на *и*. — И такъ, въ именахъ Мужескаго рода, Дательный Церковно-Славянскаго языка совершенно сходенъ съ Дательнымъ Русскаго. — Имена Средняго рода въ Ц.-Славянскомъ языкѣ оканчиваются тоже, какъ въ Русскомъ, на *у* и *ю*. — Имена Женскаго рода оканчиваются, опять какъ въ Русскомъ, на *ѣ* и *и*, съ тою незначительною разницею, что въ Церковно-Славянскомъ языкѣ всѣ имена Женск. рода на *я* и на *а*— послѣ означенныхъ выше смягчающихъ буквъ — оканчиваются въ Дательномъ на *и*, тогда какъ въ Русскомъ это окончаніе употребляется въ нѣсколькихъ именахъ на *я* — *Россія*, въ нихъ только возможно — *земль*, *земли*, а въ большей части преобладаетъ окончаніе *ѣ*. Впрочемъ, это разница больше фонетическая. — Имена Женскаго рода на *ъ* (*и*) удерживаютъ и въ Дательномъ падежѣ непремѣнно это *и*.

Падежъ Творительный въ Церковно-Славянскомъ языкѣ сходенъ съ Творительнымъ падежемъ въ языкѣ Русскомъ, впрочемъ съ небольшею разницею: окончаніе Творительнаго падежа въ именахъ Мужескаго и Средняго рода не *мъ*, какъ въ Русскомъ, а *мь*. Кромѣ того имена Мужескаго рода на *ъ*, *ь* и *й*, — въ Церковно-Славянскомъ это *й* пишется просто *и*, — присоединяютъ *мь* Творительнаго по преимуществу прямо къ своимъ окончаніямъ, напр. *человѣкъ-мь*, *огнь-мь*, *оукроп-мь*. — Замѣчательно, что имена и Средняго рода обращаютъ въ Творительномъ свои окончанія— *о* въ *ъ*, *е* въ *ь*, а *е* послѣ гласной въ *и*: *словъ-мь*, *лиць-мь*, *имѣнии-мь*. — Такъ какъ *й* пишется въ Церковно-Славянскомъ *и*, то мы и здѣсь, въ окончаніи Творительнаго, можемъ принимать это

и какъ *й*; сокращеніе же *е* въ *й*, послѣ гласной, совершенно соотвѣтствуетъ сокращенію *е* въ *ъ* послѣ согласной, — а *ъ* послѣ гласной необходимо принимаетъ видъ *й*: это одно и то же. — Какъ произносились здѣсь, въ Творительномъ падежѣ, это *ъ*, *ь*, *й*,— трудно опредѣлить; вѣроятно въ нихъ слышался, хотя отчасти, звукъ гласной буквы, какъ и теперь слышится онъ въ произношеніи *ъ*, внутри слова, у Сербовъ*); въ Русскомъ же языкѣ звукъ гласной буквы опредѣлился ясно и возникла средняя гласная *о*, *е*, которую мы видимъ въ Творительномъ Русскаго языка— *омъ*, *емъ*. Впрочемъ, есть примѣры и въ Церковно-Славянскомъ, что *ъ* и *й* переходятъ въ *е* при Творительномъ падежѣ. — Имена Женскаго рода въ Творительномъ Церковно-Славянскаго языка отличаются отъ Русскаго только носовымъ звукомъ: въ Русскомъ Творительный оканчивается на *ю*, а въ Церковно-Славянскомъ на ѭ, — буква, въ сущности, кажется, та же, но въ произношеніи вѣроятно звучавшая какъ *ён* или Польское *ię*. — Это ѭ придается, также какъ въ Русскомъ *ю*, къ окончанію именъ, при чемъ, также, окончательныя буквы *а* и *я* (или же *а*, смягченное предыдущими согласными) переходятъ въ *о* и *е*: *о-ю*, *е-ю*; а *и* остается неизмѣннымъ — *и-ю*, и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ не сокращается въ *ъ*, тогда какъ въ языкѣ Русскомъ возможны обѣ формы, несокращенная и сокращенная, *і-ю* и *ъ-ю*.

Мѣстный падежъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ почти совершенно сходенъ съ Мѣстнымъ въ языкѣ Русскомъ. Вся разница состоитъ, кажется, въ фонетическомъ отношеніи.—Мѣстный падежъ въ обоихъ языкахъ оканчивается на *ѣ* и *и*, съ тою разницею, что въ Русскомъ, согласно его фонетическимъ требованіямъ, почти исключительно преобладаетъ *ѣ*, а въ Церковно-Славянскомъ это *ѣ* ставится только въ именахъ, оканчивающихся на *г* Муж. рода, на *а* (и то твердое) Жен. рода и на *о* Сред. рода; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ употребляется *и*.—Разница состоитъ еще въ томъ, что въ Церковно-Славянскомъ, по его фонетическому свойству, буквы *г*, *к*, *х*, передъ *ѣ*, измѣняются въ *з*, *ц*, *с*, тогда какъ въ Русскомъ онѣ остаются неизмѣн-

---

*) Да и упасъ: *съѣздъ*, *сѣмъ*, *объявлять* и т. п. Особенно же глухіе и бѣглые звуки, въ процессѣ ихъ живаго подъема до опредѣленной гласности и снова до ослабленія, гдѣ они исчезаютъ — чтобы опять возникнуть, ярки въ яз. Новоболгарскомъ. Ср. наше изданіе 1855 г.—*Б.*

ными.—Имена Женскаго рода на *и* (*ь*), въ Мѣстномъ оставляютъ неизмѣннымъ свое окончаніе *и*, которое въ этомъ падежѣ не сокращается. Имена Мужескаго рода, склоненія смѣшаннаго, имѣютъ также въ Мѣстномъ *и*, въ обоихъ языкахъ, хотя есть примѣры въ Церковно-Славянскомъ языкѣ (въ имени на *ъ—дьне*) Мѣстнаго падежа на *е*, рядомъ съ *и*; также въ суффиксныхъ *на камене*, *на небесе*, *на жрьбяте*. Это *е* не есть *ѣ*, уже и само по себѣ; здѣсь оно есть ослабленное *и*; мы встрѣчаемъ это ослабленное *и*, это *е* и въ Родительномъ *дьне*, *камене*, *небесе*, и пр. (съ этими падежами имѣютъ соотвѣтствіе падежи Родительный и Винительный Женскихъ именъ суффиксныхъ—*матере*, *любъве*; объ этомъ *е*, ослабленномъ *и*, смотри выше).—Кромѣ окончаній *ѣ* и *и* въ Мѣстномъ, въ Церковно-Славянскомъ встрѣчается и другое окончаніе Мѣстнаго въ именахъ Мужескаго рода—на *оу*: но оно встрѣчается только въ именахъ на *ъ*, тогда какъ въ Русскомъ языкѣ оно употребляется во всѣхъ именахъ Мужескаго рода. Вообще это окончаніе *у* имѣетъ въ Русскомъ языкѣ гораздо бо́льшую широту, являясь и въ Родительномъ падежѣ, въ именахъ Мужескаго же рода.

Звательный падежъ утраченъ въ Русскомъ языкѣ; но онъ несомнѣнно въ немъ былъ и удержанъ кристаллизованнымъ въ иныхъ словахъ и выраженіяхъ *). Сколько можно судить по указаніямъ памятниковъ языка, Звательный въ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ совершенно одинаковъ. Онъ оканчивается на *е* или же *у* и *ю* для именъ Мужескаго рода, на *о* и *е* для именъ Женскаго рода.—Имена Женскаго рода на *и* (*ь*) удерживаютъ это *и* неизмѣнно, но уже здѣсь сокращеніе не допускается, и понятно, ибо Звательный показываетъ обращеніе къ человѣку, въ самомъ имени выражается возбужденіе и предполагается непремѣнно усиленіе для произношенія въ самомъ голосѣ. Встрѣчаются примѣры Звательнаго на *и* и въ именахъ Мужескаго рода: *звѣри*! Но здѣсь это явленіе кажется намъ постороннимъ, излишнимъ вліяніемъ буквы *и*, заключающейся въ *ъ*.—Въ склоненіи смѣшанномъ Звательный является въ Женской формѣ на *и*: но, кажется, и здѣсь онъ колеблется, ибо есть формы напр. *камени*, и *каменю*!

*) Ср до сихъ поръ у народа, при встрѣчѣ, восклицанія: „*другу! пріятелю!*“ — *Б.*

Такая зыбкость въ окончаніи происходитъ конечно отъ того, *какъ* принимается *ъ*: какъ Мужескій или какъ Женскій, какъ смягченный *ъ* или какъ сокращенное *и*. Отъ переѣзда той или другой стороны въ пониманіи, измѣняется употребленіе.—Имена Женскаго рода на *ы* имѣютъ, само собою разумѣется, въ Звательномъ то же *ы*. Вѣроятно усиленіе, сосредоточенность значенія и самого голоса въ Звательномъ падежѣ не допускаютъ здѣсь развиться изъ *ы* полусуффиксу *в*.

Двойственное число, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, совершенно одинаково съ Двойственнымъ въ языкѣ Русскомъ, сколько можно судить по кристаллизованнымъ формамъ современнаго и по памятникамъ древняго Русскаго языка. Двойственное число было подробно разсмотрѣно выше; тутъ же было разсмотрѣно и Двойственное Церковно-Славянскаго языка, которое, въ своей полнотѣ, было признано нами, на основаніи данныхъ, какъ Двойственное и для Русскаго языка.—Вмѣсто *сыноу*, встрѣчается въ Церковно-Славянскомъ языкѣ полусуффиксная форма *сыновоу*, нисколько не противорѣчащая языку Русскому.

Именительный падежъ Множественнаго въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, сходный въ основаніи съ Именительнымъ Множ. въ языкѣ Русскомъ, представляетъ однако нѣкоторые оттѣнки. Общее окончаніе Именительнаго Множ. въ Церковно-Славянскомъ языкѣ есть—*и*, какъ и въ Русскомъ. Въ именахъ Мужескаго рода разница состоитъ въ томъ, что въ Церковно-Славянскомъ языкѣ они *сєдь* (гдѣ только не измѣняются въ *е* и т. п.) въ Именительномъ Множ. имѣютъ *и*, даже и оканчивающіяся на *ь*; тогда какъ въ Русскомъ языкѣ вмѣсто *и* ставится *ы*, гдѣ это допускаетъ произношеніе, напр. *ангелы*, *домы* и пр. Тамъ же, гдѣ произношеніе *ы* неудобно *), ставится *и*, напр. *луки*, *духи*, *враги*.—Сверхъ того, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ звуки *к*, *х* и *г* измѣняются передъ *и* въ *ц*, *с*, *з*, напр. *луци*, *дуси*, *рази*.—Имена Мужескаго рода на *ъ* и *й* имѣютъ въ обоихъ языкахъ *и*.—Быть можетъ, и въ Русскомъ языкѣ, въ именахъ Мужескаго рода, вездѣ было окончаніе *и*, а *ы* явилось потомъ вслѣдствіе фонетическаго свойства, по которому *ы* произносится удоб-

*) Гдѣ гортанный звукъ имѣетъ въ Р. яз. способность *смягчаться* не *претворяясь*.—*Б*.

ніѣе въ извѣстныхъ случаяхъ *). Мы весьма готовы допустить это предположеніе уже и потому, что Имен. и Вин. могутъ чередоваться въ Муж. родѣ во Множ. числѣ.—Кромѣ окончанія *и*, въ Цер.-Славянскомъ, какъ и въ Русскомъ, есть дополнительныя окончанія на *іе* и *ове*, *евс*, встрѣчающіяся рядомъ съ окончаніемъ *и*. Первое окончаніе, *іе*, употребляется въ обоихъ языкахъ: въ Русскомъ во всѣхъ **) именахъ Муж. р., а въ Цер.-Славянскомъ почти исключительно въ именахъ, оканчивающихся на ь. Окончанія на *ове* и *евс*, настоящій видъ которыхъ есть, какъ думаемъ мы, *ози* и *еви*, встрѣчаются во всѣхъ именахъ Мужескаго рода, какъ въ Церковно-Славянскомъ, такъ и въ Русскомъ, принадлежа къ полусуффиксному склоненію именъ съ *в*.—Въ Церковно-Славянскомъ встрѣчаемъ мы также, и въ Именительномъ Множ., свойственное ему, ослабленіе звука *и*, который переходитъ въ *е*: на примѣръ *фарисес* вмѣсто *фарисеи*, или *мытаре* вмѣсто *мытари* ***). Такое ослабленіе *и*, переходящаго въ *е*, можно видѣть, пожалуй, и въ нашемъ языкѣ, въ словахъ *бояре*, *крестьяне*, и пр.: но мы думаемъ, что здѣсь въ это *е* переходитъ не *и*, а *я*; что слѣдовательно было не *бояри*, *крестьяни*, а *бояря*, *крестьяня* ****). Такое ослабленіе падежей, съ переходомъ окончательнаго *и* въ *е*,—не въ духѣ нашего языка; сверхъ того, здѣсь очевидно собирательное значеніе во Множественномъ, выражающееся въ нашемъ языкѣ черезъ букву *а*, въ смягченіи *я*.—Въ окончаніяхъ Множественнаго *ове* и *евс* видимъ мы то же ослабленіе *и*, т. е. *е*. Этого окончанія на *ове* и *евс* мы не признаемъ за Русское; наше окончаніе этой полусуффиксной формы въ Именительномъ Множествен-

---

*) Здѣсь дѣйствуетъ не одно *удобство*, ибо фонетизмъ покоряется законамъ природы, а законы отъ мысли и духа. Наши формы на *и* (=*оу*) представляютъ со стороны *флексіи* то же самое, что̀ по Ц. Слав. является далѣе въ собирательной суффиксной *формѣ—ове*, *рабове*, *стлъпове*, *жидове* и т. п.—*Б.*

**) Требуется ограничить: 1) не во всѣхъ; 2) съ измѣненіемъ согласныхъ корня и образованіемъ формы новой (*стружіе*, *об-лучіе*, даже *мало-душіе* и т. п.); 3) не въ Именит. Мн., а въ иной, *собирательной* формѣ *Единственнаго числа*, о которой ниже.—*Б.*

***) Здѣсь смѣшеніе Множественнаго (на *и*), въ которомъ можетъ быть и трое, и нѣсколько, съ Собирательнымъ (на *е* мягкое = *іе*), которое простирается на толпу или массу *безъ счета*, на *всю* совокупность или на *общее* представленіе и понятіе.—*Б.*

****) Но это есть особая, очевидно старшая (по звуку), форма—*а*: *бояра*, *крестьяна*, *господа*, *Татара* и проч.—*Б.*

наго есть *ови, еви* *)—отъ полусуффиксной *овь, евь*, или *овы, евы* отъ полусуффиксной *овъ, евъ* **). Въ языкѣ нашемъ употребляется эта полусуффиксная форма съ окончаніемъ *іе* и *ія* (*ье, ья*): *сыновье, сыновья*. Но самое то, что форма Множественнаго на *іе* непремѣнно имѣетъ у насъ значеніе особаго имени и употребляется въ Единственномъ числѣ,—показываетъ, что *е*, во Множественномъ, какъ и вообще въ окончаніи падежей, нашему языку не свойственно. Вмѣсто *іе* употребляется у насъ во Множественномъ *ія*, съ любимымъ нашимъ окончаніемъ Множественнаго—совокупнаго, на *а*, смягченно *я*. Эта форма *ія* можетъ быть и самостоятельною, независимо отъ формы *іе*, которая есть скорѣе Множественное имя: но съ нею не надобно смѣшивать образовательной формы *іе*, означающей обыкновенное имя въ Единственномъ числѣ. Впрочемъ, и форма на *ія* можетъ употребляться какъ Множественное имя, напр. *братья, княжья*; какъ Множественное имя употребляется и форма на *а* напр. въ актахъ *господа,—нашей господи*. Но эта форма употребляется во Множественномъ *совокупномъ*. Совокупной же формы Множественнаго на *а* не встрѣчается въ Церковно-Славянскомъ языкѣ. Въ Остромировомъ Евангеліи и вообще въ письменности Церковно-Славянской находимъ впрочемъ слово *братия*, принадлежащее очевидно къ отдѣлу Именительнаго Множественнаго на *ія*, который причисляемъ мы къ общему отдѣлу Множественнаго на *а*. Не думаемъ однакоже, чтобы на основаніи этой формы *ія, братія*, мы могли предположить въ Церковно-Славянскомъ языкѣ форму *іе, братіе*; тѣмъ болѣе, что въ именахъ Мужескаго рода на *ъ* эта форма нигдѣ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ не встрѣчается, за исключеніемъ одного, кажется, слова — *людіе* ***).

Имена Средняго рода въ языкѣ Церковно-Славянскомъ имѣ-

---

*) Окончаніе, извѣстное однакоже лишь съ переходомъ въ *ье* и *ья* (стало быть само по себѣ не существующее), или же въ Женскомъ, какъ *свекрови* (отъ *свекры*) и т. п.—*Б.*

**) Примѣры только развѣ въ фамиліяхъ, напр. *Петровы*, или въ аномаліяхъ — *заревы, маревы* и т. п.—*Б.*

***) Весь этотъ отдѣлъ, объ Именит. Мн., самый смѣшанный: представлялось множество примѣровъ и соображеній, но они не сведены къ систематическому выводу. Дѣло въ томъ, что здѣсь вопросъ не въ *склоненіи*, въ которомъ мы знаемъ не больше какъ три числа, а въ *образованіи формъ*, въ которыхъ часто фигурируетъ *собирательное значеніе* помимо числа Множе-

ютъ для Именительнаго Множественнаго, какъ въ Русскомъ, *а* и *я*.

Имена Женскаго рода на *а* оканчиваются въ Именительномъ Множ. по Церковно-Славянски, какъ и въ Русскомъ, на *ы*. — Имена же Женскаго рода на *я* и на *а* смягченное предшествующими извѣстными буквами имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго посовое окончаніе, именно гласную: *ѧ*.—Имена на *мни* сюда же относятся, но вѣроятно Имен—ный Множ. образуется въ нихъ отъ формы на *мня*. Эта посовая гласная звучитъ, что̀ было уже замѣчено, какъ *ѧ* или Польское *ę*; слѣдовательно Именительный Множественнаго оканчивается здѣсь собственно на *е* съ посовымъ звукомъ.—Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) удерживаютъ непремѣнно въ Церковно-Славянскомъ, какъ въ Русскомъ, свое *и* въ Именительномъ Множественнаго: это *и* не допускаетъ здѣсь сокращенія, ибо значеніе Множественнаго усиливаетъ, такъ сказать „множествомъ“ окончаніе этихъ именъ *).

Родительный падежъ Множ. въ языкѣ Церковно-Славянскомъ

ственнаго и всякого склоненія: *синтаксическое употребленіе* такихъ формъ одинаково пользуется и Множественнымъ, и Единственнымъ числомъ, лишь бы выразить, *независимое отъ счета*, значеніе *собирательное*. Кромѣ того, и въ тѣсной сферѣ, по забвенію опущены здѣсь формы Именит. Множ. на *е* въ суффиксныхъ *каменѣ*, *пламенѣ* и т. п. Онѣ всего ближе къ нашему собирательному *каменье*, *коренье*, *колье* и т. д.: свойство *мульпровать* (mouiller, иначе мы не можемъ назвать этого *ьѣ*, *ьѧ*, *ью*, *ьѝ* = *ьо*), сохранившееся у насъ всего больше, вовсе почти потерялось у Славянъ на Югѣ (да въ значительной мѣрѣ и на Западѣ), такъ что ихнія „собирательныя (въ Единственомъ)“ на *не*, *ле*, *те*, *де* и проч. прямо напоминаетъ собою Ц. Сл—ую форму въ Им—номъ Мн. на *е*. — *Б.*

*) Опять нужно напомнить особенность формъ *собирательныхъ*. Напр. *десять* имѣетъ „обыкновенный“ Именит. Мн. на *ти*, но „собирательный“ (по нѣкк. древнѣйш. памятникамъ) на *те* (что̀ нужно отличать отъ Вин. Ед.: *три на десяте*), — *четыре десяте* (40): то есть, по основному представленію, это „*не одна* пара десятковъ (*одна* была бы 20), а *нѣсколько* паръ или четъ,“ или же „десять паръ и четъ, но не *простыхъ*, измѣренныхъ числомъ 2 (*такихъ* было бы опять 20), а *сложныхъ*, усугубленныхъ или, что̀ то же, собранныхъ вмѣстѣ;“ это и выражается иначе „собирательнымъ“ именемъ *сорокъ* (отъ *съ* + *pek-*), которое образовано подобно прочимъ собирательнымъ — *съ-немъ* (сеймъ), *съ-боръ* (соборъ), *со-словье* (*слов* = *pek*), *s-hluk* (толпа; *hluk* = *голка*, говоръ толпы и сама толпа) и т. д. — Что здѣсь, въ *десяте*, *те* или *е* есть ничто иное, какъ *собирательное*, доказывается и самимъ словомъ *четы-ре*, въ которомъ *е* опять собирательное: ибо 1) тема и отсюда

тотъ же, какой въ Русскомъ, и уступаетъ ему лишь въ нѣкоторомъ богатствѣ формъ, а разнится отъ него въ фонетическомъ отношеніи, ибо Русской языкъ измѣнилъ въ произношеніи иныя буквы. Родительный падежъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, въ именахъ Мужескаго рода на ъ, оканчивается на ъ; въ именахъ Мужескаго рода на ь, или ъ послѣ смягчающихъ согласныхъ (напр. *мужъ*), оканчивается на ь; въ именахъ на *й* оканчивается тоже на *й*.—Но этотъ Родительный Множественнаго не можетъ же быть Именительнымъ Единственнаго: очевидно, это не тотъ ъ, ь и *й*, который служитъ просто окончаніемъ именъ; этотъ ъ, ь, *й* есть окончаніе Родительнаго Множественнаго; онъ поглотилъ собою ъ, ь, *й* Именительнаго Един., слился съ ними, и смягчился при ь и *й*. — Мысль наша подтверждается тѣмъ, что есть форма Родительнаго Множественнаго, въ которой обнаруживается самостоятельность этого ъ, форма, которая находится и въ Русскомъ, и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, именно *о-в-ъ* для именъ на ъ, *е-в-ъ* для именъ на ь и *й*; объ ней было говорено подробно при Русскомъ склоненіи *). Здѣсь букву *в* мы считаемъ не полусуффиксомъ, а просто эвфоническою вставкою, форму же *овъ—евъ* не формою полусуффикснаго склоненія, а формою падежною, именно Родительнаго Множ. Здѣсь *овъ* и *евъ* рав-

---

Именительный Ед. есть *четыре* (какъ и Родит. Мн.; Санскр. *чатур*), Двойств. и Мн. *четыри*, а слѣдовательно *е вить чисель*, т. е. собирательное; 2) въ Муж. р. ему отвѣчаетъ *четыр-ие*, какъ *звѣр-ие*, наше *звѣрьё*, т. е. опять собирательное; 3) всего же ближе соотвѣтствуетъ сему *чисто*-собирательное *четвер-о* (ъ разлагается на *ъв*, *ъв* и *вс*), гдѣ *о* такое же собирательное, какъ родственное ему *е* въ *дво-е* и въ *тро-е*. — Вотъ почему, между прочимъ, *четвер-о* съ одной стороны представляется въ Ед. числѣ, склоняясь—*ра*, *ру*, *ромъ* и принимая при себѣ Родительный (людей, копей), а съ другой сочиняется и во Множественномъ, „*эти* четверо людей:“ дѣло въ томъ, что оно стоитъ *вить чисель*, независимо отъ Ед. и Мн., какъ *собирательное — по формѣ*, а не измѣренное *по числамъ склоненія*. Отсюда же, повторяемъ, Именит. Мн. въ Ц. Сл. *четыри десяти* = нашему *четверы десятки*, а *четыре десяте* собирательное = нашему *четверо десятковъ*, въ основномъ смыслѣ— „*не одна* чета десятковъ, десятокъ *не простыхъ четныхъ* паръ.“ — *Б.*

*) Просимъ припомнить сказанное выше о томъ, что ъ въ Род. Мн отвѣчаетъ *долгому* звуку, а формы со зв. *в* суть ничто иное, какъ *собирательныя*, и это замѣтно въ особенности на Ср. родѣ: „у меня есть пять *дѣлъ*“ (или *мѣстъ*) — опредѣленное число; „у меня много *дѣловъ*“ (или *мѣстовъ*) — всякихъ и разныхъ, скопившихся за разъ. — *Б.*

но имѣютъ *ъ* на концѣ, ибо форма Род. Множ. собственно *ъ*, который черезъ вставку *в* освобождается въ *евъ* отъ смягченія. Есть и другая форма въ Русскомъ языкѣ, подтверждающая нашу мысль, въ именахъ Мужескаго рода на *ь*, именно *ей (ій)*, гдѣ *ь* Родительнаго Множ. обходится безъ вставки, *ь* Именит. Ед. переходитъ въ *и*, элементъ котораго въ немъ заключается, а послѣ него *ъ* въ *й*, какъ всегда послѣ гласной; Русской языкъ, притомъ, по фонетическому своему свойству, *и* перемѣняетъ въ *е*. Этой формы нѣтъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ *). Въ Русскомъ же она совершенно замѣняетъ форму на *евъ* въ именахъ М. рода на *ь*.— Имена Средняго рода точно такъ же имѣютъ въ Родительномъ Множественнаго *ъ*, который поглощаетъ ихъ окончанія, смягчаясь послѣ *е* въ *ь* и послѣ *іе* въ *й*. Здѣсь *ъ* Родительнаго Мн. дѣятеленъ, разница съ другими падежами очевидна; здѣсь нѣтъ мѣста, и нѣтъ нужды для вставочной формы, которая и не встрѣчается въ Церковно-Славянскомъ, а употребленіе ея нѣкоторыми въ современномъ Русскомъ словѣ есть совершенное искаженіе и невѣжество языка **). Точно то же должно сказать и о формѣ, не встрѣчающейся въ языкѣ Цер.-Сл., но получившей уже граждан-

---

*) Если здѣсь разумѣется одно *ей*, то правда: но странно было бы забыть *ій* въ фф. *звѣрии, гостии, гвоздии, пѣтии* и т. п., о которыхъ ниже говорится какъ объ *исключеніи*. Даже формы съ *твердымъ* звукомъ не чужды перехода къ сему пути: стоитъ вспомнить, что Род—ный *рабъ* и *рабовъ* имѣетъ при себѣ *рабии, рабій* напр. *зракъ*; древнѣе *рабъи*), а притяжательное сего рода, какъ извѣстно, есть ничто иное какъ *родительный* Мн. и съ нимъ чередуется. — *Б.*

**) Этотъ строгій приговоръ относится къ помянутымъ фф. въ родѣ *дьловъ, тьловъ, мѣстовъ, ярмовъ*, или *полёвъ, морёвъ* и т. п. Но 1) и Ц. Сл. яз. этого не чуждъ, въ случаяхъ *собирательнаго* смысла, какъ видно изъ примѣровъ съ участіемъ *в — златовии, лицеви, морѣви;* 2) это оправдывается образованіемъ притяжательныхъ (ср. примѣч предыдущ.), — какъ *дьловой, ярмовой, полевой, лицевой, моревой;* 3) укрѣпляется господствующимъ *народнымъ* употребленіемъ, отвергнуть которое значило бы то же, что отвергнуть допущенныя выше К. С. А—ымъ фф. народныя *царёвъ, ножовъ* и т. п. (онѣ же и прилагат. притяжат.). И самъ К. С—чь тотчасъ же за сими признаетъ „гражданство“ за Род—мъ Ср р. на *ей*, а оно, какъ доказано выше, = *евъ*. Мы прибавили бы еще больше: *селеніевъ* (*имѣніевъ* и т. д.) конечно казалось бы странно, но оно пріобрѣтетъ себѣ все право, какъ скоро дадимъ ему *чисто-русскую* ф.—*селеньевъ;* не допустить ея то же, что не принять *кореньевъ, колевъ* и т. п., имѣющихъ при себѣ собирательную ф. Ср. р. *коренье, колье*. — *Б.*

ство въ Русскомъ словѣ, формѣ на *ей* въ именахъ Средняго на *е*.—Имена Женскаго рода также принимаютъ ъ въ Родительномъ Множественнаго, поглощающій ихъ окончанія и смягчающійся въ ь при именахъ Женскаго рода на *я*, а также,—что составляетъ отличіе Церковно-Славянскаго отъ Русскаго,—при именахъ на ь послѣ смягчительныхъ буквъ. Въ именахъ на *ія*, ъ Родит. Множ. переходитъ, смягчаясь, въ *ій*.—Имена Женскаго рода на *и* (ь) не измѣняютъ своего *и*: и такъ какъ ъ съ одной стороны имѣетъ характеристическій видъ, съ другой ъ есть буква отвлеченная, не измѣняющая гласную въ другую букву, но или отвлекающая ее, или легко къ ней присоединяющаяся, и даже сочувствующая гласной *и*: то *и*, не отвлекаясь по своей сильной природѣ, допускаетъ подлѣ себя родственный ъ, который смягчается въ *й*, и образуется окончаніе *и-й* (*кость—ти: кости-ъ, кости-й, костей*). Разница отъ Русскаго языка заключается въ томъ, что Русской языкъ въ семъ окончаніи обращаетъ *и* въ *е*: *ей*. — Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ встрѣчается, правда, Родительный Множ.: *ногътъ*, *степенъ* и нѣк. друг.: но эти имена не относятся къ Женскимъ на *и* (ь), а если не къ именамъ Мужескаго рода на ь, то къ именамъ на ь склоненія смѣшаннаго, при чемъ и самый родъ имени часто колеблется. Хотя имена смѣшаннаго склоненія имѣютъ въ Родительномъ Множ. женскую форму *ій*, *пути-й* (*путе-й*): однако вслѣдствіе этой смѣшанности они могутъ, кажется, иногда допускать и другую мужескую, именъ. Муж. рода, на мужеской ь, въ которой ь Родит. Множ. иногда является въ не-смягченномъ видѣ, какъ ъ, напр. *день*, и въ Церковно-Славянскомъ, и въ Русскомъ (*ден-ъ*). — Церковно-Славянской языкъ представляетъ нѣсколько лишь примѣровъ такого не-смягченнаго Родительнаго Множ. въ именахъ Мужескаго рода на ъ. — Суффиксное женское имя *дщи (дъшти)*, *дщерь*, имѣетъ въ Родит. Множ. *дщеръ (дъштеръ*; и *дъштерій)*; другое же полусуффиксное имѣетъ *любъвій*, *кръвій*. Но мы думаемъ, что здѣсь *дщерь* происходитъ отъ неупотребительнаго суффикса Им—го *дщерь* *). Это

*) И, еще ближе, отъ употребительнаго, сохранившагося кое-гдѣ доселѣ, даже у прямыхъ наслѣдниковъ Ц. Сл. языка, напр. въ Новоболгарскомъ, суффикснаго имени съ оглашеннымъ въ концѣ ъ-омъ и ь-мъ: *дъшт-ер-а*, *дъшт-ер-я* (ср. выше наше *дочерю*, Винит. отъ *дочеря*). Здѣсь имена а) суффикса *р* совпадаютъ близко съ именами б) собирательнаго (опять) суф-

доказывается подобными формами другихъ падежей въ именахъ суффиксныхъ съ *в*, о чемъ мы намѣрены сказать ниже.

Винительный падежъ Множественнаго по Ц.-Слав. почти совершенно сходенъ съ Винительнымъ падежемъ Множественнаго въ Русскомъ языкѣ. Этотъ падежъ существуетъ только въ именахъ Мужескаго рода; въ именахъ Средняго рода и также въ именахъ рода Женскаго нѣтъ разницы въ Винительномъ Множ. отъ Именительнаго Множ., ибо нѣтъ разницы и въ самомъ значеніи, что̀ было уже объяснено выше. — Въ именахъ Мужескаго рода, Винительный падежъ отличается отъ Именительнаго Множ., отъ *и*, едва замѣтнымъ оттѣнкомъ, — именно усиленіемъ или огрубѣніемъ *и*: *ы*. — Различіемъ Винительнаго отъ Именительнаго Множественнаго служитъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ также то, что въ Винительномъ не употребительны фф. на *іе* и *ове*; по крайней мѣрѣ эти формы въ Винит. Множ. не встрѣчаются. — Имена,

---

фикса *в* (какъ замѣтилъ и К. С—чь, сопоставивши *любъвий*, *кръвий*): а сіи послѣднія, на разныхъ ступеняхъ словообразованія, имѣютъ въ Именит. Ед. не только *ы* (*цьркы*, *свекры*, *любы*), но и смягчаемое *и* или *ь* (напр. по Славв. нарр. *кри* вм. *кры*, или у насъ *люби* и *любь*, — „въ люби," „до люби," ср. выше), и раскрываемое изъ *ы*, переносимое на Именительный съ Винительнаго, — *ъвь—ьвь*, *овь—евь*, *ов—ев* (*цьркъвь—церковь*, *любъвь—любовь*, *свекровь*, *krv—krev—*, *тыкъвь* отъ предполагаемаго *тыкы*, *бръдокъвь* или *брѣдокъвь* отъ *брѣдокы*), а наконецъ и *а* или *ва*, откуда уже прямо слѣдуетъ Род—ый Мн. на *ъ*: *церьква*, Сербск. *свекрва*, *тыква*, *брюква* и т. п. (ср. приведенное выше *стѫпы — стѫпьнь — ступень — стопна* и *ступня*: Родит. Мн. будетъ у насъ по говорамъ не только *ступней* и *ступень*, но и *ступёнъ*). Въ послѣднемъ случаѣ имена сего рода прямо начинаютъ уже совпадать в) съ *чисто-собирательными* на *ва*, какъ *молитва*, *ловитва*, *женитва*, *Литва*, *Татарва*, даже на *ба — женидьба*, *пальба*, *мольба*. Съ этой точки зрѣнія, какъ *Леты*, *Ливы*, *Корсы*, *Татары*, *Русы* и т. п. (ср. окончаніе Именит—го на *ы*) перешли съ одной стороны въ *Лит-ва*, *Татар-ва*, съ другой въ *Лив-ь*. *Корс-ь*, *Рус-ь*, такъ наше *люби* и *лю-бь* оправдываетъ филологовъ, предполагающихъ, судя по склоненію, Именительный *люб-ъ-ва* сверхъ *люб-ы* и *люб-ъ-вь*; наше и Югослав. *Люба* (имя женщины и жены) прямо отвѣчаетъ формамъ *любъва*, *любовь* и *любы*. Для связи же суфф. *р*, *в* и просто *ь* рекомендуемъ еще имя *Мешера*, *Мещеря* (ср. *дъштера — дъштеря — дочеря*) и *Мешовъ* или *Мешовь* (откуда городъ *Мешов-скъ*): то и другое возводится къ *Мешь* (ср. *дъши*, *дъш-ер*, *дъшт-ера* и наше *доч-ь*), какъ *Печора* къ *печь* (*пешть*, pet-ra, жители каменистой страны), какъ *Алатыра* и *Латыра* къ *Лит-ва*, или какъ образуется *Ливь*, *Корсь*, *Пермь*, *Русь* и т. п. Ср. также выше, какъ *чета* и *четы* переходитъ въ *четь*, *четырь*, *четыри*, *четыре* и *четверо*, или *четвера*, *четверы* и т. д. — *Б.*

оканчивающіяся на *ъ*, имѣютъ въ Винительномъ Множ. особенную носовую форму — **ѧ**: формы этой конечно нѣтъ у насъ, ибо намъ противенъ носовой звукъ; но, быть можетъ, это **ѧ** имѣетъ соотвѣтствіе съ нашимъ Множественнымъ *) *а*, ибо въ звукѣ *ен* слышится можетъ быть и *а*, и *я*. Впрочемъ это только одно предположеніе.—Въ иныхъ случаяхъ является полное сходство Именительнаго и Винительнаго во Множественномъ, напр. *голжби* и *голжби*. Впрочемъ, можетъ быть, такія слова принадлежатъ къ смѣшанному склоненію, которое имѣетъ въ Винительномъ Множественнаго Именительную форму *и*. *Дьнь* имѣетъ въ Вин. Мн. *дьни*, а въ Именительномъ *дьниѥ*: но *дьнь* имѣетъ двойное склоненіе, и смѣшанное, и мужеское. — Русской языкъ утратилъ то небольшое различіе Именительнаго и Винительнаго Множественнаго, которое, кажется, имѣлъ онъ и которое состояло въ усиленіи или огрубѣніи окончательной гласной Именительнаго Множественнаго *и* до *ы*.—Другія формы Именительнаго, какъ напр. полусуффиксныя на *ове*, употреблялись тоже для Винительнаго въ усиленномъ, огрубѣломъ видѣ: *овы*. Множественное *) *іе* (*братіе*) конечно употреблялось въ обоихъ падежахъ, точно также какъ *а*, *я* и *ія*, ибо здѣсь является уже собирательный, средній характеръ, при чемъ слабый оттѣнокъ Винительнаго Множественнаго въ именахъ Муж. рода долженъ былъ исчезать. — Теперь у насъ нѣтъ различія между Именительнымъ и Винит. во Множественномъ числѣ при именахъ Мужескаго рода;—въ Женскомъ и Среднемъ его вовсе не существуетъ; — а вмѣсто Винительнаго во Множественномъ употребляется въ Мужескомъ и въ Женскомъ родѣ или Именительный, или Родительный, какъ въ Единственномъ при именахъ Мужескаго рода, на основаніи, объясненномъ выше.

Дательный падежъ Множественнаго числа совершенно сходенъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ съ Русскимъ Дательнымъ Множественнаго: т.-е. онъ оканчивается на *мъ*, придающееся къ окончанію именъ, при чемъ въ именахъ Муж. р. **ъ** переходитъ въ **о**, а **ь** и **й** въ **е**; слѣдовательно въ именахъ Муж. и Ср. р. Дат. Множ. имѣетъ *о-мъ* и *е-мъ*, въ именахъ Ж. р. *а-мъ* и *я-мъ* **).—

---

*) Точнѣе — собирательнымъ; собирательное. — *Б.*

**) Здѣсь опущено исключительное окончаніе Ц. Слав. яз. на *мь*, какъ *конемь* и по образцу сему въ словахъ мягкаго окончанія (*и*) — *мяжь*, *мычь*, *князь*, *отьць*, *житель* и т. д. Впрочемъ этотъ недосмотръ К. С—чь раздѣляетъ съ *Ѳ. И. Буслаевымъ* въ „Исторической грамматикѣ“ сего послѣдняго (по

Имена Женскаго рода на ъ (и), не измѣняясь, какъ обыкновенно, принимаютъ къ себѣ окончаніе Дательнаго: *мъ — двери-мъ*; имена склоненія смѣшаннаго, кажется, слѣдуютъ этой же формѣ (хотя и утвердилось *позднье — ем*ъ). Кажется, потомъ это ъ перешло ради выговора въ *е*: *двереме*ъ *). Хотя и имѣется отъ Женскихъ суффиксныхъ съ *р* Дательный на *емъ — дщерем*ъ (*дъштерем*ъ): но вѣроятно это форма позднѣйшая, настоящая же форма должна быть *дщерь-мъ* **). — Въ полусуффиксныхъ Женскихъ съ *в*, въ

2-му изд. 1863 г.). Объясняется же такая форма, по нашему мнѣнію, достаточно тѣмъ, что въ именахъ сего рода, во главѣ Множ. числа, т. е. въ Именит—омъ, при мягкости окончанія выступаетъ опять *собирательное* — не только ѥ, но даже *иѥ* (*-жиѥ*, *-лиѥ* и т. п.), откуда возможно было даже *стражиемь*, и Дат—ый Мн. *по виду* совпадалъ т. о. съ Твор. Ед.: а когда въ звенѣ между корнемъ слова и окончаніемъ Дат—го появлялся такой *усиленный* гласный звукъ, привлекавшій на себя *ударе́ніе*, тогда естественно конечное *мъ* могло *ослабляться* до *мь*. — *Б.*

*) Дѣйствительно, ради пособія выговору, ибо нужно же было *опустить* хоть *одинъ* изъ полугласныхъ звуковъ въ образцахъ помянутаго рода: т. о. мы должны *непремѣнно* предполагать въ употребительныхъ формахъ *женамъ* древняго языка либо *двéрьмъ*, либо *двери́мъ* (въ языкѣ нынѣшняго Церкови. Богослуженія мы встрѣчаемъ одинаково и *двéремъ*, и *двери́мъ*). — *Б.*

**) При всемъ томъ, что К. С—чь не имѣлъ еще подъ рукою множества древнѣйшихъ Ц. слав. памятниковъ, изданныхъ позднѣе, ни новѣйшихъ филологическихъ трудовъ, руководясь часто *нынѣшними* памятниками Церковнаго употребленія, искаженными до нельзя отъ *русскихъ* передѣлокъ (отъ глубоко-невѣжественныхъ корректоровъ при печатаніи), но *собственное* руководство его — мѣткое филологическое чутье, какъ мы убѣждались не разъ выше, наводило его часто на предположенія, рѣшительно перамляющія недогадливость и молчаніе нашихъ преловутыхъ филологовъ. Къ числу сего относится и высказанная здѣсь тонкая догадка о *старшемъ* окончаніи на *ьмъ*, ибо оно оправдывается: 1) Ц. Славянскими же формами — Дат. Двойств. на *ьма* и Твор. Мн. на *ьми* (*дъштерьма — дъштерьми*, *камьма — ьми*, *костьма — ьми*, *десятьма — четырьми*, *пятьма — ьми*, *грѣшаньма — ми* и т. д.), въ совершенно подобныхъ случаяхъ (о связи съ Дат. Дв. и Твор. Мн. см. наше примѣч. ниже); 2) Сербскимъ Д—ымъ Мн. *коньма* и въ прочихъ именахъ на *ма*, при единствѣ сего падежа съ Твор—ымъ Мн. и при той же связи съ Д—ымъ Дв. (о чемъ наше примѣч. далѣе); 3) тѣмъ, что *въ сихъ* именно случаяхъ ъ переходитъ въ *е* и *я*, подобно какъ *ьмъ* долженствовало перейти въ *емъ* и *ямъ* (*дъштеремъ*, *дочеремъ*), напр. Русское *дочерьми — рями*, *дверьми — рями*, *костьми — тями*, *рѣчьми — чами*, *людьми — ями* и т. д.; 4) тѣмъ, что подобное *ьмъ* въ Дат—омъ могло явиться именно тогда лишь, когда ударе́ніе держалось *на корнѣ* имени (*двéрьмъ*, *мáтерьмъ*) или по крайности *на эсени* между корнемъ и суффиксомъ (*дъштéрьмъ*, *дщéрьмъ*),

позднѣйшее время, встрѣчается окончаніе Дательнаго Множественнаго на *а-мъ* — *церква-мъ*, *хоругва-мъ*, — явно указывающее на другую полусуффиксную форму, отъ которой оно образовалось, — *церкса*, *хоругва*; эта форма, — т.-е. въ Им. Единств., — даже встрѣчается и въ употребленіи; первопачально же Дат. Мн. отъ полусуффиксной формы *овь* долженствовалъ быть *овъ-мъ* или *ове-мъ*: *любовъ-мъ*, *любове-мъ*, *любъве-мъ* *). — Въ Церковно-Славянскомъ встрѣчается Дательный Множественнаго *людъ-мъ* и *люде-мъ*: этотъ Дательный, какъ и другіе падежи, ясно указываетъ на форму не *людь*, а *людь*, которая могла быть смѣшаннаго склоненія; но однако нѣтъ причины такъ думать, ибо Дательный Множ. на *ъ-мъ* вѣроятно въ началѣ былъ во всѣхъ именахъ Мужескаго рода, кончившихся на *ъ*, откуда уже послѣ образовалось *е-мъ*. Въ Русскомъ языкѣ, Множественное *люди* также указываетъ на форму *людь*: но рядомъ съ этою формою могла быть и форма *людъ*; такое разнообразіе формъ одного и того же слова ничему не противорѣчитъ и весьма возможно **). — Въ Русскомъ языкѣ,

---

т. е. стало быть *въ старшую и древнѣйшую эпоху*, послѣ которой начался уже переходъ ударенія на *новые* гласные звуки и на *окончанія* склоненій (*двьре́мъ*, *дъштере́мъ*, *дочеря́мъ*, *матеря́мъ*). — *Откуда* же возникло это древнѣйшее *ь* въ *ъмъ* Дательнаго (по связи его съ Твор—ымъ, отличіемъ коего было по преимуществу *и*: ср. выше у К. С—ча на своемъ мѣстѣ, стр. 358—363), ясно усматривается въ томъ, что старше *ь*-ря естественно есть *и*, а именно это самое *и* встрѣчается: а) понынѣ въ Сербскомъ Дат—омъ Мн. *кћерима* (дочерямъ), *стварима*, даже въ „парастающихъ," подобныхъ суффиксу *р*, *небесима*, *пчелама*, *племенима*, въ мягкихъ — *польима*, даже въ *селима*, *орачима*, *вленима*; б) притомъ съ такимъ же, какъ у насъ, переходомъ въ *я*, а по твердости (или *гласности*) Сербскаго *р* въ *а* — *матерама*; в) въ аналогическихъ Ц. Слав. фф. *краимь* (Твор. Ед.), *коних* (Мѣстн. Мн.), *краих*, *добліхъ*, что, какъ извѣстно, обращаетъ также точно *и* чрезъ *ь* въ *е* и *я*, — *краемь* (какъ *конемь*), *краехъ*, *конехъ*, *краехъ*, *конехъ*, *краяхъ*, *коняхъ*, *добліхъ* (по Ж. роду), *волихъ* (позднѣе есть и *волехъ*, предполагающее также *вольхъ* и *волихъ*); или даже хоть самое *полихъ*, обращаемое въ *полехъ* и по Русски въ *поляхъ*. — Предположеніе К. С—ча пріобрѣтаетъ т. о. очевидность и убѣдительность почти несомнѣнную. — *Б.*

*) Ср. наше примѣчаніе выше и ту же необходимость нынѣшнихъ филологовъ предположить форму *любъва*. *Любъ* (Бого-любъ, Славо-любъ) образуетъ изъ себя или множественную и собирательную форму *люби*, *любь*, или двойственную и среднюю (о чемъ у насъ по поводу *меды—соты* и т. п.) *любы*, откуда женская *любовь* и *любъва*, по нашему *Люба*. — *Б.*

**) Набросанныя здѣсь К. С—чемъ предположенія и выводы — какъ

какъ извѣстно, Дательный Множественнаго принялъ впослѣдствіи

всегда очень мѣткіе, — приводятся, согласно другимъ его замѣткамъ, въ слѣдующій порядокъ. 1) Слово *людъ* само по себѣ, по значенію внѣ формы, есть *собирательное*, означая, какъ всѣ подобныя (*народъ*, *тълпа*, *tlum*, *голка*, *hluk*, *полкъ* — *пук* и т. п.), а): толпу людей, б) кличь, говоръ и шумъ, ею производимый, в) позорище, отъ того происходящее, г) обряды, игры, представленія, сопровождающія подобное сходбище въ народной жизни, особенно въ язычествѣ, и т. п.; отъ того и *сочиняются* сіи слова, хотя бы стояли въ Ед., со Множественнымъ — „народъ *рѣшили*," „народъ *качнулись*." — 2) Въ *формѣ* слова такое собирательное значеніе выражается посредствомъ *и*, этого звука — *по преимуществу* собирательнаго и соединительнаго; такую же роль играетъ онъ во *флексіи*, въ *склоненіи*, особенно въ Именит. Множ. и Творительномъ или *Соединительномъ* (Sociativus) Множ. (о чемъ еще ниже): т. е. въ склоненіи практикуется это Именит—ымъ Мн., который по Ц. славянски и въ большинствѣ Слав. нарр. удержалъ коренное *и* отъ именъ Муж. р. на *ъ*, *ь* и *й*; очень естественно, ибо конечно *множественное* и есть условный терминъ *собиранія*, выраженный въ *склоненіи*, подобно какъ онъ на другомъ пути выражается и *формою* слова, и *значеніемъ* слова, и *словосочиненіемъ*. — 3) Отсюда не многіе наши Именит—ые Мн. на *и*, какъ *люд-и* отъ *люд-ъ*, *черт-и* отъ *черт-ъ*, *чёрт-ъ* или *чорт-ъ*, *комар-и* отъ *комар-ъ* (Родит. *комарей*, какъ *комаровъ* отъ *комары*), *сосѣд-и* отъ *сосѣд-ъ*, Род—ый *кур-ей* отъ *кур-ъ*, предполагающій во Мн. *кур-и* (откуда *кур-и-ца*; отъ *кур-ы* Родит. *кур-ъ*, въ Муж. р. *кур-овъ*), такое же *тетер-ев-ей* (собирательное *по формѣ*, черезъ суфф. *в*), предполагающее *тетерев-и* (какъ *тетеревовъ* отъ *тетеревы* и *тетеревà*), и т. п., — всѣ они суть ничто иное, какъ остатокъ древнѣйшаго Именит—аго Мн. на *и*, удержаннаго въ Ц. слав. и Слав. нарр., обличающій стараніе — во Мн—омъ оттѣнить, черезъ склоненіе, собирательный смыслъ самой формы и значенія слова, ибо всѣ помянутые примѣры — *люди*, *черти*, *комари*, *сосѣди* и т. д. явно указываютъ на толпу и кучу, возню, шумъ, крикъ и т. п.—4) Сравнительно съ симъ, Именит—ый Мн. на *ы*, господствующій у насъ, а у другихъ Славянъ составляющій лишь исключеніе, указываетъ на 2-ю ступень и на реакцію, когда *намѣренно* и съ *разсчетомъ* языкъ пожелалъ *отличить* пріемъ *склоненія* и *числа* отъ *формы*, ибо *и*, какъ сказали мы, образуетъ и *форму собирательную*, и — у Славянъ — *число* въ склоненіи формы. *Число*, какъ и *счетъ*, болѣе или менѣе опредѣленны, по крайности стремятся опредѣлиться; *формы собирательныя* — напротивъ, онѣ лишь кучатся и самое число сбиваютъ въ массу: это различіе и оттѣнили у насъ, съ тонкостью языка, столь свойственною Русскимъ. Для сего, вмѣсто Им—аго Мн. на *и*, языкъ нашъ *перенесъ* на Именит—ый склоняемую форму а) *Винительнаго* Мн. на *ы*, б) такую же форму *Именит—аго Женск. р.* на *ы*: первая, представляя имя въ предметномъ или пассивномъ отношеніи, какъ предметъ воздѣйствія, беретъ его конкретно, такъ сказать за одинъ, за разъ, подводя подъ одинъ ударъ и слѣдовательно не допуская разсѣянія и дробленія (потому, собирательный по формѣ, Им—ый Мн. въ Ц.-Слав. яз. на *иѥ*, *мѫ-*

во всѣхъ именахъ, Мужескаго, Средняго и Женскаго рода, одно

жиѥ, *гостиѥ*, *звѣриѥ*, *пѫтиѥ*, и т. д., исключительно имѣетъ при себѣ Вин—ый *простой* (simplex), *мѫжи*, *гости*, *звѣри*, *пѫти*); вторая, какъ извѣстно, *опредѣленнѣе* Муж—го рода—*жены*, *рыбы*.—5) Правда, что самое *ы*, какъ мы знаемъ, способно также обращаться въ терминъ собирательной формы (ср. выше): но тогда уже это не Вин—ый Мн., не Имен—ый Мн. въ Ж. р., не число и не склоненіе, а именно *собирательная форма* и обращается у Славянъ въ *Именительный Ед.*, равняясь *долгому ў* и раскрываясь въ *в*, съ *собственною* исторіей и *собственнымъ* склоненіемъ, *цьркы*, *цьркъвъ*, *цьрква* и т. д.—6) А что въ помянутыхъ случаяхъ дѣйствуетъ именно или смѣшеніе числа Мн—аго съ собирательною формою, или же стремленіе раздѣлить то и другое, видно изъ того, что Ц.-Слав. языкъ, *по преимуществу въ означенныхъ словахъ*, *сверхъ* числа Мн. и въ усиленіе его собирательнымъ смысломъ, употребляетъ Именительнымъ собирательную форму на *иѥ* — *людиѥ*, *гостиѥ*, *звѣриѥ*, *чръвиѥ*, *мѫжиѥ*, *братиѥ* и т. п.; Русскій же языкъ наблюдаетъ здѣсь не Мн. число, а отводитъ сему особую *собирательную форму въ Ед.*, какъ особое имя и какъ падежъ Именит—ый (ср. отводъ *ы* въ собират. форму Ед. числа), — *людье*, *гостье*, *звѣрье*, *чéревье*, *мужье*, *братье*, откуда уже *твое* Мн—ое на *я*.—7) Т. о. очевидно, что здѣсь *и* съ переходомъ въ *ь* и *ье* фигурируетъ въ качествѣ *собирательной формы* и нѣтъ причины думать, что имена означеннаго смысла съ окончаніемъ на *ъ*, имѣя древнее Мн—ое на *и* и позднѣйшее Русское на *ы*, чуждались бы образованія *особой* при этомъ *собирательной формы* на *и*, *ь* и *ье*; напротивъ, они-то ее и допускаютъ охотно, какъ *лист-ъ* — *лист-ь-е* — параллельная собират. ф. *лист-ва* (ср. массу листьевъ, шумъ ихъ, вѣщаніе языческой дубровы шумомъ листьевъ и вѣщими гавранами, участіе въ прорицаніяхъ, играхъ, обрядахъ и т. д.); *суд-ъ* (*со-судъ*), *суд-ье*, *суд-ьба*; *гост-*(*по-гост-ъ*) — *гост-ь* (само собирательное: *host-i-s* = нашему Множ. *гост-и* и собирательному *гост-ь*), *гост-ье*, *гост-ьба* и т. д. Потому *люд-ъ* непремѣнно даже *должно* имѣть при себѣ *люд-ь* и дѣйствительно имѣетъ — въ нашихъ областныхъ нарр. (какъ отмѣтилъ В. И. Даль, а послѣ него Ѳ. И. Буслаевъ въ „Историч. Грам.“). Ср. *люб-ъ*, откуда съ одной стороны *люб-и* и *люб-ь*, *не-люб-ье*, съ другой *люб-ы*, *люб-ъв-ь* и т. д.—8) Любопытно, что у насъ и Римлянъ, одинаково чтившихъ Купалу и Кубелу (Кибелу, Цибелу), значеніе собранія людскаго въ толпѣ, съ кличемъ, обрядомъ, позорищемъ и играми, перенесено на игры богини (классическою намѣстницей Восточной Кубелы была Рея и Деметра или Церера), и на оборотъ, игры scenici, circenses и т. д. представлялись неизбѣжно и *по преимуществу* сборищемъ людей, волнующихся въ шумной толпѣ, ликующихъ, празднующихъ и играющихъ: какъ бы то ни было, только нашему *люд-ъ*, *lud*, отвѣчаетъ Латинское *lud-u-s*, во Множ. *lud-i*, *люд-и*; а игра *отдѣльная* и *опредѣленная*, по нашему *луд-а*, *луд-ы* (представленіе, обольщеніе, игра, личина, маска), является въ Латинск. *lus-u-s*, того же корня, но по 4-му склоненію, Имен—ый Мн. *lus-u-s*, гдѣ *u* = *ы*, по нашему *луз-ы* или *люз-ы*, въ Слав. нарр. *ludzi*, *ludzie*. На это доказательства и подробности въ нашемъ издан. „Бѣлорусс. Пѣсней“ стран. 96, 97. — *Б.*

Женское окончаніе на *а-мъ* и *я-мъ*: это возникло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе требованій благозвучія и опредѣленнаго выговора *).

---

*) Новая заслуга К. С—ча при данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ не усумнился *древнему Русскому* языку усвоить Дат—ый на ъ-мъ и ь-мъ, съ переходомъ въ *о-мъ* и *е-мъ*, тогда какъ филологи, и даже такіе, какъ *Ѳ. И. Буслаевъ*, прямо называютъ Дат—ый *по дьло́мъ*, возникшій изъ *дъ̀лъмъ* и равный Муж. роду, „*церковнославянскимъ* окончаніемъ“ („Историч. Грам.“ 2-го изд. стр. 228). Сербскій старинный Дат—ый Муж. р. на *ом* или *ем* и нынѣшній въ *народномъ* говорѣ, при томъ въ *пѣсняхъ*, стало быть внѣ всякой искусственности и зависимости отъ книжнаго Ц. Слав. яз., *пріятелем*, *воловом*, *Турком* („Тешко Турком тргуюти с Марком,“ трудно Туркамъ торговать съ Маркомъ), убѣждаютъ, что это дѣйствительно самобытное и древнее окончаніе въ Слав. нарр. Правда также К. С—ча, что здѣсь, какъ и вездѣ, много значитъ „выговоръ, благозвучіе“ или, лучше, *древнее удареніе*, ибо (ср. примѣры въ примѣч. нашемъ выше) окончаніе ъ-мъ и ь-мъ могло держаться тогда, когда удареніе было *на корнѣ*, слѣдовательно въ *старшую эпоху* языка, *дъ̀л-ъ-мъ*, *мѣ̀ст-ъ-мъ*, *о́блак-ъ-мъ* (отъ Муж. р. *о́блакъ*), *во́л-ъ-мъ*, *звѣ̀р-ъ-мъ*, и должно было неизбѣжно перейти *на звено между корнемъ и окончаніемъ*, когда это звено *отлаялось*, т. е. въ эпоху *вторичную* и сравнительно позднѣйшую, — *дъ̀л-о́-мъ*, *мѣ̀ст-о́-мъ* (употребительно у насъ въ старину), *облак-о́-мъ*, *вол-о́-мъ*, *звѣ̀р-е́-мъ*. Другая заслуга К. С—ча, тутъ же, заключается во вниманіи къ происхожденію *другаго* нашего Дат—го и въ попыткѣ къ объясненію сего, чего не дѣлаютъ пока прочіе филологи, какъ будто это не важно: но сказать, что *а-мъ* и *я-мъ* возникло изъ одного выговора и благозвучія или перенесено отъ Ж. рода, притомъ *впослѣдствіи*, — разумѣется нельзя. И во 1) не *впослѣдствіи*, ибо оглашеніе ъ-ра черезъ *а*, ъ-ря черезъ *я* (вмѣсто *о* и *е*) есть признакъ *древней* гласности (по крайности возстановленной *вторичной*, какъ гласность *а* нынѣшнихъ Сербовъ, но не какъ позднее *а*-канье въ выговорѣ Бѣлоруссовъ или Москвичей), при томъ во многихъ случаяхъ здѣсь удареніе опять на корнѣ, свидѣтельствуя объ относительной *древности*, а не на звенѣ — *во́-я-мъ*, *заклóн-амъ*, *сéйм-амъ*, *мед-вѣ́д-ямъ* (такъ что мы скорѣе уступили бы *новизнѣ* въ примѣрахъ *мед-вѣд-я́мъ*, *берег-а́мъ*, *звѣр-я́мъ*, *стол-а́мъ* и т. п.). — Во 2) нѣтъ тутъ замѣтной и резонной причины къ перенесенію отъ Ж—го рода, какъ напр. нѣтъ стремленія въ вящей *опредѣленности* или къ отличенію числа и склоненія отъ формы, особенно *собирательной*. — Главное же дѣло въ томъ, 3) что К. С—чъ, какъ это бываетъ обычно у многихъ „людей мысли,“ неудержимо стремящихся мышленіемъ впередъ, весьма часто оставляя позади собственные выводы какбы брошенными или забытыми. Идя по слѣдамъ его и собирая ихъ, мы не можемъ съ своей стороны забыть, что данному случаю онъ сообщилъ *совершенно удовлетворительное* объясненіе въ томъ мѣстѣ, какъ оно возстановлено нами по рукописи, гдѣ сравнительно изслѣдовалъ нашъ Д—ный падежъ (см. выше стр. 358—363). Тамъ установилъ онъ, и установили мы оба, что Д—ный Множ. въ Муж. р., какъ и другіе нѣкоторые падежи, прошелъ къ

Творительный падежъ Множественнаго оканчивается въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, также какъ нѣкогда въ Русскомъ, на *ы* и *и* въ именахъ Мужескаго и Средняго рода, но также и на *ми*; второе окончаніе не встрѣчается при именахъ Средняго рода

образованію непремѣнно чрезъ *Двойственное число:* а здѣсь, въ сочленѣ нашего Индоевропейскаго языка, въ Санскритѣ, Дат—ый имѣетъ *b'yâṁ*, *бъам* или *бьям*. Этого совершенно уже довольно, ибо отсюда прямо выводится наше *амъ* и *ямъ*. Но можно прибавить. Дат—ый *Множественнаго*, пройдя симъ путемъ, получилъ *b'ya-s*, безъ долготы и ударенія (этимъ объясняется помянутое отсутствіе ударенія на *а* и *я* у насъ въ половинѣ количества словъ), что̀, безъ „услужливаго“ извѣстнаго суффикса *s*, есть прямо наше *ма* въ Дат—омъ Двойств. И точно, Сербскій языкъ еще больше уясняетъ сей путь: здѣсь, каковъ древній Дат—ый Двойств. на *ма* (*оч-и-ма*, *уш-и-ма*), таковъ же и нынѣшній постоянный Д—ый Мн. во всѣхъ родахъ, — *сел-и-ма*, *врач-и-ма*, *юнац-и-ма*, и *дан-и-ма*, *сел-и-ма*, *пол-и-ма*, *небес-и-ма*, даже въ Женск. р. *ствар-и-ма*, *кћер-и-ма* (*дочер-и-мъ*), а въ прочихъ Женскихъ *матер-а-ма*, *жен-а-ма*, *рук-а-ма* и *ног-а-ма* (одинаково въ Дв. и Мн.); и Твор—ый Мн. одинаковъ съ симъ, какъ у Латинянъ *bi-s* (о чемъ ниже); всего же ближе къ Ц. Сл—ому и нашему древнему склоненію Сербскіе Дат—ые *под-и-ма* и *пољ-ма*, *зуб-и-ма*, и *зуб-ма*, *кон-ъ-ма*. — Такимъ образомъ, относительно Д—го Мн., въ общемъ Славянскомъ яз. представляются собственно *двѣ главныхъ ступени:* а) на одной онъ прямо равняется Дат—му Двойств. въ Санскритѣ — *ам* и *ям*, и эту, весьма древнюю, ступень удержали мы Русскіе по преимуществу, въ связи съ немногими Славянами и нѣкоторыми у нихъ эпохами; б) на другой, соотвѣтственно Дат—му Санскрита, нешедшему также изъ Двойств—го, является Славянское *ма*, которое Ц. Слав. языкъ и большинство Славянскихъ, въ томъ числѣ и Русскій нѣкогда, удерживали для Д—го Двойств., Сербы же распространили и на Дат—ый Мн—го. — 5) Когда нами выиграно такое тѣсное сближеніе между Дат—ми Дв—го и Мн—го, тогда въ сей области становится возможнымъ различить еще нѣсколько ступеней или оттѣнковъ. Именно, а) конечно старшая форма съ ударѐніемъ *на корнѣ* (ср. выше) — *ра́б-ъ-ма*, *во́л-ъ-ма*, *ко́н-ъ-ма* (какъ нынѣ у Сербовъ въ Дат. Дв. и Мн., а у насъ въ старинномъ Дв—омъ): ей отвѣчаетъ извѣстный намъ Дат—ый Мн., *долженствовавшій* существовать,— *ра́б-ъ-мъ*, *во́л-ъ-мъ*, *зе́бр-ъ-мъ*. — За тѣмъ слѣдовала одновременно б) ф. съ ударѐніемъ *на звенѣ* между корнемъ и флексіей склоненія, съ оглашеніемъ *ъ* въ *о*, *ь* въ *е*, — это Ц. слав. Дат—ый Дв—аго *раб-о́-ма*, *вол-о́-ма*, *кон-ю́-ма*: сему отвѣчаетъ Дат—ый Мн., любимый Ц. Слав—имъ яз., *раб-о́-мъ*, *вол-о́-мъ*, *кон-е́-мъ*, распространенный и у другихъ Славянъ, у насъ существовавшій — но со временемъ брошенный, при чемъ однако у насъ на половину словъ, особенно двусложныхъ и вообще длинныхъ, ударѐніе соблюдалось еще на корнѣ, какъ и въ Сербскихъ *Ту́рк-ом*, *прія́тел-ем*. О ближайшемъ соотвѣтствіи сихъ двухъ формъ или сторонъ свидѣтельствуетъ еще ярче Твор—ый Ед., который одинаковъ съ Дат—мъ Мн. (такъ что Ц. Сл—ій яз., вѣроят-

въ языкѣ Церковно-Славянскомъ: но, кажется, можно предположить основность его и въ немъ. Въ языкѣ Русскомъ, оно встрѣчается, при чемъ окончанія Средн. именъ подвергаются сокращенію, о чемъ сказано выше. — Въ именахъ Женскаго рода ви-

---

но по книжному, на письмѣ и искусственно, отличаетъ еще 1-й мягкостію *мь*, а 2-й твердостію — *мъ*, но и то не всегда, какъ напр. *конемь* въ обоихъ случаяхъ, а Русскій и никогда не наблюдалъ сего различія, не наблюдали и прочіе Славяне), а между тѣмъ онъ же, Творительный Ед., подобно Дат—му Мн., имѣетъ при себѣ форму на *ма*: *рёв-ъ* — *рев-ъ-мъ* и *рёв-о-мъ* — *рёв-ма* (*рёв-ъ-ма*); *вал-ъ*—*вáл-о-мъ* — *вáл-ма*; *лив-ъ* (*про-ливъ*, *за-ливъ*, *водо-ливъ*) — *лив-о-мъ* — *лив-ма* и *лив-мя*; и, какъ при Санскритѣ въ Зендскомъ Дат—мй Дв. *буа*, а Множ. *буó*, такъ у насъ при именахъ собирательныхъ — пассивныхъ (ибо здѣсь участвуетъ и глаголъ, особенно причастіемъ страдательнымъ со звукомъ *м*) на *ма* и *мя* есть равныя имена: на *мо* — *кромá*, *наломá*, *тесьмá* (получается тема, обрубая, обшивая по краямъ): *клеймó*, *зрѣймó*, *клятомó*. — в) Одновременно съ симъ и развѣ лишь немного позже является ф. съ удареніемъ *на самомъ окончаніи*, — *пол-ъ-мú* или *пол-мú* (одинаково отъ *пол-ъ* и *по-ла*), *вес-ъ-мú*, *стó-й-мя* и *сто-й-мя́*, *плащ-мя́*, *друг-óмя* и *друг-о-мú*, *но-й-мú* и *но-й-мя́* (нынѣ), *вал-мя́* (ср. выше): очевидно, что сему отвѣчаютъ какъ помянутаго рода формы *пол-о-мъ*, *с-пол-о-мъ* (исполу), *корт-óмъ* (корнѣть), *нó-с-мъ*, *стойк-о-мъ*, *пласт-о-мъ*, *вс-ъ-мъ* и *выс-ъ-мъ*, т.-е. Твор—ые Ед. и Дат—ые Мн., такъ преимущественно Дат—ые Мн. наши исконные на *амъ* и *ямъ*, напр. *по пол-áмъ* (ср. выше *по дъл-óмъ*) и всѣ прочіе. Когда нашъ Русскій языкъ, со свойственнымъ ему рѣдкимъ чутьемъ, замѣтилъ, что подобная ф. на *амъ* и *ямъ*, родная по древности и нешедшая сама изъ Дв—аго, совпадаетъ съ позднѣйшею формою Дв—аго на *ма*, тогда сію послѣднюю онъ отдѣлилъ именно для Двойств—аго, вскорѣ брошеннаго, а для Дат—аго Мн. удержалъ на всегда древнюю ф. *амъ* и *ямъ*, даже предпочелъ ее переходной формѣ на *ъмъ-омъ*, *ьмъ-емъ*, поелику сія послѣдняя совпадала еще съ Твор—нымъ Ед. и слѣдовательно ее пришлось бы въ свое время отличать, какъ вынужденъ былъ искусственно отличать Ц.-Слав—йй языкъ Ед. *мь* отъ Мн. *мъ*. — 6) Въ экономіи звуковъ и по равновѣсію ударенній (т.-е. древней долготы и краткости), сочетаніе *ъмú* и *ьмú* совершенно равно сочетанію *úмъ* и *úмь*, а *ъмя́* или *ьмя́* сочетанію *ямъ* и *ямь*, — этого не стóитъ и разъяснять. — 7) Любопытна же при этомъ особая экономія языка. а) Звукъ *ъ* или *ь* (*(ъ)*) въ Санскритѣ и Зендѣ, равный нашему *в* и *м*, обозначаетъ также точно, какъ *в* у насъ, *собираніе*, суммарность, и, стало быть, помянутыя тамошнія фф. Дв—аго и Мн—го на *b'y-á-m* и *b'y-a-s* суть ничто иное, какъ собирательная *форма*, *введенная* (inclusa) въ *склоненіе*, именно между корнемъ слова или древнею темою и между флексіей установившагося позднѣе склоненія: это наше *сын-о-в-е* и *сын-о-вь-я* — собирательное вмѣсто *сыны*, *сын-о-вó-мъ* и *сын-о-вь-я́-мъ* — собирательное вмѣсто *сын-ó-мъ* и *сын-я́-мъ*. То-есть, иначе, *склоненію*, *числу* и *флексіи* у Восточныхъ братій остается только *а-мъ* и *я-мъ*, даже одно *м*, а *b'*, *ъ* и *ь*, какъ *въ* и *во* или *ав*, при-

димъ окончаніе Творительнаго Множественнаго на *ми*, придающееся къ окончанію именъ, слѣдовательно *а-ми*, *я-ми*. Имена Женскаго рода на ь, какъ и имена смѣшаннаго склоненія, принимаютъ въ Творительномъ Множественнаго къ своему неизмѣ-

---

надлежатъ *собирательной формѣ*, склонявшейся нѣкогда особо и послѣ вставленной въ средину, или, что то же, *собирательному суффиксу*, характеризующему *форму*, а не *склоненіе* и не *число*; съ тѣмъ однако отличіемъ, что Санскритъ и Зендъ не отдѣляютъ собирательной формы, не ведутъ для нея особаго полнаго склоненія, а только, какъ сказано, *вставляютъ* ее въ *нѣкоторые* падежи *склоненія*, мы же — Славяне — раздѣляемъ уже *двѣ формы*, простую (*сыны—сынъ—сыномъ* или *сынамъ* и т. д.) и собирательную (*сыновье—сыновъ* или *сыновей*, *сыновомъ* или *сыновьямъ* и т. д.), совершенно отдѣляя отъ нихъ *склоненіе* и для каждой имѣя особое *полное* склоненіе. Латинскій же языкъ, не отдѣляя здѣсь формы и склоненія, не имѣя и особой собирательной формы, ступилъ еще далѣе Санскрита и Зенда: онъ собирательную форму также вставилъ въ нѣкоторые падежи, именно въ Дат—ый и Твор—ый или Соедин—ый Мн., отличилъ симъ *bi-s* все 3, 4, и 5-е склоненіе, какъ собирательное, отъ простаго 1-го и 2-го на *is*, и, — главное — собирательною формою не только *задавилъ*, но и *замѣнилъ* флексію склоненія, такъ что суффиксъ собирательный сдѣлался флексіей, а флексія выражается суффиксомъ собирательной формы. — б) Съ другой стороны, *Соединительный* (изъ коего дальше развился и *Твор—ый*) падежъ Единственнаго, по смыслу своему соединяющій одинъ предметъ съ другимъ и другими, тѣсно связанный потому съ предлогами *съ* и *сит*(Нѣмецкимъ *mit*, Франц. *avec* и т. п. замѣняется даже Творительный, Instrumentalis), есть *первый* шагъ, *первая* попытка *въ склоненіи* перейти отъ Единаго къ Другому и Многому, пустить въ ходъ *число* и *счетъ*: потому, на примѣръ, въ семъ падежѣ, уже помянутомъ нами, *пятью*, *шестью*, *сотью*, *пѣшью*, *кружью* (о чемъ еще ниже) и одинаковое *верхо́мъ*, *пѣшко́мъ*, *корпо́мъ*, *круго́мъ* (отличное, ступенью, отъ *ве́рхомъ*, *кру́гомъ*: см. выше) = какъ Дв—ому на *ма* и *мя* — *полма́*, *друго́мя* и т. п., такъ и Дательному Множ. на *омъ-емъ-амъ-ямъ*. *Второй* за симъ шагъ, разумѣется, есть *Двойственное*, и шагъ рѣшительный: здѣсь *счетъ* уже дѣйствительно начался, *число* реализовалось, *союзъ* выраженъ, и потому склоненіе такъ сказать — торжествуетъ, добившись выраженія опредѣленнаго *числа* и *счета* въ именѣ помощію собственныхъ средствъ — флексій, при чемъ не нуждается даже и предлогами (какъ это бываетъ еще при падежѣ Соединительномъ). Отъ того флексіи или окончанія Двойственнаго въ Соед—омъ — Твор—омъ и Дат—омъ, *има* и *ма* суть самыя *типическія*, самыя выразительныя и вліятельныя; мы видѣли выше примѣры, что по симъ типамъ создались даже *особыя формы* именъ, съ суффиксомъ *ма* и *мя*, занятымъ изъ Двойственнаго и родственнымъ флексіи; и дѣйствительно, помянутыя нами имена по большей части указываютъ чѣмъ либо на *двойство*: *крома* есть окраина или край прежде всего *двухъ* сторонъ, какъ скоро что либо — дотолѣ единое — раздѣлилось (или треснуло, дало щель) и по разрѣзу образовалось два края, двѣ окраины рубца, такъ сказать два

няемому окончанію ъ окончаніе *ми*. — Примѣры, какъ *ногъты*, *степены*, относясь можетъ быть просто къ именамъ Мужескаго рода на ъ, — объясняются легко. Творительный Множ. именъ Ср. рода суффиксныхъ, напр. *чоудесы*, *имены* и пр., ясно указываетъ

берега; *тесьма* — почти то же и явно выводится отъ *тес-ать*, когда что либо разрублено, или въ шитьѣ обметывается рубецъ, или обметываются и оторачиваются края двухъ половинокъ; *наполома* свѣшивается на *двѣ стороны;* не говоримъ уже о *полмá*, *по поламъ* и проч., т. е. о двухъ половинахъ. Звукъ *м*, какъ губной, ближе всего равняется звуку *в* и *б*, Санскр. и Зендскому *b'*, *b*, *бъ*, *бь*: стало быть, здѣсь также выражается знакомое намъ *соединеніе* и *собираніе*, такъ что формы на *ма* близко родственны извѣстнымъ для насъ собирательнымъ фф. на *ва* (*цьрк-ва*, *млъ-ва*, *мол-ва*, и т. п.). Въ самомъ дѣлѣ, и естественно, какъ скоро утвердилось *двое*, тогда уже можетъ быть дальше *много* и рѣшено движеніе числа до безконечности: потому-то, какъ убѣдились мы, *Двойственное* число въ склоненіи Индо-европейскомъ послужило типомъ для *Множественнаго*, черезъ первое прошли почти всѣ падежи втораго, по крайности Соединит—ый — Твор—ый, Дат—ый, Род—ый (*іо*, *ъю*: см. выше), Мѣстный. Очевидно, въ природѣ языка произошло то же, что̀ во внѣшней природѣ и во всей природѣ человѣческой: когда рѣшено было, что „не добро быти единому,“ явилось и другое, а какъ скоро произошла чета, рѣшено было сочетаніе, состоялся союзъ и тѣмъ самымъ, четою, рѣшена была судьба семьи, условлено размноженіе рода. Это и есть *въ склоненіи*, въ его *Множественномъ*, шагъ *третій* и послѣдній, завершительный: онъ и выраженъ, мы видѣли, тѣми же самыми звуками и сочетаніями, — *ъма* и *ьма*, *ома* и *ема*, *ъмъ* и *ьмъ*, *омъ* и *емъ*, *амъ* и *ямъ*. — в) Такимъ образомъ, весь этотъ путь, нами осмотрѣнный, отъ Соединит—го и Твор—го въ Ед. чрезъ Двойств—ое до соотвѣтственныхъ падежей Мн—го есть въ сущности то же, что путь *соединенія* и *собиранія*, тотъ же, какой существуетъ и въ *собирательныхъ формахъ*: но это есть путь *склоненія*, съ помощію *флексій*, а не суффиксовъ, дѣйствіе *счета* и *числа*, болѣе опредѣленное, чѣмъ *собирательная форма*, сама нуждающаяся въ склоненіи и при себѣ имѣющая форму простую. Тутъ-то и выразилась особенно, какъ мы видѣли, экономія и разсчетливость языка Славянскаго, преимущественно Русскаго, сравнительно съ другими: *собираніе* сдѣлали мы почти вездѣ *особою формою* и отдали ей звукъ *в*, а *склоненіе* мы отличили всѣми возможными мѣрами и, заручивъ ему *число*, спеціальнымъ признакомъ приняли при немъ звукъ *м*, не *в* и не *б*; собирательную всякую *форму* мы особо *склоняемъ* (*в-о-мъ* — *в-а-мъ* — *въ-я-мъ*) и *суффиксъ* ея (*в*) оттѣняемъ всюду отъ *флексіи* (*м*). Смѣемъ думать, что здѣсь въ развитіи мы пошли дальше Санскрита и Зенда своимъ соображеніемъ, естественно — будучи моложе ихъ и дольше прожившіи; но мы не хватили такъ черезъ край, какъ языкъ Латинскій, явно въ семъ случаѣ не собравшійся съ силами чтобы отличить *собирательную форму* отъ *склоняемаго числа* и *числа въ склоненіи;* а равно мы не растеряли своихъ типическихъ падежей (Соед—го, Твор—го, Мѣст—го) такъ, какъ растеряли ихъ Гре-

съ своей стороны на форму *чоудесо, имено*, отъ которой образуется и все Множественное число склоненія. Впрочемъ встрѣчается и другой Тв. Мн. *чоудесьми*, возможный вѣроятно и во всѣхъ именахъ Средняго рода. — Творительный Множественнаго,

---

ки уже самые древніе (о чемъ выше въ Граматикѣ). Въ семъ послѣднемъ отношеніи классицизмъ конечно не рѣшится выставлять впередъ языкъ, который въ склоненіи, отсутствіемъ типическихъ падежей и замѣною ихъ чрезъ словосочиненіе, не можетъ дать и сотой доли тѣхъ выводовъ, кои истекаютъ изъ познанія языка Славянскаго. — 8) Правда, мы допустили, по видимому, *в* и даже прямо *ва* (*-ма*) во *флексію*: но не въ *имени*, а въ *глаголѣ*, не въ *склоненіи*, а въ *спряженіи*; и при томъ какъ? Мы имѣемъ у себя (родственный и другимъ язз.) мѣстоименный корень *въ* и *ва*. Въ числѣ разныхъ употребленій сего *служебнаго* корня, существующаго, какъ все мѣстоименное, на службу цѣлому языку, мы сдѣлали отсюда между прочимъ (не сравниваемъ для краткости съ другими язз.) два мѣстоименія, какъ *часть рѣчи*, при томъ оба *личныя*, при томъ *1-го* и *2-го лица* — то есть лицъ *передовыхъ*, при томъ въ *Двойственномъ* и наконецъ въ *Именительномъ* падежѣ, то есть, какъ дѣлаемъ въ случаяхъ самыхъ первообразныхъ, типическихъ и такъ сказать тематическихъ: дальше сей первичной ступени мы не пустили *въ* и *ва*, такъ что ф. 1-го лица *въ* въ дальнѣйшемъ склоненіи уже исчезаетъ и замѣняется звукомъ *н* — *на-ю*, *на-ма* и т. д.; 2-го лица *ва* обращается уже въ *корень* и само получаетъ при себѣ *флексію* склоненія *ма*. — *ва-ю*, *ва-ма*; во Множественномъ, естественно истекающемъ изъ Дв—го, въ 1-мъ лицѣ мы опять замѣнили уже *в* звукомъ *м* и *н* — *мы*, *на-съ*, *на-мъ* и т. д., образовавши отсюда лишь во 2-мъ лицѣ *Имен—ый* — *вы*, падежъ опять самый тематическій, вслѣдствіе чего *ва* далѣе въ склоненіи дѣлается опять *корнемъ* слова — *ва-съ*, *ва-мъ* и т. д. Уже изъ этого обозрѣнія явствуетъ, что, по самой *краткости* своей, *въ* и чаще *ва* несетъ службу *всякую*, т. е. обращается и въ *корень* слова, и въ *форму*, и въ *тему*, а вмѣстѣ конечно можетъ послужить всюду и *суффиксомъ*, и *флексіей*, равно и въ *образованіи формъ*, и въ измѣненіи ихъ по *склоненію* или *спряженію*. Стало быть, это лишь подкрѣпляетъ насъ, убѣждая, что помянутое выше *ма* и *мя*(=*ея*=*въ*) дѣйствительно во всѣхъ случаяхъ, въ формахъ именъ и флексіяхъ склоненій, есть *Двойственное* и *числовое*; что ему отвѣчаютъ прямо *ва* и *въ*, будучи равно и *Двойственными* въ мѣстоименіи, и *собирательными* въ формахъ имени, ибо конечно вто же самое *ва* является суффиксомъ собирательнымъ въ *ирьк-ва*, *Лит-ва*, *Татар-ва*, *лист-ва*; что таково же *в* въ собирательномъ *сын-о-в-е*, *сын-о-в-о-мъ*, *сын-о-въ-я-мъ* и т. д.; что, наконецъ, это же *въ* и *ва* могло бы войти, кромѣ *имени*, и въ *глаголъ*, безразлично — въ *форму* ли и *суффиксъ*, въ *спряженіе* ли и во *флексію*, и въ *Двойственномъ* ли, или *Множественномъ*, или же — близко — въ *собирательномъ* смыслѣ. И дѣйствительно, мы сдѣлали отсюда *флексію* въ *спряженіи*: но здѣсь-то опять торжествуетъ геній Славянскаго, частнѣе Русскаго языка, съ его удивительной выдержкою и послѣдовательностію. Именно, мы образовали на *въ* 1-е лицо

въ Русскомъ языкѣ, при именахъ Мужескаго, Средняго и Женскаго рода, принялъ женскую форму на *а-ми*, *я-ми*, также, какъ мы видѣли это и въ Дательномъ Множественнаго, и на основаніи тѣхъ же причинъ. Но однако мы встрѣчаемъ здѣсь въ именахъ Мужескаго рода на ъ, въ именахъ Женскаго рода на ь (*и*)

Ц. Славян. Дв—аго въ спряженіи: *ѥс-вѣ*, *бых-о-вѣ*, *вѣ-вѣ* (мы двое знаемъ, вѣмы), *гор-и-вѣ*, *гор-ѣ-х-о-вѣ* и т. п., опять самое тематическое и первобразное: дальше опять не пустили, *ва* совсѣмъ нѣтъ, — 2-е л. Дв. на *та*, 1-е Мн. на *мъ* и *мы* (*ѥс-мъ*, *ѥс-мы*, *ес-мы*, *бых-о-мъ*, *гор-и-мъ*, *гор-ѣ-х-о-мъ* — ср. Соед—ый — Твор—ый Ед. и Дат—ый Мн.) и т. п., а въ остальномъ спряженіи нѣтъ и помину (только лишь позднѣе въ Ц. Слав. Богослужебн. яз. допустили ѥс *ва* вм. *ѥсвѣ*, да имѣемъ, едва ли не книжное искусственное, 1-е л. Дв. на *ва*). Это опять не по чему и не для чего, какъ ради *различенія* у насъ *флексій*, *числа* и *спряженія* отъ *формъ собирательныхъ* и *суффиксовъ*: ибо, какъ скоро понадобились сіи послѣдніе, когда потребовалось выразить собираніе, повторительность, учащеніе, болѣе или менѣе неопредѣленное совокупленіе и суммарность, мы тотчасъ впустили *в* и даже, подобно именамъ, сочетаніе *ив*, *ыв*, *ва*, а съ пособіемъ сего составили не *особое спряженіе*, не *время* и не спряженіе *времени*, напротивъ *особую форму* глагола, именно такъ называемый *видъ*, видъ *собирательный*, *учащательный* или *многократный*, куда и впустили *в* также, какъ впустили въ *сынове—вомъ — вьямъ*: *хаж-и-в-а-ть*, *хаж-и-в-а-лъ*, *брас-ы-в-а-ть*, *брас-ы-в-а-лъ*, *да-в-а-ть*, *да-в-а-лъ*, *да-ва*, *да-ва-ше*, *куп-о-в-а-ть*, *куп-о-в-а-лъ*, *куп-о-ва*, *куп-о-в-а-ше*, *рас-пѣ-в-а-ть*, *рас-пѣ-в-а-лъ*, *пе-ва*, *пе-ва-ше*, *ход-и-ва*, *ход-и-ва-ше* и т. д. (беремъ примѣры изъ разныхъ Слав. нарр.). Что же напротивъ сдѣлали Латинцы? Подобно помянутому *bu-s*, они сдѣлали отсюда особое *прошедшее* (каково и есть собирательное или повторительное) *время* и, хотя приставили флексіи лицъ — *m*, *s*, *t*, *mu-s*, *ti-s*, *nt* (подобно какъ Санкритъ *am* и *as* при *b'* и *b'y*, ср. выше), но все-таки впустили собирательную форму въ самое спряженіе, такъ что во *всякомъ* глаголѣ, какъ скоро дойдетъ до разнаго perfectum, *спрягается* не что иное, какъ собирательная *форма* и *формою* условливается спряженіе *времени*: *i-ba-t*, *am-a-ba-m* — *am-a-ba-s* — *am-a-ba-t*, *mon-e-ba-t*, *cred-e-ba-t*, *aud-i-e-ba-t* и т. п.; Романцы же воротились отсюда прямо къ звукамъ *в* и *ва*: *dava*, *amava*, *aveva*, *credeva*, *veniva*, *udiva*, и т. д. Молчимъ уже о возникшемъ по сему же пути будущемъ (повторительномъ) *времени* на *bo* и *vero* (см. ниже). Мы, какъ *форму*, *видъ всякой*, и собирательный, и не собирательный, спрягаемъ черезъ *одну флексію* глагола: Латинцы *всякой глаголъ* заставляли спрягаться непремѣнно черезъ *одну форму собирательную*... Не скажемъ конечно, что въ сихъ случаяхъ мы старшіе: но явно послѣдовательнѣе; можетъ статься на ступени 3-й: но послѣ 2-й, гдѣ у Латинянъ царило смѣшеніе, не оправданное типами 1-й ступени. — Такъ сѣмя, вложенное въ науку и даже порою брошенное михоходомъ со стороны *К. С—ча*, порождаетъ очевидно плодотворные выводы, которыхъ не могутъ не признать всѣ *истинные* филологи. — *Б.*

и въ именахъ смѣшаннаго склоненія старую форму Творительнаго Множественнаго, доселѣ болѣе употребительную, чѣмъ формы новѣйшія, напр. *людьми, звѣрьми* и пр. — Быть можетъ существовало употребленіе Творительнаго Множественнаго въ именахъ Средняго и даже Мужескаго рода на *о-ми, е-ми*, кромѣ *ъ-ми, ь-ми, й-ми* (также какъ въ Твор. Ед., кромѣ *ъ-мъ, ь-мъ, й-мъ*, имѣлось окончаніе *о-мъ, е-мъ* по Ц.-Сл. *е-мь*): откуда легко уже могло образоваться опредѣленное окончаніе *а-ми, я-ми*. Но это только одно предположеніе, весьма шаткое. Имена полусуффиксныя съ *в* опять указываютъ на полусуффиксную форму *ва*, напр. *церквами*, и проч. *).

Переходимъ къ Мѣстному падежу Множ. **). Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, онъ оканчивается, какъ и въ Русскомъ, на *хъ*, придающееся къ окончанію именъ; но въ окончаніи именъ происходятъ измѣненія, не одинаковыя въ обоихъ языкахъ. Измѣненія эти происходятъ собственно въ именахъ Мужескаго и Средняго рода. Окончаніе *хъ*, придаваясь къ окончанію именъ Мужескаго рода, должно было образовать прежде всего окончанія: *ъ-хъ, ь-хъ, й-хъ*. Употребленіе такихъ окончаній мы и встрѣчаемъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, напр.: *домъ-хъ*; но изъ этого, неудобнаго къ произношенію, окончанія сейчасъ образуется другое, въ которомъ звуки *ъ*, *ь* и *й* оглашаются. Самое естественное оглашеніе есть *о* для *ъ*, *е* для *ь* и *й*. Отсюда образуется окончаніе Мѣстнаго Множественнаго *о-хъ, е-хъ*, которое мы встрѣчаемъ

---

*) Такъ какъ при концѣ Граматики вездѣ замѣтна здѣсь особенная поспѣшность и даже забывчивость о сказанномъ прежде, то и въ настоящемъ случаѣ выдаются тѣ же недостатки или опущенія, которые замѣтили мы въ ближайшемъ предыдущемъ: напр. пропускъ окончанія *и-ми*, въ Ж. р. *ь-ми* и просто *ми* (*слез-ь-ми, слез-ми*), названіе ф. *а-ми* и *я-ми* формою *Женскою* (тогда какъ Женская же форма *со вдовы, съ жены*), забвеніе о многихъ выразительныхъ примѣрахъ языка Ц.-Сл—го и Слав. нарр., устраненіе Двойственнаго, откуда прежде черпалъ К. С—чь мѣткія объясненія для *Ми—го*, и т. п. Но, съ другой стороны, такъ какъ все это мы находимъ у автора по другимъ мѣстамъ и въ лучшемъ свѣтѣ, то, чтобы выводы не разсыпались и здѣсь, навлекая ошибочное порицаніе сочинителю, мы обязаны *вновь связать ихъ*, съ нѣкоторыми дополненіями, которыя вообще обѣщались сдѣлать съ подробностію при числѣ Множественномъ и сдѣлаемъ на концѣ въ особомъ *прибавленіи*. — *Б.*

**) Сопровождаемъ набросанныя здѣсь замѣтки К. С—ча необходимыми поясненіями и дополненіями на концѣ въ особомъ прибавленіи. — *Б.*

въ древности и у насъ. Точно такое же окончаніе имѣютъ въ Русскомъ языкѣ имена Средняго рода, въ которыхъ *хъ* прямо придается къ ихъ окончаніямъ; сокращались ли когда въ именахъ Средняго рода окончанія Мѣстнаго Множественнаго *о-хъ*—*е-хъ* въ *ъ-хъ*—*ь-хъ*, сказать мы не можемъ; этого, кажется, въ Русскомъ языкѣ могло и не быть.—Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ окончаніе Мѣстнаго Множественнаго образовалось иначе, въ именахъ Мужескаго рода, именно: изъ *ъ-хъ*—*ѣ-хъ*, изъ *ь-хъ* и *й-хъ*—*и-хъ*. Такъ какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ буква *і* не отличается въ начертаніи отъ *и*, то можно было бы подумать, что въ именахъ Мужескаго рода на *й*, въ Мѣстномъ Множественнаго употребляется *й-хъ*: *край-хъ*; но такъ какъ въ другихъ случаяхъ, вмѣсто *ъ*, становится тоже *и*, то мы думаемъ, что здѣсь въ Мѣстномъ Множественнаго не *й-хъ*, а *и-хъ*. Имена Средняго рода, въ Мѣстномъ Множественнаго, оканчивающіяся на *о* имѣютъ точно также *охъ*, а на *е* имѣютъ *и-хъ*; это окончаніе, ясное въ именахъ Средняго рода на *е* послѣ согласной, напр. *сърдцихъ*, подтверждаетъ еще болѣе окончаніе Мѣстнаго Множественнаго. Сокращеннаго окончанія, въ именахъ Средняго рода, въ Мѣстномъ Множественнаго, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ не встрѣчается. Имена Женскаго рода на *а* и *я* присоединяютъ къ своимъ окончаніямъ *хъ* и образуются окончанія *а-хъ*, *я-хъ*, совершенно какъ и въ Русскомъ. Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) прибавляютъ, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, къ своему окончанію *хъ*; напр.: *двьрь-хъ*, но, вслѣдствіе конечно благозвучія, этотъ *ь* (*и*) переходитъ и въ *е*, и встрѣчается *вещє-хъ*.—Имена смѣшаннаго склоненія образуютъ точно такъ же, какъ Женскія на *ь* (*и*), свой Мѣстный Множественнаго. Полусуффиксныя Женскія съ *в* образуютъ и Мѣстный Множественнаго отъ формы полусуффиксной на *ва*, напр. *въ любъ-вахъ*.—Суффиксныя Средняго рода имѣютъ въ Мѣстномъ Множественнаго напр. *небесехъ*, *словесехъ*; хотя эта форма сходна съ формою именъ Средняго рода на *о*—*ь-хъ*, но однако разнится въ начертаніи, и потому образуется, можетъ быть, отъ формы *небесь*, *словесь*.—Скажемъ здѣсь кстати, что всѣ падежи именъ Женскаго рода на *ина*, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, образуются какъ падежи именъ Женскаго рода на *я*, и конечно отъ формы *ыня* (по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей его письменности). Въ Русскомъ языкѣ Мѣстный падежъ, во всѣхъ именахъ Мужескаго, Женскаго и Средняго ро-

да, принялъ Женскую форму на *а-хъ* и *я-хъ*, также какъ Дательный и Творительный Множественнаго, и на основаніи тѣхъ же причинъ.

Мы разсмотрѣли подробно отношеніе языка Церковно-Славянскаго къ языку Русскому. При сличеніи отношенія Русскаго языка къ прочимъ Славянскимъ мы не нуждаемся въ такихъ подробностяхъ; для насъ совершенно достаточно будетъ указать на одни различія въ склоненіи между нашимъ и другими Славянскими языками. На сходство же намъ указывать нѣтъ надобности *).

Переходимъ къ склоненію Сербскаго языка **).

Переходимъ къ склоненію Словакскаго языка ***).

Въ Единственномъ числѣ, въ Словакскомъ языкѣ, Родительный именъ Мужескаго рода оканчивается, какъ и въ Русскомъ, на *а*, въ иныхъ словахъ на *у*. Слѣдовательно, совершенно сходно. Мы должны здѣсь замѣтить лишь одно любопытное обстоятельство, что оглашеніе ъ и ь, происходящее иногда между согласными, о чемъ даже мы не упоминали особенно, напр. *платъ-къ*, *платокъ*, *платка*, *молодь-цъ*, *молодецъ*, *молодца*, что это оглашеніе ъ и ь встрѣчается въ Словакскомъ языкѣ даже между согласной и гласной, исчезая въ Родительномъ и другихъ падежахъ, напр. *noż*, *noža*; *chljeb*, *chleba*. Такіе примѣры оглашенія подтверждаютъ нашу мысль, что послѣ каждой согласной находится ъ, который вслѣдствіе особенныхъ причинъ въ языкѣ, преимущественно звуковыхъ, выступаетъ иногда. Слова, приведенныя на-

---

*) Все слѣдующее имѣетъ характеръ летучихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ при чтеніи граматики или тому подобнаго руководства по Слав. парр., но не основанныхъ на подробномъ изученіи памятниковъ, въ особенности народныхъ, а потому не возведено къ какому либо общему выводу. Потому же и мы не имѣемъ здѣсь необходимости подтверждать, разъяснять или дополнять указаній, сообщенныхъ К. С—чемъ, тѣмъ болѣе, что не имѣемъ подъ рукою „тѣхъ самыхъ“ изданій, съ копми онъ соображался. — *Б.*

**) Предположенное здѣсь разсмотрѣніе Сербскаго яз. перенесено впослѣдствіи авторомъ выше и уже помѣщено въ семъ изданіи на стран. 393—396.—*Б.*

***) Такъ называетъ сочинитель вмѣсто общепринятаго — *Словацкаго*. — Почему онъ ближе всего остановился на *Словацкомъ* и *Словенскомъ* нарѣчіи, это также понятно: 1-е изъ Западныхъ парр. ближе къ *Восточнымъ*, слѣдовательно къ Ц. Славянскому и Русскому; 2-е изъ Восточныхъ дальше углубляется въ *Западныя;* по крайней мѣрѣ изъ того и другаго легче объясняются нѣкоторые взаимные переходы черезъ границы. — *Б.*

ми, слѣдовало бы написать по Русски *ножъ, ноожъ, ножа; хлѣбъ, хлеебъ, хлеба* *).—Имена Средняго рода имѣютъ Родительный падежъ совершенно какъ въ Русскомъ, съ тою уже замѣченною особенностью, что суффиксныя въ склоненіи Среднемъ на *т* образуютъ Родительный и все склоненіе отъ формы на *то*, напр. Род. *djovčata*. Эта форма подтверждается впрочемъ утвердившеюся суффиксною формою на *по*: *semeno, plemeno*. Имена Женскаго рода имѣютъ Родительный также, какъ и въ Русскомъ; но языкъ Словакскій не имѣетъ *ы*, потому его не встрѣчается и въ Родительномъ, а вездѣ *и*, что̀ впрочемъ въ основаніи одно и то же. Кромѣ того, въ именахъ Женскаго рода, встрѣчается одна странная особенность: имена Женскаго рода на *а*, употребляемыя въ значеніи Мужескомъ, а потому и въ Мужескомъ родѣ, имѣютъ въ Родительномъ *у*: напр. *slúha, družba*, Род. *slúhu, družbu*. Это весьма странно **). *Діанишка* въ своей грамматикѣ ***) говоритъ это ясно; но намъ хотѣлось бы узнать это повѣрнѣе. Имена на *ца*, по словамъ того же Діанишки, не измѣняются въ Родительномъ, что̀ также странно, хотя скорѣе можно допустить (*sudca*). Имена собственныя, прозвища, на *а* или *о*, имѣютъ въ Родительномъ частію *а*, частію *у* (*и*) или *і*, говоритъ Діанишка: *а* совершенно правильно для именъ на *о*, *і*; точно такъ же для именъ на *а*; но *у* (*и*) остается тою же странностью. Впрочемъ Грамматикъ не опредѣлилъ, какія собственно имена, на *а* или на *о*, и какое имѣютъ при себѣ окончаніе изъ означенныхъ трехъ. Думаемъ, что такія уклоненія отъ общей формы Родительнаго подлежатъ повѣркѣ и изслѣдованію въ самомъ языкѣ.—Винительный сходенъ совершенно съ Русскимъ. Дательный тоже: ибо форма на *ови*, рядомъ съ *у*, которую видимъ въ языкѣ Словакскомъ, есть совершенно Русская форма, но теперь неупотребительная.—Творительный тоже одинаковъ съ Творительнымъ Русскимъ, съ едва замѣтными оттѣнками, которые состоятъ въ томъ, что въ именахъ Мужескаго и Средняго рода въ Творительномъ падежѣ *о* преобладаетъ надъ *ě* или *е*, которое есть то же *о*, только смягченное, такъ что встрѣчается почти одно: *ом*. Слѣдовательно *о* въ Словакскомъ языкѣ смягчается ма-

*) Воззрѣніе оригинальное на долготу, двогласность и смягченіе. — *Б.*

**) См. наши объясненія въ концѣ при Мѣстномъ. — *Б.*

***) Kašpar Dianiška, 1850, Wien, 8°. — *Б.*

ло въ сравненіи съ языкомъ Русскимъ. Но въ именахъ Средняго рода на *ie*, въ Словацкомъ языкѣ *jé*, *ja*, выступаетъ въ Творительномъ падежѣ не *o* и не *e*, а *i*, которое лежитъ въ смягченномъ окончаніи напр. *stavením*. Въ именахъ Женскаго рода, въ Творительномъ падежѣ, также отсутствуетъ смягченіе и окончаніе Творительнаго образуется *oy*, которое есть тоже, что и *o-ю*, только безъ смягченія, напр. *ного-у*. Имена Женскаго рода на *ь* имѣютъ, какъ у Діанишки, то же окончаніе на *o-y*, напр. *milosťou*: *ť* здѣсь обозначено смягченнымъ, слѣдовательно мы можемъ написать это слово по Русски *милостью-у*; это будетъ тоже, если мы напишемъ *милостё-ю* *). Быть можетъ здѣсь этотъ звукъ *ё* есть не что иное, какъ *ь* или *и*, только такъ выразившійся. При изображеніи звуковъ буквами, особенно Латинскою азбукою звуковъ Славянскихъ,—впасть въ ошибку весьма легко. Можетъ быть и здѣсь есть такая ошибка; въ начертаніи буквами, во всякомъ случаѣ это окончаніе Творительнаго требуетъ тщательной повѣрки въ самомъ языкѣ, въ устномъ произношеніи.—Мѣстный падежъ въ Словацкомъ языкѣ также сходенъ съ Мѣстнымъ Русскимъ; а имѣетъ впрочемъ небольшіе оттѣнки. Имена Мужескаго рода имѣютъ въ Мѣстномъ окончанія *e*, *ю* и *y*, но окончанія эти больше разпредѣлены по особымъ разрядамъ словъ, тогда какъ у насъ, при настоящемъ окончаніи *ю*, возможно и окончаніе *y* во всякомъ имени Мужескаго рода. Кромѣ того въ Мѣстномъ у Словаковъ есть окончаніе *ови*. Это доказываетъ, если принимать, что *ови* есть собственно окончаніе Дательнаго падежа, нашу мысль, что *y* въ Мѣстномъ падежѣ есть Дательный падежъ, лишь примѣненный къ Мѣстному падежу **). Или же это *ови* въ Мѣстномъ падежѣ доказываетъ особую цѣлую полусуффиксную форму съ *о*, которая и въ Дательномъ, и въ Мѣстномъ, имѣетъ окончаніе на *и*. Мы принимаемъ скорѣе это второе предположеніе, доказывающее другую нашу мысль объ особой полусуффиксной формѣ и полусуффиксномъ склоненіи. Кромѣ окончаній *е* (*ѣ*) есть въ Мѣстномъ и окончаніе *и* (*і*), представляющее только одно изъ видоизмѣненій этого окончанія, какое видимъ мы и у насъ въ именахъ

---

*) Скорѣе и проще *милост-ю*. — *Б.*

**) См. у насъ въ прибавленіи о Мѣстномъ и 6-мъ падежѣ. — *Б.*

Мужескаго рода склоненія смѣшаннаго. Имена Средняго рода имѣютъ также окончаніе на *е*, *и*. Кромѣ того есть и окончаніе на *у*, которое постоянно въ именахъ Средняго рода суффикснаго склоненія съ *т*. Имена Средняго рода на *je*, *ja* (*ie*) имѣютъ постоянно въ Мѣстномъ *и*, напр. *staveňi*: какъ и въ Русскомъ *желаніи*, но у Словаковъ сверхъ того окончаніе это сжато, *і* а не *іи*, ибо оно сжато и въ Именительномъ падежѣ. — Мѣстный падежъ именъ Женскаго рода совершенно одинаковъ у Словаковъ съ Мѣстнымъ падежемъ именъ Женскаго рода Русскаго языка.

Двойственное число удержалось въ Словакскомъ языкѣ при словахъ *око* (*oco*) и *ухо* (*ucho*). Именительный и Винительный, также какъ и въ Русскомъ, имѣетъ: *очи*, *уши*. Родительный уцѣлѣлъ въ недостаточномъ видѣ—*очи*, *уши* вмѣсто *очію*, *ушію*. Въ Мѣстномъ форму Двойственнаго замѣнила форма Множественнаго: *очахъ*, *ушахъ*. Въ Дательномъ тоже вмѣсто Двойственной видимъ Множественную форму: *очамъ*, *ушамъ*; но Двойственная сохранилась въ падежѣ Творительномъ: *очима*, *ушима* *).

Во Множественномъ числѣ Именительный падежъ у Словаковъ сходенъ съ Именительнымъ Русскимъ падежемъ; но есть небольшіе оттѣнки. Имена Мужескаго рода, въ Именительномъ Множественнаго, имѣютъ *и*, да кромѣ того окончаніе на *я*, какъ и у насъ; но окончаніе это, какъ и въ другихъ падежахъ, болѣе утвердилось и осѣло, такъ сказать, при извѣстныхъ именахъ, чѣмъ въ Русскомъ языкѣ, въ которомъ доселѣ держится древняя, начальная свобода употребленія. Впрочемъ, и въ Словакскомъ языкѣ встрѣчаются рядомъ окончанія на *и* и на *я*: это въ тѣхъ именахъ, которыя принимаютъ полусуффиксную форму съ *в*, напр. *крали*, *кралова*; *пани*, *панова* (*въя*) и пр. Кромѣ этихъ окончаній есть въ извѣстныхъ именахъ окончаніе *е*, напр. *medveďe*, *jelene*, *koňe*: это *е* есть не что иное, какъ облегченное *и*.— Въ доказательство, что *в*, вставляющееся въ склоненіе, есть точно полусуффиксная форма *овъ*, можемъ привести форму Множественнаго *Богове*, т. е. *Богови* **), которая употребляется рядомъ съ

---

*) К. С-чь не успѣлъ сказать здѣсь о замѣчательной формѣ Словацкой *окá*, *ухá* (Множ.), объясняющей многое; все подобное дополняемъ мы въ особомъ *прибавленіи* на концѣ. — *Б.*

**) Ограничимъ: есть большое различіе между *ве* съ чистымъ или твердымъ

Боговя (*вья*).—Надобно прибавить, что въ Словакскомъ языкѣ, въ Именительномъ Множественнаго, звуки *к, х* переходятъ передъ *и* въ *ц, ш*: этимъ Словакскій языкъ отличается отъ Русскаго и сходенъ съ Церковно-Славянскимъ.—Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ и у Русскихъ, въ Именительномъ Множественнаго, *и*; но это *и* измѣняется также въ *е*: у Словаковъ измѣненіе производится тамъ, гдѣ имя Женскаго рода или просто оканчивается на *я*, или въ тѣхъ именахъ оканчивающихся на *а*, которыя у насъ оканчиваются на *я* и на *а* послѣ звуковъ: *и, ш* и т. п. Въ такомъ случаѣ, это окончаніе *е* соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому ѧ.—Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *и*; однако иныя имѣютъ и *е*, которое кажется намъ въ настоящемъ случаѣ облегченнымъ *и* и явленіемъ позднѣйшимъ. Въ Словакскомъ языкѣ говорится на примѣръ *матере*: въ Церковно-Славянскомъ, въ XI вѣкѣ, *дъштери*; въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчается *дщере*.—Должно замѣтить опять странное явленіе въ именахъ Женскаго рода: тѣ имена Женскаго рода, которыя употребляются въ Мужескомъ значеніи и Мужескомъ родѣ, напр. *слуга, охранца*, имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *слуговя, охранцовя*; эта форма есть совершенно противорѣчащая основамъ языка. Мы должны признать, что или эта форма Именительнаго Множественнаго образовалась отъ неупотребительной Мужеской формы этихъ именъ съ *ъ* или *ь*, напр. *слугъ, охранецъ*, или же это просто крайне несправедливая форма, которою Словакскій языкъ отличается отъ первыхъ основаній слова и вмѣстѣ отъ Русскаго языка *). — Родительный падежъ въ

е и между *вье* или даже *vje, ве*, гдѣ *е* мягко, гдѣ форма проходитъ черезъ *іе*. *Ове* принадлежитъ къ тѣмъ формамъ, которыя К. С—чь первый у насъ и удачно прозвалъ *полусуффиксными*; онѣ конечно роднятся со всякимъ „*собирательнымъ*" *в*, но слишкомъ давно запали *внутрь* словъ, сами вырождаются какъ *собирательная флексія* изъ флексіи же *оу, ау*, сами доходятъ до флексіи Именит—аго Мн. *ове*, Род—аго *овъ* и т. д., а не то, что совершается доселѣ на глазахъ нашихъ чрезъ *собирательный суффиксъ ов*, который вновь еще получаетъ на концѣ *іе, ье, е, ья*. Форма же *овь*, какъ суффиксъ, раскрываемая изъ *и*, дѣйствительно имѣетъ во Мн. *ви* (*церкви*), но это уже не то, что *ве* въ *сынове, богове*, при которыхъ на глазахъ Славянской исторіи мы не знаемъ *сыновь, боговь*, напротивъ *сыновъ, боговъ* (имя Сущ. и кратк. Прилаг.), откуда напр. *сынова́=сыноха́, сноха́*. — Подробнѣе въ прибавленіи о 6-мъ и 7-мъ пад. — *Б.*

*) Отъ того-то и нельзя было выше сопоставлять Женское *овь* съ *ове* и *овя*,

Словацкомъ языкѣ имѣетъ лишь небольшіе оттѣнки отъ Родительнаго падежа въ Русскомъ языкѣ. Такъ въ Русскомъ языкѣ Родительный Множественнаго, въ именахъ Муж. рода, или имѣетъ просто *ъ*, сливающійся съ *ъ*, *ь*, *й*, звуками, которыми оканчиваются имена Мужескаго рода, или же этотъ *ъ* не сливается, дѣлаетъ себя слышнымъ и допускаетъ тогда, между собой и этими окончаніями, эвфоническую вставку *о*: здѣсь это *о* считаемъ мы вставкою, нужною для *ъ*, стремящагося быть слышнымъ; почему и образующаяся отсюда форма *овъ* есть собственно форма Родительнаго падежа. Что въ падежѣ Родительномъ, въ именахъ Мужескаго рода, *ъ* старается сдѣлать себя слышнымъ (чему и помогаетъ вставочное *о*), это доказывается тѣмъ, что *ъ* какъ скоро можетъ, именно послѣ *г*, обнаруживаетъ себя и безъ вставки: напр. *звѣрьъ*, *звѣрій*, *звѣрей*.—Тѣмъ не менѣе, и полусуффиксная форма съ *о*, проходя сквозь все склоненіе, конечно можетъ явиться въ Родительномъ Множественнаго и принять тоже видъ, одинаковый съ формою Родительнаго, которая есть *овъ*; различить ихъ тогда конечно трудно, ибо здѣсь совпадаетъ и полусуффиксная въ Родительномъ, и Родительный съ благозвучною вставкою *). Впрочемъ, мы должны сказать, что при такомъ совпаденіи преобладаетъ по нашему мнѣнію общій Родительный съ благозвучною вставкою *о*; уже и потому, что ему соотвѣтствуетъ Родительный съ обозначившимся *ъ* на *іи*, *ей*, употребляющійся почти исключительно вмѣсто Родительнаго съ *ъ* слившимся. Это показываетъ, что *ъ* Родительнаго падежа стремится выразиться отдѣльно, чего онъ и достигаетъ чрезъ вставку и чрезъ оглашеніе. — Въ языкѣ Словацкомъ видимъ Родительный полный со вставочною *о*, превращающейся въ *у* (*ў*): на примѣръ *králou*. Впрочемъ встрѣчается и другая форма Родительнаго въ именахъ на *ъ*, напр. *конѝ*, *гостѝ* (*koňí*, *hostí*). Эта форма соотвѣтствуетъ очевидно другой полной формѣ Родительнаго Множественнаго съ оглашеннымъ *ъ*: *іи* (*ей*), которая является у Словаковъ, можетъ быть вслѣдствіе ихъ выговора, въ сокращенномъ видѣ, однако съ долгимъ *и* (*ѝ*)**). Имена Средняго рода имѣютъ

хотя мы и можемъ указать на *ятр-ов-ь-я*, форму, производную отъ *ятр-ов-ъ* уже *черезъ* форму *ятр-ов-ъ-е*. — *Б.*

*) Вотъ именно что и постараемся мы уяснить, какъ склонялся и самъ К. С—чь, въ прибавленіи на концѣ къ его выводамъ. — *Б.*

**) Въ томъ и состоитъ все дѣло: *ѝ* или *и́*=(на позднѣйшей ступени) *ій*,

Родительный Множ. совершенно одинаковый съ Русскимъ; только имена на *ie* (*ja*, *я*) имѣютъ Род. Мн. въ сокращенномъ видѣ: *í* (*i*) вмѣсто *íй*, напр. *ставенí* (*staveňí*), вмѣсто *ставенíй*. Позднѣйшія же формы въ именахъ Средн. рода на *е*, какъ у насъ, напр. *морей* вмѣсто *морь*, въ Словакскомъ языкѣ не встрѣчаются. Имена Женскаго рода также имѣютъ Родительный Мн. одинаковый съ Русскимъ; только имена на *ь* (*и*) имѣютъ окончаніе Родительнаго въ сокращенномъ видѣ, чему примѣры видѣли уже мы въ именахъ Мужескаго и Средняго рода, т. е. *и́* (*í*) вмѣсто *ий*, напр. *милостú* (*milostí*) вмѣсто *милостúй* *). Замѣчательно, что нѣкоторыя двусложныя, рѣдко троесложныя имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Родительномъ Множественнаго *и* (*i*), а не *ъ*; это именно тѣ имена, которыя передъ *а* имѣютъ буквы *з*, *ж*, *ш*, напр. *слзú*, *кожú*, *душú* (*slzí*, *kožú*, *dušú*); это тѣ же самыя, которыя въ Церковно-Славянскомъ составляютъ особый отдѣлъ и окапчиваются въ Родительномъ Мн. не на *ъ*, а на *ь*; этому *ь* соотвѣтствуетъ здѣсь Словакское *í* **). Такимъ образомъ здѣсь видимъ еще черту сходства между Церковно-Славянскимъ и Словакскимъ языкомъ.—Винительный Множественнаго, какъ и въ Русскомъ современномъ, совершенно одинъ съ Именительнымъ.—Употребленіе Родительнаго на мѣсто Винительнаго, въ именахъ Муж. р., въ Словакскомъ то же, какъ и въ Русскомъ языкѣ.—Дательный Множественнаго въ Словакскомъ языкѣ совершенно одинаковъ съ Русскимъ, съ тою только разницею, что Русскій языкъ во всѣхъ именахъ употребляетъ теперь Дательный Множественнаго отъ Женскихъ***) именъ на *а* и *я*, замѣнивъ имъ Дательный Множественнаго другихъ именъ, нѣкогда употреблявшійся; а въ Словакскомъ яз., въ именахъ Мужескаго рода и въ суффиксномъ склоненіи съ *т* именъ Средняго рода, удержался Дательный Множественнаго на *омъ* ****), находившійся нѣкогда и въ Русскомъ языкѣ.—Творитель-

---

т. е. нашему *ий*, а послѣ „еровапья“ *ей*; этимъ и отличается Род—ный Мн., какъ долгій или удвоенный, отъ Род—аго Ед. съ краткимъ *й* въ склоненіи разряда *и*, о чемъ см. наше разъясненіе на концѣ при над. Мѣстномъ.—*Б.*

*) См. предыдущую замѣтку. — *Б.*

**) Прибавимъ, что это тѣ самыя имена, которыя *производны* и *вторичны*, почему, на память древней долготы, гдѣ таковая была, пріобрѣтаютъ у насъ *ударепіе*, конечно позднѣйшее, въ заключеніи слова. — *Б.*

***) Ср. у насъ прибавленіе о *Творительномъ*. — *Б.*

****) Далеко не вездѣ: Словацкое *детёмъ* сравнительно моложе нашего *дѣтямъ*; въ прочихъ же, и въ большинствѣ, у Словаковъ *ат*. — *Б.*

ный Множественнаго тоже одинаковъ съ Русскимъ современнымъ, но удержался въ болѣе древнемъ видѣ *), чѣмъ въ современномъ Русскомъ языкѣ. — Въ нѣкоторыхъ именахъ Мужескаго р., именно въ тѣхъ, которыя оканчиваются на *цй, чй* (*cí, ší*), Творительный Мн. оканчивается на *і*, въ Русскомъ *ы*, — форма Творительнаго Мн., впрочемъ, и теперь еще у насъ возможная: *съ добрыми молодцы* **).—Вообще же имена Мужескаго рода въ Словакскомъ языкѣ имѣютъ при Творительномъ Мн. почти исключительно древнюю форму *ми* (*mi*), прямо придающуюся къ окончанію имени, напр. *дуб-ми, кра́ль-ми* (*dubmí, králmí*); возможно и *кра́лями* (*králami*): эта форма *ми* употребительна и у насъ въ именахъ Муж. р. на *ь*, не невозможна и въ другихъ именахъ Муж. р., а въ Словакскомъ языкѣ она рѣшительно преобладаетъ. — Имена Средняго рода суффикснаго склоненія съ *т* имѣютъ въ Творительномъ Мн. преимущественно ту же форму *ми*, напр. *діовчатмі* (*d'jovčatmí*), но возможно и *діовчатами* (*d'jovčatami*). Другія имена Средняго рода на *о* имѣютъ преимущественно Женскую форму въ Творительн. Мн.,—*ами*, при которой впрочемъ возможна и форма на *ми*: *словами—словмі* (*slovami — slovmi*). — Имена Средняго рода на *іе* и *я* имѣютъ въ Творительномъ Мн. Женскую форму *ями*.—Имена Женскаго р. въ Словакскомъ языкѣ совершенно одинаковы въ Творительн. Мн. съ языкомъ Русскимъ. Но здѣсь нашъ языкъ удержалъ въ именахъ Женскаго рода на *ь* (*и*), рядомъ съ позднѣйшею, и древнюю форму, которой въ Словакскомъ языкѣ нѣтъ: напр. *милостями* (*milosťami*), въ Русскомъ *милостями* и *милостьми*.— Мѣстный падежъ Множественнаго въ Словакскомъ языкѣ опять совершенно сходенъ съ Русскимъ, но опять удержалъ преимущественно древнюю свою форму, употреблявшуюся прежде и въ Русскомъ языкѣ. Имена Мужескаго рода оканчиваются въ Мѣстномъ Мн. на *охъ*: *дубохъ, крилѣхъ*, при чемъ, сходствуя съ Русскимъ, Словакскій языкъ отличается отъ Церковно-славянскаго. — Имена Средняго рода суффикснаго склоненія съ *т* имѣютъ тоже древнюю форму на *охъ*, но возможна и форма на *ахъ*, напр. *діовчатохъ, діовчатáхъ*. — Остальныя имена

*) Ср. нашу замѣтку о Тв—омъ Мн. — *Б.*

**) Это Соединительный, Sociativus, не только возможный, но даже господствующій въ народномъ яз. и творчествѣ. — *Б.*

Средняго рода, а также Женскаго рода, имѣютъ въ Мѣстномъ Множественнаго Женскую форму *ахъ* и *яхъ*, исключительно употребительную теперь для всѣхъ именъ всѣхъ родовъ въ Русскомъ языкѣ *).

Мы видимъ, слѣдовательно, что Словакскій языкъ удержалъ почти вездѣ древнія формы склоненія и что онъ ближе въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ Русскому языку, чѣмъ языкъ Сербскій, нами разсмотрѣнный.

Переходимъ къ склоненію языка Словенскаго или Виндскаго. Родительный Падежъ Единственнаго числа въ Словенскомъ языкѣ оканчивается, при именахъ Мужескаго рода, на *а* и *у*, какъ и въ Русскомъ. Здѣсь замѣчательно, что полусуффиксная форма съ *в* употребляется и въ Родительномъ Ед.: симъ еще болѣе доказывается наше предположеніе, что это отдѣльная боковая суффиксная форма; напр. *мо́жъ (móž)—можéва (možéva)*; *данъ*, *dán* и *dén*—*dnú* и *dnóva*, *dné* и *dnéva*.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Родительномъ *а* точно такъ же изъ суффикснаго склоненія, напр. *телéта*, *сéмена*, *дрéва* и *древéса*, что̀ между прочимъ доказываетъ среднюю форму на *о*: *телето*, *семено*, *древесо*.—Имена Женскаго рода на *а* разнятся въ Родительномъ отъ Русскаго языка, ибо имѣютъ согласно съ Сербскимъ *е*, напр. *рúбе (ríbe)*. Имена Женскаго р. на *ь* (*и*) имѣютъ, согласно съ Русскимъ, въ Родительномъ *и*, напр. *рéчи (réči)*. Древнія формы *мáти* и *хчи* имѣютъ въ Родительномъ *мáтере* и *мáтеръ*, *хчéре* и *хчéри*. Въ именахъ Женскаго рода видимъ мы подтвержденіе нашей мысли о нѣсколькихъ формахъ слова или Именительнаго Единственнаго: онѣ управляютъ и склоненіемъ. Именно, здѣсь видимъ мы двѣ полусуффиксныя формы съ *в*, форму на *ва* и форму на *в*, изъ которыхъ каждая измѣняется по своему склоненію, напр. *zírkva*, *zírkev* и *zírkov*; *zérkva*, *zérkev* и *zérkov*; *bréskva* и *bréskov*, *bréskev*; *búkva* и *búkev* **). Въ первой формѣ Родительный на *е*; во второй на *і*. Слово *krí*—*kèrv* имѣетъ въ Родительномъ *kèrvi (kervi)*.—Замѣчательно, что

---

*) Ср. наше разъясненіе о пад. Мѣстномъ. — *Б.*

**) Вообще въ Слов. языкѣ нѣсколько нарѣчій и даже подрѣчій, на которыя К. С—чь не успѣлъ обратить вниманія, руководствуясь старыми граматиками, напр. A. I. Мурко, Grammat. d. Slowenisch. Sprache, 2-e Auflage, Grätz, 1850 г., но которымъ именно принадлежатъ или которыми объясняются *разныя* формы.—*Б.*

имена Женскаго рода на *а*, употребляемыя въ Мужескомъ значеніи и Мужескомъ родѣ, здѣсь имѣютъ въ Родительномъ *а*; это совершенно противорѣчитъ всѣмъ основамъ склоненія: но, кажется, здѣсь въ Именительномъ употребляется женская форма, а Родительный и все склоненіе, въ Словенскомъ языкѣ, образуется отъ неупотребляющейся мужеской формы на *ъ*. Такое противорѣчіе Именительнаго Ед. со всѣми остальными падежами было бы весьма странно; объясненіе, сдѣланное нами, кажется удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ: если все склоненіе совершенно вѣрно и одинъ только Именительный противорѣчитъ, то естественно предполагается, что долженъ быть Именительный иной. Такимъ образомъ неправильности мы здѣсь не видимъ *). Это употребленіе въ Словенскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ и служитъ объясненіемъ сходному употребленію въ языкѣ Словакскомъ, гдѣ имена эти оканчиваются и на *а*, и на *у*.—Имена Мужескаго рода въ Словенскомъ языкѣ на *і* имѣютъ въ Родительномъ *ja*. Это *і* есть или распространенный *ъ*, или сокращенное *ій*. Мы думаемъ, что это сокращенное *ій*: потому, что распространеніе *ъ* въ *і* весьма рѣдко и едва ли встрѣчается, потому что сокращеніе это встрѣчается, и кажется не рѣдко, а наконецъ потому, что слова эти, многія по крайней мѣрѣ, въ Русскомъ и другихъ Славянскихъ языкахъ имѣютъ *ій* (*ей*), напр: *zlódí*, *злодій*, *злодѣй* **). Дательный падежъ въ Словенскомъ языкѣ сходенъ съ Рускимъ Дательнымъ. Въ именахъ Мужескаго рода онъ оканчивается на *у* (*и*): но порча языка видна здѣсь въ окончаніи *і*, правда мало употребительномъ, но которое встрѣчается кой-гдѣ въ народѣ Словенскомъ.— Полусуффиксная форма съ *в* употребляется рядомъ съ тематической и имѣетъ также Дательный на *у*: это показываетъ, что въ

---

*) Можно бы прямо привести примѣры *vójevod* и *vájvod*.—*Б.*

**) Въ этомъ и нельзя было сомнѣваться, вспомнивши язз. Чешскій, Др. Русскій и Ц. Слав. *Моисе—сии*, *кръмьчи—кръмьчии*, *лади—ладии*, *сѫди—сѫдии*, и т. д., съ Родительными на *иꙗ* и особенно *иꙗ*, *ия*, *ія* (Мужск. р.), какъ *жрѣбия*, *змия*, *балия*, *вѣтия*, *велии—велия* и т. п., откуда, изъ *Родительнаго же*, по законамъ морфологіи и по совпаденію его съ Женскимъ родомъ, образованъ сей послѣдній съ Именительнымъ на *ія*, *ья—змія*, *судія*; еще далѣе у народа — „судія наша праведная;“ на оборотъ, Родительный Ж. р., *зміи*, *судіи*, во всякомъ случаѣ старшій, чѣмъ его Именительный на *я*, есть ничто иное, какъ Именительный Мужскаго на *ии*, *й* (ср. друг. наши *дополненія*).—*Б.*

Словенскомъ языкѣ она образовалась какъ *овъ*, а не какъ *овь*, напр. *можéву*, *зобóву*. — Слово *данъ*, *денъ* имѣетъ въ Дательномъ *днóву* и *днéву*, *днóви* и *днéви*. Слово *песъ* имѣетъ въ Дательн. *псóву* и *псови*; тематической формы Дательнаго въ обоихъ словахъ, кажется, не имѣется. Въ этихъ словахъ видимъ два вида полусуффиксной формы, именно *овъ* и *овь*, отъ которыхъ образуются и два Дательныхъ падежа на *у* и на *и*; второй видъ полусуффиксной формы, *овь*, относимъ мы къ склоненію смѣшанному, откуда объясняется и Женскій его Дательный на *и*. Это доказываетъ, сверхъ того, нашу мысль о разныхъ видахъ одной и той же формы слова, иногда только предполагаемыхъ, отвлеченныхъ, находящихся въ *умѣ*—такъ сказать.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Словенскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, *у* (*и*) въ Дательномъ, а также и имена Ср. р. суффикснаго склоненія имѣютъ эту же форму, что̀ показываетъ образованіе ея отъ средней формы на *о*.— Имена Женскаго рода на *а* и *я* отличаются въ Дательномъ отъ Русскаго только тѣмъ, что вмѣсто *ѣ* употребляютъ, сродное ему и заключающееся въ *ѣ*, *и* (*і*). Но мы видимъ здѣсь и другое употребленіе, ясно показывающее порчу языка и замѣну одного падежа другимъ, именно употребленіе Творительнаго на *ой* вмѣсто Дательнаго падежа, напр. *рáбой*; эта форма Творительнаго въ Дательномъ вообще мало еще употребительна, но въ иныхъ словахъ она идетъ рядомъ съ настоящей формой, а въ словѣ *гостú* ее замѣняетъ: *гостéй*, *гостóй* *). — Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) имѣютъ, какъ и въ Русскомъ, Дательный *и*.—Винительный падежъ въ именахъ Мужескаго и Средняго рода употребляется совершенно такъ же, какъ и въ Русскомъ.— Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) имѣютъ Винительный совершенно одинаково съ Русскимъ.—Имена Суффикснаго склоненія, *мáти* и *дчи*, имѣютъ, какъ въ Церковно-Славянскомъ, въ Винительномъ *мáтер*(*ь*), *дчéр*(*ь*).—Имена полусуффиксныя, двойнаго образованія, имѣютъ и собственные двойные падежи, напр: *цéркве*(*ъ*), *цéрков*(*ь*, и *цéрковь*. Слово *крú—кѣрв*(*ь*) имѣетъ то же и въ Винительномъ.—Творительный падежъ въ именахъ Муж. рода и Средняго оканчивается на *омъ*, слѣдовательно одинаковъ съ Русскимъ. Полусуффиксная форма съ *е*, встрѣчающаяся въ именахъ Муж. р., и суффиксная въ имен. Средняго рода употреб-

*) Это по связи Дат—го съ Твор—ымъ и по аналогіи съ Прилагательнымъ полн. окончанія.—*Б.*

ляются съ тѣмъ же окончаніемъ *омъ*. Слово *данъ, день* имѣетъ въ Творительномъ *днóмъ, днéмъ*, слѣдовательно здѣсь видимъ и другую форму, какъ въ Русскомъ языкѣ, полусуффиксная же форма на *омъ—днéвомъ*. — Имена Женскаго рода на *а, я*, имѣютъ, сходно съ Русскимъ, въ Творительномъ *ой*, сокращенную форму, рядомъ съ которой въ Русскомъ языкѣ находится и полная—*ою*: *рúбой* болѣе употребительная форма, чѣмъ на *ô—рúбô* *). — Имена Женск. р. на *ь* (*и*) имѣютъ въ Творительномъ форму *йô* или лучше *ьё*, напр. *kostjô (ijô)*: очевидно искаженіе изъ древней, удержанной въ Русскомъ и въ Церковно-Славянскомъ, *ію, ью*, напр. *нитію, нитью* **). — Падежъ Мѣстный въ Словенскомъ языкѣ, въ именахъ Мужскаго рода, оканчивается на *у (и)*,—одно изъ окончаній Мѣстнаго въ Русскомъ языкѣ; впрочемъ есть мало употребительное *и (i)*. Полусуффиксная форма именъ съ *в* имѣетъ въ Мѣстномъ то же окончаніе *у, ову* и *еву*; отъ полусуффиксной формы *овъ*, но также окончаніе *ови, еви*,— отъ полусуффиксной формы *овь, евь*, смѣшаннаго склоненія *дáнь, дéнь* имѣетъ въ Мѣстномъ полусуффиксную форму, въ двухъ видахъ, *днóву, днóви; днéву, днéви*.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Мѣстномъ *у* (*и*): это *у* употребляется въ Русскомъ языкѣ только въ именахъ Мужескаго рода, при настоящемъ окончаніи Мѣстнаго на *ѣ*; въ именахъ Средняго рода это *у* въ Русскомъ языкѣ не употребляется. Думая, что *у* есть падежъ Дательный, примѣненный лишь къ Мѣстному и возможный по самому значенію лишь въ именахъ Мужскаго рода, мы держимся того мнѣнія, что падежъ Мѣстный является въ *бьднóмъ* видѣ у Словенцевъ, въ именахъ Мужскаго и Средняго рода.—Имена Женскаго рода, въ Словенскомъ языкѣ оканчивающіяся на *а, я*, имѣютъ въ Мѣстномъ *и (i)*, соотвѣтствующее Русскому *ѣ* и *и*; но есть и другое мало употребительное окончаніе *ой (oj)*. Это окончаніе очевидно невѣрное, позднѣйшее; это уже порча склоненія, ибо здѣсь очевидна замѣна Мѣстнаго падежа падежемъ Творительнымъ, по крайней мѣрѣ формою Творительнаго ***). Есть слова, въ кото-

---

*) Это не сокращено изъ *ой*, а особое произношеніе *носовое*, какъ въ Польскомъ (по парр., фф. *ом* и *от*).—*Б.*

**) Опять равное носовому и какъ въ Польскомъ.—*Б.*

***) Ср. выше подобное; по связи Мѣстнаго съ Род—ымъ и по аналогіи съ Прилагательнымъ.—*Б.*

рыхъ эта форма *ой* идетъ рядомъ съ формою *и*. Въ словѣ же *госпа* она ее замѣняетъ: *госпéй, госпóй*.—Имена Женскаго рода на *ь (и)* въ Словенскомъ языкѣ имѣютъ въ Мѣстномъ *и (i)*, также какъ въ Русскомъ.

Двойственное число употребляется въ Словенскомъ языкѣ, но не въ полномъ своемъ видѣ. Имена Мужескаго рода имѣютъ въ Двойственномъ, въ Именительномъ и Винительномъ, какъ въ Церковно-Славянскомъ и въ Русскомъ, *а*, Имена Женскаго и Средняго рода имѣютъ въ Им. и Вин. Дв. числа *и* (*i*), соотвѣтствующее Русскому *ы* и *и*: *рúби, нúти, лúци*; — вмѣсто же *лúци* иногда употребляется и *лúца*: это показываетъ, что Двойственное число исчезаетъ *). —Падежи Родительный и Мѣстный не удержали своей формы Двойственнаго. Падежъ Родительный замѣнилъ ее формою Множественнаго, при чемъ замѣчательна форма полусуффиксныхъ именъ Муж. р. *днéвовъ* (этимъ еще болѣе доказывается, что полусуффиксная форма есть особенная форма, если только это *овъ* здѣсь не есть распространеніе формы *у*); а падежъ Мѣстный — формою Дательнаго и Творительнаго Двойственнаго, и даже иногда употребительна форма Мѣстнаго Множественнаго.— Дательный и Творительный Двойственнаго именъ Мужескаго рода имѣютъ, какъ въ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ, *ома*; рѣдко употребительное *ама* есть уже искаженіе.—Имена Средняго рода уклоняются отъ Церк.-Слав. и Рус. языковъ, въ Дат. и Тв. Дв. числа имѣютъ не *ома*, а *ама* (??), Женскую форму **); имена Ср. р. суффикснаго склоненія имѣютъ эту же форму.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* имѣютъ согласно съ Церк. Слав. и Рус. языками *ама*, придаваемое къ этимъ окончаніямъ. Но слово *госпа* имѣетъ *госпéма*: быть можетъ отъ другой не употребительной формы *госпь*, а можетъ быть смягченное *а*, — *я* переходитъ здѣсь въ *е*; но едва ли это можно принять. Имена Женскаго рода на *ь* (*и*) имѣютъ въ Дат. и Тв. Дв. числа *и-ма*, при чемъ это *и-ма* соотвѣтствуетъ *ь-ма* и *и-ма*,—что одно въ языкѣ Цер.-Слав. и Русскомъ. Нѣкоторыя же имена Женск. р. измѣняютъ свое *и* на *е*, напр. *kostéma*: здѣсь, думаемъ мы, причина фонетическая.—*Мáти, хчи* имѣютъ *мáтерама, хчéрама*, форму безъ сомнѣнія позднѣй-

*) Ср. у насъ Множ. „лúца“ и „два лица.“—Умѣстнѣе примѣръ *vušesa, ушеса.—Б.*

**) К. С—ча смутная форма *лúц-ама* (отъ мягкаго окончанія на *е*). —*Б.*

шую, отъ производной *матера, хчера.*—Имена полусуффиксныя съ *в* имѣютъ Дат. и Тв. Дв. только отъ одного вида полусуффиксной формы на *ва,—вама.* — Есть впрочемъ, кромѣ того, въ многосложныхъ именахъ Женск. р., и форма на *ама*, т.-е. не полусуффиксная.

Во Множественномъ числѣ, Именительный, въ Словенскомъ языкѣ, въ именахъ Мужескаго рода оканчивается какъ и въ Русскомъ на *и* (*i*). Полусуффиксная форма въ Именительномъ Мн. не составляетъ собственнаго окончанія падежа Имен. Мн., а есть форма, проходящая сквозь все склоненіе. То, что̀ могло лишь быть предположеніемъ въ языкѣ Русскомъ, въ Словенскомъ языкѣ подтверждается вполнѣ и становится очевидностью. — Слѣдовательно, встрѣчающаяся въ Именительномъ Мн., форма полусуффиксная не составляетъ одного изъ окончаній Имен. Мн., а является одною изъ сложныхъ формъ цѣлаго особаго полусуффикснаго склоненія. Въ бо́льшее доказательство, эта полусуффиксная форма въ Им. Мн. принимаетъ просто его окончаніе *i*, *ови*, которое и предполагали мы, считая *е* въ *ове* лишь облегченнымъ *и*; это подтверждается въ языкѣ Словенскомъ: напр. *можéви, днóви, днéви.* — Кромѣ окончанія *и*, есть еще окончаніе въ именахъ Муж. р. въ Именительномъ Мн.: это *ье*, наше *іе* и *ія*, напр. *брáтье, brátje; možjé; zobjé;* эта форма *ье* употребляется рядомъ съ настоящею формою *и* (*i*) *).—Мы видимъ также форму *люди* и *людье*, *(ljúd—ljúdi, ljudjé),* столь знакомую изъ нашихъ лѣтописей. — Можно, впрочемъ, думать, что Словенскій языкъ былъ ближе нашего къ языку Церковно-Славянскому, не какъ къ древнѣйшему, а какъ къ ближайшему нарѣчію. и конечно ближе, нежели къ Русскому. На это указываетъ, удержавшееся доселѣ, склоненіе Множественнаго въ словѣ *отрокъ*, которое въ Именительномъ Множественнаго имѣетъ *отро̀ци*, форма, свойственная языку Церковно-Славянскому.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* имѣютъ въ Именительномъ Мн. не *ы* или *и*, какъ въ Русскомъ, а *е*, напр. *ри́бе*; быть можетъ это окончаніе есть только облегченіе звука *и* **).—Имена Женскаго рода *ь (и)* имѣютъ, какъ и въ Русскомъ,

---

*) Какъ *Собирательная* (ср. выше).—Нужно только прибавить, что вообще Юго-Славянскіе язз. не терпятъ „мульпровки" — вставки *нашего* звука *ь* предъ мягкою гласною, произнося ее *непосредственно.—Б.*

**) Какъ въ Сербскомъ, это отвѣчаетъ двоегласному *ы* и посовому 2-му.—*Б.*

въ Именительномъ Множественнаго *и*, напр. *нѝти*. Замѣчательно, что имена Женскаго рода суффикснаго склоненія съ *р* имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго вмѣсто *и*—*е*, какъ и въ языкѣ Церковно-Славянскомъ; это *е* мы считаемъ облегченнымъ *и*, напр. *ма́тере*, *хе́ре* и *хе́ри*.—Падежъ Родительный во Множественномъ числѣ, въ именахъ Мужескаго рода, въ Словенскомъ языкѣ, оканчивается на *овъ*: мы уже объясняли, что это *овъ* могло быть формою, свойственною самому Родительному Множественнаго, и совпадать съ полусуффиксною формою (на *в*) Родительнаго Множественнаго на ъ. Это *овъ* есть исключительное окончаніе для именъ Мужескаго рода; но однако есть и другая, сокращенная форма, гдѣ ъ сливается съ окончаніемъ имени, напр. Родительный Множественнаго *отро́къ* и *отро́ковъ*; *конь* и *конёвъ*.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Словенскомъ языкѣ, въ Родительномъ Множественнаго, ъ, сливающійся съ окончаніемъ имени, совершенно какъ въ Русскомъ; окончаній Родительнаго Множ. полныхъ, которыхъ и не должно быть,—въ Ср. р. нѣтъ.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* имѣютъ въ Словенскомъ языкѣ, въ Родительномъ Множественнаго, ъ, сливающійся, съ окончаніемъ имени. Но рядомъ съ этою формою, совершенно согласною съ формою яз. Русскаго, встрѣчается во многихъ двусложныхъ словахъ странная *) форма Родительнаго Множественнаго *а*, сходная съ Именительнымъ падежемъ Ед., напр. *водъ* и *вода́*. Слово *гостя́* имѣетъ только эту форму Родительнаго Множественнаго: *гостя́*, *гостя́*. Вторая форма, *гостя́*, понятна, если предположимъ другую форму самого имени:—*гость* или даже *гостя* **). Имена Женскаго рода на ъ (*и*), въ Родительномъ Множественнаго, тоже имѣютъ ъ, или быть можетъ—ъ; это очевидно позднѣйшее, измѣненное окончаніе Род. Мн., противорѣчащее и Русскому, и Церковно-Славянскому языку. Впрочемъ, иныя (?) изъ этихъ именъ имѣютъ въ Родительномъ *и* (*і*), что̀ очевидно соотвѣтствуетъ окончанію

*) Это *а́* (въ основѣ долгое), при сходствѣ съ Сербскимъ, но не имѣя въ абецедѣ Словенской граматики прибавочнаго начертанія *х*, не могло навести К. С—ча и на сличеніе съ Мѣстнымъ, какъ это онъ сдѣлалъ при обозрѣніи языка Сербскаго выше, на стр. 395 (а здѣсь не припомнилъ),—ср. тамъ же и наше примѣчаніе;—что касается до *gospé*, то конечно онъ счелъ это *сокращеніемъ* изъ *gospé́* (какъ *слонéй*, *няней*, *нитей*).—*Б.*

**) Таково положеніе изучающаго книжно, благодаря *абецету* письма, которая путаетъ Славянъ.—*Б.*

Русскаго и Церковно-Славянскаго языка *іи*. Это Словенское окончаніе *и* (*і*) вѣроятно является въ сокращенномъ видѣ, такъ что *й* было или отброшено, или поглощено предыдущимъ *и* *).—Въ именахъ суффикснаго склоненія Женскаго рода съ *р*, видимъ въ словѣ *ма́ти—ма́терь*, что встрѣчается и въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, такъ что мы, въ столь древнемъ словѣ, готовы предположить другую форму Именительнаго на *а*. Въ словѣ же *хчи* видимъ въ Родительномъ Множественнаго *хчє́рн*, по Слав. Русски *дщерій, дщерей*.—Падежъ Винительный во Множественномъ числѣ является, какъ мы это видѣли, весьма слабымъ оттѣнкомъ, только въ именахъ Мужескаго рода. Въ языкахъ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ этотъ оттѣнокъ состоитъ въ грубости окончанія Именительнаго Множественнаго *и*. Въ Словенскомъ языкѣ также есть оттѣнокъ, но онъ состоитъ напротивъ въ облегченіи этого *и*—именно *е*: напр. *ра́ке*. Такая форма кажется намъ позднѣйшею **). Впрочемъ случается и Винительный Множественнаго на *и* (*і*): но въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Именительный Множественнаго имѣетъ особое окончаніе, а не простое *и*; слѣдовательно Винительный Мн. отъ Именительнаго Мн. отличается напр. такъ: Имен. Мн. *тать́е, тато́ви*, Вин. Мн. *тати́, тато́зе*; И. М. *можье́, можє́ви*, Вин. Мн. *мо́жсе́* и *можє́ве*; И. М. *градье́, градо́зи*, Вин. Мн. *гради́, градо́ве*; И. М. *дне́ви, дно́зи*, В. М. *дни, дне́ве, дно́зе*. Но Им. Мн. *Людье́* и *Люди*, Вин. Мн. *Люди*. Имя *отрокъ* въ Им. Мн. *отро́ци*, Вин.Мн. *отро́ке*.—Имена Женскаго рода имѣютъ Винительный Множественнаго, одинаковый съ Именительнымъ Множественнаго, какъ и въ Русскомъ. Имена Средняго рода, само собою разумѣется,—тоже.—Дательный падежъ Множественнаго числа, въ Словенскомъ языкѣ, въ именахъ Мужескаго рода, имѣетъ *о-мъ*, какъ иногда въ Русскомъ и какъ въ Церковно-Славянскомъ. Впрочемъ и здѣсь является, хотя мало-

---

*) Оправданіемъ для К. С. Аксакова при подобныхъ недоразумѣніяхъ конечно служитъ то, что Словенцы доселѣ не выяснили вопроса о *долготѣ* и *краткости* въ ихнемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ на столько, сколько это извѣстно теперь о яз. Сербскомъ. Ихъ *ударенія*, какъ дѣло совершенно розное и неправильно смѣшанное съ *количествомъ*, только путаютъ изучающихъ; а изложеніе этого дѣла у Миклошича представляетъ верхъ безсмыслицы, хотя мы и въ правѣ были бы отъ знаменитаго Слависта ожидать чего нибудь получше въ вопросѣ его *природнаго* нарѣчія.—*Б.*

**) Ср. выше о соотвѣтствіи этого *е* долгому звуку *и* и 2-му носовому.—*Б.*

употребительное, позднѣйшее Женское окончаніе *а-мъ*. Окончаніе *о-мъ* является и въ смягченномъ видѣ *е-мъ*: тогда, разумѣется, если выступаетъ смягченное окончаніе самого имени въ Именительномъ падежѣ, именно ъ или *й*. Въ иныхъ именахъ, имѣющихъ полусуффиксную форму и ея склоненіе, эта разница окончаній выступаетъ ощутительнѣе, напр. *татéмъ*, *татóвомъ*, *можéмъ* и *можéвомъ*, *зобéмъ* и *зобóвомъ*. Здѣсь въ этихъ именахъ мы должны предположить форму на ъ, или по крайней мѣрѣ возможность смягченнаго ъ. Слово *люди* имѣетъ также *людéмъ*. — Особенно видна эта разница окончаній въ словѣ *данъ*, *денъ*, именно: *днóмъ* отъ *дáнъ*, *днéмъ* отъ *дéнъ (ъ)* и *днéвомъ* отъ *дневъ*. Вообще надо замѣтить, что здѣсь въ именахъ полусуффиксныхъ склоненій *обнаруживается* форма именъ въ Именительномъ падежѣ на *овъ*, а не на *овъ*; по крайней мѣрѣ послѣдняя форма рѣдка.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* въ Словенскомъ языкѣ, какъ и Русскомъ, въ Дательномъ Множественнаго присоединяютъ къ своему окончанію *мъ*. Слово *гостá* имѣетъ въ Дательномъ Множественнаго *гостéмъ*, что опять заставляетъ насъ предполагать форму имени или съ ъ (*и*), или по крайней мѣрѣ съ *я*.—Имена Женскаго рода на ъ (*и*) присоединяютъ къ своему окончанію то же *мъ*, напр. *нáти-мъ*. Но это окончаніе въ иныхъ словахъ облегчается, какъ въ Церковно-Славянскомъ и въ Русскомъ, и становится *е*, напр. *клопéмъ*.—Имена *мáти* и *хчи* имѣютъ, кромѣ настоящихъ окончаній *мáтери-мъ*—*хчéри-мъ*, и *мáтерамъ*, *хчéрамъ*, образовавшіяся или отъ особой формы имени на *а*, или перешедшія какъ позднѣйшія къ именамъ Ж. рода на ъ (*и*). — Въ языкѣ Русскомъ окончаніе въ Дат. Мн. на *амъ* и *ямъ* сдѣлалось исключительнымъ окончаніемъ для всѣхъ именъ въ Дательномъ Множественнаго. Въ Словенскомъ же языкѣ, удержавшемъ настоящія древнѣйшія окончанія, видимъ, что въ *иныхъ* словахъ многосложныхъ окончаніе Женское *амъ* замѣняетъ собою древнее настоящее окончаніе, напр. *кокошамъ*.—Имена Средняго рода въ Словенскомъ языкѣ въ Винительномъ Множественнаго имѣютъ, какъ теперь въ Русскомъ, окончаніе *а-мъ*, очевидно замѣнившее собою древнее настоящее окончаніе *о-мъ*, смягченно *смъ*: напр. *нíцамъ*. Слово *око* имѣетъ также въ Дательномъ Множественнаго *очéмъ* и *очéсамъ*.—Падежъ Творительный въ именахъ Мужескаго рода въ Словенскомъ языкѣ имѣетъ всѣ окончанія древнія, именно *ы*, которое является въ Словенскомъ языкѣ какъ *и* (*і*) за неимѣніемъ

конечно авука *ы* *), напр. *ра́ки*; также *ми*, придающееся къ окончанію имени; наконецъ *о-ми, еми*, гдѣ окончаніе имени ъ или ь, *й*. Кромѣ сихъ настоящихъ древнихъ окончаній встрѣчается однако и позднѣйшее Женское окончаніе на *амь*. Слово *день*, имѣя форму *данъ*, получаетъ въ Тв—омъ Мн. форму *дно́ми*; отъ *день*—*дне́ми*; кромѣ того есть и полусуффиксная форма *дне́ви*, очевидно отъ *днева, дневь*.—Слово *отрокъ* въ Тв—омъ Мн. имѣетъ форму *отро́ки* и рядомъ съ нею *отро́ци*, очевидно попавшую въ позднѣйшее время изъ Именительнаго Мн. и показывающую, что различіе формъ склоненія уже забывалось.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* въ Словенскомъ языкѣ присоединяютъ къ своему окончанію, въ Творительномъ Мн., *ми*. Но слово *госпа́* имѣетъ въ Творительномъ Мн. *госпе́ми*, вѣроятно вслѣдствіе причины, уже объясненной нами выше.—Имена Женскаго рода на ь (*и*) присоединяютъ въ Творительномъ Мн. то же *ми*, при чемъ *и* или является въ полномъ своемъ видѣ, или въ сокращенномъ, какъ ъ: напр. *нитими, нит*(-ь-)*ми*. Въ Русскомъ и въ Церковно-Славянскомъ помянутое *и* является сокращеннымъ. Но кромѣ того есть и другая, малоупотребительная форма на *и*, напр. *ни́ти*, форма, думаемъ мы, позднѣйшая, ибо, вѣроятно, ее нельзя считать первоначальною.—Слова *ма́ти* и *хчи* имѣютъ, если отъ особой формы на *а*, то позднѣйшее, вѣроятно, окончаніе — *ма́терами, хче́рами*; однако же встрѣчается и настоящее окончаніе *хче́рми*. — Въ Творительномъ Мн., въ Русскомъ языкѣ окончаніе Женское *а-ми* сдѣлалось общимъ окончаніемъ для всѣхъ именъ. И въ Словенскомъ языкѣ видимъ, что окончаніе Женское *ами*, въ Творительномъ Мн., преимущественно употребляется въ *иныхъ* именахъ, многосложныхъ, на ъ (*и*), напр. *кокоша́ми*.—Имена Средняго рода, въ Словенскомъ языкѣ, въ Творительномъ Мн., оканчиваются на *и*: здѣсь наше *ы*, какъ въ Русскомъ и въ Церковно-Славянскомъ, напр. *ле́ци*; но въ то же время встрѣчается и Женская форма Творительнаго Мн., мало употребительная, на *ами*, напр. *ле́цами*. Эта форма сдѣлалась общеупотребительною въ Творительномъ Мн. именъ Средняго рода, въ Русскомъ языкѣ. Слово *око*, въ Словенскомъ языкѣ, имѣетъ, въ Творительномъ Мн., *очми*, какъ и въ Русскомъ; суффикс-

*) Но развѣ долгое *ы* одно и то же съ огрубѣлымъ звукомъ, смягчаемымъ въ видѣ *и*? Ср. выше.—*Б.*

ная же форма того же слова имѣетъ въ Творительномъ Мн. Женское окончаніе *а-ми*: *очéсами*.—Мѣстный падежъ Множественнаго числа, къ Словенскомъ языкѣ, въ именахъ Мужескаго рода, оканчивается на *ихъ* и *ехъ*, напр. *татóвихъ*, *татéхъ*,—что соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому, но разнится отъ прежняго Русскаго *охъ* и *ехъ* (едва ли, то есть, здѣсь Словенское *ехъ* соотвѣтствуетъ нашему *е-хъ*, гдѣ является *ъ* какъ *е*; отсутствіе *охъ* заставляетъ насъ такъ думать). Здѣсь замѣчательно, что, кажется, тѣ имена, которыя оканчиваются на *ъ*,—имѣютъ въ Мѣстномъ *ихъ*, а тѣ, которыя оканчиваются на *ъ*, или такое окончаніе предполагается, на *ехъ*. Не соотвѣтствуетъ ли это *ихъ*—окончанію *ыхъ* въ такомъ случаѣ? Но, можетъ быть, что это окончаніе измѣняется лишь въ выговорѣ и отъ особенныхъ фонетическихъ причинъ *). Какъ бы то ни было, имена Мужескаго рода, въ Словенскомъ языкѣ, имѣютъ въ Мѣстномъ Мн. *ихъ*, *ехъ*; имена полусуффиксной формы и таковаго же склоненія имѣютъ обыкновенно *ихъ*, напр. *можéхъ* и *можéвихъ*, *татéхъ* и *татóвихъ*. Слово *день* имѣетъ въ Мѣстномъ Мн. *днéхъ* и *днéвихъ*, *днóвихъ*. Слово *отрокъ* имѣетъ въ Мѣстномъ Мн. *отрóкихъ* и *отрóшихъ*; эта вторая форма здѣсь странна, конечно позднѣйшая и показываетъ, что забывалось различіе формъ склоненія.—Имена Женскаго рода, въ Словенскомъ явыкѣ, на *а* и *я*, присоединяютъ въ Мѣстномъ Мн. къ своему окончанію *хъ*, также какъ и въ Русскомъ языкѣ. Однако и здѣсь встрѣчается рядомъ съ этою формою форма на *ехъ*. Слово *гостá* имѣетъ, въ Мѣстномъ Мн., *гостéхъ*, вѣроятно на основаніи вышеизложенныхъ причинъ.—Имена Женскаго рода на *ь* (*и*. присоединяютъ къ своему окончанію *хъ*, также, какъ и въ Русскомъ прежде, и въ Церковно-Славянскомъ; но есть еще форма, Мѣстнаго Мн., въ которой *и* облегчено въ *е*, напр. *клопéхъ*.—Имена Женскаго рода суффикснаго склоненія — *мати*, *хчи*, имѣютъ окончаніе въ Мѣстномъ Мн. *мáтерахъ*, *хчéрахъ*, или произведенное отъ другой формы суффиксной того же имени на *а*, или, вѣроятно, Женское окончаніе *ахъ*, перешедшее позднѣе къ именамъ Женскимъ на *ь* (*и*). Однако употребляются также и настоящія формы *мáтерихъ*, *хчéрихъ* **).—Имена Средняго рода въ Словенскомъ языкѣ имѣютъ, какъ и имена Мужескаго рода, *ихъ*,—

*) Не забыто ли частое Ц. Славянское *ихъ*?—*Б.*

**) *Замѣняются*—въ Штыріи—формою на *ima*, какъ въ Сербскомъ.—*Б.*

напр. *лицихъ;* но однако встрѣчается и позднѣйшая, мало употребительная, женская форма на *ахъ*, напр. *лицахъ*. — Имя *око* имѣетъ въ Творительномъ Мн. окончаніе *ехъ—очéхъ*, суффиксная же — *очéсихъ*. — Мы видимъ, что Словенскій языкъ много удержалъ въ себѣ древнихъ формъ и разнообразіе склоненія, много и утратилъ древнихъ формъ. Онъ ближе къ Церковно-Славянскому, какъ нарѣчіе къ нарѣчію: это, думаемъ, видно изъ сравненія склоненій и на это мы, сверхъ того, указали. Вѣроятно сходство это было прежде еще сильнѣе. — Какъ особенность, и весьма важную, Словенскаго языка, можемъ указать, что полусуффиксныя формы съ *в* проходятъ въ немъ часто чрезъ все склоненіе, чередуясь даже въ двухъ видахъ и вполнѣ подтверждая наше мнѣніе, что это особыя полусуффиксныя формы, со своимъ полусуффикснымъ склоненіемъ, а не особенности и принадлежности того или другаго падежа.—Замѣчательно также,— и это уже показываетъ позднѣйшее состояніе языка,— что падежи Творительный и Мѣстный не употребляются безъ помощи предлога *).

Переходимъ къ склоненію языка Лужицкаго или Вендскаго.

Родительный падежъ Единственнаго числа въ именахъ Мужескаго рода имѣетъ окончаніемъ *а, я*, совершенно такъ же, какъ и въ Русскомъ, съ небольшимъ оттѣнкомъ въ употребленіи смягченія, въ иныхъ словахъ напр. *кнеза*, но было прежде *кнезя* (?). Кромѣ окончанія *а*, Родительный падежъ именъ Мужескаго рода имѣетъ окончаніе *у*, которое часто употребляется рядомъ съ *а*: основаніе сего употребленія совершенно то же, какъ и въ Русскомъ; и въ томъ и другомъ языкѣ оно удерживаетъ одинаковый оттѣнокъ. Употребленіе утвердило *у* въ Родительномъ падежѣ за иными словами въ Лужицкомъ и въ Русскомъ языкѣ. Это *у* встрѣчается только въ именахъ неодушевленныхъ, что̀ и понятно.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Родительномъ *а* и *я*, какъ и въ Русскомъ. Имена Средняго рода суффикснаго склоненія имѣютъ тоже окончаніе *а*, напр. *рамена, телета* (*рамена*; ćeleća—тю-

*) Очень жаль, что К. С—чь не имѣлъ для своихъ выводовъ подъ рукою ни замѣчательныхъ народныхъ памятниковъ этого языка, ни примѣровъ разнообразія въ его нарѣчіяхъ, ни позднѣйшихъ, нынѣ извѣстныхъ, изслѣдованій. Поправлять ими разные недосмотры или устарѣвшіе взгляды, истекавшіе изъ первобытныхъ граматикъ, мы уже не позволили себѣ.—*Б.*

летн), что̀ указываетъ прямо на среднюю суффиксную форму, напр. *рамено, телето,* и слѣдовательно есть Родительный падежъ этой средней формы. Имена Женскаго рода на *а* и грубый *ъ*, или *ь* перешедшій при произношеніи въ *ъ*, напр. *рыба, весъ* (быть можетъ, этотъ *ъ* образовался изъ *ы*, какъ *ъ* изъ *и*), имѣютъ въ Родительномъ *ы*: *рыбы, всы.* Этотъ Родительный въ первомъ случаѣ совершенно одинаковъ, въ послѣднемъ сходенъ съ Русскимъ. Если мы вспомнимъ, что произношеніе *ъ* и *ь*, въ особенности *ъ*, не такъ ясно въ Лужицкомъ языкѣ, а также и произношеніе *ы*, то различіе *ъ* и *ы* отъ Русскаго *ъ—ы* въ настоящемъ случаѣ не будетъ такъ важно.—Имена Женскаго рода, оканчивающіяся на *я* и *ь*, имѣютъ въ Родительномъ *е*, въ Русскомъ *и*, напр. *земе, кости* (*т* мягк.). Это *е* есть облегченное *и*; мы не думаемъ, чтобы въ первомъ случаѣ это *е* имѣло отношеніе къ Церковно-Славянскому *ѧ*, потому что въ Лужицкомъ языкѣ не замѣтно носоваго звука *), и потому, что *е*, Родительнаго падежа, въ именахъ Женскаго рода на *ь*, прямо относится къ *и* Русскаго и др. Слав. языковъ, безъ сомнѣнія изъ него же образовавшись. И такъ, падежъ Родительный совершенно одинаковъ въ Лужицкомъ языкѣ съ Родительнымъ падежемъ языка Русскаго, съ небольшими лишь оттѣнками.—Винительный въ Лужицкомъ языкѣ, во всѣхъ именахъ, совершенно одинаковъ съ Русскимъ.—Дательный падежъ, въ именахъ М. р., въ Лужицкомъ языкѣ, оканчивается частію на *у*, частію же, и, кажется наиболѣе, представляетъ замѣчательную форму окончанія—*ей*, напр. *дубей*, форму, соотвѣтствующую Русскому Дательному въ двухъ словахъ, именно *долой* и *домой;* эта форма *ой* образовалась изъ формы Дательнаго на *ови*, позднѣе *ов*, Лужицкая же форма Дательнаго *ей* образовалась изъ формы Дательнаго *еви, ев*. Обѣ формы, *ови* и *еви*, употребительны въ древнемъ, въ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ: въ языкѣ же Лужицкомъ возобладала форма на *еви*, и оттуда *ей*. Замѣчательно, что такимъ образомъ частная и при томъ полусуффиксная форма Дательнаго падежа, принадлежащая къ полусуффиксному склоненію, стала наиболѣе общею, употребительною формою; у насъ же

*) Если и нѣтъ носоваго въ *самомъ* Лужицкомъ, то все-таки это *е*, въ данномъ случаѣ, какъ и въ Сербскомъ-Словенскомъ, *отвѣчаетъ* носовому и долгому *и*; во 2-мъ же случаѣ, при Род—омъ *kosće*, Дат—омъ *kosći*—прямая аналогія съ Церковно-Славянскимъ *матере—ри, цркве—кви.*—*Б.*

кристаллизировалась она въ двухъ только словахъ, имѣя въ этомъ случаѣ видъ парѣчія. — Имена Средняго рода оканчиваются въ Дательномъ на *у* и *ю*, слѣдовательно совершенно одинаково, какъ въ Русскомъ языкѣ; впрочемъ въ именахъ Ср. р. на *о* встрѣчается несправедливое и поздно сюда пришедшее *ей*, напр. *словей—слову*.—Имена Ср. р. суффикснаго склоненія имѣютъ то же *у*, показывающее, что суффиксная форма употреблялась здѣсь въ Ср. р.,—*рамено*, *телето*; впрочемъ говорится и *телетей*, ćeleće[j] (мягкое *т*).—Имена Женскаго рода на *а* оканчиваются въ Дательномъ падежѣ, какъ и въ Русскомъ, на *ъ* *), съ небольшими только оттѣнками: такъ имена, оканчивающіяся на *ц*, *с* и *з*, измѣняютъ окончательное *ъ* въ *ы*, или лучше въ грубое *и*; извѣстно, что переходъ *ъ* въ *и*, въ окончаніяхъ падежей, весьма возможенъ. Этой же перемѣнѣ слѣдуютъ слова, оканчивающіяся на *г*, *к*, которыя измѣняются въ Дательномъ на *з*, *дз*, *ц*. Имена Женскаго рода на *я* и на *ь*, имѣющія въ Дательномъ *и*, также пріобрѣтаютъ въ Дательномъ *ы* (*у*), если окончаніе Именительнаго грубое, напр. *весъ*, *всы* (*весь*, *веси*). — Имена Мужескаго рода и Средняго рода, въ Лужицкомъ языкѣ, въ Творительномъ падежѣ, имѣютъ, какъ и въ Русскомъ, окончаніе *омъ*, съ тою особенностью, что это *омъ* употребляется исключительно а *емъ* не встрѣчается; но, такъ какъ это *емъ* есть не что иное, какъ смягченное *омъ*, и такъ какъ *емъ* произносится въ Русскомъ языкѣ иногда *ёмъ*, то между *омъ* и *емъ* разница смысла небольшая, дополняемая произношеніемъ **).—Имена Женскаго рода имѣютъ Творительный падежъ въ искаженномъ видѣ, именно въ сокращенномъ—на *у* вмѣсто *ою*, *ю* вм. *ію*, напр. *рыбу* вм. *рыбою*, *костю* вм. *костію*.—Имена Мужескаго рода въ Лужицкомъ языкѣ, въ Мѣстномъ падежѣ, имѣютъ, какъ и въ Русскомъ, *ѣ* ***) и *у*; быть можетъ, въ языкѣ Лужицкомъ это употребленіе утратило нѣсколько своей тонкости и свободы, опредѣлившись болѣе неподвижно при извѣстныхъ словахъ. Этой свободы и тонкости употребленія пробовали близорукіе грамматики лишить и Русскій языкъ, но онъ не легко поддается грамматической тираніи. Впрочемъ,

---

*) К. С—чь какъ будто забылъ, что *е* и даже *ё* (какъ пишутъ въ абецедѣ) вовсе не есть наше и Ц. Сл—е двогласное *ѣ*.—*Б.*

**) Другими словами—*kazańom*, *polom* выговариваются *казанёмъ*, *полёмъ*.—*Б.*

***) Ср. выше ограниченіе.—*Б.*

вѣроятно и въ Лужицкомъ языкѣ еще есть разумное основаніе употребленію этихъ окончаній въ именахъ Муж. рода, какъ въ Мѣстномъ *ю*, *у*, такъ и въ Родительномъ *а*, *у*. Но главное условіе употребленія, именно, что это *у*, рядомъ съ *а* и *ѣ*, употребляется лишь въ именахъ *неодушевленныхъ*, добыто въ Лужицкомъ языкѣ при Мѣстномъ падежѣ. Надобно прибавить, что въ именахъ Муж. рода, какъ скоро *и*, въ Мѣстномъ падежѣ, слѣдуетъ за звуками *г*, *х* *к*, то звуки эти обращаются въ *з*, *ш*, *ц*, при чемъ *ѣ* послѣ *з* и *ц* переходитъ въ *ы* (*у*) и *и*. Имена Средняго рода въ Лужицкомъ языкѣ имѣютъ въ Мѣстномъ, какъ и въ Русскомъ, *ѣ*, при чемъ происходятъ тѣ же перемѣны звуковъ, нами сейчасъ изложенныя, какъ и въ именахъ Мужескаго рода. Но въ именахъ Средняго рода, въ Лужицкомъ языкѣ, встрѣчается и окончаніе *у*, не умѣстное здѣсь и не встрѣчающееся при нихъ въ Русскомъ языкѣ *). Имена Средняго рода на *е* и *ё* имѣютъ, въ Мѣстномъ, кромѣ *у*, окончаніе *и*, весьма естественно образовавшееся изъ *ѣ*, и весьма справедливое **).—Имена Женскаго рода, въ Лужицкомъ языкѣ, оканчиваются, въ Мѣстномъ падежѣ, какъ и въ Русскомъ, на *ѣ*. Это *ѣ* переходитъ иногда въ *ы* (*у*, *и*), на томъ же основаніи, какъ и въ Дательномъ падежѣ.—Имена Женскаго рода на *я* и *ъ* (*и*) оканчиваются, въ Мѣстномъ, на *и*, какъ и въ Русскомъ; при этомъ надобно замѣтить, что имена Женскаго рода, оканчивающіяся на грубый *ъ*, имѣютъ, въ Мѣстномъ, грубое *й* (*ы*), напр. *весъ*, *всы*. Впрочемъ, въ языкѣ Лужицкомъ, едва ли *ы* существуютъ въ своемъ настоящемъ звукѣ.—Звательный падежъ именъ Мужескаго рода въ Лужицкомъ языкѣ имѣетъ *е* и *о*. Это *о*, кажется намъ, иногда соотвѣтствуетъ звуку *ё*, какъ смягченное *о*, напр. *мечо*; или даже соотвѣтствуетъ

---

*) По упомянутому закону, здѣсь переходъ *ѣ* (*е*, *ё*) въ *у* и *и* (*ы* и *у*) при шипящихъ и свистящихъ законенъ: но не хуже и *вѣку* (отъ *вѣко*), и *полю*, и *казаню*, ибо напрасно и граматически-школярно было бы отрицать *у* и *ю* Мѣстнаго падежа въ Среднемъ родѣ и у насъ. *На стеклу*, *въ полю* народъ безпрестанно говоритъ и у насъ, а языкъ творчества, особенно въ былинахъ по Сѣверному нарѣчію (Онежскихъ, Олонецкихъ), представляетъ тому массу примѣровъ.—*Б.*

** Тѣмъ больше, что *и* здѣсь даже старше, чѣмъ *ѣ*, и повсемѣстно въ яз. Ц.-Слав., да и у насъ при *іе* (а Лужицкое *казанё* и есть наше *по-казаніе*).—*Б.*

въ другихъ Славянскихъ языкахъ звуку *у*, напр. *сынъ*. — Имена Женскаго рода Звательный утратили.

Двойственное число существуетъ въ Лужицкомъ языкѣ; но оно утратило въ немъ свой древній видъ. Имена Мужескаго рода имѣютъ въ Именительномъ Двойственнаго окончаніе *ай* вмѣсто *а*, напр. *дубай*, *мужай*. Можно, если угодно, предположить, что это *ай* образовалось, подобно Дательному *ой* и *ей*, изъ полусуффиксной формы *ова*; но это допустить трудно, ибо окончаніе Дательнаго есть *ови*, гдѣ *и* легко бы перешло въ *й* при выброшенномъ *в*; для *а* такой переходъ труденъ или совсѣмъ невозможенъ. И такъ это *ай* образовалось иначе и вѣроятно просто изъ окончанія *а*; какъ кажется, это *ай* образовалось позднѣе изъ первоначальнаго Славянскаго *а*, какъ Санскритское *аи* изъ первоначальнаго Ведическаго *а* *).—Падежъ Винительный уже утратилъ въ именахъ Муж. р. въ Лужицкомъ языкѣ свое первоначальное единство съ Именительнымъ и употребляется, на основаніи употребленія Винительнаго въ другихъ числахъ, — въ именахъ неодушевленныхъ—съ формою Именительнаго Двойственнаго, въ именахъ одушевленныхъ съ формою Родительнаго Множественнаго **).—Имена Средняго и Женскаго рода имѣютъ въ Именительномъ и Винительномъ Двойственнаго окончанія *ѣ* и *и*, какъ

---

*) Соображенія эти становятся излишни, если вспомнить, что К. С—чь слѣдовалъ, къ сожалѣнію, одному, сравнительно-старинному (хотя и хорошему) граматику *Іордану*, а Іорданъ одному *Верхне*-Лужицкому нарѣчію, много если соединяя его *во едино* съ *Нижне*-Лужицкимъ. Въ послѣднемъ же, и въ народномъ употребленіи, Им—ый Дв. *a—dwa synka, dwa noža, dwa młoźeńca*. Однако и форма Верхне-Лужицкая, *aj, ай*, стоитъ *между* Ц. Славянскимъ и нашимъ, будучи *древнѣе* нашего: *â* здѣсь *долгое*; въ Скр. *ây=ai*=Ц. Слав. *ѣ* (*дѣлѣ, добрѣ, тѣлесѣ*); у насъ только *напоминается* это (производнымъ) удареніемъ („два окна̀.“ Множ. „о́кна“). В. Лужицкое *aj*, отвѣчая этому *ai* и *ѣ*, отвѣчаетъ мѣстоименному или, что̀ то же, прилагательному *oj*, *ej* („dwa synka mójej ẃelikej“) и глагольному Двойственному *ój*, *aj*, *ej* (*smój*, *staj*, *stej*). Ср. выше наши примѣч. къ стран. 314 и дал. — Вообще лучшій изслѣдователь Лужицкихъ нарѣчій, Е. П. Новиковъ, съ которымъ также къ сожалѣнію не справился К. С—чь говоритъ объ ихъ Двойственномъ: „Это, можно сказать, единственный, въ высшей степени замѣчательный, признакъ стародавности и необыкновенной упругости Лужицкихъ нарѣчій (стр. 49: „О важн. особен. Луж. нарр.“ 1849, М.).“—*Б.*

**) Опять въ Н. Луж., и народномъ, *a*, *ja* (неодушевл.), *jowu* (одуш., сходно съ Родит.; суффиксное: *konjowu*).—*Б.*

въ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ, но также и *ы* (*y*, *и*) вмѣсто *ъ*, съ перемѣною звуковъ, на томъ же основаніи, какъ въ Мѣстномъ падежѣ. — Звукъ *ы* является также въ Именительномъ и Винительномъ именъ Ж. р. какъ огрубѣніе *и*, въ именахъ Ж. р., оканчивающихся на грубый *ъ*, напр. *wsy*.—Имена Женскаго рода на *a* Мужескаго значенія увлекаются своимъ значеніемъ и образуютъ Им. и Вин. Двойственнаго по образцу именъ Муж. р., напр. отъ *ćesla* (тесла, тесачь—плотникъ) И. Зв. *ćeslej*, В. *ćeslow*. Впрочемъ форма на *ей* не совсѣмъ Мужеская, слѣдовало бы на *ай*. — Родительный Двойственнаго замѣнился, въ Лужицкомъ языкѣ, Родительнымъ Множественнаго, а Мѣстный принялъ форму Творительнаго и Дательнаго Двойственнаго. — Творительный и Дательный Двойственнаго измѣнилъ свое окончаніе, прибавивъ къ нему *й*, какъ въ Имен. и Вин. Это *й* уже никакъ не можетъ возникнуть здѣсь изъ *в* и съ своей стороны подтверждаетъ, что и въ Именительномъ и Винительномъ Двойственнаго оно возникло не изъ *в*, а просто прибавка. Творительный и Дательный Двойственнаго въ Лужицкомъ языкѣ имѣетъ только одну форму, именно форму именъ Мужескаго и Средняго рода, которая употребляется и для именъ Женскаго рода, *дубомай*, *словомай*, *рыбомай*, *костёмай* (*kosćomaj*). Слѣдовательно форма на *има* и Женская форма на *ама* — утрачены.

Во Множественномъ числѣ Именительный падежъ въ именахъ Мужескаго рода представляетъ то же разнообразіе, какъ въ Русскомъ и въ Церковно-Славянскомъ языкахъ; т. е. Именительный Множественнаго оканчивается на *и* и *ы*, потомъ на *ое*, на *ове*, на *ё*. Есть сверхъ того окончаніе на *о*, соотвѣтствующее *ё*. Имена на *ь* измѣняютъ, въ Именительномъ Множественнаго, окончательную гласную *и* въ *е*; но они имѣютъ и другія окончанія Им. Ми. Это многообразіе окончаній въ Именительномъ Множественнаго есть принадлежность, возникающая на разумномъ основаніи именъ Мужескаго рода. *Іорданъ* *), желая подвести подъ пра-

---

*) *I. P. Iordan*, хорошій, но сравнительно давній, извѣстный граматикъ и издатель. Въ своей „Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache," 1841, Prag, онъ ограничился (изъ *двухъ* главныхъ нарѣчій Лужицкихъ) однимъ *Верхне*-Лужицкимъ, какъ *болѣе развитымъ* и письменнымъ (старая точка зрѣнія), притянулъ сюда всѣ въ единство *господствующее*, едва *коснулся* „подрѣчій" самого *В.* Лужицкаго нарѣчія и слѣдовалъ (устарѣвшей) системѣ Добровскаго. Какъ въ яз. Словенскомъ, при своихъ руководствахъ, К. С—чь не

вило это разнообразіе, говоритъ, что всѣ эти окончанія Именительнаго Множественнаго, кромѣ *и* и *ы*, принадлежатъ именамъ одушевленнымъ; окончанія же *и* и *ы*, кромѣ *цы* (гдѣ перемѣняется передъ *и* звукъ *к* и *е* въ им. на ъ), относитъ Іорданъ къ именамъ неразумнымъ. Но языкъ противорѣчитъ такой системѣ, и грамматику приходится дѣлать исключенія. Мы же находимъ здѣсь точно то же основаніе употребленію всѣхъ этихъ различныхъ окончаній Именительнаго Множественнаго, какое и въ Русскомъ языкѣ. Окончанія эти отчасти измѣнились въ своемъ видѣ, отчасти можетъ быть утратили свое значеніе, отчасти удержались можетъ быть въ нѣкоторыхъ словахъ и сгруппировались именно потому, что первоначальный смыслъ ихъ уже не такъ ясенъ, въ извѣстныхъ разрядахъ словъ, на чемъ и основалъ Іорданъ свое раздѣленіе; тогда какъ поводъ къ этому раздѣленію подало ослабленіе первоначальнаго смысла и первоначальной свободы употребленія. — Окончаніе въ Лужицкомъ языкѣ Именительнаго Множественнаго *оё*, напр. *tkalcoё*, соотвѣтствуетъ нашему *іе—ткачіе, ткачье* *). Окончаніе *ё* быть можетъ образовалось изъ *іс* и соотвѣтствуетъ нашему *е*, напр. Луж. *stworitерё (stworićeŕo)*— Русск. *бояре* **); или быть можетъ образовалось изъ *я*, какъ и наше *е* изъ *я*, напр. Луж. *буря* и *бурё (Bauer)*, а у насъ можетъ быть *бояря*, оттуда *бояре*. Впрочемъ, надобно скорѣе думать, что въ Лужицкомъ *ё* самостоятельно и одинаково съ окончаніемъ *оё*, ибо есть окончаніе *о*, съ которымъ соотвѣтственно *е*, — въ Именительномъ Множественнаго, напр. *голянъ*, Имен-Мн. *голенё, holeńo*.—Въ Лужицкомъ языкѣ, въ Именительномъ Множественнаго, есть передъ *и* измѣненіе звуковъ *к*, *х*, *г*, что̀ указываетъ на сродство съ языкомъ Церковно-Славянскимъ; но это измѣненіе не вездѣ встрѣчается. Всего же страннѣе, что Іор-

---

имѣлъ возможности обнять всего народнаго *разнообразія*, такъ при Лужицкомъ, благодаря Іордану, сдѣлался невольною жертвою книжной и школярной *исключительности*, которую потому мы считаемъ излишнимъ повсюду оговаривать, а тѣмъ менѣе исправлять.—*Б.*

*) Не совсѣмъ такъ: = *tkalcowe*, какъ и встрѣчается, или *Serbojo—Serbowe;* Сербск. *ткалац*, ср. *непмалац* и т. п., т. е. причастная ф. съ *л*, равная нашей на *швецъ, вецъ*, откуда Мн. на *и* и *ове;* такъ фамилія *Швецовъ* указываетъ на Имен—ный Мн. *швецы, швецове.—Б.*

**) Опять — это = *я, учителя* (все это окончанія *собирательныя*, о коихъ не разъ говорено нами выше).—*Б.*

данъ, это измѣненіе, опредѣляя его окончаніемъ *цы*, приписываетъ именамъ предметовъ одушевленныхъ, въ чемъ ему противорѣчитъ Лужицкій языкъ. Употребленіе, впрочемъ, могло преимущественно удержаться при именахъ одушевленныхъ и ввести такимъ образомъ въ заблужденіе грамматика. Однако рядомъ съ этимъ измѣненіемъ звуковъ передъ *и*, случающимся почти исключительно со звукомъ *к*, находится и неизмѣненное окончаніе, напр. *рѣзникове, рѣзникоё, рѣзницы* и *рѣзники*. Іорданъ же говоритъ, что передъ *и* эти звуки не измѣняются, думая что *цы* есть особое окончаніе; но онъ не видитъ, что *цы* есть измѣненное *к* передъ *и*, при чемъ *и* переходитъ здѣсь въ *ы* *). Кромѣ того, грамматику противорѣчитъ и языкъ Лужицкій, ибо *падухъ* имѣетъ въ Именительномъ Множественнаго *падуши*. — Кромѣ измѣненій этихъ звуковъ есть, въ Лужицкомъ языкѣ, измѣненіе *т* въ мягкое (*ć*) и *д* въ *дж*, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ словахъ и здѣсь, въ Именительномъ Множественнаго.—Употребленіе въ Именительномъ Множественнаго *ы* совершенно то же въ Лужицкомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, и въ этомъ случаѣ языкъ Лужицкій различается отъ языка Церковно-Славянскаго, напр. *волы, зубы, послы* и пр.—Имена Средняго рода имѣютъ, какъ во всѣхъ языкахъ, въ Именительномъ Множественнаго *а* и *я*.—Употребленіе же въ Именительномъ Множественномъ *вочи, вуши*, какъ и въ Русскомъ *очи, уши*, очевидно перешло изъ Двойственнаго числа. — Замѣчательно, что слово *дитя* и *свинья* имѣютъ въ Лужицкомъ языкѣ формы *джьтё (dźĕćo, дьтьё), свинё (свиньё)*. Соображая эти формы и употребленіе во Множественномъ *джьти* и *свине*, замѣчая также, что *дитя* во всѣхъ языкахъ почти имѣетъ одинаковый Именительный Множественный на *и*, слѣдовательно Именительный Множественнаго не Средняго рода, мы приходимъ къ заключенію, что слово *дитя*, и, какъ видно изъ языка Лужицкаго, слово *свинья*, суть собирательныя формы Именительнаго Множественнаго, перешедшія въ новыя, Множественныя, имена, подобно напр. слову *братья* **). Окончаніе *я* легко переходитъ въ *е* (*о*); потому *дитя* и *свинья* приняли здѣсь въ

*) Здѣсь недоразумѣніе. Іорданъ, при Им—омъ Ед. *rĕznik* (мясникъ), приводя фф. Мн. на *ове, оё* и *цы*, *сравнительно* съ ними считаетъ нераціональною форму *безъ измѣненія*, на *ki*,—*rĕzniki*.—И только (стр. 117).—*Б.*

**) Ср. Сербск. *собирательное* (Множ.) *деца* и П. Болгарск. *дѣца*. — *Б.*

Лужицкомъ языкѣ форму на *ё* и *е*. Очень естественно, что при такихъ переходахъ звукъ становится не вѣренъ и колеблется, особенно если припомнимъ, что собирательный Именительный Множественнаго оканчивается и на *е*, дѣлаясь при этомъ окончаніи новымъ именемъ, напр. *уголье*. Такимъ образомъ, можетъ быть, сложились и всѣ Среднія на *я*, въ которыхъ окончаніе колеблется между *я* и *е*, что̀ видимъ и въ носовомъ звукѣ этого окончанія при тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ есть носовой звукъ. — Но слово *дитя*, хотя тоже имѣетъ нѣкоторую шаткость, во всѣхъ язз. Славянскихъ, во Множественномъ, склоняется какъ имя Женскаго рода: въ языкѣ же Лужицкомъ склоняется какъ имя Средняго рода *). Слово *свинья*, имѣющее въ Лужицкомъ языкѣ форму *свинё*, аналогіею своею весьма подтверждаетъ нашу мысль. Но слово *свинья*, какъ *братья*, получивъ опредѣленную Женскую форму, склоняется у насъ совершенно какъ имя Женскаго рода.— Основаніе Собирательнаго Именительнаго Множественнаго въ этихъ словахъ отыскать не трудно; въ словѣ *свинья* очевидна Мужеская форма *свинъ*, уцѣлѣвшая въ словѣ *свинопасъ*; отъ *свинъ* образовалось Множественное *свинья*, какъ отъ *братъ*—*братья*, перешедшее въ новое, Множественное, имя.—Заключаемъ, что и въ словѣ *дитя* очевидна Мужеская форма *дитъ* или *дить*, являющаяся въ словѣ *дѣтьва* (ср. собирательное *листва*); отъ *дитъ* или *дить* образовалось Множественное *дѣтя* (*дитя*), какъ отъ *путь* можетъ образоваться весьма употребительное *путя* (можно сказать: *какія все разныя путя*!); отсюда уже *дѣтя* перешло въ новое, Множественное, имя.—Эти новыя, Множественныя, имена иногда сохраняютъ, а иногда утрачиваютъ свое Собирательное значеніе. Вообще имена на *я* могутъ употребляться въ Среднемъ родѣ просто въ силу употребленія; скажемъ притомъ, что собирательный характеръ, хотя онъ утрачивается потомъ, имѣетъ соотвѣтствіе съ родомъ Среднимъ. Почему же эти имена Средняго рода имѣютъ уменьшительное значеніе,—объ этомъ мы здѣсь не говоримъ. Слово *дитя* по своему смыслу есть уже уменьшительное; отъ этого можетъ быть и имѣется при немъ Средній родъ

---

*) Русск. *дитяти*, *дитятею* и *дитятемъ*, Множ. *дитята*, *дитятъ*, уменьшительное *дитятко*,—всё это *Средняго рода* и на сей родъ указываетъ; форма же Мн. на *я* конечно переходитъ въ Женскую, возвращаясь къ Единственному (*братія*, *братья*).—*Б.*

и совпадающая съ нимъ уменьшительная форма.—Но однако надобно замѣтить, что въ этомъ случаѣ окончаніе Собирательнаго Именительнаго Множественнаго постоянно *я*, а не *а*.—Родительный падежъ оканчивается въ именахъ Мужескаго рода, въ Лужицкомъ языкѣ, на *овъ* и также на *и*; напр. *дубовъ*, *мечовъ*, *мечи*. Въ первомъ случаѣ *овъ* совершенно соотвѣтствуетъ Русскому *овъ*; во второмъ же случаѣ, *и* есть, безъ сомнѣнія, сокращеніе нашего *ій* (въ Русскомъ произношеніи *ей*), а не расширеніе окончанія ъ; въ противномъ случаѣ это бы мы встрѣтили въ именахъ Средняго рода на *е* или *ё*: но мы тамъ *и* не встрѣчаемъ, а встрѣчаемъ его въ именахъ Средняго рода, оканчивающихся на *ё* и *и́*, сокращенное изъ нашего *іе*, на примѣръ *казанё* или *казани́*,—*сказаніе*; въ этихъ именахъ *и*, въ Родительномъ Множественнаго, уже очевидно представляетъ сокращеніе нашего, соотвѣтствующаго ему, Русскаго окончанія въ Родительномъ Множественнаго этихъ именъ—*ій*, *казани́*—*сказаній*.—Окончаніе сжатое*) ъ и ъ, какъ напр. у насъ *пять пудъ*, *шесть человѣкъ*,—встрѣчается въ именахъ Мужескаго рода и въ языкѣ Лужицкомъ; впрочемъ тамъ, какъ и у насъ, извѣстно, оно не часто попадается въ именахъ Мужескаго рода.—Окончаніе *овъ* и *и (ій)*, въ Родительномъ Множественнаго, въ именахъ Мужескаго рода, во всякомъ случаѣ вполнѣ законно.—Въ именахъ Средняго рода въ Родительномъ Множественнаго, въ Лужицкомъ языкѣ, встрѣчается преимущественно то же *овъ*; въ именахъ Ср. р. это окончаніе *овъ* въ Родительномъ есть уже искаженіе и позднѣйшее явленіе, противорѣчащее звуковой природѣ Среднихъ именъ; однако рядомъ съ *овъ* встрѣчается и настоящее окончаніе ъ, ъ, *и (ій)*, особенно въ словахъ на *іе*; на примѣръ: *слововъ* и *словъ*, *полёвъ* и *по́ль*, *казанёвъ* и *казани́*. Это окончаніе *овъ* въ именахъ Ср. р. искаженное и позднѣйшее: въ Русскомъ языкѣ оно очень слабо и почти не встрѣчается **).—

---

*) Правильнѣе *краткое*: ибо не оно *сжимается*, а на основѣ его *расширяется* и *распространяется* „Собирательная“ форма со зв. *в*.—*B*.

**) Мнѣніе это устраняется 1) тѣмъ, что нынѣшнія *флексіи* „*собирательнаго*“ смысла (иногда превращающіяся и въ *форму*, вростая въ нее *суффиксомъ*, какъ на оборотъ въ Латинскомъ *bus*—изъ Собирательной *формы* передѣланномъ во *флексію*) давно уже вросли въ имя Ср. р. *суффиксомъ*; напр. въ имени *сл-ов-о* конечно *ов* было сначала *флексіей*, потомъ обратилось въ *суффиксъ* и вросло въ самое имя (корень сего имени, еще безъ Собирательнаго суффикса, цѣлъ въ *сл-а-ти*, *сол-ъ*, *по-сол-ъ*=переговорщикъ и факторъ,

Въ именахъ Женскаго рода, въ Лужицкомъ языкѣ, Родительный Множественнаго оканчивается тоже на *овъ*; искаженіе и несообразность этого позднѣйшаго окончанія здѣсь еще очевиднѣе *); но многія имена однако имѣютъ въ Родительномъ настоящее окончаніе ъ или *и (ій)*, напр. *горовъ* и *горъ*, *костёвъ* и *кости (костій; т* самое мягкое*)*. Имена Женскаго рода, оканчивающіяся на *я*, имѣютъ въ Родительномъ *и*, напр. *земя, земи* **); здѣсь это *и* есть или распространеніе ъ или сокращеніе *ій*; въ послѣднемъ случаѣ это *и* есть окончаніе искаженное, ибо превращеніе *я* Именительнаго въ *ій* Родительнаго Множеств. противорѣчитъ звуковой природѣ.— Мы принимаемъ скорѣе первое предположеніе. — Винительный Множественнаго въ именахъ Мужескаго рода имѣетъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ и имѣлъ вѣроятно въ Русскомъ тонкій только оттѣнокъ отъ Именительнаго Множественнаго; этотъ оттѣнокъ исчезъ въ языкѣ Русскомъ и Винительный Множественнаго образуется у насъ также, какъ Винительный Единственнаго, то въ видѣ Именительнаго, то въ видѣ Родительнаго. Въ языкѣ Лужицкомъ, Винительный Множественнаго, также какъ теперь въ Русскомъ, совершенно тождественъ съ Именительнымъ Множественнаго и также въ извѣстномъ случаѣ становится Родительнымъ. Разницу Винительнаго Мн. отъ Именительнаго Мн. составляетъ то, что въ Винительномъ Мн. не употребляются, кажется, нѣкоторыя особенныя формы Именительнаго Мн., именно *ове, оё, ё* и, можетъ быть, *а*; та же разница возникаетъ, когда въ Именительномъ Мн. употребляется древняя форма, неупотребительная конечно въ Винительномъ Мн., напр. *грешницы, падуши (падуси, падухъ)*.— Форма Именительнаго Множественнаго *е*, въ Лужицкомъ языкѣ удерживающаяся и въ тождественномъ Винительномъ Множественнаго, напр. *мече*, есть ничто иное, какъ облегченное *и*.—Кромѣ этой формы *а, е, и* — въ Именительномъ и Винительномъ Множественнаго, въ Лужицкомъ языкѣ есть другая форма *ы*, какъ и въ Русскомъ.—Въ именахъ Женскаго

ибо слово служило *посредникомъ* и было, какъ извѣстно, однозначуще въ старину съ *дѣломъ*, ср. Сербск. *по-сао*); 2) тѣмъ, что доселѣ совершенно законно *дъ-л-ов-ъ* и т. п., ср. выше.— *Б.*

*) Ср. опять *сл-ав-а, тр-ав-а, гл-ав-а—гол ов-а* и т. д., одной судьбы со *словомъ*, и господствующее *нынѣ* у Русскихъ—не книжныхъ—*линіевъ, комнатовъ, мѝтерявъ, дóчерявъ* и т. д., какъ *желаньевъ, писаньевъ* и т. п.—*Б.*

**) Но и *земёвъ*, и т. п.—*Б.*

рода Винительный Множественнаго тождественъ съ Именительнымъ Множественнаго, какъ и въ Русскомъ.—Въ именахъ Средняго рода, какъ извѣстно, это тождество необходимо, во всѣхъ языкахъ.—Въ Дательномъ Множественнаго, въ Лужицкомъ языкѣ преодолѣла, какъ и въ Русскомъ языкѣ, Женская форма для всѣхъ именъ. Однако въ нѣкоторыхъ именахъ удержалась первоначальная форма на *омъ, емъ,* напр. *люджом, гостёмъ* (*т* мягк.), и даже *кнежимъ* (*н* или *е* мягкое): эта форма на *имъ* кажется намъ просто измѣненіемъ формы на *емъ*; она могла впрочемъ возникнуть въ Дат. Мн. изъ *о-мъ*; едва ли можно объяснить это окончаніе тѣмъ, что здѣсь слово *кнезъ (князъ)* слѣдуетъ смѣшанному склоненію какъ слово *путь*, которое имѣетъ собственно *путьмъ*, образуетъ тоже *путемъ*, но имѣетъ возможность и для формы *путимъ*, возникающей тогда своимъ особеннымъ уже образомъ. — Это окончаніе встрѣчается также въ словѣ *джетё,—ёмь* (*дитя*; *т* мягк.); то же еще въ нѣкоторыхъ словахъ, которыя по этому относимъ мы къ именамъ Мужскаго рода, именно *куромъ, гусомъ, крувомъ* (могло быть Мужское *крувъ*, откуда *крува*, слич. *куръ, кура*). — Въ Творительномъ Множественнаго, въ Лужицкомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, также возобладала женская форма на *ами*, во всѣхъ именахъ, однако же менѣе чѣмъ въ Дательномъ Мн.—Въ именахъ Мужскаго рода на *ъ* или на мягкую согласную встрѣчается намъ окончаніе *еми* или *ими*, соотвѣтствующее и теперь у насъ употребительному *ъ-ми*, напр. *мужеми, конеми, кóнеми*. То же самое должны мы сказать и объ именахъ Средняго рода, напр. *полеми, казанеми* (*н* или *е* мягкіе). Имена Женскаго рода на *я* и на *ъ* имѣютъ тоже *еми*; въ первомъ случаѣ это переходъ *я* въ *е* или лучше *ѣ*, столь частый въ Лужицкомъ языкѣ *(князъ= кнѣзъ)*; во второмъ это облегченное *и*, которое у насъ удерживается въ формѣ *ъ*, напр. *земеми* или лучше *земѣми* (*ме* мягкое), *костéми=костѣми*.—Замѣчательно, что, употребительныя лишь во Множественномъ, *куры, гусы, крувы*, имѣютъ въ Творительномъ Множественнаго совершенно особенную форму *куры-ми, гусы-ми, крувы-ми;* но эта форма приближается очевидно скорѣе къ Мужеской, чѣмъ къ Женской; *ы* можетъ легко возникнуть изъ *ъ*, и форма *ыми* изъ первоначальной *ъ-ми—куръ-ми, гусъ-ми, крувъми*; но не легко образоваться *ы* изъ *а*, *ыми* изъ *ами*. — Слово *джéтё* имѣетъ въ Творительномъ Множественнаго *ими*, наше *дѣтьми*. — Въ Мѣстномъ Множественнаго, въ Лужицкомъ

языкѣ какъ и въ Русскомъ, возобладала тоже Женская форма на *ахъ* во всѣхъ именахъ. Однако въ нѣкоторыхъ именахъ Мужескаго рода, рядомъ съ формою на *ахъ*, употребляется настоящая форма на *охъ*, *ёхъ* и даже форма на *ихъ*, напр. *конёхъ* и *коних*ъ; *коних*ъ могло возникнуть изъ первоначальнаго *конъхъ*.—Въ именахъ Средняго рода встрѣчается только Женская форма. Въ именахъ Женскаго рода на ъ опять-таки встрѣчается форма на *ях*ъ, кромѣ слова *джёт*ё, которое во Множественномъ, очевидно образуясь отъ Женской безъ сомнѣнія формы на ъ, имѣетъ въ Мѣстномъ Множественнаго *ёхъ*. — Имена *куры*, *гусы*, *крувы* имѣютъ въ Мѣстномъ Множественнаго настоящую форму на *охъ*: *курох*ъ, *гусох*ъ, *крувох*ъ, чѣмъ, между прочимъ, доказывается Мужескій родъ этихъ именъ.—Форма Мѣстнаго Множественнаго на *охъ*, встрѣчаемая въ Лужицкомъ языкѣ, подтверждаетъ съ своей стороны Русскую форму на *охъ*, признанную нами.—Изъ сдѣланнаго нами сравненія очевидна кажется близость Лужицкаго языка съ Русскимъ; также и относительная его древность. При большемъ вниманіи, то и другое становится еще очевиднѣе. — Раскалотость звуковъ, *дж* на примѣръ, встрѣчаемая въ немъ, явленіе позднѣйшее, не имѣетъ въ немъ сильнаго значенія какъ въ другихъ языкахъ; она могла зайти въ него по сосѣдству изъ Польскаго языка.—Надобно, для точнѣйшаго опредѣленія звуковъ, забыть Латинскую ороографію и вникнуть въ выговоръ народа.

Переходимъ къ склоненію языка Чешскаго. — Въ Чешскомъ языкѣ Родительный падежъ Единственнаго чи́сла, въ именахъ Мужескаго рода на ъ, — оканчивается на *а* и *у*, какъ и въ Русскомъ; имена же Мужескаго рода на ъ и *й* имѣютъ въ Родительномъ Ед. *е*, очевидно образовавшееся изъ *я* или *а* послѣ мягкой согласной, напр. *мечь*, *мече (меча)*; впрочемъ въ иныхъ словахъ это *е* употребляется и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, напр. *камене* и пр.; возможно даже и въ Русскомъ, напр. въ *днесь;* тѣмъ не менѣе думаемъ, что это *е* возникло изъ *я*, другими словами есть облегченное *я*.—Имена Средняго рода на *о* имѣютъ въ Родительномъ Ед. *а*, какъ и въ Русскомъ; имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Родительномъ Ед. *и*, напр. *поли (поля)*,—окончаніе очевидно искаженное.—Имена Средняго рода суффикснаго склоненія имѣютъ въ Родительномъ Ед. *е*, напр. *бржемене*, *котете* (1-е *те* мягк.); между прочимъ слово *коте* (*е* мягк.), наше *котя*, ясно показываетъ, что *я* можетъ переходить въ *е*; хотя

впрочемъ здѣсь это *я* ближе къ *е*.—Имена Женскаго рода на *а* въ Родительномъ Ед. имѣютъ *ы*, какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода въ Род. Ед. имѣютъ *и*, какъ и въ Русскомъ; но нѣкоторыя изъ нихъ, кажется, не ошибемся, если скажемъ, суффиксныя по крайней мѣрѣ, большею частію имѣютъ *е*, напр. *лазень, лазне* (мягк.). Не надобно забывать, что къ этой категоріи принадлежатъ имена, оканчивающіяся на грубый *ъ*, напр. *крев, крве*. Имена Женскаго рода на *е*, наше *я*, имѣютъ въ Родительномъ Ед. тоже *е*, напр. *овце, овце*.—Слѣдовательно формы именъ Жен. рода на *я* въ Им. Чешскомъ языкѣ вовсе не существуетъ.—Есть еще особая форма именъ, именно на *ij* или *j* (долгое *i*), которая относится ко всѣмъ тремъ родамъ; но это сокращенная или, лучше сказать, недостаточная форма; окончаніе ея, разнообразившее и опредѣлявшее ее то тому, то другому роду, отпало, и, одна и та же форма, вслѣдствіе значенія словъ, вслѣдствіе воспоминанія изчезнувшаго окончательнаго звука, принадлежитъ всѣмъ тремъ родамъ, напр: *Иржи́, Юрій*, имя Мужескаго рода: *здравы́—здравіе*, имя Средняго рода; *Маржи́—Марія*; *лоди́, —ладія*, имя Женскаго рода *). Впрочемъ надобно прибавить, что имена Женскаго рода могутъ сами по себѣ оканчиваться на *и* и что иныя имена на *и, j* относятся къ этой категоріи, напр. *пани́, книни́* и пр.—Какъ бы то ни было, имена оканчивающіяся на *и, j*, къ какому бы роду ни принадлежали, имѣютъ одно общее склоненіе, при чемъ окончательный звукъ *и, је*, остается непремѣннымъ; въ именахъ Женскаго рода на *и*, такая неизмѣняемость вполнѣ справедлива и такое склоненіе соотвѣтствуетъ склоненію Женскихъ именъ на *ъ (и)*; въ именахъ же Мужескаго и Средняго рода такая неизмѣняемость происходитъ отъ того, что эти имена *лишены* собственнаго окончанія и потому стали неизмѣняемы. При разсмотрѣніи падежей надѣемся изложить это удовлетворительнѣе. Въ Родительномъ падежѣ имена на *и, j*, остаются неизмѣнными.—Винительный падежъ въ Чешскомъ языкѣ, въ именахъ Мужескаго рода, можно сказать, не существуетъ, какъ и въ Русскомъ, и вмѣсто него употребляется, также и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Русскомъ, какъ и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, то падежъ Именительный, то падежъ Родительный. Въ именахъ Средняго рода разумное тождество Именительнаго и Винительнаго есть общее всѣмъ языкамъ.—Имена Женскаго рода на

*) Первое изъ нихъ—по Прилагательному.—*Б.*

а имѣютъ въ Чешскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, Винительный Ед. на *у*. Имена Женскаго рода на *ъ* въ падежѣ Винительномъ Ед. не измѣняются. Имена Жен. р. на *е* имѣютъ въ Винительномъ совершенно особенное окончаніе, именно *и*, напр. *овце—овци*. Эта форма Винительнаго очень странна; можно бы предположить, что она происходитъ отъ другой формы имени на *ь* обыкновенный или грубый, какъ напр. *земь*; но Винительный въ такомъ случаѣ имѣетъ одно окончаніе съ Именительнымъ, напр. *земь*. Предположить, что *е*, въ Именительномъ именъ Женскаго рода, образовалось изъ *и*, а не изъ *я*, мы не имѣемъ никакого основанія и этому противорѣчитъ аналогія Славянскихъ языковъ. Итакъ, эта форма Винительнаго Ед. есть искаженная и позднѣйшая форма. — Имена оканчивающіяся на *и j* въ Винительномъ Ед. неизмѣнны.—Въ Дательномъ Единственнаго, въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода на *ъ* оканчиваются на *у*, какъ и въ Русскомъ; имена же Мужескаго рода на *ъ*, или *ъ* послѣ мягкой согласной или на *й*, въ Дательномъ Ед. оканчиваются на *и*, окончаніе искаженное, по которому имена эти становятся въ разрядъ именъ склоненія смѣшаннаго, напр. *мечь, мечи; злодѣй, злодѣи*. Кромѣ этого существуетъ въ Чешскомъ языкѣ Дательный на *ови* для именъ Мужескаго рода, предметовъ одушевленныхъ; этотъ Дательный на *ови* встрѣчается иногда въ именахъ и на *ъ*, на *ъ* послѣ мягкой согласной и на *й*.—Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Дательномъ Ед. *ě* (*ѣ*) какъ и въ Русскомъ. — Имена Женскаго рода ны *ъ* имѣютъ въ Дательномъ Един. *и*, какъ и въ Русскомъ. Имена Женскаго рода на *ꙗ* (наше древнее и отчасти нынѣшнее *я*) имѣютъ въ Дательномъ *и*, напр. *земи, овци*; эта форма Дательнаго возможна и въ нашемъ языкѣ.— Имена Средняго рода на *о* имѣютъ въ Дательномъ Ед. *у*, какъ и въ Русскомъ. Имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Дательномъ Ед. *и*, напр. *поли*, форма очевидно искаженная или перенесенная изъ Женскаго склоненія. Имена Средняго рода склоненія суффикснаго имѣютъ то же *и* въ Дательномъ Ед., напр.: *рáмени, котěти*; но здѣсь это *и*, встрѣчающееся и у насъ, объясняется вѣроятно точно также, см. выше. Имена на *и, j* остаются въ Дательномъ Ед. неизмѣнны.—Въ Творительномъ Единственнаго, въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужскаго и Средняго рода имѣютъ всѣ *емъ*, форма, находящаяся и въ Русскомъ; по другой формы на *омъ* въ Чешскомъ языкѣ не встрѣчается. Имена Женскаго

рода на *а* имѣютъ въ Творительномъ Ед. *ау* *), очевидно соотвѣтствующее нашему *ою*, напр. *рыбау, рыбою.* Имена Женскаго рода на *ъ* и на *е (наше ъ и я)* имѣютъ *j*, напр: *костй, земй, овцй,*— форма очевидно искаженная, или позднѣйшая, или, лучше, откинувшая свое окончаніе *ю*, которое могло, какъ это видимъ въ Русскомъ языкѣ, обратиться въ *ъ* и *й*, а въ Чешскомъ слилось, можетъ быть, съ предыдущею *и*; но въ *овци* и проч. здѣсь есть еще искаженіе, ибо первоначальная форма *овцою* или *овцею.* Имена на *и, j,* какъ скоро Мужескаго и Средняго рода, прибавляютъ въ Творительномъ Ед. окончаніе *мъ* къ своему неизмѣнному *й;* какъ же скоро Женскаго рода,—то *й, j* остается непремѣнно, не прибавляя, исчезнувшаго и въ другихъ именахъ Женскаго рода, окончанія Творительнаго Ед. *ю* —Въ Мѣстномъ Ед., въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода имѣютъ *ě (ѣ)* и также *у*, какъ и въ Русскомъ; есть кромѣ того полусуффиксная форма Мѣстнаго Ед. *ови,* отъ полусуффиксной формы имени *овь*; она доказываетъ съ своей стороны самостоятельность этой полусуффиксной формы; впрочемъ она могла возникнуть въ Мѣстномъ Ед. вслѣдствіе сходства Мѣстнаго Ед. съ Дательнымъ Ед.—Имена Мужескаго р. на *ь, й* имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. *и,* соотвѣтствующее нашему *ѣ.*—Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Мѣстномъ *ě (ѣ),* какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *ъ* имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. *и,* какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *е* имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. тоже *и,* напр. *овци,* что̀ возможно и въ Русскомъ языкѣ. Имена Средняго рода на *о* имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. *ě (ѣ),* какъ и въ Русскомъ; но въ Чешскомъ языкѣ имена Средняго рода имѣютъ и форму на *у*, что̀ кажется намъ уже позднѣйшимъ искаженіемъ **), ибо эта форма принадлежитъ собственно только именамъ Мужескаго рода. Имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. *и,* которое имѣетъ соотвѣтствіе съ нашимъ *ѣ.* Имена, оканчивающіяся на *й, j,* остаются въ Мѣстномъ Ед. неизмѣнны.—Въ Звательномъ Ед., въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода на *ъ* имѣютъ *е* и *у*, какъ и въ Русскомъ нѣкогда; имена Мужескаго рода на *ь, й* имѣютъ въ Звательномъ Ед. изрѣдка *е*, но преимущественно *и.* Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Звательномъ Ед. *о,*

---

*) Произносимое, какъ въ Нѣм., *оу* (*ou*, нынѣ такъ и пишется), и это еще ближе къ нашему.—*Б.*

**) Ср. выше.—*Б.*

какъ и въ Русскомъ нѣкогда; имена Женскаго рода на *ъ* имѣютъ въ Звательномъ *и*, хотя и не всѣ; эта форма Звательнаго была вѣроятно также и въ Русскомъ. Имена Женскаго рода на *е* въ Звательномъ Ед. имѣютъ ту же форму Именительнаго *е*.—Въ именахъ Средняго рода Звательный Ед. одинаковъ съ Именительнымъ или, лучше, имена Средняго рода Звательнаго не имѣютъ. Имена на *и́, j*, остаются неизмѣнными въ Звательномъ падежѣ.—Двойственное число почти исчезло въ Чешскомъ языкѣ и осталось только въ нѣкоторыхъ словахъ; оно одинаково какъ съ Церковно-Славянскимъ, такъ и съ Русскимъ, съ тою разницею, что и Родительный и Мѣстный имѣютъ вмѣсто *y—ау* *), очевидно распространенное *y*.—Во Множественномъ числѣ, въ Чешскомъ языкѣ—въ именахъ Мужескаго рода, въ Именительномъ встрѣчается все разнообразіе окончаній, какое видимъ въ языкѣ Русскомъ, и употребленіе ихъ, кажется, имѣетъ почти одинаковое основаніе, какъ и въ Русскомъ языкѣ. Имена Мужескаго рода оканчиваются въ Именительномъ Множественнаго на *и, ове, е* и *ы*; кромѣ *и* есть еще въ Именительномъ Мн. другое *i-j*, которое, кажется, есть двойное *и* или *ъи*, соотвѣтствующее быть можетъ нашему Множественному *іе*, напр. *мужи, мужj, мужьи, — мужіе*. Окончанія *а* и *я* въ Именительномъ Мн. въ именахъ Мужескаго рода мы не встрѣчаемъ; по ему, можетъ быть, соотвѣтствуетъ *е*, употребляющееся и у насъ, напр. *мѣщане*. — Имена Женскаго рода на *а* въ Именительномъ Множественнаго имѣютъ *ы*, какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *ъ* имѣютъ въ Именительномъ Мн. *и* и также *ѐ* въ нѣкоторыхъ словахъ, чему примѣры можно встрѣтить въ Церковно-Славянскомъ языкѣ; быть можетъ это *ѐ* есть облегченное *и*. Имена Женскаго рода на *ѐ* имѣютъ то же во Множественномъ и это, быть можетъ, соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому я.—Какъ на совершенное искаженіе основанія Именительнаго Множественнаго можемъ мы указать на употребленіе *а* вмѣсто *ы*, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ именахъ Женскаго рода, напр. *jikra* вмѣсто *ы*; это совершенно противорѣчитъ всякому основанію языка: предполагаемъ, что быть можетъ это Множественное произведено отъ Средней неупотребительной формы имени **).—Имена Средняго рода на *о*

*) Ср. передъ этимъ о произношеніи.—*Ѣ*.

**) Это *а* въ отличіе „рыбьей икры“ отъ мягкихъ частей (*м*): и у насъ оно

имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *а*, какъ и въ Русскомъ и въ другихъ языкахъ; но имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Именительномъ Мн. также *е*: эта форма противорѣчитъ не только Славянскимъ, но и прочимъ сроднымъ языкамъ; объяснить ее мы можемъ тѣмъ, что она возникла изъ *я*, неудобнаго для произношенія Чешскаго.—Имена суффикснаго склоненія образуются во Множественномъ числѣ отъ Средней формы на *о*, не всегда употребительной, напр. *рамена*.—Имена на *и*, *j*, остаются неизмѣнными въ Именительномъ Множественнаго. Имя *дитѣ* во Множественномъ имѣетъ *ди(ѣ)ти* и склоняется какъ имя Женскаго рода.—Въ Родительномъ Множественнаго, въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужскаго рода имѣли нѣкогда сжатое окончаніе ъ, ь и *и*, также *овъ*, *евъ*; теперь же существуетъ только *ů*, образовавшееся изъ *ůвъ*, прежде *овъ*.—Впрочемъ въ иныхъ словахъ удержалось еще ъ,—напр. *přátel (přítel)*, *konj*. — Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Родительномъ Мн. ъ, какъ и въ Русскомъ, напр. *рыбъ*; имена Женскаго рода на ь имѣютъ въ Родительномъ Множественнаго *í (j)*.—Имена Женскаго рода на *е* имѣютъ въ Родительномъ Множественнаго, несправедливо, *í**); однако же они имѣютъ иногда и настоящее окончаніе ь или ъ.—Имена Средняго рода на *о* въ Родительномъ Множественнаго имѣютъ ъ, какъ и въ Русскомъ; имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Родительномъ Множественнаго *í*, форма измѣненная, соотвѣтствующая такой же нашей *ей*.—Впрочемъ многосложныя имѣютъ въ Чешскомъ, какъ и въ Русскомъ, настоящее окончаніе на ъ.—Имена, оканчивающіяся на *j*, остаются неизмѣнными въ Родительномъ Множественнаго. — Въ Винительномъ Множественнаго, въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода оканчиваются на *ы* или на *е*, слѣдовательно Винительный Множественнаго отличается отъ Именительнаго Множественнаго, вездѣ, гдѣ Именительный Мн. имѣетъ другія окончанія; *денъ* имѣетъ *дни* и *дны*.—Въ именахъ Женскаго рода Винительный Множественнаго одинаковъ съ Именительнымъ Мн.—Въ именахъ Средняго рода Именительный и Винительный есть собственно одинъ падежъ. — Имена на *j (í)* въ Винительномъ падежѣ Множественнаго остаются неизмѣнны, какъ и вездѣ.—

конечно „Собирательное,“ какъ *земляника*, *малина* и подобныя, не имѣющія у насъ Мн—аго (въ противность другимъ язз.).—*Б*.

*) Это равняется Ц. Сл—ому *ии*, наше *ей*.—*Б*.

Въ Дательномъ Множественнаго, въ Чешскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода оканчивается на *омъ*, теперь *ům—umъ*, а въ иныхъ словахъ на *emъ*,—какъ нѣкогда было и въ Русскомъ.—Имена Женскаго рода на *a* имѣютъ въ Дательномъ Множественнаго *a-mъ*, какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *ь* имѣютъ въ Дательномъ Мн. *emъ*, но также *í*; послѣднее могло возникнуть изъ Женскаго *ь-mъ*.—Имена Женскаго рода на *ě* имѣютъ въ Дательномъ Мн. *ím*: это окончаніе кажется намъ несправедливымъ и безъ сомнѣнія позднѣйшимъ; есть впрочемъ и окончаніе на *ámъ*, напр. *svinámъ*.—Имена Средняго рода въ Дательномъ Множественнаго имѣютъ *ům*, какъ иногда въ Русскомъ *омъ*; впрочемъ здѣсь въ Чешскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ, появляется въ Дательномъ Мн. коренная форма на *amъ* вмѣсто *ům*, *omъ*. Имена Средняго рода на *e* имѣютъ въ Дательномъ Мн. *ímъ*, форма, по нашему мнѣнію, несправедливая и безъ сомнѣнія позднѣйшая.—Имена на *í (j)* въ Дательномъ Мн. присоединяютъ къ своему неизмѣнному еще окончаніе—*m*.—Въ Творительномъ Множественнаго, имена Мужескаго рода оканчиваются на *y*, *i*, а иногда на *mi*: всѣ эти формы и доселѣ еще употребляются въ Русскомъ языкѣ; но въ Чешскомъ языкѣ встрѣчается въ Творительномъ Мн., въ именахъ Мужескаго рода, и Женская форма на *ami*, которая въ Русскомъ языкѣ стала господствующею. Сверхъ того встрѣчается въ Чешскомъ еще форма на *imi*, очевидно, кажется, возникшая изъ *ь-mi*.—Слово *den* имѣетъ *dny*, *dni* и *dněmi*, что ясно указываетъ на форму *denь — dьnь*. — Имена Женскаго рода на *a* присоединяютъ въ Творительномъ Множественнаго къ этому *a—mi* и образуютъ окончаніе *a-mi*, какъ и въ Русскомъ, напр. *rybami*;—имена Женскаго рода на *ь* имѣютъ окончаніе на *mi*, какъ и въ Русскомъ, но также и на *emi*.—Имена Женскаго рода, оканчивающіяся на *ě*, имѣютъ въ Творительномъ Множ. *ě-mi*, т.-е. присоединяютъ къ окончанію Именительнаго окончаніе *mi*; *ě* въ Творительномъ Мн. мы такъ объясняемъ и въ этомъ смыслѣ окончаніе это справедливо; но однако кромѣ этого окончанія есть и сокращенное на *mi*, возможное и въ Русскомъ языкѣ; есть даже и окончаніе на *i*, опять таки возможное въ Русскомъ, и у насъ въ древности, и въ народной рѣчи встрѣчающееся, напр. *predъ treми nedělьmi*.—Имена Средняго рода на *o* имѣютъ въ Творительномъ Множественнаго *y*, какъ нѣкогда и въ Русскомъ; окончаніе *mi*, также справедливое, которое также имѣетъ яз. Р.,—въ Ч. яз.

неизвѣстно. Имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Творительномъ Мн. *и*, напр. *поли*, какъ нѣкогда и въ Русскомъ; но также на *еми* и *ми*, окончанія, находящіяся въ языкѣ Русскомъ и возможныя доселѣ. Имена на *и* присоединяютъ въ Творительномъ Мн., къ своему неизмѣнному *и*, еще *ми*, напр. *знаменьми*, чему соотвѣтствуетъ Церковно-Славянская и Русская форма, также точно *знаменьми*.—Въ Мѣстномъ Мн. имена Мужескаго рода оканчиваются на *ехъ*, какъ въ Церковно-Славянскомъ, но рядомъ съ этимъ окончаніемъ употребляется и позднѣйшее окончаніе *йхъ* (форму на *охъ* въ именахъ М. р. на ъ, соотвѣтствующую Русской прежней формѣ на *охъ*, считаетъ Добровскій не Чешскою, а Словацкою). Это же *охъ* переходитъ, въ Русскомъ, въ именахъ М. р. на ъ и *й*, очень естественно въ *ехъ*.—Женская форма на *ахъ*, Мѣстнаго Мн. въ именахъ Мужескаго рода, преобладающая теперь въ языкѣ Русскомъ, встрѣчается однако и въ Чешскомъ языкѣ.—Имена Женскаго рода на *а* присоединяютъ къ этому *а*, въ Мѣстномъ Множественнаго, *хъ* и образуютъ окончаніе *а́-хъ*, напр. *рыба́хъ*.—Имена Женскаго рода на ъ *(и)* имѣютъ въ Мѣстномъ Мн. *ехъ* и позднѣйшее *йхъ*: оба окончанія справедливы и находятъ себѣ соотвѣтствіе въ языкѣ Церковно-Славянскомъ и въ Русскомъ, въ прежнюю эпоху; и то и другое могло возникнуть изъ первообразнаго ъ-*хъ*.—Имена Женскаго рода на *е* имѣютъ въ Мѣстномъ Мн. *йхъ*: эта форма кажется намъ несправедливою и вѣроятно возникла въ послѣдствіи.—Имена Средняго рода на *о* въ Мѣстномъ Мн. имѣютъ *ехъ* (позднѣйшая форма *йхъ*); кромѣ того употребляется въ Мѣстномъ Мн., конечно тоже какъ позднѣйшая, Женская форма на *ахъ*, преобладающая въ Русскомъ языкѣ. Имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Мѣстномъ Мн. *йхъ* (въ старину *ехъ*); встрѣчается и Женская форма *ахъ*. Имена на *J* присоединяютъ къ своему неизмѣнному въ Мѣстномъ Мн. *хъ* *).

Переходимъ къ языку Польскому.

Особенность языка Польскаго, отличающую его отъ другихъ Славянскихъ языковъ, составляетъ сильное присутствіе носоваго звука и легкая дробимость многихъ согласныхъ звуковъ, которые разщепляются охотно при мягкихъ гласныхъ и при ъ. — Изслѣдовать подробно эту фонетическую сторону Польской рѣчи

*) К. С—чь имѣлъ въ руководство Добровскаго „Lehrgebäude der Böhm. Sprache," Prag, 1819: трудъ, извѣстный и важный въ *свое* время.—*Б.*

мы не считаемъ нужнымъ въ нашей граматикѣ, при сравнительномъ нашемъ взглядѣ. Скажемъ только, что въ этихъ фонетическихъ условіяхъ происходитъ склоненіе Польскаго языка.

Въ Единственномъ числѣ Родительный падежъ именъ Мужескаго рода имѣетъ въ Польскомъ языкѣ *а* и *я*, также *у* и *ю* какъ и въ Русскомъ. Имена Женскаго рода имѣютъ въ Родительномъ Ед. *ы* и *и*, какъ и въ Русскомъ. — Имена Средняго рода оканчиваются въ Родительномъ Ед. также на *а*, *я*, какъ и въ Русскомъ. — Имена Средняго рода суффикснаго склоненія имѣютъ въ Родительномъ Ед. то же, напр. *имєня*.—Падежъ Винительный Единственнаго числа, въ именахъ Мужескаго рода, выражается или Родительнымъ или Именительнымъ также и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Русскомъ и другихъ Славянскихъ языкахъ.— Имена Женскаго рода на *а*, *я* и *и*, въ Винительномъ Ед., имѣютъ носовое окончаніе, которое есть и въ языкѣ Церковно-Славянскомъ; это носовое окончаніе звучитъ въ Польскомъ языкѣ оригинально; въ именахъ же Женскаго рода на *и* происходитъ отъ предполагаемой другой формы на *я*, *господыни*,—*господыня*.— Имена Женскаго рода на *ь*, въ Винительномъ Единственнаго, удерживаютъ форму Именительнаго Единственнаго, напр. *роскошъ*, (*р*)*жечъ*.—Имена Средняго рода, какъ извѣстно, имѣютъ тождественность падежа Именительнаго и Винительнаго.— Въ Дательномъ падежѣ Единственнаго числа, въ Польскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода имѣютъ *ови* и *єви*, форму склоненія суффикснаго, напр. *дворови*, *слонєви*.—Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Дательномъ Ед. *е* (*ѣ*), какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *я* и на *ь* (*и*) имѣютъ въ Дательномъ Единственнаго *и*, какъ и въ Русскомъ въ именахъ Ж р. на *ь* и даже на *я*; въ Польскомъ языкѣ пишутъ вмѣсто *и* иногда *ы*: но это вопросъ ужъ чисто правописанія; окончаніе же здѣсь Дат. Ед. совершенно то же, какъ и въ Русскомъ; пожалуй и въ Русскомъ можно бы писать то *и*, то *ы*, но это совершенно не нужно. Мы принимаемъ здѣсь и для Польскаго языка Русское правописаніе, напр. *роскоши*, *мысли*.—Въ Дательномъ Ед., имена Средняго рода оканчиваются на *у* и *ю*, какъ въ Русскомъ; напр. *стаду*, *нарженцзю* (пишемъ *рж*, выговарив. *ж*).—Имена Средняго рода суффикснаго склоненія имѣютъ въ Дательномъ тоже *у* или *ю*, напр. *имєню*.—Въ Творительномъ Ед., въ Польскомъ языкѣ, имена Мужескаго рода имѣютъ *емъ*, какъ и въ Русскомъ, съ тою раз-

ницею, что другого Русскаго окончанія, *омъ*, въ Польскомъ языкѣ нѣтъ; напр. *дворемъ*, *слономъ*. Имена Женскаго рода въ Творительномъ Ед. имѣютъ *а* и *я* (*о* и *ё*) съ носовымъ призвукомъ. Имена Средняго рода имѣютъ въ Творительномъ Ед. *емъ*, какъ въ Русскомъ, но Русскаго *омъ* не имѣютъ, напр. *стадемъ*, *наржендземъ*. Имена Средняго рода склоненія суффикснаго имѣютъ въ Творительномъ Ед. то же *емъ*, напр. *именемъ*. — Въ Мѣстномъ Единственнаго имена Мужескаго рода имѣютъ *ѣ* и *у*, *ю*, какъ въ Русскомъ, — съ тою разницею, что въ Русскомъ употребленіе этихъ формъ Мѣстнаго свободно и удерживаетъ внутренній оттѣнокъ значенія, а въ Польскомъ оно употреблялось постоянно при тѣхъ или другихъ словахъ на основаніяхъ звуковыхъ. — Имена Женскаго рода на *а* въ Мѣстномъ Ед. имѣютъ *ѣ*, какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на *я*, *ъ*, имѣютъ въ Мѣстномъ Ед. *ы*, какъ и въ Русскомъ въ именахъ Женскаго рода на *ъ* и даже на *я*; примѣры: *скржыни*, *роскоши*, *мысли*. — Имена Средняго рода въ Мѣстномъ Ед. имѣютъ *ѣ* и *у*, какъ въ Русскомъ: второе окончаніе не употребляется въ Русскомъ въ именахъ Средняго рода и есть безъ сомнѣнія позднѣйшее искаженіе въ языкѣ Польскомъ; употребленіе *ѣ* и *у*, *ю*, въ Польскомъ языкѣ, основано на тѣхъ же причинахъ звуковыхъ, какъ и въ именахъ Мужескаго рода; примѣры: *пасѣ*, *уху*, *наржендзю*. Имена Средняго рода, суффикснаго склоненія, въ Мѣстномъ Ед. имѣютъ тоже *ю*, напр. *имєню*. — Эти смягченныя окончанія, въ именахъ Средняго рода суффикснаго склоненія, показываютъ, что неупотребительная суффиксная форма оканчивается на мягкій звукъ, именно *ъ*, слѣдовательно есть форма Мужескаго рода, которая употребляется именно въ такихъ падежахъ, въ которыхъ Мужескійродъ отъ Средняго не отличается; а въ падежахъ, гдѣ это различіе явно, употребляется форма тематическая Средняго рода, напр. *име*, *курче*, гдѣ *е* съ носовымъ соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому ѧ.—Въ Звательномъ Единственнаго, имена Мужескаго рода, въ Польскомъ языкѣ, имѣютъ *е* и *у*, какъ и въ Русскомъ нѣкогда; употребленіе *е* и *у* въ Звательномъ Ед., въ Польскомъ языкѣ, основано на тѣхъ же звуковыхъ причинахъ, какъ и въ Мѣстномъ Ед.; но слѣдако говорится: *Боже*, *ойче*, *человѣче*, *козаче*.—Имена Женскаго рода на *а* и *я* имѣютъ въ Звательномъ Ед. *о* и *ё*, какъ нѣкогда въ Русскомъ, напр. *скало*, *скржынё*; имена Женскаго рода на *ъ* и *и* имѣютъ въ Звател-

помъ Ед. *и*, какъ нѣкогда и въ Русскомъ, напр. *пани*, *мысли*, *роскоши (rozkószy)*.—Какъ искаженное и, разумѣется, позднѣйшее явленіе, встрѣчается въ именахъ Женскаго рода Звательный Ед. на *ю* (*y*). — Имена Средняго рода Звательнаго падежа не имѣютъ по самому своему значенію.—Двойственное число исчезло въ языкѣ Польскомъ и осталось кристаллизованнымъ только въ нѣкоторыхъ словахъ.

Во Множественномъ числѣ Именительный падежъ именъ Мужескаго рода въ Польскомъ языкѣ,—*ове*, *и*, *ы*, *е* и даже въ одномъ словѣ *я* — *браця*, какъ и въ Русскомъ. — Форма *ове* есть форма суффиксная; она употребляется для именъ Мужескаго рода всѣхъ окончаній, напр. *стрыёве*; форма на *и*, *ы* употребляется только для именъ Мужескаго рода на *ъ*, напр. *враги*, *дворы*; форма на *е* употребляется только для именъ Мужескаго рода на *ъ*, *й*, напр. *крае*, *строе*. Эта форма на *е* есть или облегченное *и*, или какъ напр. суффиксная *ове—ови*, или все это возникло изъ *я*, какъ вѣроятно въ словѣ напр. *бояря*, *бояре*; быть можетъ даже, что это *е*, въ Польскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, образовалось изъ *іе*.—Имена Женскаго рода на *а* имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *и* и *ы*, какъ и въ Русскомъ, напр. *скалы*; имена Женскаго рода на *я* и *ь* имѣютъ въ Именительномъ Мн. *е*, облегченное *и*; нѣкоторыя имѣютъ и прямо *и*; примѣръ: *ниці*. — Имена Средняго рода имѣютъ въ Именительномъ Множественнаго *а* и *я*, какъ въ Русскомъ, напр. *стада*, *поля*. Имена Средняго рода суффикснаго склоненія образуютъ Множественное отъ Средней неупотребительной суффиксной формы, въ Именительномъ Мн. они имѣютъ напр. *имёна*, *курчента*.

Въ Родительномъ Множественнаго, въ Польскомъ языкѣ, име; на Мужескаго рода оканчиваются на *овъ* и *ёвъ*, также какъ въ Русскомъ; примѣръ краткаго окончанія на *ъ* представляетъ слово *женщизнъ* *). Сверхъ того имена Мужескаго рода на *ъ* или на мягкую согласную оканчиваются на *и*, соотвѣтствующее Русскому *ій* или *ей*; конечно это и образовалось изъ *ій*, чрезъ сокращеніе или отбросивъ *й*; примѣры: *обыватели* — *обывателій*, *обывателей*; *ножи*—*ножій*, *ножей*.—Имена Женскаго рода на *а* и *я*, въ Родительномъ Множественнаго, имѣютъ *ъ*, *ь* и *і* (что одно,

*) Но это *Ж.* р. = *мущина-нъ*. — *Б*.

какъ извѣстно) подобно Русскому, напр. *скалъ*, *скржынъ*, *змій* (*змъй*); имена Женскаго рода на *ъ* имѣютъ въ Родительномъ Мн. *и*, напр. *мысли*, *роскоши*; это *и* точно также, какъ въ именахъ Мужескаго рода, соотвѣтствуетъ Русскому *ій*, *ей*, и точно такъ же образовалось изъ *ій*, *ей*, чрезъ сокращеніе или отбросивъ *й*.—Имена Средняго рода на *о*, въ Родительномъ Множественнаго, имѣютъ *ъ* какъ и въ Русскомъ, напр. *стадъ*; имена Средняго рода на *е* имѣютъ въ Родительномъ Мн. *и*, какъ имена Мужескаго рода, напр. *наржендзи*: окончаніе въ именахъ Ср. р. несправедливое и точно также соотвѣтствующее Русскому *ій*, *ей*. — Въ Винительномъ падежѣ Мн. числа имена Мужескаго рода употребляются или въ формѣ Именительнаго Мн., или въ формѣ Родительнаго Мн., смотря по значенію именъ, а также, конечно, по смыслу употребленія.—Слѣдовательно, Винительнаго Множественнаго собственно не существуетъ въ именахъ Мужескаго рода въ Польскомъ языкѣ, какъ и въ Русскомъ; вѣроятно этотъ падежъ исчезъ и здѣсь съ теченіемъ времени.—Имена Женскаго рода въ Винительномъ Множественнаго также тождественны съ Именительнымъ и собственно-Винительнаго Мн. не имѣютъ, что̀ основано на разумѣ слова. Конечно и здѣсь употребленіе Родительнаго въ Винительномъ падежѣ точно такъ же производится, какъ и въ именахъ Мужескаго рода.—Имена Среднія, какъ извѣстно, имѣютъ тождественность Именительнаго и Винительнаго падежей.

Въ Дательномъ Множественнаго имена Мужескаго рода имѣютъ *омъ* и *ёмъ*, какъ нѣкогда и въ Русскомъ, напр. *дворомъ*, *слонёмъ*.—Имена Женскаго рода, совершенно вопреки своей природѣ и совершенно на оборотъ относительно употребленія другихъ Славянскихъ языковъ, имѣютъ въ Дательномъ Мн. Мужескую форму *омъ* и *ёмъ*, напр. *скаломъ*, *скржынёмъ*, *змёмъ*, *роскошомъ* *);—пишемъ здѣсь *о*, какъ пишемъ *душою*, а не *душею*.—Имена Средняго рода имѣютъ въ Дательномъ Множественнаго *омъ* и *ёмъ*, какъ нѣкогда въ Русскомъ, напр. *стадомъ*, *наржендзёмъ*.

Въ Творительномъ Множественнаго имена Мужескаго рода, въ Польскомъ языкѣ, имѣютъ Женскую форму **) *ами*, *ями*, какъ

*) Указаніе на то, что здѣсь *а* вовсе не есть исключительный признакъ *Женскаго* рода, о чемъ см. въ нашемъ „Прибавленіи.“—*Б*.

**) См. предъидущее замѣчаніе.—*Б*.

и въ Русскомъ, напр. *дворами, слонями.* Имена Женскаго рода имѣютъ въ Творительномъ Множественнаго форму *ами, ями*, какъ и въ Русскомъ; имена Женскаго рода на ъ, удерживающія здѣсь въ Русскомъ языкѣ первоначальное справедливое свое окончаніе на *ъ-ми*, въ Польскомъ рѣшительно приняли это окончаніе *ами, ями*; примѣры: *скалами, скржынями, мыслями, роскошами.*— Имена Средняго рода, въ Творительномъ Множественнаго, имѣютъ Женскую форму *ами, ями*, какъ и въ Русскомъ, напр. *стадами, наржендзями.*

Въ Мѣстномъ Множественнаго имена Мужескаго рода, въ Польскомъ языкѣ, имѣютъ форму Женскую *ахъ, яхъ*, какъ и въ Русскомъ, напр. *дворахъ, слонях*ъ. Имена Женскаго рода въ Мѣстномъ Множественнаго имѣютъ одну общую форму *ахъ, яхъ*, какъ и въ Русскомъ теперь; напр. *скалахъ, скржыняхъ, мыслях*ъ, *роскошахъ.* Имена Средняго рода имѣютъ въ Мѣстномъ Множественнаго форму Женскую *ахъ, яхъ*, какъ и въ Русскомъ, напр. *стадахъ, наржендзях*ъ.

И такъ, языкъ Польской, во многихъ отношеніяхъ, удалился отъ первоначальнаго образа языка, который наиболѣе и съ великой древностью удержался въ языкѣ Русскомъ *).

Конецъ.

*) Кончая этимъ Граматику, въ первомъ отдѣлѣ объ Имени Существительномъ, К. С—чь еще разъ внимательно пересмотрѣлъ ее и переправилъ, а въ концѣ прибавилъ о замѣченныхъ ея недостаткахъ и о томъ, чего оставалось еще желать (или такъ называемыхъ „дезидератахъ“). Возстановляемъ это свидѣтельство ученой добросовѣстности, изъ замѣтокъ, приписанныхъ карандашемъ.—„1) Именительный падежъ въ язз. Славянскихъ разсмотрѣнъ нехорошо. Онъ долженъ быть разсмотрѣнъ во всей подробности и въ порядкѣ.— 2) Языкъ Сербской разсмотрѣнъ кратко: онъ долженъ быть разсмотрѣнъ по крайней мѣрѣ также подробно, какъ и другіе языки.—3) Языкъ Чешской и отчасти Польской разсмотрѣнъ спѣшно.—4) Непремѣнно нужно сказать о язы-

къ Малороссійскомъ. Замѣтить, что онъ въ свою очередь есть языкъ искажившійся, какъ и другіе языки Славянскіе; можно и указать на эти искаженія. Въ древности онъ ближе къ Русскому, но, кажется, всё-таки отличается отъ него и служитъ посредникомъ—между нимъ и Ц.-Славянскимъ языкомъ; измѣненія *Х* въ *С*, *К* въ *Ц* и проч. обличаютъ сходство Малороссійскаго съ съ Ц.-Славянскимъ.—5) Не худо весьма сказать и о Бѣлорусскомъ языкѣ, о Русскихъ нарѣчіяхъ и даже областныхъ говорахъ.—6) Оговориться о Болгарскомъ языкѣ *а*).—7) Разсмотрѣть языки Славянскіе по отношенію ихъ между собою: 1) какъ нарѣчія, 2) съ точки зрѣнія древности,—что̀ совершенно разныя вещи. Два языка могутъ быть далеки какъ *нарѣчія* и оба близки потому—что оба близки къ *древнѣйшему*.—8) Разсматривая Славянскіе языки, обратиться за справками."—Невольно должны мы повторить, что К. С—чь гораздо былъ строже къ себѣ, чѣмъ того заслуживалъ и чѣмъ могли замѣтить его критики.—*Б.*

а) Поводомъ къ этой оговоркѣ послужило печатавшееся тогда наше обширное изслѣдованіе о Болгарскомъ языкѣ (въ двухъ частяхъ), впервые знакомившее съ нимъ Русскихъ до подробности: К. С—чь, какъ и покойный О. М. Бодянскій, внимательно слѣдилъ и прочитывалъ по мѣрѣ печатанія.—*Б.*

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Безспорно, въ эпоху, когда народъ и языкъ *сложился*, въ наличномъ составѣ того и другаго, ни членовъ единаго народа, ни формъ языка, ни падежей въ склоненіи — нельзя назвать *старшими* или *младшими*, *лучшими* или *худшими* и т. п. Но мы нынѣ, по состоянію науки, можемъ дѣлать выводы и о томъ, когда народъ *слагался*, и о томъ, когда языкъ *творился*, когда формы развивались одна изъ другой, падежи организовались изъ общихъ началъ постепенно, одинъ за другимъ, то предшествуя, то послѣдуя; а когда народъ достаточно *пожилъ* на глазахъ исторіи, когда порядочно изъ него перемерло, языкъ же въ частностяхъ *вымиралъ* и теперь кое въ чемъ передъ нами *умираетъ*, — тутъ можно отличить и старшее, и потерянное, и младшее, и вновь прибывшее.

Примѣнительно къ ближайшему дѣлу, въ замѣткахъ своихъ выше со стран. 225-й, предложили мы объясненіе, какъ, на примѣръ, въ Твор—омъ Ед. а) тематическое *а* пріобрѣтаетъ долготу — *â*, потомъ постепенно прибавляется сюда *і*, *и* (*у*), образуются двугласные *аі*, *аи* (*ау*), далѣе изъ области *гласной* переходитъ языкъ въ *согласную*, обращая *і* въ *j*, *й* и *ж*, *и* (*у*) въ *в*, или присоединяя однородное съ *в*—губное *м*, откуда уже дальше носовые *м* и *н*, а отсюда всѣ фф. въ видѣ *ай—ой—ей*, *ав—ов—ев*, *ам—ом—ем*. То есть, вмѣстѣ съ симъ, на ряду съ *падежнымъ окончаніемъ* или *флексіей* появляются параллельныя *формы собирательныя*, вводимыя иными языками въ самое *склоненіе*, при чемъ начинаютъ отличаться уже падежи такъ называемые „суффиксные,“ да и цѣлый разрядъ склоненія дѣлается „суффикснымъ“ въ отмѣну отъ „тематическаго“ или, лучше, „первообразнаго.“

б) Тутъ же, послѣдовательно, указали мы слѣды, какъ на примѣръ, по образцу основнаго Твор—аго Ед., образуется Твор—ый и Д—ый Дв—аго, а за тѣмъ Твор—ый и Д—ый Мн—аго.

в) Вмѣстѣ съ тѣмъ уяснился намъ путь отъ *Ед—го числа* чрезъ *Дв—ое* ко *Множ—му* и, стало-быть, обозначилась зависимость послѣдняго отъ 2-го, а 2-го отъ 1-го.

г) Убѣдились мы за одно, что иные языки, на прим. Русскій (вторичный относительно первообразнаго Славянскаго и третичный относительно основы Индо-европейской), *флексію Мн—аго* старается рѣзко отличить отъ *формы Собирательной*, какъ вообще число и счетъ отъ суммарности и кучи, между

тѣмъ напр. Лат—ій яз. вводитъ собирательную форму въ самое склоненіе и отсюда составляетъ особый разрядъ склоненія 3—4—5-го.

д) Видѣли мы также примѣры, что одинъ падежъ, именно *шестой*, *б-й* (такъ собственно и приходится теперь называть его), дѣлится въ исторіи народа и языка на *три*, — 1) *Относительный*, Ablativus, 2) *Соединительный*, Sociativus, 3) собственно *Творительный* или *Орудный*, Instrumentalis. Смыслъ ихъ условливается порознь *словосочиненіемъ*, но, въ соотвѣтствіе сему, различаются и *формы* ихъ звуковыя, т.-е. *флексіи* въ склоненіи. На примѣръ, *въ извѣстную эпоху отдѣльно*, можно подмѣтить, что отличіемъ Соединительнаго служитъ звукъ *і* (*и*) въ разныхъ ступеняхъ сего звука и измѣненіяхъ, отличіемъ Творительнаго *и* (*у*), *в* и *м* или *н*, Относительнаго *s* (какъ въ Греч. σι) или *t* и *d* (въ Санскр. и Латинск.), и т. п.

е) Но, какъ самые эти звуки чередуются или занимаются изъ одной области въ другую (напр. при Твор—омъ—изъ формы со зв. *м*, чрезъ *ма* и *мя*, нарастаетъ страдательное *мен*, μεν, а Относительный къ *t* и *d* присоединяетъ *т* — *mat*, *met*, *mad*, *med*, у Славянъ же съ предлогомъ *отъ* и *od*): такъ самые падежи, даже въ одномъ и томъ же падежѣ разные его виды, начинаютъ съ извѣстной эпохи чередоваться или смѣнять другъ друга. Эта смѣна и замѣна есть уже признакъ колебанія одного изъ видовъ, признакъ того, что одинъ вымираетъ уступая другому, или дѣлается ненужнымъ и забывается, при чемъ или *форму свою* (флексію) уступаетъ другому, самъ скрываясь изъ употребленія со своею спеціальностію, или *функцію* свою продолжаетъ отправлять въ языкѣ подъ *формою чуждою*, отъ другаго падежа и другой вѣтви занятою, или *кристаллизуется* — обыкновенно какъ нарѣчіе — въ древней своей формѣ, а не живетъ уже формою живою и подвижною среди склоненія, или же наконецъ вовсе умираетъ *по формѣ*, такъ сказать тѣломъ своимъ и образомъ, не замѣнялась формою никакого другаго падежа, а *выражается* съ помощію предлоговъ и т. п. Такъ, изъ многихъ примѣровъ, *Мѣстный* падежъ съ особою формою утраченъ уже въ Греческомъ и Латинскомъ; у насъ былъ въ старину безъ предлога, а послѣ замѣнялся *Предложнымъ*, не употребляемымъ иначе какъ съ предлогомъ, да и Предложный, на глазахъ нашихъ, на сихъ дняхъ, вымираетъ передъ нами, уступая Творительному; едва ли многіе замѣтили, но мы напомнимъ, что большинство „не-письменныхъ“ людей теперь уже говоритъ у насъ во всей Средней Россіи и въ столицахъ: „въ другимъ,“ „о цѣлымъ,“ „на каменнымъ,“ „при одинмъ,“ и т. п., да и сходство падежной формы съ Дат—ымъ и Род—ымъ на *у* или съ Женскимъ Дат—ымъ на *ѣ* и *и* сему помогаетъ, такъ что, смѣло скажемъ, не далеко время, когда всѣ Русскіе, и въ письменномъ языкѣ, утратятъ вовсе Предложный падежъ, замѣнивъ его по преимуществу Твор—ымъ, отчасти Дат—ымъ. Такъ, другой примѣръ, Ablativus, Относительный, уцѣлѣвшій въ Санскритѣ, въ Греческомъ исчезъ (оставивши по себѣ форму для Твор—аго на σι, которая въ свою очередь уступила Дат—му); въ Латинскомъ же онъ кристаллизовался и, сверхъ случаевъ кристаллизаціи, по формѣ исчезъ, пробиваясь для функціи своей и синтаксическаго смысла формою Соед—аго и Твор—аго, перваго на *i-s*, втораго на *-bi-s*; а у насъ слышенъ сей падежъ или въ формахъ словообразованія на *тъ* (*топ-о-тъ* — отъ топа, *хлоп-о-тъ*

и *клоп-о-тъ*—отъ хлопа и т. п.), или въ предлогахъ *отъ* и *од* съ *Родительнымъ* (сюда же относится самое слово *от*, имя *родителя*: отъ коего родятся). Такъ, дальше, 6-й падежъ вообще уступилъ въ Греческомъ свою форму Дат—му и функцію смысла въ словосочиненіи отправлять черезъ Дательный съ предлогомъ; въ Латинскомъ первообразная форма Соединительнаго *n-i-s* уступила Собирательной или Суффиксной *n-ob-is* (со вставкою Собирательнаго *ов*, распространеннаго у насъ), но и эта отдана Дат—му; форма *i-s* отдана двумъ первымъ разрядамъ склоненія, въ 3 мъ разрядѣ соединена уже съ Собирательною *i-bu-s* и раздѣлена поровну между Дат—ымъ и Твор—ымъ или Соедин—ымъ, а въ двухъ послѣднихъ разрядахъ, 4-мъ и 5-мъ, *одна* уцѣлѣвшая форма, по происхожденію свойственная лишь Орудному, Instrumentalis, притомъ во флексію склоненія втянувшая Собирательную Суффиксную форму *bu-s*, опять раздѣлила ее въ *употребленіи* между 6-мъ и 3-мъ падежемъ. Еще бы шагъ по этому пути,—и въ Латинскомъ, какъ въ Греческомъ, остался бы одинъ Дат—ый,—спасло лишь то, что здѣсь фигурировала уже не *Флексія* въ Собирательномъ смыслѣ, а *Собирательная Суффиксная Форма* (имени), которая и примѣнилась „равнодушно“ къ обоимъ падежамъ, и оба ихъ сохранила въ индефферентизмѣ формы. У насъ же, Славянъ, за упраздненіемъ Относ—аго, *разные по исторіи и по формѣ* падежи—Соединительный и Творительный—слились въ *одинъ* 6-й падежъ, одинаково—*для разныхъ функцій* смысла въ словосочиненіи—употребляя и отличіе Соед—го, т. е. звукъ *и*—*ы*, и отличіе Твор—аго или Орудnаго—*м*, въ сочетаніи *м-и*, *м-ы*, а по вліянію Двойственнаго, откуда явно истекло Множественное, сохраняя кое-гдѣ *м-а* (ср. ниже); притомъ нѣкоторые изъ Славянъ успѣли уже, какъ мы видѣли выше, подобно Грекамъ, перенести форму сего 6-го падежа на Дат—ый и поглотить въ ней старинный свой Мѣстный (ср. у Сербовъ нынѣшнее—*ма* для всѣхъ трехъ сихъ падежей, вмѣсто старшаго Дательнаго на *ом* или *ем* и вмѣсто старшаго Мѣстнаго на *â-х*). Между прочимъ, тогда какъ нѣкоторые Славяне, особенно въ преданномъ письму Ц. Слав—омъ языкѣ, ввели въ 6-й падежъ, за мѣсто подобающей Флексіи, Собирательную Форму со звукомъ *в* (въ сочетаніи *о в-ы*, *е-в-ы* = Лат. *o-b-u-s*, *u-b-u-s*, *e-b-u-s*, ср. ниже), Русскій языкъ, на ступени дальнѣйшей и младшей, по развитію же высшей, *отдѣлилъ* сію Собирательную Форму къ Суффиксамъ *цѣлаго имени*, а Флексію 6-го падежа во Мн—омъ утвердилъ на звукѣ *м*, притомъ со старшимъ звѣномъ соединенія — съ гласнымъ зв. *а* — *а-ми*, *я-ми*. Все это увидимъ мы еще ниже на примѣрахъ. Наконецъ, усматривая, что иные падежи, уступивъ другимъ, или одна вѣтвь падежа уступивъ другой, сами скрываются въ даль минувшаго, можемъ признать и выразиться, что первые — *сравнительно* — по происхожденію или употребленію *старше*, другіе же, смѣняя собою, не только *моложе*, но даже и *происходятъ* отъ первыхъ, пользуясь ихъ наслѣдствомъ, перенося на себя ихъ образы или формы, какъ имущество рода или семьи на юное лицо. Такъ, на семъ *относительномъ* пути развитія, не можемъ не согласиться, что у насъ самихъ видимо Соединительный падежъ нѣсколько старше и первообразнѣе Твор—аго или Орудnаго, ибо предшествуетъ сему послѣднему своею спеціальною формою, а сей послѣдній идетъ дальше — въ область *согласъ*

наго звука *м*, въ *опредѣленность*, достигаемую ходомъ развитія, а вмѣстѣ требуетъ, чтобы его опредѣленіе отличали отъ Собирательной формы со зв. *в*, и здѣсь, именно по Русски, старается размежевать область своей Флексіи отъ Собирательной формы *цѣлаго имени*. Вообще же, 6-й падежъ оказывается съ сей точки зрѣнія старше и первообразнѣе, во Мн. числѣ, чѣмъ 3-й или Дательный, ибо послѣдній (какъ мы видѣли при Дат—омъ) занимаетъ уже форму отъ 6-го (какъ въ Сербскомъ), а не на оборотъ, и крѣпнетъ въ сей формѣ до высшаго *однообразія*, тогда какъ 6-й раскидывается по множеству формъ, отпечатлѣвая въ нихъ слѣды нѣсколькихъ періодовъ изъ прошедшей исторіи. Если можно гадать и если намъ суждено еще впереди тратить, то слѣдуетъ съ увѣренностію сказать, что 6-й падежъ уступитъ когда нибудь свою форму 3-му и также за нимъ скроется, какъ въ Греческомъ и отчасти Латинскомъ, а наконецъ и оба — скорѣе другихъ падежей — канутъ въ вѣчность, подобно какъ они — въ сосѣдствѣ и родствѣ съ Греками или прочими народами Балканскаго полуострова подъ Турками — оба исчезли въ языкѣ Новоболгарскомъ.

Какъ бы то ни было, только Соедин—ый и Твор—ый, или, въ сліяніи ихъ, *Шестой падежъ*, въ Ц. Слав. яз., у прочихъ Славянъ и у насъ, представляетъ, какъ сказано, *множество формъ* или, точнѣе, *флексій склоненія во Мн. числѣ*, изъ которыхъ каждая указываетъ то на одинъ, то на другой періодъ развитія, то на одну отъ трехъ вѣтвей падежа, то на утрату какой либо изъ нихъ, то на спеціальность Соед—аго, то Оруднаго, то на старину, то на новизну, то на вымираніе, то на возбужденіе новыхъ силъ въ языкѣ и примѣненіе новыхъ средствъ жизни, а всѣ вмѣстѣ представляютъ пеструю ткань разныхъ цвѣтовъ, какъ моментовъ и періодовъ творчества. Тутъ намъ безполезно было бы повторять, что Множественное явно вытекаетъ изъ Дв—аго, а послѣднее изъ Ед—аго, что переливаются одна въ другую три стихіи падежа, что Соед—ый чередуется съ Орудным и оба явно вліяютъ на Дательный, что они стараются отличить себя — по Русски — отъ формъ Собирательныхъ, что на пути къ опредѣленію проходятъ стадіи, свойственныя по преимуществу Женскому роду и т. п.: все это мы знаемъ уже изъ предыдущихъ замѣтокъ. Не нужно также подкрѣплять или ослаблять выводы К. С—ча: всѣ они совпадаютъ въ одной цѣли и порознь имѣютъ значеніе на своемъ мѣстѣ. Намъ остается лишь перечислить или просто переписать *примѣры* 6-го падежа, въ извѣстномъ порядкѣ.

Здѣсь мы начнемъ съ того, всѣмъ очевиднаго, положенія, что а) корень *служебный* *), изъ котораго образовались всѣ *флексіи имени въ склоненіи*,

---

*) Какъ именуютъ его *языкъ*, съ позднѣйшей точки зрѣнія, имѣя въ виду языкъ уже *сложившійся*: когда же языкъ *слагался* или творился, безъ сомнѣнія *всякій* корень былъ равно *знаменательнымъ*, чѣмъ древнѣе, тѣмъ необходимѣе; лишь сравнительно *поздно*, когда *организмъ* языка началъ опредѣляться, отдѣлившіеся при этомъ *неорганическіе* продукты (не поддавшіеся силѣ организаціи или *выпавшіе* изъ нея, какъ химическая „нерастворимая осадка," въ остальной природѣ—камни, кристаллы и т. п.) постепенно *кристаллизовались* и обращены въ *служеніе* корнямъ знаменательнымъ, не переста-

есть тотъ самый, который является нынѣ въ такъ называемыхъ *частицахъ*, напр. союзахъ, потомъ крѣпнетъ въ *мѣстоименіе* — какъ особую часть рѣчи и уже въ видѣ „мѣстоименномъ“ часто льнетъ къ прочимъ *именамъ*, образуя ихъ словопроизводство суффиксомъ, ихъ флексіи, члены — спереди и въ концѣ, и т. п. По отношенію къ падежу 6-му таковъ корень *и*: это нынѣ предлогъ, соединяющій двѣ стороны, внѣшнюю и внутреннюю, или части одного состава, напр. *in* (внутрь съ наружи, внутри), *и-зъ* (изъ нутри наружу); и союзъ, по преимуществу соединительный, *и*; и мѣстоименіе — личное, присоединяющее собою 3-е лицо къ двумъ первымъ, — онъ, Лат. i-l-le; либо-мѣстоименіе, соединяющее части предложенія, — *и-же*, который; въ мѣстоименномъ значеніи является онъ и суффиксомъ — *и-нъ*, *unus*, *ед-инъ*, и членомъ—Нѣм. *ein*, *Фр. un*, *une*, Итал. *i* (Множ.), въ особенности же флексіи склоненія, въ которой обыкновенно разумѣютъ сей самый *мѣстоименный корень*. Въ Имен—омъ Ми. онъ прямо призванъ „соединять,“ и это же *и*, а въ сочетаніи съ конечнымъ ъ-мъ — *м*, употребляется специально для опредѣленія 6-*го* падежа. Явно, что всѣ эти значенія, по преимуществу *соединительныя*, *соединяющія*, будучи усвоены 6-му падежу какъ спеціальность его, доказываютъ преимущественную древность *падежа Соединительнаго*: т. е. изъ *трехъ* вѣтвей падежа 6-*го*, падежъ *Соединительный*, основанный на *и*, *по происхожденію* старше другихъ вѣтвей *) или, на оборотъ, тамъ, гдѣ участвуетъ во флексіи *i* (*и*), тамъ должны мы видѣть вѣтвь падежа Соединительнаго, Sociativus. Это *i* прямо истекаетъ изъ первобытнаго *a* и *â*, служившаго нѣкогда 6-му падежу (ср. прежде), держится въ области зв. *гласнаго* (которая всегда сравнительно первобытнѣе согласной) и не столь часто, не столь широко переходитъ въ область *согласную*, тогда какъ *у* (*и*) легче обращается въ *в*, имѣетъ за собою *м* (*т*) и т. д. Когда же къ Соединительному падежу привился согласный звукъ *s* (напр. въ Греч. σ, Латинск. *s*), тогда или все-таки удерживалось *i* — въ Греч. σι, οις, въ Латинск. *is*, или образовался предлогъ — наше *съ*, *и-зъ*, Лат. *c-um*, *c-on*, или *s* (*c*) окрѣпло еще тверже до *l* (*т*) и *d*, и въ семъ послѣднемъ случаѣ возникъ *Ablativus*, Относительный падежъ, *по употребленію* архаическій, ибо раньше исчезъ, а *по происхожденію* моложе Соединительнаго, ибо держался уже области согласной. По, если съ Относительнымъ падежемъ Соединительный можетъ еще равняться древностью, то Твор—ый или Орудный, Instrumentalis, *рѣшительнѣе* обратившійся въ область согласную, *видимо* моложе Соединительнаго и по происхожденію, и по употребленію, ибо выставляетъ звуки *в*, *м*

вая однако и въ этомъ видѣ служитъ для выраженія категорій, болѣе впрочемъ *внѣшнихъ*, какъ напр. *мѣста*, *времени*, въ разныхъ *направленіяхъ* и т. д.; таково напр. *и* (долгое), издревле значившее *итти* или вообще движеніе и соединеніе пунктовъ между собою.

*) Между прочимъ и потому, что всякое *движеніе* есть одно изъ старшихъ явленій въ мірѣ *человѣческомъ*: движеніе ощущеній, откуда родилось впослѣдствіи сознаніе, движеніе паръ человѣчества въ роды, родовъ въ племя, движеніе *первой* религіи языческой — Астральной, и т. д.

и носовые: *правовь впровь, десном руком* (Сербск.), *правомъ вѣромъ*, и т. д. Однимъ словомъ, въ составѣ 6-го падежа та вѣтвь, которая держится *і*, т. е. Соединительная, старше Орудной со зв. *в*, *м* и носовыми.

б) Въ мѣстоименномъ корнѣ и въ самомъ мѣстоименіи *и*, при образованіи 6-го падежа, неизбѣжно должно было нарости согласное *м* (ибо иначе оставляя *и* въ 6-мъ падежѣ, мы получили бы то же *и*, что въ Именит—омъ Ед. и въ Им—омъ Мн—аго); такъ сложилась схема:

	Ед.	Дв.	Мн.
6-й пад.	*и-мь, и-мъ.*	*и-ма.*	*и-ми.*

Такое *участіе мѣстоименія* было одною изъ причинъ, почему дальше возобладало *м* и во флексіи именъ. Но именно, когда та же, мѣстоименная, схема перешла во *флексію именъ*, мы замѣчаемъ, что *и — предшествуетъ* и *первообразнѣе*, а *м* вторичнѣе. Такъ извѣстно, что въ именахъ являются фф. *краткія* и *продолженныя*, а первыя, разумѣется, старше. Въ самихъ мѣстоименіяхъ, другихъ, но одолженныхъ флексіями тому же *и*, являются, на примѣръ: въ Дат—омъ Мн. (который перенесъ на себя, какъ знаемъ, форму 6-го, ср. *n-i-s*, *nob-i-s*), по Ц. Сл., Сербски и Болгарски *нѣмъ*, *вѣмъ*, *нѣ*, *вѣ*, а потомъ уже *намъ*, *вамъ*, *нам*, *вам*, а 6-й падежъ *нама*, *вама*, *нами*, *вами*; — *сь*, сей, имѣя въ Им. Ед. *ь*, въ 6-мъ вводитъ *и* передъ *м*, — *с-и-мь*, *с-и-мъ*, *с и-ми*; — *мой*, въ Им. краткое *й*, въ 6-мъ долгое (*и+и*) — *мо-и-мь*, *мо-и-ми*; — *тъ* имѣетъ *тѣмь*, *тѣ-и-мь*, *тѣ-ми*, *тѣ-и-ми*, гдѣ *ъ+і*, или *тѣ-мь*, *тѣ-мъ*, *тѣ-ми*, гдѣ *ѣ* — долгое — изъ *ъ+і* или *а+і*.—Еще виднѣе это въ *именахъ*, и прежде въ Прилагат., которыя въ краткомъ окончаніи старше и = Существительному: 6-й пад. Мн. *добр-ы*, *добл-и*, *хвалящ-и*, *больш-и*, а за тѣмъ уже, въ удлиненномъ, *добр-ы-и-ми*, *добл-и-и-ми*; самый 6-й Ед—аго, *добр-ы-имь*, *добл-и-имь*, доказываетъ, что отъ *добр-ъ* и *добл-ь*, даже въ краткомъ окончаніи, существовало *і*, образовавшее *ъ+і*, *ь+і*, а за тѣмъ прибавилось *имь*; въ Дв—омъ ff. *добр-ы-има*, *добл-и-има* указываютъ, что тутъ, въ краткомъ окончаніи, 6-й падежъ имѣлъ *и* прежде *м* и прежде добавочнаго мѣстоименія *има*, ибо иначе отъ темы полнаго окончанія *добр-ы*, *добл-и* (=добръ+і, добль+і) было бы просто *добры-ма*, *добли-ма* или *добръ-іма*, *добль-іма*.

в) Отступая отсюда на минуту, замѣтимъ, что полное окончаніе = болѣе опредѣленному, что имъ достигаютъ вящей опредѣленности, сравнительно съ краткимъ окончаніемъ, такъ что наши полныя окончанія, какъ извѣстно, равняются въ другихъ языкахъ *членнымъ*, съ опредѣляющимъ членомъ, т. е. τοις αγαθοις, *den* guten: стало быть: 1) эта ступень, съ *м*, вторичнѣе, 2) какъ сказано выше, въ самомъ Твор—омъ Мн., посредствомъ зв. *м* мы прибавили дальнѣйшую *опредѣленность счета* и потому, естественно, не желали смѣшать этого съ *Собирательною формой*, какъ сдѣлали Латинцы всѣхъ болѣе.

г) Отъ приведенныхъ полныхъ формъ отвлекая флексію краткихъ, получаемъ *і* или *и* для 6-го падежа, въ смыслѣ *Соединительномъ*, равно и въ Ед—омъ (*добры*, почему у насъ остался и для краткой формы 6-й падежъ *добры-мъ* вм. *добръ-мъ* или *добро-мъ*), и въ Дв—омъ (на Слав. парр. видимъ *и-ма*, гдѣ

бы слѣдовало одно *ма*), а особенно во Мн—омъ; и самое мѣстоименіе, лежащее въ основѣ флексіи, имѣло по всѣмъ тремъ числамъ лвпо *и*.

д) По при этомъ нарожденіи и въ этомъ ряду, когда рядъ получился, слѣдовало уже *различить* флексіи для всѣхъ 3-хъ чиселъ, иначе онѣ сливались бы. Для этой цѣли 1) *и* удержали по преимуществу въ 6-мъ падежѣ Мн—аго, какъ это и естественно на *крайней* ступени, позднѣе достигнутой, тѣмъ больше, что *и* Соединительное служило здѣсь признакомъ Множественнаго числа, соединенія по преимуществу, совпадая съ Имен—ымъ Мн. на *и*; а 2) на семъ же пройденномъ пути выставилось *м* (по происхожденію усвоенное Орудному, Instrumentalis), — это *м* и примѣнили *для различенія* формъ въ разныхъ числахъ: т. е. звукъ *м* усвоили, въ отличіе отъ числа Мн—го, 6-му падежу Ед—го и Дв—го; во Мн—омъ же, понятно, для отличія сего числа, удержали *и* и при *м*, притомъ даже *удвоили*, ибо *добрыими* имѣетъ *два и*, и въ *добры* на концѣ, и на концѣ въ *ми*. Симъ способомъ *м* возобладало въ 6-мъ падежѣ и Тв—ый или Орудный своею формою почти подавилъ Соединительный падежъ, особенно въ Ед—омъ и Дв—омъ, а въ Мн—омъ *дольше* удержались обѣ формы рядомъ или въ соединеніи, т. е. либо *и*, либо *м*, либо *и+м*, либо *м+и*, хотя и тутъ въ иныхъ форму съ *і* (*nobis*) перенесли на Дательный, у насъ же Славянъ повели въ нѣкоторыхъ случаяхъ Множественное по Двойственному.

е) Какъ явствуетъ изъ всего нашего изслѣдованія, нужно полагать, что раньше всего *м* водворилось въ Ед—омъ, въ Существительныхъ, да, что то же, въ краткихъ Прилагательныхъ. Здѣсь Тв—ый первобытно имѣлъ долгое *а*, обращавшееся непосредственно въ *ау* (*аи*), *оу* (*ои*), въ носовое *ѫ*, *ѧ*, *ав—ов*, *ам—ом* (ср. выше наше примѣч. съ 296-й стр.); или же, сокращая *а* въ *ъ* и *ь*, *і* въ *ь*, а потому, параллельно, минуя *соединительное і* (которое само первобытно прибавлялось къ *а*, образуя *аі*, *ѣ*, напр Греч. αι-ς), прибавили *м* прямо къ корню и къ темѣ слова, откуда образовалась у насъ флексія *ъм*, *ьм* (но и тутъ однако, подобно дальнѣйшему Мн—ому, на концѣ *ь=і* послѣ *м*: Ц. Слав. *раб-ъ-м-ь*, *кон-ѥ-м-ь*, Серб. древнее *прав-о-в-ь вѣр-о-в-ь*, гдѣ *вь = ві* = Лат. *bi* въ *nobis*; въ фф. на ѫ участвуетъ еще *і* передъ ѫ), съ огласненіемъ же — *ом*, *ем*, ф. усвоенная даже Ж—ому роду (*десном руком*, Сербск.): это вопреки тѣмъ, кои считаютъ признакомъ Женскимъ *ам* и *ям*, далѣе же, какъ видѣли мы, эта форма перенесена *отъ Тв—го* на Дат—ый Мн—го (*Турком*, *пријателем*, *рабом*, *звѣрем*: хотя, замѣчательно, *ь = і*, какъ признакъ коренной Соедин—го падежа, въ Дат—омъ Мн—аго подавленъ и превращенъ въ *ъ*).

За симъ, по тому же пути и то же явленіе оказалось въ Двойственномъ, гдѣ 1) *м* также прямо присоединилось къ корню или темѣ безъ *і* (*нама*, *вама*, *женама*, *рыбама*), 2) въ концѣ выдвинулся старшій признакъ Твор—аго *а* (*м-а*, подобно какъ во Мн—омъ вспомянуто основное *и* на концѣ,—*м-и*), или 3) въ *звѣньяхъ* удержано то же первобытное *а* (Сербск. *матер-а-ма* и вообще окончанія на *ама*, мягкое *яма*), или 4) въ звѣнѣ, при *ма*, ослабилась гласность темы, обратившись въ *ъ-ма*, *ь-ма* (ср. выше), или 5) огласилось это въ *ом-а* и *ем-а*, или 6) *даже тутъ* удержано „Соединительное“ *и*, подобно Мѣстоименію *има* (*наш-и-ма*, помянутое *добрыима*, или Сербское господствую-

щее, перенесенное на Мн—ое число, напр. *сел-има, племен-има, небес-има, ктер-има, ствар-има*, въ противуположность — *матер-ама*, а Муж. р. полавно — *елен-има* и т. д.). Наконецъ, отъ Дв—аго, какъ мы знаемъ уже, перенесено то же на Мн—ое, и, сверхъ подлиннаго *Соединительнаго и* и *ы*, образовалось — чисто по Двойственному — извѣстное намъ (особенно въ Сербскомъ) *ама* и *има*, а съ присоединеніемъ *характера* Соединительнаго и Мн—аго, т. е. *и*, хотя все же черезъ Дв—ое и по его вліянію, флексіи: *и-ми*, *а-ми* и *ями*, *ъ-ми* и *ь-ми*, да и просто *ми*.

Здѣсь-то намъ собственное мѣсто представить *разнообразіе примѣровъ*, при чемъ а) мы возьмемъ сначала тѣ, кои имѣютъ первообразное Соединительное *и* и *ы*, еще безъ *м*, и мы найдемъ это *во всѣхъ родахъ*, а слѣдовательно не признаемъ *ами* и *ями* окончаніемъ *Женскимъ*. И такъ:

а) *Шестой падежъ Мн—го* Соединительный (по преимуществу, по происхожденію, употребленію и вліянію): Муж. р. *раб-ы, кон-и, кра-и, икрен добр-ы, добл-ы, больш-и, вел-и-и;* Ср. р. *дѣл-ы, имен-и, тѣлес-ы, жертват-ы, пол-и, посл-ан-и-и, добр-ы* отъ *добр-о* и т. д.; Ж. р. *десяты*, Сербск. *с прия тел-и, с Турц-и*, с *Влас-и* (замѣтьте, Sociativus, выражается предлогомъ *с*), (*за*) *врат-и* (вм. *и-ма*, за воротами); Новоболгар. *съ гопан-и, съ войвод-и*; древне-Русское какъ въ Ц. Слав. и, кромѣ того, „*съ горшк-и* не ѣздить," „бабка *съ мотовил-ы*, а внука *съ бѣлил-ы*," „мухи *съ обух-и*, комары *съ топор-ы*, тараканы *съ самопал-ы*, сверчки *съ лучк-и* (пословицы и пѣсни); въ былинахъ „съ тѣми *князи* и *бояр-ы*," „и (*съ*) тѣми черепанами, гнилыми *горшк-и*," „*со вдовы* честными," „*съ* горючи *песк-и* разсыпчатыми," „*со* своими *нянык-и*, мамками" (большая часть сихъ примѣровъ приведена и О. И. Буслаевымъ въ „Истории. Грам." 1863 г.); у Пушкина „*съ* дубовыми тесовыми *ворот-ы*;" древнее и обычное „*съ товарищ-и*;" замѣтьте, здѣсь *исключи тельно* Соединительные, Sociativi, а примѣры въ родѣ „*глаз-ы* пива не выпить" и т. п. предполагаютъ прямо Нѣмецкое *mit*, какъ выраженіе — „*съ глазами*, а не видитъ" (= глазами) и т. д.

б) *Тотъ же* падежъ (на переходѣ Соединительнаго къ Твор—ому и отъ Ед—го черезъ Двойственное ко Мн—ому, съ ясными *ступенями* перехода въ разныхъ формахъ *одного и того же слова*, уцѣлѣвшихъ большею частію въ кристаллизаціи по „нарѣчіямъ", adverbia):

Ед.	Дв.	Мн.
тьч-и-ѣ, *точ-і-ю*, *точ-ь-ю* (отъ „точь:" „точь въ точь"), *ток-о́-мъ*, *тък-ъ-мь*	*тък-ма*, *ток-ма́*	*ток-ми́*.
бъш-и-ѣ, Сербск. *бах-о-м* (отъ *бъх-ъ*, *бъш-ъ*, *бах*)	*бъх-ма*, *бох-ма́*	*бох-ми́*.
по́л-о-мъ	*пол-ъ-ма*, *пол-ма́*	*пол-ми́*.
рёв-о-мъ	*рёв-ма*, *рев-ма́*	*рев-ми́*.

Ед.	Дв.	Мн.
дв-о-ю́	*дв-ъ-ма*,	*дв-у-ми́*.
	II.-болг. *дв-а-ма*,	
	двум-я́	
тр-о-ю́	II.-болг. *тр-и-ма*,	*тр-е-ми́*,
	тр-е-мя́,	*тр-ю-ми́*.
	тр-о-й-мя́,	*тр-о-й-ми́*.
	тр-ю-мя́	
четыр-ь-ю́	*четыр-ь-мя́*	*четыр-ь-ми́*.
плах-о-мъ,	*плаш-мя́*,	*плош-ми́*.
плош-ь ю́	*плаш-ма́*	
—	*бол-ь-ма*,	*бол-ь-мъ*,
—	Сербск. *бол-ь-ма*	*больш-ь-мъ*,
—		*больш-и-мъ*.
—	*вел-ь-ма*,	*вел-ь-мъ*.
—	Серб. *вео-ма*,	
—	*вет-ь-ма* (= ваще)	
—	*кол-ь-ма* —	*кол-ь ми́*.
—	*рад-ь-ма* —	(*рад-и*).
—	*вес-ь-ма*	—

И т. д.

в) Теперь посмотримъ, какъ, съ подвореніемъ звука *м* или отличія Творительнаго, 6-й падежъ Мн. *цьлыкомъ* переноситъ на себя *Двойственное*, что особенно совершилось въ Сербскомъ, гдѣ *всюду* сей падежъ (нынѣ и Дательный, и Мѣстный Мн. также) во Мн. равенъ Дв—му, почти исчезшему. Здѣсь 1) въ Женск. р. Множ. *жен-а-ма*, *риб-а-ма*, *войвод-а-ма*, *владик-а-ма*, *слуг-а-ма*, *рук-а-ма*, *ног-а-ма* (здѣсь, хотя нынѣ и Мн—ое, слышенъ вездѣ остатокъ Дв—аго). Согласно Дв—ому въ Ц.-Слав., Древне-Русскомъ и всякомъ Славянскомъ нарѣчіи, гдѣ то же *а-ма* въ Жен. р., принято думать, что звѣно *а* передъ *ма* есть *окончаніе* Ж. р., есть признакъ сего рода неизмѣняемый, есть сама *тема* Ж. р., къ коей прибавляется *ма*. Мы знаемъ уже или можемъ догадаться, что это невѣрно, ибо а) сей кажущійся признакъ во многихъ падежахъ всѣхъ чиселъ *исчезаетъ*, б) *замѣняется* другимъ звукомъ, напр. въ 6-мъ пад. Ед. черезъ посовое *ѫ* (*руб-ѫ*, *пор-ѫ*, ср. стр. 296 и дал.), или черезъ *о* (*риб-о-м*, *рук-о-м*, *рук-о-ю*, *ног-о ю*), или же в) ослабляется до *полугласнаго* (*слез-ь-ми* и т. п., ср. ниже), а г) въ самомъ Дв—омъ 6-й падежъ долженъ бы итти отъ темы, отъ Именительнаго, каковой, извѣстно, въ Слав. древности есть *ъ* (*риб-ъ*, *поз-ъ*, *рук-ъ*: *ъ* = *а* + *і*, слѣдовательно само возникло чрезъ прибавку Соединительнаго *і* при самомъ первомъ случаѣ, когда послѣ Ед.—го пришлось удвоивать имя; это и сохранилось при помянутомъ *дв-ъ-ма*, коего старше *дв-а-ма*). Потому въ этомъ *а* мы видимъ долгое *â* Санскрита (*â-м* и *â-м* въ *b'-yâ-t*, гдѣ *b'* суффиксъ Собирательной формы) и остатокъ того *долгаго а*, который мы видѣли архаическою флексіей 6-го падежа въ Ед. (стр. 296 и дал.) или который является въ *ѫ*, съ дальнѣйшимъ развитіемъ въ *ан* (*ау*) и т. п. Это не есть также *новый* звукъ, возникшій изъ

оглашенія ъ-ра, ибо въ Сербскомъ нѣтъ на немъ ударенія, которое является въ подобныхъ случаяхъ на *звѣнѣ*, а напротивъ удареніе держится на корнѣ. Когда же это *а*, послѣ древней долготы, понизилось или ослабѣло въ звѣнѣ (до *о*, *ъ*, *ѣ*) или пріобрѣло Соединительное *і* (откуда *и*, и въ Им—омъ Двойственнаго), тогда, для отличія 6-го падежа въ Дв—омъ, послѣ *м* прибавилось еще *а* и явилось *м а* (*и-ма*, *і-ма*, *ь-ма*, *ѣ-ма*), такъ что это *а* послѣ *м* есть такое же *повтореніе* основнаго или общаго 6-го падежа, какъ и во Мн—омъ, видѣли мы, *сверхъ* Соединительнаго *и* прибавилось еще на концѣ *и* послѣ *м* — *ми*. А слѣдовательно, въ 6-мъ пад. Мн. *и-ми* (*я-ми*), *а* также не есть отличіе *Женское*, напротивъ остатокъ Дв — аго, а чрезъ Двойственное—6-го падежа Ед—го. Всего яснѣе это въ Сербск. *матер-а-м-а* которое не имѣетъ въ Именит—омъ *а*, а по образцу *ктер-и-м-а* должно бы имѣть также *и-м-а*: если мы выше предполагали здѣсь форму *матери*, какъ *матер-я*, *дочер-я*, то это форма *редуктивная*, *выведенная* уже изъ 6-го падежа на основаніи его *а*. — За тѣмъ 2) въ Сербскомъ 6-мъ пад. Мн. выступаетъ въ *звѣнѣ* Соединительное *и*, по образцу Дв—го Мѣстоименнаго *и-ма*: Ж. р. *ствар-и-ма*, *ктерима* и т. п., гдѣ одинаковое Соединительное *и* принадлежитъ Имен—ому Дв—го (*ствар-и*, *кост-и*) и Им—ому Мн—аго (то же), а кромѣ того примѣняется къ отличію падежа 6-го, сочетая въ немъ Соед ный и Твор—ный. Въ Ср. р. 6-й падежъ Мн. *уш-и-ма*, *оч-и-ма*, *имен-и-ма*, *плеч-и-ма* и т. п. можно бы вести еще отъ Им—го Дв—аго, который и въ Ц.-Слав. имѣетъ *и* (хотя это *и* есть то же Соединительное, какъ мы знаемъ): но въ *сел-и-ма*, *мѣст-и-ма*, *весл-и-ма*, *небес-и-ма* и т. п. (гдѣ въ Им. Мн. *а*, а въ древнемъ Славянскомъ Им—омъ Дв—аго *ѧ*) *и* есть спеціальный признакъ 6-го падежа. Въ Муж. р. *вепр-и-ма*, *влен-и-ма*, *нокт-и-ма*, *орач-и-ма*, *юнак-и-ма*, *Срб-и-ма*, *Турц-и-ма*, *Влас-и-ма* (рядомъ съ *Турци*, *Влас-и*, см. выше) и т. д.: здѣсь *и* конечно совпадаетъ съ Именит—ымъ, но, такъ какъ *вся* флексія *ма* указываетъ на Двойственное, то явно, что это собственно 6-й падежъ *Двойственнаго* и спеціальная его — *Сербская* — ступень (ибо въ Ц. Слав., въ Ср. и Муж. р., 6-й падежъ Дв—аго имѣемъ *ома*, *ѣ-ма*); это ступень, которою перешелъ Сербскій языкъ отъ Дв—аго *ко Множ—ому*. — 3) За симъ, Сербск. языкъ почти вовсе не имѣетъ „Смѣшаннаго“ склоненія *между* Муж. и Ж—имъ родомъ, въ родѣ Ц. Слав. и нашего на *ь*, такъ какъ въ Сербскомъ большею частію окончанія Им—го *отвердѣли* (*пут*, *таст*, *звер*, *медвед*, *медед*, *елен* и т. п.); равнымъ образомъ не имѣется флексій въ родѣ Ц. Слав. Дв—аго *о-ма*, *ѣ-ма*. Но тѣмъ не менѣе здѣсь есть еще ступень, гдѣ звѣно *и* ослабляется до *ь* или вовсе выпускается, уступая мѣсто Соед—го падежа цѣликомъ отличію Твор—аго: *ствар-ма* (ср. *ствар-и-ма*), *кон-ъ-ма*, *люд-ма* (и *люд-и-ма*), *зуб-ма* (и *зуб-и-ма*). Двойство сихъ окончаній на *ма* и *ъ-ма* или *и-ма* обличаетъ передъ нами *двѣ* эпохи 6-го падежа.

г) Всего ближе Двойственному и Сербскому 6-му падежу Множественнаго отвѣчаетъ наше областное Сѣверное — „*со дѣвиц-а-ма*, *съ подружка-ма*“ (приведено еще О. И. Буслаевымъ 1863 г.): но это ограничено сравнительно меньшей областію, Ж. родомъ и падежомъ, какъ видите, Соединительнымъ (въ убѣжденіе, что здѣсь вліяетъ *не одинъ* Ж. родъ).

д) Столь же близкія, но гораздо шире формы *Эпическія* (нашихъ Былинъ,

весьма обязательныхъ народнымъ языкомъ) и простертыя въ такой *Северной области*, которая мѣстомъ и количествомъ жителей равняется цѣлому особому народу — Чешскому, Сербскому, Болгарскому: 1) въ имени Существ. *стад-а-мы, голов-а-мы, сыдл-а-мы, подруг-а-мы, рид-а-мы, ног-а-мы, куч-а-мы, змі-я-мы, коль-я-мы, вере-я-мы, пут-я-мы, мор-я-мы*, и т. д.; при чемъ 2) обычно эпитетъ Прилагательнаго *рядомъ*: *волов-ь-и-ма, богатырьск-и-ма, шелков-ы-ма, жельзн-ы-ма, глух-и-ма, скор-ы-ма* и т. д. Въ 1-мъ видимъ стремленіе, черезъ отвердѣніе *и* до *ы*, отличить 6-й падежъ Мн—аго отъ древняго Именит—аго *и*; во 2-мъ прямое наслѣдіе Двойственнаго, гдѣ его напоминаетъ больше всего конечное *а*; а за симъ сочетаніе въ 6-мъ падежѣ двухъ вѣтвей: *и — ы* напоминаетъ о Соединительномъ, *м* о Твор — омъ падежѣ. Это, такъ сказать, продолженіе Соединительнаго *и — ы* до внящаго опредѣленія въ Твор — омъ черезъ *м*, при чемъ Дв — ое *а* указываетъ лишь на *происхожденіе* формы, но не ограничивается двоеніемъ, ибо Множественное явственно изъ стоящаго рядомъ Существительнаго въ 6-мъ падежѣ на *мы*.

с) Почти излишне распространяться о падежѣ, который слѣдуетъ по порядку и отвѣчаетъ окончанію *и-ма*, о нашемъ 6-мъ пад. мн. на *а-ми* (мягкое *я-ми*). Тогда какъ Ц. слав. языкъ и Чешскій держится сего исключительно *при Женскомъ родѣ* на *а* и *я* (*е*), а Чешскій во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отдастъ господство окончанію *и* и *ы* (*у*), Русскій языкъ выдается здѣсь впередъ съ Польскимъ, простирая *а-ми* и *я-ми* на имена *всѣхъ родовъ*. Но Польскій уберегъ уже не много древнихъ простѣйшихъ Соединительныхъ въ своемъ „niedawnémi *czas-y*," „spólnémi *głos-y*," „*prośby* (Ж. р.) swémi:" Русскій же сочетаетъ эту древность Ц. славянскаго и Чешскаго во всей широтѣ народнаго употребленія, это *и* и *ы наравнѣ* съ *а-ми*. Не богатъ Польскій и окончаніями *-мі, ь-мі*, вытѣснивши ихъ окончаніемъ *а-ми* (*wol-mi, gość-mi*= гост-ь-ми, *księż-mi*=книж-ми, *brać-mi* = брат-ь-ми и т. п.): Русскій къ богатству Ц. Слав—го яз. въ семъ отношеніи присоединяетъ на равныхъ правахъ окончаніе болѣе опредѣленное, удерживая *ь-ми*, но имѣя при немъ *гост-я-ми, люд-я-ми, пут-я-ми, двер-я-ми, дочер-я-ми, дѣт-я-ми, рѣч-ами, кост-я-ми, звѣр-я-ми, голуб-я-ми, черв-я-ми, локт-я-ми, ногт-я-ми, лос-я-ми, печат-я-ми, гвозд-я-ми* и т. д. (Это въ древности славянской имена или Ж. р., или Муж. класса *и*, а склоненія „смѣшаннаго" между обоими родами). Между тѣмъ какъ въ Ц. Слав., да и въ прочихъ Слав. нарр., Собирательная форма, проникши въ склоненіе. напр. въ Именит. Мн. на *ие, ия, ове* и т. п., осталась при немногихъ падежахъ, а въ 6-мъ или выбросила Собирательный суффиксъ, сократившись въ *ми, ьми*, или удержавши здѣсь одно *и—ы*, безъ *м* (ср. ниже): въ Русскомъ она цѣликомъ просклонялась и въ 6-мъ падежѣ: *кол-ь-я-ми, брат-ь-я-ми, камен-ь-я-ми, зят-ь-я-ми, князь-я-ми, звѣр-ь-я-ми* (при *звѣр-я-ми* и *звѣр-ь-ми*), *коч-ев-ь-я-ми, сын-ов-ь-я-ми* и т. д. Двойственное, составляющее славу точности для яз. Ц. слав-аго и скоро исчезшее, за небольшими слѣдами, въ Чешскомъ—Польскомъ, Русскій языкъ прожилъ цѣликомъ и пронесъ черезъ весь періодъ своей древности, но не погрязъ здѣсь подобно Сербскому и не замѣнилъ симъ числа Мн—го въ Дат—омъ, Мѣстн—мъ, Твор—омъ: напротивъ выработалъ отсюда Мно-

жественное со *спеціальными отличіями.* — Одно уже столь широкое развитіе окончанія *а-ми* (*я-ми*) въ народѣ, столь обширномъ и долго прожившемъ (и народно, и устно, и письменно), сообщаетъ сей флексіи 6-го падежа большой авторитетъ и устраняетъ предположеніе о всякой *случайности*, на примѣръ будто это *перенесено* съ рода *Женскаго*, или возникло ради *благозвучія* и т. п. Во всякомъ случаѣ, *а-ми* (*я-ми*) по звукамъ и удѣльному вѣсу ихъ равно *и-ма* (*и-мя*, *й-мя*): но въ *происхожденіи* и *примѣненіи* сего окончанія есть довольно разницы, есть своя спеціальность и своя исторія.

Разумѣется, *а* въ звѣнѣ (между корнемъ и флексіей *ми*) то же, что̀ въ *а-ма*, и происходитъ изъ старшаго долгаго *а̂*, означавшаго нѣкогда 6-й падежъ Ед.: но отъ прибавки оно должно было видоизмѣниться (о чемъ вскорѣ). Удерживая это *а* для именъ *всѣхъ родовъ*, языкъ еще больше имѣлъ опоры и такъ сказать права, чѣмъ при *и-ма*: въ Женск. р. онъ опирался на Именительный *Ед—аго* (*ног-а*, *рыб-а*), въ Среднемъ на Им—ый *Мн—аго* (*дѣл-а́*, *небес-а́*), а въ Муж. р. на *двѣ* опоры—на Им—ый *Дв—аго* (два *стол-а́*, *хлѣб-а*, *столп-а́*, *остро́г-а*, *учи́тел-я*, *кон-я́*, *кра́-я*) и на *Собирательный* Им—ый Мн—аго (*боя́р-а*, *хлѣб-а́*, *стог-а́*, *кра-я́*, *учител-я́*). Если держаться устарѣлой манеры *производства* падежей отъ *темы* и *Именительнаго*, то конечно *а-ми* и *я-ми* могло производиться одинаково по обоимъ образцамъ (Дв. и Мн—го): по нашему, это значитъ, что 6-й падежъ на *а-ми* одинаково удовлетворялъ обѣимъ сторонамъ, — и Дв—ому, изъ коего вытекалъ, и Мн—ому, для котораго у насъ назначенъ. Но это отнюдь не значитъ, чтобы *флексія — а* — превращалась въ *Собирательную форму*, чего, мы знаемъ, языкъ Русскій не терпитъ и старался всегда избѣгнуть, какъ доказано выше. Собирательная форма на *а* и *я* есть въ то же время сама и *флексія*, т. е. происходитъ не отъ суффикса именъ, образующаго *тему*, а зараждается и появляется путемъ и средствами *самого склоненія*. Это объяснено нами на стр. 315 примѣромъ, гдѣ форма *рук-ав-ъ*, своимъ *ав* равная всѣмъ Собирательнымъ формамъ и рождающаяся черезъ Мѣстный Ед—аго (отъ *рук-а*, старинный rúk-au, *рук-ою*: то, что̀ на рукѣ), а такъ какъ рукавовъ два на двухъ рукахъ, то ближе черезъ Мѣстный Дв—аго (*рѫк-оу*, rúk-ou, *роук-оу*), форма эта, говоримъ, получила сама Им—ый съ отличіемъ Дв—аго *а — рукав-а́* (два), Множественнаго *и — рук-а́в-ы*, ruk-av-y, и лишь въ *Собирательномъ* смыслѣ отъ Дв—аго перенесено во Множественное число *рук-ав-а́* (разные, многіе, разорванные, длинные и т. п.); т. е. *форма ав*, какъ бы то ни было возникшая, прошла *черезъ флексіи склоненія*, чрезъ Дв—ое *а* ко Мн—ому *а* (таково же Ср. р. *зáр-ев-о=зар-ёю*, какъ *на зарѣ*; или *кол-ес-о́*, два *кол-ес-а́*, *кол-ёс-а*, *кол-ёс-ы*, сравнительно съ *ко́л-а*: *с*, нѣкогда *флексія*, вросшая потомъ *суффиксомъ*, такая же, какъ въ Лат — омъ *кажущаяся* флексія *s*: *вростала* же благодаря параллельнымъ *отглагольнымъ*, т. е. Причастнымъ Именамъ, какъ здѣсь *с=т* отъ корня *кл-*: *кол-о́-тъ*, *ко́л-о-тъ*; *кол-ѣ-но*, *kol-a-no*—черезъ Причастное, наше *ко́л-о-нъ*: и мног. друг., о чемъ ниже). Итакъ, Собирательное *а* во Мн — омъ есть *первый* шагъ — послѣ *двухъ* — шагъ къ тому, чтобы собрать предметы во *множествѣ* или, лучше, въ *общемъ числѣ*: оно держится еще области *гласной*, не переходя въ согласную, и ему, какъ флексіи, подчиняются наравнѣ и не-Собирательныя, и прочія Собирательныя формы съ *ас*, *ов*,

ив и т. д. Т. о. *а* Мн—аго по происхожденію идетъ также отъ Дв-аго, какъ и вообще ходъ флексій, но во Мн—омъ пріобрѣтаетъ—противу Дв—аго — *новое* значеніе и примѣненіе: потому-то въ иныхъ словахъ ударепіе на *а* и *я* одинаково и при Дв—омъ, и при Мн—омъ, напр. *рук-ав-а́*, въ другихъ же, и *въ бо́льшей части*, ударепіе во Мн—омъ *иное*, спеціализуется для Мн—аго,— два *вѣк-а* и *вѣк-а́*, два *кра́-я* и *кра-я́*, два *о́браз-а* и *образ-а́*, два *лѣс-а* и *лѣс-а́*, два *хлѣб-а* и *хлѣб-а́*, два *цвѣт-а* и *цвѣт-а́*, два *учи́тел-я* и *учител-я́*. При этомъ замѣчательно, что въ Дв—омъ ударепіе чаще *на корнѣ* и потому первичнѣе, а во Мн—омъ на *флексіи* и потому вторичнѣе; тѣ же, кои имѣютъ въ Дв—омъ *дурак-а́*, *вол-а́*, *кон-я́* и т. п., тѣ *по большей части* не имѣютъ во Мн-омъ *а*. Наконецъ, въ Дв—омъ удерживается еще суффиксъ *единицы—инъ* (=единъ; доказательство, что Дв—ое само вышло изъ Ед—аго), а во Мн—омъ это исчезаетъ: два *бо́ярин-а* и *бо́яр-а*, *бо́яр-а*, два *господи́н-а* и *господа́*. Уяснимъ еще примѣрами: *Господ-ъ* форма Тематическая, безъ суффикса (согласнаго); *господ-инъ* — Суффиксная; *госпо́д-а* Ж. р. форма Собирательная(собраніе господъ, гостинница и гостиная, по Слав. парр.); два *господ-ин-а* — Двойственное, со флексіей *а*; *господ-ик* Собирательная форма, перенесенная на Мн—ое *вмѣсто* флексіи; *господ-а́—флексія Мн—аго*, хотя съ Собирательнымъ значеніемъ, но и не имѣющая другой для Мн—аго на *и* и *ы*. — *Цы-а́н-ъ*, *Цы-а́н-ин-ъ* (Серб. *Цыганин*: удивительно, какъ О. П. Буслаевъ не признаетъ здѣсь формы на *инъ*, 1863); *Тата́р-ъ*, *Тата́р-ин-ъ*: *Татар-ва́*, какъ *Лит-ва*, Собират. ф.; два *Цы-а́н-а—Цы-а́н-ин-а*, *Тата́р-ин-а*; *Цы-а́н-ы*, *Тата́р-ы*— простой Им—ый Мн—аго; *Цы-а́н-е* (общеупотребительная форма) и *Татар-е* — Собирательная форма, перенесенная во Мн—ое (=*іе*, *ье*), но близка къ *Цы-ан-а́*, *Татар-а*, къ Собирательной флексіи Мн—го (какъ *бояр-е* и *бояр-а*); а *Татар-ов-е*, *Татар-ов-я*, *Татар-ов-ь-я*—чисто уже Собирательная Суффиксная форма, перенесенная во Мн—ое какъ *сынов-ь-я́* и т. п.

Какъ бы то ни было, только *ам* въ *ам-ъ* (*я-ми*) еще *близко къ Дв—ому*, напоминая его и равняясь Санскритскому *а́м* или Дв—му *ма*: но, чрезъ прибавленіе *и*, окончательно спеціализуется это *для Мн—аго*, сочетаетъ уже Соединительное *и* съ Твор—ымъ *м*, напоминаетъ Им—ый *и* и т. д. *Полнѣе* и *опредѣленнѣе* этой флексіи ничего нельзя было придумать и Русскій языкъ съ Польскимъ поднялся здѣсь на высоту значительной степени (хотя очевидно дошелъ не вдругъ и обличаетъ много труда, пока достигнута эта ступень крайняя и завершительная). *Этническое* и *областное — ам-ы*, какъ переходное и частное или временное въ народномъ творчествѣ языка, не могло возобладать до всеобщности народной: оно видимо стремилось чрезъ *ы* отличить 6-й падежъ отъ 1-го, Имен—аго на *и*, но послѣдній со временемъ у Русскихъ на половину исчезъ (за исключеніемъ гортанныхъ *ги*, *ки*, *хи* и нѣкоторыхъ помянутыхъ выше), превратившись самъ въ *ы* и т. о. различеніе сдѣлалось не нужно, напротивъ *ы* въ обоихъ падежахъ совпало. За то *ам-и* безконечно превосходитъ средствами и смысломъ окончаніе *има*: *и*, необходимое для выраженія падежа Соединительнаго и числа Мн—аго, въ сочетаніи *и-ма* ближе совпадаетъ съ Двой—ымъ и, являясь *звукомъ* между концемъ слова или между темою и между флексіей *ма*, весь-

ма часто *сливается съ окончаніемъ слова*, напр. *кост-и-ма*, *ствар-и-ма*, гдѣ самое имя кончалось въ старину на *и*; а если напоминаетъ Мн—ое, то сливается съ флексіей Им—аго, напр. *юнац-и-ма*, Имен—ый *юнац-и*. Напротивъ, въ *ами* выдѣлено *и* на конецъ и, въ соединеніи съ *м*, ярко оттѣняетъ *падежъ 6-й*. Для Дв—аго звукъ *и* вовсе не такъ нуженъ, ибо это число обходится для падежа 6-го еще и черезъ *а*, и черезъ *о* или *е*,—*а-ма о-ма е-ма*: *и* нужнѣе Множ—ому, гдѣ краткая или менѣе опредѣленная форма имѣетъ также *и—и* (съ *княз-и*, съ *перст-и*); оно-то у насъ и выставлено на видъ. При этомъ и удареніе, по обычаю, должно бы перейти на *ми*: а если еще не перешло въ сочетаніи *а-ми*, то по крайности передвинулось въ цѣломъ словѣ, т. е. вмѣсто корня перешло на *а́-ми* или на оборотъ. Стало быть, вотъ еще причина *разнообразію удареній* и намъ мѣсто обратиться къ сему вопросу.

Основное положеніе здѣсь то, что *первобытно*, когда творится самъ языкъ или народъ, *удареніе совпадаетъ съ долготою* (на этомъ основана вся народная музыка, въ распѣвѣ, пѣніи и инструментѣ); потомъ, на 2-й ступени, *разнится* то и другое, оставаясь независимымъ (какъ доселѣ въ Чешскомъ и Сербскомъ, гдѣ часто долгота въ одномъ, удареніе въ другомъ мѣстѣ; то же и у насъ держится пока въ языкѣ творчества народнаго съ его музыкой, и это очень затрудняетъ неопытнаго или „извращеннаго“ музыканта); наконецъ, за потерею долготы, удареніе *замѣняетъ* долготу, служитъ ея намѣстникомъ, памятникомъ, наслѣдникомъ и пріемышемъ (какъ у насъ въ письменной и „образованной“ рѣчи: на этомъ основано личное—искусственное стихосложеніе и здѣсь причина его розни отъ народнаго). — Параллельно сему, въ своей собственной области, удареніе *старше* является *на корнѣ* слова (какъ и есть по большей части у народовъ Славянскихъ, сохранившихъ различіе долготы и краткости); потомъ на *звукѣ* между корнемъ и суффриксомъ, а чаще между корнемъ и флексіей склоненія (*оч-и́-ма*, *уш-и́-ма*, *слез-а́-ми*); въ заключеніе же переходитъ на *флексію* и особенно на *конецъ ся*. На сей послѣдней ступени очень понятно, на примѣръ, что удареніе переходитъ у насъ во Мн—омъ на *а* и *ми* (*господ-а́*, *слез-ъ-ми́*), и что, сообразно сему, флексіи эти суть замѣтно явленія хотя *высшія* по творчеству и смыслу, но болѣе *позднія* въ періодахъ языка.

Далѣе однакоже, дѣло въ томъ, что *прибавленіе* или *убавленіе* гласнаго звука сейчасъ измѣняетъ собою *весь* звука, или долготу и краткость, а позднѣе измѣняетъ и удареніе *другихъ мѣстъ* слова; что измѣненіе въ вѣсѣ удѣльномъ измѣняетъ вѣсъ цѣлой формы слова и передвигаетъ за собою мѣстныя ударенія; что начало зависитъ иногда отъ средины, иногда отъ конца, и обратно; что у насъ возможно удареніе на корнѣ въ Им—омъ и Сосд—омъ Мн.—*слёз-и:* но въ Дв—омъ уже „двѣ *слези́*;“ съ *ми* будетъ—*слез-ми́*; а съ *а-ми*—*слез-а́-ми*, и отсюда въ Ед—омъ *слез-а́*; въ Сербскомъ же на корнѣ—*су́за*, въ Род—омъ Мн—го *су́за́*—*удареніе* надъ *у* съ *долготою* звука на *а*, и т. д. Намъ некогда здѣсь всего этого разслѣдовать, но должны мы ограничиться слѣдующимъ соображеніемъ. Именно, по сказанному, въ 6—мъ падежѣ съ *ами*, удареніе *должно* разпиться, ибо зависитъ то отъ первобытной *долготы* или *краткости* самого *а*, смотря по тому, есть ли здѣсь наслѣд-

ство первобытнаго *á* отъ 6-го пад. Ед., или вліяніе Им—го Дв—аго на *а*, или просто здѣсь окончаніе Ж. р. Ед. на *а*; то зависитъ отъ *новаго ударенія* во Мн—омъ Им—омъ на *а*; то отъ прибавки *ми* къ *а* и всему слову, и т. п. Слѣдя это, видимъ:

1) *Въ Ж. р.* удареніе, на *а-ми* или вмѣсто сего окончанія, зависитъ отъ ударенія *самаго имени*, въ Им—омъ Ед. числа, на корнѣ ли тамъ удареніе, или вмѣ корня—при суффиксѣ,—*кýч-а – кýч-а-ми, свá-я—свá-я-ми, дóл я—дóл-я-ми, доск-á—доск á-ми, голов-á—голов-á-ми, ступ-н-я́—ступ-н-я́-ми* (*—ступ-ня́-ть*), *пол-ов-и́н-а — пол-ов-и́н-а-ми, змѣ-я́ — змѣ-я́-ми* (хотя и есть исключенія, напр. *икр-á — и́кр-а-ми*, по Мн — ому *и́кры* *). Вообще удареніе на корнѣ *старше*: было и есть у Славянъ *глáв-а, глáв-а-ми*; у насъ давно (о церкви) *глав-á, глáв-а-ми* и *глав-á-ми*; когда же позднѣе явилось такъ называемое полногласіе, *а* въ два *о*, тогда рѣшительно утвердилось удареніе на концѣ — *голов-á, голов-á-ми*; и т. п. Понятно еще, что въ Ж. р. языкъ нашъ не обращаетъ вниманія на Имен—ный Дв—аго, ибо его древнее окончаніе, *ъ* или *и*, не дѣйствуетъ на 6-й падежъ Дв—аго, который остается *а-ма, я-ма*, не *ъ-ма* или *и-ма* (*рыб-а-ма, вол-я-ма, змѣ-я-ма*; о *кост-ь-мй* ниже); да и удареніе здѣсь то же, что въ Ед—омъ, — двѣ *слезы́*[и] — *доскú* — *змѣú* — *кýчи—вóли*. Но Им—ный Мн—аго возвращаетъ здѣсь не рѣдко древнее удареніе *на корень*,—*слёз-ы, дóск-и, змѣ-и, гóло-вы* (именно тамъ, гдѣ *ѣ* и *ъ* оглашаются, вмѣсто старшаго *слъз-á, дъск-á*, или парѣчнаго *зьм-я́*, или гдѣ два *о* равняются старшему долгому *а* и т. п.: т. е. удареніе переходитъ здѣсь на *новый оглашенный* звукъ; потому, гдѣ нѣтъ этого, и въ Мн—омъ остается *ступ-и́, стез-и́*; на оборотъ—*ступ-ня́-и*). Языкъ нашъ однакоже и на это не смотритъ, не желая *исключительно* держаться ударенія оглашенныхъ новыхъ звуковъ во Мн—омъ и предпочитая тому удареніе на *суффиксѣ* имени, который совпадаетъ со флексіей Дв—аго *а-ма* и *я-ма*; выходитъ, по такому воззрѣнію языка, что удареніе *на суффиксѣ* и *флексіи*, будучи моложе ударенія *на корнѣ*, все-таки старше и вліятельнѣе, чѣмъ удареніе *на производныхъ звукахъ* въ родѣ *о* или *е*; или, что то же, *дъск-á, слъз-á, глав-á*, а за тѣмъ (съ оглашеніемъ) *доск-á, слез-á, голов-á*, — старше и предпочтительнѣе (во сколько *ъ* и *ь* старше здѣсь, чѣмъ *о* и *е*, или *а* — хотя бы ослабѣвшее — старше производнаго двойнаго *о*), чѣмъ *дóски, слёзы, гóловы* и т. п.

2) *Въ Ср. р.* опять Дв—ое для нашего языка не обязательно, ибо его древній Им—ный на *ъ* или *и*, да и Ц. Слав—ій 6-й падежъ на *о-ма* и *ѣ-ма*, не ладятъ съ нашимъ *а-ми*. Но, по видимому, странно другое явленіе. Имен-

---

*) По причинѣ, объясненной въ текстѣ на стр. 461, 462: *икрá*—рыбья—есть Собирательное (= *малина, ягода*) и отъ него собственно не нужно Множественное, а если *употребляется* оно, то *переносно*, и въ такомъ случаѣ переносится форма отъ *и́кры—и́крами*—о мягкихъ частяхъ члена (въ основѣ Двойственное—*и́кр-ъ*); на оборотъ, въ семъ послѣднемъ Единственное *переносится* изъ Собирательнаго *икрá*. Таково *игрú-и́грами*. Причина *звуковая* и *словопроизводная* здѣсь та, что *и* въ обоихъ случаяхъ *приставное* и *приросшее*: основное, извѣстное доселѣ, есть *кра, гра*.

но, въ словахъ сего рода, какъ извѣстно, на половину удерживается у насъ въ Ед. древнее ударѐніе *на корнѣ*, и то же въ *нашемъ* Дв—омъ, напр. *дѣл-о, по́л-е, мо́р-е, сло́в-о, тѣл-о, дрѣ́-в-о — де́р-е-в-о, не́б-о, чу́д-о, вре́-м-я*, два—*дѣ́л-а, по́л-я, мо́р-я, сло́в-а, тѣ́л-а, дрѣ́-в-а, де́р-е-ва, не́б-а, чу́д-а, вре́м-ен-и* (таково ударѐніе и въ Ц. слав., и въ прочихъ Слав. язз. или парр., удержавшихъ долготу и краткость, напр. въ Сербскомъ и Чешскомъ, тогда какъ въ Новоболгарскомъ, утратившемъ сіи свойства, ударѐніе въ этихъ словахъ перешло на *конецъ*, на *суффиксъ*: *мор-е́, неб-е́, пол-е́, ок-о́ — очи́-тъ, ух-о́ — уши́-тъ*). На другую же половину, ударѐніе въ *концѣ*, на флексіи Им—го, напр. *се-л-о́, сѣд-л-о́, стек-л-о́, клей-м-о́, яр-м-о́, пят-н-о́, ок-н-о́, лиц-о́* (*лиц-е́*), *яйц-о́, кол-ес-о́* (и въ Н. болгар. то же, а въ другихъ, при долготѣ и краткости, сохраняется ударѐніе на корнѣ, Сербск. *сѐ-л-о, сѣ̀д-л-о, стѐк-л-о, ля́йц-е, ок-н-о*): „два *се-л-а́, сѣд-л-а́, стек-л-а́, клей-м-а́, яр-м-а́, пят-н-а́, ок-н-а́, лиц-а́, яйц-а́, верет-ен-а́, кол-ес-а́.*“ Совершенно на оборотъ, для 1-й половины словъ Им—ый Мн. переноситъ ударѐніе *на конецъ — дѣл-а́, пол я́, слов-а́—слов-ес-а́, тѣл-а́—ес-а́, дрѣ-в-а́ —дер-е-в-а́, чуд-ес-а́, врем-ен-а́* (и опять у Славянъ на корнѣ, много если на звѣнѣ — *неб-ѐс-а, чу-д-ѐ-с-а, плем-ѐн-а*), а для 2-й ударѐніе *возвращаетъ на корень*,—*сѐла, сѣ̀д-л-а* (*сѣ̀д-л-а*), *стѐк-л-а, клей-м-а, пя́т-н-а, о́к-н-а, ля́ц-а, я́йц-а, кол-ёс-а.* Все почти количество словъ Ср. р распадается у насъ на 2 эти половины, съ 2-мя разными ударѐніями, а) въ Ед—омъ съ Дв—ымъ и б) во Мн—омъ. Лишь немногія исключенія: *пле́м-я* и *плем-я́*, два *пле́м-ен-и, плем-ен-а́*; *сто́й-л-о, по́й-л-о* (и т. п.), два *сто́й-л-а*, Мн. *сто́й-л-а, по́й-л-а*; съ удар. на звѣнѣ—*кол-ь́-н-о*, два *кол-ь́-н-а*, Мн. *кол-ь́-н-и, верет-е-н-о́*, (Сербск. *врет-ѐ-н-о*), два *верет-е-н-а́, верет-ё-н-а, пол-ь́-н-о—два пол-ь́-н-а*, во Мн. Собират. *пол-ь́-нья*, и т. п. Что при „двухъ“ стоитъ дѣйствительно *Двойственное* — по *формѣ*, на *а, я, и* (хотя и розное отъ Ц. Сл—го, и употребляемое пынѣ для функціи Множ—аго), это доказывается: 1) строго проведенною разницею ударѐнія отъ Мн —го; 2) аналогіей Муж. рода, въ Дв. на *а* и *я*, по Смѣшанному склоненію на *и*, повсюду, и въ Ц. слав., и въ Санскритѣ (*â ê î*); 3) въ частности аналогіей нашего *времени, пламени* и т. п. съ Ц. слав. Дв—ымъ *имени, врѣмени, камени*, Санскр. *nâm-n-î*, при чемъ весь Ср. родъ въ Дв—омъ принимаетъ тамъ суфф. *n*, образуя *nî*, а слѣдовательно вездѣ равняется нашему *времени, имени*. И по этому К. С—чь весьма мѣтко указалъ (стр. 312 и дал.) на признакъ *нашего* Дв аго, на *а*, одинаково и въ *М.*, и *Ср. родѣ*. Если здѣсь Ц. слав. языкъ и наша письменность древняя, по его вліянію, а также нѣкоторыя Слав. парѣчія, имѣютъ *ѣ* вм. *а*, *и* вм. *я* (сходясь однако съ нашимъ пынѣшнимъ суффикснымъ на *ни* и смѣшаннымъ—пя́т-и, два *пут-и*),— это значитъ, что они удерживаютъ *одинъ* видъ Дв—аго, съ прибавленіемъ Соединительнаго *и* (*а + i = ѣ*, откуда уже понижается и смягчается простое *и* вмѣсто нашего *я*,—Ц. Слав-ое *пол-и, мор-и*; но наше *я* въ Дв. *пол-я, мор-я* — также *i + a = ѣ*); а мы имѣемъ еще видъ *другой*, съ *а*, въ смягченіи *я*. И самое наше *дв-а*, согласно М. роду, въ Среднемъ не перешло въ *дв-ѣ* (какъ въ Ц. сл.): очень естественно, что оно же ассимилируетъ при себѣ, „два *дѣла, поля*,“ какъ и въ М. р. *вола́, бе́рега*. Если, далѣе, таково же у насъ Дв—ое при *три, четыри*, то нужно вспомнить, что эти формы *повсюду* „продолжаютъ“ въ себѣ *склоненіе* Дв—ое, а при себѣ *управленіе* Дв—ое. Если въ прочихъ случаяхъ *а* и

я Дв. Ср. р. совпадаетъ съ Род—ымъ Ед., то лишь только *совпадаетъ*, какъ и при Муж. родѣ —никого этимъ не соблазняя; при *двое, трое, четверо* и т. д., чисто Собирательныхъ, переходящихъ отъ счета въ суммарность, употребляется *истый* Род—ый, но *Мн—го — людей, человѣкъ*, не *человѣка*; Русскій не скажетъ *три* или *четыри человѣкъ*, а въ Ср. р. не скажетъ *трое—четверо мѣстъ, дѣлъ, морей*, напротивъ *три — четыри мѣста, дѣла, моря:* при *пять* и далѣе снова Род—ый *Мн—го*. По Ц. славянски, въ суффиксныхъ *н, с, т*, чтобы не было подобныхъ совпаденій, *намѣренно отличёнъ* Род—ый Дв—аго на *е* (и это явленіе болѣе позднее) — *камен-е, имен-е, небес-е, чоудес-е, жрѣбат-е* отъ Дв—аго на *ни, си, ти*, а за тѣмъ и *тѣлес-е* отъ *тѣлес-ѣ:* у насъ, если существуетъ *времен-и, племен-и*, но нѣтъ *чудес-и, небес-и* (такъ какъ безъ суффикса Дв—ое *чу́д-а, не́б-а*), то за то *небес-а́, чудес-а́* одинаково напоминаютъ Дв—ое на *а*. Если мы все это „употребляемъ" нынѣ и во *Мн—омъ*, то лишь *употребляемъ*, какъ у Сербовъ Дв—ое *има* употребляется для Мн—аго. Никто въ мірѣ не докажетъ намъ, чтобы Сербск. *ко́л-а* (отъ *ко́л-о*, два колеса, первобытный возъ), 6-й пад. *ко̀л-има* (откуда *Ѳ. И. Буслаевъ* счастливо производилъ *колима-га, колыма-га*, идущая колесами, повозка), или *ле́д-я, ле́д-и-ма* (между двухъ плечь, межи-плечи, межи-плечье) были бы не Двойственнымъ, какъ и Ц. Сл—ое, Сербск. и наше *оуст-а, у́ст-а, уст-а́* (собственно „двѣ губы," послѣ же „губы" и „ротъ"), *нѣд-р-а, нед-р-а, нѣ́дра, я́дра* (между двухъ грудей, противоположно межиплечью). Но объ этомъ, въ слѣдъ за К. С—чемъ, мы говорили уже на стр. 314-й и далѣе.—Итакъ, при одинаковости формъ и флексій, въ Ср. р. у насъ ударенія Мн—аго совершенно *противуположны* удареніямъ Дв—аго и этимъ *отличаютъ* Мн—ое отъ Дв—аго, такъ сказать зорко слѣдя одно за другимъ: если въ одномъ удареніе *одно*, то въ другомъ непремѣнно *иное*. Средній родъ обычно вырабатывается въ языкахъ *позже* другихъ, какъ отвлеченный: потому въ немъ замѣтнѣе и нѣкоторыя аналогіи съ другими родами старшими, что̀ мы и видѣли въ Дв. Ср. р. на *а* и *я* подобно М. роду; здѣсь замѣтнѣе и весь ходъ или процессъ поступанія, т. е. отъ Ед—аго чрезъ Дв—ое ко Мн—ому. Двойственное во всякомъ случаѣ ближе къ Ед—ому, раздѣляя съ нимъ и *мѣсто*, а по отношенію къ долготѣ, и *значеніе* или *качество* ударенія; Мн—ое непремѣнно *отличаетъ* себя отъ Дв—аго и ступаетъ *дальше*. Для 1-го изъ означенныхъ рядовъ, гдѣ (за Ед—ымъ) въ Дв—омъ удареніе *на корнѣ*, слѣдовательно *старше* и потому избѣгаетъ еще формъ *суффиксныхъ*, употребляя *не́б-а, чу́д-а*, даже тематическое „два *вре́-м-я*," вм. *вре́м-ен-и* (Сербск. Род—ый Ед. *на* и *та*, коимъ хотѣли отличить Ед—ое отъ Дв—аго *ни*, подобно Ц. сл. *не*, возникъ несравненно позже, уже отъ формы *но* и *то: вриjѐм-ен-а, тѐл-ет-а*),—для сего 1-го ряда, поступая впередъ, Мн—ое перенесло удареніе на *флексію* Им—аго, въ *конецъ* слова. Конечно это для отличія: но какими же *средствами* и, такъ сказать, по какому *праву* языка? Въ суффиксныхъ, т. наз. „нарастающихъ," это объяснимо легче: здѣсь прибавился слогъ *ен, ес*, и перетянуло или перевѣсило на *а*,—*слов-ес-а́, чуд-ес-а́, врем-ен-а́*; у Славянъ съ долготою мы видѣли здѣсь *ѐс, ѐн*; и у насъ *сло́в-ы, чу́д-ы, тѣ́л-ы, дрѣ́в-ы, де́рев-ы* (Соедин—ый); но *слов-ес-ы́, чуд-ес-ы́, тѣл-ес-ы́* (какъ произносимъ мы въ Церковномъ языкѣ доселѣ) и т. д. Почему же рядомъ *слов-а́, тѣл-а́, дерев-а́* и т. д.?

Очевидно, послѣ Дв –аго, образованіе Мн—аго началось *Собирательнымъ*: это *а́* здѣсь то же, что въ М. р. *хлѣб-а́, образ-а́, голос-а́, учител-я́* сравнительно съ „два *хлѣ́б-а, о́браз-а* и т. д. (ср. выше), т. е. это *а́* въ Ср. р. есть *Собирательное*. Отличіе отъ Муж. р. то, что тамъ въ Им—омъ Мн—аго осталось *двойство*, по Двойственному и по Собирательному, — *хлѣ́б-ы* и *хлѣб-а́, вѣ́к-и* и *вѣк-а́*: а здѣсь въ Ср. р. *исключительно* (почти) пересилило Собирательное, сравнительно дальнѣйшее и новое, окончаніе на *а́*. Этимъ и ограничивается сходство съ Муж. родомъ, ибо во 2-мъ ряду (см. выше), гдѣ Двой—ое М. р. имѣетъ ударе́ніе на флексіи *а́*, тамъ и Мн—ое ударяетъ на *и* или *ы* (*вол-ы́, сапог-и́, дурак-и́, грѣх-и́, царь-и́, дворы́* и т. д.; таковъ же и Сосд—ый), но не образуетъ *Собирательнаго* на *а́* (въ родѣ *вол-а́*). (Здѣсь начинается *вторая* ступень Собирательныхъ — на *іе-ье*, Мн. *ія, ья*, о коихъ въ другомъ мѣстѣ). Слѣдовательно, 6-й падежъ Мн. *а́-ми* образуется здѣсь по *Дв—ому* (*вол-а́ми, сапог-а́ми, царя́ми*). Лишь въ немногихъ ударе́ніе Мн—аго возвращается въ М. р. *на корень*, и то въ разрядѣ склоненія „смѣшаннаго," съ основою *и*, т. е. въ союзѣ съ *Женск. родомъ* („два *кон-я́*" — *ко́н-и*); но и тутъ въ М. р. 6-й падежъ идетъ по *Дв—ому, я́-ми* (*кон-я́ми*). Между тѣмъ Ср. родъ при 2-мъ разрядѣ во Мн—омъ обыкновенно (см. выше) возвращаетъ ударе́ніе *на корень* (*сѣ́л-а, о́к-н-а, лиц-а́*), стало быть идетъ по аналогіи р. *Ж—аго* (*слёз-ы, ли́ск-и, го́лов-ы*: см. выше). Аналогія съ Ж. родомъ здѣсь разительна. Дѣйствительно, въ Ж. родѣ конечно издавна было, какъ и есть у помянутыхъ Славянъ доселѣ, ударе́ніе на корнѣ (у насъ *гру́д-а, ры́б-а, до́л-я, сви́-я, ку́ч-а*; Сербск. то же и *жѐн-а, да̀ск-а, ко̀р-а*, и т. п.): это не мѣшало, въ разрядѣ *а*, конечному *а* и *я* быть *долгимъ*, каковы въ древности всѣ окончанія Ж. р. *по преимуществу*. Но, съ теченіемъ времени, хотя очень давно уже, гласность корня у Славянъ пошатнулась: напр. вмѣсто старшаго *а* (Санскритъ) явилось слабое—производное *е* или *о* въ *жен-(gen-s), ног-*; или вм. *оу* и *ж* простое, краткое *у—рук—*; или вм. того же *а*, особенно при *р* и *л*, наступили бѣглые же *о* и *е*, — *троп-, кор-* (старшее *трап-, кар-, кра-*); самые *р* и *л*, утративши гласность (какая есть въ Санскр. и на значительную долю при *р* въ Сербск., частію въ Чешск.), потребовали при себѣ поддержки *о* и *е*, или смягчились, откуда, сверхъ приведенныхъ примѣровъ, *сльз-*; вообще вмѣсто гласныхъ явились полугласные *ъ* и *ь*,—*дъск-, сльз-*; они реактированы въ бѣглые же *о* и *е* — *доск-, слез-*; древнее *а* разложилось (у насъ) въ два *о—голов-, бород-*; за формами простыми послѣдовали суффиксныя, прибавившія число звуковъ и отодвинувшія ударе́ніе, *голов-н—, стр-а-н—, стор-о-н—, бор-о-н—, тр-у-б—* (гдѣ и *у* изъ *оу*, *ж*, и суфф. *б*); ударе́ніе, отъ коего прежде была независима долгота, стало *замѣнять* ее, водворяться на прежнемъ ея мѣстѣ, а какъ она отличала *конецъ* Ж. рода, то именно въ *конецъ*: такимъ образомъ появились *жен-а́, ног-а́, рук-а́, троп-а́, кор-а́, сльз-а́, слез-а́, дъск-а́, доск-а́, голов-а́, бород-а́, стран-а́, сторон-а́, барон-а́, труб-а́* и т. д.

Еще шагъ, и въ яз. Общеславянскомъ началась реакція, хотя также очень давно: т.-наз. *вторичная* гласность пыталась изгнать полугласные и сама усилиться; ударе́ніе *возвращалось* на корень; воскрешалось тематическое склоненіе чрезъ *отбрасываніе* суффиксовъ и т. п.: но, какъ былое уже былью

поросло, воротить всего нельзя было, то средствами служили *тѣ же* гласные звуки, хотя подновленные; усиленіе ихъ сопровождалось звуками *новыми* явно новыми, какъ *ѣ* вм. *е*; средствомъ *напомнить* долготу послужило ударенiе на ея *быломъ мѣстѣ*, напр, въ корнѣ, и т. д. Этотъ шагъ параллеленъ образованію *Русскаго Множественнаго* числа, или, на оборотъ, наше Мн—ое, 3-й шагъ послѣ Дв—аго и Ед—аго, шло шагъ въ шагъ съ помянутой реакціей: вмѣсто ъ и ь утверждалось *о* и *е*, вмѣсто *е* усиленное *ё*; *о* и *е* усиливались переводомъ ударенія на нихъ; одно изъ двухъ *о* (смѣнившихъ единичное долгое *а*) получало также ударъ; выкидывались Суффиксы Ед—аго и Дв—аго, замѣнялись кратчайшимъ Собирательнымъ (какъ въ Муж. р. *инъ*), и т. п. Такъ образовались Именительные *жо́н-ы*, *но́г-и*, *ру́к-и* (вновь усиленное *у*), *тро́пы*, *ко́ры* (усил. *о*), *слёз-ы*, *до́ск-и*, *го́лов-ы*, *бо́род-ы*, *го́ловн-и*, *стри́н-ы*, *сто́рон-ы*, *бо́рон-ы*, *тру́бы* и т. п. Въ особенности помогало этому то, что теперь уже не мѣшало въ концѣ древнее долгое *а́*, смѣненное намѣстникомъ —ударенiемъ на звукѣ *а́*: чтобы образовать Мн—ое изъ Ед—аго и принять *і*, *а* ослаблялось до *ъ-ра*, *я* до *ь-ря* или *й*: *жен-а́*, *жен-а́—жен-ъ-і*; *змѣ-я*, *змѣ-і-а*, *змѣ-j-а—змѣ-j-и*, *змѣ-й-и* (*змѣ-ь-и*); отсюда *жо́н-ы*, *змѣ-и*. Еслибы въ Ж. р. существовало Собирательное *а* для Мн—аго (какъ въ М. р.), такого явленія не случилось бы, вышло бы то же *жен-а́*, *змѣ-я́*, какъ *воз-а́*, *край*: отсутствіе Собирательнаго *а* помогло противному (Женскія Собирательныя, какъ *господ-а*, *мол-ва*, *Лит-ва*, *пал-ъ-ба*, *мо-л-от-ъ-ба*, *ход-ъ-ба*, *пѣхот-а* и проч. рѣдко достигаютъ Мн—аго, или для сего обращаются въ *б*, *овъ*, *обь*— напр. *др-об-ъ* — и т. п.).

Соединительный сходенъ въ сихъ судьбахъ съ Им—ымъ. Но тамъ, гдѣ вмѣстѣ образовался Твор—ый, гдѣ звукомъ *м* напоминалось Ед—ое и Дв—ос, гдѣ возстановлялось *а* и на немъ ударенiе, тамъ, разумѣется по Ед—ому Им—ому и Дв—ому Твор—му, явилось *жен-а́ми*, *ног-а́ми*, *слез-а́ми* и т. д. (см. выше). Тѣ слова, кои по обстоятельствамъ не прошли всего означеннаго процесса и реакціи, тѣ остались въ сторонѣ по древнему на всѣхъ ступеняхъ, какъ *ку́ч-а*, *до́л-я* и т. п. Помянутая *ступ-н-а́*, возникшая изъ *стоп* — и *ступ* — (*оу*, *ж*) съ суффиксомъ, а потому пріобрѣтшая ударенiе на концѣ, сродная со *ступ-ъ-н-ь* и *ступ-е́-н-ь*, т. е. разряда *и* и Смѣшаннаго склоненія, — она имѣетъ во Мн. *ступ-н-а́*, а въ народѣ и *сту́п-н-и*, возвращаясь къ формѣ *ступ-е́-н-и* и даже *сте́п-е-н-и*, такъ что употребляется и *ступнёю*, и *ступе́нью*, и *сте́пенью*, и *ступна́ми*, и *ступе́нями*, и *сте́пенями*. *Стез-я́*, *стез-и́*, *стез-я́ми*, болѣе письменное по вліянію Ц. слав—аго (*стьз-а́*), замѣняется въ народѣ употребленіемъ *стёж-к-а*, *стёж-к-и*, *стёж-к-ами*; подобнымъ образомъ можно растолковать и прочія, кажущіяся, исключенія. Той же реакціи обязана *вторичная гласность* Сербск. языка, которою онъ славится и достигаетъ благозвучія (подобно нынѣшнему Итальянскому съ господствомъ гласныхъ). Правда, она нѣсколько *ранѣе* нашей, заявивши себя еще на 1-й ступени, въ *Ед—омъ* числѣ: но она, потому же, во многомъ ограничилась Дв—ымъ (ср. *има*) и не дошла до Мн—аго, напр. до нашего *Собирательнаго* на *а*, которое тамъ не нужно съ ударенiемъ, ибо нѣтъ ударенія на концѣ и въ Ед—омъ. Правда, тамъ больше соблюдено и *долготы*, и *ударенiе* на *корнѣ* или *ближе* къ корню: ибо народъ менѣе раз-

вивался изъ корня, менѣе нашего жилъ въ исторіи и прожилъ. Тѣмъ не менѣе, *вторичность* гласности бьетъ тамъ въ глаза: *сȕз-а*, *вȕн-а* уже изъ *сльз-а*, даже изъ *сълз-а*, изъ *вълн-а* и *влън-а* (какъ у насъ *тȕч-а* изъ *тълщ-а*, *обуть* изъ *обълчь*, *облѣчь*); *дȁск-а* уже изъ *дъск-а*, какъ и большинство звука *а*—новаго, прошедшаго черезъ *ъ*; *кȍра* уже подняла гласный *р* въ *ор*, со зв. бѣглымъ(кор. *кр-а*); *жѐн-а* не вернетъ древнѣйшаго *жан* — и *джан* — (которое черезъ реакцію возстановляется во Франц. *gen* —), а во Мн. *жѐн-е* ничѣмъ ни выше, ни старше нашего *жо́н-ы*; *гла́в-а*, *мла́д-а* и всѣ подобныя съ уцѣлѣвшимъ древнимъ *а* и удареніемъ чаще, чѣмъ гдѣ либо у Славянъ и чѣмъ у насъ, но есть же и у насъ *гла́в-ы*, *гла́в-ами*, *мла́д-а* и *млад-а́*, и т. п., да *еще* фф. съ двумя *о*.

Возвращаясь къ Ср. роду во 2-мъ разр. словъ, видимъ яркую аналогію съ Ж. родомъ: всякое окончаніе Ср. р. въ Ед. есть уже сравнительно младшее,—*о* и *е* звуки бѣглые и производные, *мѧ* или *мя* суффиксное, а потому они въ прочихъ флексіяхъ легко уступаютъ на концѣ слова и старшимъ звукамъ, напр. *и* или *а*, особенно *а* долгому или съ удареніемъ, и столь же легко теряютъ вовсе эти звуки вмѣстѣ съ удареніемъ, которое переносится выше. Но сверхъ того, во 2-мъ разрядѣ, изъ помянутыхъ выше примѣровъ, подобно разобраннымъ Женскимъ, *сѣд-л-о́* есть производное съ суффиксомъ (причастнымъ прошедш. *л*) и легко ослабляетъ *ѣ* до *е*, что̀ и оказывается въ словѣ одного корня *се-л-о́* (мѣсто, гдѣ сѣли), которое предполагаетъ еще глубже *сь-л-о́*; *стек-л-о́*, одинаково суффиксное, имѣетъ передъ собою Ц. слав. *стьк-л-о* (расплавленное, стекшее или стёклое изъ плавки, раствора), а у насъ теряетъ даже *ь* и *т*—*ск-л-о* (*скляный*, *склянка*), далѣе же, чрезъ реакцію возникающей гласности, Сербск. *стȁк-л-о* (*а* изъ *ь* и *ъ*), наше *стак-а́нъ*; *клей-м-о́* производное суффиксное (причастіе страдат. настоящ. *м*: *мо*—*мѧ*—*мен*); *пят-н-о́*, *ок-н-о́*—таковы же (причастн. страдат. прошедш. *н*: *пѧт*=*пѫт*=*пѧд*=*пѫд*,—вдавленное въ подъ, нажатое, отъ дава и нажима пятою или пядью, пудомъ—pond-o—вѣсомъ, откуда Ц. сл. *пѧтно*—шпора, уколъ, а *пѫд-ити*—понукать, толкать, гнать (и стеречь—отгоняя); кромѣ того, *ок-но* (которымъ проходитъ и смотритъ *око*) и *пѧт-но* (изъ носоваго образуется *я*) получаютъ у насъ въ выговорѣ дальнѣйшее еще пониженіе звука—*петно́*, *акно́*; *ли-ц-о́* (вм. *лик-ц-о*), *яй-ц-о́* (=*це*) — уменьшительныя и суффиксныя отъ *лик-ъ*, *яе* (Сербск. *я́є*), а послѣднее въ выговорѣ *и-цо́*; *кол-ес-о́*—суффиксное производное отъ *кол-о*, и т. д. Всѣ они одинаково разъясняются: потому, какъ и въ Ж. р. при семъ случаѣ (см. выше), они получаютъ въ Им—омъ Мн—аго, съ усиленіемъ гласныхъ и возвратомъ ударенія, совершенно законныя формы: *сё́дла*, *сё́ла*, *стё́кла*, *пя́тна*, *о́кна*, *кле́йма*, *ли́ца*, *я́йца*, *колё́са* (съ поднятіемъ звука *е* до *ё* въ звѣнѣ и суффиксѣ, какъ *пол-ѣн-а*, *стрем-ён-а*) и т. д. Аналогія съ Ж. р. простирается здѣсь до того, что не только Соединительные на *ы*, но такіе же образуются у насъ въ народѣ и Именительные (ср. выше превращеніе Женскаго *а* въ *ы*): и въ творчествѣ, и въ обиходѣ безпрерывно *сё́дл-ы*, *сё́л-ы*, *стё́кл-ы*, *пятн-ы*, *окн-ы*, *клейм-ы*, *лиц-ы* (это даже въ письменномъ языкѣ, риѳмуясь съ *языцы*), *яйц-ы*, *колё́с-ы*. Стало быть, здѣсь *а* еще легче уступаетъ, чѣмъ въ Ж. р.: тамъ по необходимости, для образованія Мн. числа и новой флексіи, здѣсь безъ нужды и съ переходомъ въ другой родъ. Отчего

это? Очень понятно: тогда какъ въ Ж. Ед. Именит. *а* долгое, а отсюда къ нему перешло удареніе, здѣсь напротивъ *а*—вполнѣ *краткое*.

Это же дастъ намъ разгадку для всего послѣдующаго. Въ самомъ дѣлѣ, по видимому въ Ж. р. 6-й падежъ Мн. держится въ удареніи или коренного мѣста (*кучами*, *долями*), или, при 2-мъ разрядѣ, держится не Мн—аго, а Ед—аго и Двойственнаго (*женами*, *слезами*): въ Ср. же родѣ, при 1-мъ разрядѣ, идетъ аналогически по Муж. роду и Собирательному, съ удареніемъ на *ами* (*дьлами*, *полями*, *временами*, *небесами* и т. д., какъ *возами*, *вьюками*, *клубами*, *образами*); а при 2-мъ разрядѣ, гдѣ бы оставалось довершить аналогію *съ Ж. родомъ*, пойти по Ед—ому и Дв ому, не *по Множественному* (въ родѣ *сѣдлами*, *пятнами* и т. п.), тутъ, какъ нарочно, Ср. родъ *отступаетъ*, т. е. переводитъ удареніе на *корень* и даже *оглашенный* или *новѣйшій звукъ*, чѣмъ столь гнушается Ж. родъ,—*сёдл-ами*, *сёл-ами*, *стёкл-ами*, *пятн-ами*, *ок-ами*, *клеймл-ами*, *яиц-ами*, *яйц-ами*, *колёс-ами*. Иначе сказать, *всюду* окончаніе *ами* въ Ср. р. держится исключительно *Множественнаго* (Именит—аго) и съ нимъ въ точности сообразуетъ свои ударенія, то ставя ихъ на *а*, то прочь снимая: а для того, на извѣстномъ рубежѣ, *прекращаетъ* аналогію какъ съ Муж., такъ и съ Женскимъ родомъ. Явно, что Ср. родъ и *позднѣе*, *моложе* двухъ другихъ, и идетъ *дальше*, вырабатывая противу нихъ свою *особенность* и *специальность*. Но какая же основа къ тому, raison d'être? Самый строгій логическій выводъ изъ всего предыдущаго дастъ намъ разъясненіе и для этого, такъ что мы можемъ идти обратнымъ путемъ—въ верхъ отъ послѣднихъ своихъ выводовъ. А именно:

аа) Удареніе по числу *Множественному* беретъ себѣ *нормою* 6-й падежъ Ср. р. на *ами* отъ того, что какъ число это и падежъ развились и опредѣлились сравнительно *позже*, такъ самый Ср. родъ позже и новѣе другихъ двухъ родовъ: онъ возникаетъ въ язз. часто на глазахъ уже положительной исторіи, онъ всего болѣе производенъ (ср. выше причастные суффиксы); онъ Суффиксенъ (въ Санскритѣ по преимуществу); онъ слабѣе и неопредѣленнѣе гласными.

бб) Какъ въ Ед—омъ *о* и *е*, такъ во Множ—омъ здѣсь *а* повсюду и *по существу* своему *кратко*, *a*: оно кратко у насъ, въ Латинскомъ, въ Греческомъ (при суффиксахъ), уже въ Зендѣ, а въ Санскритѣ даже *еще не зарождалось*, ограничиваясь сочетаніями суффиксными въ родѣ *сн*, *нн*, т. е. какъ у насъ первообразные Муж. р. *пламен*—, *времен*—, *имен*—, *небес*—и т. п., которые переходятъ чрезъ Дв -ое Муж. рода и Среди. *нн*, *сн*, во Мн—ое Ср. рода *н-а*, *с-а* (*vacânsi*, *nâmâni*—*словеса*, *имена*, *словеса*, *имена*; ср. выше, стр. 312—339).

вв) Какъ краткое, слабое и уступчивое, это *а* легко устраняется и дастъ мѣсто флексіямъ другимъ, въ особенности старшимъ, при чемъ теряется личность и специальность рода (какъ и подобаетъ *Среднему*), напротивъ выдаются *равные* роды и даже родъ еще *Общій*, съ неопредѣленными или растяжимыми звуками въ родѣ *ы*, *у*. и т. п., о конхъ мы говорили выше по поводу *меды-соты*, *меда-соты* (стр. 317 и дал.): являются эти, столь извѣстныя у насъ, *небёсы*, *временѣ*, *ядры*, *вины* и т. д.

гг) Такое *а* уступаетъ удареніе свое и *корню—сто́йл-а—ами*, *па́сьм-а—ами*, *о́кн-а—ами*, *ли́ц-а—ами*, и—хуже еще—всякимъ новымъ, производнымъ гласнымъ,—*сёдл-а—ами*, *стёкл-а—ами* и т. д. Женское *жена́*—(двѣ) *жены́*, *слеза́*—*слезы́* и т. п., представляетъ еще борьбу, уступая звуку *и* въ Именит. Мн—аго, поелику *а* въ основѣ долгое и удареніе здѣсь есть намѣстникъ долготы, а это всё предстоитъ потерять въ формѣ *жо́н-ы:* въ Ср. же родѣ это совершается безъ противодѣйствія, уступкою звука *о* (*сел-о́*) и *а* (два *сел-а́*), да и самое *а* (*сёл-а*) легко уступаетъ звуку *ы* (*сёл-ы*). Потому на *ами* здѣсь не только *не должно*, но и *не можетъ* быть ударенія, ибо *а* краткое, и ударенію нечего отстаивать; иначе, говоримъ, и не можетъ быть, какъ *ами* безъ ударенія.

дд) Какъ такое же, слабое и краткое своими окончаніями, Множественное Ср рода подчиняется легко аналогіи родовъ главнѣйшихъ, особенно Мужескаго: иначе сказать, здѣсь являются формы *Муж. рода*, *употребленныя* для Средняго; здѣсь Средній еще *выраждается* изъ Мужескаго. Въ такихъ случаяхъ и удареніе оказывается на *а́*, *а́-ми* (*я́*, *я́-ми*: *мѣст-а́ — а́-ми*, *пол-я́—я́ми*): это то же, что *Собирательное Муж. р.*, а таковое имѣетъ у насъ на *а* и *а-ми удареніе*, ибо оно по основѣ *долгое*, какъ въ Санскритѣ (см. текстъ стр. 331—337).—Съ этой точки зрѣнія *пламен-а́*, *племен-а́*, *времен-а́*, *небес а́*, *словес-а́* и т. д. суть ничто иное, какъ *Собирательное Муж. р.* отъ *пла́мен-* (ъ, ь), *пле́мен-*, *вре́мен-*, *не́бес-*, *сло́вес-*, и, какъ Собирательное, относятся къ Дв—ому на *и* (одинаковому въ Муж. и Ср. р. *ка́мен-и*, *пла́мен-и*, отъ тематическаго *ка́м-ы* и *пла́-м-ы* или *пла́-мѧ*), равно и ко Мн—ому на *ы—небёс-ы*, *словес-ы́*, *племён-ы*.—Ц. Слав. Им—ый на *е*, напр. *камен-е*, есть то же, что дальнѣйшее Собирательное на *е*, *іе*, *ье*, *ьё* (и это доказали мы выше); великая честь указаній и почина всему этому воззрѣнію принадлежитъ именно К. С—чу (см. текстъ).

ее) Не лишни нѣкоторые выводы изъ сказаннаго. Одно изъ величайшихъ заблужденій, царствующихъ въ наукѣ Славянской доселѣ,—признавать *нормою* Дв—аго только *тѣ* формы, которыя сохранились *въ Ц. Слав. яз.* и, естественно возводя къ нимъ формы остальной *письменности* Славянской, въ *живыхъ*, устныхъ, нарр. Слав—хъ признавать остатками Дв—аго *только то*, что̀ подходитъ къ Ц. Слав. языку и съ нимъ сообразно.—а) О формѣ для Им—аго Муж. р. на *а* и *я*, продолжающейся у насъ доселѣ при *два* и *оба*, никто не споритъ, такъ какъ она равняется Ц. Сл—ой. — б) О ф. Им—аго въ „смѣшанномъ" склоненіи и родѣ на *и* (два *пути*, *дни*)—то же и потому же. — в) О фф. Им—го въ сродныхъ суффиксныхъ, т. наз. „нарастающихъ," на *мы*, *мѧ*, *тѧ* и *ѧ* то же и потому же (два—оба *камени*, *корени*, *времени*, *пламени*, *жрѣбѧти*, *дѣтѧти*, наше *дитяти*, при чемъ М родъ имѣетъ въ Ц. слав. *дъва*, *два*, Средній *дъвѣ*, *двѣ*, у насъ въ обоихъ случаяхъ *два*).—г) О фф. для Им—аго Ж. р. на *я* и на *и* (собственное или смѣшанное) то же и потому же (двѣ, обѣ *во́ли*, *змѣи́*, *ко́сти*, при чемъ у насъ, какъ въ Ц. слав., *двѣ*, при „смѣшанномъ" *два* или *двѣ*).—д) О ф. для Им—аго Ж. р. въ „нарастающихъ" или суффиксныхъ то же и потому же (двѣ — обѣ *матери*, *дочери*, *церкви*, *любви*, *ятрови*, *свекрови*, при чемъ гдѣ въ Ц. слав. *любы*, *цьркы*, тамъ и у насъ *я́тры*, *свекры́*. — е) Не возникаетъ спора и о

тѣхъ фф., гдѣ *отступленіе* отъ приведенной нормы, но встрѣчается оно какъ у насъ со Слав. нарѣчіями, такъ и *въ Ц. сл—омъ*, напр. въ отдѣлахъ б) и г) наше и Слав. *огня́* (при *огни́*: въ Ц. слав. очень древнихъ памятникахъ *огнꙗ*) или по тому же образцу *дня* и т. п.—Но тотчасъ начинается *сомнѣніе*, какъ скоро у насъ или гдѣ либо въ Слав. нарр. не сходно *съ Ц. слав.*: тотчасъ объясняютъ это не *Дв—ымъ*, не *остаткомъ Дв—аго*, а *Род—ымъ* Ед—го или *Им—ымъ Мн—аго* и т. п. Таковы случаи: 1) гдѣ, по отдѣлу в), является у насъ, при *ка̂мени, ко́рени* и т. п., *еще* и *чаще—ка́мня, ремня́, пе́рстня*, хотя это совершенно равно и аналогично съ *огня́, дня* и т. п.;—2) гдѣ у насъ, по отдѣлу б) и г), при *пути́* и т. п., *еще* и *чаще* является *путя́, звѣ́ря, го́стя, зя́тя, ло́ктя, но́гтя, медвѣ́дя, те́стя, червя́* и т. п., хотя это равно и аналогично съ отд. е), какъ *ремня́* и *ка́мня, огня́* и *дня́*; хотя, далѣе, Им—ый Дв—аго по нормѣ и у насъ равенъ Род—ому Ед—аго, а въ семъ послѣднемъ у насъ и *дни*, и *дня, пути́* и *путя́*, въ Ц. слав. же при Род—омъ на *и* очень древенъ падежъ на *а* и *ꙗ—господ-а, звѣрꙗ*, а позднѣе *пѫта, зѧта, звѣра* (какъ доселѣ въ Сербск. съ перегласовкою), или на *тѣ* и *дѣ*= *тꙗ* и *дꙗ*; хотя также, еще далѣе, по нормѣ и у насъ, Род—ый Ед. и Им—ый Дв—аго сходны съ Им—мъ Мн—аго, напр. *кости—кости—кости* въ отд. г), *пути—пути—пути*, одного *медвѣ́дя*—два *медвѣ́дя*—многіе *медвѣдя́*, одного *ко́рени*—два *ко́рени*—многіе *ко́рени* и *ко́рни* (*ко́рьни*) и т. д.

ж) Особый отдѣлъ, ближайшій къ предыдущему, особенно въ *Ср. родѣ*, составляетъ 6-й падежъ Мн. ч. *Собирательный*, на *я-ми* или, лучше, *ь-ями*. Тамъ, гдѣ въ Муж. р. прекращается путь *Собирательной флексіи* для образованія Мн—аго (и мы эту границу указали выше, напр. въ случаѣ, когда, по старой долготѣ, Дв—ое имѣетъ *а́* съ удареніемъ, *сук-а́, кола́, угля́*, Собирательное на *а́* было бы повтореніемъ, и тогда является *сучье, колье, уголье*); тамъ, гдѣ прекращается такой же путь для Ж—аго, не доходя до Мн—аго (также выше—Слав. *госпо́да*, наше *ходьба́, пальба́* и т. п.; или въ классѣ *и* и Смѣшанномъ—напр. *гнил-ь, вон-ь*, и т. п.); гдѣ и Средній не можетъ итти по Мужескому (напр. *полѣ́но*, два *полѣ́на*: Мн. *полѣ́на* было бы повтореніемъ Дв—аго; *полѣна́*—какъ *времена́*—невозможно, и является—*полѣ́нье*); гдѣ не только кончается дѣйствіе звука *а́* и *а* (*господа́, боя́ра, бо́яра, Тата́ра*), но даже однозначущаго *е* (*боя́ре, бо́яре, Тата́ре, Цыга́не*: отличное отъ подлиннаго Им—аго *боя́ры, бо́яры, Тата́ры, Цыга́ны*), а для Ж. р. *и* (*мол-ь, мо́л-и, люд-ь, люд-и*, ср. выше): тамъ вступаетъ, примѣнительно ко Мн—ому, *Собирательный суффиксъ*, сперва *гласный е, іе, ье, ьё* (примѣры ниже), а потомъ и *согласный ав, ов* и проч. Притомъ, прежде послѣдуетъ это нормѣ *родовъ* съ ихъ окончаніями, напр. Муж. р. *сынов-(ъ, ь)*—Множ. *сынов-е, краѥв-(ъ, ь)*—Мн. *краѥв-е, Татаров(ъ, ь)*—*Татаров-е* (= *бояре, камене*); Ж. р. *кр-ы* (*кр-ав-а*, Санскр. *кр-ав-ья* = кровяное, мясо, *car-o*)—*кр-ов-ь*, Мн. *кр-ов-и*; *цѣрк-ы, свекр-ы* (въ самой основѣ Собирательное и Общее: *circus*, циркъ, соборъ, церква, и *circ-i*, церквы, собранія, соборы; свекоръ и свекровь вмѣстѣ),—*це́рк-ов-ь, свекр-о́в-ь* (столь же Собирательное какъ *морк-о́в-ь—мо́рк-ва* и т. п.), Дв. и Мн. *церк-в-и, свекр-ов-и* (ср. *времен-и, небес-и*): или Ср. р. *я́тр-о, я́тр-а, нѣ́др-о, нѣ́др-а, нутр-о́, ядр-о́, я́др-а*, съ переходомъ въ Общій родъ—*я́тр-ы*, Ж. р. *я́тр-ов-ь*, Дв и Мн. *я́тр-ов-и*; вообще же,

на мѣсто *а* или прежде его возникаетъ Общее и Собирательное *ы*, раскрываемое въ *ов* и *ев* съ окончаніемъ Ср. р., напр. Санскр *дру-*, Греч. δρυ-, наше *др-ев-о* (др-ѣ-в-о), *дéрев-о*, Мн. *дер-ев-á*, *др-ов-á* (еще съ суфф. *дрѣвес-а*): *кур-ев-о*, *зáр-ев-о*, *мáр-ев-о*; *лю́б-ъ*, *лю́б-а*, *лю́б-о*, *люб-ы́* (*люб-ов-ъ*, ср. *ятр-ов-ъ*)—*Лю́б-ов-о* (мѣсто, городъ: Дан. Заточникъ), Мн. д. б. *Любов-а*. -Но потомъ и это подчиняется тому же движенію, пріобрѣтая, сверхъ согласнаго, *еще* гласный Собирательный суффиксъ *е*, *іе*, *ье*, *ьё*.—Наконецъ, согласно тому же пути, сначала это *Собирательный Именительный Мн. числа* (въ замѣнъ *á*, *е*, *и*), не повторяющійся въ остальномъ склоненіи: *брáт-іе*, *мóл-іе*, *лю́д-іе*, *пу́т-іе*, *княз-іе*, *муж-іе* (Ц. слав.); далѣе уже *Ср. родъ Ед—аго*,—*пу́т-ье*, *пут-ьё*, *княж-ьё*, *муж-ьё*, *су́ч-ье*, *суч-ьё*, *кóл-ье*, *камéн-ье*, *у́гол-ье*, *угол-ьё*, *мужич-ьё* (отъ Муж. р.), *лю́д-ье*, (*не-*)*лю́б-ье*, *гнил-ьё*, *мóл-ье*, *тряп-ьё*, (*мало-без-*)*кр-ов-ье*, (*не-*)*люб-óв-ье* (отъ Ж. р.), *кум-ов-ьё*, *сын-ов-ьё* (отъ Муж. р.), *дер-éв-ье*, *полю́н-ье* (отъ Ср. р.), а въ заключеніе снова *Им—ый Мн—аго Собирательный, по родамъ: у́гол-ья*, *брáт-ья*, *су́ч-ья*, *камéн-ья*, *кум-ов-ья́*, *сын-ов-ья́*, *сват-ов-ья́*, *Татáр-ов-ья*, *Улáн-ов-ья*, отъ Муж. рода, и всего *отъ него чаще*, ибо это *я* въ концѣ, смягченное, есть извѣстное намъ Собирательное *а* Мужескаго Мн—аго; рѣже отъ Ср—аго—*дер-éв-ья*, *пол-ю́н-ья*, и очень рѣдко отъ Женскаго—*я́тр-ов-ья*. Вслѣдъ за К. С—чемъ мы имѣли уже случай замѣтить (стр. 331 и дал.), что, послѣ Собирательнаго *á*, коему въ Санскр. отвѣчаетъ *â-s*, послѣ того, на ближайшей степени Собирательное Санскр *av-a-s* и *ya s* (=*я-е*, ослабляющія долгое *а* до краткаго) соотвѣтствуетъ нашему *ов-е*, *ов-я* и *ья* (*sûn-av-a-s* — *сы́н-ов-е*; *Татáр-ов-е*, *Татáр-ов-я*; *брáт-ья*): Зендскій Им—ый Мн. въ родѣ *pait-y-ô*, *âfrit-y-ô*, пайтьё, афритьё=нашему *братьё*, *битьё*, *сучьё* и т. д., а Зендск. *vô*=нашему *вьё* или Собирательному *во—курево*, *зарево*. Но еще это яснѣе въ косвенныхъ надд., гдѣ Санскр. Дат—ый и Твор—ый Дв—го *b'yâm*, *бьям*=нашему *вья́м-ъ*, Зендск. *byа*, *бья*=суфф. *вья* и флексіи *ма* или *ам-ъ*, *мя* или *ям-ъ* безъ ударенія; Дат—ый Мн. (перенесенный, какъ знаемъ, отъ Дв—аго и Твор—аго) Санскр. *b'ya s*, Зендск. *byô* опять=нашимъ суфф. *вья* безъ удар. и *вьё*, флексіямъ *вь-ям-ъ*, *мя* и *ям-ъ* безъ удар., *ём-ъ*. Главное же то, что во всемъ пройденномъ нами пути дѣйствуетъ *собираніе*, то во флексіяхъ, то въ суффиксахъ и суффиксахъ со флексіями; перебиваются и чередуются всѣ роды; переходятъ числа: собираніе и есть таково, оно скучиваетъ числа, въ своей формѣ лишаетъ роды спеціальности, пользуется для себя безразличными флексіями. Въ эпоху броженія такого способа, флексія, вмѣсто того, чтобы опредѣлять *число*, служитъ *собиранію* и лишь *въ концѣ* добивается опредѣленности чиселъ и падежей; Дв—ое переходитъ во Мн—ое, въ послѣднемъ отражается первое; родъ же дѣлается *Общимъ* *). Со стр. 317-й и далѣе, мы успѣли объяснить,

---

*) Въ миѳологіи и народныхъ образахъ этому соотвѣтствуютъ существа и имена *половинчатыя*, мужески-женскія, или то и другое вмѣстѣ, или ни то, ни другое, а Общее, въ послѣдствіи нерѣдко Среднее, и т. наз. „сложныя" слова, склоняемыя иногда каждое порознь (какъ часто въ Зендѣ, а у насъ „роду-племени," „отца-матери," „хлѣба-соли" и т. п.).

что этотъ *Общій* родъ, всего разительнѣе выдающійся въ окончаніи *у* и нашемъ *ы*, подраздѣляется на всѣ *три* рода и лишь позднѣе вырабатывается въ спеціальный *Средній*: путь отъ *ы* чрезъ *ов, овъ, овье, овьё* и до *овы* очень длинепъ, самое *ьё* есть уже звуковое сочетаніе очень *позднее*, очень *тонкое*, сравнительно съ корнемъ языка, хотя бы оно наступило уже и въ Зендѣ. Въ концѣ же концовъ все-таки дается родъ *Средній* и его Мн—ое, столь зыбкое, число. Его заключительная норма есть для Ед. Именит. *иж, іе, ьс*. Слав. *е, ьё* (напр. *селеніе, селенье*): Для Дв. Именит. *иш, іи, ьи* или у насъ другое *іи* и *ьи* (*селеніи, селеньи: селенія, селенья*): послѣднее чаще переносится на Им—ный Мн—аго (*селенія, селенья*), но въ народномъ языкѣ и говорѣ спускается и до *іи, ьи* (*селеніи, селеньи*); Соединительный *іи, ьи* (*съ селеньи, съ сучьи, съ угольи*); Твор—ный и вообще 6-й по П. слав. и нѣкот. Слав. напр *ьми* (*писи-ь-ми* и т. п.), у насъ чаще *ьями* (*селеньями*). – Итакъ, *ями* для 6-го падежа въ Русск. яз.,—вотъ нашъ выводъ. Оно всегда *мягко* (не *ами*), ибо ему предшествуетъ *і* и *ь*; оно въ Среднемъ *собственно* всегда *кратко* и потому *безъ ударенія,—дере́в-ь-ями, поля́н-ь-ями, а́ды-ь-ями, пи-са́н-ь-ями, села́-ь-ями, помѣст-ь-ями, приво́л-ь-ями* и т. д.—Но иногда въ сей *окрѣпшей* времепемъ *формѣ* Ср. рода мы усматриваемъ предыдущую исторію *другихъ родовъ* съ ихъ отношеніями: т. е. *когда* Ср. родъ изъ нихъ вырабатывался, или всѣ соединялись еще въ *Общемъ* родѣ, или *гдѣ*, на пути образованія языка, перекликались стихіи родовъ, Дв—аго и Мн—го, флексій и суффиксовъ; *смотря по этой исторіи, ями* иногда остается кратко, иногда обличаетъ слѣды долготы и носитъ ударепіе. Подобно какъ въ области краткаго *а* и окончаній *ами* безъ ударенія (о чемъ выше), также точно въ области *е* или *ями, іе, ьс* и *ьями, собственное* дѣло и *спеціальная* область Ср. рода сначала очень ограничепна: она ограничивается тѣмъ же временемъ и начинается тамъ же, гдѣ *а* и *ами*, т. е. гдѣ Ср. родъ оставленъ самъ себѣ, гдѣ онъ не идетъ по пути *Муж. рода*, гдѣ лишается его *Собирательныхъ флексій* на *а́, я́*, а потому и готовыхъ средствъ для образованія собственнаго Множественнаго. Не только *дьла́, слова́, поля́*.—*а́ми* и *я́ми*, но и такія формы, какъ *времен-а́, небес-а́*, съ Соедини—ымъ на *ы́* и 6-мъ падежомъ на *а́ми*, принадлежатъ наслѣдію и вліянію *Муж. рода*. Собственныя средства Ср. рода оказываются скудны, чтобы вести дѣло далѣе: лишенныя долготы и ударепія *сёла, я́ич-а* и т. п., съ Соед—ымъ на *ы* и 6-мъ на *ами*, весьма ограниченны числомъ и сами изъ Ср. рода легко переходятъ въ другіе роды либо формы. Именно, чрезъ форму *ы*, *сёл-ы, я́ич-ы*, они вводятъ въ ту область и напоминаютъ ту пору, когда играли огромную роль первобытныя формы въ родѣ *ятры, медъ, соты, кры, любы*, и т. п.: но та эпоха не *Средняго* рода, а еще *Общаго*, гдѣ главными дѣятелями были родъ Муж. и Женскій, гдѣ вырабатывались числа отъ Ед—аго чрезъ Дв—ое до Мн—аго, гдѣ сложились, сверхъ Собирательныхъ флексій, Суффиксы и Суффиксное склоненіе. Собственными силами, изъ своего матеріала Ср. родъ не можетъ выработать такихъ Собирательныхъ, какъ *сёлье* отъ *село́*, *окно́нье* отъ *окно́*, *я́ичье* отъ *я́йцо́*, тѣмъ менѣе *кро́вье, любо́вье, медо́вье* и т. п. Онъ можетъ занять лишь опять изъ помянутой эпохи *Общей* или *другихъ* родовъ, тамъ творившихъ: она опять ждетъ *оттуда*. И дѣйстви-

тельно, мы видѣли оттуда цѣлый полкъ Собирательныхъ съ суффиксами и суффиксным склоненіемъ, отъ *е, е, іе,* до *овье* и *овьё*. Онѣ, будучи выработаны *Общимъ* родомъ или силами Мужескаго — Женскаго, *переходятъ* въ Ср. родъ: Ср. родъ себѣ ихъ *усвоиваетъ,* они *по формѣ* принадлежатъ уже Ср. роду, хотя знаютъ и Мужскую, и Женскую сторону. Во Мн—омъ здѣсь окончанія *ья—ьями* краткія и безъ удареніа; а *ья́ — ья́ми* зависятъ отъ того, *какимъ* родомъ выработаны на означенномъ пути. Такъ, Женскихъ въ этомъ числѣ мы видѣли очень немного: въ самихъ Собирательныхъ они все переводятъ на *свой* родъ (*Церковь, жертва, молотьба, мольба,* и т. п.), рѣже доходятъ до Множественнаго (ср. выше), *отъ себя* меньше вырабатываютъ *іе, ье,* подавно заключительное *овье;* даже чужое склонны переводить на свое, какъ напр. изъ *бра́тіе* и Мн. *бра́тія, бра́тье — бра́тья,* передѣлываютъ, вопреки исторіи, Женское *бра́тія—бра́тья,* въ Ед. ч., „своя бра́тья," „малая братья," „меньшая бра́тія" и т. п., склоняя „своей братьи," „свою братью," „своей братьею," разумѣется—по обычаю Женскаго Собирательнаго, безъ Дв—аго и даже Мн—аго („своихъ *братій*" принадлежитъ одинаково Ср. роду, какъ напр. *селеній,* или Мужескому Смѣшаннаго склоненія—*путій—путей, дней,* какъ и *братьевъ*). Изъ скудныхъ примѣровъ для Женск. рода выдается развѣ только приведенное у насъ *я́тровье, я́тровья,* съ 6-мъ падежемъ безъ ударенія — *я́тровьями,* но и то совпадаетъ съ *ятровями* (какъ *дочерями, матерями*), а если удержалось *ья,* то по нелюбви нашей къ подобнымъ собирательнымъ на *вя, тя, мя,* вмѣсто чего у насъ обычнѣе *вья, тья, мья* (ср. выше эту „мульировку"); во всякомъ случаѣ скорѣе это образовано по Мужескому *сватовья́, кумовья́,* какъ *бра́тья* и *сва́тья* Ж. р. по Мужескому *сваты́ — сватья́.* За то въ Муж. р. здѣсь разнообразіе величайшее: то удареніе *на корнѣ* (*бра́т-ье—ья, су́ч-ье—ья,* даже въ столь длинныхъ, какъ *Тата́р-ов-ья, Ула́н-ов-ья*); то на *звѣнѣ,* намъ извѣстномъ (*кам-е́н-ье—ья*); и въ этихъ двухъ случаяхъ конечно *ями* безъ ударенія. Въ самыхъ же обширныхъ и развитыхъ Собир. фф., на *овья,* по большей части удареніе *на концѣ,*—это опять Собирательная *флексія,* свойственная *Муж.* роду, которой онъ достигаетъ *наконецъ снова,* перенося сюда вѣсъ и удареніе: отсюда *сын-ов-ь-я́ми, кум-ов-ь-я́ми.* И такъ, здѣсь все-таки *форма* Ср. рода зависитъ по преимуществу отъ *Мужескаго* происхожденія, значенія и употребленія. По сему образцу и *въ этомъ родѣ,* лучше сказать въ Мужескомъ, Ср. р. опять въ силахъ произвести весьма немногое *отъ себя, своими* средствами: такъ, вообще, *овье, евье* ему *несродны,* слишкомъ личны, одушевленны или конкретны, а стихіи ихъ, — *овъ—овь, евъ — евь,* — проходятъ либо черезъ М., либо черезъ Ж. родъ. Потому *дере́в-ья* скорѣе предполагаетъ основу *дерев-ь* (какъ и есть въ древности Слав. нарр. *дерьвь, дьрвь,* перегласовка слова *дьбрь, дебрь,* а это отъ *дъб —, дѫб —* и *доуб —,* дерева „по преимуществу," Санскр. *дру-ма,* δρυ—ς): оно и слишкомъ *роскошно,* ибо безъ того, по Мужскому пути, есть у Ср. рода *дерев-а́* и *древес-а́* (1-е есть Собират. отъ *дерев-,* 2-е отъ *древес-*). *Пол-ѣ́н-ья* (откуда редуктировано *пол-ѣ́н-ье*), какъ сказано, вызвано было необходимостью, ибо *полѣ́на* совпадаетъ и съ Дв—ымъ, и съ Род. Ед.: но и здѣсь аналогія *кам-е́н-ья;* хотя *кам-ы* рода еще Общаго и при немъ возможенъ Ср. р. *кам-ѧ,* а подобно сему есть первобытное *по́л-ы,* но всё же

это проходитъ видимо черезъ Муж. форму *камен-ь, полѣн-ь*. Употребляемое кое-гдѣ *кол-ѣнья* скорѣе „шалость“ языка, ибо, кромѣ *кол-ѣн-а*, есть еще *кол-ѣн-и*, а это отводится опять къ *колѣн-ь* (ср. выше). И т. п. Впрочемъ по крайности здѣсь все-таки возможна *редукція* къ формѣ Ср. р., *дерéвье, полѣнье, колѣнье (по-колѣнье)*, и есть въ основѣ, хотя поздній и Суффиксный, Ср. родъ на *во* и *но (ями*, разумѣется, здѣсь краткое и безъ ударенія). Но, пройдя означенный путь, Ж—ій и особенно Муж—ій родъ получили хорошаго, благодарнаго и переимчиваго наслѣдника: взявъ себѣ образъ и силу, онъ проторилъ путь до послѣдней возможности. Именно, онъ надѣлалъ *въ своемъ родѣ* или громаду *суффиксныхъ*, съ прививкою къ простѣйшимъ и первобытнымъ фф. М. и Ж. р., или *отвлеченныхъ*, въ коихъ Ср. родъ особенно мастеръ и на то призванъ, съ помощію суфф. причастныхъ, предлоговъ, особенно же *отрицательныхъ* частицъ и словъ (*не, безъ, мало, подъ, полу́* и т. п.), а всѣ они, извѣстно, вырабатываются въ яз. всего позднѣе. Это уже самая *поздняя* и *новая* пора языка, это царство, гдѣ Ср. родъ сталъ на всей своей волѣ: онъ успѣлъ перевести сюда все, выработанное живыми дѣятелями М. и Ж. рода, примѣнилъ къ себѣ все, даже самое себѣ трудное, какъ напр. лица или окончаніе *овье*, и т. п. Упомянемъ изъ этого количества только производныя отъ *тѣхъ* словъ, на которыхъ нѣкогда видѣли мы Ср. родъ слабымъ и безпомощнымъ: *селó—сёла—сел-éн-ье—ья, ново-сéл-ье, без-сéлье, мало-сéлье, на-селéнье; окнó—óкна—безóконье, подокóнье: лицó—лúца—облúчье, безлúчіе, худолúчье: околёсье, подколёсье;* и т. п. Отъ собственныхъ формъ, ходившихъ по Муж. роду: *дѣл-о—дѣлá—бездѣлье, руко-дѣлье:—пóл-е—пол-я́—безпóлье, малопóлье, запóлье, межипóлье; слово—условье, присловье, насловье, сослóвье, голословье, безсловéсье; худотѣлье, безтѣлéсье; безвремéнье, маловрéменье: помѣстье, безмѣстье, маломѣстье; поднебéсье* и т. д. Суффиксныя, особенно отглагольныя, черезъ прич. М. р.: *писáнье, имѣнье, творéнье, браньё, я́тье, битьё, солéнье, пировáнье, столовáнье, любовáнье*, и т. д., многія тысячи; *овье, евье* и проч., черезъ другіе роды: *безкрóвье, малокрóвье, нелюбóвье* и *нелю́бье, корчéвье, кочéвье, роéвье* и т. д.; прочихъ, *прямо* отъ М. и Ж. р. черезъ *іе* и *ье*, — пропасть: *счáстье* (отъ *часть*), *несчастье, бещáстье, злосчáстіе, учáстье, причáстье*. Но, прибавить должно, что чѣмъ дальше здѣсь отъ М. и Ж. р., какъ отъ живыхъ существъ, къ отвлеченности, тѣмъ *рѣже Множественное* и съ нимъ окончанія *ями*. — Остальныя окончанія, съ коими чередуется это Собирательное, предоставляемъ дополнить по нашимъ прежнимъ указаніямъ.

3) Говоря о вліяніи *удареній* на падежи *Именительные*, а вмѣстѣ на *Творительные* въ родѣ *Женскомъ* и *Среднемъ*, мы для сравненія вводили и отличія рода *Мужескаго*, а потому рѣшили и о семъ послѣднемъ, указавъ законы и пріемы, по которымъ не трудно примѣнить соотвѣтствующее объясненіе.— Равнымъ образомъ, всякому должно быть понятно послѣ этого, что языкъ шелъ *отъ Ед—го ко Двойственному* и далѣе *ко Множественному:* въ послѣднемъ яснѣе опредѣлился и, *тогда уже*, воротившись или оглянувшись назадъ, многое *окончательно* сформировалъ въ Ед—омъ, *по своему*, минуя уже Дв—ое, которое постепенно исчезло или продолжаетъ исчезать.

Теперь же обратимся къ 3-му виду 6-го падежа—*Относительному*.

Уже изъ немногихъ словъ, сказанныхъ нами выше при текстѣ (стр. Грамат.

299—302), явствуетъ, что это въ собственномъ смыслѣ, хорошо и названный, падежъ „*От*-носительный,“ „*Ab*-lativus,“ ибо въ немъ наглядно представляется *отношеніе — откуда либо*, происхожденіе отъ извѣстнаго корня или начала, рожденіе отъ предыдущаго (всѣ почти *производныя* формы въ языкѣ производились *черезъ его посредство* или черезъ посредство *тѣхъ* звѣньевъ, съ которыми этотъ падежъ *совпадаетъ*, напр. Причастій, о чемъ ниже). Потому, съ другой стороны, потерявъ самостоятельный видъ этого падежа, мы выражаемъ его, подобно Грекамъ, предлогомъ *от-ъ* и *Родительнымъ: отъ* требуетъ у насъ исключительно *Родительнаго*, Р—ый падежъ выражаетъ у насъ самымъ именемъ своимъ *родителя*, отъ котораго идетъ начало, родъ и происхожденіе (genitivus). За то, въ корнесловіи и словообразованіи, не менѣе другихъ, а еще больше многихъ, мы сберегли самое исконное начало такого рода представленій и воззрѣній, проникшихъ собою весь языкъ, всю его организацію и вмѣстѣ граматическую систему. Таково, между прочимъ, наше *От(ъ)*, въ этой первобытной формѣ (ср. „Судъ Любуши“), откуда позднѣйшее, уменьшительное и ласкательное, *от-ецъ*, значитъ „родителя.“ Въ первобытной древности, восходящей къ Общему человѣческому племени, такое первоначальное существо, корень и глава всему, на равнѣ съ существомъ Божественнымъ, могло обозначаться не иначе (или — не могло обозначаться иначе —), какъ первымъ *движеніемъ* сознанія и голоса, а потому, что̀ то же, *указаніемъ* (которое и легло послѣ въ основу мѣстоименія *указательнаго: указаніе вмѣсто имени*): *Отъ, о́то* (Сербск.), *вотъ* (съ придыханіемъ, имѣвшимъ и *существенный* смыслъ, о чемъ ниже), *это* (по нарр. *á-то*, *h-e-to*, *h-o-to*), *э-то-тъ* (удвоенное) и т. п. (*а* съ нисходящими конечно древнѣе, чѣмъ *о* и *е*). Изъ этого первобытнаго „указанія“ впослѣдствіи опредѣлились слѣдующія представленія, со временемъ отвердѣвшія понятіями—какъ Имя, а вмѣстѣ и замѣною его—Мѣстоименіями: Санскр. *ат-та́* (мать), Гот. *at-ta* (отецъ), Греч. ἄτ-τα (почтительное обращеніе къ старшимъ); Азіатск. *Ат-т-исъ* (въ названіи полубога, который былъ возрожденіемъ древнѣйшаго божества-родоначальника и отъ котораго филологи не сомнѣваются нынѣ выводить названіе Аттики, какъ страны и племенной вѣтви); *Г-ет-ы* и *Г-от-ы* (въ названіи извѣстныхъ *старшихъ* вѣтвей племени; *г* какъ придыханіе, впослѣдствіи окрѣпшее); *То-тъ* (*тъ-тъ*, безъ зачальной гласной, имя старшаго Европейскаго Славянскаго народа, съ которымъ впервые столкнулись сильнѣе Угры; у Хамитовъ Египтянъ имя Божества); вѣроятное имя *Ат-т-и-лы*; *Ot-to* (старое, личное имя) и т. д. Подобнымъ образомъ *т (t)*, отвердѣвшее въ *d*, какъ *dam* и *dem* въ Санскр. *i-dam* и Лат. *i-dem*, у насъ *и-же*, *ѥ-же* (тотъ-который, напр. „*иже въздѣ сыи*;“ *ж* изъ *жд*, по нарр., напр. у Сербовъ *е-р-е*=*ѥже*, Нѣм. *Er: де*=*изъ*), откуда несомнѣнно древнее *дѣ-дъ* и *дй-дъ* (avus, редупликація; *Дидъ-Ладо*, *Di-don-a*, *До-дон-а*; самое *дé-ва*=*дѣ-ва*, какъ божество: всё это, какъ *указаніе*, старше стихійнаго представленія о *свѣтѣ*—въ *див*—, *div-us* и т. п.). Или, съ *другимъ* звукомъ указанія—*в*: *ов-ъ*, *ов-о*, *ов-о*, *в-он-ъ* = *в-от-ъ*, откуда (со старшимъ еще звукомъ *а*) Восточное, перешедшее позднѣе ко Грекамъ, названіе старца — отца и дѣда — *авва* — от-че. Лат. *Av-us*, соединенное съ предлогомъ *ab* на столько же, на сколько наше *от-ецъ* съ предлогомъ *отъ*, Нѣм. *v-on* (= *в-он-ъ*: отъ, происхожденіе). Отсюда же удвоенное *At-av-us* (отецъ

отцовъ, *предокъ*). Наконецъ со зв. *н*: *Он-ъ, онъ-то*. Греч. ὤν. ὄν-το-ς—онъ-то. онъ-то-ть, сый, сущій, имя Божества и т. д. (съ переходомъ въ Причастіе, а черезъ него въ Сущ. Имя; ср. подробности ниже). Такую связь представленій мы удержали, какъ сказано, въ употребленіи (*отъ съ родительнымъ*), въ корнесловіи и словообразованіи: тѣ же языки, гдѣ уцѣлѣлъ самый падежъ, сохранили ее въ самой *формѣ падежа*, въ конфигураціи самихъ звуковъ. Таковы окончанія Ablativ'a въ Латинскомъ *d, ad, od, ed, id* (praed-ad, alt-od, dictator-ed, m-e-d, t-e-d, s-e-d, convention-id, mar-id и т. п.); въ Зендскомъ, мы видѣли,— *d, ad, id* и т. п.; особенно же ясно въ Санскритѣ — *t, it, ât*: все то же, что мѣстоименныя корень *са* и *ма*, предлоги *о-тъ, и-зъ, де* и т. п. Съ одной стороны, это дальнѣйшее развитіе *Творительнаго*, Instrumentalis, через приставку *t* (*d*), съ другой, въ цѣлой формѣ, очевидно *at* и *ât* сходится всего ближе *съ окончаніемъ Родительнаго* въ Санскритѣ *ас-* и *ас-ья*: *çива*. Ablat. *çив-âт*. Родит. *çив-ас-ья*; нѣкоторыя формы здѣсь даже совсѣмъ совпадаютъ: Ablat. и Genit. одинаково звучатъ въ Женск. родѣ *сивâйс*. въ *касе. матêс, бъияс, бъувас. ракс. нâвас* и т. п.; по нашему *град-ась* (град-ось)— *град-отъ* (град-отъ)—*отъ града, изъ града*; Латинск. *corpor-is, corpor-ed, de corpore*; *mar-is, mar-id, de mari* (*и-зъ* или *из-ъ*, какъ и *от-ъ*, совершенно однозначуще съ окончаніемъ *Род—аго* въ Санскритѣ—*ас-ья*; Лат—ое *de*, перешедшее въ новые яз. какъ *де* и *di*, соединяетъ собою всѣ эти употребленія). По *смыслу* же: *отъ чего*, Ablat. и Genitivus, = *чѣмъ, тѣмъ что*—Instrumentalis.—Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, при всемъ этомъ сходствѣ, въ дальнѣйшей организаціи языка соблюдена *специальность* падежа Ablativ'a: отъ Творительнаго отличаетъ приставка звука *t*(*d*), отъ Родительнаго долгота звука *а* (въ Санскритѣ) и примѣненіе звука именно *t* (*d*), а не *s*, при всемъ ближайшемъ сродствѣ того и другаго звука.

Но, если разъясненіе Ablativ'a, дополненное нами, составляетъ несомнѣнную заслугу Бопна, то непростительно ему совершенное почти забвеніе другой стороны того же самаго вопроса, забвеніе, отразившееся, очень естественно, какъ мы сказали выше, на выводахъ К. С. Аксакова; тѣмъ болѣе, что и другіе ученые граматики дѣлаютъ такой же точно пропускъ. Именно, Боппъ замѣчаетъ въ окончаніи Ablativ'a, особенно по мѣстоименнымъ корнямъ, присутствіе формы не только *t* и *at*, но и *mât, met*, даже *smât, smet*, а еще болѣе *asmât* и, хотя приводитъ эти случаи, но въ объясненіи ихъ разбрасывается, не достигая единства. Это положительно отъ того, что онъ не сосредоточивается и даже не останавливаетъ никакого вниманія на *третьемъ* развѣтвленіи *того же самаго* падежа, на такъ называемомъ *Собирательномъ* или Соединительномъ (старшаго, общаго смысла), Sociativus, о которомъ говорили мы прежде, между тѣмъ какъ *здѣсь-то* и есть вся суть. Тогда какъ другіе падежи знаменуютъ собою разныя специальныя направленія, то *куда* и *къ чему*, то *гдѣ*, то *откуда* или *чѣмъ*, Соединительный соединяетъ ихъ: это *обобщеніе* частностей направленія, ихъ сосредоточеніе, кругъ (и вотъ отчего онъ такъ *древенъ*, и *всеобщъ* языкамъ или вѣтвямъ нашего прадревняго Арійскаго языка, восходя съ ними къ эпохѣ Племени *Общаго*, Ur-stamm). Это же отражается и въ его звукахъ. Творительный или Орудный, мы видѣли, пріобрѣлъ себѣ, послѣ продолженія звука *а* (въ долгое),

далѣе послѣ *і* и *и*, *еще* для спеціальнаго отличія прибавку согласнаго *м* (*и*), да и однороднаго (губнаго) *в* (*b*),—*ногом*, *нога*, *руком*, *рука*, *собом* (собою) и *soba*, *seban* и *sebou* (Чешск.), такъ что окончанія *омь*, *имь*, *ьми*, *ьма* (больма, весьма) и т. п.=Собирательнымъ *овь*, *ивь*, *ьви*, *ьва* или *ива* и т. д. То же самое перешло и въ падежъ Соединительный, но онъ для своей спеціальности пріобрѣлъ *еще* звукъ *с*, являющійся въ формѣ съ однимъ этимъ звукомъ или же совокупно со звукомъ *м* и *в*, особенно наглядно въ корняхъ и формахъ мѣстоименныхъ: *съ* (предлогъ), усиленное *съ-съ* (Ново-болгарск.), то же, что указательное *са* (Санскр.) или наше *съ* (сей), въ дальнѣйшихъ и сложныхъ видахъ—*сам* (Санскр.=съ, со), συν, Лат. *con* и *cum* (*c*=*s*, у насъ въ сложныхъ словахъ *ко* и *со*). Но, какъ по самому средоточію звуковъ *s* и *t*, *са* въ Среднемъ родѣ имѣетъ уже *тат* (Санскр.), а *śiś* (*ś*=*c*)—*état* (Санскр.; наше *тотъ* и *этотъ*): по сему *t* изъ Ablativ'а, которому послужилъ этотъ звукъ спеціальностью, примкнуло къ средоточію падежа Соединительнаго, соединявшаго въ себѣ всѣ означенныя отличія, и такъ произошло *смѣ̂т* и *асмѣ̂т*, встрѣчающееся во множествѣ формъ; *по смыслу* онѣ означаютъ *соединеніе*, а потому въ такъ называемомъ Ablativ'ѣ, не различенномъ хорошенько у Бопна, указываютъ вездѣ собственно на оттѣнокъ падежа Соединительнаго. На примѣръ, *тасмѣ̂т* (отъ того, по тому, тѣмъ; а Творит. *тена*=вмѣстѣ съ тѣмъ, ради того); *ясмѣ̂т* (отъ котораго, отъ чего=вмѣстѣ съ чѣмъ, ради чего); *касмѣ̂т* (отъ какого, от-куда=*вмѣстѣ* съ какимъ и за одно куда либо,—переходъ въ направленіе Дательнаго, наше *само*, а еще яснѣе Ново-болгарское *самъ-то́*=„къ“ и „съ;“ сравнительно съ *тасмѣ̂т* и *ясмѣ̂т*, наши *тамо* и *ямо*, какъ и *овамо*, *сьмо*, очевидно примыкаютъ сюда же, но *не потерявши* конечное *т*, какъ думаетъ Бопнъ, а напротивъ принимая его въ свободномъ употребленіи—*тамъ-то*, *тамо-т-к-а*); далѣе—*самам* (Санскр.)—ἅμα (вмѣстѣ съ), *simul* (*sim-il*=*cum-illo* или *самъ-мъ*); *сама* (Санскр. „одинакій, весь, цѣлый, схожій“)=ὁμός, *similis* (придыхательное *h*=*s*), Гот. *sama*=тотъ самый; *самѣ̂т* (Санскр. Ablat. отъ *сама*)=ὁμῶς, *samnt* (вмѣстѣ, въ соединеніи); *самантa* (Санскр., отовсюду, со всѣхъ концовъ вмѣстѣ)=др. Нѣм. *samant*, simul; такъ что самое наше *мѣсто* и *вмѣстѣ* (въ мѣстѣ), если даже выводить отъ корня *мѣ-т* (Санскр. *ма*, *ма-т* —), мѣрять, въ доисторическую эпоху перелива корней мѣстоименныхъ и именныхъ или глагольныхъ, относилось происхожденіемъ къ тому же источнику представленія, и это доказывается тождественнымъ корнемъ *мѣ-р* (классич. μετρ- и *metr*-), который является потомъ въ словѣ *мир-ъ* и *мі́р-ъ*, означающемъ единеніе и согласіе (Лат. *mun-l-us*, съ носовымъ, и Греч. μόδ-ιος, мѣра, *mod-us*). Такимъ образомъ *въ мѣстѣ*=*въ смѣтѣ*, *вмѣстити* и *смѣтити*=*смѣрити* и *смѣря́ти*, *смиря́ти*: а если такъ, то и смыслъ, и звукъ, и самую форму того же происхожденія находимъ мы въ помянутомъ *смѣ̂т*, *смѣ́т* и *смѣт*. (Кстати: хотя ниже и будемъ еще говорить объ окончаніи Ablativ'a *met*, *med*, Нѣм—го Соед—аго *mit*, но прибавимъ, что Греч. μετὰ очевидно = нашему *мѣта* (Романск. *meta*) — мѣра, межа и цѣль (метать куда); какъ предлогъ, это съ Винит.=*послѣ* кого или чего, начиная *отъ* кого или чего, а съ Родит.=*съ* кѣмъ, *вмѣстѣ* (обратно *нашему* употребленію падежей).

Если означенное представленіе, породившее изъ себя вѣтвь падежа Сое-

динительнаго, вообще ярко въ Мѣстоименныхъ корняхъ, то всего ярче оно должно быть и дѣйствительно есть въ мѣстоименіи *Личномъ*, въ указаніи *лица* и особенно *1-го*: лицо это, естественно, служитъ первымъ и ближайшимъ предметомъ *указанія*, слѣдовательно первымъ объектомъ выразительнѣйшаго мѣстоименія; около него ищетъ человѣкъ все сосредоточить и думаетъ, что здѣсь сосредоточивается, какъ въ положительномъ мѣстѣ и въ должной мѣрѣ, цѣлый міръ. И дѣйствительно, міръ получаетъ себѣ мѣсто и мѣру черезъ лицо сознающаго человѣка; здѣсь вся суть, все сущее и глава существующаго: а потому, наконецъ, всячески поддерживается и развивается самостоятельность такого лица. Разумѣется это отражается въ языкѣ, въ формахъ его и даже въ единичныхъ звукахъ около *Я* и, послѣдовательно отъ него, вокругъ прочихъ лицъ группируются формы, явно совпадающія съ помянутыми выше и съ оттѣнками падежа Соединительнаго: *самъ* и *самый* (гдѣ знакомые намъ элементы *с* и *м*); — *сва* (Санскр., гдѣ *с* и *в*: самъ, себя, себѣ, собою), σφος, *suus*, *свой*, а съ перестановкою звуковъ—*сав* (Серб.) = *вас*, *весь*, цѣлый; — *сарва* (Санскр. вмѣсто *саева*, самъ-собою, ср. выше предлогъ *съ-съ*) — каждый, весь, цѣлый; съ чередованіемъ *р* и *л*—ὅλος, *solus*, *all*, а по связи съ именнымъ корнемъ—*salvus*, цѣлый, здравый; — *себя*, *себѣ* (*с* и *б*=*в*), въ особенности Sociativus *собою*, въ усиленной конструкціи — *самъ собою*, = самъ съ собою, самъ по себѣ, самъ о себѣ, *о́собь*, какъ *осо́ба* *). — Съ этой же точки зрѣнія, помянутый древне-латинск. Ablativus съ оттѣнками Соединительнаго, — *se-d*, переходя отъ соединенія *въ себѣ* къ *обособленію себя*, не оставляетъ сомнѣнія, что съ нимъ тождественъ *союзъ раздѣлительный*— *se-d*, означающій—*но*, *особо*, Нѣм. *sondern*, наше *се-то*). Нерѣдко эта свободная обстановка 1-го лица, выражающая сосредоточеніе на немъ и усиленно поднятую его самостоятельность, *прирастаетъ звуками къ самому мѣстоименію*: въ Новоболгарскомъ, *усиливая* удареніе на своемъ лицѣ, *азъ* пріобрѣ-

---

*) *Per-sona*=для себя самого и сама собою, а *personne* (Романск.) — кромѣ меня и лица *никто*, а я *всё*, *весь*;—Санскр. *пу̂*—дѣлать яснымъ, чистымъ,= цѣльнымъ, Лат. *pu-rus*=чистый, истый, цѣлый; *purum* (Романск. *pur*)=solum, только, *едно* (обособленно, особа) и *purum*=чисто, всё, сполна; отъ того же корня *пуньа* (puńja)—purus, justus, bonus, Сербск. *пун*, полный, цѣлый, и тамъ же въ Санск. *пу̂р*—дѣлать полнымъ, *всѣмъ*, откуда наше *пол-нъ*, чистъ, цѣликомъ; а въ названіяхъ верховныхъ лицъ и особъ—*пур-андара* (Индра=Одинъ ходящій, своею особою, и *одинъ*—единственное существо (purus ανηρ—ανδρ-ος); *пуруша*—духъ и мужь, *я*;—*пол-нъ* и πολ-υς, *plus*: а *polus* — *край* всего, nec *plus ultra*; — εκαστ-ος — кажд-ый, всякій; каждые = всѣ: а *cast-us* = чистый, весь, цѣлый; *пу̂*=*пѫ*=*пѧ*, раскрытое въ Греческомъ παν—всё и міръ, „весь-міръ“ (наше техническое, какъ *Митра*=μετρ-ον, мѣра, межа и мѣта); *Панъ*— Господь; *Панъ*—Греческій богъ природный (охватывающій ужасомъ всеобщаго, Weltszmerz), и наше *панъ* — олицетвореніе самости; не сомнѣваемся, что и Нѣм. *Одинъ*=нашему *одинъ*, како Восточное *Ану* и *Онъ*=нашему *онъ*, какъ Ель и *Алл-ахъ*=*il-le*, αλλ-ος; *Icho-va*=εγω-ν, *юго-въ*, *ego-ne*, *азъ-оно*, *азъ-ово*; *Ad-onai*=помянутому *од-инъ*, по народн. выговору *од-и́най*=*о́най*, и т. д.

тается въ концѣ *ка* и *на*, изъ коихъ первое очевидно=*сит*, *съ*, а второе=*м* и *в*, напримѣръ *Азн-ка*, *Азн-ка на*, *Азн-ка-на-ка* (*кана* = *са-мъ*, *со-бою*)= я самъ собою; или: *самъ*, *сами-ча-къ*, *сами-ми-ча-къ*, *самъ-ми-ми-чакъ* = я самъ собою, при чемъ бросается въ глаза совершенно сходное Санскритское *самьяи*, *самйч*,=вмѣстѣ идущій, соединенный въ одно, цѣлый, совершенный, полный (ср. выше *пур-андара*, ὁμός, и ὅλος, all. salvus); съ этой же точки зрѣнія, *to-t-us* несомнѣнно=мѣстоименію *то-тъ*, *та-т*, которое чередуется съ *са* и *ас* или *аз*, какъ сей-часъ увидимъ; потому, какъ извѣстно, *totus* и склоняется *по мѣстоименному*.

Наконецъ, все сказанное яснѣйшимъ образомъ отражается на самомъ *Я*, на его формахъ, упѣлѣвшихъ въ языкѣ.—*Я*, по пріему, одинакому у насъ съ К. С—чемъ, не считаемъ мы нисколько *сократившимся* изъ *азъ* или *язъ*, за потерею окончанія: напротивъ, признаемъ *самою первобытною* формою, которая получила наращеніе *впослѣдствіи*, при развитіи оттѣнковъ, свойственныхъ падежамъ Относительному и Соединительному, равно какъ всему кругу представленій, очерченныхъ нами выше.—Такъ же точно *Азъ*, *Язъ* и наше отвѣтное на кличъ—*Ась* не признаемъ мы *сокращеннымъ* сравнительно съ образцами у Восточныхъ собратій: напротивъ, это *вторая* ступень, гдѣ подъемное, старшее указательное *А* или *Я* получило наростъ *с* или *з*, знакъ падежа Соединительнаго. Именно, мы знаемъ, что *з* въ древнѣйшую пору языка твердѣетъ на концѣ изъ болѣе мягкаго *с*, подобно какъ *д* изъ *т* (ср. Лат. *se-d*, *te-d*, изъ *se t. te-t*; въ новѣйшую пору *на оборотъ* твердые звуки въ концѣ смягчаются: а это отъ того, что въ древности ощутительнѣе было на концѣ присутствіе *ъ-ра*, за смягченіемъ или отпаденіемъ коего смягчается и согласный звукъ,—ср. *азъ* при *ъ* и *ась* при *ь*). Въ семъ видѣ, *аз—яз* или *ас—яс* равняется знакомому для насъ указательному *са*, съ перестановкою, примѣры которой еще увидимъ ниже и на которую всего ближе указываютъ въ Санскритѣ: а) *яс*—онъ, оный, тотъ; б) *асау* оный, тотъ (отъ *предполагаемой* темы *адас*); в) косвенные падежи *асья*, *асмин* и т. п. (отъ предполагаемаго *идам*, сей).—На *третьей* ступени отсюда стоитъ наросшее далѣе посредствомъ *м* (Творительнаго)—Санскритское *ахам*, *аham* (*h* мягкое) и особенно близкое къ намъ Зендское *азем*, *асем* или *азем*: очевидно, это ни что иное, какъ *я-самъ* въ нашемъ свободномъ, не-кристализованномъ употребленіи. Это подтверждается еще дальнѣйшимъ развитіемъ формы въ Санскритѣ и Зендѣ, гдѣ, параллельно нашему свободному употребленію *я-самъ-тъ* (ясмать), прирастаетъ еще *t* и начинается область Ablativ'a или, лучше, при соединеніи всѣхъ этихъ ступеней, сосредоточивается область падежа Соединительнаго. Такъ, Ablat. Санскр. *мат*, *мат*, Зендск. *мад*, *мад*, откуда полный Ablativus Множественнаго есть *асмат*, *асмат* (я-сам-а-тъ); и эта же именно послѣдняя форма считается у граматиковъ да и приводится всегда—*темою* мѣстоименія 1-го лица; такъ что на вопросъ, какъ по Санскритски *я*, получается отвѣтъ—*асмат*, въ Именительномъ *аham* (ἐγών, ego). И дѣйствительно, въ сложныхъ словахъ, прибавляемое *асмат*, какъ тема, означаетъ *я*, *мой*, *нашъ* и т. п., однимъ словомъ 1-е лицо, и притомъ независимо отъ разныхъ падежей, *самостоятельно* сохраняя въ себѣ ихъ оттѣнки.—Для насъ особенно важно это всеобщее почти признаніе формы Ablativ'a или, лучше, по нашему Сое-

дпнтельнаго (въ обширномъ смыслѣ) падежа—основою и темою мѣстоименія 1-го лица. Хотя филологи конечно до сихъ поръ не стараются уяснить, какимъ образомъ Ablativus (по нашему обширный Sociativus), то есть падежъ—какъ принято называть—*косвенный*, могъ сдѣлаться *темою* слова, или, что то же, соединеніемъ и прямыхъ, и косвенныхъ разныхъ падежей: тѣмъ не менѣе, говоримъ, этимъ фактомъ совершенно подтверждается нашъ взглядъ, выше изложенный и, обратно, сей послѣдній получаетъ объясненіе себѣ единственно, какъ думаемъ, на пути выше указанномъ. Мы же сами, въ добавокъ, находимъ эту тему *не во Множественномъ* Личнаго Мѣстоименія, какъ другіе, а напротивъ въ *Ablativ'ѣ* или, лучше, въ *Соединительномъ* падежѣ (по древнему и обширному смыслу), именно, въ падежѣ отъ помянутаго, предполагаемаго тематически, *нам*—„сей“ (=са, ас), въ которомъ находимъ именно форму *немѣ*, наиболѣе подходящую къ дѣлу, ибо это форма *Единственнаго*, съ долгимъ *ѣ*. И такъ, это ни что иное, какъ *я-сам-а-тъ* или *я-самъ-собою* и самъ-*отъ*-себя (Соединительный); такова тема, при усиленномъ удареніи на *я* (ср. Итал. Ablat. *piet-a-de*, а потомъ уже *piet-à*).

Еще шагъ, и мы открываемъ еще другую сторону представленій, для насъ впрочемъ понятную изъ предыдущаго. Мѣстоименія всего больше въ ходу у сложившагося языка, а потому всего больше терпятъ и раньше разлагаются въ своихъ формахъ, такъ сказать—истираются, ветшаютъ и—съ одной стороны кристаллизуются, каменѣютъ осадкомъ, съ другой перераждаются въ формы иныхъ корней, именуемыхъ глагольными-существительными или именными *). Изъ Индо-Европейскихъ всего больше, кажется, потерпѣли мѣстоименія Санскритскія: формъ множество, но осколками, выпавшими изъ связи древняго организма, изъ союза живыхъ и ясныхъ представленій; имѣя два, три падежа одного корня и одной темы, приходится остальные лишь предполагать; чтобы составить искусственно-полное склоненіе для обозначенія какого либо указанія, отношенія или лица, грамматики вынуждены подбирать формы трехъ-четырехъ-пяти корней и темъ, а на оборотъ—основною формою признавать ту, которая *чаще* встрѣчается въ *одномъ* лишь падежѣ; по памятникамъ Санскритской литературы, наслоеніе многихъ истекшихъ вѣковъ, осѣвши въ языкѣ едва раздѣлимыми пластами, даетъ для разныхъ періодовъ разное употребленіе: на примѣръ для Винительнаго 1-го лица употребляя въ одинъ періодъ или въ одномъ случаѣ Мѣстоименіе одного, а въ другой и въ другомъ случаѣ совсѣмъ другаго корня. Подобное положеніе дѣла заставило прежнихъ грамматиковъ и нынѣшнихъ лингвистовъ отчасти мириться съ кажущимися аномаліями, какова на примѣръ помянутая—„Ablativus“ и въ то же время являющійся „темою,“ такъ что они не трудятся даже отыскивать толкованіе сему и причину происхожденія; отчасти же это самое напрягло за то взоръ другихъ и вызвало ихъ искать пути *иного*

*) Говоримъ это объ эпохѣ языка *сложившагося, организовавшагося*: въ старшую, когда онъ еще *слагался*, въ лонѣ Племени Общаго (Ur-stamm), корень конечно былъ *одинаково* и указаніемъ, и категоріей времени, мѣста, имущества, и сущностью, и дѣломъ или состояніемъ, т. е. равно *именемъ* и *глаголомъ*, *мѣстоименіемъ* и *частицею*.

для объясненій, *вић* корней и тем мѣстоименныхъ, а скорѣе въ области корней и темъ глагольныхъ или именныхъ. Такъ, *Асма́т*, тема мѣстоименія 1-го лица, въ склоненіи представляетъ нѣсколько *группъ*, разныхъ корней и темъ: а) въ Ед. большею частію развитіе формъ, основанныхъ на звукѣ *м*, во Мн. на *н*, на этихъ естественнѣйшихъ признакахъ 1-го лица, въ особенности когда оно дѣлается предметомъ, цѣлію или орудіемъ по разнымъ косвеннымъ падежамъ, какъ и у насъ *мя, меня, мнѣ, мною, насъ, намъ, нами* и т. д., при чемъ *с*, а еще меньше *в* и *т*, является лишь добавочнымъ и второстепеннымъ; — б) въ Двойств. отчасти тоже *н*, но преимущественно развиты формы, основанныя на звукѣ *в* и *б*, какъ въ нашемъ Ц. Слав. *вѣ;* то же и въ Именит. Множ.; — в) переходомъ отъ 1-й группы къ 4-й служитъ падежъ знакомый уже намъ, именно Ablativus (отчасти съ оттѣнкомъ Соединительнаго) Ед. числа—*мат*, Зендск. *мад;* г) 4-я группа совсѣмъ *особая*, она соединяетъ въ себѣ *всѣ*, разсмотрѣнные нами, характерные звуки — *с* (рѣже *h* = *з*), *м* (рѣже *б* = *в*, и то въ концѣ) и *т* (въ окончаніяхъ снова *к* и *м*, изъ коихъ первое = *с*). Такимъ образомъ эта 4-я группа, будучи *особою*, является и самою *цѣльною, сосредоточенною, всеобщею;* она покоится, какъ мы говорили, на Ablativ'ѣ Мн., *асма́т*, который принимается темою *цѣлаго* и дѣйствительно всего выразительнѣе, типичнѣе для сей группы. Такимъ способомъ образуются падежи 4-й (или *общей*) группы:

а) Ед. Именит. *аһа́т*, *аһа́м*, Зенд. *asĕm*, *azem* или *acem* = *я-самъ*.

б) Ablat. (тѣснаго смысла) *мат*, Зенд. *мад*, въ чемъ Лингвисты видятъ сокращеніе вмѣсто *смат*, а мы напротивъ видимъ недоростокъ, гдѣ именно остановилось развитіе на спеціальности падежа Ablativ'a и не дошло до ясныхъ представленій общаго падежа Соединительнаго, а потому не пріобрѣло еще *с*.

в) Двойств. вовсе не имѣетъ соотвѣтственныхъ формъ.

г) Множ. Именит. *асмѣ* (ударепіе на *е*, которое долго = *ѣ*), форма старая Ведическая (позднѣе, какъ сказано, на звукахъ *в* и *м*). Наше *сами́*, *самы́* (мы сами́, мы самѣ́).

Это форма среднял, гдѣ есть уже *с* и *м*, но не дошло еще до *т* и не прибавлено *окончаній, повторяющихъ* тѣ же звуки. Типъ ея есть *аһта* или *асма*, и *асмѣ* или *асмъ*, по нашему *сама́*(тъ), *самы́, сами́, самы́*.

Съ ея точки зрѣнія, Именит. *аһам* или *асем* можетъ быть перегласованъ въ *асма* и *асмѣ* или *асмъ*, и на оборотъ (ср. выше: прошедши Множ — ое, сообразовали хорошенько и отличили Единственное).

д) Винительный такимъ точно и является, всего ближе къ Именительному, прибавляя только *н*, характерный признакъ сего падежа (въ Ц. Слав. и друг. Слав. нарр. *ж*, носовое): *асма́-н* (*а́* долгое), какбы наше *самъ-о́бъ* (=сам-а́-тъ), самого-него, самы-ны, самихъ нихъ, самихъ насъ.

е) Род. изъ того же типа, прибавляя окончаніе и *повторяя* здѣсь тѣ же звуки, именно *k* (= *с*) и *м*: *асма́-ка м* (*а* долгое), Зендск. *аһта́-кѣ-т* (*а* долгое). Цѣлая эта форма напоминаетъ приведенную *Азн-ка-на* или *Сам-ни-чи-къ* (*ч* изъ *к*), а въ частности окончаніе *кам* = нашему *камъ, само*, Новоболгар *камъ-но́, кѫ* (въ сложныхъ съ предлогами формахъ и въ *кѫ-дѣ, от-кѫ-дѣ*), въ концѣ у насъ *сѣмъ-ка, тама-т-ка, на-ка*, Лит. *сит, цио* и *цис*, и т. п.

ж) Орудн. или Творительный и Дательный изъ того же типа, присоединяя характерный признакъ сихъ падежей въ окончаніи и *повторяя* здѣсь звукъ *б (=в* и *м)*: Ор. и Тв. *асма́-бъи-с*, Дат. *асма́-бъа-м (а* долгое), какъ наше *сына-ми-то, сына-ми-тъ, сыно-въ-ми, сыно-вья-ми, сыно-вья-мъ*. Лат. *abus, ebus, ibus;* наше *сами́-ми-то, сами́-ми-тъ, сами-мъ*; или, отъ корней однородныхъ, *свои-ми-тъ, свои-мъ, о-соба-ми-тъ* (отъ *собъ, себъ*, ср. выше), *о-соба-ми-то, о-соба-мъ* (въ соотвѣтствіе Санскриту нужно бы *о-соба-ба-мъ)*.

з) Ablat. (Соединит. обширн. смысла) *асма́т*, форма самая развитая, соединяющая и *послѣднее* звѣно формы, звукъ *т*. Объ ней мы говорили и повторимъ: а) какъ тема 1-го лица она = нашему *я-сам-а́-тъ (а* изъ оглашеннаго *э*-ра), по смыслу, звукамъ и употребленію; б) переносно отъ 1-го лица къ прочимъ лицамъ, или, что̀ то же, мѣстоименіе *самъ* (=себя, собою, свой): *сам-а́-тъ* (я, ты, онъ), *сами́-тъ, сами́-то* (мы, вы, они; ср. выше *асмъ, самъ)*; изъ трехъ видовъ одного падежа, в) *какъ Ablativus* въ тѣсномъ смыслѣ, съ перестановкою *т* напередъ въ предлогѣ *отъ = отъ сама, отъ сами́* (отъ самого, отъ самихъ), или, въ описательной формаціи, *самъ-отъ-себя; отъ сами*, какъ парѣчіе, употребляется Славянами въ смыслѣ—„начиная отъ, послѣ того какъ“); г) *какъ Орудный или Творительный*, съ Ц. Слав. окончаніемъ на *ы,=самы-тъ, самы-то*, по нашему *сами́-тъ, сами́-то*, а при развитіи формы Творительнаго=*самы-ми-тъ, сами-ми-тъ, самы-ми-то, сами-ми-то;* такъ что здѣсь *т* = однородному *с* въ Санскритѣ, Зендѣ, Греческомъ и Латинскомъ, т. е.=формамъ *бъис*, οἷς, *bus*, а съ перестановкою *с* и *б (соб*—вм. *бос*—или *бус)* то же самое является въ нашей описательной формаціи: *самы* или *сами собою (соб*—и *себ*—изъ тѣхъ же элементовъ, какъ *сам-ъ, сьм-ъ, асм-а, асм-ъ*, ср. выше); д) *какъ третій видъ* того же падежа, заключительный и *Соединительный* (обширнаго смысла), подобно Творительному, падежъ также точно беретъ здѣсь вмѣсто *т* однородное *с*, но только ставитъ его впереди, какъ предлогъ *съ*: *съ самы, съ сами, съ самы-ми, съ сами-ми*, совершенно = *самы-ми-тъ* или *асма-бъи-с)*, а въ описательной формаціи — *самы-съ собою, сами-съ собою*, для Единств. *самъ-съ собою (=сам-а́-тъ собо́ю)* и т. п. Но мы еще вернемся сюда при дальнѣйшихъ выводахъ. Прибавимъ только, что близость Ablativ'а съ Sociativ'омъ и сходная роль *т* и *с*, въ концѣ ли, въ предлогахъ ли *отъ* и *съ*, доказывается ясно въ нашемъ языкѣ крайне близкимъ родствомъ смысла въ томъ и другомъ предлогѣ, *отъ* и *съ* или *зъ, изъ* (какъ извѣстно, послѣдніе одинаковы по звуку, корню и употребленію), а особенно тѣмъ, что *съ*, кромѣ Творительнаго, сочиняется, подобно *отъ* при Ablativ'ѣ, также и съ Родительнымъ, знаменуя „происхожденіе отъ кого или чего либо, начало съ чего либо, изъ чего или откуда.“

и) Мѣстный, изъ того же типа „асма,“ въ Санскритѣ *асма́-су (а* долгое): падежъ средній между косвенными (кромѣ Вин—аго, съ которымъ онъ, какъ съ Им. и Зв., не имѣетъ общаго), тѣмъ больше, что употребляется поздѣе съ предлогами, а потому при нихъ раздѣляетъ роль съ другими падежами того же управленія. — По *направленію*, мы говорили, онъ ближе къ Дательному (какъ близки *гдѣ* и *куда*), а потому—за потерею—замѣняется имъ *(асма́су*=Греч. Дат. ἁμμέσι); въ Латыни же замѣняется Творительнымъ. — По

формѣ сходится онъ, въ самомъ Санскритѣ, то съ Дат., то съ Родит., особенно близокъ съ послѣднимъ, раздѣляя съ нимъ окончаніе *ас*, по нашему *а-хъ* или *хъ* (*х=с*, какъ въ *aham h=s*), откуда у насъ сбивается съ нимъ въ словосочиненіи („прикасаяйся горахъ;“ особенно часто и наглядно въ Сербскомъ) и имѣетъ одинакіе съ нимъ предлоги. — Черезъ Родительный, черезъ *отъ* и *съ* или *изъ*, сходится онъ съ Ablativ'омъ и Sociativ'омъ.—Представляющееся въ настоящемъ случаѣ окончаніе на *у* (иногда *су*, иногда *шу*) указываетъ намъ на *у* Родительнаго и Дательнаго, которое, за одно съ ними, удерживается въ нашемъ Мѣстномъ Единственнаго (глазу, песку, лбу): потому, въ описательной формаціи, соотвѣтственно *асма́-су*, мы получаемъ *самихъ-ту*, *самихъ-тутъ* (*ту—тутъ* есть Мѣстный отъ *тъ* или *то-тъ*, а *т* и *с*, мы знаемъ, въ семъ мѣстоименіи чередуется; *су* у насъ=*съ*, *со*, откуда *ту-земецъ*=одноземецъ,“ су-земецъ, какъ су-сѣдъ); а отсюда можемъ допустить „сама-гу, самого-тутъ.“ Подходятъ сюда же и формы: *самъ-си*, *самихъ-си*, *себѣ-си* *своя си*, = Новоболгарск. Родит. и Мѣстн. *у-тѣхъ* (ср. Романск. *chez-nous*, *chez-moi*, *czez-soi*, *chez-toi*). — Есть даже и самостоятельная форма *асу*, о которой ниже.

Мы изъ этого перечисленія могли замѣтить, что отъ темы *асмат* и типа *асм-а* нѣкоторыхъ падежей не имѣется, именно, не говоря уже о Двойственномъ, образующемся совсѣмъ иначе, нѣтъ и въ самомъ Единственномъ. Но, или а) есть близкія, какъ *aham* и *мат* (Имен. и Ablat.); или б) легко ихъ предположить въ томъ же образованіи, напр. Род. *асмасья* (=самого), и такія формы могли къ намъ только *не дойти* по памятникамъ; или, главное, в) недостающія формы въ Единственномъ легко дополняются изъ Множественнаго; такъ, Винительный Ед. *ма́м*, Зенд. *маи́м*, особенно же Дательный Ед. *mahyam* (магьям), Зенд. *maibyâ* (майбья), очевидно дополняются равнозначащими формами Множ—аго: Винительнымъ *асма́н*, Дательнымъ *асмабьям*, Зенд. *maibyô* (майбьё); Орудный и Мѣстн. мы также видѣли во Множ. Въ этомъ случаѣ формы изъ Ед. легко переносятся во Мн. и на оборотъ, замѣняя другъ друга: ибо однокоренныя *самъ*, *себя* и *свой*, какъ возвратныя, относятся равно (особенно же у насъ) ко *всѣмъ* лицамъ, а вмѣстѣ и числамъ. Преимущественно изъ нашихъ формъ—*собою* прилагается къ разнымъ падежамъ и числамъ, такъ что въ разныхъ выраженіяхъ встрѣчается: *самъ собою*, *сами собою*, *самаго собою*, *самихъ собою* (о-собою, per-sona), *самому собою*, *самимъ* (Дат. Мн.) *собою*, *самимъ* (Твор. Ед.) *собою*, *самими* (или *сами*) *собою*. Слѣдовательно, дополняя слово *самъ* въ отвѣнкахъ падежей Творительнаго и Соединительнаго, *Собою* представляется такою же почти *темою*, какъ Санскр. *асмат*, и не удивляемся, почему послѣднее признано у филологовъ темою *).— Что касается до Зенда, имѣющаго, въ соотвѣтственномъ типѣ, только Им.

---

*) Равно не удивимся по этому, что *себ—себ—саб—* (и т. д.) было однороднымъ корнемъ для всего прадревняго, верховнаго и божественнаго: *Сабы*, *Саб-измъ*, *Саб-еи*; *Себ-(Саб-)а-от*; *Саб-б-ат* (*-аш*, откуда нынѣшнее *шабашъ* вм. *шабасъ*, =*Себѣ-шу*, *Себѣ-су*); въ имени *Сйв-а*=*Сѣв-а*=*Шйв-а*. σεβ — о богопочтеніи; въ имени Σαβ-ειροι = Καβ-ειροι и т. д.

Ед. *Asˇm*, Дат. Ед. и Мн. *maibyâ* и *maibyô* (=*asmaibyâ—byô*), да Род. Мн. *ahmakĕm*, то скудость формъ этого типа и отсутствіе остальныхъ въ Зендѣ мы надѣемся объяснить ниже изъ особой причины.

Въ прямое соотвѣтствіе съ перечисленными Санскр. и отчасти Зендск. формами, означающими 1-е лицо, мы поставили не *я*, не *азъ* и *язъ*, а ближайше сходное *самъ*: никто не усумнится, что *самъ* въ разныхъ видоизмѣненіяхъ совершенно одно и то же съ сими формами. А потому очевидно, что: 1) *самъ*=1-му лицу, составляя только его дальнѣйшее развитіе при самоопредѣленіи, и по составу звуковъ (*са—ас, аз*), и по употребленію („самъ пойду" *вмѣсто* „я" или *безъ* „я;" „самъ-другъ, самъ-третей, самъ-четвертъ"—„я другой" при 2-мъ лицѣ или при лицѣ, которое рядомъ; „я третій, я четвертый" и т. п.); на прочія лица, какъ возвратное, перенесено оно уже отъ 1-го лица.— 2) *Самъ* есть только дальнѣйшее развитіе *азъ*, съ помощію *м*, такъ что весь послѣдовательный рядъ развит'я по ступенямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I, *А* или смягченное *Я*;

II, *Ас, Аз-ъ*, или *Яз-ъ, Ас-ъ, Ас-у*;

III, *Самъ (асм-)*, въ разныхъ падежахъ склоненія, помогая темѣ *Ас* склоняться;

IV, съ прибавкою *т* (ть, то-ть) или, лучше, съ возобновленіемъ и отвердѣніемъ того же *с*, для выраженія разныхъ падежныхъ оттѣнковъ или отношеній, *Сам-ъ-ть, Сам-а́-ть, Са́м-о-ть, Самъ-то*, при чемъ всѣ четыре ступени могутъ сливаться въ одно слово, склоняемое,—*Я-самъ, я-самъ-ть* (ударніе на *ъ* и потому *ъ* оглашается) (ge-sannt =ego—ich=sannt)—*Яс-а-мъ-ть* (ср. выше подобную *полную—соединительную*—форму въ Санскр-омъ *асмâт*). Здѣсь есть еще нѣкоторая внутренняя связь и зависимость какбы *членовъ одного* склоняемаго слова или *одной темы* для склоненія; но гораздо свободнѣе наращенія дальнѣйшія, такъ-сказать *внѣ уже единаго слова*, въ формаціи *описательной*, какъ фраза:

V, *Себя* и преимущественно *Собою*: — *Я-самъ-ть себя = Я самъ отъ себя* (Ablativus); *Я-самъ-ть собою=Я самъ съ собою (я—своею особою, я со своею самостью;* какъ напр. *думаютъ* и *разсуждаютъ* такъ *два* существа въ одномъ *я*: это—Sociativus спеціальн. и тѣснаго значенія, сродный съ Ablativ., какъ *ъ-съ* или *а-съ=о-ть*); или, въ старину, *Я-самъ-ся* (=я са́м-о-ть-ка), *Я-самъ-си* и т. п.; или съ предлогами другими и въ другихъ категоріяхъ падежей,— *Я самъ о себѣ* (старин., самъ особою, особь, solus. sondern), *Я самъ по себѣ* и т. д.;

Наконецъ, VI, еще далѣе и свободнѣе отъ связи *единаго* слова, стоятъ сродныя *свой* и *весь*, напр. въ яз. книжномъ и образованномъ, т. е. отвлеченномъ и *описательномъ*: *Я самъ весь своею о-собою, Я самъ всѣмъ собою, Я самъ всѣмъ своимъ существомъ* и т. п.

Такимъ постепеннымъ нарощеніемъ или, лучше, напизомъ звѣньевъ, изъ коихъ каждое дополняетъ собою предыдущее или, возобновляя его элементы, добавляетъ опредѣленіе, сосредоточеніе и вмѣстѣ обособленіе, дѣйствіемъ, свободнымъ не только отъ кристаллизаціи парѣчія, но даже отъ падежей,

отъ формы склоняемаго слова и отъ единой скованной темы, языкъ нашъ, тѣмъ не менѣе, совершенно отвѣчаетъ условнымъ *формамъ* слова, спеціальности *мѣстоименій* и *склоненію* ихъ по разнымъ *падежамъ*, сохранившимся въ Санскритѣ, а у насъ, казалось бы, утраченнымъ. Сохраненіе же сихъ формъ, опредѣленно организованныхъ и самостоятельно склоняемыхъ въ Санскритѣ какъ слово единой темы, свидѣтельствуетъ, разумѣется, о силѣ и свѣжести тамошняго или тогдашняго организма; но, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ столько же о *дальнѣйшихъ* шагахъ развитія, которымъ мы *еще не сдѣлали* при нашемъ самоопредѣленіи; свидѣтельствуетъ о значительной Санскритской литературѣ, прожившей *дольше* и успѣвшей *окрѣпнуть* организмъ языка; а вмѣстѣ, опять и съ другой стороны, когда больше *прожито* въ семъ отношеніи,—это свидѣтельствуетъ о болѣе близкихъ шагахъ *къ концу* и *замкнутости*, объ *узахъ*, замѣнившихъ *связь* организма, о *меньшей* свободѣ къ перерожденію видовъ природы, о склонности къ *затвердѣнію* и *кристаллизаціи*. И точно, нынѣшнія нарѣчія Индусовъ успѣли уже совершенно почти разбить эту опредѣленность Санскрита, связанную съ литературою, а въ живомъ говорѣ повели *новые процессы* при образованіи формъ, не рѣдко весьма отличные отъ старины. Да и въ отдаленную старину Санскрита, была ли подлинно такая опредѣленность, какую мы уловляемъ изъ его письменъ *въ Грамматику?* Примѣръ, нами разбираемый, онъ-то и доказываетъ противное: вмѣсто опредѣленнаго *мѣстоименія* съ опредѣленными *падежами*, мы сейчасъ увидимъ въ томъ же самомъ словѣ *глаголъ*, отъ него *причастіе* или отглагольное Имя, въ причастіи свое причастное *склоненіе;* такимъ образомъ увидимъ даже коренное видоизмѣненіе самой *темы:* переходъ ея *въ имя существительное*, несомнѣнное заявленіе *корня глагольнаго* или *именнаго, совпадающаго* съ мѣстоименнымъ, а наконецъ, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ, *возвратъ* съ рубежа историческаго въ глубь доисторическую, изъ дѣйствительности въ миѳологію, изъ грамматики въ *процессъ* слагавшагося языка, изъ Арійско-Индійской или Иранской вѣтви къ Общему всѣмъ намъ Племени, *до* раздѣленія.

Кажущаяся странность темы *асмат*, какъ мѣстоименія въ Ablativ'ѣ Множественнаго, явная особность типа *асма* отъ прочихъ, нѣсколькихъ, формъ въ склоненіи одного и того же 1-го лица, наконецъ близость сихъ мѣстоименныхъ звуковъ и формъ съ другими частями рѣчи, побудили филологовъ, еще самыхъ давнихъ (начиная съ Индійскихъ), выступить изъ узкаго понятія объ исключительномъ „мѣстоименіи." *Aham*, равное типу *асми*, *asĕm* (Зенд.), т. е. типу Именительнаго въ Единств. и *asmê* во Множ., *asmân* Винительнаго во Мн. и *asmát* Ablativ'а, все это, предъ взоромъ опытнаго филолога, какимъ былъ давно и древній Индусъ, представляло одну среднюю основную форму изъ всѣхъ, помянутыхъ: именно форму *asm-a-n-t*, а это, при склоненіи, очевидно есть и форма Причастная (какъ Лат. *am-a-n-t*—въ *amantis*, *amantem*, какъ Ц. Слав. *идѫт-*, произнос. *идант*, *идонт*, въ *идѫшть-ь*, идущь, идущій, или *сѫт-* въ *сѫшть-ь*, сущь, сущій и т. п.). Отъ какого же глагола? Конечно *Ас-*, *es-se*, быть, или *ас-ми*, есмь. И дѣйствительно *асмат*, какъ причастная форма, совершенно удовлетворяетъ типу Санскритскаго

причастія, которое — тематически — кончится на *ат*, въ склоненіи пріобрѣтаетъ *я* и является съ окончаніемъ *ант-*, и т. п., а все это есть въ нынѣшнемъ, такъ-называемомъ, мѣстоименіи *асмат;* слѣдовательно, это не есть только Мѣстоименіе (въ позднѣйшемъ техническомъ понятіи или терминѣ), а вмѣстѣ Глаголъ или Причастіе (или, лучше, *всякая* первобытная форма), *перенесенные* въ область техническаго мѣстоименія позднѣе: иначе сказать, мѣстоименіе это, возстановляя древность коренной формы, *значитъ* равно „сущій, сущаго, сущему“ и т д., и такъ точно склоняется. Вотъ, на чемъ филологи остановились *).

Правда, 1) *асмат* нигдѣ, по длинному ряду памятниковъ Санскрита, не встрѣчается *въ качествѣ причастія;* 2) самая форма его, имѣя въ себѣ *м*, не принадлежащее къ корню *ас*, „быть“ (ибо въ *ас-ми, ес-мь, ми* есть не корень, а личное окончаніе), указываетъ на причастіе *страдательное*, а таковое трудно вообразить по смыслу глагола *есмь;* 3) безъ него есть и употребляется въ Санскритѣ причастіе *другое*, именно *сат, сат-й* и т. д.: таковы возраженія противниковъ, оставшіяся доселѣ съ прежней силою, ибо они пошли не дальше сего вывода, который, при всей вѣрности принципа, столь же узокъ, какъ узко и воззрѣніе тѣхъ первыхъ филологовъ, кои *перенесли* формы глагола въ исключительныя формы мѣстоименія.—Дѣло же все въ томъ, что 1) если *не употребляется* сей формы какъ Причастія, то все-таки оно могло *быть* и *существовать*, хотя бы употреблялось Мѣстоименіемъ; — 2) спряженіе *асми* или „есмь“ во всѣхъ языкахъ доказываетъ, что *м* одинаково относится къ корню (даже замѣняетъ собою *е*, напр. Греч. ἔμμεν вм. ἔσμεν); что оно есть равноправный корень съ *ас*; что *ас* и *ми*, каждое изъ нихъ, одинаково выражаютъ собою и бытіе, и лицо (*ми* здѣсь=мѣстоименію 1-го лица—*те, тоі, ма*, и т. д.). Страдательно здѣсь вовсе не *значеніе*, не *смыслъ*, не самое *лицо*, а только *форма, одинаковая* съ позднѣйшею страдательною, но первобытно она существовала конечно *раньше* всякого *дѣленія* на среднюю, дѣйствительную и страдательную. Такъ, на примѣръ, въ сей же самой — такъ-*называемой* нынѣ „страдательной“—формѣ существуетъ Греч. спряженіе того же

---

*) Другими еще словами: корень, означающій первобытно *движеніе*, а вмѣстѣ и *указаніе*, весьма близко сходится съ позднѣйшимъ (сравнительно) понятіемъ и терминомъ *Мѣстоименія:* но, изъ сего корня, на пути организаціи языка, развились при 2-й ступени *всякія* формы, и *Имени*, и *Глагола*, и т. д.; а на 3-й ступени онъ все-таки уцѣлѣлъ *наглядно* въ кристаллизованныхъ формахъ нынѣшняго Мѣстоименія, но такъ, что его отрывочныя формы наводятъ на связь съ другими частями рѣчи и даютъ нѣкоторую возможность возстановить форму *первобытную*, принадлежавшую конечно нашему Общему Племени. Такъ кристаллизація нынѣшнихъ номадовъ просвѣчиваетъ сквозь себя фигуру давняго, Общеплеменнаго человѣчества, когда оно проходило подобную ступень и, *послѣ* нея, выросло органическими обособленными народами (похожими на Имя, Глаголъ и т. д.), но оставило для давней своей эпохи подобіе въ номадахъ.

самаго глагола, именно ἔσ-ομαι, неокончъ. ἔσ-εσθαι, причастіе ἐσόμ-ενος (чисто пассивное); а если, скажутъ, это въ Греческомъ не Настоящее, но Будущее, то возраженіе такое столь же плохо, какъ и объ формѣ страдательной: *Будущее* есть „будущее“ по смыслу и употребленію, самая же *форма* его есть *такая же точно* форма, какъ и Настоящаго, только отъ другой темы (такъ у насъ *буду, будешь* и проч. есть форма Настоящаго отъ темы *бу—бы* и только *по употребленію, значитъ* иначе — Будущее); тема же Греческаго Будущаго есть подлинная тема глагола *ас-ми*, есмь.—3) Если въ Санскритѣ употребляется исключительно Причастіе *сат*, то оно, какъ увидимъ, совершенно *того же корня*, только иного образованія и въ формѣ болѣе краткой,— Наконецъ, главное, 4) тутъ не было ни перепесенія отъ Глагола или Причастія къ Мѣстоименію, ни Мѣстоименія въ отличіи отъ Глагольнаго корня при спряженіи глагола „есмь,“ ни самаго Глагола въ отличіи отъ Мѣстоименія. Дѣло это или событіе есть дѣло *того* времени и сбылось въ *то* время, когда въ языкѣ *не отличались еще* Глаголъ съ Причастіемъ отъ Мѣстоименія, когда собственно и не было сихъ двухъ различныхъ организмовъ, а была жизнь *до-органическая*, начавшаяся стихіями *доисторическими*, кои породили отсюда гораздо уже позднѣе *отдѣльные организмы* разныхъ частей рѣчи. Къ этой-то, едва ощутимой и съ трудомъ представляемой нынѣ, порѣ доисторическаго времени относится въ языкѣ *1-е лицо* и *бытіе* или *суть*: ихъ нельзя даже назвать, по нынѣшнему, Мѣстоименіемъ 1-го лица или Существительнымъ Глаголомъ. Спряженіе такого Глагола есть чисто склоненіе равнаго ему Мѣстоименія; склоненіе такого Мѣстоименія есть вмѣстѣ спряженіе соотвѣтственнаго Глагола. И въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся сравнительною таблицею остатковъ, уцѣлѣвшихъ отъ того до-времени:

Ступень I, а) (самыя развитыя и опредѣленныя формы): Санскр. *Ас-м-и* (1-е л. Ед. ч. глагола *ас*).—Русск. древн. *Ес-м-й* или *Есь-мь* (то же).—Русск. нынѣ *Я-сам-ъ-й* или *Яс-амъ-й*, произнос. *Яси́мый*, *Яси́мый*, *Яси́мой* (Мѣст. 1-го л. Ед. ч. Именит. *я* и Мѣст. Опредѣлительное *самъ* въ полной или опредѣленной формѣ, съ окончаніемъ мѣстоименія *и*, равняющагося по другимъ языкамъ члену, при чемъ предшествующій *ъ* оглашается въ *а*, *о* или двогласное *и*, повторяющее собою *ъ* и *и*).—Ц. Слав. *Азъ-сам-ъ* или *Азъ-сам-ъмь* (то же; но съ удвоеніемъ коренного звука *з* и *с*, при раздѣленіи формы на два слова).—Греч. ἔσ-ομ-αι, древн. Эпич. εσ-σομ-αι (1-е л. Ед., форма, употребляемая будущимъ; *αι*—нашему *ѣи*, или *ы*, или *ай* въ формѣ *яси́мый*).—Зенд. *ah-m-i*, *ah-m-a* (*h* мягкое: *h*=*з* въ ф. *азъ*; 1-е л. Ед. ч. глагола „есмь“).—Греч. εἰ-μ-ί, ἐμ-μ-ί (то же; σ, *с*, перешло, какъ придыханіе, какъ Зенд. *h*, въ *а*, *j* или *й*); μ вмѣсто σ уподобилось слѣдующему μ.—Греч. Эпич. ἔοι-μ-ι (1-е л. Ед. Желат., вм. ἔσοι-μ-ι, ср. ниже со *съ́ми, съ́ми*).

Примѣчаніе. Есми въ нашемъ древнемъ и среднемъ яз. совершенно то же, что *я*, и такъ ставится при ф. причастія, служащаго прошедшимъ врем.: *былъ есми, ходилъ есми*, при чемъ не ставится *азъ* и *я*, а на оборотъ, при послѣднихъ нѣтъ *есми*—какъ повторенія (ср. у К. С—ча при началѣ Грамматики).—*Я самый, я самый* всего яснѣе въ отвѣтѣ: „Ты ли (еси),“ „Ты ли (еси)

Петръ," „Ты ли (еси) былъ," „Ты ли будешь," и т. п.? „Я самый"=Азъ есмь (есмь-былъ, есмь-буду).

Ступень I, б) (такія же формы): Санскр. Ведич. *Ас-м-ê* (1-е л. Мѣстоим. Мн. Именительный;=*асмѣ*, удареніе на *ê* или *ѣ*, которое=*ай* въ *я-самаи* и ἔσομαι).—Ц.-Слав. ѥсмы (1-е л. отъ „есмь," нѣсколько болѣе позднее; все равно, что Именит. Мн. отъ ѥсмъ, какъ *самы* отъ *самъ*, или опредѣленное окончаніе, равное члену, отъ неопредѣленнаго ѥсмъ и *самъ*; ы=ъ и *и* или *й*).—Древне- и средне-Русское *есмы* и *есьмы*, *есми* и *есьми*, *есмя* (то же; удар. на *ы*, *и* и *я*).—Сербск. *Іесмо*, *есмо* (то же; *е* мягкое, то же, что по нашему произношенію *есмо*; удар. на *е*).—Ново-болгарск. *нѣсмé* (то же; спереди *не* отрицаніе; *не+а* или *е* = *нѣ*).—Греч. Эолич. ἄμμε (Мн. Винит., насъ: ср. ступень V, а); вм. ἄσμε, какъ ἐμμί вм. ἐσμί).—Санскр. *Âсма* (первое *а* долгое), *Âсима* (то же; 1-е л. Ед., употребляемое Прошедшимъ).—Санскритское же *Асâма* (1-е л. Ед. Повелительнаго: „будемъ мы!" Или: „Да есмы!" Ср. Греч. Будущ. ἔσομαι).

Примѣчаніе. *Âсма* и *Âсима*, на концѣ болѣе опредѣлившееся противу Единственнаго *âсам*, такъ же относится къ сему послѣднему, какъ Сербск. *Іесмо* къ *Іесам*, о чемъ ниже.

Ступень II (формы почти столь же опредѣленныя и развитыя, но съ перестановкою звуковъ перваго кореннаго члена, *ас* или *ес*, имѣя вмѣсто того *са*, *сья*= съа=асъ, *сѣ* или *се*, *су* и т. п.): Санскр. *Сьâ-м-и* или *сьяа-м-и* (1-е л. Ед., употребляемое Будущимъ,=ἔσομαι; *я* долгое=*яа* или *і+а+а*; этимъ двойнымъ *а* замѣняется начальное *а*).—Ц. Слав. *Самы*, *самыи* (Имен. Ед. отъ *самъ* въ опредѣленномъ окончаніи, равномъ члену); *самии* или *самыи*, *самыѩ*, *самаѩ* (Им. Мн. въ М., Ж. и Ср. р., усиленное опредѣленіе противу Единственнаго).—Русск. *Самый*, *самой*, *самай* (Им. Ед. опредѣлен. отъ *самъ*), *сами* (Им. Мн. отъ *самъ*, съ усилен. опред. противу Ед.), а опредѣленнѣе *самыи* (то же, искусственно письмомъ раздѣляемое на *самые* и *самыя*).—Санскр. *Сьâма* или *Сьяама* (1-е л. Множ. Возможнаго и Условнаго, которое въ языкахъ употребляется то вмѣсто Будущаго, то какъ менѣе опредѣленное. Форма эта на концѣ опредѣлена болѣе противу Единственнаго *Сьям*, о которомъ ниже).—Позднѣе нарѣчія, особенно въ Ц. Слав.: *сѣмо* (сюда)=*отъ камо*, откуда (другой полюсъ Ablativ'а); съ перегласовкою *с*, *к* и *т* (ср. выше): *камо* (куда), *тамо* (тамъ и туда, Дат. и Мѣстн.); *само* (только, единственно, особо: solum, sondern, sed, *tan-t*-um=to-t-um, то-то).

Примѣчаніе. Какъ въ Санскр. здѣсь долгое *а* уравновѣшиваетъ собою переднее *а*, сохранившееся въ другихъ формахъ, такъ въ Ц. Слав. и Русск. приведенныя формы, для вящаго опредѣленія, въ Ед. принимаютъ *азъ* и *я* (Ступ. I, а), а когда явленіе такое утвердилось, для различія отъ него и чтобы опредѣлить Множественное, потребовалась прибавка *мы*: *мы сами*, *мы самыи*. „Вы ли (есте)," „Вы ли (есте) люди," „люди ли вы (есте)," „Вы ли (есте) были," Вы ли будете" и т. п.? „Мы сами, Мы самыи." (Это повтореніе конечнаго *мы* такое же, какъ *мы ес-мы*, или какъ повтореніе начальнаго *ас* въ формахъ *Азъ ес-мь*, *Азъ са-мъ*, *Я ес-мь* и т. п., относится къ числу опредѣленій *повторительныхъ*, о которыхъ еще ниже).

Ступень III (формы одинаково развитыя и опредѣленныя *съ начала*, какъ I-я, но въ концѣ *менѣе*): Санскр. *Ahám*, Зендск. *Asěm*, *азем* или *асем* (Именит. 1-го л. Ед., *я*).—Греч. ἐγών (то же).— Ц. Сл. *ѥсмь* (1-е л. Ед.; позднѣе *ѥсьмь*, *ѥсмь* и *ѥсъмь*). — Др. и Ср. Русск. *Есмь*, *Есьмь*.—Сербск. *Iесам*, *есам* (то же; *е* мягкое и съ удареніемъ); въ сложеніи съ *не* (ср. выше): *нијесам*, *несам*, *нисам*.—Новоболгарск. *Нѣсъмъ* (то же).—Санскр. *Âсам*, (первое *а* долгое), Лат. *Eram* (1-е л. Ед. прошедш.; *r=s*, *esam*); Лат. *Erim* (*fuerim*), *Essem* (1-е л. Ед. Сослагательнаго, какъ менѣе опредѣленнаго; ср. ниже *сьям*).—Формы—*Я самъ*, *ja сам*, *ja sem*, *Азъ съмъ*, *Ego sum* и подобныя см. ниже въ Примѣчаніи.

Примѣчаніе. Форма эта, съ перестановкою *гласнаго* звука, равняется помянутой выше типической формѣ *асма*, являющейся темою въ склоненіи, подобно какъ форма Ступени II-й и IV-й образуется черезъ перестановку звука *согласнаго—с*.

Ступень IV, а) (слабѣе предыдущей и *съ начала*, параллельная II-й): Санскр. *Сья̂м* или *сьлам* (ср. выше) и *Сьям* (1-е л. Ед. Условное и Возможное, т. е. болѣе слабое и неопредѣленное).—Лат. *Sum* (1-е л. Ед. Наст.): *Sim* (то же, въ Сослагат., менѣе опредѣленномъ).—Сербск. *Сам* (то же, неопредѣленное).—Новоболгар. *Съмъ* (то же).—По Слав. нарр. *Sem*, *Som* и т. п. (то же).—Ц. Слав., Русск. и друг. Слав. нарр. *Самъ* (Им. Ед., ipse, въ неопредѣленномъ окончаніи).—*Сѣмъ* (1-е л. Ед. отъ *сѧти*, я думаю или вѣдаю, ну-ка я подумаю или повѣдаю, ну-ка мы—и т. п., о чемъ ниже); переходитъ и въ нарѣчіе, ср. *сѣмо*).—Переходъ въ нарѣчія и предлоги или союзы: Санскр. *сам* (—съ, со), Греч. συν, Лат. com-, con, cum, потомъ quo, que (Ablat., Sociat., Instrum и Locat. = *смо*, *сме*, о коихъ ниже).

Ступень IV, б) (отъ формъ предыдущихъ, выпуская *а*, но уравновѣшивая это опредѣленіемъ въ концѣ): Сербск. *Смо*, Новоболгар. *Сме* или *Сми*, по друг. нарр. *sme*, *smo*, *smy*, и т. п. (1-е л. Множ. Наст., форма краткая и неопредѣленная, употребляемая потому какъ съ причастіями для образованія сложныхъ временъ—*били смо*, *видѣли сме*, такъ и въ окончаніи Прошедшихъ, сливаясь съ корнемъ глагола: *бисмо*, *гледасмо*, служа притомъ и Сослагательнымъ или Возможнымъ; это же для Прошедшихъ временъ=оконч. *хомъ*,—какъ *јесмо*= *ахомъ* = *асомъ*; Греч. σαμ-, σομ-: ελυ-σαμ-εν, λυ-σομ-εν и т. п. Въ Санскр. приведенныя формы служатъ также къ образованію формъ другихъ глаголовъ, прибавляясь въ окончаніи ихъ, при чемъ *с* переходитъ въ однородное *ш*; такъ образуются схемы: Ед. 1-е л. *сам*, 2 *сûс*, 2 *сûт*, Мн. 1-е *сма*, 2 *ста*, 3 *сус*; или: *сам*, *сас*, *сат*, *сâма*, *сата*, *сан*; а то же въ Возвратномъ или Средн. Мн. *сâмагû* (наше *самыи*), *садъвам*, *санта*; или: *ишам*, *ûс*, *ûт*, *ишма*, *ишта*, *ишус*, въ Возврати. или Средн. Мн. *ишмаги*; или, съ удвоеніемъ *с*, *сишам*, *сис*, *сит*, *сишма*, *сишта*, *сишус*; въ Желательномъ *я̂сам* (*я* долгое), *я̂с*, *я̂т*, *я̂сма*, *я̂ста*, *я̂сус*; въ Условномъ *сьям* или *шьям* и т. д. Это т. наз. *Вспомогательный* глаголъ, образующій *окончанія* въ спряженіи прочихъ глаголовъ.

Примѣчаніе. Формы ступени IV-й а) и б) относятся къ III-й какъ неопредѣленныя къ опредѣленнымъ, безчленныя къ членнымъ, краткія къ пол-

нымъ. Особенно ясно это на Сербскомъ *Iесам* сравнительно съ *Сам*: 1-е ставится лишь въ началѣ рѣчи, выраженія, стиха; тамъ, гдѣ удареніе рѣчи и смысла; впереди причастія прошедшаго, равняясь *Я* или *Азъ*: *Iесам био*, *Iесам гледао*; при отвѣтѣ, гдѣ также=*я*: „Iеси ли био, Iеси ли гледао, Iеси ли овдє, Iеси ли ти кнез?“ Отвѣтъ утвердительный: *Iесам*, „Да, я“ (Нѣмцы и говорятъ *Ja*, Англичане *Yes*, мы—на вопросъ и кликъ—*Ась*). На оборотъ 2-е ставится въ срединѣ; послѣ причастія: *Био сам*; потому служитъ окончаніемъ формъ Прошедшаго (см. выше: *гледасмо*); гдѣ нѣтъ ударенія; при оттѣнкахъ Сослагательнаго, Условнаго, Возможнаго; не можетъ быть отвѣтомъ. Чтобы подняться до опредѣленности 1-го, оно требуетъ возстановленія его формы чрезъ прибавленіе съ начала *Я*, и такъ образуется: *Я сам*—био, гледао,“ и проч. Нечего и прибавлять, что Русскій, слыша это, понимаетъ—и вѣрно съ своей стороны - не какъ „Я есмь былъ,“ а какъ „Я *самъ* былъ.“ Балгаринъ, не имѣя такой опредѣленной формы, въ случаяхъ помянутыхъ долженъ непремѣнно сказать: *Азъ съмъ*; по Латыни *Ego-sum*; въ другихъ Слав. нарр. *ja-sem*, *ja-som*, слитно—*jsem*, и т. п.—Въ Лат. *Sum* и *Eram* также служитъ образованію сложныхъ или описательныхъ временъ съ причастіемъ, или же окончаніемъ прошедшихъ (*-erim*): но 2-е, какъ форма болѣе опредѣленная, усиливаетъ значеніе прошедшаго, дѣлая его *plus* quam perfectum.—Всякое Условное, Возможное и Сослагательное, а равно при Вопросѣ, представляетъ форму *слабѣе* въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ наклоненіемъ Опредѣленнымъ или съ Отвѣтомъ: если не потерею звуковъ, то ихъ перестановкою или же пониженіемъ (изъ *а* въ *i* и *е*).

Ступень V, а) (параллельная I-й, но съ тѣмъ отличіемъ, что для опредѣленія формъ ея на концѣ служитъ мѣстоименный корень не *гласнаго*, а *согласнаго* или *полугласнаго* звука, именно, „носовое“ *м* и *н*; тѣмъ не менѣе формы развитыя, опредѣленныя и полныя): Санскр. *Асма̂н* (1-е л. Мн. Винит., „насъ“ или, лучше, „насъ самихъ“ (удареніе на *ман*).—Греч. ἐσμέν (1-е л. Мн., мы есьмы, или εἰμέν, какъ εἰμί вм. ἐσμί); εἴημεν (то же въ Желательномъ: „да есьмы?“ Ср. выше соотвѣтственныя формы въ Желат., Условн., Сослагат.).—Греч. ἐσοίμην (1-е л. Ед. Желат., при Будущемъ времени).—Греч. ἐσόμεν-(-ος), ἐσσόμεν-(-ος) (Причастная страдательная форма, употребляемая въ Будущемъ; здѣсь тема εσομεν, Именительный на ος, о чемъ вскорѣ ниже).—Санскр. *А̂тман* (Причастн. страдат. форма, Настоящ. времени; первое *а* долгое; *т* вмѣсто *с*, въ сродныхъ *h*): а) самъ, самъ собою, собственною особой, собственное лицо, сущее лицо и дѣйствующее лицо, propria persona, persona efficiens, das eigne Selbst (какъ переводитъ Боппъ); б) какъ тема разныхъ падежей, въ возвратномъ смыслѣ, при 1-мъ—2-мъ—3-мъ лицѣ Ед., при Множ. и при возвратномъ „себя:“ „меня—тебя—его—себя—самого, насъ самихъ;“ в) не склоняемо, какъ тема, въ концѣ сложныхъ словъ=„себѣ, си, по себѣ,“ по-свойски,—означая самость, свойство, особенность; г) въ смыслѣ сущаго и дѣйствующаго, для позднѣйшей философіи, въ Мужескомъ родѣ, Именит. Ед. *а̂тма̂* (ср. выше типъ *асма*)=духъ, умъ, мысль и проч. *).

---

*) Ср. выше *Ieho-va* =азъ есмь, сый (наше ѥе *ва*, Двойств.); „Иже (вездѣ

Ступень V, б) (также точно, какъ при I-й ступени II-я, при III-й IV-я, съ перестановкою звука *с* и при немъ гласнаго, а за тѣмъ и безъ гласнаго звука въ I-мъ членѣ формаціи, слѣдующія формы сравнительно менѣе опредѣленныя): Ц. Слав. *Самы-ны* (1-е л. Мн. Винит.=*асма̂н*), Новоболгарск. *самъ-ни́* (въ формѣ *самничякъ*, *самнички* и т. д., о чемъ ниже).—Новоболгарск. *Сме-ни́я* (1-е л. Мн. Наст.), при вопросѣ („Дали́ сме ния?“ Мы ли это, мы ли сами?): при отвѣтѣ же, требующемъ болѣе опредѣленія, какъ мы видѣли, употребляется на оборотъ—„ния сме“ (мы есьмы) или „ния сами, самички.“ Наше, раздѣленное рѣзче на 2 члена и притомъ, главное, со звукомъ еще *с* или *х* въ концѣ, „насъ самихъ“ или „самихъ насъ“ (Винит. Мн., Родит., Мѣстн. и Предложн.)—см. ниже.—Въ Греч. эти самыя формы, безъ передняго гласнаго звука, подобно помянутымъ въ Степени IV-й, служатъ образованію временъ въ прочихъ глаголахъ, особенно же страдательныхъ, причастныхъ и во Множественномъ: ἐλύ-σαμεν, λύ-σωμεν, λύ-σοιμεν, λύ-σαιμεν, λύ-σομεν (1-е л. Мн.); ἐλυ-σάμην, λυ-σαίμην, λυ-σοίμην (1-е л. Ед. Страд. и Возвратн.); λυ-σόμεν-(-ος), λυ-σάμεν-(-ος), λελυ-σόμεν-(-ος; причастн. Страд. и Возвратн.).

Примѣчаніе. Разсмотрѣнныя сейчасъ формы, въ двухъ подраздѣленіяхъ, сравнительно *нѣсколько* позднѣе первостепенныхъ: опредѣленіе ихъ усиленно проведено дальше; полнота развита искусственнѣе, съ излишкомъ, переступившимъ скромныя и солидныя границы самой первобытной рѣчи; въ нихъ болѣе сознанія, самоопредѣляющей и даже логической мысли, наступающей всегда послѣ непосредственнаго представленія; болѣе выводовъ и очевиднѣе переходы къ *разнымъ* частямъ рѣчи. Такъ, Санскритскому Имен—му *а̂тма̂*, еще безъ *н* и съ долгимъ гласнымъ зв. на концѣ, отвѣчаютъ Ц. Сл. формы, съ долгимъ же ы—*камы*, *пламы* (какъ *любы*, *свекры*, развивающіяся далѣе своимъ путемъ черезъ *в*).—Но шагъ далѣе совершается—прибавкою *м* или *н*, въ началѣ еще „носоваго“ въ собственномъ смыслѣ, то есть на серединѣ между гласн. и согласн. звукомъ, чуть слышно въ носъ, подобно приведенной выше формѣ *sobą*, съ носов. *ą*, для образованія Творительнаго *по-*

сый“—Je suis, ego sum — ens. — Прибавимъ еще въ pendant: названіе народовъ (значущее обыкновенно „я, человѣкъ, люди, своя страна, моя персона“ и т. п.): *Само-геты* (*геты*—*heto*, этотъ, и γη—страна; впослѣдствіи *Же-мои-ти-съ*, Жмудь); *Масс-а-геты* (=*емас*); имя Чуди, *Suoma* (-lais: Романск. *huomo*, *homo* и *humus*); Слав. имя острова, *перваго* занятаго Славянами въ Европѣ—*Сам-осъ*—Самъ; *Само-Θраке* (Σαμο-Θρακη, то же, у обособившихся на островѣ Славянъ Оракійскихъ; ср. *insula*=*isola*=изолированный); *Самъ*, *Самусь*—въ названіи нашихъ первобытныхъ князей и вождей; *Сам-с-онъ*, *Саломонъ* (причастн. ф. отъ *са-*: черезъ удвоеніе и *мон*); въ божествѣ *Semo-Sancus* (*sa-ne-t-us* = salvus, чистый, цѣлый, *св-ѧ-т-ъ*); *А̂мѐша-ѕпѐмта* (то же; ср. выше *асма́су*, ἀμμέσι); *Sat-ur-n-us* (sat прич. = Санскритскому, оконч. *ur* — *us*): — *Сам-асъ* — божество Сеннаара — Вавилона, т. е. Общаго племени; *Сам-у-илъ*, *Сам-іель* (горный и злой духъ = *Асмо-дѣй*: *сам*, и *ель* или *иль* то же, что̀ въ Вавил. *Илъ*, что̀ въ *Elóhim*, Ἥλιος, *В-ел-есъ*); *Сам-уил-а* (женск., горное полубожество; эта форма въ Н. Болгарск. пѣсняхъ)—

слѣ долгаго *а*.—Постепенно звукъ крѣпнетъ до „согласнаго“ *н*: является сперва *камѧ*, *пламѧ* (наши сѣмя, знамя, пламя и т. д.), а послѣ уже *камень*, *пламень* (*semen*, *tegmen*; по друг. Слав. нарр. безъ *ь*, твердое *пламен*, *камен*).—Такое, сравнительно *болѣе позднее*, происхожденіе бросается филологу въ глаза, ибо: 1) приведенныя формы, равно и въ именахъ, и въ глаголахъ, образовавшихся и раздѣлившихся дальше, служатъ, посредствомъ *н*, для выраженія числа *Множественнаго*, которое конечно позднѣе Единственнаго; а если въ Греч. употребляются еще для Единственнаго, то въ Желательномъ и тому подобномъ, какъ мы знаемъ—болѣе искусственномъ, усиленномъ и натянутомъ (мы видѣли примѣры, что при этомъ интенсивности мысли отвѣчаетъ иногда ослабленіе формы или звука: чѣмъ больше объемъ, тѣмъ слабѣе содержаніе; чѣмъ „пухлѣе“ форма, тѣмъ ниже ея производящая сила). 2) Звуки носовые *м* и *н*, въ этихъ формахъ, служатъ при склоненіи образовавшихся именъ по преимуществу къ характеристикѣ падежа *Винительнаго*, конечно ближайшаго къ Именительному, но все же дальнѣйшаго, равно какъ *Творительнаго-Оруднаго (чѣмъ)*: а оба выражаютъ по преимуществу *пассивность и матеріализацію*. Именно, въ 1-мъ лицѣ такъ называемаго Мѣстоименія, сейчасъ же, при первой тѣни пассивности, когда „лицо“ является „предметомъ,“ появляется звукъ *м* (сначала болѣе мягкій, чѣмъ *н*), а затѣмъ уже — для склоненія — и *н*: такова форма *мѧ* (Винит.), родоначальница всѣхъ этихъ — *мь-но-ѭ*, *м-ен-е* и т. д., особенно же Причастныхъ формъ на *мен*—; далѣе отъ характеристики 1-го л. въ Единств., непосредственно — но все же на шагъ — *м* переходитъ къ 1-му и Мн., *мы*, а далѣе уже и къ Винительному Мн., и къ Орудному, и къ прочимъ косвеннымъ, утверждаясь при нихъ,—*ны*, *на-ми*, *на-съ* и т. д. Таковъ именно Санскритскій Винит. Мн. *асмâн*: конечно онъ позднѣе формы основной *асмâ*, Греческаго таковаго же ἄμμε (безъ ν, см. выше), а подавно Единственнаго Винит. ἐμέ (=есме), но раньше являющихся тотчасъ же прочихъ косвенныхъ падежей,—Дательнаго Мн. ἄμμιν и ἡμῖν (замѣняющаго у Грековъ Орудный), Родительнаго Мн. ἀμμέων, ἁμῶν, ἡμῶν и даже Единственнаго Дат. (Дорич. по связи съ Оруднымъ) ἐμίν, а равно собственныхъ Санскр. формъ въ прочихъ падежахъ со звуками *с*, *к*, *т*, *в* (см. ниже). Потому и во Множ., послѣ Ве-

---

Сам-о-в-ила—Само-дива (*div-*, *dea*, *дѣва*);—*Аммонъ*, относящійся къ *âтман* и *асмâн* какъ εμμεν къ εσμεν; имя народа и народныхъ героевъ *Осман-лы*, *Османъ*.—Особенно интересны фф. *maha*, *mahâ*, *mahan*, *mahat*, *mahânt* и проч., причастныя, прилагат. и мѣстоименныя,—перегласовка του *ahman*, *asman*, *атман* и т. п.,=*m-ag-nus* (*m+eg-o*), наше *в-ель*, *вел-ій*, *бол-ь*, *бол-ій* (ср. выше; имя *Бѣл-а*, *Ваала*, *Влаховъ*, *Галловъ—Га-эл-ахъ*, *Молоха-Мелеха=Волосу* и *Белесу*); въ соединеніи — Индійскій первобытный *Маган-âтман* (переводится „велій духъ“ или „сущій;“ *г=h*); *Мугаммедъ*, *Магомедъ*; *Б-ахматъ*, *Б-ахмéтъ*, *Бахмутъ* (м. проч. имя героевъ-коней), *Ахматъ*, *Ахметъ* и т. п. Съ *Mahanâtman* ср. имя Сивы *Mahâ-дêва*, о *дѣвѣ* же и *Сивѣ=Себѣ* см. выше.—Наконецъ Ασμοδιος (-δηος), *Асмодѣй* (*Ашмê-дай*) по значенію=помянутому *Саміелю* (*дай-дѣй=дѣв=ил-ель*.)

дическаго Именит. *asmé* (см. выше) наступило Санскритское позднѣйшее съ *м—вамъ*. – 3) Отъ *пассивныхъ* падежей прямой ближайшій переходъ къ *Пассивному* въ глаголѣ, т. е. Возвратному и Страдательному, который конечно позднѣе Дѣйствительнаго, наступая, послѣ обращенія *на другой* предметъ, къ обращенію *на себя* какъ на предметъ, а потомъ усматривая тѣ же взаимно-пассивныя отношенія и въ области предметовъ между собою: Винительный и Орудный играютъ здѣсь главную роль, при образованіи изъ залога Дѣйствительнаго, сперва черезъ посредство *кого* или *что*, а за симъ *кѣмъ* или *чѣмъ*. Вотъ почему, рядомъ съ Винительнымъ „склоненія“ и со Множественнымъ „спряженія,“ мы тотчасъ встрѣтили равныя формы залога Страдательнаго и Возвратнаго. Элементы ихъ конечно возникли въ праязыкѣ или племенной рѣчи *одновременно* на ступени *безразличныхъ залоговъ*: но съ точки зрѣнія языка болѣе позднаго, уже сложившагося, мы отмѣчаемъ формы Страдательныя и Возвратныя—какъ возникшія уже *изъ Дѣйствительнаго*, какъ прошедшія ступень Дѣйствительнаго залога и потому *производныя*. Однако и тутъ мы можемъ еще различать послѣдовательныя ступени: такъ въ Греч. ν не является еще при Единственномъ спряженій Дѣйствительнаго или Средняго, развѣ въ Желат., Условномъ и т. п., а только во Множ. (ступ. 2-я); въ Страд. же и Возврати. сначала только въ Единственномъ, а для Множественаго наступаетъ прибавка звуковъ дальнѣйшихъ, именно *с* и *т* (о коихъ ниже).

4) Формы эти служатъ переходомъ къ образованію *Имени*: это послужитъ *особымъ* отдѣломъ для нашего нижеслѣдующаго разсмотрѣнія.

Начнемъ замѣчаніемъ, что при изслѣдованіи пути, какимъ образовалось *Имя*, и при свѣтѣ разобранныхъ выше у насъ формъ, разумѣется опять, во всей силѣ, помянутое наше положеніе: то есть, ни имя, ни глаголъ, *не старше* другъ друга въ *праязыкѣ**), на ступени царившаго еще ихъ безразличія. Но, *при наступившемъ* уже различеніи „частей“ рѣчи, мы замѣчаемъ не просто уже „имена,“ а кромѣ того имена *отглагольныя*, — и таковыя формы конечно позднѣе самобытныхъ, ибо прошли черезъ періодъ и формацію *Глагола* въ его „установившемся“ видѣ, когда его уже *различали* отъ Имени (и подобнымъ образомъ, обратно, въ такую позднюю—сравнительно—эпоху обозначаются уже глаголы *отъ-именные*, которыхъ мы здѣсь не изслѣдуемъ). Самыми удобными формами для такого *перехода* (изъ сферы Глагольной въ Именную) являются тѣ формы, которыя сами по себѣ уже представляютъ ничто иное, какъ „приглагольное“ и за симъ „отглагольное“ имя, то есть а) *Причастіе*; б) *Неокончательное* или *Неопредѣленное* (сравнительно съ опредѣленностью остальнаго спряженія въ „собственномъ“ развитіи глагола) и на-

---

*) Этотъ *пра-языкъ*, принадлежавшій *Общему племени* (Ur-Stamm) и особенностямъ сего послѣдняго, какія только уцѣлѣли въ *раздѣлившихся языкахъ*, вѣрнѣе называть *рѣчью*, *sermo*, *Rede*, въ отличіе а) отъ *говора* (*loquela*, λαλειν), такъ называемаго „hominis primigenii,“ а б) особенно отъ позднѣйшаго, заключительнаго, организованнаго *языка*, *lingua*, *Sprache*, какъ принадлежности или двойника—alter ego—*народа*, ἔθνος, *populus*, *Volk*.

конецъ в) *3-е лицо Ед.*, а рядомъ съ нимъ *3-е л. Множ. въ Настоящ. врем.* Всѣ эти формы, какъ сейчасъ увидимъ ниже, образуются постепеннымъ прибавленіемъ (правильнѣе — „приращеніемъ“ или, еще лучше, „вростаніемъ“) звуковъ (равнящихся мѣстоименнымъ корнямъ)—сперва *м* и *н*, потомъ *т*, *д*, *с* (однородныхъ), а наконецъ и смягченіемъ сихъ послѣднихъ или даже претвореніемъ въ шипящіе: при этомъ однако Причастіе начинаетъ старше съ *м* и *н*, и только въ дальнѣйшемъ развитіи переходитъ къ звукамъ другимъ; Неопредѣленное начинаетъ съ *н* и быстро переходитъ къ *т*; 3-е л. Ед. уже ограничивается звукомъ *т*; и только для отличія отсюда Множественное 3-го лица возстановляетъ *н* въ сочетаніи *нт*; а за симъ идутъ уже новые наросты на концѣ, послѣ *м*, *н*, *т*, *д*, *с*, *р* и т. п., свидѣтельствующіе, что опредѣленность или организація формъ пошла еще далѣе.

Во всякомъ случаѣ, звукъ *Н*, о которомъ говоримъ мы и который составляетъ характеристику ступени, нами разсматриваемой, есть дальнѣйшее, какъ видимъ, *прибавленіе* къ формѣ, и, если еще не *наростъ*, въ родѣ того, что̀ наступаетъ со временемъ еще дальше послѣ самаго *н* и *т*, то во всякомъ случаѣ форма, образуемая прибавленіемъ сего звука, *относительно позднѣе* первостепенныхъ. Ибо *н*, какъ носовое, есть уже *повтореніе*, *редупликація* того носоваго *м*, которое имѣется въ формѣ „ас-*м*-а“ или „ас-*м*-*а*,“ повтореніе, какъ мы убѣдились, примѣненное для выраженія появившагося представленія *пассивности*, которая связана съ падежемъ *Винит.* и съ залогомъ *Страд.* или *Возвратнымъ*, а равно съ образованіемъ именныхъ формъ *отглагольныхъ* (гдѣ *дѣйствіе* или *сила*, выражаемыя глаголомъ, такъ сказать сгущаются и превращаются въ конкретный *предметъ*, объективируются и матеріализуются). Вотъ почему, въ Греч., при указанныхъ формахъ на *мен-*, являются параллельно и спереди „приращеніе“ или „повтореніе“ (такъ называемые „аугментъ“ или „редупликація:“ ἐλυ-, λε-λυ- и т. п.). Съ сей точки зрѣнія, въ самой формѣ *ас-ма*, *ес-мы*, *са-ми* и тому подобныхъ, мы усматриваемъ разчлененіе или постепенное развитіе въ два члена — а) *ас* или *са*, б) *ма*, *ми* и т. п., при чемъ 1-й членъ относительно старше, 2-й позднѣе: но оба члена обняты еще въ началѣ *единствомъ* сознанія, *однимъ* его *актомъ*; и только *послѣ*, при появленіи звуковъ *н*, *т* и т. п., мы различаемъ при нихъ яснѣе *3-й членъ* единой формаціи, а вмѣстѣ и дѣленіе первыхъ двухъ членовъ становится намъ яснѣе. Еще же позднѣе, въ расколовшихся отсюда *отдѣльныхъ* формахъ, сохранившихъ однако древнюю свободу сочетаній между собою, мы еще раздѣльнѣе усматриваемъ а) *азъ* или *я*, б) *есмь* или *самъ*, в) *ны* или *насъ*, или, такъ сказать (соединяемъ „для примѣра“)—„я самого меня (себя),“ „есьмы самихъ насъ“ и т. п. Итакъ, формація со звукомъ *н* въ концѣ есть уже *трехчленная*, а потому дальнѣйшая и позднѣйшая. — Чтобы уразумѣть ее, обращаемся или, лучше, возвращаемся къ бѣглому взгляду *на Причастіе*.

Въ *Причастіи* для Дѣйств залога находимъ характеристикою впереди *н*, потомъ *т* въ сочетаніи *нт*: *ата-н-*(*-s*), *leg-en-*(*-s*), *ата-н-т-*(*-ет*), *leg-en-t-*(*-ет*); или Санскр. Винительный, именно *Винительный*,—*са-н-т-*(*-ам*, сущаго, сущь); или даже одно *т*, какъ Санскр. Прич. Наст. Дѣйств. на *ат* (*сат*, сущь),

Ц. слав. *ѣд-ѫ-шть* (=*êd-an-t*, съ претвореніемъ *т* въ *шт*, у насъ *щ* и *ч*), *гор-ѧ-шть* (*gor-an-t*, *gor-en-t*), у насъ безъ носоваго—*ѣдущь* (нынѣ не употребит.)—*ѣдущій—ѣдучій*, *горящь—горячій*, *висящь-щій-чій*. Для Страд. и Возвратн. служитъ то же самое *н* и *т*, являющееся въ Санскритѣ поочередно какъ *на* и *та*, а у насъ раздѣляющее два одинакихъ Причастія на *нъ* и *тъ—бра-нъ*, *бра-тъ*, *да-нъ*, *да-тъ*, *у-біе-нъ*, *у-би-тъ*, то же, что *ama-t-(-us)*, *lec-t-(-us)*, *ama-t-(-urus)*, *fu-t-(-urus)*; даже въ соединеніи *н* и *т* (подобно *ama-nt*) — Санскр. окончаніе *нават* (съ элементомъ еще *в*—„Прошедшимъ" и „Учащательнымъ"=въ Именахъ прочихъ „Собирательному"), наше (*одно-*)*кра-т-ен-ъ*, *двукра-т-н-ый* (=*укороченъ*, *сокращенъ*), Лат. *ama-n-d-(-us)* и т. п. Уже изъ этого немногаго видно, что одни и тѣ же элементы дѣйствуютъ въ *разныхъ залогахъ* и даже въ разныхъ *временахъ:* это изъ эпохи первоначальнаго безразличія, когда еще представленія *слагались* въ понятія и самыя формы ихъ не окрѣпли въ языкѣ, переходя одна въ другую. Только впослѣдствіи, уже при *развившемся* организмѣ, формы обособились и при одной окрѣпъ звукъ одинъ, при другой звукъ другой, коими они различались *по употребленію* (usu) и совсѣмъ въ концѣ обособились какъ формы *различныя* (различеніе —актъ болѣе поздній). Тѣмъ не менѣе, когда различеніе уже произошло, мы *съ низу его* можемъ различать *слои* образованія и *къ верху*; а какъ въ языкѣ—природѣ—все совершается по законамъ, то можемъ различать и самые законы постепеннаго образованія. Съ сей послѣдней точки зрѣнія, мы можемъ различить *наслоенія эпохъ*, отличить первобытныя и получить рядъ словообразованія совсѣмъ иногда въ *другомъ* порядкѣ, чѣмъ обыкновенный, нынѣ намъ привычный. Такъ, въ постепенномъ образованіи Причастія, мы *прежде всего* отмѣчаемъ дѣйствіе *гласнаго* звука, потомъ, на переходѣ къ согласнымъ, *носоваго* звука, именно *м*, а за симъ уже и другихъ звуковъ.

Обозначимъ же *ступени* „словообразованія," насъ занимающаго, въ его тѣсномъ и условномъ смыслѣ, примѣнительно къ нашему главному предмету.

а) Ступень *Первая.—Ас-* или *са-*, основа и корень для обозначенія 1-го лица въ *Имени* и *Глаголѣ*, въ названіи предмета и въ существѣ его, какъ мы видѣли, совершенно совпадаетъ со старшимъ (такъ называемымъ нынѣ) *Мѣстоименнымъ Указательнымъ* корнемъ. Сей послѣдній является по Ц. слав. въ формѣ *сь*, неопредѣленной и безчленной, а потомъ съ опредѣленіемъ старшимъ, для насъ извѣстнымъ, т. е. посредствомъ *гласнаго* звука, въ настоящемъ же случаѣ посредствомъ мѣстоименнаго корня *и*: *сьи* (=*съи*, *ъ* передъ *и* смягчается; а *съи* = *сы* или *сы*), откуда, чрезъ ассимиляцію, опредѣленная форма Ц. слав. *сии*, у насъ же (съ обыкновеннымъ переходомъ *ь* въ *е*) *сей*.—Причастная и личная форма на одинъ шагъ *дальше* отъ сего *тѣмъ*, что *на самой первой ступени* имѣетъ уже неопредѣленную форму (какая *для указанія* служитъ *опредѣленною*) *сы*, а опредѣленную *сыи* (сый, сущій). Для причастія это ступень *первая* (для указанія — мѣстоименія — вторая): въ остальныхъ глаголахъ *ид-ы*, *ꙗд-ы*, *вѣд-ы*,—*ид-ыи*, *ꙗд-ыи*, *вѣд-ыи*. Нынѣ это Причастіе Наст. время Дѣйств. и Средн. залога.

б) *Вторая* Причастная ступень, спеціально и рѣзко характеризующая Причастіе, образуетъ формы посредствомъ прибавляемаго *м*: *асм-* или *сам-*,

по нашему *асмъ—есмь* или *есмь, самъ* (она же 1-е л. Ед. и Мѣстоименіе „опредѣлительное“), — форму неопредѣленную; а опредѣленную, съ тѣмъ же *и*,—у насъ *самы*, Ц. слав. *самы* (она же 1-е л. Множ. *есмы* или *есьмы*; собственно, по извѣстному намъ закону, отъ *самъ* черезъ Винительный Множ. *самъı*); у другихъ народовъ и языковъ опредѣленіе въ концѣ *другими* гласными,—*а, аі, ъ, ѣ* и т. і., *асмѣ, асмѣ* и т. п. (ср. выше).—Форма опредѣленная способна развиваться и *еще дальс* —посредствомъ гласности, принимая ы (ъ + ъ) за одну долгую и повторяя еще *и—самыи, самый*. Въ прочихъ глаголахъ: *вѣд-о-мъ—вѣд-о-мы* или *вѣд-о-мыи, вѣдомъ—вѣдомый; ѣд-о-мъ—ѣд-о-мы* и *ѣд-о-мыи; да-д-о-мъ—да-д-о-мы* и *да-д-о-мыи* (первоначально *вѣмы, ѣдомы, дамы*: когда же это совпало съ употребительнымъ — позднѣе — 1-мъ лицомъ Мн. на *мы*, тогда Причастіе *отлично отсюда*),—*люб-и-мъ—люб-и-мый, дѣлаемъ—дѣлаемый*. Нынѣ это Прич. Наст. врем. Страд. и Возвратн.— Такъ точно образовались и древнія формы, употребляемыя впослѣдствіи „Именемъ,“ гдѣ иногда мы можемъ усмотрѣть Причастное происхожденіе отъ Глагола, иногда одновременность происхожденія съ Глаголомъ, иногда же и вовсе не добираемся до связи съ существующими нынѣ Глаголами: *камы, кремы, ремы, ѣмы* и т. п., въ Средн. р. *письмо, клеймо, зрѣймо* и т. п. (ср. выше *камо, тамо, сьмо*, а особенно *сáмо*—„оно одно,“ „только,“ solum), или въ „краткомъ“ окончаніи—*отчимъ* (кого „отчатъ,“ дѣлаютъ отцомъ), *Любимъ* (личное имя), *Радимъ* (тоже), *ѕоймъ, снемъ, сеймъ* (изъ *съ+и*, откуда *и-ма*, потомъ *им-ать, им-ать*, с-*и-им-ать*), *кумъ* (отъ *съ* или *къ*, „связуемый связію,“ *com-pater*, такъ что эта форма собственно = Лат. *cum* и Санскр *сам*).

в) На *Третьей* ступени, и опять черезъ Винительный Множ. (ср. выше, а также ср. Винительные *коны, краы* и т. п.), долгая гласная въ концѣ, служащая вящему опредѣленію, переходитъ въ гласную съ отзвукомъ носовымъ, зародышемъ согласнаго *и*, сперва же какъ звукъ *единый*, или, какъ знаемъ въ Ц. слав. на каждомъ шагу, ы переходитъ въ а. Ступень эта дошла къ намъ въ окрѣпшихъ формахъ Имени: *има, имена* (при чемъ Русскій яз. и нѣкоторыя другія Слав. нарр. удержали гласную безъ носоваго) и т. п. Но, что это связано съ Глаголомъ, однородно съ Причастіемъ и даже иногда прошло черезъ его форму, доказывается: 1) переходомъ *ма* въ *мен* и *мень*, не только въ косвенныхъ падежахъ, но и въ Именит.; 2) яснымъ глагольнымъ и причастнымъ значеніемъ, какъ *знама*—знаемое, *сьма*—сѣмое, *брьма*—беромое; 3) тождествомъ съ формами, выше приведенными, напр. *кама письма*; 4) параллельно съ краткими или неопредѣленными формами Прич. Наст. Дѣйств. и Средн., употребляемаго нынѣ Дѣепричастіемъ—*вѣдъı* и *вѣда, идъı* и *ида, ѣдъı* и *ѣда, дадъı* и *дада, несъı* и *неса, даи, вида* и т. д.; 5) особенно такими же точно, причастными или дѣепричастными, формами, кристаллизовавшимися въ нарѣчіяхъ: *лёжмя, плашмя, обоймя* (обнимая и обнявъ), *сидмя, кромѣ* (*крам—кром* — переходить, миновать краемъ, кайму кромкою) и т. п. Сему же соотвѣтствуютъ и формы Именъ, однородныя съ Прич. или Дѣеприч. Наст. Дѣйствит. и Средн., — *сидень* (*сида*), *лежень* (*лежа=лежа*) и т. д. Однимъ словомъ, это было когда-то и Причастною формою Наст. Страд. или Возвратнаго. — Прибавимъ, какъ Винительный Мн. у насъ=Творительному—*самы, добры* (самихъ и самими, добрыхъ

и добрыми), какъ *оба* падежа участвуютъ равно, говорили мы, въ производствѣ формы *пассивной*: такъ особенно при настоящемъ случаѣ, при рѣзкомъ обнаруженіи формы Страдат., во всѣхъ этихъ *мя* и *ма* (ср. выше *большма, весьми*), вообще въ Дѣепричастіи, обнаруживается тожество съ падежомъ Творительнымъ и Соединительнымъ, по вопросу *чьмъ* или *съ чьмъ*, черезъ посредство *чемъ, какъ*. Санскр. *тру* и *твй* есть равно и Творительный, и окончаніе Дѣепричастія, совпадая съ этимъ „Собирательнымъ" *в*, дѣйствующимъ вообще въ образованіи падежа Соединительнаго (ср. выше). Потому, когда форма на *мы*, въ родѣ такой какъ *самы*, достигаетъ окончаній *мя, ма, ми*, и т. п., въ такомъ случаѣ мы должны представлять себѣ тотъ же самый смыслъ, какъ въ извѣстной намъ фразѣ „самъ *собою*." Совершенно одинаковое участіе категоріи Творительнаго или Соединительнаго мы должны помнить и на слѣдующихъ ступеняхъ, 4-й, 5-й и отчасти 6-й.

г) *Четвертая* ступень раскрываетъ сочетаніе *а* въ подлинный согласный носовой звукъ (опять черезъ Випит. Ми,, какъ мы видѣли на *асмй*), откуда окончанія *мя, мн*: въ Санскритѣ, какъ Мѣстоименіе —*асмй*; какъ Мѣстоименіе, Причастіе и Имя окрѣпшее—*атман*; въ Греч. какъ 1-е л. Мн и отсюда Ед.; тамъ же какъ Прич. Наст. Страд. и Возвратн. (съ прибавкою впереди падежныхъ окончаній и съ оглашеніемъ конечнаго *ъ*—μενος, ср. выше); въ Санскритѣ же окончаніе *мана* въ Прич. Наст. Страд. и Возвратн.; въ нѣкоторыхъ язз. Неокончательное, а велѣдъ за нимъ, въ Русск. и Слав. парр. окрѣпшія формы Имени,—*камен*—*камень, ремень, ячмень*, Лат. *semen* и т. д., равно какъ древнѣйшія наши Имена на *мя* (*Дух-мянъ, Вол-от-о-мянъ*, или *дур-мянъ*=Сербск. *душ-мянъ*=δυσ-μεν-ης=Санскр. *duh(-r-s-ç)man-*, а далѣе съ *т* и *t*=*д*—*дур-м-а)-а*, унесенный, бѣшеный, при чемъ прививается уже другой корень *мад-*; наконецъ Сербскія фф. въ родѣ *рам-ен-о*=наше древн. *рамено*=сильно=формѣ εμμενοι и подобнымъ).

д) *Пятою* ступенью представляется Прич. Страд. и Возвратн. *Прошедшаго*, разумѣется образованнаго *послѣ* Настоящаго, по его вліянію и примѣру, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь носовое *н* и согласное *нъ* (какъ у насъ) приставляется прямо къ корню, иногда съ помощію соединительной гласной, но во всякомъ случаѣ минуя посредство признака Настоящ. времени *м: да-нъ, да-д-ень, вд-е-нъ, би-ѭ-нъ* и т. д.; Нѣм. *en*, или *на* Санскрита.

е) Одновременно съ Пятою, но по языковому вліянію ея примѣра т. е. по образцу залоговъ Страд. и Возвр., — *Шестая* ступень прибавляетъ носовое окончаніе прямо къ корню (*вид-а*), либо носовой согласный звукъ (*атан-s*, Греч. λυων, πλεκων), либо носовой и *т* или *д* (*атнт-ет, λυ-ο-ντ-α, сант-а-м, атанд-ат*, Нѣм. на *nd*—*sch-e-nd, sei-e-nd* и т. д.). Это, какъ видите, либо Причастіе и Дѣеприч. Наст. въ Дѣйств. и Средн. залогѣ, либо Прич. и Дѣеприч. Будущ. въ Страд. и Возвратн. (Лат. amandus, amandi и т. д.), по причинѣ извѣстнаго намъ ближайшаго родства между Наст. и Будущимъ (ср. выше). Но кромѣ того, гдѣ, сверхъ *н* прибавляется еще дальнѣйшее *т* или *д*, тамъ переходъ къ *слѣдующимъ* ступенямъ, а потому къ формамъ: а) окрѣпшаго Имени Существит. (*жрьтва, тела, дѣтя*, гдѣ въ склоненіи *ят*=при-

частному *ант* и *ент*); б) Неокончательнаго (на *н* и *т*, смотря по языкамъ) и в) 3-го лица (особенно во Множ., Санскр. *санти*, Ц. слав. *сѫть*, *им-ѫ-ть*— *am-a-nt*, *сѣд-ѧ-ть* — *sed-e-nt*, *вид-ѧ-ть* — *vid-e-nt*; Нѣм. *seh-e-n* = Неоконч. и 3-е л. Мн.; и т. д.); наконецъ переходъ г) отъ категоріи Творит. и Соединительнаго къ Относительному, Ablativ'у, о чемъ сей часъ ниже.

ж) *Седьмая* ступень, параллельная Четвертой и совершенно того же пріема, отличается отъ нея тѣмъ, что послѣ *м* прибавляетъ дальнѣйшимъ опредѣленіемъ не *н*, а *т*, откуда конечная формація *мат*, *мет*, даже *мит*, извѣстная намъ по формѣ *асма́т*, о которой подробности ниже (а выше ср. параллельное значеніе Нѣмецкаго *mit* и μετα—для *падежей*). Какъ *ман* рѣдко встрѣчается внѣ *спеціальнаго* употребленія, т.-е. внѣ Причастія (обращаясь, въ прочихъ Именахъ, по Санскриту, въ *иман* или *мин*, и то рѣже, равно въ „отвлеченныхъ" Существительныхъ, взятыхъ изъ Прилагательнаго): такъ на оборотъ окончаніе *мат*, нося *слѣды* Причастія, окрѣпло собственно въ Именахъ — Прилагательныхъ, или въ Прилагат. *вмѣсто* Существительнаго (*шра́мат*—счастливый, счастливецъ, кому *часто* выпадаетъ счастье). Къ *ман*, въ Именахъ, *мат* относится какъ 3-е л. къ 1-му, Средній родъ къ Мужескому, Косвенный падежъ къ Именит., въ особенности Относительный къ Винительному и Творительному, всего ближе впрочемъ сходясь съ Соединительнымъ: это полнѣйшая матеріализація, предметность-объективность и пассивность. Съ легкимъ оттѣнкомъ различія отъ окончаній *иман*, *мин* и *вин*, окончаніе *мат* (по звуку—*ват*) преимущественно сходно до отождествленія съ окончаніемъ Прилагательныхъ (а отсюда Существ.) *ват* и Причастій Прош. Дѣйств. *тават* (редупликація *т*; *в* извѣстное намъ „Учащательное" и „Собирательное"): *балават* (по нашему *бало́ванъ*, своеволіемъ и силою), *дъанават*, *бъагават* (be-a-t-us, по нашему *богатъ*: сокращеніе формы, вмѣсто *бог-ов-атъ*, возмѣщается склоненіемъ *опредѣленнымъ* — *бог-ат-ов-а* = *ога*, *аго*; о томъ, какъ изъ *мат* „расщепляется" *маст*=Причастному *смат*, примѣры отчасти ниже); и т. п. Однимъ словомъ, это наши *жал-о-ватъ*, *щетин-о-ватъ*, *прост-о-ватъ*, *глуп-о-ватъ* (*часто* или *нѣсколько* одержимый простотою и глупостью, обнаруживающій ихъ) и т. п. У насъ это чередуется также съ формами на *ванъ* (чрезъ Причастіе отъ глаголовъ Учащательныхъ, повторяющихъ извѣстное дѣйствіе или качество, посредствомъ вставки *в*, *ов*, *ив*, *ав*, *ев*, между корнемъ и окончаніемъ): — *бал-о́-в-анъ* и *бал-в-а́нъ* или *бол-в-а́нъ* (одаренный „силою" и своеволіемъ, по Сербски—*силан*—„полный своеволія и силы" до баловства, а по древнему употребленію Славянъ—кумиръ божества, именно первоначальнаго Бѣла—Бала—Ваала); сокращенно (безъ вставки Учащательнаго и Собирательнаго *в*) на *атъ*: *бород-атъ*, *глаз-атъ*, *волос-атъ*; съ восполненіемъ значенія посредствомъ разложенія *т* въ *ст*, на *астъ*: *голов-астъ*, *бород-астъ*, *пятн-астъ*, *глаз-астъ*; на *истъ*: *рѣч-истъ*, *голос-истъ*, и т. д. Есть впрочемъ Имена, прошедшія Причастную форму со звукомъ *м* (*мый*) и даже *ман* или *мен*, а послѣ прибавившія *т*: *косм-атъ* (*кос-чес*=„волосы" или что либо о „волосахъ;" *косма́*, *ко́смы* и *космы́* — *первая* ступень Причастія, *косм-атъ*—*заключительная*. Въ классич. язз., кромѣ фф. на *см*, ср. *смат* или *маст*, напр. κοσμ-ου, κοσμ-ος, есть и съ однимъ *м*, подобно формѣ *мат*

или εσμ=εμμ: κομ-η-, *com-a*; самое же *кос-*, *кес-*, *чес-*, *caes-aries*, относится къ симъ формамъ такъ же, какъ *ас-* къ *асм-*, *смат-*, *ам-*, *мат*);—*кам-ен-истъ* или (по варр.) *ка-м-ен-астъ*, *каменистъ* (*камы*—1-я ступ. Прич; *камен*—4-я; *каменистъ*—*астъ*—*истъ* заключительная). Наконецъ сюда же примыкаютъ фф. *крайняго* развитія на *маст* (во многихъ язз.)=Превосходной степени и = *смат* *). По явнымъ здѣсь вездѣ слѣдамъ *Причастныхъ* не сомнѣваемся, что все это было древле Причастіе Страдат. или Возвратное (по смыслу—одаренъ чѣмъ, снабженъ, надѣленъ, сдѣлался носителемъ чего, такъ называемый *субъектъ – объектъ*), съ характеромъ частію Настоящаго или лучше Совершеннаго, законченнаго, но гдѣ дѣйствіе или качество повторялось нѣсколько разъ, *прошло* на сценѣ не разъ, а потому съ отличіемъ времени Настоящее-Прошедшаго или, какъ называется это въ иныхъ языкахъ, Прошедшаго-Совершеннаго, которое изъ Прошлаго вступило въ Настоящее. Это отличіе и выражается соединеніемъ звуковъ *м*—Настоящаго и *т*—Прошедшаго, *м*—еще Дѣйствующаго или Дѣйствительнаго и *т*—Пассивнаго, Матеріальнаго. Соединяя Наст. и Прош., форма эта способна, своимъ *м*, и для 1-го лица, именно во Множ., гдѣ по Гречески видимъ ἐσόμεθα (=*асмат*), ἐσοίμεθα, λυόμεθα, λυσόμεθα, ἐλυσάμεθα; Лат. *mus*, гдѣ *s* = *t*: *am-a-amus*, *vid-e-mus*=*amamut*, *videmut*: какъ выше μεθα конечно=предлогу μετα, такъ здѣсь *mut*=отличію Ablativ'a *met*, *med*, Нѣм. *mit* и т. п., т. е. вступаетъ на поприще *падежей*, о коихъ выше.—Изъ Именъ же Существительныхъ особенно много такихъ формъ въ Греческомъ, съ Именит. μα, въ склоненіи ματ-: πραγ-μα—πραγ-μα-τος, σπερ-μα—σπερ-ματ-ος. У насъ же большею частію *не доходитъ* въ Существит. до *т* и ограничивается формою *мен* (ср. Ступ. 3 и 4)—*время*—*времен-* и т. п.; а въ Латинск. съ посовымъ *н* при *т* по Ступени 6-й—*seg-ment-um*, *sup-ple-ment-um* и проч. на *ment-um*; при чемъ ср. „Нарѣчія“ (особенно Романскія) на *mente*, *ment* **).

---

*) Вообще „расщепленіе,“ коимъ условлено между прочимъ образованіе *степеней*, всѣ эти *s*, *st*, *sim*—*is-sim*, *ѣйшій*, равно какъ связанныя Причастія на *ит*, *щ*, Прилагат. на *н* и т. д.,—не входятъ въ *предѣлы* нашего обозрѣнія и легко могутъ быть *дополнены* по указаннымъ нами основнымъ *законамъ*.

**) Но, очевидно также: какъ *цѣлое*—*âtman* переходитъ въ значеніе *духа* (Нѣм. *Athem* и *athmen*), такъ, разумѣется, и *части основныя*. То есть, *аз-ас-ah-aj* (αι Греческое)—въ ἀΐω, *aer*, наше *яр-ъ*, *Jahr*, *яр-о* (дыханіе весны), *ar-ia* и т. п.;—съ этой же точки зрѣнія αἰών, *ас-т-ит*—указываетъ, что наше *в-ѣк-ъ* (ни сколько не нарушая связи съ именемъ и глаголомъ)=*в-ѣк-ъ*=*ѣк-ас*, Санскритское „одинъ;“ — далѣе *тан*, *м-ан* связуется съ *ман-ас* и *мâн-ас-а* (an-im-us, m-en-s, *Ману*—старшій (послѣ потопа) человѣкъ, *Манн*, *мж-жъ*; а *тен*—μεν—съ *тен-s*, *мен-ю*—*мьн-ю* и т. д. Самое *дух-* и δυς, Лат. *dis* и прочее съ *дух-ъ*, *дур-ен-ъ* (ср. выше *дур-дус-дух-ман-ас*, полонъ духомъ — дурнымъ); — даже простое *dis* (раздѣлительное) съ *Dis*—*Ditis* (богъ, спустившійся въ адъ, Iupiter Stygius) и т. д.—Нужно только *уловить моменты* пле-

з) На *Осьмой* ступени стоитъ Причастіе, менѣе относящееся къ нашему дѣлу, именно Прош. врем. Дѣйств. и Среди., связанное болѣе съ *надежомъ* Творит. и Соединит., а ясное особенно *во Множ.*, гдѣ мы его отчасти разсмотрѣли. Оно, сравнительно съ другими формами, *гораздо* позднѣе происхожденіемъ и развивается *черезъ Дѣепричастіе*: это, въ Санскритѣ, помянутое оконч. *тават* и *нават*, явно возникшее изъ Страд. и Возврати. *та* и *на* съ прибавкою *ват*, равною также Страдательному *мат;* въ Дѣеприч. съ перестановкою звука—*т-ва;* въ Прош. Соверш. удвоенномъ (съ редупликаціей)—*вас*=ват). У насъ краткое или неопредѣлен. *бы-въ*, полное *бы-вш-й* (съ опредѣленіемъ черезъ гласную) или *бы-в-ши*, *бы-в-ші-й* (гдѣ *вш*=*вас*, съ опредѣленіемъ черезъ согласную *с*=*т*), Ц. Слав. *бъı-в-шь*, *хож-и-в-шь*; съ перегласовкою *в* въ однородное *л*—*бы-лъ* (краткое), *бы-л-ый*, *бы-л-ой* (полное), такъ что собственно 3 формы — *бывый* (бываго, бывому, и т. д., какъ склонялось и склоняется въ Москвѣ при названіи „урочищъ“), *былой* и *бывшій* (кое-гдѣ у насъ и *еще* удвоютъ—*бывавый* (монастырь, напр. Ивановскій въ Москвѣ)=*бывáлый:* „въ бывавомъ монастырѣ“).

и) *Девятая* Ступень почти равна Пятой, вмѣсто *и* представляя *т;* она лишь *на столько* позднѣе, на сколько *т*—*матеріальнѣе* или *вещественнѣе*, чѣмъ *и* (*и* еще участвуетъ въ сочетаніи гласнаго носоваго, какъ **а**, **ж**, тогда какъ *т*—*чисто*-согласный звукъ), а потому даже по видимости въ граматическихъ фф. *слѣдуетъ за и* (*нт*) и служитъ къ образованію падежей *дальнѣйшихъ*, *послѣ* Винительнаго. Какъ образовались окончанія *ман* и *мен*, такъ точно *мат* и *мет:* но эти сложныя формы, изъ коихъ первую мы видѣли особенно въ Греч., а вторую по большей части уже въ опредѣлившихся Именахъ, формы, параллельныя *древнѣйшей* рѣчи „Слитной“ *), тяжелы стали для ступеней болѣе позднихъ и юныхъ—въ организованномъ „языкѣ.“ Потому (минуя ступень или посредство *м*) *т*—подобно какъ и *н*—приставляется *прямо къ корню*, сцѣпляясь съ нимъ порою гласнымъ или согласнымъ звукомъ. Это Санскр. *та*, чередующееся съ *на*, Лат. t-u-s (въ полномъ окончаніи, гдѣ *u* оглашенный *ъ*, *s* флексія Именительнаго; краткое окончаніе на *t*), наше *т*, *ть*,—*би-ѣ-ть*, *би-ть*, *да-ть*, *да-де-ть* и *да-ть*, *бра-ть* и *бра-ть*, *бы-ть* (откуда *бытый*; полное или опредѣл. оконч. чрезъ прибавку *и* и *й*, въ сочетаніяхъ *ы*, *ый* и т. п.); или, какъ въ Санскритѣ, смотря по разрядамъ глаголовъ, въ однихъ *нъ*, въ

менной и народной жизни въ соотвѣтствіи съ эпохами творившагося языка: тогда всѣ такъ называемыя „Мѣстоимснія“ и „Частицы“ (particulae) разскажутъ намъ то же самое, что̀ Имена и Глаголы съ товарищами: да еще укажутъ и *процессъ*, какъ *слагались* представленія и слова, а этому послѣднему помогутъ много *падежи*, именно по тѣмъ законамъ, кои нами теперь выставлены.

*) Ибо несомнѣнно, что рѣчь Общаго Племени прошла черезъ моментъ или періодъ „Слитности,“ *внѣшняго* нарастанія, агглютинаціи, свойственной царившему тогда механизму, прежде чѣмъ дойти до *организма языка въ народѣ*.

другихъ *ть*.— Это собственно Прич. Прош. Страд. и Возвратн. (и какъ *чисто* Прошедшее, оно очевидно моложе чѣмъ *мат*, которое соединяетъ въ себѣ *м* Настоящаго): потомъ всякое Прилагательное, при чемъ въ Греч. яснѣе другихъ язз. видна его отглагольность— αἰνετός, хвалёный,—по-хвальный, ποιητός, сдѣланный—дѣльный, и т. п. Или же это самое происходитъ съ претвореніемъ *т* въ *ст* (какъ мы видѣли *маст* изъ *мат*)—ἀκουστός, ἀκουστής, γευστός и т. п.; ср. также и *степени* Прилагательныхъ, ιστ—αст, равно какъ *бысть*, гдѣ *ст* изъ *т* и т. д.; нами помянутыя *богатъ, рогатъ*, или на *асть*, *нсть* и т. д. (ср. выше). Вообще отсюда многія тысячи нашихъ Прилагательно-Существительныхъ, въ родѣ *ран-о* (утро, заря, небо, οὐρανός=*ура́нъ, ура́нье, ура́нокъ, у́рань*), и чисто-Существительныхъ (по нынѣшнему)—*ра-нь, ра-ть*, и т. д.—Мы просимъ лишь *не забыть* при этомъ, что въ формаціяхъ *черезъ падежи* (такъ называемые) *н* = Творительному, Instrumentalis, а *т* = Относительному или Ablativ'у. — Кромѣ сего, это же есть Неоконечательное, т. е. отглагольное Имя Сущ., *ѣс-ть, бы-ть, ход-и-ть*, или то же въ древнемъ Достигательномъ—*княж-и-тъ, волод-ѣ-тъ*, Ц. Слав. *бытъ* (съ опредѣленіемъ черезъ *и*), *бытъ*, Лат. Супинъ *am-a-t-u-m, am-a-t-u*, Санскр. на *тум* и т. п.—Мы напоминаемъ при этомъ *очень важную* ф. Существительныхъ на *ты* и *ды* (*со-ты—ме-ды* или, по корню *глагольному*, *сот-ы—мед-ы*; она=Собират., на *овъ*, и Двойственному—напр. *ножны*; объ ней выше при текстѣ). — По, черезъ прибавку *т* къ *н* или даже иногда чрезъ зарожденіе *н* передъ *т*, эта форма столько же, какъ видѣли мы, есть Прич. Наст. (*amant-*, λυοντ-, наше съ претвореніемъ *т* въ *шт* и *щ* —*сѫштъ сущъ, видѧштъ* = *vident-*, *видящъ*, *идѫштъ*, идущъ; далѣе и въ *горѧштъ, горящъ*—*горячъ*: *в-ѧ-штъ*—*в-ящій* предполагаетъ т. е. не только *нт*, но и *нт*, а старше и просто *ат* или *т*, какъ и видимъ въ корняхъ *вѧт-* и *вѧд-*, въ Сербск. *веть*, въ частицѣ *вѧдь*, а паралельно съ Причаст. и Прилагат. на *чь—чій*, наменаетъ на связь съ *веч-е, веч-ер*—„уже́, ужо́, поздно"; равнымъ образомъ и 3-е л. Множ. *видѧтъ*, *vident*, *сѫтъ*, *sunt*. По Русски такія формы *еще безъ носоваго*, указывая, что и *безъ* него, а можетъ быть *до* него, такія формы возможны съ однимъ *т*. Такъ и въ 3-мъ л. Ед., старшемъ чѣмъ Множ — ос, одно *т* — *ес-тъ, es-t, ѣс-тъ, да-с-тъ, хо-д-итъ*. Особенно Санскритъ убѣждаетъ, что Страд. Причастная форма на *та*—*стиц ше* и только *изъ нея* уже образуется тамъ Прич. Наст. Дѣйств. и Средн. на *т*, принимая *н* только въ косвенныхъ падежахъ (*сат, сантам*); то есть, иначе сказать, тамъ, полныя формы на *ман* и *мат*, потомъ на одно *та*, и отсюда уже Прич. Наст. Дѣйств. и Средн. на *т* или *нт*. А такъ какъ въ сихъ послѣднихъ формахъ (подобно *н*) *т* присоединяется *прямо къ корню*, черезъ звѣно гласной или полугласной носовой, минуя посредство *м*, отсюда въ занимающемъ насъ дѣлѣ, при вопросѣ о связи 1-го лица (Мѣстоименнаго и Глагольнаго), Причастія, Неокончат. и Имени. образуются *особыя* формы, *очень любопытныя*, но о нихъ мы уже не имѣемъ ни мѣста, ни времени распространяться здѣсь.

Таковы всѣ *главныя* формы *Причастій* въ язз. нашего племени: *прочія* представляютъ ничто иное, какъ либо дальнѣйшее опредѣленіе этихъ основъ въ словообразованіи или флексіяхъ склоненія, либо роскошь и излишество,

повторяющее собою основные элементы въ разнообразной перетасовкѣ и перестановкѣ. Для связи же съ *падежами*, особенно съ Относительнымъ и всеобщимъ Соединительнымъ, сказаннаго нами пока достаточно.

Правда, у насъ готово подобное же изслѣдованіе о *Мѣстномъ*, особенно во Множ—омъ, и это важно для уясненія Родительнаго (съ коимъ Мѣстный во многомъ связанъ), а черезъ Род—ый для уясненія Именительнаго (который возникъ сравнительно *позже*, на пути воззрѣній *болѣе отвлеченныхъ*, такъ что во многихъ языкахъ, преимущественно Западныхъ, самъ есть ничто иное, какъ *повторенный* или *сокращенный* Родительный, о чемъ между прочимъ ср. при текстѣ и суффиксѣ *S*): но это повлекло бы печать нашу далеко, а выходъ „Граматики" и безъ того поопоздалъ.

Не надѣемся, что наше изслѣдованіе займетъ сколько ни будь такихъ талантливыхъ крохосбирателей, какъ г. Миклошичъ. Но вѣрные ученики его, въ родѣ г. Ягича (Iagić) конечно будутъ недовольны, уже и тѣмъ, что мы *предварили* ихъ (они считаютъ у себя и науку, и все Славянство на откупѣ). Что̀ дѣлать: жалѣемъ, что они *опоздали*, tarde venientibus ossa. По крайней мѣрѣ, есть на что напасть: охотно имъ предоставляемъ эти *osse*.

P. S. Пользуясь маленькимъ оставшимся свободнымъ мѣстомъ, прибавимъ къ намѣченному выше объясненію корня *сам-* и *себ-*, *соб-*: вѣроятно изъ него же наше *соб-а*, изолированное и обособленное жилище, *для себя* и *своей особы* (Санскр. *сабъа*: ср. Diluvium etc. Mahabharati, edit. Bopp, Berol. 1829, стр. 79). Любопытно, что, по выясненному нами принципу, языкъ сопоставилъ это съ корнемъ *ес-ть*, *is-t*, и образовалъ дальнѣйшую форму *ист-ъ-ба*, да и съ предлогомъ *из-ъ—из-ба* (*еще* же позднѣе, съ водвореніемъ осѣдлости, огня и очага, развилъ уже *ис-топ-ка*; съ сей, уже поздней, точки зрѣнія, производство Боппа въ *Glossar.* отъ *бъа̂*—свѣтъ и очагъ). Но, также любопытно, что очевидно одного корня и *соб-а-ка*, появляющаяся вмѣстѣ съ прочнымъ жилищемъ человѣка: *кѣшта*, *куща*, Сербск. *кутя*, имѣютъ также точно при себѣ *куч-е*, *куч-ка*, *куя*, наше — *кутя́къ* (собака) — животное по преимуществу *домашнее*. Отъ него, впрочемъ, нужно отличать собаку болѣе раннюю, чѣмъ домъ, *внѣшнюю* для людей и племени, и *дикую*, не имѣющую дома, изъ эпохи звѣрей и звѣроловства (*Jagd*-hund). Она, выражавшая одно лишь механическое движеніе и быстроту, въ бѣганьѣ по чужимъ и дикимъ странамъ, олицетворяла въ себѣ, какъ въ символѣ, божество именно той отдаленной эпохи — *Хорса*, *Хръса* (по „Слову о П. И.," только одинъ лишь Всеславъ могъ перегонять и предварять такого пса, „Хръсови путь прерыскаше"): оттуда и названіе ея *хрътъ*, *хортъ*, перешедшее на собаку охотничью (*Jag-*), напускную, что̀ напускается на добычу. За тѣмъ, на 2-й ступени, наше *пьс-ъ*, *песъ*, отводитъ (не столько къ *pecus*, еще *позднѣйшему*, при чемъ ср. Сербское *па-ъ* и *паст-и*, равно *пас-ъ* — *пояс-ъ*, *ой* поднятое изъ *и*, при Нѣмецкомъ—Gürtel и *гуртъ*—стадо, а *ранѣе*—) къ *pix* (*pic-s*, *пьк-ло*, *пек-ло*,—горячій, пылающій, ярый, задорный (типомъ такого пса въ пеклѣ — Керберъ), подобно какъ названіе другаго рода смолы — *дег-оть* отводитъ къ корню *dah-*, горѣть и жечь: что̀ и является въ имени *Даж-Богъ*, равный Хорсу,

по его *смѣнившій*, на ступени уже 2-й, не богъ только движенія по чужимъ странамъ, а богъ жгучій, коварный, злой, одинаковый съ Вааломъ и Кроносомъ; и дѣйствительно, другое имя *жерта* есть у Славянъ въ формѣ *за-гар-ъ* (отличіе только *борзой* отъ *гончей:* одна только *борзится*, а гончая безпрестанно *гоняется* за другими). Наконецъ, *еще* позднѣе и противуположно уже *собакъ* (canis familiaris), *вы-жл-ецъ, вы-жл-окъ*, т. е. = лишенный роднаго *жилья* и дома, семейства и племени; сужденный на скитаніе по чужимъ краямъ, ради дикихъ своихъ свойствъ, и на вращеніе между звѣрями.

П. Безсоновъ.

КОНСПЕКТЪ

ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

КОНСПЕКТЪ

ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ 1-й ЧАСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ *).

Имя со всѣми его видоизмѣненіями, съ числомъ и съ падежами—еще не есть рѣчь; какъ міръ, понятый какъ предметъ, еще не есть жизнь.—Противорѣчіе находится здѣсь въ самомъ явленіи: міръ, понимаемый какъ предметъ, необходимо живетъ, дѣйствуетъ въ самой повидимому неподвижности своей, ужъ потому что онъ *бываетъ*, такъ что форма предмета, неподвижнаго бытія, тутъ же оказывается неудовлетворительною. Точно то же видимъ мы въ имени, выражающемъ неподвижное бытіе; самое имя уже предполагаетъ дѣйствіе, уже предполагаетъ, что имя *есть*, уже намекаетъ самымъ смысломъ своимъ, самыми измѣненіями своими на болѣе полную жизнь, на болѣе полную рѣчь, такъ что форма имени оказывается тутъ же неудовлетворительною.

Поэтому *Имя*, эта первая (логически, а не хронологически) форма слова—разрѣшается, какъ недостаточная для жизни или рѣчи, какъ въ себѣ имѣющая противорѣчіе, сама въ себѣ неудовле-

---

*) Эти остальные оба отдѣла И м е н и (составляющаго по плану К. С—ча первую часть Русской Грамматики), т.-е. П р и л а г а т е л ь н о е и П р е д л о г ъ, сохранились въ рукописи только въ черновомъ видѣ. Они еще не были изготовлены авторомъ для печати и, судя по его замѣткамъ на поляхъ, подлежали такому же окончательному пересмотру, и отчасти переработкѣ, какъ первый отдѣлъ, т.-е. Имя существительное, который былъ имъ вновь переписанъ и значительно распространенъ. Поэтому и слѣдуетъ смотрѣть на эту рукопись только какъ на *конспектъ*; печатаемъ ее безъ всякихъ исправленій. *Издатель.*

творительная, разрѣшается самою этою жизнію, этою рѣчью ищущею еще дальнѣйшаго, еще полнѣйшаго проявленія *).

Это разрѣшеніе совершается естественно, такъ что самое имя, полное и дѣйствительное опредѣленіе слова, разрушается или распадается; образовательная форма, окончаніе имени отвлекается, отлучается отъ корня, при чемъ и корень, отлучаясь отъ своей формы, становится отвлеченнымъ.

Итакъ передъ нами разрѣшенное имя: отвлеченная форма имени и отвлеченный корень.

Смыслъ имени, теперь отвлеченный, находится на его отвлеченной формѣ, ибо форма даетъ мѣсто и разрядъ какому бы то ни было слову, даетъ корню то или другое опредѣленіе.

Какое же значеніе получаетъ отвлеченная форма имени?

Значеніе, которое получаетъ самый предметъ, само замкнутое бытіе, когда логическимъ путемъ является оно отвлеченнымъ. Потерявъ значеніе опредѣленнаго такого-то предмета, доступнаго осязательному ощущенію или пониманію физическому или умственному, предметъ или бытіе (слово) становится *качествомъ*; бытіе здѣсь отвлеченно обще, не представляетъ опредѣленнаго предмета и потому можетъ переноситься съ предмета на предметъ и присоединяться то къ тому, то къ другому предмету.

Отвлеченная форма имени получаетъ также значеніе *качества*, слово вступаетъ здѣсь въ новое свое выраженіе и, не представляя опредѣленнаго какого-нибудь имени и потому имѣя лишь его отвлеченную форму, оно можетъ переноситься отъ имени къ имени и прилагаться то къ тому, то къ другому имени.

Эта новая степень слова, отвлеченная форма имени, имѣетъ въ грамматикѣ названіе: *Прилагательнаго.*

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Прилагательное есть отвлеченная форма имени и поэтому выражаетъ отвлеченное значеніе самого *предмета*, т.-е. *качество.*

Примѣчаніе. Прежде всего скажемъ, что мы, какъ здѣсь, такъ и вообще, вовсе не думаемъ дѣлать распредѣленій; это было бы-

---

*) Здѣсь съ боку К. С—мъ приписано: „(собственно имя есть *Онъ*, третье лицо)“.

уже распредѣленіемъ понятій; мы не говорили объ именахъ собственныхъ, нарицательныхъ и такъ далѣе. Мы не станемъ и здѣсь дѣлить прилагательныхъ по ихъ внутреннему смыслу; это вовсе не дѣло грамматики. Для грамматики нужно только то, что находитъ себѣ выраженіе въ формѣ слова, которую само слово дастъ. Въ образованіяхъ слова является духъ языка, предмета нашей науки; мы говорили напр. о *собирательномъ* значеніи именъ потому, что здѣсь является особая форма слова, окончаніе *а*.— Но все остальное, внѣ формъ, даваемыхъ самимъ словомъ для выраженія, есть уже *значеніе духовное* словъ; это сюда нейдетъ въ грамматику, ибо слово, какъ значеніе, объясняетъ собою весь міръ разумѣнія.—Что же касается до мистическихъ почти вопросовъ: почему напр. *огонь* высказывается буквами *о г о н ъ* а не другими; до вопросовъ, какъ объяснить связь духовнаго значенія и музыкальнаго ихъ выраженія въ словѣ,—то эти вопросы сюда нейдутъ, да и едвали могутъ быть и рѣшены иначе, какъ приблизительно или поэтически.—Между тѣмъ въ грамматикахъ часто дѣлаютъ излишнія, по нашему мнѣнію, изчисленія частей рѣчи по ихъ внутреннему духовному, категорическому значенію. Обыкновенно эти изчисленія бываютъ и не полны, что и не возможно, — ибо тогда слѣдовало-бы перейдти совсѣмъ въ другую область, изслѣдовать само понятіе и оттѣнки его. Эта сторона внутренняго значенія сюда не принадлежитъ. Мы изслѣдуемъ въ грамматикѣ то, что указуетъ намъ самъ языкъ, совершая свой великій процессъ образованія и сочлененія, совершая свое построеніе слова, чѣмъ потомъ (уже образовавшись и построеннымъ словомъ) даетъ онъ высказывать всѣ сокровенныя тайны мысли. Здѣсь также мы укажемъ на раздѣленіе прилагательныхъ во столько, во сколько считаемъ это высказывающимся въ самомъ языкѣ.

Отвлеченная форма имени, форма уже знакомая намъ изъ предыдущихъ изслѣдованій, есть *ъ, а, о* или *ь, я, ё* (е).—Эта отвлеченная форма образуетъ новое слово, отвлеченный смыслъ котораго обнаруживается тѣмъ, что оно имѣетъ значеніе *качества*, а отвлеченная форма слова обнаруживается тѣмъ, что эта тройная форма *ъ, а, о* не слита нераздѣльно съ содержаніемъ слова, но, отдѣляясь отъ него, передаетъ содержаніе *другой* и *третьей*; другими словами измѣняется по родамъ: это измѣненіе не иначе выражается въ языкѣ (по крайней мѣрѣ первоначально) какъ чрезъ

отвлеченіе той самой именной формы (во всѣхъ ея видахъ), которая служитъ опредѣленіемъ имени. Поэтому видимъ мы

добр—ъ, добр—а, добр—о.

Разница отъ имени выражается въ языкѣ только отвлеченностью формы, тѣмъ, что одно и тоже содержаніе слова можетъ переноситься отъ одной формы имени къ другой. Въ мысли выражается оно понятіемъ качества; въ языкѣ оно передается формою имени, но отвлеченною и потому переходною или измѣняющеюся по родамъ. Такъ какъ это чистая форма имени, то и склоненіе прилагательнаго есть совершенно склоненіе имени: прилагательныя на ъ, ь, какъ имена мужескаго рода перваго склоненія на ъ, ь: на *а, я*, какъ имена женскаго рода втораго склоненія на *а, я*; на *о, ё*, какъ имена средняго рода на *о, ё*.

Примѣчаніе. Окончаніе женскаго имени на *и*, какъ окончаніе исключительное, внѣ соотвѣтствія съ другими окончаніями именными, языкъ не принялъ для отвлеченнаго значенія именной формы. Ниже мы надѣемся объяснить, гдѣ въ значеніи прилагательнаго окончаніе на *и* получило свое приличное мѣсто.

Мы опредѣлили прилагательное вообще. Но оно проходитъ цѣлый логическій путь своего опредѣленія, которое должны мы разсмотрѣть и которое еще болѣе утверждаетъ за нимъ значеніе отвлеченной формы имени. — Мы поспѣшили сказаннымъ нами возразить на мнѣніе, которое могло быть, что подъ отвлеченной формою имени надо непремѣнно разумѣть голое окончаніе ъ, *а, о*, и постарались объяснить, что соединенное съ содержаніемъ слова, прилагательное, тѣмъ не менѣе, представляетъ отвлеченную форму имени и даже еще очевиднѣе въ нѣкоторомъ отношеніи, ибо отвлеченность окончанія обозначается отвлеченнымъ ихъ отношеніемъ къ содержанію слова, поэтому свободнымъ и перемѣннымъ къ нему присоединеніемъ всѣхъ трехъ окончаній, которыя имѣетъ имя согласно съ своимъ основнымъ раздѣленіемъ на три свои формы или на три рода. *) — При этомъ мнѣніе, что ъ, *а, о* должны явиться голыми одними окончаніями при отвлеченіи формы имени, получитъ извѣстное основаніе и оправданіе.

—

*) Съ боку отмѣтка автора: „Какъ нибудь иначе, яснѣе объ опредѣленіи имени“.

Разсматривая ходъ прилагательнаго, мы имѣемъ передъ собою только остатки прежняго построенія; но остатки, достаточно говорящіе о самомъ образованіи и значеніи его.—Для этого мы должны вникнуть въ употребленія прилагательныхъ, и доселѣ живущія въ языкѣ. Мы должны сказать кстати, что какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ Русскій языкъ наиболѣе сохранилъ въ себѣ первобытное устройство слова, по крайней мѣрѣ самый высокій его разумъ, съ которымъ, думаемъ мы, что большею частію, по крайней мѣрѣ, соединено и первоначальное образованіе слова.

Отвлеченная форма имени сама по себѣ есть *ъ, а, о*. Она имѣетъ и сама по себѣ смыслъ, какъ пустая форма, какъ рамки предмета. Чтобы приблизительно объяснить нашу мысль, приведемъ прилагательныя: *онъ, она, оно*. Это не предметъ какой-нибудь, это еще и не качество предмета, но всякой предметъ можетъ быть означенъ этимъ прилагательнымъ, можетъ войти въ его предѣлы, ибо *онъ, она, оно почти* не имѣетъ значенія, *почти* одна пустая форма, одни рамки имени (предмета).—Мы говоримъ *почти*, ибо *онъ, она, оно* все же не есть одна отвлеченная форма имени и имѣетъ хотя нѣкоторое свое значеніе; только употребленіе придало ему безцвѣтное значеніе er, jie, es, he, she, it (какъ и въ этихъ языкахъ тоже), а въ сущности въ немъ есть оттѣнокъ того значенія, которое опредѣляется во второй формѣ: *оный, оная, оное*. Подобны ему: *тотъ, та, то* и пр. Но объ этомъ надѣемся поговорить ниже.

Употребленіе (какъ прилагательнаго) чистой формы имени, окончанія *ъ, а, о*,—въ языкѣ мы не находимъ; но мы видимъ однакоже несомнѣнные и еще очень яркіе слѣды его въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Тоже *ъ, а, о* есть *ь, я, е*; это точно такая же форма имени, только смягченная черезъ *и*.

Слѣды употребленія отвлеченной формы имени, чистаго его окончанія: *ь, я, е* очень ясны передъ нами. Значеніе этого первоначальнаго прилагательнаго есть, какъ и должно быть, пустое мѣсто, оставленное предметомъ, рамки предмета и только; потому что окончаніе *ь, я, е* всего ближе и по праву перешло къ тому значенію, которое теперь занимаетъ не по праву и по злоупотребленію: *онъ, она, оно*, имѣющее свой опредѣленный смыслъ. Нельзя не подивиться здѣсь глубокой логичности языка и строгости его дѣла.

Ь, я, е сберегліись не совсѣмъ въ чистомъ и полномъ своемъ употребленіи, но, какъ было сказано, слѣды его, и даже болѣе, цѣлые падежи ясны.

Ь произнестись одно не можетъ и тогда выступаетъ въ немъ: *и. Я* и *е* произносятся и сами по себѣ, но въ именительномъ падежѣ они, какъ бы слишкомъ голые, опираются на несклоняемую частичку *же*, отъ которой отдѣльно и склоняются. Въ другихъ падежахъ уже вошло совсѣмъ новое, несомнѣнно позднѣйшее, измѣненіе склоненія, но въ иныхъ сохранилось первоначальное склоненіе самой формы, самого окончанія во всей чистотѣ. Всего больше сберегліось, какъ и должно думать, въ прилагательномъ женскаго рода. Вотъ это склоненіе этого древнѣйшаго прилагательнаго, этой чистой одной *формы имени*, т.-е. окончанія имени: ъ, *я*, *е*.

	Муж.	Жен.	Ср.
И.	(ъ) *и*—же;	*я—же*	*е—же*
Р.	его	ея	его.
В.	(ъ) *и*	*ю*	*е*.
Д.	ему	ей	ему.
Т.	имъ	*ею*	имъ.
М.	(емъ) немъ для благозв.	ей	емъ, немъ.

Множ.

И.	*и*—же	*я*—же	*я*—же.
Р.	ихъ	ихъ	ихъ
В.	ихъ, *и*	*я* (ихъ)	*я*
Д.	имъ	имъ	имъ
Т.	ими	ими	ими
М.	ихъ (нихъ)	ихъ (нихъ)	ихъ (нихъ).

Вотъ склоненія *ъ, я, е*, какъ еще находимъ его въ церковно-Славянскомъ языкѣ и въ древнемъ употребленіи Русскаго языка. И теперь въ народной рѣчи безъ сомнѣнія живетъ еще древнее употребленіе, часто считаемое незнающими за ошибочное.

Мы видимъ изъ этого приведеннаго склоненія:

1) Изъ первоначальнаго склоненія *ъ, я, е* сохранились только: а) именительный падежъ всѣхъ трехъ родовъ ед. ч., опирающій-

ся на частицу *же*. При чемъ ъ мужескаго рода, невозможный къ произношенію какъ ъ, произносится какъ *и*, чѣмъ скрытая въ ъ буква *и* обнаруживается. б) Винительный падежъ ед. ч. во всѣхъ трехъ родахъ, при чемъ, въ мужескомъ родѣ обыкновенно становится на мѣсто винительнаго или именительный (это, быть можетъ, употребленіе древнѣйшее) или родительный: въ первомъ случаѣ становится здѣсь *и* (безъ *же*) и, какъ бы въ доказательство, что здѣсь только произношеніе заставляетъ ъ являться какъ *и*, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ благозвучность требуетъ прибавленія *н* и гдѣ можетъ произнестись ъ, ъ выступаетъ; напр. *на—нъ, во—нъ*. Во второмъ случаѣ, когда требуется родительный вмѣсто винительнаго,—ставится измѣненный родительный: *его*. в) Творительный падежъ ед. ч. только въ женскомъ родѣ. г) Наконецъ во множественномъ числѣ два падежа именительный и винительный. При чемъ первый опирается на частицу: *жес*; въ женскомъ же родѣ, въ церковно-Славянскомъ языкѣ, употребляется согласно съ его духомъ по правилу объ окончаніи на *я*, какъ *я* же.— Второй такой же какъ именительный, только безъ *же*; въ мужескомъ ставится то именительный, то родительный; въ женскомъ родѣ сходенъ, въ церковно-Славянскомъ языкѣ, согласно съ его духомъ, по тому же правилу—съ именительнымъ. А въ среднемъ, по общему неизмѣненному основанію, также сходенъ съ именительнымъ. Вотъ всѣ падежи, оставшіе сявъ своемъ первоначальномъ видѣ. Здѣсь надобно также замѣтить, что именительный падежъ *ъ, я, е* съ *же*: *иже, яже, еже*, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ, не имѣетъ значенія теперяшняго: *онъ, она, оно*, которое имѣютъ остальные падежи того же прилагательнаго, а напротивъ имѣютъ значеніе прилагательнаго относительнаго, *который*; это значеніе и удерживается при дальнѣйшемъ склоненіи съ *же*; но во всѣхъ остальныхъ падежахъ *ъ, я, е*, выступаютъ и одни безъ *же*, возвращая себѣ свое настоящее значеніе теперешняго *онъ, она, оно*. Въ именительныхъ же падежахъ *ъ, я, е* безъ *же* не употребляются, и потому своего настоящаго значенія не имѣютъ, а имѣютъ значеніе: *который*. Впрочемъ мы твердо надѣемся отыскать въ Русскихъ грамотахъ и можетъ быть въ народномъ языкѣ употребленіе *ъ, я, е* и въ именительныхъ безъ *же*, въ своемъ настоящемъ значеніи, какъ и вообще употребленіе древнихъ формъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ.

2) Откуда же взялись измѣненныя формы другихъ падежей? Окончанія ихъ совершенно особенны. Какимъ же образомъ произошли они? Вглядимся пристальнѣе въ эти падежи, въ особенности въ склоненіе женскаго рода. Намъ не трудно будетъ открыть, несмотря на измѣнчивый видъ, двойственность окончанія приводящую насъ къ заключенію, которое должно подтвердиться послѣдующими явленіями, что первоначальная форма имени, первоначальное прилагательное, чистое окончаніе: *ь, я, е* дало себѣ другую новую форму. Это отвлеченное окончаніе, какъ бы укрѣпляясь само въ себѣ, удвоилось, повторило и утвердило себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно перестало быть уже только чистою формою имени и, не отступая отъ нея, оно повторило эту форму, само утвердилось въ ней, и такимъ образомъ, все сохраняя свое отношеніе къ имени, получило нѣкоторую особенную самостоятельность. Возникло слѣдовательно окончаніе: *ьѣ*, вслѣдствіе произношенія (какъ нами и прежде это уже было сказано) переходящее въ *ій, ія, ее*.—Итакъ первоначальная форма:

ь (и), я, е.

Форма производная:

ьѣ (ій), *ія, ее.*

Эта производная форма, это небывалое двойное окончаніе, въ которомъ оба окончанія измѣняемы и должны измѣняться, должна была произвести особое небывалое склоненіе. — Прежде всего естественно заключить, что здѣсь рядомъ должны измѣняться одинаково оба окончанія, и склоненіе должно быть таково:

	Ед.			Мн.		
	Муж.	Жен.	Сред.	Муж.	Жен.	Сред.
И.	ій	ія	ее	И. ии	ии	ія
Р.	ія	ии	ія	Р. ьій	ій	ьь
В.	ій, ія	ію	ее	В. ийй	ии	ія
Д.	ію	ѣѣ	ію	Д. емъямъ	—	—
Т.	емъемъ	еюсю	емъемъ	Т. ямиями	—	—
М.	ѣѣ	ѣѣ	ѣѣ	М. яхъяхъ	—	—

Прим. Здѣсь приводимъ мы Русское окончаніе; нѣтъ никакой трудности точно такимъ же образомъ употребить здѣсь окончаніе и церковно-Славянское.

Но такое склоненіе не могло вполнѣ удержаться 1), потому что изъ двухъ окончаній одно собственно стоитъ на концѣ и поэтому не равно другому; 2) потому что эти окончанія склоняются здѣсь слишкомъ раздѣльно, а они сохраняютъ одно цѣлое. Мы должны увидѣть какимъ образомъ оно отчасти уцѣлѣло, прислонившись къ содержанію слова.

Поэтому окончаніе измѣнилось такимъ образомъ:

	Ед.			Мн.	
И. (ій)	(яя)	(ее)	И. (и)	(и)	(я)
Р. его	ей (ней)	его	Р. ихъ	—	—
В. его	ее (юю)	ее	В. ихъ	ихъ (и)	ихъ (я)
Д. ему	ей	ему	Д. имъ	—	—
Т. имъ	ею (перв. скл.)	имъ	Т. ими	—	—
М. немъ	ей	немъ	М. ихъ	—	— *)

Мы не изслѣдуемъ и трудно изслѣдовать, какимъ образомъ это первопачальное прилагательное во второй своей производной формѣ перешло въ склоненіи въ такія окончанія; но нѣкоторыя сокращенія для насъ ясны (см. отчасти въ ж. род. ед. числа, гдѣ всего сильнѣе преобладаетъ сила имени, окончанія и потому склоненія). Такъ Русское окончаніе родительнаго женскаго рода очевидно образовалось изъ *ии*, при чемъ первое *и*, какъ слабѣйшее, перешло въ предпочитаемую Русскимъ языкомъ *е*, а второе въ произношеніи выговорилось какъ *й*; впрочемъ есть и въ древнихъ грамотахъ употребленіе *еи, ней*, которое перешло въ другое соотвѣтственное окончаніе, гдѣ и вторая буква перешла въ любимое *е*: *её*, отъ *неё*. Мы употребляемъ и теперь двѣ эти формы: отъ *ней*, отъ *неё*. Очевиденъ также подобный переходъ въ дательномъ и мѣстномъ женскаго рода ед. ч.: *ей* очевидно также образовалось изъ *ьи*, при чемъ первая буква перешла въ *е*, а вторая въ произношеніи выговорилась какъ *й*. Винительный *юю* (сохранившійся при особенныхъ обстоятельствахъ) перешелъ въ *её*, а творительный удержалъ въ первопачальной правильной формѣ: *ею*. Измѣненіе другихъ падежей мы пока объяснить не беремся. Скажемъ только, что въ множественномъ, гдѣ окончанія состоятъ изъ трехъ буквъ, очень естественно, что второе окон-

*) Здѣсь съ боку двѣ отмѣтки рукою К. С—ча, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой: „О твор. над. о значеніи *и*.“ “Сравн. въ языкѣ лат. и другихъ“.

чаніе откидывалось и измѣненіе происходило уже только въ одномъ изъ нихъ.

Итакъ вышеприведенное нами склоненіе *ъ, я, е*, какъ оно только дошло до насъ, представляетъ уже двойное склоненіе, сложенное изъ склоненій двухъ формъ прилагательнаго, такъ что въ иныхъ падежахъ не употреблена первая, а въ иныхъ вторая форма. Это склоненіе должно быть написано такъ:

	Ед.		Мн.		
М.	Ж.	С.	М.	Ж.	С.
И. и (ъ) (ій)	я (яя)	е (ее)	И. и (ии)	ц-С. я (ии)	я (яя)
Р. — его	— ея (ее, ей)	— его	Р. — ихъ	— — ихъ	— ихъ
В. — —	ю —	е —	В. — —	— я —	я —
Д. — ему	— ей	— ему	Д. — имъ	— — имъ	— имъ
Т. — имъ	ею —	— имъ	Т. — ими	— — ими	— ими
М. — емъ	— ей	— емъ	М. — ихъ	— — ихъ	— ихъ

Въ современномъ языкѣ прилагательное *ъ, я, е*, въ значеніи теперешняго *онъ, а, о*, подверглось новымъ измѣненіямъ употребленія. Въ именительномъ падежѣ въ обоихъ числахъ оно замѣнено прилагательнымъ указательнымъ: *онъ, она, оно*, которому приданъ смыслъ *ъ, я, е*, т.-е. вполнѣ не опредѣленный, вполнѣ *мѣстоименный*.—Остальные падежи слѣдуютъ второй производной формѣ отъ *ъ, я, е*, склоненіе которой мы показали выше. — Мы должны прибавить только: 1) что употребленіе здѣсь дошло до бо́льшаго еще искаженія, и въ именительномъ падежѣ, въ среднемъ родѣ (множ. ч.), уничтожило существенное различіе *а*, поставивъ вмѣсто его окончаніе мужескаго и женскаго: *и*, а съ другой (впрочемъ это уже дѣло грамматиковъ) сочинило небывалое различіе для женскаго рода, поставивъ для него *ы* вмѣсто *и*, чего впрочемъ, какъ чисто искусственной выдумки учебно-грамматической, мы не признаемъ. 2) Что въ этомъ, отчасти перезабытомъ, отчасти перепутанномъ склоненіи употребленіе дошло до такой ошибочности, что даже нарушило основной, нигдѣ не нарушаемый законъ: непремѣнное тождество именительнаго и винительнаго въ родѣ среднемъ въ обоихъ числахъ; такъ что о животныхъ въ именительномъ скажемъ: оно бѣгаетъ, они бѣгаютъ, въ винительномъ: я его видѣлъ, я ихъ видѣлъ.—Для большей ясности представимъ это склоненіе прилагательнаго мѣстоименнаго (это лишь форма,

рамки, мѣсто имени), какъ оно находится въ современномъ употребленіи:

	Ед.			Мн.
	М.	Ж.	Ср.	Для всѣхъ родовъ.
И.	онъ	она	оно	они
Р.	его	её, ей	его	ихъ
В.	его	её	его	ихъ
Д.	ему	ей	ему	имъ
Т.	имъ	ею	имъ	ими
М.	емъ (немъ)	ею (нею)	емъ(немъ)	ими (нми).

Вотъ употребленіе перваго чисто отвлеченнаго прилагательнаго, чистой одной формы, одного окончанія Имени. Значеніе его есть самое отвлеченное значеніе Имени вообще или, какъ мы выразились, это только рамки имени, мѣсто, пустое, имени; поэтому къ прилагательному мы присоединяемъ названіе *мѣстоименнаго.* При этомъ отвлеченномъ, мѣстоименномъ прилагательномъ теряется всякая особенность, личность, всякой собственный цвѣтъ и видъ предмета; соблюдается только необходимое его опредѣленіе, дѣлящее его на три разряда: на природу и человѣка — какъ мужа и жену; опредѣленіе это высказалось въ трехъ родовыхъ разрядныхъ окончаніяхъ; уже и поэтому оно должно было удержаться. Но въ то же время, при такомъ отвлеченномъ образѣ предмета, гдѣ теряется его частный видъ, выдается значеніе предмета *вообще*, которое, не заслоненное никакими особенностями того или другаго предмета, усиливается. Здѣсь такимъ образомъ является *предметъ вообще*, Третье Лицо, въ процессѣ сознанія человѣческаго. Понятно теперь почему, обращаясь даже къ неодушевленному лицу, мы можемъ употребить звательный падежъ; мы подразумѣваемъ тогда: *Ты.* Личность предмета, дѣйствительная и воображаемая, даетъ намъ возможность такъ къ нему обратиться; мы предполагаемъ, что здѣсь такой-то предметъ, къ которому мы обращаемся, можетъ сказать *Я* и перестать быть предметомъ. Но при мѣстоименномъ прилагательномъ, гдѣ нѣтъ такого или другаго предмета, гдѣ выдается значеніе предмета вообще, выдается во всей силѣ и во всемъ значеніи,—понятно, что такое воззваніе, какъ къ лицу, и вмѣстѣ звательный падежъ невозможенъ: иначе это прилагательное не имѣло бы значенія пред-

мста вообще и по преимуществу, не было бы третьимъ лицомъ. *Онъ*—всегда *онъ*; когда я захотѣлъ бы обратиться къ нему съ воззваніемъ, я бы уже сказалъ: *Ты*.—Третье лицо всегда третье лицо; при воззваніи оно уже становится *вторымъ лицомъ*: Ты.

Вотъ значеніе, по нашему мнѣнію, мѣстоименнаго прилагательнаго, и объясненіе, почему звательный падежъ для него невозможенъ.

Но на этомъ чисто отвлеченномъ значеніи не останавливается прилагательное. Отвлекши прежде всего значеніе предмета, выразивъ всю его отвлеченность, его значеніе: предмета вообще, и весь міръ заключивъ въ безцвѣтное слово: *онъ, она оно*, нѣкогда *ъ, я, е*, Прилагательное отъ общаго переходитъ къ частнымъ отвлеченіямъ и совершаетъ путь человѣческой мысли и языка; изъ отвлеченной сферы, оно спускается въ міръ опредѣленный и продолжаетъ идти шагъ за шагомъ, отвлекая сперва общія, потомъ частныя опредѣленія предмета, и опредѣляясь само въ своей отвлеченной области, но разумѣется все сохраняя свою природу, отвлеченія предмета, и—въ языкѣ—отвлеченную форму Имени.—Идя отъ общихъ опредѣленій къ частнымъ, оно доходитъ до *качества собственно*.

Этотъ путь мысли въ языкѣ должна постараться изслѣдовать и опредѣлить грамматика.

Отъ общаго отвлеченнаго значенія предмета, отъ отвлеченной чистой формы имени, *ъ, я, е*, прилагательное приходитъ къ отвлеченному опредѣленію, гдѣ чистая форма имени едва прикасается такъ сказать, прилагается лишь къ одной буквѣ. Здѣсь выступаетъ и получаетъ мѣсто самое простое окончаніе имени *ъ, а, о* здѣсь, конечно, также и равное ему, но смягченное *ь, я, е*.

Первое прилагательное, послѣ общаго *мѣстоименнаго*, есть.

къ (чь), тъ, съ *).

---

*) Здѣсь въ рукописи, рукою Конст. Сер-ча написаны на поляхъ двѣ замѣтки:

1) „*къ—чь* можетъ быть одно слово“.

2) въ скобкахъ: “Взаимнодѣйствіе *ъ* и *і*: *ъ* сокращаетъ *і*=*ь*; *і* продолжаетъ =*гг*. *Ы* есть высшее фонетическое явленіе азбуки; чрезъ положительное значеніе *і* придается положительность самому *ъ*, и *і* сливается съ нимъ въ одинъ звукъ—символъ всей фонетики буквъ.

Здѣсь мы видимъ уже не мѣсто, не рамки предмета вообще, но отвлеченныя рамки опредѣленія предмета, его качества, или отвлеченное опредѣленіе предмета. Слова *къ* (*чъ*), *тъ*, *съ* не употребляются почти въ такомъ своемъ видѣ въ именительномъ падежѣ, но существованіе ихъ и присутствіе несомнѣнно. — Въ иныхъ падежахъ, мужескаго, женскаго или средняго рода, они являются опираясь на другія подобныя же прилагательныя или во второй производной формѣ, гдѣ они ясно видны; а въ иныхъ падежахъ они употребляются въ настоящемъ своемъ видѣ, во всей строгости первобытнаго образа. 1-ая форма *къ*, 2-ая ф. *кой*; *чъ—чей*; здѣсь дана возможность опредѣленію предмета и даже различію; на это отвѣчаетъ прилагательное: *тъ*, 2-ая форма *той*; *съ*, 2-ая форма *сей*. Этими словами опредѣленъ предметъ отвлеченно, но онъ уже не безразличенъ для насъ; эти отвѣтныя прилагательныя подтверждаютъ, что предметъ 1) *доступенъ опредѣленію*, что 2) между ними уже можетъ быть, уже есть *разница*, ибо она уже высказывается въ словахъ: *тъ—той*, *съ—сей* *). Теперь обратимъ вниманіе на самыя склоненія этихъ первоначальныхъ прилагательныхъ, какъ въ ихъ основной, такъ и въ производной формѣ; начнемъ съ *къ*.

Производная форма образуется здѣсь совершенно ясно и разумно, какъ это мы уже видѣли при *ъ*, *я*, *е*, чрезъ удвоеніе окончанія, именно: *къ*, производная форма *къ-ъ*; *ъ* въ окончаніи произносится, а первый *ъ* переходитъ въ *о* (этотъ переходъ мы уже видѣли выше), и чрезъ произношеніе является производная форма: *кой* (въ церковно—Слав. *кый* и *кій*). *Ка*, производная форма: *ка-а*; она встрѣчается въ древнихъ рукописяхъ, но чрезъ произношеніе смягчается, и образуется: *кая*. *Ко*, производная форма: *ко-о*; кажется тоже встрѣчается въ рукописяхъ; чрезъ произношеніе смягчается и происходитъ *ко-ё*; какъ скоро не на *ё* ударепіе, то *кое*; принято вообще писать *кое*. И такъ

къ—кой, ка—кая, ко—кое.

Къ, ка, ко не употребительно въ именительномъ. *Къ*, произносится съ помощію *то*: *къ—то*. *Кто* въ употребленіи говорится о мужескомъ и женскомъ родѣ, преимущественно о людяхъ, но это уже дѣло употребленія, выпутывающагося изъ затруднительнаго по-

*) На поляхъ сбоку написано: "здѣсь еще нѣтъ предмета, далѣе предметъ„.

ложенія при отсутствіи первоначальнаго женскаго: *ка* и средняго *ко* (дальше мы надѣемся видѣть дополненіе этого употребленія *). Кромѣ *къ—то, первоначальная* форма вовсе не имѣетъ падежей; вмѣсто нихъ употребляется форма производная сокращенная и только въ мужескомъ родѣ, который примѣняется и къ женскому роду; *первоначальной* для средняго рода не существуетъ, по употребленію, даже вовсе. (Ниже надѣемся увидѣть, какъ обошлось тутъ употребленіе). Вотъ само склоненіе.

	М.		Ж.	С.
И.	къ—то	ко—й	(ка)ка—я	(ко)ко—е
Р.	кого	ко—его	ко—ей	ко—его
В.	кого	ко—его	ко—ю	ко—е
Д.	кому	ко—ему	ко—ей	ко—ему
Т.	кѣмъ (кимъ)	ко—имъ	ко—ею	ко—имъ
М.	комъ	ко—емъ	ко—ей	ко—емъ

Въ множественномъ *первоначальная* форма вовсе не употребляется, даже и въ сокращенномъ видѣ формы производной, кромѣ, и то иногда, творительнаго падежа *кьми*. Производная же форма, замѣняя окончаніе средняго рода въ им. и винит. падежахъ окончаніемъ мужескаго и женскаго *кои*, склоняется правильно: ко—и, ко—ихъ, ко—ихъ, ко—и (средн.), ко—имъ, ко—ими и ко—ихъ.

И такъ употребленіе много отдалилось въ этомъ словѣ отъ первообразнаго вида; оно оставило совершенно первоначальную форму за исключеніемъ *къ—то* и замѣнило её сокращенною производною, и то для одного мужескаго рода. Въ множественномъ же употребленіе, даже и безъ этой замѣны, вовсе оставило форму первопачальную, становя на ея мѣсто форму единственнаго числа. Впрочемъ такое дѣйствіе употребленія (обычая) объяснить можно. *Къ* или *кто*, по существу своему, неопредѣленно, какъ особенно въ вопросительномъ, такъ тоже и въ относительномъ значеніи. Эта неопредѣленность собственно является въ первоначальной формѣ; форма производная есть форма утвердившаяся и потому давшая себѣ свою опредѣленность. Какъ неопредѣленное, оно (въ формѣ первообразной) равнодушно къ роду; поэтому муже-

*) На поляхъ рукою автора приписано: „первообразная форма *къ* является въ *ку—да*“.

ской родъ, какъ неопредѣленный, въ противоположность женскому, и сходный съ среднимъ, сдѣлался чрезъ употребленіе единственнымъ для всѣхъ родовъ. (Здѣсь, какъ мы видѣли, сокращенное производное замѣнило во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго, первоначальную форму). На томъ же основаніи, доведенномъ до большей степени, единственное число стало употребляться и вмѣсто множественнаго.

Теперь обратимся къ другому неопредѣленному прилагательному, соотвѣтствующему *къ* и можетъ быть изъ него образовавшемуся, къ *чь*. Производная форма образуется и здѣсь (какъ и обыкновенно) правильно. Встрѣчающееся разнообразіе происходитъ большею частію отъ произношенія и ничего не значитъ. Употребленіе *чь* одинаково съ *къ*. Вотъ самое склоненіе:

Един. ч.

	М.		Ж.		С.	
И.	чь-то (чій)	чей	*чя* (чяя, чія)	чья	че *) (чее)	чье
Р.	чего	чьего		чьей		чьего
В.	чего	чьего		чью		чье
Д.	чему	чьему		чьей		чьему
Т.	чѣмъ (чимъ)	чьимъ		чьею		чьимъ
М.	чемъ	чьемъ		чьей		чьемъ

Множественное число первообразной формы рѣшительно вовсе не употребляется. Форма же производная употребляется правильно, одна для всѣхъ родовъ, какъ это принялъ Русскій языкъ: И. чьи. Род. чь-ихъ. В. чь-ихъ, ср. чьи. Д. чь-имъ. Т. чь-ими. М. чь-ихъ.

Употребленіе, принявъ: *кто* для обозначенія рода мужескаго и женскаго, преимущественно для обозначенія человѣка, приняло: *что* для обозначенія средняго рода. И самое *чь—то*, форма мужеская, со всѣмъ своимъ склоненіемъ (впрочемъ сходнымъ съ среднимъ родомъ), отнесено къ роду среднему; поэтому винительный падежъ употребляется также: *что*. *Чего* употребляется тоже; но оттѣнокъ этотъ существуетъ постоянно и въ склоненіи средняго рода. Такое употребленіе *что* вмѣсто другихъ родовъ и отсутствіе множественнаго числа объясняется тоже неопредѣ-

*) Здѣсь рукою автора на поляхъ отмѣчено: „че мутили воду“ (стихъ изъ извѣстнаго памятника чешской народной поэзіи).

ленностію прилагательнаго *чь*, которому употребленіе придало характеръ средняго рода. Первоначальное значеніе *чь - то* сохранилось въ употребленіи: *Ты, что хочешь; человѣкъ, что думаетъ*; здѣсь *что* имѣетъ значеніе: *кто* или *который*. Кромѣ того, производная форма: *чей, чья, чье* получила значеніе родительнаго падежа: *кого*, т. е. значеніе принадлежности. *Чьи лошади*; значеніе *кои* (или *кіи* или *какіе*) опредѣлилось здѣсь какъ: *кому принадлежащіе*. Впрочемъ первоначальное значеніе отчасти сохранилось въ употребленіи; напр: въ Русской пѣсни: *чей Господинъ*, въ смыслѣ: *какой Господинъ*, и еще въ употребленіи и теперь постояннымъ: *чей такой*, въ смыслѣ: *кто такой, какой такой*.

Какъ прилагательныя *къ, чь*, выражаютъ неопредѣленный вопросъ, такъ прилагательныя *тъ, съ*, выражаютъ неопредѣленный отвѣтъ. Сказавъ о двухъ первыхъ, мы должны теперь сказать о двухъ вторыхъ.

Тъ сохранило и числа, и роды, и падежи, и гораздо болѣе сохранило ихъ въ первоначальномъ видѣ. Образованіе производной формы правильно, какъ обыкновенно. Вотъ самое склоненіе.

	Един. ч.						Мн. ч.	
	М.		Ж.		С.			
	1.	2.	1.	2.	1.	2.	1.	2.
И.	тъ *тотъ*	той	та	тая	то	тое	И. тѣ (ти)	тои (тыи)
Р.	того	тоего	той	тоей	того	тоего	Р. тѣхъ	тоихъ
В.	того	тоего	ту	тую	то	тое	В. тѣхъ, тѣ,	тоихъ, тои
Д.	тому	тоему	той	тоей	тому	тоему	Д. тѣмъ	тоимъ
Т.	тѣмъ	тоимъ	тою	тоею	тѣмъ	тоимъ	Т. тѣми	тоими
М.	томъ	тоемъ	той	тоей	томъ	тоемъ	М. тѣхъ	тоихъ.

Въ этомъ склоненіи совершенно другія особенности, нежели въ двухъ предыдущихъ. Здѣсь 1) въ первообразной формѣ сохраненъ въ употребленіи родъ и число. 2) хотя первообразную форму замѣняетъ сокращенная производная, также какъ и въ предыдущихъ прилагательныхъ, въ тѣхъ падежахъ, гдѣ первая употребляется, но падежей этихъ гораздо болѣе. Им. пад. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ *тъ*—для произношенія опирающійся на *тъ*, причемъ первое *т* переходитъ въ *о*: *тотъ, та, то*. Им. пад. множ. числа *ти*, переходящій въ произношеніи въ *тъ*; также въ женскомъ родѣ ед. числа вин. *ту* и твор. *тою*. Что касается до мѣстнаго

мн. ч., то мы считаемъ: *тѣхъ* не измѣненіемъ *яхъ* (ц. Слав. *ехъ* не могло такъ измѣниться), но сокращеніемъ: *оихъ*, потому что подобное сокращеніе проводится сквозь все слово и потому что мѣстный множ. не отличается удержаніемъ первообразной формы. Сверхъ того, точно также сократилось окончаніе и творительнаго единств. мужескаго и средняго, а оно первообразно было бы на *имъ*, изъ чего *ѣмъ* возникнуть не должно: въ обоихъ случаяхъ *и*, по Русскому выговору, произнеслось какъ *ѣ* и перешло въ *ѣ*. Наконецъ 3) замѣчательно здѣсь, что слышна какая-то отдаленная возможность употребить во всѣхъ падежахъ первоначальную форму, сказать: *та человѣка*, что можетъ быть и слышно въ прибавленіи *то* въ нашей рѣчи, что обратилось въ членъ въ языкѣ Болгарскомъ, но значеніе члена постоянно удаляетъ живой языкъ Русской. Съ другой стороны замѣчательно, что производная форма, занявъ въ сокращенномъ видѣ мѣсто и принявъ значеніе формы первообразной, сама по себѣ теперь почти совсѣмъ неупотребительна; больше только чувствуешь возможность ея употребленія. 4) Падежъ дательный занимаетъ иногда мѣсто мѣстнаго падежа; объ этомъ мы не говорили, относя такое объясненіе преимущественно къ Синтаксису, напр: *въ полку, въ бою.* Это же употребленіе встрѣчаемъ мы и здѣсь, и вмѣстѣ первообразную форму отъ *тъ*, именно: *ту* *).

Прилагательное слово *съ* сродно *тъ*, и почти также склоняется. Производная форма образуется правильно, какъ и обыкновенно. Вотъ самое склоненіе.

	Един. ч.						Мн. ч.	
	М.		Ж.		С.			
	1.	2.	1.	2.	1.	2.	1.	2.
И.	съ (сій)	сей	ся (ся-я)	сія	се (сее)	сіе	И. си,	сіи (сія)
Р.	сего	—	си	сей	сего	—	Р. сихъ	—
В.	сего	—	сю	сію	се	сіе	В. сихъ, сіи	—
Д.	сему	—	си	сей	сему	—	Д. симъ	—
Т.	симъ	—	сею	—	симъ	—	Т. сими	—
М.	семъ	—	си	сей	семъ	—	М. сихъ	—

Мы должны сказать о *съ* почти тоже, что и о *тъ*. Однако 1) *съ* неупотребительно, хотя и попадается въ древнемъ Русскомъ

*) На поляхъ помѣчено: „*ку—да, ту—да, сю—да, ка—ко, та—мо, съ—мо, ту—то, к—дѣ, с—дѣ, когда, тогда*“.

языкѣ: *гридъко-сь*. *Ся* употребляется тоже въ древнемъ Русскомъ языкѣ: *ся грамота*. *Се* перешло въ парѣчіе (какъ напр: *хорошо* и др.). Слѣдовательно въ именительномъ падежѣ первообразная форма почти не употребляется и вмѣсто нея становится производная: *сей, сія, сіе*. 2) Въ другихъ падежахъ становится, вмѣсто первообразной, производная форма сокращенная. Но въ женскомъ родѣ первообразная форма возможна; въ творительномъ падежѣ она употребляется прямо и теперь; въ винительномъ же падежѣ она также прямо употребляется въ древнемъ Русскомъ языкѣ и въ современномъ даже, въ иныхъ собственно выраженіяхъ: *сю грамоту; по сю сторону*. 3) Крайне замѣчательно, что этой первообразной формы: *ся, сю*, не существуетъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, даже въ языкѣ Остромірова Евангелія. Это прямо указываетъ, что церковно-Славянскій языкъ того времени уже утратилъ древнія формы, которыя хранитъ и доселѣ языкъ Русской, и слѣдовательно ц. Славянскій языкъ, здѣсь по крайней мѣрѣ, уступаетъ въ древности языку Русскому. 4) Замѣчательно, что производная форма не употребляется вовсе, а въ сокращенномъ видѣ занимаетъ мѣсто формы первообразной.

Понятно, какъ отсутствіе рода и даже числа при *къ, чь*, такъ и присутствіе того и другаго при *тъ, сь*. Въ первыхъ прилагательныхъ неопредѣленный вопросъ, слѣдовательно неизвѣстность, простирающаяся на родъ и число. Во вторыхъ прилагательныхъ отвѣтъ, хотя и неопредѣленный, но, какъ отвѣтъ, имѣющій въ себѣ утвержденіе, *знаніе*, и потому, хотя общую отвлеченную, извѣстность, слѣдовательно опредѣляющій и родъ и число; опредѣленія (категоріи) еще общія, отвлеченныя, но первыя и необходимыя.

Отъ этихъ первыхъ отвлеченныхъ прилагательныхъ мысль и слово идутъ далѣе и переходятъ къ болѣе опредѣленнымъ, хотя все еще отвлеченнымъ. Эта бо́льшая опредѣленность обозначается утвержденіемъ такъ сказать и опредѣленіемъ самыхъ первыхъ отвлеченныхъ прилагательныхъ: *къ* и *тъ* — въ нихъ и изъ нихъ самихъ. *Къ* складывается съ *къ*,—вопросъ усиливается и требуетъ болѣе опредѣленнаго отвѣта, образуется: *ка—къ* (первон.), *ка—кой* (произв.). На это въ отвѣтъ *тъ* складывается съ *къ* (чрезъ что признается вопросъ): отвѣтъ, оставаясь въ отвлеченности, опредѣляетъ болѣе точно или показываетъ возможность болѣе точнаго опредѣленія, указываетъ, намекаетъ на оное, — и образуется: *та—къ, та—кой*. Это первое отвлеченное опредѣленіе

производится такимъ образомъ: *Къ? Тъ. К—то? То—тъ* (здѣсь напротивъ *тъ* является въ обоихъ словахъ, но очевидно, какъ вспоможеніе, и, согласно съ смысломъ, также показываетъ болѣе отвѣтъ съ его неопредѣленностью, чѣмъ вопросъ съ его требовательностью; вопросъ неопредѣленъ), или: *кой?—той.* Вопросъ неудовлетворенный требуетъ бо̀льшаго опредѣленія, повторяется и удвоивается: *къ—къ, ка—къ? (ко—къ: о* переходитъ въ *а—какъ). Тъ — къ, та — къ (то — къ: о* переходитъ въ *а, — такъ),* Или: *къ—кой? ка—кой? Тъ—кой, та—кой.* Или для ясности возьмемъ одно производное. Вопросъ: *кой?* отвѣтъ: *той.* Вопросъ опять: *кой — кой,* отвѣтъ: *той — кой.* Впрочемъ если захотѣть вникнуть, то *какъ* и *такъ, какой* и *такой* еще выразительнѣе въ своемъ настоящемъ видѣ; послѣднія два сложены: первое изъ первообразнаго *къ* и производнаго *кой*; второе изъ первообразнаго: *тъ* и производнаго *кой.* Итакъ дальнѣйшее опредѣленіе прилагательнаго есть только еще усиленіе вопроса и отвѣта, есть бо̀льшая опредѣленность въ отвлеченномъ еще смыслѣ: въ вопросѣ требовательность болѣе точной опредѣленности, въ отвѣтѣ намекъ на возможность болѣе точной опредѣленности. Сфера еще отвлеченная: *ка—къ, та—къ; ка—кой, та—кой.*

1) Первообразное: *какъ, кака, како,* употребляется въ нашемъ разговорномъ языкѣ рѣдко; но его держится народъ, говорящій несравненно болѣе правильнымъ и древнимъ языкомъ; онъ употребляетъ первообразное *какъ, кака, како* почти во всѣхъ падежахъ, преимущественно въ женскомъ родѣ, напр: *како дѣло; кака ты смѣшная; каку руку, какою стороною* (впрочемъ творительный падежъ всегда удерживается правильно). Во множественномъ числѣ употребляется народомъ только въ именительномъ: *каки: каки люди?* 2) Замѣчательно, что въ мужескомъ родѣ первообразное въ именительномъ не употребляется, и туго употребляется въ другихъ падежахъ, но первое вѣроятно потому, что *какъ,* форма мужеская, получило уже особое значеніе нарѣчія. 3) Нарѣчіе *какъ* произошло отъ сокращенія: *како. Како* есть первообразная форма средняго рода, переходящая по своему среднему значенію въ имя и въ нарѣчіе; сокращенно оно произносится: *какъ.* 4) Склоненіе производнаго *какой* употребляется преимущественно, но склоненіе это, кромѣ именительнаго падежа во всѣхъ родахъ и числахъ, употребляется не замѣняя первообразнаго, а сохраняя свое производное значеніе въ сокращен-

ной формѣ: *какого, какому.* Впрочемъ народъ и здѣсь сохраняетъ въ пѣсняхъ и рѣчахъ своихъ и полную форму, если не всегда, то особенно въ иныхъ падежахъ: *какімъ, какімъ.*

Все, что сказали мы о *какъ, какой*, относится и къ *такъ, такой.* Приводить самыя склоненія считаемъ излишнимъ.

Къ тому же разряду прилагательныхъ относятся подобныя же неопредѣленныя прилагательныя, которыми обозначается еще отвлеченно предметъ, обозначается со всѣхъ сторонъ; здѣсь еще нѣтъ собственно опредѣленія предмета; здѣсь на него указывается со всѣхъ возможныхъ сторонъ, и только предчувствуется полнѣйшее опредѣленіе предмета. Прилагательныя этого разряда отчасти образуются изъ вышеозначенныхъ прилагательныхъ, отчасти же новыя слова.

Къ словамъ *къ* и *тъ* прибавляются еще буквы, быть можетъ образовательныя окончанія именъ, которыя, подобно *какой, такой*, опредѣляютъ предметъ не выходя изъ отвлеченности или, другими словами, стѣсняютъ кругъ неопредѣленности предмета, все-таки еще его не опредѣляя. Къ словамъ *къ* и *тъ* прибавляется *э* и такимъ образомъ образуется: *экъ, эка, эко, экой, экая, экое.* Здѣсь чрезъ это указательное *э* теряется смыслъ вопроса и остается значеніе сходное съ *какой* не въ вопросительномъ смыслѣ, въ которомъ впрочемъ оттѣнокъ вопроса сохраняется. Напр: *экой человѣкъ, экой славный.* Впрочемъ въ церковно-Славянскомъ есть подобная прибавка, удерживающая значеніе и вопроса: *а* или *я*—*я—кой.* Это же *э* прикладывается и къ *тъ* или *тотъ*: *этотъ, эта, это*; но здѣсь производное не употребляется, можетъ быть потому, что слишкомъ явное указаніе не допускаетъ производнаго, уже самостоятельно находящагося при предметѣ.— Сюда же должны мы отнести слово: *вотъ*, употребляющееся теперь только въ этомъ видѣ, но очевидно сложенное изъ указательнаго *во* или *о* (*в* могло присоединиться какъ *в*осемь, *в*острый) и *тъ*: *во—тъ, вотъ*; это слово имѣетъ также указательное значеніе; очевидно, что употребленіе оставило въ сторонѣ склоненіе и всякую измѣняемость этого слова и придало ему значеніе неподвижнаго слова, значеніе нарѣчія.—Кромѣ того, къ слову *тотъ* присоединяется *э* съ особенными, придающими новый оттѣнокъ буквами и именно *эв, эс, эн: эв—тотъ, эс—тотъ, эн—тотъ*; *эвтотъ* и *эстотъ* указываютъ на ближайшій, наружно или внутренно, предметъ, что̀ выражаютъ и самыя *в* и *с*; а *энтотъ*—предметъ отда-

ленный, наружно или внутренно, что́ выражаетъ *н* (что́ мы также надѣемся увидать яснѣе) *).

Слово: *экой* склоняется какъ *какой*. Слова: *этотъ, эвтотъ, эстотъ, энтотъ* склоняются какъ *тотъ* и не имѣютъ въ употребленіи (вовсе можно сказать) производной формы. Слово *вотъ* употребляется въ неизмѣнномъ видѣ, въ видѣ нарѣчія.

Слово: *чь* не имѣетъ такихъ дополненій, но слово *съ* имѣетъ. Подобно какъ: *ка—къ, ка—кой, та—къ, та—кой*, слово *съ* является какъ *ся—къ, ся—кой*; оно употребляется не во всѣхъ измѣненіяхъ, собственно въ именительномъ и въ видѣ нарѣчія *сяко—сякъ*, какъ *како—какъ, тако—такъ*. Мы думаемъ, что изъ него образовалось слово: *весь, ве—съ*, получившее значеніе *цѣлости*; значеніе это принадлежитъ къ позднѣйшему и полнѣйшему опредѣленію и образовалось въ послѣдствіи. Сначала слово *ве-съ* значило тоже, что *съ*, только усиленное черезъ *ве, во*, имѣющее значеніе указательное, напр: *во - тъ*. Мы полагаемъ, что здѣсь именно находится *в* самостоятельно а не ради благозвучія. Указательное значеніе этой буквы выражается въ словѣ: *во!* которое мы не считаемъ сокращеніемъ *вотъ*. Указательное *во, ве*, или вообще *в*, присоединясь къ *съ*, усилило его значеніе, и первопачально *всь* или *вєсь* имѣло значеніе указательное. Въ доказательство этому приводимъ выраженіе: *въ весь онъ, въ будущій*; здѣсь *весь* несомнѣнно значитъ *сей, сей*. Это прилагательное употребляется въ первообразной только формѣ и еще болѣе утверждаетъ склоненіе *съ*. *Весь* склоняется какъ *съ*; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ употребляется, вмѣсто первообразной, сокращенная производная форма, допустить едва-ли можно, едва-ли встрѣчается, какъ это возможно при *съ*, употребленіе формы первообразной. Считая склоненіе *весь* подтверждающимъ *съ* и замѣчательнымъ, мы приводимъ оное:

	Един. ч.				Мн. ч.
	М.	Ж.	С.		
И.	весь	вся	все	И.	(вси) всѣ
Р.	всего	всей	всего	Р.	(всихъ) всѣхъ
В.	всего **)	всю	все	В.	всѣхъ, всѣ

*) Съ боку на поляхъ рукою автора написано: „не забыть сказать о *таки, вить*.“

**) Не надо забывать, что въ мужескомъ родѣ, гдѣ нѣтъ винит. падежа,

	Един. ч.				Мн. ч.
	М.	Ж.	С.		
Д.	всему	всей	всему	Д.	всѣмъ
Т.	всѣмъ (всимъ)	всею	всѣмъ (всимъ)	Т.	всѣми
М.	всёмъ	всей	всёмъ	М.	всѣхъ (всихъ).

Кромѣ этого прибавленія къ *съ*: *вс—съ, съ* употребляется, подобно *къ*, въ сложномъ, удвоенномъ видѣ; подобно *ка—къ*, говорится *се—съ*; это употребленіе встрѣчается въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, но, сколько помнится, оно не употребляется ни въ какомъ другомъ падежѣ кромѣ винительнаго въ извѣстныхъ случаяхъ и потому мы относимъ его къ употребленію однозначущему съ *то—тъ*; т. е. здѣсь является это удвоеніе для произношенія, и какъ *тъ* опирается на не измѣняющее значенія *тъ*, и образуется *то—тъ*; такъ *съ*, для произношенія, опирается на свое, то же не измѣняющее значенія, *съ* и образуется *се—съ*. Въ такихъ случаяхъ спасается первообразная форма. Почему *то* спасаетъ форму *къ*, *къ—то*; почему здѣсь удвоеніе измѣняетъ значеніе: *къ—къ*, *какъ* (какой); почему ставится именно *то*, а не *се*: на это отвѣчать можно, но на это мы теперь не отвѣчаемъ *).

Кромѣ означенныхъ падежей, гдѣ употребляется первообразная форма, есть еще падежъ, удерживающійся въ употребленіи; это м ѣ с т н ы й. Мѣстный падежъ отъ первообразнаго *такъ, така, тако* будетъ: *такѣ*; онъ не употребляется, хотя возможность употребленія отрицать нельзя; но онъ употребляется нѣсколько въ измѣненной формѣ, въ особенномъ случаѣ, именно какъ *таки*, въ видѣ нарѣчія. Здѣсь мѣстный, согласно древнему употребленію, до сихъ поръ существующему въ народѣ, употребляется безъ предлога и въ видѣ нарѣчія (*утрѣ* т.-е. *утромъ; молодецки* **). Такъ какъ въ нарѣчіе переходитъ первообразное средняго рода, то здѣсь мы предполагаемъ этотъ мѣстный падежъ принадлежащимъ къ

употребляется какъ родительный, такъ и именительный (въ духѣ средняго рода). Мы ставимъ родительный какъ болѣе отличительный падежъ для именъ мужескаго рода; но именительный всегда возможенъ, наприм. взялъ *весь* хлѣбъ. *Примѣч. автора.*

*) Въ скобкахъ замѣтка: „Отнести выше къ *съ, ся, се*“.

**) Здѣсь слѣдуетъ слово, которое трудно разобрать: кажется: „т. е. молодецко“.

среднему роду, къ *тако*. Подобно тому, церковно-Славянское слово *аки* *).

Къ этому же разряду относятся прилагательныя, новыя по составу слова: *инъ, иной, овъ, овый* (*ой*), *онъ, оный* (*ой*). **) Значеніе перваго прилагательнаго есть указаніе особаго рода, есть какъ-бы выборъ предмета изъ многихъ и первоначально имѣло значеніе *одинъ* (напр. *инорогъ*). Въ такомъ случаѣ его слѣдовало-бы отнести къ позднѣйшему и опредѣленнѣйшему значенію прилагательныхъ, но такъ какъ народнымъ употребленіемъ придается ему другое, болѣе неопредѣленное значеніе и такъ какъ это значеніе побѣдило, то мы *инъ* сюда и относимъ. *Инъ*, какъ сказали мы, имѣетъ значеніе выбора изъ множества: *иное* я люблю, *иной* любитъ.— *Овъ* имѣетъ значеніе отдаленнаго, внѣшняго или внутренняго, указанія и въ то же время также выбора изъ множества, но предполагаетъ не одинъ, но и другой или другіе подобные предметы: *овъ* сердится, *овъ* радуется; *овый* идетъ, *овый* бѣжитъ.—*Оный* имѣетъ значеніе просто отдаленнаго, внѣшняго или внутренняго, указанія. Въ употребленіи *оный* всего скорѣе противополагается *сей*, но впрочемъ, это не есть основное противоположеніе; съ скорѣе противополагается *тъ*: *сей—той*. Въ подробнѣйшее опрѣдѣленіе оттѣнковъ мы здѣсь не входимъ, считая это дѣломъ собственно *Словопроизводства*. Мы уже видѣли, что первообразное *онъ, она, оно*, въ именительномъ падежѣ ед. и множ. числа, употребляется вмѣсто самаго перваго отвлеченнаго прилагательнаго, ставшаго именованіемъ предмета вообще, собственно мѣстоименіемъ или именемъ, какъ говорятъ, третьяго лица. Впрочемъ, какъ мы надѣемся увидѣть, *онъ* и въ первообразномъ видѣ употребляется, при извѣстныхъ условіяхъ, въ *своемъ* значеніи. *Инъ, овъ, онъ* весьма похожи на образовательныя окончанія именъ, что́ можетъ быть и такъ. Мы должны теперь разсмотрѣть ихъ подробнѣе.

Производная форма образуется у этихъ прилагательныхъ, какъ обыкновенно. *Инъ, ина, ино: иной, иная, иное; овъ, ова, ово: овый, овая, овое; онъ, она, оно: оный, оная, оное.*

Первообразная форма отъ *инъ* употребляется рѣдко, но она возможна; форма производная: *иной* употребляется преимущественно; падежи производной формы употребляются въ сокращен-

*) Здѣсь также въ скобкахъ написано: „отнести выше къ *такъ, тако*“.

**) Тутъ на поляхъ замѣтка автора, какъ-бы для себя на память: „А = мо, Им—мо, Сѣ—мо, Ова—мо.

номъ видѣ, но постоянно (какъ и слѣдуетъ) имѣютъ значеніе производнаго прилагательнаго и не становятся на мѣсто первообразнаго. Мы видѣли, что сокращенная производная форма занимала мѣсто формы первообразной тамъ, гдѣ первообразная форма вышла изъ употребленія, но занимала въ такихъ случаяхъ, когда или существуетъ полная форма производная (наприм: *кого—кового*), или когда производная форма вовсе не употребляется (напр: *всего, всѣ*). Въ остальныхъ-же случаяхъ, слѣдовательно приблизительно почти во всѣхъ, производная сокращенная форма занимаетъ свое мѣсто въ склоненіи формы производной и постоянно имѣетъ значеніе прилагательнаго производнаго. Это же видимъ мы и въ прилагательномъ *инъ*. Вотъ его склоненіе.

	Един. ч.			Мн. ч.
	М.	Ж.	С.	
И.	инъ иной	ина иная	ино иное	И. ины иные
Р.	(ина) иного	(ины) иной	(ина) иного	Р. — иныхъ
В.	(ина) иного	ину иную	ино иное	В. — иныхъ, иные
Д.	(ину) иному	(инѣ) иной	(ину) иному	Д. — инымъ
Т.	(иномъ) инымъ	иною иною	(иномъ) инымъ	Т. — инами
М.	(инѣ) иномъ	(инѣ) иной	(инѣ) иномъ	М. — иныхъ *).

Ино средняго употребляется какъ нарѣчіе и встрѣчается въ такомъ видѣ и въ нашихъ грамотахъ; теперь сократилось оно въ *инъ*.

Овъ—овый употребляется очень рѣдко въ современномъ Русскомъ языкѣ, если не видоизмѣненіе его составляетъ нарѣчіе: *эво*, которое образовалось безъ сомнѣнія изъ *эвъ, эва, эво*. Оно склоняется какъ *инъ*, съ тою разницею, что первообразная форма еще въ немъ возможнѣе, въ извѣстныхъ собственно падежахъ **). Склоненіе его не считаемъ нужнымъ приводить.

---

*) Съ боку, на поляхъ рукописи находятся тутъ двѣ отмѣтки, на память себѣ сдѣланныя авторомъ:

1) „Надо опредѣлить склоненіе, напр. *иного* и сказать, почему *ого* всего лучше доказываетъ...“.

2) „Сказать, что не вездѣ сокращенія, напр. въ женскомъ, стало быть и сама полная форма нѣсколько иначе является“.

**) Здѣсь на поляхъ рукописи также сдѣланы авторомъ двѣ слѣдующія замѣтки для себя:

1) „Опредѣлить, въ какихъ падежахъ возможно обыкновенно, и именно въ какихъ болѣе, въ какихъ менѣе“.

Онъ. Первообразная форма употребляется, какъ уже сказали мы, вмѣсто мѣстоименія собственно, въ именительныхъ падежахъ только, но эта же первообразная форма употребляется и въ собственномъ значеніи, съ небольшою разницею въ именительномъ падежѣ отъ *онъ* мѣстоименнаго. Разница состоитъ въ измѣненіи ударенія въ единственномъ и множественномъ и сверхъ того въ измѣненіи, можетъ быть черезъ употребленіе, *ы* на *и* во множественномъ. Такъ какъ измѣненія ударенія въ мужескомъ родѣ *онъ* нѣтъ, то онъ и не употребляется почти въ собственномъ значеніи. Въ значеніи указательномъ: ед. *онъ, о́на, о́но*; мн. *о́ны*; въ значеніи мѣстоименномъ: ед. *онъ, онà, онò*; мн: *онѝ*. Употребленіе *онъ* въ мѣстоименномъ значеніи конечно образовалось позднѣе; оно и утвердилось въ однихъ именительныхъ падежахъ. Мы говоримъ здѣсь о собственномъ значеніи: *онъ*, т. е. о значеніи отдаленно-указательнаго прилагательнаго. *Онъ, она, оно, оный* склоняется какъ *инъ, иной;* первообразная форма: *онъ, она, оно* употребляется и въ другихъ падежахъ, хотя не во всѣхъ одинаково свободно, но вообще свободнѣе, чѣмъ *инъ*. Мы не считаемъ нужнымъ приводить самого склоненія. *Онъ* и *оный* принимаютъ подлѣ себя благозвучное *в*, которое у насъ въ языкѣ употребляется только, когда *онъ* является въ смыслѣ нарѣчія: *вонъ*, образовавшееся изъ *воно*. Напр: *вонъ онъ скачетъ*. Здѣсь отдаленно-указательное значеніе еще усиливается. Въ произношеніи, вмѣсто *вонъ*, говорится иногда *вона, вота*; но здѣсь ошибочно пишутъ *а*, а слѣдуетъ писать *о*: *воно, вото*: первоначальная полная форма, изъ которой сократилось *вонъ, вотъ*. *О*, какъ скоро не на немъ удареніе, произносится не ясно, какъ нѣчто среднее между *о* и *а*, но это несомнѣнно *о*. Иногда *о* переходитъ въ произношеніи въ *а*. Такъ въ подобныхъ нарѣчіяхъ, произносимыхъ часто съ протяженіемъ или выразительнымъ удареніемъ окончательной гласной буквы, произносится для того, чтобы дать просторъ голосу, буква *а*—самая первая, существенная гласная, всего болѣе и яснѣе выражающая голосъ человѣка, и столько любимая Русскою рѣчью, напр: *эва! вона!* Но писать по нашему мнѣнію во всѣхъ такихъ словахъ: *воно* и пр., слѣдуетъ *о*, и писать *а* только тогда, когда хотятъ выразить, что именно, въ такомъ случаѣ, произносится *а*.

---

2) „Показать возможность живаго употребленія даже формъ ц.-С. языка, по той живой связи, какая между нимъ и Русскимъ языкомъ".

Въ бо́льшее доказательство, что здѣсь къ *онъ* присоединено благозвучное *в*, вспомнимъ употребленіе малороссійскаго *винъ*. *Воно*, *вонъ*, употребляющіеся какъ нарѣчіе, сказали мы, имѣютъ значеніи отдаленнаго указанія. Отсюда явилось повелительное восклицаніе: *вонъ*! т. е. *далеко*! *прочь*! Отсюда также *вонъ* получило вообще значеніе удаленія: *онъ вышелъ вонъ*. *Воно* средняго рода, какъ это часто бываетъ, получило значеніе имени съ одной стороны, съ другой нарѣчія; о нарѣчіи мы говорили. Какъ имя, *воно* употребляется въ одномъ падежѣ первообразной формы, до сихъ поръ такимъ образомъ удержавшемся, именно въ падежѣ мѣстномъ безъ предлога: *внѣ*.

Какъ *эвъ*, *эвый* составляетъ измѣненіе къ *овъ*, *овый*, въ иныхъ покрайней мѣрѣ случаяхъ; такъ *энъ*, *эный* составляетъ такое же измѣненіе къ *онъ*, *оный*. И *эв* и *эн* слышатся въ *эн —тотъ*, *эв— тотъ*. Но и *эвъ* и *энъ* не составляютъ измѣненіе произношенія *овъ*, *онъ*, а имѣютъ свой оттѣнокъ, не показывающій удаленія, а скорѣе прямое указаніе; они удержались только въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ.

Всѣ прилагательныя этого разряда суть, какъ мы думаемъ, *образовательныя окончанія* имени; отъ этого они почти произвольны; отъ этого съ одной стороны ихъ такъ много, и отъ этого же, съ другой стороны, иныя изъ нихъ, служа неопредѣленными выраженіями предмета, являются только въ иныхъ своихъ формахъ, или утрачиваютъ ихъ потомъ, становясь не нужными при другихъ подобныхъ же прилагательныхъ и уступая имъ мѣсто *). При сложныхъ словахъ: *эв-тотъ* не надо думать, чтобы прилагательное *эвъ* было сложено съ прилагательнымъ *тотъ*; но надо понимать подобныя сложныя, *эв* и пр., не въ ихъ опредѣленномъ значеніи образовавшагося слова, но въ ихъ первоначальномъ отвлеченномъ, еще не образовавшемся значеніи, при которомъ, складываясь съ другимъ словомъ, оно приноситъ ему только свой оттѣнокъ къ его значенію. Впрочемъ здѣсь сами сложныя не имѣютъ опредѣленнаго значенія и уясняютъ сами дѣло. Иныя изъ такихъ прилагательныхъ употребляются во всѣхъ измѣненіяхъ, другія употребляются лишь въ формѣ нарѣчій, почти без-

*) На поляхъ приписка: „*эвъ*, *энъ* не выработавшіеся во всѣхъ измѣненіяхъ при *овъ онъ*, и т. д.“

мысленныхъ восклицаній.—Изъ предыдущаго ихъ разбора видно, которыя изъ нихъ принадлежатъ къ числу тѣхъ или другихъ.

Не вдругъ мысль выходитъ изъ области отвлеченнаго, изъ области неопредѣленныхъ указаній. Является новый разрядъ прилагательныхъ, болѣе полныхъ, гдѣ мысль исчерпываетъ всю мѣру отвлеченныхъ опредѣленій, гдѣ она такъ сказать обходитъ со всѣхъ сторонъ предметъ, еще не касаясь до него. Прилагательныя эти, вмѣстѣ съ значеніемъ, опредѣленнѣе и тверже по выраженію, по формѣ своей. Большею частію это новыя измѣненія прилагательныхъ, уже измѣняющихся въ предыдущемъ разрядѣ. *Какъ, какой, такъ, такой* подвергаются новымъ измѣненіямъ, усиливающимъ ихъ опредѣленіе, не выходя однако изъ отвлеченности: *каковъ, каковой, таковъ, таковой.* Самое склоненіе является здѣсь, въ этомъ разрядѣ, тверже и полнѣе; нѣтъ этихъ, не вездѣ выразившихся, лишь въ извѣстныхъ измѣненіяхъ и формахъ соблюдающихся прилагательныхъ:

Вотъ склоненіе: *каковъ, каковой.*

Ед. ч.

	М. р.		Ж. р.		С. р.	
И.	каковъ	каковой	какова	каковая	каково	каковое
Р.	какова	какового	каковы	каковой	какова	какового
В.	какова	какового	какову	каковую	каково	каковое
Д.	какову	каковому	каковѣ	каковой	какову	каковому
Т.	каковомъ	каковымъ	каковою	каковою	каковомъ	каковымъ
М.	каковѣ	каковомъ	каковѣ	каковой	каковѣ	каковомъ.

Мн. ч.

И.	каковы (какова)	каковые, каковыя
Р.	—	каковыхъ
В.	—	каковыхъ, каковыя
Д.	—	каковымъ
Т.	—	каковыми
М.	—	каковыхъ.

Первообразная форма *каковъ* употребляется свободно, за исключеніемъ можетъ быть творительнаго ед. ч. муж. и ср. рода; вѣроятно потому этотъ падежъ вышелъ почти вовсе изъ употребленія и въ другихъ словахъ, что онъ сходенъ съ такимъ-же

падежомъ производной формы, и, при ослабленіи чувства различія между первообразнымъ и производнымъ прилагательнымъ, онъ въ этомъ случаѣ замѣнился по сходству падежомъ производнымъ, который не могъ выдти изъ употребленія, ибо производная форма находится въ полномъ употребленіи (въ полной или сокращенной своей формѣ). Форма производная употребляется въ сокращенномъ видѣ; но возможенъ, особенно во множественномъ, и полный,—несокращенный видъ ея.

Тоже самое, что о *каковъ, каковой*, должны мы сказать о: *таковъ, таковой*. Сюда же относится: *сяковой*, слово рѣдко употребляющееся; но такимъ же образомъ *).

Къ этому же разряду прилагательныхъ относится слово: *которъ, котора, которо*; *который, которая, которое*. Безъ труда видимъ мы здѣсь слово *кто*, измѣнившееся чрезъ придачу окончанія *ръ*, имѣющее особое значеніе, значеніе числительное, количественное. *Который* значитъ: *кто* съ выборомъ, кто изъ двухъ или многихъ подобныхъ между собою, почему бы то ни было. Такъ какъ здѣсь еще неярко выступаетъ числительное значеніе, то мы относимъ это слово къ этому разряду. *Которъ* первообразная форма мужескаго рода ед. числа не употребляется; но женскаго рода: *котóра*, и средняго *котóро*, употребляется и до сихъ поръ. Склоненіе *которъ, который* сходно съ склоненіемъ *каковъ, каковой*; съ тою разницею, что *которъ*, какъ сказали мы, не употребляется, и что первообразная форма вообще не такъ легко употребляется **).

Къ слову *который* принадлежитъ слово *нѣкоторый*. Это слово сложное изъ *который* и *нѣ*, придающее отчасти отрицательное неопредѣленное значеніе; т.-е. не этотъ, а другой, одинъ изъ... но неопредѣленно. Быть можетъ слово составилось изъ отрицательнаго *н* и указательнаго *э*; *не-экій*, не этотъ, стало быть *кто-то*. Какъ слово чисто сложное, мы могли бы его и не разсматривать; но такъ какъ оно слилось въ одно тѣсно составленное слово, имѣющее уже потому цѣльное значеніе, то мы и относимъ

---

*) Тутъ сбоку замѣтка автора на память: „пересчитать всѣ прилагательныя предыдущ. разряда, всѣ буквы: *к, т, н, в, с, ч.*“

**) Здѣсь на поляхъ рукописи находится замѣтки автора: „*Котора—ссора*“; *нѣ-кто*, „*нѣ-что, нѣ-кій, нѣ-какой, нѣ-который:* слова собственно сложныя; отнести по разрядамъ“.

его сюда. *Нѣкоторый* почти вовсе неупотребляется въ первообразной формѣ, хотя впрочемъ чувствуется возможность такого употребленія. Въ производной формѣ, *нѣкоторый* склоняется, какъ обыкновенно, правильно въ сокращенномъ видѣ.

Къ этому же разряду принадлежитъ слово: *всякъ, всякой*, новое измѣненіе: *весь*. Значеніе *всякой* вытекаетъ изъ позднѣйшаго значенія *весь*; но такъ какъ первоначальное значеніе его есть конечно указательное и такъ какъ числительное выступаетъ неярко, то мы и относимъ *всякъ, всякой* къ этому разряду прилагательныхъ. *Всякъ, всяка, всяко* склоняется въ первообразной формѣ, но не во всѣхъ падежахъ употребленіе это свободно. Употребляется свободно въ им., род. и вин. муж. и ср. рода; въ им., вин. и тв. жен. рода; во множественномъ только въ им., какъ обыкновенно *). Производная форма склоняется, какъ обыкновенно, правильно, въ сокращенномъ видѣ. Современное значеніе *всякой* есть значеніе: *весь порознь*.

Видя измѣненія, которымъ подвергаются въ этомъ разрядѣ прилагательныхъ слова уже измѣнявшіяся въ предыдущемъ, напр.: *каковъ, таковъ, сяковъ, всякъ*, мы очень ошибемся, если назовемъ ихъ сложными, хотя такое мнѣніе кажется очень естественнымъ при разборѣ словъ, напр.: *как-овъ, так-овъ, сяк-овъ, вс-якъ*; но мы очень, по нашему мнѣнію, ошибемся. Это не сложныя слова съ опредѣленнымъ значеніемъ, но это, какъ мы замѣтили выше, образовательныя окончанія, элементы слова, которыя отдѣльно получаютъ извѣстный смыслъ, но здѣсь присоединяются къ словамъ, какъ образовательныя окончанія, какъ элементы слова, въ своемъ первообразномъ значеніи; имѣя *образующую* силу и придавая свой оттѣнокъ, они, такимъ образомъ, *образуютъ*, слово. Вообще надо быть осторожнымъ при разсматриваніи сложныхъ словъ; надо часто возводить то, что кажется словомъ сложеннымъ съ другимъ, къ его первообразу, и понять его въ его первообразномъ, отвлеченномъ значеніи и употребленіи.

Сюда же относится слово, составъ котораго опредѣлить трудно. Что оно *составное*, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но *сложное*-ли оно, этого утвердительно сказать нельзя. Это слово: *каждый*. Не трудно отыскать здѣсь *къ, ко*, къ которому присоединено: *ждый*.

---

*) На поляхъ въ рукописи авторская отмѣтка: „Сказать, что въ ц. Слав. употребляется первообразная форма“.

Ц. С. языкъ подтверждаетъ, но тамъ форма не такова. Слово тамъ является: *къ-ждо* и измѣняется только *къ*, а *ждо* прибавляется неизмѣняемо: *кому-ждо*, какъ бы напримѣръ: *же* въ словѣ: *кто-же*. Въ нашемъ языкѣ, быть можетъ вслѣдствіе измѣненія отъ употребленія, слово образовано и склоняется иначе.— *Каждый* не имѣетъ первообразной формы, что и заставляетъ думать, что это измѣненное *къ-ждо*, ибо если *ждо* не есть само прилагательное, не есть отвлеченная форма существительнаго, то, обращаясь въ прилагательное, оно должно принять отличительную, собственно прилагательную форму, форму производную; имѣть же первообразной не можетъ. Что значитъ это *ждо*, рѣшить трудно. Польское слово: *жадный* происходитъ ясно отсюда; впрочемъ оно могло почерпнуться изъ цѣлаго слова: *каждый*, утратить *ко* и разработать окончаніе *ждый*. Не входимъ въ подробнѣйшій разборъ этого слова, о которомъ обстоятельнѣе надѣемся поговорить ниже, но скажемъ только наше предположеніе, что *ждо*—это имя, которое слышится и склоняется въ *туда; сдѣ, когда, многажды* *). *Къ-ждо, ко-ждо*, измѣнился въ нашемъ языкѣ въ позднѣйшую форму *каждый*; причемъ слово слилось въ одно цѣлое и прилагательная форма была придана окончательному составному слову *ждо*. Мы думаемъ слѣдовательно, что *каждый* есть слово *сложное*. *Каждый* не имѣетъ и не можетъ имѣть, какъ сказали мы выше, первообразной формы, склоняется въ производной, сокращенной формѣ, какъ обыкновенно. Значеніе *каждый* сходно съ *всякой*, но составляетъ оттѣнокъ. Тамъ главное понятіе: *всѣ понятые порознь*; здѣсь (въ каждомъ) напротивъ главное понятіе: отдѣльный предметъ, но который доводитъ до понятія *всѣхъ*, такъ что ни одинъ предметъ здѣсь пропущенъ быть не можетъ **).

Такимъ образомъ выработавъ всѣ отвлеченныя опредѣленія, мысль, все еще не опредѣляя предмета дѣйствительно, видитъ ихъ количество и перечисляетъ предметы, *считаетъ* ***). Отсюда

---

*) На поляхъ замѣтка: „*Трижды*—творительный падежъ.

**) На поляхъ: „перечисляется.“

***) Здѣсь на поляхъ рукою автора отмѣчено въ скобкахъ: „Гораздо строже ходъ понятія и мысли въ отвлеченныхъ прилагательныхъ. Гораздо строже вообще“.

И потомъ нѣсколько ниже: „*ко-ль, то-ль, се-ль*, qualis, talis,— непремѣнно къ разряду *ка-къ, та-къ, коль-кой, толь-ко, сель-кой*.“

является количество не въ своемъ неопредѣленномъ видѣ, которое мы уже видѣли въ измѣненіяхъ, въ ходѣ имени, но *количество*, какъ *число*. Доселѣ мы видѣли неопредѣленность, но въ тоже время стремленіе къ опредѣленію; здѣсь этого стремленія уже не видать; здѣсь есть уже удовлетвореніе: но чѣмъ удовлетворяется здѣсь мысль? Предметъ вовсе не опредѣляется самъ, и взятый съ внѣшней стороны, занимаетъ мысль, какъ множество подобныхъ предметовъ; мысль опредѣляетъ подробно это множество, беретъ одинъ предметъ въ количественномъ отношеніи, не теряя его отдѣльности, измѣряетъ имъ все безконечное множество, становитъ предметъ рядомъ съ такимъ же, *соединяя въ общемъ и раздѣляя въ явленіи*, и образуетъ число, два, прибавляетъ еще предметъ, образуетъ слѣдующее число, и такъ въ безконечность. Предметъ понятъ чисто во внѣшнемъ *количественномъ* отношеніи, собственно въ отношеніи *численномъ*. Обратимъ вниманіе ближе на эти прилагательныя.

Первое число есть *одинъ*, т. е. *какой-нибудь* отдѣльный, опредѣлившійся предметъ; безъ этого числа не можетъ быть счету: ибо гдѣ нѣтъ *одного*, тамъ нѣтъ ни *двухъ*, ни *множества*. Но потому самому *одинъ* и не имѣетъ непремѣнно численнаго значенія; всякой предметъ, понятый какъ отдѣльное явленіе—*одинъ*; другими словами: выразившійся въ границахъ отдѣльнаго явленія. Мы видимъ, что *инъ*, которое значило и *одинъ*, не имѣетъ собственно численнаго значенія, а имѣетъ значеніе выразившагося отдѣльнаго, относительно общаго своего идеала, явленія, такъ что *инъ* значитъ: *какой-нибудь*, *какой-то*. Такъ на другихъ языкахъ *одинъ*: ein, un, a (англ.) употребляется для означенія какого бы то ни было предмета какъ явленія, относительно егоже самаго какъ идеи, какъ общаго. *Одинъ* на этихъ языкахъ носитъ названіе члена неопредѣленнаго. Но такъ какъ въ этомъ же понятіи лежитъ числительная сторона, какъ скоро взглядъ будетъ съ количественной точки зрѣнія, то *одинъ* получаетъ чисто количественное значеніе; вмѣстѣ съ другимъ *однимъ*, образуетъ онъ *два*; еще съ однимъ *три* и такъ въ безконечность. Языкъ нашъ,—удержавъ за *инъ* значеніе опредѣленно выразившагося какого-бы то нибыло предмета, предмета какъ явленія, понятіе, опредѣляющее предметъ какъ явленіе,—выразилъ количественную сторону того же понятія собственно особымъ словомъ: *одинъ*, произшедшимъ отъ *инъ*. *Одинъ* прилагательное; въ численномъ значеніи собственно, оно употребляется

въ первообразномъ видѣ: *одинъ, два, три, четыре,* когда за нимъ слѣдуетъ рядъ чиселъ; но когда мы останавливаемся на томъ, что предметъ *одинъ*, на его одинокости, тогда употребляется производная форма: *одиный*, которую мы употребляемъ какъ *единый*: у народа и въ грамотахъ иногда встрѣчается *одиный*. Впрочемъ, такъ какъ счетъ производится собственно въ именительномъ и винительномъ падежѣ, и такъ какъ склоненіе числительнаго прилагательнаго въ другихъ падежахъ прямого счета не допускаетъ и являетъ вниманіе остановившееся уже на отношеніяхъ косвенныхъ предмета, то понятно, что, вмѣсто первообразной формы въ падежахъ, здѣсь обыкновенно становится форма производная, сокращенная, а первообразная удерживается только въ именительномъ и винительномъ падежахъ всѣхъ трехъ родовъ, за исключеніемъ винительнаго мужескаго, одушевленнаго — родительнаго. Творительный же падежъ жен. рода всегда имѣетъ окончаніе первообразной формы. Такое употребленіе, кажется намъ, понятно. Вотъ самое склоненіе: *одинъ, одна, одно.*

Ед. ч.

	М.	Ж.	С.
И.	*Одинъ* единый	*одна* единая	*одно* единое
Р.	одного единаго	одной единой	одного единаго
В.	одинъ, одного единый, единаго	*одну* единую	одно единое
Д.	одному единому	одной единой	одному единому
Т.	однимъ единымъ	*одною* единою	однимъ единымъ
М.	одномъ единомъ	одной единой	одномъ единомъ

Мн. ч. *)

И.	Одни (для всѣхъ родовъ) единые, единыя
Р.	однихъ единыхъ
В.	однихъ, одни единыхъ, единыя
Д.	однимъ единымъ
Т.	одними едиными
М.	однихъ единыхъ

*) Въ рукописи на поляхъ отмѣтка автора: „Здѣсь во множественномъ уже слабѣетъ числительное значеніе, и возможность множественнаго возникаетъ отъ того, что *одинъ* имѣетъ и не-числительное, но отвлеченно опредѣлительное значеніе“.

Въ народѣ употребляется и полная производная форма *единый*: *единымъ духомъ*.

Какъ скоро предметъ *не одинъ*, какъ скоро является другой,— является *два*: отрицаніе единства предмета. Этотъ первый моментъ множества *два* отмѣченъ мыслію особеннымъ измѣненіемъ всего склоненія, получа названіе *двойственнаго* склоненія, теперь измѣнившагося и лишь существующаго въ своихъ слѣдахъ, такъ сказать. Но многими выраженіями, доселѣ употребляющимися, ясно доказывается, что это склоненіе существовало у насъ вполнѣ. Въ д. Слав. языкѣ оно ясно встрѣчается; оно живетъ и доселѣ въ употребленіи у Лужичанъ. Вотъ это склоненіе, какъ оно встрѣчается въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: (нужно ли говорить, что здѣсь единственнаго числа быть не можетъ?)

И.	Два; жен. и ср.: двѣ	
Р.	двою	
В.	два	двѣ
Д.	двѣма	—
Т.	двѣма	—
М.	двою.	

Не трудно видѣть, что склоненіе церк. Слав. языка недостаточно и утратило свой простой древнѣйшій видъ. Это склоненіе въ им. и вин. сохраняетъ первообразную форму, въ ро[illegible] и мѣстн. принимаетъ форму производную; въ дат. и твор. сохраняетъ производную форму и образуетъ, вмѣсто *и*, *ъ*. Обращаніе на нашу древнюю письменность, на древній языкъ нашъ, мы увидимъ, что онъ гораздо яснѣе и полнѣе имѣлъ склоненіе *два*, какъ въ первообразной формѣ, такъ и въ производной: *дова*. Мало того, самое искаженное современное склоненіе *два* указываетъ на существованіе склоненія первообразнаго, изъ котораго современное образовалось. Вотъ склоненіе *два* Русскаго языка.

	Форма первообразная.		Форма производная.	
	М.	Ж. Ср.	М.	Ж. Ср.
И.	Два	двѣ	(двоя)	двои
Р.	дву	—	двою (двоею)	—
В.	два	двѣ	двою (двоею)	—

Форма первообразная.		Форма производная.	
М. Ср.	Ж.	М.	Ж. Ср.
Д. (двома)	(двама)	двоима	—
М. Ср.	Ж.		
Т. (двома)	(двама)	двоима	—
М. дву	—	двою.	—

Обѣ формы употребляются въ нашемъ древнемъ языкѣ. Обѣ формы употребляются и теперь, конечно въ искаженномъ видѣ; вотъ современное склоненіе *два, двои.*

Форма первообразная.		Форма производная.
М. Ср.	Ж.	
И. Два	двѣ	двои (двое)
Р. дву-хъ	—	двоихъ
В. два	двѣ, употр. и род.	двоихъ, двои
Д. дву-мъ	—	двоимъ
Т. дву-мя	—	двоими
М. дву-хъ	—	двоихъ.

Не трудно отыскать въ нашемъ склоненіи *два* форму первообразную древнѣйшую и правильнѣйшую, чѣмъ церковно-Славянская. Въ им. и вин. она удержалась, мы можемъ сказать: *я видѣлъ два человѣка, я видѣлъ два ведра, я видѣлъ двѣ женщины* Измѣненіе состоитъ въ томъ, что сходство средняго здѣсь не съ женскимъ, а съ мужскимъ; но въ древнемъ нашемъ употребленіи слышно прежнее сходство, что́ доселѣ видимъ въ словѣ: *двѣсти.* Мы думаемъ, что всегда родительный падежъ можетъ употребиться и въ двойственномъ вмѣсто винительнаго, какъ это бываетъ и тамъ, гдѣ есть свой винительный падежъ. Напр. въ винительномъ родительный двойственнаго: *Вама посылаемъ челобитье (на) двою.*—Въ родит. и мѣстн. склоненіе приняло форму множественную чрезъ прибавленіе *хъ* къ правильному окончанію *дву.* Въ дат. склоненіе приняло тоже множественную форму *двумъ*; но удержало ее въ творительномъ, смягчивъ *а* въ *я*: *двумя.* Здѣсь мы находимъ букву: *у*, тогда какъ въ основномъ склоненіи должно быть:

двома, двама. Переходъ *о* и *а* особенно *о* въ *у* весьма возможенъ, тогда какъ переходъ этихъ же буквъ въ *ъ* едвали возможенъ; по этому и думаемъ мы, что *двома* и *двама* перешло въ *двума* (*двумя*). Сверхъ того преобладаніе буквы *у* почти во всемъ склоненіи—весьма облегчаетъ этотъ переходъ. Занимательно видѣть, какъ на нашихъ глазахъ совершаются попытки уничтожить двойственный оттѣнокъ въ *двумя*; иные говорятъ: *двуми*. Что склоненіе, приведенное нами и называемое склоненіемъ формы первообразной есть точно такое, для этого стоитъ вспомнить сперва, что первообразныя прилагательныя склоняются какъ имена, и потомъ посмотрѣть какъ склоняются соотвѣтственныя имена въ двойственномъ числѣ; сверхъ того: *двои* съ своимъ склоненіемъ есть ясно форма производная, которая уже прямо объясняетъ: *два*, какъ форму первообразную, что доказывается и самымъ его склоненіемъ. *Двои* или *двое* (въ народѣ употребляются обѣ формы) склоняется какъ множественное *кои*. Въ именительномъ падежѣ мы употребляемъ *двое*, и употребляемъ въ смыслѣ отвлеченнаго имени въ ед. ч.: *двое людей* и т. п.; *двое* же склоняется какъ имя, въ единственномъ числѣ: *въ двоемъ*. Мы не смѣемъ употребить *двои*, не смѣемъ быть богаче, хотя и могли бы; узнавшіе ярмо грамматики чуть не прежде нашего языка, мы лишены его живо и вольно дѣйствующей силы; но народъ употребляетъ обѣ формы, онъ говоритъ *двои ключи*. Образованный или лучше испорченный *нашъ* языкъ оскорбляется такимъ выраженіемъ и называетъ его простонароднымъ, тогда какъ оно только настоящее Русское и есть форма Русскаго языка, прибавляющая къ его богатству. Наше употребленіе: *двое* не смѣло и даже смѣшно, мы говоримъ: *двое молодцовъ*, но не скажемъ *двое человѣкъ*, не скажемъ *двое женщинъ*, *двое ведеръ*, предаваясь какому-то темному и прихотливому такту слуха, привычки. Тогда какъ если *двое* употребляется въ смыслѣ имени, то оно должно употребляться какъ употребляется напр.: *много* со всѣми именами и всѣхъ родовъ; *двое* въ винительномъ мы совсѣмъ не употребляемъ. Употребленіе двойственнаго, первообразной и производной формы: *два*, *двое* слышится и очень живо употребляется и теперь въ род. падежѣ, въ словахъ и доселѣ образуемыхъ, именно какъ *дву*, и употребляется правильно: *двурогій*, *двуглазый*, *двушерстный*, *двуличный*, и т. д.; но *двою* сохраняется только кажется въ словѣ:

двоюродный; въ другихъ *двою* переходитъ въ *двое*: *двое-душный двое-глазый*; значеніе разумѣется различно.

Перешедши отъ единства предмета къ *два*, мысль уже видитъ цѣлое множество, но, какъ сказали мы, она не теряетъ изъ виду отдѣльность предмета и раздѣльно соединяетъ ихъ между собою, такъ что каждый предметъ сохраняетъ свою особность, отдѣльность, единичность, и является *счетъ, число*. Это число безконечно и постоянно являетъ понятіе множества, но въ которомъ всѣ единицы отдѣльно принимаются, *счисляются*, считаются. Разнообразясь отношеніемъ единицъ, множество въ сущности представляется одно и тоже, и по этому множественное число вообще одинако одно и тоже и не измѣняется ни въ общей своей формѣ, ни въ склоненіи.

Число, слѣдующее за *два*, есть *три*. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть ни единственнаго, ни двойственнаго числа. *Три* также имѣетъ и первообразную и производную форму *трои*.—Въ ц.-Славян. языкѣ (и въ Русскомъ древнемъ) мы видимъ форму первообразную. Тамъ *три* склоняется какъ *звѣрь* и и *двери* во множ.: въ им. м. *трiе*.

Въ нашемъ языкѣ первообразная форма *три* нѣсколько отступила отъ своего настоящаго склоненія. *Три* и *трои* склоняется такимъ образомъ:

	Форма первообразная.	Форма производная.
И.	три	троих.
Р.	трехъ (ц.-С. трiй)	троихъ.
В.	три, трехъ	трои, троихъ.
Д.	тремъ	троимъ.
Т.	тремя (тремя)	троими.
М.	трехъ	троихъ.

Именительный падежъ правиленъ и употребляется въ вин. *три*; род. падежъ отъ *три* принялъ окончаніе производной формы. Падежи дат., твор. и мѣстный правильны.

Вспомнимъ, что нашъ языкъ принялъ для множественнаго одно общее окончаніе женск. рода. Хотя и понятно и объясняется такое дѣйствіе языка, но нельзя однако сказать, чтобы различія во множественномъ между родами никогда не было. Если мы до-

пустимъ, какъ это и можно допустить на основаніи указаній, что у насъ окончаніе мужескаго и средняго рода въ дат., твор. и мѣстн. было: *омъ, емъ* или *ьмъ* и *ы, еми* или *ьми*, и *ыхъ, ехъ* или *ьхъ* *), то склоненіе *три* совершенно объясняется; если вспомнимъ также, что склоненіе женскаго на *и* таково же какъ вторыя два склоненія мужескаго и средняго, то мы можемъ понять, что одно склоненіе здѣсь для всѣхъ родовъ.—Возможность образованія прилагательнаго на *и* и слѣдовательно склоненія во множественномъ, сообразнаго съ этимъ окончаніемъ, мы надѣемся увидать ниже. Здѣсь такое окончаніе можетъ имѣть мѣсто. — Окончаніе *ьхъ* часто переходитъ въ *ехъ*; это встрѣчается въ склоненіи именъ.—Итакъ склоненіе первообразнаго *три*, за исключеніемъ родительнаго и употребленія род. въ винительномъ, у насъ правильно. — Замѣчательно, что здѣсь употребленіе внесло новую неправильность; оно придало окончаніе двойственнаго числа, совершенно не нужно, твор. падежу: *тремя*.—Въ народѣ употребляется и *треми*. Причины такой ошибки мы здѣсь не объясняемъ; надѣемся сказать объ этомъ далѣе.

Склоненіе производной формы: *трои* такое же, какъ и *двои*. Сюда относятся тѣже замѣчанія; точно также и объ употребленіи *трое, трои*.

Слѣдующее затѣмъ числительное прилагательное есть *четыри* или *четыре*. Оно является только въ этой первообразной формѣ и не образуетъ изъ себя формы, какъ *два* и *три*. Но есть форма *четверо*, совершенно одинаковая по значенію съ формою: *двое* и *трое*. Быть можетъ, это измѣненная производная форма. На это указываетъ то, что эта форма склоняется какъ всякая производная форма. Появленіе *е* вмѣсто *ы* не составляетъ затрудненія. Насъ должно остановить скорѣе окончаніе: *четверо* и *четверы* (малоупотреб.), окончаніе, которое само есть первообразное; но мы можемъ предположить (и надѣемся, что предположеніе наше можетъ подтвердиться), что на сей разъ это не первообразная форма, а производная сокращенная, что слѣдовательно могло быть *четверои* или *четверыи* и *четверре*; но если множественное *четверы*, а это предположить вѣроятнѣе, то нельзя образоваться *четверое*. Итакъ быть можетъ, что *четыре* вовсе не имѣетъ производной формы или она вовсе не употребляется; а вмѣсто нея образовалась отъ *четыре* новая форма первоначальная, удержавшаяся

*) Трудно разобрать: *ьхъ* или *ихъ*. Все это мѣсто написано неясно. *Изд.*

только, какъ первоначальная, въ малоупотребительномъ имен. *четверы*. *Четверо* остается необъяснимымъ, если не предположить единственнаго числа. Между тѣмъ предположить единственное число едва ли возможно. Въ такомъ случаѣ надо будетъ принять, что *четверо* есть *имя*, образовавшееся изъ *четыре* съ помощію образовательнаго *еро*; но *р* здѣсь содержится и въ *четыре*, слѣдовательно можно допустить просто образованіе *четверо* изъ *четыре*, быть можетъ съ помощію *о*. Тогда опять можно допустить, что *четверы* могло быть и *четверыи*, могло быть производною формою отъ *четыре*.—Какъ бы то ни было, склоненіе *четверы*, кромѣ малоупотребительнаго им. над., есть склоненіе, очевидно показывающее производную сокращенную форму. При всѣхъ соображеніяхъ мы останавливаемся на мнѣніи, что имен. над. вѣроятно *четверыи* или *четверои* и что оттуда образовалось *четверое* и потомъ *четверо*. Самая неупотребительность имен. падежа дастъ мѣсто и возможность нашему предположенію. Скажемъ къ тому, что и самое значеніе во всемъ склоненіи *четверы* совершенно одно съ значеніемъ *двои, трои*. Вотъ склоненіе *четыре* и *четверы*.

И. четыри, четыре	(четверы) четверо.
Р. четырехъ	четверыхъ.
В. четырехъ, четыре	четверыхъ (четверы), четверо.
Д. четыремъ	четверымъ.
Т. четырьми (я) четыремя (я)	четверыми.
М. четырехъ	четверыхъ.

Употребленіе *четверо* укрѣпилось гораздо сильнѣе, чѣмъ *двое* и *трое*; *четверо* употребляется и въ винительномъ, какъ скоро рѣчь идетъ о неодушевленномъ предметѣ. Народъ говоритъ *четверо*, но и *четверы*: *четверы кони, я забылъ четверы шапки*. Но у насъ *четверы* совсѣмъ не употребляется; мы говоримъ: *четверо*, распространяя его нѣсколько болѣе, чѣмъ: *двое, трое*. Такъ мы позволяемъ себѣ сказать: *четверо собакъ, четверо женщинъ*.— Въ винительномъ мы не очень рѣшимся сказать: *двое, трое ведеръ*, но *я видѣлъ четверо ведеръ*, это скорѣе скажемъ.

Далѣе выраженіе числительныхъ прилагательныхъ въ самомъ словѣ прекращается; идутъ ужъ *имена* высказывающія тоже численное значеніе; слѣдовательно здѣсь мысль выражается *зна-*

ченіемъ слова, а не самою *формою*: *пять* и *шесть* и т. д. — имена.

Примѣчаніе. По мѣрѣ того какъ двойственное изчезало въ языкѣ, окончанія его смѣшивались; часто множественное окончаніе ставилось вмѣсто двойственнаго и двойственное вмѣсто множественнаго. Отсюда произошло, что *два* получило индѣ окончаніе *множественнаго*, а *три* и *четыре двойственнаго*; мы это уже видѣли выше. Такимъ ошибкамъ въ числахъ всего легче было произойти въ словахъ, которыя сами выражаютъ числа и находятся рядомъ другъ съ другомъ.—Двойственный оттѣнокъ придан впослѣдствіи и употребленію съ *три* и *четыре* именъ, именно мужескаго рода, въ которыхъ множественное не такъ ясно и утверждено, какъ въ именахъ женскаго и средняго рода; такъ мы говоримъ: *три, четыре* коня; разумѣется и здѣсь правильности въ употребленіи двойственнаго нѣтъ, ибо самый смыслъ двойственнаго забытъ и *а* становится общимъ окончаніемъ всѣхъ именъ мужескаго рода при *три* и *четыре*. Но мало этого: употребленіе утратило значеніе *пять*, *шесть* и т. д. какъ *именъ*, и хотя склоняетъ ихъ, но уже не ставитъ съ ними, какъ въ древнемъ языкѣ, родительнаго падежа, напр.: *пятью мужей*, но согласуетъ имя, разумѣется во множественномъ числѣ, съ падежомъ числительнаго имени: *пятью мужами*—При изчезаніи двойственнаго числа и при колебаніи числительныхъ случалось даже, что сами имена: *пять*, *шесть* и пр. употреблялись какъ прилагательныя и въ добавокъ въ двойственномъ числѣ: *пятьма*, *шестьма*. Но это неправильное употребленіе теперь изчезло. Согласованіе же именъ въ падежѣ съ именемъ числительнымъ такъ сильно, что даже съ числительнымъ: *тысяча*, которое постоянно понимается и употребляется какъ имя, согласуется иногда въ падежѣ другое имя, къ нему относящееся, напр. *тысячь мужемъ*. Употребленіе это, впрочемъ, становится понятнымъ и законно возможнымъ, если мы раздѣлимъ выраженіе и поймемъ оба слова отдѣльно, напр.: *я даю мужамъ, тысячь*, или: *я даю тысячь, мужамъ*.—Это примѣчаніе сочли мы нужнымъ присоединить.

Мысль, обозначивъ число и отношеніе численное предметовъ между собою, въ то же время за каждымъ предметомъ признаетъ то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ численномъ порядкѣ. Обративъ вниманіе сперва *на отношеніе предмета къ числу*, мысль

обращаетъ вниманіе *на отношеніе числа къ предмету*, приписывая число ему, какъ его особенность или принадлежность.— Такимъ образомъ предметъ по отношенію къ числу: *одинъ*, *два* и т. д., но по отношенію числа къ нему, но потому что это число становится его отличительностью, онъ *первый*, *второй* и т. д. Такимъ образомъ образуется особый родъ числительныхъ прилагательныхъ, обозначающихъ то же число, но принадлежащее предмету, какъ его мѣсто или степень въ порядкѣ счисленія.

Всякое число, какъ числительное прилагательное такъ и числительное имя, образуетъ особое числительное прилагательное, предмету собственное, которыя и назовемъ мы числительными прилагательными *притяжательными*. Согласно съ смысломъ своимъ такія притяжательныя являютъ въ то же время послѣдовательность предметовъ, одного за другимъ.

Одинъ не производитъ отъ себя притяжательной формы, но замѣняется формою совершенно новою: *первъ* (неупотр.), *первый*, *primus*, πρῶτος. Быть можетъ—корень *пру*, вспомнимъ *прямой*, сходный съ *primus*. (Значеніе первообразной формы вообще мы надѣемся разсмотрѣть ниже). Первообразная форма: *первъ* (неупотр.), *перва*, *перво*; производная: *первый*, *первая*, *первое*. Первообразная форма до сихъ поръ встрѣчается, въ особенности у народа. Особенно слышна эта форма въ употребленіи средняго, получающаго значеніе имени, но тѣмъ не менѣе доказывающаго свой первообразный видъ, или лучше—этотъ первообразный видъ и даетъ право прилагательному становиться именемъ.—Вотъ склоненіе *первъ—первый*.

И. (Первь)	перва	перво	первый	первая первое.
Р. Перва	первы	перва	перцого	первой первого.
В. Перва, первъ	перву	перво	первого (первый)	первую первое.
Д. Перву	первѣ	перву	первому	первой первому.
Т. Первомъ	первою	первомъ	первымъ	первою первымъ.
М. Первѣ	первѣ	первѣ	первомъ	первой первомъ.

Перво употребляется въ смыслѣ нарѣчія, вслѣдствіе, думаемъ, того же значенія имени. Употребляется въ родительномъ: *сперва*. Всего менѣе употребителенъ твор. ед. ч. муж. и ср. рода. Что касается формы производной, которая употребляется сокращенно, какъ мы ее и привели, то народъ доселѣ употребляетъ ее и въ полногласномъ видѣ.

Два производитъ отъ себя форму *второ* (неупотр.) *вторый*, при чемъ *д* теряется, но оно сохраняется въ греческомъ: δευτερος.—О склоненіи и вообще о *второ, втора, второ, вторый, вторая, второе* слѣдуетъ сказать точно тоже, что и *перво, первый*. Употребленіе первообразной формы между прочимъ слышится и въ: *полтора* т.-е. *пол-втора*.

Три производитъ отъ себя притяжательное: *третій*; первообразная форма: *треть, третя, трете* не употребляется у насъ даже и въ народѣ; но присутствіе этой формы слышно въ: *полтретья* (*третя*) *ведра*.—Форма производная склоняется какъ *чій* (*чей*).

Притяжательный отъ *четыре*: *четверто* (неупотр.), *четвертый*. Буква *в* выступаетъ здѣсь тоже изъ *ы*, или быть можетъ оно было поглощено *ы* (четвыре, четыре). О склоненіи и вообще о *четверто, четверта, четверто; четвертый, четвертая, четвертое* слѣдуетъ сказать точно тоже, что и о *перво, первый*. Первообразная форма также слышна въ употребленіи *пол-четверта*.

Притяжательныя отъ *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* образуютъ отъ себя притяжательныя черезъ огрубеніе своего окончанія; вмѣсто ъ ставится ъ, и потомъ *а, о*. Въ мужескомъ *пятъ, шестъ* и пр., также какъ и въ предыдущихъ притяжательныхъ, первообразная форма неупотребительна, но она употребительна въ женскомъ: *пята, шеста, сема, осьма, девята, десята*, и въ среднемъ: *пято, шесто, семо, осьмо, девято, десято*.—О склоненіи всѣхъ этихъ притяжательныхъ, какъ въ первообразной, такъ и въ производной формѣ, слѣдуетъ сказать тоже, что и о *перво-первый*. Точно также и здѣсь въ выраженіи *пол-пята, пол-шеста* и пр. слышна первообразная форма.

Подобнымъ же образомъ образуются и прочія притяжательныя отъ прочихъ числительныхъ именъ.—Но мы не слѣдимъ ихъ, ибо это уже дѣло словопроизводства, которое намъ здѣсь не нужно.—Что касается до склоненія прочихъ числительныхъ притяжательныхъ, то о склоненіи всѣхъ ихъ можно сказать тоже, или почти тоже, что о *перво, первый*.

Но кромѣ этихъ видовъ прилагательныхъ числительныхъ, образуются другія изъ числительныхъ счетныхъ.—Изъ *одинъ* образуется *одинакой*, т. е. 1) имѣющій значеніе *одного только*, какъ принадлежности, напр. *одинакое жало*; но это значеніе употре-

бляется рѣдко и *одинакой* обыкновенно значитъ: 2) *такой же какъ другой, одинъ съ другимъ*: у насъ *одинакія платья*.—Изъ *одинъ* образуется также *одинокой*. Это означаетъ *одинъ*, по уже по своему свойству, положенію, и потому *постоянно одинъ*; отсюда же вытекаетъ значеніе удаленнаго отъ всѣхъ, оставленнаго всѣми или оставившаго всѣхъ. *Онъ человѣкъ одинокой: у него нѣтъ семьи. Одинокъ онъ въ мірѣ.—Одинокой живетъ онъ въ пустынѣ.*

Обѣ формы: *одинакъ—одинакой*; *одинокъ—одинокой*, склоняются какъ *всякъ—всякой*.

Слѣдующія числа образуютъ также новыя прилагательныя: изъ *двое* образуются *двойной*, изъ *трое - тройной*, изъ *четверо—четверной* и т. д. Всѣ эти прилагательныя показываютъ, что что́ бы то ни было существуетъ въ двухъ, трехъ и т. д. видахъ,—показываютъ *удвоенное, утроенное* и т. д. существованіе чего-бы то ни было. Напр. *двойное жало, два жала*; *тройная корона, три короны*. Разница отъ выраженія *два, три*, состоитъ въ томъ, что здѣсь число сливается въ одно цѣлое и является принадлежностію предмета. *Двойной, тройной, четверной* и т. д. (слѣдующія впрочемъ не столько употребительны) склоняются, какъ обыкновенно, въ производной формѣ; *двойной, тройной* употребляются и въ первообразной, но рѣдко; есть очень извѣстное выраженіе; гдѣ эта первообразная форма находится въ мѣстномъ падежѣ, именно: *въ двойнѣ, въ тройнѣ*; здѣсь безъ сомнѣнія подразумѣвается первообразная средняго рода: *двойно, тройно* *). Первообразная форма отъ *четверной* и пр. вовсе неупотребительна. Склоненіе формы производной обыкновенно. Народъ всегда и теперь имѣетъ возможность употребить и здѣсь производную форму въ ея полногласномъ видѣ.

Отъ *двое, трое* образуются еще формы, согласно съ *одинакой*; именно: *двоякой, троякой*. Значеніе ихъ составляетъ оттѣнокъ; оно обозначаетъ существованіе чего бы то ни было не просто въ

---

*) На поляхъ замѣтка: „надо объяснить обыкновенное употребленіе первообразной“. Вообще эта часть рукописи очень перечеркена, полна помарокъ, междустрочныхъ вписокъ, трудно разбираемыхъ. Очевидно авторъ считалъ всѣ эти мѣста нуждающимися въ тщательнѣйшей отдѣлкѣ. *Изд.*

двухъ видахъ, не удвоенное или утроенное, но существованіе въ двухъ *разныхъ* образахъ, въ двухъ разныхъ проявленіяхъ, или способахъ. Напр. *двойная сила*—сила удвоенная, *двоякая сила*—сила въ двухъ разныхъ видахъ *и та и другая сила. Четвероякой* говорится съ насиліемъ и отъ слѣдующихъ чиселъ форма эта не образуется вовсе.—Первообразная форма: *двоякъ, двояка, двояко; трояк, трояка, трояко*, употребляется, хотя не сильно.—Склоняется какъ *всякъ*. – Форма производная склоняется какъ обыкновенно и народъ также и здѣсь имѣетъ возможность употребленія ея въ полногласіи.

Идя далѣе, мысль видитъ подчиненность одного предмета другому; видитъ, что безразлично отъ самого предмета, каковъ бы онъ ни былъ, онъ можетъ составлять собственность другаго предмета или явленія и слѣдовательно опредѣляется еще не самъ по себѣ, по другимъ предметомъ, какъ составляющій его принадлежность,—и мысль, на пути опредѣленія, замѣчаетъ эту степень и опредѣляетъ это подчиненное отношеніе явленія къ другому, или это право предмета на другой. Мысль отвлекаетъ самый предметъ и видитъ его въ образѣ; отсюда притяжательность: *человѣковъ, что принадлежитъ человѣку*; предметъ отвлеченъ цѣликомъ. Въ языкѣ выражается это отношеніемъ одного имени къ другому, выражается собственно чрезъ родительный падежъ, понятый отвлеченно и являющійся здѣсь въ языкѣ, какъ прилагательное.—Итакъ здѣсь образуются особенныя прилагательныя: *притяжательныя*.

При такомъ все еще отвлеченномъ опредѣленіи, п р е ж д е в с е г о встрѣчается личный сознающій духъ, и въ языкѣ—личныя имена: *я, ты*, и ихъ самосознанное: *себя*. Такимъ образомъ опредѣленіе предмета чрезъ подчиненное отношеніе къ другому—является здѣсь какъ опредѣленіе чрезъ подчиненное отношеніе къ *я, ты, себя*, и множ. отъ *я* и *ты*: *мы, вы*. Итакъ образуется *мой, твой, свой*,—*нашъ, вашъ*. Какъ самое склоненіе личныхъ именъ, восходящихъ не только къ первой древности самого языка, но къ первымъ движеніямъ мысли въ языкѣ, представляетъ склоненіе особенное, требующее особенныхъ объясненій, такъ и склоненіе прилагательныхъ отъ личныхъ именъ образуетъ склоненіе особое, отличающееся отъ склоненія другихъ прилагательныхъ и также требующее изслѣдованія и объясненія. Вотъ склоненіе прилагательныхъ притяжательныхъ личныхъ: *мой, твой, нашъ, вашъ*.

И.	мой	моя	мое	мои (моя).
Р.	моего	моей	моего	моихъ
В.	мой, моего	мою	мое	мои, моихъ.
Д.	моему	моей	моему	моимъ.
Т.	моимъ	моею	моимъ	моими.
М.	моемъ	моей	моемъ	моихъ.

Точно также склоняется *твой*.

И.	нашъ.	наша,	наше,	наши, наша *).
Р.	нашего	нашей	нашего	нашихъ
В.	нашего, нашъ	нашу	наше	нашихъ, наши, наша
Д.	нашему	нашей	нашему	нашимъ.
Т.	нашимъ	нашею	нашимъ	нашими.
М.	нашемъ	нашей	нашемъ	нашихъ.

Точно такъ же склоняется *вашъ*.

Между склоненіями *мой* и *твой*—*нашъ* и *вашъ* видимъ мы разницу въ томъ, что оба первыя имѣютъ форму производную, а оба вторыя первоначальную въ им. падежахъ ед. и мн. Въ остальныхъ же падежахъ является у нихъ тоже форма производная, за исключеніемъ вин. и тв. падежей жен. рода ед. ч.

Притяжательное *свой* очевидно принадлежитъ личному возвратному *ся* (которое происходитъ отъ *я*, о чемъ должно быть сказано выше **). *Свой* склоняется какъ *мой, твой*.

Есть еще прилагательное личное: это *самъ*, оно имѣетъ двѣ формы и первоначальную и производную. Оно не имѣетъ притяжательнаго значенія. О немъ должны мы сказать поподробнѣе.

Самъ есть признанное и сознанное *я*; это не то, что *себя*, гдѣ *я* сознаетъ себя, какъ предметъ; *самъ* есть *я* въ полномъ чувствѣ своего сознанія, обогатившее себясознаніемъ и возвратившееся въ себя, не сознаваемое какъ предметъ—*себя*, но уже сознавшее себя и ставшее вновь лицомъ и потому себя сознающее.—*Себя*—*я*—какъ предметъ сознанія; *Самъ*—я, себя сознавшее и вновь ставшее

*) Тутъ подлѣ *наша* и выше подлѣ *моя* (во множ.) стоятъ нѣсколько неразборчивыхъ буквъ, кажется означающія: *неупотреб.*

**) И дѣйствительно сказано пространно въ отдѣлѣ имени существительнаго, см. стр. 22—25 и пр. *Изд.*

лицомъ сознающимъ.—Итакъ *самъ* есть тоже *я*, но дошедшее до самосознанія. Отвлекшись отъ простаго своего явленія, отъ простаго личнаго имени *я*, оно должно было принять и приняло форму прилагательнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣненія прилагательнаго: *самъ, сама, само; самый, самая, самое*, ...

Но откуда образовалось слово *самъ*?—Мы знаемъ, что личное имя у насъ *я*, сократившееся изъ *язъ*, по ц.-Славянски *азъ*. Мы знаемъ, что по Санскритски *я*—*Агамъ*, что по Зендски *я*—*Аземъ*; форма, которую признаемъ мы древнѣйшею, ибо въ Ведахъ множественное отъ *я*, т.-е. *мы*—*Асме*.—Эта форма существовала и у насъ. Этими звуками высказалось сознаніе на землѣ, и такъ какъ въ первое мгновеніе должны были высказаться вмѣстѣ и субъектъ и объектъ, и духъ и образъ, и имя и глаголъ, то въ этомъ словѣ высказались еще нераздѣльно, еще безразлично, и имя и глаголъ, которые дальнѣйшимъ ходомъ сознанія мгновенно раздѣлились и образовали, въ дошедшихъ до насъ опредѣленіяхъ, *Азъ* и *Есмь*. Также безразлично высказалось и второе лицо и также раздѣлилось на *Ты* и *Еси*. Но объ этомъ должно быть сказано выше. Изъ *Азъ*, *Азем* и *Асемъ*, образовалось и *ся*; с есть основная существенная согласная перваго лица; *я*, ставши сознаннымъ и явившись какъ *ся*, какъ означающее сознающее дѣйствіе, сдѣлалось общее и *ты* и *онъ*; ибо во всѣхъ случаяхъ здѣсь выражается собственное личное дѣйствіе: *ты себя знаешь* значитъ: ты знаешь себя какъ *я*; *твое я* совершило путь сознанія; *она себя знаетъ*; онъ себя знаетъ какъ *я*, — *его я* совершило путь сознанія. Отъ этого *ся* не имѣетъ и мѣстоименнаго, ибо вездѣ это дѣйствіе личнаго нераздѣльнаго *я*. Изъ *ся* развилось *себя*, чрезъ огрубленіе, аспирацію и т. д.—Личное имя *я* (ибо въ немъ собственно совершается ходъ сознанія), поставивъ себя предметомъ сознанія: *ся* (это совсѣмъ не то, что *меня*; *меня* есть уже явленіе *я* какъ одного изъ опредѣленныхъ моментовъ сознанія, а не сознающаго духа, не сознающей личности вообще) и вновь возвратившись къ себѣ, должно было уже отвлечь себя, обнаруживъ свою общую сущность, должно было стать прилагательнымъ. И оно стало прилагательнымъ: явилось слово *самъ*.—Такимъ образомъ путь сознанія въ предѣлахъ имени таковъ: *я, себя, самъ*. *Я вижу себя, самъ* Это простая фраза подтверждаетъ наши слова. То что сказали мы о *ся*, должно сказать и о *самъ*, которое придается ко всѣмъ тремъ лицамъ,—ибо во всѣхъ этихъ случа-

ахъ слышно, что и во второмъ и въ третьемъ лицѣ *я* сознаетъ себя, или другими словами эти лица сознаютъ себя какъ *я*. Но какъ образовалось *самъ*? По нашему мнѣнію отвѣчать на это легко. Первоначальная форма *я*: *Азем*ъ, или *Агам*ъ даютъ намъ возможность предположить и форму *Асам*ъ; изъ него образовалось *самъ* *).—И какъ прилагательное, оно измѣнилось по родамъ: *самъ, сама, само*, и потомъ изъ него образовалась производная форма: *самый, самая, самое*.—Первообразная форма, кромѣ именит. падежей, не употребляется вѣроятно потому, что этотъ видъ ея, составляющій отвлеченный образъ самого предмета, по существу своему долженъ оставаться въ субъективномъ личномъ положеніи, не укладываясь уже ни въ объективное, ни въ другое косвенно зависимое отношеніе. Съ великой натяжкой и несправедливо говорятъ: *саму*. Такъ какъ *самъ, сама, само, сами* неупотребляются иначе какъ въ именительномъ, а склоняютъ вездѣ: *самый*, то употребленіе для оттѣнка значенія, для приближенія къ значенію *самъ* въ другихъ падежахъ, прибѣгаетъ къ перемѣнѣ ударенія, и говорятъ напр. въ дат. *самой* и *самóй;* въ винит. же падежѣ женскаго рода неловко перенести удареніе на *ю*, *самую́* и поэтому говорятъ *самоё* и *саму*; послѣднее совершенно неправильно и не должно употреблять. Въ такомъ случаѣ можно употреблять *самоё*; это измѣненіе не разъ производимое употребленіемъ, на которое оно имѣетъ право, напр. *её*. Что же касается до твор. женскаго *самою*, то онъ таковъ всегда во всѣхъ производныхъ прилагательныхъ и это тутъ уже не есть падежъ формы первообразной, а образовавшійся изъ производной.—Итакъ первообразная форма: *самъ, сама, само, сами*, для всѣхъ родовъ употребляется только въ именительномъ падежѣ, что согласно съ ея значеніемъ. Къ этому надо присоединить, что даже въ среднемъ родѣ *само* не ставится на мѣстѣ падежа винительнаго, и не придается и въ именительномъ къ предметамъ неодушевленнымъ, а только къ одушевленнымъ, отвлеченнымъ или одушевляемымъ. *Само* одно составляетъ отвлеченное имя: *это дѣлается само собой*.—Замѣчательно, что, несмотря на присутствіе рода, во множественномъ числѣ одно окончаніе: *сами*. Личная сила слова *самъ*

---

*) На поляхъ отмѣтка: „оно подтверждается и sum, но болгарски *самъ* (есмо)."

допускаетъ только раздѣлительное окончаніе, на *и*, не допуская собирательнаго слитнаго *а* и никакого другаго.—Тоже видимъ мы и во множественномъ личныхъ именъ: *я, ты—мы, вы*.—Что касается до формы производной, то она, очевидно уже неимѣющая того личнаго значенія, какое въ формѣ первообразной, и, какъ всякая производная, приростающая къ предмету, получающая на немъ свою самостоятельность, становящаяся *качествомъ*, склоняется правильно, какъ обыкновенно.—Языкъ народа допускаетъ въ ней полногласную форму.

Мой образуется изъ *я*; это уже есть отвлеченное имя *я* какъ одного изъ лицъ сознанія; *я* въ его частномъ значеніи, и потому не имѣетъ общаго значенія сознающаго духа. Буква *м* въ *мой* очевидно указываетъ на то, что *м* присутствуетъ въ первоначальномъ *я*: *азмь*, на что указываетъ и множественное *мы*; *м* въ тоже время есть *частная* буква *я*, какъ *с* есть буква *я—общая*; одна выражаетъ его *частное*, другая *общее* значеніе *).—Эта буква *м* образовалась въ прилагательное чрезъ допущеніе къ ней окончанія *ъ*, который и долженъ былъ произвести *й*, а предыдущее *ъ* перешло въ *о*: *мой*; и такъ какъ здѣсь прямо къ корню самаго имени придается окончаніе *ъ, а, о*, а корень—*мъ* или въ произношеніи *мо*, то и образовалось *мо—й, мо—я, мо—е*,—форма, причисляемая нами къ первообразной.—Множ. *и, я*: *мо—и, мо—я*. Очевидно, что эта форма, имѣя частное значеніе *я* какъ одного изъ личныхъ именъ, можетъ становиться во всѣхъ падежахъ. Эта первообразная форма не сохраняется впрочемъ въ другихъ падежахъ, гдѣ приходитъ на помощь форма производная, неимѣющая мѣсто въ падежахъ им. и вин. ед. и мн. числа всѣхъ родовъ, въ томъ числѣ и женскаго рода, гдѣ падежъ опредѣленъ и видѣнъ.

Какъ *мой* образуется изъ *я*, такъ *твой* изъ *ты*, обнаруживая, какъ и множ. *вы*, букву *в* скрытую въ *ы*. Эта возникнувшая здѣсь буква *в* образуетъ корень имени, разумѣя здѣсь подъ корнемъ имя, лишенное образовательной формы: *твъ*; *ъ, а, о*, придаваясь къ *твъ* и смягчаясь, какъ обыкновенно послѣ гласной, образуютъ *тво—й, тво—я, тво—е*; множ. ч. *тво—и, тво—я*; при чемъ, какъ обыкновенно, *ъ*, предшествующій этимъ образовательнымъ

*) См. выше стр. 26—32 въ I Отдѣлѣ Грамматики о значеніи буквы *с*, о корнѣ *ес* въ глаголѣ *есть* и пр. *Изд.*

окончаніямъ, гласнымъ, переходитъ въ *о*. Точно тоже, что сказали мы о *мой*, относится и къ *твой*.

Изъ *ся* точно также образуется *свой*. Буква *в*, также здѣсь скрытая, также выступаетъ. Что буква *в* находится въ *ся*, для этого указаніемъ служитъ Санскритское sva, svayam, имѣющее значеніе *себя*.—Точно также къ *свъ* присоединяется *ъ*, *а*, *о*, и точно также образуется *сво-й*, *сво—я*, *сво—е*; множ. *и*, *я*: *сво—и*, *сво—я*.— Что сказано о *мой* и *твой*, относится и къ *свой*.

Первоначальное *м* въ словѣ *мы* переходитъ въ склоненіи, какъ это часто бываетъ и извѣстно, въ *н*.—Мы думаемъ, что родительное *насъ* образовалось изъ перестановки *с*, *м*, въ первоначальномъ *асмы*, *asme*. (Санскр. въ Ведахъ). Къ этому, выразившемуся въ родительномъ корню *нас* и сообразно даже съ значеніемъ родительнаго (и не къ родительному только), прибавляется *ъ*, *а*, *о*, образуя первообразное *наш—ъ*, *наш—а*, *наш—е*, гдѣ *о* переходитъ въ *е*; перемѣна *с* въ *ш* дѣло извѣстное; множ. *и*, *а наш:—и*, *наш—а*. Это прилагательное еще болѣе обнаруживаетъ и доказываетъ, что форма личныхъ прилагательныхъ первообразная.—Эта первообразная форма присутствуетъ въ падежахъ им. и винит. всѣхъ родовъ множ. и ед. числа. Въ женскомъ родѣ она очевидна: *нашу*, а не *нашую*, и по аналогіи доказываетъ еще болѣе, что и формы *мою*, *твою*, *свою*—первообразныя.—Въ остальныхъ падежахъ приходитъ на помощь форма производная.—Народъ можетъ употреблять ее и полногласно.

Какъ въ родительномъ падежѣ отъ *мы* обнаружилось коренное *нас* или *мас*, такъ и въ родит. падежѣ отъ *вы*, думаемъ мы, обнаружилось коренное слово: *вас*. Въ языкѣ Санскритскомъ находятся и *с* и *в* въ словѣ: *вы*, хотя порознь, въ двойств. и множ.— Точно также, какъ къ *насъ*, придается къ *васъ*: *ъ*, *а*, *о* и образуется точно также (причемъ вѣроятно *ъ* изчезаетъ, способствуя *с* обратиться въ *ш*): *ваш*, *ваша*, *ваше*; множ. *и*, *а—ваши*, *ваша*.— Точно тоже, что сказали мы о *нашъ*, идетъ и къ *вашъ* *).

Значеніе *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*, одинаково.—Будучи отвлеченными личными именными прилагательными, они обозначаютъ *свойство* предмета или явленія,—того, чего отвлеченіе они изображаютъ, и, въ болѣе грубой формѣ, обозначаютъ принадле-

*) Съ боку руки автора замѣчено: „*мъ*, *твъ* не корень имени, а самое имя коренное, къ которому придается *ъ*, *а*, *о*, при *ся* предполагается (одно слово неразобрано) корень *свъ*, тоже *насъ васъ*“.

жность. Выражая частныя стороны сознанія, а не общее сознаніе, *мой, твой, нашъ, вашъ* становятся и въ другихъ падежахъ кромѣ винительнаго. *Свой* отъ *себя*, гдѣ *я* само предметомъ своего сознанія (непремѣнно *своего*), можетъ поэтому и даже должно быть въ винител. и другихъ падежахъ; но *самъ*, въ которомъ *я* вновь возвращается къ себѣ, какъ общее сознаніе, какъ высшее проявленіе въ тоже время общаго сознанія, можетъ быть только въ именительномъ падежѣ, падежѣ личномъ, самостоятельномъ и ни въ какомъ другомъ.—*Самъ* съ качествомъ имѣетъ и производную форму. Его чистая отвлеченность даетъ на то возможность. Тогда становясь качествомъ, онъ склоняется, сохраняя значеніе какъ качество. Это понятно *).

Отъ этихъ личныхъ именъ мысль переходитъ къ предмету; и тоже отвлеченіе совершается и здѣсь. Къ предмету придается окончаніе образовательное имени: *ъ, а, о.*—Окончаніе *ъ, ь, й*, передъ этими окончаніями переходятъ въ *о(е)в.* Напр. *слоновъ зотъревъ, злодѣевъ.* Окончанія: *а, я* переходятъ по особымъ законамъ въ *ин,* напр. *собакинъ, Ванинъ*; женск. *и* или *ъ* въ *инъ* или *ынъ*, напр. *дочеринъ, дочерня, дочерне* **); перешедши разъ въ мужескомъ, такъ оно, можетъ быть, уже и слѣдуетъ ему въ другихъ родахъ. Замѣчательно, что имена средняго рода такъ не отвлекаются и не имѣютъ своихъ прилагательныхъ; быть можетъ потому, что натуральность, естественность такъ-сказать ихъ природы не допускаетъ такого отвлеченія и также принадлежности себѣ, личнаго права собственности.—Къ этому мы должны присоединить и всѣ имена муж. и жен. рода неодушевленныя. Внѣшнимъ образомъ составить ихъ можно; но употребленіе языка ихъ рѣшительно не принимаетъ.—Развѣ напр. въ баснѣ, гдѣ намѣренно одушевляются неодушевленные предметы, можно допустить такія формы; но это еще болѣе доказываетъ, что эти прилагательныя принадлежатъ только одушевленному міру.

Понятно, что въ началѣ такое прилагательное должно было выразиться только въ первообразной формѣ, ибо отвлеченіе извѣстнаго предмета не можетъ быть общимъ качествомъ; это отвле-

*) На поляхъ рукою автора отмѣчено: „понятно, что должна быть форма первообразная, ибо отвлеченіе извѣстнаго предмета не можетъ быть общимъ качествомъ“.

**) Слова отъ „напр. собакинъ“ до словъ: „перешедши разъ“—набросаны на поляхъ и пріурочены къ тексту значкомъ.

ченіе должно возвращаться на самый предметъ. Таково, вѣроятно, основное начало этихъ прилагательныхъ; такъ вѣроятно они образовались; и даже до сихъ поръ многія изъ нихъ не имѣютъ и не могутъ имѣть формы производной, но употребленіе поколебало ихъ значеніе и иныя стали качествами, потерявъ значеніе чистаго отвлеченія предмета.—Какъ скоро прилагательное теряетъ значеніе отвлеченнаго предмета, то и само перестаетъ принадлежать къ разряду этихъ прилагательныхъ; окончаніе его, встрѣчающееся часто и въ другихъ словахъ, получаетъ уже другое значеніе и изъ него образуется производное *).—Но если прилагательное сохраняетъ свое значеніе, то оно не имѣетъ другой формы, какъ первообразной; только измѣняясь въ значеніи и, можно сказать, выходя изъ того разряда прилагательныхъ, получаетъ оно форму производную.—Напр. *тіуновъ, министровъ, князевъ* и т. д.; нельзя сказать: *тіуновый, министровый, князевый.* Также: *сестринъ, женинъ, бабинъ*; нельзя сказать: *сестриный, женины̀й, бабиный.*

Склоненіе этихъ отвлеченныхъ прилагательныхъ предметныхъ, непремѣнно имѣющихъ только первообразную форму, въ единственномъ сохраняетъ ее во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ творительнаго муж. и ср.; почему—было объяснено выше. Во множественномъ употребленіе, кромѣ им. и вин. (им. въ вин.), ставитъ вездѣ форму производную **).

И. тіуновъ	тіунова	тіуново	тіуновы (для всѣхъ род.)
Р. тіунова	тіуновы	тіунова	тіуновыхъ
В. тіуновъ (тіунова)	тіунову	тіуново	тіуновы (тіуновыхъ)
Д. тіунову	тіуновѣ	тіунову	тіуновымъ
Т. тіуново(ы)мъ ***)	тіуновою	тіуновымъ	тіуновыми
М. тіуновѣ.	тіуновѣ.	тіуновѣ.	тіуновыхъ.

Но какъ скоро образуется при такихъ прилагательныхъ форма производная, такъ измѣняется самый смыслъ прилагательныхъ и

---

*) Съ боку рукою автора отмѣчено: „*самый* не то. *Самъ* есть общее отвлеченіе сознанія и какъ общее оно можетъ стать *качествомъ* общимъ и слѣдовательно произвести производное *самый*; но всегда для одушевленнаго: міра".

**) На поляхъ сдѣлана авторомъ сноска: „впрочемъ здѣсь тому помогаетъ сходство окончаній той и другой формы"; дальше нѣсколько словъ, которыхъ невозможно разобрать.

***) На поляхъ сноска „быть можетъ здѣсь и сходство произношенія" (т.-е. тіуновомъ и тіуновымъ).

вмѣсто отвлеченія самого предмета, вмѣсто принадлежности ему, является *сходство* съ нимъ: смыслъ качественный; этотъ смыслъ дѣлаетъ возможнымъ не только производную форму при прилагательныхъ отвлеченныхъ ,предметныхъ, но образуетъ прилагательныя въ формѣ производной изъ именъ средняго рода и вообще неодушевленныхъ; мы скажемъ *шелковый, дубовый, кленовый, полевой.*—Здѣсь крайне замѣчательно слѣдующее, что большею частію отъ именъ одушевленныхъ на ъ и ъ, имѣющихъ *овъ*, образуется прилагательное сходственное на *иный*, отличаясь тѣмъ, какъ несвойственное мужескому, отъ прилагательныхъ предметныхъ. Напримѣръ: *шмелевъ, ословъ*: *шмелиный ослиный* *).

Въ соотвѣтствіе этому, въ смыслѣ прилагательныхъ сходственныхъ, неодушевленныя имена женскаго рода большею частію, вмѣсто того чтобы произвести форму на *иный*, производятъ форму—на *овый*: такъ *березовый, липовый*, а не *березиный, липиный*; когда же имена одушевленныя женскаго рода переходятъ въ прилагательныя сходственныя, то окончанія *ный, ная, ное* становятся прямо къ корню имени: *собачный, дочерній*; но кромѣ него есть окончаніе также на *овый*: *норковый*; также, и какъ въ мужескомъ, есть окончан'е на *ій* прямо къ корню: *лисій, куній* и пр. Даже есть и на *иный*: *утиный;* впрочемъ вѣроятно основное имя *утъ*,—нельзя еще сказать, что оно принадлежало женскому роду **).

Надобно прибавить здѣсь еще замѣчаніе, что прилагательныя предметныя сходственныя или качественныя рѣшительно не имѣютъ и не должны имѣть формы первообразной; ибо если она для нихъ возможна, какъ въ *слоновый, слоновъ*, то это уже становится сейчасъ прилагательнымъ другаго разряда. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ образуется особое окончаніе, тамъ эта *предметная качественность* имѣетъ, ей вполнѣ соотвѣтствующую, вполнѣ выражающую ее, форму производную. Сверхъ того, и въ доказательство этомуже—прилагательныя сходственныя на предметы неодушевленные и на имена предметовъ средняго рода, гдѣ перво-

---

*) На поляхъ отмѣтка рукою автора: „кромѣ этого есть *козлячій, воловій*“. Есть еще зачеркнутая строка: „формы—прил. отвл. *оселій*; прилагат. сход. *воловій*“.

**) Тутъ зачеркнуты слова: „муж. рода, какъ *гусь*“.

образная форма въ прилагательномъ *предметномъ*, какъ имѣющая личную силу, невозможна. Итакъ здѣсь одинъ духъ разряда, допускающій неодушевленные предметы и имена средняго рода, и потому уже дѣлающій невозможнымъ ту форму, которая ихъ исключаетъ. Итакъ мы можемъ сказать, что прилагательныя предметныя сходственныя не имѣютъ формы первообразной. Но во 1) мы должны замѣтить, что она можетъ существовать и здѣсь, но она является здѣсь уже сокращенною или усѣченною формою; напр.: *Ахъ вы луга шелкóвы. Полева ты моя ягодка.* Чтобы узнать, сокращенная ли эта производная или первообразная форма, стоитъ только употребить выраженіе, въ которомъ первообразная форма замѣняетъ—*есть*; если первообразной формы употребить въ такомъ выраженіи нельзя, то значитъ, что эта форма производная, сокращенная. Мы говоримъ собственно про именительный падежъ, гдѣ эти формы постоянно сохраняются. Мы видѣли, что въ другихъ падежахъ употребленіе не строго ихъ придерживается и часто смѣшиваетъ. Мы можемъ сказать: *эти цвѣты бѣлы; это платье зелено;* но не можемъ сказать напримѣръ: *эти цвѣты полевы; это платье шелково.* Также въ этомъ случаѣ указаніемъ служитъ им. над. муж. р. ед. ч. Мы можемъ сказать: *бѣлъ, красенъ, добръ, хорошъ* и пр.; но не можемъ сказать: *полевъ, дѣловъ, липовъ, ослинъ* и пр.—2) Первоначальная форма употребляется тогда, когда имя неодушевленное или имя средняго рода становится прозвищемъ человѣка и такимъ образомъ дѣлается какъ-бы уже названіемъ одушевленнаго существа, слѣдовательно допускаетъ отъ себя и первообразную форму вмѣстѣ съ значеніемъ прилагательнаго отвлеченнаго предметнаго. Напр.: *Звѣревъ, Березинъ, Полѣновъ;* первоначальныя прозванія были: *Звѣрь, Береза, Полѣно;* но такія названія на *овъ* могутъ даваться прямо, хотя процессъ образованія остается тотъже.

Въ сложныхъ, когда прилагательное происходитъ уже не отъ одного такого-то предмета, но выражаетъ уже, въ составномъ словѣ, понятіе качества, возможна и первообразная форма; напр.: *мои братья близоруки; онъ широкоплечъ.*

Кромѣ этихъ *именныхъ* прилагательныхъ сходственныхъ, происходящихъ отъ *собственныхъ*, есть прилагательныя именныя, если можно такъ выразиться: *свойственныя.* Они образуются отъ именъ чрезъ прибавленіе: *ско(і)й, ская, ское.* Они также употреб-

ляются только въ формѣ производной, хотя первообразное, которое *всегда* какъ будто въ умѣ, въ идеѣ воображается, здѣсь, по большему отдаленію отъ имени, отчасти возможно. Въ среднемъ родѣ, переходя въ значеніе имени, оно употребляется въ мѣстномъ падежѣ безъ предлога: *молодецки*, *братски* и т. д.

При отдаленномъ своемъ отношеніи къ имени, связь прилагательныхъ съ предметомъ слабѣетъ; они уже только *происходятъ* отъ имени и поступаютъ въ разрядъ *качественныхъ*. Напр: *дубоватый*, *иловатый*; здѣсь уже слабѣетъ образъ самого предмета и прилагательное не непосредственно отъ имени возникаетъ.

Раздѣлять слова по качеству и по значенію не дѣло филологіи, изслѣдующей мысль въ самомъ *словѣ*, а дѣло чистой мысли... Съ другой стороны опредѣленіе самихъ образовательныхъ окончаній и значеній ихъ, опредѣленіе самого *образованія* слова во всѣхъ словахъ—есть уже задача другой части филологіи: *словопроизводства*, какъ мы называемъ, а не грамматики собственно. Мы коснулись этой стороны *словопроизводства*, сколько намъ было нужно, и даже можетъ быть болѣе.

Мысль, дошедши до отвлеченія сперва самого предмета, какъ онъ есть въ его частности, потомъ доходитъ до *сходства* съ предметомъ, по которому онъ становится достояніемъ другаго; наконецъ до *свойства* его, обобщая предметъ, постигая *) шагъ за шагомъ, что̀ въ предметѣ можетъ быть общее достояніе **). При этомъ постепенномъ освобожденіи отъ предмета, при постепенномъ превращеніи предмета въ качество, мысль все еще опирается на предметъ; наконецъ она доходитъ до понятія общаго независимаго значенія, независимаго отъ предмета, и доходитъ до понятія качества. Здѣсь уже нѣтъ предмета, здѣсь является одно чистое качество. Мысль доходитъ до него, и вмѣстѣ, въ словѣ, до области *прилагательныхъ*, въ полномъ смыслѣ. Къ нимъ мы теперь обращаемся. Здѣсь мы не думаемъ и намъ не нужно ни входить въ разборъ

---

*) Кажется такъ, слово написано не разборчиво. *Изд.*

**) Съ боку на поляхъ есть отмѣтка автора: „Сперва другой – достояніе предмета; потомъ предметъ есть достояніе другаго“.

значенія словъ, ни въ образовательныя окончанія и составы словъ. Мы уже объяснились объ этомъ выше *).

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ КАЧЕСТВЕННЫЯ.

Качество есть отвлеченная и понятая та общая сторона предмета, которая въ немъ находитъ осуществленіе. но которая не принадлежитъ ему непремѣнно, и, какъ общее, можетъ принадлежать всякому явленію. Это тотъ же предметъ, но съ своей общей стороны. Между тѣмъ не существуя само по себѣ, качество непремѣнно обозначается на предметѣ; вся сила въ томъ, что оно можетъ переноситься съ предмета на предметъ, въ чемъ проявляется общее его значеніе; поэтому прилагательное есть постоянно отвлеченная форма имени *ъ, а, о*, къ которому, по тому самому, можетъ придаваться одинакое содержаніе, переходя отъ одной формы имени къ другой; форма имени *ъ, а, о*, по отвлеченности своей, можетъ наполняться содержаніемъ однимъ и тѣмъ же, каждая. И такъ отвлеченность формы имени есть и здѣсь,—когда эта форма уже не пуста, а наполнена содержаніемъ,—постоянно значеніе и опредѣленіе прилагательнаго. Форма отвлеченна, и по этому содержаніе не приростаетъ къ ней, отдѣльно отъ нея: *добр-ъ, добр-а, добр-о* **).

Мы опредѣлили уже качество; съ его понятіемъ мысль дошла

---

*) Съ боку на поляхъ замѣтки автора:

„Слово—это *мысль существующая, живущая*".

Нѣсколько ниже:

„Конечно слово высказалось вдругъ. Нельзя сказать, чтобъ сперва было имя, потомъ явился глаголъ. Нѣтъ, они явились вдругъ. Слово вдругъ появилось во всѣхъ частяхъ своихъ; но если нѣтъ порядка и постепенности хронологической, то есть порядокъ и постепенность логическая, порядокъ и постепенность мысли. Ее-то надо понять. Съ какой бы стороны ни началъ человѣкъ понимать что нибудь, хоть съ конца, хоть съ середины, постигнувъ онъ сей часъ, или лучше: сама мысль уже, какъ скоро она постигнута, утвердитъ порядокъ и постепенность мысли".

**) Здѣсь на поляхъ написана авторомъ слѣдующая замѣтка:

„Мысль отвлекаетъ предметъ вообще, видитъ одну общую связь всего существующаго,—что все—предметъ. Въ имени она уничтожаетъ все содержаніе слова; остается одна форма слова: *ъ, а, о*: рамки предмета. По все въ мірѣ предметъ вообще, все *ъ, а, о*. Поэтому *ъ, а, о* дѣлается общимъ именованіемъ предмета, для чего употребляется; *онъ, она, оно*.

уже до свободнаго опредѣленія предмета, конечно путемъ отвлеченія и постоянно чрезъ отвлеченіе. Здѣсь, въ качественномъ значеніи, является полнѣйшее значеніе прилагательнаго, и потому постараемся разсмотрѣть оное внимательно.

Чистая отвлеченная форма имени есть: ъ, *а, о*; качество придается къ предмету и содержаніе слова къ окончаніямъ именъ; такимъ образомъ образуется: *добр-ъ, добр-а, добр-о*. Одно и тоже окончаніе имени естественно связываетъ качество съ предметомъ и прилагательное съ именемъ. Такъ что здѣсь качество совершенно примыкается, пристаетъ вполнѣ впору предмету, а прилагательное носитъ весь образъ имени, соединяясь съ нимъ окончаніемъ, и склоняется какъ имя. Поэтому же намъ не нужно глагола, когда мы говоримъ: *человѣк-ъ—добр-ъ; женщин-а—добр-а, ок-о—добр-о*. Таково первообразное прилагательное. Точно тоже, само собою разумѣется, примѣняется къ смягченнымъ окончаніямъ: ь, *я, е*. Въ выраженіяхъ: *человѣкъ—добръ, небо—сине, жена—мила* нѣтъ никакого выброшеннаго глагола: соединяетъ единство окончанія.

Но такое качество (хотя и общее по своему значенію), обращающееся къ предмету и вновь съ нимъ сливающееся, еще не понято самостоятельно. Прилагательное еще имѣетъ весь образъ имени. Между тѣмъ качество имѣетъ значеніе само по себѣ, и можетъ быть понято какъ нѣчто отдѣльное, хотя также проявляющееся на предметѣ. Мысль доходитъ до понятія отдѣльнаго качества *). Окончаніе прилагательнаго, отвлеченная форма имени, утверждается за нимъ отдѣльно, удваивается, т.-е. пускаетъ ростокъ и образуется: *ъ ъ, а а, о о;* въ выговорѣ это является какъ: *ый, ой, ая, ое*; при смягченныхъ окончаніяхъ: *ій, яя, ее*. Слѣдовательно: *добр-ой* или *ый, добр-ая, добр-ое*. Прилагательное не теряетъ своего именного окончанія, но напротивъ, чрезъ повто-

---

„Отвлекая извѣстный предметъ, мысль—въ прилагательныхъ собственныхъ—всюду ставитъ его образъ, все можетъ ему принадлежать, она всюду напечатлѣваетъ его образъ, отвлеченный образъ предмета; всюду видѣнъ его образъ, причемъ предметъ необходимо долженъ отвлечься,—являясь уже собственн..." (нѣсколько буквъ неразобранныхъ)... „ибо *себя* видитъ предметъ въ другомъ, напечатлѣвается въ немъ".

*) На поляхъ авторомъ набросана замѣтка: „Качество само по себѣ уже есть отдѣльное; но качество является отдѣльнымъ только въ полной формѣ".

реніе, измѣняетъ его и уже склоняется особенно. Оно также придается къ имени, но уже какъ самостоятельное, стоящее съ нимъ рядомъ и не сливающееся; вотъ почему такая разница (быть можетъ еще усилившаяся отъ употребленія) въ выраженіяхъ напр.: *человѣкъ добръ и человѣкъ добрый*. Разница вполнѣ оправдывающая наши слова; употребленіе эту разницу усилило; мы скажемъ обыкновенно: *братъ мой добръ*, но не скажемъ: *добръ братъ пріѣхалъ ко мнѣ*. И на оборотъ мы не скажемъ: *братъ мой—добрый*, но скажемъ: *добрый братъ пріѣхалъ ко мнѣ*. Впрочемъ и безъ этой разности употребленія, разница здѣсь постоянна въ значеніи. Эта форма прилагательнаго: *ый, ая, ое*, гдѣ качество понято самостоятельно и раздѣльно придается къ предмету, есть форма производная.

Существованіе этихъ двухъ формъ составляетъ великое богатство Русскаго языка и конечно было дѣломъ всѣхъ языковъ, но отъ нихъ остались только слѣды въ языкѣ Нѣмецкомъ, Литовскомъ и другихъ. Мы уже говорили объ этомъ образованіи прилагательныхъ формъ, но здѣсь, при разсмотрѣніи прилагательныхъ качественныхъ, прилагательныхъ по преимуществу, считаемъ нужнымъ повторить это.

1) Склоненіе.

Считаемъ также нужнымъ привести примѣръ склоненія той и другой формы, во всей строгости, не обращая вниманіе на современное употребленіе.

Форма первообразная.

	Ед. ч.			Мн. ч.	
	М.	Ж.	С.	М. Ж.	С.
И.	Добръ	добра́	добро̀	добры	добра
Р.	добра	добры	добра	добръ	добръ
В.	добръ,	добру	добро	добры, добръ	добра
Д.	добру	добрѣ	добру	добромъ (жен. амъ)	добромъ (омъ)
Т.	добромъ	доброю	добромъ	добры (жен. ами)	добрами (ы)
М.	добрѣ	добрѣ	добрѣ	добрихъ (жен. ахъ)	добрахъ (ихъ)

Форма производная.

Ед. ч.

	М.		Ж.		С.	
	полногл.	сокращ.	полногл.	сокращ.	полногл.	сокращ.
И.	добрый	—	добрая	—	доброе	—
Р.	доброго	добрего	добр(ыи)осй*)	доброй(ои)	доброго	добрего
В.	добрый (и род.)	(им. и род.)	добрую	—	доброе	—
Д.	доброму	доброму	доброей	доброй	доброму	доброму
Т.	добрымъ	добрымъ	доброю	доброю	добрымъ	добрымъ
М.	добромъ	добромъ	доброей	доброй	добромъ	добромъ

Мн. ч.

М. Ж. С.

	полногл.	сокращ.
И.	добрыи (сред. ыя)	добрые (ср. ыя)
Р.	добрыихъ	добрыхъ
В.	добрыихъ и имен.	добрыхъ и имен.
Д.	доброимъ	добрымъ
Т.	доброими	добрыми
М.	доброихъ	добрыхъ **)

Употребленіе и доселѣ держится этихъ формъ и склоненій ихъ; но въ первообразной формѣ въ ед. числѣ падежъ мѣстный мужескаго и почти также средняго употребляется мало, но возможенъ, а падежъ творительный тѣхъ же родовъ рѣшительно замѣняется падежомъ производнымъ, конечно по сходству окончаній въ выговорѣ. Падежи женскаго рода род., дат. и мѣстн. тоже употребляются мало, но тоже возможны. Что же касается до множественнаго, то за исключеніемъ им. и вин., когда въ немъ употреблена форма именительнаго, множественное число не употребляется, и даже въ именительномъ *а* для средняго откинуто; между тѣмъ это *а* удержалось въ пословицѣ: *наши дѣла, какъ сажа, бѣла.*

Склоненіе производное употребляется въ формѣ сокращенной; но народъ употребляетъ и полногласную.

Ошибутся тѣ, которые будутъ говорить, что производная форма есть сложная, напр: изъ *добръ* и такъ называемаго мѣстоиме-

---

*) Трудно разобрать: *ыи* или *ыя*.

**) На поляхъ двѣ замѣтки автора: „О полногласіи: необходимо ли оно въ *правильномъ* значеніи“. „О Род. и Имен. въ Винит. объяснить“.

нія, и что это мѣстоименіе прикладывается къ окончаніямъ прилагательнаго во все склоненіе. Здѣсь нѣтъ никакой сложности; здѣсь совершается тотъ же законъ окончанія и также измѣняется окончаніе прилагательнаго, не болѣе; такъ называемое мѣстоименіе есть не что иное какъ *окончаніе* отвлеченное, имѣющее, какъ отвлеченное, особенный смыслъ; а здѣсь тоже окончаніе, только не отвлеченное и поэтому того смысла и не имѣющее. А склоняется и тамъ, и здѣсь то же окончаніе и разумѣется склоняется одинаково. Для убѣжденія тѣхъ, которые не захотятъ этого видѣть, просимъ ихъ обратить вниманіе на церковно-Славянскую производную форму; она вполнѣ отверждаетъ нашу мысль, что это окончаніе, а не мѣстоименіе. Окончаніе *ъ, а, о,* оказалось неудобнымъ для употребленія въ отвлеченномъ видѣ и было замѣнено смягченнымъ: *и* (*ъ*) *я, е;* но такъ какъ при образованіи прилагательныхъ оно выступило и форма прилагательныхъ сперва образовалась черезъ: *ъ, а, о,* а потомъ черезъ *ъѣ* (*ый*), *аа, оо,* лишь чрезъ выговоръ смягчившіяся въ *ая, ое,* то значеніе его вполнѣ оправдывается здѣсь и совершенно находится въ соотвѣтствіи съ окончаніемъ смягченнымъ. Эти окончанія имѣютъ вполнѣ значеніе окончаній, значеніе образовательное, значеніе важное само по себѣ. Въ доказательство, какъ мы сказали, служитъ форма производная церковно-Славянская. Тамъ говорится *добра—аго,* а не *его* и такъ далѣе; т. е. склоняется *ъ,* а не *ь,* и ужъ никакъ не мѣстоименіе.

Но какъ образовалось полногласіе? Вотъ вопросъ. Если удвоенное окончаніе должно измѣнить свое склоненіе, то здѣсь вопросъ: что̀ измѣняется: оба ли двойныя окончанія, или одно послѣднее? Если мы примемъ, что *ого, аго* и *его, яго* образуются изъ *ъѣ* или *ъь,* то родительный падежъ долженъ быть *добр—аго,* а не *добра—аго.* Откуда же взялось первое *а*? Мы можемъ предположить, что при принятіи окончанія прилагательнымъ его *ъ* уцѣлѣло при немъ и поэтому дало себя слышать. Если-же мы предположимъ, что *ого, его* (аго, яго) есть измѣненіе втораго *ъ* и *ь,* то, при склоненіи одного *его, ему* и пр., куда дѣвалось измѣненіе перваго *ъ*? Мы можемъ предположить, что оно слилось, потерявши, какъ предыдущее, разность своего окончанія. Въ такомъ случаѣ мы должны предположить, что измѣненіе, происходящее въ одномъ второмъ *ъ* и *ь,* произведено присутствіемъ окончанія предыдущаго, имѣющаго также движущуюся, измѣняющуюся живую

силу, и передающаго эту силу окончанію второму; само же оно переходитъ въ среднюю равнодушную букву: *о*, *е* (хотя въ церковно-Славянскомъ и не такъ). Это объясненіе вполнѣ объясняетъ тогда присутствіе предыдущаго окончанія въ прилагательныхъ; это предыдущее окончаніе тамъ выступаетъ опираясь на предъ нимъ находящіяся буквы, и образуетъ полногласіе. Мы можемъ допустить разныя измѣненія буквъ, особенно въ образованіи этого втораго окончанія, въ склоненіи отвлеченнаго *ъ*, *я*, *с*, которое можно и должно подробно и тщательно сравнить и изслѣдовать.

Замѣчательно, что первообразное окончаніе средняго рода (что впрочемъ очень понятно) образуетъ, уже въ употребленіи, имя, отвлеченное конечно, напр: *Добрѣ*. Прилагательное первообразное имѣетъ всю форму имени; оканчиваясь на *ъ* и *а*, оно указываетъ на мужской или средній родъ, слѣдовательно, неся на себѣ отпечатокъ опредѣленнаго рода, удерживаетъ свое прилагательное значеніе; между тѣмъ, какъ въ среднемъ родѣ, который не напоминаетъ такъ опредѣленно о предметѣ, прилагательное первообразное, употреблялсь одно, само обращается въ имя отвлеченное и употребляется, какъ имя. Разумѣется, что здѣсь склоненіе первообразнаго удерживается вполнѣ; значеніе имени, приданное первообразному прилагательному средняго рода, укрѣпляетъ за нимъ это склоненіе, которое есть склоненіе имени. Съ одной стороны это имя съ его склоненіемъ объясняется тѣмъ, что это имя—просто первообразное прилагательное; которому придано только значеніе имени. Съ другой стороны самое склоненіе этого средняго первообразнаго въ значеніи имени, самое склоненіе это доказываетъ возможность и служитъ примѣромъ склоненія первообразнаго, во всѣхъ падежахъ, нетолько для средняго, но и для мужескаго рода, склоненія которыхъ сходны,—ибо имена, какъ *добро* и пр., суть первообразныя прилагательныя средняго рода, употребляемыя одни, какъ существительныя. Точно тоже мы должны сказать о склоненіи такихъ именъ прилагательныхъ и во множественномъ числѣ, какъ скоро они во множественномъ употребляются. Иныя, какъ напр. *Добро*, во множественномъ не употребляются; но иныя, какъ *зло*, *жито*, употребляются и во множественномъ.

Понятно также, почему первообразное прилагательное средняго рода принимаетъ значеніе нарѣчія. Чисто отвлеченное качество, не самостоятельное, какъ въ прилагательномъ производномъ, об-

разъ предмета, но не самый предметъ, сверхъ того, не мужескаго и не женскаго рода, указывающаго и тотъ и другой, но опредѣленно обозначившійся предметъ, а рода средняго, неопредѣленнаго, выражающаго предметъ неопредѣленный,—прилагательное первообразное средняго рода, выражая чистое отвлеченное качество или качественность, и переходя естественно съ одной стороны въ имя, съ другой получило, очень понятно, значеніе нарѣчія.

2) Степени сравненія.

Отвлеченіе необходимо для опредѣленія. Это отвлеченіе видимъ мы въ понятіи качества, отвлекаемаго отъ предмета и потомъ опредѣляющаго предметъ. Въ языкѣ это отвлеченіе видимъ мы въ прилагательномъ, въ отвлеченной формѣ имени, потомъ придаваемой имени. Слѣдовательно здѣсь въ области качества и прилагательнаго совершается въ языкѣ логическій ходъ мысли, опредѣляющей и силою опредѣленія освобождающейся изъ чистой отвлеченности. Мы видѣли этотъ путь. Пока чисто отвлеченныя прилагательныя, какъ: *сей—тотъ* проходило мыслящее слово, по тѣхъ поръ самое содержаніе слова не допускало въ себѣ никакихъ другихъ опредѣленій, все исчерпываясь своимъ отвлеченнымъ значеніемъ. Перейдя къ прилагательнымъ предметнымъ, слово полно значенія самого предмета, представляетъ образъ самого предмета, и поэтому также все исчерпывается предметомъ. Но дойдя до значенія качества, слово выразило общее начало, присущее явленію, выразило это общее начало само въ себѣ, что̀ и есть *качество*; дойдя такимъ образомъ до признанія общаго элемента, съ одной стороны опредѣливъ, а съ другой утвердивъ его общность, слово проходитъ новый путь опредѣленія въ этой отвлеченной, но въ то же время самостоятельной сферѣ, въ сферѣ качества.

Надо прибавить, что, между качественными прилагательными, весь дальнѣйшій путь опредѣленія качества относится собственно къ прилагательнымъ производнымъ, въ которыхъ качество является самостоятельно, тогда какъ въ первообразныхъ оно не самостоятельно, носитъ еще чистую форму имени и слѣдовательно имѣетъ еще оттѣнокъ предмета вообще, и потому не можетъ представлять развитія, дальнѣйшаго хода и опредѣленія качества.

Качество, взятое само по себѣ, есть качество неопредѣленное и простое, качество въ своемъ *общемъ* значеніи, напр.: *добрый*, *твердый* и т. д. Таковы всѣ прилагательныя въ своемъ первомъ неопредѣленномъ видѣ. Это состояніе качества еще такъ неопредѣлено и отвлеченно, что мы знаемъ только, о чемъ идетъ рѣчь, но *мѣры* самого качества мы не знаемъ. Здѣсь только *качество вообще*. Это неопредѣленное состояніе качественно-прилагательнаго есть *степень* такъ называемая *положительная*.

По качество, если уже существуетъ, то не можетъ оставаться качествомъ вообще; оно должно выразиться; выражаясь, оно выходитъ изъ своей неопредѣленности и прилагается къ жизни, гдѣ оно непремѣнно должно явиться такимъ или другимъ. Безконечное множество явленій увлекаютъ качество, такъ что съ одной стороны, выйдя изъ неопредѣленности, съ другой стороны безпрестанно опредѣляясь и потому не имѣя опредѣленности, ибо постоянно переходитъ отъ предмета къ предмету, качество какъ бы теряетъ себя въ безконечномъ количествѣ явленій, въ которыхъ разнообразно оно выражается. Мы опять знаемъ только, о чемъ идетъ рѣчь; видимъ безпрестанное измѣненіе качества, но *мѣры* его мы опять не знаемъ. Безконечное множество здѣсь преобладаетъ. Это вѣчно измѣняемое состояніе качественнаго прилагательнаго есть *степень* такъ называемая *сравнительная*. Какъ въ первой степени общность значенія, такъ во второй частность значенія не даютъ выразиться самому качеству, и самтго качества мы не находимъ. — Мы не знаемъ здѣсь, при сравненіи одного предмета съ другимъ, въ какой мѣрѣ и даже точно ли онъ: напр: *добръ*. Мы знаемъ, что онъ *добрѣе* этого, а этотъ можетъ быть *добрѣе* предыдущаго и т. д.,—и только. Такъ что понятіе наше, когда скажутъ намъ напр. о вещахъ, что одна *дороже* другой, еще нисколько неясно. Здѣсь, какъ сказали мы, во множествѣ сравненія какъ бы теряется самое качество. Но качество не погибаетъ; оно постоянно тутъ, уже потому что о немъ идетъ рѣчь въ той и другой степени; это только путь его осуществленія; отъ своего общаго отвлеченнаго значенія переходя къ частному и поглощаясь здѣсь множествомъ, оно среди множества выражаетъ свою сущность, осуществляется и освобождается такимъ образомъ отъ безконечнаго множества на одномъ (единицѣ).—Качество какъ бы вновь себя находитъ, но уже осуществленнымъ. Здѣсь, такъ сказать, является *настоящее качество*. Это состояніе качества

осуществленнаго и въ тоже время освобожденнаго отъ множества предъ избраннымъ, предъ единымъ, есть такъ называемая степень *превосходная*.—Не надобно думать, чтобы качество въ превосходной степени принадлежало только *одному* предмету; этихъ предметовъ можетъ быть много, но качество, въ превосходной степени, постоянно удерживаетъ и придастъ предмету значеніе единицы относительно пройденнаго имъ множества. *Превосходная* степень чудесно выражается у насъ въ языкѣ: *самый добрый* (der gute selbst). Это выраженіе превосходной степени: *самый*, столь разумное, будучи вполнѣ живо у насъ, слышно въ языкѣ латинскомъ въ прибавленіи simus: illustrissimus. *)

Опредѣливъ значеніе степеней, которыя проходитъ качество, и вмѣстѣ качественное прилагательное, совершая путь своего опредѣленія,—посмотримъ на самое образованіе этихъ степеней въ словѣ, въ прилагательномъ качественномъ.

Всякое прилагательное въ своемъ простомъ первомъ значеніи (внѣ всякихъ отношеній и опредѣленій) есть степень положительная: *добрый, синій* и пр. Слѣдовательно простая форма прилагательнаго есть форма положительная.

Сравнительная степень измѣняетъ окончаніе прилагательнаго. Одно измѣненіе (древнее) въ церковно-Славянскомъ языкѣ есть окончаніе на: *ий, ье, ай, ае, яй, яе*, но мы имѣемъ это окончаніе только въ мужескомъ и среднемъ родѣ: *старий, старше*; но для женскаго есть кажется на *ийши* (*айши*): *старийши*. Множественное также допускаетъ окончаніе *ийши, айши, яйше*. Нашъ языкъ имѣетъ двоякое окончаніе сравнительной степени. Въ первомъ, собственно сравнительнаго значенія, онъ откинулъ значеніе *рода*, если когда-нибудь имѣлъ оное. Языкъ нашъ употребляетъ для всѣхъ родовъ окончаніе на *ье*, или *е* (*ъ*): этотъ человѣкъ, женщина, дерево—*выше, лучше, крѣпче*. Сравнительную степень признаетъ нашъ языкъ какъ нарѣчіе, слѣдовательно принадлежностію глагола. Такое употребленіе понятно. Сравнительная степень не

---

*) На поляхъ замѣтка автора: „*самый* выражаетъ не только сравненіе, но существенное значеніе самого качества, положительная превосходная степень.—*ѣйшій* (прекраснѣйшій, напр.) собственно сравнительная, употребляется въ превосходномъ значеніи, какъ сравнительная превосходная; лицомъ къ качеству, лицомъ къ множеству".

представляетъ вѣрнаго, положительнаго, предполагаетъ постоянное измѣненіе, движеніе, слѣдовательно дѣйствіе (глаголъ); поэтому здѣсь она является не положительнымъ качествомъ, которое можетъ быть придано предмету, но только отношеніемъ качественнымъ предмета, подверженнымъ постоянно измѣненію; другими словами, не качественнымъ прилагательнымъ, но качественнымъ нарѣчіемъ. Послѣ этого понятно, почему Русской языкъ придаетъ сравнительную степень не къ имени, а къ глаголу и употребляетъ не прилагательное качественное, измѣняющееся по родамъ, но качественное нарѣчіе, неизмѣняющееся и одно для всѣхъ родовъ.

Кромѣ этой формы сравнительной степени, въ которой такъ слышно и даже преобладаетъ *сравненіе*, есть другая форма на *ѣйшій* и *айшій*, которая измѣняется по родамъ, но за то эта форма теряетъ почти вовсе значеніе сравнительное и получаетъ значеніе степени п р е в о с х о д н о й, которая, такъ сказать, обращена лицомъ къ *сравненію* и высказываетъ мысль объ окончательномъ сравнительномъ превосходствѣ такого-то качества. Имѣя *относительно превосходное* значеніе, эта форма не высказываетъ того внутренняго, собственнаго безотносительнаго значенія настоящаго качества, которое высказывается въ превосходной степени словомъ *самый*, гдѣ вопросъ объ отношеніи и сравненіи удаленъ. Поэтому форма на *ѣйшій* и *айшій* въ свою очередь можетъ еще получать другое внутреннее значеніе чрезъ *самый*; можно сказать: *самый добрѣйшій*. Согласно съ значеніемъ формы на *ѣйшій*, *айшій* и превосходной: *самый*, мы можемъ сказать: *добрѣйшій изъ всѣхъ*, но не должны говорить: *самый добрый изъ всѣхъ*; впрочемъ тонкость этого употребленія чувствуется немногими.

Кромѣ этихъ формъ, сравнительность качества высказывается всѣми нарѣчіями, выражающими относительное значеніе и достоинство качества: *менѣе, болѣе, также, нестолько* и пр. пр. — Такъ какъ здѣсь уже нѣтъ собственно *формы сравнительной*, а есть *одно употребленіе* сравнительное, зависящее и отъ личнаго произвола, то оно простирается и на прилагательныя предметныя, кромѣ *собственныхъ*.—Но это уже употребленіе; языкъ не далъ имъ сравнительной степени, образуя ее лишь для прилагательныхъ качественныхъ.

Превосходная образуется у насъ совершенно ясно и сознательно, черезъ *самый*; это слово уже высказываетъ обращеніе на себя.

Такъ оно и должно быть. Качество, теряясь во множествѣ, находитъ себя; словомъ *самый* признается не сравнительное его превосходство, но истинная его сущность. Употребленіе иногда принимаетъ, хотя не правильно, *самый* и для предметныхъ, кромѣ собственныхъ, напр.: *самый Русской*, т. е. *настоящій Русской*.— Не надо забывать, что *самый* имѣетъ значеніе и самъ по себѣ, но тогда онъ уже не придаетъ значенія превосходной степени и можетъ употребляться иначе.

Понятно что ни мѣстоименныя, ни отвлеченныя, ни предметныя прилагательныя не имѣютъ степеней.—Первыя—только одинъ общій образъ предмета: они вполнѣ изчерпываются этимъ значеніемъ; вторыя тоже исполнены неопредѣленности значенія, это ихъ смыслъ; третьи, служа оттискомъ самого предмета, того или другаго, а не предмета вообще, нося на себѣ извѣстный его образъ, съ нимъ связаны и не могутъ двигаться впередъ и опредѣляться: они опредѣлены уже самимъ предметомъ, подчинены ему. Только качественныя прилагательныя, гдѣ является самостоятельно качество, свободное отъ зависимости къ предмету, могутъ идти впередъ и опредѣляться, но и здѣсь не прилагательныя первообразныя, на которыхъ еще отпечатанъ образъ предмета, форма имени, но прилагательныя *производныя*, выражающія самостоятельно качество, понимаемое отдѣльно, измѣнившія форму имени, чрезъ усвоеніе ея за собою, могутъ двигаться впередъ и проходить путь опредѣленія, который есть т. н. *степени сравненія*.

Примѣчаніе. Образованіе сравнительной степени заслуживаетъ особеннаго вниманія.—Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, какъ было сказано, сравнительная степень оканчивается на *ій*, *ьй* (конечно не *аій* и *яій*), *ье* и *е* (сред. р.), для женскаго на *ьйши*,*айши*,*йши*.—Въ позднѣйшемъ ц.-Славянскомъ встрѣчаемъ мы форму на *шій* и *айшій*, *ьйшій*.—Въ нашемъ языкѣ видимъ мы безразличную относительно рода форму на *ье* или *ь*, *е*, и потомъ полную форму: на *шій*,*ьйшій*,*яйшій*,*айшій*.—Какъ объяснить образованіе этихъ формъ?—Вникая въ нихъ, мы не можемъ не замѣтить сходство между ними и причастіями, имѣющими также двѣ формы, изъ которыхъ первая носитъ названіе дѣепричастія.—Причастіе первой формы оканчивается на *я* и *яй*, для мужескаго и средняго рода, для женскаго рода на *ящи*; вторая форма причастія оканчивается на *щій*, *щая*, (*щи*) *щее*, также *ящій*, *ющій*.—Весьма возможно, что здѣсь

при сравненіи, при постоянномъ дѣйствіи, духъ глагола уже присутствуетъ. Можно даже предположить, что сравнительная степень есть причастіе; на это указываетъ: 1) то, что всякое качественное прилагательное производитъ или можетъ произвести и глагольную форму, напр.: *старѣть*, *дорожать*, *бѣлѣть*, *далѣть* (въ сложн. *удалить*, *отдалить*), *добрѣть*, *честнѣть* (неупотребительно, но мы можемъ сказать напр: *люди нынче честнѣютъ*). 2) Образованіе второй формы сравнительной согласуется съ глаголомъ и причастіемъ первой формы; напримѣръ *величайшій*—*величать*, *величающій*. 3) Въ народѣ говорится, вмѣсто напр.: *добрѣйшій*, чисто причастная форма *добрѣющій*. Наконецъ 4) самое значеніе причастія этихъ глаголовъ показываетъ постоянное дѣйствіе качества и иногда его возрастаніе; значеніе дѣйствія и глагола согласуется съ духомъ сравнительной степени, и сравнительная степень въ свою очередь переходитъ въ значеніе глагола.—Со всѣмъ тѣмъ мы не можемъ допустить, чтобы форма сравнительной степени образовалась изъ причастія или что причастіе образовалось изъ сравнительной формы. Мы допускаемъ одно: ближайшее сродство и сочувствіе сравнительной степени съ причастіемъ, предчувствіе глагола въ прилагательномъ степени сравнительной, изъ которой и образуется глаголъ, и потому сходство формъ между прилагательными сравнительными и прилагательными отглагольными или причастіями, и даже замѣну однихъ формъ другими.—Употребленіе Русскаго языка первой формы безъ рода, какъ нарѣчія или какъ первой формы причастія, т. н. дѣепричастія, употребляющагося безъ рода (даже и въ церковно-Славянскомъ, какъ думаемъ мы, ибо женск: р. *щи* уже показываетъ другую форму),—употребленіе народное причастія второй формы вмѣсто второй формы сравнительнаго,—все это, кажется, подтверждаетъ нашу мысль.

Теперь слѣдуетъ сказать объ измѣненіи и склоненіи сравнительной степени. Измѣненіе и склоненіе положительной и превосходной такъ ясно, что о немъ нечего и говорить.

Первая форма сравнительной степени, въ которой преимущественно высказывается сравненіе, не измѣняется и не склоняется, согласно съ своимъ значеніемъ.—Но вторая форма, въ которой сравненіе является только слабо и которое переходитъ или въ превосходную сравнительную (не вполнѣ превосходную) степень,

или даже иногда въ положительную, какъ въ словѣ: *старшій, большой, меньшой* (не вполнѣ самостоятельную), измѣняется по родамъ и склоняется; ослабленіе сравнительнаго значенія и перевѣсъ значенія превосходнаго и положительнаго, какъ точки начальной и точки заключительной, между которыми находится движеніе, сравненіе, дастъ эту возможность для сравнительной (удерживаемъ это названіе) на *шій, ьйшій, айшій, яйшій.* *) Но такъ какъ эта форма не имѣетъ собственно сравнительнаго значенія, то Русской языкъ предпочитаетъ, въ случаѣ сравненія, первую неизмѣняемую форму, напримѣръ: *назови человѣка умнѣе тебя*; здѣсь подразумѣвается: *который умнѣе.*

Самое склоненіе второй формы сравнительной просто, и объ немъ распространяться нечего; въ первообразной формѣ оно въ Русскомъ языкѣ не употребляется, а развѣ въ усѣченной производной, какъ и другія степени сравненія, что совершенно согласно съ значеніемъ степеней сравненія, возможныхъ лишь въ прилагательномъ производномъ. Въ своемъ первомъ видѣ прилагательное имѣетъ себѣ формы, но какъ степень (степень положительная) можетъ пониматься только форма производная **).

Теперь слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ неправильныхъ употребленіяхъ сравнительной степени. Если мы вникнемъ въ нихъ, то неправильностей не увидимъ. Слово *хорошій* имѣетъ въ сравнительной *лучшій.* Неправильностью этого назвать нельзя, ибо *лучшій* никоимъ образомъ произойти изъ *хорошій* не могло. Это значитъ только, что хорошій не употребляется въ сравнительной степени и вмѣсто него ставится совсѣмъ другое слово: *лучшій*; откуда произошло это слово, это другой вопросъ. *Лучшій* получило значеніе превосходно-положительной степени, и говорится, какъ и во всѣхъ такихъ случаяхъ, *самый: самый лучшій.* Отъ него, какъ отъ положительной, образуется поэтому и первая форма сравнителеная: *лучше*; но само слово *лучшій* употребляется не въ сравнительномъ значеніи.—Подобнымъ, и еще болѣе очевиднымъ, обра-

---

*) На поляхъ рукою автора означено: „какъ не вполнѣ превосходная, степень эта имѣетъ отчасти и положительное значеніе, допускающее въ свою очередь настоящую превосходную степень и форму превосходной степени: *самый*“.

**) На поляхъ отмѣчено: „привести формы сравнительной и примѣры“.

зомъ измѣняется *малый*; *малый* имѣетъ *меньшій*, который переходитъ чрезъ произношеніе въ *меньшой*, степень положительную, откуда говорится и *меньше*. *Большій* переходитъ въ *большой*, совершенно замѣнившее степень положительную.

Отъ второй формы сравнительнаго, сравнительная первая форма или нарѣчіе на *е* не употребляется, во 1) потому, что уже есть эта форма, напримѣръ *добрѣе*; во 2) потому, что эта форма нарѣчія будетъ имѣть уже другое значеніе: если съ натяжкой и употребляется эта форма, напр.: *добрѣйше*, то она не значитъ ни какого сравненія, а имѣя характеръ нарѣчія, имѣетъ свое значеніе превосходной сравнительной.—Но сравнительная степень или форма тогда получаетъ значеніе и самое образованіе первой формы на *е*, когда 1) другой формы нѣтъ (напр. *лучше*), или 2) когда сравнительная на *шій* получаетъ значеніе положительной степени: *больше—большой*, *меньше—меньшой*. — Но постоянно, можно сказать, сравнительная вторая форма, измѣняемая и склоняемая, не употребляется у насъ въ значеніи первой настоящей сравнительной. Напр. мы не скажемъ: *дай мнѣ мéньшую чашку*, хотя слово: *меньше* и употребляется; но непремѣнно скажемъ: *дай мнѣ чашку поменьше*.

Къ числу мнимыхъ неправильностей можетъ быть также отнесено и то, что отъ прилагательныхъ *близкій*, *далекой* и т. п. сравнительныя: *ближе*, *дальше* и пр. Но здѣсь сравнительныя образуется не отъ *близ-кой*, *да-лекой*, а отъ неупотребительныхъ *близъ* (ь), *даль*, точно такъ, какъ отъ *глубокой*, *высокой* употребляется *глубже*, *выше* и т. д.—Превосходная сравнительная образуется также и отъ основныхъ словъ: *ближайшій*, *дальшій*, *глубшій*, *высшій*; но они неупотребительны, кромѣ послѣдняго, и отъ нихъ осталась лишь форма нарѣчія (средняго рода первообразная форма,—здѣсь—нарѣчіе): *глубше (же)*, *дальше*, *ближе* (неупотребительно), имѣющая чисто сравнительный смыслъ первой формы, ибо эта вторая форма здѣсь неупотребительна, кромѣ какъ въ значеніи нарѣчія и *выше* не отъ *высшій*, а прямо отъ *выс*, быть можетъ *высый*; сюда же относится: *шире* и *ширше*. Здѣсь нельзя не замѣтить перехода буквъ, почему мы предполагаемъ, что здѣсь находится не *е*, но *ъ*. Въ нашихъ древнихъ грамотахъ и вообще рукописяхъ пишется не *лучше*, а *луче*; вѣроятно это правильнѣе; мы выговариваемъ *лутче*, какъ выговариваемъ: *протчій*, а не *прочій*.—Такимъ образомъ сравнитель-

ная форма здѣсь образована вѣроятно не отъ *лучшій* (если и здѣсь не надобно говорить *лучій*?); впрочемъ во всякомъ случаѣ эта сравнительная форма понятна и объясняется, о чемъ сказано выше.

Къ превосходной степени сравнительной придается спачала слово *наи*; первоначально *наи* могло составиться изъ предлога *на* и союза *и*; но объ этомъ распространяться нужды нѣтъ. *Наи* есть усиленіе сравнительной превосходной: *человѣкъ добрѣйшій*: здѣсь подразумѣвается, что человѣкъ этотъ добрѣе всѣхъ; *наи* прямо это высказываетъ и усиливаетъ это значеніе, не оставляя въ томъ никакого сомнѣнія. — Сравнительная превосходная съ *наи* уже не переходитъ въ значеніе степени положительной, твердо удерживаетъ значеніе сравнительнаго превосходства, слѣдотельно превосходства относительнаго внѣшняго, и потому трудно допускаетъ подлѣ себя *самый*, гдѣ не сравнительно, а безусловно указывается на настоящее качество, на внутреннюю, единственно истинную его сущность.

Опредѣленіе самого качества имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ качество высказалось, гдѣ оно не мѣстоименіе, не отвлеченное и поэтому неопредѣленное по существу своему, не предметное, тѣсно опредѣленное предметомъ, и потому неизмѣняющееся, не свободное какъ качество; но гдѣ оно *собственно качество*, другими словами: въ качественномъ прилагательномъ *).

Качество можетъ имѣть разные оттѣнки, которые показываютъ его свойство, количество и т. п. отношенія въ немъ самомъ со стороны внѣшней; отсюда такъ называемыя уменьшительныя, которыя собственно уменьшительнаго значенія не представляютъ. Мы говоримъ: *малый*, *маленькой*, *маленькой*, *маловатый*, *малешенькой*, *маленечекъ* **). Всякое измѣненіе выражаетъ особенную сторону качества: *малый*. Качество не предметъ, не имѣетъ об-

---

*) Съ боку написано рукою автора, какъ-бы въ видѣ заглавія: „Опредѣленіе качества". Онъ какъ бы хотѣлъ повторить здѣсь въ краткомъ видѣ философскую схему своего трактата о качествѣ или собственно качественномъ прилагательномъ,—чему отвѣчаютъ и поставленныя ниже по срединѣ текста, безъ всякихъ иныхъ объясненій, слова: „степени сравненія". *Изд.*

**) На поляхъ рукою автора: „*большущій*, *злущій*".

раза и поэтому уменьшиться не можетъ; но его можетъ быть много или мало, оно можетъ быть пріятно или мило; всѣ эти оттѣнки, опредѣляя качество съ его наружной стороны, еще не опредѣляютъ самого качества.—Качество, выражаясь, разсыпается на множество оттѣнковъ, всѣ они группируются около общаго качества и составляютъ его переливы. — Для прилагательныхъ уменьшительныхъ также двѣ формы: первообразная и производная. Эти прилагательныя скорѣе употребляются въ формѣ первообразной, ибо случайность оттѣнка предполагаетъ какой-нибудь предметъ, при которомъ является эта случайность и поэтому прилагательное сохраняетъ охотнѣе именную форму. — Опредѣленіе уменьшительное, если принимать это слово, собственно высказывается въ прибавленіи *енекъ*, *енькой*; но и здѣсь придается предмету миловидность и пріятность.—*Овато*—значитъ недостатокъ самого качества: *маловато*—нѣсколько мало, какъ бы слѣдуетъ больше; *бѣловато*—точно то же значеніе и т. д.—Другія значенія выражаютъ разные оттѣнки качества, которые мы пока здѣсь теперь оставляемъ.

Но качество не довольствуется своимъ наружнымъ опредѣленіемъ, опредѣленіемъ только разнообразныхъ сторонъ своихъ. Качество стремится само опредѣлить себя изъ себя самого. Это опредѣленіе совершается уже въ области только производнаго качественнаго прилагательнаго. Первообразная еще не самостоятельна и носитъ на себѣ образъ предмета, зависитъ отъ онаго. Уменьшительныя формы прилательнаго, случайные оттѣнки качества, имѣющія наиболѣе первообразную форму, выражающую связь качества съ предметомъ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста.

Степени сравненія.

Такимъ образомъ въ отвлеченномъ образѣ бытія, въ области *), прилагательнаго, этой отвлеченной формы имени, совершается путь мысли, путь ея опредѣленія, выражающійся въ языкѣ, какъ мы его прослѣдили.—Прилагательное есть сфера отвлеченнаго въ словѣ.

---

*) Здѣсь сверху авторомъ надписано: „качества въ общемъ значеніи слова“.

Мы видѣли, что сфера предмета не изчерпываетъ жизни бытія; такъ точно сфера имени, выражая жизнь, не изчерпываетъ слова, въ которомъ выражается жизнь. Имя разрѣшается, распадается на составъ свой, на форму и содержаніе, на окончаніе образовательное и корень. — Чистая отвлеченная форма имени есть прилагательное, носящее на себѣ, какъ его форма, его образъ и подобіе. Но духъ и жизнь, по движущая сила остаются въ содержаніи; слѣдовательно въ корнѣ имени. Этотъ обнаженный корень имени, лишенный формы, лишенный опредѣленнаго проявленія и существующій, какъ что-то недосказанное, какъ намекъ, но имѣющій въ себѣ силу движущую, силу развитія, силу будущаго такъ сказать,—есть **Предлогъ**.

ПРЕДЛОГЪ.

Итакъ *Предлогъ* вообще есть отвлеченное содержаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе имени, или говоря собственно грамматически—*корень* имени: какъ прилагательное есть отвлеченная форма, *окончаніе* имени, такъ предлогъ есть отвлеченное содержаніе, *корень* имени.

Измѣняется *форма, а не содержаніе*, которое, чтобъ измѣнялься, выражается въ формѣ. Прилагательное есть отвлеченная форма, форма или окончаніе по преимуществу; понятно послѣ этого почему, оно такъ богато измѣненіями. Предлогъ есть отвлеченное содержаніе безъ формы, корень безъ окончанія;—понятно почему предлогъ не измѣняется. Но, живущая въ корнѣ, сила значенія дѣйствуетъ; но, обнаженная, она должна же какъ-нибудь удовлетвориться, выразиться; по корень ищетъ формы, и имена склоняются извѣстнымъ образомъ передъ нимъ. Корень, предлогъ—управляетъ падежами. *Падежъ есть форма* (служитъ выраженіемъ) *предлога*, форма, которой не достаетъ ему самому по себѣ. Въ падежѣ выражается и осуществляется опредѣляется) предлогъ.

Примѣчаніе. Быть можетъ станутъ иные возражать тѣмъ, что не всякого имени корень есть предлогъ.—На это будемъ мы отвѣчать 1), что для насъ важенъ самый разрядъ слова, имѣющій такое значеніе; 2) что корней гораздо менѣе чѣмъ именъ, которыя иногда во множествѣ происходятъ отъ одного корня; 3) что

еслибъ всякой корень непремѣнно былъ предлогъ, то это было бы фактическое случайное примѣненіе общей мысли, которая у мѣста тамъ, гдѣ форма сводитъ предметы къ общимъ категоріямъ по выраженію, напр. въ прилагательномъ, которое тамъ есть необходимое выраженіе и принадлежность самой мысли. Но самая личность, такъ сказать, содержанія дѣлаетъ невозможнымъ общее внѣшнее примѣненіе къ каждому корню, изъ которыхъ всякой—не форма, а содержаніе, *смыслъ*; здѣсь это противорѣчило бы, можно сказать, самой мысли; наконецъ 4) повторяя, что здѣсь важенъ для насъ новый шагъ мысли и новый видъ слова, что предлогъ, корень, имѣетъ личное, поэтому подъ одинъ общій уровень не подходящее значеніе, прибавимъ, что поэтому самому мысль избрала нѣсколько корней имени или нѣсколько словъ въ видѣ отвлеченнаго корня, которыя нужны были ей для зданія языка; что сверхъ того иные предлоги могли и выдти изъ употребленія вообще; что здѣсь дѣло является свободнымъ, не требующимъ общаго примѣненія и что—главное—мысль слова сказалась, и видъ слова явился. *)

Здѣсь, при опредѣленіи предлоговъ, какъ и другихъ частей рѣчи, мы не должны держаться за эти легкія и недостаточныя опредѣленія къ которымъ привыкли мы. Мы должны позабыть сперва, что предлогъ требуетъ такого или другаго падежа, и не измѣрять этимъ значенія предлога. Это только случай употребленія, лишь объясняющіе значеніе предлога. Предлогъ имѣетъ значеніе въ самомъ себѣ, и изъ этого значенія можемъ мы вывести возможность употребленія съ тѣмъ или другимъ падежомъ. — Въ доказательство того, что въ предлогахъ лежитъ собственное значеніе, а не только значеніе при падежахъ, вспомнимъ предлоги въ соединеніи съ глаголами, которымъ придаютъ они особый оттѣнокъ дѣйствія.

Итакъ въ предлогахъ, какъ и во всемъ словѣ, живая сила значенія, а не случай употребленія, составляютъ основной законъ.

---

*) Противъ этого мѣста на поляхъ отмѣтка рукою автора: „Предлогъ, корень имени, разрѣшаетъ сферу имени и уже указываетъ на глаголъ. Предлогъ, уже обнаруживая въ себѣ силу глагола и управляя именами, стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ слова и изъ сферы имени переносится въ сферу глагола. Принадлежа и той и другой сферѣ, онъ дѣйствуетъ въ духѣ глагола въ первой и въ духѣ имени во второй. Именами онъ управляетъ и съ глаголами сливается."

На значеніе предлоговъ должны мы обратить наше вниманіе и уже изъ этого значенія, какъ слѣдствіе, вывести отношеніе предлоговъ къ падежамъ, вліяніе ихъ на падежи и вмѣстѣ управленіе падежами. Итакъ приступимъ теперь къ предлогамъ.

Предлоги, каждый имѣя свое собственное значеніе, соединяются между собою однако тѣмъ или другимъ общимъ значеніемъ и потому раздѣляются на особые отдѣлы, которые вслѣдствіе общаго своего значенія имѣютъ вліяніе на тотъ или другой падежъ. Слѣдовательно эти группы или отдѣлы предлоговъ имѣютъ въ себѣ нѣчто общее, находящее соотвѣтствіе въ извѣстномъ падежѣ.—Такимъ образомъ значеніе предлоговъ объясняетъ и подтверждаетъ (оправдываетъ) значеніе падежей. *)

Иногда одинъ и тотъ же предлогъ требуетъ нѣсколькихъ падежей, смотря потому, какую сторону отношенія онъ выражаетъ, но мы раздѣляемъ предлоги на отдѣлы на основаніи общаго значенія, соединяющаго предлоги въ одну группу.

Обратимъ вниманіе на эти отдѣлы и на общее значеніе каждаго изъ нихъ, (сочувствующее) совпадающее съ значеніемъ падежей, и на значеніе каждаго предлога въ отдѣлѣ.

I. Предлоги, которые намекаютъ на предметъ, не являющійся положительнымъ, прямо или косвенно сознаннымъ,—а на являющійся отвлеченнымъ, или другими словами: предлоги, которые высказываютъ не прямое или даже косвенное, а отвлеченное отношеніе предмета,—такіе предлоги требуютъ соотвѣтственно падежа родительнаго. Таковы:

Отъ. Предметъ является здѣсь отвлеченнымъ: а) какъ цѣлое, которое является только существенною стороною своею, оставаясь отвлеченнымъ при этомъ **), напримѣръ: (въ Русск. неупотр.) *отъ камени*; *отъ глины сдѣланъ кувшинъ*, гдѣ глина, какъ цѣлое, является вполнѣ отвлеченнымъ, имѣетъ значеніе какъ матеріалъ, не болѣе, гдѣ является тотъ смыслъ, что *кувшинъ глиняный* ***). Или въ болѣе матеріальномъ смыслѣ, какъ неопредѣленное цѣлое,

---

*) Съ боку на поляхъ рукою автора написано: „падежи имѣютъ смыслъ и должны быть приняты въ разсчетъ, но свободно... Недостаточно сказать такого-то падежа требуетъ предлогъ: надо объяснить соотвѣтствіе.“

**) На поляхъ рукою автора отмѣтка: „или какъ источникъ“.

***) Съ боку „значеніе вещества“.

которое является своею частью; напр.: *взялъ нѣсколько кусковъ отъ глины*, т.-е. отъ глиняной массы, которая тутъ *). б) Какъ причина производящая: *отъ льва такой ужасъ напалъ на звѣрей*, или какъ причина, изъ которой что либо истекаетъ: *отъ друга узналъ*; какъ причина внутренняя: *отъ радости*. в). Какъ предметъ, отъ котораго удаляются, который остается, слѣдовательно въ сторонѣ, въ отдаленіи: *бѣжитъ отъ враговъ*. Здѣсь постоянно предметъ отвлеченный: или какъ цѣлое, относящееся къ *проявленію* и къ *части*, или какъ общая причина, или какъ остающійся въ сторонѣ, отъ котораго удаляются. *Отъ*—вообще значеніе неопредѣленное, отдаленное.

Съ. Объ немъ можно сказать почти тоже. Отношеніе отвлеченно: а) какъ причина: *съ радости*; б) какъ удаленіе отъ предмета: *слетѣлъ съ дерева*. *Съ*—вообще значеніе наружное.

Изъ. Значеніе *отъ* прилагается къ *изъ*; именно а) значеніе цѣлаго относительно его *проявленія*: *шлемъ изъ золота*. Употребляется въ Русскомъ и вмѣсто *отъ* въ этомъ смыслѣ. Относительно *части* неупотребительно: *возьми куски изъ глины* не будетъ значить куски, *часть* глиняной массы, а или *глиняные куски* или на вопросъ: *откуда*. Впрочемъ зато здѣсь есть особый оттѣнокъ того же значенія, который есть и въ *отъ*: *позови кого нибудь изъ братьевъ*; здѣсь братья являются какъ цѣлое въ отношеніи къ части; б) значеніе причины производящей: *изъ камня бѣжитъ вода*; причины какъ источника: *изъ него я сыпьдалъ*; какъ причина внутренняя: *изъ пустяковъ*; в) значеніе предмета, остающагося въ сторонѣ: *онъ идетъ изъ дому*; *вышелъ изъ волнъ*. Здѣсь видно, что удаляются отъ предмета, бывъ въ немъ самомъ, извнутри, что это внутреннее пребываніе отлагается, уничтожается. Во всякомъ случаѣ здѣсь есть удаленіе отъ предмета, который остается сзади. *Изъ*—вообще значеніе внутреннее.

Отъ, Съ, Изъ. Всѣ три предлога показываютъ отвлеченность и вмѣстѣ удаленіе отъ предмета, лишь въ разныхъ отношеніяхъ: *отъ* неопредѣленное, даже не близкое отношеніе; *съ*—отношеніе близкое, наружное. *Изъ*—отношеніе еще болѣе близкое, внутреннее.

Но какъ съ одной стороны есть удаленіе, такъ съ другой и приближеніе, *только* приближеніе къ предмету, но не обладаніе

*) Съ боку: „значеніе массы“.

имъ, и предметъ все не является на сценѣ. Это выражается въ предлогахъ:

До. Отношеніе къ предмету есть приближеніе, достиженіе до предмета, но не далѣе; здѣсь слышна граница предмета, на которой и останавливается приближеніе: *онъ дошелъ до рѣки; отъ мѣста до мѣста.* Поэтому когда говорится *отъ Петра до Екатерины,* надо сказать: *включительно,* если хочешь прибавить послѣднюю.—Когда *Отъ* и *До* употребляются въ широкомъ, объемлющемъ что-нибудь значеніи, то они простираются по смыслу и на тѣ предметы, которые служатъ имъ границами: *отъ, перваго до послѣдняго всѣ рады.*—Это уже есть метафора, переложеніе мысли, по которой переносится дѣйствіе или отношеніе и на самый предметъ, до котораго оно достигаетъ. Трудно, напримѣръ, предположить, чтобы въ приведенномъ рѣченіи: первый и послѣдній не были рады. Точно такую же метафору или заключеніе мысли видимъ мы въ выраженіи: *это продолжается до нашихъ временъ; до* здѣсь сохраняетъ свое обыкновенное значеніе достиженія до предѣла, но здѣсь уже является естественное заключеніе, что если продолжается до нашихъ временъ, то слѣдовательно и теперь,—что, при продолженіи съ одной стороны, съ другой при ходѣ времени, оно слѣдовательно должно переходить и въ наши времена. Въ доказательство нашей мысли, замѣтимъ что какъ скоро измѣняется время, то измѣняется и смыслъ; напр. *это продолжалось до нашихъ временъ,* значитъ, что, дойдя *до* нашихъ временъ, *не* продолжалось, хотя и здѣсь въ мысли, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о пространствѣ и не о предметѣ собственно, можетъ допускаться не точное соблюденіе границы. Есть еще выраженіе, въ которомъ смыслъ *до* соблюдается вполнѣ, но которое кидаетъ перспективу на будущее. *Онъ добрался до своего врага;* предполагается, что здѣсь и начнется расправа. *Онъ добился до славы,* предполагается, что если добился до славы, то слава не остается лишь подлѣ человѣка, но и его осѣнитъ; впрочемъ въ этомъ выраженіи есть два оттѣнка: общій неопредѣленный, безъ извѣстнаго времени, и частный опредѣленный настоящей минуты; впрочемъ здѣсь этотъ оттѣнокъ дается, какъ и вообще, значеніемъ самаго глагола и также его употребленіемъ.—При *до* видимъ смыслъ внѣшній, точный, когда рѣчь идетъ о внѣшнемъ пространствѣ, и встрѣчаемъ значеніе переносное, когда

рѣчь идетъ не о внѣшнемъ пространствѣ, а о времени или объ отвлеченномъ.

До, соотвѣтствуя собственно *отъ*, употребляется какъ соотвѣтствующе предлогамъ *съ* и *изъ*. Частнаго прямаго соотвѣтствія въ этомъ отдѣлѣ *съ* и *изъ* быть не можетъ, ибо значеніе ихъ слишкомъ близкое, касающееся предмета, въ одномъ — внѣшнимъ, въ другомъ—внутреннимъ образомъ; при соотвѣтствіи съ ними предметъ явился бы уже положительно, а не отвлеченно, и не могъ бы тутъ быть падежъ родительный; какъ удаленіе, эти близкіе оттѣнки могли быть, но какъ приближеніе, это было бы уже положительно, слѣдовательно выходило-бы изъ сферы отвлеченнаго и изъ сферы родительнаго падежа *).

У. Въ этомъ предлогѣ видно такое же или еще большее приближеніе или близкое отношеніе къ предмету, но здѣсь невидно стремленія, здѣсь напротивъ *нахожденіе* близь предмета, и въ тоже время здѣсь соблюдается какъ бы признаніе границы. Въ этомъ предлогѣ является; а) значеніе матеріальное, въ которомъ сказанное опредѣленіе предлога обозначается явственно и опредѣленно. Напр.: *онъ сидитъ у рѣки*. Стремленія нѣтъ, здѣсь найдена граница предмета; соотвѣтственное отношеніе предлоговъ *до* и *у* ясно, напр.: *онъ дошелъ до рѣки и сталъ у рѣки*; отношекъ предмету то же; первый предлогъ только высказываетъ стремленіе, а второй пребываніе. б) Значеніе отвлеченное или переносное, причемъ *у* получаетъ нѣсколько другой смыслъ. Здѣсь предметъ изъ значенія пребыванія близь предмета переходитъ въ значеніе принадлежности. Напр.: *у него много денегъ*, т.-е. много денегъ находится, постоянно пребываютъ близь его, рядомъ съ нимъ и, какъ явленіе подчиненное по смыслу, переходятъ въ его принадлежность. Или: *у него много силъ*. Здѣсь не говорится, чтобы эти силы были въ немъ; они являются опять, по тому же смыслу, какъ бы *его* принадлежностью, какъ бы извнѣ ему принадлежащими и чѣмъ онъ можетъ располагать по произволу. в) Въ употребленіе *у* иногда втѣсняется цѣлый оборотъ мысли, причемъ *у* сохраняетъ свое значеніе. Напримѣръ: *онъ ушелъ*

---

*) Съ боку на поляхъ отмѣчено: „*изъ-подъ*“, и ниже едва разбираемая отмѣтка: „*До* можетъ быть имя... Это еще лучше, что и отъ предлоговъ производ. имена, иначе общее значенія ихъ было бы слабо“.

у меня; это значитъ: находясь *у меня*, близъ меня и отсюда въ моемъ распоряженіи, какъ принадлежность; этотъ смыслъ принимается, когда предметъ представляется зависимымъ,—*онъ ушелъ у меня*, т.-е. *я ему далъ* убѣжать. — *Онъ у меня не уйдетъ*, т. е. *я уже не дамъ ему убѣжать. Какъ скоро онъ у меня*, такъ не уйдетъ. Главное основаніе *у* есть пребываніе близъ предмета.—Взятое отдѣльно и выражая пребываніе, *у* имѣетъ значеніе усиленія возвращенія самого на себя.

Итакъ во всѣхъ этихъ предлогахъ предметъ является лишь границею своею, отъ которой удаляются, къ которой приближаются и близъ которой пребываютъ; но самъ предметъ не является положительно; отношеніе къ нему косвенно. Родительный падежъ здѣсь вполнѣ понятенъ, предметъ является постоянно отвлеченнымъ.

Безъ. Этотъ предлогъ высказываетъ *отсутствіе предмета*; такое отрицательное отношеніе вполнѣ отвлеченно. Отрицаемый предметъ существуетъ отвлеченно. Онъ существуетъ, ибо онъ именуется, и его однако нѣтъ въ дѣйствительности, ибо онъ отрицается. Понятно, что родительный падежъ здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста: присутствіе отсутствія.

Итакъ предлоги отвлеченнаго отношенія, требующіе р о д и т е л ь н а г о падежа, сами раздѣляются такимъ образомъ: *Отъ, Съ, Изъ.—До, У, Безъ.*

Кромѣ предлоговъ, самые предметы или имена, имѣя извѣстное значеніе и становясь въ косвенное отношеніе къ другому имени или предмету, который тогда является въ отвлеченномъ видѣ, требуютъ родительнаго падежа. *Вершина рѣки; мечъ бойца* и т. д. Предметъ является лишь стороною своею по отношенію къ другому предмету, не являясь самъ положительно. Кромѣ того надобно замѣтить, что нѣкія изъ именъ получили значеніе предлоговъ, сохраняя отчасти свое значеніе имени, а нѣкія совершенно утратили значеніе имени и имѣютъ значеніе чисто предлоговъ; имена эти бываютъ иногда въ сложномъ видѣ съ предлогами же, и въ другихъ падежахъ *)... Къ первымъ принадлежатъ: *вельдствіе, впродолженіе, вдаль* и пр. Ко вторымъ: *близъ, край, край моря, чуръ* (смыслъ границы) и др. Сложныя: *по-*

*) Здѣсь три неразобранные слова; кажется: „въ имени прилагательномъ“.

далѣ, подлѣ, въ-далѣ, возлѣ. Въ падежѣ мѣстномъ: *кромѣ, разѣ*; быть можетъ это прилагательныя первообразныя; сюда же принадлежатъ прилагательныя первообразныя средняго рода ед. ч. им. над. Напр.: *проче, прочь*; сложн. *опричь, мимо.*—Сюда же принадлежатъ также и т. н. дѣепричастія глаголовъ, требующія въ этомъ случаѣ, вмѣсто винительнаго, родительнаго падежа, какъ это бываетъ совершенно законно, согласно съ смысломъ употребленія. Сюда относимъ: *дѣля, для; радя, ради. Его дѣля, его радя.*—Впрочемъ *ради* можетъ быть мѣстный первообразнаго прилагательнаго *радъ; радѣ, ради.* Народъ говоритъ: *онъ меня радъ.*

Всѣ такія употребленія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ они приняты, понятны, и понятно также, что не переходя и переходя совершенно въ значеніе предлога требуютъ они падежа родительнаго.

II) Предлоги, которые намекаютъ на объективное отношеніе предмета, на прямое сознаніе, такіе предлоги требуютъ соотвѣтственно падежа винительнаго.

На—соотвѣтствуетъ предлогу *съ*, который, какъ высказывающій отрицательную сторону отношенія, требуетъ падежа родительнаго; положительная же сторона этого отношенія высказывается предлогомъ, требующимъ падежа винительнаго. *На* а) въ матеріальномъ смыслѣ выражаетъ стремленіе на поверхность, наружу. Отношеніе предмета прямое, дѣйствительное. *Онъ полезъ на дерево.*—б) Въ метафорическомъ *) значеніи *на* высказываетъ положительную цѣль: *на что; на какую надобность?* какъ оттѣнокъ **): *на праздникъ. На*, при значеніи наружномъ, имѣетъ значеніе стремленія, но не внутренняго, вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе враждебное: *иду на васъ*; или значеніе дружественное, въ переносномъ уже смыслѣ: *пить на нихъ*, въ честь ихъ. *Подымай на царя*, во имя царя.—Это послѣднее выраженіе имѣетъ, можетъ быть, отвлеченное и отдаленное значеніе причины.

Въ, во, соотвѣтствуетъ предлогу *изъ*, какъ *на* соотвѣтствуетъ *съ.*—*Въ* показываетъ а) въ матеріальномъ смыслѣ прямое стрем-

---

*) Поверхъ этого слова написаны въ видѣ варіантовъ слова: „отвлеченномъ, переносномъ“.

**) Кажется такъ; слово написано неразборчиво..

леніе внутрь предмета: *вошелъ въ домъ*. Отношеніе предмета прямое и дѣйствительное. в) Въ значеніи метафорическомъ или переносномъ *въ* показываетъ внутреннюю причину: *въ какую силу?* г) показываетъ, чрезъ внутреннее существенное дѣйствіе на предметъ, совершенное въ него воплощеніе, матеріальное или отвлеченное; въ первомъ случаѣ напр: *обратилъ скотовъ въ людей*; во второмъ случаѣ напр.: *величиною въ копну*, какъ-бы *копна* со стороны величины или другаго отношенія, о которомъ въ рѣчи говорится.

Чрезъ (въ древнемъ Чешскомъ *прес*, отъ чего у насъ осталось *пре*, *пере* при глаголѣ) показываетъ прямое отношеніе къ предмету, при которомъ онъ а) какъ бы *весь* подвергается дѣйствію; дѣйствіе проходитъ сквозь весь предметъ; напримѣръ: *чрезъ рѣку перешелъ*.—б) Отсюда, очень понятно, предметъ, *весь* испытывая дѣйствіе (что именно выражается предлогомъ *чрезъ*) служитъ какъ бы проводникомъ дѣйствію и получаетъ значеніе средства; напр.: *чрезъ побѣду онъ достигъ славы*. в) Кромѣ того здѣсь присоединяется исключительное значеніе *поверхностнаго*, *наружнаго* отношенія дѣйствія, при которомъ не только предметъ не подвергается внутренне, въ матеріальномъ смыслѣ, дѣйствію, но даже и вовсе *не* подвергается ему матеріально. Высказывается мысль, что дѣйствіе совершается *поверхъ* предмета.—*Перешелъ черезъ меня*; *перескочилъ черезъ стѣну*.—Впрочемъ здѣсь такое отношеніе обозначается отчасти и глаголомъ. *)

За. Высказываетъ отношеніе предмета къ другому, при которомъ а) одинъ предметъ весь закрываетъ себя другимъ, становится позади его: *сталъ за стѣну*.—б) Отсюда вытекаетъ значеніе, по которому предметъ, находясь сзади другаго, является какъ бы соединеннымъ съ нимъ, зацѣпившимся за него, и вообще значеніе того, что предметъ цѣпляется за другой, значеніе соединяющееся съ мыслію, что предметъ стоитъ сзади другаго. в) Отношеніе, что одинъ предметъ, скрываясь за другой, соединяется съ нимъ, переходитъ метафорически или отвлеченно въ значеніе причины. *За что?* Что впрочемъ скорѣе значитъ: *къ чему придравшись... За твою доброту будешь награжденъ* **).

---

*) Здѣсь съ боку отмѣтка, какъ-бы на память: „*Сквозь*“.

**) На поляхъ отмѣчено: „Значеніе причины является почти вездѣ *съ чего*; но вездѣ есть свой особый оттѣнокъ“.

О, объ. Показываетъ а) окруженіе предмета со всѣхъ сторонъ: *обмоталъ объ бумагу шелкъ*, впрочемъ употребляется рѣдко; вмѣсто этого говорится чаще *около*: *около бумаги* *). б) Когда нѣтъ значенія окруженія, то является вытекающее отсюда другое: непремѣнно прикосновеніе, быстрое, стремительное, которое показываетъ, что здѣсь предметъ служитъ средствомъ или причиною: *ударилъ объ дерево; зашибъ ногу объ дерево.*—Отношеніе все же прямое и при томъ неопредѣленное, согласное съ значеніемъ *о, объ*, причемъ можетъ быть и окруженіе. *Хватилъ веревкой объ палку, веревка хватилась объ палку, веревка объ палку обмоталась.*

По показываетъ: а) стремленіе *куда нибудь*; цѣль съ понятіемъ достиженія; прямое отношеніе къ предмету неопредѣленному, который долженъ явиться частію своею; на самый предметъ хотя неопредѣленный, на цѣлое устремлено прямое дѣйствіе, поэтому онъ является въ прямомъ отношеніи и *по* требуетъ винительнаго падежа. При родительномъ падежѣ часть на первомъ планѣ, цѣлое на второмъ; здѣсь напротивъ цѣлое на первомъ планѣ, а часть на второмъ. *Пошла по воду, по клубнику.* б) *По* показываетъ предѣлъ, опредѣленную черту предмета, гдѣ существуетъ мысль прямого прикосновенія: *по брюхо; по колѣна.*

Про показываетъ: а) цѣль, назначеніе въ будущемъ, отношеніе предмета, какъ цѣли для другого предмета. Здѣсь предметъ дѣлается цѣлью, отчасти отдаленною; но отношеніе прямое. *Онъ про дружину свою бережетъ дорогія вина.* б) Оттѣнокъ отдаленности и вообще цѣли слабѣетъ и *про* значитъ вообще только устремленіе нравственное куда нибудь, а иногда и это значеніе слабо чувствуется. *Онъ думаетъ все про своего друга; про тебя говорили.*

Съ, со. Здѣсь предлогъ этотъ получаетъ особенный характеръ и требуетъ другого падежа.—Онъ показываетъ стремленіе къ предмету. — Предлогъ этотъ, выражая опредѣленное отношеніе, требуетъ родительнаго падежа, когда выражаетъ *удаленіе* отъ предмета; но когда онъ показываетъ стремленіе къ предмету,

---

*) На поляхъ рукою автора отмѣчено: „*около, во* или *о-кругъ; кругъ, коло* дерева, *кругъ* дерева“.

тогда его опредѣленное отношеніе получаетъ всю свою силу и ясность и онъ требуетъ падежа винительнаго. Это стремленіе къ предмету выражается идеально и, собственное значеніе того предмета есть умственное сравненіе *). *Онъ выросъ съ цѣлую сосну.*— б) Это значеніе получаетъ особенный характеръ, метафорическій, отвлеченный; напр.: *будетъ съ тебя;* довольно для тебя.

Предлоги *На, По, Пре* (*пере*), слагаются съ *до*, не съ частицей *до*, а предлогомъ, который самъ, можетъ быть, имя. *До* показываетъ *предѣлъ*, границу. Итакъ *на*, имѣя значеніе поверхности, верха и соединяясь съ понятіемъ предѣла: *до*, образуетъ *надо, надъ*, что означаетъ верхъ, но въ тоже время верхъ отдѣляющійся отъ предмета, выше его; значеніе стремленія на верхъ предмета означается *на*; отдѣленіе отъ предмета—*до*. Такимъ образомъ мы можемъ сказать: *онъ полетѣлъ надъ тучу*; ясны будутъ намъ смыслъ и составъ *надъ*, если мы раздѣлимъ предлогъ и употребимъ порознь: *онъ полетѣлъ на тучу, онъ полетѣлъ до тучи.* Впрочемъ *надъ* съ винительнымъ рѣдко употребляется.— *По* имѣетъ значеніе прямого стремленія цѣли на непредѣленное **) и, соединяясь съ понятіемъ *до* (предѣла), образуетъ, *подо, подъ*, что значитъ близкое достиженіе предмета. *По* означаетъ дѣйственное стремленіе на предметъ, стремленіе пріобрѣтающее этотъ предметъ, дѣлающее изъ него употребленіе; *до* кладетъ предѣлъ этому стремленію; такимъ образомъ является *только* достиженіе до предмета, но оставляющее мысль *дальнѣйшаго* дѣйствія, цѣли. Мы говоримъ: *подъ Ярославль, подъ Москву; птица полетѣла подъ небеса.* Раздѣлимъ опять: *онъ поѣхалъ по Ярославль*, какъ будто за Ярославлемъ (это впрочемъ сказать неудобно, ибо Ярославль и т. п. не совсѣмъ представляетъ неопредѣленное); *онъ поѣхалъ до Ярославля.*—Значеніе цѣли обнаруживается напримѣръ въ выраженіи: *пошли подъ Турка,*— Еще болѣе обнаруживается значеніе цѣли и опредѣляется выраженіе частнѣе, обнаруживается *употребленіе*, когда говоримъ: *надобно дать лошадей подъ пушки, подъ пожитки подъ*

---

*) На поляхъ рукою автора: „*въ* аршинъ, *съ* аршина, *на* аршинъ, характеръ сравненія; общія свойства“..

**) Здѣсь сверхъ строки замѣчено авторомъ сокращенно нѣсколько словъ, которыхъ нельзя разобрать.

припасы, подъ людей и пр. и пр. Отсюда уже образовалось частное значеніе *подъ*, именно *низа*, отдѣленнаго однако отъ предмета, въ соотвѣтствіе *надъ*. *Змѣя уползла подъ камень.*— *Пре*, неупотребительное у насъ, какъ предлогъ отдѣльный, показываетъ движеніе на весь предметъ съ начала до конца, въ то же время однако по поверхности предмета и даже надъ предметомъ, но непремѣнно обхватывающее весь предметъ и идущее далѣе, такъ что движеніе переходитъ предметъ и идетъ далѣе. *Пре*, соединяясь съ понятіемъ предѣла *до*, образуетъ *предо, предъ*, что означаетъ какъ бы остановившееся движеніе, движеніе, которое идетъ черезъ весь предметъ; отсюда выходитъ естественно понятіе отношенія лицомъ къ предмету; движеніе достигающее лишь до сопоставленія съ предметомъ. *Онъ привелъ его передъ зеркало, передъ рѣку.* Раздѣлимъ опять, хотя это отчасти трудно, ибо *пере* не употребляется у насъ какъ предлогъ отдѣльный, и вмѣсто него надо сказать: *чрезъ*. *Онъ перешелъ чрезъ стѣну, онъ пришелъ до стѣны*, и такъ (при значеніи *до*) *далѣе* стѣны, *за* стѣну онъ идти не можетъ; слѣдовательно понятіе дѣйствія на весь предметъ пойдетъ далѣе предмета и такимъ образомъ дѣйствіе, или другой предметъ дѣйствующій въ общемъ смыслѣ слова, становится лицомъ къ лицу съ предметомъ: весь передъ нимъ.—*Подъ* и *предъ* переходятъ въ имена. *Подъ* значитъ *низъ* предмета, нижняя скрытая его часть (πους, ποδος); *передъ* (предъ) значитъ наружная лицевая сторона предмета.—*Передъ*—имя, образовавшееся вѣроятно изъ *пре* (конечно это первоначальная форма *чрезъ*),—означаетъ другую сторону этого предлога, а именно послѣдованіе одного за другимъ, т.-е. дѣйствіе, которое предполагаетъ передъ собою совершившееся такое же дѣйствіе, и послѣ себя такое же дѣйствіе имѣющее совершиться, рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій или отношеній. Такъ какъ *чрезъ* значитъ дѣйствіе переходящее предметъ, то *до* (въ имени *передъ*), кладя границу дѣйствію, не удерживая его, раздѣляетъ на безконечныя въ возможности отдѣльныя дѣйствія.—*Надъ* не употребляется какъ имя.—*Задъ* напротивъ не употребляется какъ предлогъ, а только какъ имя *) Образованіе *задъ* ясно. Понятіе предлога *за* есть понятіе стремленія закрыться предметомъ, стать *сзади* его. *До*, присоединившись,

*) Съ боку-рукою автора отмѣткаі „образованіе съ *в: задъ, передъ*“.

лишь положило предѣлъ этому стремленію, которому кладетъ такой же предѣлъ и самый предметъ; слѣдовательно *до* не прибавило предложнаго значенія, а обобщивъ общимъ значеніемъ предѣла предлогъ *за*, придало ему значеніе общаго имени: *задъ*. *Задъ* значитъ сторону предмета, противуположную лицевой: *заднюю*.

Къ предлогамъ этого разряда принадлежитъ имя, употребляющееся какъ предлогъ: *сквозь*. Оно соотвѣтствуетъ *чрезъ*. *Чрезъ* выражаетъ или неопредѣленное прохожденіе дѣйствія по предмету, идущее далѣе, или по поверхности его и даже надъ предметомъ.—*Сквозь* выражаетъ тоже дѣйствіе, идущее далѣе, но проходящее внутри предмета, и даже насильственно раздѣляющее предметъ, проникающее предметъ, напр.: *сквозь кольцо, сквозь кустарникъ, сквозь щитъ, сквозь бумагу*.

Надо прибавить здѣсь, что и другія имена и прочія формы словъ, употребляющіяся какъ предлоги съ родительнымъ, могутъ употребляться и съ винительнымъ падежомъ, особенность, о которой слѣдуетъ сказать *).

Итакъ предлоги, высказывающіе прямое отношеніе къ предмету, раздѣляются такимъ образомъ: *Въ, На, Съ, За; Объ, Чрезъ, По, Про; Надъ, Подъ, Предъ*.

III. Предлоги, которые намекаютъ на объективное, но не прямое отношеніе предмета, на косвенное сознаніе, другими словами на участвующее присутствіе его, такіе предлоги требуютъ соотвѣтственно падежа дательнаго.

Къ, ко показываетъ стремленіе къ предмету; но предметъ здѣсь является только одною стороною своею. Стремленіе это понимается или какъ достиженіе и какъ уже отношеніе, или какъ стремленіе. Въ первомъ случаѣ предметъ становится рядомъ съ другимъ, напримѣръ: *они стояли всѣ, одинъ къ одному*; въ значеніи переносномъ говорится: *молодецъ къ молодцу*; т.-е. всѣ *подходятъ другъ къ другу*: самое это выраженіе объясняетъ переносный этотъ смыслъ. Во второмъ случаѣ и вообще *къ* показываетъ стремленіе, движеніе, исполняющееся или исполнившееся, къ предмету; напр.: *онъ пошелъ къ лугу, онъ пришелъ къ лугу*; не *въ*

*) Здѣсь на поляхъ рукою автора отмѣтка: „слѣдуетъ отдѣлить предлоги простые отъ сложныхъ и другихъ“...

лугъ, не *на лугъ*, но *къ лугу*; отношеніе къ предмету косвенное. *Къ* сходно съ *до*; но *до* показываетъ предѣлъ и какъ бы раздѣленіе предмета отъ предмета. *Къ* показываетъ *соприкосновеніе*, но только соприкосновеніе.—Надобно прибавить, что смыслъ самихъ словъ видоизмѣняетъ значеніе предлоговъ, которое въ сущности остается тоже.—*Дотронулся до пирога*; здѣсь смыслъ *тронуть*—смыслъ непремѣнно соприкосновенія, но смыслъ предлога остается тотъ же и граница—раздѣленіе—слышна. *Прикоснулся къ пирогу*—здѣсь положительное соприкосновеніе, но опять только соприкосновеніе.

По здѣсь имѣетъ иной характеръ и иначе управляется. Здѣсь отношеніе къ предмету не прямое, здѣсь хоть и соприкосновеніе съ самымъ предметомъ, но однако же неопредѣленное и предметъ самъ часто является неопредѣленнымъ. *Къ* показываетъ соприкосновеніе съ предметомъ только стороною, частью. *По*, показывая соприкосновеніе неопредѣленное, показываетъ соприкосновеніе какъ бы со всѣмъ предметомъ, которое является въ разныхъ видахъ. *Онъ ходитъ по лугу*; здѣсь высказывается перемѣна отношенія, что впрочемъ выражается въ глаголѣ, и главное что предметъ- *лугъ*—во всемъ своемъ пространствѣ подлежитъ дѣйствію, хожденію. Вообще *по*, поэтому, показываетъ гораздо большее соприкосновеніе съ предметомъ, *со всѣмъ* предметомъ.—*Оружія разбросаны по лугу*. Здѣсь отношеніе къ лугу является какъ соприкосновеніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ предметомъ, относительно которыхъ онъ является (и соблюдается его образъ), какъ цѣлое. *По лугу разлилась вода* *). Здѣсь опять соприкосновеніе неопредѣленное со всѣмъ предметомъ; можно опредѣлить сказавши: *по всему лугу разлилась вода*; но за то здѣсь разумѣется постепенность соприкосновенія; нельзя сказать: *по лугу стоитъ вода* **) или невольно рисуется *отдѣльное* соприкосновеніе воды въ частяхъ, т. е. тамъ, сямъ. *По всему лугу — вода* сказать можно, но и здѣсь является постепенность или въ узнаніи или въ испытаніи этого; самое выраженіе безъ

---

*) На поляхъ рукою автора отмѣтка,—кажется позднѣйшая: „съ внѣшней стороны границъ предмета, наружность, внутренность, пространство".

**) Съ боку отмѣтка: „глаголы употребляются соотвѣтствующіе".

глагола помогаетъ этому смыслу *).—Отсюда вытекаетъ другое отвлеченное значеніе: *по*, т. е. *сообразно*, соприкосновенно со всѣмъ предметомъ, какъ будто одинъ предметъ прикасается, примѣривается къ другомъ и выходитъ совершенно одинаковъ, сообразенъ, впору. *Это платье по мнѣ сшито*; здѣсь въ матеріальномъ есть уже заключеніе, слѣдовательно уже есть отвлеченность; но потому естественно возникаетъ переносный нравственный смыслъ. Напр.: *по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ*. Наконецъ также въ значеніи: *сообразно* употребляется: *по моему мнѣнію, по сердцу, по праву, по нраву*. — Надо прибавить, что, чисто въ силу употребленія, теперь рѣдко говорится дательный падежъ: *по нему* и замѣняется мѣстнымъ *по немъ*. Впрочемъ это только въ этомъ словѣ.

IV. Предлоги, которые намекаютъ на главное самостоятельное положеніе предмета, при которомъ другой становится къ нему въ прикосновенное, союзное, но подчиненное, придаточное отношеніе (дѣятельное начало),—требуютъ соотвѣтственно падежа творительнаго.

Съ, Со, получаетъ здѣсь опять особое значеніе, и управляетъ особымъ падежомъ. Значеніе *съ* есть означеніе союза, и вмѣстѣ подчиненности тому предмету, къ которому *съ* относится. *Съ нимъ идетъ его войско*. Главное лицо: *онъ*, къ нему подчиненное относится войско.—*Ступай со мною*; иду *я и со мною иди ты*. Но это первоначальное значеніе измѣняется въ противуположное, и подчиненность перемѣщается на предметъ съ предлогомъ *съ*: *онъ пришелъ съ цѣлымъ войскомъ*; пришелъ *онъ* и *съ нимъ* войско— одно и тоже рѣченіе можетъ такимъ образомъ употребляться въ двоякомъ смыслѣ, напримѣръ: онъ идетъ *со мною*: *я* иду и *онъ со мною*, или *онъ* идетъ и *я съ нимъ*. По сравненію съ слѣдующими предлогами, мы считаемъ первое значеніе основнымъ. При чисто подчиненномъ значеніи предметовъ такого двоякаго смысла быть не можетъ: *со мною мечъ*; *онъ съ мечемъ*. Здѣсь является значеніе орудія (mit, avec).—Въ значеніи нравственномъ это уже получаетъ особый смыслъ: *съ благословеніемъ онъ поѣхалъ въ дорогу*; это нравственный союзъ, при которомъ нѣтъ подчиненности,

*) На поляхъ отмѣтка: „Глаголъ *есть* вовсе не есть необходимая связка“, или же вездѣ подразумѣвается“.

хотя грамматически лицо, къ которому относится благословеніе,— на первомъ планѣ: объ немъ идетъ рѣчь. Такимъ же образомъ говорится: *съ Богомъ*,—гдѣ конечно подчиненное лицо—человѣкъ; но грамматически о немъ идетъ рѣчь, и вездѣ существо и всемогущество Божіе даетъ возможность сказать: Богъ да будетъ *съ тобою*; т. е. ты будешь и *съ тобою* Богъ.—Итакъ здѣсь оборотъ рѣчи, не имѣя значенія подчиненности, принадлежитъ къ первому значенію: *съ*. — *Съ*, имѣя постоянное значеніе союза, выражаетъ иногда особый оттѣнокъ не подчиненности, но принадлежности, обстоятельства: *съ радостью* кинулся онъ въ битву; *съ умомъ* можно всего достигнуть,—во второмъ случаѣ является значеніе орудія, средства: почти тоже, что чистый творительный падежъ: *умомъ*.—Оба значенія, означенныя выше, истинны и соотвѣтствуютъ творительному падежу, куда бы ни переносилось значеніе главнаго лица. Дѣятельное начало видно здѣсь; и оно постоянно, сопровождая творительный падежъ, сопровождаетъ предлоги, ему соотвѣтствующіе.

Отношеніе къ предмету не отвлеченное, но и не прямое, а косвенное, во всѣхъ предлогахъ, не родительнаго и не винительнаго падежа *).

За. Предлогъ этотъ, имѣя особое отношеніе, требуетъ и особеннаго падежа.—Значеніе *за* тоже, т. е. предметъ становится сзади другого предмета, заслоняется имъ, но здѣсь предлогъ, выражая дѣятельное начало, получаетъ возможность продолжающагося движенія, и самъ предметъ, къ которому относится *за*, становится на первомъ планѣ, а другой предметъ становится въ подчиненное отношеніе. *Онъ стоитъ за деревомъ*: дерево на первомъ планѣ **), а за деревомъ *онъ*.—При *за* съ винительнымъ падежомъ, дѣятельность на сторонѣ именительнаго падежа, а не винительнаго; *онъ сталъ за дерево*.—*Онъ стоитъ за деревомъ*: здѣсь хотя нѣтъ дѣятельности, но все же дерево на первомъ планѣ ***).—Какъ же скоро является глаголъ дѣйствія, то на пер-

---

*) Такъ въ подлинникѣ. Здѣсь что-нибудь пропущено: вѣроятно оно относится къ объясненію творительнаго при предлогахъ падежа. *Изд.*

**) На поляхъ отмѣтка: „Сред. (вѣроятно глаголъ), дѣйств.“

***) Съ боку рукою автора: „можно сказать: *онъ сталъ* за деревомъ, но здѣсь есть уже разница: онъ сталъ за дерево и стоитъ за деревомъ“.

вомъ планѣ и вмѣстѣ съ дѣятельнымъ началомъ является предметъ, къ которому относится *за*, предметъ въ творительномъ падежѣ: *воины бѣгутъ за нимъ:* бѣжитъ *онъ*, а *за нимъ* воины.— Сверхъ того здѣсь есть продолженіе дѣйствія, какого нѣтъ и быть не можетъ при *за* съ винительнымъ падежомъ: *онъ бѣжитъ за дерево*; здѣсь бѣгъ прекращается; *онъ бѣжитъ за полководцемъ*; значитъ, что дѣйствіе продолжается; полководецъ бѣжитъ и за полководцемъ онъ.—Вотъ примѣры, которые ясны: *птица летитъ за тучу*,—это предѣлъ ея полета; *птица летитъ за тучею*,—летитъ туча и за нею птица. Можетъ быть другой смыслъ: *птица летитъ за тучею*, т. е. *скрытая тучею*, но это, такъ сказать, предположеніе и на первомъ планѣ опять все-таки туча.

За высказываетъ заслоненіе предмета другимъ, и здѣсь предметъ, къ которому относится *за*, на первомъ планѣ *).—Такъ что здѣсь является переносный метафорическій смыслъ заслоненія, покровительства, защиты: *дерзаютъ въ море за тобою*: не вслѣдъ за тобою, но подъ твоимъ покровительствомъ, защищенные, заслоненные тобою.—Итакъ это переносное метафорическое выраженіе относится къ первому смыслу.—Сюда же принадлежитъ выраженіе: *я за тобою могу быть безъ заботы.*

Кромѣ смысла *заслоненія*, нахожденія позади, употребляющагося и какъ пребываніе и какъ дѣйствіе: *онъ стоитъ за начальникомъ*, *онъ идетъ за начальникомъ*; кромѣ смысла *слѣдованія*: *они помчались за начальникомъ*, *я готовъ всюду слѣдовать за тобою*,—есть еще третій смыслъ, оттуда же образовавшійся. *За* означаетъ цѣль стремленія. *Я пришелъ за ведромъ*; *я пришелъ за начальникомъ*, не вслѣдъ за нимъ, но чтобъ его вытребовать, позвать и пр.—Смыслъ этотъ образовался, думаемъ мы, изъ перваго собственно; т. е. я пришелъ не самъ, а за ведромъ, какъ бы спрятавшись за ведро, слѣдовательно *подъ видомъ*, *подъ предлогомъ*, *по поводу* ведра. Смыслъ, впрочемъ, во всякомъ случаѣ переносный, метафорическій, могъ образоваться и изъ втораго значенія; т. е. я пришелъ за ведромъ, *вслѣдъ за ведромъ*; *ведро*, отвлеченно, *привело меня сюда*.—Намъ кажется первый смыслъ, какъ основной, вѣроятнѣе, сверхъ того потому, что здѣсь переносное

*) Съ боку рукою автора отмѣчено: „самый первый смыслъ *заслоненіе* (надъ этимъ словомъ написано: сред. и дѣй.): отсюда *слѣдованія*, дѣйств".

мысли метафора, опредѣленіе, а тамъ понятія стоять рядомъ.— Впрочемъ, которое образованіе вѣроятнѣе, рѣшить не беремся.

Переносный, метафорическій смыслъ встрѣчается и при всѣхъ значеніяхъ, но мы не считаемъ нужнымъ приводить этотъ смыслъ въ подробностяхъ.

Надъ, *Подъ* и *Предъ*, предлоги сложные; предметъ, къ которому относятся эти предлоги, занимаетъ главное мѣсто, но самъ остается на одномъ мѣстѣ. Дѣятельное начало проявляется здѣсь потому, что здѣсь во-первыхъ является или можетъ явиться дѣйствіе, а во-вторыхъ значеніе переноснаго; здѣсь опредѣляется не только граничащее отношеніе къ предмету, но живое отношеніе, мѣра, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, высокости, низкости и противупоставленія, посредствомъ другого предмета.

Надо мною несутся тучи. Подо мною шумятъ воды; предо мною идутъ народы. Вся эта живая картина очерчиваетъ *меня*, и, слѣдовательно, въ выраженіи есть характеръ подчиненности предмету, къ которому относятся эти предлоги.—Кромѣ того здѣсь такъ естественно переносное значеніе, въ которомъ видно живое дѣятельное отношеніе къ себѣ. *Иже со мною и подо мною* (договоръ Игоря): здѣсь кромѣ общаго подчиненія по порядку смысла въ словѣ, грамматическаго,—*подъ* присоединяетъ прямо значеніе подчиненія.—*Онъ надо мною.* Здѣсь *надъ* сообщаетъ смыслъ противуположный *подъ*; но грамматическій смыслъ, смыслъ, выражающійся въ языкѣ, остается тотъ же *). *Предъ*, показывая лицевую сторону, показываетъ и то, что впереди, слѣдовательно и будущее: *предо мною много затрудненій*; также и то, что было *прежде* **): *передо мною было лучше*, и то, что прямо передъ человѣкомъ: *передо мною носится слава*; это уже смыслъ переносный или отвлеченный. Кромѣ того есть много метафоръ, которыхъ мы въ подробности не изслѣдуемъ.

Итакъ *Надъ*, *Подъ* и *Предъ*, выражая отношеніе самостоятельное и въ тоже время живое и дѣятельное, и въ простомъ, и еще

---

*) На поляхъ рукою автора отмѣчено: „отличить смыслъ чисто переносный отъ смысла отвлеченнаго“.

**) Тутъ сноска на поляхъ, рукою автора: „какъ будто это *прежде* находится передъ человѣкомъ. Понятіе почему...одно“... Тутъ включено пять словъ недописанныхъ, которыя трудно понять. *Изд.*

болѣе въ переносномъ значеніи, очень естественно соотвѣтствуютъ творительному падежу *).

V. Предлоги, намекающіе на мѣстное спокойное положеніе предмета, а не стремленіе и не дѣйствіе, требуютъ, соотвѣтственно, мѣстнаго падежа.

При показываетъ отношеніе спокойное предмета къ предмету, присутствіе предмета относительно другого, гдѣ самый предметъ, къ которому относится *при*, на виду: главное, но спокойное, не двигающееся и не дѣйствующее. *Онъ при мнѣ живетъ*, въ общемъ смыслѣ; *такія славныя дѣла—при мнѣ*! т. е. въ мое присутствіе, въ мое время. *Все при мнѣ*; т. е. подъ рукою; зависимость другого предмета больше въ возможности. Нѣтъ ни тѣснаго соединенія съ предметомъ, ни дѣятельнаго дѣйствительнаго отношенія. Мѣстный падежъ понятенъ.

По. Предлогъ этотъ выражаетъ отношеніе отвлеченное и не дѣйствительное къ дѣйствительному предмету; отношеніе къ предмету изчезнувшему, минувшему, за которымъ долженъ явиться другой дѣйствительный же предметъ; отношеніе не дѣятельное, но мѣстновременное положеніе другого предмета; отношеніе къ минувшему предмету другого, имѣющаго явиться. *По славномъ взятіи*... Дальнѣйшее ужъ выражается не предлогомъ этимъ.— Другой смыслъ *по* есть стремленіе къ предмету, опредѣленному или нѣтъ; но стремленіе неопредѣленное, отвлеченное, недѣятельное и безсильное, остающееся при себѣ и не сходящее съ мѣста. *Онъ тоскуетъ по женѣ.*

О показываетъ окруженіе предмета имъ самимъ, заключеніе въ своихъ предѣлахъ: отношеніе предмета къ другому подчиненное, при чемъ главное—предметъ, къ которому относится *о*; но предметъ этотъ высказываетъ полное свое существованіе въ своемъ объемѣ: *о себѣ, особо.* Показываетъ смыслъ неопредѣленнаго заключенія себя въ границы предмета, въ существо его, въ духъ его; при чемъ предметъ этотъ, къ которому относится *о*, составляетъ силу и опору другого.—*Онъ о мнѣ силенъ; о Богѣ движимся и есмы; о Христѣ братъ.—О Святомъ Духѣ сынъ нашего смиренія.* Употребляется только больше въ подобныхъ случаяхъ.—

---

*) На поляхъ рукою автора: „Самая отдѣльность, отвлеченность: *надъ, подъ, предъ*, не допускаетъ мѣстнаго, а нуженъ творительный.“

О въ этомъ смыслѣ впрочемъ употребляется и въ матеріальномъ значеніи. *Изба стоитъ о четырехъ углахъ*, въ силу четырехъ угловъ; это значеніе слабѣетъ въ выраженіи: *домъ строенъ о шести столбахъ*, и наконецъ еще болѣе слабѣетъ въ выраженіи: *домъ о пяти комнатахъ*. Здѣсь является даже ужъ просто особенность.—*О*, кромѣ того, имѣетъ значеніе тоже отношенія, въ которомъ есть устремленіе духа или мысли, но не такое, постоянно стремящееся, а отношеніе отвлеченное, въ которомъ мысль какъ бы окружаетъ предметъ, обладая имъ всѣмъ, но неопредѣленно. *Онъ думаетъ о женѣ.*

На означаетъ чисто мѣстное отношеніе къ предмету, *наружное*; отношеніе дѣйствительное, нисколько не отвлеченное, но чисто мѣстное, по этому уже отношеніе спокойное, а не дѣйствіе; дѣйствіе можетъ заключаться въ самомъ глаголѣ, но это другое дѣло; въ предлогѣ нѣтъ намека на дѣйствіе, а на мѣстное отношеніе: *на деревѣ*. Говорится въ переносномъ значеніи: *пріѣхалъ на лошадяхъ*. Также въ отвлеченномъ смыслѣ, напр: *на мѣсяцъ взялъ онъ много денегъ. На ласкѣ спасибо; бью челомъ на томъ.*

Въ означаетъ такое же чисто мѣстное отношеніе къ предмету, только внутреннее.—Этотъ предлогъ имѣетъ вообще такое же значеніе, какъ *на*, съ тою разницею, что тамъ рѣчь идетъ о *наружномъ*, а здѣсь о *внутреннемъ* отношеніи: *въ жизнь*. Говорится въ переносномъ значеніи: *онъ въ шляпѣ*; т.-е. шляпа у него на головѣ.—Также въ отвлеченномъ смыслѣ: *все дѣло въ честности. Въ рубль разошлись; въ рубль пошла вещь*. Смыслъ этихъ употребленій понятенъ, какъ при *въ*, такъ и при *на*.—Въ обоихъ случаяхъ, мы не изслѣдуемъ въ подробностяхъ метафорическія употребленія.

Кромѣ этихъ предлоговъ есть предлоги сложные, двойные такъ сказать, въ которыхъ сложность ихъ ясно чувствуется: таковы: *изъ-за, изъ-подъ, по-за, по-надъ*. Первые два, гдѣ *изъ*—предлогъ *дѣйствія*, предлогъ опредѣленный, хотя и отвлеченный, дающій извѣстный смыслъ,—требуютъ родительнаго; вторые два,—гдѣ *по* предлогъ *мѣстный*, мы думаемъ, предлогъ неопредѣленный,—уступаетъ предлогамъ слѣдующимъ,—требуютъ, согласно съ этими послѣдними, падежа творительнаго.

Кромѣ этого, мы должны сказать, что иныя имена употребляются, и могутъ употребляться, какъ предлоги, требуя тогда па-

дежа родительнаго; объ нихъ, — предполагая, что сказано обо всѣхъ, о которыхъ нужно,—говорить пространнѣе мы не считаемъ нужнымъ.

Итакъ мы видимъ въ предлогахъ намеки, находящіе себѣ оправданія въ падежахъ, которые вызываются ими. Повторимъ вкратцѣ характеристику предлоговъ.

Предлоги выражаютъ движеніе и пребываніе; предлоги, требующіе р о д и т е л ь н а г о, намекающіе на отношеніе отвлеченное, выражаютъ и то и другое.—*Отъ*, *Изъ*, *Съ*,—удаленіе отъ предмета. *До* — приближеніе, о не столкновеніе съ нимъ, не прикосновеніе къ нему. *У* — такое же отвлеченное пребываніе близь предмета. *Безъ*—отсутствіе предмета. Сюда относятся, въ томъ же смыслѣ, имена, парѣчія, дѣепричастія, какъ предлоги.

Кромѣ отвлеченнаго положенія предмета, являются разныя его отношенія, и первое — прямое объективное его положеніе; предлоги, намекающіе на это—предлоги падежа в и н и т е л ь н а г о. Здѣсь только движеніе, пребыванія нѣтъ; это и понятно; нѣтъ и удаленія, движеніе не дѣйствительное, при чемъ предметъ какъ бы ослабляется и блѣднѣетъ, — *Въ*, *На*, *Съ*, *За*, *Возъ* (неупотр. *). *Объ*, *Чрезъ*, *По*, *Про*; сложные: *Надъ*, *Подъ*, *Предъ*; имя: *Сквозъ*. Всѣ выражаютъ разные оттѣнки того же отношенія; вездѣ стремленіе къ предмету прямое, съ достиженіемъ, столкновеніемъ, пользованіемъ, опредѣленіемъ.

Предлоги, намекающіе на косвенное объективное отношеніе предмета—предлоги падежа д а т е л ь н а г о. *Къ*, *По*, высказываютъ: первое—стремленіе къ предмету и соприкосновеніе, второе—пребываніе, соприкасающееся съ предметомъ, но живое и движущееся.

Предлоги, показывающіе самостоятельное отношеніе предмета, пребываніе, но опредѣляющее само себя и допускающее около себя движеніе, какъ бы сознаніе самого предмета, гдѣ предметъ являетъ или главное участіе или указаніе или наконецъ опредѣленіе дѣйствія собою; такіе предлоги требуютъ дѣятельнаго т в о р и т е л ь н а г о; понятно, что здѣсь только одно, но самостоятельное

*) На поляхъ одной изъ страницъ, безъ всякого отношенія къ тексту страницы, есть замѣтка автора, какъ бы себѣ на память: „предлогъ *воз* винит. сходенъ съ *на*, но выражаетъ взаимное соотвѣтствіе; когда... одно за другое, равновѣсіе, соразмѣреніе".

пребываніе. *Съ* высказываетъ первое, *За*—второе; сложные; *Надъ*, *Подъ*, *Предъ* третье отношеніе.

Наконецъ предлоги, намекающіе или на отвлеченное, остающееся *при себѣ* стремленіе, или на чисто мѣстное опредѣленное, спокойное пребываніе, такіе предлоги требуютъ падежа м ѣ с т н а г о. *По* высказываетъ первое отношеніе; *О* также и въ тоже время — отвлеченное пребываніе въ предѣлахъ самого предмета, существо и вмѣстѣ силу существа его. *При*—пребываніе спокойное, но неопредѣленное, всегда могущее перейти въ опредѣленность. И наконецъ *На*, *Въ*—опредѣленное мѣстное отношеніе; первое—наружное; второе—внутреннее.

Вотъ таблица предлоговъ:

ПРЕДЛОГИ ПРОСТЫЕ:

П. Род.	*П. Вин.*	*П. Дат.*	*П. Тв.*	*П. Мѣст.*
Отъ	Въ	Къ	Съ	По
Изъ	На	По	За	О, Объ
Съ	Съ			При
До	За			На
У	О, Объ			Въ
Безъ	Чрезъ			
Какъ предлоги:	По			
Вдаль	Про			
Возлѣ	Возъ			
Подлѣ	*Какъ предлогъ*			
Послѣ	Сквозь			
Кромѣ				
Ради				
Для				

СЛОЖНЫЕ

	Надъ	Надъ
	Подъ	Подъ
	Предъ	Предъ

ДВУХСЛОЖНЫЯ

Изъ-подъ	По-за
Изъ-за	По-надъ.

Мы видѣли, что одинъ и тотъ же предлогъ требуетъ нѣсколькихъ падежей, но это зависитъ отъ стороны отношенія къ предмету, имъ высказываемому *).

Примѣчаніе. Предлоги, какъ мы видѣли, имѣютъ *свое* значеніе, которое соотвѣтственно вызываетъ падежи. Это значеніе является и въ другихъ случаяхъ, при употребленіи предлоговъ собственно въ сложномъ видѣ съ другими словами, преимущественно при глаголахъ. Особенность предлога и вмѣстѣ самостоятельность его значенія наиболѣе видна при требованіи однимъ предлогомъ разныхъ падежей. — Эта особенность и оттѣнки значенія сохраняются при глаголахъ; такъ что вы можете сказать какого падежа, при отдѣльномъ употребленіи, требуетъ предлогъ, соединенный съ глаголомъ. Напримѣръ: *слетѣлъ съ дерева;* это *съ*, требующій родительнаго падежа. *Слеталъ и воротился*; это *съ*, требующій творительнаго падежа. Здѣсь еще болѣе объясняется значеніе предлога *съ*, когда онъ требуетъ творительнаго падежа: это возвращеніе предмета на себя, къ себѣ, сознаніе самого себя. — Хотя мы скажемъ напр: *онъ идетъ съ братомъ*, — братъ здѣсь главное лицо, а другое примкнуто. Безъ предмета, отвлеченно, это будетъ чистое *съ*,—слѣдовательно обращеніе на себя. — Но мы не разсматриваемъ значенія предлоговъ при глаголахъ и соотвѣтствія ихъ съ падежами. Объ этомъ надобно сказать говоря о качественномъ значеніи глаголовъ.—Точно также не разсматриваемъ мы здѣсь употребленія падежей; объ этомъ надобно сказать въ Синтаксисѣ.

Предлогъ, —корень имени, обнаженный отъ его формы, слѣдовательно одно содержаніе, значеніе, мысль и уже не имя болѣе,— показываетъ, что таится нѣчто другое, во глубинѣ бытія, и въ то же время, что бытіе не изсякло, не изчерпано и слѣдовательно не выражено именемъ, которое слѣдовательно оказывается недостаточнымъ для полнаго выраженія. Предлогъ вноситъ новое понятіе, еще смутно, какъ намекъ, понятіе *движенія*, движущей силы, силы *дѣйствующей*, обозначившейся уже въ управленіи паде-

---

*) На поляхъ рукою автора замѣтка: „*послѣ*, «*о-слѣ*, *шло*, *солъ*, *послый*, *послѣ*, *о-послѣ*, доказат. мѣстнаго падежа".

жами. Такимъ образомъ предлогъ разрѣшаетъ сферу выразившагося въ словѣ бытія въ покоѣ, сферу имени и переноситъ насъ въ новую сферу бытія и вмѣстѣ слова. *)

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ГРАММАТИКИ. **)

---

*) Съ боку рукою автора написанъ другой варіантъ: „предлогъ обнажаетъ внутреннюю сторону предмета бытія *въ покоѣ*, *выразившагося въ словѣ*, внутреннюю сторону *имени*; являетъ уже дѣйствующую, внутри кроющуюся силу, разрѣшаетъ такимъ образомъ область имени и переноситъ слово въ новую область бытія и дѣйствія, область выступающей силы или дѣйствующей, глагола."

**) Такъ написано въ подлинникѣ самимъ авторомъ.

2007052063